

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

ПТИЦЫ

II

АСТ

АРКТИЧЕСКИЕ ПТИЦЫ

АЛЬФРЕД
БРЕМ

ПТИЦЫ

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ
ПТИЦЫ

ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ

*В этом издании Вы увидите
гравюры знаменитых
художников - натуралистов
второй половины девятнадцатого века:*

*Р. Кретшмера, В. Кунерта,
Г. Мютцеля, А. Рейхерта,
К. Стерри, А. Фидлера,
Ф. Шмидта-Каринга
и Ф. Шпехта*

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 1999

ЖИЗНЬ
ЖИВОТНЫХ

АЛЬФРЕД
БРЕМ
ПТИЦЫ

Том II

АСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
Москва 1999

УДК 59

ББК 28.693.35

Б87

Комментарии В. В. Морозова

Брем А.

Б87 Птицы: В 2 т. Т. 2 / Коммент. В. В. Морозова; Гравюры из полного немецкого издания. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 592 с.: ил. — (Жизнь животных).

ISBN 5-237-03131-5

Двухтомник подготовлен по лучшему переводу, который был выпущен в свет в Санкт-Петербурге в 1893 году. Сохранен стиль повествования автора – всемирно признанного классика натуралистической литературы. Впервые в современном отечественном издании в полном объеме воспроизведены иллюстрации, созданные немецкими художниками и граверами в XIX веке специально для книг А. Брема.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 59

ББК 28.693.35

ISBN 5-237-03131-5

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

© ООО «Издательство Астрель», 1999

ОТРЯД
КУКУШКООБРАЗНЫЕ
(Cuculiformes)

Семейство
тураковые

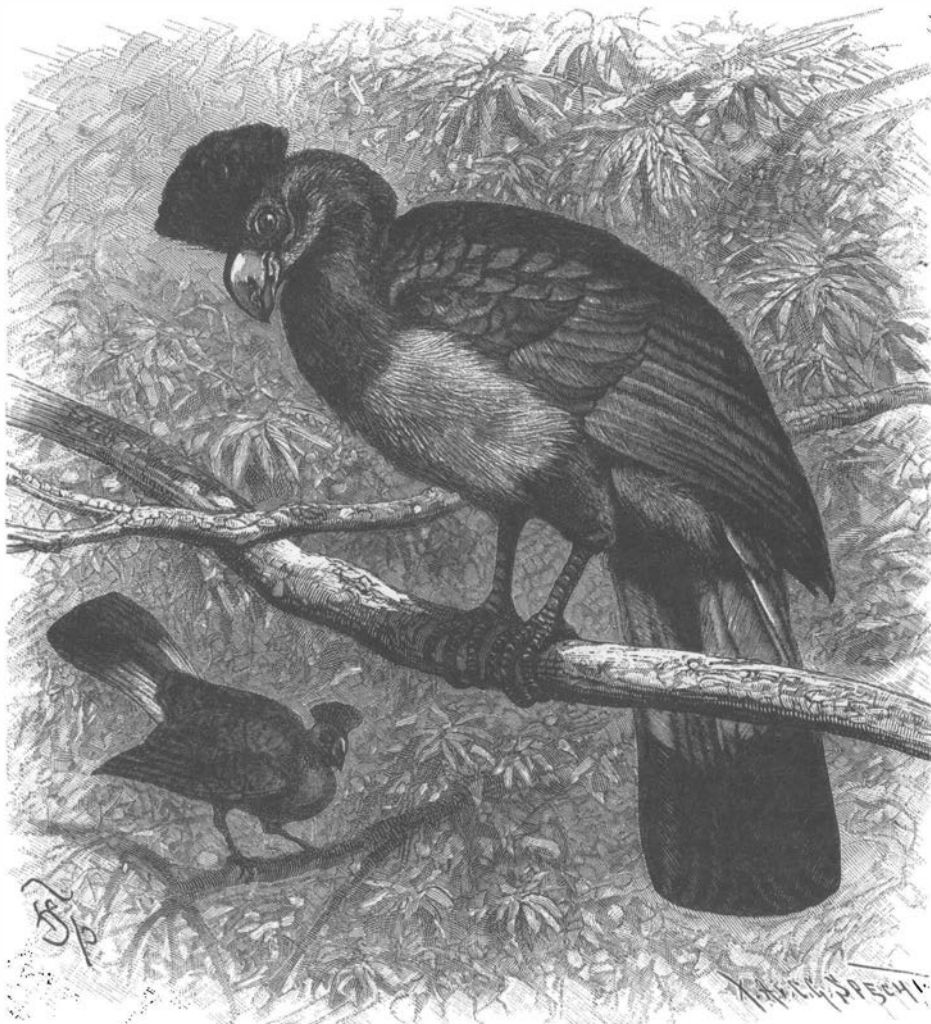
СЕМЕЙСТВО
ТУРАКОВЫЕ (Musophagidae)

Птиц этого семейства, в котором насчитывается только 20 видов, называем мы еще бананоедами, несмотря на то, что это, кажется, весьма мало им подходит, так как они едва ли могут питаться бананами. По величине турако занимают среднее место между вороной и сойкой. Тело у них вытянутое, шея короткая, голова средней величины, клюв короткий, крепкий и широкий, у верхнего края резко загнутый, у нижнего слегка отогнут книзу, у расщепе зазубрен. Средней длины крылья сильно закруглены, четвертое или пятое маховые перья длиннее других. Хвост довольно длинный и округленный, ноги сильные, относительно высокие и непарнопалые: три пальца обращены вперед, один назад. Перья мягкие, у некоторых видов окрашены великолепными цветами.

Распространены турако в больших сплошных лесах и узких полосах лесов, растущих по берегам рек в средней и южной Африке. В безлесных местностях их совсем не видно. Они живут обществами, т.е. маленькими стаями, в которых, по моим собственным наблюдениям, бывает от трех до пятнадцати птиц. Держатся они по большей части на ветках деревьев, но спускаются иногда и на землю. Некоторые из них часто облетают довольно большие пространства, но путешествия эти имеют какой-то суетливый, беспокойный характер и сопровождаются ужасным шумом и криком. Летают они не особенно красиво, но, судя по коротким крыльям, могут делать разнообразные повороты в воздухе. Движения их среди ветвей деревьев очень ловки.

Растительные вещества составляют главную, если не исключительную пищу турако. Они едят почки листьев, плоды, ягоды и зерна, которые собирают в верхушках деревьев, в кустах и на земле. Само собой разумеется, что этой пищей обуславливается и их местопребывание. Они преимущественно населяют страны, богатые водой и плодами. Благодаря этой пище они легко привыкают к неволе и при известном уходе живут у нас годами. Некоторые виды их принадлежат к самым приятным комнатным птицам и нравятся великолепием своего оперения и веселым и непритязательным нравом.

В ближайших к экватору местностях западной Африки живет исполинский турако (*Corythaeola cristata*). Птица эта размером с фазана, общая величина ее 65—75 см, а длина крыльев 35—40 см. Ее красивое, блестящее оперение на спине и шее ярко-лазоревого и синего цвета, на груди зеленовато-желтого; брюшко, бедра и гузка окрашены в ржаво-красный цвет. Смотря по освещению особенно ярко выступает красота ее красок, которые после смерти птицы тускнеют, как вообще значительно пропадает густота и яркость всего оперения. Перья хвоста голубые, но на концах черные с голубыми каймами. Середина крайних перьев хвоста украшена широкой зеленовато-желтой полосой.

Исполинский турако
(*Corythaeola cristata*)

туземцев имя «коко». Этот крик состоит из двух частей, которые он издает, еще сидя на месте, тогда как во время полета он повторяет только последний звук. Первая часть напоминает крик павлина, но благозвучнее и протяжнее, идет нисходящей гаммой. Его можно отчасти передать звуками «куруу». Вторая часть этого крика звучит «кок-кок-кок», произнесенным быстро, но раздельно, 8 или 10 раз подряд. Именно это «кок», раздающееся постоянно с одинаковой звучностью и силой, слышится на далекое пространство.

Птица эта, замечательная как красотой своей, так и нравом и голосом, живет в обширных лесах, в горах и долинах; иногда она залетает в саванны, где растут деревья, когда там поспевают плоды и ягоды.

Свое присутствие он выдает чрезвычайно громким и раскатистым криком, доставившим ему среди

Жизнь этих красивых и приятных птиц доставляет наблюдателю много удовольствия. Шумно ударяя крыльями, они направляются по прямой линии над водой от одного лесистого берега к другому или бегают необыкновенно ловко, кокетливо танцуют вдоль веток деревьев, прыгают по ним вверх и вниз и находятся в постоянном движении. Днем можно видеть, как они в одиночку или попарно отыскивают себе пищу, которая, по-видимому, состоит из почек листьев и ягод; при этом постоянно раздается их крик. После заката солнца они любят собираться вместе. Вскоре один из турако подает голос, сидя на вершине высокого дерева близ воды или лесной поляны, и по окрестности раздается его «куруу-куруу-куруу — кок-кок-кок». Прочие вторят ему; запевала подлетает к ним или все остальное общество собирается вокруг него. Крики не умолкают, а между тем к первому запевале присоединяется второй, третий, четвертый, а иногда также и по двое зараз, пока их соберется на вершине дерева 10—15. Они бегают взад и вперед, преследуя друг друга до самых концов веток, или тихо сидят, доверчиво прижавшись друг к другу. Случается, что все общество разом поднимается с места, испуская громкое «кок-кок», перелетает к другому дереву и потом сейчас же летит дальше. Таким образом, они до самой ночи находятся в постоянном движении, даже и в то время, когда другие птицы уже спят, и часто слышится еще час спустя с вершины избранного ими пристанища тихое и одинокое «куруу».

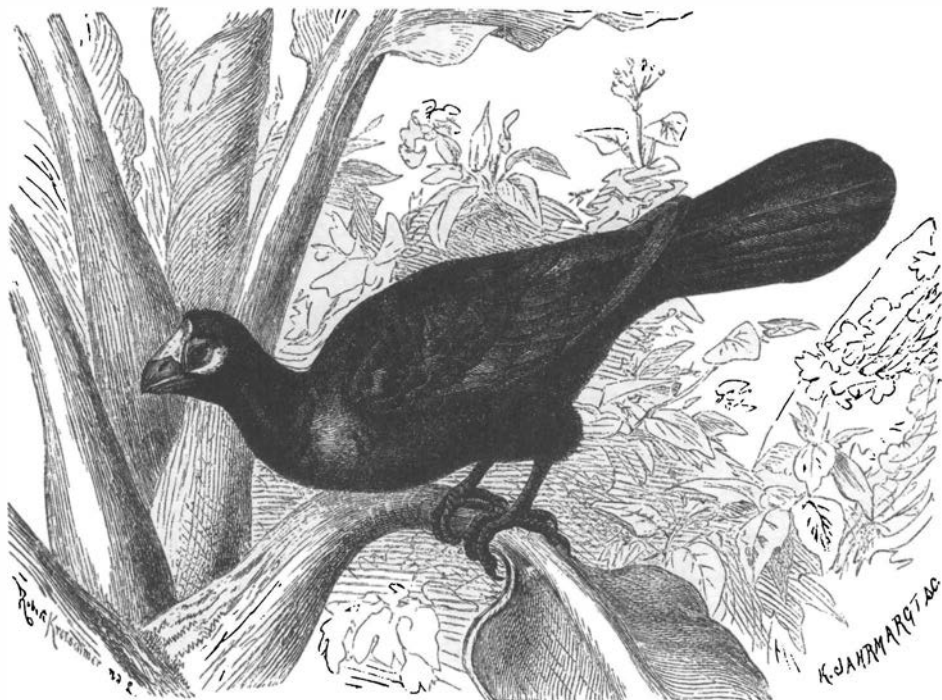
Турако не только подвижные, но осторожные и бдительные птицы, поэтому их очень трудно подстеречь, разве только утром, когда они, голодные, отыскивают себе пищу в лесу; их большей частью подстерегают и убивают во время случайного перелета через реки. Это еще легче вследствие того, что они не могут делать быстрых поворотов на лету и, таким образом, избежать даже явной опасности. Лучше их подпускать к себе ближе, так как их может убить только очень сильный заряд. Во время ночного покоя они сидят слишком высоко, и в них невозможно попасть дробью. Мясо у них сухое и жесткое, но из него можно варить вкусный бульон.

Туземцы уверяют, что турако быстро погибают в неволе, потому что не могут перенести потерю свободы».

В лесах Агры, на Золотом берегу немецкий натуралист Изерт открыл в конце прошлого столетия первого представителя птиц, которых мы назовем за ним настоящими бананоедами. Птицы эти отличаются от прочих своих родичей главным образом строением клюва: спинка верхней челюсти непосредственно переходит в роговую пластинку: она покрывает большую часть лба и спускается отсюда отлогим сводом до самого кончика клюва, который крючком загибается над слабо развитой нижней челюстью, вследствие чего клюв кажется очень выпуклым. Края его зазубрены; ноздри лежат совершенно свободно на передней части

верхней половинки клюва. Уздечка и кольцо вокруг глаз не покрыты перьями. Ноги короткие, но сильные, крылья средней длины, малые маховые перья несколько короче больших маховых. Хвост относительно короткий, широкий и на конце закруглен.

«Может показаться преувеличением, — говорит Свайнсон, — если я настоящего бананоеда назову князем пернатого мира. Другие птицы красивы, изящны, блестящи, но окраска перьев настоящего бананоеда — просто царская. Преобладающий блестящий пурпурово-черный цвет замечательно выигрывает рядом с вели-

Фиолетовый турако
(*Musophaga violacea*)

колепным ярко-красным цветом крыльев. Клюв, хотя и довольно большой, кажется умеренным, потому что не устроен так фантастически, как у птиц-носорогов, не так чудовищно велик, как у перцеводов; темно-желтый, переходящий в ярко-красный цвет клюва только возвышает красоту оперения этой птицы».

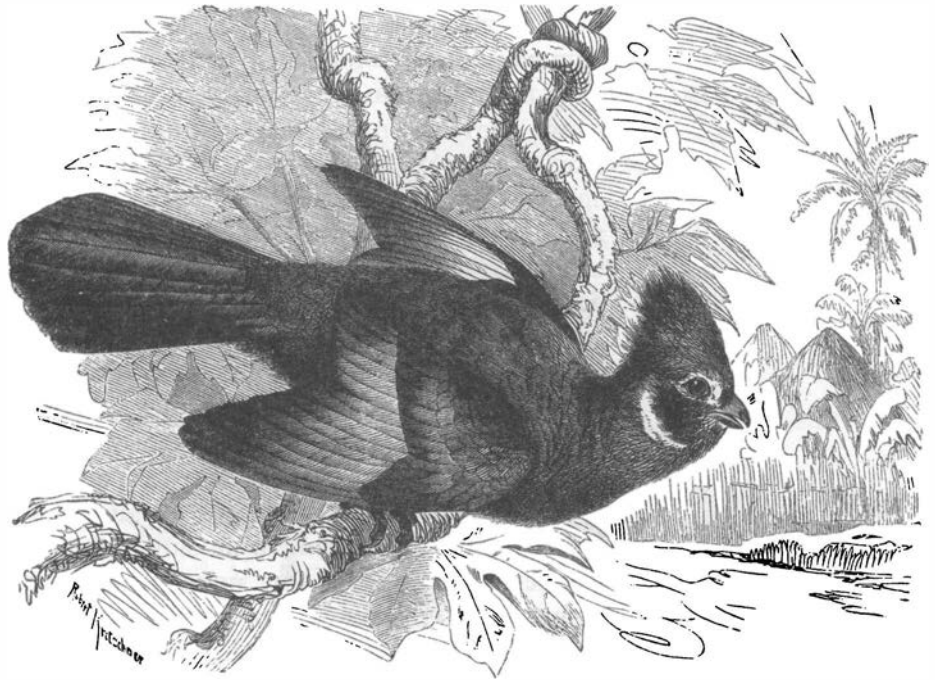
Длина фиолетового турако (*Musophaga violacea*) доходит до 50 см; длина крыльев 22 см, длина хвоста такая же. Нежные и мягкие перья, покрывающие темя, великолепного красного цвета, блестят, как бархат; остальные перья темно-фиолетовые, почти черные, за исключением нижней стороны туловища, которая при свете отликает великолепным темным зеленовато-стальным цветом. Маховые перья ярко-красные с лиловым отливом, на концах переходят в темно-фиолетовый цвет. Не покрытое перьями место вокруг глаз карминово-красного цвета, под ним блестящая белая полоса, кончик клюва тоже карминово-красный, ноги черные; глаза карие. У молодых птиц нет бархатистых красных перьев на темени, в остальном они сходны со старыми. Фиолетовый турако водится в Верхней и частью в Нижней Гвинее.

В Абиссинии живет белощекий, или шлемоносный, турако (*Tauraco leucotis*). Шлем его состоит из широкого, наклоненного назад и сзади прямо обрезанного пучка перьев темно-зеленого цвета; остальная часть головы, верхние и нижние шейные перья и часть

туловища до брюшка прекрасного зеленого цвета; брюшко и нижняя сторона туловища темного пепельно-серого цвета; другие части спины голубовато-шиферного с зеленовато-стальным отливом; рулевые перья черные с таким же отливом, маховые перья, за исключением последнего малого махового пера, темного карминово-красного цвета, наконец, пятно перед глазом и другое, идущее почти отвесно вниз от уха к шее, чисто белого цвета. Кругом глаза замечается кольцо, состоящее из маленьких бородавок киноварно-красного цвета. Клюв на конце кроваво-красный, а на конце верхней его челюсти до ноздрей зеленого; ноги зеленовато-бурые. Длина доходит до 45 см, размах крыльев 57, длина крыльев 17,5, хвоста 21,5 см. Самка меньше, в остальном же ничем не отличается от самца.

Во время моей охотничьей поездки по Абиссинии я несколько раз имел случай наблюдать шлемоносного турако. Он встречается только довольно высоко на горах, едва ли когда-нибудь ниже 600 м высоты, а иногда даже на 2600 м в богатых лесом и водой долинах, где растет канделябровый молочай. Живут они стаями или маленькими семействами, наподобие соек. Этот турако неутомим и беспокоен, днем постоянно летает взад и вперед, но всегда возвращается к известным деревьям той же области, именно сикоморам или тамариндам, которые бывают окружены мелкими деревьями. Такие деревья служат некоторым образом местом свидания целого общества: здесь собираются птицы одной группы, которые временно рассеялись для добывания пищи.

Если заметить такое дерево и встать под ним в полдень или под вечер, то нетрудно наблюдать за этими восхитительными птицами. Вновь прибывающих очень скоро можно заметить, когда они перескакивают с ветки на ветку или, как бы приплясывая, бегают вдоль сучьев и испускают своеобразный глухой крик. Этот звук трудно передать. Он похож на голос чревоушателя и вначале заставляет наблюдателя ошибиться относительно расстояния, на котором кричит птица.

Белоцекый турако
(*Touraco leucotis*)

Шлемоносный турако проводит большую часть своей жизни в ветвях деревьев. Только на несколько минут спускается он на землю, обыкновенно там, где низкие молочаи покрывают все выступы, чтобы схватить какую-нибудь пищу. Затем быстро поднимается и спешит к соседнему дереву, остается тут некоторое время и летит дальше, к следующему дереву, или опять на землю. Вся стая делает то же, но не одновременно. Один за другим покидают они дерево без звука и без шума, но все точно следуют за первым и быстро собираются снова. На вершинах деревьев этот турако замечательно ловок. Он очень скоро перепрыгивает с ветки на ветку или бегаёт по одной и той же ветке до самого ее конца. Достигнув его, он осторожно оглядывается кругом и летит к другому низкому дереву или же возвращается к вершине первого. Полет его напоминает полет сойки или дятла.

В желудке убитых мною шлемоносных турако я находил только растительные вещества, именно ягоды и семена. К некоторым кустарникам, на которых только что созрели ягоды, турако часто слетали, но оставались на них очень короткое время. Они, очевидно, только лакомились плодами и затем спешили укрыться в своих безопасных древесных убежищах. Лефевр находил в желудках убитых им шлемоносных турако маленьких пресноводных улиток, а Гейглин считает гусениц и насекомых вообще их главной пищей.

Об опасности, которой подвергаются на свободе турако, я не мог собрать никаких наблюдений. Можно предположить, что разные кобчики и благородные соколы его родины гоняются за ним: на это указывает по крайней мере его большая осторожность, старание спрятаться в густых ветках, его полет в одиночку и боязливое, непродолжительное пребывание на земле. Но ничего более верного об этом я узнать не мог. Абиссинцы не преследуют шлемоносных турако, и еще менее приходит им в голову держать их в неволе. Быть может, вследствие этого шлемоносный турако обыкновенно не боится европейцев. Но он становится пугливым, как только заметит преследование.

Гугука, или полосатый бананоед-подорожник (*Crinifer zonurus*). В последнюю поездку в Абиссению я встретил гугуку в ее родных лесах. Длина ее доходит до 51 см, размах крыльев 73 см, длина крыльев, так же как и хвоста — 25 см. Самка немного больше самца, в остальном совершенно одинакового с ним сложения и так же точно окрашена. Вся верхняя сторона туловища почти ровного темно-бурого цвета, нижняя сторона начиная от верхней части груди — светло-пепельная с буроватыми полосами вдоль стержней перьев.

Гугука, кажется, очень распространенная птица. Рюппель находил ее во многих провинциях Абиссинии, я довольно часто встречал ее в стране Богосов; другие путешественники встречали ее на верхнем течении Голубого Нила. Гейглин, который позна-

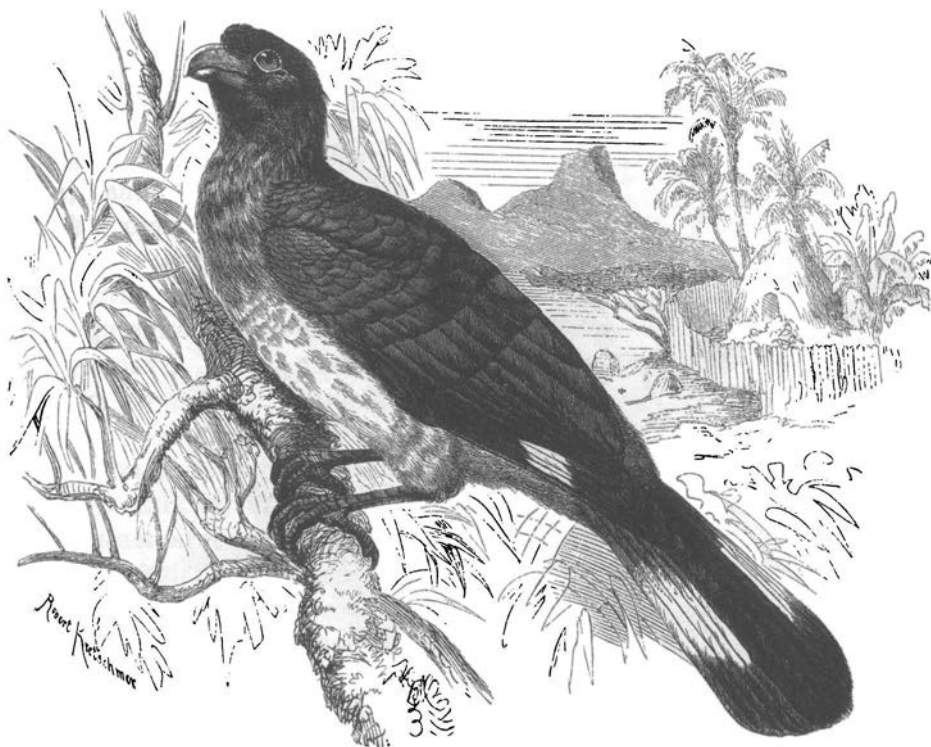
комился с ней у истоков Белого Нила, указывает на нее, как на самого обыкновенного бананоеда северо-восточной Африки, и говорит, что она живет преимущественно в лесной полосе на высоте 600—2000 м над уровнем моря, а в этой полосе — именно на высоких деревьях вдоль берегов; я находил ее также вблизи маленьких ручейков, сбегających в море с горных хребтов.

Тогда как белощекий турако кричит тихо, как чревовещатель, гугука старается как будто перекричать даже обезьян. Крик ее сбивает с толку иногда даже опытного охотника, заставляя его предполагать, что целая стая маргышек заметила что-нибудь ужасное и возвещает о том всему свету. Ее голос очень похож на

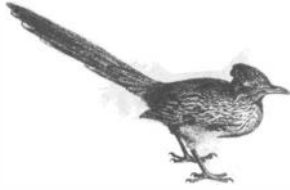
оригинальные горловые звуки, выпускаемые вышеупомянутыми обезьянами. Он звучит громко и пронзительно, вроде «гу-гу-гук-гигак-га-гирр-гирр-гуги-ге-гу», но так как все кричат вместе, то звуки эти сливаются в настоящий вой. Маркиз Антинори справедливо называет ее самой крикливой птицей восточной Африки. Если идти в лесу на эти крики, то можно увидеть на одном из самых высоких деревьев сидящих вместе самцов и са-

мок; иногда птицы сидят маленькими семействами, но и в них все-таки заметны отдельные пары. Если подойти к ним поближе, такое общество легко наблюдать.

В образе жизни гугука имеет много общего с шпорцевой кукушкой и калао. Она летает совсем так же, как и последняя, именно обрывисто, но не любит лететь далеко, большей частью с одного высокого дерева к другому, садится высоко в их вершинах, держась очень прямо, начинает вилять хвостом и вдруг вскрикивает так, что крик этот раздается по всему горному хребту. По словам Гейглина, члены одного семейства постоянно играют и спорят между собой и преследуют друг друга с одного дерева на другое, как бы бранясь и хихикая. Редко можно увидеть гугуку спокойно сидящей на дереве; большей частью она постоянно находится

*Гугука, или
полосатый бананоед-
подорожник
(Crinifer zonurus)*

в движении, часто и очень ловко бегают по веткам взад и вперед, приседая и кивая головой, съедая на ходу что-нибудь попавшееся по дороге и не более одного мгновения отдыхая от своей бешеной суетни. Гейглин говорит, что обыкновенно она не робка; я замечал обратное и нахожу ее очень осторожной. Только непосредственно около селений гугука делается менее робкой; там она уже привыкла к человеку и его нравам. Пища ее состоит из ягод всякого рода, и за этими-то ягодами слетает она к низким кустарникам в ранний утренний или поздний вечерний час. Остальную часть дня она проводит на деревьях, а в полдень отыскивает самые тенистые и просиживает в их листве жаркую часть дня.

СЕМЕЙСТВО КУКУШКОВЫЕ (Cuculidae)

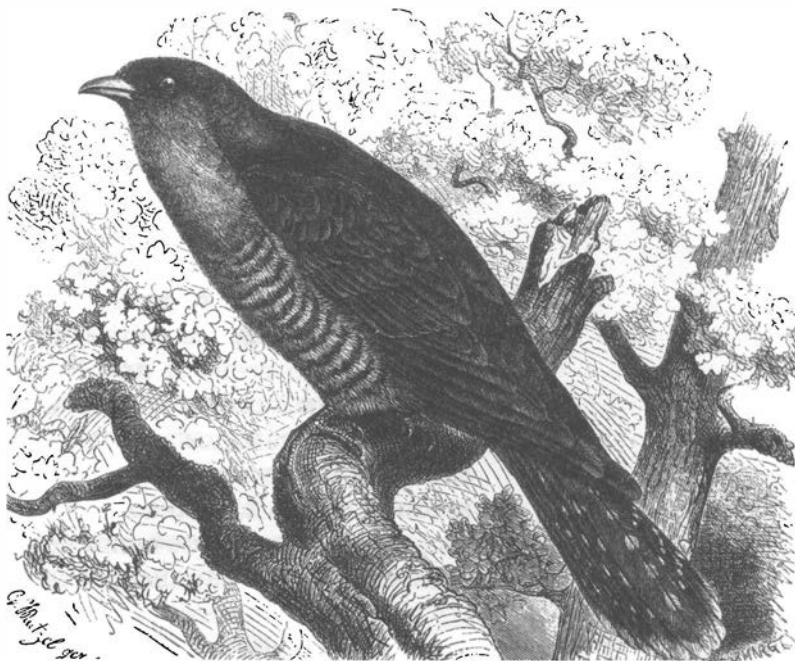
Кукушки отличаются слегка согнутым, обыкновенно довольно тонким и расширенным у основания клювом, одинаковой длины с головой, короткими или средней длины парнопальными ногами, длинными, узкими и острыми крыльями, длинным, округленным или клиновидным, заостренным десятиперым хвостом и, наконец, густым, хотя не особенно крупноперым оперением, сидящем в коже довольно слабо. Относительно окраски полы обыкновенно мало отличаются друг от друга; молодые заметно отличаются от старых.

** Это не так. Для большинства кукушек свойственна моногамия, но для некоторых — гнездовой паразитизм, формы которого различны. Одни кукушки лишь занимают чужие гнезда, но насиживают яйца и выкармливают птенцов сами; у других 2—3 пары строят общее гнездо, куда самки откладывают яйца, а затем насиживают и выкармливают птенцов; обыкновенная кукушка подкладывает яйца в гнезда других птиц.*

Виды семейства кукушковых числом около 130, распространены в Старом Свете и Австралии. Они особенно многочисленны в Индии и Африке. Все без исключения живут в лесах и отдаляются от лесистых местностей только по временам. Они встречаются всюду, где только существует лес, безлесных же пространств избегают. Северные виды странствуют, южные в крайнем случае перелетают с места на место в известном районе. Пища их состоит почти исключительно из насекомых, особенно из личинок, но преимущественно из мохнатых гусениц, которыми пренебрегают остальные птицы. Волоски этих гусениц при пищеварении так крепко втыкаются в стенки желудка, что последние кажутся волосатыми. Про крупные виды этого семейства говорят, что они не пренебрегают мелкими позвоночными, например ящерицами, и все они, может быть, не совсем напрасно, считаются грабителями гнезд. Все не только не занимаются сами высиживанием яиц, но навязывают уход за потомством другим птицам, кладя свои яйца в их гнезда*. При этом кукушки обыкновенно вынимают одно яйцо из гнезда избранных приемных родителей, при случае и съедают его. Этот факт часто отрицали, но он не подлежит никакому сомнению вследствие многих имеющихся наблюдений. Относительно причины, почему кукушка не высиживает сама яиц, до сих пор не могли найти ни одной убедительной причины.

Должны ли мы смотреть на кукушек, как на полезных или как на вредных птиц? Они, бесспорно, оказывают большие услуги, поедая волосатых гусениц, но также несомненно, что они причиняют некоторый вред подкладыванием своих яиц, так как воспитание молодой кукушки у тех видов, которые кладут яйца в гнезда более маленьких птиц, всегда ведет за собой гибель семейства воспитателей. Конечно, на это можно возразить, что одна кукушка больше истребит насекомых, чем пять или шесть маленьких певчих птичек, и таким образом будет справедливее, если мы будем покровительствовать кукушкам.

Обыкновенная кукушка (*Cuculus canorus*) отличается стройным телом, маленьким, слабым, слегка загнутым клювом, длинными острыми крыльями, очень длинным округленным хвостом, короткими, частью покрытыми перьями ногами и довольно мягким темным оперением. Самец на верхней стороне тела пепельно-голубой или темно-серый; на нижней стороне тела серо-белый, с черноватыми поперечными волнистыми полосками; горло, щеки, зоб и бока шеи, вниз до груди, чисто пепельные. Глаза ярко-желтые, клюв черный, желтоватый при основании; ноги желтые. Старая самка похожа на самца, но имеет на затылке и на боках нижней части шеи малозаметные красноватые линии. У молодых птиц сверху и снизу поперечные волны. Длина птицы 37 см, размах крыльев 64, ширина 19, длина хвоста 17 см. Самка на 2—3 см короче и уже.

Обыкновенная
кукушка
(*Cuculus canorus*)

В Европе, Азии и Африке мало местностей или стран, в которых бы не встречались кукушки. Как гнездящая птица, она населяет север Старого Света, от Китая и Приамурского края до берегов Португалии, и от Нордкапа до Сирии, Палестины и Алжира или до среднеазиатских степей и гор, а также до Персии. Отсюда она странствует на юг: из Сибири через Китай и всю Индию до Зондских островов и до Цейлона, а из Европы до южной Африки.

Несмотря на то, что кукушка — древесная птица, она все-таки живет не исключительно в лесу, а также мало руководится в выборе своего жительства деревьями, растущими в лесу. Встречается и в степях южной Сибири, и на имеющем скудную древес-

ную растительность высоком плоскогорье восточной Персии или же в высоких Альпах, выше границы лесов. По моим наблюдениям, собранным в трех частях света, видно, что местожительство кукушки определяется главным образом изобилием мелких птичек, которые могли бы служить будущими приемными родителями ее птенцов. Если она видит, что это условие существует, то довольствуется очень немногими деревьями, низкими кустами, зарослями и тростниками; если даже и последние отсутствуют, всегда находишь, что число кукушек растет в одинаковом отношении с числом выбираемых ими воспитателей, и тем больше растет, чем изобильнее один из видов последних гнездится в известной области. Поэтому кукушка больше любит смешанные леса, чем леса, где преобладают деревья одного вида, и поэтому она чаще встречается поблизости топких мест, болот и вообще сырых низменностей, чем в каком-либо другом месте.

Каждый самец кукушки выбирает себе довольно обширную область и упорно защищает ее от какого-нибудь соперника. Если кукушку вытеснят, то она поселяется поблизости победителя и тогда почти ежедневно затевает с ним драку. Науман доказал опытами, что каждая кукушка прилетает опять на свое прошлогоднее местожительство: он знал одну кукушку, которая отличалась от остальных своих сородичей замечательным голосом, и выяснил, что она в течение 32 лет каждую весну являлась в той же области.

Мои передразнивания криков кукушек, которые я повторяю каждую весну и при каждом удобном случае, сделали для меня ясным, что число самок гораздо меньше числа самцов. В среднем на каждую самку приходится по крайней мере по два самца. В то время как последние всегда остаются в пределах известной области, самка не обращает внимания ни на какие границы, а пролетает в течение всего лета или, по крайней мере, во время периода спаривания через области различных самцов.

Между известными мне видами обыкновенная кукушка самая быстрая, беспокойная и живая птица. Она находится в движении с утра до вечера, в Скандинавии — даже в течение большей части ночи. Странное впечатление производил на меня во время моих ночных охот крик кукушки после 11 часов вечера и еще до первого часа утра. Гольц уверяет, что слышал его на острове Готланде еще в полночь, вперемешку с совой, и может легко случиться, что она даже и в это время не отдыхает. Я же все-таки всегда находил во время моих частых путешествий на крайний север, что в настоящую полночь, приблизительно от 11¹/₂ до 12¹/₂ часов, она молчит, значит, вероятно, предается сну. Во время своих кочевок она беспрестанно ест, так как столь же прожорлива, сколь подвижна и криклива. Она летает легко и красиво, как сокол, но все-таки не может сравниться с ним по скорости, не будучи даже в состоянии соперничать в этом отношении с горлицей; полетавши, она садится на ветку и высматривает добычу.

Если она подметила ее, то спешит к ней двумя ловкими взмахами крыльев, хватая ее и возвращается на прежнее место или летит на другое дерево и повторяет тут то же самое.

Впрочем, кукушка ловка только на лету, а во всем остальном неуклюжа. Она вовсе не умеет лазать, но и в ходьбе чрезвычайно медленна, вообще может двигаться по плоской земле только прыжками. Она ловчее в ветвях, несмотря на то, что и здесь неохотно покидает однажды выбранное место и делает это только улетаая. Весной она никогда не забывает издать много раз подряд громкий крик после того, как уселась, а когда в ней пробуждается любовь, то она даже злоупотребляет своим голосом, так что под конец буквально хрипит. Почти на всех языках ее имя является подражанием этого крика.

Вначале кукушка редко кричит усердно; настоящий крик начинает раздаваться только тогда, когда она уже насладилась любовными радостями. Пока кричит, она несколько опускает расширенные крылья, но зато поднимает немного выше горизонтальной линии хвост, надувает горло, выкрикивает свое «ку-ку» и вертится туда и сюда на сучке, пока не издаст его 15, 20, 30, 40, даже 60 раз и больше, один за другим; обыкновенно она еще несколько раз перевертывается и таким образом выкрикивает свой крик и имя, ворочаясь, как флюгер, на все стороны. Если во время пения ее дразнят маленькие птички, а именно, если одна из них толкнет ее, когда она сидит, надувшись, на сучке, то она прерывает крики и каждый раз отбрасывает последний слог.

Насколько эта птица ленива в отношении заботы о потомстве, настолько она влюблива. Несмотря на то, что она встречает взаимность, любовь, по-видимому, совершенно сводит ее с ума. Она буквально доходит до иступления во все время спаривания и так беспрерывно кричит, что теряет голос, беспрестанно летает по всей своей области и в каждом другом самце видит соперника и злейшего противника.

Для того, кто наблюдал самца кукушки, не будет подлежать никакому сомнению, что между двумя самцами, которые слышат друг друга, существует явная ревность; она проявляется при каждом удобном случае. Кукушка, которая до этого времени безобидно кричала на весь свет свое красиво звучащее имя, начинает волноваться, как только слышит настоящий или поддельный голос соперника. В такие моменты ее движения становятся живее, отдельные возгласы и фразы беспрерывно следуют друг за другом. С внимательным взором и прислушиваясь, птица эта более, чем обыкновенно, нагибается вперед и при каждом отдельном крике поворачивается то направо, то налево, чтобы точно узнать направление, по которому доносятся до нее столь ненавистные звуки. Если приближается вторая, то битва начинается тотчас же. Науман говорит, что кукушка не терпит другого самца в своей области или поблизости своей самки и старается его выгнать силь-

ными ударами клюва. Впрочем, я не видел, чтобы они делали последнее, но всегда только замечал, что оба соперника преследуют друг друга, быстро летая и бросаясь один на другого; потом они опускаются, снова начинают кричать и затем опять начинают такое же преследование; но драки подтверждаются и другими наблюдателями.

Крик кукушки, как это мне позволяют с верностью предполагать мои наблюдения, прежде всего имеет целью приманить самку. Если она пролетает через область самца, задумав важные дела, то, по-видимому, не обращает никакого внимания на его любовные взгляды, но прокрадывается через ветки, обращаясь то к одному дереву или кусту, то к другому. Если же, напротив, она удачно пристроила свое яйцо и если она сама ищет любовных приключений, то отвечает самцу, подлетает к нему как можно ближе, издавая свой стройный, звучный, хихикающий или смеющийся призывный крик.

Спаривание совершается обыкновенно на сухом сучке вершины дерева или на каком-либо другом открытом и высоком месте, а в степях Туркестана на плоской земле, всегда с большим шумом, повторяемыми криками и хихиканьем.

Уже древним было известно, что кукушка кладет свои яйца в чужие гнезда. «Высиживание яйца кукушки и выращивание вылупившегося из него птенца, — говорит Аристотель, — совершается той птицей, в гнездо которой положено яйцо. Приемный родитель, как говорят, выкидывает своих собственных птенцов из гнезда и дает им умереть с голода в то время, как выращивает молодую кукушку. Другие рассказывают, что он убивает своих детей, чтобы ими кормить кукушку, так как этот птенец в своей молодости до того хорош, что мачеха ради него презирает собственных детей. Большую часть сообщаемого здесь видели, как говорят, собственными глазами; только рассказы о том, каким образом погибают птенцы высиживающей птицы, не всегда согласуются: одни говорят, что старая кукушка возвращается назад и съедает птенцов гостеприимной птицы, другие утверждают, что, так как молодая кукушка превосходит величиной своих братьев, то она все у них выхватывает, и потому они должны умереть с голода; наконец, третьи думают, что она, как самая сильная, съедает их сама. Кукушка, конечно, хорошо делает, что таким образом устраивает детей, потому что она отлично сознает свою трусость, вследствие которой не может защищать птенцов. Она настолько труслива, что всем маленьким птичкам доставляет удовольствие ее щипать и гонять». Мы увидим, что описание это во многих отношениях справедливо, но я сначала должен признаться, что нам и до сих пор еще не вполне известна жизнь кукушек.

Добытые наблюдениями сведения относительно размножения этой птицы заключаются в следующем: кукушка поручает

свои яйца для высиживания множеству различных певчих птиц. Уже в настоящее время мы знаем приблизительно 70 видов приемных родителей, но не подлежит сомнению, что число это при ближайшем исследовании всей области распространения этой удивительной птицы существенно увеличится*. Насколько мне известно, не считая азиатских воспитателей, кукушкины яйца находили в гнездах снегиря, зяблика, горного зяблика, коноплянки, чечетки, зеленушки, воробья, обыкновенной, тростниковой и луговой овсянок, просянки, завирушки, хохлатого, степного, полевого жаворонков, сороки, сойки, сорокопута и жулана, соловья, варакушки, зарянки, горихвостки-чернушки и обыкновенной горихвостки, лугового и черноголового чеканов, ушастой и черногорлой каменок, каменного, певчего и черного дроздов, пестрогрудки, славки-черноголовки, садовой славки, славки-мельничка, пеночек — веснички, теньковки и трещотки, пересмешки, дроздовидной камышовки, садовой, болотной и тростниковой камышовок, обыкновенного и речного сверчков, коноплянки, лугового, краснозобого, лесного, полевого, степного и шпорцевого коньков, белой, желтой и горной трясогузок, обоих видов корольков, пищухи и мухоловки-пеструшки, большой синицы, горлицы, вяхиря, даже гагары. Между этими птицами камышовки, трясогузки, славки предпочитают, а гнездами других пользуются только в крайней нужде, может быть, даже по ошибке.

Яйца кукушки в сравнении с ее величиной необыкновенно малы, едва больше воробьиных, мало различны по форме. Кончики их неодинаковы, больший диаметр лежит ближе к полого-округленному толстому концу, тогда как тонкий круто усечен. Яйца имеют нежную, хрупкую и блестящую скорлупу, поры которой нельзя заметить простым глазом, и когда они свежи, имеют большей частью более или менее яркий желто-зеленый фон; по этому фону пестрят фиолетово-серые или матово-зеленоватые пятна, а по ним — бурые, резко очерченные крапинки. Они бывают то больше, то меньше, и вообще такого разного вида и так окрашены и разрисованы, как ни у одной другой птицы, образ размножения которой нам известен. Смотря по различным местностям, преобладает то один, то другой цвет. Каждая самка кладет по одному яйцу в одно и то же гнездо, обыкновенно тогда, когда в нем уже находятся яйца воспитателей. Вероятно, она кладет яйца в гнезда только одного вида, а в гнезда других птиц лишь в случае крайней нужды. Бальдабус впервые разъяснил этот факт.

Не подлежит почти никакому сомнению, что самка кукушки по возможности всегда выбирает гнезда тех же самых перелетных птиц; по крайней мере, кажется весьма вероятным, что она отыскивает гнезда тех птиц, в которых сама выросла.

Еще ранее, чем яйцо созреет для кладки, самка летает, чтобы отыскать гнездо. При этом она не сопровождается самцом, так как последний вообще, кажется, не очень-то заботится о сво-

** В настоящее время известно 150 видов птиц, в гнезда которых кукушка откладывает свои яйца. Однако в основном она паразитирует на 20—30 видах.*

ем потомстве. Отыскивание гнезд совершается очень различным манером: самка присматривает гнезда, летая или лазая в кустах, или наблюдая птичку еще во время постройки гнезда.

После того, как самка снесла яйцо, она все еще смотрит на гнездо, несколько раз возвращается к нему и выкидывает из него яйца, даже птенцов, кроме своих собственных. Вальтер отрицает эти показания. «Кукушка, — говорит он, — имеет репутацию разорителя гнезд, который не только выкидывает из гнезда яйца, но также при случае одно-другое проглатывает. Если же исследовать это основательно, то она вовсе не является тем варваром, которым кажется. Она не поступает иначе, чем другие птицы. Каждая птица при постройке гнезда кружится, чтобы придавить неровности и округлить гнездо, и делает это еще до кладки яиц. То же делает и кукушка. Чужие яйца, лежащие в гнезде, составляют для нее только неровности. Она вертится в нем кругом с сжатым телом и этим кружением выкидывает яйца или втискивает их в дно гнезда. Если она не может этого сделать, то удаляет яйца клювом, так же, как и другие птицы выбросили бы нечто, не принадлежащее к гнезду. Яйца мелких птиц очень хрупки, и если кукушка и свои собственные яйца иногда разбивает, перенося их в гнездо, то это еще легче случается с хрупкими чужими яичками, которые она к тому же не обязана беречь. Если она разбивает яйцо и содержимое выливается ей в клюв, то она это, конечно, проглатывает».

Вальтер приводит целый ряд доказательств в пользу своего мнения. Как и другие, он несколько раз находил в гнездах, содержащих кукушкино яйцо и отличавшихся рыхлой и глубокой выстилкой, яйцо высиживающей птицы, вдавленное в дно гнезда; он по крайней мере один раз наблюдал верчение и поворачивание кукушки, а также видел, как последняя разбила свое собственное яйцо, приподнимая его клювом. Пэсслер же и другие утверждают, напротив, что видели, как самка кукушки каждый раз выкидывает по одному яйцу воспитателей из гнезда, а позже уносит вылупившихся из яйца птенцов. На это Вальтер очень справедливо возражает, что в гнезде не может быть вылупившихся птенцов и они, следовательно, не могут быть унесены, если самка кукушки изо дня в день аккуратно посещала гнездо и удаляла яйца; что если кукушка несколько раз возвращается к гнезду, чтобы украсть яйцо, то их число должно уменьшиться, чего, как это доказывает опыт, вовсе не случается. «Я еще никогда не замечал, — говорит он, — при последующих посещениях гнезда, содержащего кукушкино яйцо, уменьшения в числе яиц, а часто даже увеличение. Обыкновенно птицы не кладут полного числа яиц, когда кукушка положит свое яйцо в гнездо, потому что чужое яйцо и без того слишком переполняет его. Но все-таки я каждый год находил одну или две полные кладки. Обыкновенно они кладут после того, как было положено яйцо кукушки, т.е. в том слу-

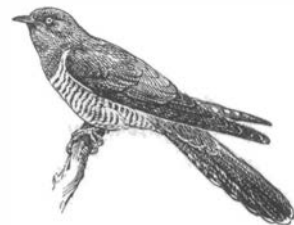
чае, если кукушка еще не нашла яиц в гнезде, еще три яйца, и тогда только начинают высиживать».

Период размножения кукушки продолжается все время, пока она кричит, т.е. меняется не только по преобладающей в данном году погоде, но и по положению местности, например, на севере или в высоких горах оно начинается позже, но зато дольше продолжается, чем на юге или в долинах. Размножение кукушки, как и вся ее жизнь, принаравливается к гнездованию мелких птиц.

На счет продолжительности времени, необходимого для созревания яиц кукушки, имеются различные мнения. Тогда как большинство считает, что между кладкой каждого яйца проходит от 6—8 дней, Вальтер уверяет, что он совершенно достоверно убедился на двух кукушках, что они клали по крайней мере по два яйца в неделю, и прибавляет к этому другие наблюдения, кажущиеся очень доказательными. Но этот же наблюдатель узнал, что самка иногда нуждается в 6 днях, чтобы положить второе яйцо, следующее за первым, и заключает из этого, что зоологи наблюдали верно, когда определяли промежуточное время в 6—8 дней. Но он все-таки думает, что долгое время обозначает истощение, которое мы замечаем у всех несущихся птиц. Если бы можно было доказать, что самка кукушки на самом деле каждые 3—4 дня кладет по яйцу, то оказалось бы, что она во время своего размножения сносит необыкновенно большое число, приблизительно 20—24 яйца*.

Все птицы, на долю которых выпадает сомнительная честь выращивать кукушек, напротив того, неоспоримым образом выказывают свой страх и изо всех сил стараются отогнать кукушку. Они очень хорошо знают ее привычку и нисколько не ошибаются в своих суждениях. Ни одна из них не принимает ее за ястреба. Это становится очевидным для самого простого и неопытного взгляда при беспристрастном наблюдении. Насколько мелкие птички дразнят соколов, насколько с явно боязливymi и шумными криками некоторые из них преследуют даже ястреба, настолько же различно держат они себя при своих нападениях на кукушку. Как я очень часто наблюдал, они преследуют кукушку не только на лету, но также и тогда, когда она смиренно сидит и кричит на своем дереве. Они показываются около нее, без сомнения, привлекаемые хорошо известным им криком, и стараются на лету столкнуть ее, держатся даже около нее, трепещут крыльями, как они это делают с совами, но никогда с ястребами. Это совершается с полной уверенностью в безопасности, с такой дерзостью и продолжительностью, что они не только мешают кричать кукушке и заставляют ее оборвать свой голос, но буквально принуждают ее защищаться. Она это делает, но защита редко увенчивается успехом, так как маленькие птички снова бросаются на нежеланного гостя и под конец все-таки принуждают его покинуть свое место, после чего только и начинается на-

Семейство кукушковые

** Это действительно так. Специальными наблюдениями доказано, что кукушки откладывают до 20 яиц, но с интервалом не 3—4 или 6—8 дней, а всего лишь 1—3 дня. Площадь территории, на которой самка подкладывает свои яйца в гнезда других птиц, составляет 2 км².*

** Кукушка все-таки дневная птица и подкладыванием яиц занимается, конечно же, днем (что многие исследователи наблюдали непосредственно, и даже снят фильм об этом). Подкладка яиц происходит, разумеется, в отсутствие владельцев гнезда.*

*** Поскольку период инкубации яиц кукушки короче, чем у птиц-хозяев, вылупившийся кукушонок выбрасывает все яйца или маленьких птенцов своих приемных родителей. Сам процесс выбрасывания неоднократно запечатлен на киноленте и демонстрировался во многих фильмах о природе.*

стоящая охота. Если же кукушка приближается к гнезду, то его владельцы криками и беспокойством, которые всем вполне понятны, извещают о большом страхе относительно опасности, угрожающей их потомству. Кукушка также вовсе не любит класть яйцо в присутствии будущих приемных родителей. Она прилетает как вор, большей частью ночью, справляет свое дело и быстро улетает, как только его окончила*. Но замечательным кажется то, что те самые птицы, которые ненавидят всякое беспокойство и перестают высидывать, если кто-нибудь тронет их яйца, не выкидывают кукушкино яйцо из гнезда, но продолжают нестись. Они ненавидят самку-кукушку, но все-таки не отказываются от забот об ее яйце и потомстве.

Молодая кукушка выходит из яйца в очень беспомощном виде. Насколько беспомощна только что вылупившаяся птица, настолько она и прожорлива. Она требует больше пищи, чем могут добыть воспитатели, и выхватывает ее, если в это время еще находятся в гнезде ее названные братья, у них перед самым клювом, наконец, выкидывает их из гнезда, если они не умирают с голоду или если кукушка не уберет или не убьет их. Отсюда ясно, что в гнезде всегда находишь только одну, уже довольно большую кукушку**.

Милосердие мелких птичек, которое обнаруживается и в этом случае, выказывается в ярких красках при выкармливании молодой кукушки. С трогательным усердием они несут этому прожорливому уроду, оставшемуся на месте их собственных погибших птенцов, пищу в изобилии, приносят ему жучков, мух, комаров, маленьких гусениц, червей и мучаются с утра до вечера, не имея возможности набить ей рта и заставить замолкнуть ее вечное хриплое «циз-цизис». После вылета они также целыми днями следуют за ней, так как она не позволяет себя водить, но летает, куда ей вздумается, и верные воспитатели должны за ней следовать. Иногда случается, что кукушка не в состоянии протиснуться через узкое отверстие древесного дупла; тогда ее приемные родители остаются даже до поздней осени и кормят ее непрерывно. Наблюдались самки трясогузки, которые еще кормили своих воспитанников в то время, когда все их родичи уже пустились в странствование к югу.

Взрослая кукушка имеет мало врагов. Ловкость полета спасает ее от преследований большинства соколов, а от лазящих хищников она, вероятно, всегда уходит. Она терпит от мелких птиц, и не только от тех видов, которым она аккуратно поручает свое потомство, но также и от других. На первом плане, как и должно ожидать, возятся с нею храбрые трясогузки. Я видел, как иволга, наши сорокопуть, серая мухоловка, пеночки и наконец славки нападали на нее. Кроме таких врагов и различных мучающих ее паразитов, взрослая кукушка терпит еще от самых ловких хищных птиц, но все-таки реже, чем кажется сначала. Но зато, когда она

еще находится в гнезде, она подвергается нападениям многих врагов. Лисицы, кошки, куницы, ласки, вороны, сойки и другие разорители гнезд еще легче подмечают эту большую птицу, чем законное население такого гнезда, и уносят ее, как лакомую добычу. Также и человек кое-где присоединяется к названным врагам кукушки, по незнанию и заблуждению. По понятию народа, кукушка зимой превращается в ястреба, потому истребление ее кажется скорее подвигом, чем проступком. Когда эта озорница счастливо вылетела из гнезда и сделалась самостоятельной, она ведет довольно обеспеченное существование. Обыкновенно тогда она остерегается человека, и тому, кто не сумеет точно подражать ее голосу, бывает трудно к ней приблизиться. Еще труднее поймать живьем взрослую кукушку. Я не знаю ни одного способа ловли, который бы верно вел к этой цели. Но все-таки такие способы должны иметься, так как в Греции, где кукушек едят и где на них смотрят, как на лакомый кусок, приносят в конце июля на базары жирных кукушек, которые ловятся же каким-нибудь способом.

Я с некоторым правом прошу у всех пощады для кукушки. Леса обойтись без нее не могут, потому что она способствует не только их оживлению, но также и их сохранению. Мы привыкли думать, что весна начинается с криком кукушки, а разум говорит нам, что этот звучный крик имеет еще совершенно другое, более серьезное значение. «Какое человеческое сердце, если оно не закоренело в постыдном эгоизме, — говорит Гомейер, — не чувствует себя одушевленным, когда первый зов кукушки звучит весной? Молодые и старые, бедные и богатые слушают с одинаковым удовольствием ее звучный голос. Если бы можно было считать кукушку за настоящую предвестницу весны, то уже поэтому она была бы достойна пользоваться защитой человека. Кроме этого, она самая главная истребительница многих вредных насекомых, которые не имеют других врагов».

Кто основательно наблюдал лес, объеденный гусеницами, тот всегда заметит, что кукушки, не занятые в это время размножением, из далеких и близких местностей прилетают к этому лесу, чтобы удовлетворить свой почти ненасытный голод. Раз этот бич появляется, конечно, и кукушки не могут ему воспрепятствовать; но они ограничивают и уменьшают его влияние, может быть, даже не позволяют ему развиться, и это исполняют очень хорошо. А потому сохранить, насколько возможно, лесу — его защитника, нам — вестника весны, защитить его и заботиться о нем составляет долг каждого умного человека, и мы должны выступать везде и всегда против слепого заблуждения тех, которые думают, что эта птица может принести нам вред.

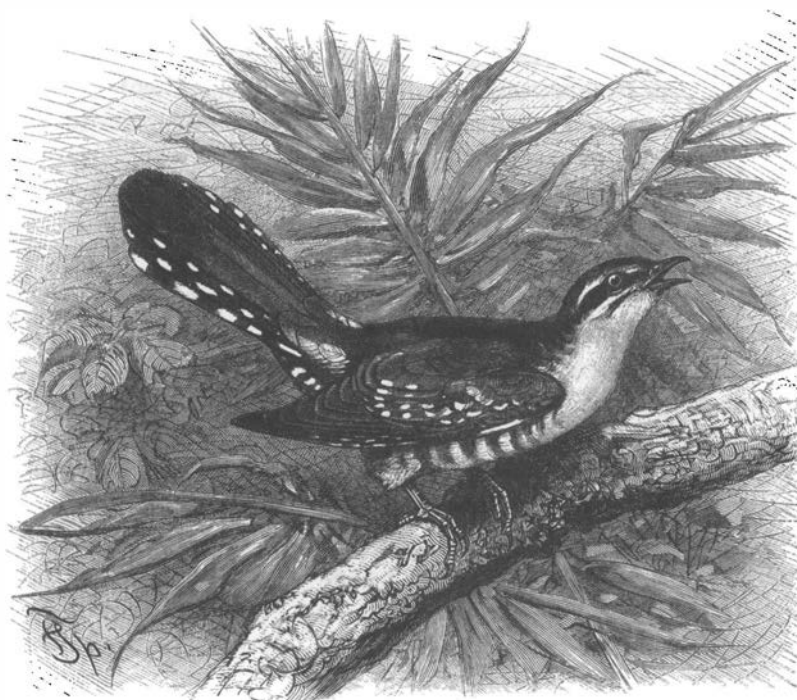
Самые великолепные кукушки населяют экваториальные страны Африки, Азии и Новой Голландии*. Название «золотистые кукушки» еще недостаточно обозначает их красоту, потому что их оперение блестит такими великолепными красками, ка-

* Старое название
Индонезии, когда
она была колонией
Голландии.

ких не могут произвести сочетания металлов. Эта роскошь цветов — одна из их главных примет, может быть, самая главная из всех. Они очень маленькие, вытянутые, длиннокрылые и длиннохвостые птички.

Золотистая кукушка, или **дидрик** (*Chrysococcyx cupreus*), на всей верхней части тела, за исключением некоторых светлых мест, блестящего золотисто-зеленого цвета, с медным отблеском; многие перья имеют на краях голубоватый оттенок и одно или два таких же пятна. Вдоль середины темени, спереди и сзади глаза, проходит белая полоса; другая, окаймленная золотисто-зеленым цветом, отходит от ротового угла. Вся нижняя часть — светло-бурая или желтовато-белая, но этот цвет так нежен, что в полной

красе он бывает только непосредственно после линьки, при солнце выцветает в белый цвет. Боковые, хвостовые и нижние кроющие перья крыльев — зеленоватые, первые большие и малые маховые перья, а также наружные рулевые имеют по темно-зеленому фону белые полосы. Глаза ярко-желто-бурого цвета, а у самца во время спаривания карминово-красные; веки красно-коралловые, клюв темно-синий, ноги светло-серо-голубые. Длина птицы 19,5 см, размах крыльев 33, длина крыла 11, хвоста 8,5 см. Самка немножко меньше, не так красива и отличается от самца пятнистыми нижними частями тела.

Золотистая
кукушка
(*Chrysococcyx cupreus*)

Левальян первый сообщил кое-что об образе жизни золотистой кукушки. «Я ее встречал, — говорит он, — в большей части южной Африки, от Слоновой реки до страны маленьких Намаков, и даже в таком множестве, что я бы мог убить тысячи их. Я вижу из своей записной книжки, что я и мой верный Клаас убили 210 самцов, 113 самок и 103 птенца». В средней Африке, где эту птицу наблюдали Рюппель, Гейглин, маркиз Антинори и я, она далеко не так распространена. Насколько я помню, я ее встречал всегда только в первобытном лесу. В моих путевых записках ясно замечено, что она встречается только в самых высоких и густых деревьях леса. Она выбирает местожительство в горах на лесистых и солнечных скатах между 300 и 2000 м над уровнем моря. Ее нетрудно отыскать, потому что самец легко замечается или

благодаря своему крику, или ссорам с другими представителями своего вида. Его призывный крик — громкий, походящий на звук флейты свист, который Левальян выражает слогами «дидадидидрик», Гейглин — «уидуидуиди», Фишер — «тютютю». Тейсц, который эту птицу наблюдал особенно в западной части Конго, просто говорит об ее крикливом свисте, который ясно звучит в этих всегда довольно безмолвных лесах и кустарниках. Самка, по-видимому, издает только тихий тон, звучащий, как «виквик»; им же она отвечает влюбленному самцу и приманивает его. В любовное время самцы, число которых, по-видимому, едва превышает численность самок, почти так же ревнивы и драчливы, как и самцы обыкновенной кукушки.

В желудках птиц, исследованных Фишером, находились довольно большие волосатые гусеницы, из чего можно заключить, что золотистая кукушка в этом отношении похожа на своего европейского родича.

Как показывает Левальян, он нашел 83 яйца золотистой кукушки в гнездах насекомоядных птиц, и уверяет, что наблюдал, будто самка также носит в клюве свое яйцо в гнезда птиц, выбранных ею для воспитания своего потомства.

Исполинская кукушка (*Scythrops novaehollandiae*) на голове и шее красивого пепельного цвета; верхняя часть тела, с крыльями и хвостом включительно, серо-бурые. Глаза карие, кольцо около глаз пурпурово-красное, клюв желтовато-рогового цвета, ноги оливково-бурые. Самка отличается от самца несколько меньшей величиной. Длина птицы 65 см, длина крыла 34, хвоста 26 см.

По письменному сообщению Розенберга, исполинская кукушка населяет не только Австралию, но находится также в Новой Гвинее, на Сулавеси, Тернате, Цераме и островах Ару*. Гульд видел ее в Новом Южном Уэльсе, где она является как перелетная птица, прилетающая в октябре и улетающая опять в январе. Латам говорит, что обыкновенно ее можно видеть рано утром и вечером, иногда маленькими стаями в 7—8 штук, но чаще попарно. Ее поведение и привычки, движения, образ кормления и способ размножения доказывают существенным образом ее принадлежность к кукушкам. Первую исполинскую кукушку, которую Беннет убил в ботаническом саду Сиднея, он принял сначала за сокола. Как и последний, она высоко летала кругами, иногда прерывала это движение, чтобы парить, потом медленно опускалась, продолжала летать близко над верхушками высоких камедных деревьев и казуарников, а также облетала вокруг этих деревьев, описывая полные круги, или же перелетая от ветки до ветки и около них приостанавливаясь, чтобы отыскивать кузнечиков и других больших насекомых. Она несколько раз нападала на них, хватала их с листьев или даже со стволов деревьев, при случае громко и пронзительно крича и паря с распушенными крыльями перед выдающимися ветками; все это делалось совершенно так,

* В Новой Гвинее и Индонезии исполинская кукушка только зимует.

как это делают обыкновенно соколы. Только после того, как она проделала самые различные упражнения такого рода и обеспечила себе утренний корм, она опустилась на очень высокий сучок, с которого и была убита. Желудок птицы, о которой упоминает Беннет, содержал массу золотистых жуков и больших кузнечиков. В желудках других исполинских кукушек были найдены, кроме насекомых, также плоды и семена, особенно семена красноточного камедного и перечного деревьев.

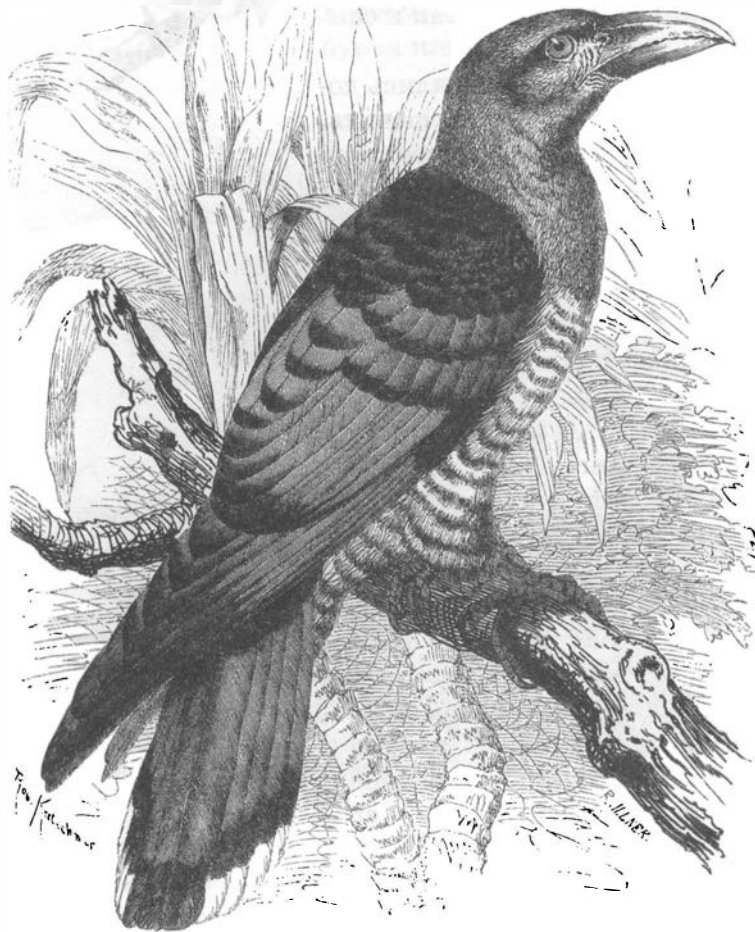
Насчет размножения подробных сведений пока нет, но можно все-таки предполагать, что и исполинская кукушка ввергает свои яйца чужим родителям.

На южноазиатских островах и в Полинезии водятся кукушки, которых называли мелкими тукановыми кукушками.

Коэль (*Eudynamis scolopacea*). Самец блестящего зеленовато-черного цвета, самка блестящего темно-зеленого с белыми крапинками на верхней части тела; крылья и хвост окаймлены белым; снизу они белые с черными пятнышками, которые в области шеи имеют продолговатую форму, а в грудной области — сердцевидную. Глаза пурпурово-красные, клюв бледно-зеленоватый, ноги аспидно-синего цвета. Длина самца 41 см, самки 46 см, размах крыльев самца 60, самки 63, длина крыла 19 и 21 см, хвоста столько же.

«Эта хорошо известная птица, — замечает Жердон, — встречается во всей Индии, от Цейлона до Бирмы, и кроме того

еще на Малайских и Филиппинских островах. Она населяет сады, рощи, аллеи и редкие леса, ест почти исключительно различные плоды, а именно фиги, бананы и т.п., и держится все-таки маленькими стаями, несмотря на то, что необщительна. Она несколько не пуглива, но придерживается уже нам известного спокойного, скромного образа жизни обыкновенной кукушки, пока находится в ветвях, и начинает громко кричать, как только полетит. Ее полет отличается от полета кукушки, он не так покоен и ровен и требует большего числа ударов крыльев. Во время размножения коэль становится шумным,

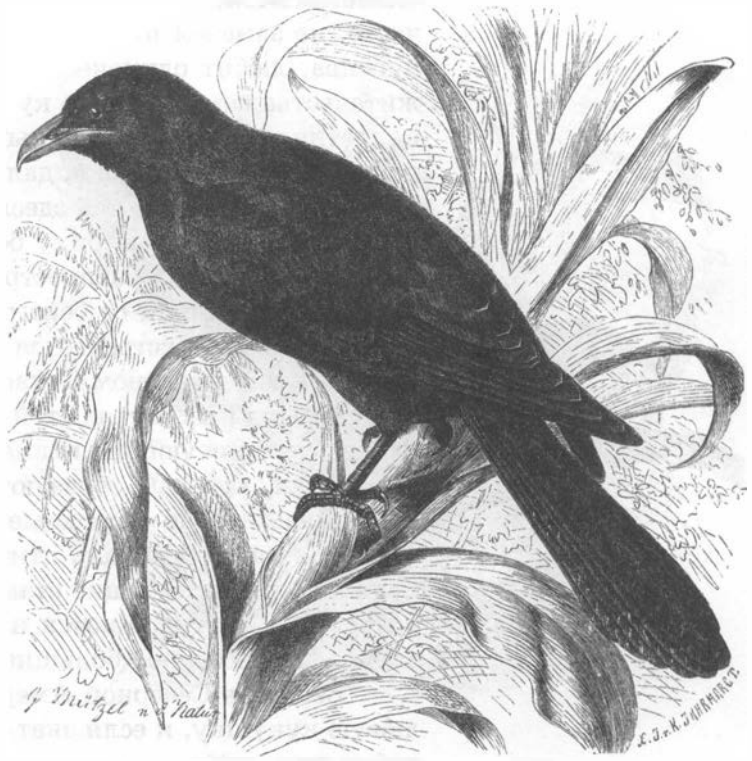

Исполинская
кукушка
(*Scythrops
novaehollandiae*)

и его можно услышать во всякое время, даже посреди ночи, когда он издает непрерывно свой хорошо известный крик «каэл-каэл», который становится постепенно громче и громче. Впрочем, самец имеет другой звук, звучащий как «хувиху» или «хоэхо», а когда он летит, издает еще третий крик, который несколько звучнее».

Блайт рассказывает об этой птице подробно. Коэль, хотя вообще похож на кукушку по своим движениям, а также тем, что он обыкновенно перелетает с дерева на дерево, однако не особенно пуглив и позволяет приблизиться человеку, сидя спокойно и не обращая ни на что внимания, особенно во время еды. Когда становишься под дерево, покрытое плодами, можно убить такое количество птиц, что едва хватает времени, чтобы заряжать ружье. Различные народные наименования его, как и можно ожидать, подражают его крику, похожему на крик кукушки, и если его слушать из некоторого отдаления, то он радуется своими бесконечными повторениями во все часы дня или ночи, но под конец надоедает всем европейцам. Туземцы думают иначе. Они восхищаются этой птицей преимущественно из-за ее голоса, поэтому постоянно содержат ее в клетках и наслаждаются так же, как мы самыми хорошими певунами. Вследствие этого пленный коэль теряет скоро всякую робость и не сидит молчаливо и надувшись, как наша кукушка, а издает свой громкий голос в неволе так же усердно, как и на свободе.

«Самка этой столь известной в Индии птицы, — продолжает Блайт, — кладет, по-видимому, свое яйцо исключительно в гнезда обоих индийских видов ворон (*Corvus splendens* и *Corvus macrorhynchos*). Яйца ее составляют такое обыкновенное явление, что один человек принес нам зараз 5—6 яиц, из которых каждое лежало в особом гнезде. Очень часто находят в гнездах ворон только по одному яйцу этого паразита, и есть некоторое основание думать, что коэль разбивает яйца вороны, в гнездо которой он хочет положить свое собственное. Но еще остается недоказанным, имеет ли молодой коэль «инстинкт» выкидывать из гнезда могущих в нем быть сожителей. Я сильно сомневаюсь в этом. Впрочем, кажется, что вороны очень хорошо замечают, когда коэль им подсовывает свое яйцо».

Коэль
(*Eudynamis scolopacea*)

Мы узнаем из наблюдений Свинхоз, что козель несколько не ограничивается в выборе воспитателей своих детей птицами, названными упомянутыми выше исследователями, но кладут яйца также в гнезда других птиц, хотя все-таки отдаленных родственников вороны.

Желтоклювая кукушка (*Coccyus americanus*) стала нам известна по наблюдениям Вильсона, Одюбона, Нутталля, Ньютона, Бревера, Кауса и других исследователей.

«Иностранец, — говорит Вильсон, — посещающий Соединенные Штаты и в мае и июне проходящий через леса, слышит иногда низкие горловые тоны, похожие приблизительно на слоги «кау-кау»; они сначала издаются медленно, потом скорее, и так быстро оканчиваются, что звуки сливаются. Он может эти тоны слышать часто, не замечая птицы, которая их производит, потому что она пуглива, любит одиночество и всегда отыскивает себе для местожительства самые густые кусты. Это и есть желтоклювая кукушка, летняя птица Соединенных Штатов, которая обыкновенно прилетает в середине или же, дальше к северу, в конце апреля, даже в начале мая; она остается здесь до половины сентября и тогда перелетает в среднюю Америку большими стаями, чтобы там перезимовать». Эта птица распространена в Соединенных Штатах от Канады до Флориды и от берегов Атлантического до берегов Тихого океана, а также встречается и даже часто является гнездящейся птицей в юго-западном Техасе и на всех главных островах Вест-Индии. В южных частях этой области эти кукушки, вероятно, принадлежат к кочующим птицам, а на севере относятся к перелетным. Стаи, которые образуются в случае странствования, далеко растягиваются, но отдельные особи не имеют между собой связи, несмотря на то, что одна птица этого общества следует за другой. Если эти странствующие стаи настигаются бурями, то может случиться, что они спасаются на Антильских островах и тогда буквально переполняют большие пространства.

Весной в Северной Америке можно везде услышать желтоклювую кукушку, и если знать ее привычки, то делается легко ее и наблюдать, так как она нигде не составляет редкости, а в подходящих местах встречается даже часто. Большинство пар поселяется, конечно, в лесу, но очень многие приискивают убежище в непосредственной близости жилищ, например, в садовых деревьях, и здесь самец скоро выдает себя горловым криком «кау-кау» или «кук».

Желтоклювая кукушка — лазающая, а не бегающая птица. В ветвях деревьев она движется с ловкостью синицы, а на землю спускается редко, и когда она здесь начинает прыгать, то делает это необыкновенно неуклюже. Ее полет быстр и бесшумен, но все-таки редко простирается далеко, чаще же прерывается у первого удобного дерева, так как эта птица, по-видимому, чувствует себя более всего в безопасности среди густых верхушек деревьев.

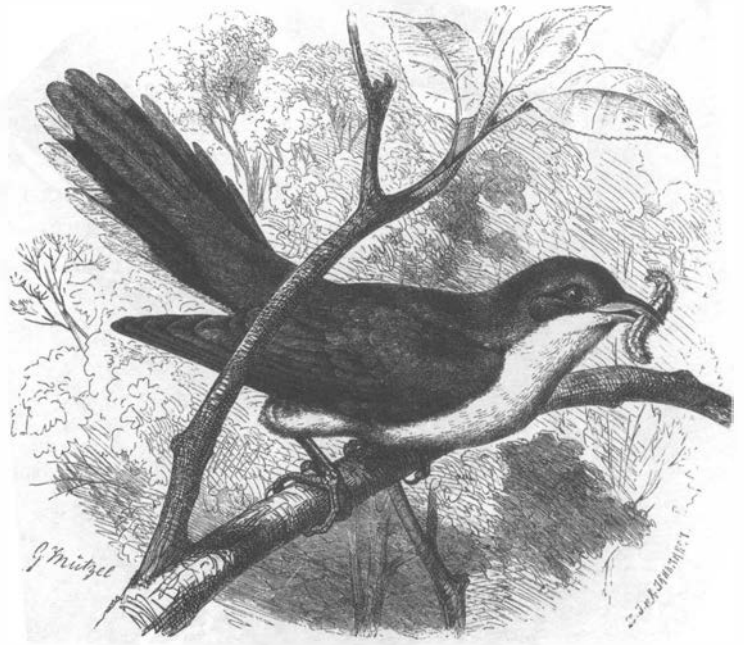
Пища желтоклювой кукушки состоит из насекомых и плодов, а именно из бабочек, кузнечиков, волосатых гусениц бабочек и т.п., а осенью из различных ягод. Вероятно, не без основания подозревают, что она разоряет гнезда более мелких птичек.

Способ размножения представляет нечто удивительное в том отношении, что эта птица все-таки не может совсем отречься от своей кукушечьей природы и, по крайней мере, иногда кладет яйца в гнезда других птиц. Еще замечательно то, что самка тотчас же начинает высидывать яйца, как только она их снесла, и поэтому птенцы не вылупляются одновременно. Гнездо состоит из немногих сухих сучков и травы, весьма простое, плоское, похожее на гнездо обыкновенных голубей и так же прикреплено на горизонтальной ветке, часто не выше человеческого роста от земли. Яйца, в числе 4—5, продолговатые и ярко-зеленого цвета.

По довольно подробным наблюдениям Нутталля, желтоклювая кукушка обыкновенно покидает яйца, если до них дотрагивались прежде, нежели она начала их высидывать, но выказывает самую нежную любовь к своим птенцам и так близко подлетает к человеку, беспокоящему гнездо, что ее можно поймать рукой. Как и у многих других птиц, в таком случае тот или другой из родителей припадает к земле, порхает, шатается, представляется расслабленным и употребляет обыкновенные хитрости, чтобы отманить нарушителя спокойствия от гнезда. Пока самка высидывает, самец остается вблизи, верно караулит ее и предостерегает самку от каждого приближающегося врага. После вылупления птенцов оба родителя соединяются и до самопожертвования усердствуют, чтобы вырастить свое прожорливое потомство.

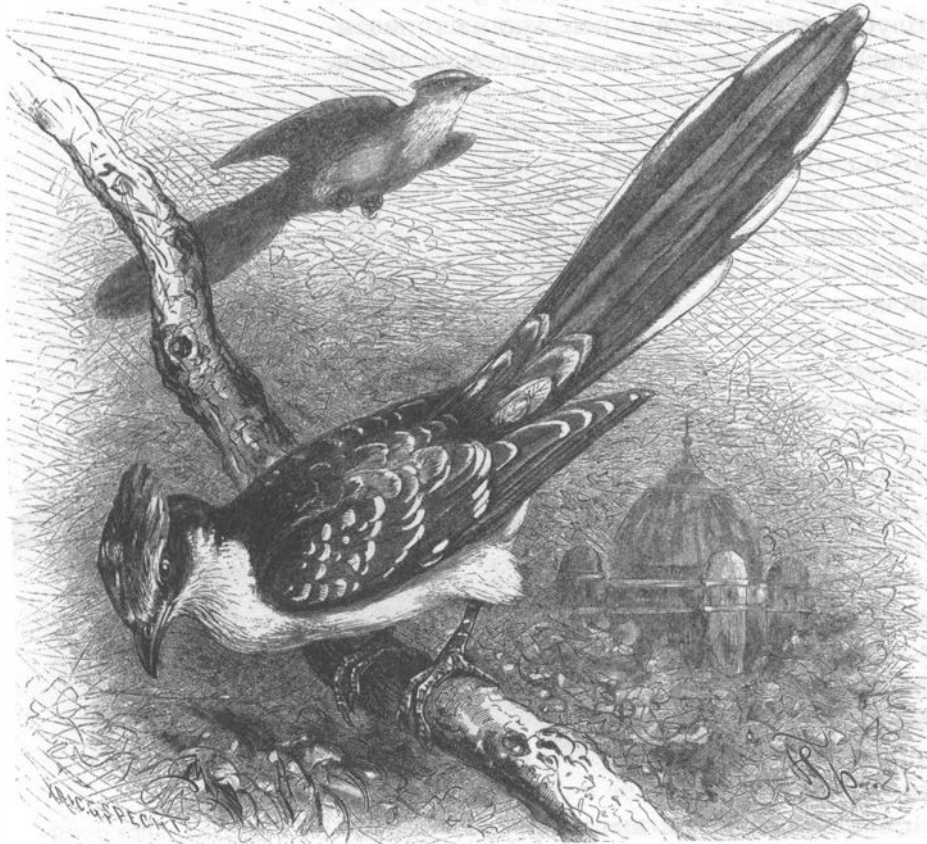
В Америке желтоклювая кукушка редко преследуется, и это объясняет ее непугливость. Впрочем, она скоро замечает, хотя ли ей добра или зла: опыт научает и ее. Одюбон говорит, что она часто делается жертвой кречета.

Хохлатая кукушка (*Clamator glandarius*) пепельного цвета на голове, бурая на спине, серовато-белая на нижней части тела, горло, бока шеи и передняя часть груди красновато-серо-желтые. Длина приблизительно 40 см, размах крыльев 21, длина хвоста 22,5 см. К несчастью, я не могу дать точных измерений, хотя тщательно измерял несколько пар.

Желтоклювая
кукушка
(*Coccyus americanus*)

Африку можно считать настоящей родиной хохлатой кукушки. В Египте и Нубии она, смотря по местности, обыкновенна, нередко встречается в западной Африке, в соседней Аравии и Палестине, в некоторые годы очень распространена в Персии, а в другие очень редко попадает; в Алжире она также встречается и отсюда более или менее регулярно перелетает в Европу. В Испании она является как гнездящая птица; в Греции, кажется, встречается реже и, по наблюдениям, имеющимся до сих пор, попадает там только случайно; в Италии ее также часто наблюдали. Вероятно, ее можно видеть во всей южной Европе почти ежегодно на удоб-

Хохлатая кукушка
(*Clamator glandarius*)

ных местностях. Впрочем, без сомнения, странствуют так далеко на север только те, которые поселились в Европе, так как в Египте живущие птицы не покидают своей родины в месяцы, соответствующие нашей зиме.

В Египте хохлатая кукушка решительно предпочитает небольшие рощи мимоз, которые кое-где попадаются в Нильской долине. Очень часто рошица, которую легко можно обойти в четверть часа, дает приют 8—10 парочкам или по крайней мере самцам, между

тем как обыкновенно можно пройти или проехать большие пространства, не встретив ни одной хохлатой кукушки. В Палестине, где эта птица не менее часто встречается, чем в Египте, она населяет, по словам Тристрама, преимущественно негустые лесные насаждения, особенно дубовые рощи, появляется в них около конца февраля и покидает их в середине осени. Подобные же местности дают ей приют в средней части северной Африки и в Испании. Они особенно заметны, когда, подобно соколу, быстро и ловко пролетают между верхушек деревьев. По весьма понятным причинам хохлатая кукушка избегает пустынь и высоких гор и не любит безлесных степей. В противоположность обыкновенной ку-

кушке хохлатую редко можно встретить в одиночестве. Имеет ли время кладки какое-нибудь влияние на ее общественность, я не в состоянии сказать; могу только сообщить, что именно во время кладки я встречал хохлатых кукушек в сообществе им подобных, но птицы жили вовсе не мирно между собою.

В своем образе жизни и нравах хохлатая кукушка имеет весьма мало сходства с обыкновенной. Полет их, правда, несколько схож, но во всем прочем обе птицы существенно отличаются друг от друга. Они обе очень подвижные, но хохлатая кукушка довольствуется, как уже замечено нами выше, гораздо меньшим пространством, чем обыкновенная. Она так же непостоянна, однако чаще возвращается на старое место; она ревнива, но далеко не доходит до такой слепой ярости, как обыкновенная кукушка, у которой это чувство похоже на безумие. Само собою разумеется, что влюбленные самцы запальчиво преследуют друг друга, причем сильно кричат и борются между собою; но все же она ведет себя более прилично, чем обыкновенная кукушка.

Полет хохлатой кукушки чрезвычайно быстрый и ловкий, так как птица несется с проворством ястреба сквозь самые густые чащи, не останавливаясь ни на одно мгновение. На землю она спускается чрезвычайно редко; я, по крайней мере, никогда не видал ее на земле, но наблюдал, как она на лету ловит насекомых. Спугнутая с места, она спасается на другое дерево, проникает в чащу его верхушки и там выжидает приближения преследователя. Заметив опасность, она незаметно проскальзывает между веток, покидает дерево с противоположной стороны и направляется к другому дереву. Таким образом она долго может дурачить охотника. Ее голос напоминает крик сороки. Пение состоит из правильно и часто повторяющихся один за другим громких звуков, которые нельзя смешать с голосом другой птицы, и которые слышны на далеком расстоянии.

В желудке убитых нами хохлатых кукушек мы находили разного рода насекомых и гусениц, а Аллен и его спутники — преимущественно сверчков. Гейглин говорит, что бабочки, гусеницы, пауки, кузнечики и жуки составляют обыкновенную пищу этих птиц, и замечает, что желудки их так же часто, как и у обыкновенных кукушек, бывают набиты гусеничным пухом.

Весьма важное значение придаем мы вопросу, вьет ли хохлатая кукушка сама себе гнездо или подкладывает свои яйца для высиживания другим птицам. Поэтому мне было чрезвычайно важно разъяснить это обстоятельство на месте, но, несмотря на мое многолетнее пребывание в Африке, мне долго не удавалось узнать что-нибудь положительное об этом предмете.

2 марта 1852 года я довольно долгое время преследовал хохлатую кукушку в одном саду около Фив, в Верхнем Египте. Она дразнила меня своим обычным образом и заставила целые полчаса бегать за ней. Наконец я увидел, как она проскользнула в

Семейство кукушковые

большое гнездо, находившееся на особенно высоком дереве. Само собою разумеется, что с той минуты я старался не тревожить птицы. Четверть часа спустя она опять вылетела из гнезда и совсем удалилась из той местности. Я влез на дерево и увидел, что то было гнездо серой вороны, в котором лежало шесть яиц; одно из них оказалось раздавленным. Между ними я заметил с первого взгляда два меньших по величине яйца, которые нельзя было принять за вороньи, хотя они по величине и цвету очень подходили к ним. Вынутые из гнезда яйца были с большими предосторожностями отнесены к барке, где мы их сличили с тщательно сохранными осколками первого яйца кукушки. К моей великой радости я нашел, что они совершенно ему соответствовали. По величине они почти равнялись сорочьим яйцам, а по форме кукушечьим. «Цвет их, — описывает Бедекер, — светло-голубовато-зеленый, рисунок же состоит из пепельно-серых, коричневатосерых очень частых пятнышек, которые к тупому концу образуют как бы венчик. Кроме этого основного рисунка на них встречаются еще несколько темно-коричневых точек. С вороньими или сорочьими яйцами сравнить, а тем более смешать их нельзя, так как форма, поверхность скорлупы, рисунок и даже зеленоватый основной цвет их производят на первый взгляд совершенно другое впечатление, чем последние».

Одно это наблюдение уже достаточно определило бы способ размножения хохлатой кукушки; но 12 марта мне посчастливилось сделать второе открытие, которое придало еще больший вес первому. В одном деревенском саду, в котором, как обыкновенно бывает в Египте, густо росли деревья, я был вызван однажды на охоту громким и неприятным криком старой кукушки «киек-киек-киек-киек». Я застрелил обоих родителей, но скоро заметил еще одну хохлатую кукушку, не совсем еще оперившегося птенца, которого кормили и защищали две серые вороны*. С той поры я приказал исследовать все вороньи гнезда и был действительно счастлив, что в одном из них 19 марта нашел еще одно кукушкино яйцо.

Об одном индийском виде кукушек — **бан-кокил** (*Phoenicophaeus tristis*), сообщает нам Жердон. Отличительные признаки этой птицы следующие: сильно сжатый сверху и внизу изогнутый клюв, средней величины ноги с короткими пальцами, снабженными острыми когтями, короткие крылья, и, наконец, очень длинный ступенчатый хвост. Бан-кокил с верхней стороны темно-серо-зеленый, голова и зашеек серые, маховые перья и хвост блестяще-зеленые, каждое маховое перо на конце белое; подбородок и горло пепельно-серые с черными черточками; передняя часть шеи и грудь бледно-серые, нижняя часть груди и окружность голубого глазного кольца — белые. Это белое кольцо окаймлено сверху узкой черной полоской с белыми и черными точками; наконец, уздечка черного цвета. Глаза темно-карие, кольцо около глаз ярко-красное. Клюв прекрасного яблочно-зеленого цвета, ноги зелено-

* Хохлатая кукушка паразитирует преимущественно на врановых, подкладывая свои яйца в гнезда сорок (*Pica pica*), серых (*Corvus cornix*) и черных ворон (*Corvus corone*), ворона (*Corvus corax*), голубой сороки (*Cyanopica cyanus*).

вато-аспидно-синие. Длина тела достигает 60 см, длина крыла 17,5 а хвоста 42 см.

«Эта хорошенькая птица, — говорит Жердон, — водится в Бенгалии, средней Индии, в теплых долинах Гималайских гор, также в Ассаме, Бирме и на Малаккском полуострове, где она встречается в большом количестве. Я их обыкновенно встречал поодиночке и видел, как они носятся по лесам взад и вперед, гоняясь за стрекозами, кузнечиками и тому подобными насекомыми. В Сиккиме встречаются они только в теплых долинах, около 1000 м над уровнем моря. Мне однажды принесли два продолговато-круглых, чисто белых яйца, но самого гнезда, которое, как мне говорили, состоит из кучи ветвей и корней, я никогда не видал. Третье яйцо я вынул из яйцевода убитой мною самки». Блайт замечает, что птица выдает свое присутствие однозвучным, несколько раз повторенным звуком «чук». Некоторые естествоиспытатели утверждают, что эти кукушки едят и плоды, но Жердон решительно заявляет, что он никогда этого не видал. Вот почти все, что мы можем сообщить относительно образа жизни этих красивых птиц; потому я считаю излишним упомянуть здесь о других видах того же рода.

Большая, или калифорнийская, кукушка-подорожник (*Geococcyx californianus*), принадлежит к самым крупным видам этого семейства; общая длина 50—60 см, из которых 31—35 см приходится на хвост; крылья же достигают только 17 см длины. Оперение пестрое, но не яркое.

Кукушка-подорожник распространена везде, начиная от южной Калифорнии и Техаса до самой Мексики, и хорошо известна благодаря своей оригинальной наружности и своеобразному образу жизни. Как туземцы, так и переселенцы дают ей множество названий: в Мексике «мужичок» или «подорожник», в Техасе — «степной петух», в Калифорнии ее зовут «земляная кукушка». Короткие крылья не позволяют ей совершать большие перелеты, благодаря своим длинным ногам она необычайно скоро движется по земле. Поэтому кукушка-подорожник принадлежит к оседлым птицам в полном смысле этого слова, и только в крайних случаях меняет однажды избранное ею местожительство на другое.

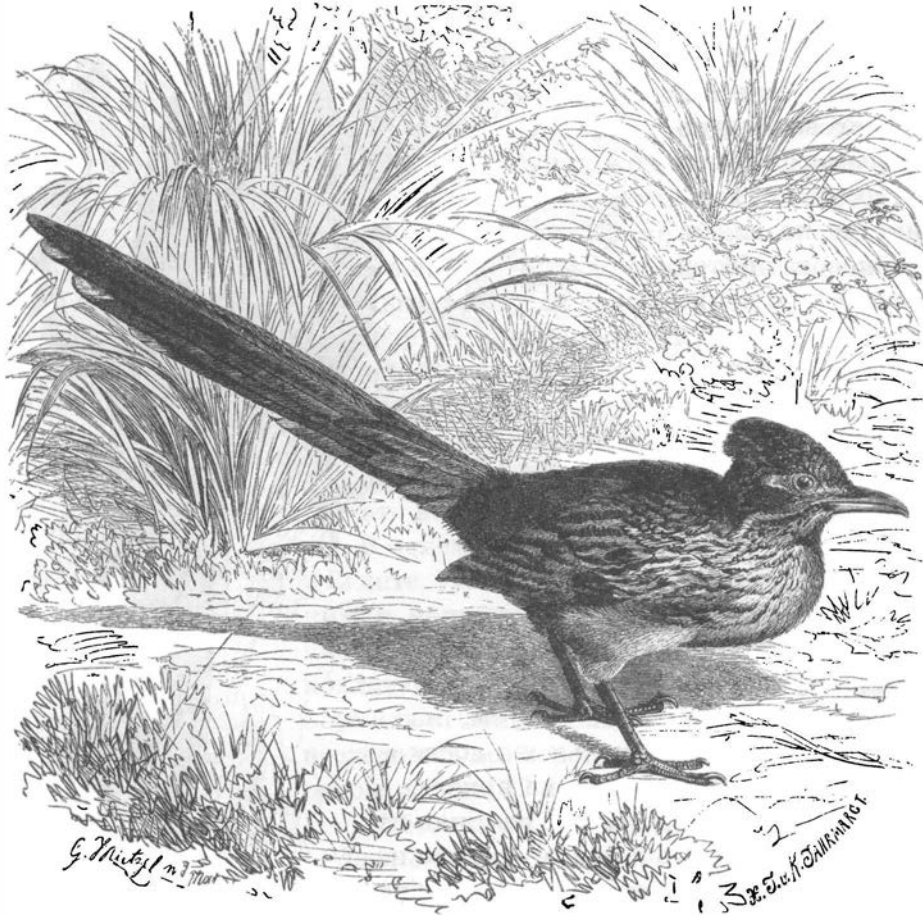
Птицы эти очень необщительны; каждая из них живет отдельно и по возможности тихо и скрытно, совсем почти не удаля-

**Семейство
кукушковые**

Бан-кокил
(*Phaenicophaeus tristis*)

ясь от своего местожительства. Здесь можно видеть, как она спокойно и невозмутимо бродит, приподняв хвост и слегка наклонив переднюю часть тела. Совершенно иначе движется эта птица в минуты опасности. На бегу она не уступит ни одной беговой лошади; по крайней мере, в этом отношении с ней не может сравниться ни одна птица Северной Америки. Она в состоянии, прыгая, приподняться над землей на 3 м и для поддержания в воздухе своего тела только на минуту распускает крылья, но переносится таким образом через огромные пространства. Она может и

Большая, или
калифорнийская,
кукушка-подорожник
(*Geococcyx
californianus*)

довольно скоро летать, но короткие крылья не позволяют ей держаться выше 2 м над поверхностью земли. Этот своеобразный способ передвижения побуждает иногда мексиканцев на травлю, которая предпринимается, конечно, не столько ради мяса кукушки, сколько с целью выказать искусство ездока в погоне за столь быстрой птицей. Полковник Мак-Калль рассказывал, что он однажды на дороге заметил эту кукушку и ради удовольствия помчался за ней. Птица находилась перед его лошадейю на расстоянии ста шагов и тотчас пустилась бежать, когда увидела за собой погоню. Более 400 шагов преследовал Мак-Калль кукушку по узкой дороге, по которой она неслась прыжками, вытянув шею и слегка раскрыв свои коротенькие крылья, но догнать ее все-таки не мог. Когда она, наконец, скрылась в чаще леса, охотник уже находился от нее в 50 шагах. Дрессер уверяет, что он тоже часто гнался за этой птицей, но никогда не видал, чтобы она, даже при самом поспешном бегстве, пускала в ход свои крылья.

Всевозможные насекомые и мягкотелые, в особенности улитки, составляют пищу кукушки-подорожника. Улиток она обык-

новенно очищает от раковины на открытых местах, так что в лесах, населенных этими кукушками, часто находят остатки ее обеда. Эта кукушка нападает и на позвоночных, в особенности на пресмыкающихся, и считается у мексиканцев самой главной истребительницей страшной и ненавистой им гремучей змеи, с детенышами которой она справляется, говорят, легко. Благодаря своему искусству в прыганье эта кукушка не упускает и крылатой добычи, и вообще в прожорстве и хищности, так же как и в ловкости при добывании добычи, ни малейшим образом не уступает другим членам своего семейства. Единственные звуки, которые нам до сих пор удалось услышать от кукушек-подорожников, — слабый, редко испускаемый крик или воркование, совершенно схожее с воркованием голубей и сопровождаемое приподнятием хохла и хвоста.

О способе размножения этой птицы мы не имеем точных сведений. Герман нашел искусно сплетенное из ветвей гнездо, в котором находились два больших белых яйца, между листьями кактуса.

Расположение, которым пользуется кукушка-подорожник у мексиканцев, объясняется той легкостью, с которой она превращается в полудомашнюю птицу. Ее часто держат в неволе, и она в короткое время так привыкает к изменившимся обстоятельствам, что ей можно не только позволять свободно ходить по дому, но даже гулять по двору и саду. Привыкнув, она скоро становится совсем ручной и оказывает действительные услуги, поедая мышей, маленьких змей и других пресмыкающихся, так же как и жуков, и других вредных животных. Мясо же ее приносит более мнимую, чем действительную пользу, так как употребляется мексиканцами как целебное средство против разных болезней. Это мнение доставляет кукушке-подорожнику почетное звание домашней птицы, но часто стоит ей жизни. Заметили тоже, что некоторые кукушки, подобно кошкам, довольно долго играют пойманной добычей, а потом проглатывают ее целиком.

В Африке, Ост-Индии, Австралии и на Малайских островах живут кукушки, которых зовут шпорцевыми кукушками.

Во время пребывания в Африке я часто встречал там один вид этих кукушек, **сенегальскую шпорцевую кукушку** (*Centropus senegalensis*). Она принадлежит к видам с сравнительно коротким хвостом и большей частью красновато-бурым оперением. Длина ее 37 см, размах крыльев 43, длина крыла 14, хвоста 19,5 см; размеры эти, впрочем, не всегда одинаковы.

В удобных местностях северной и западной Африки сенегальская кукушка встречается довольно часто, в Египте и Нижней Гвинее она представляет даже весьма обыкновенное явление. Здесь она живет почти исключительно в больших камышовых зарослях, в Судане — в непроходимых чащах, так как может, подобно крысе, пролезать сквозь непроницаемые кусты, не обращая

внимания на шипы, которыми иногда они бывают усеяны. Она лазает и проскальзывает, пробирается и протискивается сквозь самую густую чащу, точно мышка, от времени до времени опять появляется наружу, приподымается на известную высоту, где почти неподвижно сидит некоторое время, осматриваясь кругом, потом исчезает опять в кустах или медленно летит, паря и скользя по воздуху и почти не шевеля крыльями, от одного куста к другому, если, впрочем, не предпочтет пробежать этот путь на ногах. Сенегальская кукушка имеет в образе жизни мало сходства с обыкновенными кукушками, так как любит уединение, старается остаться незамеченной и все свои дела ведет по возможности тайком.

Сенегальская
шпорцевая кукушка
(*Centropus
senegalensis*)

Ее пища состоит из разных насекомых, преимущественно муравьев, которыми она иногда отвратительно пахнет. Впрочем, немаловажную часть ее добычи составляют улитки и другие мягкотелые, так как все кукушки очень жадны до такого рода пищи.

Сенегальская кукушка живет парами; когда увидишь одну птицу, можно быть уверенным, что другая покажется в скором времени. Только молодые птицы кочуют одиноко долгое время, может быть, даже целый год. Гнездо мне удалось найти только раз на Дельте, в густой вершине оливкового дерева. Оно состояло почти исключительно из плодовых оболочек початков маиса и содержало (в конце июля) четырех полувзрослых птенцов, из которых мы одного довольно долго держали в неволе на самой обыкновенной пище.

В северной Африке никто не думает преследовать сенегальскую кукушку; к ней относятся с таким же равнодушием, как и к другим птицам. Говорят, что в восточной Африке на нее (или на одного из ее родичей) смотрят весьма неблагоприятно, вероятно, вследствие того, что ее вонючее мясо нельзя употреблять в пищу. Каковы враги этой птицы, я сказать не

могу; только я никогда не видел, чтобы сокол ее преследовал. Лучшей ее защитой служат те колючие кусты, в которых она живет.

Фазанья шпорцевая кукушка (*Centropus phasianus*) преимущественно окрашена в черный цвет и отличается особенно ярко блестящими стволами перьев. Самка, которая больше самца, не отличается от него цветом оперения. У молодых кукушек оперение с верхней стороны красновато-бурое, с нижней — бледно-серое. Длина тела 63 см, длина крыла 26, хвоста — 37 см.

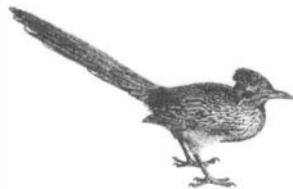
Образ жизни их описан Гульдом. Фазанья кукушка водится в болотистых местах, густо поросших кустарником, травой и камышом, и держится там почти постоянно на земле, по которой бегает с необычайной легкостью. Лишь в крайнем случае она взлетает на высокие деревья, и то вначале на нижние ветки, и только мало-помалу взбирается, перепрыгивая, с одной ветки на другую, на самые верхние сучья. Достигнув верхушки дерева, она лениво перелетает на другое дерево.

Большое гнездо располагается среди кустов травы, иногда между листьями пандануса; оно состоит из сухих трав, покрыто сводом и снабжено двумя отверстиями, из которых самка во время высидывания высовывает хвост и голову. 3—5 яиц, составляющие кладку, грязно-белого цвета, почти круглые и шероховаты на ощупь.

Самый известный и распространенный вид составляет кукушка-ани, или гладкоклювая кукушка (*Crotophaga ani*). Длина его 35 см, размах крыльев — 40, длина крыльев — 13, хвоста — 17 см; следовательно ани, несмотря на свой длинный хвост, по величине едва равняется обыкновенной кукушке. Очень черные перья крыльев и хвоста имеют стальной отлив, перья головы и шеи оканчиваются широкими медно-бурыми краями, нижние шейные перья, плечевые, зобные и грудные — широкими синевато-черными краями. Клюв от самого корня снабжен

Фазанья шпорцевая
кукушка
(*Centropus phasianus*)

высоким, острым ребром с легкой выемкой перед кончиком, по бокам гладкий и без продольных полосок; цвет клюва, как и ног, черный, цвет глаз — серовато-бурый.

Ани распространен в большей части Южной Америки, к востоку от Анд. Область его жительства простирается от востока Бразилии до средней Америки, включая Вест-Индию и Антильские острова. Случайно он встречается на юге Соединенных Штатов Америки. В Бразилии живет везде, где открытые пастбища чередуются с кустарником и мелким лесом, но решительно избегает больших лесов; в Гвиане его хриплый крик встречает путешественника при выезде из селения; на Ямайке его можно видеть на равнинах, в особенности в тех степях и пастбищах, которые посещаются стадами лошадей и рогатого скота.

Нрав его довольно приятен. «Ани, — говорит Гилль, — один из моих любимцев. Другие птицы появляются только в известное время года, эти же постоянные обитатели полей, и их можно видеть целый год. Везде, где только есть открытое место, пастбище, обнесенное деревьями или кустарником, можно найти эту общительную птицу. Дерзкие и, по-видимому, небоязливые, ани никогда не пропускают появления человека, не возвестив о нем громким криком. По окончании грозы они первые покидают чащу, чтобы обсушить свои перышки и снова затем появиться в открытом поле; даже всегда готовый петъ пересмешник не появляется раньше их. «Кви-еч, кви-еч» раздается из ближнего куста, и маленькая стая ани показывается с далеко вытянутым хвостом, спеша к тому месту, где свежесть и сырость земли вызвали наружу насекомых. Солнце бросает на равнину свои косые лучи, морской ветер распространяет свежесть, и боязливо повторяемое «кви-еч, кви-еч» раздается снова. Сокол бесшумно крадется по краю кустарника, а иногда парит над саванной, но сторожевой крик черных птиц уже давно известил об опасности все население полей; не раздается более ни одного звука, не шевелится ни одно крыло.

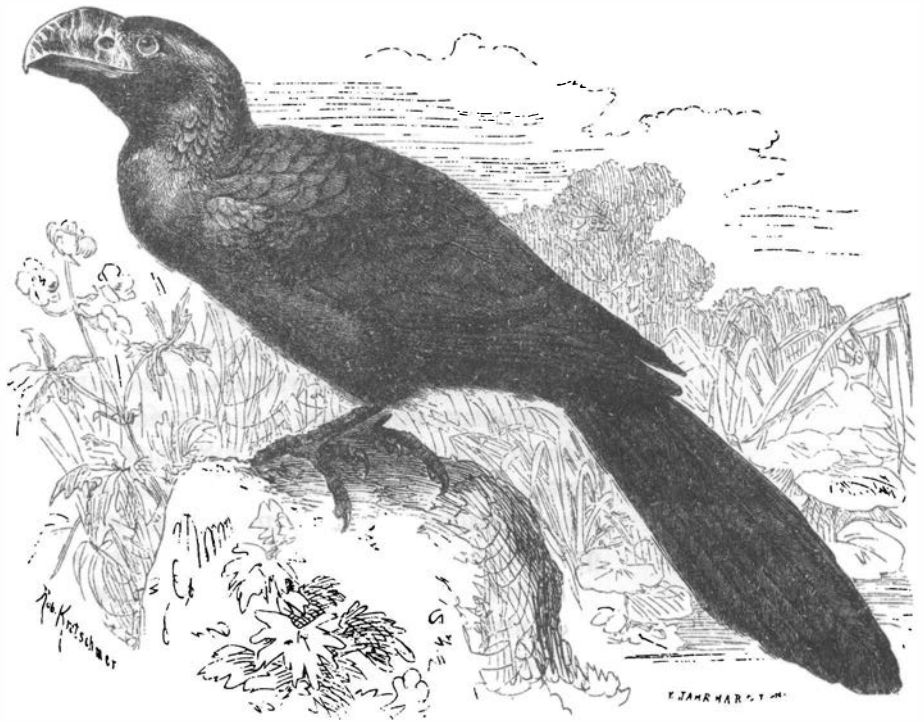
В очень жаркие дни, когда даже роса не падает на землю и растения как бы изнемогают от зноя, можно видеть кукушек-ани, стремящихся в послеполуденный час к рекам и разделяющимся там на маленькие общества. Отыскав такое место, где вырванное с корнем дерево упало в воду, они, сидя в самых разнообразных положениях и подняв вверх хвост, пьют с веточек или тихо и глубокомысленно чистят свои перья и занимаются еще чем-нибудь на песке у берега. Здесь они остаются до солнечного заката, затем, промешкав еще немного, улетают оттуда все по знаку, данному одним из них, что пора отправляться на покой». Другие наблюдатели выражаются о них в том же роде. «Это в высшей степени привлекательные создания, — пишет Шомбургк, — за вечно хлопотливой жизнью которых можно наблюдать целыми часами. Торопливо прыгают они вокруг стада или шныряют по траве, разыскивая кузнечиков и других насекомых. Когда же дело

доходит до бегства, то проворство покидает их, потому что мышцы крыльев у них недостаточно сильны и скоро отказываются им служить. Чаще всего они встречаются около лесов и в кустарниках, растущих вдоль рек в саваннах, где они с диким шумом перелетают с одного куста на другой; реже — в открытых саваннах или лесной чаще».

Их движения ни в каком случае нельзя назвать неловкими. По земле они обыкновенно прыгают, случается видеть их и бегающими, причем они широко выставляют попеременно одну ногу перед другою. По веткам они лазают одинаково скоро вверх и вниз головой. Спустившись на кончик одной из главных веток, они легко достигают середины вершины, быстро пробегая по ветке, тщательно обыскивают дерево, ища там насекомых, и улетают с противоположной стороны или поодиночке в том же порядке, или вдруг все вместе с громким криком. Полет их тяжелый, медленный и неровный; летящий ани выглядит очень странно, потому что прямо вытягивает свое тонкое туловище с длинным хвостом, большой головой и сильным клювом и едва шевелит крыльями, так что, по словам Госсе, более похож на рыбу, нежели на птицу.

Особенный призывный крик, который слышится ежеминутно, звучит, по мнению Киттлица, как «труи», по словам Азары — «квоои», или «аани», принца фон Вида — «ани» или «аи» по Гундлаху — «иу-дио»; звук, без сомнения, неприятный, почему поселенцы, по словам Шомбургка, называют обыкновенно эту птицу «старой ведьмой».

Пища их смешанная. Пресмыкающиеся, насекомые и черви, вероятно, составляют ее основу, по временам же они придерживаются исключительно плодов. Натуралисты находили в желудках убитых ани остатки разных насекомых — стрекоз, бабочек, мух и тому подобных, но вместе с тем и различные ягоды и плоды. С коров они снимают паразитов, поэтому-то и встречаются часто на пастбищах. Их можно видеть бегающими по

Ани
(*Crotophaga ani*)

*Семейство
кукушковые*

спине животного, причем последние не выражают никакого не-удовольствия; иногда даже несколько птиц сидят одновременно на быке, все равно, лежит ли он смиренно или передвигается с места на место. Госсее наблюдал за тем, как деятельно они освобождали корову от ее мучителей; другие путешественники тоже подтверждают дружбу их с рогатым скотом. Впрочем, они страшны не только бегаящим насекомым, а преследуют и летающих. «В декабре, — говорит Госсее, — я видел, как маленькие общества ани слетали с веток, без сомнения, для того, чтобы ловить летающих насекомых. Однажды в марте или в мае мое внимание было привлечено несколькими птицами, которые преследовали большую бабочку, а еще раз я видел одного ани, несшего в клюве стрекозу. Я замечал также, что иногда они преследуют и маленьких ящериц».

О способе размножения этих птиц мы имеем подробные, но не совсем согласные между собой сведения.

Относительно человека ани ведут себя различно. Перед всадниками они или вовсе не обращаются в бегство, или улетают только при значительном их приближении, в особенности, если всадник придержит лошадь; к пешеходам они имеют меньше доверия. Там, где они имеют мало сношений с людьми, смелость их становится почти невероятной. «Подобно многим птицам этих пустынь, — передает А. фон Гумбольдт, — они так мало боятся людей, что дети часто ловят их руками. В долинах Арагуа, где их очень много, птицы эти среди бела дня садились на наши гамаки в то время, когда мы в них лежали». Только свиста, как уверяет Шомбургк, они не могут выносить; по крайней мере, они улетают мгновенно, как только услышат свист. На ани обыкновенно не охотятся, за исключением разве некоторых жителей Кубы, которые едят их мясо, несмотря на его особенный запах, и даже прописывают его выздоравливающим как целебное и возбуждающее аппетит средство.

ОТРЯД СОВООБРАЗНЫЕ (Strigiformes)

Отряд
совообразные

Совы отличаются необыкновенно большой, к затылку постепенно расширяющейся головой, густо обросшей перьями, очень большими глазами, смотрящими прямо вперед и окруженными лучистым кольцом из перьев (лицевой венчик), широкими и длинными вогнутыми крыльями и большей частью коротким хвостом. Клюв с самого основания сильно загнут книзу, оканчивается коротким крючком и не имеет никаких зазубрин. Восковица короткая и всегда прикрыта длинными щетинистыми перьями, окружающими основание клюва. Средней величины ноги обыкновенно оперены почти до самых когтей; пальцы сравнительно коротки и почти равны между собой по длине, однако задний прикрепляется немного выше, чем прочие; наружный палец вращательный, т.е. свободно может обращаться то вперед, то назад. Когти большие, длинные, сильно загнутые, очень острые и в поперечном разрезе почти круглые. Отдельные перья велики, длинные, широки, к концу закруглены, очень тонко рассучены, почему очень мягки и гибки; перья лица меньше и жестче, они образуют вокруг глаз как бы венчик, состоящий из пяти рядов перьев, что и придает голове совы большое сходство с кошачьей. Обыкновенно тусклое, но в исключительных случаях довольно яркое, даже ослепительное оперение почти всегда очень близко подходит к цвету окружающей среды и к коре деревьев, однако рисунок бывает иногда очень изящный и разнообразный.

Органы чувств у сов заслуживают особенного внимания. Глаза необыкновенно велики и так выпуклы, что образуют полшария. Самый глаз внутри чрезвычайно подвижен, так как зрачок расширяется и суживается при всяком вдыхании. Наружное отверстие уха у большей части сов окружено складкой кожи, которая сбоку окружает глаз и может быть приподнята и опущена.

Совы живут во всех частях света и населяют все пояса, страны и местности, от холодных северных стран до самого экватора и от морского берега до 5000 м высоты над уровнем моря. На юге живет большое число видов, но и на севере их тоже немало. Настоящим местопребыванием сов служат леса, но они живут и в степях, пустынях и безлесных горах, населенных местностях и

городах. Их зовут ночными хищниками, но это выражение требует некоторого пояснения. Без сомнения, большая часть из них начинает свою охоту только в сумерки, однако они и днем довольно подвижны и даже в самый полдень отправляются за добычей. Зрение, чрезвычайно острое на небольших расстояниях, необыкновенно тонкий слух и мягкое оперение дают возможность сове успешно охотиться и после наступления темноты. Беззвучно несется она невысоко над землей, так что шум собственных движений не мешает ей прислушиваться к малейшему шороху и видеть, несмотря на темноту, самое маленькое млекопитающее.

Глаза сов не так чувствительны к дневному свету, как может показаться с первого взгляда. Во всяком случае мнение, что они ничего не видят днем, лишено всякого основания. Филин днем отлично узнает каждого дневного хищника, если даже летит на огромном от него расстоянии.

Странное строение крыльев и мягкое оперение заставляет предполагать у сов некоторую особенность в способе летания. Бесшумный полет их сравнительно медленный и представляет нечто среднее между парением и порханием, но некоторые дневные совы то поднимаются, то опускаются, описывая в воздухе дуги на манер дятлов. Полет этот весьма быстро подвигает их вперед, но, по-видимому, скоро утомляет, почему и не может долго продолжаться. Только во время больших перелетов совы поднимаются метров на сто над землей и движутся, сильно ударяя крыльями или паря в воздухе. На земле они большей частью очень неловки, но длинноногие совы так хорошо ходят, что даже могут, конечно с помощью крыльев, на бегу ловить добычу. Среди ветвей деревьев все совы очень ловки, некоторые лазают, странным образом припрыгивая и перескакивая с ветки на ветку. Они любят принимать самые разнообразные позы, то съеживаться, то вытягиваться, двигают, наклоняют и поворачивают голову самым удивительным и забавным для зрителя образом и, подобно левицам, могут поворачивать лицо совершенно назад.

Голос сов обыкновенно громкий, но редко приятный. Сердитое хлопанье или щелканье клювом, хриплое фырканье служат, как правило, выражением их душевного состояния; настоящий голос сов можно слышать только ночью или в минуты крайней опасности. В умственном отношении они стоят ниже большей части дневных птиц. Некоторые виды веселостью и подвижностью вводят наблюдателя в заблуждение относительно своих душевных способностей; в общем, за небольшими исключениями, их никак нельзя причислить к умным птицам. Они все пугливы, но неосторожны, едва ли умеют отличить настоящую опасность от воображаемой, редко знают своих друзей и в каждом новом лице видят врага, привыкают, правда, к известным местностям, но никогда не выучиваются ничему, что требует некоторого умственного напряжения. Они ужасно вспыльчивы, в высшей сте-

пени свирепы, равнодушны и жестоки. С другими птицами своего вида они живут в мире и дружбе, пока не замешается в дело какая-нибудь страсть, например жадность; они совершенно спокойно съедают товарища, с которым прожили долгие годы в дружбе, когда с ним случится беда. Я держал иногда до 10—12 серых и ушастых сов в одной большой клетке. Ни одна сова не нападала на другую, пока все находились в полной силе; но как только один член общества заболел и старался забиться в какой-нибудь угол, вся толпа бросалась на него, душила и пожирала. Птенцы, вышедшие из одного гнезда, нередко нападают друг на друга, и побежденный бывает убит и съеден.

На воле совы едят только ими самими убитую добычу. Все наблюдатели сходятся в мнении, что они никогда не дотрагиваются до падали. По большей части совы нападают на маленьких млекопитающих, но самые сильные хватают и довольно больших, даже хищных, млекопитающих или преследуют птиц, подобно соколам; некоторые из них питаются рыбой, другие насекомыми. Совы редко вредят людям, напротив того, большая часть приносит нам пользу. Из тщательных наблюдений мы узнаем, что немецкие совы едва ли преследуют других животных, кроме мышей, и что их деятельность в этом отношении весьма успешна. Именно в то время, когда противные грызуны веселее всего разыграются, принимаются и совы за свое дело. Неслышно парят они над землей, внимательно исследуя находящуюся под ними местность, и замеченная с высоты мышь почти наверное бывает изловлена. Успеху охоты значительно способствуют короткие подвижные пальцы и сильно загнутые острые когти сов. Захватив добычу, сова тотчас летит в укромное место и там принимается за еду.

Большая часть сов может целыми месяцами жить без воды, вероятно, вследствие того, что они довольствуются кровью своих жертв. Однако они все-таки пьют охотно и нуждаются в воде для купания. Пищеварение совершается очень быстро; острый желудочный сок разлагает всякую пищу в короткое время. Кости, волосы и перья скатываются в желудке в круглые комки, которые птица потом извергает с помощью чрезвычайно потешных телодвижений: она страшно раскрывает клюв, низко опускает голову, переступает с ноги на ногу, щурится, давится, трясется всем телом и извергает наконец вышеупомянутый комок, или погадку. Альтум исследовал множество погадок и нашел, что немецкие совы питаются преимущественно мышами и землеройками, но в исключительных случаях крысами, кротами, ласками, птицами и жуками. В 706 погадках сипухи он нашел остатки 16 летучих мышей, 240 домашних мышей, 693 полевых мышей, 1580 землероек, 1 крота и 22 мелких пташек. В 210 погадках серой неясыти обнаружены остатки 1 горностаея, 48 мышей, 296 полевых мышей, 1 белки, 33 землероек, 48 кротов, 18 мелких птиц и 48 разных

жуков, не говоря уже о бесчисленном количестве майских. В 25 погадках ушастой совы нашлись остатки 6 мышей, 35 полевых мышей и 2 птиц; в 10 погадках неясыти — 10 полевых мышей, 1 землеройки и 11 жуков. Подобные же результаты имели и другие исследования. Так, например, Иекель нашел в 65 погадках остатки 93 мышей разных видов, а Видеман в 250 погадках — остатки 625 мышей, 1 землеройки, 1 крота и 2 маленьких птиц. Эти цифры служат лучшим доказательством пользы, приносимой совами. Большие виды сов действительно грешат тем, что охотятся за зайцами, куропатками и другою дичью, а малые виды — гоняясь за полезными землеройками, но польза, приносимая ими, далеко превышает вред, из чего следует, что эти хищные птицы должны быть тщательно оберегаемы.

Одни виды сов гнездятся в дуплах, другие — в расщелинах скал или отверстиях стен, иные устраиваются в подземных норах различных млекопитающих или в покинутых гнездах соколов и ворон. Сюда при благоприятных обстоятельствах сносится какой-нибудь строительный материал; но обыкновенно гнездящаяся сова не трудится над улучшением подстилки и кладет яйца прямо на дно найденного гнезда. Число яиц колеблется между 2 и 12; в исключительных случаях в гнезде находят только одно яйцо. Сами яйца очень схожи между собой: они кругловатые, с мелкозернистой скорлупой белого цвета. Все совы выказывают сильную любовь к своему потомству, защищая его от всяких врагов с замечательным мужеством. Молодые птицы долго сидят в гнездах и ночью оглашают окрестности неприятным криком. Крик этот особенно часто слышится в то время, как они уже начинают вылетать из гнезда и порхать кругом его. Мнение моего отца, что они этим криком постоянно подают голос родителям, кажется мне вполне справедливым.

К сожалению, совы имеют много врагов. Все дневные птицы ненавидят их и как будто желают отомстить этим ночным разбойникам за те нападения, которые делаются ими ночью. Почти все дневные хищные птицы мечутся, как сумасшедшие, при виде большой совы. Такое же возбуждение выказывают и малые птицы, выражая это громким чириканьем и криком, которые, по видимому, должно принять за брань и ругань. Весь лес приходит в волнение, как только где-нибудь заметят присутствие совы. Одна птица подает голос другой, и бедной ночной птице приходится плохо, так как сильные дневные птицы сердито нападают на нее. Человек с своей стороны слишком часто примыкает к их врагам; многие, считающие себя образованными, думают совершить геройский подвиг, убивая сов во время их сна, и редко случается, чтобы кто-нибудь оказал им покровительство.

В клетке действительно ручными становятся лишь те совы, которых вынимают из гнезда в очень ранней молодости, выкармливают и ласково с ними обращаются.

СЕМЕЙСТВО СИПУХОВЫЕ (Tytonidae)

Семейство сипуховые

Некоторые орнитологи склонны считать всех сипух принадлежащими к одному виду **обыкновенная сипуха** (*Tyto alba*). У сипухи верхняя часть тела на темно-пепельно-сером, по бокам задней части головы и затылка на красно-желтоватом фоне разрисована крайне маленькими черными и белыми продольными пятнами. Верхние кроющие перья крыльев темного пепельно-серого цвета с более светлыми волнистыми полосками, украшены черными и белыми продольными крапинками; нижняя сторона крыльев на темно-ржаво-желтом фоне испещрена бурыми и белыми пятнами. Лицевой венчик ржавого цвета или ржавого в верхней половине и ржаво-белого в нижней. Маховые перья ржавого цвета, на внутренней бородке беловатого, с тремя или четырьмя более темными поперечными полосками, а на наружной бородке с темными пятнами. Ржаво-желтые хвостовые перья имеют три или четыре черноватых поперечных полосы и широкую темно-пепельную полосу с белым неясным рисунком на кончике. Глаза темно-бурые; клюв и восковица красновато-белые, голая часть ног грязного голубовато-серого цвета. Самка окрашена обыкновенно несколько тусклее, чем самец. Длина равна 32 см, размах крыльев 90, длина крыла 28, хвоста 12 см.

Церковные башни, замки, старые постройки и крепости составляют в Европе любимое, если не исключительное, местопребывание сипухи, которая первоначально селилась на скалах и в дуплах деревьев; птица эта распространена по всей средней и южной Европе, Малой Азии и северной Африке. Начиная с крайнего севера нашей части света ее не встретишь лишь в значительных горных лесах; точно так же она избегает и высоких гор выше пояса растительности. Это оседлая птица, которая даже не кочует. Там, где мы теперь находим сипух, они жили с незапамятных времен. Только более молодые птицы показываются иногда вне охотничьей области старых; они должны устроить себе постоянное жилище и для этой цели предпринимают более значительные экскурсии. Днем они спокойно сидят в темном углу здания, на балках башен или колоколен, в нишах стен, голубятнях и тому подобных местах. Звуки колоколов в непосредственной близости от того места, где они спят, влетание и вылетание голубей той голубятни, в которой они поселились, нисколько не беспокоят их; они так же хорошо привыкли к людям и их деятельности, как к шуму голубей, с которыми живут в дружбе. Когда они сидят, то похожи на других сов, но бросаются каждому в глаза своим тонким высоким сложением и особенно не поддающимся описанию сердцевидным лицом, которое способно к самым удивительным гримасам.

Человеку никогда не удастся заставить сипуху врасплох: самый незначительный шум достаточен, чтобы разбудить ее. При виде наблюдателя сипухи обыкновенно высоко приподнимаются и начинают тихонько покачиваться на ногах вправо и влево. Дело не обходится и без нескольких гримас, но все движения продолжительнее и медленнее, чем у большинства остальных сов. Если предполагаемая опасность слишком приближается к ним, то они улетают, причем обнаруживают, что и днем могут видеть очень хорошо. После солнечного заката они покидают здания через определенное, хорошо известное им отверстие, которое умеют безошибочно находить и днем и которым умеют ловко пользоваться, и тихо, как привидения, начинают носиться низко над землей своим колеблющимся полетом. Хриплый писк возвещает о приближении сипухи; крик этот может внушать большой страх суеверным людям. Если обратить внимание в ту сторону, откуда раздается писк, то наверное увидишь и саму бледную птицу, так как она бесстрашно летает вокруг гуляющего вечером человека и часто, как тень, пролетает около самой его головы. В ясные лунные ночи сипухи непрерывно летают до самого восхода солнца, отдыхая от времени до времени на зданиях, а затем продолжая ревностно охотиться; в более темные ночи они разбойничают лишь вечером и к утру.

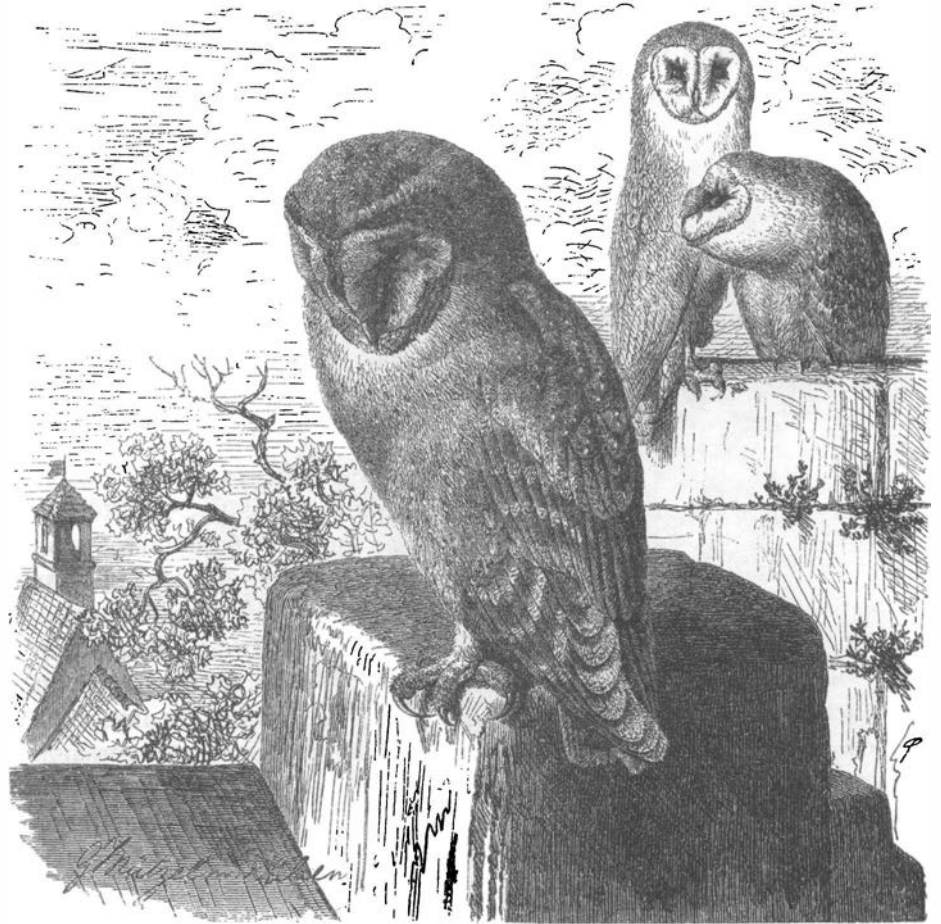
Мыши, крысы, землеройки, кроты, мелкие птицы и большие насекомые составляют пищу сипухи. Ее часто обвиняли в том, что она будто бы производит бесчинства в голубятнях, но этому противоречит равнодушие голубей по отношению к их странному товарищу. «Я очень часто видел, — говорит Науман, — как сипуха вылетала и влетала между моими голубями. Голуби скоро привыкли к этому гостю и не заботились о нем; ни яйца их, ни птенцы никогда не подвергались нападениям сипухи; точно так же никогда не находил я ни малейшего следа нападения сипухи на взрослого голубя. Часто случалось весной видеть пару их много вечеров сряду на моем дворе; по-видимому, они хотели выводить птенцов на голубятне. Когда к вечеру начинало смеркаться, они, играя, вылетали и влетали почти непрерывно, издавали то в самой голубятне, то около нее свою зловещую ночную музыку, и ни один голубь не трогался с места. Когда тихо поднялись днем на голубятню, можно было видеть, как совы спокойно и доверчиво сидели и спали среди голубей на жерди или в углу, а около них лежала кучка мышей. Дело в том, что в случае хорошей охоты, а, может быть, также предчувствуя дурную погоду, они собирают запасы, чтобы не страдать от голода в слишком темные и бурные ночи, когда они не могут охотиться».

В Испании сипуха подвергается тяжкому подозрению, будто бы она выпивает масло в неугасимых лампадах в церквях. Достоверно то, что весьма годное для употребления оливковое масло часто исчезает из лампад, но установить, кто именно в этом виноват, до сих пор не удалось; молва утверждает, что виновен тут дьячок, а не совы. С этим недоразумением, падающим на сипух,

связано в Испании любимое пользование этой птицей для медицинских целей. Убивают сипуху, варят ее целиком в масле и получают таким образом великолепно действующее лекарство против разных болезней. Его, правда, редко прописывают врачи, хотя оно есть или по крайней мере должно быть в каждой аптеке; тем не менее оно очень употребительно в народе.

Относительно размножения сипухи сделаны замечательные наблюдения. В более старых естественных историях говорится, что время размножения падает на апрель и май; это правило имеет, однако, исключения. Неоднократно находили молодых сипух в октябре и ноябре, находили в это время и яйца, которые очень ревностно высидела самка. Любовь возбуждает даже сипуху и воодушевляет ее к оживленному крику. Обе птицы, играя, гоняются друг за другом с башни на башню. Сипухи не устраивают настоящего гнезда; 6—9 продолговатых, покрытых шероховатой скорлупой, неблестящих яиц длиной 40 мм и шириной 30 мм лежат без всякой подстилки в удобном углу на мусоре и обломках. Птенцы сипух, как и всех их родичей, сначала чрезвычайно безобразны, но родители необыкновенно любят их и обильно снабжают мышами.

Так как сипуху, безусловно, следует причислять к самым полезным птицам, то внимания всех рассудительных людей заслуживает предположение Ленца. «Для сипухи и домового сыча следовало бы всюду на крышах деревенских и городских домов делать особые приспособления к устройству гнезд и жительства. На каждой вершине фронтона на моих постройках есть отверстие, достаточное по величине для голубя. Оно ведет в приделанный внутри ящик, в котором справа и слева имеется по месту для гнезда. На него не должен

Cunuxa
(*Tyto alba*)

падать свет от входа; птица поэтому должна пройти от входа на полметра в глубину ящика по дощатому ходу, повернуть там направо или налево и таким образом добраться до одного или другого гнезда; вход в каждое гнездо, следовательно, защищен от света. Со стороны, обращенной внутрь дома, весь ящик крепко сбит гвоздями, чтобы кто-нибудь не мог открыть его и нарушить покойную жизнь маленького питомника. Если вместо сов там поселятся голуби, то и это не беда; ящик открывают, когда его надо вычистить, и потом снова закрывают. В каждой верхушке фронтона больших амбаров в Голштинии находится обыкновенно по отверстию, через которое удобно может пробраться сипуха. По исследованиям Клаудиуса, голштинский крестьянин никогда умышленно не нарушает покоя своей совы и защищает ее от преследования. Птицы по желанию влетают и вылетают, весело охотятся за мышами внутри и вне амбара, отлично уживаются с кошками и строят гнездо в темном помещении.

Во многих местностях народ думает, к сожалению, иначе: это полезное животное — для него птица, предвещающая несчастье; если она влетает в дом и вылетает из него или издает свой голос с вершины крыши, то наверное возвещает этим смерть одного из обитателей».

СЕМЕЙСТВО НАСТОЯЩИЕ СОВЫ (Strigidae)

Серая неясыть (*Strix aluco*). Голова у нее чрезвычайно велика, а ушное отверстие меньше, чем у других видов этого семейства. Шея толстая, тело плотное, большой клюв, лишенный зубцов, сильно согнут; сильные, густо усаженные перьями короткопалые ноги средней длины; в крыльях четвертое маховое перо длиннее остальных; хвост короткий. Основной цвет оперения темно-серый или светлый ржаво-бурый; спина обыкновенно окрашена темнее, чем нижняя сторона, крылья разрисованы правильно расположенными светлыми пятнами. У ржаво-рыжеватой разновидности каждое перо у корня пепельно-желтоватое, к концу очень светло-ржаво-бурое с темными крапинками и темно-бурыми продольными черточками, крылья с темно-бурыми и красноватыми волнистыми полосками, хвост, за исключением средних перьев, с бурыми полосками; затылок, область уха и лицо пепельно-серые. Клюв свинцово-серый, глаза темно-бурого цвета, край век мясо-красный. Длина 40—48 см, размах крыльев около 100, длина крыла 29, хвоста 18 см.

Область распространения серой неясыти простирается от 67 градуса северной широты до Палестины. Чаще всего встречается она в средней Европе, реже в восточной, южной и западной. В Италии, особенно на западе и в средней части страны, она еще обыкновенна, в Греции, а также в Испании представляет крайне редкое явление*. В Сибири, насколько до сих пор известно, ее

* В наши дни распространение и численность серой неясыти в Европе несколько изменились. Сейчас к северу она распространена не далее 63—64 градуса северной широты в Скандинавии и не заходит за 60-ю параллель в России. В большинстве стран Европы она обычна, в том числе и в Греции, а в Испании даже многочисленна.

вовсе нет*; в Палестине, особенно на ливанских кедрах, Тристрам встречал ее постоянно. Летом она сидит, тесно прижавшись к стволу, на покрытых листьями верхушках деревьев; зимой предпочитает прятаться в дуплах деревьев, а потому избегает лесов, состоящих из молодых и недуплистых деревьев. Серая неясыть так упорно держится высокого дерева, которое окажется подходящим для нее, что, по словам Альтума, ее можно при каждой прогулке вспугнуть, стуча по дереву. Такие совиные деревья стоят как среди леса, так и на опушке его, даже в местах, прилегающих к дорогам, по которым много ездят. Решающее значение при выборе местопребывания имеет, кроме того, большее или меньшее обилие подходящей добычи. Где есть мыши, там серая неясыть наверно поселится, если только обстоятельства до некоторой степени благоприятствуют этому; где мышей мало, там она или вовсе не живет, или, поживши, выселяется. Людей она не боится и потому селится даже в жилых постройках. Тогда можно видеть, как серая неясыть сидит ночью на гребнях крыш, трубах, изгородях садов и т.п. и осматривает с них свою охотничью область.

Серая неясыть ест почти исключительно мышей. Науман наблюдал, правда, что одна из этих птиц напала ночью на сарыча, так что этот последний должен был искать спасения в бегстве; он узнал далее, что другая неясыть на глазах у его отца унесла из петли свистеля, и мы знаем, наконец, что серая неясыть не щадит молодых голубей в голубятнях, которые она от времени до времени посещает, а также спящих на земле или высиживающих птиц, но мыши, главным образом полевые и лесные, как и землеройки, остаются все же ее главной пищей. Мартин нашел в желудке исследованной им серой неясыти 75 больших гусениц соснового шелкопряда.

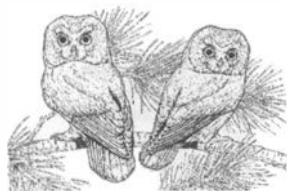
Никакой другой сове не приходится так много терпеть от мелких птиц, как серой неясыти. Все, что имеет крылья, порхает вокруг замеченного страшилища; все, что может петь или кричать, издает голос. Певчие и черные дрозды, мухоловки, пеночки, зяблики, завирушки, корольки и все другие живущие и летающие в лесу птицы носятся вокруг то с жалобными криками, то с

Семейство настоящие совы

* Это не соответствует действительности. Серая неясыть обитает в Сибири, преимущественно на территории Западно-Сибирской равнины, в полосе между 58 и 54 градусами северной широты.

Серая неясыть
(*Strix aluco*)

* Собственно, в Средней Азии в ее современном понимании длиннохвостая неясыть не живет (иногда залетает), но в Азии она распространена широко в равнинных и горных лесах Сибири, Алтая и Дальнего Востока.

насмешливым пением, пока она наконец не поднимется и не улетит.

Пойманные серые неясыти могут сделаться очень ручными.

Длиннохвостая неясыть (*Strix uralensis*) — одна из самых крупных неясытей. Длина ее 65—68 см, размах крыльев около 120, длина крыла 40, хвоста 32 см. На основном тускло-серовато-белом фоне на верхней стороне выделяются темно-бурые продольные полосы, на всех перьях имеются посередине бурые, продольно расширяющиеся книзу пятна, которые еще более заметны благодаря черно-бурым стержневым полоскам. Между самцом и самкой нет никакого различия, о котором стоило бы упоминать; напротив, встречаются темные, то светло-, то черно-бурые разновидности, а сибирские птицы темно-бурого цвета, веки темного вишнево-красного, клюв воскового желтого.

Паллас открыл длиннохвостую неясыть на Урале; позднейшие исследователи находили ее почти во всей восточной Европе, а также в Средней Азии*, от Урала до Тихого океана. Ее не убивали в Германии. Вероятно, она встречается вообще не так редко, как полагали до настоящего времени; скорее можно думать, что она тихо и незаметно живет в обширных лесах недалеко от границ нашего отечества или что ее смешивают с серой неясытью и потому не замечают ее присутствия. В Австрии, Венгрии, Польше, России и Финляндии она не очень редка; в Трансильвании она тоже настолько часто встречается, что опытные охотники нередко видят ее в лесу.

Известно, что она живет как на скалах, так и в старых высокоствольных лесах, и, несмотря на громкий, далеко раздающийся голос, ведет здесь довольно скрытую жизнь, а осенью чаще наблюдается на равнинах, в маленьких рощах или даже в открытом поле. Известно далее, что она превосходно видит даже днем и, в противоположность родственной ей серой неясыти, иногда занимается охотой в это время. Мы знаем также, что она очень не любит, чтобы ее беспокоили, и если предполагает опасность, то тотчас же меняет местопребывание. Наконец, наблюдение, сделанное братом Наумана, заставляет предполагать, что она по смелости едва ли уступает дневным совам. Это поразительным образом доказала сова, которую названный наблюдатель видел в 1819 г. в Ангальтском герцогстве. Сначала она преследовала обыкновенного сарыча и беспрестанно бросалась на него, пока оба не скрылись в лесу. Вскоре затем наблюдатель увидел из лесу, что она снова вылетела на поле и напала на цаплю. Последняя с жалобным криком искала спасения в бегстве, но отражала клювом сильные, быстро повторяемые удары неясыти. Та все кидалась на цаплю с высоты около 3 м и гнала ее таким образом добрую четверть часа. Поведение ее походило до известной степени на поведение сарыча, с которым она сходна и в том отношении, что летает с шумом и по временам парит. Битва между нею и цаплей происходила, когда солнце толь-

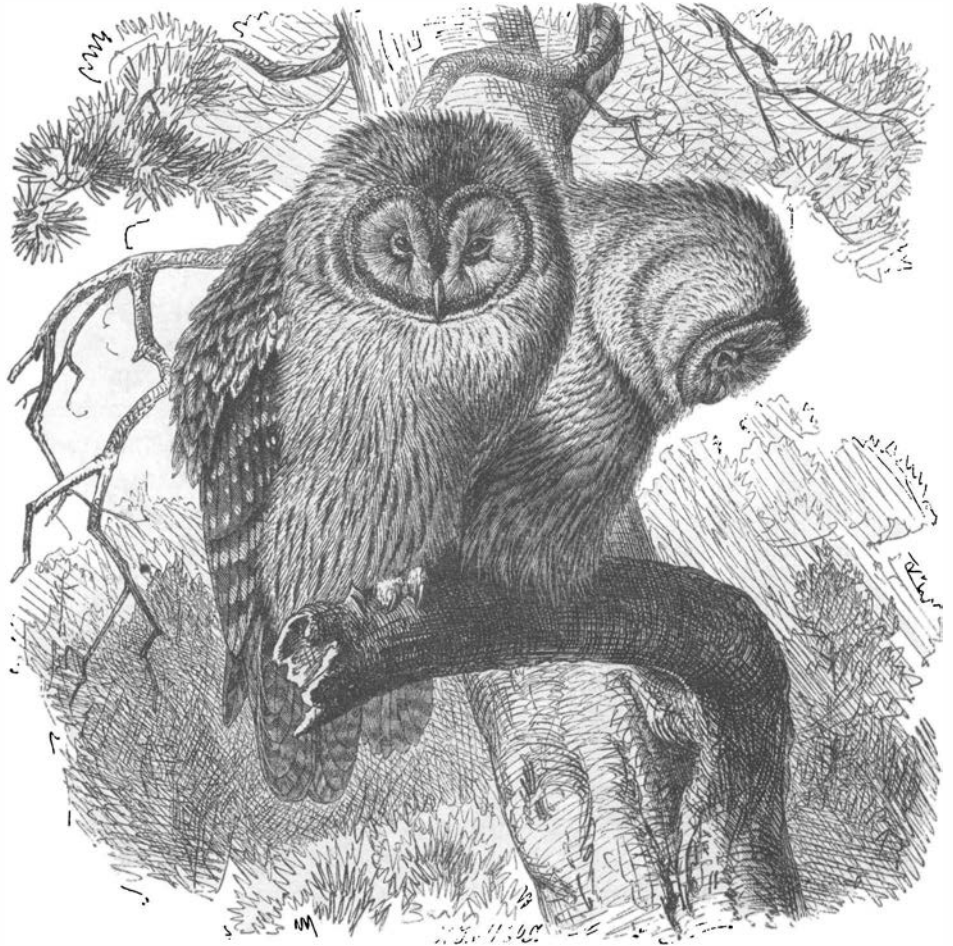
ко что зашло. Оба бойца скрылись наконец вдаль, но еще долго наблюдатель мог слышать хриплые крики цапли. Отсюда можно заключить, что длиннохвостая неясыть не ограничивается охотой на мышей и других мелких грызунов, но также распространяет ее на более крупных млекопитающих и птиц: зайцев, кроликов, рябчиков и белых куропаток.

Третий вид, о котором надо еще упомянуть здесь, — **борода-тая неясыть** (*Strix nebulosa*), одна из самых крупных сов. Длина ее 70 см, размах крыльев 140, длина крыла 48, хвоста 28 см. Она такого же сложения,

как серая неясыть, но стройнее и с относительно более длинным хвостом, а особенно отличается густым оперением и большим округлым венчиком с правильным рисунком. Преобладающий цвет оперения верхней стороны тусклый серо-бурый, каждое перо испещрено темно-бурыми зубчатыми стержневыми пятнами и беловатыми прямыми или червеобразно изогнутыми поперечными полосками. Венчик, состоящий из рассученных серовато-белых перьев, местами с ржаво-желтым налетом и с черноватыми полосками,

представляет на серовато-белом фоне 8—10 очень правильно концентрических, окружающих глаз матово-черных кругов; область горла имеет одноцветное черное пятно в виде бородки, которое еще более выделяется благодаря белому цвету по бокам его. Относительно маленькие глаза имеют блестящую ярко-желтую радужную оболочку и красно-буроватые веки; клюв воскового желтого цвета. Молодые птицы похожи на старых.

Белая, или полярная, сова (*Nyctea scandiaca*) бывает длиной в 68—71 см, размах крыльев 146—156 см; длина крыла равна

Длиннохвостая
неясыть
(*Strix uralensis*)

45, хвоста 26 см. Цвет различен, смотря по возрасту. Очень старые птицы белые, иногда почти без пятен или с поперечным рядом бурых пятнышек на передней части головы и отдельными пятнами на больших маховых перьях. Птицы среднего возраста разрисованы на белом фоне бурими поперечными, а на голове такими же продольными пятнами, более молодые птицы еще сильнее покрыты пятнами и совершенно пестры, как сверху, так и снизу. Глаза великолепного желтого, клюв рогового черного цвета. Белая сова отличается крайне густым оперением плюсны и пальцев.

*Белая,
или полярная, сова
(Nyctea scandiaca)*

Вместо подробного указания всех местностей и стран, в которых живет белая сова, мне достаточно сказать, что она обительница тундры, но многократно наблюдалась и далее на севере, насколько проникали к полюсу путешественники. По Мальмгрену, Гейглину, Коксену и другим, она встречается на северо-западном и южном берегах Шпицбергена. Хэденстрем сообщает, что она встречается на Новосибирских островах. В тундре она не везде живет в одинаковом количестве, присутствие ее находится в зависимости от обилия или относительной

редкости пеструшек. Затем она больше всего любит покой и одиночество и потому избегает местностей, часто посещаемых ее злейшим врагом — человеком. Поэтому она больше встречается в Америке, Лапландии и северо-западной России, чем в северо-восточной России и Сибири, где, по крайней мере в тех местностях, по которым мы проехали, за ней ревностно охотятся из-за ее мяса. В течение лета она главным образом держится на северных горах; зимою спускается в нижележащие местности, и если снег

выпадает на ее родине очень обильно и пищи становится мало, то она переселяется на юг.

Белая сова представляет в тундре красивое явление. Во время нашего путешествия через Самоедский полуостров* мы не раз имели случай видеть эту великолепную птицу. Хотя она здесь и менее обыкновенна, чем можно было ожидать, судя по перьям, которые находишь на всех стоянках остяков, но встречается во всей области в качестве птицы, выводящей птенцов. От других сов, а особенно от очень обыкновенной в тундре болотной совы, ее легко отличить, и вообще ее можно узнать на всяком расстоянии. Помимо ослепительного цвета, который особенно бросается в глаза днем, и значительной величины белую сову можно отличить по коротким, широким, сильно закругленным крыльям. Она летает днем, как ночью, и бывает иногда живее в послеобеденные часы, чем в утренние или вечерние сумерки. В качестве сторожевого пункта она выбирает вершины гор или холмы, сидя на которых часто издает свой далеко слышный гогочущий голос, похожий на крик морского орла. Здесь она остается иногда по часу, затем улетает, попеременно ударяя крыльями, паря, поднимается, если хочет перелететь далеко, по винтовой линии на значительную высоту и опускается к другому холму, чтобы снова с него осмотреть окрестности. Область, в которой она живет и охотится, по-видимому, не очень обширна, так как мы могли наблюдать ее в течение целого дня почти на одних и тех же местах. Хотя тундра Самоедского полуострова населена скудно, белая сова все же оказывается очень боязливой, по крайней мере она не подпускает человека на расстояние выстрела.

Мелкие грызуны, прежде всего пеструшки, а, кроме того, пищухи, ондатры и т.п., составляют пищу белой совы; но она убивает также животных величиной с зайца. Собравшись стаями, белые совы следуют за переселяющимися пеструшками; парами или поодиночке они угрожают пернатой дичи всякого рода. Белых куропаток белая сова преследует со страстью, вытаскивает подстреленных на глазах у охотника даже из ягдташа**; тетерева, утки и дикие голуби также не находятся в безопасности от ее нападений, рыбы тоже не защищены от нее. «Раз утром, — рассказывает Одюбон, — я сидел поблизости водопадов Огайо в засаде, чтобы стрелять диких гусей, и имел при этом случай видеть, как белая сова ловит рыбу. Она лежала, подкарауливая, на скале, обратив к воде низко опущенную голову, так спокойно, что можно было бы счесть ее за спящую. Но в то мгновение, как рыба неосторожно поднималась на поверхность воды, она с быстротою молнии погружала лапу в воду и всегда вытаскивала на сушу удачно схваченную рыбу. С ней она удалялась затем на несколько метров, съедала и возвращалась на прежний сторожевой пункт. Добыв более крупную рыбу, она схватывала ее обеими лапами и отлетала с ней далее обыкновенного. Иногда их соединялось две,

Семейство НАСТОЯЩИЕ СОВЫ

* Имеется в виду
полуостров Ямал.

** Безусловно, это
преувеличение.
Белые совы не на-
столько смелы и
неосторожны, чтобы
выхватить добычу
из ягдташа охотни-
ка.

* Максимально
известно 13 яиц в
кладках белых сов.

чтобы съесть добычу; обыкновенно это бывало в том случае, когда рыба, пойманная одной из них, была велика». Во время охоты белая сова подлетает к каждому предмету, который увидит в воздухе. «Я заставил, — рассказывает Гольбелль, — однажды такую сову следовать за мной на протяжении почти четверти мили при лунном свете, бросая от времени до времени на воздух свою шапку».

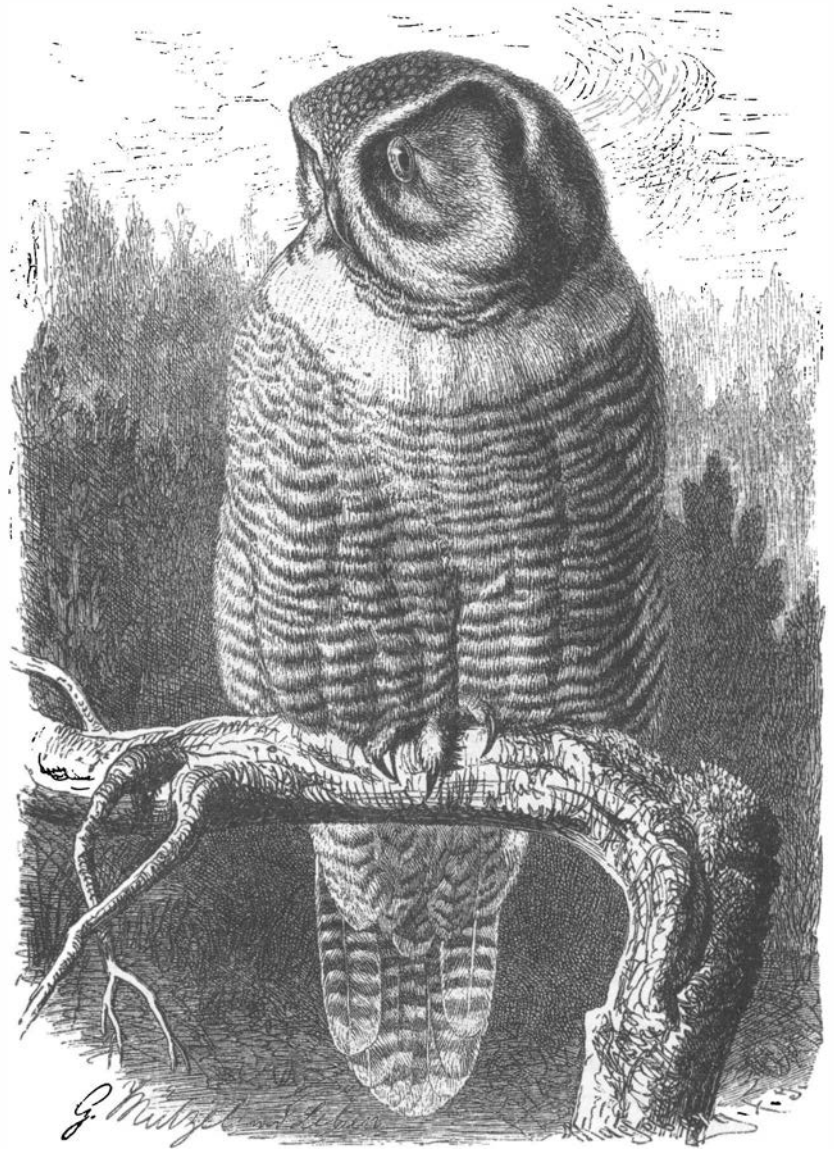
Размножение белой совы бывает летом. В июне находят яйца, которых она кладет больше, чем какая-либо другая сова. Не раз находили по 7 штук в одном гнезде, но лопари единогласно утверждают, что белая сова кладет и по 8—10 яиц*. Коллетт подтверждает последнее указание и замечает, что размножение белой совы, как и вся ее жизнь, соответствует количеству пеструшек, так что она не только выводит обыкновенно птенцов там, где эти грызуны особенно размножились, но также кладет больше яиц в те годы, когда пеструшек много. Как кажется, самка начинает уже высидывать в то время, когда не кончила кладку, так как в некоторых гнездах находят птенцов заметно различной величины. Яйца длиной около 55 мм, толщиной 45 мм, грязно-белого цвета. Гнездо представляет плоское углубление в земле, выстланное небольшим количеством сухой травы и несколькими перьями, принадлежащими самой высидывающей птице. Самка крепко сидит на яйцах и очень близко подпускает к себе человека, которого в другое время избегает, и прибегает даже к притворству: бросаясь на землю, словно подстреленная и не могущая летать, остается лежать некоторое время, как мертвая, с растопыренными крыльями. Пока самка высидывает, самец, сидя поблизости на удобном сторожевом пункте, зорко озирается и предостерегает подругу при малейшем признаке опасности громким криком; услышав этот крик, самка оставляет гнездо и вместе с самцом, подобно ему, не переставая кричать, целые часы летает вокруг гнезда. При этом самец проявляет всю свою смелость, бешено бросается на пришельца и еще яростнее на сопровождающую его собаку, и его с трудом можно отогнать; самка редко рискует жизнью, подобно ему. В Европе серьезную опасность для белой совы представляют лишь естествоиспытатели и охотники, которым доставляет особенное удовольствие убить такую большую птицу. Напротив, в тундре Самоедского полуострова местные жители преследуют ее, ловят с помощью гигантских силков и с удовольствием едят ее мясо.

В северных странах Старого Света живет **ястребиная сова** (*Surnia ulula*). Она отличается широкой, низкой головой с плоским лбом и узким лицом, без настоящего венчика и кружка перьев вокруг глаз, довольно большими, относительно острыми крыльями и длинным клиновидным хвостом. Клюв короткий, крепкий, больше в высоту, чем в ширину, согнут, начиная от основания, крючок загнут вниз над нижней половинкой клюва прибли-

зительно на 9 мм, расщеп клюва несколько выемчатый, кончик нижней челюсти с глубокой вырезкой. Голени оперены до пальцев; эти последние коротки и вооружены острыми когтями. Глаза велики. Оперение густое, мягкое и блестящее, но прилегает гораздо плотнее, чем у большинства ночных сов. Длина 39—42 см, размах крыльев 76—81, длина крыла 23, хвоста 16 см.

Об образе жизни, поведении, пище и размножении ястребиной совы существует несколько рассказов, но самые подробные и лучшие наблюдения были произведены не естествоиспытателями, которые видели ястребиную сову на ее родине, а моим отцом в Германии. Сам я, к сожалению, не мог ближе наблюдать эту сову, вовсе не редкую на крайнем севере. Я могу сказать лишь кое-что об ее полете, о чем не говорится в других местах. Она летает не так, как другие известные мне совы, а как лунь; надо даже хорошенько всматриваться, если хочешь отличить ее на большом расстоянии от лугового луня. Увидев белую сову несколько раз, ее можно узнать не только по более толстой голове, но также, и еще вернее, по полету, который все-таки отличается от полета луня. Она не качается, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, паря, поднимает выше крылья и при этом чаще махает ими. Полет ее отличается мягкостью и менее вынослив, в общем, заметно медленнее, чем полет луня; наконец, она очень часто встряхивается и часто садится отдыхать во время охоты.

Почти ни одна лесная птица не защищена от ее нападений. Вильрайт видел, как она убила на лету несчастную сойку, свою обычную соседку, и не раз заставлял ее пожирающей белую куропатку, вес которой почти вдвое превышает ее собственный. Раз-

Ястребиная сова
(*Surnia ulula*)

личные птицы, пеструшки и лесные мыши, а также насекомые составляют ее обыкновенную пищу. Она бросается вниз, как сокол, с своего высокого сидения, чтобы напасть на одного из мелких грызунов, крепко схватывает его, пронзает или душит острыми когтями и переносит затем на удобное сидение, часто долго выбирая его, чтобы съесть здесь добычу. Если лесные птицы, особенно сойки, вороны, синицы, дразнят ее, то она долго выносит это, но затем внезапно бросается в середину противников и схватывает одного из них. Только против сорок, которые с громким криком окружают и дразнят ее, она, по-видимому, ничего не может поделаться.

Мохноногий сыч (*Aegolius funereus*) так похож на домового сыча, что легко смешать этих птиц. Отличительными признаками его служат: очень широкая голова с чрезвычайно большими ушными отверстиями и полным венчиком перьев на лице, закругленные крылья, довольно длинный хвост, короткие ноги, покрытые необыкновенно густыми и длинными перьями, и мягкое, шелковистое оперение. Венчик беловато-серый с черной тусшевкой, верхняя сторона тела мышино-серого цвета и разрисована большими беловатыми пятнами, нижняя сторона белая, с яркими и затушеванными мышино-бурыми поперечными пятнами. Маховые и хвостовые перья мышино-серые с белыми разорванными поперечными полосками, 5—6 которых находятся на рулевых перьях. Клюв рогового желтого цвета, глаза ярко-золотисто-желтого. Молодые птицы одноцветные, кофейно-бурого цвета, на крыльях и хвосте с беловатыми пятнами. Длина 23—25 см, размах крыльев 56, длина крыла 18, хвоста 11 см.

Северная и средняя Европа, северо-западная Азия и Северная Америка от Невольничьего озера до северной границы Соединенных Штатов составляют, насколько известно до настоящего времени, область распространения мохноногого сыча; но так как, кроме того, его находили в Непале, то можно принять, что он гораздо шире распространен в Азии, чем можно было установить до сих пор, и, вероятно, встречается во всех более значительных лесах средней Европы, Азии и Северной Америки.

Мохноногий сыч гнездится в дуплах деревьев и кладет в апреле или мае 3—4 яйца, которые меньше и с более нежной скорлупой, чем яйца домового сыча, имеющего приблизительно тот же рост.

Мыши составляют для сыча любимую дичь; он ловит и землероек, и насекомых, а при случае также мелких птиц и летучих мышей. Что он не вытаскивает последних из их убежищ, как полагает Науман, а ловит на лету, можно считать доказанным на основании наблюдений, сделанных мной над другой совой — сплюшкой.

Кроме человека лишь немногие животные могут становиться опасными для него: ласка и другие грабители гнезд — для

молодых, а более крупные совы, быть может, и для старых птиц. Мелкие птицы ненавидят и дразнят его.

Домовый сыч (*Athene noctua*) — птица привлекательная, но тем не менее пользующаяся очень дурной славой, принадлежит к числу более мелких сов нашего отечества. Длина его 21—22, размах крыльев 52—55, длина крыла 14, хвоста 8 см. Верхняя сторона тела темного мышино-серо-бурого цвета с неправильными белыми пятнами, лицо серовато-белое; нижняя сторона беловатая, с бурыми продольными пятнами до заднепроходного отверстия; маховые и хвостовые перья одного цвета, с верхней стороны испещрены ржаво-желтовато-белыми пятнами, благодаря чему на хвосте образуется пять неясных поперечных полос. Глаза серо-желтого цвета, клюв зеленовато-желтого, ноги желтовато-серого. Молодые птицы темнее старых.

Начиная с южной Швеции домовый сыч распространен по всей Европе и большей части Азии до Восточной Сибири. Он населяет всю Германию, Данию, Голландию, Бельгию, Францию, Испанию, Австрию, Венгрию, южную Россию, страны по Дунайской низменности и Турцию, а также южную Сибирь и Туркестан, встречается не везде в одинаковом количестве, но чем дальше на юг, тем чаще, и принадлежит на всех трех южных полуостровах Европы к самым обыкновенным хищным птицам. В горах Испании он поднимается до 2000 м, но спускается ниже при наступлении зимы.

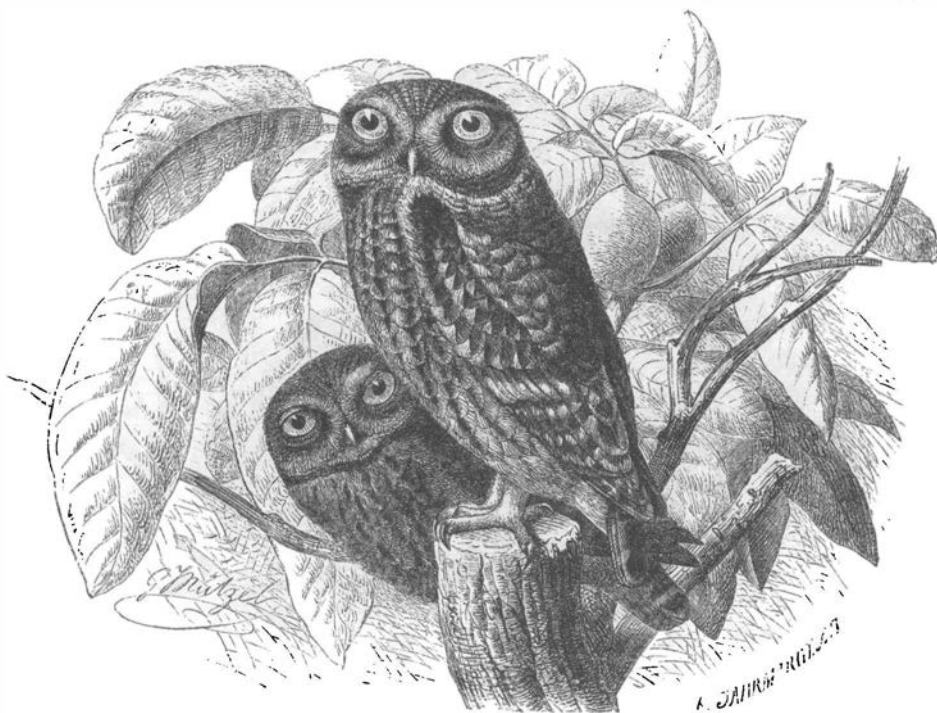
Домовый сыч не принадлежит к числу редких птиц. Там, где плодовые сады с высокими деревьями окружают деревни, он встречается почти всегда, но селится и среди города, на башнях и чердаках, в подвалах, склепах и других удобных местах. Внутри больших лесов домовый сыч не селится, хвойные леса тоже не любит, напротив, рощи очень нравятся ему. Людей и их дви-

**Семейство
настоящие совы**

- 1 — Мохноногий сыч
(*Aegolius funereus*)
2 — Воробьиный сыч
(*Glaucidium passerinum*)

жения он не боится. День он проводит, спрятавшись в своем убежище, а ночью человек, несмотря на наше просвещение, часто боится сыча больше, чем сыч человека. В высшей степени смешно, что мы и теперь еще не ушли дальше некоторых индейских племен, которые видят в сыче сверхъестественное существо и благодаря этому часто позволяют обманывать себя более умным людям. Во многих местностях Германии эта действительно очень привлекательная птица считается существом, предвещающим несчастье. Многие не дают себе труда испытать сами, а верят тому, что рассказывают глупые бабы. Они, видите ли, своими глазами видели, как сыч подлетал ночью к окну комнаты больных, и слышали собственными ушами, как он приглашал больных явиться на кладбище, понятно, в виде трупов. Верно то, что

Домовый сыч
(*Athene noctua*)

эта безобидная птица, привлеченная светом, подлетает к освещенным комнатам, усаживается из любопытства на подоконник и, быть может, издает при этом даже свой неприятный крик. Так как домовый сыч кричит то тихо и как бы вполголоса «бу-бу», то громко и резко «квев-квев-кебель-кебель», то, наконец, «кувитт-кувитт», народ переводит себе эти звуки, и именно последние, по-своему и совершенно ясно слышит в них «пойдем вместе на кладбище» или «пойдем вместе, пойдем вместе, принеси с собою заступ и лопату». И это достаточное основание для того, чтобы относиться к сычу с отвращением. Уже в южной Европе никому не приходит в голову смотреть на сыча неблагоприятно. Он там так обыкновенен, что с ним познакомились, благодаря этому он стал там любимцем и старого и малого. В Италии все его любят и даже заботятся о нем, в Греции он еще и теперь считается высокоодаренной птицей и пользуется там таким почетом, что королю Оттону при его первом приезде вручили живого сыча в качестве приветственного подарка. Не менее ценят его в Палестине, где считают птицей, предвещающей счастье, никогда не преследуют, а, напротив, охраняют и заботятся о нем.

Домовый сыч заслуживает симпатии человека. Это очень милое создание. Его нельзя считать настоящей дневной совой, но он не так боится света, как другие совы, и умеет очень хорошо управляться днем. Он никогда не спит так крепко, чтобы его можно было застать врасплох; самый незначительный шорох будит его, а поскольку он и днем превосходно видит, то заблаговременно обращается в бегство. Полет его состоит из ряда дуг, как у дятла, но быстр и позволяет сычу с величайшей ловкостью пролетать сквозь густые ветви. Сидит он обыкновенно скорчившись, но, увидев что-нибудь подозрительное, высоко приподнимается, вытягивается, насколько может, делает поклоны, внимательно вглядывается в интересующий его предмет и при этом кривляется самым странным образом. В его взгляде заметно что-то хитрое, лукавое, но не злое, а даже привлекательное. Тот, кто знает его, поймет, что греки могли видеть в нем любимую птицу богини мудрости. Его можно считать одной из самых умных сов.

Уже до заката солнца домовый сыч начинает кричать, при наступлении сумерек обыкновенно принимается за охоту. В ясные ночи его можно видеть до самого утра в почти непрерывном движении или по крайней мере слышать его голос. Он странствует при этом по небольшой области, приближается ко всему, что возбудит его внимание, охотно облетает костер одинокого охотника или путника или подлетает к ярко освещенным окнам, страшно пугая суеверных людей. Охотится он главным образом за мелкими млекопитающими, птицами и насекомыми. Ловит летучих мышей, землероек и мышей, жаворонков, вьюрков, кузнечиков, жуков и т.п. Главной его добычей во всяком случае остаются мыши.

В апреле или мае домовый сыч приступает к размножению. В это время он особенно беспокоен, много кричит и шумит, даже днем, как бы усердно приглашая всякого за ним следовать. Настоящего гнезда он не строит, а выбирает подходящее углубление в скалах, под камнями, в старых зданиях, деревьях, при недостатке мест, удобных для гнездовья, — нору кролика, у нас часто в непосредственной близости от людских жилищ, на юге Европы даже в самых жилищах и кладет 3—7 почти круглых яиц прямо на землю. Затем он в течение 14—16 дней насиживает так усердно, что его едва можно прогнать с гнезда*. Птенцы выкармливаются мышами, мелкими птицами и насекомыми. Как скоро птенцы оперились и в состоянии оставить гнездо, их родители отлетают, по словам Робсона, каждый вечер на некоторое расстояние к какому-нибудь высокому месту, на котором можно сидеть, и кричат громко и резко, вроде черных дроздов. Они делают это до тех пор, пока птенцы не вылетят из гнезда и не подлетят к ним.

Тетеревиатник и перепелятник душат домового сыча, когда могут поймать; ласка таскает его яйца; вороны, сороки, сойки и

** На самом деле период инкубации у домового сыча длится 27—28 дней, при небольшом размере кладки 23—25.*

все мелкие птицы преследуют его с яростным криком. На этом основан один способ ловли птиц, который часто применяется в Италии. Выставляют привязанного сыча, а вокруг него прутья, намазанные клеем, на которые во множестве ловятся мелкие птицы. «Чтобы не иметь недостатка в сычах, — рассказывает Ленц, — итальянцы заботятся о хороших, темных местах для высиживания под крышами своих домов и об удобном доступе к ним. Из гнезд берут и воспитывают лишь столько птенцов, сколько нужно для дома или для продажи на рынке; остальных оставляют в покое. Ручные сычи представляют собой истинных домашних друзей итальянцев, часто свободно ходят с подрезанными крыльями по дому, двору и саду, ловят всюду мышей; особенно охотно их сажают в хорошо огороженные сады, где они истребляют улиток и других докучливых животных, не принося с своей стороны ни малейшего вреда».

В Австрии часто употребляют домового сыча для охоты и говорят, что достигают с ним самых лучших результатов. Сыч оказывает те же услуги при ловле мелких птиц, как филин при охоте на соколов. Каждая птица, которая сознает в себе достаточную ловкость, наверное явится около ненавистного существа, чтобы дразнить его и издеваться над ним. Сойки и сорокопуты задевают его часто очень чувствительно. Последние при виде сыча забывают весь страх, прилетают один за другим часто издали и не улетают даже тогда, когда увидят, что тот или иной из товарищей испытал печальную участь. Прежние голландские соколятники добывали сорокопутов, необходимых для ловли соколов, всегда с помощью сыча.

В Южной Америке живет **кроличий сыч**, или **пещерная сова** (*Athene cunicularia*). Оперение ее на верхней стороне красновато-серо-бурое и испещрено продолговато-округлыми белыми крапинами; подбородок и брови белые; нижняя часть шеи красновато-желтая с серо-бурыми пятнами, грудь серо-бурая с желтыми пятнами, нижняя часть брюха желтовато-белая, без пятен. Глаза желтые, клюв бледно-зеленовато-серый, ноги тоже бледно-зеленовато-серые, но подошва пальцев желтоватая. Длина 23 см, размах крыльев 50, длина крыла 16, хвоста 7 см.

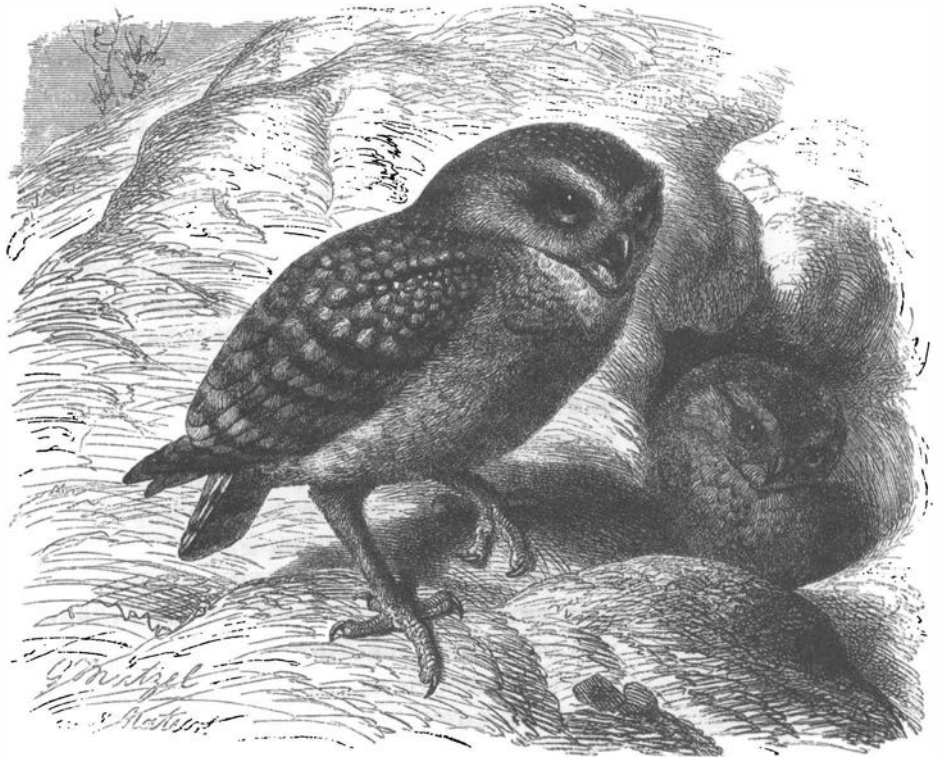
Пещерные совы принадлежат к числу птиц, характерных для Америки. Они населяют пампасы и льяносы на юге и прерии на севере и там, где не подвергаются преследованию, бывают очень обыкновенны. Путешественник, вступающий на лишенные деревьев равнины, видит этих замечательных птиц, сидящих попарно на земле, обыкновенно на холмиках, образовавшихся из земли, вырытой млекопитающими при устройстве нор. Эти норы и служат настоящим жилищем совы, и довольно часто она живет в них вместе с законным хозяином или же со своими страшнейшими врагами — ядовитыми змеями. Поблизости от Буэнос-Айреса пещерная сова живет, по Дарвину, исключительно

но в норах вискачей, в Бразилии она гнездится в норах муравьедов и броненосцев, в Северной Америке встречается в так называемых селениях луговой собачки. Норы, в которых еще живут роющие млекопитающие, отличаются от обитаемых совами опрятностью и порядком, между тем как сова часто, даже почти всегда, встречается в заброшенных постройках этого рода. Но случается видеть, как луговые собачки, совы и гремучие змеи выходят и входят через одно и то же отверстие, и достоверно известно, что отношения между млекопитающими и птицами совершенно мирные.

Из всех описаний жизни пещерных сов я ставлю гораздо выше остальных то, которым мы обязаны Гудзону. «В Аргентинских штатах, — го-

ворит последний, — эта хорошенькая сова встречается всюду в открытых местностях, так как она избегает лесов и даже местностей, где часто попадаются рощи. Она видит превосходно даже днем и вовсе не боится дневного шума. Если кто-нибудь к ней приближается, то она пристально смотрит ему в лицо, следит за ним глазами, куда бы он ни повернулся, при этом поворачивает свое лицо, в случае надобности,

даже на спину. Если к ней приблизиться на несколько шагов, то она горбится, точно играя, издает несколько раз короткий крик, за которым следуют три отрывистых звука, и поднимается, но отлетает самое большее на 15—20 м, чтобы снова опуститься, обратившись лицом к пришельцу. Как только она усядется, то повторяет свои поклоны и крик, но затем выпрямляется, приподнимается и делает такие гримасы, как будто бы была чрезмерно удивлена, что ее обеспокоили. Днем она летает, не переставая ударять крыльями, над самой землей, но прежде чем садиться, неизменно круто поднимается вверх, чтобы затем еще круче опуститься на землю. Если ей приходится снова и снова взлетать, то это скоро до такой степени утомляет ее, что она прибегает к сво-

Кроличий сыч,
или пещерная сова
(*Athene cunicularia*)

Семейство настоящие совы

им проворным ногам. Поэтому верхом на лошади ее можно догнать и поймать минут в 15—20. Каждая пара весь год живет неизменно вместе и днем сидит обыкновенно у входа в нору вискачей, причем самец и самка сидят так близко, что почти касаются друг друга. Если их испугать, то или взлетают оба, или же поднимается лишь самец, а самка скрывается в норе.

Поблизости всех поселений, где живут европейцы, пещерная сова крайне обыкновенна и в высшей степени доверчива; но во всех тех местностях, где охотится индеец, это во всех отношениях другая птица. Здесь она уже издали поднимается при появлении человека с таким же страхом и осторожностью, как всякая пернатая дичь, которую много преследовали, всегда взлетает на значительную высоту и улетает часто на такое расстояние, что совершенно скрывается из глаз путешественника, прежде чем снова опуститься на землю. Такое поведение, несомненно, следствие сильной ненависти к ней всех племен, населяющих пампасы; по отношению к этой сове индейцы держатся всех суеверий, которые вообще так широко распространены здесь. «Сестра злого духа» — одно из имен, которые они дают этой хорошенькой птице. Когда только могут, они преследуют пещерную сову, пока не убьют ее. Уже одного присутствия этой безобидной птицы достаточно, чтобы испугать их, и никогда индеец не расположится на ночлег там, где видел, что сидела сова.

Как скоро равнины заселяются белыми, наша сова оставляет всякий страх и осторожность и становится настолько же доверчивой, насколько прежде была подозрительной. Превращение той местности, где она живет, в поле и луг мало беспокоит ее. Если плуг засыплет вход в нору, то сова вырывает себе новую на окраине поля или на межах, а если не находит там места, то роет по сторонам дороги, все равно, происходит ли по ней большое движение или нет. Здесь она становится настолько ручной, что всадник легко мог бы убить ее кнутом. Несколько пар живут поблизости моего дома; если кто-нибудь из нас выезжает из дому верхом, то все они продолжают сидеть перед своими норами, пока не окажутся на расстоянии 3—4 м от копыт лошади, самое большее — щелкают клювом, топорчат свое оперение, но не думают улетать.

Иногда случается видеть, как эти совы охотятся и днем; это бывает в том случае, если какая-нибудь добыча пролетает близко и подает надежду на легкий лов. Я часто забавлялся, катая мимо их нор комки земли; они тотчас же бросаются за таким предметом и убеждаются в своей ошибке лишь тогда, когда уже крепко схватили комок земли или камень. Во время вывода птенцов, особенно когда эти последние подрастают, эти совы настолько же деятельны днем, как и ночью. В жаркие ноябрьские дни здесь появляются в бесчисленном множестве навозные жуки и побуждают к преследованию как своим обилием, так и громким жуж-

жанием на лету. В это время всюду можно видеть, как пещерные совы ревностно охотятся, но при этом нередко неуклюже падают на землю, так как, подобно всем совам, имеют привычку схватывать добычу по возможности обеими лапами и должны помогать себе крыльями, чтобы сохранить равновесие; последнее, однако, часто не удается им, и они, шатаясь, падают тогда в траву. Если счастливо схваченная добыча мала, то немного погодя они съедают ее тут же; если же она велика, то они поднимаются, часто без усилия, с земли и отлетают со своей жертвой на некоторое расстояние, как будто затем, чтобы иметь по дороге время умертвить схваченное животное.

Когда наступает ночь, они поднимаются одна за другой на воздух, и тогда видно повсюду, как эти хорошенькие совы, покачиваясь, парят над землей на высоте около 40 м. Увидев добычу, они вертикально падают толчками вниз, причем, точно раненые, покачиваются и порхают, пока не достигнут высоты приблизительно 10 м над землей, еще раз всматриваются в добычу, снова покачиваются несколько секунд и затем скользят книзу. Они охотятся за каждым живым существом, которое надеются одолеть. Если добыча обильная, то они оставляют нетронутыми голову, хвост и ноги пойманной мыши, точно так же, как они во всяком случае пренебрегают задними частями лягушки или жабы, хотя это самые сочные и мясистые части. Змей длиной до 50 см они убивают ударами клюва, причем мужественно бросаются на них, пока не умертвят своей жертвы; от ядовитых змей они, по-видимому, защищаются во время таких нападений, протягивая вперед крылья. Немногие из них, поселившиеся около ферм, становятся опасными для домашней птицы и уносят днем цыплят. Если добыча в изобилии, они убивают больше, чем потребляют, напротив, в суровые зимние дни им приходится терпеть нужду. В это время они часто появляются около жилищ и охотно довольствуются каждым кусочком мяса, который находят, хотя бы он был стар и сух, как пергамент.

Хотя эти совы в большинстве случаев пользуются норами вискачей, они вырывают их себе и сами. Нора, длина которой колеблется от 1 до 4 м, изогнута и расширена на заднем конце. Здесь находится гнездо, состоящее из сухой травы и шерсти, а нередко и исключительно из лошадиного навоза. Кладка состоит из 5 почти круглых яиц белого цвета. Даже после того, как самка начала класть яйца, она продолжает приносить в нору лошадиный навоз, пока не покроет им плотно весь пол норы и некоторое пространство перед ней. На следующую весну сова выскребывает всю свободную землю и приводит снова в порядок нору, которая служит гнездом в течение нескольких лет. Нора всегда грязна, всего больше во время вывода птенцов или когда добыча бывает в изобилии. В это время пол норы и некоторое пространство перед входом покрыты не только пометом и погадками, но также

остатками кожи и костей, надкрыльями жуков, перьями, задними ногами лягушек во всех стадиях гниения, большими волосистыми пауками пампасов, остатками наполовину съеденных змей и других непривлекательных животных. Но вся эта падаля внутри отвратительного жилища совы и перед ним достаточно ясно говорит о той важной роли, которую она играет в природе. Молодые птицы оставляют норы прежде, чем научатся летать; они греются на солнце и получают пищу от родителей. Если к ним приблизиться, то они обнаруживают крайнее возбуждение, щелкают клювом и, по-видимому, неохотно удаляются наконец в нору. Лишь только они научатся летать, они пускают в дело крылья, чтобы избавиться от опасности. Старые и молодые птицы живут часто вместе 4—5 месяцев».

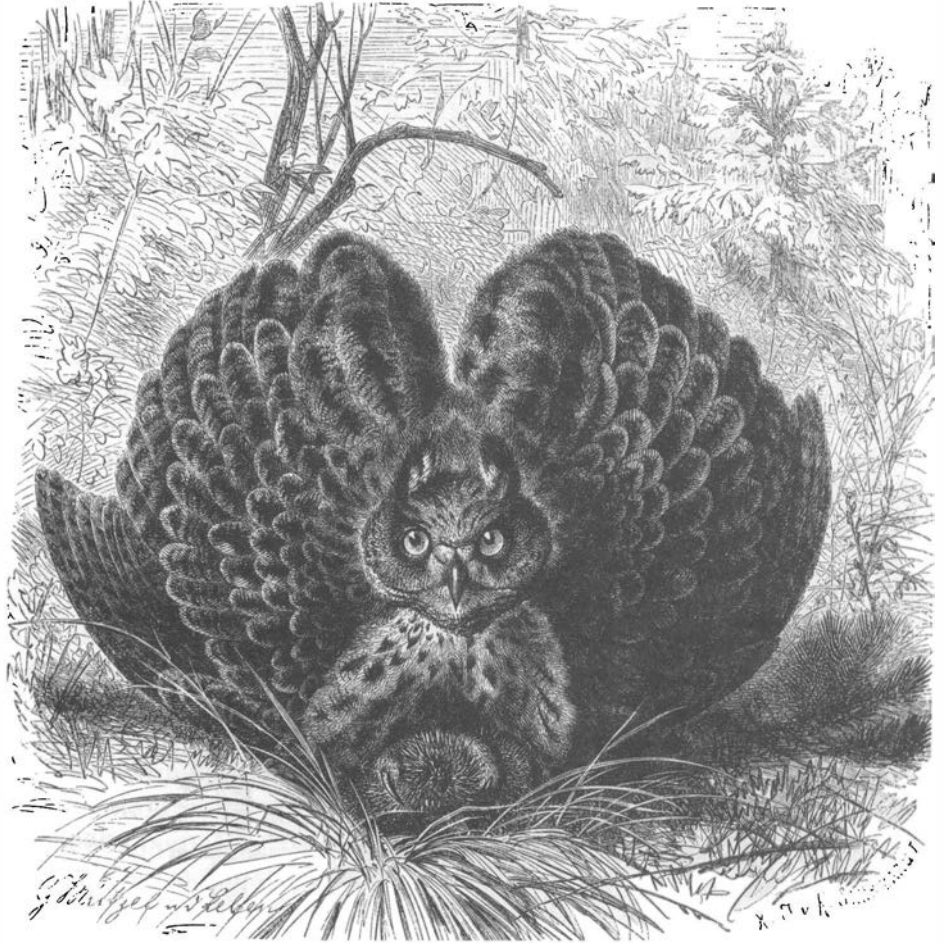
Упоминаемый в различных сказаниях «король ночи» — это **филин** (*Bubo bubo*). Длина его 63—77 см, размах крыльев от 150 до 176, длина крыла 45, хвоста 25—28 см. Очень обильное и густое оперение испещрено на верхней стороне темным ржаво-желтым и черным цветом, горло желтовато-белое, нижняя сторона тела ржаво-желтая с черными продольными полосками; ушные пучки перьев черные с желтой каймой на внутренней стороне. Собственно, в оперении перемешаны лишь два цвета: более или менее яркий красновато-серый и черный. Клюв темный, голубовато-серый, голые ножные щитки светло-голубовато-серые, глаза великолепного золотисто-желтого цвета, на наружном краю красноватого. Самка немного крупнее. Молодые птицы обыкновенно более желтоватого цвета. В северной Азии, а также в Испании оперение филина светлее. Из Китая я получил живого филина, который был несколько меньше и темнее, чем водящийся у нас. Подобные уклонения едва ли дают нам право считать этих птиц за особые виды.

Область распространения филина простирается по всей северной части Старого Света. В Германии он еще встречается, хотя и истреблен во многих местностях. Населяет он Австрию, Венгрию, Скандинавию, всю Россию, Дунайские низменности, Турцию, Грецию, Италию, Испанию и южную Францию; его нельзя, однако, назвать обыкновенным где бы то ни было. Он реже в Бельгии и Дании и почти истреблен в Великобритании*. В Африке область, в которой он живет, ограничивается Атласом, хотя в виде исключения он встречается и в Египте. Напротив, в Азии он водится, начиная с Малой Азии и Персии до Китая, и от северной границы лесов до Гималайских гор, не избегая степей, во всех странах и равнинах, фауна которых нам точнее известна. Об этом филине в Закаспийском крае Вальтер рассказывает следующее: «В одной лавке в Красноводске мы нашли в феврале 1886 года восемь шкурок филина. Два мертвых экземпляра, которых мы случайно нашли в Голодной степи, были тоже очень светлы. Филин гораздо чаще живет в горах, мы часто встречали

* В нашей стране, особенно в лесной ее части, филин тоже стал редок, причём до такой степени, что его пришлось включить в Красную книгу России.

его на Куба-даге около Красноводска, много раз видали его в ущелье Сульфигар. На равнине, где он встречается несравненно реже, его находили мертвым около Чикишляра на морском берегу и при Дорт-кую в глубоком песке. В развалинах Старого Мерва он был нередок». Он не странствует и остается из года в год на месте вывода птенцов.

Филин предпочитает гористые местности, так как они доставляют ему самые лучшие укромные уголки; он встречается и на равнинах, преимущественно там, где есть большие леса. Леса с крутыми скалами особенно нравятся ему, и в некоторых удобных местностях он живет с незапамятных времен. Может случиться, что его истребят, и в данной области филин не встречается годами; затем вдруг оказывается, что здесь опять поселилась пара, обыкновенно на том же самом месте, и остается, пока позволяют люди. Не слишком редко случается, что пара селится в непосредственной близости от населенных мест. Тем не менее филин всегда осторожен. Днем его редко можно видеть, так как его цвет превосходно соответствует цвету

скал, а также коре деревьев; однако случается, что его открывает какая-нибудь маленькая певчая птица, криком сообщает об этом всему населению леса, привлекает других крикунов и таким образом выдает его. Ночью его замечаешь чаще, а весной в пору любви он становится очень заметным благодаря своему замечательному и далеко раздающемуся крику.

Его охотничья жизнь начинается лишь тогда, когда ночь совершенно наступила. Днем он сидит неподвижно в пещере скалы или на верхушке дерева, обыкновенно гладко прижав к телу перья

Филин
(*Bubo bubo*)

**Семейство
настоящие совы**

и несколько заложив назад перистые уши, более или менее, но редко совсем закрыв глаза и предаваясь полудремоте. Достаточно самого ничтожного шума, чтобы разбудить его. Он поднимает тогда свои пучки перьев, поворачивает голову, то приподнимается, то наклоняется вперед и моргает в ту сторону, где заметил что-нибудь подозрительное. Если филин боится опасности, он мгновенно улетает и пытается найти более скрытое убежище. Если день прошел без всякой тревоги, к закату солнца он оживляется, тихо слетает, по большей части направляясь сначала к скале или высокому дереву, и издает здесь, обыкновенно весной, свое глухое, но далеко слышное «буху». В ясные лунные ночи он кричит чаще, чем в более темные, а перед временем спаривания — почти непрерывно целую ночь. Крик его страшно отдается в лесу, так что, по выражению Ленца, «у суеверных людей волосы становятся дыбом». Крик этот дает знать, что филин деятелен и летает в течение всей ночи. Он слышен в лесу то здесь, то там до утра. Это зов и любовная песнь; напротив, бешеное хихиканье, громкий визг, сопровождаемый энергическим фырканием и щелканьем клювом, выражает злобу и досаду. Во время спаривания может случиться, что два самца горячо спорят из-за любви самки, и тогда можно слышать все описанные звуки вперемешку.

Филин
(*Vubo vubo*),
атакуемый мелкими
певчими птицами
днем

большими и малыми. Ночью он настолько же ловок, как силен и мужествен, и потому вовсе не боится испытать свою силу и на более крупных существах. Паря так же тихо, как и его родичи, он носится обыкновенно низко над землей, но с легкостью поднимается на значительные высоты и движется так быстро, что обыкновенно может поймать разбуженную и испуганную птицу. Что

он нападает на зайцев, кроликов, глухарей, тетеревов, рябчиков и куропаток, уток и гусей, а потому приносит вред, что он не щадит ни слабых дневных хищных птиц, воронов и ворон, ни более слабые виды своего семейства и вовсе не боится иголок ежа — это несомненно. В высшей степени вероятно, что он сначала испугивает и обращает в бегство спящих птиц, хлопая крыльями или щелкая клювом, и затем легко ловит их на лету. Однако большой вопрос, действительно ли он более вреден, чем полезен. Мыши и крысы могут считаться той дичью, которую он преследует всего ревностнее.

В первые месяцы года, обыкновенно в марте, филин приступает к размножению. Он настолько же верный, насколько нежный супруг. Гнездо находится в пещерах скал, в углублениях в земле, в старых зданиях, на деревьях, даже на ровной земле или в камыше. Если только возможно, он селится в старом гнезде и в таком случае едва дает себе труд немного поправить его. Если ему не посчастливилось в этом отношении, то он натаскивает несколько ветвей и хворосту, немного выстилает их, довольно, впрочем, плохо, сухими листьями и ветками или же и вовсе не обременяет себя подобными работами, а просто кладет на землю 2—3 округленных белых яйца с шероховатой скорлупой. Самка высиживает очень усердно, и, пока она сидит на яйцах, ее кормит самец. Оба родителя приносят птенцам столько пищи, что они не только никогда не терпят нужды, а, напротив, всегда снабжены ею более чем в избытке. В случае опасности родители защищают птенцов самым мужественным образом и сильно нападают на всех хищных животных, а также на людей, если они приближаются к ним. Кроме того, замечали, что старые филины переносили своих птенцов в другие гнезда, если считали, что первое гнездо не представляет достаточной безопасности.

Ни одна из сов не возбуждает такой общей ненависти, как филин. Почти все дневные птицы и даже некоторые совы дразнят его и издеваются над ним, лишь только его увидят. Дневные хищные, увидев филина, увлекаются до того, что позволяют себе различные неосторожности, а вороны постоянно следуют за ними. Однако все эти враги, кроме человека, едва ли могут быть опасны для филина. Как узнал Вальтер, «перья филина пользуются почетом у киргизов и охотно покупаются. Пухом и грудными перьями они украшают свои чепраки».

В неволе филин выживает при надлежащем уходе многие годы. Обыкновенно он и по отношению к тому, кто ежедневно дает ему корм, остается таким же злобным и бешеным, как относительно всякого другого, кто приближается к его клетке; однако все же возможно приручить филинов, вынутых из гнезда очень рано, если ими много заниматься. Я довел одного мягким обращением до того, что мог носить его на руке, гладить, брать за клюв и вообще возиться с ним, не подвергаясь никакой опасности. У

Мевеса в Стокгольме я видел другого филина, который не только позволял себя брать и гладить, но также слушался, когда его звали по имени, отвечал и приходил на зов. Его можно было даже выпускать на свободу, так как он, хотя и предпринимал маленькие экскурсии, но никогда не улетал, а всегда добровольно возвращался к своему хозяину.

Ушастая сова (*Asio otus*) — это филин в малом виде, но отличается более тонким туловищем, более длинными крыльями, в которых второе маховое перо длиннее других, более короткими ногами, более длинными перистыми ушами и очень развитыми ушными раковинами. По цвету ушастая сова очень сходна с филином, но ее оперение светлее. Клюв черноватый, глаза ярко-желтые. Самки несколько темнее, молодые окрашены менее ярко, чем самец. Длина птиц 34—35 см, размах крыльев 91—98, длина крыла 29, хвоста 15 см.

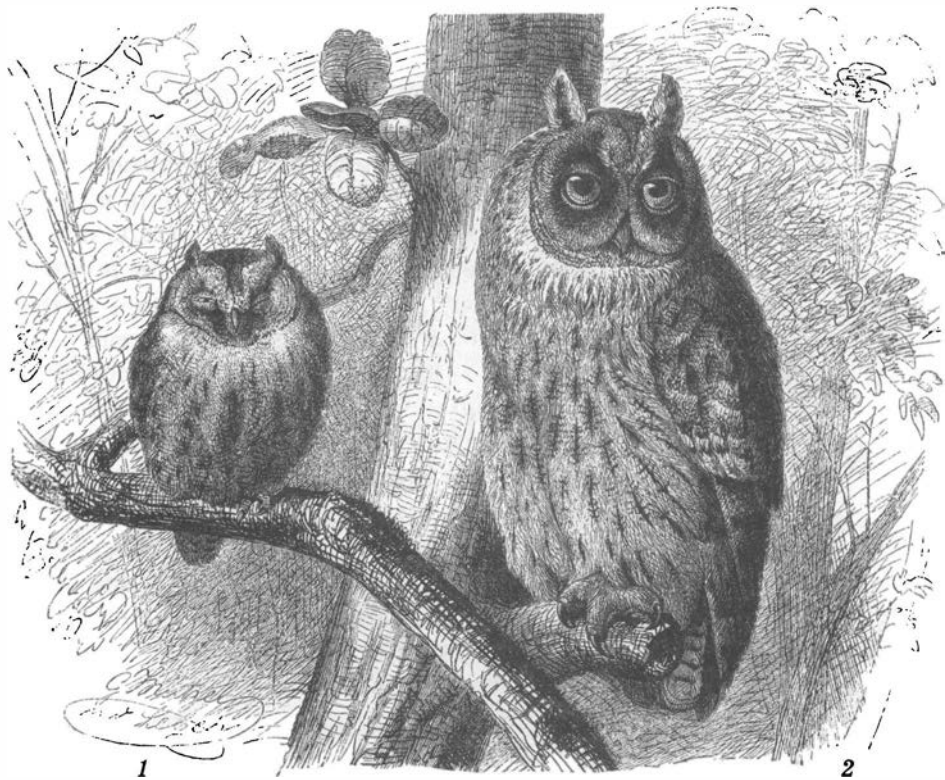
Начиная с 64 градуса северной широты ушастая сова распространена по всей Европе, а также по всему северному краю лесного пояса Азии, от Урала до Японии. К югу она становится реже, а северо-восточную Африку, Канарские острова и северо-западную Индию посещает, вероятно, лишь на перелете; напротив, на Мадейре она еще гнездится. Можно не приводить более точных данных, так как в указанных границах она встречается всюду в удобных местах. Она заслуживает свое немецкое название (*Waldhreule* — лесная ушастая сова), так как обыкновенно встречается лишь в лесу. Ночью она, правда, появляется и около жилых мест, во время своих скитаний укрывается днем и в густо заросшем плодовом саду или даже на открытом поле, но это — исключения. Трудно сказать, любит ли она более хвойный или лиственный лес; ее одинаково часто можно встретить и там, и тут.

По образу жизни и поведению ушастая сова существенно отличается от филина. Днем она ведет себя совершенно так же, как он, приблизительно в то же время и таким же образом вылетает на охоту, но она гораздо общительнее и не такая сердитая, как ее большой родич, и редко бывает боязлива. Только во время вывода птенцов она держится парами; как скоро птенцы выросли, она соединяется с другими птицами того же вида в стаи, которые иногда могут быть очень многочисленными. К осени эти общества начинают кочевать по стране туда и сюда, и в это время ушастых сов встречают в удобных местах очень часто. Я видел стаи по двадцати и более птиц, которые располагались почти на одном и том же дереве. Еще более многочисленные общества собираются далее южнее, например, в Австрии и Венгрии. Они, конечно, не кочуют, как куропатки или скворцы, близко друг около друга, а обнаруживают свою связь лишь тем, что очень часто сидят близ друг друга на относительно малом пространстве.

Для меня не подлежит никакому сомнению, что не только общительность, но также обильно встречающаяся в данной местности пища заставляет ушастых сов собираться в такие многочисленные стаи. На местах вывода птенцов они тоже встречаются то в более значительном числе, то лишь парами, смотря по тому, много ли в этом году мышей. Охотятся они главным образом за мелкими млекопитающими, прежде всего за лесными и полевыми мышами, а также за землеройками. Не щадят они и зазевавшейся птички, а при случае схватывают и большую или утомленную куропатку, но это исключительные случаи. Вальтер сомневается, чтобы ушастая сова ела землероек, так как одна, которую он держал, хотя и брала их, но тотчас бросала, если трогала их языком. Тем не менее нельзя сомневаться в этом факте, так как Альтум нашел остатки землероек в погадках ушастых сов. За мышами ушастая сова охотится главным образом на лесных опушках или полянах, но иногда решается и на более далекие вылеты на соседние поля.

Если видишь ушастую сову днем в самой густой тени леса, то, конечно, придешь к заключению, что она боится света и что солнце ослепляет ее и мешает ей видеть: она сидит на ветви, крепко прижавшись к стволу и высоко поднявшись, плотно прижав к телу все перья и немного приоткрыв оба глаза или лишь один, чтобы, мигая, смотреть вниз на подозрительного пришельца; кроме того, эта сова всегда отправляется на охоту лишь после наступления сумерек. Такой вывод, однако, не соответствует действительности.

Старые, оставленные гнезда вороны, вяхиря, белки или дневной хищной птицы служат ушастой сове колыбелью для птенцов. Об улучшении найденного гнезда она не думает, кладет в марте четыре круглых белых яйца без всякого приготовления на дно найденного гнезда и насиживает их очень усердно в тече-

1 — Сплюшка
(*Otus scops*)
2 — Ушастая сова
(*Asio otus*)

* Кладки ушастых сов могут содержать от 1 до 6 яиц, но обычно их 3—5.

** Это не совсем так. Болотную сову скорее стоит назвать птицей открытого ландшафта. Она характерна не только для тундры, но и для лесостепи, степи с куртинами кустарников, лугов, пустошей. Она сильно зависит от численности мелких грызунов и всегда появляется там, где их много, исчезая при сокращении обилия мелких млекопитающих.

ние трех недель; в это время ее кормит самец*. Птенцы требуют много пищи, постоянно кричат и пищат, как будто бы они всегда голодны, и побуждают нежных родителей к непрерывной охоте за мышами. К сожалению, они слишком часто выдают себя своим криком злым и глупым людям и в таком случае погибают.

Ушастая сова очень ненавистна всем дневным птицам, и ее дразнят, как только она покажется. Разумный человек не трогает ее и поступает хорошо, так как всякое покровительство, оказываемое ей, полезно лесу. Напротив, безрассудный охотник-мальчишка убивает сову, лишь только увидит на дереве, прибывает гвоздями к воротам и, пожалуй, хвалится еще своим геройством. Ему можно сказать, что ушастая сова полезна до тех пор, пока жива. Потребность в пище у нее, правда, незначительна, но голодна она или нет, все-таки не может, увидев мышь, не броситься на нее, а потому и ловит мышей больше, чем съедает. В случае удачи сова относит мышей в скрытое местечко и достает их оттуда, если ей не посчастливится на охоте. Лишь в случае очень сильного голода она тотчас съедает убитую мышь, обыкновенно же отрывает ей голову и уносит остальное, хотя бы на короткое время, в укромное место. Но если пара имеет птенцов, то приносит столько мышей, сколько может наловить, обкладывает ими все гнездо после того, как птенцы насытятся, и таким образом проявляет изумительную деятельность по сравнению с своей величиной.

Болотная сова (*Asio flammeus*) настолько похожа на ушастую, что их часто смешивают. Голова ее, однако, меньше или, по крайней мере, кажется меньше; короткие перистые уши состоят лишь из 2—4 перьев; крылья относительно длинны и выдаются гораздо дальше хвоста. Основной цвет приятный бледно-желтый, венчик беловато-серый, перья головы и тела разрисованы черными стержневыми черточками, которые идут вниз до груди, а на брюхе становятся уже и длиннее. Глаза не темно-, а бледно-желтые; клюв рогового черного цвета. Молодые птицы темнее старых. Длина равна 36 см, размах крыльев приблизительно 98, длина крыла 28, хвоста 15 см.

Болотная сова, первоначально обитательница тундры**, в буквальном смысле слова космополитка. Принужденная каждую осень покидать эти пустынные места и предпринимать странствования, она посещает прежде всего северные части света, пересекает при этом всю Европу и Азию, перелетает из них в Африку и, вероятно, из Азии на Сандвичевы острова, кочует также по Америке от крайнего севера до южной оконечности. Правда, в этих пределах ее видали не везде, например, не наблюдали ни в Австралии, ни в южной Африке.

Сплюшка (*Otus scops*) имеет в длину 15—18 см, размах крыльев 46—51, длина крыла 14, хвоста 7 см. На верхней стороне преобладает красно-бурый цвет с пепельно-серым оттенком.

По сравнению с незначительной величиной сплюшка довольно опасный хищник. Охотится она главным образом за мелкими позвоночными, но не за насекомыми, как можно бы подумать*. В желудке убитых я находил главным образом мышей, но те сплюшки, которых я держал в неволе, нападали и на маленьких птиц и убивали их, а одна из них, которую я пустил свободно летать по комнате, с большой быстротой и ловкостью поймала у меня на глазах летучую мышь, влетевшую через открытую дверь, и мгновенно задушила ее.

* Тем не менее основной пищей сплюшки обычно служат насекомые.

Гнезда, по уверению тех испанцев, кто мог сообщить мне сведения об этом, находятся в дуплах деревьев и заключают не ранее, чем к концу мая, маленькие, круглые белые яйца, длина их 31, а ширина 26 мм. Мы достали одного слепого птенца, несколько дней спустя — трех; мы заботливо ухаживали за ними и они, после непродолжительного пребывания в неволе, стали совсем ручными: не только позволяли трогать себя, но даже носить на пальце по комнате, брали предлагаемую пищу из рук и чрезвычайно забавляли нас своим веселым шаловливым характером. Свирепого фыркня я не слышал никогда, слабое щелканье клювом — лишь в начале неволи. Но понемногу эти маленькие птицы становились самостоятельными и одна за другой улетали на волю, несмотря на заботливый присмотр.

Бурый рыбный филин (*Ketupa zeylonensis*) мало уступает по величине филину; длина его 60 см, размах крыльев 120, длина крыла 42, хвоста 21 см. Оперение сверху винно-красновато-ржавое; перья головы и затылка, а также ушные пучки — с продольными темно-бурыми полосками, спинные перья и кроющие перья крыла окрашены смесью бурого и бледно-желтого цвета. Глаза оранжево-желтые, клюв бледного рогового желтого цвета; ноги грязно-желтого.

Болотная сова
(*Asio flammeus*)

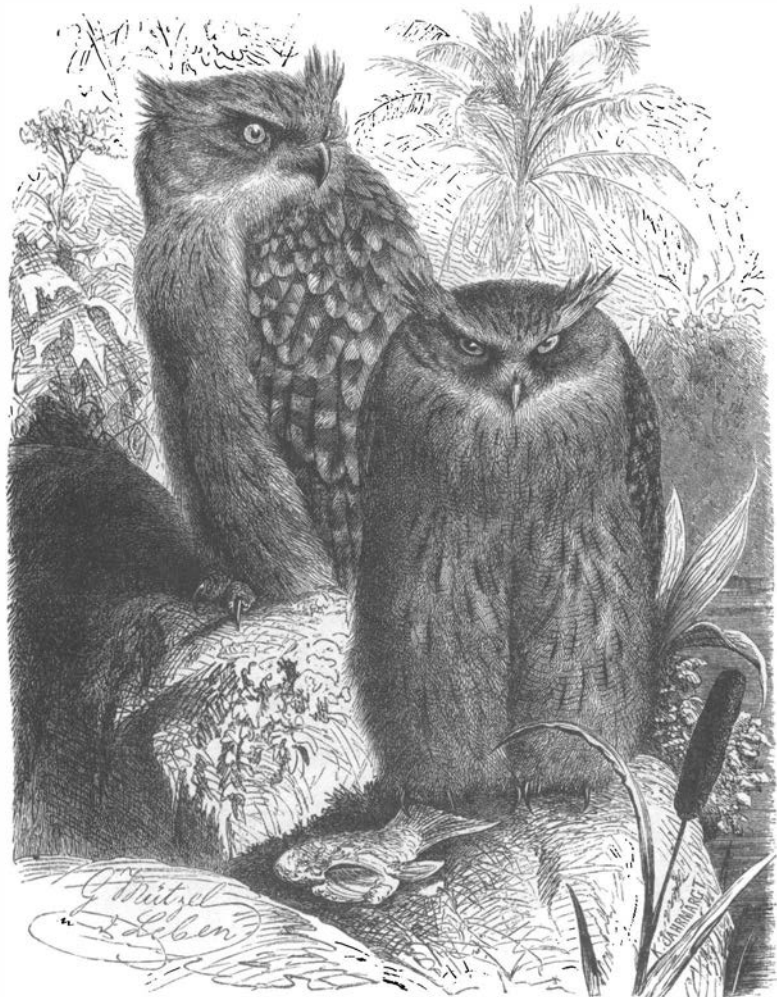
Рыбный филин встречается по всей Индии, а также обыкновенен на Цейлоне, но, очевидно, распространен гораздо шире, так как его убивали и в Китае, и в Палестине. Он живет главным

образом в группах деревьев и в мелком лесу, поблизости селений, по крайней мере прячется здесь днем, сидя, подобно другим совам, у самого ствола на верхушке какого-нибудь дерева с густой листвой. Хотя без нужды он не оставляет своего убежища раньше начала сумерек, но, по-видимому, дневной свет так же мало мешает ему видеть, как его родичам. По крайней мере несколько рыбных филинов, которых я держал в неволе, умели очень искусно ловить

и днем ящериц, змей, крыс и других животных, случайно попавших в их обширную и вовсе не темную тюрьму. По словам туземцев, на свободе они охотятся также за курами и другими птицами. Напротив, Жердон говорит, что рыбный филин направляется обыкновенно к ближайшей воде, все равно, пруд ли это, ручей или река. Здесь можно видеть, как он сидит на свешивающейся над водой скале или на сухом дереве и подкарауливает рыб. Ходжсон первый наблюдал, что рыбный филин ест рыб; Жердон нашел, что он, быть может, даже предпочитает им крабов. Туземцы уверяют, что он нападает также на кошек и убивает их.

Его грубый и глухой голос звучит часто как смех, от которого волосы становятся дыбом: «ха-хау-хау-хо», и всегда нагоняет страх на боязливых людей, удручающее впечатление производит и сама местность, избираемая рыбным филином.

Сингалезцы часто держат рыбного филина в неволе, а потому он иногда попадает и в наши клетки, но все-таки принадлежит к редкостям.

**Бурый рыбный
филин**
(*Ketupa zeylonensis*)

ОТРЯД
КОЗОДОЕОБРАЗНЫЕ
(Caprimulgiformes)

Семейство
гуахаро

СЕМЕЙСТВО
ГУАХАРО (Steatornithidae)

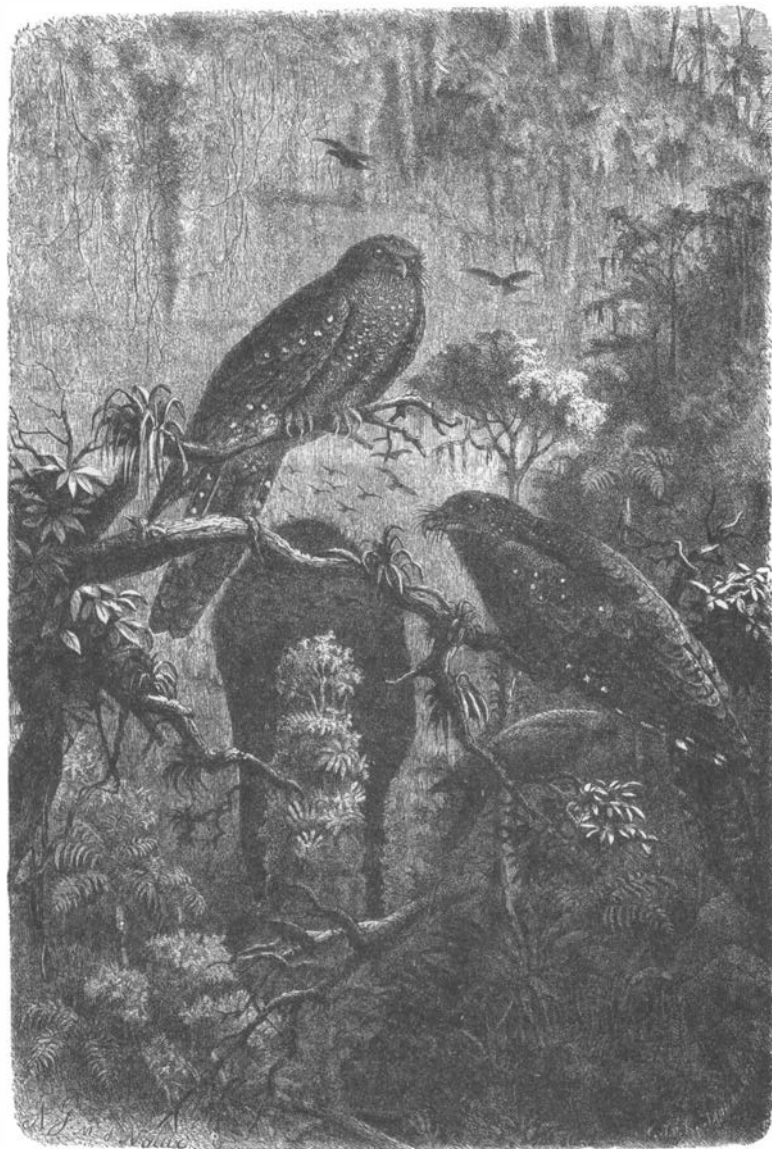
В глубоких скалистых пещерах или ущельях средних областей Америки живет чудесная птица, которая по строению и образу жизни имеет главные отличительные признаки козодоев, но как особое семейство.

Гуахаро (*Steatornis caripensis*) достигает в длину 55 см при размахе крыльев вдвое больше. Туловище его очень стройное, голова широкая; клюв более длинный, чем широкий, и не закрыт перьями, круто выгнут, конец его сильно загнут вниз и имеет по краям зазубрины. Ноги очень сильные, плюсна короткая и голая, без щитков; крылья очень длинные с далеко выступающим острием. Хвост гораздо короче крыла, сильно округлен и состоит из жестких, на конце широких перьев. Остальное оперение твердое и жесткое; на уздечке образуются длинные, выше клюва стоящие щетинки, так что лицо, как у сов, окружено венчиком из перьев. Веки также усажены маленькими щетинками, которые защищают большие полукруглые глаза. Под кожей лежит слой жира, так плотно окружающий внутренности, что они как бы плавают в нем. Оперение красивой каштаново-бурой окраски. Глаза темно-бурые, клюв красновато-бурый, ноги желто-буроватые. Полы не отличаются друг от друга по окраске.

А. Гумбольдт наблюдал гуахаро в 1799 г. в большой скалистой пещере Карипе; позднейшие путешественники находили его и в других темных скалистых ущельях или пещерах, которые часто попадаются в горах. Сведения, полученные нами об образе жизни и привычках этой замечательной птицы, довольно обстоятельны, хотя многое еще остается неразъясненным. Несомненно одно: мы не знаем ни одной птицы, которая жила бы так, как гуахаро. Это можно видеть из нижеследующего описания, составленного по важнейшим известиям, заимствованным от Гумбольдта, Функа, Гросса и Геринга.

«В одной стране, — говорит Гумбольдт, — где существует большая склонность к чудесному, есть пещера, из которой вы-

текает ручей и где живут тысячи ночных птиц; на жире их миссионеры жарят себе кушанья, что служит, понятно, неистощимым предметом разговоров и споров. Стоит только чужестранцу ступить ногой на землю в Кумане, как ему начнут рассказывать про пещеру гуахаро, имеющую, как говорят, протяжение в несколько миль.

Гуахаро
(*Steatornis caripensis*)

Пещера, которую туземцы называют жировой ямой, лежит не в самой долине Карипе, а около трех миль на юго-запад от монастыря. Она впадает в боковую долину, идущую к Сьерра-де-Гуахаро. 18 сентября мы отправились в Сьерру в сопровождении индейских алькадов и большинства монахов. Узкая тропинка вела сначала в продолжение полутора часа к югу по веселым равнинам, покрытым прекрасной травой; затем мы свернули на запад, держась берегов маленькой реки, вытекающей из пещеры. Приходилось идти в продолжение трех четвертей часа вверх, то прямо вброд по реке, то пробираясь между рекой и скалой по очень скользкой болотистой почве. Многочисленные земляные обвалы и поваленные деревья, через которые мулы пробирались с великим трудом, делали эту часть пути очень утомительной.

Находясь уже у подножия высокой горы Гуахаро, всего в 400 шагах от пещеры, нельзя еще видеть входа в нее. Ручей бежит по ложбине, вырытой самой водой, и путнику приходится идти под навесом скал, так

что неба совсем не видно. Дорога извивается вместе с рекой, и только при последнем повороте впервые видишь перед собой отверстие пещеры. Вид кажется величественным даже для таких глаз, которые уже привыкли к красоте высоких Альп; в высшей степени своеобразный отпечаток придает устью этого подземелья роскошная тропическая растительность, окружающая его.

Пещера Гуахаро открывается в отвесном скалистом обрыве. Вход обращен к югу; он представляет собой свод в 25 м ширины и 22 м высоты. На скале над гротом высятся исполинские деревья; мамея и американская гениппа простирают свои ветви с широкими блестящими листьями прямо к небу, тогда как ветки курбарилля и эритрины, простираясь в ширину, образуют густой зеленый свод. Потосы с сочными стеблями, оксалисы и орхидеи редкостного вида растут в сухих расщелинах скал, колеблемые ветром ползучие растения сплетаются над входом в пещеру в красивую гирлянду. Какая противоположность между этой пещерой и какой-нибудь северной, осененной дубами и мрачными лиственницами!

Это растительное великолепие украшает не только наружную сторону свода, но проникает и в преддверие самой пещеры. Мы с изумлением увидели, что берега ручья даже в подземелье были окаймлены великолепными геликониями с листьями, как у бананов, пальмами-прага и древовидным арумом. Растительный мир проник в самую пещеру Карипе, равно как и в глубокие расселины скал в Андах, в которых царит вечный полумрак, рассеивающийся только в 30—40 шагах от входа. Мы измерили путь посредством веревки и прошли внутрь пещеры около 150 м, прежде чем явилась необходимость зажечь факелы. Дневной свет проникает так далеко потому, что пещера образует только один проход, идущий по направлению с юго-востока на северо-запад. Там, где дневной свет начинает уже меркнуть, слышатся хриплые крики ночных птиц, которые, как полагают туземцы, живут только в этих подземных пространствах.

Трудно составить себе понятие о том странном шуме, который производят в темной внутренности пещеры тысячи этих птиц. Его можно сравнить только с карканьем наших ворон, живущих обществами в северных хвойных лесах и гнездящихся на деревьях, вершины которых срастаются между собой. Пронзительные крики гуахаро отражаются от свода скалы и в виде эха возвращаются обратно из глубины пещеры. Индейцы показали нам гнезда этих птиц, подвязавши предварительно факелы на длинные палки. Они торчали на высоте 20—23 м над нашими головами в воронкоподобных отверстиях, и свод положительно был покрыт ими. Чем глубже забирались мы в пещеру, чем больше вспугивали птиц светом своих факелов, тем оглушительнее становился шум. Едва только минуты на две успокаивалось вокруг нас, как вдали снова раздавался жалобный крик птиц, гнездившихся в других ходах пещеры. Таким образом хоры постоянно сменяли друг друга.

Гуахаро покидают пещеру с наступлением ночи, особенно при лунном свете. Они едят очень твердые семена, и индейцы утверждают, что они никогда не прикасаются ни к жукам, ни к ночным бабочкам. В самом деле, стоит только сравнить клюв

Семейство гуахаро

** Основной пищей гуахаро являются плоды различных пальм и лавровых с большим содержанием масел.*

гуахаро с клювом козодоя, чтобы убедиться, что образ жизни этих двух птиц должен быть совершенно различным*.

Каждый год около Иванова дня индейцы ходят в пещеру Гуахаро с палками и разоряют большую часть гнезд. Всякий раз они убивают не одну тысячу этих птиц, причем старые, как бы желая вступить за свое потомство, с страшным криком носятся над головами индейцев. Птенцов, которые падают на землю, потрошат тут же на месте. Их брюшина сильно проросла жиром, и такой же слой жира идет от груди до зада, образуя между ногами птицы нечто вроде желвака. Что зерноядные птицы, не подверженные влиянию дневного света и мало упражняющие свои мускулы, способны к такому ожирению, мы видим на давно известных приемах откармливания гусей и кур; каждому известно, как темнота и покой способствуют ожирению. Ко времени «жировой жатвы», как говорят в Карипе, индейцы строят из пальмовых листьев хижины при входе или в преддверии пещеры. Мы нашли остатки их. Здесь они топят жир молодых, только что убитых птиц и сливают его в глиняные сосуды. Этот жир известен под названием сала или масла гуахаро. Он полужидкий, прозрачный, без всякого запаха и до того чист, что его можно сохранять больше года, и он не горкнет. На монастырских кухнях в Карипе не употребляют никакого другого масла, кроме этого, добытого из пещеры, и мы не заметили, чтобы кушанье получало от него какой-нибудь неприятный запах или вкус.

Количество добываемого жира вовсе не соответствует тому кровопролитию, которое индейцы ежегодно совершают в пещере. Добывается, кажется, не более 150—160 бутылок чистого жира; остальной, менее чистый жир сохраняется в глиняных сосудах. Эта отрасль промышленности туземцев напоминает сбор голубиного жира в Каролине, где его в былые времена добывали более тысячи бочек. Употребление жира гуахаро известно в Карипе уже исстари, миссионеры же только упорядочили его производство. Члены одной индейской семьи утверждают, что они происходят от первых поселенцев долины и потому должны считаться единственными законными владельцами пещеры; они предъявляют свое исключительное право на жир, но благодаря участию в этом промысле монастыря права этих законных наследников признаны только как почетное звание. По системе, установленной миссионерами, индейцы обязаны доставлять масло гуахаро для неугасимых церковных лампад, все же остальное, как утверждают, покупается у них.

Все гуахаро давно бы уже были истреблены, если бы сохранению их не способствовали некоторые благоприятные обстоятельства: по своему суеверию индейцы редко отваживаются заходить далеко в глубину пещеры; кроме того, птицы эти гнездятся и в соседних пещерах, куда, по недоступности их, не проникает

человек. Очень может быть, что население большой пещеры постоянно пополняется новыми пришельцами из поселений в маленьких пещерах, иначе миссионеры не имели бы оснований утверждать, что до сих пор незаметно, чтобы количество птиц убавлялось.

Молодых гуахаро пробовали привозить в гавань Кумана; они жили там несколько дней без пищи, так как зерна, предлагаемые им, были им не по вкусу. Когда в пещере потрошат птенцов гуахаро, то в желудке и зобе у них находят множество твердых сухих семян, которые под названием «семян гуахаро» известны как общераспространенное здесь средство против перемежающейся лихорадки. Птенцам эти семена приносят старые птицы. Индейцы старательно собирают их и дают больным в тяжелых случаях заболевания лихорадкой.

Пещера Карипе имеет на протяжении 462 м одно и то же направление, ширину и высоту. Нам стоило много труда заставить индейцев пройти в глубь пещеры дальше ее передней части, которой они ограничиваются при ежегодном посещении пещеры во время сбора жира. Потребовалось серьезное влияние монахов, чтобы убедить их проникнуть в то место пещеры, где почва вдруг круто поднимается под углом в 60° и где ручей образует подземный водопад.

Чем ниже становился свод, тем пронзительнее раздавался крик гуахаро; под конец никакие увещания не помогали заставить индейцев идти дальше. Мы должны были подчиниться трусости своих проводников и вернуться. Впрочем, всюду мы видели то же, что и вначале.

Эта обитаемая ночными птицами пещера считается индейцами за страшное и таинственное место, где, по их глубокому верованию, живут души их предков. Человек, говорят они, должен питать страх к тем местам, которые не освещаются ни солнцем Цис, ни луной Нуна. Отправиться в Гуахаро значит то же самое, что отправиться к праотцам, т.е. умереть. Поэтому индейские колдуны (пиахе) и отравители (имороны) производят свои ночные колдования при входе в пещеру, чтобы заклинать верховного злого духа Иворокиамо. Таким образом, древнейшие народные мифы под всеми поясами земного шара почти одинаковы, в особенности те, которые относятся к двум силам, управляющим миром: к местопребыванию душ после смерти человека и к страшному суду. Пещера Карипе то же самое, что тартар у греков, а гуахаро, с жалобным криком летающие над водой, напоминают стигийских птиц».

От Функа, также посетившего эту пещеру, мы узнаем, что с наступлением темноты гуахаро покидают свою пещеру и, щелкая клювами, вылетают за пищей с криком, напоминающим карканье ворон. Пища их состоит исключительно из плодов. Они проглатывают плоды величиной с голубиное яйцо, зерна же их

Семейство гуахаро

выбрасывают. Гнезда их слеплены из глины и имеют форму чашки; кладка состоит из 2—4 яиц. Один гуахаро вместе с гнездом и яйцами был прислан Готесье в Парижскую академию; при этом было сделано наблюдение, что гнездо состояло из погадок, заключающих в себе остатки плодов, которыми питались птицы.

Гуахаро летает легко и быстро, без частых взмахов крыльями, причем веерообразно распускает крылья и хвост. Каждое другое движение его крайне беспомощно. На лету, а еще чаще в возбужденном состоянии он испускает хриплые, каркающие, но все же громкие звуки, которые до такой степени своеобразны и резки, что даже при более веселой обстановке показались бы неприятными и зловещими. Пища гуахаро, без сомнения, состоит из плодов, семена которых не отпрыгиваются ими, а выделяются вместе с пометом. Вокруг гнезда от прожорливых птенцов накапливаются постепенно целые кучи помета и зерен, которые иногда достигают 25 см высоты и кажутся тогда как бы стенками большого сосуда. Из глины и тому подобных веществ гуахаро никогда не строит своего гнезда. Белые, грушевидные яйца он кладет без всякой подстилки прямо в трещинах скалы. Самцы и самки насиживают яйца попеременно. Прожорливость их просто изумительна. В возбужденном состоянии они яростно нападают друг на друга, хватают клювом все, что попадет в близости, даже собственные ноги и крылья, и только с великим неудовольствием оставляют раз схваченное. Гросс пробовал воспитывать некоторых птенцов, взятых прямо из гнезд, но не мог доставить им соответствующей пищи и потому через несколько же дней лишился всех своих пленников.

СЕМЕЙСТВО ЛЯГУШКОРОТЫ (*Podargidae*)

Исполинский белоног (*Podargus strigoides*) по величине равняется вороне. Оперение всей верхней стороны по темному серо-бурому фону как бы окраплено очень мелкими серовато-белыми и черными крапинами; на плечах оно разрисовано по серовато-белому фону пятнышками; верхняя часть головы, нижние шейные перья и кроющие перья крыла испещрены тонкими, ясно выступающими, черными стержневыми черточками. Клюв светло-бурый с пурпуровым налетом; ноги масляно-бурые; глаза желтовато-бурые.

Гульд и Верро дали нам довольно обстоятельные сообщения о жизни исполинского белонога. «В Австралии водится, — говорит Гульд, — многочисленная группа ночных птиц этой породы, которые, по-видимому, назначены для того, чтобы мешать распространению древесных кузнечиков. Это трусливые и ленивые существа, добывающие себе пищу не искусством летания, а простым обыскиванием ветвей. Когда они не заняты ловлей, то

сидят на открытых местах, на корнях деревьев, на перилах, на крышах, также на кладбищенских памятниках, вследствие чего суеверные люди считают их за предвестников смерти, чему немало способствует их неприятный хриплый голос. В отношении размножения они резко отличаются от своих родичей, так как строят себе плоское гнездо из мелкого хвороста на горизонтальных ветвях деревьев».

Исполинский белоног принадлежит к наиболее обыкновенным птицам Нового Южного Уэльса, и потому его вовсе не трудно наблюдать. Это одно из самых сонливых созданий: разбудить его труднее, чем кого-либо. Все время, пока светит солнце, он спит, забившись где-нибудь в ветвях, плотно прижавшись телом к месту своего сидения, поджавши шею и запрятавши голову в плечевые перья, притом так неподвижно, что походит скорее на узловатый сук, чем на птицу. Следует обратить внимание на то, что он садится всегда поперек, а не вдоль ветви. Он держится так смирно и цвет его оперения так подходит к внешнему виду коры, что необходим большой навык, чтобы заметить эту крупную птицу среди белого дня, хотя она никогда не прячется, а сидит всегда на открытых сучьях, лишенных даже мелких веток.

Совершенно иной становится птица с наступлением ночи. В сумерки она просыпается от сна и, потянувшись как следует, начинает расправлять перья и приглаживать их, после чего принимается летать. Теперь она является совершенной противоположностью того, что представляла собой днем; мы видим живое, бодрое, деятельное, проворное и ловкое во всех своих движениях существо, неутомимо занимающееся ловлей добычи. Быстро но-

Исполинский
белоног
(*Podargus strigoides*)

сится белоног с ветви на ветвь, подбирая на них сонных кузнечиков и цикад; подобно дятлу, он стучит клювом по коре, чтобы выгнать спрятавшихся под ней насекомых, и даже забирается в дупла деревьев, чтобы раздобыть себе там пищи. Нельзя сказать, чтобы исполинский белоног особенно хорошо летал; его полет довольно короток и прерывист, что зависит от сравнительно коротких маховых перьев, но и неловким его назвать нельзя, так как он летает, забавляясь, для собственного удовольствия, с дерева на дерево. С наступлением ночи эта забава кончается, и птица копошится лишь в ветвях деревьев, тщательно обыскивая их.

Гульд полагает, что исполинский белоног ест только насекомых; Верро, напротив, уверяет, что он пользуется и другой добычей. Зимой они вытаскивают спрятавшихся насекомых из трещин и расщелин деревьев; если этой пищи им не хватает, они отправляются в болота и там охотятся за слизнями и другими мелкими водяными животными. В период размножения они похищают молодых птенцов, убивают их, если они кажутся им слишком большими, подобно древесному зимородку хватая их клювом и несколько раз ударяя по суку, и затем проглатывают целиком убитую птичку. Охота их продолжается только во время сумерек; в темную ночь они сидят смирно на одном и том же суку. За несколько часов перед рассветом они принимаются охотиться во второй раз, напоминая этим козодоев.

Голос у самца громкий и неприятно поражающий того, кто его слышит в первый раз. По мнению Верро, он похож на воркование голубей. Всего громче и усерднее белоноги кричат, само собой разумеется, в пору любви. Тогда их крик является вызовом к бою. Едва только подлетает другой самец, как поднимается жестокая драка, которая длится до решительного поражения одного из соперников. Время размножения приходится на июль и август. Маленькое плоское гнездо строится из тонких прутиков обеими птицами. Оно представляет собой плохую постройку, которая внутри выстлана лишь несколькими травинками и перышками, лежит обыкновенно очень низко, всего на 2 м над землей в разветвлении древесного сука, так что его легко достать рукой. Снизу можно видеть, как у некоторых голубей, 2—4 продолговатых, чисто-белых яйца, которые просвечивают сквозь плетение гнезда. Труд насиживания разделяют обе птицы: самец насиживает обыкновенно ночью, а самка днем. Заботы о вылупившемся семействе несет на себе один самец. Если гнездо слишком подвергается действию солнечных лучей или если птенцы настолько уже велики, что матери не накрыть их всех, то родители вынимают их из гнезда и переносят в дупло дерева. Эта заботливость тем замечательнее, что сами родители на местах своего отдохновения беспощадно подвергают себя влиянию всякой непогоды. В начале ноября

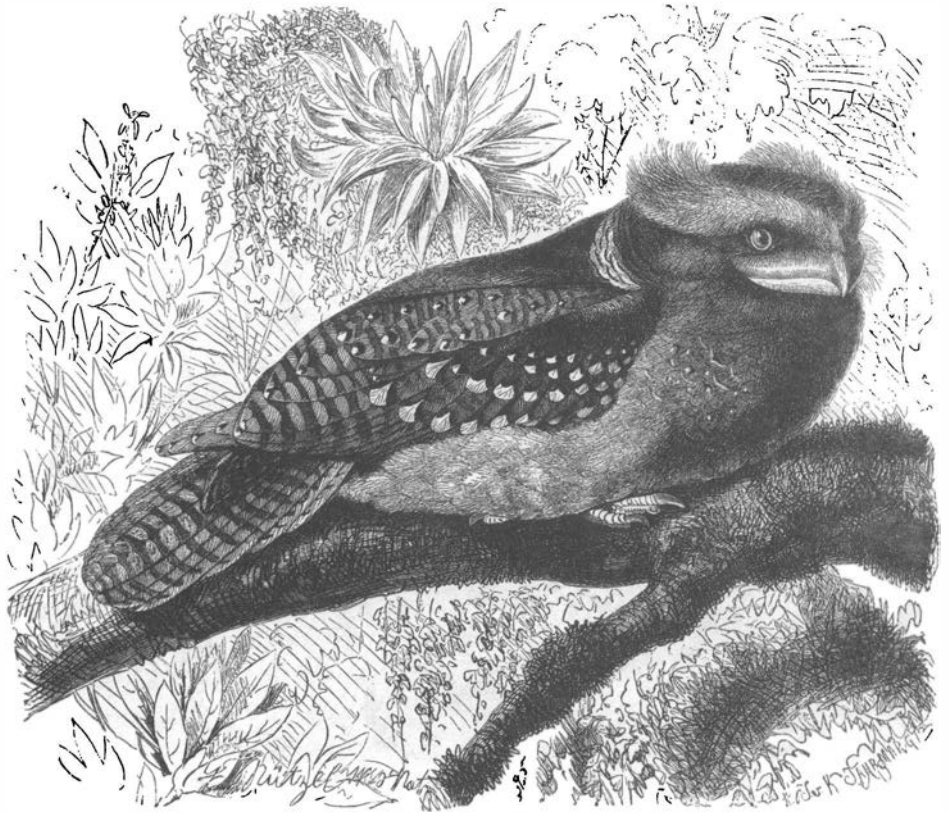
птены покидают гнездо, но в действительности еще долгое время живут в обществе своих родителей.

Ушастый лягушкорот, или ушастый белоног (*Batrachostomus auritus*), отличается как своеобразием оперения, так и красотой его. По обеим сторонам головы в ушной области над глазами и позади их растет пучок длинных, несколько расчученных перьев, возвышающихся над остальными перьями головы; они почти совершенно закрывают глаза и придают всей голове несоразмерно большую величину. Оперение верхней стороны светло-ржавое с тонким черным рисунком зигзагами; на затылке красуется белая серповидная повязка; на плечах пестреют большие бело-

голубоватые пятна, которые резко выступают вследствие черных полукругов на концах некоторых перьев; на лбу и позади глаз желтые подпалины; середина горла, передняя часть шеи и брюшко белые, местами перерезанные зигзагами; грудь ржавого цвета с белыми и черными пятнами; сильно ступенчатый хвост светло-ржавый с 7—8 темными полосками, отороченными черным, и со многими черноватыми зигзагами; маховые перья украшены такими же полосками. Глаза чистого серо-желтого цвета, как у многих хищных птиц; клюв светло-желтый; ноги буроватые.

Первые известия о местожительстве и размножении этой удивительной птицы нам сообщил Бернштейн. Настоящей родиной ушастого лягушкорота следует считать лесные чащи, столь обыкновенные в Индии на высоте 1000 м над уровнем моря. В населенных странах этот натуралист никогда не встречал его, и, по уверению туземцев, его действительно нет ни там, ни в низко лежащих равнинах. Бернштейн ничего не мог сообщить ни об образе жизни, ни о голосе, ни о нравах этой птицы.

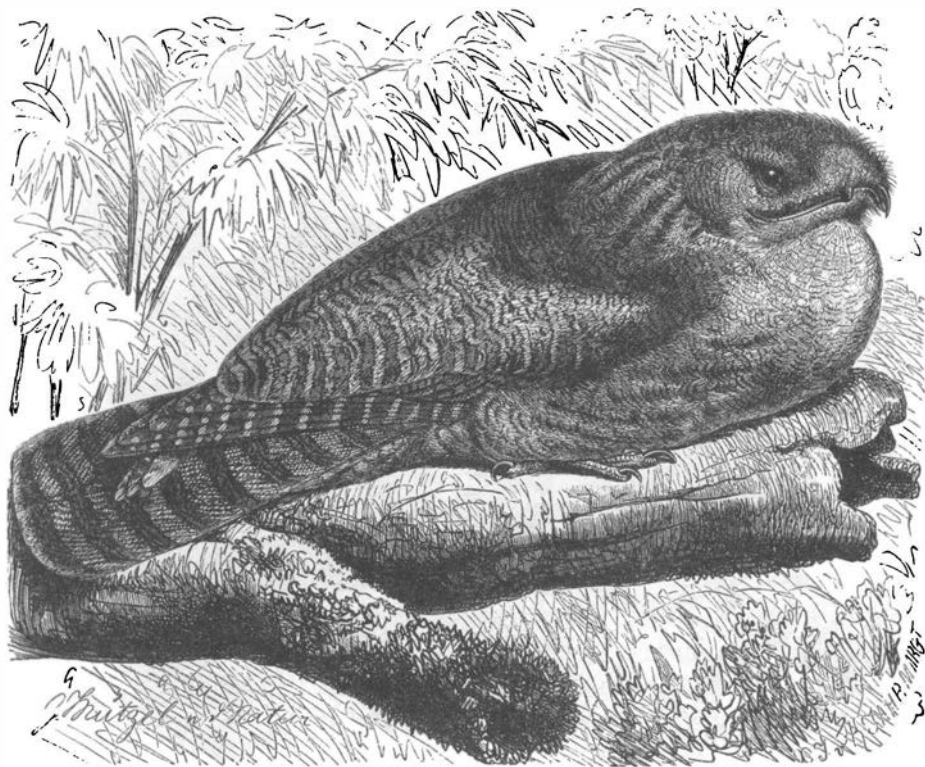
*Семейство
лягушкороты*

*Ушастый
лягушкорот
(Batrachostomus
auritus)*

СЕМЕЙСТВО ИСПОЛИНСКИЕ КОЗОДОИ (Nyctibiidae)

Исполинский лесной козодой (*Nyctibius grandis*). Длина этой птицы, по измерению принца фон Вид, достигает 55 см, размах крыльев 125, длина крыла 40, хвоста 27 см. Оперение верхней части тела по чало-белому фону испещрено очень тонкими темными поперечными черточками в виде зигзагов, ржаво-бурыми каемками на концах перьев и темными стречневыми полосами. Клюв желтовато-рогового серого цвета, глаза темно-карие, ноги желтовато-серые.

*Исполинский
лесной козодой
(Nyctibius grandis)*

Азара описывает под названием урутау родственный вид козодоев и говорит, что он избирает местом своего сидения конец засохшего сука; при этом он садится так, что голова его свешивается за конец сука, вследствие чего тот кажется длиннее, и, несмотря на это, птицу все-таки крайне трудно заметить. Но раз это удалось, то достать сонную птицу не представляет уже никакого труда, если только она избрала место своего отдохновения не слишком высоко.

О другом виде принц фон Вид рассказывает, что его люди однажды убили такую птицу палкой, и подтверждает этим указания Азары, который говорит, что парагвайские охотники ходят на исполинского козодоя в полдень и, набрасывая ему через голову петлю, сталкивают его с дерева. Бурмейстер слышал то же

Исполинский козодой встречается, по-видимому, во всех лесах Южной Америки: его ловили как в Кайенне, так и в Парагвае. По всей вероятности, он не так редок, как привыкли думать, однако все же его трудно найти днем, да и ночью наблюдать нелегко. Его оперение, сходное с цветом древесной коры, служит ему надежнейшей защитой против зоркого глаза охотника или какого-либо другого врага, а его неподвижность еще более затрудняет нахождение его.

самое. Он заметил одного козодоя, сидящего на верхушке высочайшего дерева, и несколько раз выстрелил по нему, но никак не мог заставить птицу слететь с дерева. Госсе достал одного исполинского козодоя или, как эту птицу называют на Ямайке, одного поту, который был сбит с места своего сидения просто камнем, а несколько позже — другого, который с таким упорством держался на раз избранном месте отдохновения, что его нельзя было прогнать не только спугиванием, но даже выстрелом, взъерошившим его перья. После усиленных нападений он, наконец, каркая, слетел с места и направился в лес, но на следующий вечер снова преспокойно уселся на излюбленное местечко и за то пал от меткого выстрела, как жертва своего упрямства.

Совершенно иначе держит себя птица в сумерки. В это время она так же ловка и подвижна, как и прочие козодои. Во время охоты козодой, как сообщает Азара, редко садятся на землю, а если это случается, то они распускают при этом крылья и опираются на них и на хвост без помощи ног. Госсе нашел в желудке вскрытого им поту только остатки различных жуков и других крупных насекомых. Но это нельзя считать единственной добычей, которую истребляет исполинский козодой. Эйлер узнал об одном виде от одного наблюдателя, что они занимаются охотой и днем, притом совершенно своеобразным способом. Рассказчик встретил эту птицу на одном пастбище, где она, по видимому, неподвижно сидела на древесном стволе. При ближайшем наблюдении он заметил, как птица время от времени раскрывала пасть и приманивала этим мух, которые в множестве садились на клейкую слизистую оболочку рта. Когда численность насевших насекомых была уже изрядная, птица закрывала свою широкую пасть и проглатывала попавшуюся добычу. Эту прибыльную ловлю она возобновляла по прошествии некоторого времени и постоянно с закрытыми глазами, но стоило наблюдателю лишь чуть-чуть дотронуться до нее, как она тотчас же улетала.

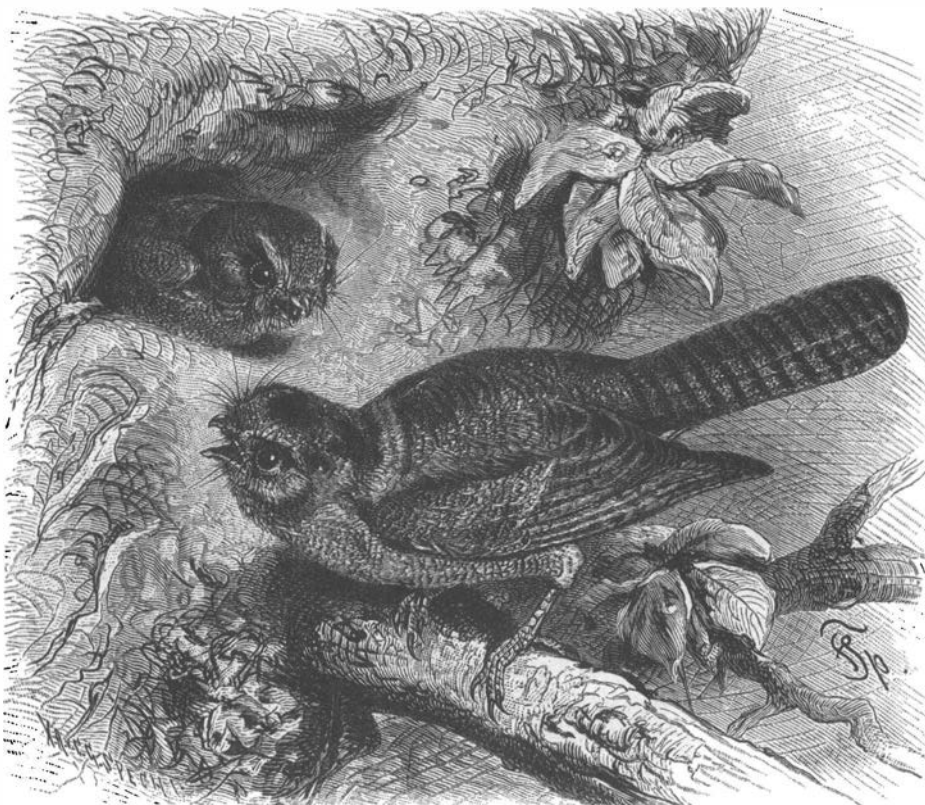
Азара говорит, что уротау гнездится в дуплистых деревьях, а Бурмейстер уверяет, что он кладет свои два бурых, с темными пятнышками яйца на широких гнилых древесных сучьях, прямо на голом дереве. Бурмейстер достал себе одно яйцо. Оно было продолговато-круглое, на толстом конце немного тупее, чем на остром, без всякого блеска и по чисто-белому фону усеяно крапинками, которые на одном конце сливались гуще.

СЕМЕЙСТВО СОВИНЫЕ КОЗОДОИ (*Aegothelidae*)

Австралийский совиный лягушкорот (*Aegotheles cristatus*) по величине и внешнему виду напоминает нашего сыча. Длина его 25 см, размах крыльев немного больше 30 см.

Относительно образа жизни этой птицы наблюдения сделаны Гульдом. Он встречал совиного козодоя по всей южной Австралии и Тасмании как оседлую птицу, которая живет и в береговых кустарниках, и в редких лесных зарослях внутри страны. Поведением своим он напоминает как сыча, так и козодоя. Днем совиный козодой держится в дуплах деревьев, преимущественно камедных, в которых так хорошо скрывается, что присутствие его нельзя даже подозревать. Впрочем, одно странное обыкновение этой птицы дает сведущему человеку средство открыть ее убежище: стоит только постучать по стволу ее любимого дерева, как маленький обитатель в одно мгновение очутится у отверстия дупла, с любопытством стараясь выведать причину тревоги. Если он убедится в своей безопасности, то снова забирается в дупло и остается там спокойно сидеть до тех пор, пока его вновь не потревожат.

*Австралийский
совиный лягушкорот
(Aegotheles cristatus)*

Гульд утверждает, что совиный козодой выводит птенцов два раза в году. В Тасмании их птенцов находят в октябре, а в Новом Южном Уэльсе наш исследователь получил яйца в январе. Настоящего гнезда

совиный козодой не строит, он кладет 4—5 кругловатых, чисто-белых яиц, без всяких околичностей, прямо на рыхлядь дупла.

СЕМЕЙСТВО НАСТОЯЩИЕ КОЗОДОИ (Caprimulgidae)

Козодои — столь замечательные птицы, что их нельзя не узнать или смешать с другими родичами. Всюду, где встречаются козодои, они останавливали на себе внимание человека, всюду приобретали значение и подавали повод к своеобразным мнениям. На это указывает, между прочим, разнообразие и значение

названий, которые носят эти птицы. Они образуют весьма многочисленное семейство, резко отграниченное от других. Их обычное немецкое название — «ночные ласточки», хотя о сходстве между ними и ласточками можно говорить только относительно общих поверхностных признаков: ближайшее же сравнение этих групп приводит к существенным различиям.

Как внешнее, так и внутреннее строение козодоев в высшей степени своеобразно. Величина их крайне неопределенна. Некоторые виды величиной почти с ворону, другие же едва с жаворонка. Туловище их вытянутое, шея короткая, голова объемистая, широкая и плоская; глаза большие и очень выпуклые; клюв относительно маленький, назади необыкновенно широкий, но короткий, спереди сильно суженный и крайне плоский; челюсти, напротив, чрезвычайно удлинены, и потому рот у них шире, чем у какой-либо другой птицы. Ноги обыкновенно слабые, с короткими плюснами, которые покрыты мозолистой кожей на задней стороне; спереди плюсны покрыты щитками, вверху большей частью оперены, но иногда совсем голые. Пальцы, за исключением очень развитого среднего, короткие и слабые. У всех видов средний палец вооружен длинным и зубчатым когтем. Маховые перья длинные, узкие и острые. Хвост состоит из 10 перьев, имеющих весьма различную форму. Оперение вроде совиного — мягкое и длинное, узор его необыкновенно нежный и красивый, окраска же темная и не бросающаяся в глаза; ее можно уподобить цвету древесной коры. Замечательны щетинки, окружающие рот, а также короткие, тонкие и густые ресницы, защищающие глаза. У некоторых видов самцы имеют особенное украшение: удлинненные и большей частью весьма своеобразно устроенные перья, которые выходят не только из хвоста, как обыкновенно, но также и из крыльев, представляя таким образом преобразованные маховые перья.

Родиной козодоев служат все страны земного шара, за исключением тех, что лежат в холодном поясе. В Европе встречаются только два вида, в Северной Америке — не более четырех; но уже в средней Америке и в Африке число видов значительно увеличивается. То же самое относится к соответствующим местностям Азии; не бедна этими птицами и Австралия. Область распространения отдельных видов довольно обширна, но местожительство их ограничивается только некоторыми благоприятными для них местностями. Большая часть всех козодоев живет в лесу или по крайней мере скрывается там для отдыха; некоторые виды, напротив, предпочитают степи, а другие — даже пустыни или пустынные каменистые отлогости и тому подобные местности. В горах те виды, которые там живут, поднимаются до значительных высот: так, обыкновенных козодоев можно встретить в Альпах до 1800 м, африканских в Абиссинии на высоте до 4000 м; в горах Колорадо козодои поднимаются более чем на 3000 м над уровнем моря.

**Семейство
настоящие
козодои**

Основная окраска оперения козодоев стоит в зависимости от того или другого места их жительства. Все лесные козодои имеют бурое оперение, вполне подходящее к цвету древесной коры; виды, живущие в пустынях или степях, — песочного цвета. Впрочем, общий характер окраски каждого вида почти одинаков, и потому Свайнсон утверждает, что кто видел одного козодоя, тот видел их всех.

Оседлыми птицами можно, по всей вероятности, считать только те виды, которые живут в лесах экваториальных стран. Все прочие принадлежат к перелетным, а все северные виды — к регулярно странствующим. Они появляются на своей родине довольно рано весной и пребывают там до начала осени. Странствования их простираются до далеких пределов: обыкновенные козодои залетают даже во внутреннюю Африку.

Большинство козодоев питаются исключительно разными насекомыми, но некоторые виды к этой пище прибавляют всевозможных мелких позвоночных. Все козодои в высшей степени прожорливы и потому оказывают большую услугу нашим лесам. С ловкостью сокола или ласточки они летают то низко, то высоко над свободным пространством, кустарником или верхушками деревьев, кружат над ними, чрезвычайно грациозно колеблясь при этом на воздухе, и во время полета схватывают подвернувшееся насекомое или подбирают тех, которые спят на листьях и стебельках, и даже тех, что просто сидят на земле. Их широкий рот позволяет им проглатывать очень крупных жуков, и потому они нападают преимущественно на те виды этих насекомых, которых щадят другие птицы. Обыкновенные козодои могут, например, проглотить один за другим до дюжины и более майских и июньских жуков и в состоянии также схватить своим широким ртом больших навозных жуков, даже копров (*Copris*), самых крупных ночных бабочек, сверчков и кузнечиков.

Для лучшего пищеварения некоторые, по крайней мере насекомоядные виды, глотают мелкие камешки, которые они собирают в кремнистых местах. Охота их начинается обыкновенно с наступлением ночи, производится в продолжение нескольких часов, затем прерывается, а на рассвете снова возобновляется. Еще прежде, чем солнце покажется на небе, козодои отправляются на покой. Но и при этом бывают исключения. Американские виды охотятся нередко среди белого дня, и не только в темных лесах, но даже на открытых местах, при ярком солнечном свете. Иные садятся днем на опрокинутые деревья или прямо на землю, а также на выступы скал в темных пещерах, или, вернее сказать, не садятся, а ложатся, так как они до того плотно прижимаются к месту, что кажутся гораздо больше в ширину, чем в высоту.

Все козодои выказывают свою подвижность только на лету; к ветвям они просто прилепляются, а на земле скорее лежат, нежели сидят. Походка их похожа на весьма жалкое припрыгива-

ние; полет же, напротив, представляет собой нечто среднее между полетом ласточки и сокола, отличается легкостью и грацией, ловкостью и изяществом. На значительную высоту козодои взлетают неохотно не потому, что не в состоянии этого сделать, а по той причине, что ниже над землей они скорее достанут себе добычу, нежели на значительной высоте. Но во время дальних перелетов они зачастую держатся высоко над землей; те виды, которые летают днем, в особенности любят охотиться в верхних слоях воздуха.

Между внешними чувствами первенствующее место занимает зрение, что можно заключить по большим глазам; после зрения более всего развиты слух и осязание. Развито ли у них обоняние, — мы с достоверностью сказать не можем, но относительно вкуса имеем полное основание утверждать, что он у них должен быть плох.

Умственные способности их незначительны, хотя, может быть, и не в такой степени, как обыкновенно думают. Сонный козодой, которого мы стали бы наблюдать днем, производит во всяком случае неприятное впечатление.

Настоящего гнезда козодои не строят. Они кладут яйца без всякой подстилки прямо на голую землю и не заботятся даже выкопать для этого в земле хотя бы небольшое углубление. Численность кладки обыкновенно весьма незначительна: большинство козодоев кладут только по два яйца, а многие даже по одному. Насиживают, по всей вероятности, только самки, но оба родителя выказывают одинаково живое участие к своему потомству и защищают его как только могут. Некоторые весьма странным образом оберегают яйца; Одюбон сообщает нам, что они прячут их в своем громадном рту и перетаскивают в другое, кажущееся им более безопасным, место в лесу, где и продолжают насиживание. Птенцы вылупляются из яиц одетыми в довольно густой пушок; сначала они выглядят очень некрасивыми благодаря толстой голове и огромным глазам, но скоро вырастают и получают оперение родителей. Насколько нам известно, все виды горячо любят своих детенышей и защищают их всеми силами.

Число врагов, опасных для козодоев, относительно невелико. Человек, знакомый с ними, не преследует их. Подобная пощада оказывается вовсе не потому, что за этими птицами признается польза, а скорее по той причине, что в козодоях видят крайне неприятную птицу, убиение которой может повести за собою печальные последствия. Так, по крайней мере, думают индусы, а также краснокожие и негры, населяющие среднюю Америку; с ними согласны испанцы и многие африканские племена. Простой народ в Германии смотрит на это безобидное создание с недоброжелательством, так как держится того мнения, что широкая пасть козодоев создана ни для чего другого, как для доения коз. Грубый люд убивает эту птицу часто из простой кровожадности.

В средней Европе наравне с человеком козодоев преследуют хищные звери и птицы, а также большие змеи; впрочем, вред, наносимый им всеми этими животными, не имеет большого значения.

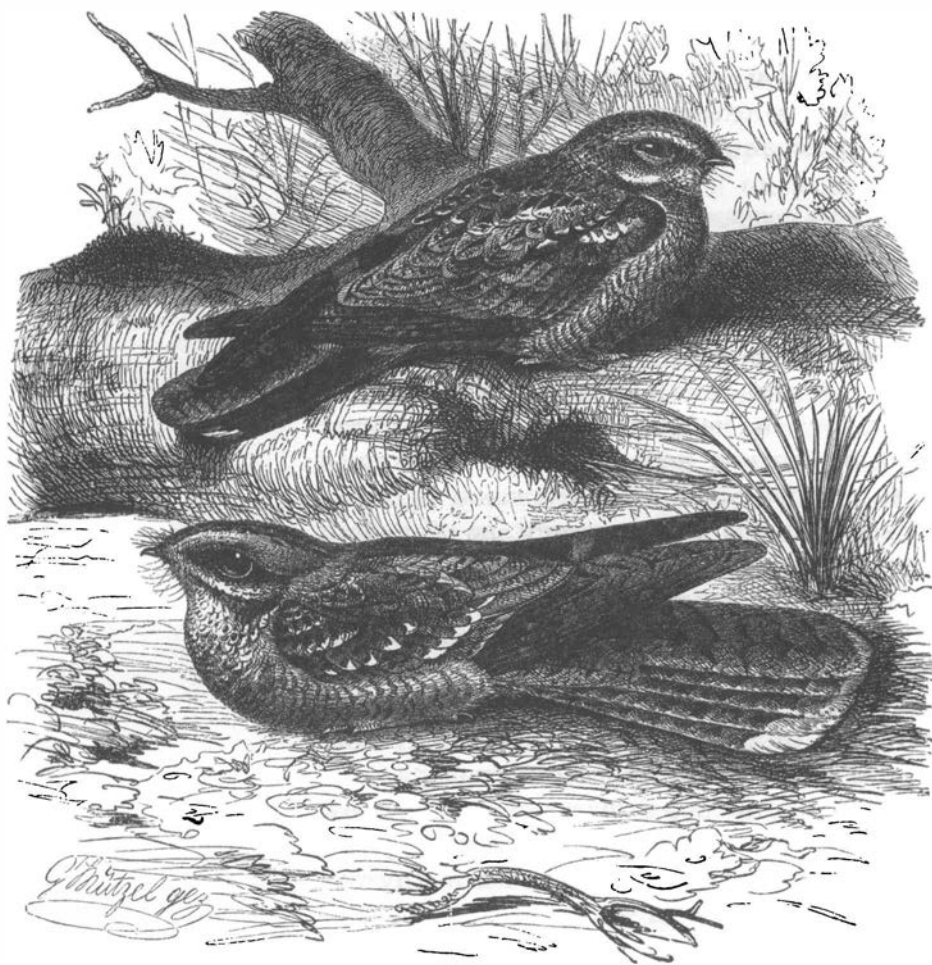
Обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*) более всего подходит к общему описанию, данному выше. Длина его достигает 26 см, размах крыльев 55, длина крыла 19, хвоста 12 см.

Область распространения козодоев простирается от средней Норвегии через всю Европу и западную Азию; зимой же он посещает все страны

Африки, так как отыскивает себе зимнее пристанище, по-видимому, на юге земного шара.

На юго-западе Европы, в особенности в Испании, этот вид заменяется другим — **красношейным козодоем** (*Caprimulgus ruficollis*). Он заметно больше: длина его 31 см, размах крыльев 61, длина крыла 20, хвоста 16 см.

Если не самый обыкновенный, то во всяком случае наиболее известный в Северной Америке вид козодоев, это **жалобный козодой** (*Caprimulgus vociferus*). Птица эта по величине близко подходит к обыкновенному ко-

- 1 — Обыкновенный козодой (*Caprimulgus europaeus*)
2 — Красношейный козодой (*Caprimulgus ruficollis*)

зодою. Оперение ее крапчатое: по черно-бурому фону пестреют ржавые и сероватые крапины.

Эта общеизвестная в Америке птица распространяется по всей восточной части Соединенных Штатов, а зимой залетает также в Мексику и Южную Америку.

Лирохвостый козодой (*Macropsalis creagra*) достигает в длину от 68 до 73 см, так как крайние хвостовые перья почти втрое длиннее туловища; длина крыльев 24, хвоста 50—55 см. По Бурмейстеру, основная окраска оперения темно-бурая.

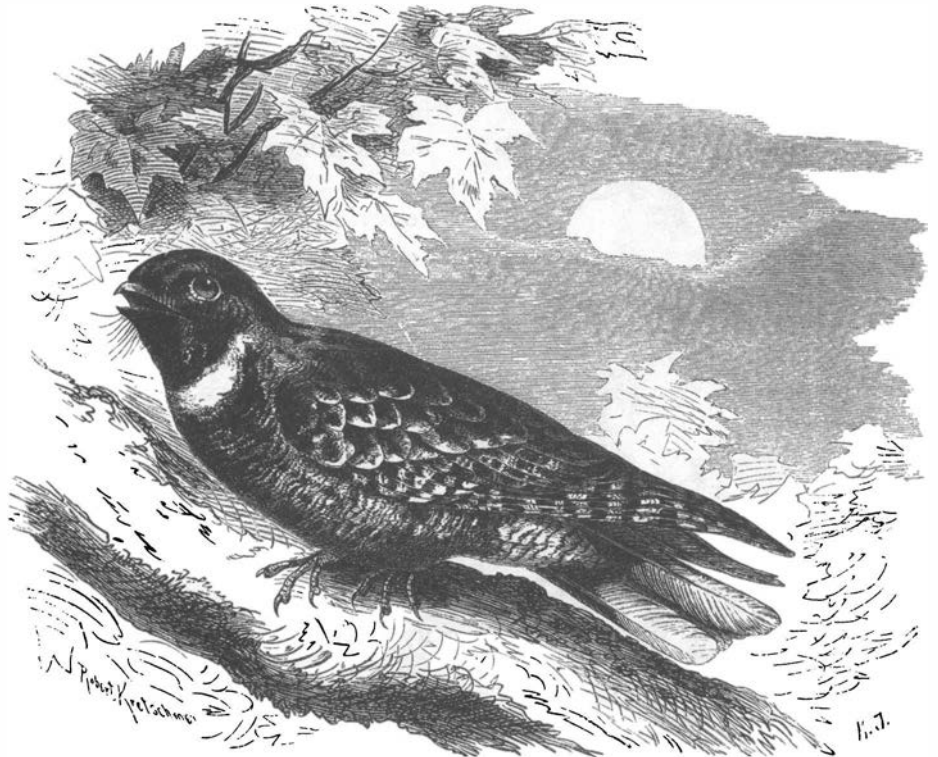
По сообщениям Бурмейстера, лирохвостые козодои живут одиноко в густых лесах и, по-видимому, нигде не бывают особенно многочисленны. По словам Азары, некоторые виды иногда залетают в Парагвай, там также держатся в лесах и, подобно другим козодоям, любят летать низко над водой ручьев.

Вымпеловый козодой (*Semiophorus vexillarius*) немного больше нашего козодоя. Этот вид живет в экваториальных странах внутренней Африки.

Описание жизни всех козодоев в общем есть не что иное, как повторение того, что нами было сообщено раньше о птицах этого семейства. Как уже сказано, большая часть всех козодоев принадлежит лесам, однако вовсе не заповедным, дремучим первобытным лесам:

они избирают для гнездования такие леса, где густо поросшие места сменяются большими прогалинами. Степные рощи Африки, в которых кое-где только рассеяны деревья или кусты, остальное же пространство заросло высокой травой, должны казаться козодоям настоящим раем; об этом свидетельствует, по крайней мере, необыкновенная их скученность в таких местах. Южноевропейские леса, очень часто напоминающие собой подобные степные рощи, нравятся им гораздо более северных дремучих лесов; козодои пугливо избегают наших лиственных лесов, хотя, без всякого сомнения, они гораздо богаче насекомыми, чем хвойные, в которых эта птица проводит лето. Во время пролета они появляются во всяких лесах и садах, но при гнездовании на севере держатся исключительно хвойных лесов. Южноевропейский вид, красношейный козодой, отлично уживается на горных утесах, где каменистые местности сменяются скудной растительностью, но довольно часто гнездится и в лесных зарослях, особенно в масличных лесах.

Признано, что козодои для отдыха чаще всего садятся на землю и только в виде исключения на ветви деревьев. Все виды

Жалобный козодой
(*Caprimulgus vociferus*)

**Семейство
настоящие
козодой**

**Лирохвостый
козодой**
(*Macropsalis creagra*)

предпочитают садиться на деревья преимущественно ночью, хотя между ними есть такие, что и день проводят на ветвях. Причину такого предпочтения земли перед деревьями отгадать нетрудно. Козодой предъявляет особенные требования к той ветке, на которую намерен опуститься, так как ему нужно, чтобы избранное им место отдохновения было во всех отношениях удобно. Как я уже заметил выше, ни одна из этих птиц не садится, подобно другим видам, поперек ветки, а всегда вдоль ее, так что тело птицы приходится параллельно с ветвью и опирается на нее. Козодой садится на ветвь обыкновенным образом, как другие птицы, только тогда, когда его вспугнут, и он спасается на дерево; но подобное сидение ему так неприятно, что он как можно скорее ищет себе другое место. Зазубренные когти средних пальцев и обращенные внутрь задние пальцы дают птице возможность крепко держаться в таком положении, но при этом все-таки требуется, чтобы ветка была довольно толстая, без сучков и в некоторой степени шершавая или развилистая; тогда только птица найдет ее для себя удобной.

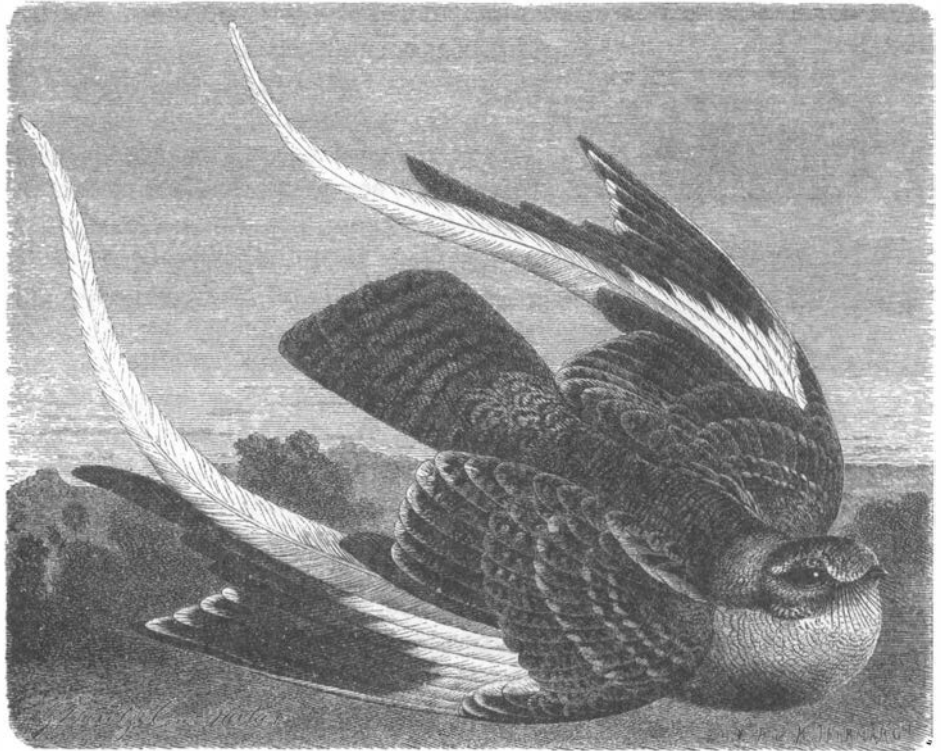
Не менее охотно козодой избирают местом своего отдохновения большой, сверху плоский камень. На таком камне, удовлетворяющем всем требованиям и освещаемом по временам солнцем, всегда можно найти козодоя, если только хоть раз видели там одного из них. В Африке, а также во всех других жарких странах козодой настолько же избегают солнца, насколько у нас, в средней Европе, ищут его, и прячутся для сна где-нибудь за стволом дерева или куста. Во время сна козодой совершенно закрывает свои большие глаза; очевидно, его тонкий слух своевременно предупреждает его о приближающейся опасности.

Полет козодоя необыкновенно разнообразен, смотря по времени дня и по возбуждению птицы. Днем он больше порхает неуверенно и как будто неповоротливо, даже беспорядочно; можно думать, что это несется какой-то легкий предмет, внезапно подхваченный ветром, гонимый им и снова брошенный на землю. Совершенно иначе летает козодой ночью. С последними лучами вечерней зари, угасающей на западе, он отправляется на охоту. Перед этим он уже приободрился, в минуту привел в порядок свои перья и огляделся во все стороны; летит он после этого быстро, ловко, скользящим полетом, направляя его в местности с редкой лесной растительностью или летя прямо над прогалинами.

Во все время охоты полет козодоя меняется: то он плавно парит в воздухе наподобие ласточки, и крылья у него почти в таком же высоком положении, как у летящего коршуна, то вдруг быстрыми взмахами крыльев стремительно бросается в сторону. При этом козодой выделяет в воздухе всевозможные эволюции, почти с такой же ловкостью, как обыкновенная ласточка. При особенных обстоятельствах он, трепеща крыльями, долго держится на одном месте, когда, например, что-либо особенное привлекает его любопытство и побуждает внимательно присмотреться. Таким образом продолжается до тех пор, пока спустившаяся ночь не заставит его прекратить охоту. Так как козодой проглатывает относительно громадные куски, например, майских и круп-

ных навозных жуков, огромных ночных бабочек, притом целыми дюжинами, то желудок его наполняется очень скоро и дальнейшая охота становится для него бесполезной. В ожидании процесса пищеварения птица некоторое время сидит на ветке; но как только живьем проглоченные и не так-то легко лишаящиеся жизни насекомые успокоятся навсегда и там очистится место для новой пищи, козодой снова принимается за охоту, и таким образом дело продолжается всю ночь, если только она не очень темная и бурная. Всего оживленнее козодой летают на утренней и вечерней заре; собственно, по ночам я никогда не видал и не слышал их, даже в экваториальных странах, где ночи очень теплые.

Всесильная любовь производит свое магическое действие и на козодоев, кажущихся с первого взгляда тупоумными. Что два самца могут затеять горячий спор из-за обладания самкой и при этом, насколько хватит сил, потрепать друг друга, об этом нечего и распространяться. Но стоит обратить внимание на то, что все козодои в период размножения производят на воздухе особенные эволюции. Даже наши европейские козодои способны увеселять

Вымпеловый козодой
(*Semiothorus*
vexillarius)

*Семейство
настоящие
козодои*

нас своими играми на воздухе в период любви. Каждое движение их в это время дышит страстью и становится более быстрым, отважным и гордым. Не довольствуясь этим, козодой еще хлопает крыльями, как влюбленный голубь, стремительно бросается вниз, производя при этом особенный шорох, или кружится, скользя по воздуху, над спокойно сидящей самкой, щеголяя своим искусным полетом. Каждый вид сопровождает свое любовное заигрывание чем-нибудь особенным, но поразительнее всех ведут себя в этом случае виды, живущие в средней Африке и Южной Америке, отличающиеся своеобразным развитием перьев. Я не знаю ни одного обстоятельного описания полета лирохвостого козодоя, но могу легко представить себе, что самцы этого вида должны в самом деле производить удивительное впечатление. Я до сих пор с истинным восторгом вспоминаю о тех весенних вечерах в средней Африке, когда в степи, в деревне или в городе перед нашими восхищенными глазами появлялись длиннохвостые козодои в разгаре своего любовного одушевления.

Голос козодоя весьма разнообразен. Некоторые виды издают преимущественно какое-то мурлыканье, другие же — более или менее благозвучные тоны. Если днем неожиданно вспугнуть нашего козодоя, то можно слышать от него слабое, хриплое «дак-дак»; при опасности он тихо и слабо фыркает, подобно сове. В период спаривания раздается его своеобразная любовная песнь; она состоит всего из двух звуков, которые правильнее было бы назвать шуршанием, но зато поется с удивительным постоянством. Можно предположить, что козодои производят эти звуки таким же образом, как наша домашняя кошка свое известное мурлыканье. Сидя на верхушке дерева или на удобном сучке, птица начинает выделять свое далеко раздающееся «еррррр», за которым следует более низкое «оерррр» или «оррр». Последнее производится, очевидно, при вдыхании, первое же — при выдыхании, так как то продолжается всего одну секунду, а это — четыре. Но когда козодой поет с полным увлечением, то продолжительность одного колена длится от 40 секунд до 5 минут. Самка мурлычет так же, как самец, только гораздо реже и всегда очень тихо, так как у нее это является выражением нежности. На лету оба пола издают одинаковый призывный крик, звучащий слогами «хэйт-хэйт».

Все виды, живущие на севере земного шара, а также те, которые населяют области, где бывает резкий переход от одного времени года к другому, в неблагоприятные для их питания месяцы покидают места своего гнездования и с большим или меньшим постоянством перекочевывают в другие области: таким образом, некоторые козодои могут считаться перелетными птицами. Соответственно роду и количеству потребляемой пищи обыкновенный козодой появляется на родине довольно поздно, редко в середине, большей частью в конце апреля, а в горных странах или на севере даже в начале мая, и в конце августа мало-помалу снова

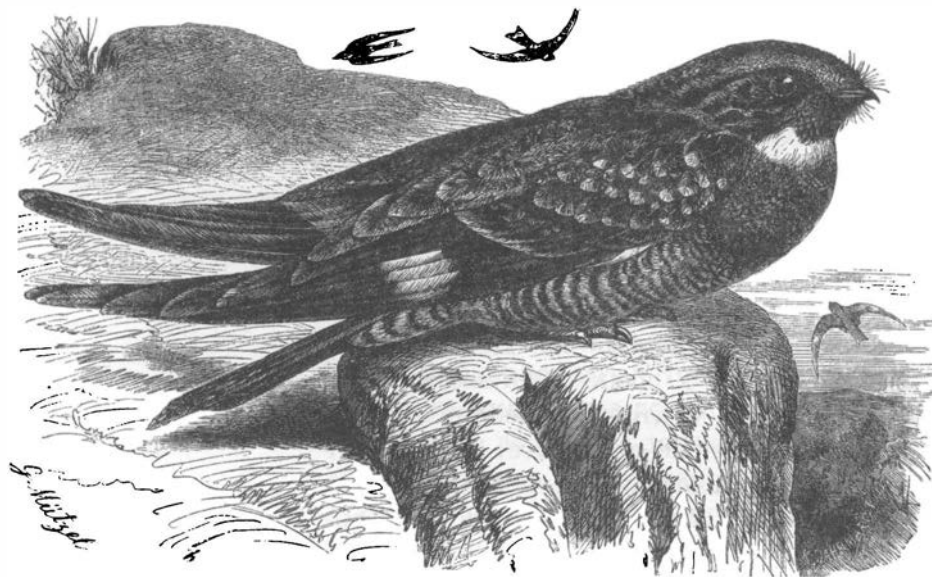
покидает нас. В противоположность многим другим птицам он странствует медленно и с известным удобством, хотя, благодаря своей способности хорошо летать, он легко перелетает дальние расстояния и даже моря, притом иногда без всякой существенной необходимости. Весной часто можно видеть пролетных козодоев, большей частью поодиночно или, самое большее, парами; осенью же они держатся более или менее многочисленными стаями, и, чем дальше к югу, тем стаи все увеличиваются.

По-видимому, все козодой выводят птенцов только раз в году. Само собою разумеется, что время размножения их различно, находясь в зависимости от местожительства того или другого вида; однако оно совпадает обыкновенно с весной соответствующей местности. Самец ревностно старается завоевать любовь самки и пускает в ход все свое летательное искусство, чтобы понравиться ей. Самка кладет два яйца в возможно укромном месте, всего чаще под кустами, ветви которых спускаются до самой земли, а впрочем, также на мшистом пне, в пучках травы и в тому подобных местах, но всегда прямо на землю, и там, где никто никогда не сыщет его. Обыкновенный козодой с особенною любовью выбирает местечко и складывает там тонкие стружки дерева или кусочки лыка, а также осыпавшуюся хвою и тому подобные вещества. Настоящего гнезда он никогда не строит и даже не заботится о том, чтобы расчистить как следует место гнездования. Оба пола проявляют горячую любовь к потомству и, по всей вероятности, занимаются насиживанием попеременно. При опасности насиживающий козодой прибегает к обыкновенным хитрым уловкам более слабых птиц: порхает, будто подстреленный, над самой землей, подставляет себя мишенью для врага, заманивает его все дальше и дальше от гнезда и внезапно сильными взмахами крыльев взлетает ввысь, чтобы, сделав крутой поворот, вернуться к своему гнезду.

Вылупившиеся птенцы в продолжение целого дня сидят под крыльями родителей. Мой отец видел, что один из родителей сидел на птенцах даже тогда, когда птенцы почти уже могли летать. Весьма понятно, что кормление выводка происходит только ночью. Вначале птенцы получают нежных насекомых — больших комаров и ночных бабочек; впоследствии им дают более грубую пищу, и, наконец, они сами должны вести охоту под приглядом и руководством родителей.

Только в южной Европе, где утилизируются для желудка почти все живые, по крайней мере все съедобные, существа, козодоя ловят для кухни. В Германии, кроме натуралистов, его преследуют, по счастью, одни только мальчишки. И этому нельзя не порадоваться, так как все козодой приносят для хозяйства одну лишь пользу и ни малейшего вреда, вследствие чего и заслуживают всеобщего покровительства. Всякий, кто по личному опыту ознакомится с жизнью и привычками этой птицы, должен полю-

бить ее, и нужно быть полнейшим невеждой и суевеком, чтобы поверить хотя одному слову из всех тех сказок, которые есть порождение досужей фантазии таких же невежд. Здесь, как и всегда, непостижимое возбуждает воображение глупцов и заставляет их сочинять нелепые истории, которые принимаются за чистую монету другими такими же глупцами. Как это ни смешно, находятя еще и в настоящее время люди, которые понимают немецкое название козодоя (*Nachtschatten*) в буквальном смысле слова и считают его действительно «тенью ночи» или какого-нибудь другого волшебного, необъяснимого существа. Для этих незащитных и полезных птиц довольно уже и того, что в Греции и Италии, где они считаются за вкуснейших из всех птиц, их ревностно преследуют во время пролета, а у нас, в средней Европе, им приходится много терпеть от различных хищников, как среди млекопитающих, так и птиц!

Виргинский
сумеречный козодой
(*Chordeiles minor*)

От описанных видов семейства довольно существенно отличаются, в особенности своим образом жизни, сумеречные козодои. Самый известный их представитель — **виргинский сумеречный козодой** (*Chordeiles minor*), по величине приблизительно равный обыкновенному козодою. Длина его 22 см, размах крыльев 55, длина крыла 20, хвоста 11 см. Оперение с обеих сторон буро-черное, на верхней части головы и плечах перья имеют ржавые каемки.

По исследованиям американских натуралистов стало известно, что эта птица населяет все Соединенные Штаты, от Флориды и Техаса до самого крайнего севера и от берегов Атлантического океана до берегов Тихого; равным образом она выводит птенцов в Вест-Индии, а во время своего пролета посещает и Южную Америку. В штатах средней Америки сумеречный козодой появляется около первого мая, в северных же редко до начала июня и покидает место своего гнездования также довольно рано, большей частью уже к началу сентября, самое позднее — в конце этого месяца. На Кубе, пролетом с юга, он, по словам Гундлаха, встречается в апреле и с этих пор во множестве населяет все пустоши, но в августе или в начале сентября снова незаметно

исчезает; на Ямайке же он остается зимовать. Местом своего пребывания он избирает различные местности: области, покрытые редким лесом, степи, пустоши или города и села, низменности и возвышенности, на которых он поднимается до высоты 3500 м над уровнем моря.

Различие в образе жизни сумеречных и других козодоев до такой степени значительно, что Риджвай даже высказывает удивление, как тех и других можно соединять в одно семейство. Сумеречный козодой не столько ночная, сколько сумеречная птица, которая своими действиями и поступками напоминает скорее стрижа, чем козодоя. Охотится он в утренние и вечерние часы, притом совершенно за другой добычей, чем прочие козодой. Как только сумерки окончательно перейдут в ночную темноту, его охота оканчивается, и он отправляется на покой. Такие же указания, хотя без подобных выводов, были сделаны уже Одюбоном. «Сумеречный козодой обладает легким и продолжительным полетом. В пасмурную погоду он деятелен в продолжение целого дня. Движения его крыльев в высшей степени изящны, а игривость, которую он обнаруживает при полете, привлекает каждого. Птица скользит по воздуху с невероятной быстротой, стремительно поднимается вверх или, трепеща крыльями, останавливается на известной высоте, как бы намереваясь нечаянно броситься на добычу, а затем принимает прежнее направление.

Таким образом сумеречный козодой кружится по воздуху, испуская громкие крики при каждом неожиданном обороте, или стремительно опускается вниз, то снова взлетает наверх, то опять опускается, то летит над самой поверхностью воды, то взвьется над самыми высокими деревьями или вершиной горы. В пору любви полет его становится еще привлекательнее. Удивительными эволюциями, отличающимися замечательною грацией и быстротой, самец старается выразить избранной подруге свою любовь или ловкостью затмить какого-нибудь соперника. Часто он поднимается на 100 м над землей; тогда его крик становится тем громче и учащеннее, чем выше он взвывается; затем он снова стремительно бросается по косому направлению вниз с полуразвернутыми крыльями и хвостом и при этом с такой невероятной быстротой, что ожидаешь увидеть его разбившимся о землю; однако как раз вовремя, иногда всего за несколько метров от земли, он успеет распушить крылья и хвост и продолжает лететь дальше обыкновенным способом».

При этом низвержении с высоты замечается особенный шум, производимый, по мнению Гундлаха, совершенно таким же способом, как известное блеяние бекаса, а именно посредством сотрясения маховых и рулевых перьев. «Иногда, — продолжает Одюбон, — когда несколько самцов гоняются за одной и той же самкой, зрелище становится чрезвычайно занимательным. Игра, однако, скоро прекращается: как только самка сделала выбор,

*Семейство
настоящие
козодои*

счастливый избранник немедленно прогоняет своих противников. В ветреную погоду и при наступающей темноте сумеречный козодой летает ниже, быстрее и неправильнее, и тогда в продолжение долгого времени преследует на своем пути насекомых, высмотренных издали. Когда совсем стемнеет, он опускается на дом или дерево и остается здесь всю ночь, издавая время от времени свои крики. Крик звучит как “претекетек”. Пища его состоит главным образом из очень мелких насекомых, именно из различного рода комаров, которых он истребляет несметное количество. В этом отношении, как и по способу охоты, сумеречный козодой совершенно похож на стрижа; его переходное положение между этими последними и козодоями выражается, таким образом, не только в строении, но и в образе жизни.

Размножение происходит в последних числах мая; два серых с зеленовато-бурыми и фиолетово-серыми крапинками яйца кладутся без всякой подстилки прямо на землю. В открытых местах самка выбирает себе где-нибудь удобное местечко — в поле, на зеленом лугу, в лесу и т.п. Во время насиживания самка при опасности проявляет не только настоящее мужество, но и известную хитрость с целью отвлечь врага от любимого выводка притворной хромотой. Птенцы выходят на свет в темно-буrom пуху и вскармливаются обоими родителями. Когда они подрастут, вся семья сидит вместе, рядом, но так тихо и неподвижно, что даже самому лучшему их другу и покровителю очень трудно бывает отличить их от одноцветной с оперением земли».

Мало-помалу и в Америке распространяется убеждение, что сумеречный козодой со своими родичами принадлежит к полезнейшим птицам, а потому несправедливо его преследовать. Если его еще преследуют, то исключительно из забавы, с целью упражняться в стрельбе влет, а не для того, чтобы воспользоваться самой убитой птицей. Одюбон удостоверяет, что мясо этого козодоя вполне съедобно; оно бывает особенно вкусно осенью, когда птица отъестся и сделается жирной; но все же охота на него вовсе не в состоянии вознаградить потраченный труд и издержки. Кроме человека этой умной и быстролетной птице вредят более ловкие соколы.

ОТРЯД
СТРИЖЕОБРАЗНЫЕ
(Apodiformes)

Семейство
стрижи

СЕМЕЙСТВО
СТРИЖИ (Apodidae)

Стрижи — маленькие птицы, но с плотным, сильным и вытянутым туловищем, короткой шеей и широкой, довольно плоской головой, которая оканчивается маленьким, очень коротким, слабым, треугольным, на конце сплюснутым и несколько согнутым клювом; челюсти клюва так глубоко расщеплены, что рот может раскрываться чрезвычайно широко. Крылья узкие и изогнуты в виде сабли вследствие того, что маховые перья имеют кривизну; больших маховых перьев 10, из которых первое обыкновенно самое длинное и только у некоторых видов несколько короче второго. Малых маховых перьев бывает 7 или 8, концы у них округлены и с небольшими выемками, между тем как у больших маховых перьев концы острые. Хвост постоянно состоит из 10 рулевых перьев, но имеет различную форму: иногда длиннее, иногда короче, вырезка на конце бывает или глубокая, или небольшая. Ноги короткие, но довольно сильные; короткие пальцы оканчиваются сжатыми с боков, сильно изогнутыми и очень острыми когтями. Оперение в большинстве случаев состоит из мелких и довольно жестких перьев; оно обыкновенно одноцветное и темное, но в исключительных случаях имеет блестящий металлический цвет, как у колибри.

По мнению Нича, стрижи хотя и похожи по внешнему виду, а также по некоторым особенностям внутреннего строения на ласточек, но во многом отличаются не только от них, но и от всех других птиц.

Стрижи распространены по всему свету и живут во всех климатических поясах, за исключением холодного; встречаются также на различных высотах от морского берега до снежной линии. Они поселяются как в лесах, так и в безлесных странах, преимущественно же в горах и городах, так как скалы и стены доставляют им самые удобные места для устройства гнезд.

Стрижи более всех других птиц живут в воздухе и деятельны с раннего утра до поздней ночи; силы их, по-видимому, никогда не ослабевают, и ночной покой ограничивается лишь немноги-

Семейство стрижи

ми часами. Прекрасный летательный аппарат дает им возможность без затруднения пролетать такие пространства, что если их сложить вместе, то окажутся сотни километров. По полету они отличаются от ласточек тем, что летают в высоких слоях атмосферы, а некоторые виды поднимаются до такой высоты, что совершенно ускользают от нашего взора. Их можно узнать издали: когда крылья распушены, то они похожи на серп луны и двигаются так быстро и сильно, что более напоминают порхание насекомых и колибри, чем полет других птиц. Иногда стрижи несколько минут сряду двигаются в воздухе, лишь слегка поворачивая крылья и хвост и так мало изменяя положение этих летательных органов, что мы их едва замечаем; несмотря на это, они, однако, с быстротой стрелы носятся в воздухе. Стрижи мастерски умеют поворачиваться и кружиться на лету, но по красоте движений стоят далеко ниже настоящих ласточек. На земле это самые беспомощные существа: они не способны ни ходить, ни даже ползать. Зато они лазают, если не очень искусно, то по крайней мере сносно, по стенам и скалам, пролезая вверх и вниз в щели и трещины.

Их усиленная деятельность обуславливает большую потерю и соответственно этому необыкновенно сильный обмен веществ. Стрижи гораздо прожорливее ласточек и уничтожают в один день сотни тысяч насекомых, составляющих их исключительную пищу. Даже самые крупные виды этого семейства, туловище которых достигает размера тела дрозда, питаются главным образом мелкими насекомыми, носящимися высоко в воздухе и, вероятно, нам еще очень мало знакомы. Сколько нужно съесть стрижу насекомых в один день, чтобы насытиться, мы указать не можем, но смело можем предположить, что количество пищи должно быть значительное, так как привычки этих птиц ясно доказывают, что стрижи летают только для того, чтобы ловить себе добычу.

По большим глазам, лишенным ресниц, можно догадаться, что зрение у стрижей развито лучше других внешних чувств, за ним, по всей вероятности, следует слух, а о других чувствах мы сказать ничего не можем. Стрижи живут обществами, но вовсе не миролюбивы. Напротив того, это зазорные и драчливые создания, часто ссорящиеся не только с себе подобными, но и с другими птицами. Их нельзя назвать ни умными, ни хитрыми: в характере их преобладает необыкновенная вспыльчивость, которая иногда даже заставляет забыть собственную безопасность.

Все стрижи, живущие в умеренном поясе, принадлежат к перелетным птицам, а те, которые водятся в тропических странах, могут быть названы бродячими. Перелет их, по крайней мере у некоторых видов, совершается с большой регулярностью. Они появляются в своем отечестве почти всегда в определенный день и покидают родину также в известное время, однако срок пребывания их очень различен, смотря по видам.

Перелетные стрижи начинают строить гнезда тотчас по возвращении на родину; их пребывание продолжается так недолго, что гнездование, высиживание и воспитание птенцов занимают значительную часть этого времени. Гнезда же их отличаются от всех других птичьих построек; только немногие виды строят аккуратные гнезда, похожие на гнезда ласточек; остальные лишь сносят в углубления кучу всякого материала, нужного для постройки гнезда, который располагается совершенно неправильными слоями. Но во всех гнездах материалы скрепляются и покрываются клейкой, скоро твердеющей слюной. У некоторых видов гнездо почти исключительно состоит именно из этого материала. Кладка содержит одно или несколько светлоокрашенных яиц слегка цилиндрической формы. Насиживает одна самка, но оба родителя выкармливают детенышей. Каждая пара выводит детенышей только раз, изредка два раза в году.

И у стрижей есть враги, но число их незначительно; необыкновенно быстрый и легкий полет спасает их от многих нападений, и лишь самые быстрокрылые соколы в состоянии поймать стрижа на лету. Пока птенцы еще беспомощно лежат в гнезде, они бывают жертвой небольших лазающих хищников; человек также иногда захватывает гнезда и птенцов некоторых видов этих птиц.

Белобрюхий стриж (*Apus melba*) достигает длины 22 см, размах крыльев 55—56 см, длина крыла 20 см, хвоста — 8,5 см. Вся верхняя часть тела, стороны головы и нижние кроющие перья хвоста темного дымчато-бурого цвета. Подбородок, горло, грудь и округлость заднего прохода — белого цвета, но на верхней части груди заметна бурая полоска, которая начинается между основанием клюва и плечом и на середине груди заметно утончается. Глаза темно-карие, клюв черный, голые части ног также черные.

Центром области распространения этой птицы следует считать бассейн Средиземного моря. Отсюда она простирается, с одной стороны, до берегов Португалии, Пиренейских и Альпийских гор, с другой — до Атласа и горных стран Малой Азии; на восток она распространяется через Каспийское и Аральское моря до северных Гималаев. При случае, однако, белобрюхий стриж гнездится и довольно далеко от границ этой обширной области распространения: например, по наблюдениям Гейглина, он встречается в высоких горах Абиссинии; по словам Жердона, он селится и кое-где в Индии — на скалах, отвечающих его требованиям. Но нигде в вышеназванных странах белобрюхий стриж не может считаться оседлой птицей; в северных частях это перелетная птица, а в более южных — по крайней мере, бродячая.

Весною он появляется на южных берегах Европы гораздо раньше своего родича, черного стрижа; в Сирию он, по наблюдениям Тристрама, прилетает уже в середине февраля; в Грецию, по Крюперу, в конце марта и, немного позднее, в Швейцарию. Если же, что случается нередко, после их возвращения становится сно-

ва холодно и несколько дней сряду бывает мороз или снег, то многие стрижи погибают.

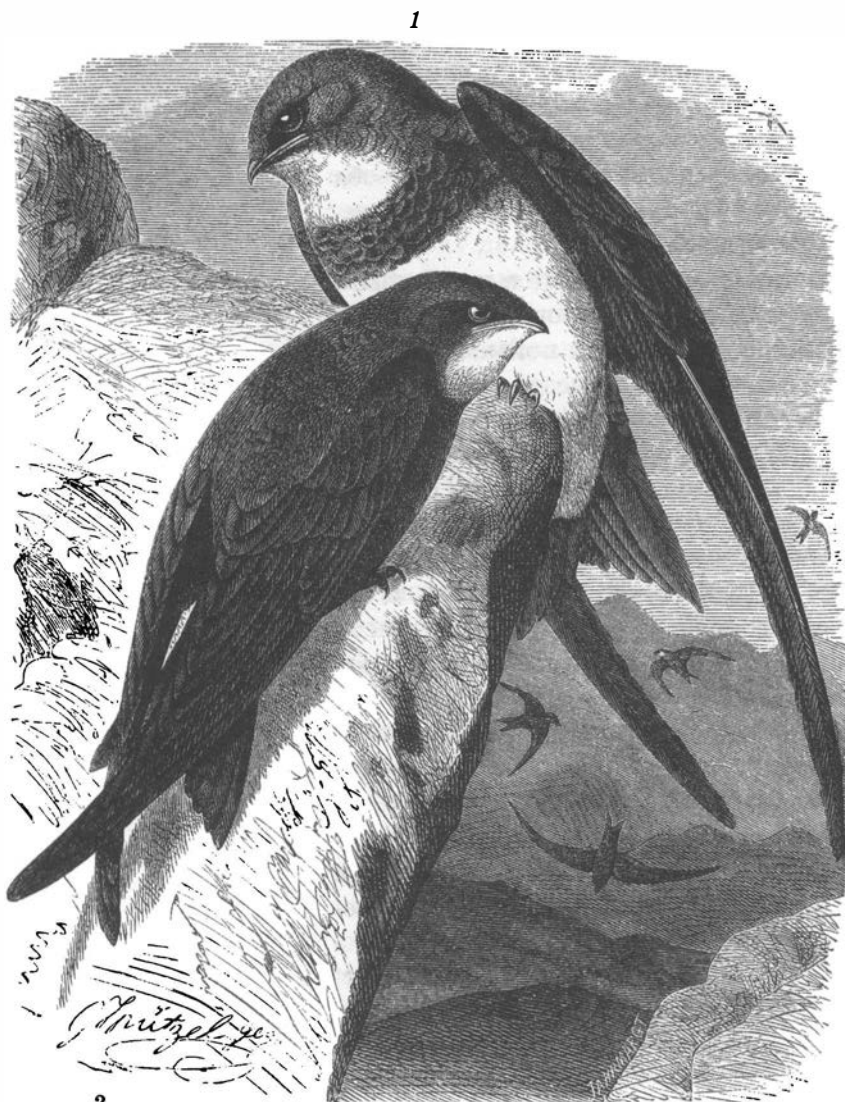
«Никто не может уничтожить у жителей Капри, — говорит Болле, — издавна существующего убеждения, что белобрюхие стрижи не улетают, как прочие птицы, зимой за море, а зимуют в ущельях самого острова. Добрые люди эти держатся еще зоологических сведений Аристотеля. Отчего, не без хитрости спрашивают они, стрижи по целым дням ловят мух и сносят их в расщелины скал даже тогда, когда у них нет детенышей?»

Белобрюхого стрижа совершенно справедливо называют альпийским стрижем, хотя в средневропейских Альпах он никогда не встречается в таком большом количестве, как на юге, где иногда собирается несметными стаями. Гиртаннер перечисляет целый ряд скал, где эти птицы гнездятся и куда ежегодно возвращаются.

На всех высоких горах Швейцарии находятся такие места, где он селится, но чаще всего птицы эти встречаются в южных частях Альп. Хотя этот стриж предпочитает всем другим местностям скалы, находящиеся у самого моря или вблизи его, он селится иногда на высоких постройках, раз освоившись с ними, и постоянно возвращается туда с настойчивостью, свой-

ственной всем стрижам. Подобное гнездовище находится, между прочим, на некоторых церковных башнях в Берне, Фрибурге и Бургдорфе, а также на башнях в Португалии, на мечетях Константинополя и некоторых крымских монастырях, расположенных высоко в горах.

Хотя нравы и привычки белобрюхого стрижа в главных чертах сходны с нравами и привычками более знакомого нам черно-

1 — Белобрюхий
стриж
(*Arus melba*)

2 — Черный стриж
(*Arus arus*)

го стрижа, образ жизни в некоторых отношениях отличается. Существует несколько хороших его описаний, и в последнее время они значительно пополнены наблюдениями немецких, английских и итальянских натуралистов. Однако все необходимые сведения об этом стриже можно найти в описаниях Болле и Гиртаннера, у которых мы и заимствуем нижеследующее.

«Скоро после возвращения на старое гнездовище, — говорит Гиртаннер, — стриж начинает исправлять старые гнезда и строить новые. Материал для гнезда стрижи собирают на воздухе, так как на землю они почти никогда не садятся вследствие трудности снова подняться. Это былинки, сено, солома, листики и другие предметы, которые ветер поднимает с земли, а стрижи схватывают на лету. Кое-что они хватают, стремительно пролетая над поверхностью воды или земли; они также прицепляются к стенам и скалам и оттуда собирают мох и траву. Цемент, которым скрепляются материалы гнезда, стрижи не берут с земли, как родственные им ласточки, а имеют его всегда при себе: он состоит из выделения очень крупных слюнных желез — полужидкой массы, по густоте похожей на насыщенный раствор гумми-арабика.

Несмотря на все мои старания, я не мог достать гнезда стрижа, взятого со скал. Все мои сведения о способе постройки гнезда этих птиц основываются на сравнении шести гнезд, взятых с соборной башни в Берне и находящихся в собрании Штелькера. Прежде всего бросается в глаза необыкновенно малая величина гнезд в сравнении с ростом птицы. Гнездо имеет вид неглубокой круглой чашки, шириной сверху от 10—12 см при 4—6 см вышины и около 3 см глубины во всех гнездах. Если эта птица помещается в таком маленьком гнезде, то оно и не может быть более глубоким, так как стрижу, при его коротких ногах и длинных крыльях, было бы очень неудобно сидеть; при малой глубине птица может, несмотря на свои длинные крылья, доставать ногами до дна гнезда. Если на гнезде сидят оба родителя или выводок даже не очень взрослых птенцов, то гнездо под ними делается совсем незаметным. Но маленькое туловище стрижа и не требует очень большого гнезда, а чтобы не вывалиться из него, как молодые, так и взрослые крепко прицепляются когтями в войлокообразное дно.

Тщательное исследование подобного гнезда показывает, что оно строится следующим образом. На выбранное место, например на балке башни, в углублении стены или скалы, наносится различный материал, состоящий из соломы, сухой травы, листьев и т.д., располагается в виде круга или в беспорядке и так крепко приклеивается слюною к основанию, что при снятии гнезда приходится нередко отрывать щепки от гнилой балки. Нижний край гнезда сплетается плотнее и из более крупных соломинок и крепко приклеивается к нижнему слою; при этом птице часто приходится, приспособляясь к форме углубления, отказаться от постройки совершенно круглого гнезда. Если стенка гнезда сойдется

Семейство стрижи

** Бывает, что кладки белобрюхих стрижей содержат всего по 1—2 яйца.*

со стеной углубления или расщелины, то она и к ней крепко приклеивается.

Виденные мною гнезда построены почти исключительно из очень плотной войлокообразной массы, состоящей из травы, оболочек от почек различных растений и перьев самих стрижей; кусочки бумаги и корешки встречаются очень редко. Верхний край сплетается плотно из стебельков травы и перьев, ему придается по возможности округленная форма и только в крайнем случае полукруглая или угловатая. Внутренность гнезда не включает в себе никакой особой подстилки. Там, где в материале гнезда остаются промежутки, птица всовывает согнутое перо и приклеивает его слюной. Слюна употребляется главным образом при прикреплении гнезда к основанию, при постройке верхнего края и нижнего слоя, а также для смазки всего углубления. Таким образом верхний край приобретает, как, впрочем, и все гнездо, большую твердость и делается даже глянцевитым, так как слюна на воздухе очень быстро твердеет».

Кладка начинается обыкновенно в начале июня, часто ранее, чем гнездо вполне закончено; яйца кладутся через два дня по одному, пока их не наберется 3—4*. Яйца, по словам Гиртаннера, молочно-белого цвета, без глянца, и похожи на гипсовые, даже на ошупь; скорлупа состоит из не очень мелкозернистой массы. На толстом конце яйца заметны довольно большие известковые желваки, а вся поверхность покрыта видимыми простым глазом порами. Форма яйца бывает различна, от вытянутой и постепенно суживающейся к концу до довольно широко овальной. Длина 10 яиц, которые Гиртаннер выбрал из 40 штук, колеблется между 29 и 33 мм, а ширина между 19 и 22 мм. Белобрюхий стриж точно так же, как и черный, выводит птенцов лишь один раз в году.

Вероятно, ни один наблюдатель, который знакомился с белобрюхим стрижем, живущим на свободе, не может отрицать глубокого впечатления, которое эта птица производит на всякого нового человека. Впечатление это в сильной степени увеличивается великолепием и красотой природы тех мест, где живут эти гордые и сильные обитатели воздуха.

Мне случалось видеть белобрюхих стрижей в такой величественной местности, какую себе можно представить: на вершине горы Монсеррат в Каталонии. Эта гора возвышается на 1500 м над окружающей равниной, состоит из многих тысяч скалистых конусов, которые нагромождены друг на друга и оканчиваются стоящими один подле другого огромными обелисками. Между ними находятся глубокие ущелья, образующие страшные пропасти, а вокруг простирается широкая богатая равнина. На севере виднеются снежные вершины Пиренеев, которые блестят и сверкают при вечернем освещении; на востоке взор видит темно-голубое Средиземное море, где вдали поднимаются Балеарские острова, полузакрытые легким туманом; во все другие стороны гла-

зам представляются лишь разорванные горные ущелья и цепи возвышенностей. На одном из только что названных обелисков белобрюхие стрижи устроили себе гнездовище и дозволили черным стрижам устроиться тут же поблизости.

Никто из нашего маленького общества охотников, которые отправились в горы для наблюдения за птицами и собирания коллекций, не мог противостоять искушению пострелять по этим стрижам, которые поселились на «коне Святого Фердинанда», как называет народ эту столпообразную скалу. Гнезда стрижей находятся на вершущке скалы, высоко над отвесно спускающейся стеной ущелья. Я приблизился к этому месту по узкой выдающейся скале, которая была соединена с другими горами как полуостров на море или угловая башня гигантского замка, чтобы отсюда удобнее приблизиться к осторожным птицам. Когда я взглянул на страшную пропасть, зияющую под моими ногами, то увидел, что она простирается далеко вниз, до самой подошвы скал, где в долине шумит быстрая речка Льобрегат. Несмотря на то, что я не подвержен головокружениям, все же я не осмелился взглянуть по другую сторону узкой тропинки, на которой находился: мне стало страшно. Брошенный камень очень долго летел до дна пропасти; звук от удара о скалы долетал до нас лишь по прошествии девяти секунд. Очень много стрижей целыми рядами носились в узком ущелье, отделяющем нашу скалу от прочей массы гор, и только на глубине этого ущелья мы могли находить убитую нами добычу. Но мне не удалось застрелить ни одной из этих птиц: огромные массы расположенных кругом меня скал так обманывали глаз, что он терял всякое понятие о расстоянии. После нескольких неудачных выстрелов я уселся на камень, положил ружье у своих ног и довольствовался тем, что следил глазами за чудными птицами.

Когда видишь высоко летающего над собой стрижа, то полет его невольно сравниваешь с полетом сокола: он долго парит, не двигая крыльями. Затем следует несколько быстрых ударов крыльями, между которыми он внезапно падает вниз, отвесно или спускаясь дугой. Часто от большого общества, которое то рассеивается, то снова собирается, отделяется парочка и, играя, высоко подымается в воздух. Стрижи находятся в постоянном движении до вечерних сумерек, а затем меняют свое местопребывание и занятие. Вечером над всеми обработанными местностями, которые расположены не очень далеко от моря, особенно над виноградниками и плодовыми садами, стрижи летают тихо, плавно и низко, точно ласточки; каждая птица держится отдельно и не заигрывает с товарищами, а занимается ловлей насекомых. Особенно усердно занимаются они этим делом при закате солнца, что доказывает предпочтение к ночным насекомым. В этом отношении белобрюхий стриж резко отличается от черного, который именно вечером чаще всего собирается большими и крикливыми стаями.

Семейство стрижи

В высшей степени интересно не только первое впечатление, но и наблюдение над ежедневной жизнью и движениями белобрюхого стрижа. «Окрестности старой башни, — так описывает Гиртаннер, — или горной цепи необыкновенно оживляются этими птицами, которые, хотя живут обществами, но очень дики, любят ссориться и находятся в постоянном движении. Даже в течение целой ночи в углублениях, служащих для помещения гнезд стрижей, постоянно слышатся шум и ссоры, так что трудно представить себе, когда эти птицы пользуются ночным покоем для сна; утром же, когда взойдет солнце, шум еще усиливается. Лишь только сумерки слабо осветят темные щели скал, как жители их уже просыпаются и готовятся к отлету. Они с трудом ползут к отверстию пещеры или щели, прижимая грудь к земле и усердно помогая себе крыльями, но как только добредут до выхода, то все трудности преодолены. Распустивши свои неутомимые крылья, они бросаются в глубину с резким криком, который от времени до времени переходит в громкую трель, и целые стаи этих таинственных созданий носятся над спящим еще городом или темным, безмолвным ущельем.

Стая стрижей поднимается в воздухе до такой высоты, что делается незаметной для невооруженного глаза, словно внезапно исчезает из той местности, где находятся гнезда. Но вот птицы стали снова заметны: высоко над нашими головами белеют их снежно-белые брюшки и блестящие крылья, точно снежные хлопья при солнечном свете. Вдруг они появляются около своих гнездовищ на скале и кружатся там, играя и перегоняя друг друга. Таким образом проводят стрижи все утро, если только погода хорошая, и главная цель их полета, конечно, состоит в ловле насекомых. Когда наступает полуденный жар, стаи стрижей прячутся в щели и предаются покою, так как сильную жару они плохо переносят и это время охотнее всего проводят в своих прохладных убежищах. Стрижи, очевидно, тогда спят, по крайней мере они не издают никакого звука и оживляются снова только вечером.

В пасмурную и дождливую погоду шумливые стрижи охотнее всего сидели бы дома, но добывание пищи заставляет их совершать полеты. В этом случае стрижи летают молча, поодиночке, усердно преследуя насекомых над лугами или пролетая над ручьем, где легко схватить стрекоз; тогда гордого жителя горных ущелий почти нельзя узнать, так молчаливо летает он по долине, чтобы наскоро утолить свой голод. Когда в Альпах наступает холодная погода или разражается гроза, стриж показывается в долине. После долгой засухи стрижи очень рады теплоте дождю; они пьют и купаются на лету, кружатся над своими гнездовищами и всячески поворачиваются на воздухе, чтобы дождь смыл с них докучливых паразитов; даже сидящие на яйцах стрижи не могут отказать себе в этом удовольствии.

Подобная беззаботная жизнь продолжается до тех пор, пока не кончилась кладка яиц, насиживание которых уничтожает безграничную свободу стрижей. Но когда птенцы вылупились, вся деятельность родителей направлена на добывание для них необходимой пищи. Птицы неутомимо носятся по воздуху, широко раскрыв свою пасть, и бросаются на всякое насекомое, которое им попадается на пути. Скоро много мелких насекомых прилепляются к липкому небу птицы, так что во рту образуется большой комок. Тогда стриж летит к гнезду и запихивает пищу глубоко в пасти голодных птенцов. Кормление детенышей продолжается от 7 до 8 недель, так как птенцы вылетают, лишь когда могут без предварительных летательных упражнений прямо броситься в глубину и сразу носиться по воздуху. Яйца насиживаются попеременно обоими родителями, и птенцы вылупляются через три недели после того, как положено последнее яйцо. Они при рождении уже вполне покрыты серым пухом, как молодые хищные птицы. Вырастание птенцов подвигается довольно медленно, вероятно, вследствие трудности доставления им достаточного количества пищи. Птенцы оставляют гнездо гораздо ранее первого вылета; они привешиваются к стенам углубления или пещеры, где расположено гнездо, и остаются в этом положении по целым часам; здесь их кормят родители. Вылетают они из гнезда лишь в конце, редко в середине мая и очень скоро достигают такой же ловкости полета, как и взрослые. Это им необходимо, так как приближается время отлета на юг».

Белобрюхий стриж под защитой недосыгаемости своих гнездовиц и вследствие очень высокого и быстрого полета живет обыкновенно в полной безопасности. Стаи их страдают лишь от холода и голода. Как и черные стрижи, белобрюхие сильно дерутся между собой, и один противник так сильно вцепляется когтями в другого, что оба часто падают на землю, где обыкновенно и погибают.

В Швейцарии никто не преследует стрижей, если только они не нужны для естественноисторических целей; в Италии же и Греции еще до сих пор, как во времена Геснера, стрижей ловят на удочку на лету. «Мальчик лежит на верхушке крутой скалы или на высокой крыше, — рассказывает Болле, — и по возможности прячется. Он держит в руках длинный прут, к концу которого привязана длинная голубая нитка, а на конце ее между перышками и ватой спрятан небольшой крючок; он качается на воздухе между другими нарочно бросаемыми перышками. Хватая перо для постройки гнезда, стриж попадает на удочку и таким образом ловится».

В Португалии поступают, как мне сообщает Рей, совершенно таким же образом. В Греции, по словам фон дер Мюле, протягивают бечевку между двумя высокими предметами и к ней привязывают лошадиные волосы и пух с маленькими крючками; птицы, собирающие материал для гнезда, таким образом попадают на

крючки. Охотники становятся также на верхушке скалы, где сильно дует ветер, и стреляют в мимо летящих стрижей, чтобы продавать их на рынке. Кроме подобной, если можно так выразиться, мальчишеской охоты, белобрюхий стриж погибает иногда в когтях некоторых соколов. На острове Капри сапсан (*Falco peregrinus*) живет в ближайшем соседстве со стрижами, и Болле думает, что едва ли он преследует их; однако быстро летающий хищник наверно их ловит, что подтверждается многими наблюдениями. Кроме того, стрижа беспокоят еще всевозможные паразиты, от которых он страдает главным образом во время насиживания яиц.

Выше мы уже упоминали о ближайшем родиче белобрюхого стрижа **черном стриже** (*Arus arus*), который достигает 18 см длины при 40 см размаха крыльев; длина крыла 17 см, хвоста 8 см. Оперение у него однообразного дымчато-темно-бурого цвета с зеленоватым металлическим отливом, который всего заметнее на нижних кроющих перьях шеи и на плечах. Подбородок и горло украшены округленным белым пятном; глаза темно-бурого цвета, клюв черный, ноги светло-бурые. Оба пола по оперению друг от друга не отличаются, а птенцы несколько светлее, и перья у них имеют очень узкие грязно-белые каемки на концах.

Черный стриж с начала мая до августа летает с громким криком по улицам городов средней Европы и кружится там около верхушек старых колоколен. Птица эта имеет большую область распространения: я находил ее во всех странах Европы, которые мне случилось посетить, от башни Дронтгеймского собора до башен зданий в городе Малаге. Другие наблюдатели видали ее в большей части северной и средней Азии. В некоторых частях Персии этот стриж встречается как обыкновенная летняя птица и в большом количестве гнездится в известных местах, например, в окрестностях Шираза. Зимой он живет в Африке и южной Индии, причем пролетает через всю Африку с севера до юга.

Черный стриж первоначально был, вероятно, исключительно обитателем скал, но с течением времени он привык к постройкам человека и теперь живет повсюду в городах и деревнях. Сначала он селился только в высоких старых постройках, особенно на башнях, но когда в этих местах не стало хватать впадин и щелей, птица была принуждена искать для гнезд естественные и искусственные углубления в деревьях и таким образом сделалась обитательницей лесов. Стриж принадлежит к числу тех, вовсе не малочисленных птиц, количество которых в средней Европе постоянно увеличивается, и потому во многих местах он теперь страдает от недостатка мест для гнездования. Там, где он может найти удобные для жительства скалы, гнездится он охотно и поднимается на горах до высоты около 2000 м над поверхностью моря.

Черного стрижа узнает даже человек, мало знакомый с естественными науками. Его движения, полет и привычки резко отличаются от полета ласточек. Как и его родичи, это в высшей

степени живая, беспокойная птица, которая постоянно находится в движении. Воздух следует считать его царством, там проводит он, можно сказать, всю свою жизнь. С самого начала утренней зари до вечерних сумерек он летает по воздуху большими кругами, большею частью очень высоко, и спускается ближе к земле только вечером и в дождливую погоду.

Никакая другая живущая в Германии птица не превосходит в полете черного стрижа. Птица эта замечательна как по силе и ловкости полета, так и по неустойчивости. Хотя стриж не может так красиво и быстро поворачиваться на лету, как ласточки, зато он носится по воздуху с удивительной быстротой. Его узкие серпообразные крылья двигаются так сильно и скоро, что очертание летающей птицы делается не очень ясным. Иногда стриж внезапно распускает крылья и парит, почти не двигая ими. Полет этот кажется столь величественным и удивительным, что при этом забываешь все не совсем приятные качества этой птицы и любишься неустойчивым летуном. Он принимает во время полета всевозможные положения: одинаково ловко поднимается вверх и вниз, поворачивается, легко описывает крутые и очень пологие дуги, то почти касается воды своими перьями, то в одно мгновение исчезает на невообразимой высоте.

Стриж петь не умеет, а только кричит; голос у него резкий, громкий и может быть передан слогами «спи-спи» или «кри-кри». При каком-либо возбуждении крик его раздается так часто и громко, что может надоесть, а когда многочисленная стая носится по улицам, то они иной раз шумят самым немилосердным образом. Во время сна в своих гнездовищах щебечут как взрослые, так и птенцы.

Черный стриж питается очень мелкими насекомыми, но какими, трудно узнать, так как у убитой птицы можно найти лишь полупереваренную или по крайней мере сильно раздавленную пищу. Во всяком случае, можно смело утверждать, что насекомые, которыми питаются стрижи, по большей части летают очень высоко и лишь в совершенно ясную погоду. Этим можно объяснить поздний прилет стрижей и то, что они появляются и проживают в разных местностях в различное время. Нам известно, что стриж, как и его родичи, ловит всякого рода летающих насекомых, например слепней, жуков, маленьких бабочек, комаров, мошек и стрекоз; остатки этих насекомых находят в выплевываемых ими погадках. Купается он, по всей вероятности, только на воздухе, во время дождя, так как никогда не окунается в воду, как это делают ласточки. Его неустойчивую деятельность следует приписать исключительно постоянному голоду, однако в крайнем случае он может удивительно долго поститься.

Все виды стрижей имеют мало врагов. За ним гоняется разве что чеглок (*Falco subbuteo*), так как другим хищным птицам трудно поймать столь быстрокрылую и никогда не сажающуюся на

* *Серая салангана* живет на о-ве Калимантан, полуостровах Малакка и Индокитай, на территории Индийского субконтинента и прилегающих о-вах она не встречается. В этих регионах живут другие виды рода саланган: в Гималаях и Бангладеш — гималайская салангана (*Callocalia brevirostris*), на Андаманских и Никобарских о-вах — белобрюхая салангана (*Callocalia esculenta*) и салангана-водорослеед (*Callocalia fucifaga*). Гнезда последней также широко используют в пищу. Всего определено 13 видов саланган, гнезда только некоторых из них сделаны исключительно из слюны и употребляются в пищу.

открытых местах птицу. Во время его зимних странствований ему угрожают другие виды соколов. К детенышам иногда забираются сони и другие лазающие грызуны, но, вероятно, в том случае, когда гнездо находится в скворечниках или дуплах деревьев. На юге Европы эта полезная птица подвергается самым незаслуженным преследованиям. Сави говорит, что мясо молодых стрижей там считается очень вкусным, и потому гнезда во многих местах разыскиваются. Чтобы добыть себе это лакомство, жители часто устраивают для стрижей места гнездования на высоких башнях и стенах, притом так, чтобы люди могли легко добираться до гнезд изнутри. Перед тем, как птенцы вылетят, их вынимают из гнезд, оставляя в каждом только по одному, а затем жарят и съедают.

Саланганами называют стрижей, которые уже несколько столетий назад были известны своими съедобными гнездами, но с которыми и поныне натуралисты еще очень мало знакомы. Их признаками можно считать очень малую величину, короткий, сильно крючковатый клюв и слабые ноги с обращенным назад четвертым пальцем; крылья довольно длинные, второе маховое перо самое большое, хвост средней величины, на конце тупой или слегка вырезан. Оперение довольно жесткое и окрашено очень просто.

Наиболее известна серая салангана (*Callocalia vanicorensis*). По размеру эта птица не больше нашей береговой ласточки: длина ее 13 см, размах крыльев 30, длина крыла 12, хвоста 6 см. Верхняя часть тела имеет дымчато-черно-бурый цвет с металлическим отливом, нижняя часть дымчато-серо-бурого цвета. Рулевые перья сверху несколько темнее и однообразно черные, хвост на конце слабо вырезан; глаза темно-бурые, клюв и ноги черные.

Прежде думали, что салангана живет только на Зондских островах, потом узнали, что она встречается и в горах Ассама, в Нильгирийских горах, в восточной части Индии, в Сиккиме, Арракане, вдоль восточного берега Бенгальского залива, в Сиаме, Кохинхине, на Цейлоне, Никобарских и Андаманских островах*. Об этом виде много писали и сочиняли. «На берегах Китая, — писал когда-то Бонциус, — ко времени высиживания яиц прилетают из внутренности страны к приморским скалам маленькие птички из породы ласточек и собирают в морском иле у подошвы скал липкое вещество, может быть, китовую амбру или рыбью икру, и из этого вещества строят свои гнезда. Китайцы отрывают эти гнезда от скал и в большом количестве привозят в Индию, где за них платят большие деньги, варят в курином или бараньем бульоне, и в таком виде гастрономы считают это кушанье лучше всех других».

Это мнение почти без изменения сохранилось и до нашего времени: почти все путешественники полагают, что материал для съедобных гнезд получается из моря или его произведений. Кемпфер утверждает, со слов китайских рыбаков, что съедобные гнезда не что иное, как особо «приготовленное» ласточками мясо боль-

шой каракатицы. Румф описывает маленькое, полупрозрачное, мягкое, хрящеватое растение, которое очень гладко и слизисто, окрашено в белый и красный цвет и липкое, как клей; оно растет на берегу моря на небольших камнях и пустых раковинах; ему говорили, что это растение и служит материалом для постройки гнезд саланганы, но он сомневается в справедливости этого и считает более вероятным, что салангана выделяет материал для гнезда из своего собственного тела.

Пуавр уверял в свое время Бюффона, что между Явой и Кохинхиной, а также между Суматрой и Новой Гвинеей поверхность моря бывает покрыта веществом, похожим на размягченный клей, и что вышеупомянутые ласточки собирают этот материал для своих гнезд. Рэффлс подтверждает мнение Румфа и считает мате-

риал для гнезд выделением птицы, которое выплевывается с таким усилием, что к нему иногда примешивается кровь. Марсен исследовал материал, из которого состоят гнезда саланганы, и нашел, что он представляет нечто среднее между желатином и белком. Он долго не распускается в горячей воде и разбухает в ней только через несколько часов, а при высыхании снова

делается твердым, но хрупким, так как некоторое количество студенистого вещества остается в воде. О других мнениях не стоит распространяться, они основаны большей частью на предположениях, не имеющих большого значения. Подробные исследования Бехштейна объяснили нам в точности, из какого вещества состоят съедобные гнезда саланганы.

«Не следует удивляться, — считает этот исследователь, — что у нас образовалось так много различных взглядов на вещество, из которого состоят съедобные гнезда саланганы, потому что вряд ли можно было надеяться напасть на путь истины, относясь с полным доверием к сведениям, сообщаемым невежественными и суеверными туземцами, или делая слишком поспешные заключения из внешнего сходства этих гнезд с совершенно другими веществами. Достигнуть цели можно было только путем собствен-

Серая салангана
(*Collocalia
vanicorensis*)

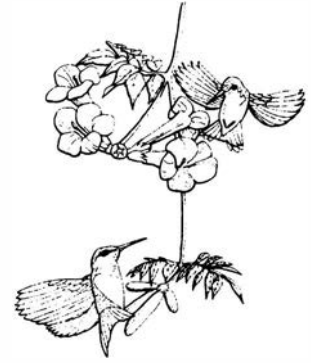

ных беспристрастных наблюдений над птицами на местах гнездования. Однако это сопряжено со значительными затруднениями, так как они гнездятся в темных, малодоступных пещерах, в которых часто с трудом можно различить ближайшие предметы, а тем более трудно наблюдать чрезвычайно подвижных птиц. Впрочем, это относится к серой салангане. Гораздо легче наблюдать другой вид, который водится на Яве и называется кузаппи. Эти птицы выют гнезда в более доступных местах или в передних светлых частях пещер, заселенных также саланганями, или даже на совсем открытых местах, нависших скалах и т.п. Мне посчастливилось наблюдать их несколько раз во время устройства гнезда, между тем как с саланганями, по вышеприведенным причинам, это удавалось гораздо реже и не так основательно.

Съедобные гнезда давно известны по внешнему виду, и многие древнейшие писатели давали нам их точное описание. В общем они имеют вид четверти яичной скорлупы, если представить себе ее разрезанную на четыре равные части по длине. Сверху они открыты, а скала, на которой они прикреплены, образует заднюю стенку гнезда. Само гнездо чрезвычайно тонко, но его верхний, свободный край расширяется сзади, там, где прикасается к скале, и образует с обеих сторон крылообразные придатки различной толщины, которые, соединяясь с камнем широким плоским основанием, образуют главную опору для гнезда. Последнее, при тонкости стенок, состоит из прозрачного, беловатого или коричневатого клееобразного вещества, в котором можно ясно различить поперечную штриховку даже после поверхностного наблюдения. Поперечные полоски идут волнообразно, более или менее в одном направлении, и явно образовались от постепенного наслоения вещества гнезда. Только по ним можно судить о постепенном нарастании гнезда.

Темные, коричневатые, более дешевые в торговле гнезда считают старыми, в которых были высижены и выращены птенцы, а белые, более дорогие, — вновь устроенными. Некоторые приписывают их двум различным видам птиц; я не берусь решить этого вопроса, потому что не мог достать птицы, пойманной на коричневом гнезде. Однако многочисленные переходы от совсем коричневых к совершенно белым гнездам, а также их вполне одинаковое строение говорят в пользу того мнения, что это гнезда одного и того же вида. У некоторых гнезд можно заметить на внутренней стороне ячеистое или сетчатое строение, что, по всей вероятности, происходит от утолщения и стягивания первоначально влажного вещества гнезда при высыхании его. Наконец, как случайная примесь к веществу гнезда кое-где попадаются отдельные маленькие перышки.

В это гнездо без всякой подстилки птица кладет два, иногда три белых, блестящих, продолговатых, заостренных яйца. В длину они достигают 20 мм, в ширину 14 мм.

Гнездо кузаппи по внешнему виду совершенно походит на гнездо саланганы. Существенно оно отличается тем, что состоит преимущественно из стебельков растений и подобных предметов, а упомянутая своеобразная клееподобная или роговидная масса служит только для того, чтобы соединять и прикреплять гнездо к скале. Наибольшее количество этого вещества находится в задней части гнезда, особенно на тех боковых его выступах, о которых было сказано выше. Впрочем, эти последние встречаются реже, чем у гнезд другого яванского вида, а иногда совершенно отсутствуют, если остальной строительный материал настолько крепок, что не нуждается в поддержке. У меня есть значительное число таких гнезд, которые были найдены на чердаке под самой крышей одного из публичных зданий в Батавии. Они все сделаны из тоненьких, очень гибких цветочных стебельков, лошадиных волос и отдельных травинок, которые лежат друг на друге почти в одном направлении, не переплетаясь между собой, как в гнездах других птиц. Для того, чтобы скрепить все эти материалы, птице понадобилась все та же клеобразная или роговидная масса, которой и покрыто все гнездо, особенно у задней своей части. Три других гнезда я нашел под нависшей скалой. Они были сделаны из других растительных веществ, которые легко скреплялись и переплетались между собой. Поэтому здесь птица употребляла малое количество клейкого вещества; оно было главным образом у задней части гнезда: им было прикреплено гнездо к скале, и растительные материалы были также покрыты тонким слоем клея».

Бехштейн обращает внимание на поразительное развитие слюнных желез, именно подъязычных, и высказывает предположение, что именно они выделяют цемент гнезда. Кроме того, он убедился в том, что эти железы только во время вывода детенышей разбухают и образуют два больших желвака, а во время кладки яиц опять опадают и делаются меньше, чем у других птиц. «Железы отделяют в изобилии густую, тягучую жидкость, которая скопляется в передней части рта, вблизи выводных протоков желез, под языком. Жидкость, собственно, слюна, очень походит на насыщенный раствор аравийской камеди и, подобно ему, так тягуча, что ее можно вытягивать изо рта довольно длинными нитями. Если прикрепить конец нити к палочке и медленно вращать последнюю вокруг своей оси, можно вытащить изо рта и даже из выходных протоков желез всю накопившуюся там слюну. Она очень скоро сохнет на воздухе и тогда ничем не отличается от того своеобразного вещества, из которого состоят гнезда. Совершенно сходной с ним является эта слюна и под увеличительным стеклом. Листы бумаги она склеивает, как аравийская камедь. Травинки тоже можно намазать ею и склеить.

Я часто наблюдал, как птицы, приступая к постройке гнезда, летают несколько раз на выбранное место и кончиком языка прикрепляют слюну к камню. Они повторяют это 10—20 раз сряду и

в промежутках не улетают дальше нескольких метров. Из этого следует, что они имеют при себе заранее собранный материал для постройки, а не приносят его каждый раз. Таким образом они описывают на избранном месте полукруг в форме подковы. Густая масса быстро сохнет и образует прочное основание для строящегося гнезда. Затем кузаппи пользуется, как было сказано выше, различными растительными веществами, которые она покрывает и скрепляет своей слюной, а салангана продолжает постройку только из одной слюны. По мере того как постройка гнезда подвигается вперед, птица прицепляется к нему и ворочает головку то в ту, то в другую сторону, чтобы прикрепить слюну на край отвердевшей части гнезда; отсюда и происходят вышеупомянутые волнообразные полосы. При этом легко может случиться, что к слюне, не успевшей высохнуть, прилипают отдельные перышки и являются случайною примесью к строительному материалу гнезда. Вероятно, раздражение, причиняемое распухшими железами, заставляет птиц нажимать их, чтобы выдавить оттуда содержимое. При трении птица легко может поранить себя и вызвать несколько капель крови: этому обстоятельству обязаны своим происхождением незначительные следы крови, замечаемые иногда на гнездах. Впрочем, я должен еще заметить, что выделение слюны, как и во многих других железах, стоит в прямом отношении к количеству принимаемой пищи. Когда я несколько дней подряд хорошо кормил своих птиц, они выделяли слюну в большом количестве, и, наоборот, выделение делалось ничтожным, если они голодали несколько часов. Это подтверждают все другие наблюдения, особенно же то обстоятельство, что иногда птицы строят свои гнезда скорее и лучше, чем в другое время. В первом случае животные имели, по всей вероятности, избыток в пище, во втором — недостаток».

К таким наблюдениям добавлений не требуется. Теперь мы в точности знаем, какое вещество едят гастрономы, лакомясь знаменитыми индийскими гнездами.

О жизни самой саланганы мы не имеем столько подробностей. Самым обстоятельным описанием мы обязаны Юнгхуну; но он изображает нам не собственно птицу, а скорее места ее пребывания.

Салангана водится во многих местах на острове Ява. Поселения птиц во внутренних областях острова находятся в известковых горах Преангского регентства, на высоте 600—800 м, приблизительно на одинаковом расстоянии от северного и южного берегов. Здесь населены саланганами шесть пещер, а около Каранг-Болонг девять. У пещеры Геда высота обрывистого берега достигает 25 м от уровня моря во время отлива; береговые скалы образуют небольшую бухту, а на высоте 8 м над морем находится выступ, до которого с края берега отвесно спускается лестница из ротанга (испанского тростника). Эта лестница состоит из двух боковых тростниковых канатов, связанных друг с другом на рас-

стоянии 50 м поперечными деревянными перекладинами. Верхняя стенка входа в пещеру лежит, однако, только на 3 м выше уровня моря; вода даже во время отлива, покрывает пол пещеры, а во время прилива вход в пещеру каждый раз закрывается набегающей волной. Собиратели гнезд поэтому могут проникать во внутренность пещеры только во время отлива и то при очень спокойной и низкой воде. Но и тогда это было бы невозможно, если бы скала, образующая свод пещеры, не была пробуравлена и пробита множеством отверстий. В этих выбоинах на выдающихся уступах укрепляется самый сильный и отважный собиратель гнезд, который первым спускается в пещеру; он привязывает к этим уступам канаты, которые спускаются с потолка на 1,5—2 м. К их концам прикрепляются другие длинные тростниковые канаты, которые висят под потолком почти в горизонтальном положении, и, то поднимаясь, то спускаясь, образуют фестоны, тянущиеся через всю пещеру, шириною в 50 м, точно висячий мост. Пещера Дахар имеет в ширину 15 м, а в длину 150 м. Ее вход лежит только на 4 м над поверхностью моря.

Прежде чем вывесить лестницы для собирания гнезд и спуститься в ужасное соседство пенящегося моря, возносят торжественную молитву богине, которая называется по-разному в различных частях острова; однако это все та же богиня Дурга, супруга бога Шивы, служащая в глазах яванцев символом производительной силы, плодородия и неисчерпаемого изобилия природы. Почитание этой богини и обращение к ней остались еще у нынешних яванцев, хоть они исповедуют ислам.

По уверениям собирателей гнезд, в Бандонгских пещерах птицы выводят птенцов четыре раза в год, и во время вывода половина их остается постоянно в пещере. Самец и самка высиживают яйца сообща, сменяя друг друга через каждые шесть часов, и все пары занимаются этим одновременно, так что разница между временем высиживания яиц различными парами не бывает более 10 дней. Саланганы никогда не пользуются два раза одним и тем же гнездом, а для каждой кладки яиц строят себе новое гнездо, хотя они должны работать над ним целый месяц. Старое гнездо делается вонючим и отпадает.

Собирают гнезда три или четыре раза в году; в Бандонгских пещерах первый раз в апреле или мае, второй раз в июле или августе, третий раз в ноябре или декабре. При начале сбора птенцы вылетели только из половины гнезд. В другой половине находят частью неоперившихся птенцов, частью яйца. Первых едят, вторые выбрасывают; т.е. половина вывода погибает при каждом сборе гнезд; несмотря на это, число саланган не уменьшается, но и не увеличивается там, где собирают гнезда только три раза в году и таким образом оставляют лишь один выводок. В Бандонгских пещерах первый сбор считается худшим, второй — самым лучшим, а третий — довольно хорошим. Сбор начинается, когда в

большинстве гнезд у птенцов появились уже стрежни перьев. До этого времени, которое называется временем созревания гнезд, несколько собирателей гнезд отправляются в пещеры каждый день, чтобы узнать, в каком состоянии находятся гнезда и их содержимое. Те гнезда, в которых сидят птенцы с едва пробивающимися перьями, считаются лучшими и составляют товар первого сорта, гнезда с совсем голыми птенцами составляют второй сорт и, наконец, гнезда с яйцами — третий сорт. Гнезда с оперившимися птенцами черны и не годятся к употреблению.

Шесть Бандонгских пещер доставляют каждый раз 3380 гнезд, так что в них живет по крайней мере 6760 птиц. Число гнезд, собираемых в Каранг-Болонге, доходит до 500 000, а если разделить это на три сбора, то окажется, что в пещере Каранг-Болонг должно жить более 33 000 саланган. Эти сведения Юнгхун почерпнул в 1847 году из сообщений различных собирателей гнезд, особенно же из отчетов надзирателя пещер Каранг-Болонг. Собиратели гнезд образуют здесь как бы касту, занятие которой передается по наследству, от отца к сыну.

Гнезда саланганы собирают и в других местах, собственно, на всем Индонезийском архипелаге.

Все вышеизложенное дополняется в некотором отношении сообщениями Аберкромби, который в 1885 году посетил пещеры на холме Гомантон, на острове Борнео (Калимантан). На Гомантоне саланганы вместе с летучими мышами живут в двух пещерах, лежащих одна над другой, из которых нижняя образует помещение в 130 м, а верхняя от 200—300 м вышиной. Здесь гнезда собираются тем же способом, даже на самой головокружительной высоте потолка.

СЕМЕЙСТВО ХОХЛАТЫЕ СТРИЖИ (*Hemiprochidae*)

Птицы этого семейства живут в Восточной Индии и на расположенных около нее островах, в Австралии и Африке. Они отличаются удлинённым туловищем, коротким клювом, очень длинными крыльями, в которых два первых маховых пера одинаковой длины, вилообразным хвостом, ногами, устроенными так, как ноги ласточки, и, наконец, хохлом на голове.

Один из видов называется по его крику **кলেখо**, или **хохлатый древесный стриж** (*Hemiprocne longipennis*); длина его 18 см, длина крыла 15, хвоста 8 см. Образованный из широких перьев приподнятый хохолок на передней части головы, темя, нижние покровные перья шеи, плечи и покровные перья крыльев темно-черновато-зеленые со слабым металлическим отливом; концы перьев крыла имеют стальной отлив; надхвостье и верхние кроющие перья хвоста светло-серые, маховые и кроющие перья больших маховых перьев черные с синеватым отливом, а задние маховые и кро-

ющие перья крыла имеют зеленый металлический блеск. Ушная область украшена темным ржаво-красным пятном; подбородок, горло, зоб, шея и стороны туловища серого цвета; нижние кроющие перья крыла черновато-зеленые; рулевые перья, образующие глубокую развилину, черного цвета у основания с зеленым, а у конца с синеватым отливом. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги серые. У самки нет красного пятна около уха.

Область распространения этого вида простирается на Зондские острова: Яву, Суматру, Калимантан, Банка, а также на Малаккский полуостров*.

Все хохлатые стрижи по образу жизни отличаются от своих родичей прежде всего устройством гнезд. Они живут в джунглях и подобных лесных чащах, особенно таких, которые расположены на равнинах, охотно садятся на деревья. Один из индийских видов этих стрижей встречается, по словам Жердона, иногда очень многочисленными стаями, но обыкновенно маленькими обществами, причем птицы или сидят на сухих и безлистных деревьях, то приподнимая, то опуская свой хохолок, или быстро летают, охотнее всего вблизи воды; во время полета они громко кричат, вроде попугаев, так что выдают себя этим криком наблюдателю еще раньше, чем он их увидит. Голос индийского вида передают слогами «кия-кия-кия», но его можно слышать только тогда, когда птица летает; во время же сидения она издает короткую песенку, которую старались передать слогами «чифель-чафель-клехо-клехо».

О способе гнездования клехо, которого малайцы называют манук педанг (меченосная птица), подробно рассказывает Бехштейн. «Эта птица строит гнездо столь своеобразным и удивительным способом, что другое подобное гнездо едва ли можно найти. Между тем как другие стрижи гнездятся в углублениях и щелях каменных стен скал, эта птица избирает местом для устройства гнезда отдельно стоящие ветки на высоких деревьях. Если выбор места удивителен для птицы из семейства стрижей, то еще более удивительно отношение между величиной самой птицы и ее гнезда и яйца. Гнездо своей более или менее полукруглой формой и величиной, из которого сделано, несколько напоминает гнездо саланганы, но гораздо меньше и более плоско. Измеренные мною гнезда были не более 3—4 см ширины при 1 см глубины.

Гнездо всегда бывает прикреплено к горизонтальной ветке, имеющей около 2 см толщины, которая образует заднюю стенку гнезда; оно прикреплено сбоку и имеет вид плоской удлиненно-полукруглой чашки, ровно такой величины, чтобы там могло поместиться единственное яйцо. Стенки гнезда очень тонки и нежны, не толще пергамента. Они состоят из перьев, отдельных кусочков древесных лишайев и древесной коры; все это слеplено клейким веществом, без сомнения, как и у саланган, слюной птицы, причем следует заметить, что и у хохлатых стрижей во время

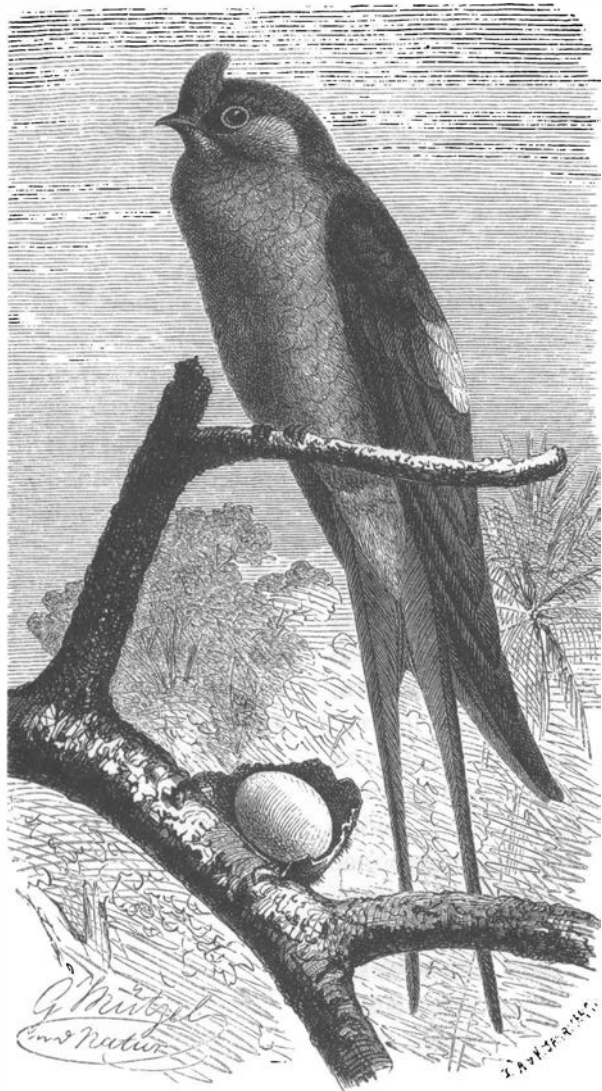
** Описанный Бремом ареал относится к малому хохлатому стрижу (Heteroprocne cotata), тогда как клехо обитает еще и в Индии и на Индокитайском п-ове. В этом очерке, видимо, случилась какая-то путаница, поскольку вначале приведено верное латинское название клехо, а потом указан ареал другого вида, и далее в тексте упоминается как другой вид все тот же клехо.*

постройки гнезд слюнные железы сильно распухают. Малая величина и хрупкость гнезда не позволяют клехо сидеть на нем: птица сидит на сучке и своим животом прикрывает гнездо и находящееся в нем яйцо. Величина яйца соответствует росту птицы, около 25 мм длины и 19 мм толщины. Оно имеет правильную овальную форму, так что нет возможности отличить тонкий конец от толстого. Цвет его бледно-зеленовато-голубой, кото-

рый впоследствии делается еще бледнее, так что под конец яйцо кажется белым со слабым голубоватым отливом. По моим наблюдениям, клехо выводит детенышей два раза, причем насиживание происходит скоро одно после другого, в мае и июне, но птица не пользуется оба раза одним и тем же гнездом.

Вследствие очевидного несоответствия величины птицы и гнезда мне любопытно было увидеть птенца, который через несколько дней после вылупления, вероятно, не мог уже помещаться в маленьком и хрупком гнезде. Как я и ожидал, детеныш едва помещался в гнезде, и скоро ему там стало совсем тесно. Он тогда вылез оттуда и занял то же положение, какое имела насиживающая самка, т.е. сидел на сучке и только животом опирался на гнездо. Сидя в таком беспомощном положении на ветке, птенец легко бы сделался жертвой каждой хищной птицы, например, вороны и других, если бы не скрывался от их глаз очень странным способом, напоминающим в некотором отношении положение испуганной выпи. Птенец не только не покидает своего места на сучке до тех пор, пока вполне не вырастет, но лишь только увидит что-либо подозрительное, инстинктивно поднимает шею вверх, прижимается к сучку так, что ног его не видишь, нахохливается и в этом положении сидит неподвижно: тогда очень легко не заметить птенца и принять его за сучок,

покрытый лишаями, так как его оперение, состоящее из смеси темно-зеленых, белых и бурых перьев, удивительно способствует подобному обману зрения. Даже когда птенец был почти взрослый и я приказал отпилить сучок вместе с гнездом, он принял вышеописанное положение и сидел смирно, не выказывая никаких признаков жизни, между тем как другие птенцы в подобном случае широко раскрывают пасть и громко кричат».

Клехо,
или хохлатый
древесный стриж
(*Hemiprocne
longipennis*)

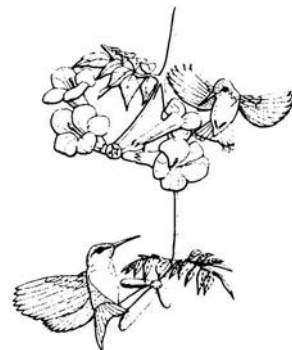
СЕМЕЙСТВО КОЛИБРИ (Trochilidae)

Семейство колибри

«Между всеми другими существами колибри, несомненно, самые красивые по строению тела и по великолепному оперению. Драгоценные камни и металлы, которым человек придает особый блеск своим искусством, нельзя и сравнивать с этими живыми самоцветными камнями. Этим маленьким птичкам следует решительно считать образцовыми произведениями природы. Она наградила их всеми своими дарами, между тем как раздала их только поодиночке прочим птицам. На долю этой крошечной любимицы досталось все: легкость, быстрота, ловкость, прелесть движений и богатый наряд. Оперение ее блестит изумрудами, яхонтами, топазами, и она никогда не пачкает его земною пылью, так как в течение всей своей вполне эфирной жизни разве только случайно касается земли. Она постоянно носится по воздуху, перелетает от цветка к цветку и, питаясь их соками, соперничает с ними в блеске и свежести красок. Колибри живут только в тех странах, где растения цветут весь год, и те виды этого семейства, которые летом залетают в умеренный пояс, остаются там очень недолго. Они, по видимому, летят за солнцем, подвигаясь с ним на север и на юг и на крыльях зефира следуя за вечно возобновляющейся весной».

Так со свойственным ему красноречием пишет Бюфон; однако и все последующие натуралисты, даже самые серьезные, вместе с ним восхищаются этими прелестными птицами. «Каждый остановится, — говорит Одюбон, — пораженный восхищением, увидев одно из этих маленьких чудных созданий, когда оно, шурша крыльями, прорезывает воздух, поддерживается на нем как бы с помощью магической силы или перелетает с цветка на цветок, сверкая, как кусок радуги, столь же прелестное, как и это световое явление». — «Колибри, — сообщает Уатертон, — может быть назван настоящей райской птицей: он носится по воздуху с быстротой мысли, то он на расстоянии руки от человеческого лица, то через мгновение исчезает и вдруг снова появляется и порхает от одного цветка к другому. Иногда он похож на рубин, иногда на топаз, затем блещет изумрудом или сверкает как полированное золото». — «На всем земном шаре, — говорит Бурмейстер, — нет семейства птиц, которое по красоте оперения, стройности телосложения и разнообразию видов могло бы сравниться хотя в некотором отношении с этой замечательной и разнообразной группой американских птиц. Нужно наблюдать эти чудные существа живыми в их отечестве, чтобы вполне понять всю прелесть этих созданий».

Величина колибри колеблется в довольно больших границах, так как некоторые из них ростом с маленькую мухоловку, а другие не больше шмеля. Туловище по большей части вытянутое или по крайней мере кажется таковым, так как хвост почти всегда длинный; у тех же видов, которые имеют мало развитой хвост,

тотчас же бросается в глаза плотное и сильное телосложение. Клюв у них шиловидный, тонкий, длинный, на конце заостренный, прямой или слегка согнутый, иногда такой же длины, как голова, иногда длиннее, иногда по длине равняется туловищу, а изредка еще длиннее его. Ножки колибри необыкновенно малы и нежны. Плюсна иногда оперена, но оперение это мало заметно, так плотно прилегает оно к телу. Пальцы или совершенно отдельные, или у основания соединены перепонками; они покрыты короткими щитками; когти чрезвычайно остры, тонки и почти такой же длины, или же длиннее самих пальцев.

Орлиноклювый
колибри
(*Eutoxeres aquila*)

Крылья очень длинные, большей частью узкие и слегка согнуты в виде серпа. Первое маховое перо всегда длиннее других, ствол его толще, чем у других перьев, и еще замечателен тем, что нижняя часть его, по крайней мере у некоторых видов, очень расширена. В кистевой части крыла бывает 9, чаще 10 маховых перьев, а на локтевой всего 6. Хвост состоит всегда из 10 перьев, но форма его очень разнообразна. Многие виды имеют виллообразный хвост, и наружные перья гораздо длиннее средних, у некоторых видов превосходят их в шесть раз или еще более; у других наружные перья только немного длиннее средних. Часто случается, что рулевые перья совсем плохо развиты, так что скорее могут быть названы иглами, а не перьями. Нередко замечается, что хотя хвост виллообразный, но наружные перья закруглены и кончики их образуют дуги. У некоторых, наконец, хвост просто закруглен, и тогда средние перья самые длинные. Оперение довольно твердое и в сравнении с величи-

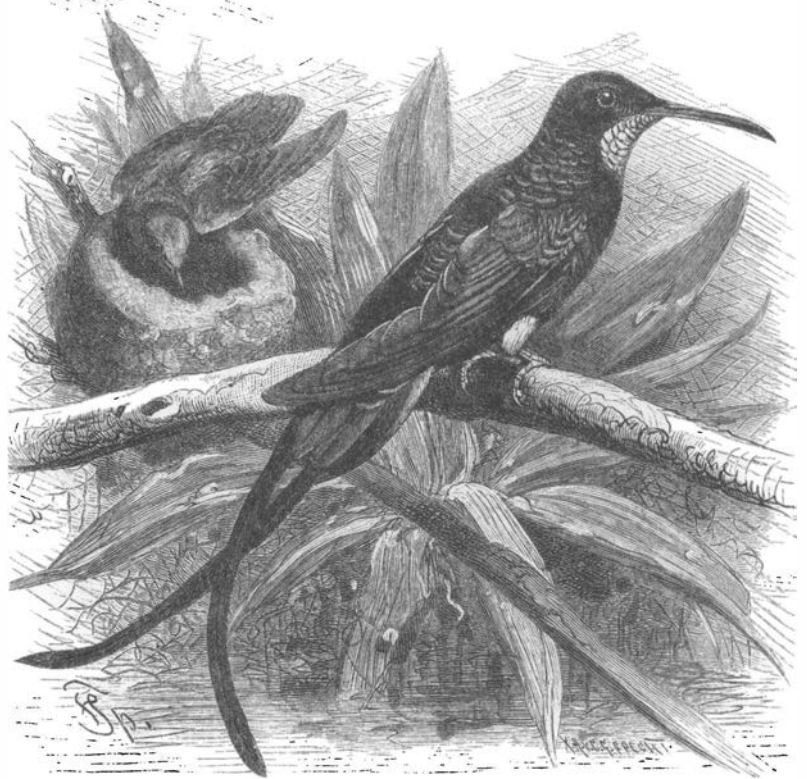
ною птицы очень густое; в нем почти не замечается пушистых перьев, и оно не прикрывает все тело равномерно, а в некоторых местах перья удлинены. Так, например, у некоторых колибри бывают на голове большие или маленькие хохолки, у других перья на шее образуют воротник или под нижней челюстью нечто вроде бороды. Глаза всегда окружены довольно широким голым колечком. На краях век вместо ресниц растут маленькие чешуевидные перышки. Оперение бывает различным по возрастам и полам, причем различие это замечается не только в окраске, но и в особых украшающих перьях.

* Сейчас систематики выделяют 112—116 родов и 312—320 видов колибри.

Мы в настоящее время еще слишком мало знакомы с образом жизни колибри, чтобы указать на различия, существующие в этом отношении между отдельными видами этих птиц. Все составленные до сих пор жизнеописания относятся более или менее ко всем колибри вообще. Я постараюсь здесь вкратце изложить все известное мне об этих птицах, но считаю нужным сначала несколько подробнее описать главные виды. Напрасно было бы стараться дать читателям достаточно полное понятие о богатстве форм этого семейства птиц. Недостаток места поневоле принуждает меня к известной краткости, и поэтому совершенно все равно, опишу ли я много или мало отдельных колибри, которых делают теперь на 70 родов и около 400 видов*. Кто желает более подробно познакомиться с колибри, тот должен взяться за изучение специального сочинения о них Гульда или подробной немецкой зоологии Рейхенбаха. В первом из этих сочинений все виды не только изображены, но и описаны, а во втором можно найти по крайней мере изображения большинства этих красивых птичек.

Общепонятное разделение колибри на группы и роды довольно затруднительно. Это происходит не только из-за огромного количества видов и недостаточного знакомства с ними, но также вследствие малого роста этих птиц, который препятствует точному определению различий, зависящих от возраста и пола.

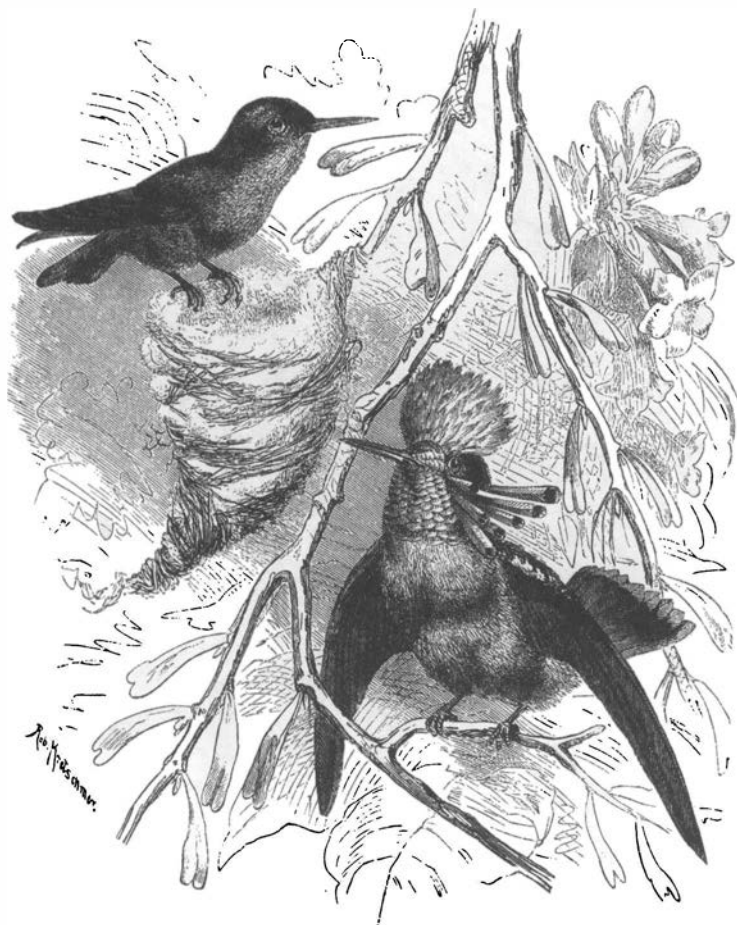
Орлиноклювый колибри (*Eutoxeres aquila*) и его родичи отличаются главным образом серпообразно изогнутым, довольно толстым клювом и клинообразным хвостом. Описываемый вид на верхней части тела имеет зеленую окраску, а снизу буровато-черную. На горле замечаются темные серовато-желтые продольные пятнышки, на груди беловатые; верхняя часть головы и маленький хохолок буровато-черные, на задней части головы и на надхвостье перья имеют коричневую каемку; маховые перья пурпурово-бурого цвета; последние малые маховые перья с белыми пятнами на конце, рулевые перья блестяще-темно-зеленого цвета, концы их белые, а самые кончики черноватые. Белая каемка хво-

Топазовый колибри
(*Topaza pella*)

ста к сторонам делается шире. Верхняя часть клюва черная, нижняя почти до конца желтоватая. Птица эта живет в Боготе (Колумбия).

Один из самых великолепных видов колибри — **андская горная звезда** (*Oreotrochilus chimborazo*). У самца голова и горло блестяще-фиолетово-голубого цвета, спина серовато-оливково-бурая, брюшко белое, а по сторонам светло-бурое. Посередине горлового щитка находится удлиненное треугольное пятно металлически-зеленого цвета, которое отделяется от белого брюшка бархатистой черной полосой. Маховые перья пурпурово-бурые, средние рулевые темно-зеленые, у прочих рулевых перьев наружная часть опахла зеленовато-черная, а внутренняя часть белая; клюв и ноги черные. Самка сверху оливково-зеленого цвета, внизу оливково-бурого, перья здесь имеют светлые каемки, и потому оперение брюшка кажется волнисто испещренным. Грудь у самки белая, но кончик каждого пера светло-бурый. Средние рулевые перья блестящего темно-зеленого цвета, прочие светло-зеленовато-бурые, а у основания белые. Три наружных рулевых пера с каждой стороны имеют по белому пятну на конце внутреннего опахла. Длина тела 12,5 см, хвоста 6 см. Птицу эту встречали только на Чимборасе, на высоте от 4000—5000 метров. Родственные виды живут на других вершинах Анд.

Великолепный эльф
(*Lophornis ornata*)

чать со всеми другими колибри. Темя и полоса, окружающая горло, бархатисто-черные, туловище медно-красное, переходящее в гранатово-красное с золотистым отливом; горло золотистое, при одном освещении отливающее смарагдово-зеленым, при другом — топазово-желтым цветом. Хвостовые покровные перья зеленые, маховые перья красновато-коричневые, внутренние ржавого цвета, средние рулевые перья зеленые, следующие за ними, которые на 8 см длиннее их, каштановые, а наружные — красновато-коричневые. Самка в главных частях зеленая с красноватым горлом, ее окраска менее блестящая, чем окраска сам-

Топазовый колибри
(*Toraza pella*) по великолению своего оперения может соперни-

ца. Длина этого колибри, вследствие выступающих хвостовых перьев, больше 20 см.

Топазовый колибри, кажется, населяет одну только Гвиану*, живет он на тенистых берегах рек. Второй, очень похожий вид живет в верховьях Амазонки.

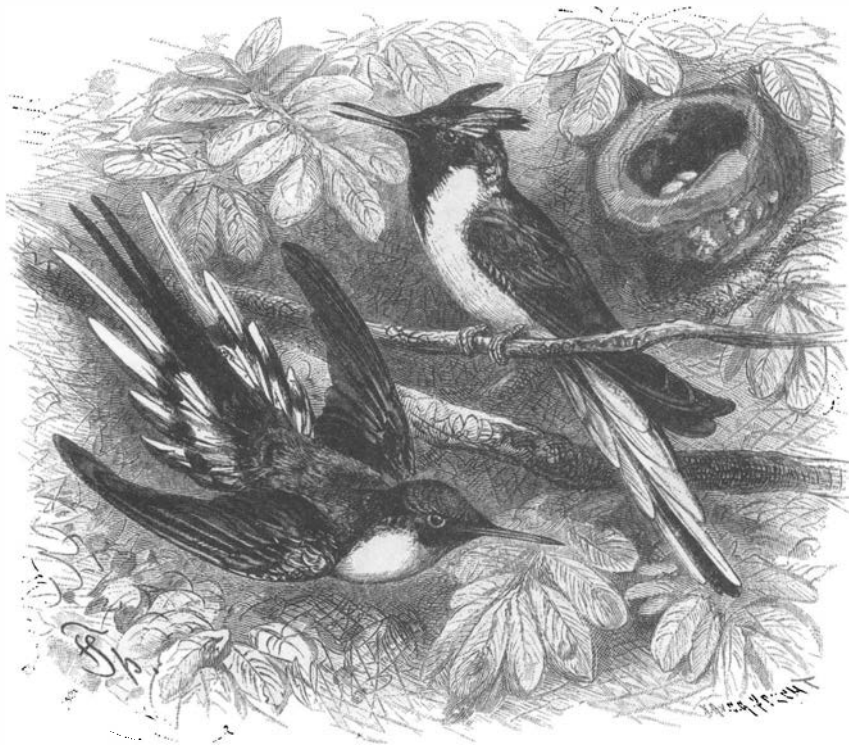
Самый известный относящийся сюда вид — **черноухий колибри-фея**, или **ушастый колибри** (*Heliothrix aurita*). Спина и бока у него ярко-зеленого цвета, у взрослых птиц с золотым отливом, маховые перья черновато-серые с фиолетовым отливом; нижняя часть тела чисто белого цвета, три наружных рулевых пера с каждой стороны также белые, средние же рулевые перья блестящего синевато-стального цвета. Под глазами начинается бархатисто-черная полоса, которая, направляясь назад, расширяется и на конце образует каемку синевато-стального цвета. У самца хвост очень длинный и наружные перья его значительно короче других. Самка отличается коротким, широким и на конце округленным хвостом, все перья которого одинаковой длины. Длина тела у самца 15 см, у самки 11 см, длина хвоста у самца 6,5 см, у самки 2,8 см.

По словам принца фон Вид, черноухий колибри в Бразилии довольно редок, а, по Бурмейстеру, он встречается по всей лесной береговой полосе восточной части Южной Америки на юг до Рио-де-Жанейро. В Гвиане он заменяется очень сходным видом; прочие виды живут на западе Южной Америки**.

Который из видов самый красивый — трудно сказать: они все прелестны. Для описания я выберу **великолепного эльфа** (*Lophornis ornata*). Туловище этого колибри покрыто бронзово-зелеными перьями, удлиненные перышки хохолка красновато-коричневые; по задней части спины проходит узкая белая полоса; передняя часть головы около клюва зеленая с сильным металлическим блеском. Перья воротника, которые постепенно увеличиваются кверху, светло-красно-бурого цвета с блестящими зелеными кончиками. Маховые перья имеют темно-пурпурово-ко-

Семейство колибри

* Топазовый колибри найден также в Эквадоре, Венесуэле и на востоке Бразилии.

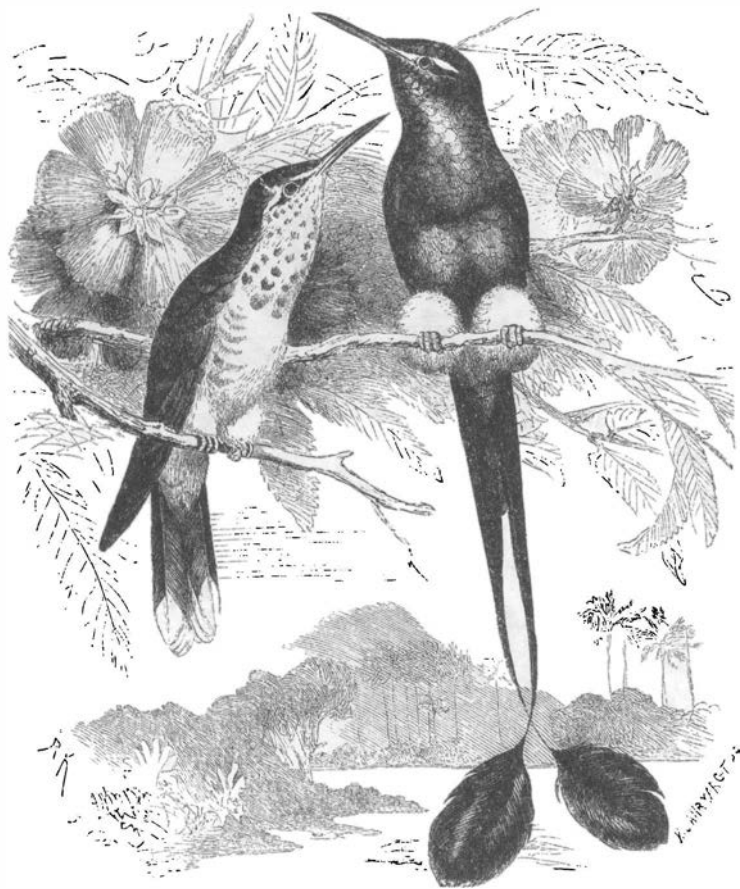

Рогатый колибри
(*Heliactin cornuta*)

** Сейчас в этом роде выделяют всего 2 вида. Описанный в тексте черноухий колибри заселяет бассейн Амазонки.

ричневую окраску, рулевые перья — темно-красно-бурую. Клюв мясного красного цвета с бурым кончиком. У самки все цвета более тусклые и вовсе нет хохолка, воротника и блестящего пятна около клюва.

Рогатый колибри (*Heliactin cornuta*) медно-зеленого, не очень блестящего цвета; верхняя часть головы синевато-стального; надглазные лопасти многоцветные и переходят снаружи внутрь от фиолетового в зеленый, желтый, оранжевый и красный цвет. Горло и передняя часть шеи и щеки бархатисто-черного цвета; нижняя часть шеи, брюшко, гузка и боковые рулевые перья белые; маховые перья серые. У самки нет надглазных лопастей и шейного щитка. Горло у нее ржаво-желтое; на наружных белых рулевых перьях проходит около середины черная полоса. Клюв черный. Длина тела 12 см, длина крыла 5,3 см, а хвоста 5—6 см. По словам Бурмейстера, этот красивый колибри очень обыкновенен в травянистых степях внутренних частей провинции Минас-Жерайс (Бразилия).

**Знаменщик
Ундервида**
(*Ocreatus underwoodi*)

* Этот вид живет в
Андах.

нами. Нижние кроющие перья хвоста буроватые, рулевые перья почти одинаковой длины и имеют на конце белые пятна. Эта красивая птица встречается в северной части Южной Америки от Бразилии до Венесуэлы и живет здесь как на берегах моря, так и на горах до 2000 метров высоты*.

Колибри-сафо (*Sappho sparganura*) на верхней стороне тела карминово-красного цвета, голова и нижняя часть тела зеленая с металлическим отливом, горло светло-зеленое, очень яркое, задняя часть брюшка светло-бурая. Маховые перья пурпурово-коричневые, рулевые коричневые, у основания ярко оранжево-крас-

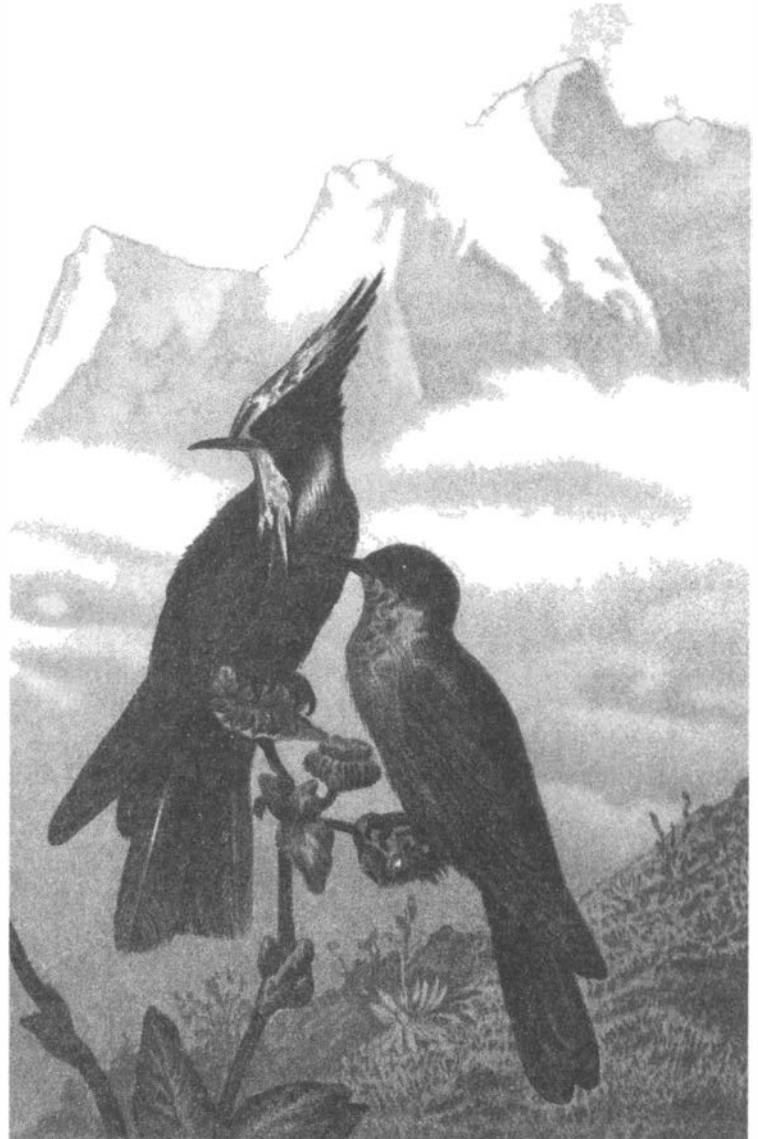
ные, а кончики темно черно-бурые. Самка сверху зеленая, снизу также зеленая с серыми пятнами; хвост у нее короче и перья его бледно-красные. Колибри этот живет в Боливии.

Исполинский колибри (*Patagona gigas*) по величине примерно равен нашему стрижу. Верхняя часть тела бледно-бурая с зеленым отливом, нижняя красновато-бурая, надхвостье серовато-желтое; голова, передняя часть груди и спина покрыты темными тонкими волнистыми полосками. Маховые перья темно-бурые, рулевые имеют ту же окраску, но с зеленым отливом; длина тела 21 см. Этот довольно заметный колибри живет в большей части западных стран Южной Америки*; на крайнем юге этой части света он представляет собой перелетную птицу, которая в известное время года появляется, а затем улетает. Его встречали на высотах 4000—5000 м над поверхностью моря.

Колибри-мечеклюв (*Ensifera ensifera*) имеет самый большой клюв среди всех колибри, и потому его трудно смешать с другими птичками этого семейства. Длина клюва равняется длине туловища, он слегка загнут вверх, перед концом несколько утолщен, крылья относительно короткие и широкие, хвост средней длины и с вырезкой сзади. Оперение на верхней стороне зеленого цвета, голова медно-красная, нижняя сторона тела, горло и середина спины бронзово-зеленого цвета, бока ярко-светло-зеленые, за каждым глазом маленькое белое пятно. Маховые перья пурпурово-коричневого цвета, рулевые темно-бурые с металлическим блеском. Клюв черно-бурого цвета, ноги желтовато-бурые. Длина тела 22 см, из которых на клюв приходится 10 см, длина крыльев 8 см, хвоста 6 см. Самка на верхней стороне более бледного цвета, на нижней стороне белого с бурыми пятнами. Слабый металлический блеск замечается только на боках; длина ее 17 см, клюв 8 см. Мечеклюв водится в горных странах Венесуэлы и Квито. Геринг находил эту птицу в Венесуэле

Семейство колибри

* Обитает в основном в Андах, от Эквадора до Чили и запада Аргентины.

Колибри-сафо
(*Sappho sparganura*)

Семейство колибри

* Речь идет об обыкновенном, или рубиновогорлом колибри (*Archilochus colibri*).

Исполинский колибри (*Patagona gigas*)

на высотах от 2000—3000 метров над поверхностью моря, на кустах, растущих под деревьями больших лесов.

Колибри живут только в Америке и более других птиц характерны для этой части света. Они встречаются здесь везде, где только могут расти цветы, от Ситки до мыса Горн. Североамериканский вид колибри встречается на востоке даже на Лабрадоре*; западный североамериканский вид — **рыжегорлый колибри**, или **рыжий селасфорус** (*Selasphorus rufus*) появляется на берегах реки Колумбии и проникает даже до реки Фрейзер и пролива Хуан-де-Фука. Эти, по-видимому, слабые птички встречаются даже на Огненной Земле. Колибри распространяются в Америке не только по всем широтам, но поднимаются и высоко в горы: в Андах они порхают около самой границы вечных снегов, в поясе, расположенном между 4000 и 5000 м над поверхностью моря; они посещают кратеры действующих и потухших вулканов, куда едва ли проникает другое позвоночное животное. Смелые натуралисты, забравшиеся на высокие горы для научных исследований, находили колибри, высиживающих яйца, на таких высотах, где снежные бури сильно затрудняли восхождение и где, по мнению натуралиста, могли встречаться только кондоры.

Вообще следует предположить, что каждая страна и каждая местность имеет свои виды колибри. Горные колибри, живущие на высотах, почти никогда

их не покидают и только в случае очень дурной погоды спускаются до высоты 900—1200 м; те же виды, которые обыкновенно встречаются в жарких долинах, где почти никогда ветер не охлаждает воздуха, ни в каком случае не поднимаются на высоты. Однако не только отдельные горы и долины, но многие леса и степи, а иногда даже еще более ограниченные местности имеют свои виды колибри.

Уже из различного строения клюва колибри можно заключить, что почти каждый вид колибри обыскивает только определенные цветы и из других себе добычи достать не может. Впрочем, некоторые виды не очень разборчивы.

Вследствие зависимости колибри от флоры оказывается, что тропические страны Америки особенно богаты ими. По Валласу, 275 живут в экваториальных странах Южной Америки, 100 (отчасти те же виды) в тропических странах Северной Америки. Однако ошибочно было бы предполагать, что колибри предпочитают леса низменностей, где растительная жизнь достигает своего высшего развития. Удивительные цветы этих лесов, без сомнения, не пренебрегаются ими, напротив, по крайней мере в известное время года колибри порхают над ними и тщательно обыскивают их, но количество видов этих птичек зависит не от обилия цветов, а от их разнообразия. Согласно последним исследованиям, следует принять, что самое большое число видов колибри встречается в гористых странах южной и средней Америки.

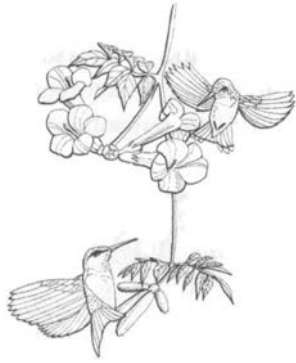
Особенно благоприятной страной для колибри, по-видимому, является Мексика: она служит отечеством более чем пятой части всех до сих пор известных видов этих птиц, и можно предсказать, что, когда эта мало исследованная страна будет лучше известна, там будет найдено еще несколько новых видов колибри*. Мексика соединяет все благоприятные условия для такого разнообра-

*Колибри-мечеклюв
(Ensifera ensifera)*

зия форм; она включает в себе все возможные климатические условия, так как в ней находятся высокие горы, на различных высотах которых можно постоянно найти климат, соответствующий всем временам года и всем поясам. Наблюдатель, посещающий эту чудную страну, постоянно окружен порхающими блестящими колибри. Он находит их как в жарких равнинах, так и на снежных высотах, где большое обилие влаги обуславливает появление роскошной тропической растительности, в тех местах, где выжженная солнцем пустыня производит лишь один кактус, и даже там, где еще лежит не вполне остывшая лава, вытекшая из кратера вулкана. «Они украшают, — говорит Гульд, — своей неподражаемой роскошью оперения трещины вулканических по-

* На самом деле предположения Брема неверны. В Мексике обитает примерно 60 видов колибри, тогда как в экваториальной зоне Южной Америки — более 160.

род, оживляют страны, куда люди никогда не заглядывают, они придают некоторую жизнь холодной пустыне». Однако любимым местопребыванием колибри во всяком случае остаются луга со множеством цветов, цветущие кусты прерий и сады. Здесь можно видеть, как они носятся над растениями, порхая с цветка на цветок, и ищут в них добычу с пчелами и бабочками, высасывающими сладкий сок из цветов.

Еще с точностью неизвестно, можно ли считать вполне оседлыми птицами тех колибри, которые не предпринимают дальних перелетов. Можно предположить, что ни один вид не живет постоянно весь год в одной местности; все они перелетают с места на место, смотря по времени года, а главным образом по времени цветения различных растений, так что, кроме периода гнездования, они постоянно странствуют. Все наблюдатели, которые долго жили в одном месте, единогласно подтверждают, что отдельные виды колибри они видали лишь в известные времена года. По всей вероятности, все колибри более или менее странствуют с места на место. Птицы, живущие на высотах, в известное время года принуждены спускаться в долины для приискания добычи, а те, которые живут в местах, где царствует вечная весна, т.е. растительность постоянно обновляется и весь год можно найти цветы, все-таки кочуют с места на место, смотря по тому, где больше цветущих растений.

Эти перемещения, однако, не могут называться настоящими перелетами. Регулярно перелетают только те виды, которые живут в северном и южном умеренном поясе. Они появляются там, как у нас ласточки, остаются все лето, устраивают гнезда, высиживают детенышей и при наступлении холодного времени года улетают снова в теплые страны.

Если хочешь изучить жизнь этих птичек, то прежде всего надо познакомиться с их полетом: он, так сказать, определяет всю жизнь их и вполне характеризует колибри. Ни одна птица не летает так, как они, и, следовательно, их по полету нельзя и сравнивать с другими птицами. «Пока я их сам не видал, — говорит Соссюр, — я не мог себе представить, чтобы птица могла так быстро двигать крыльями, как это делают колибри. Они носятся по воздуху, то подвигаясь вперед с быстротою молнии, то держась на одном месте. Полет их двоякого рода: во-первых, движение вперед с быстротой стрелы, а во-вторых, парение на одном месте. Понятно, что последнее движение требует наибольшего напряжения сил, потому что колибри, чтобы удержаться в равновесии, должен с одинаковой силой двигать крыльями как вверх, так и вниз. Движение это так быстро, что крылья, наконец, делаются совсем незаметными».

Все другие наблюдатели описывают полет колибри подобным же образом. «Как удивительна, — говорит Гульд, — должна быть организация этих птичек, дающая им возможность произ-

водить и так долго продолжать дрожательное движение их крылышек! Полагаю, что нельзя сравнивать это движение ни с чем другим, что я до сих пор видал, и оно мне казалось скорей всего похожим на физический аппарат с заведенной пружиной. Эта особенность полета произвела на меня особенно сильное впечатление, так как я ожидал совершенно другого. Птица эта не махает плавно крыльями, как ласточка или стриж, но постоянно трепещет ими с удивительной быстротой, когда перелетает с цветка на цветок или проносится по воздуху на большое расстояние над деревьями или над рекой. Когда колибри останавливается около какого-нибудь предмета, то движения крыльев его так быстры, что глаз не может уследить за их движениями, и по сторонам тела птички видишь только туманный полукруг».

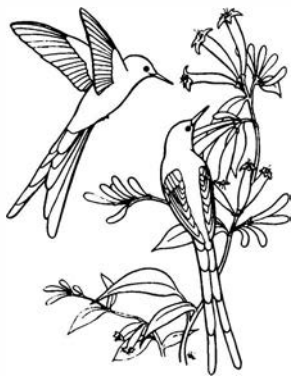
По существующим описаниям нельзя себе составить ясного понятия о направлении полета колибри и о тех фигурах, которые он описывает в воздухе. Быстрота движений так значительна и туловище колибри так мало, что наблюдения делаются почти невозможными. Одюбон утверждает, что североамериканские колибри прорезают воздух волнообразной линией, иногда поднимаются вверх, образуя угол около 40° , а затем спускаются снова по дуге; но при этом он добавляет, что совершенно невозможно следить за летящей птицей более 50—60 м, даже вооружившись хорошим биноклем.

Глядя на них, беспрестанно приходит мысль рассматривать колибри как оперенную бабочку, и это следует понимать не в переносном, а в прямом смысле. «При первых моих шагах на равнинах острова Ямайки, — говорит Соссюр, — я заметил земное насекомое, которое быстро полетело к кусту и стало летать с одной ветви на другую. Я был поражен той необыкновенной ловкостью, с которой это животное увертывалось от моей сетки, но удивление мое еще увеличилось, когда, поймавши его, я заметил, что это вовсе не насекомое, а птица. На самом деле, как внешний вид, так и движения и образ жизни колибри совершенно такие же, как у насекомых». Другие наблюдатели точно так же ошибались, как и Соссюр. Гульд долго убеждал одного господина, побывавшего в Америке, что он в Англии видит перед собой бабочку, а не колибри, а Бэтс уверяет, что ему только после продолжительного рассматривания удалось отличить от колибри бабочку титания, которая водится около Амазонки. Индейцы и негры, и даже некоторые белые считают титанию и колибри за одно и то же животное: они видели превращение гусеницы в бабочку и из этого выводят, что и бабочка может легко превратиться в птичку.

Но удивительнее всего то, что сами колибри в некоторых бабочках видят себе соперников. По наблюдениям Соссюра, колибри устраивают настоящие бои с бабочками, преследуют их с цветка на цветок, бросаются на них, чтобы прогнать, и часто раз-

Семейство колибри

рывают им крылья. Нападения эти происходят, очевидно, из зависти, из-за жадности над кормом, но очень характерны как для преследователей, так и для преследуемых. Некоторые наблюдатели полагают, что внешние чувства и душевные способности колибри почти такие же, как у бабочек, но при этом, несомненно, их обманывает невинное выражение глаз колибри и доверчивость этих птиц. Необыкновенная ловкость и быстрота движений придают колибри такую уверенность, которая в высшей степени поражает наблюдателя. «Пока наблюдатель остается спокойным, — говорит Бурмейстер, — до тех пор и колибри смотрит на него светлыми глазками и выказывает большое спокойствие, но как только пошевелинешься, птичка тотчас же исчезает».

Когда эти птички устанут от продолжительного полета, то отыскивают себе на деревьях подходящее место для отдохновения. Для этого они предпочитают тонкие сухие веточки или такие, на которых нет листьев на протяжении нескольких сантиметров; к подобным веткам они постоянно возвращаются и так регулярно их посещают, что, по словам Гундлаха, удобнее всего остановиться вблизи подобного места, чтобы наблюдать колибри.

Земля для них точно так же чужда, как и для ласточек: здесь они совершенно беспомощны, так как ходить не могут. Несмотря на это, колибри садятся на землю, например, когда они слетают вниз напиться.

По давно сложившемуся мнению, ни один колибри не может петь. Это, по-видимому, верно, однако существует целый ряд наблюдений, которые утверждают противное. Принц фон Вид говорит, что голос колибри состоит из едва заметных тихих звуков, а в другом месте упоминает, что он слышал у колибри громкий, но короткий призывный звук. Бурмейстер с своей стороны замечает: «Колибри нельзя назвать немыми птицами; когда они садятся на какую-нибудь сухую ветку и там некоторое время отдыхают, то иногда бывает слышен их слабый чирикающий голос. Я часто слышал их и наблюдал птичек, сидящих надо мною в тени между листьями: при издании звука они на мгновение раскрывали клюв и высовывали тонкий расщепленный язык на три сантиметра изо рта». Большинство других наблюдателей говорят только о грубых и резких звуках, которые могут быть переданы как «тир-тир-тир» или «цок-цок-цок».

Внешние чувства колибри развиты хорошо и довольно равномерно. Все наблюдатели согласны в том, что зрение у колибри очень острое. Это можно заметить по их движениям во время полета, особенно когда видишь, как они хватают на лету совсем маленьких, для нашего глаза невидимых насекомых. Также можно предположить, что слух у них развит не хуже, чем у других птиц, хотя точных наблюдений об этом пока не существует. Чувство осязания, наверно, развито очень хорошо, так как без него этим птицам невозможно бы было доставать себе пищу из глубоких

венчиков цветов. «Колибри не знают, — говорит очень верно Бурмейстер, — заключает ли цветок что-либо годное для них; поэтому они, порхая, парят над ним, всовывают свой язычок в глубину венчика и постоянным движением крыльев удерживаются в этом положении, пока основательно не исследуют один цветок за другим». Язык при этом производит почти такую же работу, как у дятлов: он исследует все скрытые уголки, недоступные для других внешних чувств. Тонкое осязание тотчас же замечает добычу и указывает языку, что следует схватить. Развитие вкуса доказывается тем, что все колибри любят сладкое. Об обонянии нельзя сказать ничего определенного, но мы имеем право предположить, что и это чувство не очень слабое.

Наблюдения над этими маленьким птичками труднее, чем над другими, и потому мнения натуралистов довольно разноречивы. Пока колибри двигаются на свободе, познакомиться с ними можно лишь поверхностно. Порывистость и быстрота их движений, беспокойный живой нрав, незначительная величина и большое число экземпляров значительно затрудняют наблюдения. Однако можно легко убедиться, что колибри очень хорошо умеют отличать друзей от врагов, полезное от вредного, а также что они делаются более доверчивыми, когда их не беспокоят, и, напротив, пугливыми и осторожными при преследовании. В большинстве случаев они выказывают доверчивость, которая часто им приносит вред, но это происходит вследствие их необыкновенной ловкости и уверенности во всех своих движениях. Они, если можно так выразиться, убеждены в том, что могут вовремя избежать всякой опасности, и если дело касается их естественных врагов, то эта уверенность вполне основательна. Слишком большое доверие к человеку, конечно, часто их обманывает, а потому они и делаются нередко жертвами своей излишней смелости.

Прежде чем перейти к описанию их образа жизни, необходимо разъяснить вопрос о пище колибри, потому что именно пища, как уже несколько раз было сказано, в значительной степени влияет на него. Прежде думали, что колибри питается сладким соком цветов или по крайней мере что этот сок составляет главную часть их пищи. «Совершенно естественно, — говорит принц фон Вид, — что при описании путешествий мы часто находим известия об этих маленьких птичках, отличающихся столь привлекательными свойствами, но странно, что до сих пор многие важные сведения о жизни колибри погружены были для нас в какой-то полумрак. К этим неразъясненным вопросам относится и питание их». Понятно, что этим милым созданиям, которые опускают свой длинный тонкий клюв в глубокие венчики цветов, приписывали и пищу, состоящую из сладкого цветочного меда. Так как считали, что их длинный язык имеет вид трубочки, то предполагали, что колибри высасывают им сладкий сок из цветов, о чем и до сих пор читаешь во многих сочинениях. Азара, в других

Семейство колибри

случаях очень добросовестный натуралист, сам не наблюдал этой важной части их образа жизни и потому остался при прежнем ошибочном мнении о питании колибри. Он имел полную возможность делать точные наблюдения по этому вопросу, но его можно упрекнуть в том, что он довольствовался изучением внешнего вида этих птичек; в противном же случае он, без сомнения, вернее бы обсудил вопрос об их пище. Некоторые другие исследователи заметили ошибку, допущенную старыми натуралистами, и между ними прежде всего следует назвать Бадье, который первый указал на то, что колибри питаются насекомыми.

Этот натуралист еще в 1778 году писал, что для него совершенно понятно, почему все колибри, которых кормили сахарной водой и сиропом, в скором времени околевали, так как они только случайно проглатывают медовый сок из цветов, а в действительности питаются очень маленькими жучками, которые держатся на дне венчика и едят находящийся там мед. Он убивал и анатомировал различных колибри и у всех находил в желудке остатки жуков и пауков. Двух колибри он содержал в неволе и в течение шести недель кормил патокой и мелко толчеными сухарями; но они делались все слабее и скоро умерли, а при исследовании оказалось, что в их пустых кишках находился кристаллический сахар. Брандес около того же времени переводил естественноисторическое описание Чили, составленное Молиной, и пришел к тому же убеждению, что и Бадье.

Более подробные сведения сообщил Вильсон в 1810 году. «До сих пор предполагали, — говорит он, — что колибри питаются сладким соком растений, и только один или два наблюдателя заметили, что они находили кусочки насекомых в желудке этих птиц, причем появление их объясняли случайностью. Вследствие трудности наблюдения и анатомирования колибри для европейцев мнение это сделалось всеобщим. Я, со своей стороны, могу говорить об этом вопросе с некоторой уверенностью. В прекрасные летние вечера мне случалось видеть, как колибри по получасу гонялись за мелкими, носящимися в воздухе насекомыми, как это делают у нас мухоловки, но с такой ловкостью в полете, которая далеко превосходит наших отечественных птиц. Я анатомировал большое количество этих птичек и рассматривал содержимое их желудка в увеличительное стекло, и в трех случаях из четырех находил, что это содержимое состояло из мелких кусочков насекомых, причем часто случалось находить очень маленьких жучков целиком. Наблюдения моих друзей вполне согласуются с моими. Все знают очень хорошо, что колибри особенно любят большие цветы, похожие на колокольчики, но именно эти цветы и служат местопребыванием мелких насекомых». Буллок (1825) вполне согласен с мнением Вильсона.

Из новейших наблюдателей об этом предмете подробно сообщают Госсе и Бурмейстер. «Колибри питаются, — говорит пер-

вый из них (1847), — как я убедился из собственных наблюдений, почти исключительно насекомыми. Я допускаю, что они вместе с тем пьют и сладкий сок цветов, и знаю, что в неволе их можно некоторое время продержат, кормя медом и сахаром; но что они могут довольствоваться исключительно этой пищей и сохранить при этом свою силу, я решительно сомневаюсь».

Я намеренно привел выписки из сочинений хороших натуралистов по вопросу о пище колибри, но должен заметить, что одно сообщение из вышесказанного требует еще подтверждения. Теперь едва ли кто может поверить, что колибри высасывают сок из цветов, но нижеследующее сведение, приводимое Бурмейстером, возбуждает новый вопрос. Этот натуралист, как при описании своего путешествия, так и в систематическом изображении фауны Бразилии положительно утверждает, что колибри никогда не ловят насекомых на лету. Он соглашается с Буллоком относительно того, что колибри хватают пауков, но с большой уверенностью отрицает справедливость согласных между собой мнений вышеназванных натуралистов, с сочинениями которых он, без сомнения, знаком. «Я сам видал, — говорит он, — как колибри схватывают маленьких мух с паутин, паря над ними точно так, как и над цветами, и мог ясно рассмотреть, как птичка, то подвигаясь к паутине, то отдаляясь от нее, выклевывала одну муху за другой. Пауки редко мешают птицам в этом занятии и даже прячутся, так как, если они неосторожно покажутся, то колибри не задумается и их схватить, особенно маленьких».

Питание колибри насекомыми, таким образом, вполне доказано, и в этом теперь никто не может сомневаться. Но колибри никогда не ловят насекомых на лету, и именно вследствие того, что они не могут этого делать, они принуждены вытаскивать их из венчиков цветов. При этом попадает к ним на язык и мед, но это, без сомнения, только приправа, а не главная цель их поисков языком на дне цветков. Следовательно, поэтическое выражение, что колибри целует цветы, не вполне справедливо. Колибри не довольствуется поцелуем, а в цветах ищет и пропитания. Почему эти маленькие птички не ловят свою добычу на лету, как это делают многие наши пташки, легко объяснить, если сравнить тонкий, длинный, с узким отверстием клюв колибри с широким коротким клювом ласточки. Все птицы, которые ловят насекомых на лету, имеют короткий, плоский клюв, широкий зев и длинные щетинки у углов рта. Мы замечаем, что признаки эти находятся в прямом отношении с величиной добычи и ловкостью, с которой птицы хватают ее. Поэтому птица, у которой, как у колибри, клюв имеет признаки совершенно противоположные трем вышеназванным, не может ловить насекомых на лету: она должна их вытаскивать из щелей древесных стволов, как это делают дятлы, или хватать со дна цветов, как это мы замечаем у колибри. В обоих случаях необходим длинный язык, который у дятлов при-

Семейство колибри

креплен к длинным нитевидным отросткам язычной кости, и у колибри имеет почти такое же строение». Из этих слов Бурмейстера ясно видно, что он не наблюдал, как колибри ловит насекомых на лету, но ничего другого из его сообщения вывести нельзя. Вильсон, Одюбон и Госсэ слишком хорошие наблюдатели, чтобы можно было сомневаться в достоверности сообщаемых ими сведений.

Страна и местность, где живут колибри, растущие там и доставляющие им пищу цветы и другие внешние условия имеют, конечно, большое влияние на образ жизни различных колибри, но и привычки отдельных видов между собой довольно значительно отличаются. Почти все колибри настоящие дневные птицы.

Некоторые путешественники, между ними Спикс и Мартиус, говорят о целых роях колибри, другие же утверждают, что колибри появляются лишь поодиночке. «Я могу из собственного опыта сказать, — говорит принц фон Вид, — что оба эти мнения верны, так как часто мы в течение нескольких минут убивали очень много колибри одного и того же вида около цветущего дерева, хотя обыкновенно они показываются только поодиночке». Штедман рассказывает, что около некоторых деревьев он видел разом такую массу колибри, что слышно было общее жужжание, как от целого роя ос. То же самое рассказывал мне Рэль, который более 20 лет жил в Венесуэле; он, впрочем, замечал, что появление колибри целыми роями происходит только тогда, когда дерево в начале цветения внезапно покрывается большим количеством цветов. Обыкновенно же колибри появляются лишь один за другим, причем каждый экземпляр остается на одном месте очень короткое время.

В сравнении со своей крошечной величиной это в высшей степени раздражительные и гневные создания. Они вовсе не признают своей слабости, но так самоуверенны, смелы и дерзки, что, когда им это кажется необходимым, нападают на других животных. Они бросаются с яростью на маленьких сов, довольно больших соколов и даже с очевидной дерзостью приближаются к человеку. Вблизи своего гнезда они поднимаются в воздух на значительную высоту и оттуда стремительно падают вниз с своеобразным свистом, происходящим от быстрого движения их крыльев. При этом они стараются упасть как можно ближе к предмету, возбудившему их гнев, очевидно желая его напугать. Впрочем, иногда они прямо вступают в драку и пытаются употребить в дело свой длинный и тонкий клюв. Буллок, который также рассказывает об их нападениях на соколов, полагает, что они направляют острый, как игла, клюв на глаза других птиц и этим заставляют тех обратиться в бегство. На самом деле происходит, вероятно, так: сокол в борьбе с ними теряет мужество, потому что, вследствие их быстрых движений, не может их рассмотреть и чувствует относительно их свою беспомощность. В высшей степени интересно, должно быть, видеть, как столь больших птиц обращают в бегство малозаметные карлики.

Кроме времени гнездования, когда колибри храбро нападают на каждое живое существо, приближающееся к их гнезду, птицы эти относятся в высшей степени доверчиво к человеку. Они вовсе не пугливы, позволяют рассмотреть себя вблизи, спокойно летают туда и сюда перед самым лицом наблюдателя и совершенно беззаботны, пока человек стоит спокойно. Госсе говорит, что они очень любопытны и тотчас приближаются к предмету, который привлекает их внимание. Гундлах рассказывает, что они часто обыскивают цветы букета, который дамы держат в руках; Одюбон и после него Бурмейстер сообщают, что колибри часто прилетают в комнаты, привлеченные поставленными там букетами.

Ныне еще не вполне известно, остаются ли пары соединенными в течение всего года или оба пола сходятся только во время гнездования. Выводят они детенышей в различное время, смотря по местности. Те виды, которые перелетны, строят гнезда весной, а те, которые живут в средней Америке, делают это, когда наибольшее число растений находится в цвету. У некоторых видов, по-видимому, гнездование вовсе не связано с известным временем года: Госсе положительно утверждает, что он во все месяцы находил гнезда с яйцами хохлатого колибри. «По моим наблюдениям, — говорит он, — большинство колибри выводят детенышей в июне, между тем как Гиль говорит, что это чаще всего происходит в январе. По всей вероятности, большинство видов кладут яйца два раза в год».

Все виды колибри выют сходные гнезда и кладут лишь по два беловатых, длинных и довольно больших яйца. «Сходство этих маленьких и красивых гнезд так велико, — говорит Бурмейстер, — что я нахожу излишним описывать их в отдельности, хотя каждый вид относительно материала для постройки гнезд имеет свои особенности. Однако различие это следует скорее приписать местным условиям, именно находящимся в данной местности веществам, из которых можно строить гнездо».

Общие признаки всех гнезд примерно следующие: главным материалом для постройки служит растительный хлопок, но далеко не всегда настоящая вата; к этому хлопку примешиваются другие твердые растительные вещества, например древесные лишай, сухие нежные травы и бурые чешуйки папоротников. У некоторых гнезд мы встречаем все эти материалы вместе, а у других только часть из них. Лишай, употребляемые в дело, бывают очень различны, но каждый вид колибри, по-видимому, предпочитает известный сорт лишая другим и только его использует при постройке гнезда. Самым удивительным в этом отношении следует считать постройку одного солнечного колибри, гнездо которого свито из нежных стебельков мха и листьев без всякого хлопка. Гнездо это снизу оканчивается очень вытянутым острием, и для его постройки, между прочим, употребляется красный бразильский лишай; гнездо поэтому получает снаружи очень красивый вид, но что еще

страннее — красящее вещество, заключающееся в лишай, выделяется вследствие теплоты насиживающей птицы и окрашивает даже яички в ярко-пунцовый цвет, что в высшей степени поражает натуралиста, который находит подобное гнездо. Особенно удивительна равномерность и яркость окрашивания этих яичек: на них не заметно ни светлых, ни темных пятен, несмотря на то, что лишай не служит равномерной подстилкой для всей внутренней подстилки гнезда; он, как и у других видов, лишь примешан ко мху и вплетен так, что только один конец входит внутрь, а другой висит снаружи гнезда в виде мягкой лопасти.

Гнезда колибри отличаются не только по постройке, но и по месту, где они устраиваются, и по расположению, причем некоторые виды постоянно строят гнезда на одинаковых местах. Например, гнездо белошейного колибри, которое можно видеть даже в садах предместья Рио-де-Жанейро, устраивается всегда на горизонтальной раздваивающейся ветке. Оно как бы вдвинуто сверху в развилку, так что ветки от него продолжают в горизонтальном или немного наклонном кверху направлении. Я находил много таких гнезд и, как мне кажется, заметил, что птица выбирает дерево с некоторой обдуманностью, причем предпочитает определенные деревья и на других гнезд не строит. Большинство видов, однако, втискивают свое гнездо между отвесно торчащими соломинами или тонкими ветвями. Я собрал несколько таких гнезд, которые расположены между крепкими стеблями различных диких злаков, так что несколько соломинок служит для них подставками.

Шомбургк говорит, что гнездо колибри-топаза обыкновенно расположено на вилообразных разветвлениях деревьев, которые наклоняются над рекой, или на висящих стволах вьющихся растений. «Снаружи гнездо имеет цвет дубленой кожи и построено из массы, похожей на трут. Чтобы яички или птенцы не вывалились из этого гнезда, когда ветер качает тонкие ветви, осторожные родители снабдили гнездо широкой каймой, край которой загнут внутрь». Из наблюдений Сальвина оказывается, что по крайней мере у некоторых видов колибри самец участвует в устройстве гнезда, так как колибри, который на его глазах схватил клоч ваты почти из-под рук, был самец. В большинстве же случаев главную часть работы, по-видимому, исполняет самка; об этом нам повествует Госсе по собственным наблюдениям. Он рассказывает, что при отыскании гнезд и яиц он вдруг услышал шум от полета колибри и увидел самку, которая несла в клюве большое количество растительного хлопка.

Одубон говорит, что из яичек колибри птенцы вылупляются через 10 дней, через неделю становятся довольно большими, но выкармливаются родителями еще в течение одной недели. Сведения это, кажется, не совсем верно: мы знаем от других натуралистов, что детеныши колибри при вылуплении из гнезда бывают голы и слепы и так беспомощны, что едва умеют открывать клюв, чтобы принимать приносимую родителями пищу. По Бурмейсте-

ру, они вылупляются только после 16-дневного насиживания, открывают глаза только через 14 дней и могут летать через 4 недели, а до тех пор остаются в гнезде, которое расширяется матерью по мере того, как детеныши растут*.

Все американцы очень любят колибри за его красоту и миловидность и потому охотятся за ними только тогда, когда об этом просит европеец, собирающий коллекции. В прежних описаниях путешествий и естественноисторических сочинениях говорится, что в них стрелять можно песком или водой. Одюбон пробовал и нашел, что заряд из воды только грязнит ружье, а колибри не убивает. Мельчайшая дробь пригодна для охоты на колибри, но при этом необходимо точно измерить заряд и стрелять на должном расстоянии. В других отношениях охота эта вовсе не трудна и не требует особого искусства. Следует встать под цветущее дерево и в соответствующий момент выстрелить в колибри, который порхает над цветком. Подобным способом можно в течение утра убить их сколько хочешь. Мертвые птички, впрочем, имеют значение только для натуралистов, так как прошли уже те времена, когда знатные мексиканцы украшали свои платья перьями колибри. Впрочем, и теперь в моде украшать дамские шляпы чучелами этих прелестных птичек, а на Всемирной выставке в Париже в 1878 году можно было видеть корсаж дамского бального платья, сшитый из блестящих грудок колибри**.

Кроме человека, колибри, кажется, не имеет других врагов. Едва ли можно предположить, что они часто делаются жертвами хищных птиц или хищных зверей, так как превосходят их в быстроте движений. Птенцы колибри, однако, могут служить добычей лазающих хищников и птиц, которые разоряют гнезда: это видно уже из того, что взрослые колибри с яростью нападают на этих разорителей гнезд. Вообще же следует предположить, что эти живые яхонты чаще всего околевают естественной смертью, что можно заключить из большого числа их, хотя размножаются они не особенно сильно. Прежде много занимались мифическими врагами колибри; рассказывали, например, что большой паук, так называемый птицеяд, ловит колибри в свою паутину и высасывает из них кровь точно так, как у нас крестовик умерщвляет мух. Но наши сведения о жизни колибри заставляют сомневаться в правдоподобии этих рассказов, сообщаемых Сибиллой Мериан и Пализо де Бовуа, хотя нельзя отрицать возможности того, что маленький колибри может запутаться в толстую паутину и быть убитым большим пауком. Однако колибри не так глупы: они очень хорошо знают опасность подобных сетей и не только умеют избегать их, но даже пользуются паутиной для своего питания, как это выше описано Буллоком.

* Установлено, что длительность насиживания у колибри варьирует от 14 до 19 дней, птенцы остаются в гнезде 20—25 дней.

** В результате массового истребления в прошлом веке численность многих колибри была подорвана. Сейчас введен запрет на международную торговлю этими птицами, некоторые виды находятся на грани исчезновения и внесены в Красную книгу Международного союза охраны природы (МСОП).

ОТРЯД
ПТИЦЫ-МЫШИ
(Coliformes)

СЕМЕЙСТВО
ПТИЦЫ-МЫШИ (Colidae)

Все представители семейства очень похожи между собой. Туловище у них удлиненное, почти цилиндрическое, мускулистое, клюв короткий, толстый, у основания загнутый крючком, а на конце несколько сплюснутый с боков. Верхняя челюсть образует небольшой крючок над нижней. Ноги имеют короткие плюсны, но длинные пальцы; крылья коротки и сильно закруглены, хвост более чем вдвое длиннее туловища. К особенностям этих птиц относятся устройство ног и особое строение оперения. Все четыре пальца на ногах могут быть обращены вперед, но оба крайних пальца иногда обращены и назад; оперение, покрывающее тело, необыкновенно нежно, и отдельные бородки перышек похожи на волосы млекопитающих. Двенадцать длинных рулевых перьев, напротив того, поражают своей удивительной твердостью*. Каждое из этих перьев состоит из очень крепкого стержня, по сторонам которого расположены узкие и твердые бородки. Средние рулевые перья по крайней мере в 4 раза длиннее наружных, так что хвост принимает ступенчатый вид, едва ли встречающийся у других птиц. Преобладающим цветом оперения является трудно определяемый изжелта-серый, который переходит более или менее в красноватый или пепельно-серый. Цвет и строение оперения и послужили главным образом причиной, что этих птиц назвали птицами-мышами. Во время моего путешествия в Африку я познакомился с двумя видами этих странных птиц, но нашел, что они настолько похожи между собой по привычкам и образу жизни, что достаточно описать один из них, чтобы познаться со свойствами всего семейства.

Длиннохвостая птица-мышь (*Colius macrourus*) достигает длины 34 см, размах крыльев 29, длина крыла 10, а хвоста 24 см. Преобладающим цветом является нежный рыжевато-серый, который на темени принимает более желтый оттенок, а на подбородке и середине горла грязновато-белый; нижняя часть груди рыжевато-серая; на середине затылка замечается ярко-голубое пятно. Плечи и покровные перья крыльев пепельно-серые. Махо-

* Здесь вкралась
какая-то ошибка.
На самом деле хвост
птиц-мышей содер-
жит всего 10 руле-
вых перьев.

вые и рулевые перья у основания окрашены в коричнево-красный цвет, а на конце в землистый бурый. Глаза красно-бурые и окружены блестящим малиново-красным голым местом, которое доходит до основания клюва и образует род уздечки; клюв на конце черный, ноги кораллово-красные. Самка и самец по окраске друг от друга не отличаются.

Область распространения длиннохвостой птицы-мыши занимает большую часть Африки: на северо-востоке от южной Нубии и страны Богосов до области истоков Нила, а на западе от Сенегамбии до области Дамара. Я прежде всего нашел ее в южной части степи Баюда, а затем во всех частях восточного Судана, где мне пришлось побывать. Гейглин находил эту птицу как в равнинах, так и на горах Абиссинии до 2000 м высоты, но в верхних частях Белого Нила ее уже не встречал, почему полагает, что птицы-мыши далеко на юг не залетают.

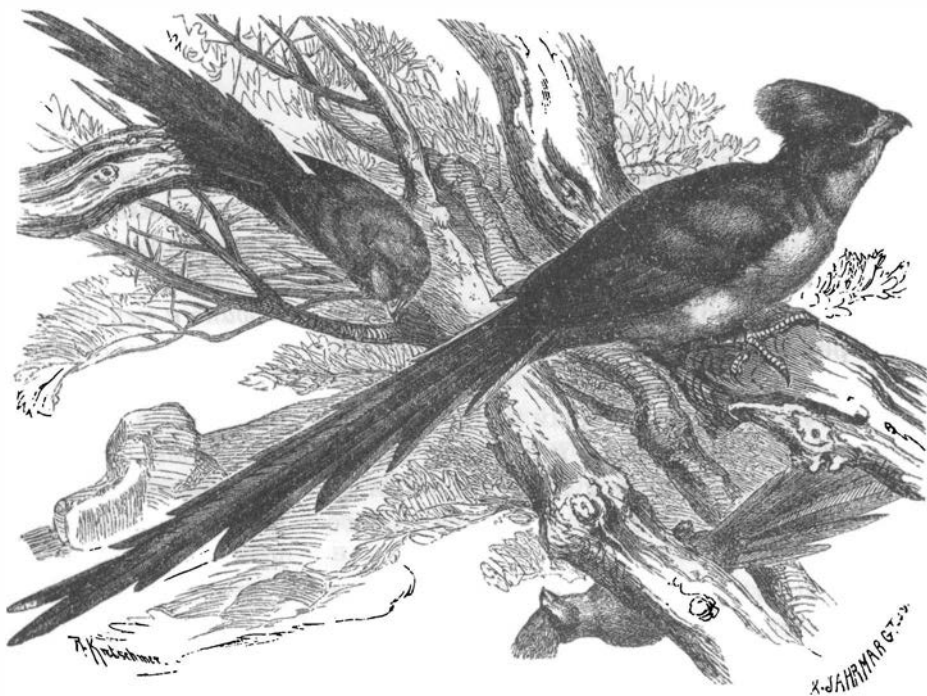
Птицы-мыши, по-видимому, живут только в Африке, так как предположение старых писателей, что их находили также и в Индии, до сих пор еще не подтвердилось*. Они живут в средней и южной Африке, а на севере их совсем нет, хотя любимые ими деревья хорошо произрастают и там; их стаи можно встретить только на лесистых равнинах средней Африки. В некоторых местах первобытного леса они довольно обыкновенны и часто встречаются в городах внутренней Африки и на фермах Капской провинции.

Левальян был первым натуралистом, который подробно описал этих удивительных птиц. Он рассказывал о них много странного, так что все относилось к его показаниям недоверчиво и до сих пор еще не верят его рассказам, а между тем едва ли его сообщения ложны.

Все длиннохвостые птицы-мыши живут семействами или маленькими обществами, обыкновенно по шести вместе. Они селятся в садах или в лесу и ежедневно облетают с известной правильностью довольно большое пространство. Для жилища они избирают ту часть своего участка, где больше всего густых кустарников. Тому, кто не познакомился по личным наблюдениям с растительным царством тропических стран, трудно составить себе понятие о тех деревьях и кустарниках, которые наиболее удобны для жительства птиц-мышей. Густой куст или ветвистое дерево, кроме того, еще покрытые шипами, настолько обрастают паразитирующими растениями, что от настоящего дерева разве кое-где замечается ветвь, проникающая сквозь посторонние растения. Сеть, образованная этими ползучими растениями, так густа, что не только непроницаема для человека и других млекопитающих, но в ней даже трудно прорезать отверстие большим охотничьим ножом. Птица, которая прячется в такой куст, найдет здесь полную защиту от выстрела охотника, который ни в каком случае не мог бы найти в этой чаще убитое животное, даже если бы употребил

** Птицы-мыши действительно распространены исключительно в Африке к югу от Сахары. Они образуют самостоятельный особый отряд (Coliiformes) древнего происхождения с неясными родственными связями.*

на это все свои старания. Лианы и другие чужеродные растения закрывают собой значительные части тропического леса, так что туда никто проникнуть не может, и внутренность этих скрытых убежищ остается всегда тайной для человека. Описываемые нами странные птицы селятся и двигаются в самых густых кустарниках подобного рода. Ни одна птица не в состоянии проникнуть туда, куда свободно пролезает птица-мышь, причем движения ее очень напоминают то животное, от которого она заимствовала свое название. Она, как мышь, шмыгает через самые незначительные отверстия и пролезает между ветвями, расположенными так близко друг к другу, что туловище птицы едва-едва между ними помеща-

Длиннохвостая
птица-мышь
(*Colius macrourus*)

ется. Общество птиц-мышей появляется на поверхности такого куста и на короткое время здесь прицепляется; затем птицы находят отверстие и в одно мгновение исчезают во внутренности чащи. Если есть возможность обойти этот куст, то через некоторое время можно заметить на противоположной стороне высунувшуюся головку птицы, затем ее туловище и наконец появляется и вся птица. Раздается громкий крик, и

стая быстро перелетает ко второму кусту, где исчезает точно таким же образом. Наблюдателю трудно понять, как птицы могли проникнуть во внутренность куста: для этого нужна истинно мышиная ловкость. Полет птиц походит то на порхание, то на парение с распушенными крыльями и несколько расширенным хвостом, который похож на шлейф. Левальян очень удачно сравнивает стаю этих птиц с летящими стрелами, и, действительно, летящая по воздуху птица-мышь очень похожа на пущенную стрелу. Птицы эти никогда не поднимаются на значительную высоту и точно так же никогда не садятся на землю. Вся стая во время полета кричит сообща, а каждая отдельная птица издает трескучий звук, похожий на слоги «кирр-кирр» или «три-три», но так как все кричат вместе, то все смешивается в непередаваемый словами шум.

Левальян рассказывает, что птицы-мыши для отдыха привешиваются по несколько вместе гроздеобразно к ветвям, причем одна птица прицепляется к другой наподобие роящихся пчел, и свешиваются головами вниз. Я сам этого никогда не видал, но Верро утверждает, что наблюдал, как одна птица привешивается одной лапой, другая прицепляется к первой, третья схватывает свободную ногу второй и таким способом образуются цепи в 6—7 штук птиц, которые висят на одной ветви; таким образом Верро вполне подтверждает слова Левальяна*. По моим наблюдениям, птицы-мыши во время сна принимают совершенно своеобразное положение, не захватывают только сучок пальцами, но ложатся на него всей грудью. Так как в подобном положении пяточные суставы сильно согнуты и основания пальцев плотно прилегают к туловищу, то можно действительно подумать, что птица висит на ветке, а на самом деле она только лежит на ней. Двигаясь по ветвям, птицы-мыши часто принимают такое же положение, как синицы, т.е. привешиваются к ветвям снизу, но остаются в таком положении лишь короткое время.

Левальян дальше рассказывает, что птиц-мышей очень трудно словить, если только узнаешь, где они ночуют: стоит только ночью или рано утром подойти к кусту и захватить весь клубок спящих птиц. Они находятся в таком оцепенении, что ни одна из них не улетает. Считаю почти излишним сказать, что я не верю в возможность подобного оцепенения птиц и мои собственные наблюдения ни в чем не подтверждают подобного странного поведения птиц. Птицы-мыши действительно не очень пугливы. Их можно назвать очень доверчивыми, но они все-таки не так глупы, чтобы дозволить себе схватить руками. Их пребывание в густых кустарниках, которые недоступны врагам, делает их очень неосторожными, но, однако, они умеют хорошо отличить опасное животное от неопасного, а залетевши в сады, они делаются даже довольно пугливыми.

Пища птиц-мышей состоит, по-видимому, только из растительных веществ. Я прежде думал, что они едят и насекомых, но во время моего последнего путешествия в Абиссинию я исследовал желудки всех убитых мной птиц-мышей и находил в них только листья, почки, кусочки плодов и мягкие семена. В садах они нападают на винные ягоды и виноград, а по наблюдениям Гартмана, едят также сладкие лимоны. При еде они принимают различные положения, как наши синицы привешиваются к ветвям снизу или к самим плодам.

Гнезда этих птиц были описаны прежде всего Левальяном, а позднее Гюрнеем, Гартманом, Андерсоном и Гейглином. Первый из них говорит, что гнездо имеет форму конуса, свито из разных кореньев или же выложено внутри и привешено в самом густом кустарнике, причем одно гнездо висит около другого, так что общение птиц не прекращается даже во время размножения**. По

** Подобного рода информация Левальяна и Верро относится к разряду басен, почерпнутых из рассказов туземцев. Ничего подобного при изучении биологии птиц-мышей не выявлено.*

*** Специальные исследования эти наблюдения Левальяна не подтвердили.*

Семейство ПТИЦЫ-МЫШИ

** Кладки птиц-мышей могут состоять из 2—8 яиц, но кладки из 6—8 яиц, по всей вероятности, снесены двумя самками, поскольку есть наблюдения о насиживании двумя самками одного гнезда. Насиживание длится 12—14 дней, птенцы оставляют гнездо через 14—16 дней, но после еще 2 недели докармливаются родителями.*

Гартману, гнездо свито из степной травы, волокон луба, шерстистых листьев и цветочных стеблей, а внутри выстлано растительным пухом; Гюрней же говорит, что гнездо снаружи покрыто зелеными свежими листьями, и полагает, что таким образом получается известная степень сырости, которая необходима при высиживании яиц. Гейглин нашел гнезда птиц-мышей в дождливое время года в садах Хартума; они были привешены к гранатовым кустам и виноградным лозам, были очень малы, плоски, неплотно сплетены и состояли из сухой травы, соломы, луба и корней. В этих гнездах находят 2—3 довольно тупых яйца с тонкой белой скорлупой, покрытой немногими, но очень яркими бурыми пятнышками и полосками; длина их 17 мм, а ширина 14 мм. Андерсон также утверждает, что птицы-мыши всегда несут по три яйца. Других наблюдений о размножении этих птиц привести нельзя*.

В Капской провинции усердно ловят птиц-мышей, во-первых, потому, что они вредны для садов, а во-вторых, потому, что у них вкусное мясо. Их часто ловят и живыми, но Левальян говорит, что в клетках птицы не особенно привлекательны. Другие наблюдатели, однако, высказывают иное мнение и утверждают, что в неволе эти птицы довольно живы и занимательны.

ОТРЯД
ТРОГОНООБРАЗНЫЕ
(Trogoniformes)

Семейство
трогоновые

СЕМЕЙСТВО
ТРОГОНОВЫЕ (Trogonidae)

Это птицы меланхолического темперамента, у которых, однако, спокойный и вялый образ жизни соединяется с замечательной красотой оперения. Это семейство распространено по всем тропическим странам Старого и Нового Света. Характерными признаками этих птиц будут следующие: тело вытянутое, но густо оперенное; клюв очень короткий, широкий, трехгранный, сильно согнутый, с режущим концом. Ноги очень маленькие, слабые, с короткой плюсной, тонкие и короткопалые; внутренний и задний пальцы их обращены назад. Крылья короткие и сильно округленные; маховые перья узкие, заостренные, с твердыми стержнями и серповидно согнутые. Хвост длинный, двенадцатиперый; три наружных пера его с каждой стороны укорачиваются, тогда как шесть средних приблизительно равной длины. Оперение очень мягкое, весьма пушистое, имеет чудный металлический блеск и переходит у основания клюва в щетинки.

Чудная красота оперения этих удивительных птиц издавна обращала внимание натуралистов и простых людей, тогда как их образ жизни не представляет собой ничего, что заслуживало бы внимания.

Лениво и задумчиво сидят они на каком-нибудь сучке и рассматривают вокруг. Пролетающее насекомое заставляет их слететь; они преследуют добычу с большим проворством, ловят ее весьма ловко и затем снова возвращаются на место отдыха. Однако пищей им служат не только насекомые, но и плоды; некоторые даже питаются исключительно растительной пищей и при этом прибегают к тому же способу, как при ловле летящей добычи: слетают со своего места к какому-нибудь плоду или ягоде, срывают ее, проглатывают и вновь возвращаются на прежнее место.

Достоин внимания еще и то, что красота оперения, описать которую словами невозможно, менее прочна, чем у всех других птиц. Цвет перьев чрезвычайно не прочен: он пропадает на чуже-

лах уже по прошествии короткого времени, если последних выставить на свет.

Один из самых известных южноазиатских трогоновых — **азиатский трогон** (*Harpactes fasciatus*). У самца верхняя сторона окрашена в каштаново-бурый цвет, голова и шея аспидно-черные, горло и зоб светло-аспидно-серые, кроющие перья крыльев исчерчены черными и белыми полосками. Грудь и нижние части тела пурпурово-красные. Зоб отделяется от груди ослепительно белой полосой. Кольцо, начинающееся от уха и идущее по затылку, такого же красного цвета, как и грудь. Небольшое обнаженное место у глаза — цвета голубой эмали. Средние перья хвоста того же цвета, как и спина, наружные же черного и белого цветов. Глаза темно-бурые, клюв темно-синий, ноги светло-зеленовато-голубого цвета. У самки на голове нет темного рисунка. Верхние малые маховые и кроющие перья ее снабжены нежными черными и бурыми поперечными полосками, а нижняя часть тела вместо красного цвета имеет охрово-желтую окраску. Длина птицы достигает 31 см, размах крыльев 41, длина крыла 13, а хвоста 15 см.

По Жердону, азиатский трогон живет в Малабарских лесах от крайнего юга до Гатских гор, а также в некоторых лесах средней Индии и Цейлона до 1000 м над уровнем моря. Она предпочитает высокие пояса, начиная приблизительно с 600 м, и держится всегда в самых густых чащах лесов.

Нарина, или **уздечковый африканский трогон** (*Apaloderma narina*). Самец африканского трогона имеет следующие признаки: вся верхняя часть его, включая малые кроющие перья крыльев и средние рулевые хвоста, горло и шея — роскошного, блестящего золотисто-зеленого цвета. Нижняя часть груди и брюхо — темно-розово-красного. Большие кроющие перья крыльев серые с черноватыми поперечными полосами. Маховые перья черные с белыми стержнями. Самые крайние хвостовые перья имеют белые наружные опахала; внутренние же опахала их черноватые. У самки все цвета мутные, лоб и горло буро-красные, маховые перья буро-черные.

Левальян открыл африканского трогона в лесах южной Африки; позднее Рюппель нашел его в лесистой полосе вдоль берегов Абиссинии, Гейглин — в горной стране Фазогл и на Белом

Нарина,
или уздечковый
африканский трогон
(*Apaloderma narina*)

Ниле, Рис — в Агвапиме, Дю-Шалью — на берегах Муни, Кирк — на юге Мозамбикского пролива, Монтейро — в Бенгуэле. Мне посчастливилось видеть эту роскошную птицу всего один только раз, а именно в долине Мензы в нескольких километрах от берегов Красного моря, но, по моему мнению, она там не так редка, как полагают путешественники, так как наблюдать эту птицу в высшей степени затруднительно благодаря тому, что она держится на горных откосах. Какое-нибудь ущелье, пролетаемое ими в несколько мгновений, отвесная скала, по которой они лазают на высоте 50 м, являются для наблюдателя непреодолимыми препятствиями. Жюль Верро говорит, что он находил трогона в южной Африке, преимущественно в больших лесах, к востоку от предгорий мыса Доброй Надежды. Здесь они спокойно живут одиночками на высочайших деревьях, отправляясь на добычу только в утренние и вечерние часы и пугливо улетаая при приближении человека.

В жизни и поведении этих птиц столько оригинального, что их невозможно не заметить. Сидя, они держатся совершенно прямо, прижав голову к плечам и свободно опустив хвост книзу. Полет их плавен и бесшумен, взмахи крыльев мягкие, и, насколько я мог заметить, на лету они не делают никаких поворотов. «В пору любви, — говорит Левальян, — нарины-самцы издают как бы болезненный крик; в остальное время года они молчаливы». Верро подтверждает это и называет их голос звонким и протяжным криком. Однако, кроме этого крика, птицы издают и другой звук, а именно глухой, напоминающий голос чревоушителей. Нередко их голос слышится как бы вдали, тогда как птица сидит совсем близко. Это сообщение я могу подтвердить, так как ясно слышал эти глухие звуки, не понимая сначала их происхождения. Левальян уверяет, что африканского трогона можно приманить, если подражать крику совы или свистеть, приложив к губам лист, а эти звуки похожи на те, которые наблюдали натуралисты у южноамериканских видов. Пища птиц состоит преимущественно из бабочек, богомолов и мух. Впрочем, Верро находил, хотя и очень редко, в желудках убитых им птиц остатки жуков. По словам Левальяна, африканский трогон гнездится в дуплистых деревьях и кладет четыре почти круглых яйца белого цвета, но пока из последних не выпущено содержимое, они кажутся красноватыми. По словам Верро, число яиц бывает два, редко три. Для высиживания необходимо 20 дней. Приблизительно во столько же дней вырастают птенцы. Но по вылете из гнезда последние еще довольно долгое время остаются с родителями.

Гватемальский квезаль (*Pharomachrus macinno*) — самый красивый из всех птиц этого семейства. Он характеризуется пышным, состоящим из рассученных перьев, сжатым с боков, высоким полушаровидным шлемом и необыкновенно развитыми

*Семейство
тропоновые*

кроющими перьями, которые волнами ниспадают с крыльев и хвоста. Преобладающая окраска оперения — блестящая смарагдово-золотисто-зеленая. Грудь и остальные нижние части яркого пурпурово-красного цвета; маховые перья и их кроющие, а равно и четыре средних хвостовых пера — черные; остальные рулевые перья белые. Первый ряд верхних кроющих перьев крыла заметно удлинен, состоит из узких, острых, в общем напоминающих пальмовый листок перьев и окрашен в золотисто-зеленый цвет, как и верхние необыкновенно развитые кроющие перья хвоста, у которого оба средних пера могут достигать 80 см в длину. Глаза темного орехово-бурого цвета; веки черные; клюв желтый, у основания оливково-бурый; ноги буро-желтые. Самка отличается лишь слабо развитым хохлом и гораздо менее длинными кроющими перьями, которые, однако, далеко превосходят длину рулевых перьев. Длина птицы достигает 42 см, длина крыла 21, а хвоста 22 см. Самые длинные кроющие перья хвоста длиннее рулевых перьев на 65 см.

ОТРЯД
РАКШЕОБРАЗНЫЕ
(Coraciiformes)

Семейство
зимородковые

СЕМЕЙСТВО
ЗИМОРОДКОВЫЕ (Alcedinidae)

По имени одной из самых красивейших птиц нашего полушария, которую прославили в разных сказках и преданиях, дали совсем неподходящее название многочисленному семейству зимородковых. Большинство относящихся сюда птиц живут в жарком поясе земного шара и не имеют понятия о зиме. Зимородковые характеризуются следующими признаками: тело их плотное, шея короткая, голова крупная, крылья короткие или средней величины, хвост самое большее средней величины, клюв длинный, сильный, прямой, угловатый, острый. Ноги очень малы, трех- и четырехпалые; оперение гладкое, большей частью ярко окрашенное, почти одинаковое у самцов и самок и мало отличающееся у птиц разных возрастов.

Зимородковые — космополиты и распространены довольно равномерно во всех частях света, хотя в настоящее время это семейство богаче всего видами только в жарком поясе. Многие виды этого семейства предпочитают селиться около больших или маленьких водных пространств, но не все виды тяготеют к воде; напротив, немало, может быть, даже большинство являются лесными птицами, и их образ жизни имеет мало схожего с образом жизни зимородковых, любящих воду. Само собой понятно, что, с одной стороны, такое несходство находится в тесной связи со своеобразной организацией, а с другой — выражается в свойстве оперения.

Зимородки-рыболовы характеризуются длинным, прямым клювом и всегда очень гладким, плотно прилегающим жирным оперением. Все виды селятся вблизи воды и, следуя водным пространствам, забираются, с одной стороны, на высокие горы до тех мест, где еще есть рыба, с другой — до берегов моря. Возле воды они живут поодиночке и самое большее парами; как и все птицы-рыболовы, это тихие, угрюмые создания, которые избегают, насколько возможно, общения с подобными себе или другими птицами и в каждом живом существе видят если не врага, то помеху их рыбному промыслу. Они остаются на одном месте лишь по-

стольку, поскольку их вынуждают к тому заботы о потомстве; в остальное время они постоянно летают, занимаясь ловлей рыбы, и некоторые виды облетают значительные пространства.

Способности их своеобразны. Ходить они почти не умеют, летают также не искусно и только в воде выказывают себя весьма ловкими: удивительным образом ныряют и умеют немного плавать. Из органов чувств у них лучше всего развиты зрение и слух. Умственные способности их на низкой ступени развития. Самая выдающаяся характерная черта птиц — безграничная недоверчивость. Умными их назвать нельзя, но они не лишены и достоинств, так как по крайней мере проявляют большую привязанность к своим птенцам.

Пищу зимородков-рыболовов составляют рыбы, насекомые, раки и т.п. Голых гадов, пресмыкающихся и других позвоночных, часто служащих кормом родственным им зимородкам-альционам, они никогда не ловят. Сидя спокойно и тихо на какой-нибудь удобной ветке над водой или, подобно крачкам-рыболовам и чайкам, летая над водой то вверх, то вниз, они смотрят в глубину и внезапно бросаются на замеченную рыбу, при этом обыкновенно исчезают под поверхностью воды, затем сильными взмахами крыльев выплывают наружу и возвращаются на старое место. Здесь они ждут, пока схваченная ими рыба уснет, или ускоряют ее смерть, ударяя ею по суку, и проглатывают ее с головы всю целиком. После этого они продолжают ловлю.

Размножение зимородковых довольно значительно, так как все виды выводят многочисленное потомство. Для гнезд они выбирают отвесные обрывы, в которых вырывают глубокие норки, расширяя задний конец такой норки в собственно гнездовую камеру. Гнезд они не строят, но мало-помалу отырают такое количество погадок, состоящих главным образом из рыбьих косточек, что со временем в гнезде образуется подстилка.

Человеку зимородки не приносят никакой пользы, но зато и никакого вреда. В богатых рыбой местностях масса пищи, которая требуется для них, не имеет никакого значения, а вид, живущий у нас, так мал, что едва ли можно говорить о каком-либо убытке, приносимом им человеку.

Плутарх говорит, что зимородок — альциона — самое умное и почтенное из всех морских животных. Так, он говорит: «С каким соловьем сравним мы ее пение, с какой ласточкой — ее быстроту, с каким голубем — любовь, которую она питает к своей самке, с какой пчелкой сравним ее прилежание?» И дальше: «Что же касается до ее ума и искусства, выказываемого при постройке гнезда, то они достойны удивления. Альциона устраивает гнездо единственным орудием — своим клювом; она устраивает его наподобие кораблика, так как оно так сложено, что волны не могут его ни потопить, ни перевернуть. Она сплетает из маленьких рыбьих косточек род ткани, так что одни кости

лежат прямо, как основа, а другие, как уток, проплетаются насквозь; ткань эту она сгибает, образуя округленные бока, и делает гнездо продолговатым, точь-в-точь как военный корабль. Когда же она все таким образом устроит, то гнездо плотно прикрепляется к берегу и волны ударяют в него, колеблют и даже захлестывают, а птица прикрепляет гнездо еще крепче, так что его нелегко ни разломать, ни оторвать камнем или железом. Самое замечательное в нем — это дверцы, устроенные и установленные так, что птица только сама может войти в них, для других же дверцы незаметны и неизвестны. Через них ничто не может проникнуть, даже вода, так как вход в гнездо сделан из набухающей, как губка, материи. Разбухая, эта масса запирает вход, и ничто не может проникнуть в гнездо. Когда птица хочет войти, она выжимает эту массу, и вытекшая вода открывает ей доступ. Аристотель говорит, что гнездо альционы выглядит вроде морского шара, сплетенного из морских цветов (актиний) и различных водорослей, что оно светло-красного цвета и похоже на ковшик с длинной шейкой. Самое большое из таких гнезд больше греческой губки. Оно заделано и заклеено отовсюду и имеет вид губки, наполненной водой; в некоторых местах цельное, в других с отверстиями, но при этом оно способно противостоять всякому острому орудию настолько, что его едва можно разрубить. Предполагают, что такое гнездо устраивают из острых рыбьих косточек, так как альционы питаются рыбой. Гнездо устраивают в семь первых дней. В семь же следующих кладут пять яиц, высиживают их и выводят птенцов. Самка настолько любит своего самца, что живет с ним вместе не только в одно известное время в году, как другие птицы, но неразлучна с ним всегда. Когда же самец от старости делается бессильным и едва может двигаться, она берет на себя заботы о нем, кормит его, ухаживает за ним с таким усердием, что никогда не оставляет его, даже носит с собой на спине, помогает во всем и полезна ему до самой смерти. Когда самец умирает, самка больше уже не ест и не пьет, отчего и сама скоро погибает, а перед смертью поет прощальную жалобную песнь. Но я не желал бы, чтобы мне или кому-нибудь другому привелось слышать этот крик, так как он предвещает заботы, несчастье и даже самую смерть.

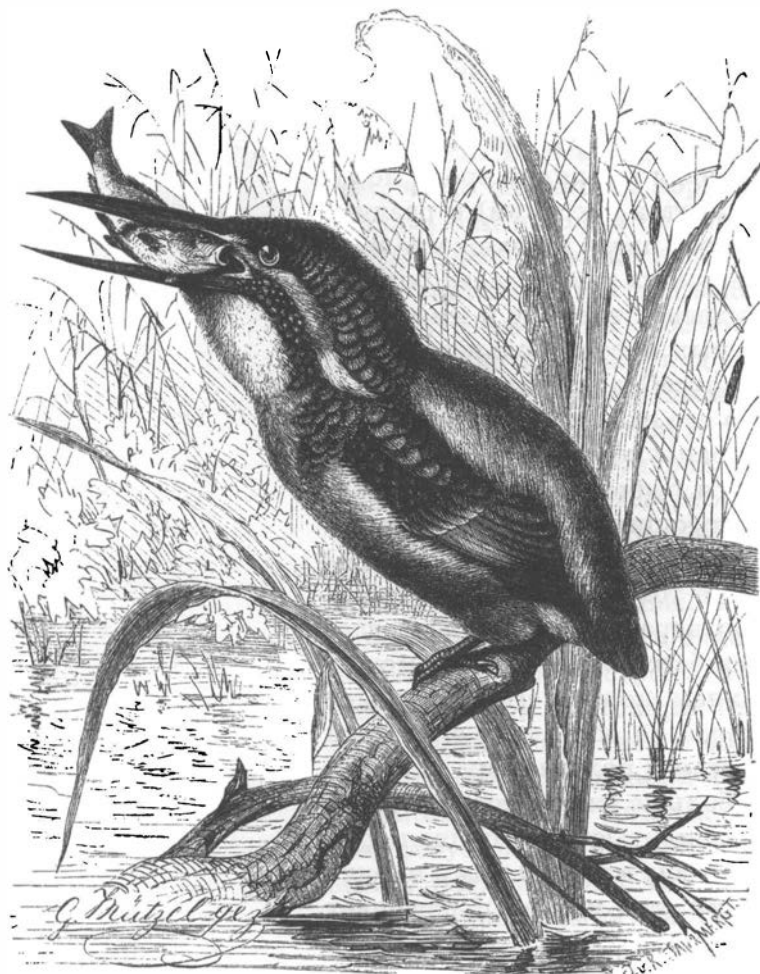
Альциона, как и птенцы ее, обладает приятным запахом, очень похожим на приятный запах мускуса. Мясо их не гниет даже после смерти. Полагают, что она сама снимает с себя кожу или вынимает оттуда внутренности ежегодно, как бы линяя еще при жизни. Купцы, продающие сукно, кладут в него кожу альционы, чтобы оно имело способность противостоять моли. Где бы ни лежало такое гнездо, в комнате или в доме, везде проявляется это свойство его; мне это рассказывали люди, испытывавшие его на деле, хотя я тому мало верю. Некоторые говорят, что молния не ударяет в тот дом, где будет находиться гнездо альционы. Если

же такое гнездо положить возле сокровищ, оно умножает их и гонит от людей нищету».

Так рассказывает доверчивый Геснер, сопоставляя удивительные и невероятные сообщения древних. Замечательнее же всего то, что такие сказки удержались и до новейшего времени и им верили по крайней мере отчасти, так как и в наши дни многие народы рассказывают про зимородковых почти такие же басни. Как в свое время наши предки верили, что эта чудесная птица, будучи даже мертвой, защищает от молнии, увеличивает спрятан-

ные сокровища, всякого, носящего ее кожу, одаряет красотой, миловидностью, приносит в дом мир и безветрие на море, привлекает к себе рыб и потому улучшает рыболовство, — так в наше время у некоторых народов Азии из уст в уста передаются чудесные истории про этих птиц. Перьям зимородковых приписывают свойство привораживать любовь, а клюву — целительную силу. В наших глазах подобные сказки, конечно, ровно ничего не значат, но птица, которую они прославляют, тем не менее заслуживает всеобщего внимания.

Обыкновенный зимородок (*Alcedo atthis*) отличается следующими признаками: ноги очень маленькие и короткие; из трех передних пальцев — средний сросся до второго сустава с почти таким же длинным наружным, а с более коротким внутренним пальцем — до первого сустава; задний палец очень маленький. В коротком

Обыкновенный
зимородок
(*Alcedo atthis*)

и довольно тупом крыле третье маховое перо превосходит длиной остальные. Хвост состоит из 12 маленьких, коротких перьев. Оперение густое, не плотно прилегающее, рассученное, но твердое, великолепно окрашенное, сверху с металлическим, снизу с шелковистым блеском. Перья на затылке удлиняются в маленький хохолок. Верхняя часть головы и затылок окрашены по темно-зеленовато-черному фону узкими голубыми, частыми поперечными линиями; плечи, надкрылья и наружная часть опахала бурочерных маховых перьев — темно-зеленого цвета; покровные пе-

**Семейство
зимородковые**

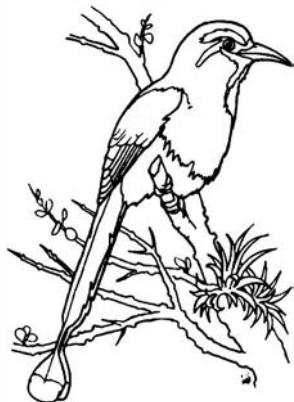
рья крыла украшены на кончиках кругловатыми голубыми пятнышками. Средние части верхней стороны тела — красивого бирюзового цвета; полоса, проходящая через темную уздечку, и продолговатое пятно на нижнем краю глаза и расширяющееся за область уха, а также и вся нижняя часть тела и нижние покровные перья хвоста и крыльев — ярко-ржаво-кирпичного цвета; подбородок и горло ржаво-желтовато-белые; широкая полоса, направляющаяся вниз от основания клюва и проходящая под пятном кирпичного цвета в области уха, концы верхних перьев на боках груди, боковые покровные перья хвоста и хвостовые перья на конце — темно-голубого цвета. Радужина темно-каряя, клюв черный, основание нижней челюсти клюва красное; маленькие ноги сургучно-красные. Длина 17 см, размах крыльев 27—28, длина крыла 7, хвоста 4 см. Обыкновенного зимородка нельзя смешать ни с какой другой европейской птицей, но возможно смешать с иноземными видами это семейства.

Вся Европа, от Ютландии, Дании, Лифляндии и Эстляндии до юга, а также и западная часть Азии составляют родину обыкновенного зимородка. В Испании, Греции и на греческих островах он встречается еще часто. В восточной Азии заменяется родственным ему видом, на который некоторые исследователи смотрят как на разновидность*. В северо-западной Америке он, вероятно, также встречается как гнездящая птица; он аккуратно посещает северо-восточную Африку в зимнюю пору, но, однако, там не гнездится. То же самое можно сказать, насколько это до сих пор установлено, и про Канарские острова. Даже и в Греции ни одного раза не находили до настоящего времени гнезда и яиц этой птицы, несмотря на то что здесь она также часто встречается в зимние месяцы**. Из этих временных появлений на юге ее области распространения можно вывести заключение, что значительная, по всей вероятности, даже большая часть северных зимородков странствует, может быть, даже совершает правильные перелеты.

Обыкновенно зимородка видишь только тогда, когда он с быстротой стрелы летает над поверхностью воды; только очень опытный глаз может заметить его сидящим. Именно поблизости населенных мест или вообще оживленной местности он выбирает себе всегда по возможности скрытые местечки и уголки для отдыха, выказывает в этом большую ловкость и, по-видимому, очень хлопочет, пока не найдет подходящего сторожевого пункта. Что избираемые места действительно удобны, следует уже из того, что все зимородки, посещающие реку, всегда выбирают себе одни и те же убежища для сидения. «Таких общеизлюбленных местечек, — говорит Науман, — встречается всегда несколько в известной области, но часто они находятся на довольно большом расстоянии друг от друга. Они расположены всегда очень низко, редко выше 60 см над поверхностью воды, и всегда в уединенных мес-

** В настоящее время доказано, что упоминающиеся Бремем формы, населяющие Индонезию, Индостан, восточную Азию, относятся к одному виду (Alcedo atthis), но образуют особый подвид Alcedo atthis bengalensis.*

*** Современная ситуация несколько иная. Сейчас зимородок в небольшом количестве гнездится в Греции.*

тах. Но в безлюдных, от человеческих жилищ весьма отдаленных местностях зимородок выбирает себе также часто более открытые места, на которых его можно заметить уже издалека. На более же высокие, свободные сучки или даже на верхушки высоких деревьев взлетает он только тогда, когда наступает время спаривания». Ночь он проводит под нависшим берегом или даже в норе. Каждый отдельный обыкновенный зимородок или по крайней мере каждая пара завладевают, впрочем, известной областью и защищают ее с упорством.

Если какая-нибудь птица может быть названа «сидячей птицей», то это именно зимородок. Он сидит буквально половину дня неподвижно на одном месте, всегда тихо, со взором, устремленным на воду, спокойно дожидаясь добычи, «хладнокровный до самого сердца», как настоящий рыболов. «Его маленькие ножки, — говорит Науман, — годны, по-видимому, только для сидения, а не для ходьбы, потому что он ходит очень редко, и в этом случае делает только несколько шажков разве по небольшой плоскости камня или пня, но никогда не по земле». Если ему не мешают, он только тогда перемещает свое место, когда отчаивается с него поймать что-нибудь. Если счастье ему благоприятствует, то он большую часть дня проводит на одном и том же сторожевом посту. Если терпеливо его наблюдать, то видишь, что он вдруг вытягивает шею, пригибается вперед, так что его клюв направлен почти вертикально вниз, и вдруг, как лягушка или, вернее, как стрела, бросается в воду, не используя при этом крыльев. Обыкновенно он совсем исчезает под водой, но вскоре, сделав несколько ударов крыльями, опять поднимается на поверхность воды, снова летит назад на свое место, отряхивает перышки от воды, пожалуй, чистит их немножко и принимает прежнее положение. Если он напрасно несколько раз старался поймать добычу или если просто не видит никакой рыбки, то наконец решается переменить место. Полет, как кажется, требует от зимородка напряжения всех его сил, потому что короткие крылья еле могут поддержать тяжелое тело и птица должна так скоро ими двигать, что нельзя различить отдельных движений. Несмотря на это или, может быть, именно поэтому, полет зимородка порывисто быстр, но также и весьма однообразен. Зимородок несется, пока может, по прямой линии, всегда одинаково высоко над водой, а поворачивается и изменяет направление только следуя изгибам речки; по крайней мере он очень неохотно решается покинуть реку или ручей. Такой полет с трудом простирается дальше 500 или 600 шагов; если зимородку не мешать, он никогда не полетит дальше, как до ближайшего излюбленного места сидения.

Пища его состоит предпочтительно из мелких рыбок и раков, но также и из насекомых, которыми преимущественно выкармливают птенцов. Зимородок обжорлив и нуждается для своего насыщения больше, чем обыкновенно думают. Если вполне

удовлетворить потребности его желудка, то ежедневно от 10—12 рыбок — с палец длиной каждая — должны сделаться его жертвами. Относительно видов рыбы он неразборчив, скорее ловит каждую, которую может поймать, и даже умеет справиться с довольно большой добычей. Он ловит только клювом; поэтому часто промахивается и должен иногда очень стараться, прежде чем поймает добычу. Манера и способ его ловли требуют рассудительности в выборе мест, потому что вода, где он ловит, не должна быть слишком мелка, иначе он мог бы ушибиться вследствие силы своего толчка, но также и не слишком глубока, потому что тогда охота его была бы часто неудачная.

Размножение обыкновенного зимородка стало впервые известным наблюдениями Лейслера и моего отца. «Как только зимородок спарился в конце марта или в начале апреля, — продолжает мой отец, — он отыскивает себе место для гнезда. Для этого он выбирает всегда сухой, отвесный, совершенно лишенный травы берег, на который ни водяная крыса, ни ласка, никакой другой хищник не могут взобраться. На этом берегу, пологом на вертикальную стену, зимородки выдалбливают на расстоянии 30—60 см от верхнего края круглое углубление, имеющее обыкновенно 5 см в диаметре и 0,5—1 м глубины, которое идет несколько приподнимаясь и имеет у выхода две бороздки. К заднему концу это отверстие расширяется и образует в виде печурки кругловатую нору, которая имеет 8—10 см в высоту и 10—13 см в ширину. Эта нора выстлана, как будто вымощена, снизу рыбными косточками, неглубока, суха и гладка сверху, как и у выхода. На рыбных косточках лежат 6—7 больших, почти круглых, блестяще-белых яиц, которые кажутся красно-желтыми вследствие просвечивающего желтка. Эти яйца самые красивые из всех, которые я знаю, и так гладки, так блестящи, а если вылить содержимое, так белы, что похожи на самую прекрасную эмаль. По величине они почти равняются яйцу певчего дрозда, так что я решительно не понимаю, каким образом зимородок может их всех покрыть и согреть своими короткими и жесткими перьями.

Замечательно, как усердно высидывающий зимородок сидит на яйцах или голых птенцах. Можно сколько угодно колотить по берегу, он не вылетит, остается на яйцах даже тогда, когда начинаешь расширять дыру, и только тогда покидает свое потомство, когда опасность совсем над головой. Я находил яйца в середине мая и в начале июня. Самец выбирает себе довольно далеко, на расстоянии 100—300 шагов от гнезда, место для сидения, на котором он проводит ночь, а также и часть дня».

Науман говорит, что в некоторых гнездах находил до 11 яиц, и сообщает еще некоторые сведения насчет юношеской жизни этих птиц. «Самка высидывает одна, и самец приносит ей, пока она почти непрерывно сидит на яйцах в течение 14—16 дней*, не только рыбок для пищи, но уносит притом также и ее помет

*Семейство
зимородковые*

** Длительность
насиживания у
зимородков состав-
ляет 19—21 день.*

из гнезда, что впоследствии оба родителя проделывают также с погадками птенцов. Птенцы, недавно вылупившиеся из яиц, совершенно голы, в течение нескольких дней слепы и такой различной величины, что бывали случаи, когда рост последнего из высиженных птенцов едва доходил до половины роста остальных. Их голова большая, но клюв еще очень короткий, и нижняя часть его обыкновенно на две линии длиннее верхней. Они в высшей степени беспомощны, голова у них часто дрожит, иногда они открывают огромную пасть, тихо шипят, когда голодны или во время кормления, и переползают друг через друга, как черви. В это время старики их выкармливают личинками насекомых и особенно стрекозами-коромыслами, у которых они сначала отбивают голову и крылья. Позже птенцы также получают мелких рыбок, и у них мало-помалу вырастают крылья. Вообще они долго сидят в гнезде, пока не станут способны летать, и их кормление доставляет старикам много труда, вследствие чего они в это время необычайно живы и деятельны. Вылетевших птенцов провожают в самые тихие уголки берега, особенно в кусты, заросли или между подмытыми водой корнями деревьев, стоящих на берегу, так что все семейство располагается в маленьком местечке, недалеко один от другого, и все так спрятаны, что их нелегко заметить с берега. Проходит долгое время, пока они выучиваются ловить рыбу».

Неизвестно, преследует ли зимородка какой-нибудь хищник. Взрослый спасается от многих преследований, которым подвержены другие птицы, своим образом жизни, и гнезда их расположены так, чтобы ласка или водяная крыса не могли в них забраться. В общем человек также мало преследует зимородка, не из добродушия и любви к животным, а потому, что этот пугливый малый остерегается каждого и охота на него слишком затруднительна для малоопытных стрелков. Сведущий человек, который знает его привычки, убивает его без особенного труда и умеет также овладеть и живой птицей. Не всегда удается приучить к неволе это красивое существо. Зимородков, взятых из гнезда птенцами, можно выкормить мясом и рыбой, и в таком случае они живут долгое время; пойманные взрослыми, они буйны и боязливы, часто пренебрегают пищей и скоро умирают. Но и тут нет недостатка в исключениях. По крайней мере мне удавалось не один раз приучать пойманных уже взрослыми зимородков и заставить их жить долгое время. Я терял их всегда только вследствие несчастных случаев. В Лондонском зоологическом саду существуют для зимородков и других водяных птиц особенно приготовленные места. Там устроена большая клетка, дно которой частью образует глубокий бассейн, а ее стенки представляют все удобства, необходимые птицам. Бассейн кишит рыбками, и над ним расположены удобные жердочки: одним словом, все устроено так хорошо, как это только возможно. Зимородки, живу-

щие в такой клетке, чувствуют себя прекрасно. Тут они могут почти так же распоряжаться, как и на своих ручьях, по крайней мере ловят рыбу совершенно таким образом, как и на свободе. Я могу смело утверждать, что эта птичка, которую я здесь видел в первый раз в неволе, привлекала меня более, чем всякое другое животное этой необыкновенно богатой коллекции.

Малый пегий зимородок (*Ceryle rudis*), тот самый, который из Египта и Сирии несколько раз залетал в Европу. Цвет его очень скромный; оперение на верхней части тела черное, с белыми пятнами, на нижней же части тела чисто-белое, за исключением одной или двух полосок на груди и нескольких темных пятен на клюве. Черные перья верхней части головы и затылка имеют узкие белые боковые каемки; плечевые перья, надхвостье и кроющие перья крыльев — широкие белые края. Белый цвет на голове и боках шеи прерван широкой черной полосой, начинающейся у ротового угла, проходящей через область уха и идущей вниз по бокам шеи. Перья хвоста на конце белые и украшены широкой черной поперечной линией. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги бурые. Длина 26 см, размах крыльев 47, длина крыла 18, а хвоста 8 см. Самка безошибочно отличается от самца тем, что имеет только одну полоску на груди, в то время как самец имеет две полоски.

Малый пегий зимородок очень распространенная птица. Он встречается почти во всех странах Африки, в Сирии, Палестине, Персии, а также в Индии и южной Азии. В Европе же его несколько раз наблюдали, насколько я знаю, только в Греции и Далмации*. Вероятно, здесь он встречался гораздо чаще, чем думали до сих пор. Он обыкновенен в странах бассейна Нила, и поэтому я мог познакомиться с ним лично.

Я еще хорошо помню то удивление, которое приготовил мне малый пегий зимородок, как только я успел ступить на африканскую землю. Уже в канале Махмудия, соединяющем Александрию с Нилом, я несколько раз замечал большую птицу, похожую по полету на пустельгу, которая летала, трепеща крыльями на воздухе, или сидела на длинных жердях водокачальных машин, и не мог себе объяснить, к какому виду она принадлежит. Удачный выстрел разъяснил мне эту загадку, и я с настоящим восхищением осмотрел добытого малого пегого зимородка, который в то время в моих глазах был большой редкостью.

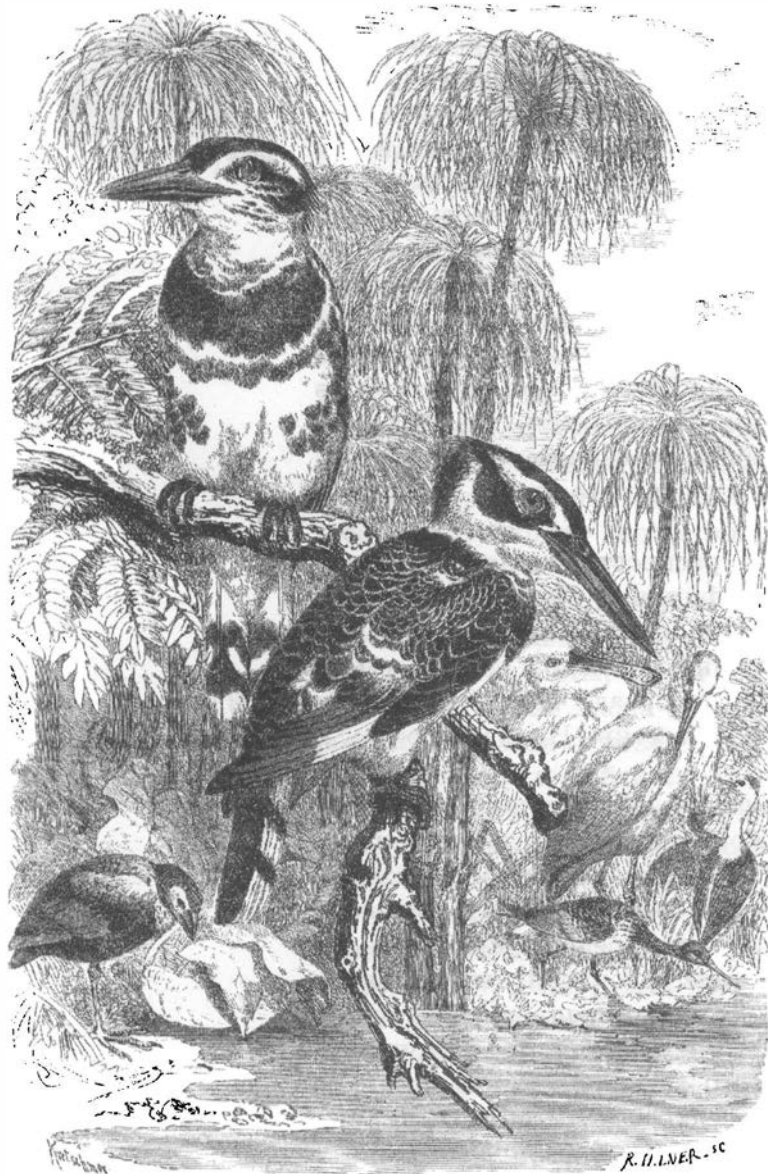
Обыкновенно этот зимородок сидит на упомянутых жердях водокачальных машин, обратив свою белую грудь к реке. Если непосредственно у берега Нила стоит пальма или мимоза с удобными для сидения ветками, то он и здесь отдыхает, а также охотно опускается на жерди водочерпальных колес, которые передвигают быки, производя известную и ненавистную всем путешественникам «нильскую музыку». Малый пегий зимородок не разделяет робости своего красивого европейского родича. Он чув-

* Известен случай залета этого вида и в Россию, в низовья Волги.

ствует себя в безопасности на своей родине, потому что знает, что может довериться египтянину и что ему нечего его бояться. Малый пегий зимородок показывает много странностей, которые удивляют новичка, но самое замечательное — это его доверчивость к человеку. Парочки постоянно держатся вместе, и там, где

сидит один, обыкновенно отдыхает и его подруга. Обыкновенно обе птицы сидят, высиживая, прижавшись друг к другу на одном сучке.

Свою рыбную ловлю эта птица ведет так же правильно, как и обыкновенный зимородок, когда обычные приемы его оказываются недостаточными, другими словами, не с высокого места, но паря над водой и бросаясь в нее с высоты. Полет малого пегого зимородка совершенно отличен от полета обыкновенного зимородка. Хотя он двигает так же быстро крыльями, но он не трепещет ими, и можно легко отличить их отдельные удары. Поэтому самый полет хотя и не так быстр, как у обыкновенного зимородка, но гораздо более ловок, т.е. разнообразнее. Обыкновенный зимородок мчится точно спущенная стрела, малый пегий зимородок летит почти как сокол, качается и поворачивается по желанию, держится, паря, по целым минутам, отлетает опять дальше, если во время своей остановки не замечает никакой добычи, и там снова начинает парить. Когда он бросается на добычу, то плотно прижимает

*Малый
пегий зимородок
(Ceryle rudis)*

крылья к телу и кидается по несколько косому направлению с быстротой стрелы в воду, исчезает в волнах и после некоторого времени опять появляется, сильно ударя крыльями. Пирсон говорит об индийском зимородке, что он так долго остается под водой, что круги, образованные его падением, успевают сгладиться. Жердон сомневается в этом показании, и я должен вполне с ним согла-

ситься, так как не думаю, чтобы этот зимородок когда-нибудь оставался под водой 15—20 секунд. Но нередко также и во время полета, следовательно, под очень малым углом, он бросается в воду и затем так скоро опять подымается, что кажется, как будто он отскочил от поверхности воды. Жердон утверждает, что никогда не видал ни одного зимородка, который бы возвратился из воды без добычи; я же могу уверить, что это все-таки случается очень часто. Весьма вероятно и притом очень понятно, что малый пегий зимородок ловчее обыкновенного зимородка; несмотря на это, он часто промахивается, потому что так же часто ошибается относительно глубины воды, в которой плавает замеченная им рыба. Если ловля была удачна, то он тотчас же летит к своему обыкновенному месту отдыха и здесь проглатывает пойманную добычу, часто после того, как он несколько раз ударит ее о сучок, как делают другие его родичи. Днем он обыкновенно тих, а к вечеру делается более живым, выказывает даже некоторое желание играть, и тогда также часто слышится его голос: громкий, крикливый, много раз повторяемый крик, которого я не могу изобразить буквами.

Когда вода в Ниле очень подымается, малый пегий зимородок принужден покинуть свою любимую реку, потому что тогда вода становится такой мутной, что он не может больше видеть в ней рыбу. Впрочем, многие каналы Египта в это время достаточно заменяют ему реку. В них вода уже до некоторой степени очистилась, и рыбная ловля идет так же успешно, как и на другом месте. Этим-то я и объясняю себе, что эта птица гораздо чаще встречается в дельте Нила, где пропасть каналов, чем в Верхнем Египте и Нубии.

Я не могу сказать, каких врагов имеет малый пегий зимородок, кроме натуралистов. Я никогда не видал, чтобы хищная птица пыталась напасть на зимородка, и не знаю никакого другого хищного животного, которое могло бы быть ему опасно.

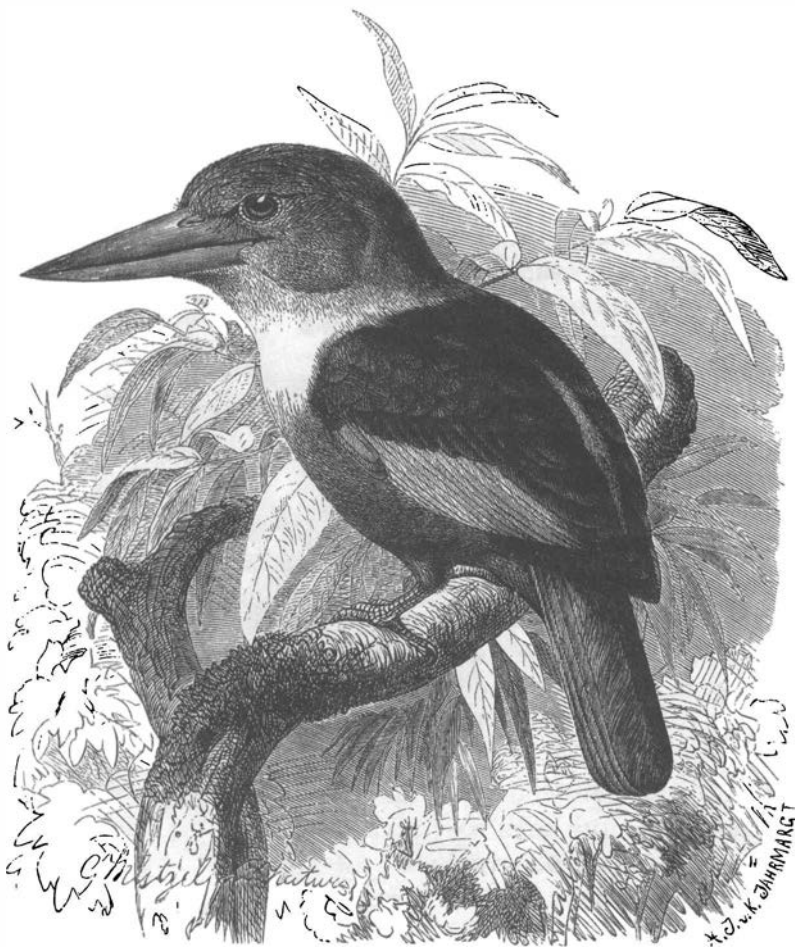
Сероголовая альциона (*Halcyon leucosephala*) по величине только немного уступает малому пегому зимородку: ее длина 22 см, длина крыла 10, хвоста 6,5 см. Оперение хотя и отличается меньшим блеском и красотой, чем у многих родственных видов, но все-таки достаточно ярко и красиво. Верхняя часть головы и затылок бледно-буроватые, а задняя часть шеи светлее, бока шеи и передние части тела до груди белые, остальные нижние части тела темно-кирпично-красно-бурые; передние спинные перья, плечи и покровные перья, как и маховые, — черные; последние, на наружной части опахала, покровные перья предплечья и угловые перья, надхвостье и хвост — блестяще-эмалевого голубого цвета. Глаза карие, клюв и ноги красные.

Сенегальская альциона (*Halcyon Senegalensis*) с островов Зеленого Мыса отличается от альцион материка тем, что верхняя часть головы у нее почти такая же белая, как и затылок, и поэтому некоторые исследователи смотрят на нее как на особый вид.

Открыли эту птицу в западной Африке, но позже и на островах Зеленого Мыса, а также и по всей средней Африке до Абиссинии. Гейглин считает местом жительства сенегальской альционы берега Красного моря, плоскогорье Абиссинии до 2000 м высоты, Голубой и Белый Нил к западу до Джюра. Я часто встречал эту птицу в лесах Голубого и Белого Нила, но не встречал на берегах Красного моря.

Насколько помнится, я обыкновенно видел эту странную птицу всегда в одиночку, но все-таки иногда и стаями в пределах небольшого района. Обыкновенно она встречалась чаще в низовьях рек, нежели в более скудных лесом степных местностях; во время дождей можно было ее встретить повсюду также и в этих местностях.

По образу жизни сенегальская альциона похожа на щурок и на мухоловок. Она целый день перелетает с ветки на ветку, пока с этого сторожевого пункта может доставать добычу и пока ее не потревожат. Но эта настойчивость отнюдь не основывается на неспособности, а только на лени и равнодушии. Она не обнаруживает ни малейшего страха относительно человека. Пища, по-видимому, состоит почти исключительно из кузнечиков; по крайней мере в известное время эти насекомые, наверное, составляют ее основную пищу. Но она все-таки обращает некоторое внимание и на жуков, которые летают вокруг цветущих ми-

Сероголовая
альциона
(*Alcyon leucosephala*)

моз, а иногда также пробует ловить и бабочек, которые порхают около нее. Гейглин говорит, что эта птица скорее является рыбоедом, нежели охотником до кузнечиков и жуков. Я должен заметить, что никогда не наблюдал ее ловящей рыбу, даже не видал ее поблизости воды, в которой водится рыба. Болле нашел в зобу одного родственного вида кусок ящерицы, и поэтому можно заключить, что эта птичка также охотится и за такого рода дичью.

Смеющаяся кукабарра (*Dacelo novaeguineae*). Эта птица не только знакома каждому европейцу, который побывал в Австра-

лии, но в новейшее время ее так часто привозили в Европу, что теперь ее можно найти во всяком зоологическом саду. Длина птицы 45—47 см, размах крыльев 65, длина крыла 21, а хвоста 16 см.

Смеющаяся кукабарра была замечена уже первыми путешественниками и исследователями, которые посетили Австралию, но стала известной только благодаря новым исследованиям, а именно наблюдениям Гульда. «С этой птицей, — говорит Гульд, — должен познакомиться каждый житель Нового Южного Уэльса или каждый путешественник, так как не только ее величина бросается в глаза, но и необыкновенный голос привлекает внимание. К тому же она нисколько не боится людей, напротив, если какой-либо предмет возбуждает ее любопытство, она приближается, чтобы рассмотреть его. Так, она часто появляется на сухом сучке ближайшего дерева, под которым расположились путешественники, и наблюдает с большим вниманием, как разводят огонь или как готовят обед. Впрочем, ее присутствие редко замечают прежде, чем она издаст свой горловой смех, который вызывает у слушателей восклицание: «Ах, смотрите, вот наш старый друг, смеющийся Ганс». Тоны, которые она издает, так замечательны, что каждый натуралист, писавший об Австралии, упоминает о них. Келли говорит, что слышишь ее громкий крик и хохот на значительном расстоянии и что именно поэтому, вероятно, она и получила свою кличку. Крик этой птицы, уверяет капитан Стюарт, звучит, как хор диких духов, и пугает путешественника, который чувствует себя в опасности, в то время как виновница страха уже язвительно

Смеющаяся
кукабарра
(*Dacelo novaeguineae*)

* Кукабарра была завезена европейскими колонистами на Тасманию и в западную Австралию и хорошо прижилась там.

хочет и смеется над ним. Этот странно звучащий смех, говорит Беннет, начинается тихо и усиливается до высоких и громких тонов и часто слышится во всех частях селения. Его слышно в сумерки и вечером, когда солнце опускается на запад, точно пожелание доброй ночи для всех, которые хотят это слышать».

Смеющаяся кукабарра не встречается на Тасмании или в западной Австралии и, кажется, исключительно принадлежит юго-восточной части этого материка*. Она несколько не привязана к той или иной местности, но посещает как густые кусты вдоль берега, так и редкие леса высот. Обыкновенной, впрочем, ее нельзя назвать нигде. Она находится везде, но всегда только поодиночке. Ее пища смешанная и всегда животная. Предпочитает пресмыкающихся и насекомых, а также и крабов. Она быстро бросается на ящериц, и вовсе не редкость видеть ее летящей к своему месту с змеей в клюве. Эта птица похищает также мелких млекопитающих. Гульд однажды убил птицу этого вида только для того, чтобы рассмотреть, что она несла в клюве, и нашел, что она поймала редкую двуутробку. Должно думать, что она не щадит и молодых птиц, а именно может быть опасной для гнезд. В воде смеющаяся кукабарра, по-видимому, не нуждается; находят на свободе живущую птицу, как уже сказано, даже в самых густых лесах, а пойманные не оказывают особенной склонности к воде ни ради питья, ни ради купания.

Время размножения падает на август и сентябрь. Пара отыскивает тогда подходящее дупло в большом камедном дереве и кладет великолепные, жемчужно-белые яйца на труху в глубине этого дупла. Когда птенцы вылупились, старики храбро и бесстрашно защищают свое гнездо и буквально нападают на того, кто хочет похитить выводок, нанося ему довольно серьезные удары клювом.

Я еще считаю долгом упомянуть, как достойное замечание, что эти птицы обыкновенно совсем пренебрегают рыбой. Это лесной охотник, а не рыболов, как его родственники.

СЕМЕЙСТВО ТОДИЕВЫЕ (Todidae)**

** В семейство (Todidae) входит всего 5 видов птиц. Они распространены только на Больших Антильских островах — Кубе, Гаити, Ямайке, Пуэрто-Рико.

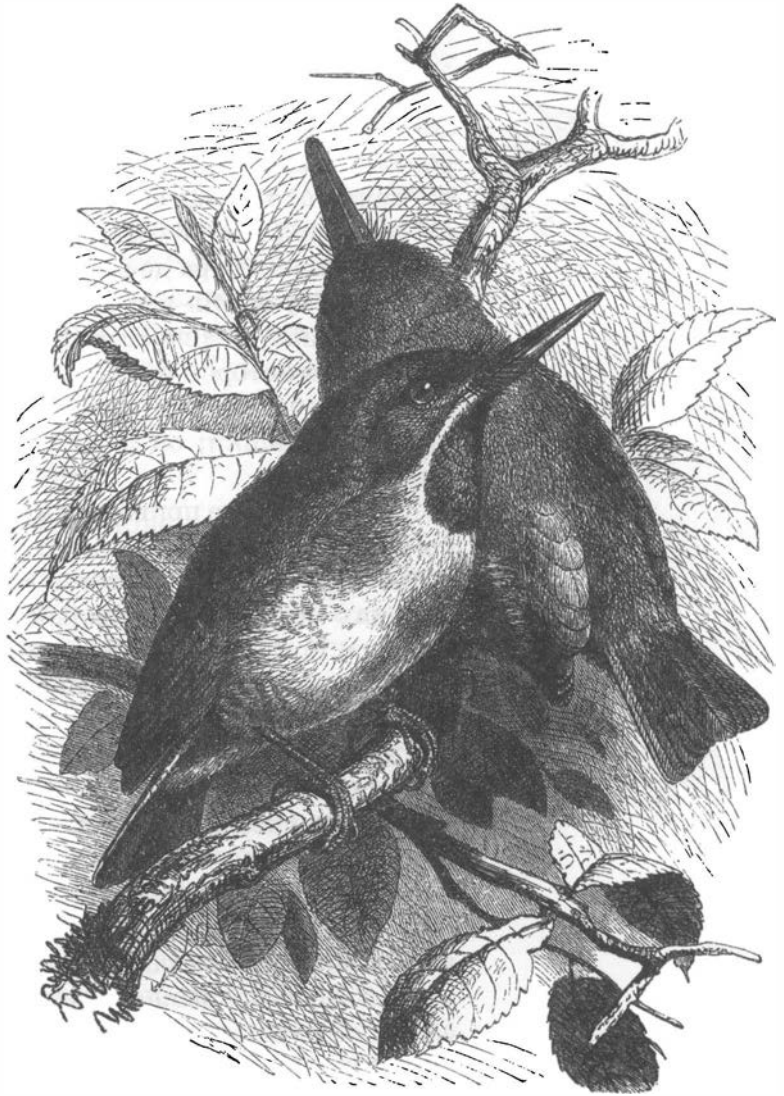
У ямайского тоди (*Todus todus*) все верхние части тела, включая бока головы и шеи, также и хвост, равно как и наружные части опахала черных маховых перьев, — окрашены в великолепно-блестящий зеленый цвет, а на нижнем краю глаз имеется очень узкая красная кайма. Перья подбородка и горла — ярко-пунцово-красного цвета, а на конце окаймлены весьма узкой полосой серебристо-белого цвета; все горловое пятно окаймлено по бокам продолговатой, сначала белой, в нижней половине нежно-серо-голубой полоской, которая начинается от ротового угла; снизу же пятно ограничено другим белым пятном. Бока зоба и

груди — зеленоватые, бока бедер, нижние покровные перья хвоста — бледно-желтоватые; грудь и середина живота — желтовато-белые, наконец, несколько перьев, образующих пучок по сторонам брюшка, на конце — нежного розово-красного цвета. Глаза бледно-серые, клюв рогового красноватого цвета, нижняя челюсть желтоватая, ноги буро-красные или цвета мяса. Длина птицы 12 см, размах крыльев 17, длина крыла 4,5, а хвоста 3,8 см. Область распространения ограничивается островом Ямайка.

Относительно образа жизни этих чрезвычайно красивых и замечательных птиц мы до настоящего времени имеем очень мало сведений и познакомились с ними только благодаря Госсе и Гундлаху.

«Во всех местностях Ямайки, которые я объехал, — говорит Госсе, — тоди оказывается очень обыкновенной птицей. Он встречается везде на вершинах Блюфильдских гор, на высоте приблизительно 1000 м и особенно там, где чащи почти непроходимы. Его блестящее зеленое одеяние и бархатисто-красное горло быстро привлекают к нему внимание, и он позволяет каждому приблизиться к себе, так как это необыкновенно ручная птичка, хотя, как кажется, скорее по своему равнодушию, чем по большой доверчивости. Если его спугнуть, то он летит в крайнем случае не далее следующего сучка. Вследствие этой доверчивости он вообще очень любим и получил массу ласковых названий.

Я никогда не видал тоди на земле. Он прыгает между ветками и листьями, ищет здесь маленьких насекомых и при случае издает свой жалобный или шипящий крик. Еще чаще его можно видеть сидящим спокойно на сучке с вытянутой головой, клювом, направленным кверху, и с нахохленными перьями, вследствие чего он кажется гораздо больше, чем на самом деле; в таком положении он кажется до крайности глупым; но это более кажется, чем

Ямайский тоди
(*Todus todus*)

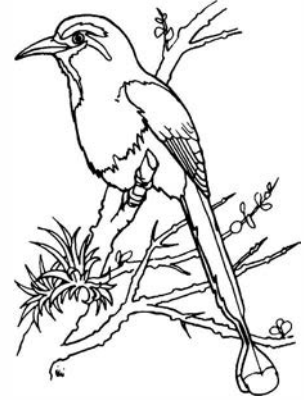
есть на самом деле, так как если наблюдать его вблизи, скоро замечаешь, что его светло-блестящие глаза поворачиваются то туда, то сюда и что время от времени он ненадолго взлетает, схватывает что-то в воздухе и возвращается опять на свой сучок, чтобы здесь проглотить пойманное. Ему не хватает сил летать за насекомыми; но он ждет до тех пор, пока они не влетят в пределы известной области, и тогда он без промаха ловит их. Я никогда не видал, чтобы тоди питался растительной пищей, хотя мне иногда и случалось находить в его желудке между жуками и перепончатокрылыми маленькие семена. Один тоди, живший у меня в клетке, с неразумной жадностью хватал червей, сильно колотил их о жердочки, чтобы разделить на куски, и затем глотал их; другой, которого я поймал сеткой и пустил свободно летать по комнате, тотчас же начал охотиться за мухами и другими маленькими насекомыми и продолжал это занятие с таким же терпением, как и успехом, с раннего утра до сумерек. По моему расчету, тоди эту каждую минуту ловил что-нибудь; и это может дать понятие о необыкновенном количестве насекомых, которых он истребляет. В комнате, в которой он жил, стояла вода в чашке; но я никогда не видел, чтобы он пил, несмотря на то что он иногда садился на край этой чашки; он даже и тогда не пил, когда всовывал свой клюв в воду.

В Ямайке не привыкли приручать птиц, иначе тоди уже давно бы сделался любимой комнатной птицей. Впрочем, и при жизни на свободе он привлекает к себе внимание даже самого равнодушного человека, и каждый европеец радуется, как только его завидит. Когда он сидит между зелеными листьями, его едва можно отличить от последних, так как он сам похож на листок; но как только он изменяет положение и поворачивает горлышко к солнцу, оно блестит, как горящий уголь, особенно тогда, когда птица его раздувает.

Тоди гнездится в земляных норах, как и зимородки; мне показывали такие норы, но сам я никогда не мог исследовать гнезда и яиц и поэтому должен здесь передать наблюдения моего друга Гилля. После нескольких сообщений насчет своеобразного вида этой птицы Гилль рассказывает, что при помощи своего клюва и своих ног он выкапывает себе нору в вертикальных обвалах земли. Эта нора вначале извивается и простирается приблизительно на 20 или 30 см в глубину, а сзади расширяется в углубление, имеющее форму хлебной печки, которое довольно аккуратно выложено корешками, сухим мхом или растительными волокнами. Кладка состоит из 4—5 серых яиц, с бурыми пятнышками*. Птенцы остаются в норе, пока не оперятся».

«Тоди живет, — говорит Гундлах, — в лесах и кустах, особенно на отлогих местах; на таких местах он очень обыкновенен; его не всегда легко заметить, когда он сидит смиренно, если только не услышишь его крик и не пойдешь по этому направлению и

* В кладке у тоди обычно 2—3 яйца, редко 4.

таким образом не найдешь птицы. Этот крик, за который птица и получила свое название, звучит как «то-то-то». Тоди нисколько не пуглив, и поэтому можно к нему подойти на близкое расстояние и даже поймать его сеткой для бабочек. Он никогда не изменяет своего положения и всегда садится на горизонтальный сушчок или же на вьющееся растение, выставляет боковые перья в виде подпорок для крыльев и иногда кивает головкой. Он ловит мух, как мухоловки».

Насчет гнездования, благодаря Гундлаху, мы имеем самые верные сведения. Весной, а именно в мае, птичка начинает строить свое гнездо. Гундлах видел, как одна из этих птичек летала к земляной стене в лощине и работала клювом при выкапывании норы. Приблизительно после двух недель он нашел гнездо законченным. Нора простиралась приблизительно на 10 см глубины по прямой линии внутрь, потом поворачивалась и расширялась для помещения собственно гнезда. В одном гнезде находилось 3 яйца, в другом 4, чисто белого цвета и имеющих 16 мм длины и 13 мм ширины. Впрочем, по недостатку удобного места тоди гнезятся также и в дуплах деревьев: это сообщает Гундлах согласно с Госсе.

СЕМЕЙСТВО ЩУРКОВЫЕ (Meropidae)

К числу красивейших птиц Старого Света причисляют различные виды щурок, в существенных чертах так похожих друг на друга, что сказанное об одном из них будет относиться, с немногими изменениями, и к другим. Не узнать их или смешать с другими невозможно. Их тело очень вытянуто; клюв длиннее головы, довольно крепкий у основания, заостренный, слегка согнутый сверху и снизу и немного более длинной, но не загибающейся верхней половинкой. Ноги очень малы и коротки; из трех обращенных вперед пальцев наружный сросся со средним до второго сустава, а последний с внутренним до первого сустава, почему и подошва оказывается широкой. Когти довольно длинные, согнутые, острые. Крылья длинные и острые. Хвост длинный, ровно срезанный или более или менее развилыстый или же слегка закругленный; оба средних пера его у многих видов удлиняются до двойной длины остальных рулевых перьев. Оперение короткое, отчасти плотное, окраска его почти без исключения роскошная и пестрая, хотя отдельные цвета обыкновенно образуют большие участки. Оба пола почти не разнятся в окраске, и более простой наряд молодых уже на втором году переходит в одежду родителей.

Область распространения щурок — теплые страны Старого Света, и только единственный вид живет в Австралии. Они населяют весьма разнообразные местности, но никогда не живут в

таких, где совершенно отсутствуют деревья. Начиная от берегов моря они встречаются до высоты 2000 м и, по-видимому, нельзя сказать, чтобы одни виды предпочитали низменности, другие возвышенные места. Щурки, живущие ближе к северу, совершают правильные перелеты, южные виды живут оседло или кочуют. Все виды без исключения в высшей степени общественные и необыкновенно миролюбивые птицы. Отдельные виды соединяются не только с подобными себе, но даже с родственными видами, в особенности во время перелетов. Они образуют тогда общие стаи и так перемешиваются, что нет возможности различить разные виды.

Своим образом жизни эти красивые птицы походят на ласточек, но во многом также и на мухоловок. В хорошую погоду видишь их или по крайней мере наиболее крупные виды семейства летающими далеко в высоте, в поисках за добычей; в пасмурную погоду, а также в птенцовую пору они обыкновенно сидят на выдающихся ветвях деревьев и отсюда занимаются своей охотой. На землю щурки садятся редко, самое большее в том случае, если думают поймать замеченное насекомое; напротив, они часто пролетают у самой поверхности воды, как это делают ласточки. Ночь они проводят в ветвях густых древесных вершин, а в гнездовую пору в своих гнездах.

Щурок просмотреть невозможно. Они умеют оживить местность. Едва ли может быть что-либо красивее этих птиц, носящихся по воздуху то соколом, то ласточкой. Они постоянно приковывают к себе взор, находятся ли они в движении, сидят ли после своего грациозного полета где-нибудь на ветке или на земле. В последнем случае или когда они носятся перед глазами наблюдателя, их роскошное оперение одинаково выказывается в полной красе. Когда они, что иногда случается, сотнями и тысячами тесной гурьбой садут на одно дерево, куст или на землю, то местность удивительно украшается их присутствием. Но все-таки больше всего приковывает взор их чудный полет. Спокойно и непрерывно, легко и красиво, без всякого видимого усилия, носится щурка на любой высоте. Мгновенно и со значительной высоты, стремглав, падает одна из них отвесно на землю, чтобы схватить пролетающее мимо насекомое, замеченное ее зорким глазом; несколько мгновений спустя она снова взвилась на прежнюю высоту и с громким и частым «гуэп-гуэп», — криком, общим для всех видов, — летает уже с остальными подругами. За несколькими сильными ударами следует плавное движение с полураспущенными крыльями, причем птица подвигается вперед с такой большой скоростью, что напоминает пущенную стрелу. Не менее привлекательны бывают эти миловидные создания и там, где они живут оседло. Их видишь сидящими парочками на выдающихся низких сучках. Время от времени самец и самка нежно перекликаются; одна из щурок вдруг слетает и во вре-

мя быстрого и короткого полета ловит пролетающее мимо насекомое. В то время как одна отправилась на добычу, другая спокойно сидит, дожидаясь ее возвращения. Я никогда не видел, чтобы две щурки ссорились из-за добычи, никогда не замечал, чтобы между ними происходила борьба по какому бы то ни было поводу.

Пища щурок состоит исключительно из насекомых, которых они обыкновенно ловят на лету, но в исключительных случаях и с легко доступных листьев и даже прямо с земли. Удивительно то, что щурки едят и ядовитых насекомых. Произведенные опыты достаточно доказали, что укол пчелы или осы смертоносен для большинства птиц; точные наблюдения показали, что почти все птицы, ловящие таких насекомых, отрывают их жало перед тем, как съесть их; щурки же, напротив, глотают свою опасную добычу без всяких предварительных приготовлений.

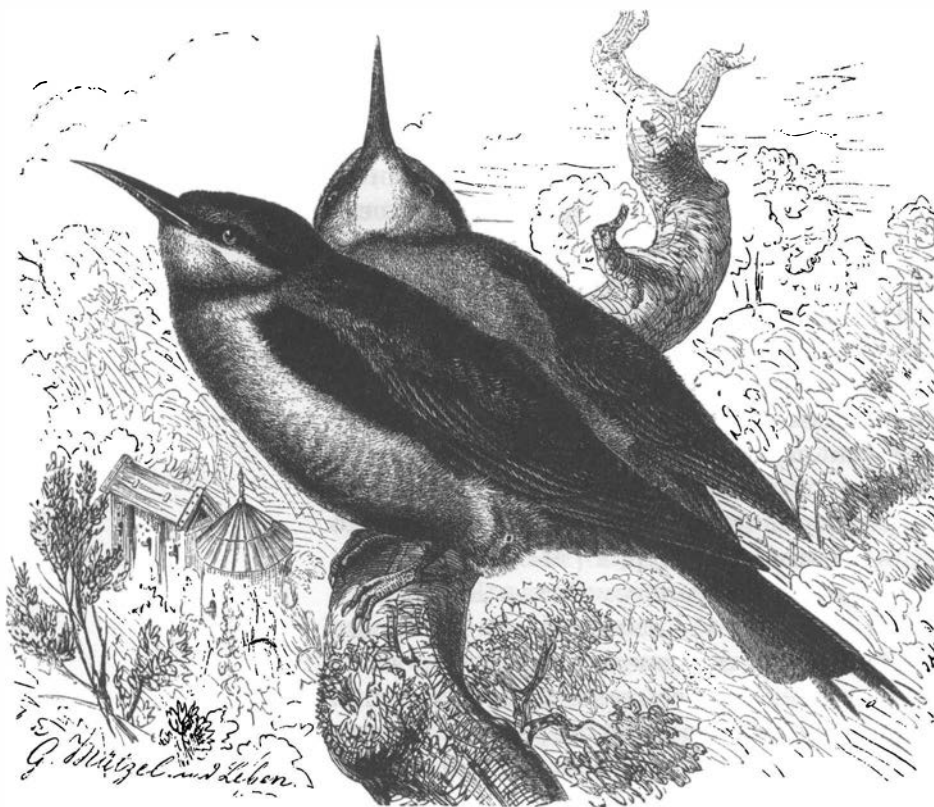
Все щурки гнездятся общественно, и притом в норах, глубоко вырытых в горизонтальном направлении в крутых земляных обрывах. Все виды и в гнездовую пору любят сообщество себе подобных, почему гнездовья почти без исключения образуют весьма заселенные колонии. Собственно помещение для гнезда имеет вид котловидно расширенного пространства в заднем конце хода. Самое гнездо не обделывается, и кладка, состоящая из 4—7 чисто-белых яиц, большей частью лежит прямо на песке. Только из откусанных крыльев насекомых или отрыгнутых погадок малопомалу образуется нечто вроде подстилки, так сказать, подушечки для птенцов.

В Египте, в качестве регулярного летнего гостя, живет только один вид этого семейства — **золотистая щурка** (*Merops apiaster*). Этот вид принадлежит к самым крупным в семействе. Длина птицы достигает 26 см, размах крыльев 45, длина крыла 14, хвоста 10—11 см. Оперение лба белого цвета; передняя часть головы и полоска, проходящая через глаз, голубого цвета моря с зеленым отливом; узкая полоска, идущая над уздечкой, пересекая глаз до области уха, отороченная другой каемкой — узкой, белой и переходящей в голубой цвет, — окрашена в черный цвет. Участок, захватывающий подбородок и горло и ограниченный снизу узкой черной поперечной полосой, — ярко-желтого цвета. Верх головы и затылок темно-каштановые, задняя часть шеи и кроющие перья крыльев такие же, но светлее. Плечи, передние спинные перья и надхвостье переходит в коричнево-ржаво-желтый оттенок. Нижняя часть тела окрашена в прекрасный зеленовато-синий цвет. Верхние кроющие перья хвоста голубовато-зеленые, за исключением обоих удлинённых, суживающихся к концу, черных средних перьев. Большие маховые перья зелено-синие, на конце черные; малые же маховые коричнево-каштаново-бурые, перед широким черным концом зелено-синие, как и предыдущие; малые кроющие перья крылового сгиба темно-зеленые; нижние кроющие пе-

рья крыльев бледно-ржаво-темного цвета. Самка почти такая же, как и самец; молодые отличаются от стариков желтым налетом на лбу, более бледной окраской, маленькой поперечной полоской под желтым горлом, зеленоватым верхом и голубым цветом нижних частей тела. Глаза щурок роскошно карминово-красного цвета, клюв черный, ноги красноватые.

На юге Европы то там, то сям появляется другой вид этого семейства — **зеленая щурка** (*Merops superciliosus*). Оперение ее темно-травянисто-зеленое, кажущееся снизу больше малахитово-зеленым, иногда с голубым налетом, сверху же оливково-бурым, а на верхней части головы и на затылке — более или менее бурым.

Золотистая щурка
(*Merops apiaster*)

Лоб белый с желтоватым оттенком; перед головы, широкая глазная полоска и другие полоски под черной полосой уздечки — красивого голубого цвета; подбородок желтый, а середина горла украшена красивым каштаново-бурым пятном. Маховые и рулевые перья имеют зеленую, отсвечивающую синим окраску, первые к тому же имеют черные концы и коричнево-бурые внутренние опахала; оба средних рулевых пера характерны далеко выдающимися краями.

Величиной, цветом глаз, клювом и ногами зеленая щурка сходна с золотистой.

Область гнездования этой птицы тянется от Каспийского моря до Персии, Малой Азии и северной Африки, область же распространения, напротив, следуя полосе лесов, идет через всю Африку.

Движения и привычки, обычаи и пища, кочевки, гнездование, короче — весь образ жизни обеих щурок так похож один на другой, что я никогда не мог найти никакой разницы между ними. Поэтому совершенно будет достаточно, если я ограничусь описанием образа жизни первой из них.

Жалящие насекомые, по-видимому, являются излюбленной пищей щурок, так как они одинаково собирают контрибуцию с пчелиных ульев и грабят гнезда ос, шмелей и шершней. Многие наблюдали, как щурка опускается по возможности ближе к осинному гнезду и мало-помалу перелавливает всех обитателей его. Но она не отказывается и от кузнечиков, цикад, стрекоз, оводов, комаров, мух и жуков, склевывает последних даже с кустов и цветов, хотя обыкновенно охотится только за летающей добычей и хватает каждое летящее мимо и замеченное ею насекомое, само собой разумеется, если она может его проглотить. Неперевариваемые надкрылья и другие жесткие части добычи она отрывает в виде погадок.

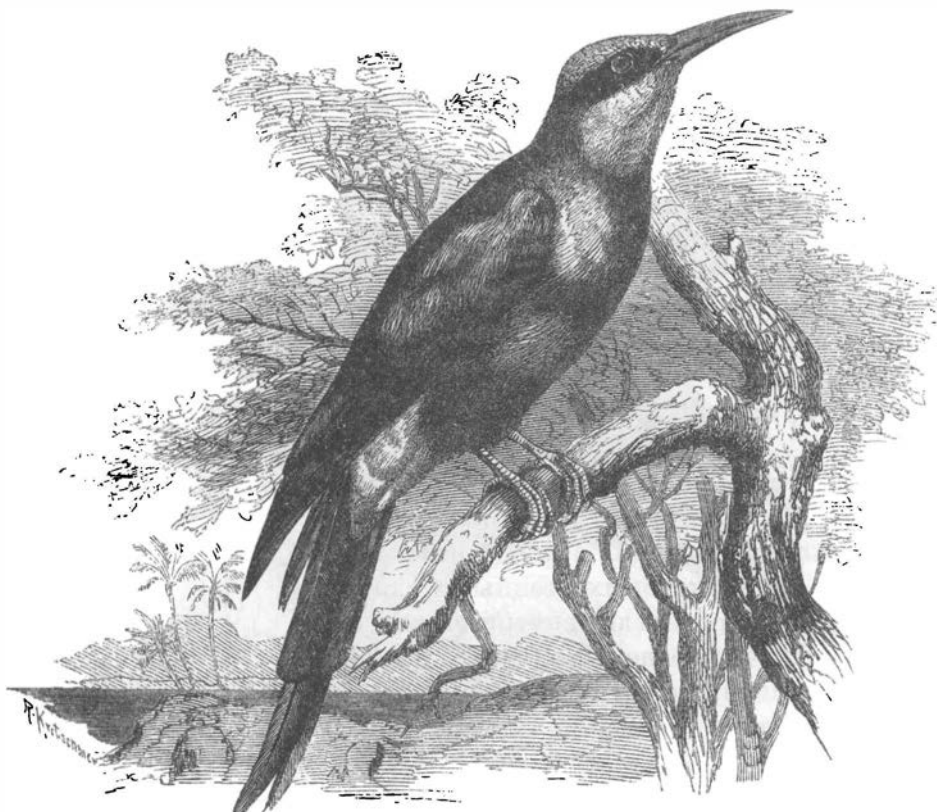
Птенцовая пора начинается в конце мая. Для устройства своего гнезда щурка охотнее всего избирает песчаный или глинистый берег реки. Здесь она начинает рыть круглую дыру от 5 до 6 см в диаметре. Она идет в горизонтальном или слегка косом вверх направлении и образует в общем нору, которая может быть 1—2 м глубиной. Конец хода расширяется в камеру 20—25 см длиной, 10—15 см шириной и 8—10 см высотой, на дне которой в июне самка откладывает 5—8 круглых, блестящих белых яиц. Иногда, по словам Сальвина, вырывают еще одну камеру позади первой, соединяющуюся с ней ходом около 30 см длиной. Если в данной местности нет отвесных земляных стен, щурки, худо ли, хорошо ли, решаются рыть косые ходы на плоской почве.

Некоторые наблюдатели находили в гнездах щурок подстилку из мха и прутьев; со своей стороны я могу уверить, что во всех гнездах, которые обыскивал, я не находил и следа гнездового материала. Из надкрыльев, ног и т.п., которых птенцы не едят и которые отгрызают и высиживающие родители, внутри гнездовой камеры мало-помалу образуется нечто вроде ложа, так что птенцы по крайней мере не совсем лишены подстилки. Одна ли самка высиживает яйца или ее сменяет самец, до сих пор не могло быть установлено*; достоверно известно только, что оба родителя принимают участие в воспитании детенышей и усердно носят им корм. Уже в конце июня видишь птенцов, летающих вместе со стариками, которые кормят их. Сначала семья, по всей вероятности, возвращается в свою гнездовую норку (по крайней мере Поллис наблюдал, как три или четыре щурки влетали в одну и ту же норку); немного недель спустя молодые уже ведут себя как старые, а ко времени отлета поведением своим они ни в чем не отличаются от взрослых.

Очевидно, что на щурок не везде смотрят благосклонно. Грабеж, который они позволяют себе, возбуждает гнев пчеловодов и вызывает с их стороны беспощадное преследование. Щурка редко выказывает пугливость, и, по крайней мере вблизи добычливого места, ее нелегко отогнать даже выстрелами. Только частые

** У щурок кладку насиживают и самка, и самец.*

преследования делают ее осторожнее и затрудняют охоту на нее. В Греции в последние месяцы лета, по словам Линдермайера, графа фон дер Мюле, Крюппера и других, убивают необыкновенно много щурок, считающихся особенно вкусным и лакомым блюдом. В южной Испании, особенно в Севилье и Кордове, осенью на рынки также приносят десятками и мешками убитых и пойманных щурок, предназначенных для еды. В Кандии их ловят на удочки способом, о котором писал Геснер. «Красота этих птиц до того прельщает мальчиков острова Крит, что они ловят их, как ласточек. Они насаживают на крючок кузнечика и привязывают к крючку длинную нитку, которую держат за один конец, предо-

Нубийская, или
красная щурка
(*Merops nubicus*)

ставляя насаженному на другом конце прыгать и летать. Птица, завидя его, проглатывает и таким образом бывает поймана».

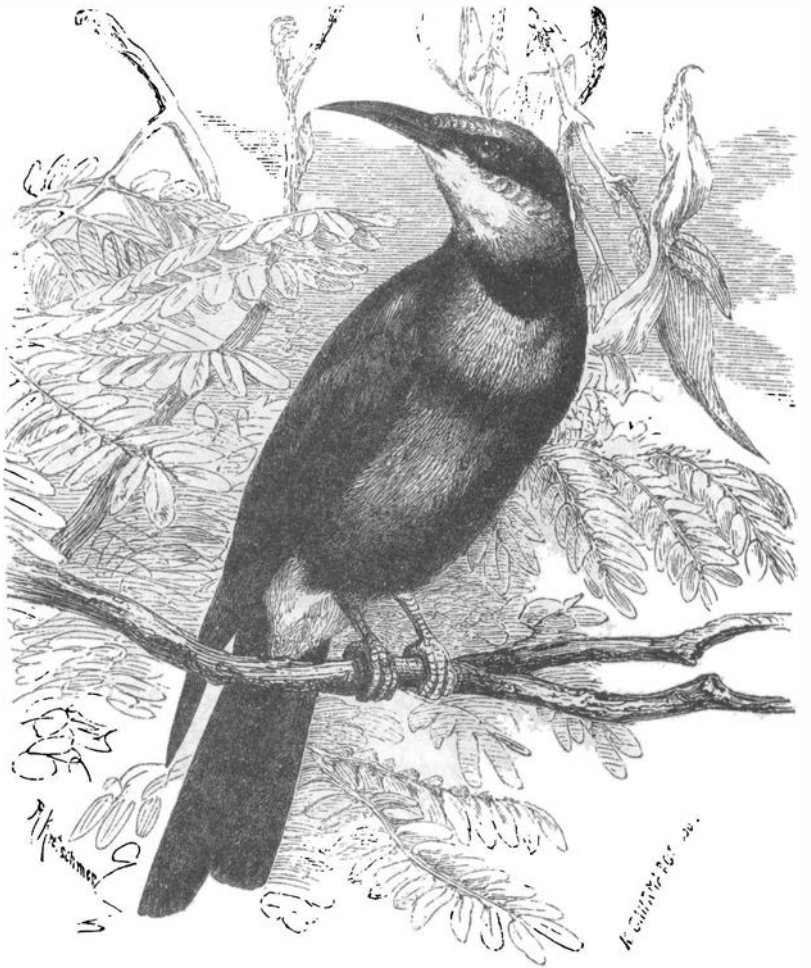
По мнению Геснера, мясо щурок не представляет собой приятного кушания, но является хорошим медицинским средством. «Щурок не употребляют в пищу, так как мясо их грубо, плохо переваримо и вредно, но оно очень полезно при сильном пучении живота. Желчь птиц, смешанная с маслом из незрелых оливок, чернит волосы».

Между африканскими видами особенного упоминания заслуживает **нубийская, или красная щурка** (*Merops nubicus*), так как она столь же характерна по своей окраске, как и по образу жизни. Преобладающая окраска этой щурки темно-пурпурово-красная, более темная на маховых перьях и хвосте и более светлая на голове и груди. Надхвостье, верхние и нижние кроющие перья хвоста ее ярко-бирюзово-голубые. Нижняя часть горла смешенного голубовато-зеленого цвета; широкая полоса, идущая над уздечкой до области уха, черная. Маховые перья снабжены широкими черными концами; первые большие маховые перья имеют перед концом более темную голубовато-зеленую полоску;

все же маховые перья на внутреннем опахале снабжены коричнево-ржавой каймой. Глаза, как и у других щурок, яркого карминово-красного цвета; клюв черный; ноги буро-зеленые. Длина птицы достигает 34 см, длина крыла 15, обоих средних перьев хвоста 19, остальных рулевых 11,5 см.

Австралия дает приют, насколько до сих пор известно, только единственному виду этих птиц, **радужной щурке** (*Merops ornatus*). Верхние части ее нежно-зеленого цвета; верх головы, затылок и маховые перья красно-бурые; верх спины и надхвостье бирюзово-голубые; нижние части тела бериллово-зеленые; горло ярко-желтого цвета и отделяется от груди темной полосой. Гузка голубая; уздечка бархатисто-черная с лазоревой оторочкой снизу. Длина птицы достигает 20 см, длина крыла 11, хвоста 8 см.

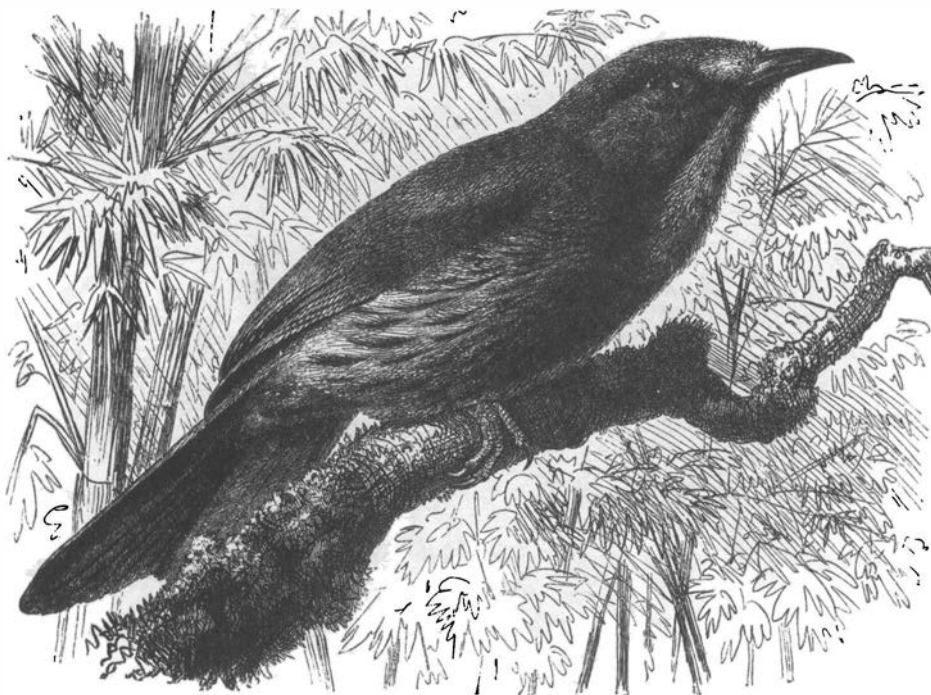
Об образе жизни этой щурки сообщает Гульд. Он нашел ее на юге Австралии и в Новом Южном Уэльсе. В этих местах и на Лебяжьей реке она очень обыкновенна. Она предпочитает открытые, сухие и редкие леса, садится почти без исключения на сухой, лишенной листьев ветке и с нее охотится за насекомыми. К вечеру эти щурки собираются по берегам рек обществами из сотен птиц. Их поведение имеет столько привлекательного, что в Австралии они заслужили всеобщую любовь. Они особенно заметны, благодаря необыкновенной красоте оперения, изящным формам и миловидного полету. К тому же они являются предвестниками весны: в Новом Южном Уэльсе они появляются в августе и остаются до марта; затем они поворачивают на север и большими массами пролетают все области северной Австралии, а также и соседние острова; отдельные парочки даже должны там выводить птенцов. Гааке встретил их в конце сентября внутри Новой Гвинеи. Гнездованием они не отличаются от других видов щурок.

Радужная щурка
(*Merops ornatus*)

Характерными признаками ночных щурок следует считать: средней величины, сильный, согнутый клюв; средней величины крылья, четвертое маховое перо которых самое длинное; длинный, почти ровно срезанный хвост и довольно густое, мягкое оперение, удлиняющееся в области шеи и груди в своеобразные, твердые перистые образования.

Синебородая ночная щурка (*Nyctiornis athertoni*) достигает величины нашей сизоворонки. Длина ее равна 37 см, размах крыльев 47, длина крыла 14, наконеч хвоста — 16 см. Преобладающая окраска оперения — прекрасный темно-зеленый травяной цвет, переходящий на нижних кроющих перьях хвоста и крыльев в однообразный ржаво-желтый, а на затылке в красивый голубой. Некоторые сильно удлиненные перья, отделяющиеся от горлового участка,

— темно-синие, светлее вокруг краев; те же, которые выступают на груди и на остальных нижних частях, — ржаво-желтые, продольно исчерченные. Широкие внутренние края маховых и хвостовых перьев, а потому и самые маховые и рулевые перья имеют ржавую бледно-желтую окраску, если на них смотреть снизу. Радужина темно-желтая; клюв свинцово-серый, на конце черный; ноги темно-зеленоватые.

Синебородая
ночная щурка
(*Nyctiornis athertoni*)

В первый раз эту щурку послал натуралисту Джердину Атертон, сообщая, что птицы эти живут одиночками в бамбуковых лесах внутренней Индии и ведут ночной образ жизни. На этом сообщении и было основано странное и, как показали позднейшие исследования, неверное название, данное птице (ночная щурка). Теперь, благодаря исследованиям Ходжсона и Жердона, мы знаем, что ночная щурка живет в больших, привольных лесах Индии, начиная с долин и до 1000 м высоты. По сообщениям Ходжсона, она является единственным существом, которое ищет самые тенистые места леса и оттуда, сидя спокойно на высоком дереве, высматривает добычу, ловит ее на лету тем же способом, как и ее родичи, и снова возвращается на свою ветку. Она никогда не покидает тенистого

леса, и такому местопребыванию вполне соответствует ее спокойный, тихий, чтобы не сказать меланхолический, образ жизни. Пища состоит из пчел и родственных им насекомых, которых она ловит в большом количестве, кроме того, из жуков и им подобных и, по всей вероятности, из всех тех насекомых, которые пролетают мимо. О способе ее размножения до сих пор ничего определенно неизвестно. Местные жители уверяют, что она гнездится в дуплах деревьев.

Этими немногими данными ограничиваются все имеющиеся сведения об этой столь же красивой, как и редкой птице.

СЕМЕЙСТВО КУРОЛОВЫЕ (*Leptosomatidae*)

Курол, или **кирумбо** (*Leptosomus discolor*), достигает в длину 43—45 см при 26 см длины крыла и 19 см хвоста. Передняя часть его головы, шея, зоб и передняя часть груди темного синевато-серого цвета, темя с небольшим хохолком — черное; спина, мелкие кроющие перья крыльев и плечевые — металлически-зеленые с чудным медно-красным блеском; на больших кроющих перьях крыла медно-красный отлив ярче; нижняя сторона серая с примесью белого на брюшке и под кроющими перьями хвоста. Маховые перья матово-черные; малые маховые перья с медно-красным отливом; хвостовые перья черноватые с ярким зеленым металлическим блеском и слабым медно-красным отливом. Глаза карие, клюв черный, ноги темно-желтые. У самки голова и шея красно-бурые с черными перевязями; спинка бурая с красновато-бурыми пятнышками и зеленоватым и медно-красноватым блеском; кроющие перья крыла черные с каштаново-бурыми пятнышками; малые маховые перья с красно-бурыми краями и полосками и медно-красноватым отливом; рулевые перья бурые, к концам, окаймленным ржаво-красноватым цветом, все темнее и темнее; нижние части по светло-красновато-чалому фону разрисованы на концах отдельных перьев кругловатыми с черным блеском пятнами.

Насколько куролы выдаются строением и окраской, настолько же своеобразны и их нравы, привычки и образ жизни, о которых дают более или менее обстоятельные сведения Грандидье, Ньютон, Рох, Поллен и Дам. Эта птица не из редких в северо-восточных, северо-западных и южных частях Мадагаскара, встречается также на Майотте и Иоганне, принадлежащим Коморским островам. Среди местных жителей Мадагаскара курол известен под различными названиями. В Ветсимараке его зовут «циромбо», в Сакалаве — «треотрео», подражая этим названием его жалобному крику. По временам его встречают обществами от 10 до 12 штук, которые держатся преимущественно по опушкам лесов; в другое время в подобных же местах их можно встретить целое множество, но разделенное на маленькие группы, в кото-

Семейство куроловые

рых численность самцов в такой степени перевешивает количество самок, что, по мнению Поллена, на одну самку приходится по крайней мере три самца.

Курол во всех отношениях своеобразная птица, хотя умным его назвать нельзя. Его крик, который можно выразить слогами «тьюху-тьюху-тьюху», звучит непрерывно и под конец с такой силой, что очень надоедает. При этом курол так раздувает горло и вытягивает шею, что эти части тела принимают вид висящего мешка. Но насколько энергичен он в призывных криках, настолько же ленив и туповат, когда сидит на ветви дерева. Он держится здесь неподвижно в очень отвесном положении, словно чучело, и не только подпускает к себе охотника на расстояние выстрела, равнодушно взирая на исчезновение того или другого члена их общества, но в буквальном смысле слова позволяет убить себя, не помышляя о побеге. Это особенно заметно тогда, когда несколько самцов преследуют одну самку; если одного из них в это время убивают, то другой и не думает скрываться, а довольствуется самым большим тем, что перепорхнет с одной ветки на другую. Совершенно иным показывает себя курол тогда, когда он летает и поднимется на значительную высоту. Здесь он держит себя с такой же резвостью, как сизоворонка, то быстро взвивается на воздух, вылетая из определенного места в лесу, то, сомкнув крылья, стремглав летит вниз, издавая по временам свист.

По изысканиям Поллена, курол питается преимущественно кузнечиками, но охотится также за хамелеонами и ящерицами, от которых его мясо приобретает неприятный запах, похожий на тот, который свойствен кукушкам.

Что такая выдающаяся птица привлекает к себе внимание местных жителей, это понятно, но трудно объяснить себе, почему курол играет такую важную роль в священных песнях и молитвах мадагаскарцев.

СЕМЕЙСТВО МОМОТОВЫЕ (Momotidae)

Один из известнейших видов этого семейства **синешапочный**, или **большой, момот** (*Momotus momota*). Край лба, уздечка и область глаза, как и круглое пятно на темени, — черные; край лба спереди небесно-голубого, сзади темно-ультрамаринового цвета; пятно на ухе сверху и снизу окаймлено узкой голубой полоской; зашеек и нижняя часть тела зеленые, с ржаво-коричневым оттенком; красно-бурые перья затылка составляют поперечное пятно; несколько удлиненных, широких черных перьев на середине горла окаймлены узкой небесно-голубого цвета полоской; спина, крылья и хвост — темно-зеленые; маховые перья внутри — черные; большие маховые перья снаружи — зеленовато-голубые; перья хвоста на конце с широкой темно-синей каймой; оба средних пера в своей широкой, вы-

дающеййся конечной области с более яркой каймой и черным краем на конце. Глаза красно-бурые, клюв черный, ноги буровато-серого рогового цвета. Длина птицы 50 см, длина крыла 17, длина хвоста 28 см.

По словам Бурмейстера, момот населяет лесистые области северной части Бразилии и здесь общеизвестен. Шомбургк находил его часто в Гвиане и имел случай долго его наблюдать. «Уже до восхода солнца, — говорит он, — раздается из дремучего, первобытного леса жалобный и печальный, но при этом отчетливый «гуту-гуту» момота и извещает дремлющую природу о наступлении дня. Эта замечательная птица избегает каждого светлого места в первобытном лесу и никогда не долетает до опушки, хотя момот несколько не пуглив. Он позволяет каждому наблюдателю подойти вплотную к себе, прежде чем слетит на один из нижних сучков, составляющих его излюбленные места сидения. Как только он уселся, то издает свой грустный «гуту-гуту», при первом звуке поднимая хвост кверху, и опять опуская его при втором. Эти движения очень похожи на движения трясогузки.

Для постройки гнезда момот отыскивает круглое или яйцевидное углубление на склоне холма или на другой возвышенности. Самец и самка правильно сменяют друг друга при высиживании, но как ни умеренна и ни серьезна эта птица во всех движениях, все-таки время сидения на гнезде кажется ей довольно долгим и, просидев на яйцах смирно едва 3—4 минуты, она начинает вертеться кругом, затем опять успокаивается на время, и потом вновь начинает свои повороты. Вследствие этого постоянного движения и вертлявости бородки обоих длинных хвостовых перьев путаются и стираются о края углубления. Едва только подлетит сменяющий ее супруг, как освобожденная птица, заботящаяся больше всего о чистоте и красоте оперения, летит на ближайший сучок, чтобы опять привести в порядок запутанные бородки; но это ей, конечно, удается большей частью только при полном уничтожении самих бородок. Вследствие этого и замечается то пустое пространство, которое подало повод к столь многим предположениям и которое каждый раз указывает на возраст птицы. У совсем старых птиц это голое место ствола простирается до самого конца, в то время как молодая, годовая птица, еще не высиживавшая, имеет на всем протяжении неповрежденные и невытертые опахала».

СЕМЕЙСТВО СИЗОВОРОНКОВЫЕ (Coraciidae)

Обыкновенная сизоворонка (*Coracias garrulus*). Начиная со Скандинавского полуострова и дальше на юг сизоворонка живет по всей Европе*; впрочем, она во время перелета попадает во всей Африке и в южной Азии. Радде наблюдал ее нечасто в Восточной Сибири, но она встречается больше в Азии, на-

Семейство СИЗОВОРОНКОВЫЕ

* В последнее время распространение сизоворонки в Европе сильно сократилось. Она уже не обитает не только в Скандинавии, но и в Дании, Швейцарии, Бельгии, Австрии, в Германии она сохранилась только у границы с Польшей, а во Франции лишь на самом юге вдоль побережья Средиземного моря, не стало сизоворонки также в северной Испании.

чиная с южного Алтая до Кашмира и северной Индии и, кроме того, выводит птенцов в Малой Азии, Персии и северо-западной Африке. Северную Россию она посещает крайне редко. В южной России, Испании, Греции, Малой Азии и Алжире встречается очень часто в соответствующих местах; в Греции образует настоящие колонии; в Испании мы также наблюдали ее многочисленные стайки. По Жердону, в Индии она водится только в северо-западных провинциях.

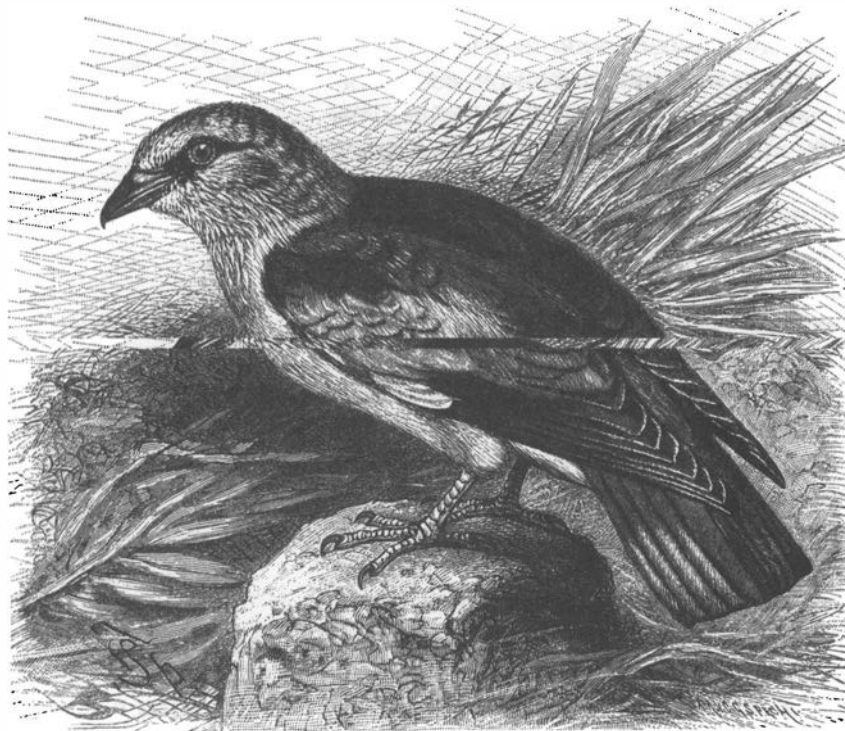
У нас, в средней Европе, сизоворонка пугливо избегает близости человека; в южных областях хотя при выборе гнездовья она и отдает предпочтение спокойным местностям, однако в общем не боится

мирного благонамеренного местного жителя. Для устройства гнезда старые сизоворонки в южной Европе подходящие деревья находят еще реже, чем у нас; но зато здесь нет недостатка в развалинах старых или заброшенных зданий, а в случае нужды и в крутых курганах, наконец, просто в утесах, где они всегда найдут соответствующее их надобностям углубление. На этом основании там их можно встретить гораздо чаще, чем у нас, даже в тех местностях, которых они у нас избегают.

Надо отдать должную справедливость высокому развитию чувств сизоворонки; относительно же понят-

ливости и характера суждения весьма разнятся; однако сизоворонку несомненно следует считать умной птицей. Она отлично понимает и различает действительную опасность от воображаемой, но ее скорее можно назвать недоверчивой, нежели пугливой. Где она уверена в защите со стороны человека, там близко подпускает его к себе; там же, где ей приходится терпеть от преследований, она улетает уже издали и держит себя крайне осторожно.

Смотря по местности, гнездо устраивают различным способом, однако углубление его всегда выстлано одним и тем же материалом: нежными кореньями, стебельками, волосами животных и перьями. Кладка состоит из 4—6 блестящих белых яиц. Оба пола насиживают попеременно и так усердно, что их можно снять с яиц прямо руками. Птенцов выкармливают насекомыми и личинками, они скоро вылетают из гнезда, но еще долго после того остаются

Обыкновенная
сизоворонка
(*Coracias garrulus*)

под руководством родителей, а осенью вместе с ними пускаются в зимнее путешествие. Против неприятеля, угрожающего детенышам, родители действуют мужественно, не задумываясь подвергают собственную жизнь опасности.

Восточный ширококорот (*Eurystomus orientalis*) имеет чрезвычайно обширную область распространения. Он населяет всю Индию и южную Азию, как материк, так и больше острова, Цейлон, Зондские, Филиппинские, Молуккские и на востоке доходит через Сиам и Китай до Амура, а на юге, через Новую Гвинею, до южной Австралии. В Индии он, по Жердону, живет у подножия Гималайских гор, в нижней Бенгалии и Ассаме, но не в южных областях, а если и попадает там, то лишь изредка; на Цейлоне, по Лайярду, он водится в различных местностях. В других частях области своего распространения он встречается местами также нередко. Гульд находил его в Новом Южном Уэльсе, а от Эльзея узнаем, что он весьма обыкновенен также в бассейне Виктории. В Новом Южном Уэльсе восточный ширококорот — перелетная птица, которая появляется весной и, вскормив птенцов, снова улетает на север. В других областях их местожительства, вероятно, происходит то же самое.

Когда ширококорот желает поймать насекомое, он садится обыкновенно почти торчком на сухой сучок дерева, преимущественно поблизости от воды, и осматривается кругом до тех пор, пока какое-нибудь насекомое не привлечет его внимания; тогда он бросается на свою жертву, овладевает ей и возвращается на прежнее место. В другое время его можно видеть почти только на лету, обыкновенно попарно. Тогда он носится вокруг вершины дерева, удивляя наблюдателя быстротой своих поворотов. Во время полета ясно видны серебристо-белые пятна в середине крыльев, вследствие чего эта птица и получила еще одно местное название — «доллар-птица». В пасмурную погоду ширококорот производит много шума и в особенности при полете издает какой-то своеобразный дребезжащий крик. Говорят, что он похищает из гнезда молодых попугайчиков и убивает их; однако Гульд не подтверждает этого, так как в желудке убитых находил постоянно только остатки жуков.

Восточный
широкорот
(*Eurystomus orientalis*)

ОТРЯД
УДОДООБРАЗНЫЕ
(Upupiformes)

СЕМЕЙСТВО
УДОДОВЫЕ (Upupidae)

Удод (*Upupa epops*) характеризуется следующими признаками: тело вытянутое; клюв очень длинный, ноги довольно сильные с короткими плюснами и тупыми когтями. Крылья большие и широкие, сильно округленные. Хвост средней длины, широкоперый, на конце ровно срезанный. Оперение мягкое, рыхлое и на голове удлинено в хохолок. Оперение верхних частей глинистого цвета; середина спины, плечи и крылья снабжены черными и белыми поперечными полосами. Перистый хохолок темного ржаво-желтого цвета; каждое отдельное перо его с черным кончиком. Нижние части яркого глинистого цвета, бока брюха с длинными продольными черными пятнами. Хвост черный с белой перевязью около середины. У самки все цвета немного грязнее, чем у самца; у молодых хохолок меньше. Глаза темно-бурые; клюв черного рогового цвета; ноги свинцово-серые. Длина птицы достигает 29 см, размах крыльев 45, длина крыла 14, а хвоста 10 см.

Удод живет в средней и южной Европе, по всей Сибири и Китаю, в западной Азии и северной Африке, редкий гость для Англии, но залетает иногда на север Скандинавии и на Шпицберген. Зимой его встречают по всей Африке, точно так же он принадлежит к регулярным зимним гостям Индии. У нас предпочитает равнины, более или менее густо поросшие деревьями. Особенно любит местности, в которых поля и луга идут попеременно с рощами, или такие, где по межам полей стоят одинокие, высокие деревья. В южной Европе он держится преимущественно в виноградниках; в Африке его можно видеть в каждом селении и даже в центре города.

Поведение удода своеобразное, но не неприятное. Он осторожен и пуглив, зачастую тщательно избегает человека и доверчив, собственно, только к пастухам; основная черта его характера — безграничная трусливость. Птица настолько умна, что чувствует себя вполне безопасной, если видит человека или домашнее животное, но в то же время уже собака кажется ей подозрительной, кошка заставляет быть настороже, летящая мимо ворона внуша-

ет опасение, а коршун или вовсе не страшный гриф приводят ее в неопиcуемый ужас. Удод мгновенно прижимается тогда к земле, расширяет крылья и хвост кружком, откидывает голову назад, поднимает клюв кверху и пребывает в этом положении с целью обмануть хищника, пока не минует опасность. Науман утверждает, что удод пугается каждой ласточки, быстро пролетающей около него, что он при этом вздрагивает и быстро распускает хохолок. Обыкновенно удод его не распускает, а держит кончиком назад, но двигает им взад и вперед, когда сердится, и расширяет его, когда сидит, отдыхая на дереве или когда издает свой крик. В пору спаривания он играет хохолком и тогда, когда бегаёт по земле, а иногда даже и на лету распускает и складывает его, как это делают, играя веером. Он ходит по земле, ловко шагая, а не прыгая; напротив, в ветвях он двигается мало и самое большее, что бегаёт взад и вперед по горизонтальным сучкам. На лету он попеременно то быстро, то медленно машет крыльями, отчего его полет кажется пугливым, и он как будто движется толчками. Перед опусканием он несколько мгновений нарит и при этом опускает хохолок.

Перед опусканием он несколько мгновений нарит и при этом опускает хохолок.

Пищу удода составляют различного рода насекомые, которых он собирает на земле и вытаскивает или вытягивает из дыр с помощью длинного языка. Навозных и трупных жуков, мясных мух, личинок и других навозных насекомых он, по-видимому, предпочитает и не отказывается также от майских и июньских жуков, бронзовок, кузнечиков, сверчков, муравьиных яиц, гусениц и т. п. Свою добычу вытаскивает с большой ловкостью из укром-

Удод
(*Upupa epops*)

ных уголков, добывает их часто с большим трудом, долбя и стуча, подобно дятлу. «На том месте, где он обыскал помет стада или диких животных, — говорит Науман, — или где он некоторое время ловил майских жуков, — видно много маленьких дырочек, просверленных в земле его мягким клювом. Тот же клюв служит ему для убивания больших жуков и для отрывания их жестких подкрылий, ног и брюшных щитков. Он до тех пор клювом ударяет жука о землю, пока эти части не отлетят, а затем обработанное таким образом насекомое отправляет в глотку». Клюв удода очень удобен для схватывания, но для того, чтобы проглотить пойманную добычу, птице необходимо подбросить ее кверху и затем уже ловить.

В Европе для гнезда удода чаще всего выбирают дупла деревьев, хотя не пропускают без внимания какую-нибудь дыру в стене или трещину скалы, кажущуюся им подходящими. В Египте они гнездятся почти всегда в стенных трещинах и очень часто в подходящих углублениях обитаемых построек. Вообще они не затрудняются выбором места для своего гнезда. В наших краях они довольствуются в случае нужды каким-нибудь потаенным местечком прямо на земле. В степных областях кладут свои яйца даже между костями падали. Паллас нашел однажды гнездо с семью птенцами в грудной клетке человеческого скелета. Дупло дерева обыкновенно не выкладывает ничем, но иногда кое-какими стебельками и корешками, а также и коровьим навозом. Гнезда, помещенные на земле, выстилает всевозможными сухими стебельками, нежными корешками и прутиками и точно так же украшивает навозом. Кладка состоит из 4—10 сравнительно маленьких, приблизительно 27 мм длины, 17 мм толщины, весьма продолговатых яичек, с чрезвычайно нежными белыми точечками по грязному бело-зеленому или желтовато-серому фону. Иногда пятен вовсе нет и вообще яйца очень разнообразны по окраске. До начала мая редко найдешь полную кладку, так как удод кладет яйца только раз в году. Яйца высидивает с чрезвычайным самоотвержением только самка в продолжение 16 дней; о птенцах заботливо пекутся оба родителя, выкармливают их личинками и жуками и руководят, направляют, учат и предохраняют их еще долгое время после вылета.

Немцы называют удода «вонючей птицей», и действительно, в птенцовую пору удод вполне оправдывает это народное прозвище, так как он и птенцы в это время воняют невыносимым образом. Сидящая на яйцах самка редко берет на себя труд выкинуть собственный помет, а гнездо с птенцами никогда не вычищается. Вонь привлекает мух, которые кладут свой яички в навоз, и, таким образом, гнездо в конце концов кишит личинками. Само собой разумеется, хуже всего воняют птенцы, однако и родители мало уступают им, и только много недель спустя после вылета из гнезда как те, так и другие теряют пропитавший их запах. Когда

птены совершенно вырастут, от этого запаха так мало остается, что их, как и их родителей, можно есть без отвращения. В это время они очень жирны и необыкновенно вкусны.

Семейство
древесные удо́ды

СЕМЕЙСТВО ДРЕВЕСНЫЕ УДО́ДЫ (Phoeniculidae)

Самым привлекательным из тех видов, которых я мог изучить, следует считать, без сомнения, **красноклювого лесного удо́да** (*Phoeniculus purpureus*). Основной цвет его оперения — пре-

красный металли-чески блестящий синий, отсвечивающий то темно-зеленым, то пурпуровым оттенком. На внутреннем опахале первых трех маховых перьев находится по одному белому пятну, на шести следующих перьях — по два. Такое же украшение и на хвостовых перьях: у них также около концов находятся белые крестообразные пятна. Глаза бурые, клюв и ноги кораллово-красные. Самка меньших размеров и оперение ее менее блестяще. Птенцы темно-зеленого цвета, ближе к

черному, и почти совершенно лишены блеска; их клюв красновато-черного цвета. Длина красноклювых удо́дов достигает 45—47 см, размах крыльев 48, длина крыла 16, а хвоста 24 см.

По моим исследованиям, красноклювый удо́д живет в северо-восточной Африке не севернее 16 градуса, но к югу от этой параллели находится повсюду в высокоствольных лесах. Кроме того, его находили по всему восточному побережью до мыса Доброй Надежды, затем повсюду в средней Африке, куда проникли европейцы, и, наконец, даже в западной Африке. Он принадлежит к числу обитателей леса и лишь иногда показывается на полянах; однако и тут не покидает деревьев. В безлесных равнинах

Красноклювый
лесной удо́д
(*Phoeniculus
purpureus*)

никогда не встречается, так как только в редких случаях слетает на землю. С криком и шумом шмыгает, летает и лазают по лесу компания этих красивых птиц, редко состоящая менее чем из 4 и более чем из 10 штук. Спик, впрочем, говорит о стаях из 15—20 штук. Стайка живет очень дружно. Что начнет делать один, то перенимают другие. При отлете все общество кричит, перебивая друг друга, так что становится невозможным различить отдельных звуков. Левальян пробует передать горловой звук, произносимый птицей с удивительной скоростью, посредством «гра-га-га-га».

Пока общество ничем не встревожено, оно перелетает с одного дерева на другое и с куста на куст. Кто-нибудь из них прицепится внизу к шероховатой коре какого-нибудь ствола и лезет по ней кверху, другой следует за ним, и вскоре вся стая таким образом оказывается на одном и том же стволе. По косо-му стволу красноклювый удод лазают если и не с ловкостью дятла, то с неутомимостью многих лазающих птиц; на отвесном стволе держится, по крайней мере некоторое время, уцепившись за кору, и при этом, всовывая в каждую трещину нежный и изящный клюв, обыскивает все потаенные уголки насекомых. Хвост не служит ему опорой при лазании, но от лазания скоро изнашивается, поэтому же и опахала перьев редко выглядят гладкими. На обыкновенного удода красноклювый похож тем, что часто ест навозных и трупных жуков, а на дятла тем, что он особенно любит разных муравьев. Гюрней нашел, что он ест и клопов; к пище красноклювого удода Монтейро причисляет гусениц и маленьких жуков; по моим наблюдениям, он в известное время питается исключительно муравьями и в особенности крылатыми. Из-за своей пищи он приобретает в высшей степени неприятный запах, который меняется, смотря по роду пищи. Обыкновенно он пахнет муравьями, но совсем нередко, подобно обыкновенному удоду, воняет навозом, а иногда от него несет очень неприятным запахом мускуса. Движения красноклювого удода сравнительно ловки. Несмотря на короткие ноги, птица бегаёт вовсе не так плохо, как можно было бы ожидать, а в лазании она довольно искусна. Полет удода состоит из нескольких быстрых взмахов крыльями и следующим за ними плавным движением: нередко на лету он описывает дуги.

Я мало знаю других птиц, которые жили бы так дружно между собой, как красноклювые удоды. Относительно их гнездования Левальян сообщает, что самка откладывает 6—8 синевато-зеленых яиц в дупле дерева на рыхлое гнилье, высиживает их попеременно с самцом и еще долгое время возвращается в то же дупло вместе с вылетевшими птенцами*. Стоит только вечером проследить за их громкими криками, и легко найдешь этих любопытных, мало пугливых птичек, и можно видеть, как вся семья возвращается в ночное убежище.

** Эти сведения Левальян почерпнул, скорее всего, от местных жителей. Они во многом не подтвердились впоследствии. Специальными исследованиями установлено, что кладка красноклювого удода содержит всего 2—3 яйца и насиживает их одна самка, самец ее кормит.*

Кроме этого Левальян еще сообщает, что красноклювые удо- ды иногда собираются около человека, собаки или какого-нибудь другого животного и с громкими криками следуют за ним с дере- ва на дерево.

СЕМЕЙСТВО ПТИЦЫ-НОСОРОГИ (Bucerotidae)

Начиная от 17 градуса северной широты, к югу по большей части Африки, распространен **серый токо** (*Tockus nasutus*). Это один из самых маленьких видов семейства; его легко отличить, но нелегко описать в коротких словах. Длина птицы достигает 46 см, размах крыльев 57, длина крыла 17, хвоста 19,5 см. Одина- ково окрашенные самки значительно меньших размеров.

Во всех лесах Абиссинии, восточного Судана и Кордофана, а также во всех соответствующих областях средней, восточной и южной Африки токо принадлежит к числу тех птиц, которых можно видеть и слышать изо дня в день. Его встречают, хотя реже, в негустых рощах степей и постоянно, местами очень часто, в приречных низменностях, где лес состоит из высоких деревьев. В горы, по наблюдениям Гейглина, он залетает до 2000 м. Это не перелетная птица, хотя часто, в сообществе с близкими ему соро- дичами, далеко кочует по стране.

Как большинство птиц-носорогов, серый токо является вполне древесной птицей, лишь очень неохотно спускающейся на землю, может быть, даже только тогда, когда вынужден искать там про- питание при недостатке ягод и древесных плодов. Его любимым местопребыванием являются распространенные деревья обла- сти; на них он и его сородичи, с которыми он охотно смешивается, появляются с большой регулярностью. Он любит держать себя открыто и для этого садится возможно выше на кончики самых верхних ветвей. С ветки на ветку прыгает довольно неуклюже, но по одному и тому же сучку бегаёт ловко. Его полет напоминает отчасти полет дятла, но настолько своеобразен, что токо можно узнать еще издали. Несколько быстрых взмахов крыльями уно- сят птицу на известную высоту, с которой она опускается по очень крутой дуге, опустив книзу клюв; затем снова взвивается и снова несется вниз. При этом хвост ее попеременно то расширяется, то складывается. Название птицы есть подражание ее голосу, так как он состоит из единственного громкого крика, повторяемого часто и отрывисто несколько раз один за другим, так что в общем все это может длиться минуту. Каждый отдельный звук сопро- ждается кивком головы, но к концу крик становится учащен- ное, и птица должна прилагать много старания, чтобы не забыть скрепить кивками все отдельные тоны, что она и исполняет доб- росовестно. Гейглин изображает голос токо слогами «тлуидиу- тлуидиу-диутлу» со всевозможными перестановками и повыше-

Семейство ПТИЦЫ-НОСОРОГИ

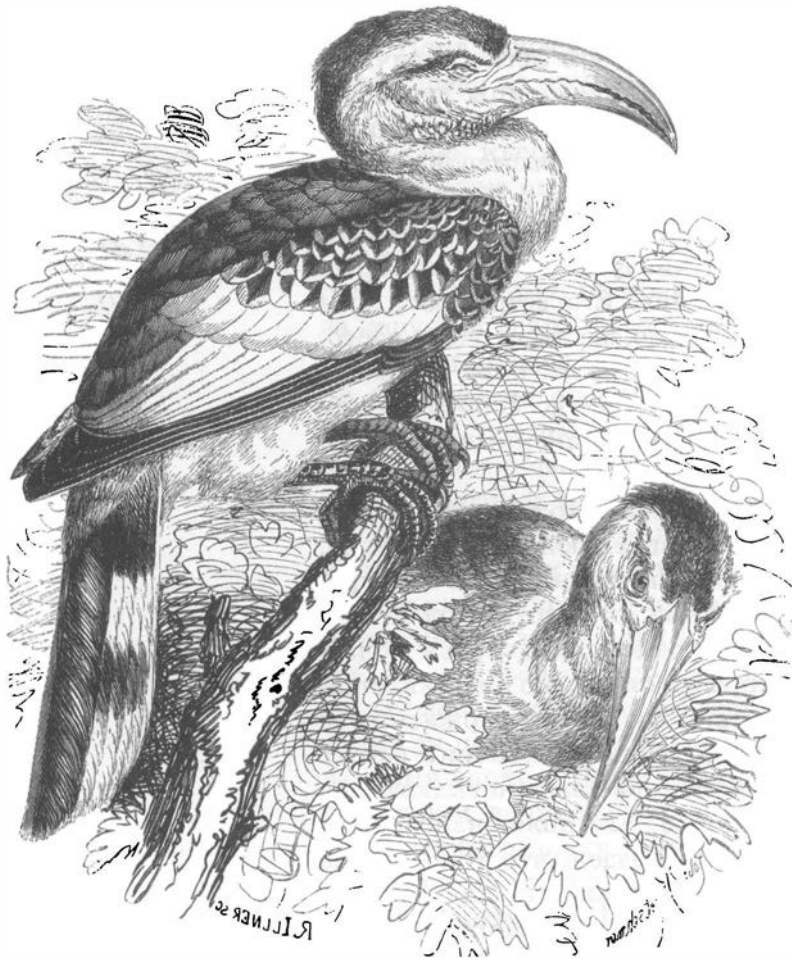
ниями и замечает, что иногда птицы, будучи испуганными, в одних случаях издают глухое, короткое «шарр», в других оживленное стрекотание.

О гнездовании серого токо дал превосходные сведения Ливингстон, и сообщенное им было полностью подтверждено Кирком и Андерсоном. «Нам нужно было, — так рассказывает знаменитый путешественник, — пересечь большие мопановые леса, и мои люди наловили много птиц, называемых корвэ, прямо с их

гнезд, которые находились в дуплах мопановых деревьев. 19 февраля мы натолкнулись на гнездо одной корвэ, которое как раз должно было быть занято самкой. Гнездо оказалось замазанным с обеих сторон глиной, но оставлено было сердцевидное отверстие как раз такой величины, чтобы пропустить тело птицы. Внутреннее помещение постоянно имело довольно обширное продолжение кверху, где птица и пробовала спастись, когда мы хотели ее поймать. В одном из гнезд мы нашли белое яйцо, похожее на голубиное, а второе птица снесла уже будучи в наших руках. В яйцевыводке я нашел, кроме того, еще четыре оплодотворенных яйца».

«В первый раз я увидел эту птицу во время рубки одного леса в Колобенге. Один из сопровождавших меня местных жителей вдруг крикнул: «Вон гнездо корвэ!» Я

ничего не увидел, кроме трещины небольшого дупла в стволе; она имела приблизительно 1 см в ширину и 7—10 см в длину. Думая, что слово «корвэ» обозначает какое-нибудь маленькое млекопитающее, я с напряженным вниманием ждал, что вытащит оттуда туземца. Он разломал твердую, окружавшую трещину глину, запустил руку и вытащил взрослого токо. Он рассказал мне тут же, что самка, забравшись в гнездо, должна сидеть там очень долго, пока насиживает. Самец замуравливает вход и оставляет одно только небольшое отверстие, через которое запертая птица просовывает клюв, чтобы брать корм, доставляемый ей самцом. Самка

Красноклювый токо
(*Tockus erythrorhynchus*)

выкладывает гнездо собственными перьями, кладет яйца, высиживает их и остается с молодыми, пока они не станут на взлет. В продолжение всего этого времени, длящегося два-три месяца, самец ревностно занят кормлением своей подруги и птенцов. Обычно последние от этого становятся очень жирными, почему являются лакомым блюдом для аборигенов, бедный же самец остается жалким и исхудалым часто до такой степени, что при внезапном наступлении дождливой погоды от слабости падает с дерева и умирает. Я не имел случая узнать точный срок такого «пленения». Когда спустя восемь дней, я опять увидел то же дерево, отверстие было уже снова замуровано; оказалось, что несчастный вдовец нашел утешение с новой подругой. Мы оставили в покое обоих. Судьбе было угодно, чтобы я больше не был на том месте».

Как представителя индийских видов этого семейства первым нужно упомянуть **двурогого**, или **большого индийского калао** (*Buceros bicornis*).

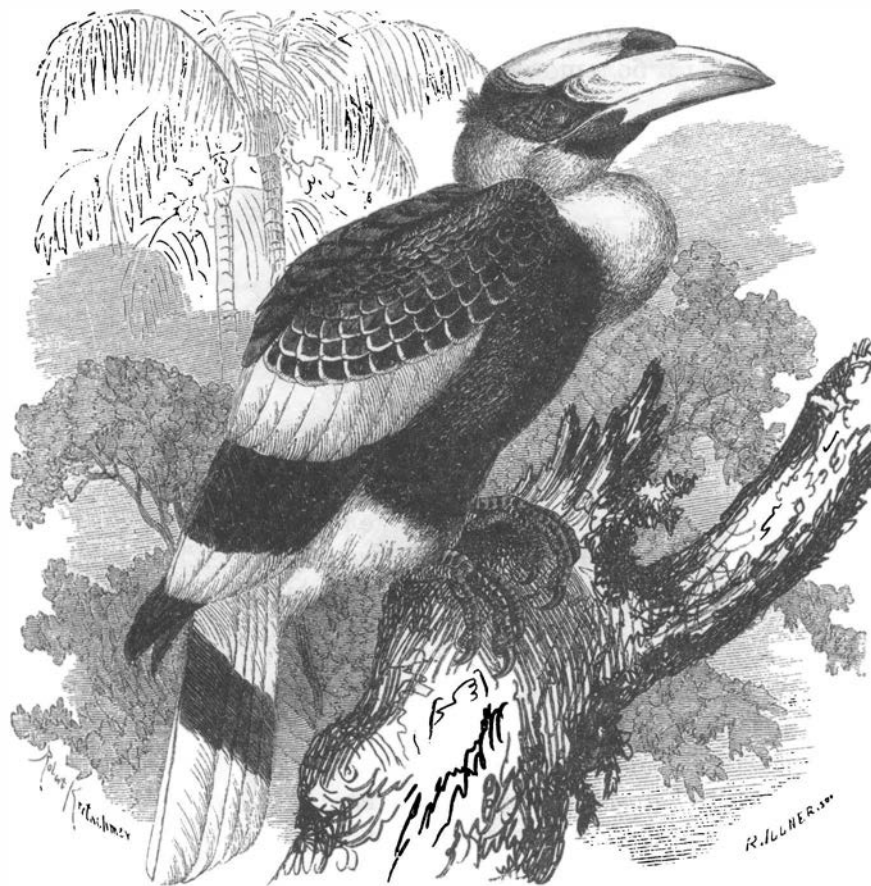
Оперение его главным образом черного цвета. Шея, концы верхних кроющих перьев хвоста, брюхо и нижние кроющие перья хвоста, пятна на крыльях, основания больших маховых перьев, концы всех маховых вообще и, наконец, рулевые перья, за исключением широкой черной перевязи перед концом, — все это более или менее чистого белого цвета. Нередко шейные и крыловые перья выглядят желтоватыми вследствие сильного окрашивания жиром копчиковой железы. Глаза пурпурово-красные. Верхняя половина клюва, включая нарост, — красного цвета, переходящего в желтый восковой; нижняя половина желтая, на конце красная; основание клюва бледно-черное, голая кожа у глаз черная; ноги темно-бурые. Длина птицы достигает 1,2 м, длина крыла 50—52 см, длина хвоста 44, клюва 26 см; от заднего края нароста до конца клюва 34 см, нарост же 20 см в длину и 8,5 см в ширину.

Двурогий калао распространен по высоким лесистым местностям Индии, от крайнего юга до Гималаев и от Малабарского берега до Ассама, Аракана, Тенассерима, Бирмы и Малайского полуострова, впрочем, встречается и на Суматре. По словам Жердона, он живет в Индии на горных склонах до 1500 м над уровнем моря, большей частью парами, реже небольшими стаями; по Ходжсону, которому принадлежит мастерское по форме и содержанию описание местонахождения и образа жизни этой птицы, он населяет все горные цепи между Харидваром на западе и Ассамом на востоке, однако проникает, следуя по бассейнам рек, далеко в глубь гор, но в таких случаях держится исключительно в долинах и никогда не забирается на голые вершины соседних гор.

Художественно и сжато описывает Ходжсон местожительство и образ жизни двурогого калао. Птица эта преимущественно выбирает для своего местопребывания открытые и заросшие чащи, если таковые находятся среди лесов поблизости рек. Она живет

общественно и настолько же характерна спокойными привычками и движениями, как и самоуверенностью и достоинством. На вершинке какого-нибудь высокого дерева фантастической формы видишь крупных, удивительных и полных сознания собственного достоинства птиц, сидящих по часу неподвижно, подогнув и почти спрятав между крыльями шею и прижавши живот к самым пяткам. При случае одна из них слетает, обыкновенно в сопровождении одного или двух товарищей, и, пролетев короткое расстояние, садится на другое высокое дерево. Насколько мог наблюдать Ходжсон, калао никогда не опускаются на землю и не садятся хотя бы на низкое дерево. Обыкновенно 20 или 30 таких птиц сидят в непосредственной близости, шесть или восемь на одном и том же дереве, конечно, если оно велико, и здесь они проводят по часу с невозмутимостью и достоинством судей, время от времени издавая полуподавленный крик, столь же странный, как их фигура и манеры. Эти крики напоминают кваканье огромной лягушки и лишь немного громче его.

Двурогий,
или большой
индийский, калао
(*Buceros bicornis*)

Все остальные наблюдатели в существенных чертах согласны с этим описанием; однако Жердон замечает, что он никогда не видел ни в южной Индии, ни в Сиккиме стай более чем из пяти и шести штук, да и самих птиц видел только изредка. Он характеризует двурогого калао вообще как спокойное существо, которое лишь время от времени испускает низкое, но не громкое карканье, при этом прибавляет, что в том случае, когда птицы сидят компанией, он вовсе не слышал, чтобы они издавали грубые и неприятные звуки.

Ходжсон полагает, что калао можно считать исключительно плодоядной птицей. «Что он бывает таковым, по крайней мере в известное время, — говорит этот автор, — это вне всякого сомнения, так как желудки пяти или восьми птиц, которых я убил

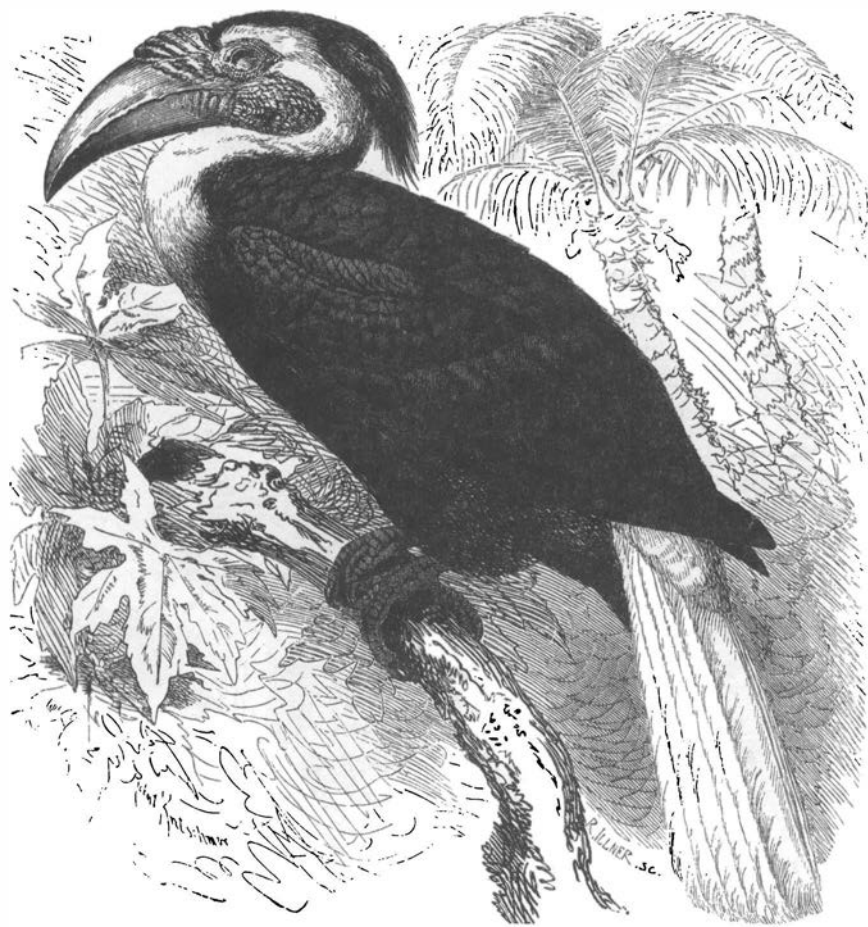

и исследовал в январе или феврале, заключали в себе исключительно плоды священных смоковниц. Все наблюдатели заметили, что калао питается плодами этого дерева и фигами вообще, как дикими, так и растущими в садах, предпочитая эту пищу всякой другой. Однако они не ограничиваются только фигами, но при случае едят и другие плоды». Для плодовых садов, по словам Гюрнея, калао иногда бывают очень вредны. Об их гнездовании существует много наблюдений. «Когда самка, — говорит Масон, — положит свои 5—6 яиц, самец так плотно замуравливает ее, что она может просунуть в отверстие только свой клюв. Так проводит она птенцовую пору и может поплатиться жизнью, если вздумает ломать свою тюрьму. Чтобы вознаградить ее за потерю свободы, самец усердно доставляет ей плоды и приносит их целыми, так как самка не дотронется до обкусанного плода». Едва ли следует прибавлять, что последняя часть сообщения Масона основывается на выдумках или на доверии к баснословным рассказам туземцев; первая же часть сказанного им совершенно верна. Тиккель дополняет сообщенное Масоном. «16 февраля, — рассказывает он, — я узнал от жителей селения Карэн, что в дупле одного соседнего дерева устроил гнездо большой индийский калао и что уже несколько лет пара гнездится все на том же месте. Я посетил это гнездовье и заметил, что дупло находилось в почти прямом стволе дерева, лишенном сучков метров на 15 от земли. Дупло было замуравлено глиной так, что оставалось лишь маленькое отверстие, через которое самка просовывала клюв и могла брать от самца корм. Один из сельчан с большим трудом взобрался на дерево, вколачивая в ствол бамбуковые палочки, и начал разламывать глиняную замазку. Во время этого занятия самец испускал громкие, хриплые звуки, порхал вокруг и подлетал почти вплотную к нам. Местные жители, по-видимому, испугались и уверяли, что он может напасть на них, так что мне стоило большого труда уговорить их не убивать птицу. Когда дупло было достаточно раскрыто, один из них просунул внутрь руку, но птица так сильно укусила его, что быстро вытащил руку обратно и чуть не упал с дерева. Обернув руку несколькими тряпками, ему удалось вытащить птицу. Это было поистине жалкое существо, отвратительное и грязное. Снесенная вниз и пущенная свободно по земле, птица прыгала по ней, не имея возможности лететь, и пугала окружающих людей своим клювом. Наконец она залезла на маленькое деревцо и осталась там сидеть, так как была слишком беспомощна, чтобы употребить в дело крылья и присоединиться к самцу. В глубине дупла, приблизительно на 1 м ниже входа, на рыхлом гнилье, кусочках коры и перьях лежало единственное, грязное, светло-буроватое яйцо. Кроме того, дупло было наполнено массой гнилых ягод. От жира своей копчиковой железы самка приняла желтую окраску».

Дальнейшее развитие молодых двурогих калао, оказывается, также протекает медленно; по крайней мере Ходжсон уверяет, что они достигают полного развития только на четвертом или пятом году. Блайт, напротив, на основании наблюдений над пойманными двурогими калао говорит, что для полного развития этого калао достаточно трех лет.

В дополнение ко всему предыдущему следует привести здесь превосходное описание образа жизни **папуасского калао** (*Aceros plicatus*), сделанное Бернштейном. Этот калао главным образом

характеризуется тем, что вместо верхней половины рога он имеет мясистое морщинистое возвышение. Его маховые перья средней величины, хвост довольно сильно закруглен, ноги короткие и сильные. Оперение черное, за исключением охрово-желтой головы и шеи, но хвост белый, клюв светлого рогового цвета, голое горло и голые места у глаз светлоголубые. У молодых птиц нет складчатого нароста, так как он развивается только с возрастом. Так как глубокие поперечные борозды нароста у всех птиц одинаковы по числу, то прежде думали, что каждый год вырастает новая складка и по их числу можно определить возраст птицы. Это обстоя-

Папуасский калао
(*Aceros plicatus*)

тельство дало повод к названию, данному ему европейцами, — годовая птица.

Самый прославленный из всех африканских птиц-носорогов — **абиссинский рогатый ворон** (*Bucorvus abyssinicus*). Он принадлежит к числу самых крупных видов семейства, крепко сложен, с короткими крыльями и хвостом, но с довольно высокими ногами. Его клюв очень большой, слабо согнутый, сплюснутый с боков, с тупым концом, с несмыкающимися посередине половинками клюва и украшенный только одним, хотя довольно высоким наростом над основанием верхней половинки клюва.

Этот нарост начинается на середине темени и продолжается приблизительно до первой трети всей длины клюва, спереди бывает или открытый и продолжается дальше в форме трубки, или же закрытый. Глаза и область горла — голые и очень ярко окрашенные. Оперение, кроме десяти желтовато-белых маховых перьев, блестящего черного цвета. Глаза темно-бурые; клюв черный, за исключением пятна на верхней половинке, которая в задней части — красного цвета, а спереди желтого; глазной ободок, как и горло, темно-свинцово-серые, последние с ярко-красной каймой. Самка отличается главным образом немного меньшей величиной и менее развитым голым пятном на горле. Длина птицы, по моим собственным измерениям, достигает 1,13 м, размах крыльев 1,83 м, длина крыла 47 см, а хвоста 35 см.

Абиссинский рогатый ворон живет в северо-восточной и северо-западной Африке. Он везде встречается одинаково часто и больше живет в лесистых степях и горах, чем в настоящих девственных лесах или в безлесных областях. В Абиссинии, по Гейглину, он заходит в горы до 4000 м высоты, но чаще попадает в поясе между 1000 и 2000 м. По окончании птенцовой поры абиссинские рогатые вороны собираются иногда многими парами с птенцами и их иногда можно видеть летающими стаями в 10—12 штук. По словам Монтейро, внутри Нижней Гвинеи местные виды абиссинских рогатых воронов сбиваются даже в стаи из сотни птиц, но, конечно, это случается лишь в редких случаях. Обыкновенно же они живут парами и не присоединяются к сородичам; кроме того, они не представляют собой древесных птиц в настоящем смысле этого слова, но ходят по земле подобно воронам, ища на ней свою пищу, и взлетают на деревья, только будучи спугнуты или избирая их местом отдыха. По словам Гейглина, для таких мест они предпо-

Абиссинский
рогатый ворон
(*Bucorvus abyssinicus*)

Семейство птицы-носороги

читают одиноко стоящие густолиственные высокие деревья на полянах, лугах или долинах, представляющих возможность далеко видеть вокруг.

Эта птица так заметна, что ее знает каждый местный житель, и повсюду она заслужила известное уважение. В возбужденном состоянии, в особенности самцы, ведут себя очень странно, распускают и складывают хвост совершенно так, как это делают индейские петухи, надувают горловой мешок, волочат по земле крылья и вообще принимают грозный вид. Походка этих птиц похожа на походку ворон, но слегка переваливающаяся, полет отнюдь не слабый, как утверждают некоторые, напротив — легкий и красивый, а когда птица поднимается на известную высоту, становится парящим. Однако абиссинский рогатый ворон не любит за один раз пролетать большие расстояния и, будучи спугнутым, скоро снова садится.

В желудке одного убитого мной самца я нашел среди навозных жуков и кузнечиков несколько червей и довольно большого хамелеона. Гюрней полагает, что птица питается улитками, ящерицами, лягушками, крысами, мышами, различными кузнечиками, жуками и другими насекомыми; Монтейро же думает, что он ест гадов, птиц, яйца, жуков, маниоковые корни и земляные орехи. «Он занимается охотой, — говорит Гюрней, — всего охотнее там, где трава выжжена, стучит своим сильным клювом по твердой почве, поспешно переворачивает комки земли так, что с них летит пыль, хватает пойманное насекомое, бросает его на воздух, ловит его снова и препровождает в горло. Больших змей птица убивает следующим образом: когда какая-нибудь из таких птиц нашла подобное пресмыкающееся, она приходит с двумя-тремя другими товарищами, приближается сбоку, растопырив маховые перья, и дразнит этим змею, но вовремя мгновенно поворачивается назад, наносит змее сильный удар клювом и снова выставляет перед собой свой оперенный щит. Такие нападения повторяются до тех пор, пока змея не будет убита. Если же последняя начнет нападать сама, птица раскрывает оба крыла и защищает ими голову и наиболее опасные для уязвления части». Маркиз Антинори считает эту птицу, на основании наблюдений и исследования ее желудка, всеядной в обширном смысле этого слова и говорит, что она не только вырывает из земли всевозможные растения, но и охотится за различными животными.

По собственным исследованиям я знаю, что абиссинский рогатый ворон гнездится в дуплистых деревьях, а от Гейглина — что самка кладет маленькие, круглые, белые яйца с шероховатой скорлупой. О том, из одного или из нескольких яиц состоит кладка и замуравливается ли самка, насколько мне известно, еще вовсе нет сведений. Найденное мной дупло дерева не носило на себе никаких следов подобной работы и заключало в себе только одного птенца*. Последний был почти на взлете и окрашен в черный цвет вплоть до средней части маховых перьев. У основания клюва не было еще никаких следов рога.

* По современным данным, рогатые вороны устраивают гнезда обычно в дуплах баобаба, кладка содержит всего два яйца, которые насиживаются обоими родителями.

ОТРЯД
ДЯТЛООБРАЗНЫЕ
(Piciformes)

Семейство
пуховковые

СЕМЕЙСТВО
ПУХОВКОВЫЕ (Bucconidae)

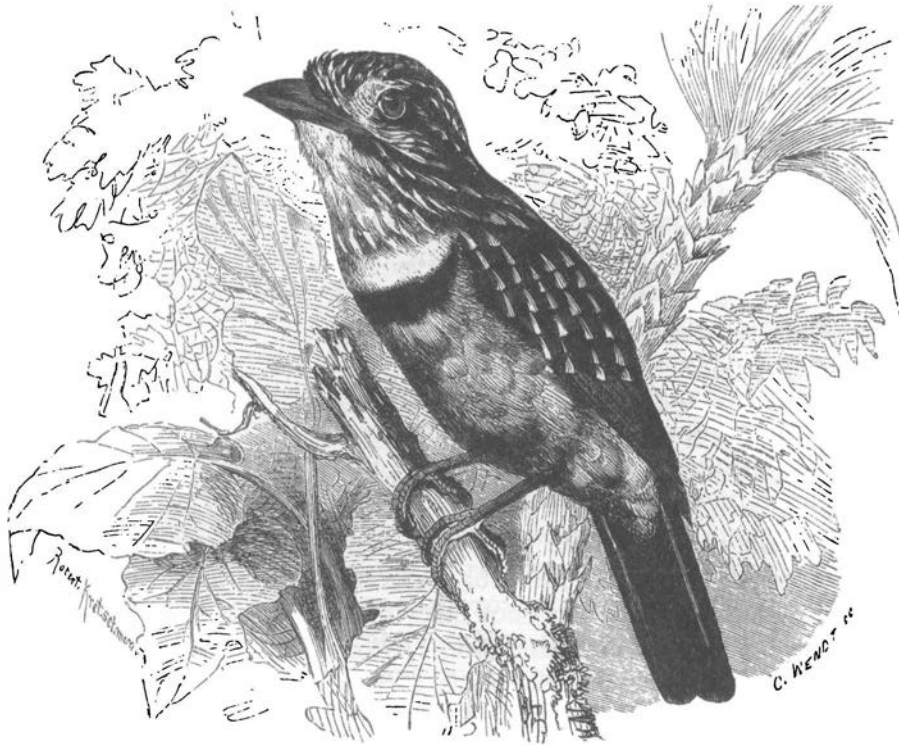
Это весьма ленивые и скучные существа, они составляют не очень многочисленную, но и не очень бедную группу, принадлежащую исключительно к экваториальным странам Южной Америки.

Все пуховковые живут в лесах в одиночку или парами и редко только на время соединяются небольшими обществами. Они неохотно селятся около человеческих жилищ, а носятся взад и вперед по уединенным лесам. Нравы их не представляют ничего интересного, так как вялость, лень и глупость — самые выдающиеся черты характера. Тихо и одиноко сидят они на сухих ветках под самой вершиной деревьев, неподвижно поджидая пролетающую мимо добычу. Не двигая ни одним мускулом и вообще ничем не выказывая волнения, они близко подпускают к себе наблюдателя, и только когда тот дотронется до ближайших к ним веток, они перелетают на соседнее дерево, чтобы принять там прежнюю унылую позу. Пища состоит из насекомых, которых они умеют ловить, не сходя с ветки. Некоторые виды любят сидеть высоко на деревьях, другие близко к земле, но на самую землю спускаются редко. Однако говорят, что некоторые виды гнездятся в норах, выкопанных ими самими в земле.

Траппист, или белогрудая малакоптила (*Malacoptila fusca*), имеет голову и спину темно-бурые, с ржаво-желтыми полосами; нижняя часть тела бледно-серая, большое серповидное пятно на нижней части шеи чисто-белого цвета, широкая грудная полоска под ним черная, маховые и рулевые перья темно-серовато-бурые. Глаза красновато-карие; клюв и ноги черные. Молодые птицы отличаются от старых более мутными цветами и не очень резкими полосками на стволах перьев, а серповидное пятно на шее имеет светло-желтый налет. Длина достигает 20 см, размах крыльев 31, длина крыла 8,5, а хвоста 8,5 см.

«Эти пуховки, — говорит принц фон Вид, — самые обыкновенные обитательницы лесов юго-западной Бразилии. Я находил трапписта уже около Рио-де-Жанейро во всех густых лесах и те-

нистых кустарниках, даже около самых жилищ; он смиренно сидел или подпрыгивал на низких ветках или на земле, подкарауливая себе добычу. Я постоянно видел эту печальную птицу, почти неподвижно сидящую на месте и никогда не слышал ее голоса». «Он появляется, — прибавляет Бурмейстер, — даже в деревенских садах, где сидит около дорожек, весной парами, не двигаясь и не выказывая никакого внимания к окружающим его предметам. Впечатление, производимое этой необыкновенной птицей, очень странное. Ее белое горловое пятно светится еще издали среди лесной чащи, а когда подойдешь ближе, то увидишь, что птица сидит неподвижно, точно сонная, но вместе с тем как бы в

Траппист, или бело-
грудая
малакоптила
(*Malacoptila fusca*)

недоумении рассматривает путешественника огромными вытаращенными глазами. Глупость и равнодушие так ясно выказываются во всем их поведении, что никому не приходит в голову удивляться данной им бразильцами кличке «Joao doido» (Ванька-дурак). Для орнитолога он интересен, так как соединяет в себе смелых и подвижных, шумных кукушек и их темное оперение, с ленивым нравом козодоев — явление во всяком случае замечательное. Мне не случилось видеть гнезда

этой птицы. Принц фон Вид тоже ничего о нем не сообщает. В желудке ее я нашел, кроме остатков других маленьких животных, большую дневную бабочку, которая, свернувшись, наполняла почти весь желудок».

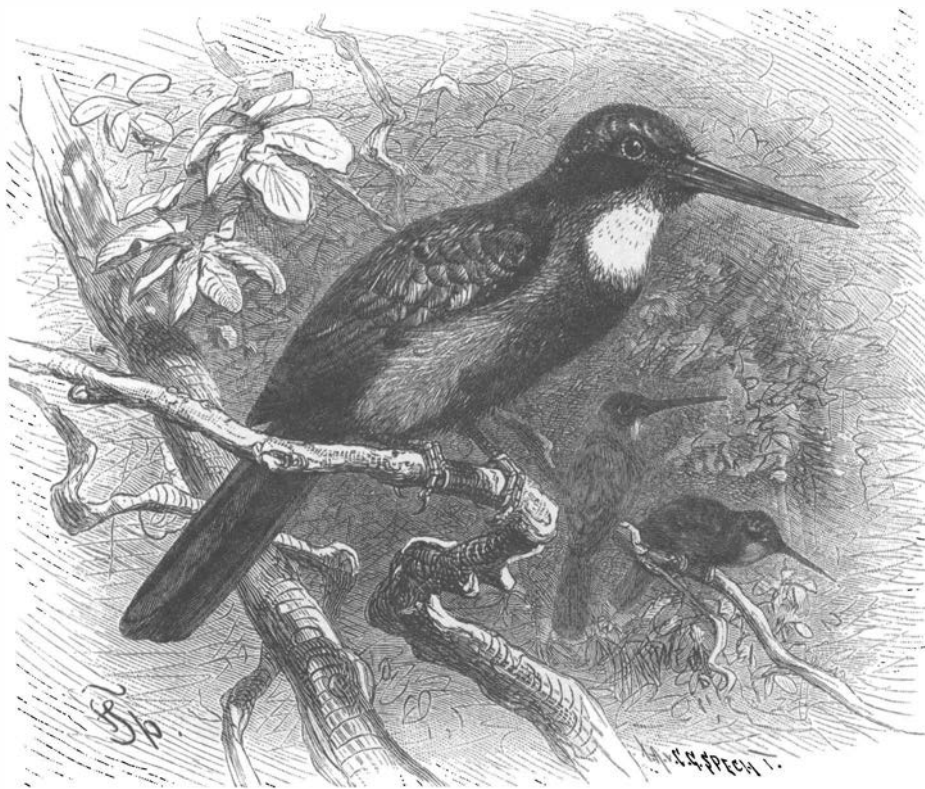
СЕМЕЙСТВО ЯКАМАРОВЫЕ (*Galbulidae*)

У зеленой якамары (*Galbula galbula*) верхние части тела и грудь превосходного золотисто-зеленого цвета, нижние части тела ржаво-красного цвета, боковые перья хвоста ржаво-красные с зелеными концами, горло у самцов белое, у самок ржаво-желтое. Глаза карие, длинный тонкий клюв, уздечка и голое кольцо около

глаз — черные, ноги буровато-телесного цвета. Длина, согласно измерениям принца фон Вид, достигает 21,5 см, длина крыла 8, а хвоста 9 см.

Якамара населяет леса всего побережья Бразилии и встречается везде довольно часто. По мнению принца фон Вид, эта красивая птица имеет во многих отношениях большое сходство с колибри, и это сходство осознается даже местными жителями, которые прозвали якамара «большим колибри». Она живет, подобно своим сородичам, одиноко и тихо в сырых местах, поросших лесом и тенистым кустарником; сидит обыкновенно у воды на самых нижних ветках, летает быстро, но не далеко, и вообще скучная, тихая и ленивая птица, которая, по-видимому, избегает всякого передвижения.

Терпеливо ждет приближения насекомого, быстро набрасывается и ловит его на лету, а потом так же быстро возвращается на старое место. По уверению Шомбургка, якамара в состоянии целыми часами просиживать, не двигаясь, в ленивом покое; голос ее громкий, звонкий, часто повторенный звук, но вовсе не приятное пение, как думал Бюффон. Гнездо якамары и их родичи устраивают в круглых береговых норах. Так по крайней мере утверждает принц фон Вид, который, впрочем, сам никогда не находил подобных гнезд.

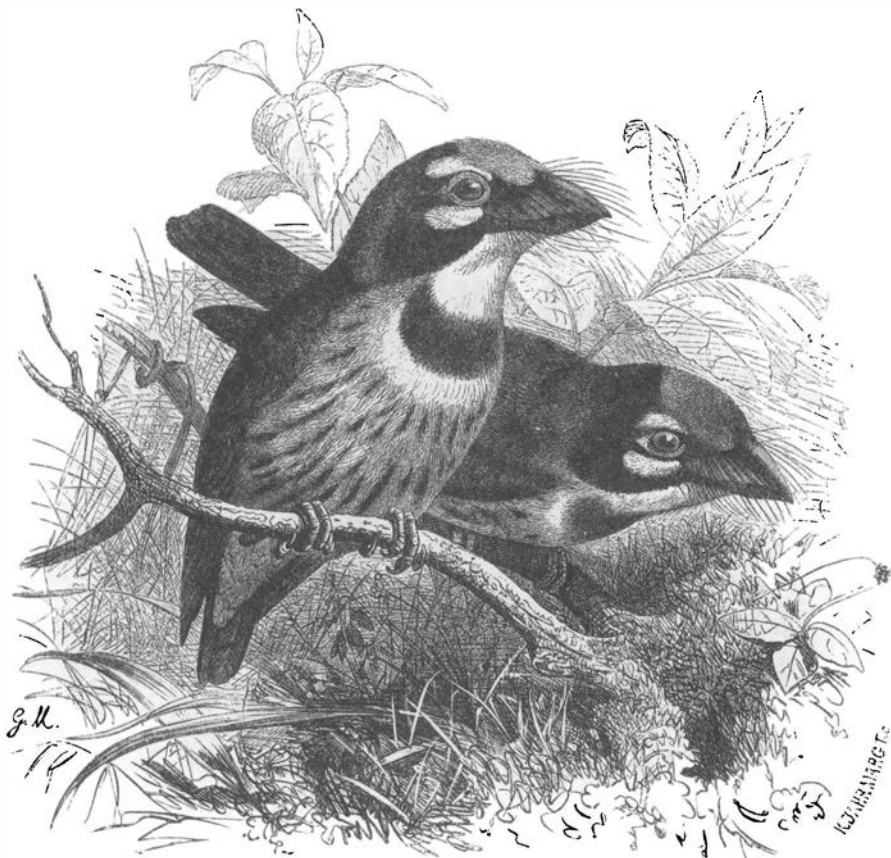

Зеленая якамара
(*Galbula galbula*)

СЕМЕЙСТВО БОРОДАТКОВЫЕ (*Capitonidae*)

Представителем азиатских видов этого семейства я избрал **красноголового бородастика** (*Megalaima haematocephala*), так как его образ жизни до некоторой степени изучен. Оперение сверху темно-оливково-зеленое; эта окраска на наружных каймах черных маховых перьев переходит в темный зелено-синий цвет. Пе-

редняя и верхняя части головы — пурпурово-красные. Затылок и бока головы — черные. Узкая полоска над глазом и широкая полоса под ним, подбородок и горло — желтого цвета серы; поперечная полоска, оторачивающая горло снизу, — темно-пурпурово-красного цвета; полоса, в свою очередь огибающая эту последнюю, — оранжево-желтая. Все остальные нижние части — желтовато-белые, покрытые широкими яблочно-зелеными продольными пятнами по стержням. Глаза темно-бурые, клюв черный, ноги красного кораллового цвета. Длина достигает 17 см, размах крыльев 29, длина крыла 8,5, а хвоста 4 см.

Красноголовый
бородастик
(*Megalaima*
haematocephala)

*У этого вида борода-ток кладка состоит из 2—4 яиц, вообще у представителей семейства борода-тковых — из 2—5 яиц.

Красноголовый бородастик распространен, по словам Жердона, по всей Индии, Кохинхине, Цейлону, на Малайских островах, особенно на Суматре, и на Филиппинских, но отсутствует в Гималаях и Пенджабе. Он обыкновенен всюду, где есть деревья, живет в высокоствольных лесах, рощах, на бульварах и в садах и без всякого страха прилетает к домам, нередко даже садится на них. Некоторые натуралисты говорят, что он лазает по деревьям подобно дятлу, но Жердон утверждает, что он никогда этого не замечал и сомневается, чтобы какой-нибудь бородастик вообще двигался таким образом. Голос этого бородастика громкий, похожий на слог «дук-дук». Этот крик птицы обыкновенно издает, сидя на вершине дерева и сопровождая каждый звук кивком головы то в одну, то в другую сторону. Из-за голоса и движений головы эта птица получила название «кузнеца», которое очень в ходу как у европейцев, так и у индийцев.

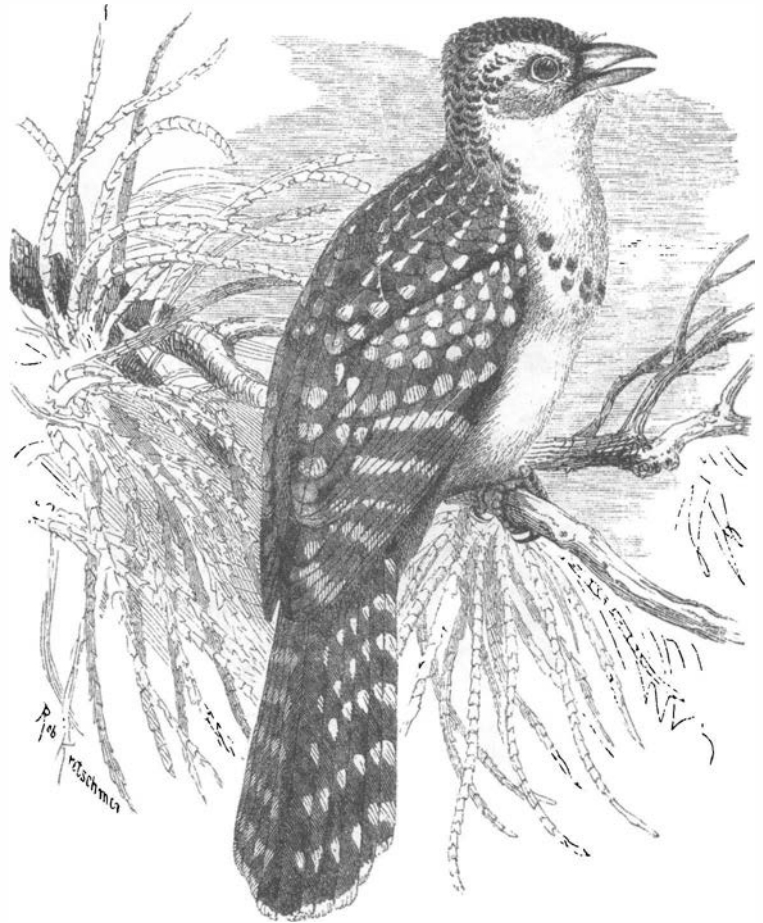
Пищу птицы составляют различного рода плоды, а иногда, быть может, и насекомые.

О размножении красноголовых бородастиков я могу сказать очень мало. Гнезда устраивают в дуплах деревьев, и одно и то же дупло, вероятно, служит для этого несколько лет подряд. Кладка состоит из двух, а может быть и больше, яиц белого цвета*.

Из африканских бородачей больше всего понравился мне жемчужный трахифонус (*Trachyphonus margaritatus*). Он принадлежит к группе украшенных бородачей. Их характерные признаки: клюв тонкий, средней длины, ноги сравнительно высокие, средний палец короче плюсны, крылья довольно длинные, хвост довольно длинный и округленный.

Оперение верхних частей умбро-бурого цвета с белыми крапинками и полосками. Глаза темно-красные; клюв светло-красный; ноги свинцово-серые. Длина тела достигает 19 см, длина крыла 9 см.

К югу от 17 градуса северной широты жемчужный трахифонус не был редкостью во всех посещенных мной областях северной Африки, а в лесах и садах Сеннара и Кордофана по крайней мере кое-где был довольно обыкновенным явлением. Следует упомянуть, что птица делает все зависящее от нее, чтобы быть замеченной. Она заявляет о своем присутствии сама и умеет оживить сады степных и лесных деревень африканских низменностей. Они встречаются обыкновенно парочками, но в птенцовую пору и маленькими обществами. Жемчужные трахифонусы никогда не прячутся, подобно другим африканским бородачам, но живут открыто. Особенно в утренние или вечерние часы они взлетают на самую верхушку некоторых деревьев и весело и радостно покрикивают оттуда. Лишь только две птицы разного пола встретятся на одном дереве, обе начинают свою оригинальную песенку, которая, по моему мнению, состоит из слогов «гукгук-гирре-гирре-гукгук». Голоса обоих певцов настолько смешиваются друг с другом, что получается настоящий сумбур, и песня становится такой путаной и неясной, что отдельных звуков уже различить нельзя. Получается какое-то «гудение», как совершенно справедливо заметил Гартман. «Во всяком случае, — говорит этот натуралист, — песнь жемчужного трахифонуса является одним из самых странных и характерных звуков этой местности». Но поэтому-то, а может быть и благодаря одушевле-

Жемчужный
трахифонус
(*Trachyphonus
margaritatus*)

нию, влагаемому в эту песню, невольно разделяешь с певцом его наслаждение. Впрочем, он совсем не любит, чтобы его подслушивали любознательные белые люди, по крайней мере он мгновенно умолкает, лишь только увидит приближающегося к его месту европейца и обыкновенно вовремя улетает прочь, так что наблюдать жемчужного трахифонуса на достаточно близком расстоянии — дело не такое легкое.

Во всем остальном птица живет подобно другим видам его семейства. Бородач не спеша порхает по вершинам деревьев, ест насекомых, добирается до плодов и собирает семена. Он лазает плохо, летает, то махая крыльями, то паря, далеко летать не любит, а предпочитает больше покой и упорно держится однажды избранного места. Но, по-видимому, границы его распространения простираются шире, чем у других бородатковых.

СЕМЕЙСТВО МЕДОУКАЗЧИКОВЫЕ (Indicatoridae)

Представители этого семейства, которых известно около 12 видов, принадлежат главным образом к птицам Африки, только два вида семейства наблюдались вне этой части света, в Сиккиме и на Борнео. Они живут в лесистых областях, обыкновенно парочками, весьма редко маленькими стайками и, перепархивая с дерева на дерево, издают при этом звучный, приятный крик. «Не смотря на их незначительную величину и незаметную окраску, — говорит Гейглин, — их легко заметить и увидеть издалека благодаря особенному полету и белому цвету наружных рулевых перьев». Они принадлежат к самым популярным птицам Африки, так как в местах жительства известны решительно всякому. Уже первые путешественники упоминают об особенно странном качестве медоуказчиков, которым они, по-видимому, обладают все поголовно. Обо всем необыкновенном, что остановит их внимание, они оповещают других животных, в особенности человека, смело и дерзко летя к нему навстречу и приглашая криками и мимикой следовать за собой. «О том, что зовом своим они часто приводят к пчелиным роям, знает каждый туземец Африки, от Капской провинции до Сенегала и от западных берегов до Абиссинии. Но столь же часто птица приводит следующего за ним человека к падшим животным, наполненным личинками насекомых, и преследует своим криком львов или леопардов, короче — указывает все, что привлечет его внимание». Последнее мнение, на основании своих многолетних наблюдений, Барбер принимает с оговоркой. Он, как и его выросшие в южной Африке сыновья, всегда убеждался, что медоеды в то время, когда вели их к пчелиным ульям, дорогой ни на что внимания не обращали.

Об их размножении мы получили достоверные сведения только в недавнее время; старые сообщения оказались ложными. Мы

знаем теперь, что медоуказчиковые принадлежат к числу таких птиц, которые не заботятся о выводе своих птенцов, предоставляя это надзору и заботам других птиц.

Из известных до сих пор наблюдений путешественников явствует, что все виды медоуказчиковых в общем ведут одинаковый образ жизни. Поэтому будет вполне достаточно, если я опишу только один вид семейства и приведу сведения об их образе жизни, сообщенные путешествовавшими по Африке натуралистами.

Большой медоуказчик (*Indicator indicator*) имеет сверху серо-бурую окраску, снизу серовато-белую; горло черное, пятно в области уха серовато-белое. На плечах замечаются желтые пятна; на некоторых перышках бедер — продольные черные полоски. Радужная оболочка бурая, глазной ободок свинцового цвета; клюв желтовато-белый; ноги буровато-серые. Длина птицы достигает 18 см, длина крыла 11,5 а хвоста 7 см.

Начиная с юга этот вид распространен на большей части Африки до 16 градуса северной широты, но, по-видимому, он, как и его сородичи, в известных областях, например, в Восточном Судане или в Абиссинии, бывает временно, следовательно, является здесь перелетной птицей.

Первые сведения о медоуказчиках были сообщены Лудольфи в 1681 году. Он уже знал, может быть и не на основании личных наблюдений, что птица обо всем, что останавливает ее внимание, оповещает человека, и не только об одних пчелиных ульях, но и о диких буйволах, слонах, тиграх и змеях, что она буквально приводит доверившегося ей охотника к открытому ею животному или предмету. Лобо, описание путешествия которого было издано в 1728 году, снова говорит об интересующей нас птице. «Морок, или медовед, — пишет он, — обладает особенным талантом находить мед и пчел всевозможных пород, которые в огромном количестве водятся в Эфиопии. Одни из них живут

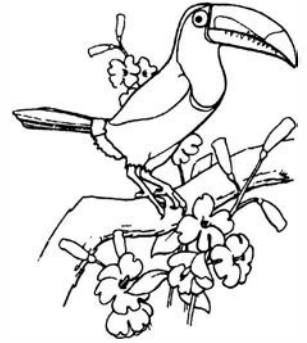
Большой медоуказчик
(*Indicator indicator*)

как ручные — в особых корзинах, другие держатся в дуплах деревьев, третьи — в ямах и норах под землей, которые они заботливо содержат в чистоте и так искусно скрывают, что их трудно отыскать даже и тогда, когда они устроены поблизости проселочной дороги. Мед, который они собирают, столь же превосходен, как мед домашних пчел, он только немного чернее последнего. Я мог бы даже подумать, что это тот самый мед, которым питался Иоанн Креститель в пустыне. Когда морок выследит какое-нибудь гнездо пчел, он садится на проселочной дороге, хлопает крыльшками, поет, если он кого-нибудь увидит, стараясь быть понятным и убедить последнего следовать за собой и ждать, пока он укажет ему пчелиное жилище. Если он заметит, что за ним следуют, он перелетает с дерева на дерево, пока не приведет к тому месту, где найден мед. Абиссинец выбирает мед, но никогда не преминет оставить добрую часть его птице».

После вышеупомянутого путешественника в конце прошлого столетия Шпаррман дал полное описание странного поведения медуказчиков, и его данные были только подтверждены всеми последующими натуралистами.

«Медуказчик, — говорит Шпаррман, — заслуживает, чтобы я здесь описал подробнее его оригинальную жизнь. Благодаря своим размерам и величине, он почти неприметен, так как при беглом взгляде напоминает обыкновенного серого воробья, хотя немного больше и бледнее последнего, имеет по маленькому желтому пятнышку на каждом плече и в окраске его гузки очень заметен белый цвет. Если он открывает место, где находится гнездо пчел, то делает это из эгоистических целей: мед и личинки пчел составляют его любимое кушанье, и он знает, что при разорении пчелиного гнезда всегда кое-что теряется и перепадет, следовательно, ему или будет заботливо оставлено ему в награду за оказанную услугу». На это Левальян совершенно справедливо возражает, что те медоведы, которые живут в лесах, где нет людей, не могут рассчитывать на такое вознаграждение за услугу, а все-таки живут, что таким образом птица вовсе не умышленно обслуживает человеку, но просто он пользуется ее способностью находить мед. «Ко всему этому, — продолжает Шпаррман, — следует добавить, что в способ, которым эта птица совершает свои предательские проделки, она влагает много соображения и делает это удивительным образом. Утро и вечер — время, по-видимому, особенно подходящее для ее деятельности; по крайней мере в это время она проявляет больше рвения, привлекая внимание бушменов и готтентотов своим чирикающим «ехерр-херр». Тогда идут к птице, которая летит, не торопясь, по пути к ближайшему пчелиному рою, не переставая издавать свой призывный крик. За ней следуют, избегая шума и большой компании, чтобы не испугать своего проводника; лучше в этом случае изредка отвечать птичке, как это делал один из моих хитрых бушменов, тихим,

слабым свистом в знак того, что за ней следуют. Я заметил, что в тех случаях, когда пчелы были далеко, птичка делала остановки, но после продолжительного полета, чтобы тем самым подождать охотника за медом и затем снова манить его за собой; но когда они подходили уже близко к улью, расстояния, пролетаемые ею, становились все короче, а крик ревностнее и чаще. Когда же наконец она подлетала к самому пчелиному гнезду, которое могло помещаться или в расселине какого-нибудь холма, или в дуплистом дереве, или в подземных ходах, то секунду вилась над ним и безмолвно садилась обыкновенно на соседний куст так, чтобы ее не было видно, и высматривала, что будет дальше и не перепадет ли ей кое-что из добычи. Возможно, что она, прежде чем спрятаться, вьется таким образом над гнездом каждый раз более или менее продолжительное время, хотя это не всегда можно заметить. Но что бы там ни было раз птичка замолкла, можно быть всегда уверенным, что пчелиное гнездо находится где-нибудь очень близко. В одном месте, где мы провели несколько дней, мои готтентоты много раз следовали приглашению одного несколько боязливого медуказчика, прежде чем сумели выследить пчелиное гнездо, к которому он их привел. Когда таким образом, по указанию птички, найдут гнездо и выберут из него мед, ей обыкновенно из признательности оставляют значительную часть наиболее плохих сотов с сидящими в них личинками. Такие соты как раз являются наиболее лакомыми для птицы, но и готтентоты, в свою очередь, вовсе не считают их самыми плохими. Мой спутник говорил мне, что, если идут специально за добыванием меда, в первый раз не следует быть слишком щедрым по отношению к этой услужливой птичке, но оставить ей ровно столько, сколько требуется для удовлетворения ее аппетита, так как благодаря этому, в ожидании еще большей награды, птичка приведет вас еще к одному улью, если таковой находится где-нибудь по соседству».

Плотное крепкое оперение и толстая кожа медуказчиков приходится весьма кстати, т.е. прекрасно защищают птиц от жаления пчел. Понятно, что последние не позволяют себя грабить добровольно, но о смертельном исходе борьбы между медуказчиком и пчелами никто из новейших наблюдателей ничего не говорит. Кроме личинок пчел, ос, шмелей и вышеупомянутых гусениц, медуказчики, без сомнения, преследуют столь же усердно и других насекомых.

Левальян уверяет, что самка медуказчика кладет 3—4 белых яйца на рыхлое дно в дупле дерева и высиживает яйца вместе с самцом. Это сообщение с достаточной убедительностью было признано ложным по наблюдениям братьев Верро. Эти натуралисты находили, с чем соглашается и Гартлауб, яйца и птенцов различных медуказчиков, живущих в южной Африке, в гнездах сорокопутов, дятлов, иволог и тому подобных птиц. Самка сносит свое блестящее белое яйцо на землю и несет его в клюве в выб-

Семейство медоуказчиковые

** Это высказывание не соответствует действительности. Птенцы медоуказчиков выкармливаются от начала до конца приемными родителями. У некоторых видов птенец медоуказчика, так же как и кукушата, выбирается из гнезда птенцов хозяина, у других — растет с ними вместе.*

***Кладки разных видов тукановых состоят из 1—4 яиц.*

ранное заранее чужое гнездо, выбросив предварительно оттуда одно яйцо. Когда молодой медоуказчик немного подрастет, по наблюдениям Верро, приблизительно через месяц, старики начинают его кормить сами и приглашают его оставить гнездо приемных родителей*. Верро наблюдал, как одна самка положила свои три яйца в гнезда трех различных маленьких птиц.

СЕМЕЙСТВО ТУКАНОВЫЕ (Ramphastidae)

Это птицы с довольно легким, но несоразмерно большим клювом, пилообразно зубчатым по краям расщепа. Они имеют всего десять рулевых перьев. Уздечка и глазная область их голые. Тукановые, в количестве около 60 видов, распространены в тропических странах Америки.

Образ жизни тукановых, по утверждению Бурмейстера, лучше всего описан принцем фон Вид, поэтому проще всего привести здесь слова этого выдающегося исследователя.

«В девственных лесах Бразилии тулканы наряду с попугаями принадлежат к числу самых обыкновенных птиц. В холодное время года их всюду бьют массами на еду. Для чужестранного путешественника они представляют еще больший интерес, нежели для местного жителя, который пригляделся как к чрезвычайно странной форме, так и к блестящему оперению этих птиц, потому что их оперение отличается яркими, ослепительными цветами по угольно-черному фону. Даже радужная оболочка глаза, ноги и колоссальный клюв окрашены в яркие цвета. Я никогда не находил гнезда тукуана. Между тем бразильцы меня уверяли, что он кладет два яйца в дупле дерева или сука, и это мне кажется вероятным, так как большинство тамошних птиц кладут по два яйца**». Они любопытны, как вороны, сообща преследуют хищных птиц и собираются в больших количествах, чтобы дразнить врага. Их полет я бы не назвал тяжелым, как это делает Соннини, но это, может быть, относится лишь к самому большеклювому из всех тукановых, большому тукуану, которого я никогда не видел летающим. Тулканы летают высоко и далеко, описывая плавные дуги, причем не замечается никакого особенного напряжения, ни такого положения, которое отличало бы их от других птиц. Во время полета они держат голову и клюв вытянутыми горизонтально, а не летят с подтянутой шеей, как говорит Левальян. Уатертон ошибается, утверждая, что большой клюв служит им помехой и они его опускают вниз, так как мне очень часто случалось видеть, как легко и быстро эти птицы помахивали своим клювом на верхушках лесных деревьев и затем снова спешили в густую тень. Является ли большой тукуан в этом случае исключением? Я сомневаюсь в этом, так как клюв его настолько легок, что он, по-видимому, для него не тяжелее, чем маленький клюв для

дятла. Голоса различных тукановых несколько различны для каждого вида. Азара говорит, что у наблюдавшихся им видов он звучал как слог «рак». Это могло относиться к большому тукану; у тех видов, которых я наблюдал, крик звучал совсем иначе.

Американские дикари часто употребляют красивые пестрые перья этих птиц для украшения, в особенности оранжевую грудь, которую они снимают и прикрепляют целиком к своей одежде».

Самый большой вид этого семейства — **большой тукан**, или **токо** (*Rhamphastos toko*). Оперение его равномерно-черное, надхвостье светло-крово-красное; щеки, горло, защечная и передняя часть шеи, а также верхние кроющие перья хвоста — белые, на живой птице слегка желтоватого оттенка. Весьма крупный, высокий клюв ярко-оранжевого цвета, края его имеют несколько зазубрин; к спинке и на конце нижней половинки — огненно-красный; конец верхней половинки и края расщепления перед головными перышками — черные. Перед глазом треугольное пятно желточно-желтого цвета. Глазной ободок кобальтово-синий, радужная оболочка бутылочно-зеленого цвета; ноги светло-голубые. Длина достигает 57 см, длина крыла 23, а хвоста 14 см.

Большой тукан живет в возвышенных частях Южной Америки от Гвианы до Парагвая включительно, но попадает и в средней Америке.

Тукановые держатся обыкновенно высоко на верхушках лесных деревьев. Там они скачут по вершинам в поисках пищи с большей ловкостью, чем то можно было бы предположить, или, отдыхая, сидят на самых верхушках высоких деревьев и выпускают оттуда трещащие и свистящие звуки. В дневной жар они прячутся в листве, а в особенно жарких лесных долинах показываются, по словам Чуди, только к закату солнца и по крайней мере только тогда становятся оживленными, деятельными и шумливыми. На землю спускаются редко, по всей вероятности, только напиться или собрать упавшие древесные плоды или семена. Полет их сравнительно недурной. Они плавно несутся с одной верхушки дерева на другую, напротив, если перелетают большие расстояния, то подвигаются короткими отрывистыми толчками, причем держат голову несколько согнутой книзу, вероятно вследствие несоответственной величины клюва. «Иногда, — замечает Бэтс, — их видишь сидящими по целым часам маленькими стайками из 4—5 штук на верхних ветвях какого-нибудь высочайшего дерева и слышишь странный концерт, даваемый ими. Один из них, сидящий выше других, является как бы дирижером всех этих дисгармонических звуков; двое из остальной компании, чередуясь, кричат на разные лады». Даже и тогда, когда они прячутся в густых сплетениях ветвей, часто слышатся их призывные крики. По уверению индейцев, они особенно крикливы перед предстоящим дождем и поэтому служат хорошими предсказателями погоды.

Все виды тукановых могут считаться подвижными, веселыми, пугливыми, но и любопытными птицами. С чрезвычайной осторожностью они избегают людей, и подкрасться к ним могут только очень опытные охотники; они дразнят последних тем, что, подобно нашим сойкам, не отлетают от них далеко, но в известный момент слетают и всегда снова выбирают такие места, приближение к которым затруднительно. Но когда нужно подразнить какую-нибудь хищную птицу, например сову, тулканы мгновенно появляются тут как тут.

Относительно пищи туканов по настоящее время еще господствуют различные мнения. Шомбургк настойчиво утверждает, что они питаются только плодами, Бэтс также говорит, что плоды, без сомнения, служат их главной пищей и что длинный клюв облегчает срывание плодов, так как он позволяет хватать пищу на большом расстоянии. Напротив, Азара утверждает, что тулканы ни в каком случае не ограничиваются растительной пищей, но истребляют также много птиц. Внушая сильный страх своим огромным клювом, они прогоняют с гнезд маленьких птиц и уничтожают яйца, молодых, даже птенцов ара, и что в дождливую пору, когда твердые гнезда печника становятся мягкими, они нападают и на них, разбивают их и вытаскивают птенцов. А. фон Гумбольдт сообщает, что они едят рыбу. В верности этих сообщений я совершенно убежден, так как все тулканы, которые до сих пор наблюдались в неволе, не только не задумываясь брали животную пищу, но даже преследовали мелких позвоночных с сильным рвением: видно было, что они совершают нечто вполне свойственное им. Маленькая птичка, заключенная в одном помещении с ними, делается рано или поздно их добычей, как бы велика ни была клетка и сколь лакома ни была бы предлагаемая им пища. Они выжидают удобного случая, внезапно протягивают свой огромный клюв, с необыкновенной ловкостью схватывают даже на лету приблизившуюся к ним маленькую птичку, убивают ее на месте и съедают с очевидным удовольствием. Азара замечает еще, что они подкидывают на воздух плоды, куски мяса и птичек, подобно тому, как жонглеры шары, и ловят все это до тех пор, пока оно не примет положения, удобного для проглатывания. Пехуэль-Леше также наблюдал, что они частенько, если не постоянно, проделывали это со своей пищей; остальные наблюдатели такого способа еды не видели. Шомбургк говорит, что он не замечал этого ни у свободно живущих, ни у пойманных птиц. «Брать свой корм с земли — вещь во всяком случае трудная для этой оригинально сложенной птицы; раз она его схватила, она поднимает свой клюв перпендикулярно кверху и проглатывает его без всякого предварительного подкидывания».

После долгих и многих наблюдений я должен согласиться с Шомбургком. Кастельно описывает процедуру питья тулана. Он погружает в воду кончик большого клюва, наполняет его,

сильно втягивая в себя воздух, и затем приподнимает клюв кверху несколькими порывистыми движениями. Я должен прибавить к этому безусловно верному описанию, что я никогда не замечал этих порывистых движений. Птица наполняет водой клюв, как совершенно верно передает Кастельно, но затем медленно поднимает голову кверху, подобно пьющей курице, и дает воде стечь в горло.

О размножении тукановых нет еще надлежащих сведений. Они гнездятся в дуплах деревьев и кладут по два яйца. Птенцы скоро приобретают красивое оперение родителей, но клюв принимает свойственную ему красивую окраску только на втором или третьем году.

Всех тукановых в Бразилии преследуют очень усердно как из-за их мяса и красивых перьев, так и для приручения этих странных птиц. «В один день, — замечает принц фон Вид, — мы убивали их большое количество и ели их мясо, напоминавшее воронье». Бурмейстер уверяет, что мясо туканов — прекрасное кушанье, что, приготовленное с рисом, оно было превкусно и напоминало хороший суп из голубей. Шомбургк называет их мясо попросту съедобным. По словам Бэтса, жители Эга, местечка на берегу Амазонки, устраивают охоту на туканов, когда последние, соединяясь в большие стаи, появляются в окрестных рощах. «Каждый эгасец, который может раздобыть к этому времени какое-нибудь оружие, идет с ним в лес и убивает нескольких таких птиц для улучшения своего стола, так что в июне и июле почти вся Эга кормится одними туканами. Целую неделю какая-нибудь семья ежедневно имеет за столом вареных или жареных туканов. В это время они чрезвычайно жирны, и мясо их необыкновенно нежно и вкусно».

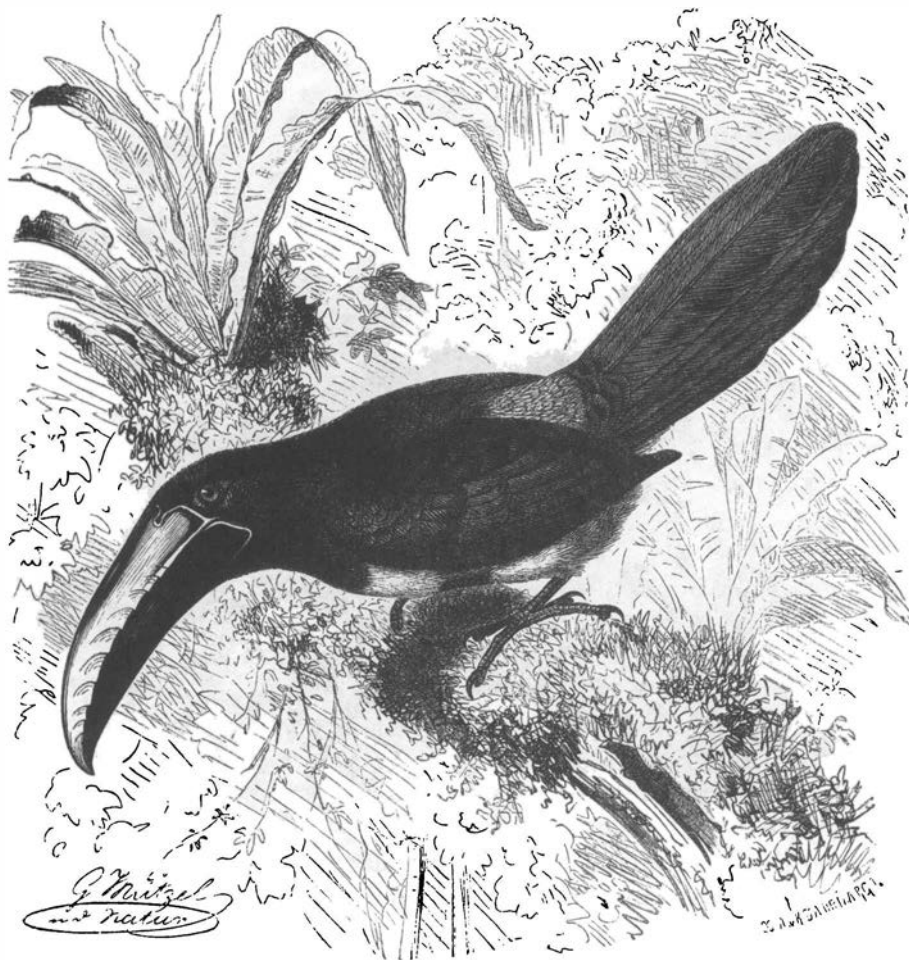
Большой тукан,
или токо
(*Rhamphastos toko*)

Шомбургк дает интересные сведения об употреблении цветных перьев туканов. Он описывает встречу с племенем майонконгов: «Изящнейшее украшение из широких головных повязок состояло большей частью из красных и желтых перьев, которые находятся на надхвостье тукановых. Так как в настоящее время не только майонконги, но и другие племена делают как свои головные покрывала, так даже целые плащи из этих перьев, то оба вида тукановых, которые преимущественно преследуются, будут вскоре совершенно уничтожены. Чтобы избежать совершенного истребления этих птиц, доставляющих им украшения на одежду,

местные жители прибегают к весьма остроумному способу, стреляя для этой цели в птиц очень маленькими и весьма слабо отравленными стрелами. Рана, причиняемая такой стрелой, слишком незначительна, чтобы убить, а слабый яд лишь ошеломляет раненую птицу. Она падает вниз, желаемые перья выдергивают, и через некоторое время птица снова приходит в себя, быть может, для того, чтобы еще несколько раз быть подстреленной и ограбленной».

Ошейниковые арасари (*Pteroglossus torquatus*). Основной цвет его опе-

рения — темно-зеленый с металлическим отливом. Голова и шея черные с темным буро-фиолетовым налетом на щеках. Нижняя часть груди и брюхо бледно-зелено-желтые; полоса, идущая посередине брюха, и надхвостье вплоть до спины — красные. Хвост черно-зеленый, если смотреть сверху, и серо-зеленый, если смотреть снизу. Глаза бурые; голые части около глаз — аспидно-черные. Верхняя половинка клюва желтовато-белого цвета и только ротовой угол у приподнятого края и округлая спинка — черные;

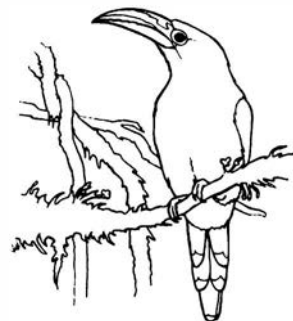
Ошейниковый
арасари
(*Pteroglossus torquatus*)

напротив, нижняя половинка совершенно черная с белыми краями у основания. Ноги зеленовато-серые. Длина птицы достигает 44 см, длина крыла 16, а хвоста 17 см.

«Арасари, — говорит принц фон Вид, — в большом количестве живут во всех посещенных мной девственных лесах Бразилии и в главных чертах ведут тот же образ жизни, что и большой тукан. Их видишь часто сидящими на самых верхних крепких ветвях высокого дерева леса, откуда они испускают короткий, двухтонный призывный крик, отчасти похожий на «кулик-кулик». В брачную пору они живут парами, в остальное время летают небольшими обществами в поисках плодов. В холодное время, особенно в период созревания большинства плодов, они покидают леса и приближаются к берегам и плантациям, где в это время их бьют в большом количестве. Мясо арасари вкусно, а в холодное время года и жирно. Птицы эти летают волнообразно и толчками, подобно всем тукановым, и во время полета мало машут крыльями. Сидя на месте, они подергивают хвостом подобно нашим сорокам. Их гнездо с двумя яйцами или птенцами находится в дупле дерева или сука. Завидя хищную птицу, в особенности сову, они собираются стаями, чтобы преследовать ее».

От Шомбургка, кроме того, узнаем, что индейцы очень часто ловят и приручают арасари, и птицы скоро становятся доверчивыми. По словам Пеппига, туземцы считают массу, соскобленную с клюва, и бахромчатый язык птицы верным средством против одышки и судорог.

Семейство настоящие дятлы

СЕМЕЙСТВО НАСТОЯЩИЕ ДЯТЛЫ (Picidae)

Настоящие дятлы отличаются следующими признаками: тело вытянутое, клюв крепкий, обыкновенно прямой, конусовидный или долотообразный с вертикально расположенным острием на конце. Ноги короткие, крепкие и загнутые внутрь, длинные пальцы расположены попарно, передняя пара срослась до половины первого сустава. К настоящему заднему пальцу, самому маленькому, присоединяется наиболее длинный наружный передний палец; случается, впрочем, что задний палец недоразвит или даже совершенно отсутствует, так что на ноге бывает только три пальца. Все пальцы вооружены большими, крепкими и острыми когтями полулунной формы. Крылья средней длины и несколько округлены; большие маховые перья числом 10 — узкие и острые; малых маховых перьев от 9 до 12, они несколько шире и обыкновенно немного короче больших. Особенно замечателен у дятлов хвост. Он состоит из десяти больших и двух малых боковых перьев, лежащих над первыми. Два средних хвостовых пера длиннее и крепче остальных. Стволы их утолщаются к концу, чрезвычайно гибки и упруги. В оперении почти совершенно от-

*Семейство
настоящие дятлы*

**Дятлы также
отсутствуют в
Новой Зеландии, на
Новой Гвинее и
некоторых островах
Полинезии.*

существует пух и преобладают кроющие перья. Они снабжены небольшими пушистыми прибавочными перьями. В окраске дятлов, несмотря на все ее разнообразие, есть много общего; так, например, голова украшена обыкновенно пятном красного цвета, оба пола отличаются друг от друга главным образом величиной или же присутствием или отсутствием этого головного украшения. Более всякой другой группы птиц дятлы допускают подразделение по окраске и потому их называют черными, зелеными, пестрыми и т.д.

Внутреннее строение дятлов так же своеобразно, как и наружное. Очевидно, что строение ног, клюва, языка и хвоста дятла чрезвычайно приспособлено к особенностям его образа жизни. Своими цепкими когтями он привешивается без малейшего труда к отвесным стволам дерева, а хвост предохраняет его от соскальзывания вниз. Когда дятел опирается на хвост, то к стволу прижимаются не только кончики восьми главных перьев, но и концы почти всех перьев, ставшие как бы самостоятельными, а также жесткие бородки трех средних перьев каждой стороны, которые находят прочную опору в самой ничтожной неровности. Крепкий острый клюв отлично приспособлен к долблению, причем хвост также является подспорьем, служа как бы пружиной. Наконец, тонкий, нитевидный язык проникает в любое отверстие и, благодаря чрезвычайной подвижности, может следовать за всеми изгибами проточенного насекомым хода.

За исключением Австралии и Мадагаскара*, дятлы распространены повсеместно и даже в северных странах представляют далеко не редкое явление. «Число их, — говорит Глогер, — бывает тем больше, чем лесистее страна и чем богаче в ней лесная растительность». Настоящим раем для них являются обширные, непрерывно тянущиеся девственные леса тропических стран или, точнее, Южной Америки и Индии, так как в Африке встречаются лишь немногие, и притом исключительно мелкие, виды дятлов. В бразильских лесах они принадлежат, по словам принца фон Вид, к самым обыкновенным и распространенным птицам. Повсюду находят сгнившие старые стволы, повсюду есть богатый запас насекомых для этих одиноких обитателей лесов. Почему они не встречаются на Мадагаскаре и в Австралии, трудно понять. Мнение Глогера, что дятлы избегают деревьев с жесткой корой и очень твердой древесиной, может быть и справедливо, но все же такое объяснение не устраняет некоторых возражений, так как, во-первых, в лесах этих стран растет много деревьев, которые не отличаются вышеуказанными свойствами, а во-вторых, в этих лесах живут другие лазящие птицы, которые, по-видимому, еще менее дятлов приспособлены к подобной растительности. В западной Европе они встречаются в лесах, древесных питомниках и садах почти всегда в одиночку, так как они весьма необщительны с другими птицами своего вида и только изредка присоединяются к неболь-

шим лесным кочевым птицам, которым они тогда служат проводниками, но притом они лишь иногда встречаются с другими видами того отряда или семейства, к которому принадлежат сами. Конечно, бывает, что удастся увидеть на одном и том же дереве два-три различных вида дятлов; но в таком случае каждый из них занимается своим делом, не обращая ни малейшего внимания на случайных сотоварищей. Зато случается, что обилие корма собирает в какой-нибудь местности много дятлов одного и того же или даже различных видов.

Область распространения отдельных видов дятлов бывает и весьма ограничена, и весьма обширна.

Образ жизни всех дятлов в главных чертах весьма сходен. Большую часть времени они проводят, лазая по деревьям, и даже во время сна привешиваются в том же положении, как и при лазании, к внутренним стенкам дупла, т.е. к отвесной плоскости. На землю дятлы слетают очень редко и тогда прыгают по ней в высшей степени неловко. Они неохотно пролетают большие расстояния, но это происходит, вероятно, не столько оттого, что им трудно долго летать, сколько вследствие их беспокойного нрава, неугомонности, которая заставляет их исследовать чуть не каждое дерево, попадающееся на пути. Дятел летит по глубоко волнообразной линии. Быстрыми ударами крыльев он, так сказать, взбирается по восходящей дуге одной из волн, потом вдруг плотно прижимает крылья к туловищу и быстро, крутыми дугами летит вниз, затем снова следует поднятие. Подлетев к дереву, он спускается обыкновенно очень низко, подвешивается к стволу на высоте нескольких метров от земли, большими, быстро следующими друг за другом скачками лезет вверх, иногда также в сторону или по винтовой линии вперед и вверх. Изредка он пятится назад, но никогда не спускается головой вниз; на горизонтальные сучья он забирается редко, а если и делает это, то не бежит по ним, а всегда лазает, подвесившись к их нижней поверхности. Подвешиваясь к дереву, он загибает далеко назад грудь, шею и голову и во время прыжков кивает головой.

Долбя клювом, дятел откалывает, смотря по своей силе, большие или меньшие куски коры, открывает таким образом убежище насекомых, вытаскивает их языком и проглатывает. Каким образом он делает это, мне до сих пор не удалось вполне уяснить, несмотря на старательные наблюдения над ручными дятлами. Благодаря такой подвижности и гибкости языка дятел имеет возможность преследовать насекомых даже в проточенных ими поперечных ходах, вытаскивать их оттуда и съедать. Поэтому-то дятел и является одним из лучших охранителей леса.

Любимую пищу большинства дятлов составляют различные насекомые на всех стадиях их развития, преимущественно такие, которые живут в деревьях, скрываясь под корой или в самой древесине; некоторые виды едят также разные ягоды и семена и

даже устраивают кладовые. Большой пестрый дятел, который очень любит лакомиться сосновыми семенами, обыкновенно стаскивает шишки в определенное место, где ему всего удобнее выклевать из них семена. Такие места, часто покрытые огромным количеством шишек, называются «дятловые кузницы». Дятел подыскивает себе дерево, в котором есть подходящая по величине дыра, или щель, или бокаловидное углубление, а иногда и сам выдалбливает таковое. В углубление он ущемляет за толстый конец принесенную им зрелую шишку и начинает отщеплять от нее клювом чешую, чтобы достать из-под нее семена. Обыкновенно, еще не совсем покончив с одной шишкой, он вытаскивает ее из углубления и приносит другую. Около бывшей долго в употреблении «дятловой кузницы» накапливается иногда порядочная куча шишек, так что их можно собирать корзинами. О некоторых американских видах дятлов рассказывают, что они порой грабят гнезда других птиц, поедают их яйца и птенчиков или относят их своим птенцам. Но все подобные рассказы далеко не достоверны и нуждаются в подтверждении более точными наблюдениями.

Дятлы оживляют лес не только своим криком, они производят еще музыку иного рода: «барабанят, гремят, жужжат, дребезжат, трещат», когда, подвесившись к сухому суку, быстрыми ударами клюва приводят его в колебательное движение. Этим вызывается громкий звук, который, смотря по толщине ветви, бывает то выше, то ниже, а иногда слышен в лесу на расстоянии 1—1,5 км. Обыкновенно такое трещание прерывается длинными паузами. Визе полагает, что эти странные музыкальные упражнения дятлов находятся в известной связи с изменениями погоды, так как он вообще считает дятлов самыми лучшими предсказателями погоды. Он, впрочем, думает, что дятлы иногда поднимают такой стук еще для того, чтобы сильным сотрясением выгнать из сучка находящихся в нем насекомых. Но этот исследователь, несомненно, ошибается, так как все остальные наблюдения указывают на то, что дятел-самец извлекает такие звуки для того, чтобы доставить этим удовольствие самке. Насколько мне известно, до сих пор никому не случилось заметить, чтобы самка дятла выражала свои чувства таким же образом, как это делает самец. Во всяком случае достоверно то, что последний, барабаня по сучку, как это было только что описано, вызывает на бой других самцов, которые, услышав этот звук, прилетают издалека, чтобы сразиться с соперником; подражая этому звуку, можно легко приманить к себе много дятлов.

Таким образом, дятел и свои чувства до известной степени выражает употреблением важнейшего из своих органов. «Если дятлы-самцы, — говорит В. Маршалль, — не особенно хорошие певцы, то многие из них зато оказываются отличными виртуозами по части инструментальной музыки. Так как с самого рож-

дения жизнь их вращается преимущественно около дерева, то понятно, что «ксилофон» является их любимым инструментом, на котором они и играют успешно и с большим терпением весной, а иногда, в хорошую погоду, и осенью. Народ давно обратил внимание на эту музыку, но давал ей ложное объяснение; уже во время Геснера ее считали не любовной серенадой, а предзнаменованием дождя. Эта странная привычка пользоваться сучком в качестве музыкального инструмента, должно быть, искони веков составляла особенность дятлов: они проявляют ее повсюду, от полярного круга до южной части Южной Америки и до Цейлона».

Гнездо находится всегда в древесном дупле, выдолбленном самим дятлом; в сущности, гнездом служит просто дно дупла, выстланное несколькими щепочками. Кладка состоит из 3—8* очень блестящих, чисто-белых яиц, которые высиживаются обоими полами. Птенцы начинают ловко лазать по деревьям раньше, чем станут похожи по оперению на взрослых птиц. Когда они начнут вылетать из гнезда, родители некоторое время летают вместе с ними, но потом безжалостно прогоняют их прочь.

Надо настоятельно втолковывать и напоминать людям, что дятлы приносят нам пользу и никогда не причиняют ни малейшего вреда. Бехштейн был первым натуралистом, восставшим против их истребления и совершенно основательно утверждавшим, что после многолетних исследований и наблюдений ему не удалось заметить в дятлах решительно ни одного вредного качества. Все позднейшие исследователи, сами изучавшие образ жизни дятлов или по крайней мере относившиеся с доверием к чужим наблюдениям, утверждали то же самое. Однако и до сих пор попадают люди, думающие, что дятел своим долблением может приносить вред деревьям.

Правда, некоторые дятлы, особенно черные и зеленые, охотно едят муравьев во всех стадиях развития, а иногда даже питаются исключительно ими; правда также, что другие, особенно пестрые дятлы, а может быть, и некоторые другие из их европейских родичей, во время созревания семян на деревьях питаются преимущественно ими, а также орехами. Но в тех наших лесах, за которыми существуют уход и надзор, муравьи еще настолько многочисленны, а деревья приносят такое огромное количество семян, что вред, причиняемый в этом отношении дятлами, не может иметь никакого значения. Я далек от того, чтобы недостаточно ценить полезные качества муравьев, но, кажется, следует напомнить, что самые полезные из муравьев — большие лесные, размножаются во всех лесах, в которых они находят для этого подходящие условия. Нигде еще не было замечено, чтобы дятлы задерживали размножение этих насекомых. Я согласен с тем, что в местностях, где сосна не принадлежит к числу наиболее распространенных деревьев, пестрые дятлы благодаря пристрастию к ее

** У некоторых видов
дятлов кладки
могут состоять из
9—13 яиц.*

семенам могут уменьшить сбор сосновых шишек, но я утверждаю, что там, где есть действительно большие сосновые леса, все пестрые дятлы, вместе взятые, не в состоянии существенно уменьшить неограниченную, если можно так выразиться, плодовитость сосны.

Еще меньшее значение имеет тот вред, который причиняют дятлы, долбя деревья. Все лесничие и натуралисты, исследовавшие дупла, выдолбленные дятлами, единогласно утверждают, что дятлы, устраивая помещение для сна или высиживания яиц, всегда выбирают для этого дерева с гнилой сердцевинкой, хотя бы с виду они и казались совершенно здоровыми. В местностях, где подходящих деревьев мало, им, быть может, и случается долбить совершенно здоровые стволы деревьев с мягкой сердцевинкой, в особенности осины, тополи и ивы. Но всюду, где эти деревья растут в большом количестве, как, например, в некоторых местностях Европейской России и Сибири, вред, приносимый дятлами, очень незначителен. «Дятел, — как говорит Гомейер, — своим долблением не вызывает гниения деревьев, он только указывает на те из них, которые уже подгнили».

Если добросовестно и беспристрастно оценить пользу и вред, приносимые дятлами, то не может быть ни малейшего сомнения относительно того, на чьей стороне перевес. Некоторые могут немного повредить нам, но все это опять-таки ничто в сравнении с той громадной пользой, которую нам оказывают эти птицы.

Итак, я считаю долгом просить о защите и свободном житье, охранении и пощаде этих полезнейших и важнейших из всех наших лесных сторожей. У них и без того довольно врагов. Их преследуют не только хищные животные и птицы, но и неразумные люди, особенно мальчишки, которым они часто служат мишенью.

Вертишейка (*Yunx torquilla*) сверху пепельно-серая с темными волнистыми пятнами и крапинками; нижняя часть ее белая и скудно покрыта темными треугольными пятнышками, горло и нижняя часть шеи в поперечных волнистых полосах по желтому фону, от темени до нижней части спины тянется черноватая продольная полоска. Остальной рисунок верхней части тела состоит из черноватых, ржаво- и светло-бурых пятен. Глаза желто-бурые, клюв и ноги зеленовато-желтые. У молодых окраска бледнее, рисунок грубее и глаза серо-бурые. Длина достигает 18 см, размах крыльев 29—30, длина крыла 9, хвоста 6,5 см.

Вертишейки населяют половину земного шара, но родина их лежит на севере, т.е. в средней Европе и в средней Азии. К северу область распространения этих птиц тянется до средней Скандинавии и заходит в Финляндию, к востоку же до Приамурских областей включительно. В средней и южной России она повсюду обыкновенна и даже в степях представляет собою обычное явление; в Даурии встречается не реже, чем в Европе. Как

далеко она распространяется на юг, с определенностью сказать нельзя; могу только одно отметить, что там она более редка. Например, на низменностях Испании, по моим наблюдениям, она не является гнездующей птицей; то же самое, по-видимому, и в Греции*.

Вертишейка появляется только тогда, когда наступит полная весна, и снова покидает нас ранее, чем пройдет лето. При хорошей весенней погоде она прилетает уже между 10 и 15 апреля, но обыкновенно между 20 и 30 апреля, иногда даже в первых числах мая, остается на своих местах гнездования до начала августа, редко дольше. После этого начинается ее перелет, и если позже этого, до сентября, случается видеть еще некоторых из них, нужно считать их за такие экземпляры, которые вывели птенцов на севере и находятся в нашей стране пролетом. Перелет их совершается ночью; они даже собираются осенью маленькими стайками, отправляясь сообща в дальний путь; чего не бывает, когда они возвращаются к нам, они летят разбившись. Однако еще и весной в Египте или Судане видишь сборища этих столь необычных в другое время птиц.

В местах своего гнездовья вертишейка выбирает области, богатые старыми деревьями, однако не сплошь заросшие ими. Любимым местопребыванием ее служат полевые рощи, сплетающиеся кустарники или плодовые деревья. Она не боится человека и охотно поселяется в непосредственной близости домов, например, в садах, если только в одном из деревьев найдется подходящее дупло, которое могло бы служить ей помещением для гнезда.

Там, где живет вертишейка, ее очень легко заметить, по крайней мере весной, так как ее голос нетрудно слышать, тем более что самка всегда аккуратно отвечает на зов самца. Стоит только пойти на повторяемое часто, раз двадцать, «вии-ид-вии-ид», и вскоре заметишь эту удивительную птичку. Она сидит или на ветке какого-нибудь дерева, или прицепившись к стволу его, или на земле, довольно спокойно, но отнюдь не неподвижно. Лишь только она увидит, что за ней наблюдают, она тотчас же в полной мере оправдывает свое название, выказывая изумительную способность вертеть шеей. Нельзя сказать, чтобы она была неуклюжа или неловка, но она ленива и двигается только тогда, когда это необходимо. В ней вовсе не замечается неутомимости и резвости дятлов и других лазающих птиц. Ноги служат ей для того, чтобы прицепляться, но, по-видимому, совсем не пригодны для лазания. По земле она скачет грузными прыжками и, полетев, вскоре опять направляется к какому-нибудь дереву. С высоты она долетает, стремглав, почти вплотную к самой земле, пролетает здесь быстрыми взмахами крыльев некоторое расстояние по прямой линии и снова большой правильной дугой поднимается кверху.

** В нынешнее время вертишейка в не-
большом количестве
гнездится на юге
Испании и в Греции,
кроме полуострова
Пелопоннес.*

Все необыкновенное раздражает вертишейку, заставляет строить гримасы, которые становятся тем страннее, чем больше она бывает испугана каким-нибудь явлением. «Она вытягивает шею, — говорит Науман, — нахохливает головные перья и распускает хвост веером, и все это сопровождается медленными повторяющимися киваниями, или она вытягивает все туловище, наклоняется вперед, в особенности когда сердится, закрывает глаза и двигает горлом наподобие древесной лягушки, испуская странное глухое воркотание. Под влиянием страха, например, когда она поймана и ее хотят взять в руки, она делает такие удивительные гримасы, что незнакомый с ними должен если не испугаться, то все-таки удивиться. С нахохленными перьями головы и наполовину закрытыми глазами, она особенно вытягивает шею и очень медленно двигает ею подобно змее, так что голова двигается волнообразно, а клюв то назад, то вперед». Не подлежит никакому сомнению, что этим вертишейка хочет напугать своего врага или нападающего на нее.

Кроме вышеупомянутого «вии-ид-вии-ид», вертишейки испускают и другие крики. В гневе самец кричит «вэд вэд», в страхе оба пола испускают отрывистый слог «шэк», в возбуждении, по крайней мере самки, шипят по-змеиному. Молодые, пока они находятся в гнезде, трещат подобно сверчкам.

Испанцы правы, называя вертишейку «forminguero», что по-русски означает муравьедка, так как муравьи, которых она добывает как на земле, так и на деревьях, в действительности представляют ее главную пищу. Вертишейки уничтожают все мелкие виды их, но охотнее едят куколок, чем самих насекомых. При случае они питаются гусеницами и другими личинками или куколками, но муравьев предпочитают всему. Язык, который может вытягиваться в длину, как ни у одного из дятлов, оказывает им большую услугу при добывании пищи. Подобно муравьедам, они просовывают его в трещины и отверстия в глубь муравьиной кучи, ждут, пока рассерженные насекомые не вопьются в мнимого червяка или не пристанут к клейкой слизи, и затем одним движением втягивают язык в клюв. Я несколько раз, но тщетно, старался рассмотреть у пойманных вертишек, которых я всегда воспитывал с большой любовью, каким образом они схватывают пищу. Лишь только клюв немного раскроется, язычок высовывается наружу, ощупывает куколку или молодого червяка и, как молния, втягивается назад со схваченной добычей. Каким образом, однако, пристаёт она к языку, узнать нельзя даже при внимательном осмотре, приблизив глаз к птице на несколько сантиметров.

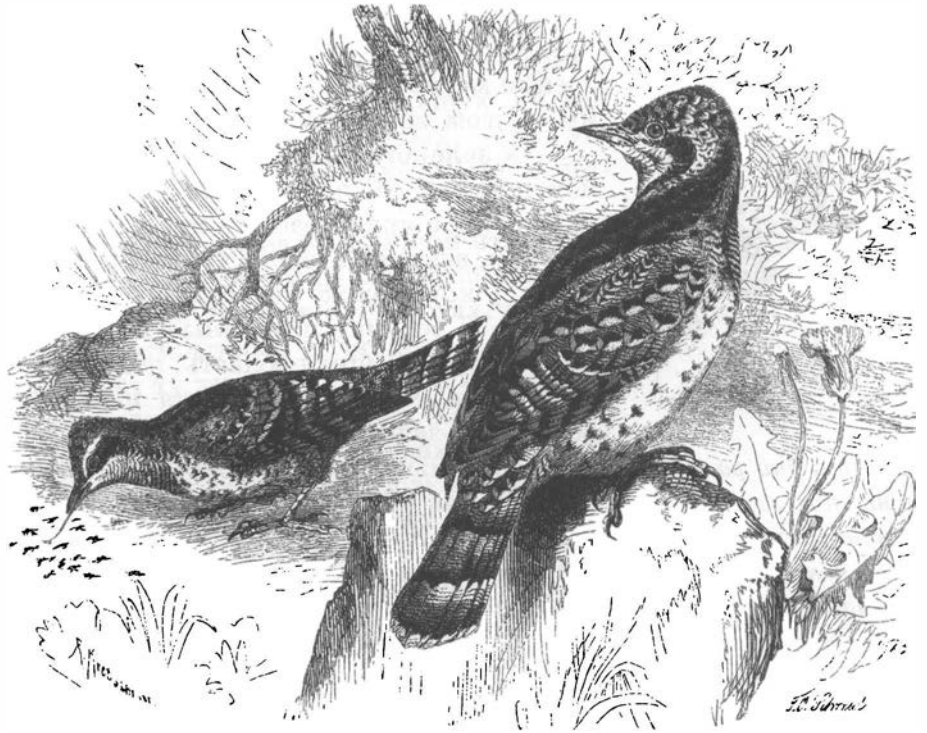
Относительно помещения для гнезда вертишейка очень неприхотлива. Она требует лишь очень узкого входного отверстия, чтобы любой хищник не мог быть опасен ей или ее потомству. На значительной или небольшой высоте находится отверстие, ей, по-

видимому, все равно. Если на одном и том же дереве имеются несколько дупел, то она, как замечает Науман, обыкновенно представляет верхние другим птицам — полевым воробьям, горихвосткам и синицам, вступить в ссору с которыми она не всегда может; сама же помещается в одном из самых нижних и живет в полном мире со всеми сожителями. В случае крайней необходимости строит гнездо снаружи в каком-нибудь углублении верхушки старой ивы. Обыкновенно помещение для гнезда она освобождает от всякого сора, вычищает и на разрыхленном месте устраивает довольно плоское гнездовое ложе. Затем в середине мая самка кладет 7—12 маленьких притупленных яиц, чисто-белого цвета. На выведение птенцов она тратит около 14 дней и большую

часть времени насиживает одна, так как самец сменяет ее только в полуденные часы, зато он высиживает их с чрезвычайным рвением. Вылупившиеся из яиц птенцы почти голые или покрыты редким серым пушком, однако вырастают довольно быстро, так как оба родителя прилагают все старания, чтобы доставить им больше корма. Но гнездо птенцы оставляют только тогда, когда вполне научатся летать. Как ни заботливы родители по отношению к своему потомству, они не

радеют о чистоте гнезда. Родители еще долгое время руководят и обучают молодых, вылетевших из гнезда. Только в середине июля согласно жившая до сих пор семья разбивается, и каждый начинает жить в одиночку до зимнего отлета.

Безвредные вертишейки имеют опасных врагов в лице перепелятников, сорок, соек, кошек, куниц и ласок, и очень многие становятся жертвами этих хитрых хищников. К сожалению, слишком часто они также делаются легкой добычей неопытных охотников, и с тех пор, как на них открылось гонение, никто уже не защищает установленного учеными взгляда о полезности этой птицы. Со своей стороны я горячо и настойчиво отстаиваю этот взгляд. Я прекрасно знаю, что они питаются преимущественно

Вертишейка
(*Yunx torquilla*)

Семейство настоящие дятлы

*В наши дни распространение зеленого дятла несколько иное, чем во времена Брема. В Лапландии и в целом в Финляндии он сейчас не встречается, также значительно отступил его ареал к югу в Швеции и России. Зато в Испании зеленый дятел распространен теперь повсеместно. В Иране (в прошлом Персия) зеленый дятел обитает только в лесах хребта Эльбурс и гор Загрос.

муравьями и хотя последние в общем приносят нам пользу, но вред, причиняемый вертишейками муравьиным постройкам, настолько незначителен в сравнении с массовыми появлениями вышеупомянутых насекомых, что птиц этих, говоря серьезно, никто не может причислить к числу вредных. Убивать же за это птичку — грех, считать ее «странные и неприятные подергивания и гримасы, ворочание головой и закрывание глаз» за признаки и несомненные доказательства нечистой совести, как это сделал Гредлер, есть шутка, которая очень легко может повести к недоумению. Право, если разобрать мнения всех тех, которые так пекутся о животных, то в каждом из них можно увидеть врага или возвести маловажный проступок того или другого животного в степень чрезвычайного злодеяния! А так как в настоящее время невежественный человек в большинстве случаев находит больше удовольствия в разрушении, чем в созидании, такие подозрения могут иметь пагубное влияние. Поэтому-то я считаю своим долгом вступить за вертишейек.

У зеленого дятла (*Picus viridis*) верхняя часть головы, затылок и широкое, с узенькой черной каемкой пятно у углов рта окрашены в ярко-красный цвет, который на темени имеет серый оттенок, верхняя сторона туловища оливково-зеленого, травяного цвета, у крыльев же несколько более коричневатый оттенок; надхвостье и верхние покровные хвостовые перья блестящие оливково-желтые. Ушная область, подбородок и горло белые с грязновато-зеленым оттенком; бока шеи и нижняя часть туловища желтовато-зеленовато-белые. Черные хвостовые перья украшены пятью—семью оливково-бурыми неясными поперечными полосами. Глаза у старых голубовато-белые, у молодых — темно-серые. Клюв грязного свинцово-серого цвета с черным кончиком; ноги — зеленовато-свинцово-серые. Длина птицы 31 см, размах крыльев 52, длина крыла 18, а хвоста 12 см.

Зеленый дятел принадлежит к наиболее распространенным видам. Он водится в большем или меньшем количестве повсеместно в Европе, за исключением разве Испании и северной окраины, занятой тундрами. Блакфорд встретил этого дятла в Персии*; в Египте же он не водится, хотя мой отец, Науман, Глогер и другие утверждают противное. На севере он распространен до Лапландии.

Во многих местностях Германии зеленый дятел — общеизвестная птица, в других же он или совсем не водится, или попадает только изредка во время своих зимних кочевков. Далее на востоке он встречается реже, например, в России распространен гораздо менее, чем серый дятел. В горах встречается повсюду на высотах до 1500 м над уровнем моря. Во время высиживания дятлы держатся в каком-нибудь одном, более или менее обширном районе, не залетая обыкновенно особенно далеко. Осенью эту местность покидают сначала высиженные ими птенцы, а при силь-

ных холодах и обилии снега и взрослые дятлы. Кочевки начинаются, как только птенцы станут самостоятельными, и прекращаются только следующей весной при приближении периода размножения; в них не замечается никакой регулярности и они не ограничиваются определенными полосами. В некоторые зимы птенцы не кочуют вовсе, в другие же залетают очень далеко, поворачивают на юг и, вероятно, иногда достигают даже южных границ Европы, так как существуют указания на то, будто бы, например, в Македонии зимой бывает больше дятлов, чем летом. Подобно всем сородичам, дятлы в Германии кочуют обыкновенно поодиночке, но иногда собираются более или менее значительными обществами. Так, Шахту случилось однажды под Рождество увидеть на одном лугу дятлов; они большими прыжками скакали, отыскивая себе пищу, но, заметив приближавшегося к ним человека, разлетелись во все стороны. Оберндерфер, большой знаток живущих в Германии птиц, как сообщает Мартин, будто бы видал даже стаю больше чем в 100 штук, состоявшую на три четверти из зеленых дятлов и на четверть из седых; стая эта расположилась среди луговой долины на пространстве около четверти гектара.

Нельзя сказать, чтобы зеленый дятел был лесной птицей. В чистом хвойном лесу он попадает очень редко, в лиственном же встречается чаще; всего охотнее живет в местностях, где лесные насаждения чередуются с открытыми полянами.

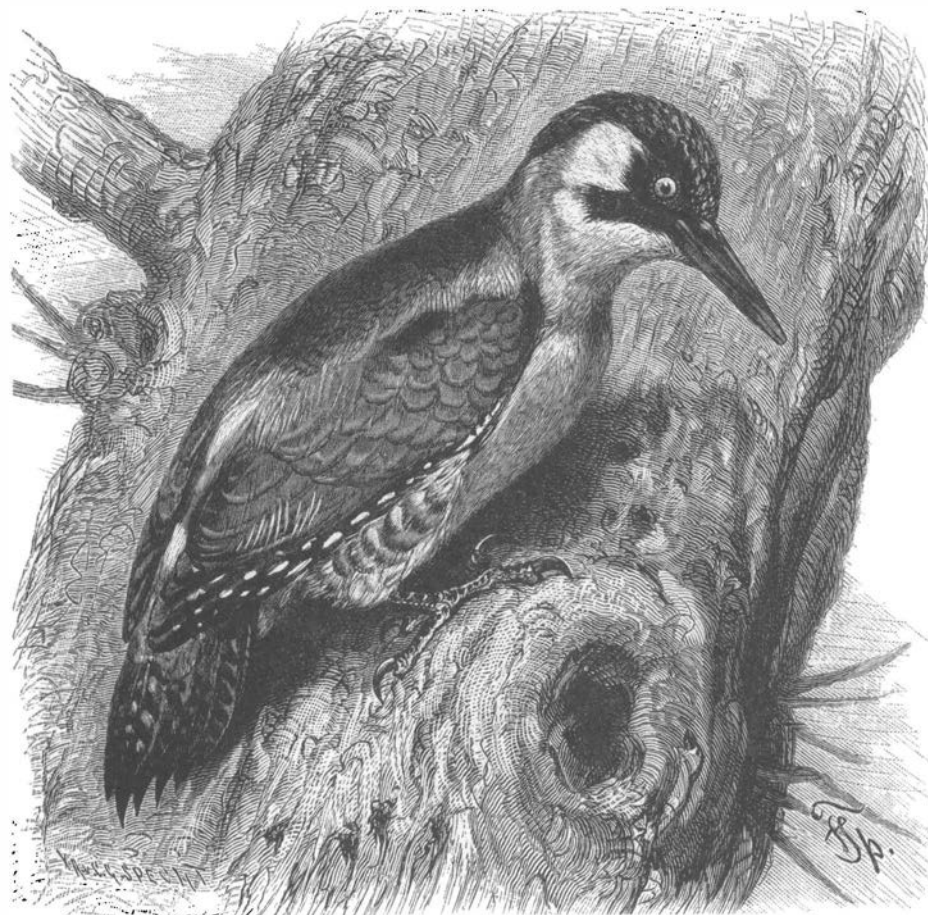
Зеленый дятел выказывает ту же неутомимость и неутомимость, как и его родичи; он лазает так же хорошо, как и они, а своим умением ходить по земле превосходит других дятлов; он много движется по земле и прыгает здесь очень ловко. Полет его тяжелый, шумящий и отличается от полета других дятлов тем, что представляет очень глубокие волнообразные линии. Крик их — звонкое, далеко слышное «глюк» — при частом повторении бывает похож на громкий хохот; нежность они выражают звучным «гюк», «гэк» или «кип», а страх — в высшей степени неприятным резким криком. Зеленый дятел, по-видимому, никогда не барабанит, как это делают другие дятлы; по крайней мере мне никогда не приходилось слышать этого.

Жизнь этой птицы протекает приблизительно следующим образом. Как только утренняя роса несколько высохнет, дятел оставляет ночное убежище, весело кричит и пускается странствовать по своей области. Он перелетает с одного дерева на другое с определенной последовательностью, но не настолько строгой, чтобы можно было заранее с точностью указать место, где он появится в известное время. Деревья обыскивает всегда снизу вверх и при этом редко поднимается по сучьям. Если приблизиться к дереву, на котором зеленый дятел занят своим делом, то он быстро перебежит на противоположную сторону, по временам выглядывает, высовывая голову из-за ствола, лезет выше и вдруг не-

заметно покидает дерево, обыкновенно выражая свою радость по поводу удавшегося бегства громким, ликующим криком. До полудня он находится в непрерывной деятельности и успевает осмотреть в предобеденные часы не менее ста деревьев, не пропуская при том ни одной из попадающихся ему на пути муравьиных куч. Деревья с твердой сердцевиной он долбит гораздо менее других дятлов, зато нередко выдалбливает глубокие отверстия в балках деревянных строений и в глиняных стенах. Летом, когда трава на лугах уже скошена, много бегает по земле, ища червей и гусениц; зимой посещает склоны, с которых стаял снег, и выскивает здесь спрятавшихся насекомых. Дятел этот неприхотлив,

однако предпочитает всякой другой пище красных муравьев и, чтобы добыть их, летает далеко по полям.

Муравьев он ловит с большей ловкостью, чем все другие дятлы, так как язык его сравнительно длиннее, и благодаря его клейкости зеленый дятел может пользоваться им точно таким же образом, как муравьед. «Насколько зеленые дятлы лакомы до муравьев и муравьиных куколок, — пишет мне Рейхенов, — я мог убедиться, гуляя по изобилующим муравьиными кучами лесам, находящимся близ Вецлара. Мяг-

*Зеленый дятел
(Picus viridis)*

кие кучи — вследствие собственной тяжести и гниения деревянных частиц, входящих в их состав, а также вследствие влияния дождя — становятся настолько плотными, что зеленому дятлу приходится острым клювом проделывать отверстие, чтобы добраться до любимой пищи. Зимой муравьи находятся глубоко под землей, и тогда голодный дятел, чтобы добраться до полусонных насекомых, выдалбливает в куче отверстие глубиной до 30 см. Во время такого занятия он, конечно, не может особенно хорошо сле-

дять за тем, что делается вокруг; голод заставляет забыть свойственную ему в другое время осторожность, и тогда какому-нибудь хищнику, вероятно, нетрудно бывает завладеть им. Веберу, с которым мне приходилось прежде охотиться, удалось поймать руками совершенно здорового зеленого дятла, которого он застал трудящимся над муравьиной кучей. Подобные факты сообщают и другие наблюдатели, хотя кажется очень странным, что такая осторожная при других условиях птица так легко попадает впро�ак. Кроме муравьев зеленый дятел ест также гусениц, многих бабочек и жуков, особенно личинок дровосеков и гусениц ивового бражника».

В конце февраля он поселяется в том месте, где намерен закладывать гнездо, но только в апреле самка принимается за его устройство. В марте можно видеть обоих супругов, постоянно летающих вместе, причем самец бывает сильно возбужден. Он садится на верхушку высокого дерева, сильно и часто кричит и, играя, гоняется за самкой, перелетающей с дерева на дерево. Для устройства гнезда зеленый дятел обыкновенно выбирает дерево или с совершенно прогнившей сердцевиной или с готовым дуплом, отыскивает место, где выгнил боковой сук, и расширяет это место. Оба супруга работают вместе и весьма прилежно, так что через две недели дупло бывает уже готово. Круглый вход так мал, что птица едва может проскользнуть в него. Самое дупло достигает 25—30 см глубины и приблизительно 15—20 см ширины. Кладка состоит из 5—9 продолговатых, гладких яиц блестящего белого цвета. Оба супруга высидивают птенцов попеременно в течение 16—18 дней. Оба также попеременно согревают их и деятельно добывают им пищу. Птенцы, такие же безобразные, как и у других дятлов, развиваются быстро и на третьей неделе уже выглядывают из отверстия дупла. Несколько позже они принимаются лазать по всему дереву, а потом облетают вместе с родителями местность, в которой живут, но в течение некоторого времени еще возвращаются каждый вечер в родное гнездо. С каждым разом они отлетают все дальше и дальше, и под конец семейство, которое все еще держится вместе, уже не возвращается домой, а ночует где-нибудь в другом дупле. С октября общество дробится: птенцы становятся самостоятельными, и каждый сам по себе добывает себе пропитание.

Из хищных птиц зеленому дятлу бывает действительно опасен только ястреб-тетеревятник. От соколов, нападающих, как известно, только на летящих птиц, их защищают стволы деревьев, за которые они тотчас же прячутся и по которым лазают так быстро, что птице, менее ловкой, чем ястреб, здесь до них не добраться. Ястреб же может делать на лету такие крутые повороты, что он и тут может схватить зеленого дятла. При виде этого опасного хищника точно так же, как и при виде кобчика, зеленый дятел всегда кричит от страха. Другие большие лесные птицы

Семейство настоящие дятлы

иногда также нападают на него, но с ними у этого дятла дело никогда не доходит до серьезной драки.

Со стороны человека зеленому дятлу приходится терпеть не больше преследований, чем другим птицам того же семейства, хотя иногда ему случается навлечь на себя месть какого-нибудь пчеловода, у которого он попортил ульи. Но хуже всяких врагов бывает для этих дятлов зима. Когда глубокий снег покрывает землю, для них скоро наступает голод, и только в тех местах, где они могут в изобилии доставать насекомых, прячущихся в гнилой сердцевине больших деревьев, они в состоянии благополучно прожить зиму. Когда холода наступают внезапно и выпадет глубокий снег, их часто можно встретить в старых высокоствольных лесах, где их иногда собирается огромное количество. Так, Снэль сообщает, что в зиму 1860 года в один старый дубовый лес слетелись почти все дятлы, жившие по соседству. «Каждый день, — говорит он, — с утра до вечера здесь слышался стук и шум, свист и крик, что даже самые равнодушные крестьяне, проходя мимо, обращали на это внимание и останавливались». В тех местностях, где нет подобных лесов, после суровых зим замечается значительное уменьшение количества дятлов.

Близким родственником зеленого дятла оказывается седой дятел (*Picus canus*). По величине он мало уступает зеленому дятлу: 30 см в длину, размах крыльев не более 50, длина крыла 15, а хвоста 11 см.

Область распространения седого дятла значительно обширнее, чем зеленого. Она охватывает большую часть Европы, за исключением Великобритании, всю Сибирь, гранича на востоке с Японией, а на юге с Персией*.

Если зимы теплые, то парочка седых дятлов, облюбовав какую-нибудь местность, окончательно поселяется в ней и из года в год выводит здесь птенцов; впрочем, иногда ей случается путешествовать и за границы этой местности. Суровые зимы, напротив, заставляют этих дятлов по тем же причинам, что и зеленых, улетать в дальние путешествия.

Характером и поведением седой дятел настолько напоминает ближайшего родича, что нужна значительная опытность, чтобы суметь отличить их друг от друга.

Седой дятел также питается преимущественно муравьями и особенно любит лакомиться некоторыми их видами; там, где эти виды муравьев встречаются редко, наверное уже не поселится на лето ни один седой дятел. И зимой он также старается добыть себе этих муравьев. Поэтому не удивительно, что ему приходится переселяться, когда земля покрывается таким глубоким снегом, что ему бывает трудно или совсем невозможно добраться до любимой пищи. Долбя деревья, он вытаскивает из них всех насекомых и личинок, которые ему попадаются, а если летом ему слу-

*Это не совсем так. Седой дятел далеко не доходит до Ирана, южная граница его ареала проходит от восточного побережья Черного моря через низовья Дона, Среднее Поволжье и далее примерно по границе между Россией и Казахстаном через верховья Енисея, север Байкала до Приморья. Южнее эти дятлы могут появляться на кочевках, однако седой дятел в принципе оседлая птица.

чится наткнуться на голых гусениц, то поедает и их. Поздней осенью и зимой он питается, кроме того, и растительной пищей. Мой отец находил иногда в желудке седого дятла ягоды бузины, а Снэль — рябину.

Период размножения наступает для седых дятлов несколько позже, чем для зеленых, но гнезда те и другие выют совершенно одинаково. Седой дятел сам выдалбливает дупло и выкапывает при этом замечательную неутомимость. Входное отверстие настолько узко, что дятел с трудом может проскользнуть в него; самое же дупло имеет часто 30 см или по меньшей мере 25 в глубину, 15—20 см в ширину и выдолблено очень гладко. На яйцах дятлы сидят с таким упорством, что нередко удается поймать их в самом гнезде.

Кроме человека, седого дятла преследуют еще только самые крупные из представителей семейства соколиных, особенно тетеревятник и перепелятник; последний, впрочем, хотя и нападает на этого дятла, но вряд ли может одолеть его, между тем как тетеревятник справляется с ним так быстро, что он не успевает даже проявить ни малейшего сопротивления. Пожалуй, еще опаснее ястреба бывает для дятлов суровая зима.

В Америке существует группа зеленых дятлов, называемая шилоклювыми дятлами. Все они отличаются тонким, обыкновенно заметно изогнутым плоским клювом.

Из этих видов наибольшей известностью пользуется **золотой шилоклювый дятел** (*Colaptes auratus*), птица, немного уступающая по величине нашему седому дятлу. Верхняя часть головы и задняя половина шеи у него пепельно-серые; уздечка, полоска около глаза, виски, боковые части головы и шеи, подбородок и горло окрашены в желтовато-винно-красный цвет; большая полоса около углов рта и широкое, имеющее форму полумесяца, пятно на нижней части шеи — черные. Все оперение верхних частей, за исключением белого надхвостья, чало-коричневое

1 — Седой дятел
(*Picus canus*)
2 — Белоспинный
дятел
(*Dendrocopos leucotos*)

с черными поперечными полосами; на верхних кроющих перьях хвоста также широкие черные поперечные полосы. Нижние части, начиная от черного пятна на шее, — белые; грудь и бока желтовато-винно-красноватые с большими круглыми черными крапинками, напоминающими капли; на затылке ярко-красное подковообразное пятно. Глаза светло-коричневые; клюв сверху коричневый, снизу синеватый; ноги серо-синие. У самки нет черной уздечки. У молодых птиц окраска более грязная; кроме того, они отличаются от старых еще тем, что затылочное пятно у них свет-

ло-красное и более узкое, чем у последних. Длина 32 см, размах крыльев 42, длина крыла 16, а хвоста 12 см.

Золотой шилоклювый дятел распространен по всей восточной части Соединенных Штатов Америки, его встречали даже в Гренландии. В южных штатах США он является оседлой или кочевой птицей, в северных же эта птица перелетная, являющаяся в свое летнее местопребывание многочисленными обществами и остающаяся здесь от марта или апреля до сентября или октября, смотря по географическому положению избранной ими местности. Одюбон утверждает, что эти дятлы странствуют по ночам, о чем можно достоверно заключить по их своеобразному крику, слышному время от времени, а также по весьма характерному шуму, который они производят на лету своими крыльями. В тех местностях, где водится золотой

Золотой
шилоклювый дятел
(*Colaptes auratus*)

шилоклювый дятел, он встречается всегда в огромном количестве, а потому его можно считать если не самым распространенным, то во всяком случае одним из наиболее обыкновенных видов дятлов, живущих в Северной Америке.

Образ жизни золотого шилоклювого дятла описан Вильсоном, Одюбоном и другими исследователями. «Едва только начинающаяся весна, — говорит Одюбон, — призовет птиц к супружеским обязанностям, как с вершин высоких деревьев раздаются голоса золотых дятлов, приветствующие наступление благодатного времени года. Голос дятла чрезвычайно радостен; он не-

сколько напоминает продолжительный, веселый, звонкий смех. Каждая пара тотчас же начинает долбить какое-нибудь дерево, чтобы построить жилище для себя и будущего потомства. Оба они работают чрезвычайно усердно и, по-видимому, с большим удовольствием. Когда работой занят самец, самка садится рядом с ним и посылает ему привет за каждую щепку, которую тот выбросит клювом. Во время отдыха самец, по-видимому, чрезвычайно нежно разговаривает со своей подругой, а когда он устанет, то самка начинает помогать ему. Благодаря их обоюдным стараниям дупло в скором времени бывает выдолблено и закончено. Тогда они начинают любезничать друг с другом на ветвях, с наслаждением лазают вдоль стволов деревьев или вокруг них, барабанят клювом по засохшим сучьям, отгоняют своих родственников — красноголовых дятлов, защищают гнездо против пурпуровых скворцов, кричат, пересмеиваются. Не успеет пройти и двух недель, как самка отложит 4 или 6 блестящих белых яиц и, вероятно, радуется их белизне и прозрачности. Яйца имеют около 26—28 мм в длину и около 22—25 мм в ширину. Если многочисленное потомство доставляет счастье, то золотой шилоклювый дятел должно быть очень счастлив, потому что он выводит птенцов два раза в год». Последнее утверждение, если только вообще оно верно, относится, вероятно, исключительно к южным штатам США.

«Полет этого дятла, — говорит далее Одюбон, — быстрый и выносливый, а в сравнении с полетом других птиц того же семейства — порывистый, с короткими дугами. Перелетая с одного дерева на другое, он летит по прямой линии и только перед избранным им деревом спускается на несколько метров, привешивается вниз и затем, подобно другим дятлам, быстро взбирается наверх. Если, как это часто случается, он сядет на ветку, то нагибает голову и издает звук «фликер», но только в том случае, если уверен в совершенной безопасности. Он превосходно лазает во всех положениях, какие только могут принимать дятлы. На земле, куда часто опускается, он прыгает очень ловко; обыкновенно спускается сюда только для того, чтобы схватить ягоду, кузнечика или зернышко или чтобы поискать в засохших корнях дерева муравьев и других насекомых. Он любит плоды и ягоды разного рода; особенное пристрастие питает, по-видимому, к яблокам, грушам, персикам и разным лесным ягодам. Не пренебрегает и зерном на полях, а зимой часто посещает скирды.

Опаснейшие враги золотого дятла — еноты и черные змеи. Первый нередко просовывает свою переднюю лапу в дупло и, если оно не слишком глубоко, вытаскивает яйца и выпивает их; при этом зачастую он завладевает и самой высиживающей птицей. Черные змеи довольствуются яйцами или птенцами. Разные виды соколов преследуют золотого дятла на лету, но в большинстве случаев ему удается спастись от них, укрывшись в какое-нибудь

дуло. Чрезвычайно забавно бывает удивление сокола, когда птица, которую он только что собирался схватить, вдруг исчезает на его глазах. Если же дятел не может отыскать такого убежища, то он подвешивается к дереву и бегаёт вокруг его ствола по винтообразной линии с такой быстротой, что обыкновенно принуждает хищника отказаться от его преследования. Мясо золотого дятла высоко ценится многими охотниками и очень часто подается к столу, особенно в средних штатах США. Иногда его можно найти и на рынках Нью-Йорка и Филадельфии, но, с своей стороны, я должен признаться, что его мясо всегда казалось мне противным, так как имело запах муравьев. Даже в неволе эта птица не теряет природной живости и резвости. Она легко привыкает к корму, но зато в течение одного дня, забавляясь, напортит и наломает больше, чем могут поправить двое рабочих за два дня. Во всяком случае дятлы вовсе не такие глупые, никуда негодные, бездарные птицы, как многие думают».

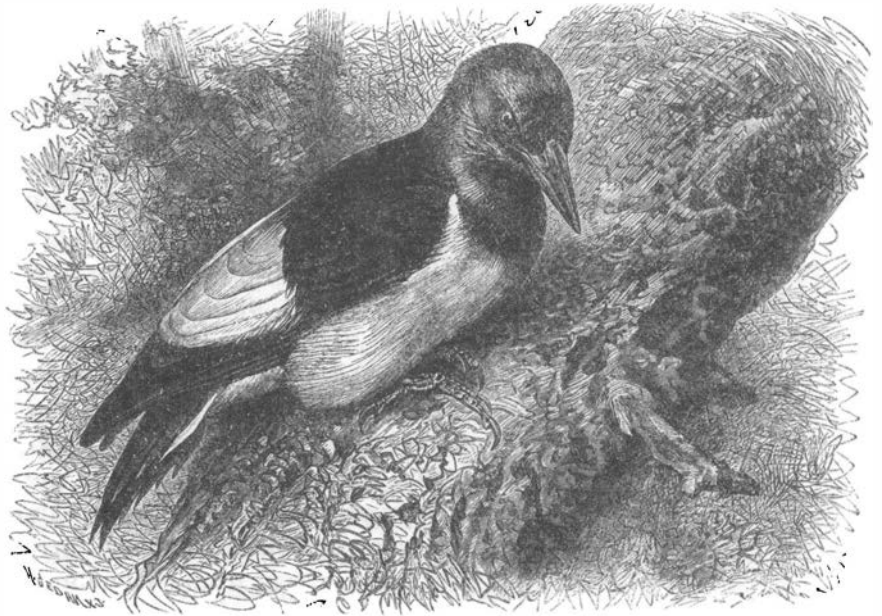
Очень мало изогнутым клювом обладает **красноголовый дятел** (*Melanerpes erythrocephalus*). Голова и шея у него ярко-красные, верхняя часть спины, маховые и хвостовые перья совершенно черные, задние маховые перья, надхвостье и вся нижняя сторона чисто-белые; у двух крайних пар хвостовых перьев на конце есть узенькая белая каемка. Глаза орехово-бурого цвета, клюв и ноги синевато-черные. Самка немного меньше самца и не так ярко окрашена, как он. В длину этот дятел достигает 24 см, размах крыльев — 44, длина крыла 12, хвоста — 6 см.

«Едва ли существует в Америке какая-либо птица, более известная, чем красноголовый дятел, — говорит Вильсон. — Он встречается до того часто, его трехцветное оперение так бросается в глаза, а воровские привычки так общеизвестны, что каждый ребенок может рассказать о нем». Красноголовый дятел распространен по всему северу Америки. По словам принца фон Вид, его можно видеть чуть не на каждом заборе, на стволах деревьев или на корнях их, где он часто ищет насекомых. «Его можно считать, — говорит Одюбон, — оседлой птицей Соединенных Штатов, так как в южной части их он встречается всю зиму, а летом выводит здесь птенцов. Большинство этих птиц, однако, улетает от нас в сентябре, и притом в ночную пору. Эти дятлы летят тогда вместе, но не соблюдая определенного порядка, так что напоминают бегущее в рассыпную войско. При этом они точно для того, чтобы ободрить друг друга, издают особый резкий крик, который в другое время не слышно. На рассвете все общество опускается на верхушки засохших деревьев вблизи плантаций и остается здесь, отыскивая себе пищу до заката солнца. Тогда они опять, один за другим, снимаются с деревьев, и вся стая продолжает свой перелет.

За исключением дрозда-пересмешника я не знаю ни одной птицы, которая была бы так резва и весела, как этот дятел: вся жизнь его — одно сплошное веселье. Он повсюду находит в изобилии пищу и удобные гнездовья. Ничтожная работа, достающаяся на его долю, является для него источником новых наслаждений, так как он работает только для того, чтобы добыть себе что-нибудь особенно лакомое или же чтобы устроить помещение для себя, своих яиц или своего семейства. По-видимому, он нисколько не боится человека, хотя это его злейший враг. Если, сидя на столбе забора близ дороги или поля, он заметит идущего в его сторону человека, то медленно перебирается на противоположную сторону столба, прячется здесь и по временам осторожно выглядывает, как бы желая узнать намерения приближающегося. Если человек спокойно проходит мимо, то он вспрыгивает на верхушку столба и начинает барабанить по ней, как бы поздравляя себя с успешным результатом своей хитрости. Если снова приблизишься к нему, то он перелетает на ближайший или другой соседний с ним столб, подвешивается к нему и снова барабанит, как бы бросая вызов противнику. Нередко его можно видеть у нас на домах; он лазает по ним, долбит по крыше и затем слетает в сад, чтобы поворовать здесь лучшие ягоды, какие только найдутся.

Но что бы они ни делали, они всегда бывают веселы. Только что они успеют утолить голод, как собираются небольшими обществами на верхушках и ветвях засохших деревьев и отсюда очень своеобразно охотятся за пролетающими мимо насекомыми, бросаясь на них с расстояния 8—12 м и делая при этом иногда удивительно смелые повороты; схвативши добычу, они снова возвращаются на дерево, издавая радостный крик. По временам, играя, они чрезвычайно грациозно гоняются друг за другом, при этом описывая на лету изящные дуги, они выказывают всю красоту своего оперения и представляют тогда чрезвычайно привлекательное зрелище».

По словам Вильсона, самым страшным врагом птенцов красноглавого дятла является черная ехидна. Змея эта часто взбирается на самые высокие деревья, проникает в мирное

Красноглавый
дятел
(*Melanerpes
erythrocephalus*)

Семейство
настоящие дятлы

жилище дятлов, поедает яйца или беспомощных птенцов на глазах жалобно кричащих родителей; если гнездо достаточно велико, то, наевшись, змея сворачивается в нем и отдыхает, пока совершается пищеварение. Школьник, забравшись на дерево, часто чуть не с опасностью для жизни, испытывает горькое разочарование, когда, просунув руку в дупло, вместо ожидаемых птенцов хватает отвратительную змею. В этом случае ему остается только соскользнуть вниз по стволу и с ужасом бежать прочь от дерева.

Желна (*Dryocopus martius*) имеет однородную матово-черную окраску; только верхняя часть головы яркая карминово-красная у самца, у самки же она ограничивается одним местом на затылке. Глаза матового серно-желтого цвета; ноги — свинцово-серые; клюв жемчужно-серый. Молодые птицы очень мало отличаются от старых. В длину они имеют 47—50 см, размах крыльев 72—75 и длина хвоста 18 см.

Вся Европа, насколько она покрыта лесами, и Азия до северных склонов Гималайских гор могут считаться родиной желны.

Желна поселяется в больших, непрерывно тянущихся лесах, по возможности в таких, где ее не беспокоят люди и где хоть изредка попадаются высокие и толстые деревья. Так как любимая ее пища — рыжие муравьи, то она предпочитает хвойные леса лиственным, хотя живет и в последних, особенно в буковых лесах. Чем более дик и непроходим лес, тем приятнее это для желны и, наоборот, чем лучше он расчищен, тем неохотнее поселяется она в нем, хотя и тут, конечно, могут быть исключения. Горные леса Альп, в которых если не невозможно, то по крайней мере очень трудно вести правильное лесное хозяйство, и обширные, непрерывно тянущиеся на огромные расстояния леса Скандинавского полуострова, России, где бури и пожары производят большие опустошения, чем топор дровосека, представляют собой любимое местопребывание этих дятлов.

Как на юге, так и на севере нашей части света они избегают человека и только в исключительных случаях показываются вблизи населенных пунктов.

Желне больше чем всякой другой птице приходится страдать от недостатка удобных жилищ. В наше время уже мало встречается таких толстых деревьев, какие нужны ей для устройства помещения, в котором она могла бы ночевать и высидывать яйца, и потому эта птица совершенно исчезла из многих местностей, где прежде ее можно было видеть очень часто.

В тех лесах, где желна выводит птенцов, она живет из года в год в одном и том же очень небольшом районе: пространство в 600 гектаров для нее вполне достаточно. Парочка желн ни за что не потерпит, чтобы в пределах ее района поселилась другая такая же пара и, подобно другим дятлам, изгоняет из него даже собственных птенцов, когда они подрастут. Эти молодые птенцы и

бывают вынуждены отправляться в дальние странствования или по крайней мере перекочевывать с места на место. Они иногда заселяют снова такие леса, которые прежде были совершенно покинуты этим видом дятлов. Если парочка их поселится в таком лесу, то сначала они кочуют в нем, перелетая на значительные расстояния, но мало-помалу район этих кочевок все сужается, и наконец они довольствуются пространством леса в 100—150 гектаров.

Поведение желны, которую народное предание связывает с чудодейственной разрыв-травой, впервые было подробно описано моим отцом, и с тех пор мы не приобрели в этом отношении почти никаких новых сведений. Поэтому в дальнейшем я буду придерживаться данного моим отцом описания. Наша желна чрезвычайно резвая, быстрая на лету, пугливая, ловкая и сильная птица. Ее видишь то в одном месте леса, то в другом, и, перелетая таким образом с места на место, она успевает облететь весь свой район часто за очень короткое время. Об этом можно с достоверностью судить по ее крику, который в течение нескольких минут раздается из различных мест. Полет этого дятла значительно отличается от полета других его родичей; он летит не до такой степени толчками или по восходящим и нисходящим линиям, как другие дятлы, а по слегка волнообразной линии, почти прямо вперед, причем широко раскрывает крылья и сильно машет ими, так что кажется, будто кончики маховых перьев загибаются. Вообще полет желны спокойнее и, по-видимому, утомляет ее менее, чем других дятлов; поэтому, когда она летит, то слышится не похожий на жужжание звук, а какое-то особенное гудение, которое, по словам Наумана, особенно ясно бывает слышно при пасмурной, сырой погоде. Хотя желна и неохотно летит далеко, но иногда она все же пролетает, не отдыхая по пути, расстояния в 2 км и более. Летящая желна выглядит чрезвычайно красиво, особенно когда слетает с горы в глубокую долину. Тогда она показывает всю быстроту своего полета; она устремляется вниз словно стрела и только изредка взмахивает крыльями и то, по-видимому, скорее для того, чтобы избежать попадающихся ей на пути верхушек деревьев. По земле этот дятел прыгает довольно неловко, тем не менее он очень часто спускается вниз, в особенности с целью посещения муравьиных куч. В лазании и долблении он самый искусный из всех европейских дятлов. Лазая, он всегда, как и все его родичи, сразу переставляет обе ноги, так что, собственно говоря, передвигается вверх по дереву прыжками и притом делает это с такой силой, что бывает ясно слышно, как когти его вонзаются в кору. Во время лазания он далеко отставляет грудь от дерева и выгибает назад шею.

Большие муравьи и их куколки, а также всевозможные древесные личинки, особенно личинки вредных жучков, живущие в хвойных деревьях, и самые эти жучки составляют пищу

**Семейство
настоящие дятлы**

этого дятла. Но особенно любит он личинки больших древесных ос. Мне случалось находить в желудке некоторых из них исключительно эти личинки и еще непереваренные твердые головки их; кроме того, я находил еще в огромных количествах мучных червей, короедов, сосенных жуков и рыжих муравьев с их куколками. Башкиры, говорят, не любят этого дятла,

Желна
(*Dryocopus martius*)

потому что он, подобно им самим, отыскивает диких пчел и, продалбливая деревья, портит дупла, в которых они живут.

Спаривание происходит, смотря по более или менее благоприятной погоде, в первой или второй половине марта.

В начале апреля желны начинают делать приготовления к постройке гнезда. «Они закладывают его в дереве с выгнившей сердцевинной, там, где есть отверстие от сучка или обломанные и сгнившие в середине ветви. Самка сначала одна проделывает или расширяет извне входное отверстие до тех пор, пока станет удобно влезать и вылезать через него. Вслед за этим начинается выдалбливание самого дупла, причем дятлы проявляют немало ловкости и усердия. Это выдалбливание весьма затруднительно уже потому, что дятел не имеет достаточно места для того, чтобы размахнуться при ударе клювом. Мне часто приходилось наблюдать за ним во время этой работы. Иногда места так мало, что он может двигаться всего на каких-нибудь 2 см. Тогда удары звучат глухо, и выбрасываемые щепки бывают очень малы, но когда дятел расширит несколько

дупло, то начинает отщеплять гораздо большие куски. Наибольшие из щепок, валявшихся около одной слегка подгнившей сосны, в которой устраивала себе жилище желна, достигали 15 см в длину, при ширине 3 см.

Самка работает над гнездом только в предобеденные часы, а после отправляется за пищей. Когда, наконец, после 10—14-дневной усиленной работы дупло бывает окончено, то обыкновенно

оно имеет, считая от нижнего края входного отверстия, около 40 см в глубину и около 15 см в поперечнике, иногда на несколько сантиметров больше или меньше. Внутри оно отделано так гладко, что нигде не торчит ни одной щепки. Дно имеет форму сегмента шара, а не полушария, и все бывает покрыто мелкими щепочками. На них, обыкновенно уже в середине апреля, можно видеть 3—4, реже 5 и только очень редко 6 штук сравнительно маленьких яиц. В длину эти яйца 36—40 мм, в ширину 30—32 мм; они очень продолговаты, сильно закруглены наверху, вздуты посередине, тупы внизу; скорлупа очень гладкая, блестящего белого цвета, точно эмалевая.

Желна старается устроить свое жилище как можно выше. Я видел ее гнезда на высоте 15—25 м и только раз на высоте всего 7 м. Все те гнезда, которые мне приходилось видеть, были устроены в гладкоствольных буках или соснах, никогда в деревьях других пород. Подобными гнездами желны пользуются несколько лет подряд. Каждый год гнездо несколько исправляют, т.е. из него выбрасывают помет, оставшийся после птенцов, и откалывают несколько щепок. Этому дятлу чересчур утомительно строить новое помещение; кроме того, часто не находится и достаточного количества удобных деревьев, чтобы каждый год он мог класть яйца в новом дупле. Вновь выстроенное гнездо уже издали можно узнать по множеству щепок, валяющихся под ним на земле, часто на пространстве около 4 квадратных метров; даже под возобновленным гнездом также валяется обыкновенно несколько щепок. Это приложимо ко всем дятлам, и потому, если кто желает найти их гнездо, то ему стоит только смотреть на землю и искать на ней щепки. Я прибавлю, что хотя этот дятел в Германии повсюду чаще всего выбирает для устройства своего жилища бук и сосну, однако ему случается поселяться иногда и в других деревьях. Так, Мейеринк нашел гнездо в одном дубе, а Дыбовский упоминает, что в Сибири этот дятел поселяется в лиственницах. Отверстие дупла бывает чрезвычайно мало сравнительно с размерами самого дятла, так что удивительно, как он может проползать через него, не портя своего оперения.

Самец и самка сменяют друг друга во время насиживания, но самое время этой смены нельзя определить с точностью. Только что вылупившиеся птенцы бывают весьма непривлекательны. Только верхняя часть их тела покрыта очень редким черно-серым пухом, голова у них очень велика, а клюв несоразмерно толст. Они остаются в гнезде до тех пор, пока не научатся как следует летать; они лазают по стенкам дупла и часто выглядывают из него, высовывая голову в отверстие. Самка ночует вместе с птенцами, а самец проводит ночь в дупле, выдолбленном им в предшествующем году».

Белоклювый дятел (*Campephilus principalis*) величиной превосходит желну. Длина его 55 см, размах крыльев 80, длина кры-

*Семейство
настоящие дятлы*

ла 28, а хвоста 19 см. Преобладающая окраска оперения блестяще-черная; несколько перышек над носовыми отверстиями и узкая полоса, начинающаяся от середины щек и тянущаяся, заметно расширяясь, вдоль боков шеи и плеч, а также задние большие и малые маховые перья — белые; виски и острый затылочный хохол, как и сам затылок, ярко-красные. Радужная оболочка желтая; клюв белый; ноги темного свинцово-серого цвета. Самка отличается от самца тем, что хохол у нее черный.

Область распространения белоклювого дятла — южная часть Соединенных Штатов и остров Куба. Живущего на острове дятла некоторые орнитологи считают отдельным видом, но это, по-видимому, неосновательно. В Северной Америке этот дятел встречается: в Северной и Южной Каролине, Джорджии, северной Флориде, Алабаме, Луизиане и Миссисипи, а также в восточном Техасе и лесах, растущих по берегам Арканзаса. На Кубе эти дятлы, по словам Гундлаха, живут в ее южной, западной и восточной частях, особенно в больших лесах, но как на материке, так и здесь они с каждым годом становятся все более редкими, так как их вытесняют отсюда и вырубка лесов, и преследования со стороны охотников.

Благодаря исследованиям американских орнитологов, в особенности Одюбона, мы имеем подробные сведения о жизни белоклювого дятла на свободе.

«Я очень желал бы дать хорошее описание любимого местопребывания белоклювого дятла; мне хотелось бы описать размеры этих огромных болот, осененных миллионами исполинских темных кипарисов, простирающих свои поросшие мхом ветви, как будто желая дать понять приближающемуся путнику, с какими препятствиями ему предстоит бороться, если он вздумает проникнуть глубже в эти, часто совершенно недоступные, местности. Такие болота тянутся на многие мили, и путь через них преграждается нагромождениями валежника, стволами упавших деревьев и множеством всевозможных ползучих растений, переплетающихся между собой. Я желал бы разъяснить свойства этой опасной почвы, ее топкость и мягкость, красоту покрывающего ее предательского ковра, сотканного из прелестнейших мхов, шпажника и водяных лилий; ковер этот расступается под ногой путника и грозит поглотить его; местами в нем есть просветы, наполненные темной, грязной водой. Я хотел бы дать моим читателям понятие о том тяжелом, наполненном миазмами воздухе, который, особенно в летнее время, как будто желает задушить проникающего сюда путешественника. Но всякая попытка нарисовать картину этих грандиозных и в то же время ужасных болот будет неудачна; только путем личных наблюдений можно познакомиться с ними. Я возвращусь поэтому к описанию знаменитого дятла с клювом будто из слоновой кости.

Полет этой птицы чрезвычайно красив, хотя она редко пролетает в один прием больше, чем несколько сот метров, разве когда ей приходится перелетать через широкую реку. Тогда белоклювый дятел несется по резко волнообразной линии, то широко раскрывая крылья, то быстро махая, чтобы ускорить замедляющийся полет. Перелет с одного дерева на другое, независимо от расстояния между ними, он совершает одним изгибом, причем, спускаясь с самой верхушки дерева, описывает на лету красивую дугу. В этот момент птица выказывает всю красоту своего оперения, и вид ее бывает восхитителен. Дятел этот никогда не кричит на лету, разве только в пору любви; но как только он привесится к нижней части древесного ствола и начинает взбираться вверх по нему, раздается его замечательно чистый, звонкий и приятный голос, слышимый очень далеко. Крик его или призывный звук, который можно передать слогом «пэт», повторяется обыкновенно три раза, но птица эта кричит так часто, что в течение дня она молчит, можно сказать, всего несколько минут. К сожалению, эта привычка чрезвычайно облегчает ее выслеживание; между тем она и без того слишком часто подвергается преследованиям благодаря существованию совершенно ложного мнения, будто она вредит лесу. Кроме того, красивые перья хохла этой птицы представляют любимое воинское украшение индейцев, так что и краснокожие тоже ревностно охотятся за ней. Всевозможные путешественники также большие любители этого украшения и скупают у охотников на память головы великолепных птиц. Мне случилось видеть индейских старшин, у которых весь пояс был сплошь увешан клювами и хохолками белоклювых дятлов*.

Пища белоклювых дятлов состоит преимущественно из жуков, личинок и больших червей, но как только в лесах созреют ягоды, то птицы с жадностью поедают и их. Мне случилось видеть, что они подвешиваются к виноградным лозам в том же положении, как синицы. Дятел отыскивает также сливы персиммона (*Persimmonflaumen*), как только они поспеют, но он никогда не ест ни хлебных зерен, ни садовых плодов, хотя его и видят часто долбящим на деревьях, растущих среди полей. Сила его так велика, что одним ударом своего крепкого клюва он иногда откалывает куски коры длиной 15—18 см и, принявшись за работу на каком-нибудь сухом дереве, он в течение нескольких часов очищает от коры пространство 6—10 м².

Вильсон пробовал держать белоклювого дятла в неволе, но оказалось, что это дело не легкое. Дятел, о котором идет речь, был уже старый, пойманный только после того, как его подстрелили. Он кричал, подобно маленькому ребенку, и своим криком до того испугал лошадь Вильсона, что она едва не убила седока. Когда исследователь ехал с этой кричащей птицей по улицам Уильмингтона, то все женщины, испуганные, выбежали на улицу или выглядывали из окон, чтобы узнать причину страшного шума, а

** Сейчас фактически общепризнано, что королевский белоклювый дятел в результате непрекращавшегося преследования человеком полностью истреблен, по крайней мере в Северной Америке. Последний раз в США достоверно слышали их крик и видели птиц в 50-х годах нашего века. Полагают, что немного птиц могло сохраниться на Кубе.*

перед гостиницей на исследователя посыпался целый град вопросов. В конце концов он снес дятла в свою комнату и оставил его там, чтобы пойти позаботиться о лошади. Вернувшись приблизительно через час, он увидел, что сильная птица уже успела почти освободиться. Она забралась по переплету рамы наверх и долбила стену. Так как Вильсон хотел ее срисовать, то он простил ей попытку к бегству и, чтобы предупредить повторение ее, привязал дятла цепочкой к толстой ножке стола из красного дерева. Затем он опять ушел из комнаты, чтобы поискать для него корм. Возвращаясь, он еще на лестнице услышал, что дятел снова работает, а войдя в комнату, с ужасом увидел, что стол стоит уже не на

четырех, а на трех ногах. Пока он срисовывал эту непокорную птицу, она нанесла ему несколько ран и вообще проявила такой свободолобивый нрав, что Вильсон не раз думал о том, чтобы выпустить ее на волю. От предлагаемой пищи птица упорно отказывалась, так что уже на третий день умерла, не вынеся неволи.

Самым известным считается **большой пестрый дятел** (*Dendrocopos major*). Он вполне оправдывает свое название, так как оперение его действительно необыкновенно пестро. У самок пурпурового пятна на затылке нет. У молодых верх головы карминово-красный. Глаза буро-красные, клюв светло-свинцового цвета, ноги зеленовато-серые. Длина этих дятлов достигает 23—25 см, размах крыльев 46—48, длина крыла 16, а хвоста 8,5 см.

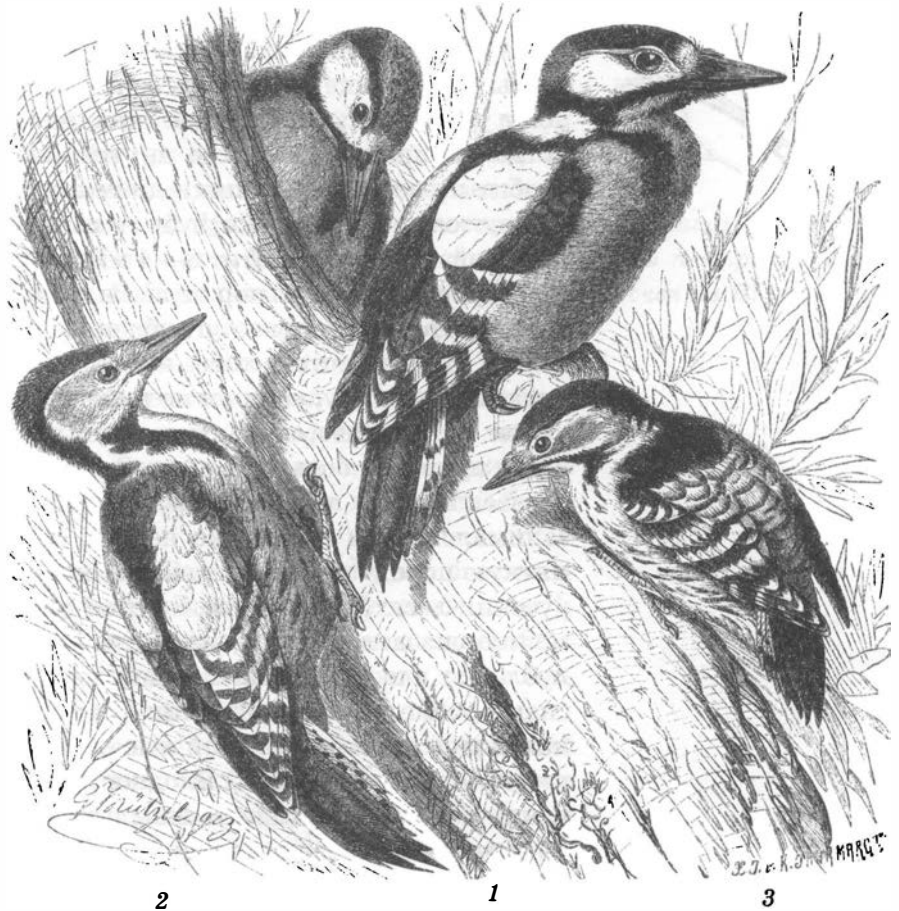
Белоклювый дятел
(*Campephilus
principalis*)

Местом обитания большого пестрого дятла служат вся Европа, Сибирь вплоть до Камчатки и Японии. Это самый обыкновенный из европейских дятлов и самый многочисленный среди азиатских видов. Я находил его во всех странах нашего полушария, где только путешествовал, в таких местах, где много лесов, за исключением Альп.

Большой пестрый дятел одинаково любит как лесные опушки, так и дремучий лес, но встречается и в полевых рощицах, а осенью и зимой появляется в садах. Он предпочитает сосновые леса, тополевые и ивовые заросли. Летний район его местожи-

тельства не слишком обширен; осенью и зимой большие пестрые дятлы кочуют уже на большом пространстве и живут тогда в сообществе поползней, пищух, синиц и королек. Летом дятел не терпит других дятлов, залетевших в район его местожительства. Во время кочевки эти птицы держатся деревьев. На свободе во время своих странствований они преследуют только одну цель и на свойственных их образу жизни местах они, конечно, заботятся только о том, чтобы отыскать себе больше пищи и при этом немножко посмотреть на окружающий их мир.

Пищу большого пестрого дятла составляют различные насекомые, их яйца, личинки, куколки, а также орехи и ягоды. Мой отец, а после него и Науман, основываясь на своих наблюдениях, уверяют, что эти дятлы на едят муравьев и не кормят птенцов их куколками. Напротив, Глогер говорит, что желудок одного пестрого дятла, убитого им в сильный мороз, был «исключительно и почти совершенно наполнен» крупными лесными муравьями. По наблюдениям моего отца, этот дятел — главный враг короедов, их личинок и яиц. Добывая их, он аккуратно откалывает куски сосновой коры. Я часто с удовольствием наблюдал за этим. Птица бегаёт по стволам с отставшей корой и трещинами, всовывает клюв и язык под кору и отщепляет ее, если не может добраться до насекомых. Я осматривал падавшие куски коры и всегда находил их источенными короедами. Пестрый дятел ест также всякого рода гусениц, вредных для лесных деревьев, и выкармливает ими своих птенцов. Это настоящий охранитель лесов и его должно всякими способами щадить. В этом мнении сходятся почти все наблюдатели. «Когда дятел долбит тонкие сучки, — добавляет Науман, — можно заметить, как он часто внезапно шмыгает на другую сторону, чтобы не

- 1 — Большой пестрый дятел (*Dendrocopos major*)
2 — Средний пестрый дятел (*Dendrocopos medius*)
3 — Малый пестрый дятел (*Dendrocopos minor*)

Семейство настоящие дятлы

упустить насекомых, вспугнутых его долблением и убегающих туда, так как эти последние поступают точно так же, как и дождевые черви при приближении крота. Как те, так и другие хорошо чувствуют близость своего смертельного врага».

В то время, когда вызревают семена хвойных деревьев, он предпочитает питаться ими, хотя добывать их для него дело не особенно легкое. «Когда он захочет полакомиться сосновыми семечками, — сообщает мой отец, — он предварительно выдалбливает углубление на верхней стороне расколотаго или сухого сучка так, чтобы в него могла поместиться половина сосновой шишки. Когда углубление готово, пестрый дятел летит на вершину дерева и карабкается с сучка на сучок по какой-нибудь ветке, чтобы удобнее заполучить шишку, схватывает ее за стебелек и откусывает, но так, чтобы он мог еще задержать ее в клюве, затем тащит ее к описанному углублению и помещает так, чтобы конец ее торчал кверху. Тогда он придерживает ее внутренними передними пальцами и долбит по верхушке шишки до тех пор, пока крышечки не расщеплятся и семечки могут быть вышелушены. Покончив с одной шишкой, на что он тратит 3—4 минуты, он добывает вторую таким же образом, но до тех пор не выкидывает прежней шишки, пока не понадобится вставить в углубление новую. Мне кажется, что он делает это для того, чтобы иметь возможность еще раз обыскать прежнюю шишку, если он не найдет новой, так как дочиста шишку он не выедает, как это делают клесты. В таком занятии он часто проводит большую часть дня и почти все на одном и том же дереве. В моем лесу есть сосна, на которой один и тот же дятел занимался этим несколько недель. Если он может выбрать более мягкую породу деревьев, как это, например, бывает почти всюду в русских лесах, то предпочитает ее всем твердым породам, так что можно сказать почти с определенностью, что вы заметите его углубление для гнезда на каждой из растущих между елями и соснами осине, тополе или ветле. Такое дупло с гнездом почти всегда находится на значительной высоте, обыкновенно на 10 м и выше, реже ниже над землей. Входное отверстие гнезда так мало, что птица может только влезть и вылезть; внутреннее помещение книзу от входа обыкновенно почти 30 см глубиной и около 15 см в поперечнике; внутри это помещение так же гладко выработано, как и в гнездах других дятлов, и внизу выложено мелкими щепочками. Кладка состоит из 4—5, редко 6 маленьких, продолговатых яиц с очень нежной мелкозернистой скорлупой блестящего белого цвета. Самец и самка сидят на яйцах попеременно, высидывают птенцов через 14—16 дней* и самоотверженно выкармливают их, вначале весьма беспомощных и уродливых, из-за непропорциональности частей тела. Они очень любят свое потомство, сердито кричат, если что-либо ему угрожает, и не удаляются от гнезда. Но и после того, как птенцы вылетят из гнезда, родители продолжают руководить ими и кормить их еще долгое время, пока последние не ста-

* Согласно современным данным, кладки большого пестрого дятла содержат от 3 до 8 яиц, обычно 4—7, время инкубации 12—13 дней.

нут в действительности самостоятельными и в состоянии промышлять себе пищу без посторонней помощи».

Большие пестрые дятлы иногда становятся добычей голубятников и перепелятников, однако в лесу они умеют спасаться от этих страшных врагов благодаря ловкости, с которой карабкаются вокруг стволов и укрываются в расщелины. Птенцов истребляют ласки и белки. К последним, по словам Наумана, они питают особенную ненависть и преследуют пугливыми криками, когда заметят их вблизи гнезда.

В лиственных лесах долин вместе с пестрым дятлом водятся несколько меньших размеров и более красивый **средний пестрый дятел** (*Dendrocopos medius*). Длина его 21 см, размах крыльев 40, длина крыла 13, хвоста 8 см; окраска и рисунок оперения весьма красивые.

Средние пестрые дятлы принадлежат к числу немногих птиц, которые только в некоторых местах встречаются за границами Европы. Область их распространения на севере простирается до средней Швеции*, на юго-востоке — до Малой Азии, на востоке до Бессарабии, на юге до Греции, Италии и Испании, на западе до берегов Атлантического океана. В Германии и Франции средний дятел водится отнюдь не повсеместно, но всегда в определенных районах и преимущественно в лиственных лесах.

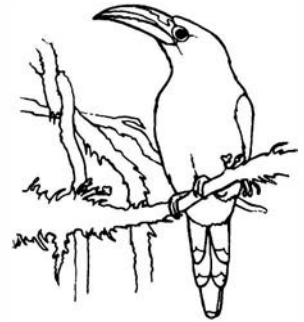
Даже среди своих родичей средний дятел красиво выделяется пестрой красотой наряда и сочетанием резких цветов черного и белого с ярким красным. Веселостью он превосходит все другие виды. Его движения проворнее и быстрее движений большого пестрого дятла.

Третий встречающийся по всей Германии, хотя не повсеместно, пестрый дятел — **малый пестрый дятел** (*Dendrocopos minor*). Это карлик из европейских дятлов и один из самых маленьких членов своего семейства вообще. Длина малого пестрого дятла всего 16 см, размах крыльев 30, длина крыла 7, хвоста 6 см.

Область распространения малого пестрого дятла по крайней мере столь же обширна, как и большого. Он живет по всей Европе от Лапландии до крайнего юга, а также в Азии до Приамурских областей включительно, кроме того, в отличие от большого пестрого дятла он встречается в лесах северной части западной Африки.

Этот дятел, как совершенно справедливо замечает Науман, принадлежит к числу самых резвых и проворных птиц своей группы. С большой ловкостью он скачет вверх по стволам деревьев, обегает вокруг, лазает всегда головой кверху, изредка пятясь назад, и карабкается по сучьям до концов ветвей в человеческий палец толщиной. Он много долбит и стучит по деревьям и столь же искусен в выдалбливании помещений для ночлегов или гнезда, как и крупные виды дятлов, только всегда выискивает наиболее мягкие места деревьев. В старых дубах он нередко устраивает такие поме-

Семейство настоящие дятлы

* В наши дни **средний пестрый дятел** исчез из Швеции.

щения на нижней стороне наклонных или почти горизонтальных кривых ветвей. Иногда он садится на тонкие ветви поперек, как другие птицы, но при этом не держится так прямо.

Пища малого пестрого дятла, по-видимому, состоит из одних насекомых, и в желудках этих птиц не находят ничего другого ни осенью, ни даже зимой. По наблюдениям Вальтера, на свободе они едят только личинок насекомых, червячков и другую мягкую животную пищу, пренебрегают мухами и жуками и даже теми муравьиными куколками, которыми были вскормлены птенцы. Поэтому они и являются необыкновенно полезными птицами. «Не только для лесных деревьев, — говорит Науман, — но и для плодовых присутствие этих птиц поистине благо. Их видишь постоянно клюющими на деревьях и сучках и почти всегда занятых едой, а при последующем исследовании их желудки бывают настолько переполнены всякого рода часто крошечными губителями деревьев, что невольно приходишь в изумление».

К счастью, малый пестрый дятел менее других дятлов подвергается преследованию, так как он не так заметен для невежественного человека или быстро скрывается от его взора, а те, кто его знают, и без того считают его за друга. Конечно, с другой стороны, доверчивость подвергает его различным опасностям. Точно так же его можно подманить раздражительными постукиваниями или долблением.

Само собой разумеется, что те же враги, которые опасны для остальных видов дятлов, преследуют и малых пестрых дятлов. Одни делаются добычей врагов, другие же укрываются от них благодаря своей замечательной ловкости. Их беззаботная доверчивость часто служит причиной того, что они становятся жертвами неопытных, но жестоких стрелков. Однако нельзя сказать, чтобы количество их уменьшалось, так как, к счастью, зима реже доводит их до большой нужды, чем других дятлов, а гнезда их в большинстве случаев ускользают от взора собирателей птичьих яиц.

У хохлатого дятелка (*Picumnus cirrhatius*) верхняя часть головы черная, с нежными белыми крапинками; остальной верх серо-бурый. Нижние части с поперечными полосами белого и черного цветов. Лоб и передняя часть темени у самцов красные, у самок с белыми пятнышками, как и остальное темя. Черно-бурые маховые перья оторочены желтоватым цветом, кроющие перья — светлой каймой. Рулевые перья хвоста черные, боковые имеют широкие белые полосы на наружных опахалах, оба средних — такие же полосы на внутренних опахалах. Глаза серо-бурые; клюв у основания свинцового цвета, на спинке и конце черноватый. Ноги свинцово-серые. Длина достигает 9 см, размах крыльев 15, длина крыла 4,8, а хвоста 2,5 см.

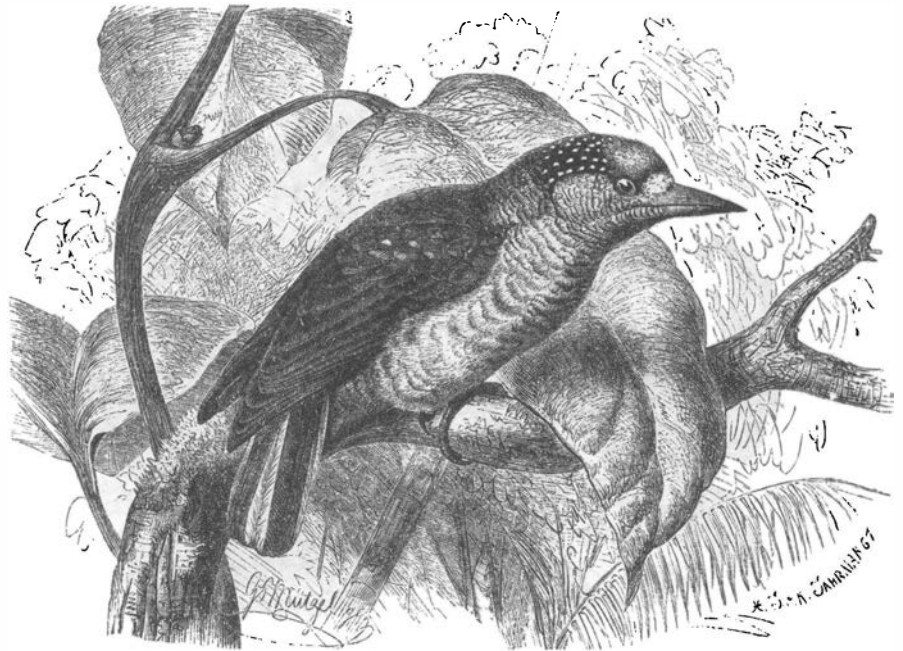
Хохлатый дятелок встречается нередко во всех береговых лесах Гвианы и Парагвая и часто появляется вблизи селений.

Летом он живет парами, в холодную пору небольшими обществами, кочующими на довольно большие расстояния. По словам принца фон Вид, по образу жизни карликовый дятел сходен с другими дятлами и в поисках насекомых и их личинок бегаёт вокруг стволов. Бурмейстер, напротив, утверждает, что их образ жизни совершенно похож на образ жизни корольков.

Особой группой, населяющей северные страны, являются трехпалые дятлы — пестрые дятлы с трехпальными ногами, оба передних пальца которых немного короче заднего пальца.

Трехпалый дятел (*Picoides tridactylus*). Почти одинаковой величины с большим пестрым дятлом и имеет не столь яркое, но такое же пестрое оперение. Перышки, покрывающие переднюю часть головы около клюва, белые с черными кончиками; на остальной части головы перья белые с черными стволами, на темени — яркого лимонно-желтого цвета. У самки темя не желтое, а такое же, как передняя часть головы, т.е. белое с черными продольными полосками.

Область распространения трехпалого дятла заслуживает особого рассмотрения, так как в средней и южной Европе он встречается исключительно на самых высоких вершинах и на горах средней высоты, на севере же этой части света его можно встретить повсеместно, точно так же, как и в Азии, где он живет к востоку вплоть до Камчатки и Сахалина, к северу до границы лесов и к югу до Тянь-Шаня. Как настоящая горная птица, этот дятел спускается на низменности и равнины только в том случае, если климатические условия и флора имеют в них такой же характер, как в высоких гористых местностях, как это бывает, например, в северных лесных областях на границе тундры. В пределах Германии он выводит птенцов только в Баварских Альпах; впрочем, многие наблюдения заставляют думать, что он или временами появляется в горах Силезии и Богемском лесу, или постоянно живет и размножается там, хотя и встречается очень редко. Достоверно известно, что трехпалый дятел обитает в Альпийских горах, начиная с Приморских Альп и до восточных их отрогов, в Карпатах, где, по словам графа Водзицкого, он, как и на Камчатке, является

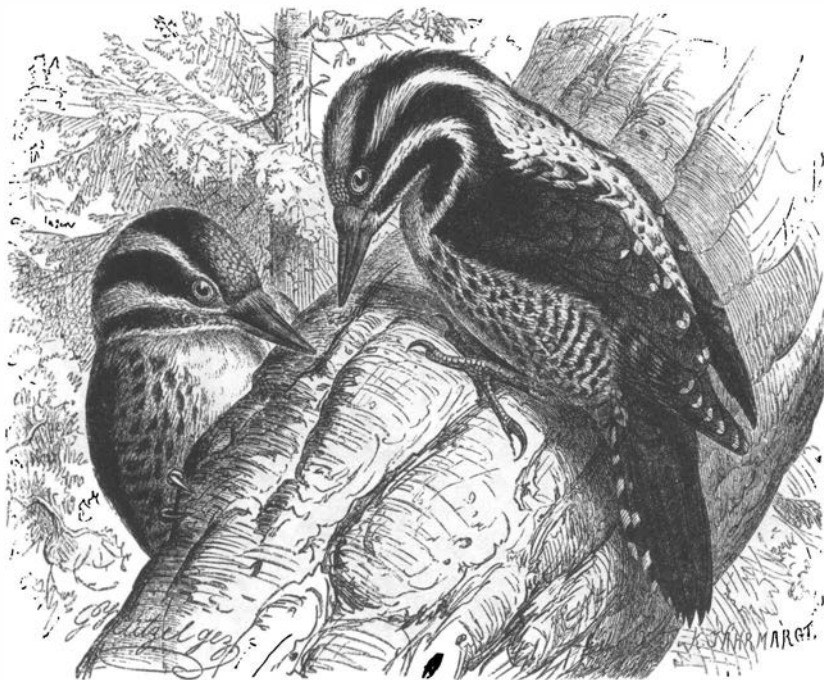
Хохлатый дятелок
(*Picumnus cirrhatus*)

**Семейство
настоящие дятлы**

самым распространенным из дятлов, в Трансильванских Альпах, на Кавказе и на всех Скандинавских горах, от южной оконечности полуострова и до 70 градуса северной широты. Он водится в северной России, на Урале и на всех горах, а также в лесах Азии в вышеуказанных пределах. По-видимому, он нигде не встречается в большом количестве, и каждая пара занимает довольно обширную область; впрочем, нужно заметить, что те леса, в которых он поселяется, очень трудно подвергнуть подробному исследованию.

Поведением и характером трехпалый дятел напоминает большого пестрого; по крайней мере, между теми представите-

лями этих видов, которых я наблюдал в Лапландии и Сибири, мне не удалось найти никакой разницы. Трехпалый дятел такой же резвый, ловкий, смелый и неутомимый, своим полетом также напоминает большого пестрого дятла; голоса их очень сходны, но, по словам Гиртаннера, у трехпалого дятла тон голоса более низкий. Он барабанит подобно большому пестрому дятлу, так же жаден, и потому его тоже можно подманить, подражая его постукиванию по дереву; словом, эти дятлы сходны во всех отношениях.

Трехпалый дятел
(*Picoides tridactylus*)

ОТРЯД ВОРОБЬИНООБРАЗНЫЕ (Passeriformes)

Отряд
воробьинообразные

К воробьинообразным относится более половины всех птиц. Вследствие громадного числа существующих видов и большого разнообразия их внешности очень трудно перечислить общие признаки птиц этого отряда. Размер их колеблется гораздо значительнее, чем птиц других отрядов (сравните, например, рост черного ворона и короляка); не меньшее разнообразие признаков предоставляют нам строение их клюва и ног, крыльев и хвоста, оперение и окраска его.

Воробьинообразные распространены по всему земному шару и образуют значительную часть птичьей фауны всех широт и всех высот. Они живут в самых разнообразных климатах: в ледяных полях северных стран и высоких гор и в жарких низменностях тропических стран. Они обитают в лесах, на полях, в густых камышах болот и даже в пустынях с жалкой растительностью. Они одинаково хорошо себя чувствуют как в многолюдных городах, так и в безлюдных степях. Их можно встретить везде, где только есть малейшая возможность для существования. Даже на пустынных скалистых берегах Ледовитого океана они находят себе пристанище и пищу. Одни лишь хищные птицы имеют почти такую же обширную область распространения, как воробьиные, правда, сии последние встречаются в более многочисленных видах и экземплярах и потому гораздо заметнее. Только море не привлекает воробьиных: это дети суши. Они встречаются везде, где есть растительность. В лесах они более распространены, чем в безлесных странах; в тропиках они гораздо многочисленнее, чем в умеренном и холодном поясах. Однако и это правило для большинства из них относительное. Многие виды живут исключительно или почти исключительно на земле, во всяком случае большинство этих птиц не избегает поверхности земли. Очень немногие из воробьиных чуждаются близости человека. В основном же они, напротив, напрашиваются к нему в захребетники, доверчиво посещая его дома и дворы, сады и огороды. Ни одна из птиц этого отряда не стала бы избегать соседства с человеком, если бы люди не относились к ним иногда враждебно, прогоняя их или уничтожая места, удобные для их пребывания.

Способности воробьиных действительно замечательны, и душевные качества их так же совершенны, как и организация их тела. Не все воробьиные принадлежат к отличнейшим летунам, но некоторые из них могут поспорить в этом отношении с птицами других отрядов. А все-таки большинство из них летает лучше многих птиц. Почти все воробьиные передвигаются по земле легко и проворно, причем одни шагают, другие быстро семенят ногами, а третьи прыгают. Сквозь густые кусты эти птицы пробираются с проворством мыши. Они лазают, качаются, кувыркаются и выделывают разные другие фокусы на стволах, сучьях и ветвях деревьев. Большинство из них избегают воды, но некоторые с удовольствием бегают по дну не очень глубоких водоемов или пролетают через пенистые воды водопадов.

Внешние чувства у воробьиных хорошо развиты. Выше всех стоит зрение; слух и осязание, по-видимому, также очень тонки. Присутствие вкуса отрицать нельзя, но большого значения он, вероятно, не имеет; обоняние заметно только у некоторых, так что оба этих чувства следует считать развитыми довольно слабо. Большинство воробьиных отличается понятливостью, живым характером. Тот, кто знает этих птиц, никак не может назвать их слабоумными, так как они ежедневно своими действиями доказывают обратное. Уже чудные песни этих птичек, которые нам так нравятся, прекрасно свидетельствуют об этом. Понятливость их обуславливается прекрасной памятью, которая замечается у большинства из них.

Понятно, что таким живым и страстным птичкам необходима постоянная деятельность. Они совершенно не способны к созерцательному бездействию: с раннего утра и до позднего вечера птички двигаются и занимаются своими делами без усталости, причем упражняют все свои способности. Совершенно бездейственными они остаются лишь во время сна. В другое время непременно чем-нибудь заняты, в крайнем случае тем, что чистят себе перышки. Значительную часть дня они посвящают отысканию пищи и почти столько же времени занимаются самым приятным для них и для нас делом — пением, в чем большинство из них большие мастера.

Многообразным способностям, которыми одарены воробьиные, соответствуют их образ жизни, поведение, питание, размножение и другие стороны их деятельности. Их образ жизни, привычки весьма разнообразны, как и их внешность. Большинство из них живут группами, поодиночке птиц можно встретить только случайно. В период насиживания они живут парами, а в прочее время собираются в стаи, которые иногда так возрастают в числе, что образуют несметные толпы.

Строго говоря, все воробьиные принадлежат к числу хищных птиц, хотя этот термин нельзя принимать в обычном его смысле. Большинство из них питаются, если не исключительно, то по преимуществу, другими животными: насекомыми, личин-

**Отряд
воробьинообразные**

ками и червями. А крупные виды этого отряда могут быть названы настоящими хищниками, которые не ограничиваются ловлей мелких животных и даже соперничают в этом отношении с соколами и совами, выказывая при этом ловкость, мужество и хитрость. Однако почти все птицы этого отряда, которые питаются другими животными, едят, кроме того, плоды, ягоды и зерна. Вместе с тем птицы, питающиеся зернами, никогда не отказываются при случае от ловли насекомых. Таким образом, правильнее будет назвать их всеядными птицами. Хотя немногие из них заслуживают это название, но между ними есть и такие, которые питаются всем съедобным и не затрудняются в выборе пищи.

Независимо от того, кормятся ли эти птицы растительной или животной пищей, с наступлением зимы они не улетают в теплые страны и в холодное время года находят себе пропитание.

Для большинства воробьиных время любви наступает весной, то есть в ту пору, когда у нас, в умеренном поясе, природа пробуждается от долгого зимнего сна, а в тропических странах наступает дождливый сезон. Среди этих птиц, однако, встречаются виды, которые мало внимания обращают на весну и высиживают детенышей даже в зимние морозы холодных стран и в жаркое сухое время года в тропиках. Большинство все-таки признают в весне самое лучшее время для гнездования и вывода детенышей. Гнезда они строят различными способами, и можно с уверенностью сказать, что к этому отряду принадлежат самые лучшие строители, настоящие мастера в искусстве постройки гнезд. Кладка состоит из 4—12, а иногда и больше яиц, чаще всего пестрых*. Оба родителя насиживают яйца и кормят птенцов. Часто летом происходит вторая, а иногда и третья кладка.

Воробьиных следует считать по преимуществу полезными птицами. Встречаются между ними, конечно, и такие, которые приносят нам более вреда, чем пользы, но их так мало, что вред от них в сравнении с пользой, приносимой большинством других птиц этого отряда, весьма незначителен. Воробьиные приносят пользу растительности тем, что уничтожают вредных насекомых, личинок, улиток и слизняков. Кроме того, своим чудным пением они так оживляют наши леса, рощи и сады, что весна действительно делается весной только при их содействии. Нам было бы неприятно лишиться этих певцов даже и в том случае, если бы они оказались вредны, но именно лучшие певуны приносят нам наибольшую пользу, а вредные птицы почти всегда и поют плохо.

Много воробьиных убивают для еды, но еще больше их ловят, чтобы держать в клетках как комнатных друзей человека. Именно птицы этого отряда в основном содержатся в клетках. Их по праву можно назвать домашними. Своим пением зимой они напоминают нам о весне. Сентиментальные особы часто сокрушаются и жалуются на несчастную судьбу бедных птичек, содержащихся в клетках, но забывают при этом,

**У некоторых австралийских воробьиных птиц кладки состоят всего из одного яйца, в то же время некоторые виды синиц откладывают до 15—16 яиц. Наиболее обычная величина кладки воробьиных — 4—6 яиц.*

**Семейство
рогоклювые, или
ширококлювые**

что певчие птицы, как и другие домашние животные, должны служить для пользы и удовольствия человеку. Странно, что никто не жалеет млекопитающего, которого воспитывают, откармливают, а затем режут и съедают. Между тем сокрушаются о птице, за которой хозяин ухаживает с особенной любовью и содержит в клетке в возможно лучших условиях, чтобы заставить ее забыть лишение свободы и получить от нее взамен удовольствие слушать ее чудные песни. Я полагаю, что из-за этих жалоб не следует изменять того, что уже вошло в обычай, и лишать себя удовольствия держать в клетках певчих птиц и за ними ухаживать. Тех же людей, которые не понимают радостей, доставляемых нашими пернатыми друзьями, следует только глубоко пожалеть.

**ПОДОТРЯД
ПРИМИТИВНЫЕ ВОРОБЬИНЫЕ (Deutero-Oscines)
СЕМЕЙСТВО
РОГОКЛЮВЫЕ, ИЛИ ШИРОКОКЛЮВЫЕ (Eurylaimidae)**

Родиной рогоклювов являются Индия и Малайские острова. Немногие известные нам виды населяют густые леса и, как кажется, предпочитают такие, которые лежат вдали от людских поселений.

Яванский рогоклюв (*Eurylaimus javanicus*). Оперение в основном сероватого винно-красного цвета, который на спине переходит в черный, окаймленный желтым. Верхняя часть головы и область горла из-за пепельно-серых кончиков перьев выглядят красновато-серыми,

*Яванский рогоклюв
(Eurylaimus javanicus)*

задняя часть шеи и затылок красного цвета, передняя часть шеи, грудь и остальные нижние части винно-красного. Узкая полоска на груди черная с ясным красноватым отливом. Шейные ниж-

ние перья, плечи и середина надхвостья черные. Наружные части опахала малых маховых перьев и внутренние части опахала средних спинных до самого корня, средние перья на конце надхвостья и края конечной части крыла, задние и нижние покровные перья крыла, а также узкие серповидные пятна наружных частей опахала малых маховых перьев яркого серно-желтого цвета. Остальные части маховых перьев темного буровато-серого цвета. Рулевые перья черные. На внутреннем крае опахала всех перьев около кончика — узкое белое поперечное пятно. Оба средних рулевых пера не имеют таких пятен, которые на наружных перьях, напротив того, проходят по обеим сторонам опахала. Клюв черный и блестящий; верхний же и боковые его края серовато-белые; ноги желто-коричневые. Самцы от самок, кажется, не отличаются. Молодые птицы имеют на нижней стороне тела по серому фону бледно-желтые пятнышки в виде капель, на верхней же части концы перьев покрыты по черному полю неправильными пятнами и крапинами серно-желтого цвета. Длина птицы 22 см, длина крыла 12, а хвоста 7 см.

По словам Рэффлса, яванский рогоклюв живет преимущественно на берегах рек и прудов, питается насекомыми и червями. Гнездо висит на ветке над водой. Гельфер сообщает, что рогоклюв живет группами по 30—40 птиц на самых высоких лесных деревьях и до того бесстрашен или глуп, что можно перестрелять одну за другой всех птиц стаи.

СЕМЕЙСТВО ПИТТОВЫЕ (Pittidae)

Представителем этого семейства можно назвать **синекрылую питту** (*Pitta brachyura*). Спина, плечи и кроющие перья крыльев сине-зеленые. Удлиненные верхние покровные перья хвоста светло-голубые. Линия бровей, подбородок, грудь и бока шеи под ушами белые. Нижние части тела, за исключением ярко-красного пятна на нижней части брюшка и порошицы, буровато-желтые. Средняя полоска, проходящая по голове, и линия уздечки, проходящая через глаза, черные. Маховые перья черные с беловатым кончиком. Первые шесть больших маховых перьев также с белыми пятнышками. Малые маховые перья снаружи окаймлены сине-зеленым цветом. Рулевые перья черные, на конце темно-синие. Глаза орехового цвета, клюв черный, ноги красновато-желтые. Длина 18 см, длина крыла 11, хвоста 4 см.

Синекрылая питта распространена по всей Индии и Цейлону, встречается часто*.

Все питты предпочитают те части леса, которые густо заросли кустарником; некоторые из них поселяются на каменистых скалах гор, скудно покрытых низким тернистым кустарником. Большинство живет в девственных лесах Зондских островов, ко-

**В настоящее время на большей части территории Индии и Цейлона этот вид истреблен. Он сохранился кое-где на севере Индии.*

торые для европейца могут считаться недоступными. Эти места делают в высшей степени затруднительными не только охоту за ними, но и наблюдения.

Их движения, говорят, очень изящны. Уоллес сообщает, что «питты, по-видимому, никогда не спешат, но это, вероятно, обозначает только то, что они редко летают. Они скачут большими прыжками по земле, при случае садятся на пенек или куст, и только, когда их настойчиво преследуют, они перелетают на большие расстояния по прямому направлению и бесшумно». Бернштейн замечает, что в своем поведении они обнаруживают отдаленное сходство с каменным дроздом, двигаются по земле большими прыжками и каждый раз, когда на мгновение останавливаются, шевелят коротеньким приподнятым хвостиком. Они охотно садятся

Синекрылая питта
(*Pitta brachyura*)

на различные выступы, камни и т. п., чтобы с них лучше высматривать насекомых, которых они нередко преследуют, делая несколько прыжков. Жердон называет их плохими летунами и считает возможным, что ураганы относят этих птиц в страны, в которых они обыкновенно не встречаются.

Обычно питта живет в одиночку, но случается, как исключение, что они соединяются по не-

сколько штук. Жердон видел вместе 34 птицы. Крик их, который, впрочем, слышится редко, так странен, что его легко можно отличить от голоса любой другой птицы. «Он состоит, — говорит Уоллес, — из двух свистящих тонов, одного короткого и другого длинного, следующего непосредственно за первым. Когда эти птицы чувствуют себя в полной безопасности, они повторяют свой крик в течение 1—2 минут».

Пищу питт составляют различные виды насекомых, а именно жуки и сетчатокрылые, черви и т.п. Предполагалось, что муравьи составляют главную пищу питт, но Уоллес говорит, что он никогда не находил этих насекомых в желудках убитых им экземпляров, а также не видел этих птиц, охотящимися за муравьями. Гульд находит возможным, что австралийские виды наряду

с насекомыми едят также ягоды и плоды, но не мог сделать точных наблюдений на этот счет. Питты напоминают дроздов тем, что собирают пищу только с земли, а оляпок — тем, что они часто, погрузив ноги до пяток, ходят по воде и здесь занимаются охотой.

Все виды, о размножении которых имеются сведения, строят свое незатейливое гнездо, состоящее из тонких сучьев и слабо сплоченных стебельков, на земле или непосредственно над ее поверхностью.

Высиживают ли оба пола, или предается этому занятию одна самка, в наше время еще неизвестно. Но мы хорошо знаем, что оба родителя необыкновенно любят своих птенцов и при приближающейся опасности стараются отвлечь внимание врага от них общеизвестным притворством.

Ходжсон говорит, что вид, встречающийся в Непале*, очень легко поймать. Штранге уверяет, что австралийский вид можно приманить очень близко, к самому стволу ружья, передразниванием крика этой птицы. На островах Ару папуасские мальчики, живо проползая между кустами и ловко пользуясь своими маленькими луками, с большим успехом занимаются охотой на живущих там питт. Опытный охотник, говорит Уоллес, замечает появление питты сначала по шороху листьев, потом видит, как мелькнет птица, если она при своих легких движениях освещена выгодным образом. Если он неосторожно повернется, то блеск в виде молнии показывает ему, что его дичь улетела в безопасное место.

Сай (*Arbelorhina cyanea*) отличается саблевидно согнутым клювом, по длине равным голове птицы. Сай великолепного блестяще-голубого цвета; темя отликает сине-зеленым; спина, крылья и хвост, как и полоса, проходящая через глаза, черные; маховые перья окаймлены желтым. Глаза серовато-карие, клюв черный и ноги ярко-оранжево-красные. У самки верхняя сторона зеленая, как у чижа, снизу бледно-зеленая; шея беловатая. Длина птицы достигает 12 см, длина крыла 6, а хвоста 3 см.

Распространена на большей части Южной Америки от восточной Бразилии до Кайенны, попадает также на острове Куба. «Из всех мест, мной посещенных, — говорит принц фон Вид, — сай нигде не встречается так часто, как в провинции Эспириту-Санту. Во время размножения мы находили их парами, а вне его они собирались в небольшие стаи по 6—8 штук и весело летали по верхушкам деревьев. В их желудках попадались больше всего остатки плодов и насекомых. Громкого звука и хорошего пения мы от них не слышали: они, говорят, издают лишь довольно тихое чириканье. Их призывный голос есть часто и быстро повторяемый короткий звук. Они вроде наших синиц весело порхают и прыгают с ветки на ветку, постоянно в движении и долго на одном и том же месте не держатся. Очень часто соединяются с другими маленькими птицами, например с танаграми. Когда со-

*Это непальская
pitta (*Pitta*
nipalensis).

зреют сочные плоды, то они усердно поедают их». Шомбургк в главных чертах подтверждает эти сообщения принца. Никак не дополняя их, он упоминает в описании своего путешествия лишь то, что родственный вид последних убивают дикари, делающие из их блестящих перьев себе украшения.

СЕМЕЙСТВО ПЕЧНИКОВЫЕ (Furnariidae)

«Если перейти, — говорит Бурмейстер, — высокие горные цепи Бразилии, отделяющие богатые лесом береговые области от внутренних травяных пампасов и спуститься в холмистую долину Рио-Веллас, то по дороге всюду встречаешь на высоких деревьях, одиноко стоящих около жилищ колонистов, большие дынеобразные глиняные комы. Они стоят на горизонтальных ветвях толщиной в руку и имеют по сторонам и сверху правильные своды. На первый взгляд, эти глиняные комы кажутся в высшей степени странными. Их можно сначала принять за гнезда термитов. Однако величина и поразительная гладкость говорят против этого предположения. Гнезда термитов имеют очень неровную поверхность, они никогда не строятся на одной ветви, а наоборот, осторожно прислонены к развилке, образованной ветвями. Но как только убедишься в правильной форме этих глиняных комов, то скоро можно определить и их назначение. Нельзя не заметить большой яйцеобразный леток, и если внимательно всмотреться, то можно иногда разглядеть влетающую и вылетающую из него маленькую красно-желтую птичку и таким образом догадаться, что эта удивительная постройка — птичье гнездо. Так оно и есть на самом деле, это гнездо печника, которого каждый минейро (рудокоп) знает под именем «глиняного Ваньки» (Joao de barro) и на которого смотрит с особенным доброжелательством».

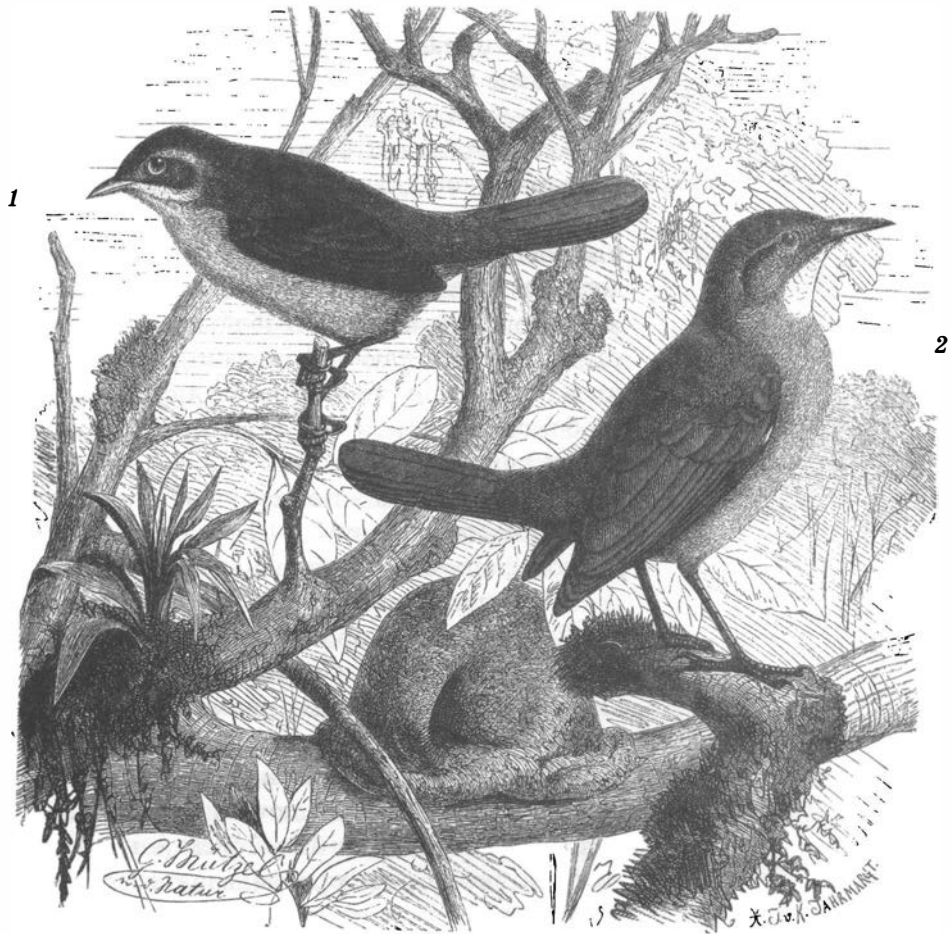
Рыжий печник (*Furnarius rufus*) окрашен сверху в ржавый буро-красный цвет. На голове и на шейных нижних перьях цвет тусклее. Крылья сверху бурые, снизу светлее. Середина горла белая. От глаз назад идет яркая ржаво-желтая полоса. Маховые перья серые, большие маховые перья у основания на некотором пространстве имеют бледно-желтую кайму. Рулевые перья ржавого желто-красного цвета. Глаза желто-бурые; клюв бурый; нижняя челюсть у основания беловатая; ноги бурые. Длина печника 19 см, размах крыльев 27, длина крыла 10, а хвоста 7 см.

По свидетельству д'Орбиньи, рыжий печник живет приблизительно так, как наши дрозды: лазает по ветвям и прыгает по земле. На ветвях он очень оживлен и весел, и его удивительный голос раздается часто. Его встречают обыкновенно парами, которые живут большей частью особняком, но иногда случается, что самец или самка присоединяются на некоторое время к другим

птицам. Тогда, говорит д'Орбиньи, очень смешно бывает смотреть на самца, который осторожно приближается к своим соперникам, но драться с ними, однако, не осмеливается. Пицца печников состоит из насекомых и семян. По словам же Бурмейстера, только из насекомых, которых они поднимают с земли, так как никто не видел печника, гонящегося за ними по веткам или преследующего летящих насекомых. По земле печник передвигается очень проворно, большими скачками. Полет же вследствие коротких крыльев не скорый и никогда не бывает продолжителен.

Голос, по всей вероятности, замечателен, так как все писатели упоминают о нем, одни с похвалой, другие менее благосклонно. «Его громкий, далеко слышный голос, — говорит Бурмейстер, — звонок и резок. Обыкновенно кричат обе птицы, сидя где-нибудь на доме или дереве, но с различной интонацией: самец кричит чаще, самка значительно тише и терцией ниже. Этот способ пения паразителен. Когда слышишь его в первый раз, то приятным не назовешь, в особенности если птицы перебивают ваш разговор. В саду моего друга Лунда это случалось ежедневно со мной. И часто, когда птицы начинали свой крик, мой гостеприимный хозяин говорил мне: «Дайте сначала им накричаться, они все равно не дадут нам сказать ни слова».

Рыжий печник считается у бразильцев священной, истинно христианской птицей, потому что, как утверждают, по воскресеньям он не строит гнезда и отверстие всегда обращает на восток. «То, что последнее показание неверно, — говорит Бурмейстер, — я скоро заметил сам и убедил в этом многих туземцев, которых для этого созвал на совет. Поверье же, будто бы эта

1—Рыжелобая
кустарниковая
мягкохвостка
(*Phacellodomus*
rufifrons)

2—Рыжий печник
(*Furnarius rufus*)

птица не работает по воскресеньям, имеет, конечно, основание, ведь она строит гнезда очень быстро. Если печник начал гнездо не в само воскресенье, то оно бывает готово раньше, чем наступит следующее».

«Сама постройка гнезда такой маленькой птичкой, — продолжает он, — работа, действительно достойная удивления. Место, куда она его прикрепляет, обычно горизонтальное. Иногда это немного наклонная часть древесной ветки толщиной 8 см или более. Очень редко находят гнезда на других местах: крышах, высоких балках, крестах церквей и т.д. Самец и самка строят его вместе. Сначала они кладут горизонтальное основание из глины, которая в большом количестве водится в деревьях, на дорогах и превращается в дорожную грязь после первых проливных дождей, совпадающих со временем постройки гнезда. Птицы делают из нее шаровидные комочки величиной с ружейную пулю, носят их на дерево и там расправляют клювом и ногами. Обыкновенно в глине попадают и растительные вещества. Когда основание достигло 20—22 см в ширину, парочка начинает возводить стенку, которая напоминает собой согнутую дугу. После того, как стенка готова, птицы дают ей просохнуть, а затем продолжают постройку тем же порядком, соединяя обе стороны в виде свода. В одной из боковых стенок остается круглое отверстие, которое сначала имеет вид круга. Позднее оно замазывается с одной стороны так, что превращается в полукруг. Это — леток, продольное отверстие которого составляет 7—10 см в высоту и 5 см в ширину. Летка другой формы я не видел.

Отверстие всегда находится, если стоять прямо перед гнездом, на левой половине передней поверхности. Внутренний край отверстия прямой и отвесный, наружный дугообразно вырезан. Готовое гнездо похоже на маленькую русскую печь 15—18 см высотой, 20—22 см шириной и 10—12 см глубиной. Его глиняная стена бывает толщиной от 2,5 до 4 см, следовательно, внутреннее углубление заключает в себе пространство, высота которого 10—12 см, длина 12—15 см и ширина 7—10 см. (Одно почти готовое гнездо, которое я взял с собой, весило 4,5 кг.) В этом углублении птица устраивает себе настоящий дом, вставляя внутрь от прямого края отверстия отвесную неполную перегородку, от которой поперек дна гнезда идет маленький порог. Это место для высиживания птенцов. Оно тщательно выкладывается вокруг сухими стебельками травы, вплетенными в них перьями, пучками хлопка и т.д. Теперь жилище рыжего печника готово. Птичка кладет туда 2—4 белых яйца, и обе птицы высиживают и кормят своих птенцов. Первое гнездо устраивается в конце августа; высиживание совпадает с началом сентября. Вторая кладка происходит еще позднее в том же году».

В Южной Америке наших синиц и пищух напоминают древолазы. Большинство видов этого подсемейства телосложения

стройного, короткокрылые и длиннохвостые. Клюв величиной почти с голову, довольно толстый, прямой или согнутый; ноги средней высоты с короткими пальцами, вооруженными короткими, мало изогнутыми когтями. Хвост состоит из двенадцати сильно ступенчатых перьев.

Все древолазы принадлежат к континентальным птицам Южной Америки. Они живут исключительно в лесах и только время от времени выходят на открытые местности. Весьма живо и проворно пролезают они через темные низкие кустарники, вспрыгивают на ветки и ходят по ним, как наши синицы, или привешиваются снизу, но никогда не лазают по стволам вверх и вниз, подобно дятлам и пищухам. У одних видов громкий голос, другие издают короткий, довольно тихий призывный звук. Все без исключения охотятся за насекомыми почти таким же образом, как и наши синицы. Многие вьют висящие и закрытые сверху гнезда.

Один из самых известных видов — **дятловый древолаз** (*Dendrocicla anabatina*, или *fuliginosa*). Отличительные признаки его заключаются в коротком, сильно сжатом, довольно прямом, лишь на конце слабо загнутом клюве, в высоких ногах с толстой плюсной, округленных крыльях и хвосте, состоящем из узких мягких, на конце широких и закругленных перьев. Оперение верхней части тела светлой коричневато-оливково-серой окраски, нижней — бледного коричневато-серого цвета. Лоб темного ржаво-бурого цвета, полоса над глазами белая, маховые перья серо-бурые с бледно-красным оттенком на передней бородке пера. Глаза пепельно-серые; клюв сверху темного серо-бурого, снизу беловато-серого рогового цвета; ноги голубоватого рогового цвета. Длина птицы 17 см, длина крыла 6, хвоста 7 см.

«Гнездо дятлового древолаза я находил в середине февраля и постоянно на низких, тонких боковых ветках деревьев средней высоты. Это гнездо образует продолговатый большой веник из короткого хвороста, большей частью толщиной в полпальца, который различным образом переплетен между собой и навален друг на друга. Кончики прутьев неаккуратно торчат во все стороны, так, что к гнезду, которое иногда бывает в один метр и длиннее, очень трудно прикоснуться. Весь хворост скреплен разнообразными тонкими растениями. Около дна сделан маленький круглый вход; настоящее же гнездо из мха, шерсти, ниток, лыка и сухих трав свито в наружном большом пучке хвороста. Если его разорвать, то найдешь в нем маленькое, закрытое сверху гнездышко, где птице очень тепло и мягко и где она чувствует себя в безопасности. Птица ежегодно увеличивает свое гнездо, пристраивая во время гнездования к прошлогодним ветвям новый пучок хвороста, в котором она вьет еще одно маленькое гнездышко. Эта странная постройка большей частью так тяжела, что человек едва может держать ее на весу. Если раскрыть

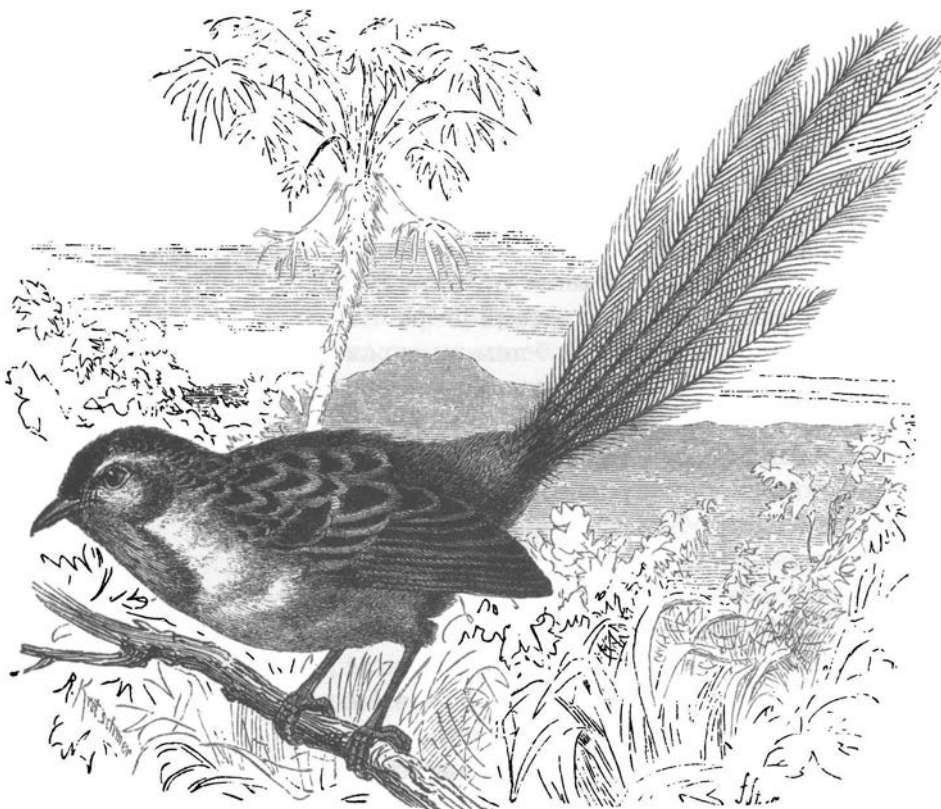
эту удивительную постройку, то сверху всегда найдешь новое гнездо, а под ним целый ряд старых построек, в которых часто живут самцы».

Свайнсон, впервые описавший это гнездо, уверяет, что оно придает пейзажу тех мест особенный характер. Кладка состоит из четырех кругловатых чисто белых яиц.

СЕМЕЙСТВО МАЛЮРЫ, ИЛИ АВСТРАЛИЙСКИЕ СЛАВКИ (Maluridae)

Краснолобый мягкохвостый малюр (*Stipiturus malachurus*) отличается своеобразным строением хвоста, состоящего только из 6 рулевых перьев с расщепленными бородками, которые у

самца чрезвычайно развиты. Верхняя часть тела коричневая, с черными долевыми полосами. Верхушка головы ржаво-красная, горло бледно-серое. Нижняя часть тела ярко-красная. Маховые перья темно-бурые с красно-бурой каймой. Рулевые перья темно-бурые. Глаза красновато-бурые, клюв и ноги коричневые. У самки по темени проходят темные полосы, горловая область красная, а не серая. Длина тела 17 см, длина крыла 6, а хвоста 9 см.

**Краснолобый
мягкохвостый ма-
люр**
(*Stipiturus malachurus*)

Жизнь этой птицы, хорошо известной жителям Австралии, довольно обстоятельно описана Гульдом и Рамзаем. Мягкохвостый малюр обитает в болотистых местностях южной Австралии, от Моретонского залива на восточном берегу до Лебяжьей реки на западном берегу, и в Тасмании. Всюду, где он водится, его можно встретить в большом количестве. Он живет обыкновенно парами или небольшими семьями, всегда у самой земли, среди густых пучков травы, в которой умеет так хорошо спрятаться, что его не сразу заметишь. Его короткие круглые крылья совсем не при-

способлены для летания, а когда трава мокра от росы и дождя, то он и вовсе не может употребить их в дело. Поэтому птица эта почти никогда не летает, а возлагает всю надежду на быстроту своих ног. Чрезвычайно проворная и подвижная, прыткая и ловкая в своих движениях, она так же стремительно носится по земле, как порхает и прыгает между стебельками травы. Необыкновенная легкость, с какой она извивается и поворачивается на бегу, делает тщетным почти всякое преследование. Когда погоня бывает уже слишком близка, она мгновенно исчезает благодаря своему умению прятаться. Летает только в случае крайней необходимости; если попробовать ее испугнуть, она немного пролетит над самыми верхушками трав и потом вдруг бросается с высоты вниз. Иногда она садится на верхушку стебелька, чтобы оттуда обозреть свое местожительство. Сидя спокойно, птица поднимает хвост кверху, а при случае даже загибает его на спину вперед, но при беге она держит его горизонтально. В пору любви самец издает короткое, но приятное щебетанье; призывный звук его — тихое чириканье.

Рамзай однажды в конце сентября, после долгих и тщательных наблюдений за этой весьма обыкновенной в той местности птичкой, нашел совершенно случайно гнездо мягкохвостого малюра. Оно было чрезвычайно искусно спрятано в кустике травы и имело яйцевидную форму. Входное отверстие было так велико, а углубление так незначительно, что яйца, при сильном движении, должны были неминуемо выкатиться из него. Оно состояло снаружи из корешков, внутри из тонких стеблей и обложено было слоем мха. Свито было оно редко, даже непрочное. Лежащие в нем три яичка были густо покрыты по чисто белому фону мелкими ярко-красными точками, которые особенно сгущались к толстому концу. Самка сидела очень усердно и, испугнутая с места, тотчас возвращалась обратно.

СЕМЕЙСТВО МУРАВЬЕЛОВКОВЫЕ (Formicariidae)

Муравьеловки населяют Южную Америку. Они напоминают как наших дроздов, так и славков, и сорокопутов. Отличительным признаком для всех видов, по словам принца фон Вида, является то, что ноги их развиты в ущерб крыльям.

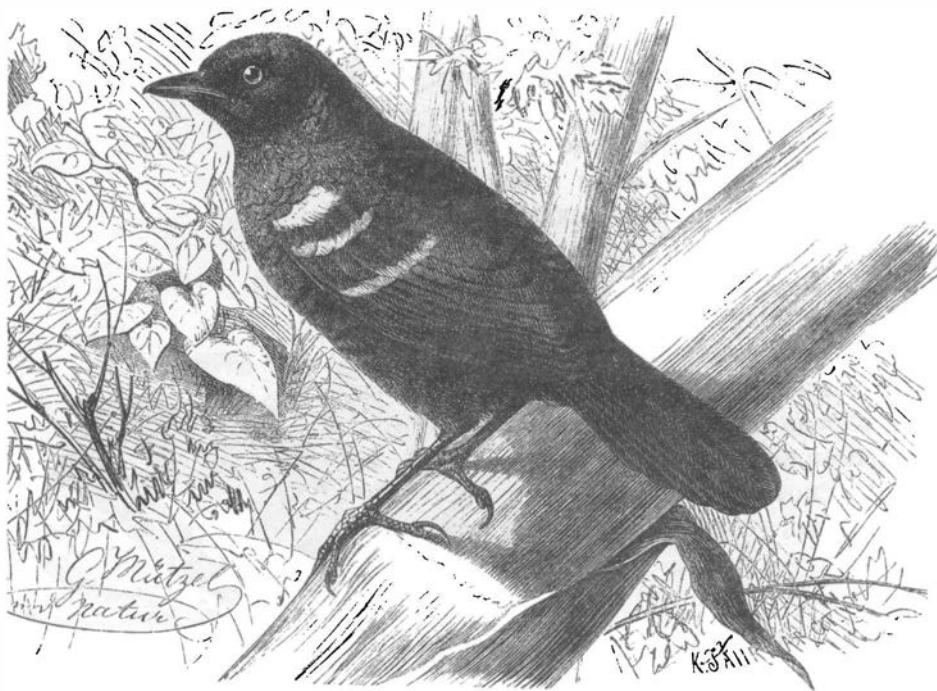
Главную пищу муравьеловок составляют насекомые, но некоторые не пренебрегают даже растительными веществами. Насекомых они собирают преимущественно с земли, переворачивая клювом опавшие листья; иные же птицы для скорости разгребают их, подобно курам, ногами. Они любят муравьев, хотя нельзя сказать, чтобы это была их основная пища.

Одна из самых известных — **муравьеловка огнеглазая** (*Pyriglena leucoptera*), имеет прямой, довольно толстый, почти

конусовидный клюв, с крючковатым концом, перед которым находится неглубокая выемка; высокие, толстые ноги; широкие, но не очень длинные пальцы, которые снабжены довольно короткими, тонкими, изогнутыми когтями; средней длины крылья и довольно длинный закругленный хвост. У самцов огнеглазых муравьеловок клюв, ноги и большая часть оперения черные, кроющие перья крыльев около крылышка белые, а большие кроющие перья окаймлены белым. Глаза, судя по названию птицы, темного огненно-красного цвета. Самка оливково-бурая, на горле и на затылке бледно-желтая. Длина птицы 18 см, размах крыльев 23, длина крыла 8, длина хвоста 7 см.

Огнеглазая муравьеловка часто встречается в лесах Бразилии, она прячется в густых и темных кустарниках больших лесов. Ее огненно-красный глаз сильно отличается от черных, как уголь,

Муравьеловка
огнеглазая
(*Pyriglena leucoptera*)

перьев, и уже по одному этому птицу легко заметить. Голос напоминает свистящее щелбегание.

От Киттлица мы узнаем, что эта птица большая охотница до муравьев. «Я встретил в чаще леса, — рассказывает он, — огромное количество больших черных муравьев, которые как раз в это время трудились вокруг обломка бамбукового ствола. А тем временем самцы и самки огнеглазых муравьеловок хватали их с большой жадностью и быстротой. Несмотря на пугливость, которые эти птицы обыкновенно выказывают, и быстроту, с которой они умеют скрыться от выстрела, их страсть к муравьям была настолько велика, что даже выстрелы пугали их только на мгновение. Поразительнее всего было то, что я нашел в желудке убитых птиц почти исключительно остатки кузнечиков и других прямокрылых. Поэтому муравьи, по всей вероятности, составляют для этих птиц скорее лакомство, нежели настоящую пищу». Другие натуралисты также утверждают, что около муравьев охота на этих обычно столь осторожных птиц чрезвычайно легка. Гораздо труднее вытащить убитую птицу из середины многочисленного скопления муравьев, не подвергая себя укусам озлобленных насекомых.

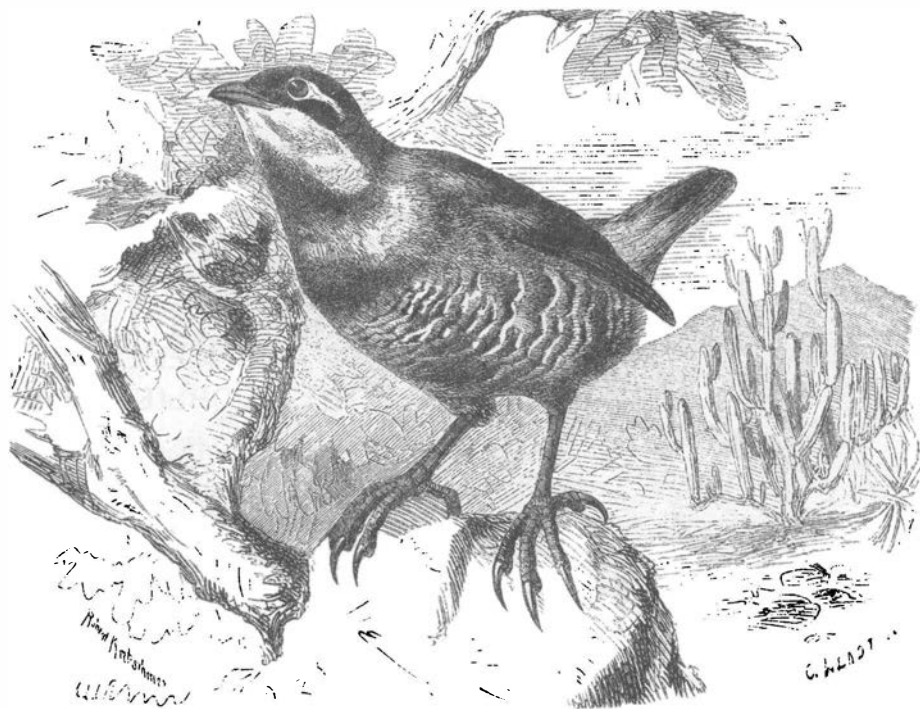
СЕМЕЙСТВО
ТАПАКОЛОВЫЕ (Rhynocryptidae)

Семейство
тапаколовые

Тюрко (*Pteroptochos megapodius*). Его оперение на верхней части тела темное оливково-бурое, на надхвостье же красно-бурое. Полоса на висках, подбородке и нижняя область щек белые, уздечка и ушная область темно-коричневые. Нижняя часть тела оливкового ржаво-красного цвета. Стороны брюшка и бедер разрисованы узкими черноватыми и широкими белыми поперечными полосами, нижние покровные перья хвоста бледно-бурными, грудь и середина брюшка по беловатому фону — узкими темно-бурными поперечными полосами. Маховые перья снаружи имеют ржаво-коричневые каемки, хвостовые перья темно-коричневые. Глаза темно-карие, клюв черно-бурый, ноги также черно-бурого цвета. Длина тела приблизительно 27 см, длина крыла 10, хвоста 9 см.

Образ жизни этой птицы требует еще тщательного расследования. «Хотя эта замечательная птица живет обычно уединенно, — говорит Китлиц про тюрко, найденного им вблизи Вальпарайзо, — однако она дает знать каждому естествоиспытателю о своем присутствии на ко-согорах, покрытых

особым видом бамбука, трескучими и шипящими криками, издаваемыми один за другим через неравномерные промежутки времени. Крики эти, поначалу очень громкие, мало-помалу делаются тише. Тапаколо и его сородичи представляют собой удивительное зрелище, когда они внезапно выскакивают из чащи, помогая себе бежать короткими, неспособными к летанию крыльями, показываются на мгновение на каком-нибудь выступающем предмете у опушки чащи, достигнув его неожиданным, очень большим скачком. Делая такой же скачок, они вдруг снова исчезают». Дарвин сообщает о них несколько подробнее: «Между птицами Чили самые замечательные — это две трясогузки. Первая, называемая чилийцами тюрко, встречается часто. Она живет на земле, защищен-

Тюрко
(*Pteroptochos
megapodius*)

ная кустами, которыми покрыты сухие и голые холмы. Можно часто видеть, как эта птица, с ногами, похожими на ходули, и поднятым вверх хвостом, необыкновенно быстро и шумно пробегает от одного куста к другому. В самом деле, не надо иметь много фантазии, чтобы поверить, что эта птица как бы стыдится самое себя и знает о своем смешном виде. Когда видишь ее в первый раз, так и хочется воскликнуть: «Худо набитое птичье чучело убежало из музея и снова ожило!» Только в исключительных случаях она летает. Она ведь почти не бегает, а только прыгает. Разнообразные громкие звуки, которые издает тюрко, когда прячется в кустарнике, так же странны, как и вся ее внешность. Она вьет свое гнездо в глубокой норе под землей.

Один родственный тюрко вид называется **птица лайка** (*Pteroptochos tarnii*), у туземцев — гид-гид. Это название очень подходит к птице, так как никто определенно не может различить, лает ли в лесу маленькая собачка или кричит птица. Иногда лай слышен совсем близко, но напрасны старания обнаружить виновника. Хотя при других обстоятельствах гид-гид без страха подходит к людям на близкое расстояние.

Оба вида вьют свои гнезда на земле под гниющими ветвями. Почва там чрезвычайно сыра, по этой причине они и не вырывают ям.

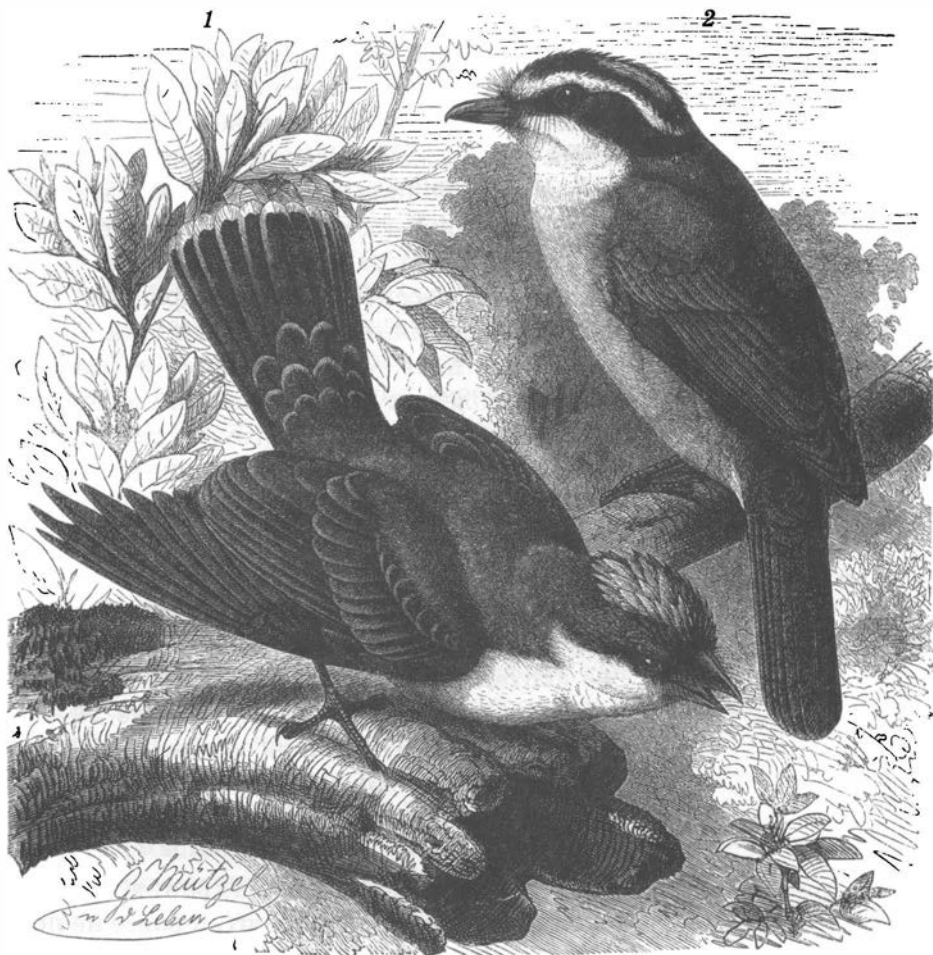
СЕМЕЙСТВО ТИРАННОВЫЕ (Tyrannidae)

Каролинский тиранн (*Tyrannus tyrannus*) причисляется к видам средней величины этого семейства. Длина его 21 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, длина хвоста 9 см. У него мягкое и блестящее оперение, удлинняющееся на голове наподобие хохолка. Сверху оно темно-серое, на голове более темное, снизу серовато-белое, на груди с пепельно-серым налетом. Узкие перышки хохолка великолепного огненно-красного цвета, окаймлены желтой полоской. Шея и горло белые. Маховые и рулевые перья буровато-черные, последние к концу темнее и, как и кроющие перья крыльев, на конце белые. Глаза темно-бурые, клюв черный, ноги серовато-голубые. У самки оперение тусклее и темнее.

«Каролинский тиранн, — рассказывает Одюбон, — один из самых привлекательных летних гостей Соединенных Штатов. Он появляется в Луизиане приблизительно в середине марта. Многие птицы остаются там до середины сентября, но большинство улетают на север страны. Первые дни после прилета он кажется утомленным и скучным. Но как только к нему возвращается его необыкновенная живость, то его пронзительный переливающийся голос слышен повсюду. Он редко живет внутри леса, предпочитает больше поля, берега рек и фруктовые сады, окружающие дома плантаторов. Здесь его удобнее всего наблюдать».

Когда приближается время высиживания детенышей, полет этих птиц изменяется. Супруги тогда летают на высоте 20—30 м над землей, сильно трепеща крыльями, при этом они безостановочно издают громкий крик. Самка следует за самцом, и оба, по-видимому, высматривают место для гнезда. Между тем они обращают внимание и на насекомых, сворачивают за ними со своей дороги то в одну сторону, то в другую и искусно, с размаху, схватывают высмотренных мух или бабочек. Утомившись, обе птицы садятся рядом на ветку, чтобы отдохнуть. Когда место гнездования найдено, счастливая парочка отыскивает на земле сухие ветки, поднимается с ними до горизонтального сука и устранивает на нем основание колыбели для своих птенцов. Туда складываются клочья хлопка, пакля, шерсть и другие подобные материалы, которые придают гнезду подходящую прочность. Внутренние стены выкладываются довольно плотно тонкими корешками и конскими волосами.

В готовое гнездо самка кладет 4—6 яиц длиной около 25 мм и толщиной 19 мм, с неправильными коричневыми крапинками по красновато-белому полю, и начинает насиживать. Самец же в это время сидит на ветке около своей любимой подруги и, по-видимому, не имеет другой мысли, как только защищать и оберегать ее от всякой опасности. Приподнятые перья на его голове и белая грудь блестят под лучами солнца. Так сидит он на своем посту и прилежно смотрит по сторонам. Если заметит ворону, коршуна или орла, то внезапно взлетает, приближается к этому, без сомнения, довольно опасному противнику и с яростью нападает на него, издавая воинственный крик. Он бросается на противника сверху, пада-

1 — Каролинский
тиранн
(*Tyrannus tyrannus*)
2 — Большой кискад,
или бенгеви
(*Pitangus sulphuratus*)

ет несколько раз подряд ему на спину и старается вцепиться в нее. Таким образом следует он за менее ловким врагом, постоянно оглушая его ударами клюва, на расстояние почти один километр до тех пор, пока не считает свою обязанность оконченной. Тогда каролинский тиранн оставляет его и спешит обратно к гнезду, треща по обыкновению крыльями и издавая трели. Только немногие соколы приближаются к месту его гнездования. Даже кошка не рискует тревожить эту птицу. Если она и в самом деле появится, то маленький воитель, как храбрый орел, бесстрашно бросится на нее и буквально ошеломит ее постоянными нападениями со всех сторон, так что перепуганная кошка обратится в бегство и со срамом отправится восвояси.

Там, где много клеверных полей, можно часто видеть каролинского тиранна, который парит над ними, затем опускается между цветами, снова поднимается и схватывает вспугнутое насекомое. Иногда он изменяет этот способ охоты, летая то туда, то сюда странными зигзагами, поворачивается то вверх, то вниз, как будто намеченная им добыча прилагает все искусство летания, чтобы избавиться от него. К августу птица становится молчаливой. Прилетает на поля и луга и высматривает там, сидя на высоком месте, насекомых, за которыми гоняется уже без всяких проделок. С пойманной добычей птица возвращается на тот же или подобный пост, умерщвляет ее и пожирает. В это же время она часто пролетает над большими потоками и озерами, преследуя насекомых. Подобно ласточке, скользит она над водой, чтобы напиться. В очень жаркую погоду птица окунается в волны, после чего садится на низкую прибрежную ветку и стряхивает воду со своего оперения.

Каролинский тиранн покидает Луизиану раньше других летних гостей. Во время перелета он поспешно стремится вперед, быстро взмахивая крыльями 6 или 7 раз подряд, а затем летит, не двигая крыльями, на протяжении нескольких метров. В начале сентября Одюбон видел стаи из 20—30 птиц, летящих подобным образом. Они были вполне безгласны и полетом своим напоминали дроздов. Птицы эти продолжают перелет также и ночью, и к 1 октября в Соединенных Штатах не найдешь ни одного тиранна.

Мясо каролинского тиранна нежное и вкусное. Именно по этой причине его и убивают, а вовсе не потому, что эти птицы, как говорят, пожирают пчел. Жители Луизианы сами охотно едят этих истребителей пчел.

Один из самых известных бразильских тираннов — **большой кискад** (*Pitangus sulphuratus*), называемый также бентеви из-за своего очень отчетливого крика. У него характерный клюв длиной с голову, который более высок, чем широк, и почти конусовидной формы. На хребте клюв закруглен, на конце снабжен большим крючком и около него тонким, но острым зубцом. Ноги

сильные, с толстыми и высокими плюснами. Крылья относительно длинные, а хвост немного вырезан. Пальцы длинные, когти серпообразные. Клюв окружен щетинками, которые идут около всего основания клюва, а около угла его сильно утолщаются. Оперение жесткое и мелкоперое. Длина птицы 26 см, длина крыла 13, хвоста 8 см. Оперение верхней стороны тела зеленоватого оливково-бурого цвета, хохол на темени, равно как и нижняя сторона тела, серно-желтого цвета. Лоб, брови, горло и передняя часть шеи белые. Остальная часть темени, уздечка и нижняя часть щек черные. Кроющие перья крыльев, маховые и хвостовые перья окаймлены ржаво-красными полосками, маховые перья и на внутренней стороне широко окаймлены ржаво-желтыми полосками. У молодых птиц окраска оперения бледнее, темя совсем черное, оперение крыльев и хвоста окаймлено широкой ржаво-красной полоской.

Большой кискад — одна из самых распространенных птиц Южной Америки, населяет северную Бразилию, Гвиану и Тринидад. Обитает в тех местах, где открытые поля сменяются кустарником. Его видишь буквально на каждом дереве и повсюду слышишь его громкий пронзительный голос. Он не боится жилищ человека. Его можно встретить в поселениях, на опушках леса, а также на выгонах, где пасется рогатый скот. Одинокое стоящее дерево, куст, высокий камень, земляная глыба, даже ровная поверхность земли или самые густые ветки на вершине дерева служат ему местом наблюдения, с которого он высматривает добычу. Это — беспокойная, живая, любопытная и задорная птица, с громким криком ревниво преследующая свою самку и часто из-за нее вступающая в драку с самцами. Шомбургк утверждает, что большой кискад непрерывно затевает ссоры с другими птицами своего вида.

Главную его пищу составляют все-таки насекомые. Принц фон Вид нашел в его желудке лишь остатки жуков и кузнечиков. Охоту за этой добычей большой кискад производит совсем так же, как и его сородичи. Он смотрит со своего места наблюдения по сторонам, летит за намеченным насекомым, с поразительной уверенностью ловит даже самое быстрое из них, возвращается обратно на свой пост и там пожирает добычу. С большими насекомыми он играет, как кошка с мышью, по нескольку минут, прежде чем съесть их. Как и другие насекомоядные, он по временам ест и ягоды.

Перед спариванием самец постоянно летает за избранной им самкой, выказывая все свое искусство летания, играет хохолком, постоянно кричит — одним словом, старается быть любезным. После того как птицы спарились, они приступают к постройке гнезда, которое устраивают довольно искусно. Принц фон Вид нашел его весной, в конце августа или в начале сентября, в развилине ветвей густого куста. Оно имело вид толстого, большого, круглого комка из мха, листьев, стебельков и перьев, спереди у

гнезда находилось маленькое круглое отверстие. Кладка у этой птицы обычно состоит из 3—4 яиц бледно-зеленоватого цвета с черными и сине-зелеными пятнышками, более густо расположенными у тупого конца. Само собой разумеется, что большой кискад во время насиживания становится задорнее и храбрее, чем когда-либо: около своего гнезда он истинный тиранн.

СЕМЕЙСТВО МАНАКИНОВЫЕ (Pipridae)

Пипры, называемые также манакинами, населяют Южную и Центральную Америку.

По своему образу жизни и нраву пипры больше всего напоминают наших синиц. Они живут парами или маленькими группами, прыгают с ветки на ветку, и если их испугнуть, то улетают, но не далеко. Они веселы и беспокойны и, конечно, могут оживить лес своим присутствием. Как и большинство птиц девственных лесов,

пипры предпочитают сырые леса и почти со страхом избегают безлесных, равно как и открытых местностей речных берегов. В утренние часы их встречаешь небольшими группами в соседстве с другими птицами. К полудню эти общества разъединяются, и каждая птица ищет уединения в самой густой тени деревьев.

Пение их невыразительно, довольно тихое, но приятное. Призывный голос похож на

Белобородый короткокрылый манакин
(*Manacus manacus*)

свист. Питаются они насекомыми и плодами. Для некоторых главную пищу, по-видимому, составляют ягоды. Из-за них эти обыкновенно осторожные птицы приближаются к человеческим жилищам.

Белобородый короткокрылый манакин (*Manacus manacus*). Плюсны длинные, первое большое маховое перо серпообразно загнуто, оперение мягкое, на подбородке оно сильно удлинено наподобие бороды. Темя, спина, крылья и хвост черные; надхвостье и гузка серые; горло, шея, грудь и живот белые. Глаза серые, клюв свинцового цвета, на нижней челюсти беловатый, ноги бледного желтовато-мясного цвета. Длина его 12 см, размах крыльев 18, длина крыла 4,5, хвоста 2,8 см.

«Эта хорошенькая маленькая птичка, — говорит принц фон Вид, — населяет большую часть Южной Америки. Ее встречают уже в Гвиане, а в южных странах, по которым я путешествовал, она обитает во множестве. Манакин живет в густых девственных лесах и кустарнике. За исключением времени спаривания, он странствует маленькими, но часто и многочисленными группами по кустарникам, живет по большей части близко от земли. Птичка эта очень жива и постоянно в движении; у нее непродолжительный, но быстрый порывистый полет, во время которого она издает громкое жужжание, которое можно сравнить с шумом ветрена в прятке. Это жужжание происходит от быстрого движения кистевой части крыла».

Когда манакин движется, то часто слышен также его голос — щелканье как бы от расколотого ореха, за которым следует трещаний, а затем низкий жужжащий звук.

Внимание бразильцев было привлечено одной особенностью манакина — когда он надувает зоб, покрывающие его перья топорщатся вперед наподобие бороды. Отсюда происходит название этих птиц в Бразилии — «мопо», то есть монах. Пища этих птиц, по-видимому, смешанная, она состоит из ягод и насекомых. Гнезда у них такие же, как и у прочих видов. Как манакин высиживает птенцов, мне достоверно не известно.

СЕМЕЙСТВО КОТИНГОВЫЕ (Cotingidae)

Ампелиды относятся к крупным формам этого семейства. Величина их колеблется между величиной вороны и дрозда. Тело толстое, шея короткая, голова большая, крылья средней длины, немного остроконечные. Хвост, состоящий из 12 перьев, довольно короток и на конце тупой. Клюв бывает различной формы, но у основания он плоско сжат, хребет тупой, кончик также плоский и загнут вниз, а около него замечается маленькая вырезка, в которую вкладывается зубец нижней челюсти. Ноги толстые и короткие, приспособлены лишь для сидения, в очень малой степени для ходьбы. Оперение жесткое, не особенно длинноперое и плотно прилегает к телу.

Ампелиды населяют девственные леса Южной Америки, питаются исключительно сочными плодами, живут обыкновенно поодиночке и лишь изредка обществами, ленивы и глупы. Эти дикие и пугливые птицы редко издают какой-либо звук, но некоторые виды отличаются поразительными голосами, вследствие чего они стали хорошо известны туземцам.

Котинга-капуцин (*Perissocephalus tricolor*). Его большой толстый клюв вполне походил бы на клюв вороны, если бы не был более плоским. Ноги отличаются от ног вороны короткой и толстой плюсной и относительно длинными пальцами; довольно

острые крылья спускаются до половины короткого хвоста. Основание клюва, уздечка, лоб, темя, область глаз и горло без оперения. Окраска ржаво-бурая, на спине немного отликает оливково-зеленым. Маховые и хвостовые перья темно-коричневые. Цвет верхних малых маховых перьев красноватый. Самые верхние кроющие перья крыльев зелено-коричневые. Передняя часть головы, клюв и ноги черные, глаза темно-коричневые. Длина этой птицы 42 см, длина крыла 23, а хвоста 10 см.

Относительно образа жизни этой птицы нет еще подробных сведений. Мы знаем лишь, что капуцин населяет уединенные леса северной Бразилии и Гвианы и поднимается самое большее на 400 м над поверхностью моря. Здесь можно встретить птиц, си-

дящих парочками на высоких деревьях. Крик, который издает эта странная птица через правильные промежутки времени, напоминает мычание тельца и слышен издали. Пищу его составляют исключительно плоды. В характере птицы, кажется, нет ничего привлекательного, по крайней мере путешественники не сообщают о ней ничего интересного.

Зонтичная птица (*Cephalopterus ornatus*) отличается большим шлемовидным пучком перьев на голове, который может приподниматься, и

Зонтичная птица
(*Cephalopterus ornatus*)

круглой, со всех сторон оперенной кожистой лопастью на нижней части шеи. Оперение почти повсеместно черное, хохолок синевато-черный, нижние шейные перья окаймлены темными зеленовато-черными каймами; маховые и рулевые перья черные. Все более мелкие перья имеют у основания белые стволы. Глаза серые; верхняя половина клюва черно-бурая, нижняя — серо-коричневая; ноги матово-черные. Длина птицы 51 см, длина крыла 26, длина хвоста 18 см. Самка значительно меньше, ее хохо-

лок не так велик, горловая лопасть короче, а оперение менее блестящее.

Зонтичная птица населяет восточный склон Перуанских Кордильер и поднимается на высоту 1000 м над уровнем моря. Область распространения — от верхней части Амазонки до Рио-Негро и южнее до границы Чили. Если ехать вверх по течению реки, то ее можно заметить уже вблизи устья Мадейры. Как сообщает Валлас, она обитает на островах, живет в основном маленькими группами на вершинах самых высоких деревьев. Пища зонтичной птицы состоит, по словам Чуди, из плодов различных деревьев, по Бэтсу — также из насекомых, особенно из жуков и пауков. Плоды величиной со сливу птица проглатывает целиком и только потом выплевывает косточки, насекомых же перед тем, как проглотить, разделяет на части.

Крик, который она издает ранним утром или перед заходом солнца и из-за которого и получила название «воловья птица», ужасен и похож на мычание вола. Перед тем, как закричать, птица расширяет свой хохолок, вытягивает и болтает пустой, висящей на груди лопастью, кивает головой и затем лишь издает свой рев. Когда несколько птиц соединяются и начинают одновременно реветь, то прежде всего подумаешь, что это стадо коров, а не птицы. Неискусное гнездо, свитое из прутьев, находится на вершине самых высоких деревьев; кладка состоит из двух белых яиц.

Гораздо больше капуцинов и зонтичных птиц нам известны звонари. Они принадлежат к более мелким птицам, и наибольший из них величиной с голубя. Оперение густое и мелкоперое. Окраска у самца и самки различна. Замечательны кожистые наросты в области клюва, которые, как у индюков, то удлиняются, то укорачиваются.

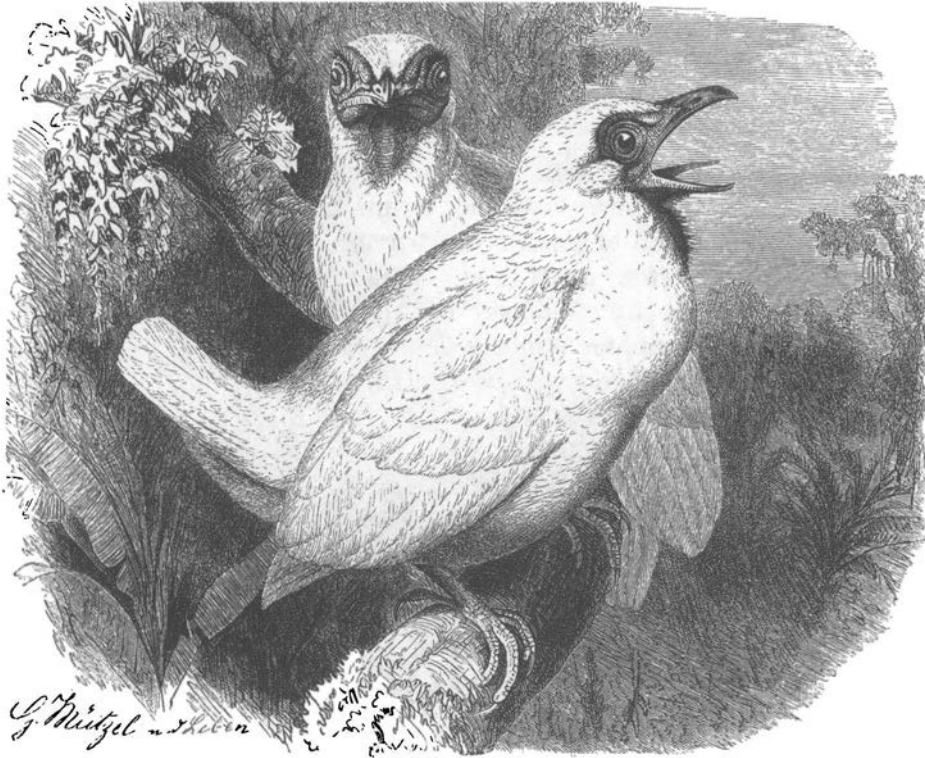
Птица-колокольчик, или гологорлый звонарь (*Procnias nudicollis*), по-испански «харрадор» (кузнец), белоснежного цвета. Голая уздечка и горло у нее яркого цвета медной зелени, глаза серебристо-белые, клюв черный, ноги мясного цвета. Самка меньше самца. Оперение на темени и горле у нее черное, верхняя сторона туловища зеленого чижового цвета, нижняя — желтого, покрыта в длину черными пятнами, а на шее беловатыми и желтоватыми полосками. Молодой самец в первый год похож на самку, потом покрывается пятнами и на третий год получает свое настоящее оперение. Старые самцы, как показали мои наблюдения над пойманными птицами, получают после каждой линьки зеленое оперение, которое становится белым лишь в процессе выцветания. Длина их 26 см, размах крыльев 50, длина крыла 16, а хвоста 7 см.

Звонарь (*Procnias alba*) отличается от описанного вида тем, что такой же чисто белый самец имеет у основания клюва пустой черный мускулистый нарост, который покрыт несколькими перышками и может произвольно вытягиваться и втягиваться. В

первом случае он торчит в виде рога, в последнем же, как и нарост на клюве индюка, висит сбоку клюва.

Вышеупомянутые виды живут в Южной Америке. Гологорлый звонарь населяет Бразилию и часто встречается в тамошних лесах. Звонарь обитает в Гвиане. Образ жизни этих птиц в главных чертах очень сходен. Благодаря наблюдениям Уатертона, принца фон Вида и Шомбургка мы получили подробные сведения об их нравах и образе жизни.

«Эта замечательная птица, — говорит принц фон Вид о голо-

Птица-колокольчик
(*Procnias nudicollis*)

звук колокольчика, который птица издает отдельно с небольшими промежутками, а иногда часто, несколько раз подряд. Тогда он похож на звук, издаваемый кузнцом, когда тот бьет молотом по наковальне. Звук этот слышен в любое время дня очень часто и на далеком расстоянии. Обыкновенно несколько птиц собираются вместе и поочередно стараются перещеголять друг друга пением. Одна из них кричит громко и ясно одним простым звуком, другая часто повторяет звенящий тон. Если вместе соберется большое число этих птиц, то получается в высшей степени странный концерт.

Обычно гологорлый звонарь садится на самую высокую сухую ветку большого дерева и оттуда кричит своим звучным металлическим голосом. Эта ослепительно-белая птица отчетливо вырисовывается на темно-голубом небе, но на такой высоте ее не достать выстрелом. Она тотчас слетает, как только заметит какой-нибудь незнакомый предмет. В тех местах, где лес невысок,

горлом звонаре, — как по своему ослепительно белому оперению, так и вследствие громкого, чистого, звучного голоса может считаться особенностью великолепных бразильских лесов. Она распространена повсюду, где есть большие леса, в которых, по-видимому, она предпочитает самые темные чащи. Однако гологорлый звонарь не везде встречается в одинаковом количестве и, кажется, особенно любит горные леса. Его голос похож на чистый

птицы сидят в густой темной листве, откуда раздается их голос, но нельзя разглядеть белоснежное оперение».

«Среди чащи леса, — сообщает Уатертон, — обыкновенно на сухой ветке старого дерева и почти всегда на высоте вне выстрела можно заметить звонаря. Никакой другой крик или пение крылатого обитателя леса не может поразить так, как голос звонаря. Как и весьма многие представители класса пернатых, он приветствует утреннюю и вечернюю зарю пением, но даже тогда, когда полуденный зной распространяет повсюду безмолвие и заставляет молчать всех тварей, он все еще выкрикивает в лесу свои веселые звуки. Сначала слышится звон, затем наступает минутная пауза, потом опять следует как бы удар колокола и снова пауза, и так третий раз. После этого 6 или 8 минут он молчит, а затем снова начинает. Актеон прервал бы свою самую горячую охоту, сам Орфей прекратил бы свое пение, чтобы послушать эту птицу: так сладок и очарователен звук ее голоса».

Ягоды и плоды составляют, по-видимому, обычную пищу этих птиц. Принц фон Вид никогда не находил насекомых в желудках убитых его спутниками звонарей, которых он исследовал. Шомбургк же, напротив, утверждает, что заметил в желудке звонаря остатки жуков. Красные ягоды и плоды, похожие на вишни, иногда даже вид мелких бобов составляли пищу тех птиц, которых исследовал принц фон Вид.

«Неизвестно, — говорит Уатертон, — в какой части Гвианы звонари вьют свои гнезда». Шомбургк подтверждает это сообщение. «Индейцы, — говорит он, — не знают ни места расположения гнезд, ни времени насиживания этих птиц, однако утверждают, что звонари насиживают яйца не в Гвиане и появляются в стране только после вывода птенцов». Принц фон Вид тоже не мог найти гнезда звонаря и получить о нем сведения от бразильских охотников, но думает, что оно находится между ветвями густолиственных деревьев и искусно свито*.

Гвианский скальный петушок (*Rupicola rupicola*). Оперение самца яркое оранжево-красное. Перья теменного гребня темного пурпурово-красного цвета. Большие покровные перья крыльев, маховые и хвостовые перья, основной цвет которых коричневый, на конце окаймлены беловатыми полосками. Все маховые и хвостовые перья, кроме того, у основания покрыты большими пятнами. Самка и молодые птицы одноцветно-коричневые; нижние покровные перья крыльев оранжево-красные, перья надхвостья и хвоста ярко-оранжево-бурые; гребень меньше, чем у самца. Глаза оранжево-красные, клюв бледно-желтого рогового цвета, ноги желтовато-мясного. Длина самца 31 см, длина крыла 18, а хвоста 10 см. Самка значительно меньше.

Родиной скальных петушков являются горные районы Гвианы и самые северные части Бразилии. Местопребыванием им

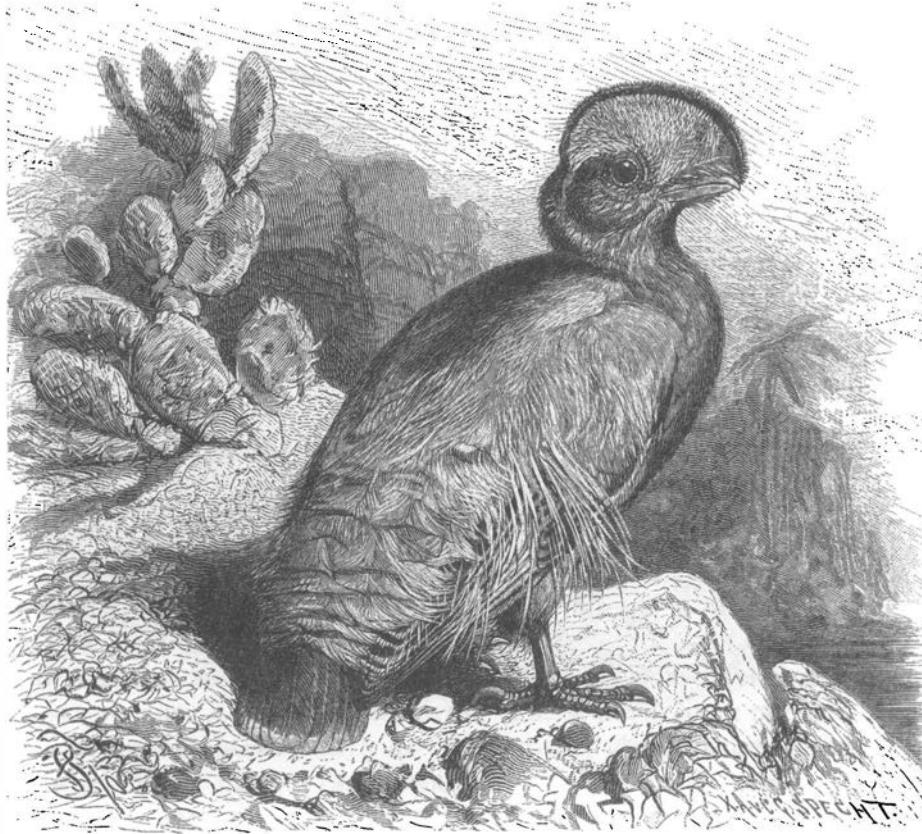
Семейство КОТИНГОВЫЕ

* Эти птицы гнездятся обычно в горных тропических лесах, лишь после гнездования спускаются в равнинные леса. Насиживают кладку и заботятся о птенцах только самки. В кладке 1 яйцо.

служат горные леса и плоскогорья. На равнинах они никогда не встречаются. Особенно охотно поселяются скальные петушки около водопадов, и чем каменистее речное русло, тем больше оно им нравится. В июне и июле они спускаются со своих скалистых вершин. В это время на лесных деревьях поспевают плоды, которыми они охотно питаются.

Многие путешественники сообщают сведения об образе жизни этих странных птиц. А. фон Гумбольдт наблюдал их на берегах Ориноко. Братья Шомбургк находили их в британской Гвиане на больших скалистых Канукских горах и на песчани-

Гвианский скальный
петушок
(*Rupicola rupicola*)

ковых скалах Венаму, где они часто встречаются и живут группами, но положительно избегают близкого сношения с другими птицами. «Взойдя снова на крутую возвышенность, — говорит Шомбургк, — которая была почти непроходима из-за огромных гранитных утесов, поросших мхом и папоротниками, мы вышли на маленький, почти совсем ровный участок земли без травы и кустов. По знаку одного из индейцев я должен был замолчать и спрятаться за бли-

жайший куст, куда и они скрылись без всякого шума. Прошло несколько минут, и я услышал вдалеке голос, походивший на крик кошки. Я решил, что идет охота на какое-нибудь млекопитающее. Только что прозвучал этот голос, как вдруг я услышал его около себя: это один из моих индейцев очень похоже его повторил. Отвечающий издали все больше и больше приближался к нам. Наконец, на этот зов начали отвечать со всех сторон. Хотя индейцы и предупредили меня, что я должен быть наготове, но первый скальный петушок так поразил меня, что я совсем позабыл выстрелить. С быстротой наших вальдшнепов эти восхитительные птицы перелетели через кусты, присели на

мгновение, чтобы увидеть звавшего их товарища, и так же быстро скрылись, как только убедились в своем заблуждении. Нам посчастливилось убить их семь штук. Хотя я и получил этих птиц, но так и не стал очевидцем их танцев, о которых мне много рассказывал мой брат и индейцы.

После нескольких чрезвычайно утомительных дневных переездов мы достигли наконец страны, где должны были увидеть эту пляску. Мы сделали остановку, чтобы перевести дух, и вдруг услышали призывные голоса скальных петушков. Два вооруженных индейца тотчас же начали подкрадываться к птицам. Вскоре один из них возвратился и знаками дал мне понять, что я должен следовать за ним. Мы проползли сквозь кустарник несколько тысяч шагов с величайшей осторожностью. И тут я увидел другого индейца, лежащего на земле, а вместе с тем и блестящее оранжевое оперение петушка, светящееся сквозь кустарник. Я осторожно лег около индейца и был свидетелем одного из самых привлекательных зрелищ. Целое общество этих великолепных птиц танцевало в это время на гладкой плоской поверхности огромной скалы. На кустарнике, окружавшем ее, сидело около двадцати, очевидно, очарованных зрителей, самцов и самок, а в это время по ровной поверхности утеса ходил самец. Движения его казались очень странными. Эта смешная птица раскрывала крылья, запрокидывала голову во все стороны, царапала ногами твердый камень, с большим или меньшим проворством подпрыгивала, причем прыжки совершала постоянно с одного места, распускала хвост колесом, снова начинала прохаживаться вокруг площадки. Так она двигалась до тех пор, пока не устала. Тогда птица издала звук, не похожий на ее обычный крик, взлетела на ближайшую ветку, а ее место занял другой самец, который также выказывал свое танцевальное искусство, чтобы через некоторое время, устав, уступить место новому петушку». Шомбургк, кроме того, упоминает, что самки, которые сидят между отдыхающими самцами, неумоимо смотрят на это зрелище и издают при возвращении уставшего самца одобрительный крик. «Очарованный этим зрелищем, — продолжает Шомбургк, — я не заметил коварного намерения лежащего около меня индейца, как вдруг два выстрела испугали меня. Беспечное общество в нестройном бегстве рассыпалось по всем сторонам, оставив на месте веселой пляски четырех убитых товарищей».

Индейцы, кажется, очень любят держать петушков в неволе и в Параруме предлагали их Гумбольдту. Петушки сидели в маленьких хорошеньких клетках, сделанных из черешков пальмовых листьев. Шомбургку приходилось видеть даже ручных птенцов, но не взрослых самцов с их великолепным оперением. На основании чего он и предположил, что скальные петушки не выносят продолжительного заключения. Их великолеп-

ные шкурки очень ценятся, индейцы изготавливают себе из них фантастические украшения. Бразильский император во время больших празднеств носил плащ, сделанный из шкурок скальных петушков. По уверениям Шомбургка, индейцы одной местности обязуются ежедневно вносить, в виде подати, известное количество шкурок, что, по-видимому, может привести к уничтожению этих красивых птиц. Оранжево-красное мясо их очень вкусно.

Синяя котинга (*Cotinga amabilis*), называемая в Бразилии крейоа и цируа. Господствующая окраска оперения темная ультрамариново-синяя, которая вследствие местами заметных корневых частей пера то здесь, то там имеет темные пятна. Нижняя часть тела, за исключением темно-синей поперечной полосы на зобе, темная фиолетово-синяя. Маховые и хвостовые перья черные, снаружи узко окаймлены зеленовато-голубым цветом. Глаза карие, клюв темно-бурый, ноги темно-бурого цвета. У самки оперение преимущественно бурое, перья на груди окаймлены белым, а на животе желтым. Птенцы похожи на самок, молодые самцы, однако, очень скоро получают свой синий налет, а затем и голубую каемку на перьях. Длина птицы 21 см, длина крыла 15, а хвоста 7,5 см.

Синяя котинга населяет прибрежную часть Бразилии. В основном ведет такой же образ жизни, как и ее сородичи. Этих прекрасных птиц принц фон Вид считает лучшим украшением южноамериканских девственных лесов. Великолепное оперение взрослого самца восхищает даже дикие народы, которые употребляют его перья на головные уборы и украшения.

Все котинги отличаются тихим меланхолическим нравом, подолгу сидят неподвижно, обладают совсем не мелодичным голосом и питаются не насекомыми, а исключительно плодами и ягодами. В холодное время года, когда деревья отягощены плодами, они перелетают, соединившись в небольшие стаи, с места на место, приближаются к морскому берегу и открытым местностям, где их и убивают в большом количестве ради перьев и жирного мяса. Синяя котинга обитает в больших девственных лесах, лежащих близко к экватору. По своему нраву она очень похожа на нашего свиристеля; как и последний, глупа, ленива и ее так же легко застрелить. Обычно издает короткий призывный звук, но иногда, возможно, громко кричит.

Принц фон Вид рассказывал, что он видел шкурки синей котинги у духовных лиц, которых он посетил в Бразилии. Они собрали более 40 шкурок для того, чтобы отослать их в женские монастыри в Бахию, где они использовались для выделки изящных рукоделий. Наш уважаемый естествоиспытатель сообщил также, что великолепная окраска их оперения превращается в оранжево-желтую, если шкурку нагревать над угольной жаровней. Относительно размножения этих птиц я не имею никаких сведений*.

* Настоящая синяя котинга имеет маленькое блюдцеобразное или чашевидное гнездо, в кладке 1—2 яйца, насиживаемые только самкой. Птенцов выкармливает также одна самка.

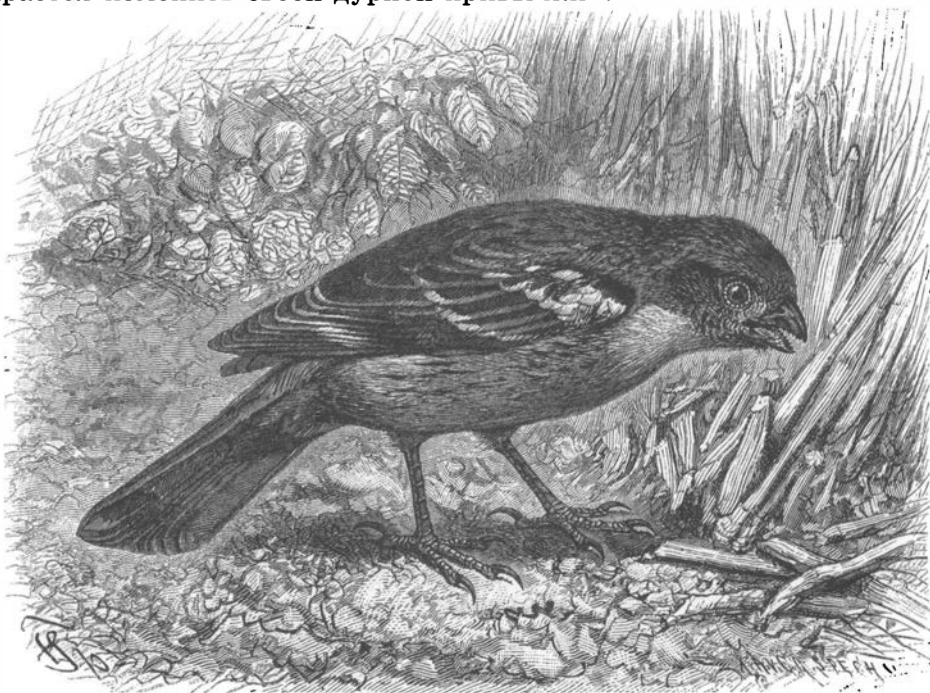
СЕМЕЙСТВО ТРАВОРЕЗОВЫЕ (Phytotomidae)

Семейство
траворезовые

Уже Молина, первый естествоиспытатель, описавший Чили, упоминает об одной замечательной южноамериканской птице. Он сообщает об ее образе жизни чрезвычайно странные вещи. «Косец, — говорит он, — питается травами, но имеет дурное свойство съедать их не раньше, как скосив стебель около самого корня. Иногда он срезает растение лишь для препровождения времени, не съедая у него ни одного листочка. Вследствие этого туземцы преследуют его безостановочно и дают хорошее вознаграждение мальчишкам, которые вынимают из гнезд его яйца. Но так как это преследование ему известно, то он вьет свое гнездо на самых густых деревьях и в тенистых мало посещаемых местах. Несмотря на эту осторожность, число этих птиц сильно уменьшилось, и по тому рвению, с которым туземцы стараются уничтожить их, можно заключить, что они долго не просуществуют, если их потомство не постарается изменить своей дурной привычки».

Долгое время вред, приносимый этой птицей, считали выдумкой, которая рассказывается чужеземцам и доверчиво принимается ими на веру. Новейшие же наблюдения показывают, что по крайней мере часть этих рассказов близка к правде. Бэк, Киттлиц, д'Орбиньи и Ландбек подтверждают в некоторой степени мнение Молины.

Вот как Молина описывает **чилийского травореза** (*Ptytoma rara*), рариту или рару чилийцев, называемого так по его крику. Длина птицы 17 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 6 см. Верхняя сторона темная, оливково-зеленая, каждое перо украшено на створе черноватой полосой, а по краям широкой желтой каемкой. Нижняя сторона тела желто-зеленая с несколько более темными полосами вдоль створов. Лоб ржаво-красный, голова темнее, с черными полосами на стержнях перьев; горло и живот желтые; верхняя часть груди ржаво-красная, хвостовые перья также ржаво-красные, но верх-

Чилийский траворез
(*Ptytoma rara*)

** Д'Орбиньи описы-
вает другой вид
травореза — красно-
грудого травореза
(Ptytototha rutila).*

няя треть их темнее. Маховые перья темно-серые, почти черные, окаймлены двумя белыми полосками, которые образуются концами кроющих перьев. Перья хвоста на наружной части опахала и на конце темнее, на внутренней же части опахала ржаво-красные. У самки все цвета бледнее и серее. Клюв и ноги черновато-серые; радужная оболочка глаза ярко-карминного цвета.

«Мы часто находили косцов, — говорит д'Орбиньи, — на восточном склоне Андов* в Боливии, постоянно в сухих пустынных местностях умеренного пояса, на холмах и равнинах, но никогда в жарких, сырых долинах, покрытых кустарником, куда они, по-видимому, не спускаются.

Можно сказать, что чилийский траворез живет в полосе злаков, так как мы никогда не видели его ни севернее, ни южнее этой границы. Он держится около населенных местностей и весьма обыкновенен. Его видишь в течение всего года поодиночке, парами или маленькими стайками. Эти птицы охотно посещают виноградники и сады, опустошают плантации, обламывая молодые побеги, причем производят это без всякого страха, потому что до сих пор жители снисходительно позволяли маленьким обжорам грабить себя. Их полет не высок и никогда не бывает продолжительным. Мы ни разу не видели, чтобы траворез спускался на землю. Его часто повторяющийся крик неприятен. Он звучит как скрипящий шум пилы».

Бэк и Киттлиц дополняют эти сведения. «Только начал поспевать виноград, — говорит последний, — как в нашем саду появились многочисленные птицы, которым эти ягоды служили пищей. В одном из садов, который, по-видимому, был запущен, я поймал одну за другой не менее шести птиц этого вида. Желудок у всех был наполнен виноградом и остатками зеленых листьев. Зубчатые края клюва окрашены зеленым. Я никогда не видел эту птицу на земле, а по большей части на вершинах довольно высоких плодовых деревьев». Бэк также говорит о вреде этих птиц: «Их зазубренный клюв — ужасное орудие для истребления молодых побегов, для которых он в высшей степени пагубен. Обычно птица отправляется за добычей утром и вечером в сумерки. Добыча состоит преимущественно из молодых растений, которые она скашивает под самый корень и соком которых ее клюв часто бывает окрашен в зеленое. Не удивительно, что эту птицу ненавидят, боятся и преследуют. Ландбек, например, истреблял всех тех, в которых только мог попасть из своего ружья, так как некоторые нежные растения в его саду были уже уничтожены этими косцами. Днем птицы чаще всего сидят на вершинах кустов и деревьев и на кольях заборов, и к ним нетрудно подкрасться и убить их. На земле они охотно прячутся в бороздах. Если бы эти птицы появлялись такими же стаями, как и другие воробьиные, то в деревне не осталось бы ни одного плодового растения. Пища, которую они употребляют, заставляет их жить вблизи обработанных мест. Зимой они улетают, куда — я еще не знаю».

О времени вывода детенышей у этих птиц новые естествоиспытатели ничего не сообщают. Молина же упоминает вскользь, что яички их белого цвета с красными крапинами*.

ПОДОТРЯД
ПОЛУПЕВЧИЕ (Menurae)
СЕМЕЙСТВО
ЛИРОХВОСТЫЕ (Menuridae)

Большая птица-лира (*Menura novaehollandiae*). Основной цвет перьев темный, коричнево-серый с красноватым отливом на надхвостье. Подбородок и зоб красные; нижняя часть тела буровато-пепельная, на брюшке светлее. Малые маховые перья и крайние рулевые красно-коричневые. Хвост сверху черновато-бурый, снизу серебристо-серый; крайние рулевые перья, имеющие форму лиры, темно-серые; кончики их бархатисто-черные с белой бахромкой. Внутренние бородки имеют попеременно черно-бурые и ржаво-красные каемки; средние хвостовые перья серые, остальные — черные. Длина самца 130 см, длина крыла 29, хвоста 70 см. Самка значительно меньше, цвет ее перьев грязно-коричневый, на брюшке переходящий в серый. Молодые самцы до первой линьки по окраске похожи на самку.

Гульд достаточно подробно сообщил нам о жизни лирохвоста, а благодаря исследованиям Бэкера и Рамзая мы имеем сведения и о его размножении. Родина лирохвоста — Новый Южный Уэльс, к востоку до залива Моретон и к юго-западу до Порт-Филиппа. Живут эти птицы среди густых зарослей кустарника, в местностях холмистых или скалистых. «Лазание по этим горам, — говорит один охотник за лирохвостами, — не только трудно, но и в высшей степени опасно. Расселины и ущелья прикрыты полусгнившими растениями, в которые нога уходит, как в снег, по колено. Один неверный шаг — и человек исчезает или, как клин, защемляется между трещинами скалы. Счастье, если он может употребить в дело свое оружие и выстрелом в голову избавить себя, таким образом, от медленной смерти, так как о помощи нечего и думать». В подобных местах лирохвоста можно слышать повсюду, но только именно слышать. Гульд проводил целые дни в кустах, был окружен птицами, слышал их звонкие чистые голоса, но не мог увидеть ни одной из них.

Трудность приблизиться к этой осторожной птице и вступить с нею, так сказать, в сношение объясняют, почему, несмотря на множество охотничьих рассказов, которые сообщали нам путешественники, мы не могли еще составить себе ясного представления об их образе жизни, поведении, привычках и нравах. Все наблюдатели согласны между собой только в том, что эта птица проводит большую часть жизни на земле и чрезвычайно редко

*Семейство
лирохвостые*

** Молина сообщает неверную информацию, полученную скорее всего из рассказов индейцев. На самом деле яйца траворезов зеленовато-синего цвета с темными пятнами.*

**Семейство
лирохвостые**

летает. При быстром беге лирохвост напоминает фазана: вытягивает голову, складывает хвост и держит его горизонтально, так как только в таком положении он может пробираться через густые заросли, не повредив своего великолепного наряда. Эти птицы гораздо деятельнее утром и вечером, но в период размножения их также можно видеть

в полуденное время на любимых местах. Самцы сгребают небольшие круглые холмики из земли, садятся на них, подобно токующим тетеревам, и топчутся, не переставая, на этих холмиках, поднимают хвост кверху, чрезвычайно красиво распускают его и, кроме того, выражают свои чувства самыми разнообразными звуками. Голос у них, вполне соответствующий хорошо развитым певчим мускулам, чрезвычайно гибкий; призывный голос — громкий, звучный и пронзительный. Пение лирохвоста в зависимости от местности очень различно, так как состоит из собственных и заимствованных звуков. Это своеобразное пение напоминает какое-то странное чревоуверение, которое можно слышать, лишь подойдя довольно близко к певцу. «Птица эта, — говорит Бэкер, — обладает в высшей степени даром звукоподражания. Чтобы дать понятие, как велика эта способность, я расскажу следующее. В Джипсланде, недалеко от южного склона Австралийских Альп, расположен лесопильный завод. Там в праздничные дни, когда кругом тихо, можно слышать далеко в лесу лай собаки, человеческий смех, пение и карканье разных птиц, крик детей и среди всего этого раздирающий душу звук, производимый при оттачивании пилы. Все эти звуки издаются одним и тем же лирохвостом, находящимся неподалеку от лесопильной машины».

Большая птица-лира
(*Menura
novaehollandiae*)

когда кругом тихо, можно слышать далеко в лесу лай собаки, человеческий смех, пение и карканье разных птиц, крик детей и среди всего этого раздирающий душу звук, производимый при оттачивании пилы. Все эти звуки издаются одним и тем же лирохвостом, находящимся неподалеку от лесопильной машины».

В период размножения любовь к подражанию усиливается. Лирохвост заменяет тогда, подобно пересмешникам Америки, целую стаю поющих птиц. С другими птицами и животными он ведет себя в высшей степени осторожно, человека же, по-видимому, избегает больше всех.

Пища лирохвостов состоит в основном из насекомых и червей. Гульд находил преимущественно тысячножек, жуков и улиток в желудках птиц, убитых им или его товарищами на охоте. Значительную часть пищи птица добывает, роясь в земле. При этом она выказывает столько же силы, сколько и ловкости, так как, несмотря на то, что разбрасывает землю в стороны, а не назад, она сдвигает с места комья земли и камни весом до 4 кг, чтобы добыть спрятавшихся насекомых. Она питается также и семенами, впрочем, вероятно, только в определенное время. Непереваренные остатки лирохвост извергает в виде погадок.

По наблюдениям Бэкера, период размножения у этих птиц наступает в августе, по наблюдениям Рамзая, напротив, лирохвост уже в мае приступает к постройке гнезда и кладет одно яйцо в июне и самое позднее в июле*. Гнездо строится из самых разных материалов, в зависимости от того, какой из них легче достать в данной местности. Гнездо большое, продолговатое, по форме напоминает яйцо, снабжено крышей и имеет 60 см в длину и 30 см в ширину. Издалека его можно принять за кучку сухого хвороста. Боковое отверстие служит для входа внутрь гнезда, на вид очень небрежно построенного. В действительности же оно весьма прочное и служит птицам иногда по нескольку лет. Лирохвост выводит птенцов только раз в год и кладет только одно яйцо величиной с утиное; длина его около 60 мм, ширина около 40 мм. Яйцо светло-пепельного цвета со слабо обозначенными темно-бурыми пятнышками. Самка одна высиживает яйцо. Самец не только не кормит ее, но, по-видимому, даже не посещает, поэтому она оставляет гнездо в полуденное время довольно долго. Высиживание длится почти целый месяц**. Возвратясь к гнезду, самка вползает внутрь через отверстие, пятась, и этим так стирает свои хвостовые перья, что по ним можно узнать, как давно она высиживает.

Птенец оставляет гнездо не ранее чем через 8—10 недель.

Гульд и другие наблюдатели называют лирохвоста самой пугливой птицей на всем земном шаре. Треск ветки, падение маленького камня, самый ничтожный шум заставляют его мгновенно обратиться в бегство и делают тщетными все усилия охотника, которому приходится не только перелезть через скалы, поваленные стволы деревьев, пробираться между ветвями, но и проделывать все это с крайней осторожностью. Вдобавок ко всему он может двигаться лишь тогда, когда птица занята, то есть когда она роется в опавших листьях или поет. Охотник должен внимательно следить за каждым движением лирохвоста, и притом быть совершенно неподвижным, так как малейшее движе-

** Период размножения у этих птиц длится с мая по октябрь, пик приходится на июнь — июль.*

*** На самом деле период насиживания у лирохвоста занимает 45—50 дней.*

** Несмотря на большую осторожность лирохвостов, численность их уменьшается. Эта птица включена в Красную книгу МСОП.*

*** Несмотря на большую осторожность лирохвостов, численность их уменьшается. Эта птица включена в Красную книгу МСОП.*

**** Согласно современным представлениям, сейчас насчитывают 78—79 видов жаворонков.*

***** В Австралии обитает 2 вида жаворонков.*

ние, замеченное птицей, спугивает ее точно так же, как и шорох. Весьма полезной в этом случае оказывается дрессированная собака. Она делает стойку над птицей и тем отвлекает ее внимание от охотника. Жители лесов при охоте на лирохвоста пускают в ход следующую хитрость: они прикрепляют к шляпе хвост самца, прячутся в кусты и двигают особенным образом головой, на которую надет оригинальный головной убор, до тех пор, пока лирохвост не заметит его. Птица, думая, что другой самец забрался в ее владения, бросается на мнимого соперника и попадает, таким образом, под выстрел. Некоторые охотники выучивают призывный крик лирохвостов и, в точности подражая ему, приманивают таким способом самцов*.

ПОДОТРЯД ПЕВЧИЕ (Oscines)

СЕМЕЙСТВО ЖАВОРОНКОВЫЕ (Alaudidae)

Жаворонок — это птица отряда воробьиных, имеет крепкое телосложение. Голова у нее большая, клюв короткий или средней длины и различной толщины, ноги довольно короткие, пальцы средней длины; из них задний часто бывает снабжен шпоровидным когтем. Крылья длинные и очень широкие; хвост не особенно длинный или даже короткий, на конце прямо обрублен. Оперение землистого цвета, которое сильно различается у птиц разного возраста и почти не отличается у обоих полов**.

Хотя жаворонки, которых насчитывается до 110 видов***, встречаются во всех странах света, но водятся они главным образом в Старом Свете. В северной и южной области Нового Света и Австралии распространен лишь один вид жаворонков****.

Местообитание их — различные открытые пространства: поля, пустыни, степи. Благодаря пению жаворонков некоторые азиатские степи, отличающиеся зачастую весьма большим однообразием, приобретают оживленный вид, кажутся не такими скучными. Парочки одного вида живут в непосредственной близости друг от друга, и весной их совместное пение во всякое время дня увеселяет ухо путешественника. Все жаворонки, живущие на севере, принадлежат к перелетным или, по крайней мере, кочующим птицам. Те, что обитают на юге, — к оседлым или бродячим. Очень далеко они не улетают, и пребывание их на чужбине непродолжительно. Жаворонки первыми прилетают к нам весной и остаются у нас до глубокой осени.

Среди воробьиных птиц они лучшие ходоки, хотя полет их так же замечателен. Если они спешат, то летят весьма быстро, описывая в воздухе большие дуги. Во время же пения, напротив,

жаворонки, вспархивая, сразу взмывают к небу, описывая большую спираль; опускаются сначала медленно, а затем вдруг, словно крылья, камнем падают на землю. Большинство жаворонков хорошие, а некоторые просто замечательные певцы. Песня, которую они поют, небогата звуками, но чрезвычайно разнообразна. Небольшое число звуков, составляющих их пение, соединяется во множество ладов, образуя каждый раз нечто новое. Все виды обладают способностью подражать пению других птиц. Степные жаворонки поют песни, в сущности сходные между собой, потому что каждый из них перенимает и учится у другого.

Пища жаворонков состоит из насекомых и растительных веществ. Летом они питаются жучками, маленькими бабочками, кузнечиками, пауками и личинками. Осенью и зимой едят хлебные зерна и семена растений, весной — насекомых и молодые растения, главным образом хлебные побеги. Зерна они глотают с шелухой и поэтому заглатывают постоянно песок и небольшие камешки, которые способствуют размельчению пищи. Пьют росу, сохранившуюся на листьях, но долгое время могут обходиться и совершенно без воды; они не купаются в ней, а барахтаются в песке.

Плохонькое, свитое из одного цвета с почвой стебельков и листьев и поэтому превосходно скрытое гнездо жаворонков находится всегда в углублении, выкопанном ими в земле. Первая кладка состоит из 4—6, вторая из 3—5 яиц.

Всевозможные хищники — млекопитающие, птицы и пресмыкающиеся, а также человек — являются врагами жаворонков. Но они размножаются до того быстро, что потери, понесенные ими в своем составе, легко восполняются; их численность постоянно увеличивается даже при развитии земледелия.

Полевой жаворонок (*Alauda arvensis*) отличается относительно стройным телосложением. Длина его достигает 18 см, размах крыльев 32, длина крыла 10, хвоста 7 см. Перья верхней части тела землисто-бурого цвета, окаймленные на боках бледно-бурой полоской и испещренные пятнами более темного бурого цвета. Уздечка, брови и подбородок буровато-белые. Нижняя часть щек и ушная область ржаво-бурого цвета с темными полосками. Горло, голова, верхняя часть груди и бока такой же окраски, только с более широкими полосками. Нижняя часть тела рыжевато-белого цвета. Маховые перья черно-бурые, причем первое маховое перо с белой каймой, остальные с узкой каймой ржавого цвета, которая у малых задних маховых перьев и их покровных перьев расширяется и на конце также образует ржаво-бурюю кайму, благодаря чему получают две поперечные, более светлой окраски полоски. Малые задние и большие передние маховые перья на конце белого цвета; нижние покровные перья крыльев черно-бурые. Рулевые перья буровато-черные, окаймленные с внешней стороны бледно-бурым цветом. Самые же крайние перья — белые с широкой черной внутренней каймой, которая на втором

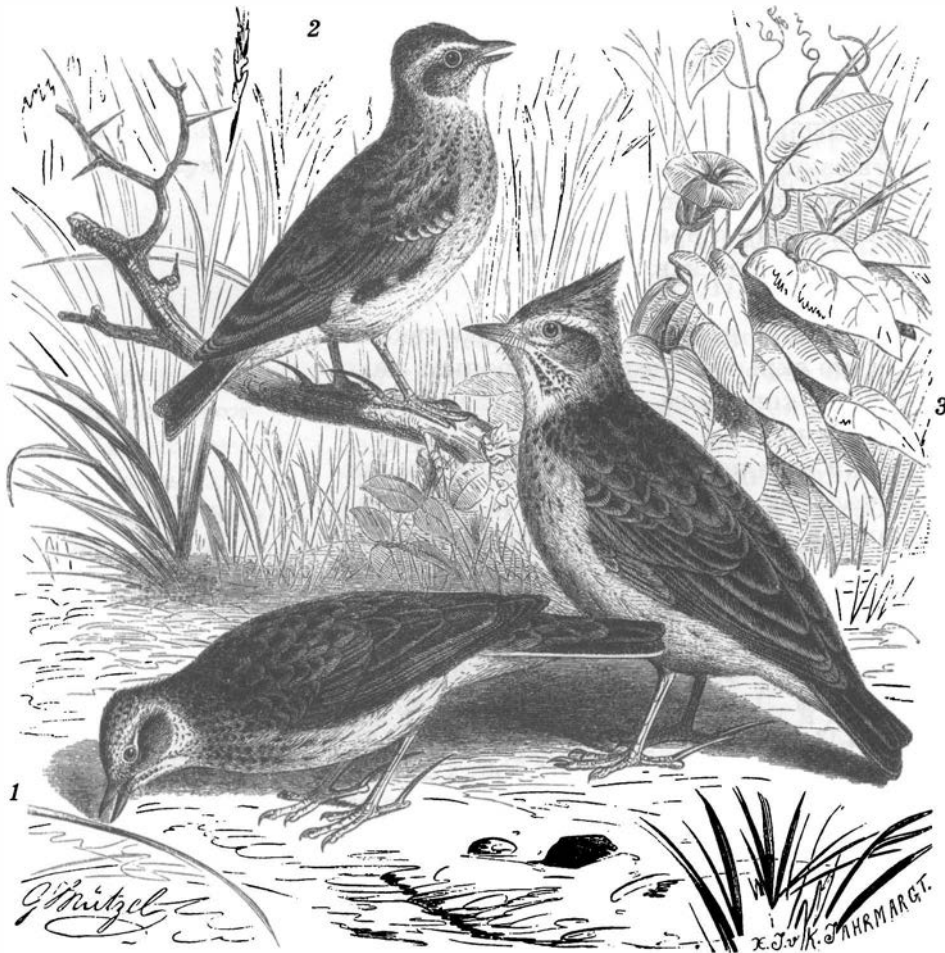
**Семейство
жаворонковые**

пере с обеих сторон доходит до ствола. Глаза темно-карие, клюв буровато-рогового цвета, ноги желто-буроватые.

Вся Европа, включая северную Норвегию и Россию, и внутренняя часть Азии, от лесной границы на южных горах до гор, окружающих степи на севере, считаются родиной жаворонков, которые в зимнее время добираются до северной Африки и южной Индии. В Туркмении Вальтер наблюдал их во время перелета только в феврале и марте.

Для нас полевой жаворонок является предвестником весны, потому что он прилетает во время таяния снега. К концу марта

эти птицы уже большей частью занимают свои места, живут на них в продолжение всего лета и только поздней осенью приступают к своему зимнему путешествию и перелетают на юг Европы и уж никак не дальше северной Африки. Эта птица непостоянная: в редких случаях остается подолгу на одном и том же месте, беспрестанно перебегает и перелетает с места на место, ссорится и дерется с другими жаворонками и, между прочим, поет или издает свой призывный звук. Ходит полевой жаворонок хорошо. При тихой походке

- 1 — Полевой жаворонок (*Alauda arvensis*)
2 — Лесной жаворонок (*Lullula arborea*)
3 — Хохлатый жаворонок (*Galerida cristata*)

нагибается на каждом шагу вперед. Во время бега движениями своими напоминает кулика. Летает прекрасно, но по-разному, в зависимости от той цели, которую он преследует. Во время быстрого полета он подвигается вперед большими дугами, при этом он то складывает крылья, то снова быстро трепещет ими. Во время пения его полет, как всем известно, отличается медленностью, он часто как бы парит и равномерными ударами крыльев поднимается все выше и выше. На земле жаворонок нередко становится на земляные кочки, небольшие бугорки или камни, иног-

да садится на верхушку куста, дерева или столба и часто возвращается к своим излюбленным местам. Его призывный крик заключается в довольно приятном звуке «геррр» или «геррел», к которому присоединяются «трит» или «тип». Около гнезда слышится звонкое «титри», гнев выражает он трескучим звуком «шерререрр». Всем известная песнь жаворонка, радующая сердце и оживляющая поля и луга долин и холмистых местностей и даже не особенно топкие болота, начинается сразу после его прилета и продолжается во все время насиживания. Неумомимее всякой другой птицы поет он, не умолкая, с раннего утра и до вечерних сумерек. Его песня состоит пусть из немногих, но зато звонких, чистых и сильных звуков, то звенящих и рассыпающихся трелями, то звучащих тонким свистом. Вариации эти различными певцами исполняются весьма разнообразно, а некоторые артисты обогащают их еще и некоторыми звуками, заимствованными у других птиц. Щебечут даже самки, а молодые самцы, всего несколько недель тому назад покинувшие гнездо, тоже начинают испытывать свои голосовые силы. Жаворонки, вынутые из гнезда в молодости, часто выучиваются в точности перенимать пение других птиц.

С остальными видами полевой жаворонки живут в мире только во время перелета и на зимних квартирах. Пока самец одной парочки увлечен любовью, он дерется со всяким самцом, который попадает ему на глаза, и часто весьма упорно. Оба бойца хватают и треплют друг друга, но весьма нередко в драку вмешивается третий самец, и тогда они, сцепившись втроем, кружась, падают с высоты на землю. Здесь драка прекращается, но в следующее мгновение возобновляется снова. Иногда два соперника нападают друг на друга на земле, при этом они принимают позы, сходные с позами дерущихся петухов. Драки происходят с большим ожесточением, хотя, конечно, без существенного вреда для кого-либо из сражающихся. Победенный принужден улететь, победитель же с веселым криком возвращается к своей самке, которая, по словам Наумана, весьма нередко принимает участие в потасовках самцов. Вследствие этих ссор место гнездования жаворонка занимает больше территории, чем нужно. У нас на пространстве сто квадратных метров едва ли насчитаешь более двух парочек, тогда как в степях на такой же территории живет втрое больше парочек жаворонков, причем разных видов. Самцы этих парочек хотя и ссорятся, но все-таки относительно мирно живут друг около друга.

Гнезда жаворонки свивают обыкновенно на хлебных полях, лугах, но иногда также и в болотистых местностях на возвышенных буграх, поросших травой или осокой и окруженных со всех сторон водой. Небольшое углубление, в котором помещается гнездо, в случае нужды выкапывают оба жаворонка или иногда просто углубляют и подновляют его. Затем самка при помощи самца

* Период насиживания у полевого жаворонка составляет 11 дней, причем насиживает только самка.

** В наиболее оптимальных, южных частях ареала жаворонка некоторые пары могут иметь даже 4 вывода за сезон.

свивает в нем из старых соломинок, травы, нежных корешков и стебельков незатейливое гнездо, иногда еще выкладывает его внутри конскими волосами. Кладка состоит из 3—6 желтовато-зеленых или красновато-белых яиц, достигающих 22 мм в длину и 15 мм в ширину и покрытых множеством серовато-бурых или серых пятен, образующих различные узоры. Самец и самка сидят на яйцах по очереди и насиживают их в течение 15 дней*. Когда птенцы научатся бегать, то покидают гнездо. Родители приступают ко второй, а в теплое время и к третьей кладке, после того как птенцы делаются самостоятельными **.

Кроме маленьких четвероногих хищников, начиная с домашней кошки и кончая лисицей и лаской, птенцов жаворонков истребляют также ястребы, вороны, дрофы, аисты; настоящие соколы, голубятники и кобчики опасны и старым жаворонкам. Как ведут себя жаворонки при виде голубятника, самого страшного их врага, я сообщу в другом месте. Особенного внимания заслуживает тот факт, что человек, промышляющий охотой на жаворонков, является далеко не самым злостным истребителем этих птиц по сравнению с перечисленными врагами. Процветающее земледелие не уменьшает численности полевых жаворонков, а напротив, способствует их размножению. В Новой Зеландии, например, жаворонки прижились и быстро размножились. И теперь земледельцы жалуются на вред, который приносят эти птицы, уничтожая хлебные всходы. Причем, как говорят, пение их ухудшилось настолько, насколько увеличился вред от них. Эти птицы были завезены также и в Америку. Первую неудачную попытку предприняли лет тридцать назад в штате Делавэр. Вторая, увенчавшаяся небольшим успехом, была сделана двадцать лет назад близ Нью-Йорка. В Нью-Джерси же, где, по словам Нерлинга, Исаак Энгланд в 1881 году выпустил разом 42 парочки, попытка эта увенчалась большим успехом. Кроме того, по словам Дрессера и Шарпе, наш полевой жаворонек наблюдался и в Гренландии, и на Бермудских островах.

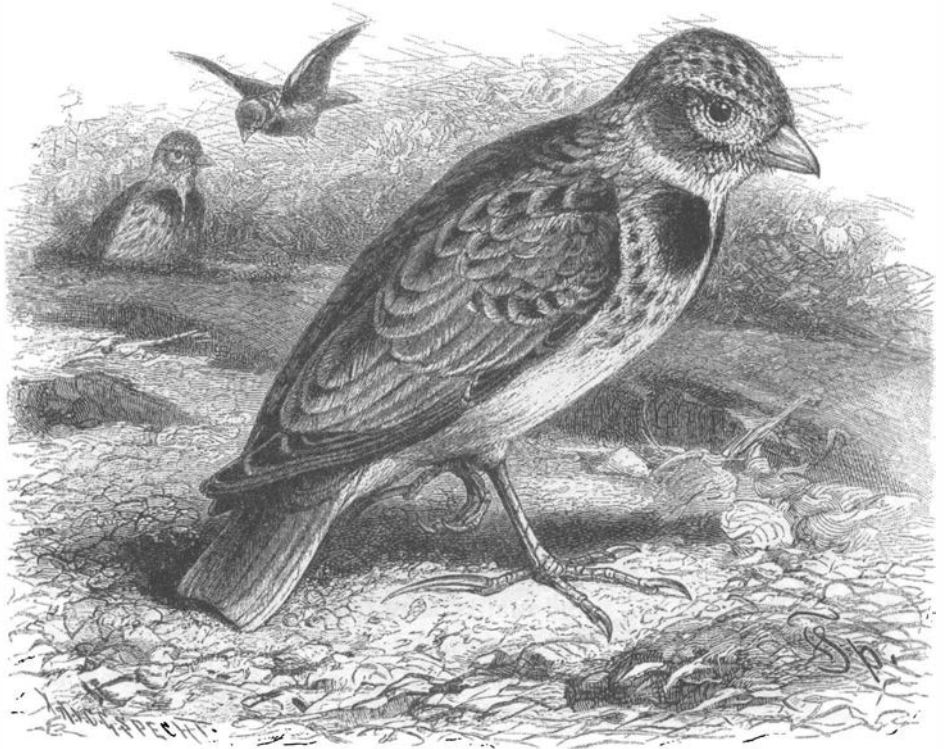
Степной жаворонек (*Melanocorypha calandra*) считается превосходным певцом. Отличается сильным сутуловатым туловищем, необыкновенно большим и толстым клювом, длинными сильными ногами с относительно длинными пальцами, вооруженными сзади очень большим когтем. Длина тела достигает 21 см, размах крыльев 44, длина крыла 13, а хвоста 7 см.

Родиной степного жаворонка является южная Европа, в особенности Средиземноморье: Истрия, Далмация, Греция, южная Италия и Испания, а также северо-западная Африка и степи Туркестана. Из этих областей он перекочевывает иногда в северо-восточную Африку и очень редко — в страны, лежащие по верхнему течению Нила. Обитает также в Палестине, Персии, Средней Азии и северо-западных провинциях Индии. Охотнее всего селится на сухих безводных полях или обширных выгонах, в Азии же — в

степях, в сообществе, по крайней мере, пяти других видов, которых он значительно превосходит как по количеству экземпляров, так и в других отношениях.

По своему образу жизни степные жаворонки в сущности не отличаются от наших полевых жаворонков. В период размножения они также живут парочками в определенном районе, из которого ревностно изгоняют всех представителей своего вида. По окончании периода размножения птицы сбиваются в стаи, которые иногда достигают довольно значительных размеров. В лесистых равнинах у верховья Голубого Нила я встретил однажды

подобную стаю, численность которой, вероятно, превышала тысячу штук. Характерным отличием степных от наших и всех прочих известных мне жаворонков является их походка. Во время ходьбы они держатся чрезвычайно прямо. Степные жаворонки замечательны также своим превосходным пением. Всякий, кто слышит их пение первый раз, в изумлении останавливается, чтобы с восторгом внимать ему. Их песня отличается от песен извест-

ных мне жаворонков прежде всего разнообразием звуков, а также большой полнотой и силой исполнения. В своих песнях степные жаворонки соединяют, перемешивают и переиначивают песни других жаворонков, живущих в степях, и передают их уже в облагороженном виде. Благодаря этому, а также их могучему голосу их пение выделяется среди прекрасного пения других жаворонков, которое весной непрерывно льется из поднебесья на землю. Но не все степные жаворонки достигают в этом полного совершенства, так как не все приноравливают свои неистощимые голосовые данные к пению, приятному для человеческого уха. Однако некоторые из них прямо-таки несравненные мастера своего дела. «Насколько степной жаворонки превосходит остальных представителей своего семейства величиной, — говорит Цетти, —

Степной жаворонки
(*Melanocorypha
calandra*)

настолько же он превосходит их и пением. В этом отношении степной жаворонок может поспорить с любой другой птицей. Его обычный голос мне кажется не особенно приятным щебетаньем, но благодаря способности к подражанию жаворонок воспринимает все, что ему приходится слышать, а его артистическое горло воспроизводит слышанное в улучшенном виде. Он представляет собой эхо всех птиц. Достаточно вместо других птиц послушать его. Степной жаворонок одинаково подражает как крику хищных птиц, так и мотивам певчих, его голос рассыпается на тысячи переплетающихся между собой звуков и трелей. Он выучивает все, что ему сыграешь; для флейты трудно найти ученика лучше его. Жаворонок нисколько не кичится своими способностями, но поет с утра до вечера. Вполне достаточно одну птицу этого вида поместить в клетку у окна, чтобы чудесными звуками наполнилась вся окрестность. Она является радостью и гордостью своего хозяина, ею восторгаются все прохожие».

Чтобы поймать этого певца, которого, кстати, в Испании очень любят и ценят, ловцы идут ночью на поляны. Некоторые из них несут пастушьи колокольчики, другие потайные фонари, остальные — ручные сетки. Жаворонок ослепляет светом фонарей, но те, слыша звук колокольчиков, поддаются обману, воображая, что к ним приближается стадо рогатого скота или баранов. Прижавшись к земле, птицы спокойно ожидают приближения ловцов, которые покрывают их сетями или даже попросту берут руками. Мой брат однажды присутствовал при подобной охоте.

В степях восточной Европы и северной Азии наряду с этим жаворонком встречается более мелкий вид — **белокрылый жаворонок** (*Melanocorypha leucoptera*).

В азиатских степях вместе со степным жаворонком живет приблизительно одинаковой с ним величины **черный жаворонок** (*Melanocorypha yeltoniensis*), который иногда залетает и в Западную Европу. Его осеннее оперение совершенно черное. Шейные нижние перья, плечи, малые задние маховые и хвостовые перья окаймлены на конце яркой полосой бледно-желтого цвета, на перьях же обеих сторон груди эта полоса не столь яркая. К весне бледно-желтые каймы стираются, и птица делается совсем черной. Глаза у нее темно-голубые, клюв серого рогового цвета, ноги черные. У самки верхние части тела бледно-буроватые с темными полосками, нижние части тела белые с черноватыми полосками, сливающимися по сторонам в большое пятно. Живот буроватый и покрыт черными полосками, маховые и хвостовые перья черно-бурые, окаймленные снаружи черно-бурой полосой, первые маховые и хвостовые перья снаружи по обеим сторонам белые. Длина тела достигает 30 см, крыла 14, хвоста 8 см.

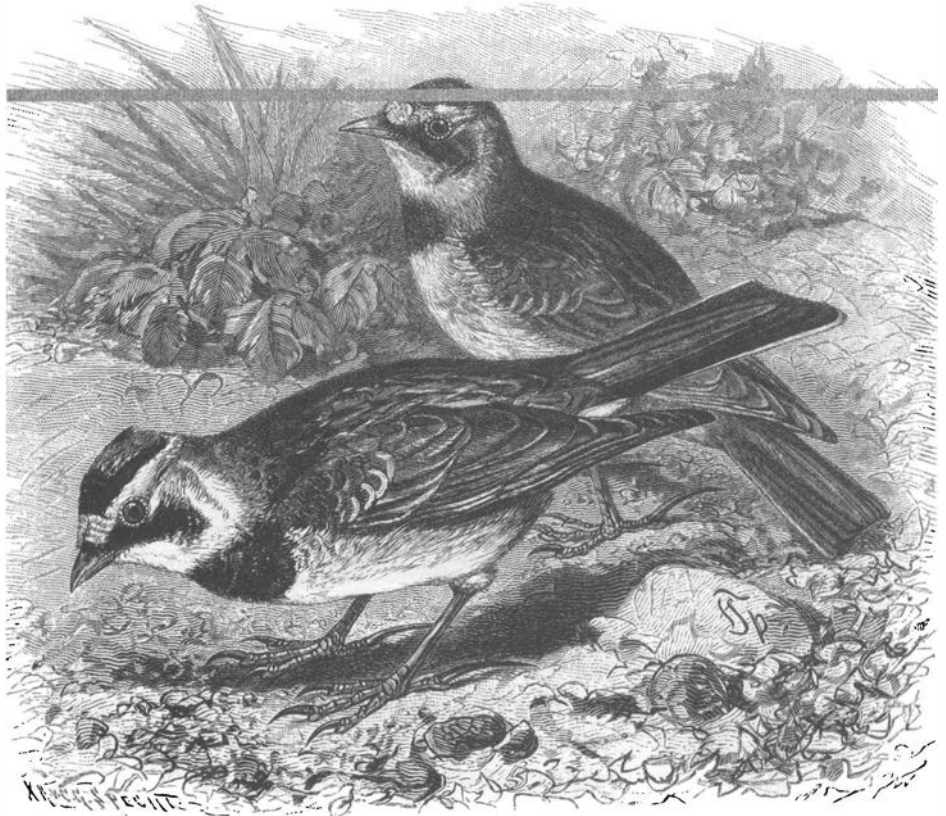
Солончаковые степи Средней Азии из года в год служат постоянным местопребыванием этим жаворонкам. По-видимому, они не перекочевывают на большие расстояния, но в холодное

время года отыскивают себе места, на которых недолго лежит снег. Эверсман видел этих птиц зимой огромными стаями. Радде также встречал их в весьма большом количестве. Во время нашего путешествия по Сибири мы видели черных жаворонков в степях довольно часто, так что я мог составить себе представление, хотя и не совсем полное, об их летнем образе жизни.

Они ни в коем случае не живут только на черноземной почве, как это следовало бы ожидать, но селятся в самых разнообразных местностях, хотя опять-таки далеко не везде. На мой взгляд, их можно отнести к одним из самых прелестнейших птиц, населяющих степь. Там, где жаворонки встречаются, они живут парочками, довольно далеко друг от друга. Большие черные птицы, уже издали заметные на светлой почве, являются своеобразным украшением местного ландшафта. Черный жаворонок, как и другие жаворонки, бегают быстро, мелкими шагами, летает низко, поспешно, со многими изгибами, часто махая крыльями. Высокий же полет его чрезвычайно своеобразен. Хотя черный жаворонок и походит более всего на степного жаворонка, но тем не менее он отличается от него каким-то особенным, только ему свойственным порханием, когда опускается с высоты на землю.

Одним из прелестнейших видов этого семейства должен считаться **рогатый жаворонок** (*Eremophila alpestris*), который имеет чрезвычайно густое оперение, замечательное своей пестротой и тем, что около ушей находится два пучка перьев. Длина птицы достигает 17 см, размах крыльев 32, длина крыла 11, хвоста 7 см.

Этого жаворонка называют еще «альпийский жаворонок». Это название он получил не по Швейцарским, а по северным Альпам. Рогатый жаворонок является жителем тундр, который в на-

Рогатый жаворонок
(*Eremophila alpestris*)

** Полупустынные и пустынные районы Казахстана, Средней и Центральной Азии населяют рогатые жаворонки, относящиеся к особым подвидам, адаптированным к жизни на засушливых территориях.*

*** У рогатого жаворонка насиживает кладку только самка.*

стоящее время гнездится в этом крае повсюду. Он одинаково хорошо чувствует себя как в Старом, так и в Новом Свете. Благодаря Вальтеру нам стало известно, что единичные экземпляры рогатого жаворонка встречаются летом даже в Закавказье и на восточной стороне Каспийского моря — у Красноводска. «Таким образом, — пишет Вальтер, — эта птица живет в местностях, лежащих более чем на 20 м ниже уровня моря». Птенцы, способные летать и уже сбившиеся в стаи, встречались здесь в конце мая*. Рогатый жаворонек в прежние времена принадлежал к редким птицам в северо-западной Европе, но в последнее пятидесятилетие стал очень распространенным и в настоящее время в северной Скандинавии представляет собой обычное явление. По моим наблюдениям, он не живет в высоких горах Лапландии, но обитает там на морском берегу и самое большее поднимается на высоту 150 м над уровнем моря. Однако здесь жаворонек встречается только на каменистой почве. Он селится как в безлюдных районах, так и в непосредственной близости от жилищ. В конце октября птица покидает тундры Лапландии, в середине сентября — те области, где гнездится. В Сибирь возвращается почти всегда в начале мая, а в Лапландию прилетает в середине апреля. К концу этого месяца парочки, живущие в Финмаркене, уже свивают гнезда и обыкновенно откладывают яйца. Во время своих зимних перелетов эти птицы постоянно посещают берега Балтийского моря. С тех пор, как они поселились в Финмаркене, это случается чаще прежнего.

По своему образу жизни и привычкам рогатый жаворонек до того похож на полевого, что я между ними не мог найти существенной разницы. Только я никогда не замечал, чтобы он во время пения поднимался на воздух. Свою простенькую песню жаворонек поет, гораздо чаще сидя на камне или на сучке дерева. По словам же Коллета, рогатый жаворонек поднимается на воздух и во время пения, причем поет совершенно иначе, чем сидя. Пища его состоит из растительных веществ, в основном семян, а также из насекомых, главным образом комаров и их личинок, которыми изобилуют все тундры и которыми он вскармливает своих птенцов. Его довольно искусно свитое гнездо находится в глубине почвы, внутри оно весьма чисто выложено тонкими стебельками и даже растительным пухом и нежной шелухой семян. Отыскать такое гнездо в тундре чрезвычайно трудно. Кладка состоит из 4—5 желтоватых яиц, около 22 мм длиной и 17 мм толщиной, покрытых необыкновенно тонкими полосками более темного цвета, которые на толстом конце часто образуют как бы венчик. Насиживает ли яйца одна самка или обе птицы поочередно, я не знаю**, но, во всяком случае, мне известно, что снежные жаворонки не любят, когда их гнезда трогают, и часто из-за этого покидают гнездо и яйца.

В пустыне существует особый вид жаворонков, окраска которых совершенно сливается с цветом песка. Пустынные жаво-

ронки отличаются толстым клювом, короткими пальцами, из которых задний вооружен коротким прямым когтем, длинными острыми крыльями, относительно большим, посредине в большей или меньшей степени выемчатым хвостом и окраской песочного или светло-желтого цвета.

Пустынный жаворонок (*Ammomanes deserti*). В длину он достигает 16 см, размах крыльев 23, длина крыла 9,5, хвоста 6,5 см.

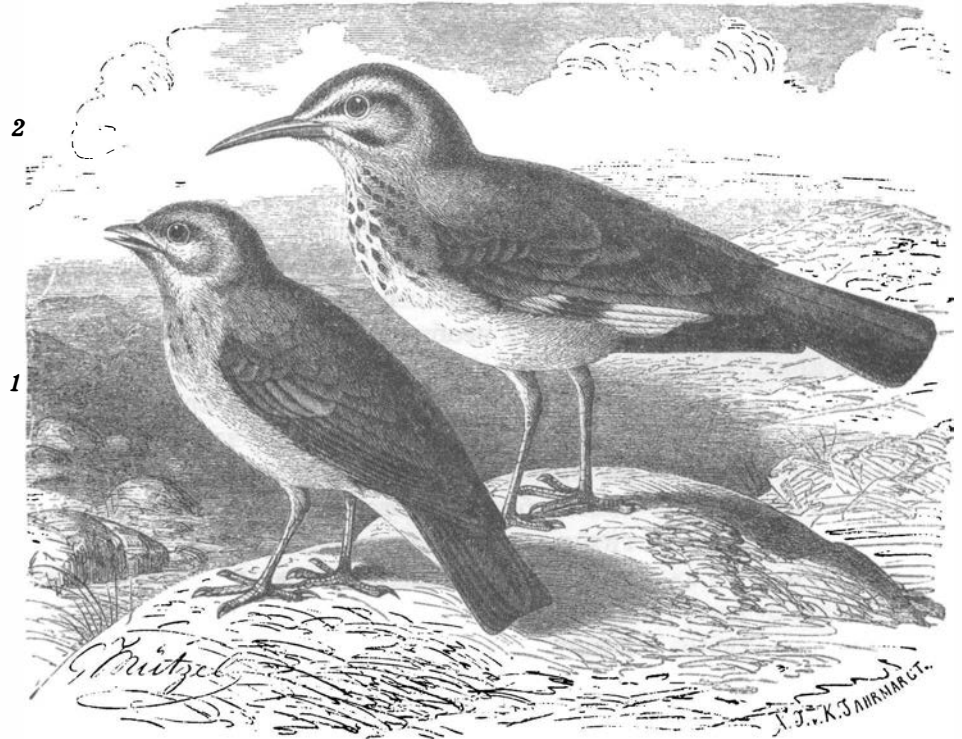
Область распространения жаворонка занимает большую часть северной и северо-восточной Африки, западную Азию и среднюю Индию. Иногда, хотя и очень редко, он залетает в южную Европу.

Пустынные жаворонки не боятся людей. Мне доставляло истинное удовольствие подходить к ним на близкое расстояние, и я с восторгом смотрел, как они с полным доверием входили в палатку пастуха-кочевника, временно остановившегося около колодца. Арабам и в голову не приходит прогонять этих доверчивых птиц, да и европейцы тоже до того привязываются к ним, что ни за что не хотят убивать их.

Большой удодовый жаворонок (*Alaemon alaudipes*). Сверху бледного красновато-желтого цвета. Длина тела достигает 22 см, крыльев 12, хвоста 9 см.

Область распространения удодовых жаворонков, которых несколько раз случалось убивать и в южной Европе, занимает всю северо-восточную Африку, западную Азию, Палестину, Персию и Синд. В пустынях северо-восточной Африки они встречаются довольно часто, в травянистых же степях я их никогда не замечал. В особенно большом количестве я их наблюдал между Каиром и Суэцем. Я их никогда не встречал стаями, но обыкновенно или парочками, или, в крайнем случае, небольшими семейками из 4—6 штук. Парочки живут близко друг к другу и, по-видимому, весьма часто и миролюбиво посещают соседей.

Удодовые жаворонки бегают вприпрыжку и необыкновенно быстро, почти как пустынные беговые птицы, так что их бег ско-

1 — Пустынный
жаворонок
(*Ammomanes deserti*)
2 — Большой
удодовый жаворонок
(*Alaemon alaudipes*)

Семейство жаворонковые

рее похож на походку бегунка, чем на жаворонка. Летают они легко, часто парят, а еще чаще летят совершенно прямо; на воздух поднимаются не медленно, подобно прочим жаворонкам, но возносятся на высоту весьма быстро, делая частые взмахи крыльями. Достигнув высоты, жаворонки несколько мгновений парят на одном месте, а затем вдруг, сложив крылья, падают на землю или на кустик, с которого сейчас же спрыгивают и поспешно бегут дальше. При случае они повторяют эту забаву несколько раз подряд с короткими промежутками. Мне кажется, что подобные воздушные фокусы исполняются одними самцами и являются как бы игрой, затеваемой для того, чтобы порадовать самку. Парочки между собой живут необыкновенно дружно: они постоянно бегают рядом и поднимаются на воздух почти одновременно. По-видимому, желание одного для другого закон. Человека удодовые жаворонки не боятся нисколько. К станционным домам железной дороги между Каиром и Суэцем они приближаются с доверчивостью хохлатых жаворонков: я несколько раз встречал их внутри обширных дворов этих построек. Они близко подпускают к себе охотника, но в случае преследования вскоре делаются необыкновенно пугливыми. Их голос состоит из грустного, жалобного свиста, пение, собственно, заключается только в повторении нот призывного крика, к которому присоединяется трель. Могу еще добавить, что эти птицы так же, как и прочие, распространенные в пустыне, по-видимому, способны обходиться совсем без воды, так как их часто встречаешь на расстоянии многих километров от нее.

В желудке убитого мной удодового жаворонка я нашел только насекомых. Несмотря на это, я не могу утверждать, что эти птицы пренебрегают семенами.

СЕМЕЙСТВО ЛАСТОЧКОВЫЕ (Hirundinidae)

Ласточковые — это маленькие, красиво сложенные, широкогрудые птички с короткой шеей и плоской головой. Клюв короткий, плоский, гораздо шире у основания, чем на конце, и поэтому почти треугольный, с немного согнутым концом надклювья. Ротовое отверстие простирается до глаз. Ноги короткие, слабые и снабжены маленькими коготками. Крылья длинные, узкие и острые. Хвост всегда раздвоенный, часто очень глубоко. Перья короткие, плотно лежащие; на верхней стороне — большей частью с металлическим блеском. Оба пола мало отличаются между собой в окраске. Птенцы же, напротив, в течение короткого времени несколько отличаются по окраске от своих родителей.

Ласточковые, нам известно приблизительно 120 видов* этого семейства, распространены по всем странам света, на всех ши-

ротах и высотах, хотя севернее Полярного круга встречаются поодиночке и едва ли выводят там птенцов. Многие из них ищут себе убежища в жилищах человека, другие поселяются на отвесных скалах и обрывах, некоторые выбирают деревья для постройки гнезда. Все виды, гнездящиеся в странах, где зима по температуре очень отличается от лета, принадлежат к перелетным птицам, те же, что живут в странах, где зима мало отличается от лета, в крайних случаях перелетают с места на место в пределах области. Некоторые естествоиспытатели утверждали, что отдельные виды ласточек зимуют в холодных странах, зарывшись в ил, и даже впадают в зимнюю спячку. Подобные утверждения не имеют, однако, под собой никакого основания. Наши средневропейские ласточки улетают во внутреннюю Африку и даже добираются до самых южных ее стран. Я сам в течение моего пятилетнего пребывания на этом материке видел их летящими на юг или возвращающимися на север. Я еще могу допустить, что при внезапно наступающем холоде весной или осенью некоторые ласточки могут искать убежища в норах, но о настоящей зимней спячке, конечно, не может быть и речи, несмотря на утверждения всех «достоверных свидетелей», начиная с Аристотеля и кончая некоторыми современными наблюдателями.

Ласточек справедливо считают благородными птицами; как в физическом, так и в нравственном отношении они хорошо одарены. Большую часть жизни они проводят в полете. Походка их на земле очень неловкая, но все-таки она гораздо лучше, чем неуклюжее ползание, по-видимому, очень близких к ним стрижей**. Для отдыха ласточки охотно садятся на деревья, выбирая при этом тонкие безлиственные ветки и сучки, которые не мешают им прилетать и улетать. Все ласточки причисляются к певчим птицам. Пение их представляет собой приятное щебетание, радующее каждого. Ласточки не только веселые, общительные, уживчивые, но также умные и понятливые птицы. Они не просто смелы, но даже храбры. Ласточки внимательно изучают обитаемую местность, приучаются отличать друзей от врагов и доверяют только тем, кто этого достоин. Их жизнь и привычки пленяют нас. Их доверчивость сама обеспечивает им защиту и гостеприимство даже у самых грубых людей.

Все ласточки принадлежат к насекомоядным птицам. Они преследуют и ловят преимущественно двукрылых, сетчатокрылых и перепончатокрылых, большей частью мух и комаров, но также маленьких жуков и т. п. Охотятся ласточки только на лету и не в состоянии собирать сидящих насекомых. Они глотают пойманную добычу, не размельчая ее. Пьют ласточки на лету и купаются так же. Рея непосредственно над самой поверхностью воды, они внезапно опускаются и погружают в воду клюв или часть тела, затем обсушиваются, потряхивая или подергивая перышками.

**В настоящее время признается существование 77 видов ласточек, объединяемых в 17 родов.*

***На самом деле это не так. Стрижи и ласточки обладают только внешним морфологическим сходством, поскольку и те, и другие ловят насекомых в воздухе. На самом же деле их анатомия показывает, что эти птицы совсем не родственники, поэтому их помещают в разные отряды.*

* Кладки разных видов ласточек содержат от 1 до 8 яиц, у тропических видов в гнезде обычно по 2—3 яйца, у видов более северных широт — по 4—6. У колониальных видов ласточек в насиживании участвуют попеременно и самец, и самка.

Большинство видов строит искусные гнезда, наружные стенки которых состоят из комков глины, слепленных клейкой слюной. Другие с большим трудом выкапывают себе отверстия в твердой почве земляных обрывов, расширяют их на конце и закладывают там гнездо, состоящее преимущественно из сложенных в беспорядочную кучу перьев. Они кладут 4—6 яиц, которые высиживаются одной самкой*.

Благодаря своей ловкости в полете ласточки избегают многих врагов, преследующих мелких птичек. Однако во всех странах существуют соколы, которые умеют ловить самых быстрых ласточек. Кроме того, кошки, куницы, ласки, крысы и мыши разоряют птичьи гнезда, они также нападают на неловких еще молодых ласточек. Человек обычно не причиняет вреда этим полезным и во многих странах священным птицам, но, напротив, защищает их.

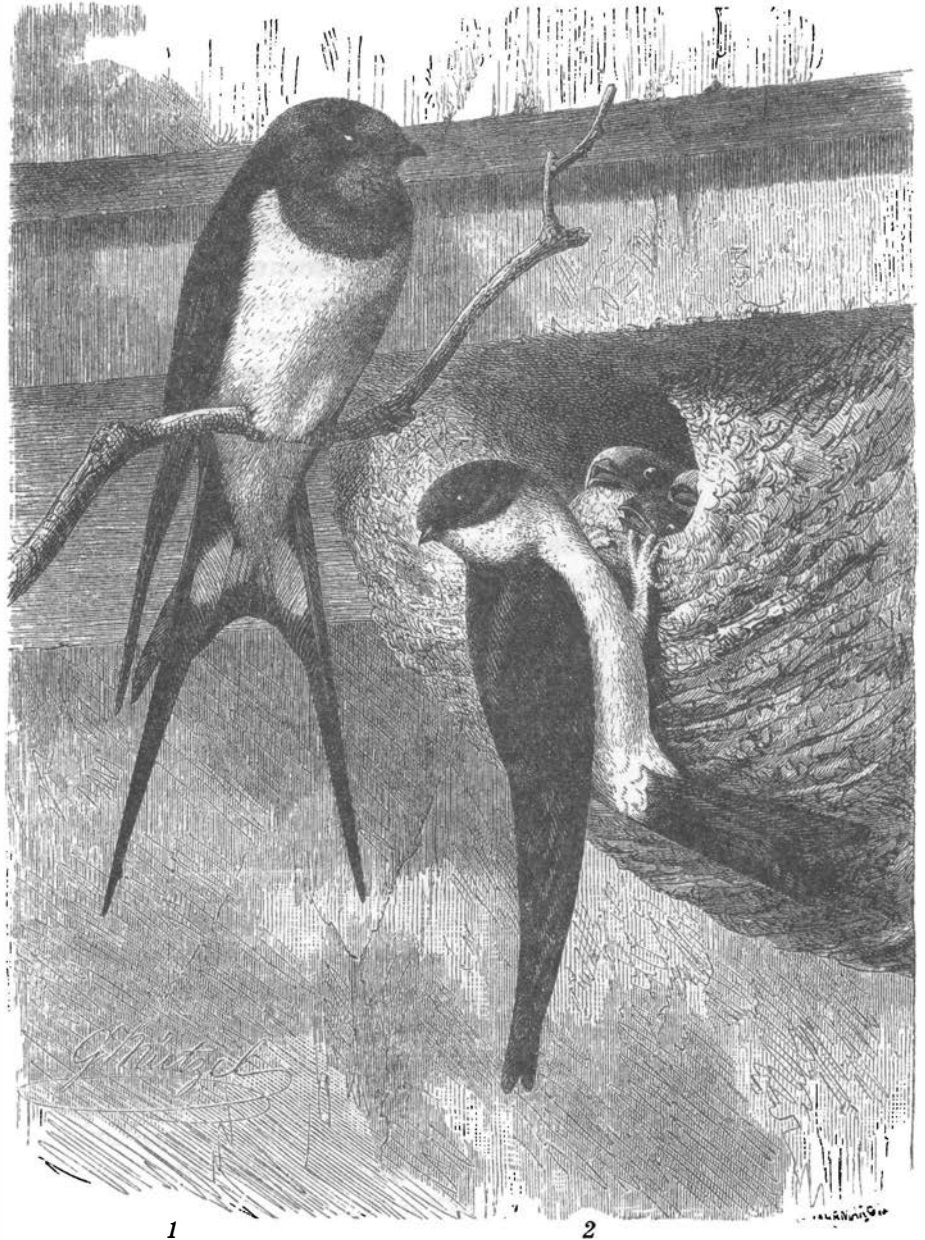
Деревенская ласточка (*Hirundo rustica*). Ее длина 18 см, размах крыльев 31, длина крыла 12, длина хвоста 9 см. Верхние части и широкий пояс на зобе черно-синие, с металлическим отливом. Лоб и горло ярко-каштанового цвета. Остальные нижние части тела светлого ржаво-желтоватого цвета. У самки все цвета бледнее, нежели у самца, а у молодых птиц с сильно матовым оттенком.

Область гнездования деревенской ласточки занимает всю Европу, но не выходит за Полярный круг, распространяется также на западную и Среднюю Азию, а область странствования ее сверх того занимает еще и Африку, южную Азию и большие острова в южном полушарии. Деревенская ласточка с самой глубокой древности добровольно привязалась к человеку и приютилась в его доме. И если только человек ей позволяет, она селится и во дворце, и в хижине. Только там, где надлежащие помещения отсутствуют, ласточка довольствуется подходящими выступами на крутых скалах, которые, впрочем, она во всякое время года готова сменить на первый прочно стоящий дом, даже построенный в пустыне. Она пробует приютиться и на юртах кочевников. Ее привязанность к человеческим жилищам обеспечила ей нашу любовь, а ее ежегодные странствования в северных странах издревле приучили народ считать прилет ласточки предвестником радостной весны, а отлет — началом скучной осени.

Деревенская ласточка, как пишет Науман, чрезвычайно живая, смелая, резвая птичка, всегда очень нарядная, веселый характер которой портится с наступлением дурной погоды, следствием которой является недостаток пищи. «Несмотря на кажущуюся нежность и миниатюрность, она выказывает все-таки в некоторых своих действиях много энергии. Ее полет и поведение во время его, поддразнивание других ласточек и храбрость, с которой она преследует хищных птиц и зверей, доказывают это. Она летает быстрее, разнообразнее и ловче всех наших ласточек. Де-

ревенская ласточка парит и носится, устремляясь вперед, или летит, припархивая, бросается с быстротой молнии то вбок, то вверх, то вниз. Вдруг падает, описывая короткую дугу, почти до земли или до зеркальной поверхности воды, затем поднимается таким же образом до значительной высоты. Все это выделывает она с такой ловкостью, что приводит вас в изумление. Эта птичка может даже перевертываться на лету. Она с большим искусством пролетает сквозь узкие отверстия, не задевая стенок. И умеет на лету купаться, для чего и носится над самой поверхностью воды, быстро окунается, остается мгновение в воде и, отряхиваясь, летит дальше. Такое купанье, прерывающееся на несколько мгновений ее полет, она повторяет несколько раз, и ванна окончена».

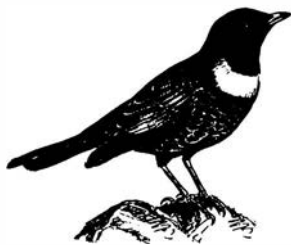
Среди органов чувств у ласточки на первом месте стоит зрение. На довольно большом расстоянии она видит маленькое насекомое, когда оно летит, и преследует его, руководясь только зрением. Слух у нее тоже хорошо развит, и, конечно, ей нельзя отказать в осязании, т.е. в способности ощущать. Относительно же обоняния и вкуса мы не имеем никаких данных. Ее умственные способности, может быть, часто преувеличивают. Это объясняется тем, что у ласточки на самом деле наблюдается обдуманность и понятливость. Она верно оценивает обстоятельства и яв-

1

2

1 — Деревенская
ласточка
(*Hirundo rustica*)
2 — Воронок
(*Delichon urbica*)

ления, ясно отличает друга от врага, миловидно дразнит опасных для нее животных и дружелюбно живет с теми, кого по опыту считает безвредными.

Различные мелкие виды насекомых, преимущественно двукрылые и сетчатокрылые, а также бабочки и жуки составляют пищу этой ласточки. Пчел с ядовитым жалом она не ест. Ласточка охотится только на лету и неспособна ловить сидячую добычу. Поэтому она находится в большой нужде в случае продолжительного ненастья, которое заставляет насекомых скрываться в своих убежищах. Ласточка тогда робко старается, летая очень близко от сидящих насекомых, испугнуть их и заставить полететь. В зависимости от погоды и времени дня она охотится или в высших, или в низших слоях воздуха, вследствие чего люди считают ее предвестником погоды. Хорошая погода доставляет птице богатую добычу, что делает ее бодрой и веселой, дурная погода, напротив, заставляет ее голодать, ласточка становится тихой и грустной. В результате своей чрезвычайной подвижности она нуждается в несоразмерно большом количестве пищи и ест все время, пока летает.

Деревенская ласточка располагает и строит гнездо иначе, чем другие родственные виды. Когда это возможно, она строит гнездо внутри здания, так что оно сверху защищено крышей. Перекладина на крыше скотного двора, или сени крестьянской избы, или чердак, куда не доходит метла служанки, или всякое другое место, удовлетворяющее скорее вкусу художника, нежели чувству чистоплотной хозяйки, — одним словом, обветшалые, развалившиеся, защищенные от сквозного ветра и непогоды углы — вот места, выбираемые ласточкой для постройки гнезда. Может случиться, что в подобных местах поселяются целые компании. Самое гнездо прикрепляется на балке или преимущественно на неровностях стены или на местах, заделанных выступающими планками. Гнездо походит на четвертушку пустого шара. Стенки его утолщаются близ места прикрепления, а в общем горизонтальный край гнезда у стены по большей части несколько приподнимается. Ширина гнезда приблизительно 20 см, глубина 10 см. Материалами для его постройки служит глинистая или, по крайней мере, жирная земля, собранная в комочки, покрытые слюной и осторожно склеенные. Ласточки редко употребляют другие материалы. Впрочем, я получил гнездо, которое исключительно состояло из размельченного костяного угля, склеенного обычным образом. Тонкие стебельки и волосы, вплетенные в стенки гнезда, служат для упрочения постройки. Главным же цементом является слюна. В хорошую погоду пара ласточек оканчивает постройку стен гнезда в течение восьми дней. Затем внутренность его выстилается тонкими стебельками, волосами, перьями и другими мягкими веществами, и вот колыбель для птенцов готова. Гнездо ласточек, построенное в защи-

щенном месте, служит им долгие и долгие годы, причем не только самим строителям, но и последующим поколениям. Кое-какие недостатки в постройке тщательно исправляются парочкой до начала высиживания яиц. Внутренняя выстилка каждый раз аккуратно возобновляется. В остальном же постройка не изменяется во все время ее существования. В мае самка кладет 4—6 нежных яиц 20 мм длиной и 14 мм шириной, с тонкой скорлупкой, покрытых по чисто белому фону пепельными и красно-бурыми пятнышками. Высиживает она их без помощи самца и при хорошей погоде через 12 дней выводит птенцов. При дурной, особенно холодной и дождливой погоде она должна покидать яйца на несколько часов, чтобы достать себе необходимую пищу, и тогда может случиться, что птенцы выведутся только через 17 дней. Широкоротые птенцы прилежно выкармливаются обоими родителями, растут быстро при благоприятных условиях, скоро начинают выглядывать через край гнезда, и если все идет удачно, уже на третьей неделе своей жизни могут следовать за родителями. Затем родители кормят их еще некоторое время.

Несмотря на природную ловкость и привязанность к человеку, ласточке угрожают многие опасности. В германской деревне самым опасным для нее является чеглок. В южной Азии и средней Африке эту роль исполняют его сородичи. Ласточкам досаждают все животные, живущие в домах, а более всего крысы и мыши. Иногда к этим врагам присоединяется и человек. В Италии и Испании негодные охотники ежегодно убивают сотни тысяч ласточек, хотя испанская пословица гласит: кто убивает ласточку, тот убивает свою мать.

Рыжепоясничная ласточка (*Hirundo daurica*). По образу жизни, поведению, привычкам и физическим данным рыжепоясничная ласточка очень похожа на деревенскую, с той разницей, что она лишь в исключительных случаях решает сменить обычное свое место гнездования и большей частью строит свое жилище по-старому, в отверстиях скал. Вследствие этого рыжепоясничная ласточка селится исключительно в тех странах, где крутые стены обрывов предоставляют ей удобное место для жительства, причем занимает скорее нижние, чем верхние уступы гор.

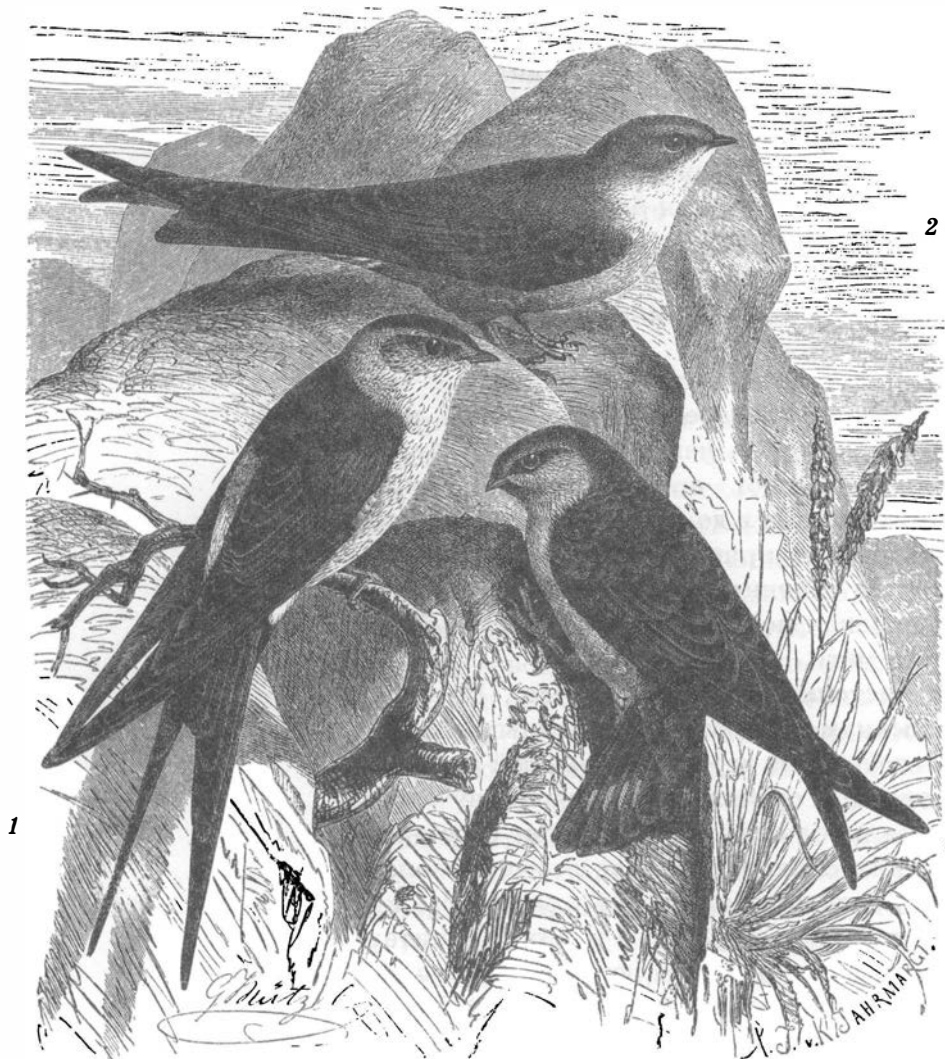
Городская ласточка, или воронок (*Delichon urbica*). Ее длина 14 см, размах крыльев 27, длина крыла 10, длина хвоста 7 см. Оперение на верхней части тела сине-черное, на нижней и на надхвостье белое. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги телесного цвета там, где они лишены перьев. У птенцов черный цвет на верхней части тела более матовый, а белый на горле не так чист, как у старых птиц.

Населяет городская ласточка почти те же места, что и деревенская ласточка, но распространяется несколько дальше к северу. Кроме Европы она населяет еще в том же количестве боль-

шую часть Сибири. Из своей родины городская ласточка улетает во внутреннюю Африку и в южную Азию, чтобы там провести зиму. На юг Европы она прилетает несколькими днями позже деревенской ласточки, но зато остается дольше; мы видели ее еще 2 ноября, летавшую над Альгамброй. Все-таки городскую ласточку замечают во время перелета в Африку в обществе ее сородичей. Весной она прилетает в одиночку. Перед осенним путешествием ласточки собираются в большие общества, которые иногда вырастают в неисчислимые стаи, толпящиеся на крышах высоких зданий. В путь они пускаются обыкновенно после заката солнца. Во время этого путешествия городские ласточки, вероятно, отдыхают и в лесу на деревьях.

По своему нраву городская ласточка имеет большое сходство с деревенской, но при тщательном наблюдении она все-таки отличается от последней. «Городская ласточка кажется серьезнее, рассудительнее и глупее деревенской ласточки, — говорит Науман. — Она не так доверчива, но не пуглива, летает не слишком быстро, но все-таки до-

вольно скоро, парит чаще, чем деревенская, и большей частью летает выше. Полет городской ласточки мягкий, не чрезмерно быстрый и переменчивый, но все-таки с очень разнообразными поворотами и изгибами то вверх, то вниз». При пасмурной погоде она часто взлетает на необыкновенную высоту и охотится, как и стрижи, в этих слоях воздуха за добычей. Голос городской ласточки легко отличить от голоса деревенской. Призывный крик звучит как «шер» или «скрю», страх выражается

1 — Рыжепоясничная ласточка (*Hirundo daurica*)
2 — Скалистая ласточка (*Ptyonoprogne rupestris*)

вольно скоро, парит чаще, чем деревенская, и большей частью летает выше. Полет городской ласточки мягкий, не чрезмерно быстрый и переменчивый, но все-таки с очень разнообразными поворотами и изгибами то вверх, то вниз». При пасмурной погоде она часто взлетает на необыкновенную высоту и охотится, как и стрижи, в этих слоях воздуха за добычей. Голос городской ласточки легко отличить от голоса деревенской. Призывный крик звучит как «шер» или «скрю», страх выражается

двусложным «скир». «Пение, — как говорит Науман, — состоит из длинных, монотонных, постоянно повторяющихся переливов и не особенно приятных тонов. Оно принадлежит к самым плохим птичьим напевам».

Про пищу городской ласточки можно сказать почти то же самое, что и про пищу деревенской ласточки. Впрочем, нам известно только очень небольшое количество насекомых, преследуемых ею. Те насекомые, которых она ловит, по-видимому, во множестве, охотясь в высоких слоях воздуха, нам совершенно неизвестны. Городская ласточка так же, как и деревенская, не ловит насекомых с жалом; ядовитое жало было бы для нее смертельным. «Я поднес однажды, — говорит Науман, — одной очень голодной молодой ласточке живую пчелу, но едва только ласточка успела схватить ее, как была ужалена в горло. Она тотчас отбросила от себя пчелу, сделалась печальной и менее чем через две минуты испустила дух».

Городская ласточка гнездится в городах и деревнях исключительно на зданиях, в малонаселенных странах — на обрывах скал. Я сам это видел в Испании. Встречали ее и на меловых скалах острова Рюгена. По словам Шинца, городская ласточка устраивает свои гнезда также на скалах Швейцарских Альп. Во всяком случае, она выбирает себе место, защищенное сверху, так, чтобы капли дождя не попадали в гнездо, чаще всего — под карнизами, выступами крыш и навесами, в углублениях окон и дверей. Иногда ласточка поселяется в углублении на стене и залепляет вход, оставляя одно летное отверстие. Гнездо ее отличается от гнезда деревенской ласточки тем, что оно, кроме летного отверстия, застраивается со всех сторон и не открыто сверху, как у последней. Форма полушария преобладает, но может изменяться в зависимости от обстоятельств. Постройка гнезда совершается с большим усердием и редко кончается раньше 12—14 дней. Обычно гнезда строятся близко друг от друга.

Самка кладет 4—6 совершенно белых яиц, с тонкой скорлупой, имеющих 18 мм в длину и 13 мм в ширину, которые высиживаются в течение 12—13 дней одной только самкой*. Самец в хорошую погоду обильно кормит свою самку. При дурной погоде, напротив, самка вынуждена время от времени оставлять яйца, и тогда высиживание продолжается дольше. Рост птенцов также зависит в значительной степени от погоды. В сухое лето родителям нетрудно доставлять им нужное количество насекомых, однако в неблагоприятные годы они нередко испытывают нужду и голод. В случае ранней холодной осени родители вынуждены оставлять своих птенцов умирать с голоду и отправляться в теплые края.

Злейшие враги городской ласточки — дербник и чеглок. Гнезда разоряют также совы и сычи, иногда ласки, крысы и мыши. Старых и молодых птиц мучают разные паразиты. От

* Срок насиживания у воронков варьует от 11 до 19 дней в зависимости от погоды. Насиживают яйца оба партнера, но роль самки несколько больше.

других же врагов они спасаются благодаря своей ловкости. Правда, с одной птицей, а именно с воробьем, им приходится выдерживать упорные бои, причем дерутся они не на жизнь, а на смерть. «Как только ласточки отстроят свое гнездо, — говорит Науман, — воробьиный самец тотчас же овладевает им, без церемоний залезает в гнездо и затем дерзко выглядывает из летного отверстия, между тем как ласточки, соединившись со своими соседками, ничего не могут сделать против подобного насилия. Они только летают с боязливymi криками вокруг гнезда и угрожают клювом, но не смеют на самом деле задеть пролазу. Таким образом часто проходит несколько дней. Наконец ласточка улетает, оставляя гнездо воробью, который тогда скоро устраивает его по-своему: выстилает разными мягкими веществами, так что всякий раз из летного отверстия свешиваются длинные нитки и стебельки, указывающие на окончательно совершившуюся перемену владельцев».

Полевые воробьи также охотно селятся в гнездах ласточек, если это возможно. Рассказы о том, будто ласточки из мести замуровывают воробья, — глупая сказка. Он, конечно, без труда может освободиться. Единственное средство защиты ласточек состоит в том, что они делают летное отверстие до того узким, что сами едва могут протиснуться в него. Тогда вход уже совершенно невозможен для более толстого воробья, и гнезда, выстроенные таким образом, защищены от его нападений».

В Германии городская ласточка также пользуется всеобщим уважением, но в Италии и Испании, напротив, мальчишкам доставляет удовольствие ловить птицу на тонкую удочку, наживив ее перышком. Ласточка старается поднять это перо для своего гнезда, попадает на крючок и затем самым ужасным образом бывает замучена негодными сорванцами.

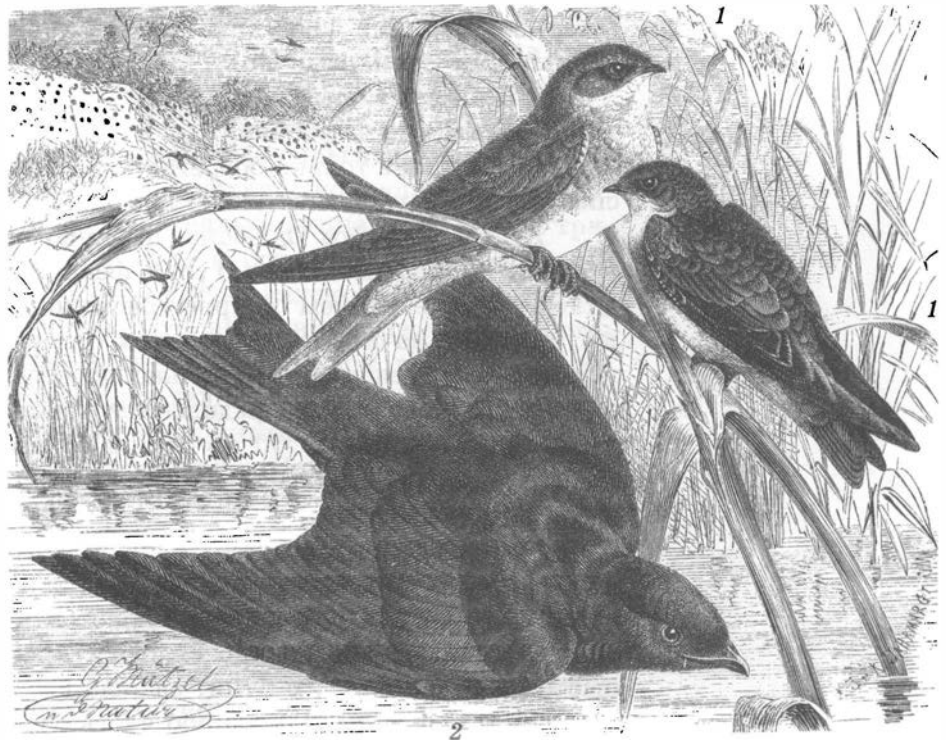
Береговушка (*Riparia riparia*). Она была известна уже древним, которые очень странным образом объясняли себе ее деятельность. «На устьях Нила, близ Геркалии в Египте, — говорит Плиний, — ласточки строят гнездо около гнезда и таким образом возводят против наводнений реки непреодолимый вал длиной почти в целую стадию, который едва мог бы быть воздвигнут человеческой рукой. В этом самом Египте лежит около города Коптоса один из островов, посвященных Изиде, который с большим трудом ежегодно укрепляется ласточками для того, чтобы Нил не мог подмыть его. С началом весны они укрепляют переднюю сторону острова мякиной и соломой и продолжают свою работу в течение трех дней и ночей непрерывно, и так усердно, что многие из них умирают от изнеможения. Каждый год эта работа снова ими возобновляется». Легко заключить, что поводом создания этой легенды послужили гнезда береговушки.

Эта ласточка принадлежит к самым малым видам своего семейства. Ее длина не более 13 см, размах крыльев 29, длина

крыла 10, длина хвоста 5 см. Оперение сверху землисто-бурого цвета; снизу — белого с буро-пепельной поперечной полоской в области груди. Самец и самка похожи друг на друга. Птенцы окрашены немного темнее.

Ни один вид ласточковых не распространен так, как береговушка. Она гнездится во многих областях, за исключением Австралии, Полинезии и Южной Америки. Соответственно своему названию она селится преимущественно там, где находит крутые берега, часто довольствуется отвесным земляным обрывом. В местах своего обитания береговушка встречается довольно часто. Однако нигде я не видел такого огромного количества их, как по среднему и нижнему течению Оби, где они образуют колонии из нескольких тысяч пар гнездящихся птичек. В Германии тоже редко встретишь меньше 5—10 пар, живущих на одном обрыве, обычно — от 20 до 40, а в исключительных случаях сто и более. Здесь они с большим трудом и усилием выкапывают в твердой земле глубокие норы для гнезд, причем всегда на большой высоте, а всего охотнее под верхним краем обрыва, чтобы во время наводнения вода не залила их.

Береговушка очень приятная, живая, подвижная птичка, которая по своему нраву напоминает городскую ласточку. Она похожа на нее главным образом своим мягким, плавным полетом. Обычно береговушка держится в низких слоях воздуха, преимущественно близко к поверхности воды, порхая туда и сюда. Редко поднимается на значительную высоту. Когда ласточка летит, то так покачивается из стороны в сторону, что полет ее можно сравнить с полетом бабочки, однако ласточка летает ловко и способна к быстрым поворотам. Голос у нее нежнее, чем у городской ласточки, и напоминает слабое «шерр» или «церр». Пение же состоит из повторения этих звуков, связанных между собой другими. Береговушка неохотно отдалается от своей колонии, охотится в

1 — Береговушка
(*Riparia riparia*)
2 — Пурпуровая
лесная ласточка
(*Progne subis*)

непосредственной близости от нее и весьма оживляет собой пустынные речки, где нет других птичек. Ее гнезда привлекают взгляд каждого путника, посетившего эти края. С утра до вечера летают сверху вниз почти непрерывно сотни и даже тысячи этих маленьких живых птичек, исчезают в норах, опять показываются, и так продолжается почти весь день. Они почти не боятся человека. С другими же птицами или животными ведут себя мирно, но боязливо.

Пурпуровая лесная ласточка (*Progne subis*). Живет в Европе. Ее длина 19 см, размах крыльев 40, длина крыла 14, длина хвоста 7 см. Оперение равномерно густого сине-черного цвета с ярким пурпуровым отливом. Маховые перья и перья хвоста черновато-бурые. Глаза темно-карие, клюв черно-бурый, ноги пурпурово-черные. У самки голова буровато-серая, с черными пятнами, остальная верхняя часть тела, как у самца, но несколько серее, с черными продольными полосками.

Об образе жизни пурпуровой ласточки американские исследователи писали подробно, так как и там эта птичка всеобщая любимица. Ее не только оберегают, но и устраивают разные приспособления, чтобы заставить поселиться поблизости от жилищ.

По сообщениям Одюбона, пурпуровая ласточка появляется в Новом Орлеане между 1 и 9 февраля, иногда несколькими днями раньше, но чем севернее расположена местность, тем позже, только к началу мая. В штатах Северной Америки она обыкновенно остается приблизительно до середины августа, а затем опять летит на юг. В определенное время пурпуровые ласточки собираются в стаи от 50 до 100 и более птиц на колокольне церкви или на ветвях большого засохшего дерева, и оттуда все вместе пускаются в путь.

В общем, по полету пурпуровая ласточка больше похожа на городскую, чем на какую-либо другую ласточку. По крайней мере, ее полет не может сравниться с полетом американской деревенской ласточки. Он довольно быстр и красив и превосходит по скорости полет других птиц, за исключением своих сородичей. Хотя она и совершает большую часть своих дел на лету: охотится, пьет и купается, но тем не менее часто спускается на землю. Несмотря на свои короткие ножки, двигается довольно ловко и может ловить на земле насекомых. Ласточка выказывает некоторую ловкость даже в ветвях деревьев, на которые она часто садится. С хищниками ведет себя так же, как и деревенская ласточка, однако выказывает больше дерзости: преследует кошек, собак, соколов, ворон и коршунов, бросается злобно на пролетающих хищников и преследует их, пока не выгонит из окрестностей гнезда. Пение ее не особенно благозвучное, но приятное. Щebetание самца, которое он издает в честь своей самки, занимает и радуется еще потому, что оно слышится в начале утра и в некоторой степени является приветствием дня.

В большинстве штатов средней Америки пурпуровая ласточка строит свои гнезда в дуплистых деревьях далеко от людей, но часто для нее устраивают особые жилища вроде наших скворечниц или вешают на деревья пустые тыквы с отверстием для входа. Она охотно селится в таких помещениях. Пурпуровая ласточка, как и стрижи, не терпит близости от своего жилища других птиц, которые гнездятся в таких же условиях, и поэтому выгоняет их.

*Семейство
трясогузковые*

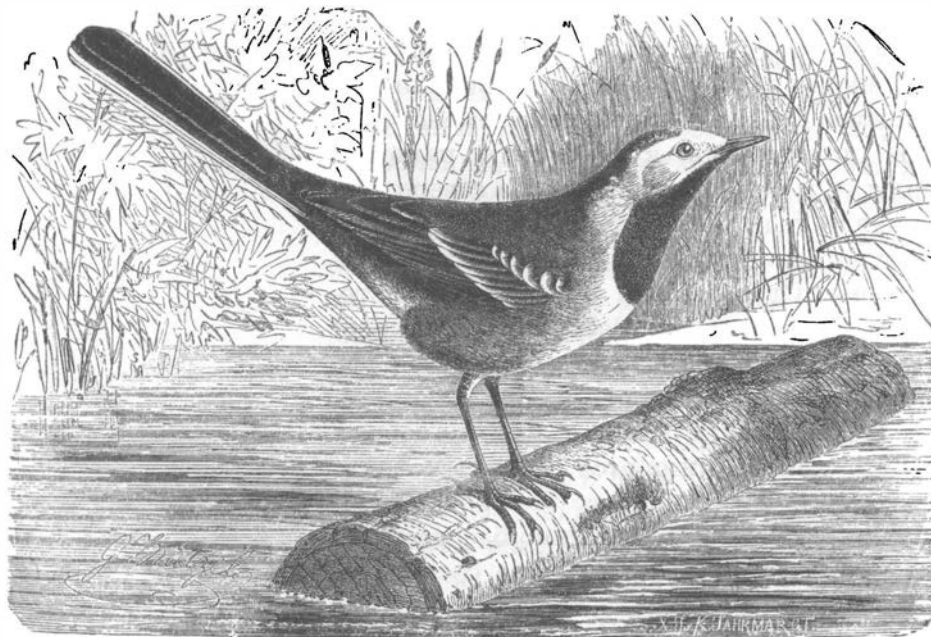

**СЕМЕЙСТВО
ТРАСОГУЗКОВЫЕ (Motacillidae)**

Трясогузки обитают исключительно в Старом Свете. Их можно встретить во всех поясах и широтах и на всякой высоте над уровнем моря. Селятся обычно в местностях, изобилующих водой. Некоторые виды удаляются от воды только во время перелета, другие же хотя и появляются в сухих местах в поисках пищи, но всегда возвращаются к воде. Северные виды этого семейства — перелетные птицы, южные принадлежат к кочующим, наконец, некоторые единичные виды — к оседлым птицам. На севере трясогузки появляются в начале года и остаются там до поздней осени, хотя иногда переселяются оттуда далеко на юг. Их движения грациозны и милостивы. Ступают они обыкновенно осторожно, кивая при каждом шаге головой. Свой длинный хвост трясогузки держат либо в горизонтальном положении, либо слегка приподнятым и постоянно то поднимают, то опускают его, оправдывая этим данное им прозвище. Полет у них дугобразный, т. е. они то опускаются, то поднимаются. Это происходит вследствие того, что трясогузки поочередно то быстро двигают крыльями, то складывают их. Голос их не особенно благозвучен, пение простенькое, хотя не без приятности. Пища состоит из всевозможных насекомых или их личинок, а также из низших водяных животных. Гнездо представляет собой плохую постройку из прутьев, корешков, травянистых стебельков, соломинок, мха, сухих листьев и пр. Внутри оно выложено шерстинками и другим подобным мелким материалом. Свивается в норах или углублениях, но всегда поблизости от воды. Яичная скорлупа нежна и покрыта мелкими пятнами по светлому или сероватому фону.

Большинство трясогузок благодаря своей милостивости и доверчивости способны расположить к себе самые черствые сердца. Поэтому среди людей они вряд ли имеют врагов, но зато их преследует множество хищных животных. Кроме того, они подвержены различным опасностям, что обусловлено их местопребыванием. Тем не менее численность трясогузок постоянно увеличивается, так что потери, претерпеваемые ими в своем составе, не столь ощутимы.

Представителем всего семейства является в известном смысле белая трясогузка (*Motacilla alba*). В длину она достигает 20 см, размах крыльев 28, длина крыла равна 8,5, хвоста 9,8 см. Трясогузка населяет всю Европу, включая Исландию, а также Гренландию, западную и среднюю Азию. Зимой она проникает даже внутрь Африки, хотя отдельные экземпляры зимуют в южной Европе. В Германии белые трясогузки появляются в начале марта, а при благоприятной погоде зачастую уже в конце февраля. Покидают они нас лишь в октябре, а иногда и позднее. Трясогузки избегают высокоствольных лесов и гор за лесной границей. В общем же селятся буквально повсюду. Они хорошо уживаются с человеком, охотно гнездятся вблизи его жилищ, приспосабливаются ко всяким обстоятельствам и потому очень обыкновенны даже в больших городах. Подвижные, беспокойные и в высшей

Белая трясогузка
(*Motacilla alba*)

степени бодрые, трясогузки находятся в движении с самого утра и до позднего вечера. Только во время пения они действительно сидят неподвижно на одном и том же месте, выпрямившись и опустив хвостик. Вообще же они постоянно бегают взад и вперед. Если же и сидят на месте, то все равно двигают хвостиком. Ходят они довольно скоро и ловко, причем туловище и хвост вытягивают горизонтально, а шею несколько втягивают. Летают легко и быстро, то поднимаясь, то опускаясь, длинными дугообразными линиями, причем большей частью низко над водой или землей на небольшие расстояния. Однако могут сразу пролететь большое расстояние. Желая сесть, внезапно опускаются вниз и лишь над самой землей расширяют хвост, чтобы несколько ослабить силу падения. Их призывный голос заключается в нежном «цивии», иногда в более протяжном «цизис» или «циувис»; свою нежность они выражают тихим звуком, похожим на «квирири». Пение, исполняемое ими во время покоя, бега или полета, хотя и довольно просто, но не лишено приятности. По отношению к другим птицам они выказывают мало расположения, скорее относятся к ним неприязненно. Часто ссорятся с подорожниками, зябликами и жаворонками и нападают даже на

хищных птиц. «Когда трясогузки замечают хищника, — говорит мой отец, — они долго преследуют его со страшным криком, чем предупреждают всех остальных птиц об угрожающей опасности и нередко заставляют, таким образом, какого-нибудь ястреба отказаться от своей охоты. В таких случаях я нередко удивлялся их храбрости и ловкости. Думаю, что разве только самые быстрые соколы могут с ними что-либо поделать. Обратив в бегство какого-либо хищника, трясогузки испускают громкие радостные крики, после которых снова рассеиваются во все стороны. Они враждебно относятся также к филину, выются вокруг него с громкими криками, но вскоре разлетаются, так как филин сидит упорно на месте».

Белая трясогузка находит себе на берегах, в тине, на камнях, в навозных ямах, на крышах домов и в прочих местах всевозможных насекомых, их личинок и куколок. Во время пахоты трясогузка следует по пятам за пахарем и подбирает вырытых насекомых. Если она бегаёт около ручья или вообще где-либо на земле, то постоянно озирается по сторонам. Когда пролетает какое-нибудь насекомое, птица тотчас же поднимается на воздух, преследует его и почти всегда схватывает.

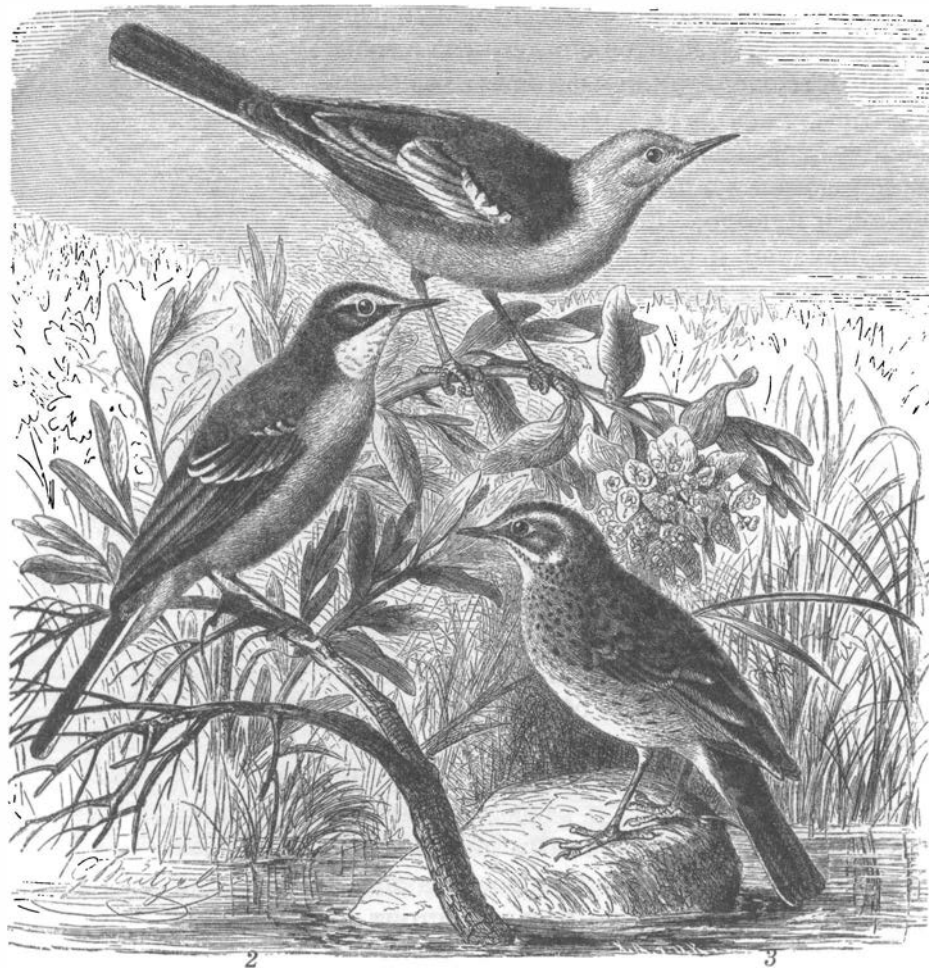
Вскоре после прилета весной каждая парочка избирает себе отдельное владение, причем дело никогда не обходится без ссор и драк с прочими представителями своего вида, потому что каждый холостой самец старается отбить у другого его самку. Оба соперника со страшным криком носятся друг за другом, опускаются иногда на землю и, приняв воинственные позы, злобно бросаются друг на друга, точно петухи. Один из бойцов уступает, и победитель, завоевавший самку, начинает выражать свою радость. С необыкновенной грацией и миловидностью обходит он самку, распускает поочередно то хвост, то крылья и своеобразно трепещет ими. За этой любовной сценой обычно следует спаривание. Гнездо свивается во всевозможных местах: в расселинах скал, ственных щелях, в углублениях почвы, под корнями деревьев, на стропилах, чердаках, в поленницах дров, в кучах хвороста, дуплах, на верхушках ив и даже в лодках. Основание гнезда состоит из толстых корешков, хворостинок, травянистых стебельков, сухих листьев, мха, кусочков дерева, соломы и пр. Верхняя часть гнезда строится из нежных стебельков, длинных листьев и тонких корешков. Подстилкой же служат комочки шерсти, конский волос, различные растительные волокна, сосновые лишай и прочий подобный мягкий материал. Кладка состоит из 5—8 яиц. Яйца достигают 19 мм в длину и 15 мм в толщину, серого или синевато-белого цвета, покрыты частыми, но мелкими темными или светлыми пепельно-серыми пятнами и черточками, которые бывают ясно обозначены или не очень. Самка насиживает одна, но в воспитании птенцов принимают участие оба родителя. Птенцы развиваются быстро.

Осенью белые трясогузки каждый вечер улетают на поросшие камышами пруды и здесь среди ласточек и скворцов выискивают себе местечки для ночлега. Впоследствии все семейства, населяющие эту местность, соединяются в более или менее многочисленные стаи, численность которых иногда достигает тысячи штук. Затем эти огромные полчища все вместе приступают к переселению: днем они перебираются с одного выгона или недавно вспаханного поля на другое, постоянно придерживаясь при

этом выбранного направления, когда же наступает ночь, стаи поднимаются и с громкими криками уносятся в юго-западном направлении.

Желтая трясогузка (*Motacilla flava*), другое название — плиска. Средняя длина ее 17 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Верхняя часть головы, уздечка, ушная область, затылок и задняя часть шеи, за исключением узкой белой полосы, которая тянется над глазами и доходит до висков, пепельного цвета; остальные верхние части оливково-зеленого цвета.

На севере жел-

1 — Желтоголовая
трясогузка

(*Motacilla citreola*)

2 — Желтая трясо-
гузка

(*Motacilla flava*)

3 — Луговой конек

(*Anthus pratensis*)

тые трясогузки — перелетные птицы, которые прилетают гораздо позднее настоящих трясогузок, самое раннее в начале, большей же частью в конце апреля и даже в первых числах мая, а в августе, самое позднее в сентябре, предпринимают свои зимние путешествия. Помимо тундр, где живут сотни тысяч этих любителей болот, местами вывода птенцов являются сырые местности или временно затопленные низменности. «Там, где желтые трясогузки высиживают яйца, — говорит Науман, — летом не найдешь ни одного посева рапса, ни одного сколько-нибудь значительного пространства, засеянного горохом, бобами или викой, ни одного

клеверного поля, ни одного жирного луга и ни одного безлесного, густо поросшего травой заболоченного пространства. В некоторых топях этих птиц живет невероятное множество. В низменных местах, где, кроме роскошных хлебов и сочных полевых злаков, трясогузки находят еще и воду, на болотах и лугах, где пасется скот, они имеют все, что только могут пожелать, и потому встречаются там довольно часто».

Движениями своими желтые трясогузки походят на белую трясогузку. Они отлично бегают, но особенно ловко летают. Когда эти птицы перелетают небольшие пространства, то кажется, что они не летят, а скачут, тогда, как во время больших перелетов птицы несутся с необыкновенной быстротой. Я нередко наблюдал, как они, порхая или трепеща крыльями, довольно долгое время держатся в воздухе над одним и тем же местом, а затем, сложив крылья, почти в вертикальном направлении падают на землю с довольно значительной высоты. Пение их похоже на пение белой трясогузки, но только еще однообразнее.

На местах насиживания желтые трясогузки затевают ссоры почти со всеми маленькими птицами, которых заметят. «Как только, — говорит Науман, — какой-нибудь чужой приблизится к их владениям, они тотчас же начинают обнаруживать враждебное отношение к нему. В тех лесах, где много валежника, поведение их часто обращало мое внимание. Например, они с такой энергией преследовали камышевку, а более всего кизилровку, что много раз мешали мне охотиться за ними. Как только птица вылетала из осоки, на нее тотчас же бешено нападали несколько трясогузок, клевали ее и не давали ей садиться поблизости. Впоследствии они привыкли друг к другу и мирно гнездились в близком соседстве».

Гнездо желтой трясогузки расположено на земле, между травой, хлебными или болотными растениями, большей частью в небольшом углублении, а иногда также под корнями. Тонкие корни, стебельки, листья и зеленый мох образуют рыхлую естественную ткань; соломинки, клочки пуха чертополоха, шерсти, несколько перьев и конский волос составляют внутреннюю выстилку гнезда. Кладку составляют 4—6 яиц с тонкой скорлупой. Яйца эти длиной в среднем 18 мм и толщиной 13 мм бывают грязно-белого, желтоватого, красноватого или сероватого цвета, покрыты серыми или серовато-коричневыми, а также ржавыми и фиолетовыми крапинками, штрихами и расплывшимися пятнами. Самка одна высиживает яйца в течение 13 дней. Родители очень боятся за своих птенцов, однако своим боязливым криком и необыкновенной смелостью сами указывают человеку гнездо. Птенцы сначала ловко прячутся в траве, но скоро начинают летать так же хорошо, как и взрослые птицы. До отлета все птицы бродят там и сям. Затем в один прекрасный осенний день взрослые и молодые предпринимают зимнее путешествие.

*Семейство
трясогузковые*

** По современным представлениям, коньки наиболее близки к завирушкам (Prunellidae) и ткачиковым (Ploceidae).*

С этого времени желтую трясогузку можно видеть и слышать повсюду, даже в горах. Перелет, по-видимому, совершается очень быстро. Многие из птиц зимуют в Египте, но большинство улетает в самый центр Африки. Здесь в зимние месяцы можно видеть этих прелестных птичек, снующих около рогатого скота, овец, коз, верблюдов, лошадей, лошаков, ослов, а пастбища ими просто кишат. Вместе с пасущимся скотом желтые трясогузки отправляются в степь и возвращаются обратно на водопой. Там, где птички не могут бежать рядом со своими четвероногими друзьями, они летят. Один из самцов подчас быстро взлетает на первый ближайший куст и поет свою незатейливую песенку, после чего он торопливо догоняет стаю, которая, подобно рою пчел, окружает стадо.

Коньков, или щевриц, следует рассматривать как переходную форму от славковых птиц к жаворонковым. Прежде они причислялись к жаворонковым*. Признаками их служат: стройное тело, прямой, узкий у корня шилообразный клюв с загнутыми краями и неглубоким надрезом перед кончиком верхней челюсти клюва, который образует незначительный крючок. Ноги у них высокие со слабыми пальцами, но снабжены большими когтями, из которых один, задний, удлиннен в виде шпоры, как у жаворонков; крылья средней длины. Хвост средней длины, оперение прилегает к телу и имеет землистый или травяной цвет. У самок и самцов окраска одинаковая и не зависит от возраста, хотя немного меняется, смотря по времени года.

Коньки распространены по всему земному шару. Большую часть жизни они проводят на земле и только по временам садятся на деревья. Это — подвижные, веселые, проворные птицы, бегают быстрыми шагами, причем слегка потряхивают хвостом. Когда им приходится пролетать значительные пространства, они летят быстро и легко и во время полета описывают дуги. Если же коньки поднимаются кверху, чтобы петь, то порхают и парят в воздухе. Призывный голос их писклив, пение простое, но приятное. Питаются они насекомыми, главным образом жуками, мошками, мухами, комарами, улитками, древесными вшами, а также пауками, червями и маленькими водяными животными и даже мелкими семенами. Птицы обычно собирают насекомых на земле и только иногда, в виде исключения, гоняются на лету за пролетающей мимо добычей. Гнезда строят на земле, главным образом из сухих травинки и травянистых корней, слабо соединенных другими растительными веществами, а внутренность гнезда выкладывают шерстью и волосами. У яиц на темном фоне выступает нежный, неясный рисунок, состоящий из точек, пятен и штрихов. Насиживает яйца, по-видимому, одна самка, но оба родителя чрезвычайно любят своих птенцов. Большинство вьют гнезда несколько раз в год.

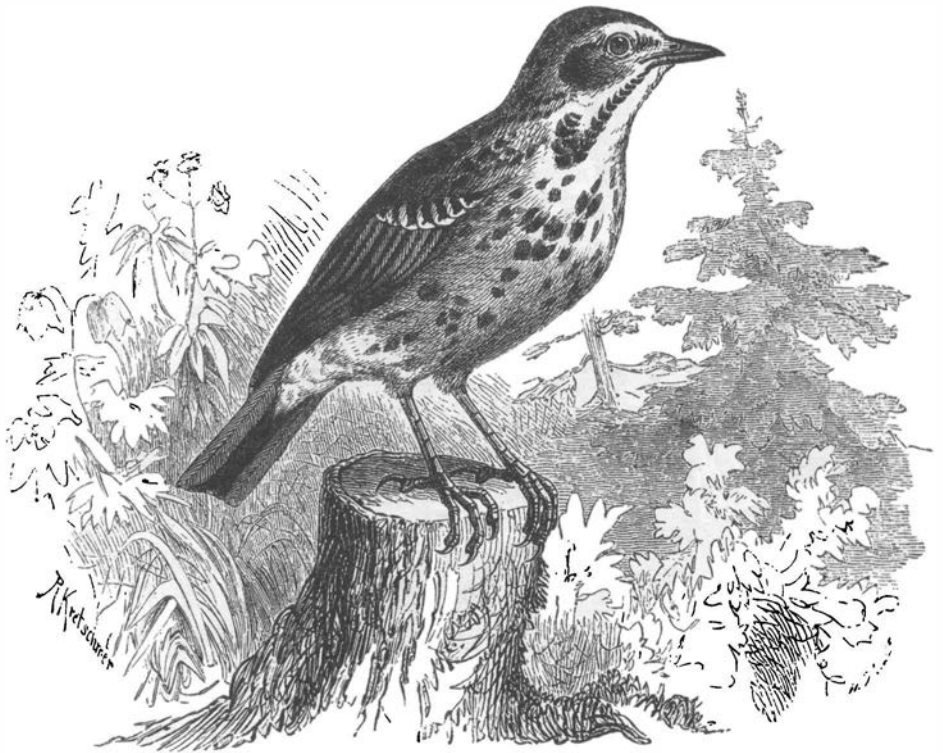
Лесной конек (*Anthus trivialis*). Длина достигает 17 см, размах крыльев 29, длина крыла 8,5, а хвоста 6,5 см.

Лесистые местности Европы и Сибири служат лесному коньку летним убежищем, а степные леса Африки и склоны Гималайских гор — зимним. Пространства, бедные лесом, он посещает только во время своего перелета. Лесные полянки, свежие порубки и просеки служат ему местом гнездования. Гнездится он также и в тех местах, которые ежегодно затопляются. Во время опасности лесной конек садится на дерево и даже бегаёт по ветвям, чего луговой не делает никогда. Будучи менее общительным, чем луговой конек, он живёт большей частью уединенно и только осенью собирается семействами. Обычно он выказывает мало привязанности к обществу, а весной становится прямо-таки необщительным. Призывный голос

его трудно передать словами, он приблизительно напоминает звук «зрит». Нежность конек выражает тихим «зиб-зиб-зиб». Пение его лучше пения всех других коньков, оно сильное и приятное, имеет сходство с пением канарейки, но отличается полнотой и чистотой звука и разнообразием мелодии. Оно состоит из трелеобразных, громко свистящих, быстро следующих друг за другом колен, которые образуют единое целое и оканчиваются обыкновенно

нежно замирающим «циа-циа-циа». Самец поёт очень прилежно, для чего садится на сучок или верхушку какого-нибудь дерева, затем, порхая, поднимается на воздух и прежде, чем кончить свою песню, тихо опускается на прежнее место или на верхушку соседнего дерева и здесь издает последние звуки. Гнездо, которое всегда хорошо спрятано на земле, в небольшом углублении под кустом или глубоко в траве и вереске, построено плохо и только внутри выстлано с некоторой тщательностью. Кладка состоит из 4—5 яиц длиной в 20 мм, толщиной 15 мм, покрытых по красноватому, сероватому или синевато-белому фону более темными точками, штрихами, черточками, жилками и мраморными пятнами. Самка с боль-

**Семейство
трясогузковые**

*Лесной конек
(*Anthus trivialis*)*

шим усердием сидит на яйцах. Родители нежно любят своих детенышей, которые покидают гнездо еще до того, как научатся летать.

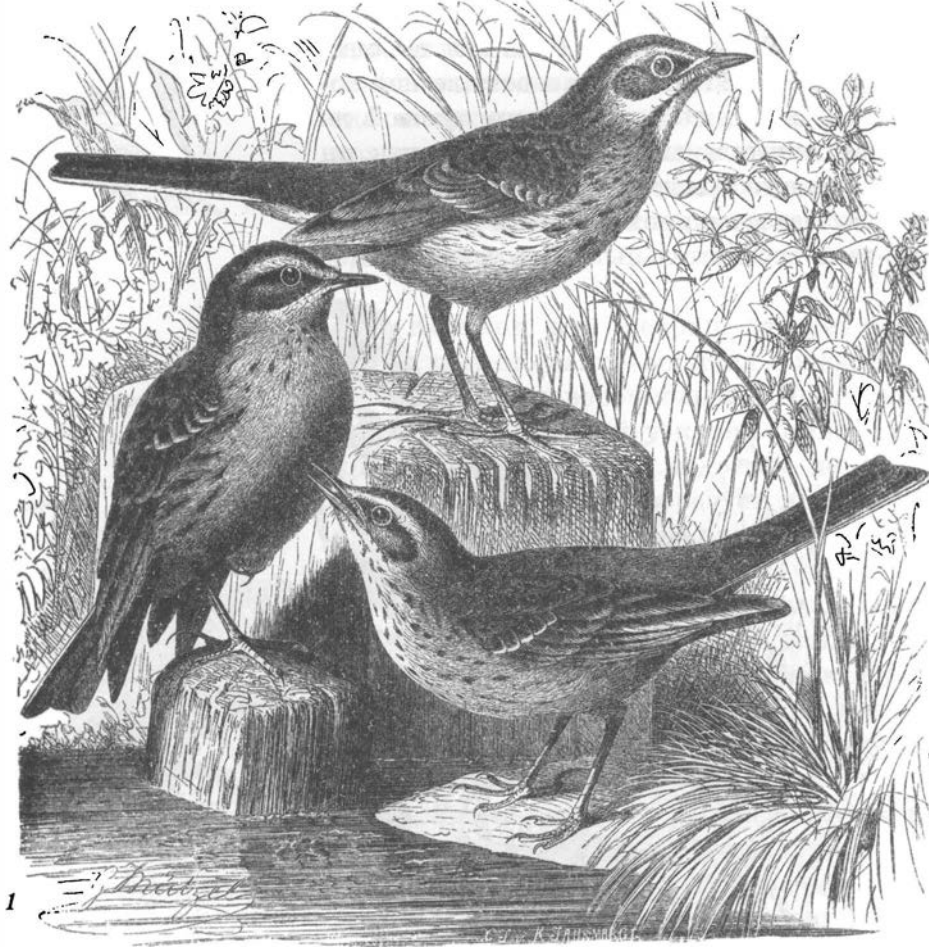
Содержать лесных коньков в неволе достаточно легко, они быстро становятся ручными и доставляют хозяину истинное наслаждение, как милостью своих движений, так и прекрас-

ным пением. А поют они, если взять их из гнезда молодыми, так же хорошо, как и на воле.

Горный конек (*Anthus spinoletta*). Длина достигает 18 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, а хвоста 7 см.

Область распространения горного конька — средняя и южная Европа, западная и восточная Азия до Китая. Зимой он перелетает в Малую Азию, Палестину и северную Африку.

«Горный конек, — пишет Глогер, — живет высоко, на вершинах гор, где уже прекращаются древесные леса и растут почти лишь

- 1 — Стенной конек
(*Anthus novaeseelandiae*)
2 — Горный конек
(*Anthus spinoletta*)
3 — Полевой конек
(*Anthus campestris*)

одни приземистые сосны, а часто еще выше. Здесь он встречается, безусловно, повсюду, где произрастают низкие деревья. Горный конек селится и далее, приближаясь к снеговой линии до тех пор, пока эти деревья не исчезнут совершенно. В Швейцарии он даже поднимается далеко за эти пределы на скалы, совершенно лишенные растительности. Его привлекают богатые водой Альпы, где из-под глетчеров и из тающих снежных масс вытекают холодные ручьи. Впрочем, он живет здесь как на сухих, голых горных вершинах, так и в перерезываемых бесчисленными ручьями лесах, где растут приземистые сосны. Его можно встретить равным образом как на высочайших, покрытых кое-где землей скалах и каменных, высотой с башню, стенах, так и там, где почти нет камня, но где растут карликовые сосны; как на самых крутых склонах долин и в глубочайших пропастях, так и на совершенно

плоских местах горных лугов, но охотнее всего он, конечно, селится там, где находит все эти условия вместе». Здесь он собирает на земле свою пищу, состоящую из различных насекомых, червей и мелких водорослей.

До наступления сурового времени года его можно видеть отдельными парами, которые всегда необыкновенно пугливы. Зато, когда эти птицы с птенцами, то, по-видимому, из любви к ним оставляют свою обычную робость: озабоченно летают и прыгают вокруг своего врага сколько есть сил, кричат «спиб-спиб», а в сильном испуге — «гелик-глик», при этом высоко поднимают и опускают хвост и сердито ерошат перья. В обычное время горные коньки кричат «цгипи-цгипи». Песня их, которая слышится до конца июля, очень приятна, хотя уступает песне лесных коньков. Она раздается в постепенно ускоряющемся и под конец в весьма скором темпе. Коньки начинают пение, быстро поднимаясь на воздух, некоторое время продолжают петь, спокойно паря в воздухе, а затем быстро вкось опускаются на землю с неподвижно распростертыми крыльями и кончают песню, лишь усевшись на верхушке куста, на обломке камня, на скале или на земле. Горный конек очень редко поет сидя, это бывает только тогда, когда пасмурные облака покрывают весь горизонт густым туманом.

Гнездо свое он свивает в более открытых местах, чем остальные коньки. Оно находится в широких расщелинах скал, между камнями под высоким кустом, под большими старыми корнями и сучьями приземистых сосен или под старым тернистым кустарником, так что над гнездом образуется естественный покров против снега и дождя. Кладка состоит из 4—7 яиц длиной в 23 мм, толщиной в 16 мм. Они покрыты по голубоватому или грязно-белому фону темно-коричневыми, серо-бурыми, черно-бурыми и серыми, большей частью сплошными узорами, как и у всех коньков. Отчасти они также похожи на яйца некоторых домашних воробьев». На Альпах, по словам Чуди, горные коньки, выводящие птенцов, часто страдают от суровой весны. «Нередко случается, а иногда и несколько лет подряд, что поздно выпавший снег покрывает гнездышко с яйцами, прогоняет сидящую на яйцах самку, даже убивает и засыпает ее или принуждает ее свить себе впоследствии новое гнездо. Птенцы, неспособные летать, часто умирают от снега и мороза».

Полевой конек (*Anthus campestris*). В длину достигает 18 см, размах крыльев 28, длина крыла 8,3, а хвоста 6,6 см.

Область распространения полевого конька, за исключением самых северных тундр и Великобритании, занимает всю Европу, среднюю и южную Азию и северную Африку, включая сюда и Канарские острова*. Сухие, каменистые и пустынные местности он предпочитает всем другим, вследствие чего на юге Европы встречается в гораздо большем количестве, чем на севере.

Семейство трясогузковые

* Не так давно установлено, что коньки, гнездящиеся на Канарских островах, сильно отличаются от полевых коньков, и поэтому они выделены в самостоятельный вид — конек Бертелота (*Anthus Berthelotii*).

* Это не так. Несмотря на то, что степные коньки регулярно появляются в Европе осенью, их гнездование там ни разу установлено не было.

** Описание личинкоеда, приведенное Бремом, не позволяет точно идентифицировать вид. На указанной Бремом территории обитают 3 вида личинкоедов, в целом практически неотличимых по окраске. Отличия заключаются в характере расположения красного (или желтого у самок) цвета на внешней части крыла. Это мог быть короткоклювый длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus brevirostris*), либо черно-красный длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus ethologus*), либо огненнобрюхий длиннохвостый личинкоед (*Pericrocotus flammeus*).

Своими движениями полевой конек очень напоминает как жаворонков, так и трясогузок. Во время бега он держится почти в горизонтальном положении. Бегаёт, часто потряхивая хвостиком. Время от времени он появляется на возвышенном месте, отдыхает там в течение нескольких секунд, затем, слегка выпрямившись, осматривается по сторонам и снова продолжает бег. Летит он по круто изогнутой змеевидной линии, попеременно быстро делая взмахи крыльями. Перед тем, как опуститься на землю, конек обыкновенно некоторое время парит, но случается также, что, сложив крылья, почти вертикально падает с высоты на землю.

У нас эти коньки очень пугливы, на юге же в некоторых местностях, напротив, менее робки, хотя, однако, при всяких обстоятельствах осторожны. В отношении голосовых средств они уступают прочим конькам. Пища их состоит из всевозможных мелких животных и, вероятно также, из мелких семян.

Степной конек (*Anthus novaeseelandiae*). Это самый крупный из всех встречающихся в Европе коньков. От полевого конька легко отличается чрезвычайно длинным, почти прямым когтем на заднем пальце ноги. Длина его тела достигает 20 см, размах крыльев 31, длина крыла 10, а хвоста 8 см.

Родина степных коньков — степные местности восточной Азии, включая северную часть Китая. Отсюда эти птицы каждую зиму переправляются на юг и поселяются в южном Китае и во всей Индии, главным же образом в нижней Бенгалии, где в чрезвычайно большом количестве встречаются во время наших холодных месяцев. Многих из них там ловят и продают на рынке в Калькутте под именем «ортолан». Эти птицы улетают также в западном направлении и, может быть, ежегодно посещают все острова Северного моря, также Данию, южную Швецию, Великобританию, Голландию, западную Францию, Испанию, Португалию и северо-восточную Африку. Говорят даже, будто они поселились в Голландии и стали здесь гнездиться в дюнах*.

По образу жизни степные коньки, по-видимому, мало отличаются от своих сородичей.

СЕМЕЙСТВО ЛИЧИНКОЕДОВЫЕ (Campephagidae)

Представителем этого семейства можно назвать **черно-красного длиннохвостого личинкоеда** (*Pericrocotus sp.*)**.

Длина самца 23 см, размах крыльев 32, длина крыла 11 и хвоста 11 см. У самца верхняя часть тела, маховые перья и оба средних хвостовых пера блестящего сине-черного цвета. Спина, широкая полоса на крыльях, образованная пятнами на наружной стороне опахал маховых перьев и нескольких покровных перьев, боковые перья хвоста и вся нижняя часть тела, начиная с груди,

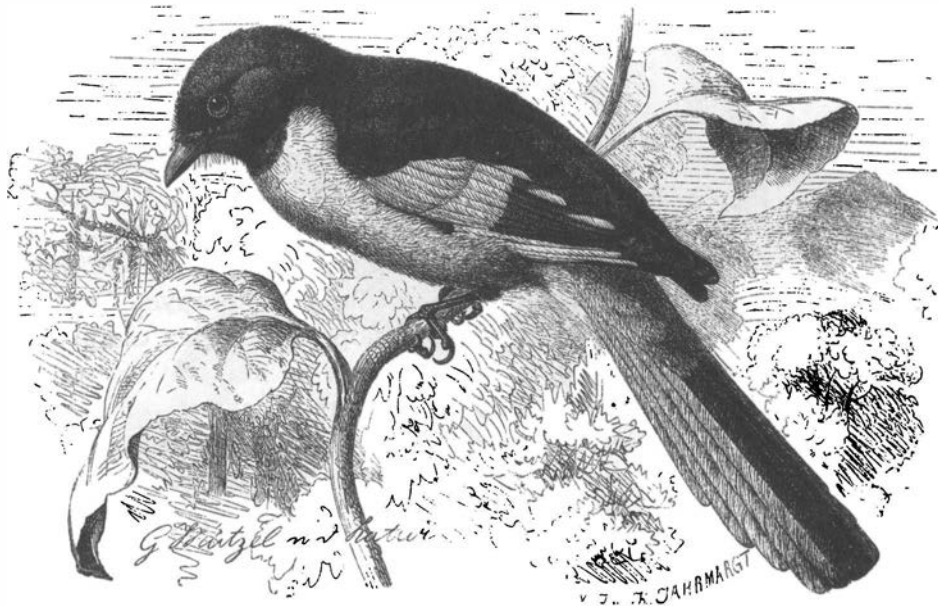
блестящего пурпурово-красного цвета. У самки все цвета более сероватые, передняя часть головы, спина и верхние покровные перья хвоста зеленовато-желтые, маховые перья черные с желтыми пятнами, средние перья хвоста имеют темно-желтый конец, остальные перья ярко-желтые, с более темным поперечным узором. Глаза карие, клюв и ноги черные.

Отечество этой великолепной птицы является большая часть северной Индии от Гималаев до Ассама, северо-западные и средние провинции: Бенгалия, Ассам, а также северная Бирма и южный Китай. Главное местопребывание ее, по Уайтсу, леса, расположенные на высоте приблизительно 2000 м над уровнем моря. Подобно другим видам этого семейства, личинкеед соединяется в небольшие стаи, которые проводят целый день в ветвях, собирают насекомых с листьев и цветов или ловят их, как синицы, на нижних ветках. По временам, хотя и редко, они взбираются наверх или же спускаются на землю. Крик у них резкий, но приятный. Жердон, у

которого я заимствую вышесказанное, сообщает, что эти птицы преимущественно обитают в не очень густых верхушках деревьев, большей частью группами по 5—6 штук, причем самцы и самки часто держатся раздельно. Они живо прыгают и ловят насекомых или преследуют их, подобно настоящим мухолов-

кам, на лету. Кормятся, по-видимому, бабочками. Одно гнездо, принесенное Жердону, было выстроено довольно старательно из корней, волокон и мха, в нем лежало три яйца, покрытых по белому фону небольшим количеством кирпично-красных пятнышек. По Ходжсону, время размножения у личинкеедов начинается в апреле; красивое, в форме бокала, гнездо выстроено из мха и тонких корешков и убрано лишайником и паутиной; оно помещается на каком-нибудь тонком сучке дерева. Яйца, найденные Хуттоном, были разрисованы по бело-серому фону желто-бурым и темным пурпурово-красным цветом.

Неволю эти птицы, по-видимому, не переносят. По крайней мере, Гамильтон уверяет, что в клетке они скоро начинают скушать и умирают.

Черно-красный
длиннохвостый
личинкеед
(*Pericrocotus ethologus*)

СЕМЕЙСТВО БЮЛЬ-БЮЛИ (*Pycnonotidae*)

Благодаря Крюперу мы узнали, что один вид этого семейства — **желтоспинный бюль-бюль** (*Pycnonotus xanthopygos*), часто встречающийся в Сирии, Палестине и Аравии, а также обитающий на Кипре и Родосе, довольно распространен и в Европе, а именно на Цикладских островах. Голова у него черная, вся спина землисто-бурого, а зоб темно-бурого цвета; окраска нижней части тела белая с неясными сероватыми пятнами; нижние покровные перья хвоста ярко-желтые; маховые и хвостовые перья коричневые, причем внешняя сторона маховых перьев по краям несколько светлее. Глаза карие, клюв и ноги черные. Длина тела достигает 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, хвоста 8 см.

Второй вид этого семейства — **бородатый бюль-бюль** (*Pycnonotus barbatus*), живущий на берегах Нила, меньше желтоспинного и отличается от него буроватой окраской нижних покровных перьев хвоста.

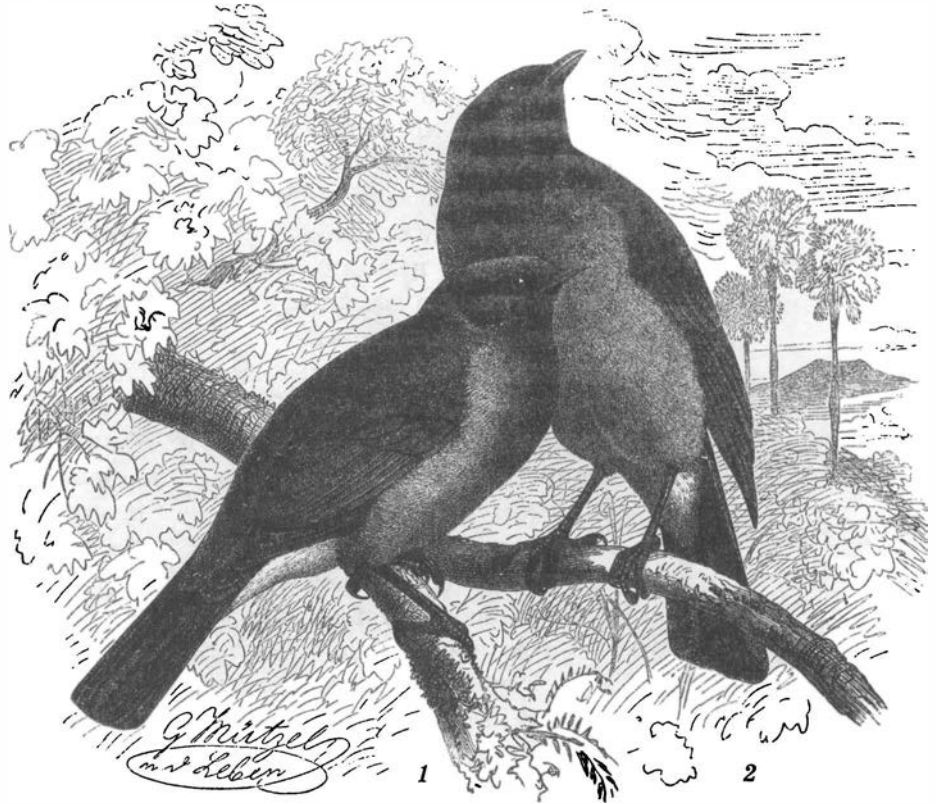
Во время моих путешествий по Африке и Аравии я видел оба вида на воле, но при этом тщательно наблюдал лишь одного бородатого бюль-бюля. Позднее у меня одновременно содержались в клетке оба вида, причем я убедился, что они во всех отношениях похожи друг на друга. Поэтому достаточно, если я при дальнейшем описании ограничусь вторым видом.

Бюль-бюль бородатый был открыт Эренбергом в Файюме, а затем нашел его там и я, но в этой относительно северной полосе его следует причислить к весьма редким явлениям. Эта птица чаще встречается начиная с 25 градусов северной широты. Уже в северной Нубии она обитает в каждой мимозовой роще. В восточном Судане бородатый бюль-бюль принадлежит к обыкновеннейшим птицам страны. Здесь его равно привлекают как густые девственные леса, так и сады, как степные мимозы, так и низкие кустарники высоких гор. Однако он любит, чтобы дерево или кустарник, которые он избрал для своего местопребывания, были покрыты густой листвой, и поэтому в окрестностях Нила предпочитает сикоморы всем остальным деревьям.

Человек, привыкший следить за голосами птиц, весьма скоро должен обратить внимание на этого бюль-бюля. Это прелестное, бодрое и живое существо поселяется в непосредственной близости от человека и без боязни порхает над хижинами туземцев или около них. Песня, приковывающая внимание более всех остальных, принадлежит ему. Бородатого бюль-бюля причисляют к лучшим певцам северной Африки. Из тех немногих тропических птиц, которые действительно могут соперни-

чать с нашими певцами, ни одна не может сравниться с ним. Поет он громко, благозвучно и довольно разнообразно. Его песня во многих отношениях напоминает собой пение наших дроздов, но имеет какой-то особый оттенок, который трудно передать словами. Бородатый бюль-бюль двигается среди ветвей с необыкновенным искусством и проворством, да и на земле он прыгает довольно ловко. Только полетом своим эта птица похвастаться не может, потому что летает припархивая и неуверенно. Когда цветут мимозы, бородатый бюль-бюль питается исключительно жучками, скрывающимися внутри маленьких желтых цветочков этих растений. Он вытаскивает жучков из самой глубины цветков, вследствие чего передняя часть его головы от пыльцы, покрывающей лепестки, становится серно-желтого цвета, что сообщает ему очень странный вид. Кроме жучков, бородатый бюль-бюль собирает также гусениц и гоняется за пролетающими бабочками. Во время созревания плодов он ест ягоды и другие плоды и потому может причинять весьма серьезный вред садам.

В Индии бюль-бюлей часто приручают. Правда, это делают не ради их пения, но ради их склонности к дракам. На Цейлоне бои бюль-бюлей служат обыкновенным развлечением туземцев. Молодых самцов, как только их можно отличить от самок, вынимают из гнезда, привязывают к веревочке и научают во всякое время возвращаться на руку хозяина. Когда они выдрессированы, бойцов сводят. Во время боя птиц также держат на привязи, чтобы их можно было в случае чего разнять: воинственные птицы дерутся с таким мужеством и увлечением, что одна из них умертвила бы другую, если бы они были предоставлены самим себе.

1 — Желтоспинный
бюль-бюль
(*Pycnonotus
xanthopygos*)
2 — Бородатый
бюль-бюль
(*Pycnonotus barbatus*)

Сорокопутовые составляют семейство, в котором насчитывают почти триста видов, распространенных по всей земле. Оно характеризуется сильным, с боков сжатым, ясно зубчатым, крючкообразно загнутым клювом, короткими, широкими, закругленными крыльями и довольно длинным ступенчатым, состоящим из 12 перьев, хвостом. Оперение обыкновенно густое, несколько рыхлое и мягкое; окраска его красивая и разнообразная, у некоторых же видов весьма однородная.

Местопребывание сорокопутов — маленькие леса, окруженные полями и лугами, живые изгороди и кусты на полях, сады и отдельно стоящие деревья, а самые высокие верхушки ветвей служат им для сидения и отдыха. Большинство северных видов — летние птицы, регулярно странствующие и долетающие в своих странствованиях до средней Африки. Образ жизни и привычки сорокопутов напоминают хищных птиц. Несмотря на свою незначительную величину, они принадлежат к самым смелым и кровожадным хищным птицам. Сорокопуты захватывают и ловят птиц более ловких, чем они сами. Способности их не особенно замечательны: полет плохой и неправильный, походка прыгающая, голос монотонный, об их пении, собственно, и говорить не стоит. Однако они значительно исправляют его, подслушивая, по-видимому, с большим старанием песни других птиц или, по крайней мере, отдельные строфы и тоны и все мало-помалу выученное соединяют и сливают странным, но довольно удачным образом. Некоторые виды, благодаря этой привычке, стали любимыми певчими птицами, радостью и гордостью некоторых птицеводов.

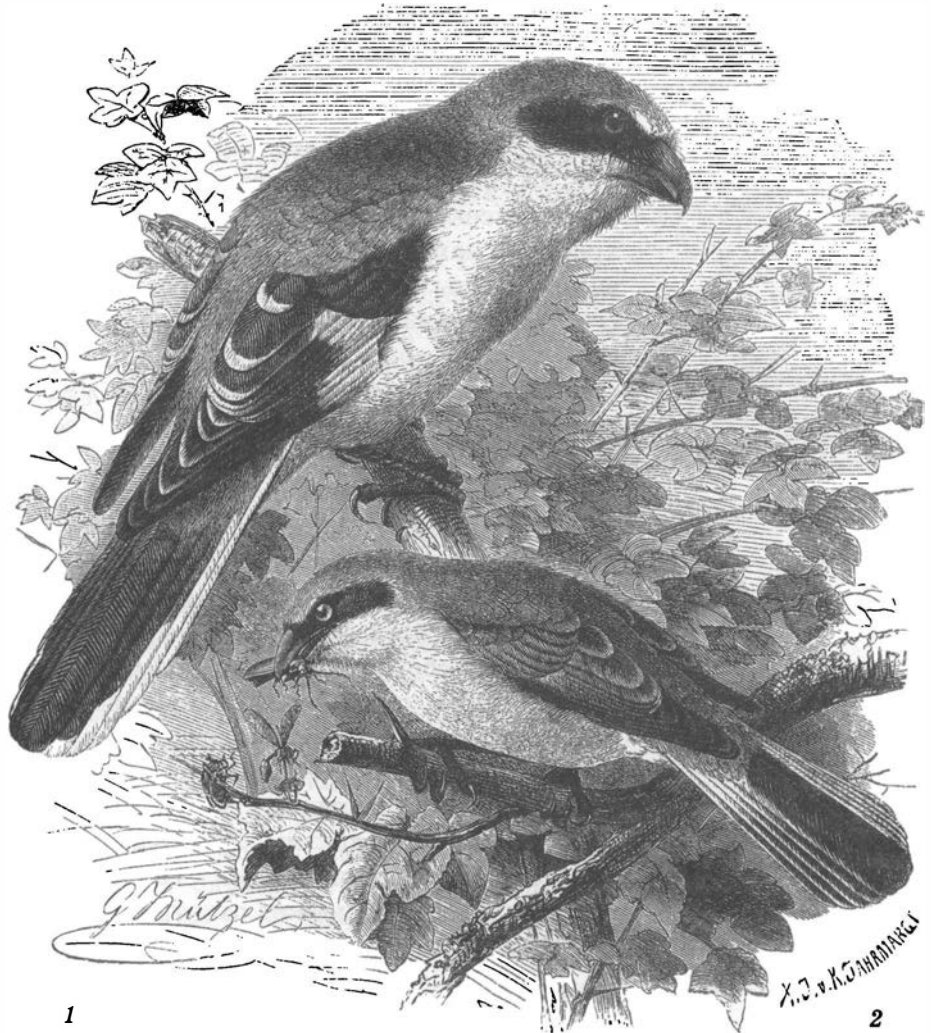
Сорокопуты преимущественно охотятся за насекомыми. Но большинство видов преследует также мелких птичек. Сорокопуты опасны тем, что большая часть пташек не обращает на них внимания и удостоивает незаслуженного доверия. Они сидят несколько минут спокойно среди других певчих птиц, даже поют вместе с ними, так что те делаются совершенно доверчивыми, потом вдруг поднимаются, хватают неожиданно одну из сидящих поблизости птичек и душат ее не хуже любого хищника. Сорокопуты имеют странную привычку накалывать пойманную добычу на острые шипы. Там, где живет парочка этих птиц, часто можно видеть сохранных таким образом насекомых, даже маленьких птичек или пресмыкающихся.

Гнездо, представляя собой довольно искусную постройку, помещается в самом густом кустарнике или, по крайней мере, в самых густых ветвях и большей частью украшено зелеными частями растений. Кладка состоит из 4—7 яиц, которые насиживает исключительно самка, между тем как самец принимает на себя прокормление своей подруги. Вылупившихся птенцов кормят оба

родителя. Они необыкновенно любят своих детенышей, при опасности чрезвычайно храбро защищают их и после вылета из гнезда еще долгое время водят, провожают, учат. Только поздней осенью, по всей вероятности уже на зимних квартирах, молодые выходят из-под родительской опеки.

Самый достойный представитель этого семейства **серый сорокопут** (*Lanius excubitor*). Его длина 26 см, размах крыльев 36, длина крыла 10, хвоста 12 см. Оперение на верхних частях тела, за исключением длинного белого пятна на плече, равномерно светло-пепельного цвета, а на нижних чисто белое. Широкая черная полоса с белыми краями проходит через глаза. На крыле большие маховые перья от корня до половины, а также малые маховые перья у самого корня и верхние малые маховые перья на конце и внутренней части опахала белые, но на остальном своем протяжении маховые, равно как и их покровные перья, — черные. В хвосте оба средних пера черные, однако на прочих перьях этот цвет постепенно исчезает и заменяется господствующим чисто белым цветом; пятое наружное перо, за исключением большого черного пятна на середине внутренней части опахала, и крайнее перо, за исключением черной полоски ствола, — совершенно белые. Глаза карие, клюв черный, ноги свинцово-серые. Самка отличается не столь чистыми цветами, а птенцы — слабым волнистым узором, который особенно ясен на груди.

Серый сорокопут живет, кроме, может быть, крайнего юга, во всех странах Европы и в большей части Азии как оседлая или

1 — Серый сорокопут
(*Lanius excubitor*)
2 — Жулан
(*Lanius collurio*)

** Это не совсем так.
В таежной зоне
нашей страны серый
сорокопут — харак-
терная птица верхо-
вых болот.*

кочевая птица, а в северной Африке и южной Азии — как пролетная. Чаще всего его можно увидеть от сентября до ноября и от февраля до апреля, потому что он тогда кочует. Зимой птица охотно подлетает к деревьям, а летом держится парами по опушкам лесов и на одиноко стоящих деревьях открытых полей. Полевые рощи и лесные опушки, граничащие с выгонами, составляют ее любимые места. Здесь она устраивает обыкновенно и свое гнездо. В горах серый сорокопут попадает так же часто, как и на равнинах, и отсутствует только на высоких Альпах и в болотистых местностях*. Кто однажды познакомился с ним, тот не перепутает его с другими сородичами, так как он отличается от них и нравом, и величиной. Обыкновенно его замечают на верхушке высокого дерева или куста. Там он сидит довольно неподвижно либо выпрямившись и свесив хвост, либо расположив свое тело горизонтально. Взор его неутомимо бегаёт кругом, от его внимания не ускользает ни пролетающий хищник, ни движущееся на земле насекомое. Всякую хищную птицу он встречает криком, храбрым нападением и задорным преследованием. Не без основания немцы называют серого сорокопута сторожем, потому что его предупредительный крик указывает всем прочим птицам на приближение опасности.

Если он заметит какое-нибудь маленькое животное, например мышонка, то бросается на него сверху и старается схватить его, даже бежит некоторое время за ним по земле. Сорокопуга нередко можно видеть парящим. Он подолгу остается на одном месте, а затем вдруг, как сокол, бросается на землю, чтобы поднять подмеченную добычу. Зимой птица часто садится среди воробьев, греется с ними на солнце, высматривает себе одного из них на съедение, а затем вдруг стремительно набрасывается на него, схватывает сбоку, убивает ударами клюва и душит когтями. Потом тащит свою жертву, придерживая ее то клювом, то ногами, в безопасное место и насаживает ее, если не слишком голодна, на шипы или острые сучки, а иногда на кончик тонкого шеста. Мало-помалу сорокопут съедает ее, отдирая небольшие куски и проглатывая их один за другим. Его храбрость так же велика, как и его дерзость. Когда птицу мучит голод, несмотря на свою обычную осторожность, она может схватить добычу в присутствии человека. Иногда при этом сорокопут до того мало внимания обращает на человека, что его можно поймать рукой. Мой отец видел, как серый сорокопут нападал на черного дрозда. Науман наблюдал, как он преследовал рябинников и даже нападал на пойманных в силки рябчиков. Молодые птицы, только что покинувшие свои гнезда, сильно страдают от него. Будь у него столько ловкости, сколько отваги и храбрости, он стал бы одним из самых страшных разбойников. На счастье, ему часто не удается предпринятая охота на мелких слабых птичек. Однако он остается опасным противником всех маленьких птиц.

Полет серого сорокопута не особенно ловок. «Когда он перелетает с одного дерева на другое, — говорит мой отец, — он бросается косо вниз, летит обычно на расстоянии нескольких метров над землей и затем вновь взлетает на верхушку дерева или куста. Его полет сильно отличается от полета других птиц. Сорокопут описывает явственную волнообразную линию, ускоряя полет быстрыми ударами крыльев и расширением маховых перьев, и летит довольно быстро, но зараз пролетает только небольшие расстояния. Более полукилометра он пролетает редко и никогда больше одного километра. Его органы чувств очень развиты, в высшей степени зрение, но слух тоже превосходен: малейший шорох возбуждает внимание этой чуткой птицы. Не подлежит никакому сомнению, что сорокопут умен, но в еще большей степени отличается он своей страстностью. Сорокопут необыкновенно сварлив, охотно дерется с другими птицами, старается прогнать со своей территории любую птицу, высказывает сильную вражду к хищникам, но особенно ненавистно относится к филину.

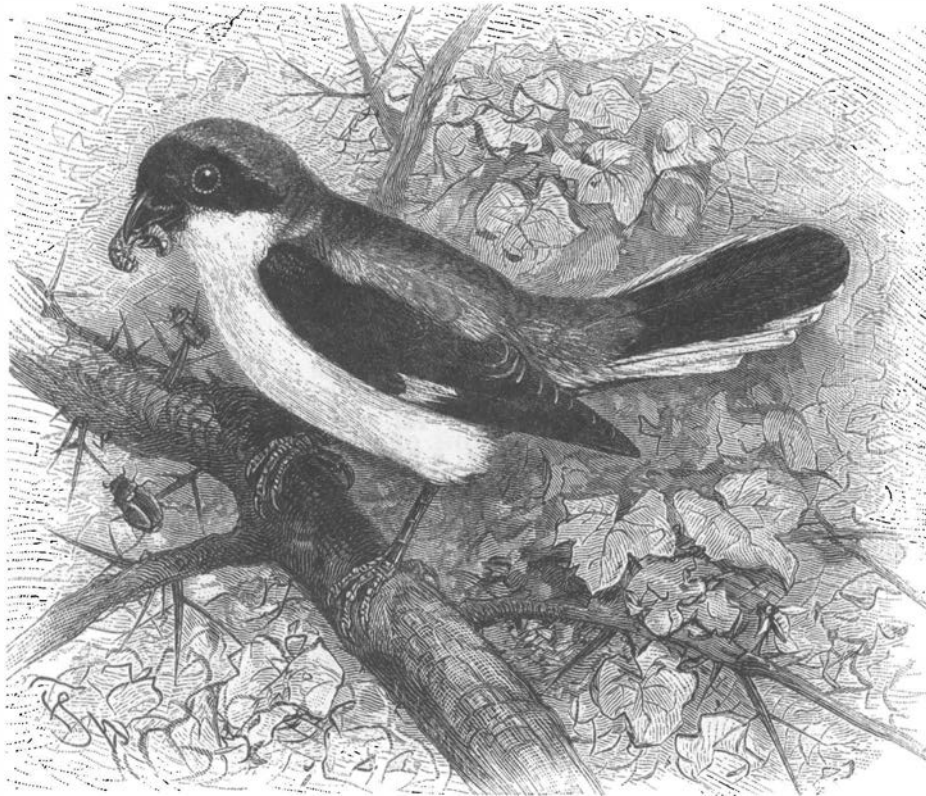
В апреле парочка приступает к размножению. На опушке рощи, в саду или кустарнике она выбирает себе удобное дерево (это может быть куст боярышника или дикое плодовое дерево) и сносит сюда сухие стебельки, хворостинки, земляной и древесный мох для постройки довольно искусного и относительно большого гнезда, полукруглая чашка которого плотно выстилается соломой, стебельками травы, шерстью и волосами. Сорокопуты кладут от 4 до 7 яиц, длина которых 28 мм, ширина 20 мм, а цвет — зеленовато-серый с оливково-буроватыми и пепельными пятнышками; яйца высиживаются в течение 15 дней. В начале мая вылупляются птенцы, и тогда родители притаскивают им жуков, кузнечиков и других насекомых, а позднее множество мелких птиц и мышей и защищают их с опасностью для собственной жизни, забывая всякий страх. Они кормят их еще долгое время после вылета из гнезда и водят вместе с собой до поздней осени.

Ястреб и кобчик такие же свирепые, как и сам сорокопут, самые злейшие враги этой птицы. Он их хорошо знает, по возможности остерегается, но не всегда может удержаться от желания подразнить их и в подобных случаях становится жертвой этих более сильных хищников. Кроме того, мучат сорокопута еще различные паразиты. Человек ловит его легко только с вороньего шалаша или на точёк. Там, где на большом расстоянии не встречается деревьев, его можно без труда поймать, привязав к палке средней высоты кустик, усеянный клейкими прутьями, или же высмотрев его любимые места пребывания и обставив его клейкими прутьями.

В неволе сорокопут делается скоро ручным, научается узнавать своего хозяина, приветствует его радостным криком и повторяет ему свои смешные напевы с довольно большой выдержкой, хотя и не так продолжительно, как другие родственные ему

виды. В прежние времена его даже приучали подманивать других птиц, но еще чаще его употребляли при ловле соколов.

Все ровные местности, где преобладает лиственный лес, служат убежищем **чернолобому сорокопугу** (*Lanius minor*). Это один из самых красивых видов семейства. Его оперение на верхней стороне тела светло-пепельного цвета, на нижней белого. Грудь оттенена розоватым цветом, лоб и уздечка черные, равно как и крылья, за исключением белого пятна, которое распространяется по большей части девяти первых больших маховых перьев, и узкой белой каемки на малых маховых перьях. Четыре средних рулевых пера также окрашены, но следующие за ними почти до половины белые.

Чернолобый
сорокопуг
(*Lanius minor*)

Остальные же рядом с темным стволом имеют еще черные пятна на внутренней части опахала, а самые крайние — чисто белого цвета. Глаза карие, клюв черный, ноги сероватые. У молодых птенцов лоб грязно-белого цвета, нижние части тела желтовато-белые с серыми поперечными полосками. Длина 23 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, а хвоста 9 см. В числе птиц, возвращающихся весной, чернолобый сорокопуг является одним из последних: он прилетает только в начале мая. Обратное путешествие сорокопуг предпринимает раньше других, обыкновенно в конце лета, в августе. Уже в сентябре эта птица встречается в лесах Верхнего Нила и, вероятно, во всей средней Африке, потому что зимует только здесь. В южной России сорокопуг весьма обыкновенен; северную Европу он избегает совершенно. Его любимое местопребывание — деревья, высаженные вдоль дорог, фруктовые сады, а также маленькие полевые рощи, изгороди и тесно стоящие кустарники. Однако он часто отсутствует в местностях, которые, казалось бы, отвечают всем его жизненным условиям, и мало-помалу пропадает с тех территорий, на которых раньше часто встречался, и это не может быть объяснено никакими видимыми причинами.

Все наблюдатели сходятся со мной в том, что чернолобый сорокопуд принадлежит к самым милым и безвредным видам своего семейства. Он весьма приятным образом оживляет ту область, в которой живет, потому что он подвижнее, живее и беспокойнее всякого другого сорокопуда и своей стройной фигурой и более острыми крыльями легко отличается от серого сорокопуда. Чернолобый сорокопуд отличается от него еще и тем, что является гораздо меньшим хищником. Науман уверяет, что никогда не видел его преследующим птицу, но знает его только как охотника за насекомыми. Бабочки, жуки, кузнечики, их личинки и куколки составляют добычу этого сорокопуда. Он сидит на верхушках деревьев, кустов, на одиночно стоящих шестах, камнях и других возвышенных предметах и высматривает свою добычу. Если нет подобных сторожевых пунктов, он поднимается в воздух и парит, а как только примечает добычу, бросается вниз на землю, схватывает насекомое, убивает его и возвращается с ним на верхушку ближайшего дерева, чтобы там съесть. Это совершается обыкновенно без всяких приготовлений, так как он реже своих родственников накалывает перед едой пойманных животных на шипы и концы ветвей.

Ястреба и кобчики преследуют взрослых чернолобых сорокопудов; вороны и сороки истребляют их выводки, несмотря на храбрость, оказываемую родителями. Человек, познакомившийся с этой птицей, не преследует ее, и если ловит, то исключительно для содержания в неволе. Пойманные сорокопуды радуют красотой и способностью подражать.

Самый известный между нашими сорокопудами — **обыкновенный жулан** (*Lanius collurio*). Голова, задняя часть шеи, надхвостье и кроющие перья хвоста имеют светло-пепельный, а остальные верхние части тела красивый буро-красный цвет. Узкая полоска на лбу, наверху и внизу окаймленная белым уздечка — черные. Нижняя часть щек, подбородок, горло и нижние кроющие перья хвоста белые. Остальные нижние части тела светлого розовато-красного цвета. Большие маховые и малые маховые перья буроватого серо-черного цвета, окаймленные светло-коричневой полоской. Средние перья хвоста черно-бурые; следующие при основании, на три четверти длины белые и только на конце черные. Глаза карие, клюв черный, ноги серо-черные. Самка сверху ржаво-серого цвета, а на нижней стороне имеет на беловатом фоне бурые волнистые полосы. Птенцы похожи на нее, но имеют на верхней части узор из светлых пятнышек. Длина птицы 18 см, размах крыльев 18, длина крыла 9, хвоста 7 см.

Из всех сорокопудов жулан самый распространенный. Он населяет почти всю Европу от Финляндии и России до южной Франции и Греции, водится также и в средней части Сибири. В Испании жулан — большая редкость; но, говорят, он и тут встречается в северо-западных провинциях как гнездящаяся птица.

*Семейство
сорокопутовые*

В Греции жулан гнездуется только на самых высоких горах. Во время своих зимних перелетов он встречается по всей Африке и в наши зимние месяцы составляет обычное явление в лесах внутренней Африки, в береговых странах, в южной Африке и даже на прилежащих к материкам островах. Здесь при обильной пище жулан переживает линьку, которая происходит у него в декабре и январе, и только тогда возвращается назад. У нас он редко появляется до начала мая и остается обыкновенно только до половины августа.

Всевозможные кусты, граничащие с лугами и выгонами, сады и плантации деревьев составляют местопребывание жулана. Густые изгороди являются, по-видимому, необходимым условием его комфорта. Стоит только уничтожить подобные изгороди, и жулан оставляет ту местность, в которой он прежде водился во множестве. Но жулан неприхотлив, и даже один густой куст в поле удовлетворяет его совершенно. В течение многих лет он строит свое гнездо на одном и том же месте и упрямо оберегает его от посягательств других птиц, особенно от другой пары того же вида. В случае необходимости жулан может поменять обстановку и поселиться во фруктовых садах той же местности или переместиться в глубь леса. Так как жулан легко примиряется с обстоятельствами, то он быстро размножается и причисляется теперь, к ужасу маленьких певчих пташек, к самым обыкновенным птицам многих немецких земель.

Жулан — смелая, храбрая, беспокойная птица. Даже когда он сидит, то постоянно поворачивает голову во все стороны и при этом машет хвостом сверху вниз. Самые высокие верхушки кустов и деревьев составляют его сторожевой пункт, с которого он осматривает свои владения. Птица возвращается сюда после каждой экскурсии. Согнанный со своего места, жулан бросается с высоты и падает почти до самой земли, летит низко над ней и тогда только взлетает, когда хочет снова усесться. Он неохотно летит далеко в один прием, часто отдыхает понемногу на всяком удобном месте и только после этого продолжает свой путь. Его призывный крик — довольно ясно издаваемое «гек-гек-гек» или трудно передаваемые «зе» и «гре». Оба звука издаются с различным выражением и означают либо радостные, либо боязливые чувства. Подобные звуки служат ему для предостережения неопытных птенцов. Некоторые самцы издают исключительно эти звуки. Другие причисляются к превосходнейшим певцам. Жулан обладает удивительной способностью подражать голосу других птиц.

Чем старше становится самец, тем совершеннее становится его дарование. «Если какой-нибудь певец, — сообщает граф Гурси моему отцу, — и заслуживает названия пересмешника, то это жулан. По моему мнению, у него нет собственной песни, за исключением нескольких грубых строк, и поэтому, будучи воспитан в неволе, он довольно плохо поет, потому что растет, не слыша

других хорошо поющих птиц. Пойманные жуланы не легко делаются ручными. Но если жулан был пойман в таком месте, где его окружали только хорошо поющие птицы, то трудно найти для комнаты более приятного певца, так как он охотно исполняет свои разнообразные песни, удивительно похожие на песни своих учителей. Жалко только, что почти каждый жулан примешивает к своему прекрасному пению несколько неблагозвучных тонов! В особенности кваканье лягушки заучивается почти всеми жуланами. Жулан, который теперь у меня живет, превосходная птица и подражает прелестным образом песне соловья, полевого жаворонка, ласточки, славки-черноголовки, овсянки, крику дрозда и рябчика, и до того он превосходно сливает эти звуки, что между ними не замечаешь никакого перехода. Кроме этого он еще лает, как собака. Иногда жулан еще поет в сентябре и начинает петь снова 16 ноября».

К сожалению, эта веселая и способная птица навлекает на себя в сильной степени нерасположение человека. Жулан — один из злейших врагов мелких певчих птиц. Конечно, насекомые составляют его главную пищу, он энергично преследует жуков, кузнечиков, бабочек и, вероятно, гусениц, убивая их даже тогда, когда бывает сыт. Жулан преследует также всех мелких позвоночных, которых только может одолеть. Он ловит мышей, птиц, ящериц и лягушек. Жулан живет среди певчей пернатой компании наших садов и кустарников, нанося ей сильнейший вред. Там, где поселилась пара жуланов, мало-помалу исчезают все малиновки и другие населяющие сады певцы, даже те, которые гнездятся в углублениях почвы. Жулан умеет очень хорошо отыскивать гнезда, и если нашел одно из них, то уж, наверное, утащит всех птенцов. Науман наблюдал, как он душил и уносил молодых малиновок, желтых трясогузок, лесных коньков и жаворонков, как он нападал на пойманных в силки птиц, как пробовал вытащить зябликов из клетки. Другие наблюдатели заметили то же самое.

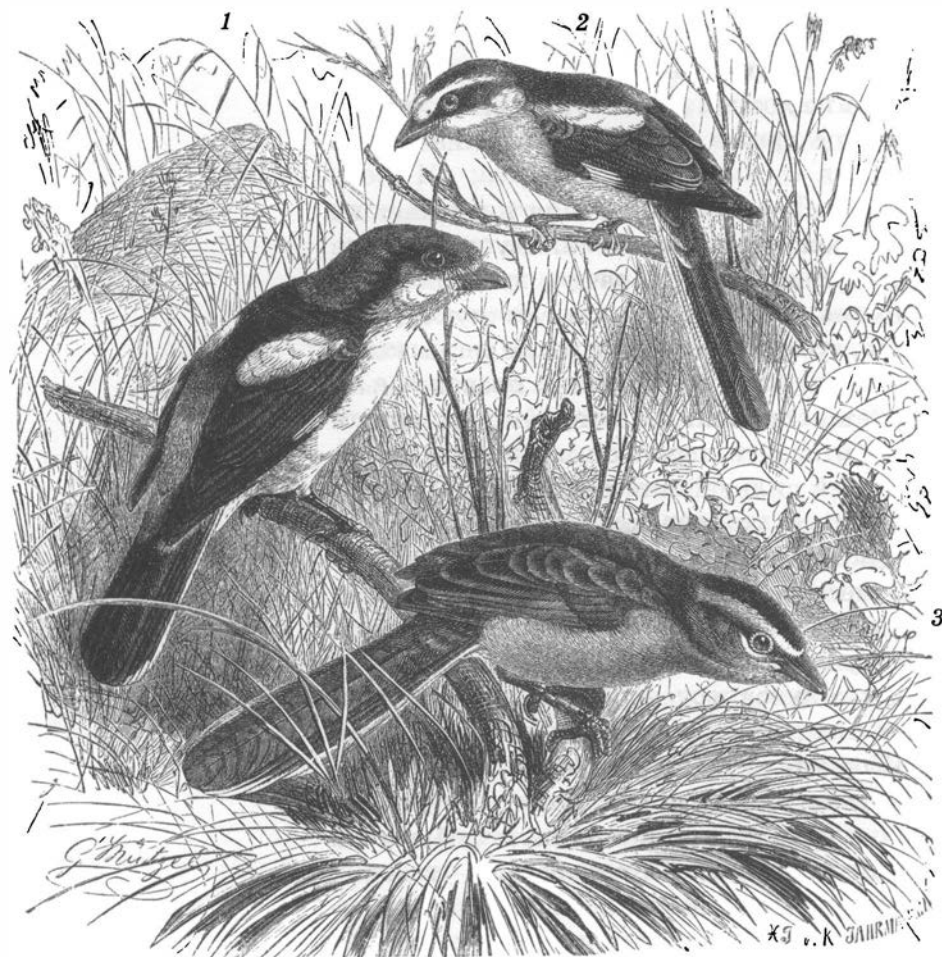
Как и все виды этого семейства, жулан имеет привычку, прежде чем приниматься за еду, накалывать пойманную добычу на шип или какую-нибудь острую ветку. «Он собирает, — говорит Науман, — даже совершенно насытившись, большие запасы и сразу поедает их, как только опять проголодается. Так, в хорошую погоду можно найти наколотыми на шипы только жуков, насекомых и маленьких лягушек, а в холодную — целые ряды убитых птенцов. Мне самому несколько раз случалось находить между ними даже уже оперившихся и вылетевших из гнезда малиновок и ласточек. Мозг птичек составляет, по-видимому, его лакомство, так как у большей части птиц, которых я находил наколотыми, был прежде всего выклеван мозг из головы. Если потревожить жулана во время еды, то он все оставляет засыхать. Маленькие лягушки, которых находят у него довольно часто, насажены всегда странным образом — через рот».

В неволе жулан живет несколько лет только при хорошем уходе. С прочими птицами этот разбойник так же плохо уживается, как и другие птицы этого семейства, а в общих клетках нападает даже на птиц, которые вдвое больше его; мало-помалу замучивает дроздов и скворцов до смерти, несмотря на то, что последние по мере сил пробуют защищаться.

Красноголовый сорокопут (*Lanius senator*) встречается в Германии. Его длина 19 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, хвоста 8 см. Лоб и передняя часть головы, широкая линия уздечки, продолжающаяся

в виде боковых полосок шеи, мантия, крылья и хвост черные. Верхняя часть головы и затылок ржаво-бурые.

По своему поведению и образу жизни красноголовый сорокопут очень похож на жулана, но, по-видимому, не так кровожаден, несмотря на то, что не пренебрегает мелкими позвоночными. Главную пищу его составляют насекомые. Тем не менее он нисколько не щадит позвоночных, если ему представляется удобный случай их поймать, и гнезда он разрушает не менее жестоко, чем его сородич. Эту птицу

- 1 — **Красноголовый сорокопут**
(*Lanius senator*)
2 — **Маскированный сорокопут**
(*Lanius nubicus*)
3 — **Чагра**
(*Tchagra senegala*)

тоже причисляют к пересмешникам, так как она самым обманчивым образом подражает голосам птиц, живущим вокруг нее, комбинирует их, составляя, таким образом, песню, которая приводит в восторг некоторых любителей.

В Греции, но чаще в Египте и Нубии рядом с упомянутым видом живет еще один вид семейства — **маскированный сорокопут** (*Lanius nubicus*).

Этот сорокопут принадлежит к самым редким птицам в Греции, но в Малой Азии и Палестине так же обыкновенен, как и

в южном Египте или средней Нубии. Тут он живет, по моим наблюдениям, из года в год.

Часто говорили, что **сорокопут-чагра**, или **сенегальская чагра** (*Tchagra senegala*), встречается в Испании. Однако все исследования, которые я предпринимал, доказали мне неверность этих утверждений. Чагра имеет вытянутое туловище. Клюв у нее стройный и слабо загнутый; ноги с высокой плюсной и слабые; крылья короткие и сильно закругленные, хвост длинный и крупнотупчатый. Оперение на затылке буровато-серое, на нижних частях тела светло-пепельное. Глаза красно-бурые, клюв черный, ноги свинцово-серые с зеленоватым оттенком. Длина 21 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, хвоста 9 см.

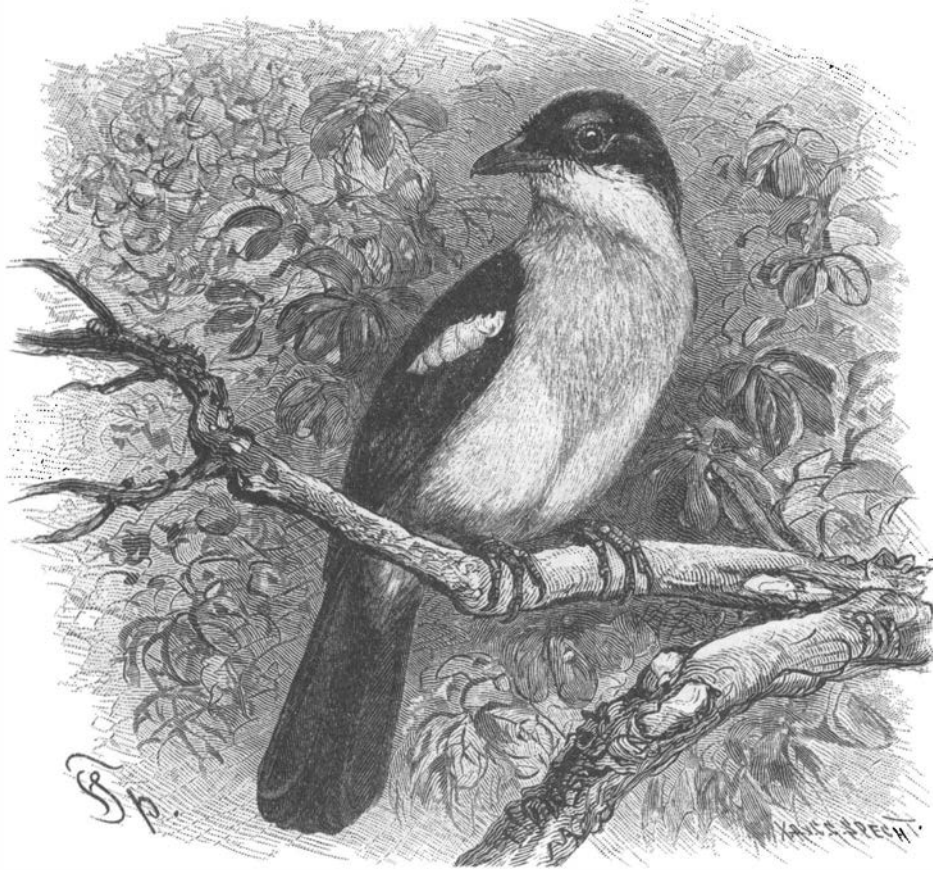
Чагра распространена по всей Африке, за исключением северо-восточных ее областей. Здесь, в районе 18 градусов северной широты, эта птица не встречается, но попадает в Атласских горах. В Абиссинских горах она поднимается, по словам Гейглина, приблизительно на высоту до 2000 м над уровнем моря. Ее образ жизни существенно отличается от образа жизни ее сородичей. Она живет только в самых густых кустах и непосредственно над землей, а не на верхушках деревьев, хотя и взлетает на них при упорном преследовании. Излюбленное место ее охоты — ровная поверхность земли. По ней она бегают с такой ловкостью, как ни один сорокопут. Когда встречаешь ее в первый раз, думаешь, что видишь дрозда, а не сорокопута. Чагра обычно прячется в траве под низким тернистым кустарником и, когда наконец удастся заставить ее подняться, то она быстро летит, со свистом ударяя по воздуху крыльями, после чего следует непродолжительное парение близко над землей вплоть до другого куста. Она живет парами или поодиночке.

Эфиопский певчий сорокопут (*Laniarius aethiopicus*). На всей верхней стороне тела, за исключением белой полоски на крыльях, оперение черного цвета. На нижней стороне — белого с красно-розовым оттенком. Глаза красно-бурые, клюв черный, ноги сине-серые. Длина 35 см, размах крыльев 33, длина крыла 10, длина хвоста 9 см.

По своему образу жизни певчий сорокопут имеет, бесспорно, больше сходства с дроздами, чем с сорокопутами. Не помню случая, чтобы я его когда-нибудь видел на ветке высматривающим насекомых по обычаю сорокопутов. Он с большим проворством бегают внутри кустов по веткам, основательно обыскивая листья и сучки и добывая себе пищу. На земле его видно реже, но иногда случается, что он и здесь прыгает, но при малейшей помехе немедленно взлетает опять на густые верхушки деревьев. Полет певчего сорокопута плохой и значительно отличается от полета других сорокопутов. Он состоит из быстро повторяемых ударов крыльями, которые едва прерываются скользящим парением. Самая замечательная особенность в жизни этих птиц — их манера петь.

Тут, собственно, нет песни, а есть отдельные тоны, замечательные по своей звучности и довольно часто повторяющиеся. Они сообщаются издаются самцом и самкой. Крик певчего сорокопу-та состоит из трех, реже из двух, чистых, как колокольный звон, звуков, которые простираются приблизительно в пределах одной октавы. Он начинается тоном средней высоты, за которым следует более низкий, затем опять значительно более высокий тон. Два первых образуют собой терцию, два последних — октаву. Эти

три звучных тона, похожие на удар колокола, издаются только самцом. Непосредственно за ними следует ответ самки, неприятный писк или карканье, которому трудно подражать и который еще труднее описать.

К сожалению, я не в состоянии сказать с уверенностью, каких насекомых предпочитают певчие сорокопуты. Рюппель говорил, что они кормятся в определенное время преимущественно муравьями, но при этом преследуют различных жуков, гусениц и личинок. Грабят ли они гнез-

Эфиопский певчий
сорокопут
(*Laniarius aethiopicus*)

да, еще не установлено. Мне кажется это невероятным. Способ их размножения также пока неизвестен.

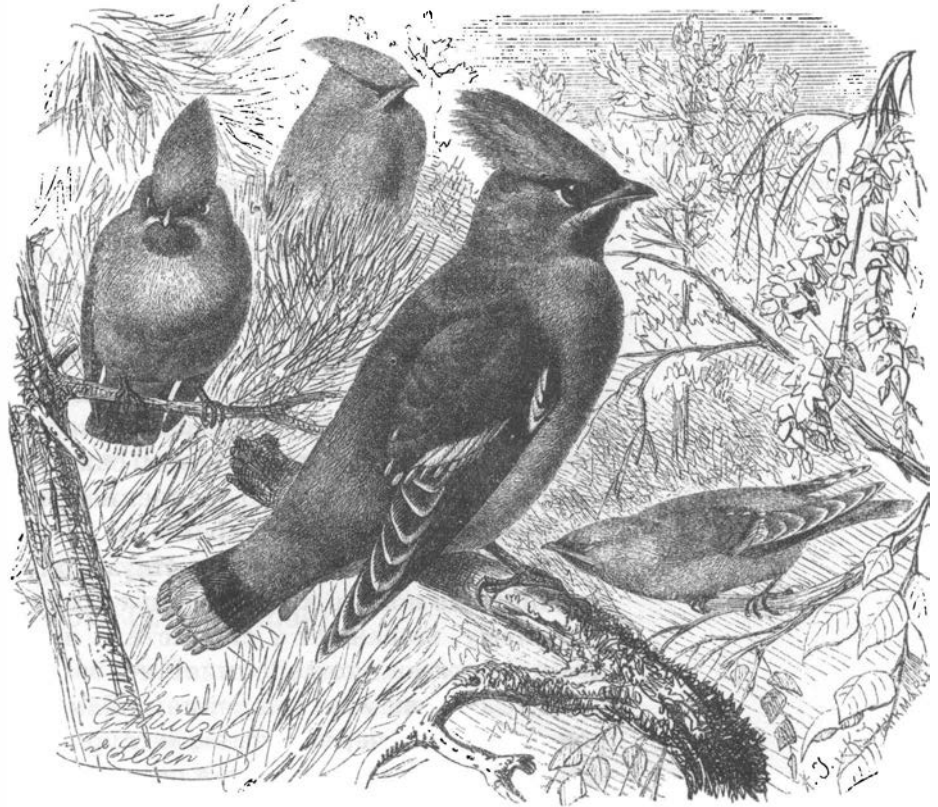
СЕМЕЙСТВО СВИРИСТЕЛЕВЫЕ (*Bombycillidae*)

Свиристель (*Bombycilla garrulus*). Оперение красновато-серого цвета, которое на верхней части тела обычно темнее, чем на нижней, где оно переходит в серовато-белый цвет. Лоб и гузка красновато-бурые. Подбородок, горло, уздечка и полоска над глазом черные; большие маховые перья серовато-черные, на конце наружной части опахала со светлыми золотисто-желтыми пят-

нышками, а на внутренней части опахала с белой каймой; малые маховые перья оканчиваются широкими роговыми или пергаментообразными кончиками красного цвета. Рулевые перья черноватые, на конце золотисто-желтые; они заканчиваются кончиками такого же цвета, как и малые маховые перья. У самки цвета не так резки и роговые пластинки менее развиты. Птенцы темно-серые, многие перья со светлой каймой; лоб, полоса от глаза до затылка, полоска вдоль бледно-желтого горла и нижняя часть надхвостья беловатые. Нижние покровные перья хвоста грязного ржаво-красного цвета. Длина 20 см, размах крыльев 35, длина крыла 12, длина хвоста 6 см.

Свиристель распространен на севере Европы, в Азии и Америке. Обширные леса на севере нашего материка, состоящие из одних сосен или из сосны и березы, можно считать его настоящей родиной. Он покидает их только тогда, когда глубокий снег принуждает его к этому. Собственно говоря, его следует считать кочевой птицей, которая зимой перелетает с места на место в пределах довольно ограниченной территории. В случае крайней нужды он переступает ее границы и становится тогда перелетной птицей. Во всех странах, лежащих севернее Германии, в русских и польских лесах или в лесах южной Скандинавии он встречается почти каждую зиму.

Во время своего пребывания на чужбине в более южных местностях свиристели всегда соединяются в стаи. В зависимости от количества пищи они остаются там на долгий или короткий срок. Иногда зимой в продолжение нескольких недель и даже месяцев свиристелей встречают в большом количестве в местностях, где они вообще очень редки, и это, вероятно, случилось бы гораздо чаще, если бы их не преследовали так безжалостно. Красота этих птиц до того мало ценится необразованными,

Свиристель
(*Bombycilla garrulus*)

грубыми людьми, что они убивают их. Возможно также, что эти бедные птицы страдают из-за одного старого поверья. Раньше на свиристей смотрели как на предвестников тяжелых войн, большой дороговизны, различных заразных болезней и других бедствий и думали, что хорошо поступают, ненавидя и преследуя их.

Свиристель не принадлежит к числу подвижных птиц. Это скорее ленивая, неповоротливая птица, способная только много есть и поэтому неохотно оставляющая однажды выбранное место. Всюду, где он находит пищу, свиристель бывает очень смел или, лучше сказать, доверчив. Он может залететь в деревню или даже в городские аллеи, нимало не заботясь о своей безопасности. Однако свиристель не так глуп, как кажется сначала, а продолжительные преследования сделали его осторожным и робким. С другими птицами он ведет себя мирно, относится к ним равнодушно или вовсе не обращает на них внимания. С родственными видами живет в большой дружбе, пока находится на зимней квартире. На землю спускается только тогда, когда хочет пить. По земле прыгает очень неловко и никогда не остается на долгое время. По ветвям же, напротив, лазает свободно, то вверх, то вниз, когда хочет есть. Во время полета свиристель описывает большие дугообразные линии, летает легко, красиво и сравнительно скоро, быстро двигая попеременно обоими крыльями.

Призывный крик его представляет собой странную шипящую трель, которую невозможно передать словами. Мой отец говорит, что призывный крик свиристора напоминает треск несмазанной тачки, и это сравнение мне кажется удачным. Кроме призывного крика по временам слышится похожий на флейту свист, который, по словам Наумана, звучит, как звук, происходящий из полого ключа, если тихо дуть в него. Звук этот, по видимому, выражает у свиристора нежные чувства. Пение тихое и неважное, но исполняется с большим усердием и, должно быть, с сильным напряжением. Самки поют почти так же хорошо или, вернее, почти так же дурно, хотя и не так постоянно, как самцы. Они распевают свои песни в течение почти всего года, а зимой приветствуют своим пением каждый луч солнца.

На родине в течение лета главную, если не исключительную пищу свиристора составляют бесчисленные стаи комаров, но зимой свиристель должен довольствоваться иной пищей, преимущественно ягодами. За насекомыми он охотится совершенно так же, как мухоловки, ягоды же собирает с кустов не торопясь и поднимает их иногда с земли. Странно, что пойманные свиристоро не обращают внимания на предлагаемых им насекомых.

До последнего времени способ размножения свиристор был неизвестен. Только в 1857 году 16 июня Уоллею удалось

найти гнездо и яйца; впрочем, его егерь сделал это открытие еще раньше, в предыдущем году. Уоллей дал себе слово не возвращаться в Англию без этого гнезда и не щадил ни себя, ни денег для достижения этой цели. После того, как нашли первые гнезда, по-видимому, половина населения Лапландии принялась за поиски, и уже летом 1858 года было собрано более 600 яиц. Гнезда всегда располагаются на соснах, не слишком высоко над землей. Они хорошо спрятаны в ветвях и большей частью состоят из древесного лишайника. В их наружную стенку вплетаются несколько сухих веточек, а внутри они выложены стебельками травы и перьями*. Свиристель кладет от 4 до 7 яиц, обыкновенно 5, и кладка оканчивается на второй неделе июня. Яйца имеют приблизительно 24 мм в длину и 18 мм в ширину и покрыты по голубоватому или сине-белому фону редкими черными и фиолетовыми пятнышками и точками, которые расположены гуще на толстом конце, образуя здесь венчик.

В неволе свиристель смиряется со своей судьбой. Не выказывая особенной горести, он сейчас же принимается за еду. Птица многие годы проживает в клетке, поставленной в прохладном месте. Красота ее оперения и тихий нрав обычно доставляют радость людям. Держать свиристеля в неволе можно посоветовать каждому, но убивать для удовлетворения собственного желудка кажется мне несправедливым, потому что на свободе он приносит много пользы, уничтожая вредных насекомых, а зимой свиристель становится превосходным украшением голых деревьев.

СЕМЕЙСТВО ОЛЯПКОВЫЕ (Cinclidae)

Оляпки населяют Старый и Новый Свет, где обитают преимущественно в северных краях, но встречаются также и в южных горах, например в Андах. По образу жизни немногие известные нам виды вполне сходны между собой, так что достаточно описать жизнь европейского вида, чтобы иметь понятие о жизни всех других птиц этого семейства.

Обыкновенная оляпка (*Cinclus cinclus*). Длина тела составляет 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, длина хвоста 6 см. Голова, затылок и задняя часть шеи чало-бурые, перья остальной верхней части аспидно-серые с черными каемками. Горло, зоб и шея молочно-белые. Нижняя часть груди и брюшко темно-бурые. Верхняя часть груди красно-бурая. Самка во всем походит на самца, только меньше его ростом.

Обыкновенная оляпка населяет все гористые местности средней Европы, изобилующие водой. Вальтер не раз наблюдал оляпку также в Закаспийском крае «около чистых ключевых источ-

**В тайге европейской части России свиристели устраивают свои гнезда преимущественно на елях, а в Западной Сибири, где ель распространена нешироко, чаще на кедрах и лиственницах.*

ников Атрека, по дороге к Северному Хорасану, в местечке Кошан». Во всех этих местностях оляпка составляет если не частое явление, то, во всяком случае, вполне заурядное. Ее излюбленными местами являются чистые, с тенистыми берегами ручьи, которыми так изобилуют высокие и средние горы Европы. Путешествуя по горам, оляпки добираются до источников рек, и те же самые речки приводят их на равнины, которых они в общем-то избегают. В таких местах оляпку не придется искать напрасно, разве только в том случае, если вода горного источника отравлена или загрязнена отходами фабрики. Птица эта упорно держится на однажды выбранном месте и не оставляет его даже в самые суровые зимы. В холмистой местности она выбирает реки и ручьи, не замерзающие зимой, потому что главным местом ее охоты бывает не берег, а вода. Именно поэтому оляпка предпочитает быстрые горные потоки, водопады и ключи, так как быстрое течение воды мешает их замерзанию. Чем мощнее поток, тем больше он образует порогов и тем скорее привлекает он к себе оляпку. Но еще больше, чем сам водопад и образующийся под ним водоворот, она любит рубеж встречающегося здесь обыкновенно спокойного пространства воды, потому что водоворот загоняет сюда немало добычи. Каждая пара оляпок занимает участок ручья, по крайней мере, в два километра, шныряет в этих пределах из угла в угол и никогда не покидает потока. Там, где кончаются владения одной пары, сейчас же начинается участок другой, так что горный ручей бывает сплошь населен оляпками, с самого своего истока до места впадения в реку или озеро.

Оляпка принадлежит к наиболее привлекательным птицам. Она обладает удивительными свойствами. С проворством и ловкостью трясогузки бегают оляпки по камням, торчащим из воды. Так же, как пигалица или трясогузка, трясет хвостом и задней частью тела, прыгает с камней в воду, погружаясь в ручей все глубже и глубже, сначала до половины верхней части груди, затем до глаз, а потом еще глубже, пока вода не покроет ее. Очувтившись на дне русла, она бодро идет по дну, будто по ровной земле, в течение 15—20 секунд, по течению или против него. Оляпка смело бросается в самый грозный водоворот, в самый бешеный водопад, ходит бродом или плавает, пользуясь своими коротенькими крыльями, словно веслами, можно сказать, летает под водой, перерезая крыльями отвесно падающую массу воды. Никакая другая птица не двигается так свободно в воде, как оляпка. Она не всегда погружается в воду постепенно, но очень часто прямо с высоты бросается в глубину, скорее как лягушка, нежели как зимородок. Полетом своим оляпка напоминает зимородка, но еще более, может быть, нашего крапивника. Вспугнутая оляпка летит, быстро взмахивая крыльями, постоянно на одной и той же высоте над водой, следуя за всеми извилинами ручья. Птица мгновенно останавливается, как только высмотрит на лету новое безопас-

ное место для отдыха. Нередко случается, что, привлеченная какой-нибудь добычей, она стремительно бросается в воду. Когда оляпка замечает, что ее преследуют, то способна пролететь расстояние в 400—500 шагов; обыкновенно же она перепархивает с камня на камень. Если преследование становится серьезным и птичка понимает, что она в опасности, то покидает ручей, в водах которого до тех пор скрывалась. Оляпка круто взлетает, поднимаясь выше верхушек прибрежных деревьев, а иногда летит еще выше. При таких обстоятельствах бывает, что она бросает свое обычное направление, удаляется от русла ручья и летит вперед, описывая большие дуги, или возвращается к прежнему месту отдыха. В спокойном состоянии, по наблюдениям Гомейера, оляпка останавливается на лету, чуть-чуть покачиваясь, держится на одном месте какое-то время, а затем вдруг, сложив крылья, стремительно бросается в воду, где и исчезает.

Мы положительно можем утверждать, что зрение и слух по степени развития стоят у оляпки на первом месте, однако и другие органы чувств развиты хорошо. Она умна, осторожна, хитра, и если не пуглива, то во всяком случае везде и всегда зорко присматривается ко всему, что происходит вокруг нее. Она хорошо знает своих друзей и, может быть, еще лучше — своих врагов. От человека, забредшего в ее мирное убежище, она тотчас улетает. Против всевозможных хищных птиц оляпка принимает меры предосторожности. Но эта же самая птица, которая ведет себя весьма осторожно, как в горах Сьерра-Невады или под глетчерами Швейцарских Альп, так и в горных ручьях Лапландии, способна привыкнуть к людям и вообще становится доверчивой, если убедится, что ей не угрожает никакая опасность. Оляпка бывает частым гостем на мельницах, а на мельника и его работников смотрит как на своих друзей. Она нередко селится в деревьях, где чувствует себя вполне безопасно.

Обыкновенно, когда оляпку сгоняют с места, птица издает звук, похожий на «церр» или «церб». Пение самца представляет собой тихую, в высшей степени приятную трескотню, состоящую из нежных мурлыкающих и щелкающих звуков. Оно напоминает отчасти пение варакушки, отчасти щелканье каменки, а Снелль очень удачно сравнил его с легким журчанием пробегающего по камням ручейка. Особенно усердно оляпка поет в ясные весенние дни и преимущественно в утренние часы, но ее не смущают и холода: она поет до тех пор, пока небо ясно. Оляпка поет и во время купания, и во время еды. С песней набрасывается на дерзкого соседа, нарушающего закон о пограничных владениях, с песней прихорашивает свои перышки и даже песней оканчивает свою веселую жизнь.

Пища оляпки состоит преимущественно из насекомых и их личинок. Мой отец нашел в желудках исследованных им оляпок комаров, водяных насекомых, поденок и различных жуков, а так-

же частицы растений, проглоченные, по всей вероятности, случайно, и крошки дресвы, которые многие птицы глотают для пищеварения. Глогер первый открыл, что зимой оляпка ест также маленьких рыбок, вследствие чего мясо ее получает запах ворвани. «Мой знакомый мельник, мельница которого находилась в центре владений одной пары оляпок, наблюдал, как при сильном морозе они охотно ели застывший жир, которым смазывались втулки мельничных колес, причем они смело клевали его на глазах самого мельника».

Гомейер следующим образом описывает обыденную жизнь оляпки. Пока вода в горном ручье прозрачна и чиста, оляпка ведет обыкновенный образ жизни. Как только забрезжит на востоке первый луч утренней зари, оляпка уже на ногах и находится в непрерывной деятельности до самых сумерек. Поутру она усердно поет и не менее старательно охотится. Бывают иногда драки и ссоры с назойливым соседом, но это отвлекает ее от обычных занятий лишь на несколько минут, так как схватка скоро прекращается, а пролаза обращается в бегство. В полдень, когда солнце начинает сильно припекать, оляпка забирается в свои любимые укромные местечки между камнями или под нависшие выступы берега и сидит здесь, подремывая по целым часам, но и в это время она не упускает случая поймать что-нибудь съедобное, подвернувшееся под руку. К вечеру оляпка опять приободряется и энергично принимается за рыбную ловлю, охоту, ныряние и веселые песни. С наступлением ночи птицы отправляются к месту своего ночлега, устроенному в углублении, которое всегда можно найти по кучам помета, накопившемся в нем. В течение всего дня оляпка бодра, резва, оживлена и деятельна. Однако обстоятельства совершенно меняются, когда идут продолжительные дожди и вода в ручье, перед тем столь чистом, начинает мутнеть. Тогда ей становится трудно доставать необходимое количество пищи, и она должна для этого прибегать к особым хитростям. Оляпка покидает излюбленные места среди журчащего ручья и отправляется в те прибрежные уголки, где высокая трава свешивается над водой, или туда, где плавают на поверхности ручья водяные растения. Птичка начинает усердно охотиться, шныряя между этими растениями, подобно утке, а там, где вода глубока, плавает и выворачивает своим клювом каждый стебелек, каждый листок или веточку, чтобы собрать всех водяных животных, притаившихся на оборотной стороне. Если дождливая погода устанавливается надолго, то оляпке приходится испытывать настоящую нужду, которая повергает птицу в мрачное настроение. Тогда прекращается всякое пение, всякое бесполезное движение. В крайней необходимости она посещает тихие прибрежные бухты, которых обыкновенно избегает в хорошую погоду, и здесь приступает к охоте. Но как только вода просветляется и на небе снова показывается

солнышко, хорошее расположение духа быстро возвращается к оляпке, и она снова делается такой же жизнерадостной, какой была прежде.

Уже несколько десятков лет тому назад отец мой сделал подробные сообщения о размножении оляпки, а впоследствии дополнил их. «Оляпка, — писал он, — выводит птенцов обыкновенно раз в год, в апреле, и только в виде исключения два раза. В начале этого месяца она начинает строить гнездо, а спустя две недели кладет яйца. Гнездо находится всегда около воды, преимущественно в тех местах, где над рекой нависают скалы, или есть ольховый ствол, или запруды образуют удобные углубления. Его можно также найти под мостами, плотами, в стенах мельницы, даже между лопатками мельничных колес, которые долгое время стояли в бездействии. Самое приятное для оляпки — это когда она может расположить свое гнездо так, чтобы перед ним вода падала с высоты. Тогда оляпка совершенно защищена от нападений кошек, куниц, хорьков и ласок и доступна разве только крысам. К одному такому гнезду, которое я заметил под колесами мельницы, я мог проникнуть лишь после того, как мельник из любезности ко мне спустил всю воду. Наружная часть гнезда оляпки состоит из прутьев, стебельков, корешков, листочков травы и соломинок, часто также из водяного, земляного мха, внутри выстлано листьями. Гнездо довольно рыхлое, но имеет толстые стенки с углублением и снабжено всегда узким входом, который обыкновенно образуется за счет того, что то углубление, где находится гнездо, наполняется почти полностью. Но если отверстие гнезда слишком велико, то оляпка, подобно крапивнику, устраивает над ним крышку и отдельный узкий вход. Тогда гнездо состоит большей частью из мха. В кладке обычно 4—6 яиц, которые имеют 22—26 мм в длину и 18—19 мм в толщину. Форма и величина их различны; скорлупа тонкая и гладкая блестяще-белого цвета с ясно обозначенными порами. Самка сидит на яйцах так старательно, что ее можно снять с них прямо руками. Но выводит она обыкновенно только двух, редко трех птенцов. Многие яйца у этой птицы подвергаются гниению, по всей вероятности, потому, что гнездо часто бывает влажным. Если не тревожить старых птиц в гнезде, они утрачивают свою робость и становятся доверчивыми, так что перестают пугаться человека. Особенно интересно наблюдать за ними, когда они, направляясь к своему выводку, перелетают через водопад». Вдобавок к сказанному я упомяну еще, что оляпка иногда располагает свое гнездо на совершенно открытом месте: на гладком камне у самого берега. Но поскольку оно по цвету совершенно соответствует окружающим предметам, то его трудно заметить, и поэтому птенцы в нем так же защищены от нападений, как и в скрытом месте. Чузи, которому мы обязаны этим сообщением, рассказывает, что испугнутые им из подобного гнезда птенцы тотчас бросились в воду, нырнули и ловко поплыли под водой до ближайшего углуб-

Семейство оляпковые

ления в береге, где и притаились. Птенцы, пойманные Чузи и снова пущенные им в воду, тотчас нырнули и, вытянув вперед шеи, поплыли, помогая себе ногами, причем крылышки служили им веслами. Птенцы так быстро двигались вперед, что в пять-шесть толчков уже достигли своего убежища.

Врагами оляпок являются рыскающие по ночам хищные животные, которые не стесняются прыгать в воду, когда дело идет о лакомой добыче. Выводки часто делаются жертвами кошек, но старые оляпки редко попадают им в когти. Хищные птицы благоразумно оставляют оляпок в покое, потому что они по опыту знают, что при первом их появлении те тотчас ныряют в глубину.

СЕМЕЙСТВО КРАПИВНИКОВЫЕ (Troglodytidae)

Крапивник (*Troglodytes troglodytes*) может служить достойным представителем своего семейства. Длина его 10 см, размах крыльев 16, длина крыла 4,5, а хвоста 3,5 см. Оперение ржаво-бурого или ржаво-серого цвета, покрыто темно-коричневыми волнообразными линиями. Глаза карие, клюв и ноги красновато-серые. У самки все оттенки светлее.

Крапивник распространен не только во всей Европе от севера Скандинавии и России до самой оконечности Испании и Греции, но и в северо-восточной и Средней Азии.

Крапивник живет во всякой местности, где есть кустарник, но предпочитает долины, по которым течет ручеек. Подобно другим сородичам, он залетает в деревни и даже в городские сады и вьет гнезда рядом с жилищем человека, если только поблизости есть густые кусты, живые изгороди или, по крайней мере, большие кучи хвороста. Крапивник редко садится на высокие деревья; скорее можно видеть, как он почти у самой земли проскальзывает среди густого кустарника, исследует все уголки и углубления, прыгает по самой земле или перелетает с куста на куст. Время от времени он, однако, появляется где-нибудь на верхушке дерева и пребывает там, по-видимому, с явным удовольствием. «Крапивник, — говорит Науман, — превосходит почти всех птиц своей веселостью, беззаботностью, смелостью, а также искусством и быстротой, с которой он пробирается сквозь самый запутанный кустарник. Но смелость эта совершенно особого рода; она исчезает при малейшей опасности и превращается в безграничный страх, но так же скоро опять возвращается. Веселое расположение духа редко покидает его. Он так смело и быстро прыгает туда и сюда, как будто не терпит ни в чем нужды. Веселость не покидает его даже зимой, если погода не слишком скверная и солнышко хоть изредка показывается из-за туч. В то время как воробьи, наши постоянные оседлые птички, недовольные

сильным морозом, нахохливаются и печальным своим видом выказывают неудовольствие и уныние, крапивник все еще весел и поет свою песенку, как будто на дворе весна». Он сгорбившись скачет по земле, так что его можно принять за мышонка, проскальзывает с удивительной ловкостью и быстротой сквозь щели и дырки, которые недоступны другим птицам, без усталости перепрыгивает с изгороди на изгородь, с куста на куст и с одной кучи хвороста на другую, исследует все уголки и только разве что на минуту остановится, да и то в такой забавной позе: грудь опущена, а короткий хвостик вздернут. Если внимание его возбуждено чем-нибудь необыкновенным, он выражает свое волнение быстрыми поклонами, причем хвостик приподнят выше обыкновенного. Чувствуя себя в безопасности, крапивник беспрестанно поет или, по крайней мере, испускает свой призывный крик, только во время линьки он тише обыкновенного. Как только песнь окончена, начинается опять шмыганье и исследование окрестностей.

Летает крапивник лишь в случае крайней необходимости. Обыкновенно он порхает, вздергивая крыльями, над самой землей по прямой линии. Перелетая большие расстояния, крапивник описывает в воздухе извилистую линию, состоящую из небольших дуг. Легко заметить, как ему трудно летать, если начать преследовать его в открытом поле. Быстро бегущий человек может, по словам Наумана, так его утомить, что он сам дается ему в руки. Крапивник, впрочем, так хорошо сознает слабость своего полета, что никогда добровольно не покидает спасительных кустов, и даже в тех случаях, когда захвачен неприятелем недалеко от гнезда, скорее решается проскользнуть в какое-нибудь отверстие, чем пуститься в опасный перелет по воздуху. Превосходное, чрезвычайно приятное пение его состоит из многих громких меняющихся тонов, которые прерываются довольно продолжительной, благозвучной трелью; под конец эта же трель опять звучит, но гораздо тише, и часто снова появляется уже в самом конце песни, птица как бы заканчивает ею свое пение. Звуки так сильны и полны, что удивляешься, каким образом такая маленькая птичка может издавать их. Зимой это пение необыкновенно сильно действует на расположение духа человека. Вся природа тиха и безжизненна, деревья голы, земля погребена под снегом и льдом, все другие птицы безмолвны и печальны, и только он один, почти самый маленький из них, всегда веселый и довольный, напевает свою вечную песенку, в которой как бы слышится: «Вернется же когда-нибудь весна!» Каждому, даже самому жалкому и сухому филистеру, который не хочет понять поэтического взгляда на природу, приходят тогда на ум радостные мысли. Тот, у кого при зимней песне крапивника не забьется радостно сердце, — жалкий человек, не чувствительный к прекрасному.

**Семейство
крапивниковые**

* Срок инкубации у крапивника варьирует от 12 до 20 дней, составляя в среднем чуть более 16 суток. Насиживает одна самка.

Крапивник питается насекомыми, их личинками, паучками и другими мелкими животными, а осенью разными ягодами. Летом стол его обилен, он умеет найти себе пищу даже там, где другие птицы тщетно ищут ее. Зимой, однако, и ему приходится терпеть иногда нужду.

Гнезда крапивника весьма разнообразны по форме и материалу, да и сами места, выбранные им для постройки жилища, очень разные. Гнезда крапивника находили довольно высоко на деревьях и на самой земле, в углублениях почвы и в дуплах деревьев, в отверстиях каменных стен и в расщелинах скал, в хижинах угольщиков и под крышами домов, в тернистых кустарниках или под корнями деревьев, в кучах дров и в галереях рудников. Но всегда место для них выбрано весьма тщательно, особенно для первого весеннего гнезда, которое строится еще в то время, когда земля не успела покрыться богатой летней растительностью. Некоторые гнезда состоят из зеленого, другие из пожелтевшего мха, который так плотно свалян, что отдельные волокна кажутся склеенными. Форма гнезда шарообразная, и внутрь его ведет аккуратно сделанное отверстие. Некоторые гнезда походят на спутанную кучку листьев и выложены внутри перьями. Другие — не что иное, как починенные старые гнезда. Как бы то ни было, но гнездо крапивника всегда приспособлено к местным условиям, в соответствии с ними и выбран материал для постройки, так что иногда очень трудно разыскать это гнездо, несмотря на его огромную по сравнению с размером птички величину. Кладка состоит из 5—8 относительно больших круглых яиц, покрытых по чисто белому или желтоватому фону маленькими красновато-бурыми или ярко-красными точками, которые у толстого конца образуют венчик. Оба родителя сидят на яйцах поочередно в течение 13 дней*. Вместе выкармливают и воспитывают своих птенцов. Птенцы долгое время сидят в гнезде и, даже вылетев из него, еще длительное время держатся вместе.

Крапивника ловят в сети, западни или посредством сучьев, намазанных клеем, однако он не скоро привыкает к неволе. Но зато если его удастся приручить, то хозяин не нарядует на это, даже в неволе, привлекательное создание. Мы не знаем ни всех опасностей, которым подвергаются крапивники на воле, ни всех их врагов, но не подлежит сомнению, что их очень много, так как иначе птичек этих было бы гораздо больше, чем мы видим их в действительности.

**СЕМЕЙСТВО
ПЕРЕСМЕШНИКОВЫЕ (Mimidae)**

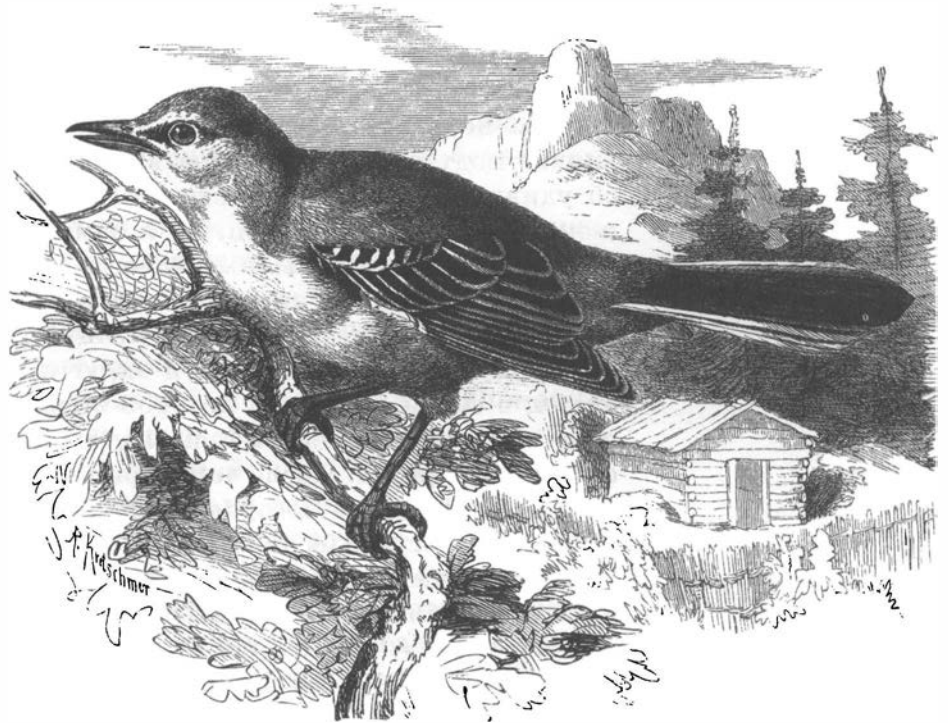
Из всех птиц этого семейства мы прежде всего выделим знаменитого **североамериканского певчего пересмешника** (*Mimus polyglottos*). Оперение верхней части тела серовато-бурое, уздеч-

ка и оперение по сторонам головы несколько темнее, нижняя часть тела блекло-бурая, подбородок и брюшко светлее, почти белые. Глаза бледно-желтые, клюв черно-бурый, ноги темно-бурые. Длина достигает 25 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, хвоста 13 см.

Отечеством пересмешника можно считать Соединенные Штаты, от 40 градусов к югу до Мексики; но на юге он встречается чаще, чем на севере. Отсюда перелетает он постоянно осенью в более южные широты. Однако в Луизиане живет уже оседло, если не на одном и том же месте, то, по крайней мере, в том же штате.

Пересмешник живет на всевозможных кустах, в густых лесах, на плантациях и в садах. Без страха вьет он гнезда близ человека, пользуясь его покровительством. В особенности зимой держится он поблизости от человеческих жилищ. Любимое его местопребывание — песчаные равнины на берегу реки или моря, поросшие низкими деревьями или кустами. В глубине лесов он встречается реже, и то разве во время перелета.

В движениях своих пересмешник походит на дроздов, но напоминает и пеньчюк. Он прыгает по земле, подобно дроздам, но при этом часто распускает хвост и так же быстро складывает его. Летает он небольшими дугами, причем опять то распускает, то складывает хвост. Одюбон уверяет, что эта птица, столь доверчивая к человеку на родине, на чужбине в первое время очень осторожна и пуглива и становится смелее, лишь пробыв некоторое время на одном месте. Не природное его пение, а подражательная способность доставила пересмешнику широкую известность и воодушевила американских наблюдателей на восторженные описания. Вильсон и Одюбон единогласно уверяют, что пересмешника можно считать царем всех певчих птиц и что между ними нет ни одной равной ему по силе и разнообразию голоса. «В этом пении, — говорит Одюбон, — слышатся не звуки флейты или какого-либо другого музыкального инструмента, а

Североамериканский
певчий пересмешник
(*Mimus polyglottos*)

чудесные естественные звуки. Полнота звука, разнообразие интонаций и переливов, сила голоса и блеск исполнения — просто неподражаемы! Вероятно, нет ни одной другой птицы, обладающей такими музыкальными способностями, какими одарила природа этого царя певцов. Многие европейцы утверждают, что песнь соловья по своей красоте равняется пению пересмешника. Я часто слыхал обоих на воле и в клетке и не могу не сознаться, что отдельные трели у соловья так же прекрасны, как и у пересмешника. Но я никогда не позволю себе сравнить песнь соловья с вполне законченным исполнением пересмешника». Вильсон не заходит так далеко, а европейские знатоки птичьего пения совершенно другого мнения. «Огромной известности пересмешника, — говорит Гергардт, — больше всего способствовало его умение подражать чужим голосам. Так как в Новом Свете чрезвычайно мало хороших певцов среди птиц, то даже посредственное пение кажется прекрасным и превозносится до небес. Во всяком случае, похвалы Одюбона сильно преувеличены: европейский знаток птичьего пения не воскрурил бы пересмешнику такого фимиама». Впрочем, Гергардт вполне подтверждает все отзывы американских наблюдателей об удивительной способности этой птицы к подражанию. «29 июня, — рассказывает он, — я заметил по соседству с собой поющего самца. Призывный голос и песнь американского крапивника составляли четвертую часть песни пересмешника. Он начал в тоне вышеупомянутой птицы, перешел к призывному голосу пурпуровой ласточки и вдруг крикнул соколом. Потом слетел с сухой ветки, на которой сидел до того времени, и на лету уже стал подражать призыву двуцветной синицы и странствующего дрозда. После чего, приподняв хвост и опустив крылья, стал бегать по изгороди и петь при этом, как мухоловка, горная трясогузка и танагра; к этому примешивался зов поползня. Затем взлетел на куст ежевики, сорвал с него две ягоды и закричал, как золотистый дятел и виргинская перепелка. Увидав кошку, пересмешник с громким криком бросился ей вслед и, обратив ее в бегство, опять взлетел на куст и снова принялся за свое пение». По словам Вильсона, голос пересмешника звучный, сильный и поддается всевозможным изменениям и переливам. «Ему доступны все звуки, от высоких и мягких тонов песни певчего дрозда до дикого крика коршуна. Пересмешник в точности передает темп и интонацию того певца, песне которого подражает, но превосходит его обыкновенно прелестью и силой исполнения. В лесах его родины ни одна птица не может соперничать с ним. Пение его разнообразно почти до бесконечности. Оно состоит из коротких тактов от 2 до 6 тонов, которые льются один за другим с необычайной силой и быстротой и раздаются иногда безостановочно в течение целого часа. Часто слушателю кажется, что поет целый хор

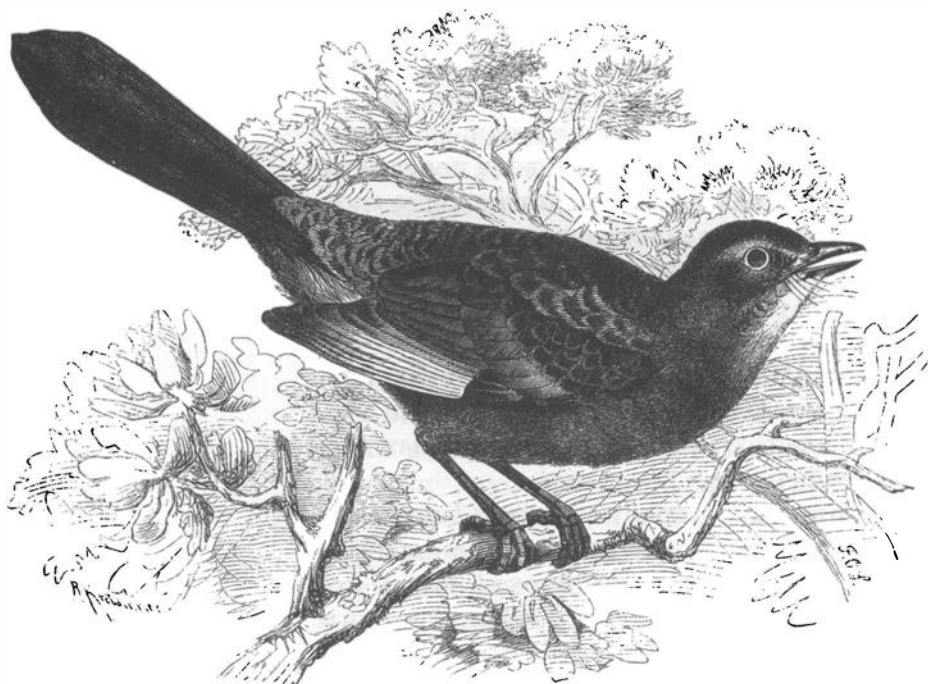
птиц. Таким образом, певец вводит в заблуждение не только охотника, но и других птиц». Пение изменяется в зависимости от местности. В лесу пересмешник подражает голосам лесных птиц, вблизи человеческого жилья он вплетает в свою песню все те звуки, которые слышатся ему во дворе. Он весьма точно передает не только крик петуха, кудахтанье кур, гоготанье гусей, криканье уток, мяуканье кошки, лай собаки и хрюканье свиньи, но и скрип двери, визг флюгера и пилы, хлопанье мельничных колес и всякие другие звуки. Иногда пересмешник поднимает страшный переполох среди домашних животных: например, он свистит в уши спящей собаке совершенно так, как это делает ее хозяин, и тем заставляет ее вскакивать на ноги и бежать без оглядки к своему господину; приводит в отчаяние наседку, подражая писку испуганного цыпленка; пугает робкую домашнюю птицу, подражая крику коршуна, и вводит в заблуждение влюбленного кота, воспроизводя до неподражаемой верности нежный призыв кошки. В неволе пересмешники не теряют своих талантов; напротив, усваивают еще многие другие звуки и шумы, которые иногда самым забавным образом присоединяют к благозвучным нотам собственного голоса.

Я вырастил и слышал на своем веку многих пересмешников и все-таки нахожу, что ни один из них не мог даже сравниться в пении с нашими соловьями. Однако некоторые знатоки уверяли меня, что действительно бывают самцы, пение которых достигает неподражаемого совершенства.

Птица-кошка, или кошачий пересмешник (*Dumetella carolinensis*). Отличительные признаки ее следующие: слабый, несколько изогнутый, скорее высокий, чем широкий клюв, который на самом кончике значительно загнут; средней длины ноги с короткими пальцами. Крылья короткие и закругленные, хвост довольно длинный, состоящий из перьев равной между собой ширины, к концу они постепенно расширяются и закругляются под тупым углом. Длина птицы 22 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, а хвоста 10 см. Оперение по большей части аспидно-серое, но середина брюшка несколько светлее, на темени и затылке черное, нижние покровные перья хвоста темного красновато-каштанового цвета; маховые перья черновато-коричневые.

Этот пересмешник населяет всю Северную Америку, от озера Виннипег до самой Флориды, и посещает зимой Центральную Америку, Вест-Индию и Багамские острова. В феврале он предпринимает свой обратный путь и появляется в это время во Флориде, Джорджии и Каролине. Не торопясь летит дальше и появляется к апрелю в Вирджинии и Пенсильвании. Наконец между первым и десятым мая прибывает в Новую Англию, где и поселяется на лето среди кустарников и плодовых садов.

Своим образом жизни и нравом кошачий пересмешник напоминает многоголосого пересмешника. Он такой же живой, беспокойный, любопытный и драчливый, только в пении значительно уступает ему. Хотя нужно сказать, что пение некоторых самцов богато переливами. Особенно замечательна подражательная способность кошачьего пересмешника, которая, как говорят, чрезвычайно забавна. Пение его также меняется в зависимости от местности, которую он населяет. В то время как, например, одна птица этого вида передает нам целые строфы из песни лучших певчих птиц, другая довольствуется точной передачей свиста кукушки, квохтанья наседки и писка цыплят или случайно услы-

*Птица-кошка
(Dumetella carolinensis)*

шанных ею крикливых, скрипучих и хриплых звуков, к которым она приплетает звуки собственной песни. Из всего этого образуется странное пение, не всегда, правда, одобряемое знатоками, но всегда забавное и увеселяющее слушателя. Свое название «птица-кошка» она получила от туземцев, вероятно, потому, что иногда подражает мяуканью кошки.

Кошачий пересмешник начина-

ет вить свое гнездо раньше или позже, в зависимости от того, когда наступит лето. Для этого он выбирает самую гущу лесной чащи или скрытый кустарник и строит здесь на высоте 2—3 м над землей грубое гнездо, состоящее из тонких веток, сена, сухих листьев, кусочков коры и змеиной кожи, бумаги и тряпок. Внутри оно выложено тонкими корешками. В это гнездо самка кладет 4—5 блестящих темно-зеленых яиц, 24 мм длиной и 17 мм толщиной и высиживает их с величайшей заботливостью. Самка и самец сидят на яйцах поочередно. С тем же единодушием посвящают себя оба родителя заботе о кормлении и воспитании птенцов. При виде врага выказывают большое мужество, смело нападают на опасных хищных животных, иногда даже на человека, причем жалобно кричат, пищат и почти всегда обращают в бегство нарушителя своего спокойствия. За первой кладкой следует вторая, а в благоприятные годы и третья.

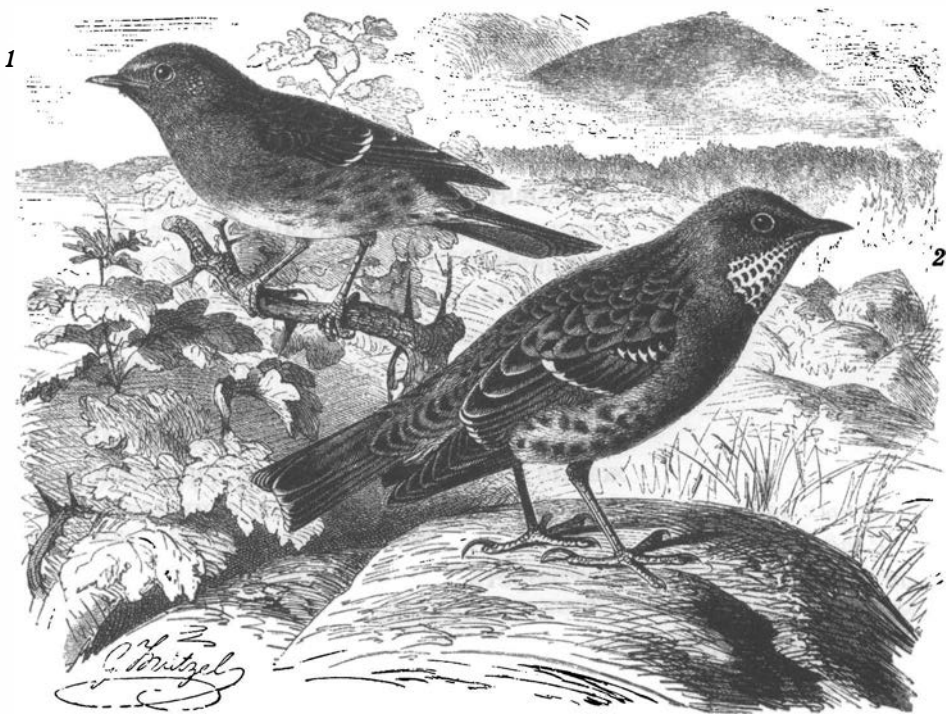
СЕМЕЙСТВО ЗАВИРУШКОВЫЕ (*Prunellidae*)

Семейство
завирушковые

Лесная завирушка (*Prunella modularis*) имеет стройное туловище, слабый клюв, не очень большие крылья и довольно длинный хвост. Оперение на голове, шее, горле и зобе пепельно-серое, на подбородке серовато-белое; на груди и брюшке оперение беловатое, по сторонам туловища буроватое с темными долевыми полосками. Глаза светло-карие, клюв бурый, ноги красноватые. Длина птицы 15 см, размах крыльев 21,4, длина крыла 7,1, хвост 6 см.

Лесная завирушка выводит птенцов во всей Европе, начиная с 64 градуса северной широты до самых Пиренеев, Альп и Балкан; она встречается также и севернее, а зимой появляется на юге Европы, залетает даже в северную Африку и восточную Азию.

«Лесная завирушка, — говорит мой отец, — сильно отличается от других птиц, и знаток сразу узнает ее по движениям. Она с большой ловкостью прыгает не только в густом кустарнике, но также и по земле, проскальзывает во все закоулки, продирается сквозь высокую жесткую траву, роется в опавшей листве и во всем этом проявляет замечательное проворство. По земле завирушка прыгает с быстротой бегущей мыши. Обычное положение ее туловища горизонтальное, с приподнятым хвостом и согнутыми плюснами, но часто она приподнимает переднюю часть тела, шею вытягивает, а хвост опускает. Если ее испугнуть с земли, она вспархивает на ветку, осматривается по сторонам и покидает место только тогда, когда убедится, что опасность близка. Полет завирушки быстрый; она проворно машет крыльями и летит по довольно прямому направлению. Когда птица перелетает с одного куста на другой, то держится обыкновенно низко над землей, но если улетает с места, то поднимается высоко в воздух и удаляется. Она старательно прячется, когда отыскивает себе пищу, и, напротив, охотно выставляет себя напоказ, когда поет. Ее можно видеть

1 — Лесная завирушка
(*Prunella modularis*)
2 — Альпийская завирушка
(*Prunella collaris*)

Семейство
завирушковые

* У лесных завирушек кладку насиживает только самка.

** У некоторых пар бывает и третий выводок.

тогда на верхушке сосны, впрочем, редко выше 20 м над землей, или на отделившейся от других ветви. Особенно она любит сидеть на самых верхних ветвях. Пение ее состоит из немногих звуков, перепутанных между собой и не особенно приятных». Летом лесная завирушка питается преимущественно насекомыми, особенно маленькими жучками и их личинками. При перелете же ест исключительно мелкие семена, а для пищеварения глотает иногда кусочки древесины.

В конце апреля лесная завирушка приступает к постройке гнезда. Самец в это время поет не умолкая, ожесточенно ссорится с соперниками, а впоследствии помогает самке в постройке искусственного гнезда. Оно помещается обыкновенно в густых ветвях, чаще всего в низких соснах, приблизительно на высоте одного метра над землей. «В основание гнезда закладывается нескольких сухих ветвей, само же оно состоит исключительно из тонких зеленых стебельков мха, которыми иногда выстилается и внутренность гнезда. Обычно внутренняя выстилка жилища состоит из красноватых стебельков мха, отчего оно выглядит как бы выстланным волосами беличьего меха. Между стебельками мха часто попадаются древесные лишайники, отдельные стебельки вереска, а самое ложе внутри гнезда выстилается иногда тонкими сухими листочками травы, овечьей шерстью и перышками. В мае бывает первая кладка, а в июле вторая. Первая состоит из 4—6 голубовато-зеленых яиц, вторая обыкновенно из четырех. Яйца имеют 20 мм в длину и 14 мм в толщину. Они насиживаются в продолжение 12—14 дней, по всей вероятности, обоими родителями, которые с такой же любовью занимаются этим делом, с какой относятся и к выводку*. Во время опасности самка пускает в ход притворство. После первого выводка в июле бывает второй**.

В альпийском поясе снежных гор южной Италии я, к моему великому удовольствию, впервые встретил один вид этого семейства, до сих пор известный мне только по описаниям, — **альпийскую завирушку** (*Prunella collaris*), которая живет на всех высоких горах Европы. То быстро скользя по разбросанным обломкам скал, то скрываясь в душистых кустах розмарина и тимьяна, то взлетая на какую-нибудь громадную глыбу, она распевала здесь свою тихую, благозвучную песенку, несмотря на бури и вьюги, которые так часто свирепствуют в горах в ноябре. Даже в таких условиях она была оживлена, бодра, резва и проворна в своих движениях, вовсе не робка, а скорее доверчива — одним словом, производила на наблюдателя приятное впечатление. Мы встречали ее поодиночке или маленькими группами до самых снеговых полей, но в большем количестве — на солнечных склонах этих величественных гор. Иногда она спускается вниз, в долины, однако излюбленным местом ее обитания являются, по-видимому, вершины. И те птицы, которые днем порхали внизу, к вечеру снова собирались на вершинах гор. Отдель-

ными стаями рассаживались они на ночлег на крутых скалах с отверстиями и расщелинами или в кустах и траве, где кроме них гнездились также альпийские вороны и горные голуби*. Ранним утром стая покидала место своего ночлега, разделяясь на группы, и каждая птичка принималась за свое дело. Впоследствии мне часто приходилось встречать симпатичную птичку в Баварских Альпах. Это единственное место в Германии, где альпийская завирушка выводит птенцов.

В благоприятные годы завирушка выводит птенцов два раза. Так, в ее гнезде находили яйца ранней весной, а затем в конце июля. Гнездо устраивается в расселинах и щелях, под обломками скал или в густых кустах альпийского рододендрона, всегда в таком месте, где оно прикрыто и защищено со всех сторон. Гнездо состоит из мха и стеблей травы, а внутри тщательно выстлано нежнейшим мхом или шерстью, иногда лошадиными или коровьими волосами. Кладку составляют 4—6 длинноватых голубовато-зеленых яиц с гладкой скорлупой. Они отличаются от яиц лесной завирушки только своей величиной: в долевом разрезе имеют 34 мм, а в поперечном 17 мм.

Альпийская завирушка легко свыкается с неволей, скоро становится чрезвычайно ручной и при соответствующем уходе может прожить несколько лет в клетке, услаждая слух хозяина своим приятным нежным пением.

СЕМЕЙСТВО ДРОЗДОВЫЕ (Turdidae)

Первая из этих групп может быть названа дроздовыми. Плюс на их спине покрыта сплошной роговой оболочкой, а птенцы отличаются от взрослых крапчатым оперением. Дроздовые живут во всех частях света, Рейхенов относит к ним до 280 видов**.

Дроздовые обитают в самых разнообразных местностях, хотя большая часть их предпочитает леса. Характерным признаком этих птиц можно считать то, что многие из них часто держатся на земле, независимо от того, покрыта она растениями или представляет собой скалистую и каменистую почву, расположена в тени или под палящими лучами солнца. Богато одаренные во всех отношениях дроздовые птицы приобрели расположение человека благодаря своему пению, которое почти всегда превосходно. Кроме того, они приносят только пользу и поэтому вполне заслуживают ту любовь, с которой люди относятся к ним. Пищу дроздовых составляют насекомые, их личинки, мягкотелые и другие мелкие земляные и водные животные, а летом и разные ягоды. Те из них, которые обитают в северных широтах, относятся к перелетным птицам, которые исчезают из наших стран ранней или поздней осенью, а весной снова возвращаются. Вскоре после прилета начинается гнездование. Гнезда и яйца их настолько раз-

* Имеются в виду альпийские галки (*Pyrrhocorax graculus*) и клушицы (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*).

** Согласно современным представлениям систематиков, семейство дроздовых включает немногим более 300 видов птиц.

нообразны, что едва ли можно сказать о них что-либо общее; точно так же разнообразны и способы воспитания детенышей.

Врагами дроздовых следует считать всех хищных животных, живущих с ними по соседству. К их врагам относится и человек, который наносит им самый чувствительный вред, причем не только тем, что ловит взрослых и молодых птиц и держит их в клетках, иногда лакомится их мясом и забирает у них яйца, но и тем, что вытесняет птиц из любимых убежищ. Натуралисты и птицеловы-любители мешают размножению этих певчих птиц тем, что убивают их или ловят для содержания в неволе, а сельские жители и лесоводы ставят их в бедственное положение, уничтожая кусты и изгороди, чтобы обратить лес в пашню или придать ему однообразный и правильный вид. Содержание дроздовых в неволе следует не считать преступлением, а скорее оправдывать, если уход за птицами ведется сведущими людьми. Именно эти птички принадлежат к самым приятным сожителям, каких может приобрести себе человек, обреченный на затворническую жизнь в комнатах. Своевременно пойманные птицы при хорошем уходе скоро привыкают к утрате свободы, сводят тесную дружбу со своим хозяином, всячески стараются выказать ему свое расположение и привязанность, грустят, когда не видят его, ликут, когда он снова появляется — одним словом, вступают с человеком действительно в тесную связь. Но они требуют заботы и терпения, хотят быть понятыми, поэтому к ним следует приглядываться и внимательно наблюдать за ними. Те люди, которые хотят, чтобы птичка как можно дольше прожила в клетке, должны сначала пойти к опытному птицеводу и поучиться у него содержать дрозда или соловья в неволе. Кроме того, необходимо беззаветно любить своего питомца и проявлять к нему большое терпение. Без этих качеств они не только лишат лесного певца свободы, но и похитят у него жизнь. Обычно этим грешат не опытные любители, а полные невежды, взявшиеся не за свое дело.

Выше всех прочих дроздовых стоят соловьи. Они характеризуются ржаво-бурым цветом хвоста, а также небольшим красивым клювом, относительно мало развитыми щетинками около клюва и средней длины крыльями.

Наш прославленный южный, или западный, соловей (*Luscinia megarhynchos*) может быть описан коротко. Цвет перьев на верхней части тела красновато-буро-серый, темнее лишь на темени и на спине; нижняя часть тела светлого желтовато-серого цвета, середина груди и горло самые светлые. Глаза красновато-карие, клюв и ноги красновато-серо-бурые. Длина его равна 17 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Самочка несколько меньше самца.

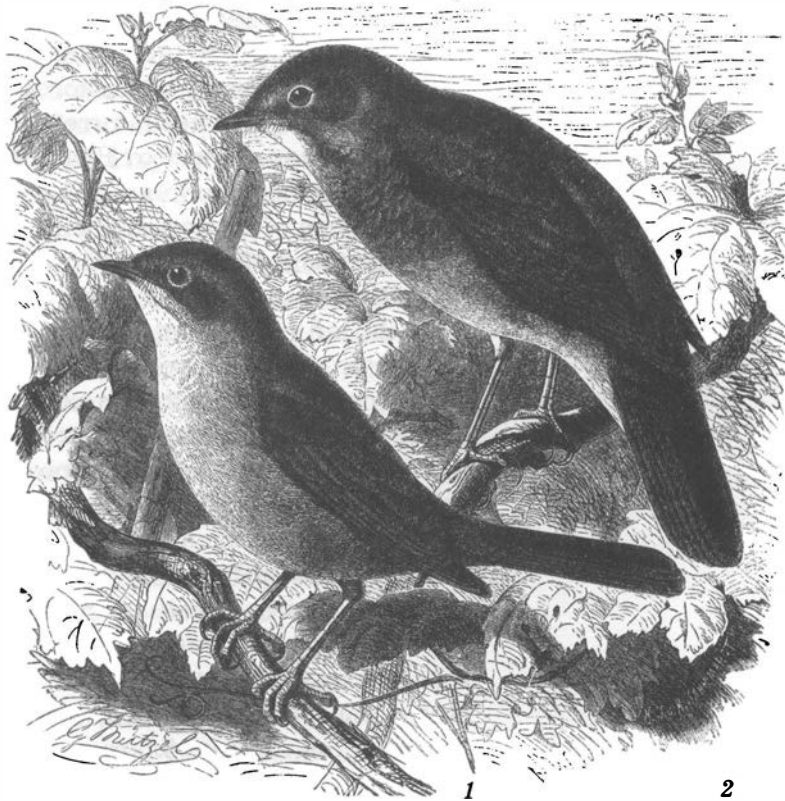
Обыкновенный соловей (*Luscinia luscinia*) хотя и больше, а в особенности толще западного, но очень на него похож. Важ-

ными отличительными признаками его считаются следующие: первые маховые перья гораздо короче, чем у западного соловья, а верхняя часть груди покрыта большими и несколько туманными пятнами. Длина его 19 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, а хвоста 8 см.

О распространении западного и восточного соловьев можно сказать следующее. Западный выводит детенышей во всей западной, средней и южной Европе. В Великобритании — только в Англии, очень редко в Швеции*. Он довольно распространен в северной, средней и южной Германии, часто встречается в Венгрии, Словении, Кroatии, Верхней и Нижней Австрии, Моравии, Богемии и на всех трех южнoевропейских полуостровах. Однако, по-видимому, не гнездится далеко на востоке и юге, но все же живет в южной России, Крыму, на Кавказе, в Малой Азии и Палестине, а на юге отечество его не распространяется далее Атласских гор.

Соловей предпочитает равнины, но не избегает и гористых местностей, если только там встречаются лиственные деревья и кусты. В Швейцарии, например, он не редок на горах высотой до 1000 м; в Испании, по моим наблюдениям, он встречается еще на 600 м выше. Излюбленные места его обитания — лиственные леса с низкорослыми деревьями, а особенно местности, поросшие кустарником, с оврагами, где протекают речки или прорыты каналы, а также берега больших рек и озер и конечно же сады, в которых есть глухие уголки. Пары селятся рядом, однако каждая из них имеет свой участок, который строго охраняется и храбро защищается от вторжения остальных птиц. Если местность отвечает их требованиям, то соловьи там весьма обыкновенны. Меня поразило, что достаточно большое количество соловьев уживаются в одной местности или в одном саду. Едва ли будет преувеличением утверждать, что в Испании, например, каждая изгородь и каждый куст в подходящем для соловьев месте служат им убежищем. У человека, имеющего музыкальный слух, навсегда останутся в памяти утренние прогулки на Монсеррате или вечерние часы отдохнове-

* В наши дни южный соловей в Швеции не встречается.

1 — Южный соловей
(*Luscinia megarhynchos*)
2 — Обыкновенный соловей
(*Luscinia luscinia*)

** В Польше живут
оба вида соловьев.*

ния, проведенные за стенами Альгамбры. Там можно услышать одновременно до сотни соловьев, их песни раздаются повсюду. Вся обширная зеленеющая Сьерра-Морена может считаться огромным соловьиным садом, а таких гор в Испании очень много. Трудно постичь, как такой маленький участок, какой здесь приходится на долю каждой пары, способен пропитать этих требовательных птиц вместе с их многочисленным потомством.

Область распространения восточного соловья на севере и востоке граничит с местом жительства западного. Это самый обыкновенный соловей в Дании и единственный, встречающийся в Скандинавии, восточной Померании и во всей северной и средней России. Он заменяет западного соловья в Польше*, а может быть, и в Галиции. В незначительном количестве населяет среднее течение Дуная, на юге от Вены, и, наконец, за Уралом встречается во всех речных долинах Западной Сибири. Здесь он сохранил в полной мере всю чистоту, полноту и богатство звуков своей песни, которая разнообразием строф восхищает ухо путешественников так же, как прежде восхищала их предков.

Зимой оба соловья улетают в среднюю и западную Африку, а восточный, кроме того, и в южные страны Азии. По образу жизни соловьи настолько похожи между собой, что можно ограничиться жизнеописанием какого-нибудь одного из них. Так я и намерен поступить, имея, впрочем, в виду западного соловья. Там, где этот чудный певец пользуется некоторым покровительством человека, он селится в непосредственной близости от его жилища, вовсе не выказывает пугливости, скорее наоборот, бывает даже смел, и потому жизнь и действия его нетрудно наблюдать. По мнению Наумана, неподражаемому и прекрасному описанию которого я намерен следовать, нрав соловья может быть назван строгим и рассудительным. Движения его размеренны и исполнены достоинства, осанка благородная, и в этом отношении он превосходит всех других птиц нашего отечества. Обыкновенно соловей сидит на ветке, невысоко над землей, довольно прямо, приподняв хвост и опустив крылья так низко, что кончики их расположены ниже основания хвоста. Соловей редко прыгает по веткам. Если же это случается, то не иначе, как большими скачками. По земле он скачет большими прыжками, вытянув ноги и вздернув хвост; по выражению Наумана, очень гордо, всегда в несколько приемов, между которыми бывают остановки для отдыха. Если внимание его чем-либо привлечено, то соловей несколько раз взмахивает хвостом, повторяя это движение при всяком удобном случае. Соловей летает быстро и легко, поднимаясь и опускаясь в воздухе дугами, маленькие же расстояния перелетает, порхая с куста на куст и покачиваясь из стороны в сторону. Днем никогда не носится над открытым полем. В том, что соловьи способны летать очень быстро, можно убедиться, глядя, как ревнивые самцы преследуют друг друга во время ссор.

Щелканье западного соловья, благодаря которому он приобрел наше особенное расположение, так благозвучно и богато тонами, что с успехом соперничает с голосами других птиц, кроме немногих его сородичей. По мнению Наумана, оно превосходно и своеобразно, отличается полнотой тонов, представляет собой такое приятное разнообразие и такую увлекательную гармонию, какой не находим мы у остальных птиц. С невыразимой приятностью мягкие флейтовые звуки сменяются громкими, жалобные — веселыми. Одна строфа начинается нежно, постепенно усиливается и снова замирает, переходит в тихое *piano*, другая, напротив, состоит из отдельных отчетливых и изящных, как бы отчеканенных нот. Таким образом, грустные тоны, которые можно сравнить с чистейшими звуками флейты, постепенно переходят в веселый мотив. Паузы усиливают чарующее действие этой мелодии, а господствующий в ней умеренный темп дает возможность вполне насладиться ее красотой. Слушая соловья, дивишься то разнообразию волшебных звуков, то их полноте и необычайной силе. Причем невольно приходит мысль, каким чудом столь маленькая птица может производить такие громкие звуки и как в ее горловых мускулах может заключаться столь большая сила? Некоторые строфы действительно поются так громко, что пронзительные звуки их причиняют боль ушам, если слушать их совсем близко. У самых лучших соловьев песня заключает в себе от 20 до 24 различных стрóf.

Вот как описывает соловьиное щелканье Тургенев.

«Хороший соловей должен петь разборчиво и не мешать колен, а колена вот какие бывают:

Первое: Пульканье — этак: пуль, пуль, пуль, пуль.

Второе: Клыканье — клы, клы, клы, как желна.

Третье: Дробь — выходит примерно, как по земле дробь просыпать.

Четвертое: Раскат — трррррр.

Пятое: Почти понять можно — плень, плень, плень.

Шестое: Лешева дудка, этак протяжно го, го, го, го, а там коротко: ту!

Седьмое: Кукушкин перелет — кукушка как полетит, таким манером кричит. Сильный такой звонкий свист.

Восьмое: Гусачок: га, га, га, га.

Девятое: Юлиная стукотня: как юла — есть птица, на жаворонка похожая, — или как вот органчики бывают, такой круглый свист: фюиюиюиюию.

Десятое: Почин — этак: тии-вить, нежно, малиновкой. Это по-настоящему не колено, а соловьи обыкновенно так начинают. У хорошего нотного соловья оно еще вот как бывает: начнет — тии-вить, а там — тук! Это оттолчкой называется. Потом опять тии-вить... . тук! тук! Два раза оттолчка — и в пол-удара, этак

лучше; в третий раз: тии-вить — да как рассыплется вдруг с... . с... . дробью или раскатом — едва на ногах устоишь — обожжет!»

У немногих соловьев наблюдается такое разнообразие в пении. Местность оказывает очень сильное влияние на их пение, а так как молодые соловьи подражают старым, живущим вблизи, и учатся у них, то понятно, что в одной местности встречаются почти исключительно превосходные певцы, а в другой, напротив того, только посредственные. Старые самцы всегда щелкают лучше молодых, потому что и у птиц благородное искусство требует упражнения. Живее всего звучит песня, когда певца обуревают ревность. Она служит тогда оружием, которым каждый из противников старается наилучшим образом воспользоваться. Обыкновенно говорят, что соловей — певец ночи. В целом это верно, хотя бывает, что они поют и днем. В порыве первых увлечений, еще прежде, чем самочка начинает нести яйца, чудное пение раздается во всякое время ночи, позднее оно слышится все реже и реже. Лес как бы затихает, кажется, будто певец несколько успокоился и возвращается к привычному образу жизни.

Некоторые любители предпочитают песню восточного соловья и совершенно справедливо прославляют трели его как нечто неподражаемое.

По-моему, Греснер точнее всех характеризует разницу между песней того и другого соловья. «Я долго прислушивался к соловьям, и мне удалось выяснить, что самые искусные певцы среди западных соловьев щелкают определенно раздельными строфами, воспроизводя их не всегда в одинаковом порядке и в различном ритме, смотря по настроению и по времени дня. Между тем как восточный соловей свойственные ему колена видоизменяет, так что едва ли можно говорить о какой-либо последовательности определенных тонов у него. Пение западного представляет известную мелодию, хотя бы и с отступлениями и вставками созвучий. Щелканье же восточного раздается речитативом, в котором маэстро разрешил исполнителю большие вольности, и тот ими воспользовался, так что нередко колена, повторенное им несколько раз, делается каждый раз неузнаваемым, оно зависит от настроения певца и от чувства, с которым тот его исполняет. Понятно, что впечатление получается сильнее, если вместо ожидаемых знакомых звуков и строф привычного размера из неисчерпаемого богатства тонов рождаются все новые и новые созвучия. Поэтому я ставлю восточного соловья выше западного, так как он не только певец, но и композитор и изменяет свою песню соответственно своему душевному состоянию».

Ближайшими сородичами соловьев следует считать **варакушек** (*Luscinia svecica*). Туловище у них стройное, клюв вытянутый, перед ноздрями немного сжат, кончик имеет вид шила. Ноги у варакушек длинные и тонкие, крылья короткие и довольно ок-

ругленные, хвост средней величины, оперение мягкое, цвет его различен в зависимости от пола и возраста.

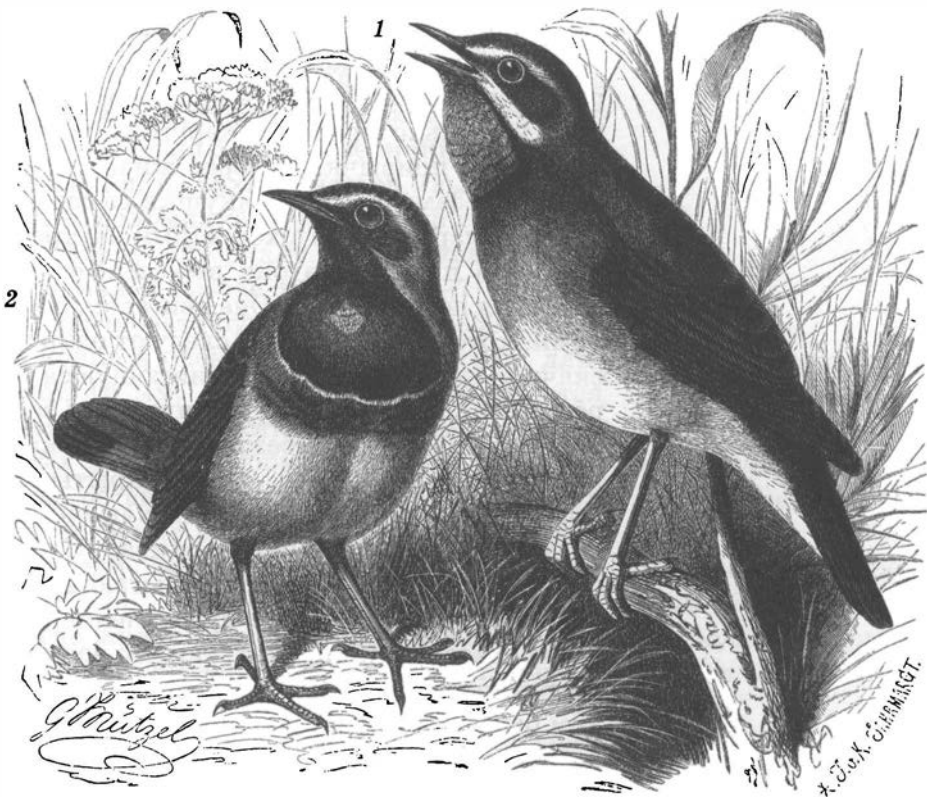
У самцов верхняя часть тела землисто-бурого цвета, нижняя часть грязно-белого, по бокам с серовато-бурым налетом. Горло великолепного лазурево-синего цвета, иногда со звездой (пятном) другого цвета. Под горлом проходит черная полоса, отделенная от синего цвета узкой светлой каемкой. Над глазами — бровные беловатые полосы, которые соединяются между собой на лбу. У самки все цвета бледнее и грудной щиток мало заметен. Длина взрослой птицы около 15 см, размах крыла 22, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Виды варакушек отличаются главным образом по цвету горла. Например, краснозвезда, или шведская, варакушка имеет на синем горловом щитке коричнево-красное пятно, а белозвезда варакушка на том же месте — белое пятно, которое, впрочем, исчезает у очень старых экземпляров*. Белозвезда варакушка больше и толще краснозвезды. Самки, конечно, как выше сказано, бледнее самцов по оперению, но часто их трудно различить, так как старые самки делаются похожими на самцов. По образу жизни и привычкам оба вида в главных чертах сходны между собой.

Варакушки летом живут на севере Старого Света, а зимой улетают в южную Азию и северную Африку. Краснозвезда варакушка в Германии гнездо не вьет, а гнездится в большом количестве в Скандинавии, северной Финляндии, северной России и Сибири. Белозвезда, напротив, встречается чаще на юге и западе. Насколько известно, в перечисленных странах она не замечена, а живет в северной Германии и Голландии. Оба вида посещают во время своих странствований всю Германию, а также южную Европу, северную и среднюю Африку, а краснозвезда варакушка еще среднюю и южную Азию, причем доказано, что эта

Семейство Дроздовые

* Все варакушки относятся к одному виду, который подразделяется на ряд подвидов. Как выяснено специальными исследованиями, цвет пятна на зобе не зависит от того, к какому подвиду относится птица, это всего лишь признак цветовой морфы варакушек.

1 — Соловей-красношейка
(*Luscinia calliope*)
2 — Варакушка
(*Luscinia svecica*)

** Это не совсем так. Осенью начинают миграцию взрослые птицы, а оканчивают молодые.*

птица перелетает через горы высотой 5000 м над уровнем моря, чтобы зимой найти убежище в Индии и других южноазиатских странах. В средней Европе они поселяются на берегах рек, ручьев и озер, заросших кустами, высокой травой и тростником, а на севере птицы эти живут в тундрах. Зимние месяцы они проводят на лугах, покрытых высокой травой, не очень мокрых болотах и прочих подобных местах. Варакушки не странствуют так далеко, как другие певчие птицы, а зимуют уже в нижнем и среднем Египте, в среднем Китае или северной Индии, однако иногда залетают в южные равнины Индии и в местности около верхнего течения Нила. Во время своих странствований они держатся известных путей, например речных долин, и отдыхают всегда в определенных местах. Весной самцы прилетают несколько раньше самок, а осенью самцы и самки всех возрастов улетают одновременно, сразу всем обществом*. Весной птицы при перелете держатся берегов рек и ручьев; осенью же не придерживаются этих естественных путей, а перелетают напрямик, отдыхая на полях, где хлеб еще не увезен, а одиночные экземпляры встречаются даже в пустынях. Для летнего местопребывания варакушки всегда выбирают сырые берега рек, густо поросшие кустами.

Варакушки, как та, так и другая, очень милые птички, которые кажутся симпатичными любому наблюдателю. Нас привлекает не только красивая наружность этих птичек, но еще более их нравы, привычки и образ жизни. Как у большинства певчих птиц, мы замечаем у варакушки самое счастливое сочетание прекрасной наружности с хорошими внутренними качествами. Больше всего проворства она выказывает на земле: это настоящая наземная певчая птица. Она двигается по почве не шагами, а прыжками, которые так быстро следуют один за другим, что отдельных скачков не замечаешь, идвигающуюся по земле варакушку скорее можно принять за бегающую, чем за прыгающую птицу. При этом ей совершенно безразлично, лежит ли ее путь по сухому или по вязкому грунту, через открытые поляны или через самый густой кустарник и траву, так как она везде умеет пролезть. На ветвях птица только перепархивает с места на место и спокойно сидит там, где приютилась. Прыгающая по земле варакушка производит очень приятное впечатление: она прямо держится на ногах, хвостик приподнят, так что вся ее фигурка выражает самоуверенность, даже смелость. Полет у нее проворный, но не слишком быстрый, летает большими или меньшими дугами, но никогда продолжительно. Обыкновенно эта птичка поднимается только на один или два метра от земли и спускается на первый, встретившийся ей куст, чтобы продолжить свой путь по почве. По развитию внешних чувств и душевных качеств варакушка стоит на одном уровне с соловьем. Она очень понятлива и скоро замечает хорошие и дурные намерения существ, с которыми ей приходится встречаться. Обычно она смела и доверчива к человеку, но быстро

делается пугливой и осторожной, если замечает, что за ней гоняются. Когда ее не беспокоят, то она выказывает необыкновенно жизнерадостное настроение и большую веселость. Если варакушка находит свое ежедневное пропитание, то бывает в хорошем расположении духа, подвижна, весела, а весной всегда готова петь. С другими птицами миролюбива, а себе подобных любит дразнить. Подобные игры часто превращаются в серьезные драки, особенно если в дело вмешиваются любовь и ревность. Тогда может случиться, что два самца вступят в поединок и будут драться с большим ожесточением до тех пор, пока один из них не ляжет на месте. Две варакушки, посаженные вместе в комнату или клетку, часто начинают ссориться и дерутся до тех пор, пока одна не околеет.

Пища этих птиц состоит из различных червей и насекомых, которых можно найти в сырых местах, где живут варакушки. Осенью они едят и ягоды. В тундрах краснозвездая варакушка питается летом почти исключительно комарами и их личинками.

Гнездо устраивает всегда близ воды, большею частью на берегах канав или ручьев, по словам Гинца, всегда на той стороне, которая освещается утренним или полуденным солнцем. Гнездо расположено на самой земле или невысоко над нею, иногда в ямке под каким-нибудь прикрытием между корнями или кустами. Оно довольно хорошо свито, относительно большой величины и сверху открыто. Основание его делается из сухих листьев ивы или прутьев, а внутри оно отделано соломинками и тонкими стебельками. В северных странах к этому материалу примешиваются волосы и перья. В середине мая в гнезде находят 5—7 светлых синевато-зеленых яиц с красновато-бурыми крапинками, буроватым налетом на тупом конце и очень нежной скорлупой; длиной они 20 мм, а шириной 16 мм. Насиживание продолжается около двух недель, причем на яйцах сидят попеременно и самец и самка*. Птенцы, которых родители кормят разными червяками и мелкими насекомыми, оставляют гнездо раньше, чем могут летать, и сначала бегают по земле с проворством мышей. При благоприятной погоде родители, вероятно, приступают летом ко второй кладке**.

Условия местности, где живут варакушки, и проворство их спасают этих птичек от многих врагов, которые опасны другим певчим. Взрослые птицы во время насиживания, а в особенности их яйца и беспомощные птенцы, делаются зачастую жертвами лисы, других мелких хищников и крыс. От остальных же своих врагов варакушки, как взрослые, так и молодые, мало страдают. Необыкновенное проворство этой птички, а также умение ловко прятаться значительно затрудняют охоту с ружьем. Как только она замечает опасность, то с необыкновенной хитростью прячется в столь густые кусты или изгороди, что охотник никак не может увидеть ее. Но варакушка не в состоянии противостоять искуше-

* У варакушек насиживает преимущественно самка, самец помогает ей, но лишь иногда.

** На севере лесной зоны и в тундре варакушки имеют только одну кладку в сезон.

нию при виде жирного мучного червяка и потому легко попадает в самые простые западни.

Зарянка, или **малиновка** (*Erithacus rubecula*). Верхняя часть туловища темного оливково-серого цвета, брюшко сероватое, лоб, горло и верхняя часть груди желтовато-красные. Самочка немного бледнее самца. У птенцов на верхней части тела по оливково-серому фону расположены ржаво-желтые пятна у основания перьев, а на нижней части тела по матово-ржавому фону — серые пятна у основания перьев, которые, кроме того, имеют серые каемки по краям. Глаза у этой птички большие, коричневого цвета, клюв черновато-бурый, ноги красновато-рогового цвета. Длина птицы 15 см, размах крыльев 22, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Зарянка водится, кажется, только в Европе, по крайней мере, она не залетает далеко за границы этой части света*. Область гнездования ее простирается от 67 градуса северной широты до Малой Азии и от Атлантического океана до реки Оби. Во время своих перелетов она посещает северную Африку, Сирию, Палестину и Персию; большинство же зарянок улетает от нас на зиму в южную Европу.

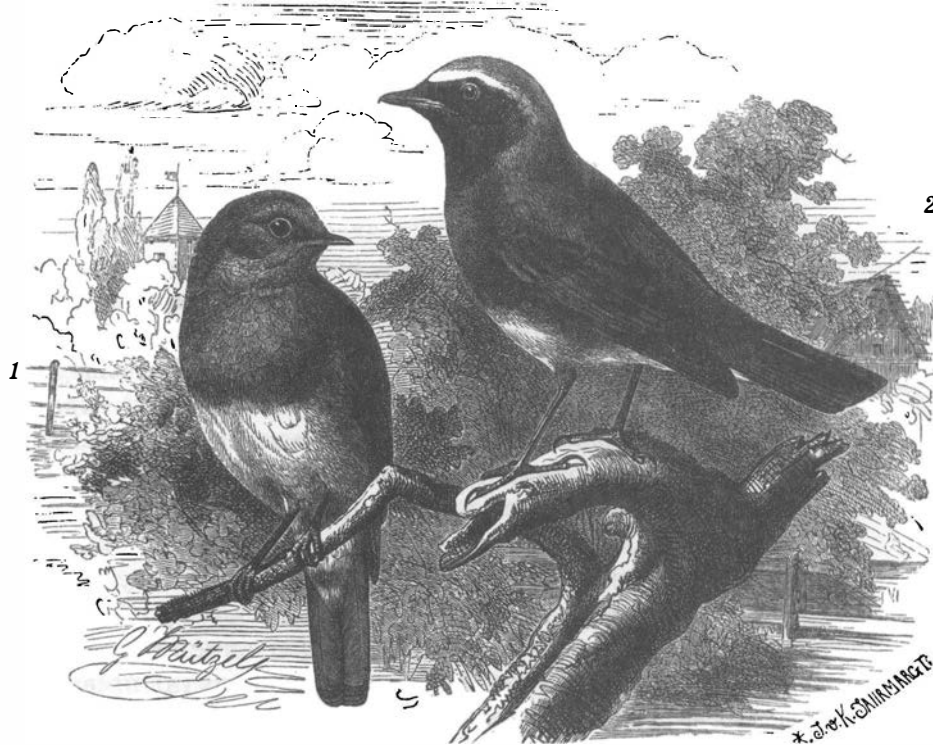
Это премилая птичка постоянно выказывает свой живой и веселый нрав. Прыгая по земле, она держится очень прямо, несколько опустив крылышки, хвост располагает горизонтально, на ветках сидит согнувшись. Зарянка весьма быстро прыгает по земле, но большей частью делает остановки; таким же образом она двигается по горизонтальным сучьям, а с ветки на ветку перелетает. Зарянка летает хорошо, хотя и не вполне правильно. При небольшом расстоянии она то парит, то подскакивает на воздухе, а когда ей приходится пролетать большие пространства, то полет ее образует извилистую линию, состоящую из больших и малых дуг. Птичка охотно садится на видном месте, будь то конец ветки или даже земля, хотя и редко. Днем почти никогда не летает высоко на открытых местах, так как не уверена в своей безопасности, хотя на вид кажется очень смелой. Человека она едва ли боится, но хорошо знает своих врагов и при появлении их выказывает боязнь и опасение. Она не отличается мирным характером и не прочь подразнить других птиц, даже серьезно подражаться с ними, поэтому редко встречается. С другой стороны, некоторые наблюдатели отмечали у нее и хорошие черты. Говорят, зарянка выказывает сострадание и сочувствует несчастным. Она иногда воспитывает осиротевших птенцов других певчих птиц, которые еще не могут пропитать себя сами, и помогает больным реполовам.

В средней Германии зарянка появляется уже в середине марта, если погода мало-мальски сносная. Однако ей приходится еще много страдать от холода и голода до наступления настоящей весны. Зарянки летают очень высоко и поодиночке, при этом громко щебечут, а с восходом солнца опускаются в леса, кусты и

** Эти сведения в настоящее время не совсем верны. Сейчас зарянка распространена по всему югу Западной Сибири в пределах лесостепи, южной и средней тайги вплоть до истоков Оби. Однако в целом зарянка — вид европейского происхождения.*

сады, чтобы отдохнуть и найти пропитание. Как только они появляются в местах своего летнего пребывания, лес сразу же оглашается громким щебетанием, которое звучит как резкое «шникер-и-кик». Оно повторяется несколько раз и затем звучит в виде трели. С наступлением теплой весенней погоды начинается настоящее пение. Если пойти туда, откуда слышится пение, то на конце одной из высоких ветвей большого дерева можно увидеть самца. Он сидит прямо, гордо приподняв голову, с несколько опущенными крыльями и раздутым зобом, точно исполняет важнейшую работу своей жизни. Самец поет с утренней зари до наступления ночи, как весной, так и осенью. Зарянки ревностно защищают свой участок и не терпят в нем другой пары зарянок, однако участок одной пары граничит с местом обитания другой. Гнездо находится почти всегда в середине участка. Оно устраивается на земле или близ поверхности ее: в ямках, гнилых пнях, между корнями, во мху, густой траве, даже в пустых норках некоторых млекопитающих.

Слишком большое помещение зарянка наполняет сухими листьями, внешние стенки гнезда делаются из мха, сухих ветвей и листьев, а иногда из одного мха. Внутренность гнезда устилается тонкими корешками и соломинками, волосами, шерстью и перьями. Если ямка, в которой устроено гнездо, не представляет защиты от дождя, то над ним устраивается крышечка и входное отверстие делается сбоку. В конце апреля или в начале мая можно увидеть в гнезде 5—7 яиц, имеющих 20 мм в длину и 15 мм в ширину; скорлупка у них очень тонкая, желтовато-белого цвета и покрыта многочисленными мелкими ржаво-желтыми пятнышками. Самец и самка высиживают яйца по очереди*. Детеныши вылупляются через 14 дней, родители их усердно выкармливают, так что птенцы скоро вырастают. После вылета из гнезда они еще дней восемь остаются при родителях, которые учат их летать и добывать корм.

1 — Зарянка
(*Erithacus rubecula*)
2 — Обыкновенная
горихвостка
(*Phoenicurus
phoenicurus*)

* Данное утверждение не верно. У зарянок кладку насиживает только самка.

Сначала родители дают птенцам различных маленьких червячков, а позднее они получают ту же пищу, какую употребляют и взрослые. Она состоит из насекомых на различных стадиях их развития, пауков, улиток, дождевых червей и пр. Осенью и молодые, и старые едят лесные и садовые ягоды.

По окончании воспитания птенцов, в июле или августе, зарянки линяют, а когда вырастают новые перья, то птицы начинают собираться к отлету. «Если во время перелета приблизиться к месту их сборища в лесу, — пишет Науман, — то на всяком кустике слышатся их голоса, которые сначала раздаются близко от земли, затем все выше и выше и, наконец, на верхушках деревьев. Потом, как только солнце сядет, в лесу уже ничего не слышно, щебетанье зарянок теперь раздается высоко в воздухе. У зарянок легко заметить, что они осенью летят к западу, где солнце село, а весной, наоборот, к месту восхождения солнца». Если летом трудно найти зарянок, то зимой они виднеются на каждом кусте, они живут во всех садах и на изгородях в высоких горах средней и южной Испании. У каждой птички свой участок, и она умеет его защитить. Но селятся зарянки здесь скромнее, чем на родине: каждая довольствуется только одним кустиком, и все общество образует как бы одну семью. Сначала зимние гости весьма молчаливы, но с восходом солнца к ним снова возвращается веселое настроение.

Обыкновенная горихвостка, лысушка, краснохвостка, калуферка (*Phoenicurus phoenicurus*). Она вполне заслуживает название «садовая горихвостка», так как живет в лесу и садах исключительно на деревьях. У старых самцов лоб, стороны головы и горло черные, остальная верхняя часть пепельно-серая; грудь, бока и хвост яркого ржаво-красного цвета; передняя часть головы и середина нижней стороны туловища белые. Самка сверху темно-серого цвета, снизу — серого; темная окраска горла у нее иногда едва заметна. У птенцов верхняя часть туловища серая, с ржаво-желтыми и бурыми пятнышками, а серые перья нижней части туловища с ржаво-желтой каймой. Глаза бурые, клюв и ноги черные. Длина достигает 14 см, размах крыльев 23, длина крыла 8, а хвоста 6 см.

Горихвостка встречается во всех странах Европы, предпочитает в них лиственные леса на равнинах, но не избегает также и гористых местностей и потому поселяется на каждой, хоть сколько-нибудь подходящей для нее территории. На востоке область ее распространения доходит до Персии и Туркмении. Здесь ее наблюдал Вальтер. Эта птица показывается на Амударье в середине марта и в апреле. Далее на востоке встречаются другие близкие ей виды*. В Германии она появляется в апреле, в сентябре снова улетает и странствует по теплым странам до внутренней Африки и также до Индии**.

Горихвостка, как уже было сказано, держится преимущественно на деревьях. Пение у нее лучше, благозвучнее и разно-

* На востоке обыкновенная горихвостка распространена до Байкала, запада Монголии и Китая, а вот в Средней Азии, на Амударье, она встречается только на пролете.

** В Индии обыкновенная горихвостка не зимует, здесь ее заменяют сибирская горихвостка и другие близкие виды.

образнее, чем у ее сородичей, тоны двух или трех строф, из которых оно состоит, нежны, похожи на звуки флейты, правда, немного меланхоличны, но тем не менее приятны. Она охотно подражает пению других птиц. Питается горихвостка соответственно своему местопребыванию, собирает добычу в основном с листьев и с земли. Гнездо строит обыкновенно в пустых деревьях и только в виде исключения в расщелинах стен или скал, но почти всегда в отверстиях и по возможности в таких, которые имеют узкий вход. Однако одно такое гнездо Вальтер нашел на земле, причем в такой местности, где не было недостатка в дуплах. Оно было прислонено к толстому стволу сосны. Гнездо было построено нерадиво из беспорядочно набросанных сухих корешков и стебельков, а внутри мягко выложено перьями. Горихвостка откладывает яйца во второй половине мая, от 5 до 8 штук, величиной 18 мм, а толщиной 13 мм, с гладкой скорлупой прекрасного голубовато-зеленого цвета. Второй выводок бывает в июле. Но для устройства второго гнезда парочка всякий раз выбирает новое дупло, а в следующее лето возвращается к прежнему гнезду.

Горихвостку держат в клетках. Поет она довольно прилежно и в продолжение почти круглого года, но вследствие своего однообразного вечно повторяющегося призывного звука «уйть-уйть, так-так» скоро надоедает. При всем том горихвостка приобрела себе среди любителей птиц верных друзей, которые охотно забывают ее докучливые призывные звуки ради грации ее движений, красоты окраски и опрятного содержания перьев.

Луговой чекан (*Saxicola ruberta*) — самый обыкновенный вид.

Верхняя сторона его тела черно-бурая с пятнами вследствие широких ржаво-серых краев кроющих перьев. Нижняя сторона ржаво-желтовато-белая; на подбородке, по сторонам передней части шеи, над глазами и по середине крыльев окраска перьев белая. У самки все цвета не такие ясные, брови желтоватые и светлые пятна на крыльях не так заметны. Глаза темно-бурые, клюв и ноги черные. Длина птицы 14 см, размах крыльев 21, длина крыла 9, а хвоста 5 см.

Черноголовый чекан (*Saxicola torquata*) несколько больше предыдущего вида и красивее окрашен. Верхняя сторона тела и горло у него черные, нижняя сторона ржаво-красная, надхвостье и задняя часть брюшка так же, как пятна на крыльях и по сторонам шеи, чисто белые. Самка сверху и на горле имеет серовато-черную окраску, на нижней стороне — ржаво-желтую; каждое перо верхней стороны с ржаво-желтыми краями.

Луговой чекан часто встречается на равнинах Германии и соседних стран, на севере — до 67 градуса. Кроме того, он попадает в северной и южной Европе, также в западной Азии, а зимой перелетает в Африку и Индию. В Германии он появляется в конце апреля и находится здесь самое большее до конца сентября. В

** Приводимые сведения о распространении лугового чекана весьма неточны. На север, в Норвегию, этот вид проникает до 69-й параллели, в Великобритании он зимовать не остается, не зимует он также и в Индии, а только в Африке. В Азию луговой чекан проникает очень недалеко: он гнездится в Западной Сибири, на восток до верховьев Оби, в Закавказье, на востоке Турции и на самом западе Ирана.*

*** В наши дни черно-головой чекан на юге Швеции не живет, но еще встречается на юго-западе Норвегии.*

Испании, напротив, его можно видеть в продолжение целого года, и даже в Великобритании он не улетает на зиму*.

Черноголовый чекан в Германии встречается реже, чем его сородич, и то в основном в западной части страны. Кроме того, он водится в Европе и Азии во всех странах с умеренным климатом, на севере — до широты южной Швеции**, а зимой улетает на юг до внутренней Африки и Индии.

Любимым местопребыванием чеканов служат луга, перерезанные ручьями, или вообще по соседству с водой, граничащие с открытыми полями или лесом и поросшие низким кустарником. Чеканы избегают пустырей и держатся исключительно в обработанных местностях. Чем плодороднее край, тем чаще они там встречаются. Во время размножения они селятся на лугах, затем переправляются на поля и всего охотнее рассеиваются по картофельным полям и огородам. Там, где они встречаются, их нельзя не заметить, потому что они всегда избирают для отдыха возвышенные места, с которых и высматривают себе добычу.

Надо признаться, что чеканы гораздо скучнее других видов этого семейства, хотя и принадлежат к резвым, подвижным, беспокойным и вертлявым птицам. По земле они прыгают быстрыми скачками, останавливаются на каждом возвышении, быстро наклоняются вперед и дергают хвостом. При полете описывают короткую дугу низко над землей, могут очень ловко поворачиваться и уверенно схватывать различных летящих насекомых. Целый день они проводят в труде: сидя на верхушках низкого куста или деревца, чеканы озираются во все стороны, затем стремительно бросаются вниз на землю, схватывают высмотренную добычу и возвращаются на прежнее место или летят на какой-нибудь другой возвышенный пункт. Их нельзя назвать вполне общительными, но все-таки они уживчивее других видов своего семейства, охотно сходятся с сородичами и даже с другими чуждыми им птицами и редко ссорятся. Их призывные звуки выражаются щелкающим «тца», к которому присоединяется обыкновенно слог «тек», так что в общем звучит как «тца-тек» или «тя-удек». Прекрасное пение состоит из разнообразных коротких строф звучного и чистого тона, которые повторяются в различном порядке. К ним в зависимости от местности приплетаются голоса других птиц, например отрывочные мотивы из песен зеленушки, щегленка, коноплянки, зяблика, садовой славки и др. Луговые чеканы поют усердно до начала июля, начинают петь ранним утром, редко молчат в продолжение дня, так что пение их можно слышать до поздней ночи.

Пища чеканов состоит из насекомых, преимущественно из жуков, маленьких кузнечиков, гусениц, муравьев, мух, комаров и других, которых они выискивают на земле или ловят на лету. Гнездо обыкновенно находится на лугу в траве, большей частью в небольшом углублении, иногда под маленьким кустом и всегда

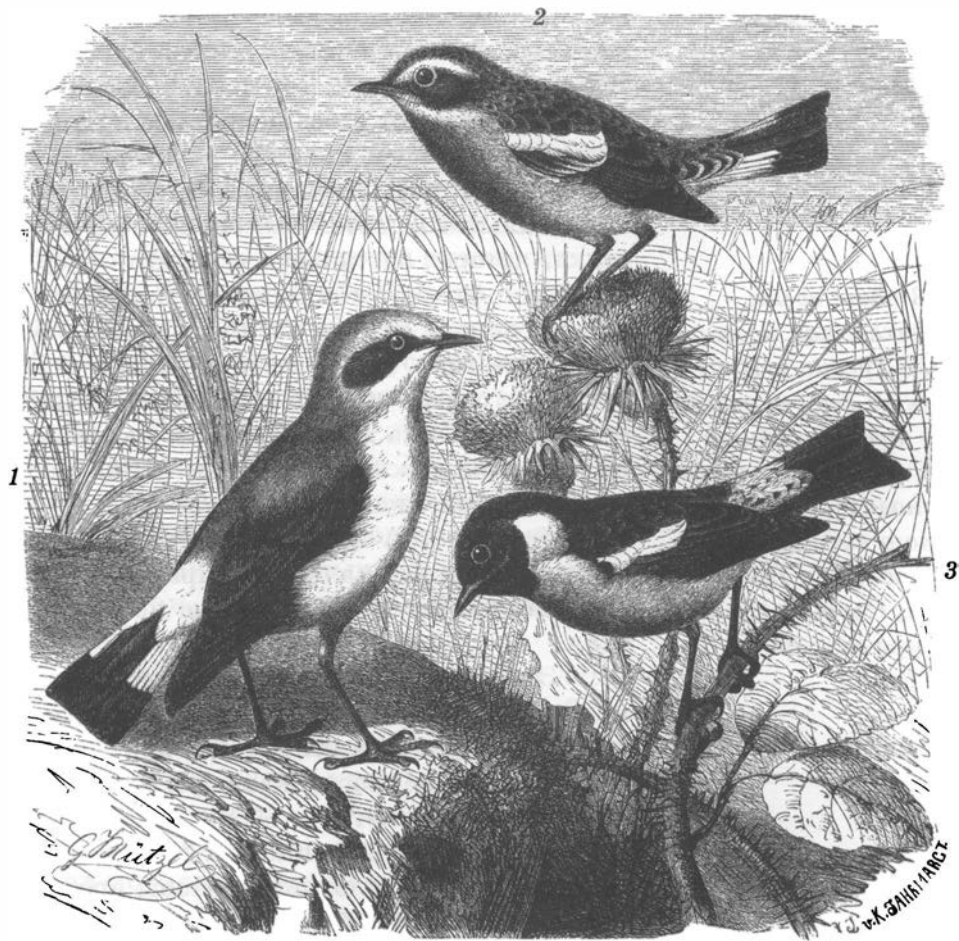
тщательно скрыто, так что его весьма трудно найти. Обычно, если нет никакой помехи, пара выводит птенцов только раз в год.

У чеканов масса врагов. Все маленькие хищные животные, крысы и мыши угрожают птенцам, а наши кречеты также и взрослым чеканам. Человек обычно специально не преследует их, а скорее оказывает им покровительство. В Швейцарии распространено даже народное поверье, что на тех Альпах, где убьют черноголового чекана, коровы с того времени будут давать красное молоко. В неволе, хотя бы им и позволяли беспрепятственно летать по комнате, они скучают и держатся смиренно.

Каменка белохвостая (*Oenanthe leucura*) — одна из самых крупных птиц этого семейства. Длина ее достигает 20 см, размах крыльев 31, длина крыла 10, а хвоста 7 см. Окраска перьев, за исключением ослепительно белого конца хвоста и его верхних и нижних покровных перьев, ровного черного цвета со слабым блеском; маховые перья у корня светлого пепельно-серого цвета, а к концам черного. Белая полоса на хвосте на средних перьях занимает две пятых

их длины, а на остальных суживается до 8 мм. Самка походит на самца, однако темные части оперения у нее не чисто черные, а буровато-черные.

Испанские горы прекрасны, великолепны в своем роде, но не имеют ничего общего с природой севера. Их редко оживляет зеленый лес, на них не увидишь свежей лужайки, один небесный свод раскидывает над ними свой цветной плащ, одна только даль окутывает их своими туманами, одни только камни украшают их. Если выйти за пределы плодоносной зеленой равнины, по которой струится серебристый ручей, разливаясь на сотни запруд

1 — Обыкновенная
каменка
(*Oenanthe oenanthe*)
2 — Луговой чекан
(*Saxicola ruberta*)
3 — Черноголовый
чекан
(*Saxicola torquata*)

и обращая таким образом плодородный край в цветущую страну, и углубиться в горы, то сразу очутишься в пустыне. Может случиться, правда, что попадешь в «кампус», где правильными рядами растут вековые масличные деревья. Но и они не в состоянии рассеять впечатление пустыни, навеянное окружающей местностью. Эти рощи вскоре останутся позади. Нога ступает по твердой, кремнистой почве, сквозь которую только кое-где изредка дерзает пробиться тощее растеньице. Перед глазами — горы во всей своей дикой красе. Оторванные, прибитые сюда волной глыбы камней покрывают их подошвы и выходы долин. Между ними виднеются сочные зеленые кусты олеандров и низкие кустарники. На склонах гор растет розмарин и масса чертополоха, которые образуют здесь целый лес. Случается, что над горой пронесется коршун, может быть, даже орел. Кроме них разве что встретятся синий дрозд, горихвостка, ласточка или каменный воробей, все остальное кажется вымершим. Но вдруг раздается чистая песенка, которая заставляет устремить взор на определенное место: это самец белохвостой каменки напевает свою веселую песенку!

** В наше время белохвостая каменка в Греции и Италии не встречается. Во Франции обитает лишь в Пиренеях. Основной ареал этого вида сохранился только в Испании, Португалии и северо-западной Африке.*

Красивая птичка распространена в большей части Испании, но, кроме того, встречается в южной Франции, южной Италии, Греции и северо-западной Африке*. Везде, где водится белохвостая каменка, она живет в горах, начиная с подошвы и до 2500 м высоты. Возможно, что летом птица поднимается еще выше и только зимой спускается в ложбины, где я и встречал ее в горах южной Испании. Любимым местопребыванием ее являются дикие разорванные скалы. Чем мрачнее утес, тем чаще можно встретить там каменку, хотя она не избегает и светлых известковых скал.

Это умная, живая и осторожная птица может оживить самые пустынные горы. Движения самца очень забавны. Он буквально танцует на камне, когда вприпрыжку взбирается вверх по скалистой стене, распускает при этом хвост и крылья, кивает головой, повертывается и оборачивается во все стороны. Он с песнью взвизгивает на вершину и оттуда, распустив крылья и хвост, тихо спускается в ложбину, чтобы пропеть здесь последние строфы своей песни поблизости от самки, высмотренной с высоты. Если в горах попадается деревцо или куст кактуса, каменка охотно отдыхает на нем от своих песен и танцев. В другой раз местом своего отдохновения она избирает выдающиеся карнизы скал или большой камень.

***На самом деле в Испании белохвостая каменка приступает к размножению в середине марта, а в Марокко и Тунисе — уже в середине февраля.*

К постройке гнезда каменка приступает довольно поздно, в середине или в конце апреля, а может быть, даже в начале мая**. В подходящих для гнезда мест не бывает недостатка, так как в стенах высоких отвесных скал всегда можно найти углубление, еще не занятое каменным воробьем. Гнездо, предназначенное для многочисленного потомства, большое и состоит из плотно перевитых между собой стебельков травы и корешков. Внутри оно ста-

рательно выстлано козыми волосами. Кладка состоит обыкновенно из 4—5 яиц величиной 23 мм в длину и 17 мм в поперечном разрезе. Скорлупа их светлого голубовато-зеленого цвета с фиолетовыми и красновато-бурыми крапинами. Иногда в кладке бывает и 6—7 яиц.

В юго-восточной Европе живет, кроме того, **каменка-плясунья** (*Oenanthe isabellina*). Она несколько больше по величине, сверху оперение ржавого бледно-бурого цвета с более ярким надхвостьем, а снизу ржавого бледно-буро-желтого цвета. По временам в восточную Европу залетает из Азии **плетанка** (*Oenanthe pleschanka*). Голова, передняя и задняя часть шеи, верхняя сторона тела и оба средних рулевых пера у нее черные, а остальные части — белые.

Каменистые и скалистые местности служат любимым местопребыванием всех перечисленных каменок. На возделанной земле они редкие гости, но постоянно встречаются там, где между полями разбросаны глыбы скал, возвышаются каменные стены или свалены кучи камней. В каменистой Швеции, в южной Германии и в Швейцарии весьма обычна **обыкновенная каменка** (*Oenanthe oenanthe*); на Скандинавском полуострове ее можно считать последним представителем животного царства, встречающимся на далеком севере. Я встречал там этих птиц решительно повсюду, куда ни заезжал. Я видел их в Лапландии и на глетчерах Гальдгеппинга, на Фурке в Швейцарии и на Гросглоккнере в Тироле. В Швейцарских Альпах они поднимаются выше пояса произрастания лесов. Это жители самых пустынных местностей и даже настоящей пустыни, их встречают среди раскаленных песков, где, по-видимому, иссякла всякая жизнь.

Полет каменки в высшей степени замечателен. Она летает над самой землей. Даже если птица сидит на какой-нибудь значительной высоте, то прежде спустится вниз, а затем уже летит. Во время полета она быстро машет крыльями и несется над землей, как будто по прямой линии, но на самом деле описывает короткую дугу до новой остановки, которая обыкновенно находится от первой на довольно большом расстоянии. На вершину своего места отдохновения она буквально карабкается, потому что подлетает к подошве, а потом уже взлетает наверх. Науман верно говорит, что летящая каменка, белое надхвостье которой выдается резче всего, напоминает собой несомое ветром гусиное перо. Только в пору любви каменка изменяет свой полет. Тогда она поднимается по косому направлению на 6—7 м в высоту, при этом все время поет, затем спускается опять по косому направлению с высоко поднятыми крыльями и оканчивает свою песню, сев на землю. Слегка свистящий призывный звук каменки «гиув-гиув» оканчивается, особенно когда птица находится в возбужденном состоянии, прищелкивающим звуком «так». Своеобразное и не слишком

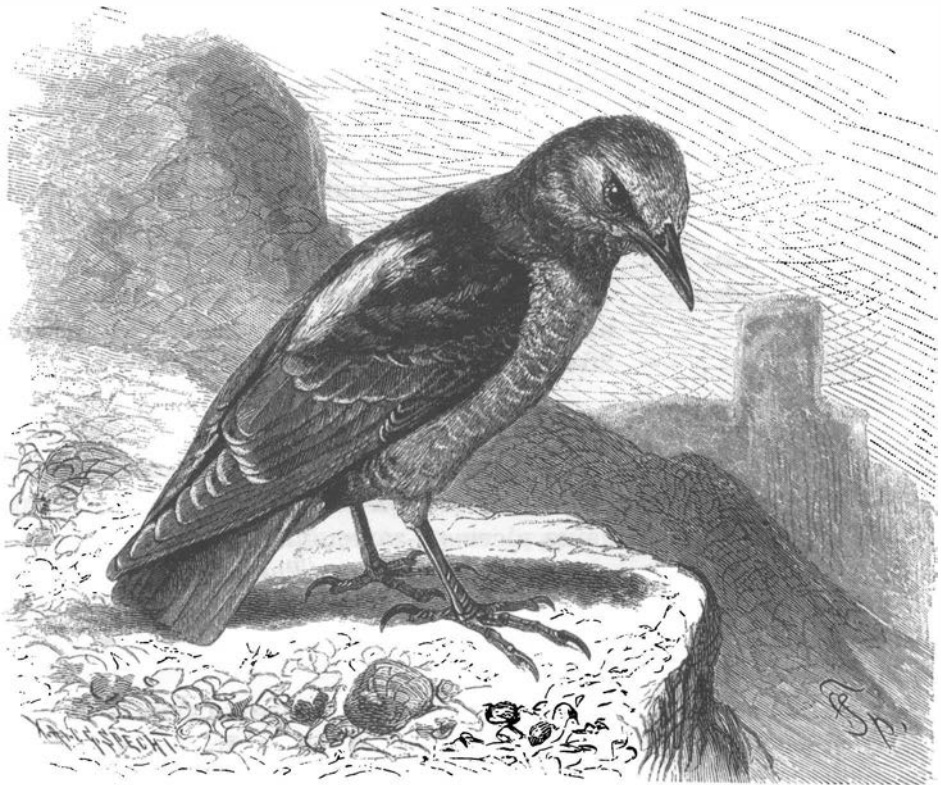
приятное пение состоит большей частью из немногих строф, в которых призывные звуки перемешиваются с каркающими. Однако и среди каменок попадаются отдельные экземпляры, которые могут называться хорошими певцами. К тому же недостаток таланта они пополняют большим усердием и поют с небольшими перерывами с раннего утра до позднего вечера, а часто даже среди глубокой ночи.

Пища каменки состоит из маленьких жуков, бабочек, мух, комаров и их личинок. С высоты места своего отдохновения она озирает окрестности, ее зоркий глазок подмечает каждое живое существо, движущееся на земле или в воздухе. За ползающими насекомыми каменка охотится бегом, летающих же преследует высоко в воздухе, подобно горихвостке.

Гнездо устраивается обыкновенно в трещине скалы или в ямке между камнями, реже в куче дров, под старыми стволами, в земляных углублениях, под нависшими скалами или даже в дуплах деревьев. Оно всегда хорошо скрыто от посторонних глаз и обыкновенно защищено сверху. Гнездо представляет собой плохую постройку с толстыми стенками, беспорядочно сплетенную из тонких корешков, былинки и листочков травы и выстланную изнутри мягкой шерстью, волосами и перьями. Кладка состоит из 5—7 выпуклых яиц 21 мм в длину и 15 мм в поперечном разрезе, с тонкой светло-голубоватой или зеленовато-белой скорлупой. Только в виде исключения попадают яйца с бледными желто-красными крапинками. Высиживанием яиц занимается почти всегда одна самка, но воспитанию птенцов с одинаковым рвением посвящают себя оба родителя. Они относятся к своим птенцам с большой заботливостью. Пока самка сидит на яйцах, самец исполняет обязанности караульного: он постоянно стоит на страже недалеко от гнезда и налетает на приближающегося врага с пугливым криком. Самка при большой опасности прибегает к притворству. Обыкновенно пара выводит птенцов только раз в год, а именно в мае. Вылетевшие из гнезда птенцы до времени зимнего отлета остаются при родителях и вместе с ними совершают свое путешествие. Они улетают в конце сентября, а в марте снова возвращаются.

Пестрый каменный дрозд (*Monticola saxatilis*) походит некоторым образом на обыкновенную горихвостку, но гораздо крупнее ее. Оперение на голове, передней части шеи, на затылке и надхвостье красивого голубовато-серого цвета, на спине белого или белого, на всей нижней части туловища великолепно ярко-ржаво-красного. У самок верхняя часть туловища по матово-бурому фону испещрена светлыми пятнами; передняя часть шеи белая, нижняя часть туловища бледного ржаво-красного цвета. Птенцы пятнистые. Глаза красно-бурые, клюв матово-черный, ноги красновато-серые. Длина птицы 23 см, размах крыльев 37, длина крыла 13, хвоста 7 см.

Каменный дрозд живет около Средиземного моря и потому встречается во всех высокогорных странах южной Европы. На севере он попадается только отдельными экземплярами, но его довольно регулярно можно встретить в Штирии, Каринтии, верхней Австрии, Тироле, Моравии и по Рейну, Майну и Мозелю. В виде исключения он попадается в Богемии, в Лаузицких горах, на востоке область его распространения доходит до южной Сибири. В Словении, Кроации, Далмации, Турции и Греции каменный дрозд распространен во всех подходящих для него местностях. В Италии, Крыму, Малой Азии и Сирии считается обыкновенной птицей, но в Испании встречается только на высоких горах. За время своих перелетов он пребывает в большей части северной Африки. Я встречал его даже в лесах Голубого Нила. На родине он появляется вместе с обыкновенной горихвосткой часто уже в середине марта, самое позднее в апреле и остается здесь до конца сентября или начала октября. Местопребыванием своим он избирает преимущественно виноградники или обширные каменистые долины с несколькими старыми деревьями.

Образом жизни и поведением своим пестрый каменный дрозд походит на наших горихвосток, с которыми он вообще имеет большое сходство. Он такой же осторожный, умный, оживленный и ловкий, так же не любит долго оставаться на одном и том же месте, целый день снует взад и вперед по своему участку и несколько дольше держится только на излюбленных местах. По земле он бегаёт с ловкостью каменки, подобно ей или горихвостке постоянно кивает головой, танцует на скалах и больших камнях. Полет его легок и красив. Он летает немного дугообразно, перед тем как сесть, вертится и кружится, но всегда держится прямого направления. В нем достаточно ловкости и проворства, чтобы схватывать на лету разных насе-

Пестрый каменный
дрозд
(*Monticola saxatilis*)

Семейство дроздовые

* Это не совсем так. Насиживанием у пестрого каменного дрозда занята только самка, в воспитании птенцов участвуют оба родителя.

** Собственно в Средней Азии певчий дрозд не живет, но встречается во время миграций.

*** Это не соответствует действительности. В Гималаях белобровик не встречается.

комых. Его призывный голос состоит из шелкающего «так-так», напоминая таким образом голос черного дрозда и каменки. Испуг или тревога выражаются легким повторным «уйт-уйт». Пение его превосходно: оно разнообразно, громко и звучно. Но при всем этом нежно и приятно и отличается той особенностью, что в нем, смотря по условиям местности и вдохновению певца, встречаются целые строфы и колена из песен других птиц, например соловья, черного дрозда, певчего дрозда, славки, полевого и степного жаворонков, перепела, малиновки, зяблика, иволги, куропатки и даже петушиное «кукареку».

Пища каменного дрозда состоит из всевозможных насекомых, осенью также из ягод и плодов. Жуков он ловит большей частью на земле, летающих насекомых, подобно горихвостке, схватывает на лету и преследует их иногда на большом расстоянии.

Вскоре по возвращении на родину каменные дрозды спариваются и начинают строить гнездо. Кладка состоит в среднем из 4—6 яиц 28 мм в длину и 19 мм в толщину, с нежной одноцветной голубовато-зеленой скорлупой. Они очень похожи на яйца нашей садовой горихвостки. В насиживании яиц, а равным образом и в воспитании птенцов принимают участие оба родителя*.

Из дроздов, выводящих птенцов в Германии, самый крупный по величине **деряба** (*Turdus viscivorus*). Длина его достигает 26 см, размах крыльев 44, длина крыла 14, а хвоста 11 см.

Область распространения дерябы охватывает все страны Европы, от крайнего севера до крайнего юга. Он держится во всяких больших лесах, но преимущественно в чернолесье. Из северных областей он перелетает в южные и западные и проникает даже в северо-западную Африку.

Певчий дрозд (*Turdus philomelos*) отчасти похож на предыдущего, только значительно меньше по величине. Длина его достигает 22 см, размах крыльев 34, длина крыла 11, длина хвоста 8 см.

Певчий дрозд живет в большей части Европы, а также в северной и средней Азии**, зимой часто залетает в северо-западную, а иногда и в северо-восточную Африку.

Белобровик (*Turdus iliacus*) имеет в длину 22 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, а хвоста 8 см.

Он выводит птенцов обыкновенно на крайнем севере Европы, а также в северных и восточных областях Азии и в северо-западной части Гималайского хребта***, но случается, в виде исключения, что он вьет гнезда в южных странах. Он появляется обыкновенно вместе с рябинником и странствует до пределов северной Африки, хотя в большинстве случаев проводит зиму на юге Европы.

Рябинник (*Turdus pilaris*) имеет пеструю окраску. Голова, задняя часть шеи и надхвостье пепельно-серые; зашеек и плечи грязного каштаново-бурого цвета; маховые перья и хвостовые —

черные; кроющие перья крыльев снаружи и на концах пепельно-серые. Глаза бурые, клюв желтый, ноги темно-бурые. Самка немного бледнее самца. Длина птицы 26 см, размах крыльев 43, длина крыла 14, а хвоста 10 см.

Рябинник должен считаться коренной птицей севера Европы и Азии, где выводит птенцов преимущественно в березовых лесах*. Зиму он часто проводит на родине, а если улетает, то не дальше севера Африки, Палестины и Кашмира**.

На высоких горах живет **белозобый дрозд** (*Turdus torquatus*). Длина его достигает 26 см, размах крыльев 42, длина крыла 14, а хвоста 11 см. Оперение самца, за исключением широкого белого нагрудника в виде полумесяца, испещрено по матово-черному фону светлыми серповидными пятнами, которые образуются краями перьев.

Белозобый дрозд — исключительно горная птица и потому чаще всего встречается в Европе на высоких горах, реже — в горах средней высоты. В Скандинавии он так же обыкновенен, как и в Швейцарии. Нередко попадает в Баварских Альпах, Вогезах, на Шварцвальде, в Австрийских и Трансильванских Альпах, в Карпатах, на Кавказе и Уральских горах***, а также в Пиренеях и Сьерра-Неваде. И всюду он выводит птенцов.

При перелете белозобый дрозд пересекает все страны Европы, лежащие к югу от Скандинавии. Область странствия его ограничивается Атласскими горами.

Черный дрозд (*Turdus merula*) отличается от своих сородичей, хотя и не особенно резко, сравнительно короткими и тупыми крыльями. Оперение старого самца равномерно черное; глаза бурые, края век ярко-желтые, клюв оранжевый, ноги темно-бурые. У старых самок верхняя часть туловища матово-черного цвета, нижняя по черно-серому фону испещрена по краям светло-серыми пятнами. Длина птицы 15 см, размах крыльев 35, длина крыла 11, а хвоста 12 см.

Черный дрозд живет в Европе во всех подходящих для него местах, начиная от 66 градуса северной широты. Кроме того, он водится в западной Азии, северо-западной Африке, на Мадейре, на Канарских и Азорских островах. На южном Каспийском побережье, в Мазендеране черный дрозд, по словам Вальтера, считается самой обыкновенной птицей. Он встречается и далее на востоке, где повсеместно выводит птенцов, держась течения рек и в садах горных деревень. Только отдельные экземпляры, выросшие на крайнем севере, предпринимают зимой путешествие на юг, но и те переключиваются на зиму не дальше юга Швеции.

Дрозды живут в разных странах и в различных условиях, но преимущественно в лесу. Не такие разборчивые, как мелкие певчие птицы, они селятся повсюду: не только в роскошных лесах плодородных долин или девственных лесах тропических стран, но и в северных лесах, и в тощих кустарниках степей. Они нахо-

**В принципе не отмечено, чтобы рябинник отдавал особое предпочтение березовым лесам. Он с одинаковым успехом заселяет ивняки, осинники, опушки сосняков и смешанные леса с полянами.*

*** На территории Кашмира зимовки рябинника в настоящее время не отмечены.*

**** А вот на Урале белозобый дрозд как раз и не живет. Брем включил эту горную систему в ареал белозобого дрозда, видимо, по аналогии с другими горами — и ошибся.*

дят себе пристанище, вполне удовлетворяющее их требованиям, даже за пределами произрастания лесов, непосредственно под глетчерами и между ними. Однако лишь немногие виды остаются из года в год на том же месте. Большинство из них, как никто из других птиц, проявляют страсть к перелетам. Те дрозды, которые

- 1 — Деряба
(*Turdus viscivorus*)
- 2 — Белобровик
(*Turdus iliacus*)
- 3 — Певчий дрозд
(*Turdus philomelos*)
- 4 — Рябинник
(*Turdus pilaris*)
- 5 — Черный дрозд
(*Turdus merula*)

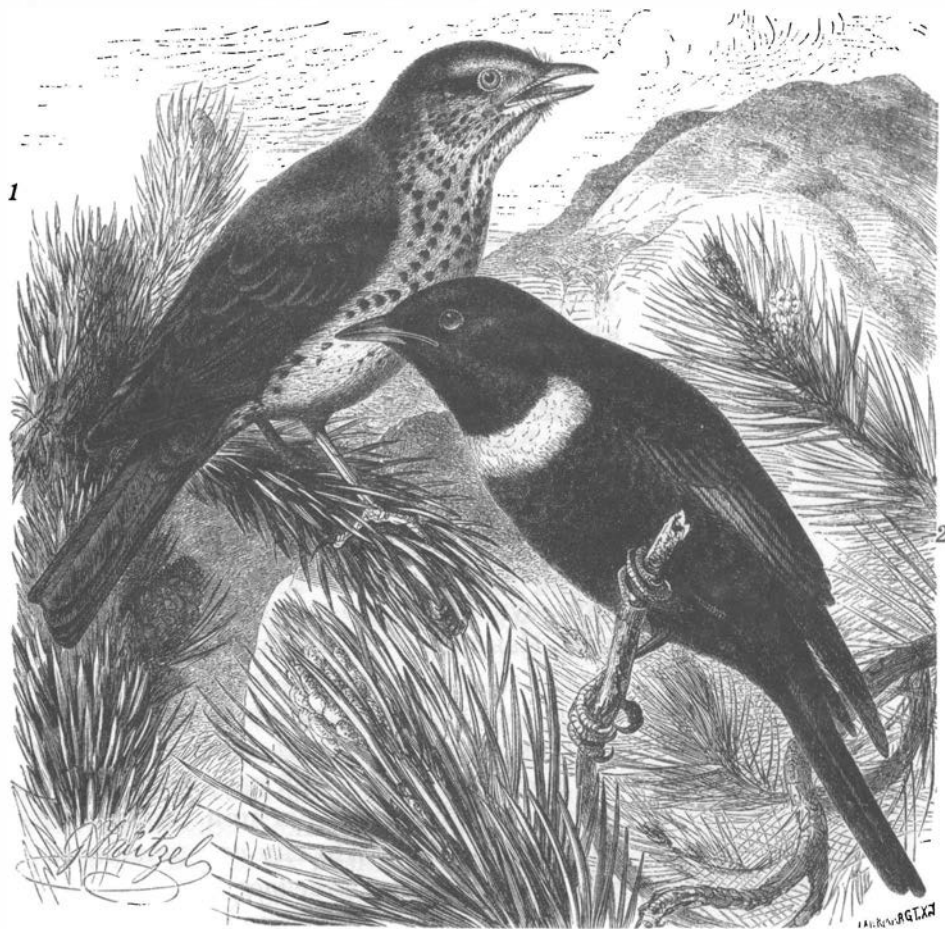
появляются у нас в качестве редких гостей, пролетают почти половину земного шара. Они прилетают с Дальнего Востока, Камчатки, пересекают даже Берингово море и попадают в Европу, перелетев всю Азию. «О некоторых из них, — говорит Науман, — можно подумать, что они перелетали к нам парочками или несколькими экземплярами, а затем испугались слишком дальнего путешествия назад. Когда наступившее время года пробудило в них стремление к размножению, они вывели птенцов и воспитали их на чужбине. Невольно удивляешься, представляя себе то необозримое пространство, которое пролетели они, и притом в такое короткое время, ведь на своем пути они неизбежно должны были колесить, а не лететь стремительно в одном направлении, так как встречались различные препятствия, к тому же требовалось время для отдыха и приискания себе необходимой пищи». Какая, собственно, причина побуждает дроздов совершать подобные путешествия, трудно сказать наверняка.

Все дрозды очень даровиты, подвижны, ловки, умны. Они одарены тонкими чувствами, большим певческим искусством, всегда резвы, беспокойны и любят общество, хотя их нельзя назвать миролюбивыми существами. С раннего утра до позднего вечера видишь их в постоянном движении. Только полуденный жар некоторым образом ослабляет их деятельность. Движениями своими они во многом напоминают других певчих птиц. По земле они проворно прыгают большими прыжками. Если заметят что-нибудь особенное, то, подобно маленьким певчим птицам, спешат к этому месту, подняв хвост кверху, а крылья опустив книзу. По ветвям дрозды прыгают проворно и ловко, через большие же расстояния перепархивают с помощью крыльев. Полет дроздов

превосходный. Испугавшись, большинство видов принимается довольно неуклюже порхать около земли или от одного куста к другому, если таковые имеются. Однако эти же птицы, поднявшись в высоту, несутся по воздуху с необыкновенной быстротой. Лучше всех летают певчие дрозды, белобровики и белозобы; хуже всех вследствие коротких крыльев — дерябы и черные дрозды. У дерябы полет кажется тяжеловатым и косым, но и он способен быстро перелетать большие расстояния, тогда как черный дрозд несется над самой землей, летит с продолжительными перерывами и слабо машет крыльями, но при этом крайне быстро производит крутые повороты.

Органы чувств развиты у дроздов равномерно. Они замечают на коротком расстоянии самое крохотное насекомое и, несясь высоко в воздухе, отлично различают все предметы, лежащие на земле. Слух у них тоже очень острый. Они не только прекрасно слышат, но и различают звуки, что можно видеть из их пения. О развитом вкусе дроздов говорит их любовь к лакомствам. Относи-

тельно остальных чувств мы не можем составить никакого мнения. В умственных способностях этой птицы никто не станет сомневаться. Они не только умны, но даже хитры, не только пугливы, но и расчетливо осторожны. Они смелы и вместе с тем недоверчивы, очень скоро понимают и судят довольно верно. Для обеспечения собственной безопасности дрозды умеют пользоваться всякими средствами. В лесу они исполняют обязанности сторожей, их услугами пользуются не только их собратья, но и другие птицы, и даже млекопитающие. Все сколько-нибудь замечательное, необыкновенное, новое привлекает их внимание. Они с явным любопытством приближаются к поразившему их предмету, что-

1 — Певчий дрозд
(*Turdus philomelos*)
2 — Белозобый дрозд
(*Turdus torquatus*)

бы лучше разглядеть его, но и тогда не отдаются легкомысленно на произвол судьбы, а держатся в благоразумном отдалении. Те дрозды, которые выросли в глухих безлюдных лесах севера, легко поддаются на обман: их можно завлечь на приманку или в ловушку, посадив туда их товарищей. Впрочем, опыт скоро научает птиц уму-разуму, и те, которые были раз обмануты, вторично таким же способом не попадут впросак. У большинства дроздов отмечается потребность жить в обществе.

По голосу и пению все дрозды более или менее похожи друг на друга, однако есть и различия. Призывный голос дерябы звучит как «шнерр» и весьма походит на тот звук, который производят, проводя палочкой по зубам гребенки. В возбужденном состоянии к этому «шнерр» прибавляется «ра-та-та». Если птица испугана, то слышится не поддающееся описанию карканье, которое издают большинство дроздов при таких же обстоятельствах. Призывный голос певчих дроздов состоит из сипло-свистящего, чуть слышного «цып», к которому часто прибавляется слог «так» или «тэк». При особенном возбуждении они издают более протяжный призыв, звучащий как «штикс-штикс-штикс». Призывный голос рябинника состоит из быстрого и резкого «чак-чак-чак», к которому присоединяется громкое «гри-гри», когда он зовет к себе других дроздов. Призывный голос белобровика звучит высоким «ци», за которым следует низкое «гак»; в испуге он издает трещащее «шерр» или «черр». Белозобый дрозд приманивает звуками «тэк-тэк-тэк», между которыми прорывается низкий звук «так», но и эта птица трещит подобно другим сородичам. Наконец, черный дрозд призывает к себе трелью «сри» и «трэнк»; при виде чего-нибудь подозрительного он издает звучное и пронзительное «дикс-дикс», а когда надо спастись бегством, за этим криком следует торопливое «гри-гих-гих». Все эти звуки, которые, само собой разумеется, могли быть выражены нами только приблизительно, при различных обстоятельствах значительно меняются. Но они совершенно понятны для всех дроздов, так как один вид отвечает на призывный голос других. Что же касается крика предостережения, то ему повинуются решительно все. Дрозды могут считаться лучшими певцами среди прочих певчих птиц, и первенство между ними в этом отношении принадлежит нашему певчему дрозду. Почти так же хорошо поет черный дрозд, за ним следует деряба и рябинник. Норвежец с гордостью называет певчего дрозда «северным соловьем», а поэт Велькер за его прекрасные песни — «лесным соловьем». Пение его разнообразно, звучно и мелодично. С нежными, как звук флейты, переливами перемешиваются, правда, чирикающие, негромкие и не совсем приятные тоны. Но это не портит прелести общего впечатления. Черный дрозд в пении почти не уступает певчему; у него есть много строф замечательной красоты, только его песня не такая веселая, как у даровитого сородича, а скорее торжествен-

ная и даже печальная. Песня дерябы состоит всего из пяти-шести строк, не особенно разнообразных, но зато полновзвучных, вследствие чего это пение также может считаться отличным. То же самое можно сказать про пение белобровика и белозобого дрозда. «Пение дроздов, которому, конечно, недостает роскошных переливов соловья, — говорит Чуди, — звучит веселым хором на тысячу ладов по всем лесам и вносит невыразимо радостную жизнь в строгую тишину горных ландшафтов». Замечательно поведение дрозда во время пения: его пение стоит, по-видимому, в разладе с его привычками. Многие птицы сопровождают свои песни оживленными движениями; дрозды же во время пения сидят совершенно смирно, и самая песнь их льется спокойно и торжественно, как церковное пение. Каждая отдельная строфа вполне закончена, каждый звук округлен; при этом пение дрозда более приспособлено к лесу, чем к комнате. Как у большинства хороших певцов, самцы стараются перещегоолять друг друга в пении. Стоит только одному дрозду начать свою песню, как другой, заслышав его, тотчас спешит присоединиться к нему. Поэтому один, так сказать, учится у другого. Талантливые ученики обучают прекрасных учеников, плохие — губят целое поколение. Особенно легко черный дрозд перенимает звуки от других своих собратьев, даже от чужестранных птиц, и становится иногда настоящей пересмешкой.

Пища дроздов состоит из насекомых, слизней и червей, а осенью и зимой также из ягод. Все дрозды собирают себе пищу большей частью с земли и потому ежедневно проводят здесь по нескольку часов. Из лесу они слетаются на луга и поля, на берега рек и ручьев и на другие места, обещающие им добычу. Здесь они подбирают прямо с земли или роются клювом в опавшей листве, чтобы раздобыть себе еду. На пролетающих мимо насекомых они мало обращают внимания, хотя некоторые дрозды при случае не без ловкости охотятся на них. Большинству видов чрезвычайно нравятся ягоды, причем вкусы их разнятся: одни дрозды любят один сорт ягод, другие — другой. Так, деряба до крайности падок на омелы, повсюду ищет ее и ожесточенно ссорится из-за нее с другими дроздами. Уже древние утверждали, что омела размножается благодаря дроздам, и надо признать, что это мнение имеет достаточно оснований. Белозобый дрозд тотчас же после вывода птенцов пускается со своим семейством на выискивание черничника и ест такое множество черники, что мясо его становится синим, кости — красными, а оперение пятнистым. О том, что рябинник вполне заслуженно носит свое прозвище, и говорить не приходится: он зимой усердно выискивает рябину и так много поедает оставшейся на ней ягоды, что мясо его приобретает своеобразный вкус. Кроме того, все дрозды едят землянику, малину, ежевику, красную смородину, красную и черную бузину, бруснику, черемуху, крушину, вишню, виноград и т. п.

Вскоре после своего прибытия на родину дрозды принимаются за устройство гнезд. Впрочем, у тех, которые живут на севере, время размножения наступает не раньше начала июня. Многие виды, в том числе рябинники и белозобые дрозды, сохраняют свою общительность и во время сидения на яйцах, тогда как другие в период размножения уединяются и ревниво охраняют отведенный участок. Расположение гнезд бывает различно, в зависимости от вида и местопребывания наших птиц. Само же гнездо в существенном у всех одинаково.

Нередко бывает, что дрозды буквально нападают на приблизившихся неприятелей, бросаются на них и летают над самыми головами, стараясь запугать их. Если храбрость не помогает, то они пускаются на хитрости, притворяются больными и хромыми и делают вид, будто с великим усилием порхают и прыгают по земле. Таким способом они уводят неопытного врага все дальше и дальше от гнезда, и, когда цель достигнута, торжествующе вспархивают и стремительно улетают обратно к своим птенцам. После 14—16-дневного усердного насиживания из яиц вылупляются птенчики. В продолжение трех недель родители кормят их насекомыми и окружают всевозможными заботами. Затем птенцы становятся способными летать. Через несколько недель после вылета из гнезда птицы начинают линять, и к наступлению зимнего отлета они уже одеты в новое оперение.

За исключением черных дроздов, все наши дрозды осенью покидают свою родину и перекочевывают в южные края. Для видов крайнего севера уже Германия может служить местом зимовки, но громадные стаи птиц тянутся обыкновенно в южную Европу. Здесь во время зимних месяцев всюду кишат дрозды. Все дрозды совершают зимние путешествия многочисленными обществами, иногда громадными стаями, в которые собираются на севере. Они летят необыкновенно высоко, по всей вероятности, на высоте более 2000 м. Во время путешествия такие стаи разбиваются на отдельные небольшие группы, но между ними сохраняется некоторая связь, так что при случае они рассаживаются на нескольких квадратных километрах и каждый большой куст имеет своего жителя.

«Если бы я был судьей, то право первенства присудил бы между птицами дрозду, а среди четвероногих — зайцу», — говорил римский поэт Марциал, восхваляя превосходное мясо дроздов. Другие натуралисты прежних времен уверяют, что этой птицей можно с успехом пользоваться как лекарственным средством против некоторых болезней, они даже с точностью описывают способ приготовления такого лекарства. Можно предположить, что дрозды уже в те давние времена истреблялись в таком же количестве, как и теперь, хотя тогда, может быть, еще не применялись птицеловные токи и волосяные силки, которые вошли в употребление в позднейшее время. Впрочем, теперь в Германии оба спосо-

ба ловли мало-помалу оставляются. В Италии, Испании и Греции, напротив, дроздов истребляет всякий, и трудно даже определить, какое количество этих птиц уничтожается там.

Для неволи пригодны все виды дроздов. Впрочем, их звучное, громкое пение слишком оглушительно для тесной комнаты, а их необыкновенная прожорливость имеет весьма неприятные последствия, которые нельзя устранить даже при самом строгом соблюдении опрятности. Зато в большом помещении, устроенном на свободе, дрозды могут доставлять одно лишь удовольствие. Их резвость и подвижность скоро завоевывают им общие симпатии, а бесподобное пение тем приятнее, что оно услаждает слух любителей уже в первые, холодные месяцы года, когда другие птицы еще безмолвствуют.

Рыжехвостая славка, или тугайный соловей (*Cercotrichas galactodes*), на верхней стороне тела имеет ржаво-красно-серое оперение, на темени — темное, на затылке более сероватое, на нижней стороне серо-желтоватое или грязно-белое с красноватым отливом по сторонам шеи и ржаво-желтым в паху. Щеки белобуроватые; брови, заходящие далеко вниз, белые. Глаза темно-бурые; клюв и ноги красноватые. Птенцы походят на взрослых. Самка и самец одинаковой величины; длина их 18 см, размах крыльев 27, длина крыла 8, а хвоста 7 см.

Рыжехвостая славка живет в Испании и северо-западной Африке. Отсюда она иногда залетает в Италию, Германию и Великобританию.

Населяет преимущественно те сухие, орошаемые только дождями южные местности, которые скудно поросли низкими кустарниками. Но она не избегает, впрочем, и обработанных территорий вблизи человеческих поселений. Подобные условия встречаются в Испании, Греции, Египте в Самхаре и во внутренних африканских степях. В Испании и Греции рыжехвостая славка предпочитает селиться в виноградниках и на масличных деревьях. В Малой Азии живет на склонах гор, усеянных рощами, на высоте 2000 м. В северо-восточной Африке один родственник ей вид живет в сухих садах, мимозовых рощах, на хлопчатниковых полях, в тростниках или между хижинами в деревнях, если только здесь есть густой кустарник. В больших девственных лесах я никогда не встречал рыжехвостую славку, зато в редких степных лесах она весьма обыкновенна. Она, видимо, избегает лесов на высоких горах, но на менее высоких встречается.

В средней Африке рыжехвостые славки — оседлые птицы, а в северной Африке и южной Европе — перелетные. В Греции и Испании они появляются в середине или в конце апреля, в Египте немного раньше, улетают в конце сентября. Сначала прилетают самцы, несколькими днями позже — самки. Во время пролета эту резвую птичку можно видеть повсеместно, а в другое время ее надо искать на ее излюбленных местах.

**Agrobates* — старое латинское название, сейчас не используется.

Рыжехвостая славка вполне оправдывает свое латинское название *Agrobates** (акробат), так как она действительно очень любит взбираться на высокие предметы. Верхние ветки куста, кол, поддерживающий виноградную лозу, верхушка дерева или телеграфный столб являются ее излюбленными местами. Рыжехвостая славка сидит вытянув хвост, опустив крылья и подогнув ноги, но все-таки довольно прямо. Здесь она распевает свою песню, отсюда высматривает добычу. Едва славка заметит какого-нибудь червячка, насекомое или что-нибудь подобное, как тотчас бросается на землю, нагибается, машет хвостом, выпускает его, показывая во всей красе, поспешно гоняется по земле за добычей, ловит жертву, с приятностью издает свой призывный звук «так-так» и возвращается на прежнее место отдохновения. В Испании она везде выказывает себя как пугливое создание. В средней Африке черных туземцев подпускает к себе совсем близко, от чуждых же ей европейцев заботливо прячется. К другим птицам рыжехвостая славка относится дружелюбно, с подобными же себе часто заводит ссоры. Два самца ожесточенно преследуют друг друга, кружатся вместе высоко в воздухе, снова бросаются вниз и стремительно гоняются друг за другом между кустами, выказывая удивительную ловкость и щеголяя своим роскошным хвостом, который то развертывают, то снова свертывают.

Тристрам говорит, что яйца и птенцы рыжехвостой славки «делаются постоянно добычей пресмыкающихся», вследствие чего эти животные считаются злейшими врагами рыжехвостой славки. Но достоверно ли это сведение, мы сказать не можем. Наверно, их не щадят вообще все хищники из числа млекопитающих и птиц точно так, как и других птенцов мелких птичек. И только в Испании человек преследует это милое создание. Испанцы охотятся за этой славкой, как, впрочем, и за другими птицами, ради ее вкусного мяса, которое употребляют в пищу.

Благодаря исследованиям Бернштейна, мы познакомились с образом жизни белошапочной вилохвостки (*Enicurus leschenaultii*). Верхняя часть тела и крылья, передняя часть шеи и грудь птицы черного бархатного цвета. Темя, на котором перья удлинены в виде хохолка, корни малых маховых и их покровных перьев, образующих на спине широкую поперечную полосу в форме полумесяца, а также спина и брюшко белого цвета. Маховые перья черноватого цвета; хвостовые перья, за исключением белых боковых, черные с широким белым кончиком. Клюв черный, ноги желтые. Длина птицы достигает 26—28 см.

«Эта птица, — говорит Бернштейн, — живет исключительно в горах острова Явы, богатых источниками и ручьями, а также в их предгорьях. Она не принадлежит к числу редких птиц, обитает

на высоте 500—1200 м над уровнем моря. Здесь ее можно встретить почти около каждого ручья. Она не удаляется от воды на далекое расстояние, но нередко, следуя вверх по течению ручьев, залетает в девственные леса, так что порой удивляешься, когда видишь ее в местах, в которых никогда не ожидал бы встретить. Один раз, но затем уже никогда более, я встретил ее около ручья на Пангеранго, на высоте 3000 м.

По своей любви к воде эта птица похожа на горную пликку*, тогда как окраска ее оперения напоминает европейцу трясогузку, обитающую на его родине. Когда она бежит, то держит

* Плисками раньше называли некоторых трясогузок.

хвост горизонтально, но в возбужденном состоянии или при виде какого-нибудь подозрительного предмета белые перья у нее на темени приподнимаются, и она начинает поднимать и опускать хвост своеобразным образом. В то время, когда птица поднимает хвост быстрым вздергиванием, хвостовые перья остаются сложенными, но как только хвост поднят, она веерообразно распускает его и затем тихо опускает, после чего сейчас же вздергивает хвост снова. Призывный голос ее звучит, как голос

трясогузки «дивитт-дивитт». Напротив, в минуту страха и опасности или в порыве восторга она издает грубый звук, похожий на «рээт». Эта милая, безобидная птица позволяет человеку приблизиться к ней на расстояние всего нескольких шагов, а потом или поспешно убегает вперед, или улетает недалеко, причем полет ее напоминает полет трясогузки. Пища этой птицы состоит из насекомых и червей, которых она, бегая по берегу ручья, ищет между камнями и растениями и которых иногда преследует в самой воде».

Белощапочная вилох-
востка
(*Enicurus leschenaultii*)

Тимеливые отличаются плотным телосложением, сравнительно толстым, сдавленным с боков клювом, верхняя часть которого несколько загнута, и короткими круглыми крыльями, в которых маховые перья от пятого до восьмого или от четвертого до седьмого длиннее других. Хвост средней длины, более или менее округлен, рулевые перья широкие; оперение большей частью темное и рыхлое.

Различные виды этого семейства населяют южную Азию, Новую Гвинею, Африку и Америку, особенно многочисленны в Индии.

В чем-то они напоминают дроздов, а в чем-то сорокопутов, соек и пеночек. Населяют по большей части кустарник и молодые поросли высокоствольных лесов, а также тростниковые чащи. Живут обществами, хотя и не собираются слишком большими стаями, чрезвычайно подвижны и почти все голосисты. Встречаются между ними и хорошие певцы, но главную особенность большинства из них все же составляет умение проскальзывать среди самых густых кустов. Летают они не особенно хорошо, так что только немногие виды поднимаются до верхушек высоких деревьев. Пища состоит из мелких позвоночных животных, насекомых, улиток, червей и т.п., но также из плодов, и в особенности ягод, которыми изобилуют леса их родины.

На Гималайских горах и примыкающих к ним с востока горных хребтах живут своеобразные птицы, которых называют китайскими соловьями. Клюв у них короткий, на хребте слегка выгнут, у основания широк, к концу несколько уже. Верхняя челюсть клюва слегка загибается над нижней, ноги не очень высокие, крылья срезаны тупо, хвост средней длины и слегка раздвоен, оперение гладко прилегающее и пестрое.

Так как мы имеем весьма мало сведений о жизни китайских соловьев на воле, то я ограничусь описанием только самого известного вида.

Китайский соловей, или обыкновенный лиотрикс (*Leiothrix lutea*). Верхняя часть тела оливково-серо-бурая с зеленовато-желтым отливом на темени; светло-серая ушная область ограничена снизу темно-серой полосой. Горло бледно-оранжевое, зоб темно-оранжевого цвета, грудь и середина брюшка желтовато-белая, бока серовато-бурые. Глаза карие; ярко-красный клюв у основания черный; ноги желтого цвета. Длина 16 см, длина крыла 7,5, хвоста 7 см.

Эта красивая, изящная и привлекательная птица населяет горную полосу Гималаев, возвышающуюся над уровнем моря на 1500—3000 м, и примыкающие к ней в восточном направлении горы до юго-запада и юга Китая. Здесь ей служат убежищем густо растущий кустарник и бамбук, образующие непроходимые

чащи. Бодрые и подвижные, но большею частью недоверчивые птицы обыкновенно скрываются в чаще. Отсюда целыми семействами летают они по своим владениям в поисках пищи. Китайские соловьи питаются различными насекомыми, личинками, а также плодами, почками и цветами. Арман Давид, один из немногих наблюдателей, доставивших нам сведения о жизни на свободе китайского соловья, сравнивает пение самца с чудным голосом нашего соловья. Я не согласен с этим, но должен, однако, сказать, что с удовольствием слушал живших в клетке птиц этого вида. Пение их имеет всегда веселый оттенок и очень приятно для слуха, хотя, собственно, состоит только из частого повторения и слияния слогов «диэ-ди-дидела-дидели», к которым иногда присоединяется еще нежное «вириви». Призывный голос самца и самки представляет собой довольно громкое скрипение. Веселость и подвижность этих птиц привлекает гораздо сильнее, чем хорошенькая, но простенькая песенка. Хотя в этом отношении они заметно отстают от синиц, но превосходят большую часть певчих птиц. Китайские соловьи обладают очень забавной привычкой кувыркаться как во время полета, так и сидя на ветке. Жердон сообщает, что они охотно живут группами по пять-шесть штук, но очень пугливы и умеют искусно скрыться от наблюдательных глаз.

Белопоясничная дроздовая тимелия (*Turdoides leucopygius*). Верхняя часть тела темно-коричневая, малые перья и хвост еще темнее. На нижней части тела перья несколько светлее и оканчиваются узкой белой каймой. Голова от затылка и до середины горла, надхвостье, подхвостье и нижние покровные перья хвоста белые. Длина тела 26 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, хвоста 11 см. Самка несколько меньше самца.

*Белопоясничная
дроздовая тимелия
(*Turdoides leucopygius*)*

Дроздовая тимелия живет в лесах Абиссинии, поросших густым кустарником, а ближайший ее сородич — в лесах южного Судана; последний предпочитает равнины, между тем как первый — житель гористой полосы между 1000 и 2600 м высоты над уровнем моря. Они умеют обратить на себя внимание и оживить лес своим присутствием. Едва ли можно найти где-либо птиц красивее их. Эти странные создания никогда не живут поодиночке. Они обыкновенно держатся стаями по 8—12 штук. Все члены этого маленького общества летают и едят в одно и то же время и одинаковым образом, все вместе покидают свой куст и летят, тесно сомкнувшись, к другому кусту. Здесь они разделяются, начинают проskalзываться и пробираться сквозь листву в разных направлениях, потом собираются на другом конце куста, громко кричат и несутся дальше. Им нравится только самый густой кустарник, на высокие деревья они садятся только мимоходом.

Дроздовые тимелии постоянно исследуют лес и при этом сильно кричат. Стоит одной начать, как другие тотчас принимаются весело вторить ей, а та, что раньше кончит, начинает опять сначала. Не знаешь, сердиться или радоваться, глядя на эту птицу? Охотников, по крайней мере, она очень сердит, вспугивая дичь. Но при всем при том они так забавны, так веселы и оригинальны, что невольно миришься с их недостатками. Крик их неблагозвучен и не особенно разнообразен, но его трудно описать словами.

Дроздовая тимелия летает плохо, поэтому никогда не поднимается на значительную высоту. Даже в случае опасности она не решается пролететь значительное расстояние, а всегда ищет убежища в кустарнике. Во время полета птицы сильно и быстро машут крыльями, широко распуская их, в особенности хвост, и парят таким образом в воздухе довольно долго. В их желудке я находил остатки насекомых, почки, листья и цветы.

СЕМЕЙСТВО ТОЛСТОКЛЮВЫЕ СИНИЦЫ (*Paradoxornithidae*)

Длиннохвостая синица, или ополовник (*Agithalos caudatus*). На верхней части головы и на брюшке оперение белое с нежным розовато-коричневым отливом в паху, верхняя часть тела черная, на плечах оперение нежного розовато-красно-бурого цвета. Длина достигает 14,6 см, размах крыльев 18,3, длина крыла 6,2, хвоста 8,7 см.

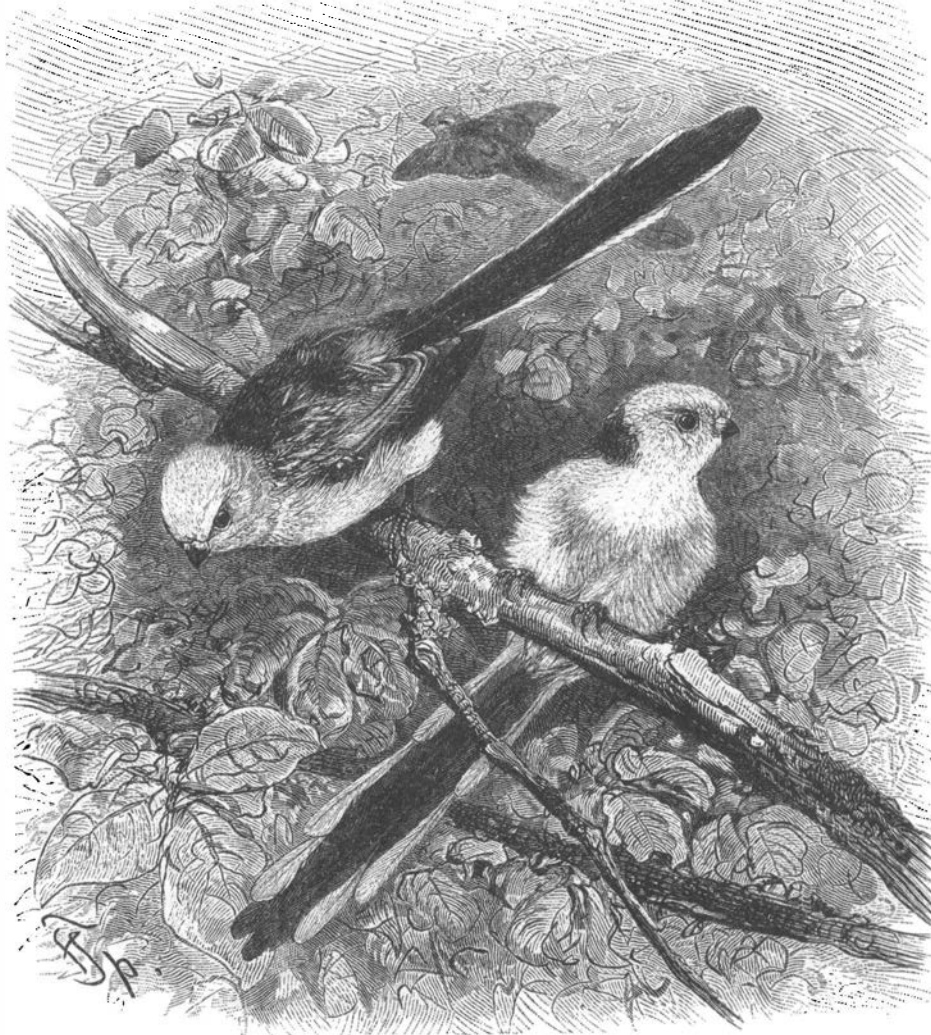
Длиннохвостая синица не залетает далеко на юг. В Греции и Испании она принадлежит уже к редким птицам, но попадает еще в Малой Азии. По словам Крюпера, она вьет гнезда в лесах Румелии и Акарнании. По моим наблюдениям, длиннохвостая синица только случайно появляется в Испании, на севере же, напротив, очень распространена, встречается также в Средней Азии.

Кажется, она предпочитает лиственные леса хвойным, но больше любит селиться во фруктовых садах или на местности, покрытой мелким лесом.

Длиннохвостая синица резва, подвижна, жива и деятельна, но еще более весела, кротка и не так задорна и драчлива, как другие виды этого семейства. Ее разговорный голос — шипящее «сит», ее призывный звук — свистящее «ти-ти», сторожевой — резкое «цирири» и «терр». Пение тихое и приятное, хотя и не особенно замечательное. Пища состоит исключительно из насекомых, преимущественно из мелких видов.

Гнездо длиннохвостой синицы походит на гнездо ремеза, но отличается от него тем, что не висит свободно, но всегда чем-нибудь подперто снизу. Formой своей оно напоминает большое яйцо, в котором сбоку сделано входное отверстие. Высота гнезда достигает почти 24 см при ширине 10 см. Зеленый древесный мох, скрепленный паутиной гусениц и покрытый лишайником, берестой и настоящей паутиной, образует его наружные стенки. Множество перьев, шерсти и волос составляют внутреннюю выстилку. Обычно парочка длиннохвостых синиц берет мох и лишайник с того же дерева, на котором устроено гнездо, и располагает эти материалы точно так же, как они расположены на древесной коре. Вследствие этого гнездо приобретает удивительное сходство с окружающей его местностью и становится незаметным даже самому опытному глазу. Так как собирать необходимые для гнезда материалы довольно трудно, то парочка, принужденная вить вто-

**Семейство
толстоклювые
СИНИЦЫ**

*Длиннохвостая
синица, или ополов-
ник
(Agithalos caudatus)*

**Семейство
толстоклювые
синицы**

рое гнездо, пользуется уже прежде найденным материалом для его сооружения. Постройка гнезда продолжается от двух до трех недель, хотя оба супруга одинаково усердно работают, причем самец исполняет роль помощника или подручного. К середине или в конце апреля кладка окончена. Она весьма многочисленна, так как длиннохвостая синица кладет иногда от 9 до 12, иногда даже до 15—17 яиц. Они малы — 14 мм в длину и 10 мм в толщину, чрезвычайно хрупки и покрыты более или менее густо по белому фону бледными рыжевато-красными точками. После тридцатидневного насиживания для обоих родителей начинается усиленная работа — ведь выкормить такое многочисленное семейство что-нибудь да значит. Гнездо тесно уже для сидящей на яйцах птицы, а вылупившиеся птенцы едва размещаются в нем. Каждый птенец старается его расширить, поудобнее устраиваясь в нем, вследствие чего войлочная ткань гнезда мало-помалу растягивается и местами прорывается. И тогда гнездо принимает очень странный вид, так как птенцы просовывают через образовавшиеся дырки свои длинные, неудобные хвосты. Позднее они пользуются этими отверстиями для других целей, так что их матери не приходится больше заботиться о чистоте гнезда.

Из всех синиц длиннохвостую синицу приручить легче и быстрее всего, и вообще по своему нраву она принадлежит к самым приятным комнатным птицам.

СЕМЕЙСТВО СЛАВКОВЫЕ (Sylviidae)

Славковые — маленькие птицы с вытянутым туловищем, отличаются стройным, тонким, шиловидным клювом, имеющим изогнутую форму начиная от верхушки до слегка зазубренного кончика. Ноги у славковых короткие или средней длины; крылья средней длины; хвост у всех разный, то короткий, то длинный; оперение шелковистое.

Славковые насчитывают более ста видов певчих птиц. Они распространены во всех частях Восточного полушария, в Америке их нет. Славковые населяют все области и все пояса, высоты и широты, встречаются решительно во всех странах, где есть растительность. Местопребыванием им служат как леса, так и отдельные кустарники, как высокие дубравы, так равно и тростники. Резвые и деятельные, подвижные и беспокойные, они с неподражаемой ловкостью шныряют по самым густым чащам разнообразной растительности. Славковые хозяйничают с одинаковой расторопностью как на ветвях большого дерева, так и в чаще кустарника или густого тростника. Они бегают так же хорошо, как порхают, и летают если не отлично, то все-таки довольно сносно, а некоторые виды даже вполне удовлетворительно. Большинство славковых считается превосходнейшими пев-

цами. Некоторых из них можно назвать настоящими мастерами этого искусства. Их умственные способности также стоят на высокой ступени развития. Они отлично умеют приноравливаться к обстоятельствам, отличают друзей от врагов, выказывают доверие, где можно, и робость. Когда их преследуют, проявляют хитрость. В семейной жизни ведут себя как верные супруги и преданные родители, способные самым трогательным образом жертвовать всем ради своего потомства. Одним словом, эти птицы соединяют в себе самые многосторонние и прекрасные качества.

Все виды славковых, живущие у нас на севере, принадлежат к перелетным птицам. Большая часть их появляется на родине с наступлением весны. Каждая пара тотчас же принимается устанавливать границы своих будущих владений, как бы малы или велики они ни были, и только в крайнем случае допускает постороннее вторжение внутрь своих границ. Вслед за выбором места начинается постройка гнезда, которое у разных видов имеет различное устройство. Оба родителя попеременно занимаются насиживанием 4—6, самое большее 8 яиц, составляющих кладку, и оба проявляют в этом деле одинаковое рвение. Птенцы вскармливаются исключительно насекомыми, которые составляют также главную пищу и старых птиц, хотя осенью эти последние не пренебрегают разными ягодами и плодами. Ощутимого вреда не приносит ни одна из славковых; польза же от них несомненна, хотя на первый взгляд она и кажется незаметной. Поэтому все славковые заслуживают нашего покровительства и любви; эту последнюю они, по счастью, легко приобретают у старого и малого благодаря своему замечательному дару пения. Все они отлично подходят к содержанию в клетках и как комнатные певчие птицы весьма ценятся любителями птиц.

Самый крупный из европейских видов — **ястребиная славка** (*Sylvia nisoria*). Длина ее достигает 18 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, хвоста 8 см. Верхняя часть туловища имеет оливково-буро-серое оперение, верхняя часть головы немного темнее. Надхвостье и верхние кроющие перья хвоста — с узкими белыми концами и черноватой внутренней каемкой. На лбу и бровях перья украшены узкими беловатыми кончиками; уздечка серая; нижняя часть туловища белая. На голове и остальных частях тела, на подбородке и горле перья имеют узкие темные края. Большие кроющие перья крыла и нижние кроющие перья хвоста с темными клиновидными пятнами. Глаза лимонно-желтоватого цвета; клюв буро-рогового, с нижней стороны желто-рогового цвета. Ноги светло-желтые. Самка отличается более тусклой окраской.

Начиная с южной Швеции, ястребиная славка встречается во всей средней и южной Европе, за исключением Великобритании*, а также в западной Азии и на севере Китая, а зимой залета-

** Ястребиная славка хотя и встречается в Испании, Франции и на юге Италии, но только во время миграций. Она не гнездится в этих странах.*

ет и во внутреннюю часть Африки. Она появляется в средней Европе уже в последних числах апреля, большей же частью, впрочем, в начале мая и остается на родине до августа. Летом птица селится на низком кустарнике, преимущественно в чащах, но если кустарник разрастется до высоты больших деревьев, она оставляет его и перебирается в другие, состоящие из молодых зарослей. На высокие деревья ястребиная славка садится только во время своего перелета.

По земле она движется довольно неуклюже, поэтому редко спускается на нее. Летает, напротив, отлично, хотя и неохотно, а с ветки на ветку порхает с поразительной быстротой. Ее призывный голос звучит щелкающим «чек», крик предостережения — картавым «ерр». Пение ястребиной славки зависит от местности и напоминает пение садовой и серой славки. В общем оно благозвучно и разнообразно, но все же его нельзя сравнить с пением славки-черноголовки, живущей в горах. Ястребиная славка в пении также уступает нашей садовой славке, хотя и очень походит на нее в этом. В песне ее часто встречаются свист иволги, та или другая строфа из песни зяблика, так называемый отбой черноголовки и другие звуки, свойственные живущим по соседству певчим птицам. Только своеобразный треск или барабанная трель, которые эта славка вводит иногда в свою песенку, производят неприятное впечатление. Подобно большинству своих сородичей, ястребиная славка принадлежит к усерднейшим певцам и потому может считаться ценным сокровищем для леса.

Тотчас после своего прилета весной каждая парочка выбирает себе участок и прогоняет оттуда всех других птиц. «Если какая-нибудь птица, — говорит Науман, — вторгается во владение ястребиной славки, то самец успокаивается только тогда, когда жестокими ударами клюва ему удастся прогнать непрошеного гостя, причем оба дерутся очень ожесточенно. В то время как самка порхает в чаще низкого кустарника, строит гнездо или сидит на яйцах, самец беспокойно носится над ней по более высоким деревьям, поет, кричит и наблюдает за тем, чтобы в его владения не ворвался какой-нибудь соперник. Лишь только такой дерзновенный покажется, он бросается преследовать его и не оставляет до тех пор, пока тот совершенно не исчезнет». Гнездо ястребиная славка строит в чаще или на высокой естественной зеленой изгороди, большей частью в хорошо скрытом месте, на высоте одного метра и более над землей. По постройке оно ничем не отличается от общего типа. В конце мая или в начале июня в нем находят 4—6 продолговатых яиц 20 мм длиной и 14 мм толщиной, с нежной, не особенно блестящей скорлупой, которая обычно по серо-белому фону испещрена светлыми пепельно-серыми и бледными оливково-бурыми пятнышками. Родители держатся около своего гнезда с большой осторожностью и, как только заметят кого-нибудь поблизости, немедленно удаляются. Сам-

ка в случае необходимости прибегает даже к известной хитрости, притворяясь хромой или больной. Если же приблизиться к гнезду, пока оно еще не достроено, то пара немедленно оставляет его и приступает к постройке нового. Случается, что они жертвуют даже снесенными яйцами, если заметят, что к ним прикасалась рука человека. Птенцы уже с появлением своим на свет проявляют как бы врожденную способность пробираться сквозь густые кустарники. Они очень скоро становятся самостоятельными и удаляются из гнезда прежде, чем научатся хорошо летать. При нормальных условиях пара выводит птенцов только раз в год, так как короткий срок ее пребывания на родине не дает времени для второго вывода птенцов.

Пища ястребиной славки, как и вообще всех славок, состоит из насекомых, живущих на листьях и цветах, особенно из гусениц и личинок, из большей части вредных бабочек и жуков, пауков и разных червяков, осенью же преимущественно из всевозможных ягод. Летом славка ест еще и вишни.

Второй по величине европейский вид славок — **славка певчая** (*Sylvia hortensis*). Длина самца 17 см, самки — 16 см, размах крыльев 25 см, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Оперение на верхних частях тела пепельно-серое, с буроватым отливом на спинке; темя и затылок буроватые или тускло-черные; нижняя часть туловища белая; стороны груди светло-ржавые.

Певчая славка обитает на юге Европы. Родина ее начинается в северных береговых областях Средиземного моря, близ Истрии или южной Швейцарии. В Испании, там, где произрастает пиния со своей зонтикообразной верхушкой, где в большом количестве растут сладкий стручечник, фиговые и масличные деревья, можно почти всегда встретить певчую славку. Она попадает в Греции, Турции, Италии, южной Франции и южной России, но повсюду только в качестве летнего гостя, который прилетает в конце марта или начале апреля, а в сентябре снова улетает. В Испании же певчая славка появляется в конце апреля, иногда даже в начале мая и держится не дольше августа. Родиной этой птички можно также считать западную Азию, Малую Азию, Персию и Туркестан. В горных областях, на высоте не более 2000 м над уровнем моря, она еще выводит птенцов.

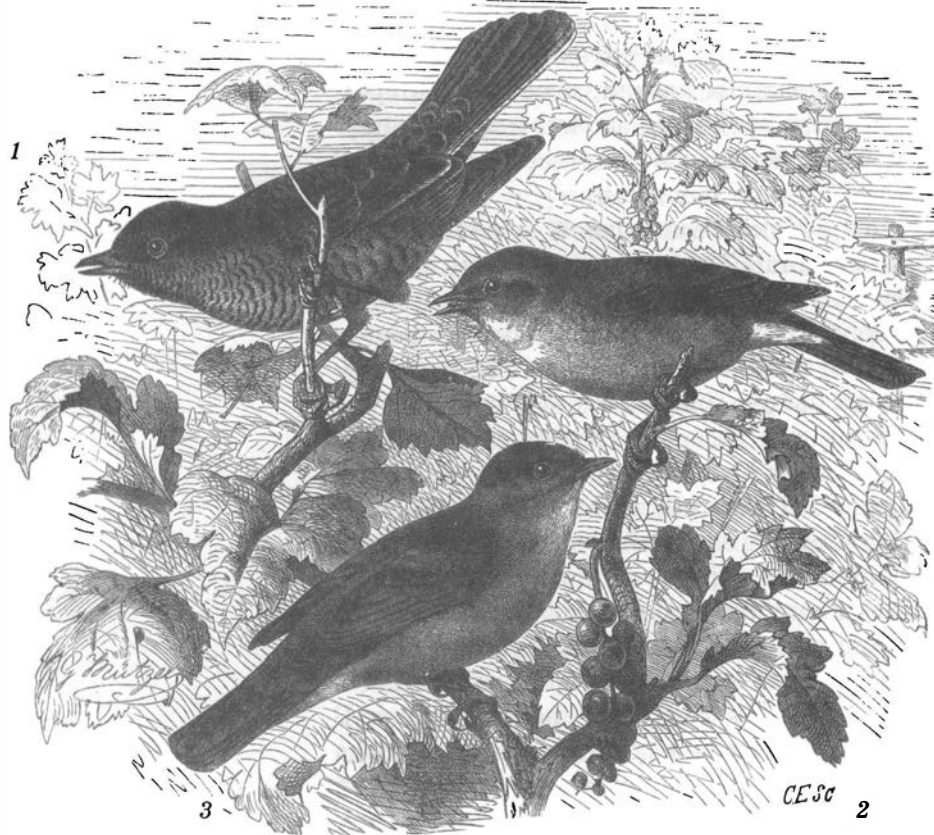
«Птица, которая принадлежит к лучшим певцам Канарских островов, называемая там каприоте, совершенно неизвестна в Европе. Она так любит свободу, что ее никаким образом не удастся приручить. Я наслаждался ее нежным мелодичным пением в одном саду близ Оратавы, но никак не мог приблизиться к ней настолько, чтобы определить, к какому роду птиц она принадлежит», — так говорил А. фон Гумбольд. После посещения великим натуралистом этих островов прошли многие годы, прежде чем выяснилось, о какой птице он говорил. Теперь нам известно, что прославленный каприоте, которого местные жители с

гордостью называют своим соловьем, есть не что иное, как славка-черноголовка (*Sylvia atricapilla*). Это один из наиболее даровитых, милостивых и прославленных певцов наших лесов и садов. Оперение верхней стороны туловища черноголовки серо-черное; нижняя сторона светло-серая; горло беловато-серое; темя у старых самцов густого черного цвета, у самок же и молодых самцов красно-бурое. Глаза карие; клюв черный; ноги свинцово-серые. Длина птицы 15 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,5, а хвост 6 см. Самка совершенно таких же размеров, как и самец.

Черноголовка водится во всей Европе, на севере — начиная от самой Лапландии, в западной части Азии, а также на островах:

Мадейра, Канарские и Азорские. В Греции и в Испании она появляется только во время перелета, часто даже зимует здесь, но иногда совершает свое зимнее путешествие до средней Африки. В среднюю Европу она возвращается к половине апреля, избирает своим местожительством леса, сады и кустарники, а в сентябре уже снова покидает родину.

«Черноголовка, — говорит мой отец, давший первое обстоятельное описание образа жизни этой птицы, — чрез-

1 — Ястребиная
славка

(*Sylvia nisoria*)

2 — Садовая славка
(*Sylvia borin*)

3 — Славка-черного-
ловка
(*Sylvia atricapilla*)

вычайно резвая, ловкая и осторожная птица. Она находится в постоянном движении, непрерывно и с замечательной ловкостью порхает в чаще густого кустарника. При этом туловище свое держит горизонтально, а ноги немного подогнутыми. Перья ее всегда гладко прилегают к телу, отчего птичка имеет нарядный, красивый вид. На землю она спускается редко. Если к ней приблизиться, когда она сидит на открытом месте, то птица немедленно скрывается в чаще ветвей или спасается бегством. Она умеет проделывать это так ловко, что за старой птицей долго приходится без успеха ходить с ружьем. Птенцы ее не так осторожны. Полет черноголовки быстрый, почти прямой, с сильными движе-

ниями крыльев, но в общем непродолжительный. Только при очень упорном преследовании она взвивается высоко в воздух и покидает место. Во время вывода птенцов черноголовка занимает довольно обширный участок, но иногда не ограничивается им. В холодную и дождливую погоду мне не раз приходилось встречать нашу лесную черноголовку в садах, поблизости от домов. Ее призывный голос состоит из приятного «так-так-так»; за ним следует чрезвычайно нежный звук, который нельзя передать словами. Это «так» имеет такое поразительное сходство с призывными звуками соловья и пересмешки, что только знаток может отличить одно от другого. Меняя тоны, черноголовка выражает своим «так» различные душевные настроения. Вот почему этот звук слышится чаще у взрослых птиц, когда они водят за собой молодое потомство. Пение самца превосходно. Его вполне можно сравнить с пением соловья. Впрочем, мнения любителей расходятся: одни ставят пение черноголовки выше пения садовых славок, другие ниже. Чистота, сила и сходство звуков со звуками флейты вполне искупают краткость строф. Это прекрасное пение, которым, однако, не все самцы владеют в одинаковой степени, начинается с восходом солнца и раздается почти целый день».

Благодаря превосходному пению черноголовку чаще остальных славок держат в клетках. Самыми лучшими певцами считаются те, которые водятся в нагорных сосновых лесах. Впрочем, птицы, выросшие в лиственном лесу, также большие мастера этого искусства.

Садовая славка (*Sylvia borin*) поет почти так же хорошо, как певчая и черноголовая славки. Длина этой птицы 16 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 6 см. Самка значительно меньше самца, но окраска у обоих совершенно одинакова. На верхней стороне тела оперение оливково-серое, на нижней — светло-серое, на горле и брюшке беловатое. Маховые перья и хвост оливково-бурые, снаружи с узкими желтовато-серыми каемками. Маховые перья с внутренней стороны имеют более широкую желтовато-буроватую каемку. Около глаза замечается очень узкое колечко из перышек белого цвета, самый глаз — светлый серо-бурый; клюв и ноги грязного свинцово-серого цвета.

Родиной садовой славки следует считать среднюю Европу. На север она распространяется до 69 градуса северной широты; к югу численность ее быстро уменьшается; на востоке она не перелетает за Урал*. В южной Франции и Италии садовая славка встречается довольно часто; в Испании и Португалии тоже выводит птенцов; в Греции и Малой Азии** ее можно увидеть только во время пролета, который распространяется до западной Африки. В средней Европе она появляется самое раннее в конце апреля или в начале мая, а в сентябре уже снова покидает нас. Эта славка живет в лиственных и хвойных лесах, но главным образом, сообразно своему названию, держится в садах. Нет ни одного

Семейство славковые

* Это не так. Садовая славка обитает за Уралом, гнездится в лесостепи и на юге лесной зоны по югу Западной Сибири и Северному Казахстану на восток вплоть до Енисея.

** В Италии садовая славка гнездится только на самом севере, в Альпах и их предгорьях, в Малой Азии она встречается редко, но северные прибрежные районы Турции входят в ее гнездовой ареал.

разросшегося сада, в особенности ни одного фруктового, куда бы ни проникла эта птичка. Она проводит свою жизнь как на низких кустарниках, так и на верхушках деревьев средней высоты, но когда собирается петь, то садится обыкновенно на некоторой высоте.

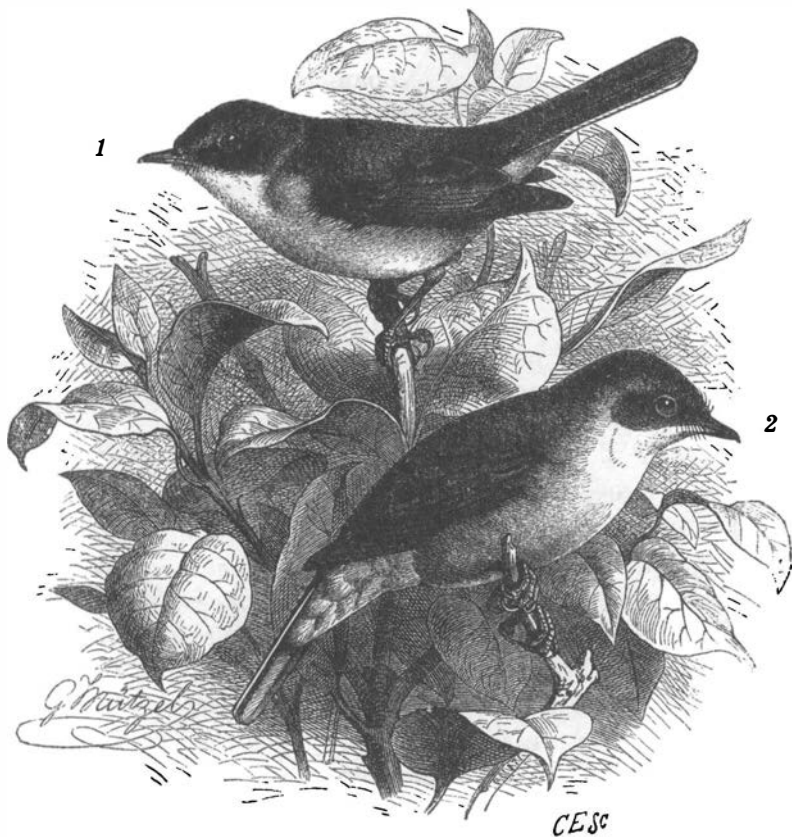
Садовые славки прекрасно поют. По этой причине их часто ловят и держат дома в клетках. Они достаточно быстро привыкают к ним и легко становятся ручными. Поют весьма прилежно и при хорошем уходе могут прожить в неволе 10—15 лет.

Всем известная **славка-завирушка** (*Sylvia curruca*) по окраске похожа на садовую славку. По размеру значительно меньше

ее: длина всего 14 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,5, а хвоста 5,8 см. Оперение на верхней части головы пепельно-серое, на спинке — буровато-серое, на уздечке — серо-черноватое, на нижней стороне туловища — белое с желто-красноватым отливом по сторонам груди. Оливково-бурые перья крыльев и хвоста имеют снаружи узкие чало-бурые каемки. Первые из них и с внутренней стороны окаймлены беловатым. Крайние перья хвоста снаружи белые; их конечная половина с внутренней стороны также белая. Глаза карие, клюв темно-серый, ноги сине-серые.

Область распространения славки-завирушки занимает весь умеренный пояс Европы и Азии, север до Лапландии, восток до Китая, юг до

Греции. При перелете эти птицы достигают средней Африки и Индии. В средней Европе они появляются в начале мая, а в сентябре уже снова покидают нас. Во время своего краткосрочного летнего пребывания на родине славка-завирушка поселяется преимущественно поблизости от селений, в садах, кустарнике и на изгородях, встречается она и в больших городах, и в лесу, хотя держится здесь большей частью на опушке и в прогалинах. По описанию Наумана, «эта необыкновенно резвая, приятная птичка никогда не остается долго на одном и том же месте, постоянно находится в движении, охотно заигрывает с другими птичками и гоняется за себе подобными. При этом нисколько не стесняется

1 — Славка-завирушка (*Sylvia curruca*)
2 — Серая славка (*Sylvia communis*)

присутствия человека и безбоязненно занимается своим делом на его глазах. Только в суровую или дождливую погоду она иногда взъерошивает свои перышки, в прочее же время выглядит гладенькой и стройной, проворно прыгает и порхает с ветки на ветку и быстро исчезает с глаз преследующего ее наблюдателя. Но насколько легко и проворно пробирается эта славка через густой кустарник, настолько тяжеловато движется по земле, поэтому она избегает спускаться на нее. Полет ее легкий и быстр, когда приходится перелетать большие пространства, в другое же время он нерешительный и порхающий. Призывные звуки у нее щелкающие или чмокающие, а крик ужаса — квакающий. Пение, которым прилежно занимается самец, состоит из длинного *riano*, из сменяющих друг друга чирикающих и слегка свистящих звуков, сквозь которые вдруг прорывается резкий крик, завершающийся конечным коротким *forte*». Отличительная особенность пения славки-завирушки заключается в звенящей или трещащей трели.

Пища ее в существенном ничем не разнится от пищи ее сородичей.

Гнездо устраивается в густом кустарнике, низко над землей, в лесу — преимущественно в кустах терновника и боярышника, на полях — в колючей изгороди, в садах главным образом — в кустах крыжовника. Оно строится очень легко и лежит просто на ветках, не прикрепляясь к ним, а в остальном походит на гнезда других славок. Кладка состоит из 4—6 яиц 16 мм длиной, 12 мм толщиной, с нежной скорлупой чисто белого или голубовато-зеленого цвета с пепельно-серыми или фиолетово-серыми и желто-бурыми пятнышками и крапинками на толстом конце. Оба родителя попеременно принимают участие в насиживании яиц в продолжение 13 дней*. Потомство свое они любят так же нежно, как и другие славки, в случае опасности прибегают к таким же хитрым уловкам, как и прочие, и, кроме того, преследуют приближающегося врага пугливыми криками. В общем завирушки в период размножения крайне недоверчивы, часто покидают начатые постройки гнезда, если узнают, что туда заглядывал человек, и даже оставляют кладку, если заметят, что яйца трогала чья-нибудь рука**.

Последний несущийся в средней Европе вид славок — **серая славка** (*Sylvia communis*). Эта птица отличается стройностью. Длина ее 15 см, размах крыльев 22, длина крыла и хвоста по 7 см. Оперение верхней части тела красновато-землисто-бурое. Верхняя часть головы, зашеек и ушная область буро-серые; уздечка, височная область и стороны шеи ярко-серые; подбородок, горло и нижняя часть щеки белые; остальные нижние части туловища нежного красновато-мясного цвета.

Серая славка встречается на севере дальше своих сородичей, ее можно видеть на севере Скандинавии. На востоке область ее

* Число яиц в кладках славки-завирушки варьирует от 2 до 7, составляя в среднем 5. Насиживают родители в течение 10—14 дней, роль самки больше, чем у самца.

** Все же это преувеличение. Если гнездо не трогать, не нарушать его структуру, не находиться около него долго, не беспокоить птиц, а просто осмотреть постройку, то славки не бросают гнезда.

распространения доходит до западной части Азии. Вальтер видел серую славку выводящей птенцов в Закаспийской области. Зимние странствования ее простираются до средней Африки. В это время ее можно встретить также на Канарских островах. У нас она предпочитает селиться в низких терновых кустах, в Испании живет вместе с другими мелкими видами семейства в особых низкоствольных лесах. Настоящего леса эта славка всюду избегает. В садах она тоже не селится, хотя отдельные высокие деревья в них ей очень нравятся. Здесь на нижних ветвях их верхушек она любит распевать свои песенки. В пору любви, когда птица носится по воздуху, она также садится на них для отдыха. Во время пролета она посещает засеянные поля, в Германии — ржаные и пшеничные, на юге Европы — маисовые. У нас она появляется редко в конце апреля, чаще в начале мая, тотчас же располагается на своем участке и остается там до августа; после этого начинается отлет. Она покидает нас в сентябре, самое позднее — в октябре.

В клетках серую славку держат реже, чем ее сородичей. Пение ее не каждому нравится, хотя оно и не заслуживает презрения, а потому эта птица достойна лучшей оценки.

Отличительные признаки камышевок следующие: стройное туловище, вытянутая плосколобая голова, относительно сильный, тонкий, конусовидный или шиловидный клюв, сильные ноги с высокими плюснами, толстыми пальцами и большими сильно изогнутыми когтями; короткие и округленные крылья; средней длины, закругленный, ступенчатый или клиновидный хвост и, наконец, гладкое, несколько жесткое оперение зеленого или серо-желтоватого цвета, подходящего к цвету камыша и тростника.

Образ жизни и привычки этих птичек вполне соответствуют их местожительству. Это в полном смысле слова тростниковые птицы. Камышевки постоянно живут на земле и обладают всеми качествами, присущими такому образу жизни. Одаренные большими способностями во всех отношениях, они также отличаются и своим пением: песни их очень приятны, но вполне соответствуют обстановке, т.е. это настоящие болотные и водные песни. Пищу они добывают с земли, над самой водой, а также с растений, в чаще которых живут. Свое искусное гнездо строят здесь же.

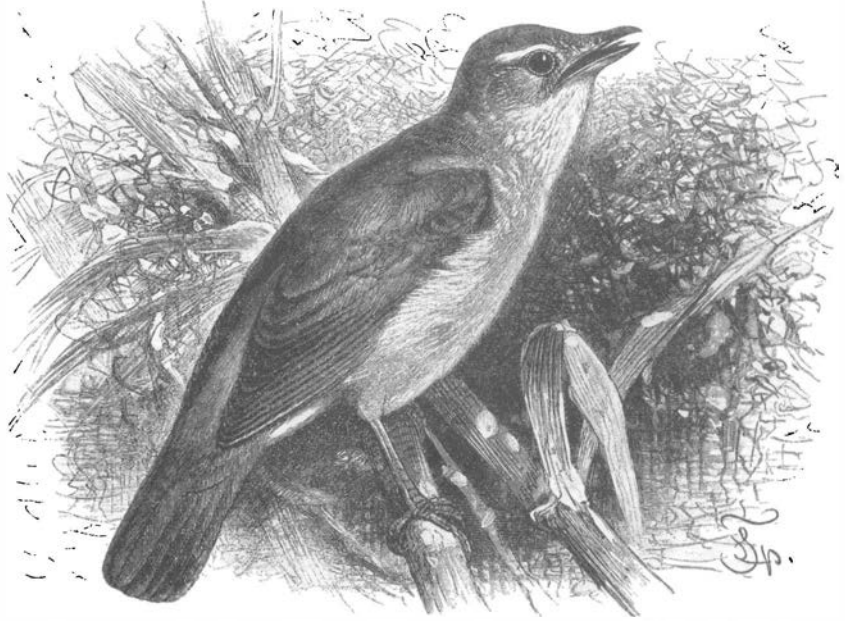
Самый крупный и известный вид камышевок — **дроздовидная камышевка** (*Acrocephalus arundinaceus*). Длина ее 21 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 8,5 см. Оперение на верхней стороне темно-бурое, на нижней — ржаво-желто-белое, на горле и посредине груди светлее. Глаза темно-бурые; клюв темного буро-рогового цвета, ноги буровато-рогового цвета.

За исключением Великобритании, дроздовидная камышевка живет, начиная с южной Швеции, на всех равнинах умеренного пояса Европы, на юге Европы, а также в западной части Азии; зимой же посещает большую часть Африки, проникая до самой Лапландии. Она никогда не отдаляется от тростников. Даже во

время зимних странствований держится всегда около воды, перелетая от одного водного бассейна к другому. На родине она появляется самое раннее в конце апреля и остается здесь самое большее до конца сентября.

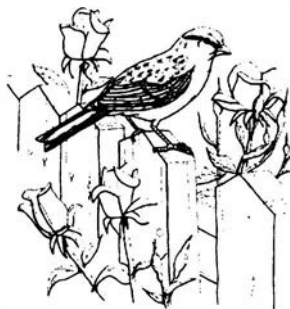
Тотчас после прибытия, весной, с раннего утра до позднего вечера, а в первое время даже и ночью непрерывно раздается громкое пение самца, которое состоит из полных, сильных звуков, соединяющихся в разнообразные, постоянно сменяющиеся одна другую строфы. По этому пению тотчас можно заметить, что камышевка особенное внимание обращает на лягушку, так как оно столько же напоминает кваканье лягушки, сколько песню какой-нибудь другой птицы. Нежные, подобные флейте звуки чужды этому певцу: вся его песня не что иное, как трескотня или кваканье. «Дорре-дорре-дорре, карре- карре-карре, керр-керр-керр, кей-кей-кей-кей, карре-карре-карре, китт» — самые главные и существенные части этой песни. И все же она может нравиться. Есть что-то приятное в этих звуках, что-то веселое в самой манере, с какой они издаются. Так как там, где звучит эта песня, нельзя рассчитывать на пение какой-нибудь другой птички, то приходится довольствоваться голосами водяных птиц, гоготанием гусей и уток, криком цапель и трескотней красных куропаток. Конечно, требования в этом случае предъявляются самые скромные, и оценка делается весьма снисходительно. Я должен признаться, что пение дроздовидной камышевки всегда привлекало меня. Оно не могло, конечно, приводить меня в восторг, но всегда забавляло. Самец относится очень серьезно к своему пению и старается так, как будто хочет состязаться в этом искусстве с соловьем. Сидя на гибком стебле, он гордо выпрямляется, опускает крылья, распускает хвост, надувает горло и поднимает кверху клюв; он то нахохливает, то снова разглаживает свои теменные перья, а вместе с ними и другие, так что кажется гораздо больше, чем есть на самом деле. И в это время весело гремит в воздухе его кваканье.

Дроздовидная камышевка приступает к размножению, подобно другим своим сородичам, тогда, когда молодой камыш достигнет известной высоты, т. е. не раньше конца мая, большей же частью в середине июня. В это время она любит держаться обще-

Дроздовидная
камышевка
(*Acrocephalus
arundinaceus*)

Семейство славковые

ствами, хотя бы местом вывода и был весьма небольшой пруд. Гнездо устраивается в тростнике со стороны воды, причем не в чаще, а, напротив, иногда совсем на виду, почти всегда над водой, между четырьмя, иногда пятью, изредка шестью стебельками тростника, которые вплетаются в стенки гнезда или просверливают его насквозь. Обыкновенно оно находится на такой высоте, до которой вода не поднимается даже во время сильного половодья, но редко на расстоянии целого метра над поверхностью воды. Некоторые исследователи наблюдали, что в их окрестностях дроздовидные камышевки в иные годы, как им казалось, без всякой побудительной причины вили свои гнезда выше обыкновенного. Но вот прошло значительное время после того, как гнезда были построены, и недоумение разрешилось: наступили продолжительные дожди, которые подняли воду в прудах и реках гораздо выше обычного уровня. Таким образом, изумительная предусмотрительность камышевок спасла их гнезда от затопления, которому они наверняка подверглись бы, если бы были выстроены на обычной высоте. В исключительных случаях дроздовидная камышевка вьет гнездо не в тростнике, а в кустарнике или в высоком ситнике. Она легко может привыкать к различным шумам, например, способна равнодушно относиться к грохоту железнодорожного поезда, проходящего поблизости от ее жилья. Само гнездо гораздо больше в высоту, нежели в ширину. Оно строится с толстыми стенками, которые состоят из сухих листочков травы и стебельков. Более тонкие из них идут на внутреннюю выстилку, куда подмешиваются еще некоторые корешки. Материал для постройки употребляется самый разный, в зависимости от места ее обитания. Это могут быть волокна крапивы, листочки плакуна, пух от разных семян, даже гусеничная паутина, бумажные и шерстяные нити. Во внутреннюю выстилку подмешиваются сухие метелки злаков, соцветия розмарина, конский волос и тому подобные вещества. Кладка, состоящая обыкновенно из 4—5 яиц*, редко когда оканчивается раньше середины июня. Яйца 22 мм в длину и 15 мм в толщину, голубоватого или серо-зеленовато-белого цвета с очень темными оливково-бурыми и пепельно-серыми пятнышками, крапинами и черточками, равномерно рассеянными по всей скорлупе. Они насиживаются очень усердно в продолжение 14—15 дней. Когда какое-нибудь обстоятельство нарушит мирное существование парочки, оба родителя приближаются к гнезду на несколько шагов. Они то прячутся, то попеременно появляются перед ним и с жалобными криками летают вокруг. Птицы до такой степени чувствительны к подобным тревогам, что в некоторых случаях (например, если гнездо несколько раз осмотрит человек) бросают еще не совсем насиженные яйца. Родители нежно любят и старательно ухаживают за своими птенцами, кормят их насекомыми, тщательно охраняют их от всякой опасности и еще долго не оставляют после того, как они начнут вылетать.

** Нормальная кладка дроздовидной камышевки содержит от 3 до 6 яиц. Брем приводит средние цифры.*

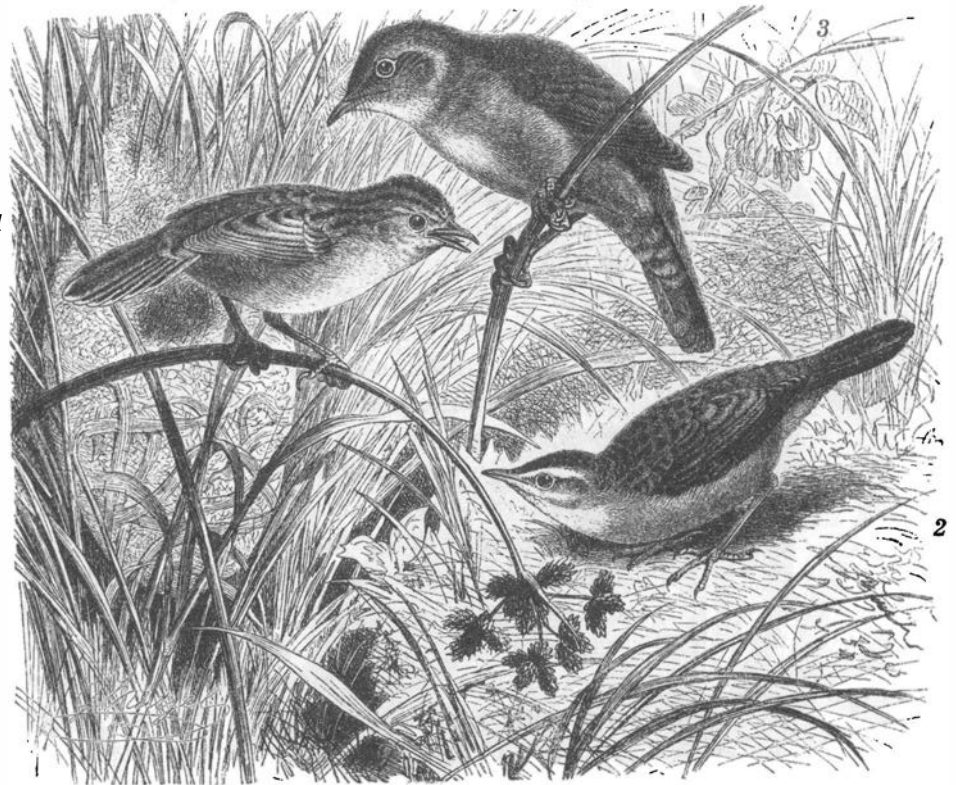
Это тем более необходимо, так как птенцы выходят из гнезда прежде, чем научатся хорошо летать и, по крайней мере, первые дни передвигаются большей частью посредством лазанья. К концу июля они становятся самостоятельными и начинают уже подумывать о зимнем отлете.

Камышевка-барсучок (*Acrocephalus schoenobaenus*). Длина ее 14 см, размах крыльев 20, длина крыла 6,3, а хвоста 5 см. Верхняя сторона туловища и узкие наружные каемки темно-бурых маховых перьев, кроющие перья крыла и рулевые перья чалобуроватые, надхвостье и верхние кроющие перья хвоста ржавобуроватые, по спине и плечам пробегают неясные темные продольные полосы. Темя и верхняя часть головы по черно-бурому фону украшены желтоватобурой, с темными черточками долевой полосой. Брови широкие. Горло, брюшко и нижние кроющие перья хвоста светлые. Кольцо вокруг глаз светлорубое. Клюв с верхней стороны черный, с нижней, как и ноги, серый.

Начиная с 68 градуса северной широты камышевка-барсучок распространена по всей Европе и приблизительно с

той же широты — в Западной Сибири и западной части Азии.

Она живет преимущественно в болотах или на берегах вод. Более всего любит места, поросшие высокой осокой, ситником и другими узколистыми болотными растениями. Селится также на полях, в низменных местах, между которыми проходят поросшие тростником канавы — одним словом, в болотистых местах, но не в камышах. Поросшие тростником пруды, кустарнике, а также покрытые хальфой пустынные равнины в Африке она посещает только во время своих зимних странствий. В средней Европе камышевка-барсучок появляется в последней трети апреля, а в октябре снова улетает; отдельные экземпляры попадают, впрочем, еще в ноябре. Зиму она проводит в средней Африке, но до сих пор еще неизвестно, как далеко она проникает внутрь ее.

- 1 — *Верехвостая цистикола*
(*Cisticola juncidis*)
2 — *Камышевка-барсучок*
(*Acrocephalus schoenobaenus*)
3 — *Широкохвостка*
(*Cettia cetti*)

В умении проскальзывать сквозь чащу камышевка-барсучок превосходит все другие виды. С проворством мыши снует она в чаще или по земле. Меньше ловкости проявляет эта камышевка, когда летит. Во время полета она то трепещет крыльями, то порхает, то буквально прыгает, извиваясь змеевидной линией. Камышевка-барсучок редко перелетает большие расстояния, а в основном стремительно бросается в тростник по прямой линии. Последнее обеспечивает ей полную безопасность, и она, сознавая это, почти утрачивает всякую робость, не обращает ни малейшего внимания на приближающегося человека, в десяти шагах от него совершенно спокойно лазает по верхушке куста, беззаботно распевая свою песенку. Если же по какой-нибудь причине и нырнет в чащу куста, то через минуту снова неожиданно появится на крайней ветке. Ее призывный голос выражается щелкающими звуками, неудовольствие — картавым «шарр», испуг — пронзительным кваканьем. Пение у нее очень приятное, она издает продолжительную, напоминающую звук флейты громкую трель, которая часто повторяется. Хотя пение этой птицы и походит на пение других камышевок, но также напоминает песню трясогузки или обыкновенной ласточки. Разнообразие звуков так велико, что ее пение можно сравнить с пением некоторых славков.

Камышевка-барсучок держится обыкновенно скрытно. В период размножения, впрочем, она появляется на верхушках высоких растений или на крайних ветвях, чтобы оттуда распевать или высматривать соперника, песня которого возбудит ее ревность. Иногда побудительной причиной является простое любопытство. Если случится, что собака подойдет к ней слишком близко, то она взбирается на самый верх ситникового или тростникового стебля, оглядывается и затем снова с быстротой молнии скрывается в чаще.

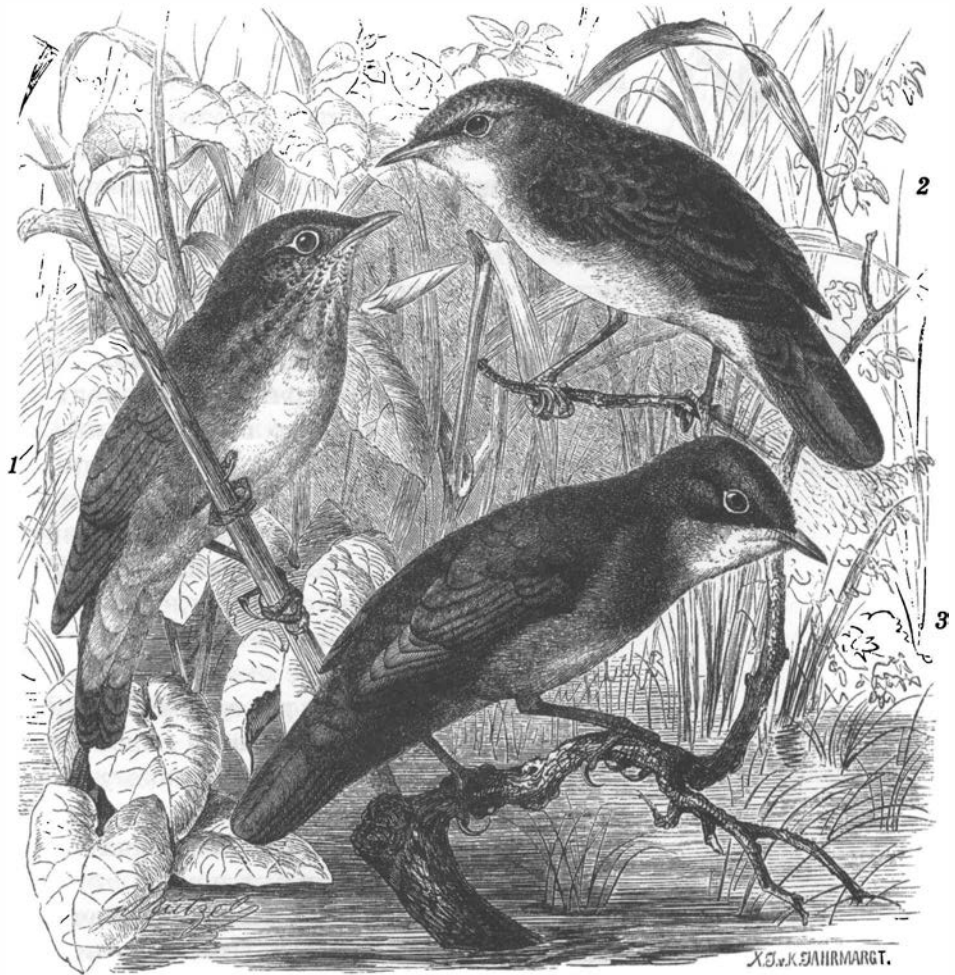
Пища камышевки-барсучка состоит приблизительно из тех же насекомых, которыми питаются и другие камышевки. Кроме того, она ест также ягоды. Гнездо устраивается в различных местах, но обыкновенно в малодоступных, например, на болоте в осоке, причем довольно низко. Однако зачастую и в совершенно сухих местах на расстоянии 100—200 шагов от воды, даже на песчаном грунте, если он порос кустарником и травой. Иногда оно располагается на самой земле, чаще же на низких порослях ивы или в крапиве.

Плененные камышевки-барсучки считаются редкостью не потому, что их трудно содержать, а потому, что их трудно ловить. Пойманные же скоро свыкаются со своим новым положением, они не так изнежены и прихотливы, как другие виды их семейства. Их очень ценят за постоянную резвость, ловкость, грациозные движения и приятное пение.

Обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*). Его длина 13,5 см, размах крыльев 19, длина крыла 6,3, а хвоста 4,8 см. Оперение

на верхней стороне оливково-бурое, на голове с маленькими круглыми, а на передней части спины и плечах с широкими стрелчатыми буро-черными пятнышками. Нижняя сторона бледного ржаво-желтого цвета. Подбородок, горло, нижняя часть груди и середина брюшка светлее, почти белые. Глаза серо-бурые, клюв рогового цвета, ноги светло-красноватые. В осеннем оперении нижняя сторона тела желтая. У птенцов грудь пятнистая.

Обыкновенный сверчок отличается своеобразным пением, и этим даром он наделен больше, чем другими. Оно состоит, собственно говоря, из единственной, однообразной, продолжительной шипящей трели, похожей на стрекотанье, которое издают большие стрекозы своими крыльями. Определить эти звуки словами довольно трудно, но все-таки они походят приблизительно на «сиррррр» или «сиррлрлрлрл». «Мне показалось очень странным, — говорит Науман, — что это слабое стрекотание, которое вблизи кажется совсем негромким, разносится так далеко. Чуткое ухо может совершенно ясно слышать его в тихий вечер на расстоянии тысячи шагов. Я старался прислушиваться к пению этой птицы во все часы дня и ночи, для чего целые ночи проводил в лесу, и могу удостоверить, что это замечательное пение производило на меня довольно странное впечатление. Выйдя из лесу и оставив его далеко за собой, я еще долго вспоминал это своеобразное стрекотание, оно словно стояло у меня в ушах. Мне казалось, что оно исходит из каждой шелестящей ветки, из каждого дуновения ветерка. Обычно этот замечательный певец продолжает свою трель не переводя духа в течение целой минуты, но зачастую трель зву-

- 1 — Обыкновенный сверчок
(*Locustella naevia*)
2 — Речной сверчок
(*Locustella fluviatilis*)
3 — Сверчок соловьиный
(*Locustella luscinioides*)

чит без перерыва две с половиной минуты, как я это отметил по своим часам. После короткого перерыва, всего в несколько секунд, он снова начинает стрекотать и таким образом продолжает тянуть эту однообразную музыку часами. У своего гнезда сверчок редко стрекочет днем, а если это случается, то продолжается недолго. Он начинает петь обыкновенно только после заката солнца и поет тем усерднее, чем время ближе подвигается к полуночи. Затем с час отдыхает и снова начинает петь, и поет так же усердно, как и раньше, до самого восхода солнца. Когда самка сидит на яйцах, самец вовсе не поет днем, а только в тихую глубокую полночь или рано утром, когда начинается заря. Пока сверчок не избрал еще постоянного местожительства, он поет, пробираясь сквозь ветки, так что заканчивает свою трель часто за 50 шагов от того места, где начал. У гнезда же, напротив, он зачастую по целым часам сидит на одном месте или самое большее лазает по стеблю снизу вверх и обратно или взад и вперед по ветке». Это пение выдает певца каждому внимательному наблюдателю. В те часы, когда он поет всего усерднее, не слышно еще стрекоз, и потому стоит только пойти по следам этих своеобразных звуков, как выследишь птичку. «При скрытном образе жизни обыкновенного сверчка, — говорит Гансман, — мы можем выследить его только по голосу. Самка, которая проводит свою жизнь на земле в высокой траве, почти недоступна для наблюдений, если только какой-нибудь счастливый случай не выдаст ее. Самец же, когда поет, всегда выходит напоказ, так что рано или поздно его можно все-таки увидеть». По многолетним наблюдениям Гансмана, сверчок-самец, если его ничто не беспокоит, способен во время пения по целым часам сидеть неподвижно на одном и том же месте с отвесно опущенным хвостом, приподнятым кверху клювом и раздутым горлом. «Чудный певец вполне самостоятельно распоряжается силой своего звука. Если приблизиться к поющему самцу, сидящему на уединенном кустике, он мгновенно умолкает. Стоит только переждать 5—10 минут, притаившись на месте, как он снова начинает свою стрекотню, только теперь она исходит как будто из другого места или издается тихо, под сурдинку, так что можно ошибочно посчитать, что поющая птичка переменила место. Иногда сверчок упорно молчит несколько дней, даже недель, но потом снова раздается его своеобразная трель, сначала только в полдень или вечером, но всего чаще в ночное время. Он молчит при восходе солнца и стрекочет во время дождя и сильных гроз. Этот бесталанный певец капризен, как знаменитый прославленный оперный тенор!»

На юго-востоке Европы, в западной части Азии и восточной Африке живет **речной сверчок** (*Locustella fluviatilis*). Длина его 14,7 см, размах крыльев 23,5, длина крыла 7,3, а хвоста 6,2 см. Верхняя часть туловища и наружные бородки оливково-бурых маховых и хвостовых перьев бледного оливково-бурого цвета.

Нижняя часть светлее; горло и середина брюшка почти белые; широкие конечные каемки ржаво-буроватых нижних кроющих перьев хвоста тускло-белые. По горлу и голове проходят неясные оливково-буроватые долевые полоски. Кольцо вокруг глаз бурое. Верхняя часть клюва буро-рогового цвета, нижняя, как и ноги, желтовато-рогового.

Чаще встречается он по среднему и нижнему течению Дуная, в Галиции, Польше и по всей России. Описанием жизни этой птички на свободе мы обязаны сообщениям графа Водзицкого и Шауера, которые наблюдали ее в Галиции. Здесь она, подобно своим сородичам, населяет низкие местности, ивняк, растущий на лугах по опушке сосновых лесов, ольховые рощи, окруженные лугами и пастбищами. Но чаще встречается в буковых рощах, произрастающих на горах средней высоты, где наряду с большими деревьями и старыми подгнившими пнями встречаются роскошные кустарники, заросшие высокими травами, зонтичными растениями, ежевикой и малиной. На родине речной сверчок появляется в середине мая, когда зелень уже распустилась и может служить птичке отличным убежищем. Однако он не сразу по прибытии избирает себе место для гнезда, а некоторое время бродит еще по небольшим садам и огородам, даже по сухим плетням, свитым из прутьев. Однако и в таких открытых местах речной сверчок умеет ловко прятаться. Даже у гнезда, расположенного на лугу, где растут кусты ивы, самца можно увидеть только тогда, когда он считает себя в полной безопасности, при этом птичка предусмотрительно держится определенных ветвей — своего излюбленного местечка для пения. В остальное же время речной сверчок живет скрытно, летает только в крайнем случае и на короткие расстояния, напоминая своими трепещущими взмахами крыльев большую бабочку. В полете он держится постоянно прямой линии, как бы имея перед глазами определенную цель, и ни на что постороннее не отвлекается. Когда его что-либо испугнет, он ищет спасения в бегстве. Если приблизиться к речному сверчку в то время, когда он по обыкновению сидит на выступающей сухой ветке ивы, то сверчок, словно подстреленный, стремительно падает вниз, не шевеля ни единым крылом, и в мгновение ока зарывается в траве, отыскав в ней самое густое, запутанное место. И уже никакими средствами, даже натравив на него собаку, его оттуда не выманить. Единственно во время пения сверчок отчасти забывает присущую ему осторожность и при случае дает наблюдателю возможность подсмотреть его жизнь.

При пении речной сверчок ведет себя так же, как его сородичи: лазает по выступающим веткам или поднимает вверх голову, широко раскрывает клюв, время от времени нахохливает горловые перышки и своеобразным движением языка выделяет свою трель. Она состоит из двух следующих один за другим звуков, из которых один ниже и сильнее, другой выше и слабее.

**Мнение Шауера
ошибочно. Птицы
издают звуки на
вдохе, а не на выдохе,
как люди.*

По мнению Шауера, они производятся равным образом как при вдыхании, так и выдыхании воздуха*. По сравнению с трелью обыкновенного сверчка она сильнее и громче, не такая шипящая, более отчетливая. Вслушиваясь в нее, кажется, будто птичка раз 50—60 повторяет без перерыва слог «церр». Она заметно короче трели обыкновенного сверчка, медленнее и еще более походит на стрекотание зеленого кузнечика. По временам ее прерывает картавый призывный звук. Вообще пение речного сверчка в некотором отношении напоминает начальную строфу песни овсянки. Во время пения речной сверчок поворачивает голову более или менее быстрыми движениями то направо, то налево и этим достигает того, что его трель звучит то сильнее, то слабее. Когда он сознает себя в совершенной безопасности, то поет от всего сердца, полной грудью. Его одинаково можно слышать поющим и в хорошую, и в дурную погоду, в дождь, даже при сильном ветре, но тогда он сидит забившись под куст и наружу уже не показывается. К трели речной сверчок, подобно своим сородичам, прибавляет своеобразные звуки, похожие на те, которые происходят при полоскании горла, воркотню и клокотание, особенно если он чем-нибудь встревожен. Но часто случается, что пение его не идет на лад: в горле у него хрипит, клокочет, тогда он останавливается и либо совсем умолкает, либо издает только отдельные трели. Самка, заслышав пение самца, каждый раз откликается звуком «чик-чик», который означает хорошее состояние духа, тогда как страх выражается у нее звуком «кр-кр».

Гнездо речного сверчка строится всегда на земле, но в самых разнообразных местах: то в кустах, то в траве, то между корнями деревьев. Постройка его весьма неправильная и представляет собой то беспорядочное сплетение грубых листьев тростника, выстланное внутри мхом и тонкими корешками, то довольно тщательное сооружение, красиво убранным внутри. Иногда гнездо свито из мелких, тонких травинки и мха и снаружи окружено большой кучей из того же материала, из которого сделаны стенки, при этом ограда такая рыхлая, что гнездо можно легко вынуть из нее. В середине мая, но чаще в конце этого месяца самка делает кладку 4—5 яиц, а затем высидывает их. Яйца имеют в долевом разрезе 24, а в поперечном 18 мм, по форме своей разнообразны. Яйца по белому, чуть блестящему фону покрыты мелкими грязновато-желтыми и бурными крапинами, которые сливаются на толстом конце в неясный венчик. Птенцы покидают гнездо, когда едва покрыты перьями, а хвостовые перья только показываются. Тем не менее птенцы уже ловко, подобно мышатам, снуют в траве, однообразно покрикивают свое «ципп-ципп» и не умолкают даже тогда, когда родители предостерегают их криком, чтобы заставить замолчать. И конечно, этим они постоянно выдавали бы себя, если бы их звуки не были так похожи на стрекотание кузнечиков и не обманывали бы слух даже самого опытного наблюдателя.

Зеленая пересмешка (*Hippolais icterina*). Спина серо-оливкового цвета, уздечка и брюшко бледно-серо-желтые; голова около ушей, бока тела и шея бледно-серые; маховые перья оливково-бурые; крайнее рулевое перо зеленоватое, а с внутренней стороны окаймлено грязно-белым цветом; перья хвоста светлее, чем маховые, и снаружи окаймлены белым. Глаза темно-бурые, клюв серо-бурый, основание нижней половины челюсти красновато-желтое, ноги светло-голубые. Длина 14,5 см, размах крыльев 25, длина крыла 9, а хвоста 5,3 см.

Отечеством зеленой пересмешки следует считать среднюю Европу; отсюда она распространяется к северу до Скандинавии; на юге встречаются другие ее сородичи. В Великобритании она более не появляется; в Испании нам не случилось ее видеть; в Греции появляется только во время перелета.

Из всех представителей этой семьи зеленая пересмешка самая нежная и прихотливая. Она появляется в Германии только тогда, когда все деревья уже покрылись зеленью, никак не раньше конца апреля, и остается там никак не дольше конца августа. Зиму проводит в Африке. Она любит вить гнезда в непосредственной близости от человеческого жилья и предпочитает обыкновенные и фруктовые сады лесу. Впрочем, пересмешка живет иногда и на опушках лиственных лесов, в хвойных же лесах и на высоких горах ее не видели. Чаще всего она селится в садах, окруженных живой изгородью из бузины, терна, бирючины и других кустарников, или в фруктовых садах, обнесенных шпалерником.

Целый день самец перепархивает с одного места на другое, пока забота о сидящей на яйцах самке или птенцах не прикует его к одному месту. Обыкновенно пересмешка перепрыгивает с ветки на ветку в густой листве, так что легко может случиться, что наблюдатель в течение нескольких минут тщетно ловит ее глазами, хотя пение ее слышится все время. Обычно самые гус-

Зеленая пересмешка
(*Hippolais icterina*).

Семейство славковые

тые и высокие деревья в саду становятся любимым местопребыванием пересмешки. Она посещает их ежедневно по нескольку раз и подолгу остается на них. Полет ее быстрый и ловкий, она может совершать в воздухе самые смелые повороты. Пересмешка почти никогда не спускается на землю. Только во время пения она сидит подолгу на одном месте. В призывном голосе ее слышится нежное «тэк-тэк», к которому присоединяется благозвучное «терют», служащее выражением страсти, ревности, гнева или страха при грозящей опасности. Пение пересмешки не всякому нравится, так что мнения о нем различны. Кроме того, не все пересмешки поют одинаково.

Главную пищу зеленой пересмешки составляют жучки и другие маленькие крылатые насекомые, которых она подбирает с листьев или вылавливает в воздухе. Поэтому часто можно видеть, как пересмешка перепархивает с ветки на ветку около верхушек деревьев или даже быстро вылетает из защищающей ее листвы. Когда созревают вишни, пересмешка часто садится на обремененные плодами деревья и лакомится мякотью сладких ягод. Землянику она тоже не обходит своим вниманием. Но большого вреда пересмешка не наносит ни той, ни другой ягоде.

Обыкновенно пересмешка делает кладку только раз в год, а именно в конце мая или в начале июня. Гнездо вьет среди самых густых кустарников своих владений, преимущественно на бузине, орешнике, терне, крушине и весьма редко на кустах с шипами. Оно всегда защищено листьями, хотя и не вполне скрыто от глаз. Гнездо имеет красивую кошелеобразную форму, прочное, снаружи весьма искусно сплетено из сухой травы, листьев пырея, лыка, хлопка, шерсти, бересты, гусеничной паутины, бумаги и других веществ, соединенных вместе вроде войлока, а внутри выложено несколькими перышками, нежной травой и конским волосом. Яиц обыкновенно бывает от 4 до 6; они имеют продолговатую форму, длиной 17, а толщиной 13 мм и окрашены в розовый или розово-желто-серый цвет, по которому проходят черные или черно-бурые жилки. Самец и самка попеременно насиживают птенцов, которые вылупляются уже на тринадцатый день. Птенцов выкармливают разными мелкими насекомыми*.

Зеленая пересмешка считается одной из самых слабых и недолговечных комнатных птиц. Она требует самого заботливого ухода и самой изысканной пищи, и все-таки, к великому горю всех любителей, она редко подолгу живет в клетке. Однако бывали случаи, когда пересмешки несколько лет жили в неволе, усердно пели и без вреда для себя линяли. Прирученная пересмешка служит лучшим украшением птичника.

Пеночка-зарничка (*Phylloscopus inornatus*). Эта пеночка из своей родины, восточной Азии, предпринимает путешествие в несколько тысяч километров, чтобы найти себе в западной Африке пристанище на зиму**.

* *Период инкубации у разных особей зеленых пересмешек варьирует от 12 до 16 дней, в среднем он равен 13—14 суткам. Насиживает преимущественно самка, самец только изредка ее подменяет в середине дня.*

** *Пеночки-зарнички гнездятся от Дальнего Востока до Урала, за который они недалеко проникают в европейскую часть России. Несмотря на то, что часть зарничек зимует в Африке, основная их масса проводит зиму в Юго-Восточной Азии и Индостане.*

Верхняя часть ее тела матового оливково-зеленого цвета. Довольно широкая бледно-желтая полоса, окаймленная сверху и снизу матово-черным цветом, проходит от ноздрей над глазами до затылка. Другая, менее ясная полоса, светлее окружающих ее перьев, проходит по темени*. Вся часть тела от зоба до бедер нежного желто-зеленого цвета; остальная нижняя часть с беловато-желтым налетом. Глаза желто-карие, клюв темно-рогового цвета, но с нижней стороны около основания оранжевого, ноги светлого красно-бурого цвета. Длина ее 9—10 см, размах крыльев 16, длина крыла 5,2, а хвоста 3,9 см.

Область размножения этой хорошенькой птички еще до сих пор не определена в точности. Мы знаем только, что она живет в Туркестане, в Восточной Сибири, начиная от Байкала. Эта пеночка любит гнездиться на высотах от 1000 до 2500 м над уровнем моря и ежегодно зимой перелетает в южную Индию. Почти так же регулярно, но в гораздо меньшем количестве путешествует она по западному пути, через северную и западную Европу.

Гатке, серьезные наблюдения которого, к сожалению, дошли до нас только в отрывках, утверждает, что жизнь и поведение пеночки-зарнички сходны с образом жизни и привычками остальных пеночек. Радде замечает, что эта птица появляется на юго-востоке Сибири в середине мая и пребывает там до конца сентября. Во время своего осеннего перелета она подолгу остается на одном и том же месте или, по крайней мере, путешествует очень медленно, так что ее можно наблюдать в течение нескольких месяцев в кустах ив на берегах рек. Самые обстоятельные сведения дает нам в нескольких словах Дыбовский. По его наблюдениям, пеночки-зарнички в Восточной Сибири встречаются реже, чем прочие виды этого семейства. Они появляются там в первой половине июня и вьют гнезда в горах на высоте лесной границы, а иногда и выше ее, в местах, заросших низкорослыми альпийскими рододендронами. Здесь остаются они до половины сентября. Гнездо находится обыкновенно посередине куста рододендрона, густо заросшего мхом и травой. Оно выстроено весьма искусно, покрыто полукруглой крышкой из сухих трав и имеет вид хижин с боковым отверстием. Наружные стенки состоят из сухой травы, внутри же гнездо выстлано оленьей шерстью. Гнездо можно найти только тогда, когда родители кормят своих птенцов.

В Кашмире, а именно на возвышенности в 1500—2000 м, эти птицы так многочисленны, что парочка может считать своим владением только пространство в несколько метров. Самцы очень подвижны и поминутно испускают громкий призывный звук, который едва ли можно назвать пением. В последних числах мая и в первых числах июня Брук нашел несколько гнезд с 4—5 яйцами, имеющими в долевым разрезе 14 мм, в поперечном — 11 мм; основной их цвет — чисто белый; рисунок состоит из темно-красных и ярко-пурпурово-коричневых пятен и точек.

* Приведенное описание более всего подходит к зарничкам, выделяемым в особый подвид *Phylloscopus inornatus humei*, распространенный в Саянах, на Алтае, Тянь-Шане, Памиро-Алтае, Кузнецком Алатау и зимующий в Индии. Некоторые систематики полагают, что это самостоятельный вид пеночек.

Славка-портниха обыкновенная (*Orthotomus sutorius*). Верхняя часть тела желтовато-оливково-зеленого цвета, темя ржаво-красное; затылок серовато-красного цвета; брюшко белое; бока бледно-серые; маховые перья оливково-бурые с серо-бурой каймой. У самцов оба средних пера хвоста длиннее по сравнению с прочими; у самки хвост просто закруглен. Длина самца 17 см, а самки 13, длина крыла 5 см, длина хвоста у самца 9, а у самки 5 см.

*Славка-портниха
обыкновенная
(Orthotomus sutorius)*

Портнихи встречаются во всех местностях, не лишенных деревьев, начиная с Гималаев, на высоте 1300 м над уровнем моря, до южной оконечности Индийского полуострова, на Цейлоне и в Бирме. Причем в Бирме они водятся, по словам Дависона, только в северной половине, по свидетельству же Уайтса, и дальше — в Сиаме и в южном Китае. Портниха населяет цветочные и фруктовые сады, живые изгороди, тростники и леса, в которых деревья не очень высоки. Живет парами, иногда небольшими семьями, безостановочно прыгает с ветки на ветку, испуская поминутно громкий призывный крик, в котором слышится звук «туви» или «претти-претти». Она очень доверчива и охотно держится вблизи домов, но становится осторожной, когда видит, что за ней наблюдают, и пугливой, когда ее преследуют.

Пища состоит из различных насекомых, но преимущественно из муравьев, цикад и гусениц, которых она снимает с коры деревьев или с листьев, а иногда и с земли. При прыганье или во время еды она имеет обыкновение приподнимать хвост и нахлываться.

Гнезда, найденные Хуттоном, были очень изящны и состояли из хлопка, тростникового пуха и обрывков шерстинок. Все эти материалы были плотно сотканы вместе. Гнезда внутри выложены конским волосом. Они были прикреплены между двумя листьями к ветке амальфы. Листья сначала были сложены друг на друга во всю длину и в этом положении с узкого

конца до половины сшиты крепкой ниткой, ссученной самой птицей из хлопчатой бумаги, так что входное отверстие в верхней части гнезда между черешками листьев оставалось свободным именно в том месте, где они соединялись с веткой. Другое гнездо висело на кончике ветки, приблизительно в 60 см над землей, и было свито из тех же материалов, что и первое. Листья были кое-где сшиты толстыми нитками, свитыми самой птицей, и тонкими ниточками, очевидно где-нибудь ею подобранными. Все остальные гнезда, осмотренные Хуттоном, походили на вышеописанные. Они были сооружены из хлопка и овечьей шерсти, конского волоса и волокон разных растений, имели вид мешка и помещались между двумя сшитыми между собой листьями. Никольсон, который в садах, богато орошаемых водой, находил во всякое время года гнезда портнихи, думает, что она предпочитает листья бринчала или какого-то вида тыкв. С помощью клюва и ног птица соединяет края листьев и прокалывает их своим клювом, в котором держит нитку собственной работы или где-нибудь ею найденную. Когда листья принимают надлежащее положение, она принимается за внутреннюю часть гнезда. Кладка состоит из 3—4 яиц, которые по белому, а по словам Уайтса, красноватому и зеленовато-голубому фону покрыты, особенно у тонкого конца, красно-бурыми пятнами. По мнению Уайтса, период размножения продолжается от мая до августа.

СЕМЕЙСТВО КОРОЛЬКОВЫЕ (Regulidae)

Желтоголовый королек (*Regulus regulus*). Верхняя часть тела оливково-зеленая; виски и стороны шеи бледно-оливково-бурые; края темени и полоса над глазами светлее; уздечка и кольцо около глаз белые; перья на верхушке головы желтые; удлиненные перья темени ярко-оранжевые; окаймляющая их полоска черная; нижняя часть тела ржаво-желтовато-белая; бока рыжеватобурые. Глаза темно-карие, клюв черного цвета, ноги буроватые. Самка отличается от самца тем, что середина темени у нее желтая, а не оранжевая. Длина птицы доходит до 9,6 см, размах крыльев 15,4, длина крыла 4,8, а хвоста 3,8 см.

Желтоголовый королек распространен по всей Европе до крайнего севера и по всей Азии до Амура. Встречается во всех хвойных и сосновых лесах. Летом живет на высоких горах южной Европы, а во время осеннего перелета посещает и тамошние равнины; весной же опять исчезает.

Красноголовый королек (*Regulus ignicapillus*). Верхняя часть туловища оливково-зеленого цвета; стороны шеи оранжево-желтого цвета; лоб красновато-бурый. Узкая поперечная полоса, огибающая перед головы, и широкая продольная полоса

** Данная информация не верна. Во многих районах Франции, Италии, Греции и Испании красноголовый корольек — нормально гнездящаяся птица, особенно в горных лесах. На юге Испании действительно этот вид только зимует.*

над бровью черные. Широкое пятно между теменем и затылком темно-оранжевого цвета. Черта, пересекающая глаз, и кольцо около него темно-серые. Узкая белая черточка под глазами ограничена снизу темной полоской. Ушная область оливково-зеленая. Нижняя часть туловища серовато-белая, подбородок и горло бледного красновато-коричневого цвета. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги коричневатые; у самки темя желтовато-оранжевое.

Кроме Германии, эта красивая птичка встречается во Франции, Италии, Греции и Испании, где она считается зимним гостем*.

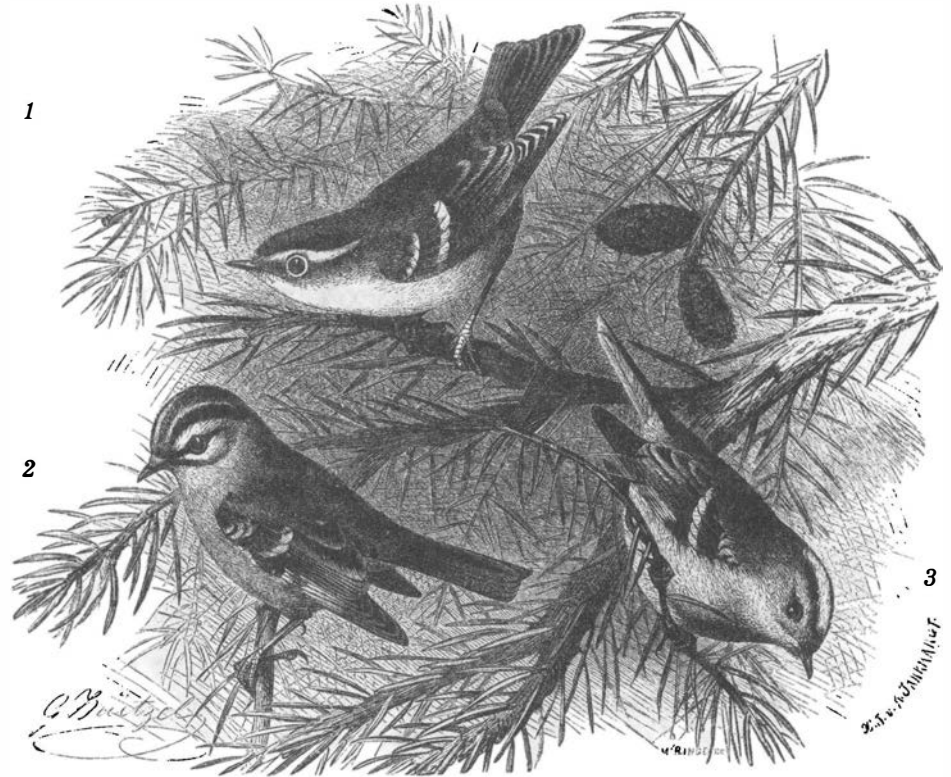
Оба вида имеют большое сходство между собой по своему поведению и образу жизни. Они часто живут в одних и тех же местностях, одинаково питаются и одинаково вьют гнезда. Первое подробное описание наружности и образа их жизни сделано моим отцом. Я включил это описание в свой рассказ, так как в позднейших описаниях не встречается никаких существенных изменений или пояснений.

Желтоголовый корольек — это оседлая или кочевая птица. Часто живет в течение целого года на маленьком пространстве в одну или в половину квадратной мили величиной. Однако в октябре появляется с севера множество птиц этого вида, они наполняют сады, хвойные и лиственные леса, а иногда и местности, покрытые кустарником. Часть из них зимует, а часть улетает на юг, чтобы вновь появиться в марте—апреле и посетить те же местности, где их видели осенью. У желтоголового королька песня состоит из двух нот, в конце которой слышится заключительная строфа. У красноголового звук «зи» тянется непрерывно, в одном тоне и не имеет заключительной строфы, так что вся песня гораздо короче, проще и, собственно, не что иное, как быстро повторяемое друг за другом «зи-зи-зи». У самцов иногда слышатся звуки, напоминающие пение хохлатой синицы. Вообще пение обоих видов так различно, что при тихой погоде легко можно, даже издали, отличить один вид от другого.

При спаривании самец красноголового королька так хохлится, что приподнятые перья на его головке образуют великолепную ярко-красную корону. При этом он беспрестанно кричит и, несколько приподняв крылья и хвост, прыгает в самых странных позах вокруг самки, которая ведет себя почти так же и дразнит его до тех пор, пока произойдет спаривание.

Оба вида корольков выводят птенцов два раза в год: в мае и в июле. Гнезда совершенно одинаковые у обоих видов: шаровидные, с очень толстыми стенками, вследствие чего при наружном объеме в 9—11 см внутри имеют только 6 см в поперечнике и около 4 см в глубину. Устроены эти гнезда на концах длинных сучьев еловых и сосновых деревьев, там, где густые ветки и иглы могут совершенно скрыть их, или на свешивающихся ветках, которые покрыты слоем материала, идущего в основание гнезда, так

что дно гнезда образовано самой ветвью. Самка, которую при соби-
рании материала иногда сопровождает самец, работает почти все-
гда одна, так как самец ей не помогает; поэтому она тратит на
свою работу от 12 до 20 дней. Прежде всего она весьма искусно,
отчасти на лету, обвертывает различными материалами ветки и
заполняет промежутки и только после этого принимается за стро-
ительство стенок. Первый, самый прочный слой состоит из сосно-
вых лишаяев и древесного мха, к которым иногда примешаны зем-
ляной мох и оленья шерсть. Но особую
прочность придает
этому слою гусенич-
ная паутина, которой
обернуты ветки, под-
держивающие гнездо.
Внутри оно выст-
лано птичьими пер-
ьями, бородки кото-
рых обращены
внутри; по краям же
они так выступают,
что отчасти прикрыва-
ют отверстие. У
двух гнезд красного-
лового короляка,
найденных моим
отцом, из наружной
стенки торчали оле-
ньи и беличьи шер-
стинки. Подстилка
состояла по большей

части из шерсти козули, которая в одном гнезде была набросана
поверх немногих перышек; наверху же были одни перья, так ис-
кусно вплетенные в загнутые края гнезда, что почти совсем зак-
рывали узкое отверстие. Первая кладка состоит из 8—10, вторая —
из 6—9 очень маленьких яиц, длиной в 13 мм и толщиной в 10
мм. Они покрыты по беловато-серому или бледно-красному фону
серыми точками или жилками, которые обыкновенно расположе-
ны гуще на толстом конце. Яйца эти так хрупки, что с ними нуж-
но обращаться с величайшей осторожностью, чтобы не раздавить
их. Птенцы выкармливаются обоими родителями с большим тру-
дом, так как они могут питаться только самыми маленькими насе-
комыми и личинками. Птенцы сидят очень тесно в гнезде и, чтобы
разместиться, должны мало-помалу расширить свое гнездо. Семей-
ство корольков недолго держится вместе. Старики или отделяют-
ся от птенцов первой кладки для второго высидивания, или после
второй кладки соединяются с другими семьями в стаи.

- 1 — Пеночка-
зарничка
(*Phylloscopus*
inornatus)
2 — Красноголовый
королек
(*Regulus ignicapillus*)
3 — Желтоголовый
королек
(*Regulus regulus*)

Различные насекомые и личинки так же, как и мелкие семена, составляют пищу корольков. Летом они питаются маленькими жучками и гусеницами, зимой почти исключительно яйцами насекомых и личинками. Корм собирают на ветвях, между иглами или листвой, причем держатся, трепеща крыльями, иногда долго на воздухе перед замеченной добычей или гоняются за улетающими насекомыми.

Корольков нечасто увидишь в неволе, так как их очень трудно приучить к комнатной пище. Кроме того, они так нежны, что иногда умирают тотчас после поимки. Но привыкнув однажды к комнате, они, конечно, при хорошем уходе могут долго жить в клетке и становятся тогда самыми приятными комнатными птицами. Если им разрешить свободно летать по комнате, они принесут огромную пользу, уничтожая мух.

СЕМЕЙСТВО МУХОЛОВКОВЫЕ (*Muscicapidae*)

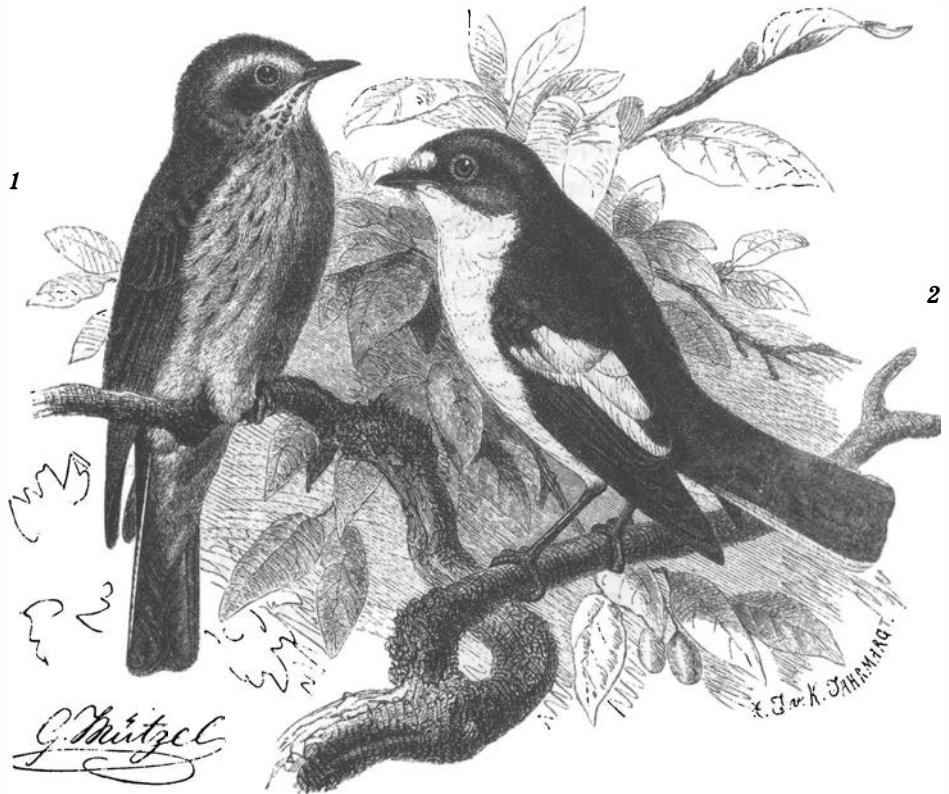
Мухоловковые, из которых известно более 300 видов, населяют восточное полушарие, но особенно многочисленны они в экваториальных странах; в Америке находятся только немногие виды. Мухоловковые живут в лесах и рощах, больше на деревьях, чем в кустах, и редко спускаются на землю. Сидя на ветке, они высматривают насекомых, ловко гоняются за ними, ловят их клювом и затем возвращаются на место. При пасмурной погоде, а особенно в ту пору, когда птицы должны заботиться о птенцах, они срывают также и ягоды. Эти живые, беспокойные и проворные птицы почти весь день чем-то заняты, мало пугаются при виде человека, с хищниками же храбры и дерзки. Они отличаются от своих собратьев тем, что их пение редко слышится. Чаще всего, конечно, их голос звучит в период размножения. В это время самец так воодушевляется, что даже издает простую и тихую песенку. Гнездо представляет собой рыхлую и грубую постройку, правда, с теплой выстилкой и находится или в дуплах деревьев, или в месте раздвоения ветки, обычно ближе к стволу. Они кладут от 2 до 8 яиц, которые высидиваются обоими родителями.

Серая мухоловка (*Muscicapa striata*) может считаться типичной представительницей мухоловок. Отличается немного вытянутым клювом и пятнистым оперением, которое одинаково у обоих полов. Верхняя часть тела темно-серая, нижняя часть грязно-белая, на боках груди оттенена ржаво-желтоватым цветом, а по бокам горла и вдоль груди разрисована темно-серыми, полинялыми продольными пятнами. Глаза карие, клюв и ноги черные. У самки все цвета бледнее. Длина самца 14 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, длина хвоста 6 см.

За исключением самых северных стран Европы, серая мухоловка населяет весь наш материк. Она весьма обыкновенна на

юге Европы, на востоке область ее распространения доходит до Кавказа и Алтайских гор. Во время своих зимних перелетов она путешествует в лесах внутренней Африки, я ее часто встречал в лесах на Голубом Ниле. Эта птица весьма не прихотлива и довольствуется каждым кустом, отвечающим хоть сколько-нибудь ее потребностям. Высокие деревья, стоящие близ воды, доставляют ей все нужное для жизни. Мухоловка не боится человека и селится вследствие этого часто среди деревень, даже во дворах, но живет, впрочем, также в местах, которые редко посещаются человеком. Территория одной пары обычно не превышает одного гектара, в некоторых случаях бывает еще меньше. В зависимости от погоды серая мухоловка появляется в конце апреля или в начале мая, обыкновенно парами. Вскоре после своего прилета приступает к размножению, а в конце августа или в начале сентября опять покидает нас.

Мухоловка очень живая и беспокойная птичка, которая целый день высматривает добычу. Сидя на верхушке дерева или куста, на сухой ветке или каком-нибудь торчащем кончике сучка, она оглядывается по сторонам, машет вверх и вниз хвостом и ждет, пока поблизости пролетит какое-нибудь насекомое. Как только птица заметит его, она бросается за ним, ловит его с большой ловкостью, причем совершенно ясно слышно щелканье ее клюва, и возвращается на то самое место, с которого слетела. Летает мухоловка красиво и довольно быстро. Полет у нее порхающий, причем крылья и хвост попеременно сильно раскрываются, а потом опять складываются. Она не прыгает в ветвях деревьев и на землю редко спускается. Голос у нее плохой, призывный крик — скучное «чи-чи», а нежность выражается различно издаваемым звуком «вистет». В случае страха хлопает крыльями и жалобно кричит «чиректектек». Пение — тихое чирикающее щебетание, состоящее главным образом из призывного крика, издаваемого с различной интонацией.

1 — Серая мухоловка (*Muscicapa striata*)
2 — Мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*)

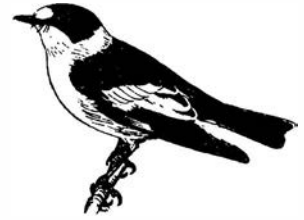
Пища мухоловки состоит из разных летающих насекомых, преимущественно из мух, комаров, бабочек и стрекоз. Если пойманная добыча невелика, то она ее разом проглатывает, если же она крупнее, то птица колотит ее о сук перед тем, как проглотить, пока не обобьет ей крылья и ноги. В хорошую погоду мухоловка добывает свою пищу с легкостью, как бы играя; в дождливую же она, подобно ласточкам, часто терпит нужду. В это время можно заметить, как мухоловка тревожно облетает деревья, высматривая мух, и как она на лету схватывает удачно издали примеченную муху или комара, или как она для своих птенцов даже решается срывать ягоды. Птенцы в дождливые дни получают скудную пищу, часто сидят голодные и жалобно пищат на сучках. Родители же облетают дома, деревья, даже больших, привлекающих мух млекопитающих, а затем подлетают с пустым клювом поближе к ягодным кустам, особенно смородиновым, бросаются дугой сверху вниз, срывают ягодку с кисти и тотчас несут ее птенцам. Это повторяется несколько раз в течение немногих минут, однако сначала они всегда ищут насекомых, так как ягоды не являются их основной пищей.

Одинокие мухоловки попадают очень редко, целое же семейство лишь тогда, когда птенцы только что вылетели из гнезда и родители еще продолжают их кормить. В это время пара, а особенно самец, ревниво и упорно защищает однажды избранную местность от всякой другой птицы того же вида. По отношению к маленьким и безвредным птичкам они ведут себя чрезвычайно мирно. Больших же птиц, которые могут повредить им, а в особенности их гнезду, они преследуют с храбростью и смелостью.

Гнездо мухоловок располагается в различных местах, наиболее соответствующих привычкам этих птиц, чаще всего на подрезанных невысоких деревьях, в особенности на верхушках старых ив, а также на небольших ветках близ самого ствола дерева, на балках под крышами, в просторных дуплах и в отверстиях стен. Кроме того, как говорит Либе, они пользуются гнездами ласточек. Гнездо выстраивается из сухих, тонких корешков, зеленого мха и тому подобного материала, выстилается шерстью, конским волосом, перьями и имеет всегда неопрятный вид. В начале июня в нем находят 4—6 яиц, которые имеют 18 мм в длину и 13 мм в ширину, они покрыты по белозеленоватому фону светло-ржавыми пятнышками, но часто бывают и другого цвета. В течение 14 дней поочередно высиживаются самцом и самкой. Птенцы растут очень быстро, но проходит довольно много времени, пока они сами научатся хорошо ловить добычу на лету*.

** Серые мухоловки
насиживают яйца
11—12 дней, птенцы
в гнезде находятся
13—14 дней.*

О родительской любви мухоловки Науман рассказывает нам интересную историю. «Однажды шаловливый мальчик поймал старую самку у гнезда, в котором сидели наполовину оперившиеся четыре птенца, и унес всех вместе в дом. Осмотрев окна и не

найдя дороги для спасения, мать тотчас же примирилась со своей судьбой и стала ловить мух, чтобы прокормить птенцов. Она занялась этим так усердно, что в очень короткое время совершенно очистила помещение от мух. Чтобы не оставлять ее вместе с семьей голодной, мальчик перенес их к соседу, но и здесь комната вскоре была очищена от мух. Затем он унес гнездо к другому соседу, мухи которого тоже были скоро съедены. Тогда мальчик перенес гнездо еще дальше, и, таким образом, семейство мухоловок путешествовало по деревне из дома в дом и освобождало жителей от неприятного общества ненавистных мух. Пришла и моя очередь, и я из благодарности исходатайствовал впоследствии свободу всему семейству. Молодые птенцы хорошо росли при обильной пище и очень скоро сами научились ловить мух».

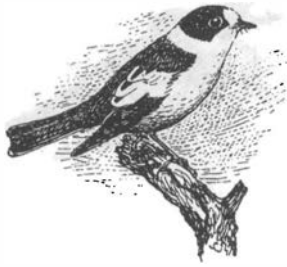
Кошки, куницы, крысы, мыши и злые мальчишки часто разоряют гнезда мухоловок, вытаскивают яйца и убивают птенцов. Старые же птицы имеют, по-видимому, мало врагов. Всякий разумный человек энергично их защищает, так как мухоловки, подобно всем своим сородичам, принадлежат к числу самых полезных птиц, оказывающих нам большие услуги тем, что уничтожают вредных насекомых. В неволе мухоловка весьма занимательна и поэтому, а еще больше потому, что ловит мух, очень любима.

Мухоловка-пеструшка (*Ficedula hypoleuca*). В брачном наряде все верхние части тела однотонного темно-серого цвета или же покрыты более или менее яркими черными пятнами. Лоб, нижняя часть тела и щиток на крыльях, образованный тремя последними большими маховыми перьями, наружная сторона опахала плечевых перьев и покровные перья предплечья белые. Самка сверху буровато-серая, снизу грязно-белая. Птенцы очень похожи на нее. Глаза темно-карие, клюв и ноги черные. Длина 13 см, размах крыльев 23, длина крыла 7,5, длина хвоста 5,5 см.

Пеструшка встречается во всех странах Европы южнее Великобритании и средней Скандинавии и зимой путешествует через Малую Азию, Палестину и северную Африку до лесистых местностей по ту сторону пояса пустынь. Она появляется в Германии во второй половине апреля, а улетает опять в конце августа или в начале сентября. Самцы обыкновенно прилетают раньше, чем самки, и покидают нас также раньше.

Пеструшки живые, ловкие птички, которые двигаются в течение целого дня, и даже отдыхая на ветке, подергивают крыльями или машут хвостом вверх и вниз. Только при очень дурной погоде они сидят грустно и тихо на одном месте; в хорошую же погоду, напротив, обнаруживают чрезвычайно веселое расположение духа, живо порхают с ветки на ветку, игриво поднимаются на воздух, шутя дразнят друг друга, часто издают свой мягкий, короткий и отрывистый призывный крик — приятное «пит-пит» или «вет-вет» и каждый звук сопровождают соответствующим движением крыльев или хвоста. Весной самец прилежно поет, и

*Семейство
мухоловковые*

** У мухоловок-пеструшек кладку насиживает только самка, а самец ее кормит.*

вовсе не плохо. Простое, меланхолическое пение его напоминает в некоторой степени пение садовой горихвостки.

Полет их быстрый, ловкий и волнообразный, когда он продолжается долго. Походка на земле такая же тяжелая, как и у всех едва способных к хождению птиц.

Охотится за той же добычей, что и серая мухоловка, таким же образом преследует ее, и обе едят в случае нужды ягоду. В дурную погоду мухоловки порхают в верхушках деревьев и на лету снимают сидящих на листьях насекомых. В хорошую погоду они часто высоко поднимаются в воздух, чтобы поймать подмеченную муху, комара, слепня, бабочку, кузнечика и т. п. Они даже иногда с земли поднимают насекомое, причем делается это также на лету. Как и все подвижные птицы, они очень прожорливы, и потому непрерывно трудятся.

Лиственные леса, в которых стоят старые, высокие и дуплистые деревья, составляют любимые места размножения пеструшек. Здесь они отыскивают подходящие дупла и наполняют их беспорядочно мхом и тонкими корешками, а затем выстилают весьма тщательно перышками, шерстью и волосами. За неимением подобных отверстий они строят гнезда также в запутанных сучьях близ ствола или на старых пнях. Они кладут 5—6 яиц, 18 мм длиной и 13 мм шириной, имеющих тонкую скорлупу и бледно-зеленоватый цвет. Высиживаются яйца поочередно обоими родителями*. Через 14 дней насиживание оканчивается, а еще через три недели птенцы вылетают из гнезда, впрочем, их еще долго после этого водят и кормят родители. В местностях, где пеструшки обычно гнездятся, их можно приучить к определенным садам или рощам посредством нарочно для этого устроенных ящичков, и тогда они делаются удивительно ручными.

Пеструшек охотно держат в клетках. Они принадлежат к числу самых приятных комнатных птиц и радуют как своей доверчивостью и милым поведением, так и своими песнями. Если им разрешить летать по комнате свободно, то они основательно очистят ее от мух и станут до того ручными, что начнут хватать мух из рук хозяина.

В Германии, к счастью, никто не преследует этих полезных птичек, но в Италии происходит обратное. Во время осеннего перелета итальянцы, как богатые, так и бедные, подстерегают их со всевозможными сетями и западнями, и, к сожалению, ловля эта чрезвычайно обильна. На любом рынке можно встретить во время перелета сотни этих птиц, убитых гнусным образом только для того, чтобы удовлетворить отвратительную прихоть итальянцев. Говорят, что раньше на острове Кипр пойманные таким образом мухоловки и другие птицы приготавливались с уксусом и кореньями и укладывались в особые горшки и кадушки, а потом сотнями отправлялись в Италию. В наше время, кажется,

этого уже нет, но прежнее бесчинство существует еще в полном размере.

Еще один вид этого семейства — **малая мухоловка** (*Ficedula parva*) имеет сравнительно сильный клюв и высокие ноги. Это одна из милейших птичек. Старый самец весной похож по окраске на нашу малиновку. Верхняя часть тела красновато-буро-серая, немного темнее на темени, затылке и верхних покровных перьях хвоста, а большие покровные перья крыла и задние маховые перья имеют светлую каемку. Подбородок, горло, глотка, зоб и верхняя часть груди — ржаво-красного цвета, остальные же нижние части тела грязно-белые. У молодых самцов красно-желтое горло более бледного цвета, чем у старых. Самки отличаются от самцов темным, более сероватым оттенком. Глаза темно-карие, клюв и ноги черные. Длина 12 см, размах крыльев 20, длина крыла 7, длина хвоста 5 см.

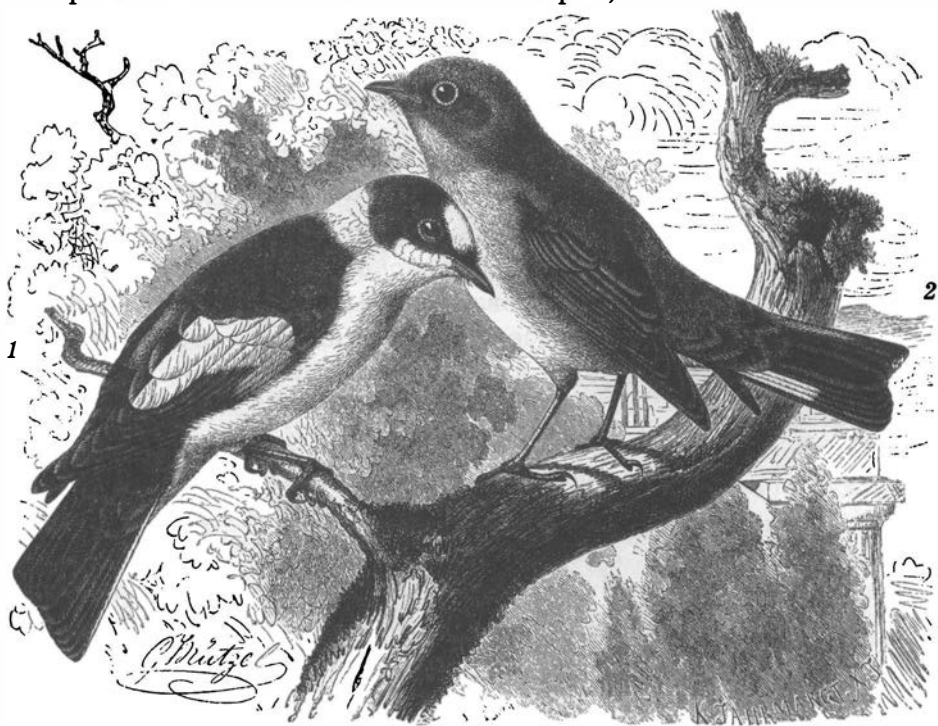
Малая мухоловка вовсе не принадлежит к числу птиц, бросающихся в глаза, и заметить ее может только опытный наблюдатель. Любимым местопребыванием ее являются леса с высокими деревьями. Она живет преимущественно в верхушках деревьев и только случайно спускается вниз.

Любимыми жилищами ее бывают группы деревьев, окруженные молодым подрастающим лесом, так как в этих густых порослях она находит убежище в дурную погоду, а именно при сильном ветре. Вблизи населенных пунктов встречается она только в виде исключения. Это настоящий житель тихого леса.

Граф Водзицкий уверяет, что по своему образу жизни малая мухоловка представляет собой переходную ступень между пеночками и мухоловками и что она напоминает как одних, так и других. Остальные же наблюдатели утверждают, что в этой птичке нельзя не узнать мухоловку, так как ее поведение в главных чертах такое же.

Гнезда находятся или в дуплах деревьев, или в местах раздвоения веток, часто далеко от ствола. Тонкие корешки, стембель-

Семейство МУХОЛОВКОВЫЕ

1 — Мухоловка-
белошейка
(*Ficedula albicollis*)
2 — Малая
мухоловка
(*Ficedula parva*)

* У малых мухоловок насиживанием заняты только самки в течение 13—15 дней. Самцы охраняют гнезда и иногда кормят самок.

** Бременом приведено описание белой формы райской мухоловки, которая встречается только среди самцов. У обычной цветовой морфы самцов этого вида белый цвет верхней части тела заменен на каштаново-коричневый.

ки, зеленый мох или серый лишайник составляют его наружную стенку; внутренность выложена шерстью животных. Малая мухоловка кладет 4—6 яиц, 16 мм длиной, 12 мм шириной, похожих на яйца нашей горихвостки, т. е. покрытых по бледно-зеленовато-голубому фону довольно правильными светло-ржавыми пятнышками, более или менее расплывшимися и полинялыми. Самец и самка высидывают яйца поочередно*, и оба необыкновенно любят своих детенышей. Во время постройки гнезда самка оказывается самой деятельной и при высидывании самой усердной, но самец все-таки, как верный сторож, держится постоянно поблизости от гнезда, старается развлечь самку прилежным пением и предупреждает как ее, так и впоследствии птенцов о приближении опасности. Скоро после вылета птенцов из гнезда те уводятся родителями в чащу, и с того времени поведение стариков меняется: если ранее они были голосисты и живы, то теперь становятся тихими и смирными. Вероятно, все семейство рано предпринимает свое зимнее путешествие.

Пленные малые мухоловки очень ценятся любителями из-за своего нарядного вида, живости и способности приручаться.

В лесах восточной Африки я часто встречал **райскую мухоловку** (*Tersiphone paradisi*)**. У этой красивой и живой птицы голова, тело и зоб в брачном наряде черного цвета с блестящим зеленовато-стальным оттенком; верхняя часть тела, крылья и хвост белые; нижняя часть тела до белых нижних покровных перьев хвоста серо-аспидного цвета; маховые перья черные, а перья предплечья снаружи белые. Глаза карие, клюв цвета морской воды, ноги серо-голубые. В зимнем наряде верхняя часть тела с обоими средними перьями хвоста каштаново-коричневые, а остальная часть оперения так же окрашена, как и в брачном наряде. Самка похожа на самца в зимней одежде, но нижняя часть тела темнее, чем у него. Длина 37 см, размах крыльев 22, длина крыла 9, длина двух средних перьев хвоста 28, наружных 9 см.

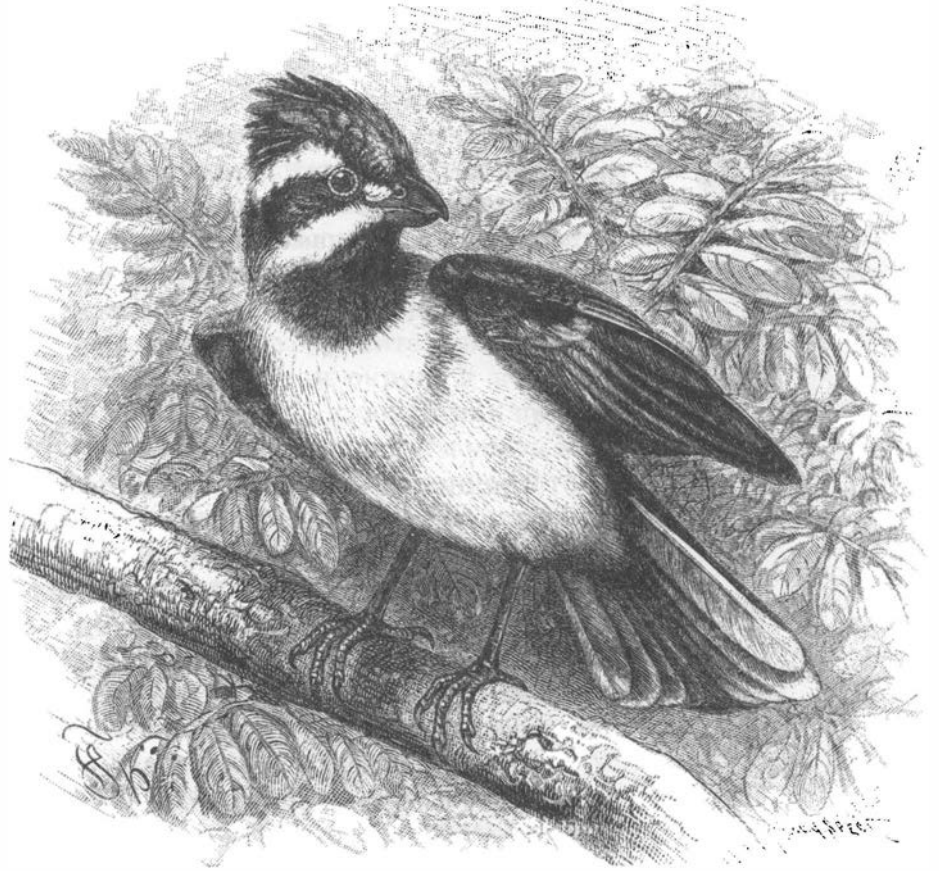
Райская мухоловка живет во всех лесистых тропических странах Африки, в горах поднимается до пояса между 2000 и 3000 м, не странствует, но в крайнем случае перелетает с места на место в пределах небольшой области, никогда не покидает лес и любит селиться поблизости от воды или в глубоких ущельях. В долине Менза мы ее ежедневно видели там, где высокий лес был перемешан с обильным кустарником. Здесь эта великолепная птица живет парами; но рядом с бросающимся в глаза самцом не особенно легко приметить более скромную самку. Несмотря на их великолепные цвета, каждая из птиц хорошо умеет прятаться в разноцветной зелени.

По своему образу жизни райская мухоловка имеет много общего с другими мухоловками, но также напоминает и дронго. Когда она сидит, то играет своим хохлом и хвостом, которым

медленно машет туда и сюда. Полет у нее странный, то быстрый и легкий, когда, подобно другим мухоловкам, она преследует насекомое или прогоняет со своей территории какого-нибудь пролазу того же вида, то, напротив, медленный и плавный, с перерывами, и, по-видимому, тяжелый, когда летит на большое расстояние. Брачная одежда райской мухоловки представляет собой очаровательное зрелище. В это время она очень оживлена, старательно оберегает свой участок и храбро хватается за каждую птицу, которая перелетает через него, и даже ворону принуждает покинуть ее территорию. Самцы ревниво и с необыкновенной жесткостью и упорством преследуют друг друга, иногда целые четверть часа без перерыва. Они гонятся друг за другом, быстро летая по верхушкам деревьев и по самым густым кустам, и белые перья их хвоста тянутся за ними, как великолепный шлейф, поддерживаемый воздухом.

Синичья толстоголовка (*Falunculus frontalis*) напоминает нашу синицу, но отличается от последней очень большим клювом. Она крепко сложена и красиво окрашена. Длина тела 16 см.

Клюв похож на соколиный, несмотря на то, что крючок надклювья и зубец не особенно развиты. Цвет оперения у самца и самки весьма сходен. Верхние части тела оливковые, нижние ярко-желтые. По лбу и бокам головы идет белая полоска, по которой от глаза к затылку проходит черная полоска. Хохол, горло и часть предплечья черные. Крайние и малые маховые перья черно-бурые, с широкой серой каймой. Рулевые перья так же окрашены, как и маховые, за исключением крайних перьев, которые чисто белые. Глаза красновато-бурые, клюв черный, ноги сине-серые. Самка отличается от самца меньшей величиной и зеленоватым цветом горла.

Синичья
толстоголовка
(*Falunculus frontalis*)

По словам Гульда, синичья толстоголовка живет в южной Австралии. Этот вид встречается в Новом Южном Уэльсе, а другой, весьма сходный с ним, в западной Австралии. Они водятся в густом кустарнике и на деревьях на открытых равнинах. Они так же веселы, как и похожие на них синички, так же лазают вдоль веток, отыскивая добычу, принимают такие же позы и часто вздергивают свой хохолок. Их главная пища состоит из ягод и насекомых, которых эти птицы собирают с листьев или вытаскивают из-под коры более толстых сучков. Они выказывают чрезвычайную ловкость при добывании насекомых и умеют использовать свой острый клюв, когда им надо отломить кусок коры или проникнуть в сердцевину гнилого дерева. Ни одна птица, равная им по величине, не имеет, по словам Гульда, такого сильного клюва. Они с успехом пользуются им также для защиты.

Гульд нашел гнездо толстоголовки в октябре на самых высоких и самых тонких ветках камедного дерева, на высоте 16 м над землей. Оно было похоже на глубокую чашку и состояло из волокнистой коры камедного дерева, обтянутой паутиной и выстланной внутри нежной травой. Яйца были покрыты по блестяще-белому фону темными оливковыми пятнышками.

СЕМЕЙСТВО СИНИЦЕВЫЕ (Paridae)

Синицы составляют довольно ограниченное семейство. Клюв у них конусообразный, прямой и короткий, на конце закругленный, по бокам сплюснутый, с острыми краями. Ноги крепкие и толстые; пальцы средней величины и сильные; когти относительно длинны и сильно изогнуты; крылья короткие и закруглены; хвост в большинстве случаев короток и прямо обрезан или только слегка вырезан, иногда же длинен и сильно ступенчат; оперение густое, мягкое и яркой окраски.

Это семейство распространено по всему Северному полушарию, встречается также в пределах Эфиопии и Австралии. Некоторые виды этого семейства причисляются к перелетным, другие к оседлым или кочующим птицам. Последние в определенное время странствуют большими стаями, но никогда не предпринимают больших путешествий и живут всегда в очень ограниченном округе. Лес — обычное место их жительства и охоты, потому что все виды живут исключительно на деревьях и кустах, и только немногие предпочитают тростник кустарнику. Синицы соединяются не только с подобными себе, но и с другими видами птиц, в обществе которых они могут оставаться целыми днями и неделями.

Образ жизни их очень интересен. Синицы принадлежат к самым веселым и подвижным птицам, какие только известны людям. Они не знают ни минуты покоя и постоянно заняты де-

лом, перелетают с дерева на дерево и безостановочно лазают по веткам, потому что вся их жизнь в сущности есть не что иное, как непрерывная охота. На земле, конечно, эти птицы очень неловки и потому никогда не остаются на ней долго, а стараются скорее забраться опять на свои ветки. Здесь они прыгают, свешиваются вниз, ловко лазают через густо сплетенные ветки, выказывая при этом необыкновенное искусство. Полет их шумный, дугообразный и на вид очень напряженный. Большинство видов редко летает далеко, обыкновенно только с дерева на дерево.

Некоторые синицы поедают вместе с насекомыми и семена, большинство же придерживаются исключительно животной пищи и охотятся предпочтительно за мелкими видами, а всего более за личинками и яичками. Именно поэтому синицы и приносят такую пользу нашим садовым деревьям. Так как эти птицы много двигаются, то конечно же нуждаются и в относительно большом количестве пищи. Они лучше других уничтожают насекомых, живущих в наших садах. Немногие птицы обладают таким искусством самым тщательным образом обыскивать определенный район и находить там запрятанных насекомых. От таких подвижных и неутомимых, ловких и чутких существ, как они, мало что может скрыться. Синицы лучшие охранительницы леса, потому что всегда остаются в определенном округе и в любое время года верны своему призванию. Польза, которую они приносят, неисчислима. Поэтому всякий разумный человек должен всеми силами стараться не только оберегать столь полезных птиц, но и заботиться о них, устраивать им жилища в лесах, оставляя старые пустые деревья или вешая ящички для вывода птенцов. Наибольшее зло, от которого страдают синицы, это — недостаток жилищ. Если не принять меры, то они будут страдать от этого гораздо сильнее, чем от всех своих врагов, вместе взятых, включая и человека. К счастью для нас, синицы быстро размножаются, они кладут яйца обычно два раза в год, и каждый раз от 7 до 12 штук. Многочисленное их потомство уже на следующую весну становится способным к размножению.

Самый известный вид этого семейства — **большая синица** (*Parus major*). Длина тела 16 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см.

Начиная с 65 градуса северной широты, большая синица встречается во всех странах Европы, но не везде в одинаковом количестве. В южных странах она то там, то сям появляется только зимой. Она водится также и в северо-западной Африке, и на Канарских островах, а по словам Вальтера, и на севере Персии, но совершенно отсутствует в Закаспийской области.

Большая синица соединяет в себе почти все качества птиц своего семейства. Она такая же живая и веселая, беспокойная и неутомимая, любопытная, деятельная, мужественная и драчливая птица, как и прочие синицы. «Очень редко можно видеть, — гово-

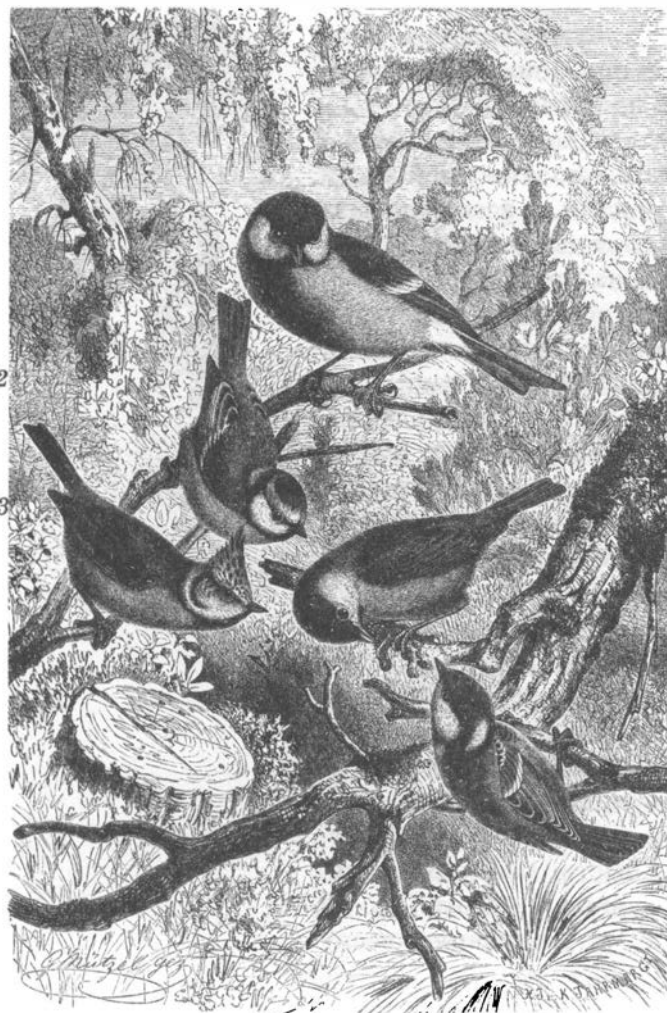
рит Науман, — чтобы обыкновенная синица несколько минут спокойно сидела на одном месте и была бы в дурном расположении духа. Всегда веселая и бодрая, она безостановочно лазает по веткам деревьев, кустов, живых изгородей и заборов, прицепляется то там, то сям к стволам деревьев или качается вниз головой на

тонком конце гибкой ветки, проползает сквозь пустой ствол или быстро проскальзывает сквозь щели и дыры. Все это птица проделывает во всевозможных положениях, с различными ужимками и с доходящей до смешного живостью и быстротой. Однако, несмотря на свое чрезвычайное любопытство и тот интерес, с которым она осматривает, исследует и выстукивает все встретившееся ей на пути, синица эта никогда не действует необдуманно. Напротив того, во всех ее действиях видна высокая степень обдуманности. Она не только с осторожностью избегает всякого преследования, но искусно обходит то место, где с ней случилась неприятность, хотя по своей натуре синица вовсе не робка. У нее, так сказать, по глазам видно, что она лукавая, шаловливая птица, у нее чрезвычайно хитрый взгляд».

Насколько это возможно, большая синица держится почти всегда на ветках деревьев и весьма редко спускается на землю. Она также неохотно пролетает большие пространства, так как полет ее, хотя и лучше, чем у других синиц, но все же довольно тяжелый и неуклюжий. Ее голос — обыкновенное

«цитт» или «зитт», в минуты опасности к нему присоединяется «террр», а в случае испуга этим звукам предшествует еще «пиик-пиик». Нежные чувства выражаются слогами «вюди-вюди». Пение простое, но не неприятное. «Ее пение, — говорит Науман, — похоже на звук колокольчиков».

Главную пищу большой синицы составляют насекомые, их яйца и личинки; мясо же, семена и плоды служат ей лакомством. Она, по-видимому, ненасытна, так как ест с утра до ночи, и когда уже не в состоянии съесть насекомое, то убивает его. Синица сумеет овладеть даже самой скрытой добычей. Если она не может тотчас получить желаемого, то на манер дятлов стучит клювом вокруг намеченного ею места, пока кусок коры не отскочит и тем

- 1 — Большая синица
(*Parus major*)
- 2 — Лазоревка
(*Parus caeruleus*)
- 3 — Хохлатая синица
(*Parus cristatus*)
- 4 — Буроголовая гаичка
(*Parus montanus*)
- 5 — Московка
(*Parus ater*)

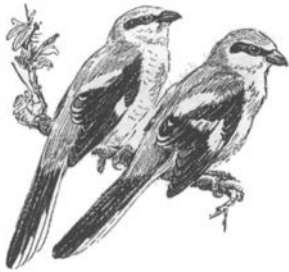
откроется ей доступ к скрывавшемуся насекомому. В крайнем случае она прибегает к хитрости. Синица даже умеет зимой добыть себе пчел из ульев. «Она подходит, — описывает Ленц, — к летным отверстиям, стучит в них клювом, как стучат обыкновенно в дверь. Внутри улья поднимается жужжание, и вскоре одна или несколько обитательниц его выходят наружу, чтобы прогнать своими уколами нарушителя спокойствия. Но этот последний тотчас схватывает отважного защитника крепости, летит с ним на сучок и, придерживая ногами, распарывает живот клювом и с величайшей жадностью съедает его внутренности, а жесткую оболочку бросает, после чего снова отправляется за добычей. Между тем пчелы, напуганные холодом, уже успевают удалиться во внутренность улья. Но синица снова стучит, снова выступает защитник, которого она опять похищает и съедает, и так продолжается изо дня в день с утра до поздней ночи». Всякую пищу она предварительно рвет на мелкие куски, придерживая, подобно воронам, ногами. Синица долбит ее своим клювом и съедает маленькими кусочками. При этом она ужасно суетится и представляет собой весьма привлекательное зрелище. Если пищи у синицы слишком много, она припрятывает ее на черный день.

Большая синица строит гнезда или у самой земли, или высоко на верхушке дерева, но всегда около какого-нибудь углубления. Она предпочитает дупла деревьев, но не пренебрегает и отверстиями в стенах, и заброшенными беличьими, сорочьими и вороньими гнездами, так как вследствие недостатка помещений птица пользуется всяким удобным местом для устройства своего гнезда. Постройка сама по себе весьма неискусна. Сухие стебли, корешки и немного мха образуют основание гнезда; волосы, шерсть, щетина и перья — его стенки и обивку. Кладка состоит из 8—15 очень хрупких яиц, 18 мм длиной и 13 мм толщиной, покрытых по блестящему белому фону тонкими и толстыми точками. Оба супруга сидят на яйцах попеременно*, и оба самоотверженно выкармливают свое многочисленное потомство, водят его с собой долгое время после оперения и заботливо обучают всем тонкостям ремесла. В хорошее лето большая синица откладывает яйца два раза.

Поймать синиц нетрудно вследствие их врожденного любопытства, однако попавшуюся в сеть синицу не так-то легко провести во второй раз.

Лазоревка (*Parus caeruleus*). Оперение на верхней части тела голубовато-зеленого цвета. Голова, крылья и хвост голубые; брюшко желтое. Белая полоса, идущая ото лба к затылку, ограничивает темное темя. Узкая темно-синяя уздечка отделяет темя от белых щек, и голубоватый ошейник ограничивает щеки снизу. Маховые перья аспидно-черные, задние — небесно-голубого цвета на наружной бородке и белые на конце, вследствие чего на крыльях образуются полосы; рулевые перья серовато-голубые. Глаза темно-ка-

* У большой синицы
яйца насиживает
только самка.

рие, клюв черный, а на расщепках грязно-белый; ноги свинцово-серые. Самка не так красива, как самец; молодые птицы отличаются более бледными красками. Длина достигает 11,8 см, размах крыльев 19,6, длина крыла 9, а хвоста 5,5 см.

Область распространения лазоревки — вся Европа, где только сохранились леса, а также Малая Азия, Персия и Западная Сибирь. Здесь, как и в средней и восточной России, к ней присоединяется синица еще крупнее и красивее, а именно **белая лазоревка** (*Parus cyanus*), у которой голова и нижняя часть тела белые, верхняя часть тела светло-голубая, а лазоревго-голубые крылья украшены белой поперечной полосой и белыми концами маховых перьев.

Для жительства лазоревка выбирает преимущественно лиственные леса, древесные заросли и фруктовые сады. В хвойных лесах попадает редко, особенно летом; в лиственных же водится в большом количестве. Весной лазоревки живут парами, летом семействами, осенью стаями, которые сообща предпринимают более или менее далекие путешествия.

Своим образом жизни и поведением лазоревка напоминает большую синицу. Она так же деятельна, ловка, искусна, весела, смела, почти так же любопытна, так же зла, задорна и свирепа, как последняя. «Будь у нее побольше силы, — говорит Науман, — она вступала бы в драку с большими птицами, так как в гневе она наносит сильные удары клювом, клюет своего противника немилосердно и имеет тогда весьма озлобленный вид».

С хищными птицами лазоревка очень осторожна и при появлении какого-нибудь врага тотчас испускает сторожевой крик, который понятен всем мелким пташкам. Пение весьма незначительное и состоит из тех же часто повторяющихся звуков. Пища та же, что у большинства синиц, только лазоревка не любит никаких семян, а питается преимущественно насекомыми.

Гнезда строятся большей частью в дупле, реже в отверстии стены, в старом сорочьем или беличьем гнезде, почти всегда довольно высоко над землей, но дупло прежде углубляется птицей. За удобные дупла, которые очень ценят и другие птицы, лазоревка борется упорно и храбро и почти всегда отвоевывает их. Гнездо, величина которого соответствует величине дупла, состоит в основном из немногих перьев и волос. В кладке обычно 8—10 маленьких хрупких яиц*, 15 мм длиной и 11 мм толщиной, покрытых по чисто белому фону ржаво-красными крапинками.

У **московки** (*Parus ater*) голова и шея до затылка, подбородок и горло черные, щеки, бока шеи и широкая полоса на задней части шеи белые, остальные части тела пепельно-серые. В длину достигает 11 см, размах крыльев 18, длина крыла 6, а хвоста 5 см.

Московка водится во всех странах Европы, начиная с крайнего севера, а также в Азии от Ливана до Амура и даже в Японии. Ее обычное местожительство — сосновый лес. При этом посеща-

* Обычно кладки лазоревок более крупные и состоят из 9—13 яиц, насиживаемых самкой в течение 12—14 дней.

ет и лиственные леса, и фруктовые сады. Может быть, она это делает ради сообщества других птиц, к которым любит примыкать. Вообще нужно заметить, что москОВКИ, хохлатые синицы (реже большая), оба вида королек, древолазы и пищухи, готовясь к отлету, всегда выбирают себе в предводители пестрого дятла и несутся за ним пестрой и не слишком тесной стаей. В марте москОВКИ возвращаются парами и опять отыскивают свое прежнее гнездо. Многие никогда не оставляют его или вылетают разве только на несколько часов, чтобы на солнечной стороне гор набрать себе пищи.

Своим поведением, нравами и привычками москОВКА мало отличается от остальных видов. Она весьма смела, неугомонна, проворна, ловка и общительна, но вместе с тем так же задорна и сварлива, как любая птица того же семейства. Кроме того, она не так шаловлива, как большая синица. В своих движениях она ничем не отличается от других синиц. Голос ее — тихое «сит» или «ситете» — тоже похож на голос этих птиц. Призывный звук — громкое «сюити» или «сюитити» и пение, в котором слышится звучное «сиси-сиси-сиси» и «ситю-тютютиди», довольно приятны. Пища москОВКИ в отличие от пищи прочих синиц состоит из гусениц, яиц и личинок только тех насекомых, которые свойственны хвойным лесам, и семена она ест только хвойных деревьев.

Хотя кобчики, соколы, куницы, ласки, белки и лесные мыши часто захватывают гнезда москОВКИ и причиняют вред ее выводкам, но все-таки эти хищники не так опасны ей, как человек. Вымиранию этого вида, помимо тех ловушек и западней, которые устраивает человек, гораздо в большей степени способствует недостаток удобных мест для устройства гнезда. МоскОВКА более всякой другой птицы нуждается в заботах лесника.

Болотная, или черноголовая, гаичка (*Parus palustris*)*. У нас и в России ее также зовут пухляком, а в Альпах — альпийской, или горной, синицей, горным пухляком.

Оправдывая свое название, она любит преимущественно низкие, сырые местности, предпочитает лиственные леса хвойным, держится постоянно на изменностях, близ воды, но довольствуется иногда берегами ручьев или прудов или садами, расположенными недалеко от таких вод, не обращая внимания на то, растут ли в них высокие деревья или только кустарник. Черноголовая гаичка является то оседлой, то бродячей птицей, в зависимости от местности, климата и других обстоятельств. Одни черноголовые гаички никогда не оставляют своего места рождения, другие поспешно пролетают целыми семьями большие пространства, находя себе ночной приют по дороге в дуплах. Странствование их начинается в октябре и кончается в марте; остальные месяцы в году они проводят там, где высиживают яйца.

* Пухляком также называют другой, очень сходный вид синиц — буроголовую гаичку (*Parus montanus*). Буроголовая гаичка в отличие от черноголовой предпочитает хвойные леса, она очень широко распространена в России, как в Европейской части, так и в Сибири, тогда как черноголовая гаичка у нас в стране встречается лишь в некоторых западных и южных областях и на Кавказе; за Урал она не проникает.

Я думаю, что черноголовую гаичку можно по всей справедливости назвать самой проворной и веселой из птиц своего вида. Чрезвычайно живая, беспокойная и ловкая, она всегда одинаково весела, как в жару, так и в холод, как при обильной, так и скудной пище. Забавная, задорная, смелая и мужественная, эта птичка умеет привлечь к себе внимание всякого наблюдателя. С утра до вечера находится она в постоянном движении: прыгает, скачет, лазает, летает, работает, кричит и поет, пока солнце не село. Успокаивается она только ночью. Движениями своими черноголовая гаичка напоминает лазоревку, разговорный голос ее — тихое, несколько шипящее «сит», призывный звук — нежное «циээ». Вообще же черноголовая гаичка ни пищей, ни образом жизни своим почти не отличается от прочих синиц.

Хохлатая синица (*Parus cristatus*). С верхней стороны красновато-буро-серого или бледно-мышинного цвета, с нижней стороны серовато-белая. Узкие перья хохла черные с белой каймой. Длина достигает 13 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,5, а хвоста 5,5 см. Птенцы отличаются от взрослых меньшим хохлом и не таким ясным головным узором.

Насколько нам известно, область распространения хохлатой синицы ограничивается одной Европой. Она водится здесь во всех странах, на севере чаще, чем на юге. В Испании и Греции принадлежит к редким явлениям, а на востоке встречается до самого Кавказа. В хвойных лесах ее можно видеть везде, как среди высоких деревьев, так и среди жердняка и чащи, а иногда у самой земли. Зимой она соединяется часто с москОВками и корольками, древолазами и пищухами в большие общества, которые уже описанным нами образом, кочуют под предводительством пестрого дятла.

Веселость, подвижность, ловкость в лазании, дерзость, мужество и страсть к дракам и ссорам, отличающая всех синиц, свойственны также и этому виду. Разговорный голос хохлатой синицы есть шипящее «ситт» и протяжное «тэ-тэ», призывный звук — звонкое «цик-гюррр»; пение незначительно. Во время пения самец принимает всевозможные позы, вертится и поворачивается во все стороны, приподнимает и опускает свой хохол и вообще старается различными телодвижениями понравиться самке.

Хохлатая синица, как и москОВка, может считаться величайшей благодетельницей хвойных лесов, так как питается преимущественно яйцами и личинками вредных насекомых и положительно пренебрегает всякими семенами. С раннего утра до позднего вечера видишь ее занятой отыскиванием себе пищи. Теперь уже точно доказано, что она питается преимущественно яйцами вредных бабочек. Только зимой принуждена синица иногда питаться семенами, но пока птица может добыть себе насекомых, она пренебрегает всякой другой пищей.

Ремез (*Remiz pendulinus*) — самый маленький вид этого семейства. Его длина достигает только 12,2 см, размах крыльев 18, длина крыла 5,6, а хвоста 5,5 см. Лоб, уздечка и пятно под глазами черные. Верх головы, за исключением беловатой передней части, затылок и зашеек грязно-серые; верх спины и плечи коричневатожелто-красные; надхвостье, верхние покровные перья хвоста и крыльев ржаво-бурые; подбородок и горло чисто белые; остальная нижняя часть туловища рыжеватобелого цвета.

Восток нашей части света — Польша, Россия, Галиция, южная Венгрия, среднее течение Дуная, Турция, Греция и Малая Азия — служит родиной этой хорошенькой птичке. В Германии она встречается очень редко. Селится преимущественно в болотах и подобных им местностях, но останавливается и даже живет иногда в чащах, на не очень старых ивовых и тополевых деревьях. Достоверно известно, что ремезы каждый год в марте появляются на своей родине, а в сентябре или октябре большая часть их покидает ее.

По своей живости, ловкости и смелости ремез может считаться достойным представителем своего семейства. Все его движения и призывный крик очень схожи с движениями и голосом прочих синиц. Он ловко лазает по ветвям и даже по тростнику вверх и вниз, а также старается по возможности спрятаться в чаще. Но его громкое, звонкое «цитт» раздается почти без перерыва. При своей подвижности ремез почти постоянно чем-нибудь занят и появляется то в одном, то в другом конце обитаемой им местности. Полет его поспешный, ловкий, но своеобразно порывистый. Он по возможности избегает перелетов по таким пространствам, где ему некуда спрятаться. Всевозможные насекомые, живущие в тростнике, их яйца и личинки составляют его пищу. Зимой он довольствуется зернами тростника и других болотных растений.

Особенно замечателен способ размножения этих синиц. Ремез принадлежит к самым искусным строителям. Его гнездо, образцовое произведение искусства, прикрепляется только верхней частью и висит, как гнездо ткачей, совершенно свободно, в большинстве случаев над водой. Только один раз посчастливилось мне наблюдать ремеза в гнезде, и потому я принужден говорить словами Бальдамуса, который дал нам самое лучшее описание способа гнездования этой птицы. «В продолжение 7 недель, — говорит этот превосходный наблюдатель, — я почти ежедневно наблюдал за этим маленьким искусным строителем во время постройки им гнезда и насиживания яиц; я видел и держал в руках до 30 гнезд. Если вообще наблюдение за искусными строителями весьма привлекательно, то наблюдение за ремезом приобретает двойную прелесть оттого, что он из-за своей беспечности позволяет людям свободно приближаться к своей постройке. Я наблюдал весь ход работы, осматривал и брал в руки гнезда в

различных степенях их отделки. Я нашел гнездо, висевшее на самом конце ветки преобладающей в тех местах болотной ветлы. Хотя вода и камыш всегда находятся поблизости (первая, по крайней мере, во время закладки гнезда), но все же не все гнезда располагаются непосредственно над водой и ни одно не находилось настолько в чаще тростника, чтобы последний мог совершенно скрыть его от глаз. Напротив того, расположенные на незначительной высоте от земли, гнезда эти находились постоянно за пределами тростниковой чащи около или над открытой водой, так что заметить их было легко. Они висели на высоте 4 — 5 м над землей, только два из них находились на 2 — 3 м и несколько на высоте 6 — 10 м; одно даже висело около вершины высокого бука. Оба супруга строят с одинаковым усердием, и едва можно поверить, что такая замысловатая постройка бывает окончена в течение 14 дней. Хотя и здесь встречаются более поверхностные и более аккуратные, более или менее искусные строители, сравнительная неаккуратность постройки гнезда преимущественно обуславливается поздним временем года, когда, что случается довольно часто, первые гнезда бывают разорены вследствие несчастных случаев, и в особенности при нападениях необыкновенно многочисленных и дерзких сорок. В этих случаях даже яйца кладутся в наполовину оконченные гнезда, и постройка продолжается до самого времени насиживания. Я нашел два таких гнезда, наполненных яйцами и похожих по форме на корзины. Что касается времени постройки гнезд, то у ремеза оно не связано с ростом тростника, как у других птиц, гнездящихся там, так как он начинает свою постройку уже в апреле; но многие гнезда были также найдены в июне и июле.

Что касается хода работы, то ремез наматывает почти всегда ссученную шерсть, реже волосы козы, волка или собаки, или волокна луба и конопля вокруг тоненькой, свесившейся вниз веточки, расходящейся на несколько отдельных сучков, большей частью на несколько сантиметров ниже верхней точки своего прикрепления. Между этим разветвлением веточек к ним прислоняются боковые стенки, которые и получают в них точку опоры. Затем ремез продолжает свое тканье до тех пор, пока свешивающиеся с веточек боковые стенки не стянутся вместе, образуя плоское дно. Тогда гнездо приобретает форму корзиночки с плоскими краями; раньше думали, что подобные гнезда устраиваются самцами только для забавы. Употребляемый для дальнейшей постройки материал состоит из тополевого или ивового пуха с вплетенными в него нитями лыка, шерсти и волоса; семенной пух скатывается при помощи слюны и склеивается вместе. Тогда гнезда имеют форму корзиночки с толстым, округленным дном. После этого начинается устройство одного бокового отверстия, которое всё закрывается, за исключением маленькой круглой дырочки. В то же время выводится и другая сторона, начиная снизу.

Одно из круглых отверстий снабжается трубкой, длиной от 2 до 8 см, тогда как другое остается открытым и только по краям сглаживается и заплетается. Вслед за тем одно из отверстий закрывается, однако я видел гнездо с двойной трубкой. Наконец, дно внутри гнезда густо выкладывается мягким разрыхленным ивовым пухом, и постройка может считаться уже вполне оконченной. Гнездо имеет тогда вид круглого шара или мешка от 15 до 20 см в высоту и от 10 до 12 см в ширину, к которому прикреплен, подобно горлышку бутылки, то изогнутый книзу и прикрепленный к гнезду, то отвесно стоящий вход. Такое гнездо невозможно спутать с гнездом другой птицы; поэтому мы и знаем наверное, что ремез много раз гнезвился в Германии».

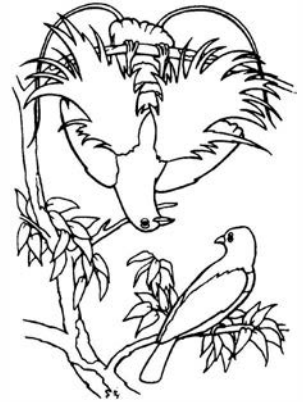
Очень понятно, что такая искусная постройка везде возбуждала в высшей степени любопытство людей. Монголы, например, как нам сообщает Радде, приписывают этим гнездам особую целительную силу: «Чтобы вылечить от перемежающейся лихорадки, дают вдыхать дым обуглившегося кусочка их; размягченное в теплой воде гнездо ремеза употребляется для лечения от ревматизма, причем его прикладывают к больному месту. Кроме того, монголы думают, что гнездо с двумя отверстиями показывает, что супруги живут не в ладах между собой и, наоборот, когда в гнезде как обыкновенно только одно отверстие, то самец, сидя у входа этого отверстия, сторожит семью во время насиживания яиц».

Бальдаму сообщает, что никогда не находит более 7 яиц и более 7 птенцов в одном гнезде. Скорлупа яиц, имеющих в длину около 16 мм и в толщину 11 мм, чрезвычайно нежна и тонка, не имеет блеска и мелкозерниста; цветом яйца белоснежные, и пока содержимое из них еще не удалено, кажутся бледно-розовыми. Оба супруга, по словам одного венгерского наблюдателя, сидят попеременно*, и оба вместе выкармливают своих птенцов главным образом мягкими гусеницами и комарами.

СЕМЕЙСТВО ПОПОЛЗНЕВЫЕ (Sittidae)

Поползней, пожалуй, без преувеличения называют самыми совершенными из лазающих птиц, ибо в этой способности они не только не уступают дятлам, но даже превосходят их. Поползни обладают сложным искусством лазать сверху вниз по вертикальной плоскости, чего, кроме них, ни одна другая птица сделать не может.

«Я особенно потому удивлялся его искусству лазать, — говорит мой отец, — что по устройству его ног и хвоста этого видеть нельзя. Строение дятла может служить типом для лазающих птиц. Его короткие и сильные ноги с парными пальцами, вооруженными сильно загнутыми когтями, его клиновидный, из твердых упругих перьев хвост, его стройное низкое туловище —

* Известное максимальное число яиц у ремеза — 10, касививает кладку либо самка, либо самец, но оба — никогда.

все это дает ему возможность с огромной быстротой и уверенностью карабкаться по деревьям. Все его строение до такой степени само говорит о своем назначении, что, кажется, нельзя ничего в нем изменить без того, чтобы не затруднить свободу лазания. У поползня же мы видим совсем иное. Его ноги длиннее и три пальца направлены вперед; его тело коротко, а хвост состоит из таких слабых и гибких перьев, что при лазании никак не может служить опорой. И все-таки поползень лазает так же ловко, как и дятел, и не только вверх по деревьям, но и вниз; часто висит он с опущенной головой на ветке так крепко, что может в этом положении раскусить буковый или лесной орех. Причина такой ловкости кроется в устройстве пальцев и когтей. Его пальцы гораздо длиннее, чем у дятла, и покрывают, таким образом, большую поверхность. Расстояние между кончиками когтей среднего и заднего пальцев при растопыренных пальцах почти равняется длине тела. Пальцы вооружены дугообразно изогнутыми когтями, острыми, как иголки, а на нижней поверхности их находятся подушечки. Вследствие такого устройства ног поползни могут захватывать относительно большую поверхность, на которой имеется огромное число шероховатостей, а значит, точек опоры. Бородавки на подошве, очевидно, также способствуют более прочному прикреплению к дереву, а соединение оснований пальцев удерживает последние от излишнего их расхождения и таким образом увеличивает их силу. Подобное различие в устройстве органов, пригодных для лазания, обуславливает то обстоятельство, что и способ лазания у поползней совершенно иной, чем у дятлов.

Дятлы при лазании по стволу сильно опираются на хвост и держат грудь далеко от ствола дерева; поползни же, напротив, полагаются лишь на свои ноги, и грудь их отстоит от ствола почти на таком же расстоянии, как и хвост. Способность лазать вниз по дереву и висеть головой, опущенной вниз, объясняется также организацией его ног. Поползень очень ловко зацепляется большим когтем заднего пальца далеко наверху, а передние пальцы в это время упираются внизу и не дают, таким образом, телу опрокинуться. У дятла, правда, сзади два пальца, но они разделены, и большой направлен более вбок, чем прямо назад. Передние пальцы дятла короче, чем у поползня. Если бы дятел захотел висеть на стволе головой вниз, то у него не было бы верхней точки опоры, как у поползня, у которого задний палец, направленный прямо назад, снабжен большим когтем. Передние же пальцы оказались бы слишком короткие для того, чтобы дятел без большого усилия мог удержаться в таком положении. Хвост же, служащий обыкновенно столь важной опорой, в данном случае мог бы только помешать ему. Ясно, что птица, которая способна с одинаковой ловкостью лазать как вверх, так и вниз по деревьям, не может быть сложена иначе, чем поползень. Особенности уст-

ройства его ног делают возможным для него еще третье движение — легкое прыганье по веткам и по земле.

Самый распространенный у нас вид — **обыкновенный поползень** (*Sitta europaea*). Верхняя сторона тела свинцово-серого цвета, нижняя ржаво-желтого. Через глаза по бокам головы тянется черная полоска, которая доходит до шеи. Подбородок и горло белые;

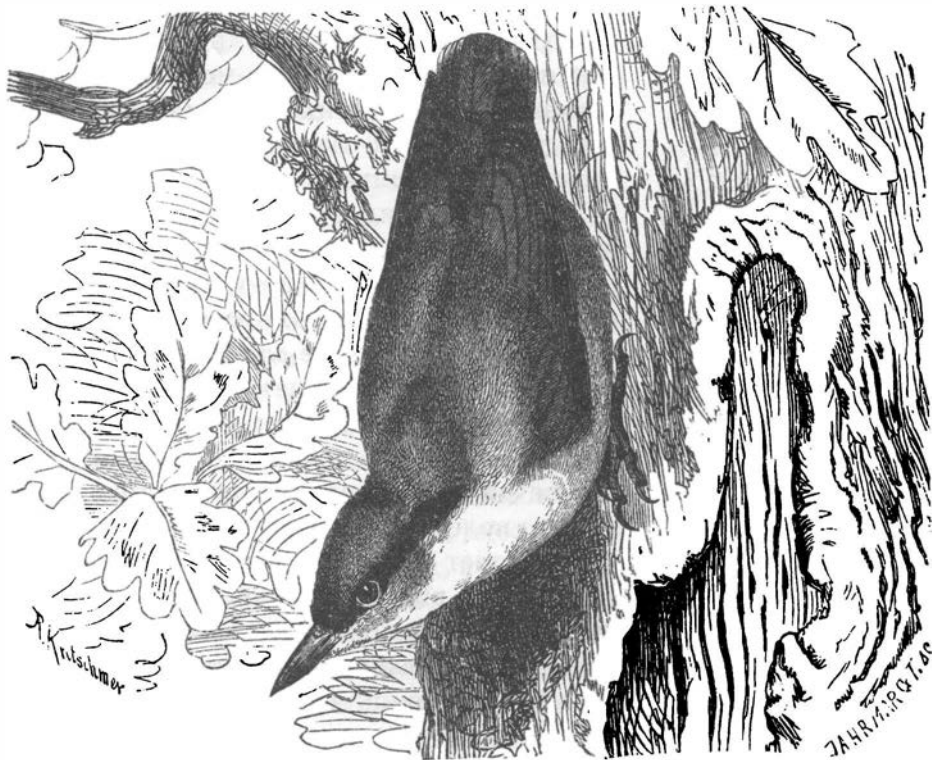
боковые, паховые и нижние кроющие перья хвоста каштаново-коричневые; средние хвостовые перья пепельно-серо-синие, а остальные густо-черные с пепельно-синим ажурным рисунком. Глаза орехово-карие, клюв черный, рогового цвета, снизу свинцово-серый. Ноги желтовато-рогового цвета. Длина птицы около 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, а хвоста 4 см. Самка отличается более узкой полоской, проходящей через глаза,

более светлой нижней частью тела и меньшей величиной.

Прежде полагали, что Европу населяет только один вид этого семейства, признаки которого те же, что и у вышеуказанного. В настоящее же время отличают почти всегда как особый вид поползня-ямщика, живущего в Скандинавии и северной России. Он больше ростом, сверху сине-зеленый, снизу грязно-белый, на бедрах ржаво-красный; нижние кроющие перья хвоста также окаймлены ржаво-красным. Другой очень похожий вид, но значительно меньшего роста волчок, распространен в восточной России и Сибири до Японии*.

Нашего поползня нет на севере Европы, но его можно найти повсюду от Ютландии до южной Европы. Он нигде не живет большими обществами, но большей частью попарно или малыми семьями или вместе с другими птицами. Поползень предпочитает другим местам смешанные высокоствольные леса, в которых, однако, есть и кустарник. Он не боится людей, и его часто можно встретить в городе около ворот или в тенистых аллеях в таком же количестве, как и в лесу. Летом иногда

Семейство поползневые

Обыкновенный,
поползень
(*Sitta europaea*)

* Согласно современным представлениям, поползни, обитающие в Скандинавии, на севере России и Японии, принадлежат к тому же самому виду — обыкновенному поползню. Поползни севера Сибири и Японии выделяются в отдельные подвиды.

одинок стоящий дуб может привлечь его к себе на несколько часов и доставить ему все необходимое для жизни. Осенью им овладевает страсть к путешествиям, его экскурсии за добычей становятся более отдаленными. Он никогда не покидает деревьев и лишь в случае крайней нужды решается перелететь пространство, лишенное их.

Поползень своей бодростью и неприхотливостью сильно выигрывает в сравнении с другими птицами. Он то прыгает вверх и вниз по дереву, говорит мой отец, то вокруг него, то бегаёт по веткам и висит на них, то дерет кусок коры, то долбит дерево, то летает. И все это поползень проделывает без перерыва, только иногда останавливается, чтобы подать голос.

При лазании поползень прижимается к стволу и почти всегда вытягивает шею и поджимает ноги; его длинные мягкие перья лежат так рыхло друг на друге, что он кажется толстым и неуклюжим. Нрав его, впрочем, не соответствует внешнему виду. Его полет легок, но не слишком быстр; он очень расширяет крылья и сильно ими машет, нередко порхая. Обычно поползень не совершает небольших перелетов. Это происходит не потому, что он не в состоянии сделать это, а потому, что, перебираясь с одного дерева на другое, он не должен пролетать больших расстояний. То, что полет ему не в тягость, видно из того, что поползень очень часто летает вокруг верхушки дерева или от одной горы к другой без всякой видимой надобности. Ему часто приходится пролетать без отдыха пространства в один километр. Иногда он долго лазает по деревьям, и увидеть его тогда трудно, иногда же он бывает так доверчив, что вертится в нескольких шагах от человека. Поползень всегда весел и резв, а если иногда и выглядит унылым, то в следующее же мгновение доказывает, что это только нам показалось. На самом деле скучным он бывает лишь тогда, когда заболит. Поползень производит впечатление бодрой, подвижной и в то же время хитрой и лукавой птицы.

Его призывный голос — свистящий, ясный «тю-тю-тю». Обыкновенный же звук, который он издает и которым ничего особенно не выражает, — короткое и недалеко слышное, но все же резкое «сит». Кроме того, иногда раздаются тоны, звучащие как «цирр-твит-твит-твит». Их крик во время спаривания состоит из очень красивых громких, свистящих звуков, слышных на далеком расстоянии. В этом зове слышатся преимущественно звуки «тю-тю», к ним присоединяются еще «кью-кью-тирр». Самец обыкновенно сидит на верхушке дерева, вертится направо и налево и выкрикивает «тю»; самка ближе держится к стволу и отвечает «твэт». Затем оба вместе летают, играя, гоняются друг за другом, порхают вокруг верхушки дерева, прыгают на ветках, обнаруживая при этом все свое искусство, и всегда громко зовут друг друга. В это время одна такая милая парочка в состоянии оживить довольно большой участок леса.

Поползень питается насекомыми, пауками, семенами и ягодами и глотает также крупный песок, способствующий пищеварению. Насекомых он собирает на ветвях, отыскивает во мху или в трещинах коры или ловит их в воздухе, стремительно бросаясь с дерева, если насекомое пролетает мимо. Его клюв не приспособлен к долблению дерева, как у дятла. И хотя он может отщеплять довольно большие куски дерева, однако делает лишь небольшие углубления*. Он ест насекомых так же охотно, как и плоды красного бука, липы, семена клена, сосны и ели, желуди, ячмень и овес. Пока шишки хвойных деревьев плотно закрыты, поползень не может достать семян, но лишь только чешуйки немного отстанут, он вытаскивает зерна и съедает их. Семена ели, которые другие птицы редко едят, он, по-видимому, очень любит. Когда у наших елей созревают семена, то их вершины делаются любимым местом пребывания поползня. Выпавшие древесные семена поползни собирают с земли, из ячменя и овса вынимают зерна, желуди же перед тем, как проглотить, раздробляют. Орешки красного бука и семена липы едят очень охотно и делают даже запасы из них во время бескормицы. Я часто наблюдал поползней на отягощенных орехами ветвях красного бука. По двое, по трое они держатся около богатого орехами бука, летают по очереди туда, отламывают клювом орешки, затем относят их на близстоящее дерево; здесь у них приспособлена щель для укрепления ореха. Они кладут его туда и, держа передними пальцами, раскалывают и съедают зерно. Затем они сбрасывают скорлупу, приносят себе новый орех и поступают с ним таким же образом. Это продолжается часто целыми часами и даже днями. Поползень во время этих разнообразных движений, т. е. перелетов то туда, то обратно, отрывания и раскалывания орехов, представляет собой довольно приятное зрелище. С лесными орехами, с липовыми и кленовыми семенами он обращается таким же образом. Своим тонким обонянием поползень всегда так верно определяет, полон орех или пуст, что почти никогда не раскалывает свища. Раскалывание лесного ореха стоит ему некоторого труда; с семенами же липы, клена и красного бука справляется очень легко. Он имеет очень странный вид, когда уносит орех: держит его клювом, который для этого ему приходится довольно сильно раскрывать. По наблюдению Наумана, поползень собирает зимой упавшие на землю косточки вишен и, чтобы добраться до ядрышка, раскалывает их вышеуказанным способом. Иногда он вместе с синицами ищет в садах семена подсолнечника, полбы или конопля; последние, кажется, он особенно любит. По Снеллю, он ест также и ядовитые ягоды переступня, поэтому-то мальчики обвивают ветвями этого растения скворечницы, чтобы с помощью издали заметных красных ягод привлечь поползня. Затем Гайден наблюдал, что зимой поползень часто подбирает с земли личинок буковых мух. Очень заметные наросты, где живут эти личинки, имеют вид конуса и находятся часто в огромном количестве на

** Это не совсем так. В мягкой древесине (ольха, ива) или полугнилых стволах поползень без труда выдалбливает дупла. Ему недоступна лишь здоровая плотная древесина.*

*Семейство
поползневые*

верхней стороне листьев бука; осенью же деревенеют и опадают с листьев. Поползень и синицы усердно собирают их под деревьями, затем пробивают в острой части дырку и добывают находящуюся в ней личинку. Просверленная дырочка при этом обыкновенно так мала, что червяка едва ли возможно достать клювом, и всего вероятнее, что поползень вытаскивает его языком. Гайден находит странным, что птица пробивает нарост не в той части, где личинка закрыта тонкой паутиной, а твердый деревянистый конец. «Кладовыми поползня, куда он складывает свои запасы, — продолжает мой отец, — служат то трещина в дереве, то какая-нибудь другая щель, а то даже и расщелины между черепицами на крышах домов. Птица не складывает все орехи в одно место, но распределяет их по одному в разных местах, без сомнения, для того, чтобы случайно не погибло все его богатство сразу. Однажды в здешней местности поползню служила кладовой для его орехов соломенная крыша крестьянской избы». Гааке заметил, что в неволе поползень втискивает в песок своей клетки семена конопли.

Гнездо свое поползень строит всегда в углублениях, обыкновенно в дуплах деревьев и, в виде исключения, в трещинах скал или стен. Эта умная птица очень охотно пользуется дуплами, выдолбленными дятлами, которые могут быть названы мастерами в этом искусстве. Поползень не любит, однако, чтобы входное отверстие его жилища было больше, чем ему нужно, поэтому он прибегает к чрезвычайно остроумному средству. Птица замазывает отверстие, оставляя совсем маленькую дырочку, через которую он один лишь может пролезть. «Замазывает поползень, — говорит мой отец далее, — или глиной, или липкой землей, которую, он подобно ласточкам, смачивает, связывает и слепляет тягучей слюной. Для этого он берет кусочек глины в клюв, смачивает его со всех сторон слюной и прилепляет куда ему нужно; таким образом, работа подвигается у него очень быстро. Кажется, что видишь перед собой маленького каменщика, который, чтобы закрыть вход в свое жилище, приносит и укрепляет камень за камнем. Эта глиняная стена имеет два и более сантиметра в толщину и, когда высохнет, становится такой крепкой, что ее рукой, без долота, не разломишь.

Входное отверстие, которое обыкновенно помещается в середине стенки, кругло и так мало, что поползень едва в него пролезает. Если гнездо устроено таким образом, то оно обеспечено от нападения; только дятел, прежний хозяин дупла, иногда разрушает стену.

В 1819 году я наблюдал, как эта маленькая птица приспособила для себя гнездо черного дятла. Но едва поползень его устроил, как явилась пара дятлов, чтобы сделать себе жилище для нового поколения. Самка приблизилась к дуплу, взглянула с удивлением на глиняную стену и в несколько ударов разрушила ее. До тех пор пока поползень не замажет отверстия в гнезде, ему

часто приходится воевать со многими птицами и нередко им наступать». Гнездо, включает мой отец, в зависимости от величины дупла имеет большой или меньший объем и выстлано весьма сухим и мелким материалом. Поползны собирают кусочки листьев бука и дуба, а также тонкие кусочки коры хвойных деревьев. Все это так рыхло лежит друг на друге, что трудно понять, каким образом, притом что птицы постоянно влетают и вылетают, яички не сваливаются с этой кучки шелухи. Можно подумать, что они зарыты под грудой этих тонких листьев и скорлупок. В последних числах апреля или первых числах мая находим мы на этой скверной подстилке 6—9 яичек 19 мм длиной и 14 мм толщиной. Они окрашены по молочно-белому фону очень мелкими светло- или темно-красными пятнами, которые то резко обрисованы, то точно стерты. Они очень похожи на яйца синицы. Самка сидит на яйцах одна и насиживает 13—16 дней. Птенцов оба родителя кормят насекомыми, именно гусеницами. Они быстро вырастают, но сидят до тех пор в гнезде, пока не научатся хорошо летать. После вылета держатся еще какое-то время около родителей, которые их кормят, учат и предохраняют от опасностей. После линьки птицы начинают самостоятельную жизнь.

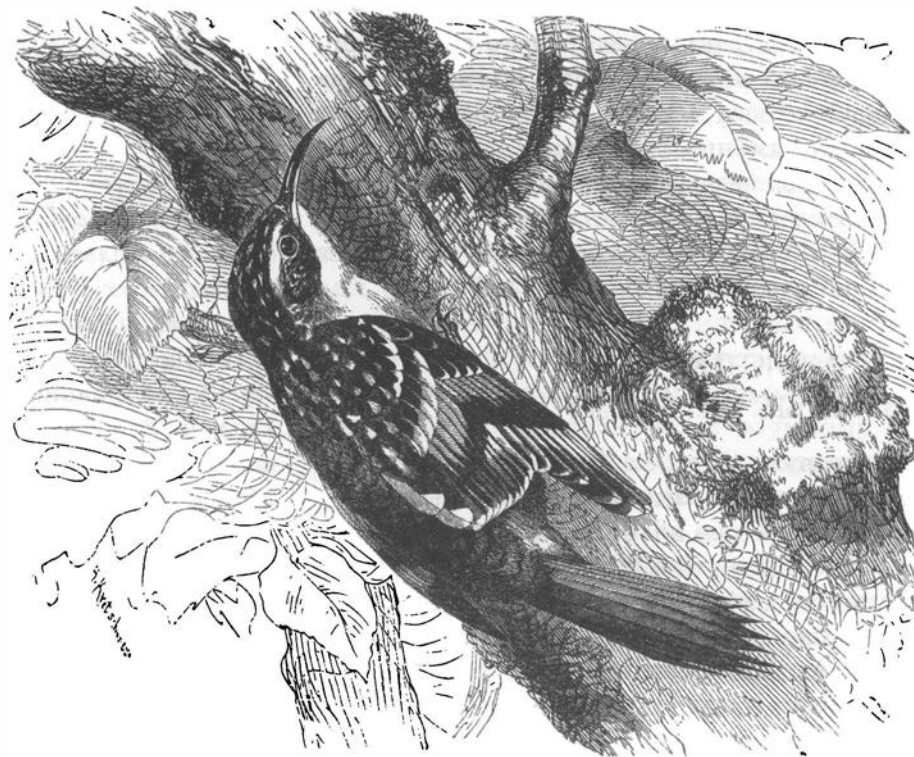
СЕМЕЙСТВО ПИЩУХОВЫЕ (Certhiidae)

Наша **обыкновенная пищуха** (*Certhia familiaris*) с верхней стороны темно-серая с беловатыми крапинками, а с нижней — белая. Оперение пушистое, похожее на волос, и мягкое как шелк. Длина 18 см, длина крыла 6,1, а хвоста 5,5 см.

Область распространения пищухи-сверчка обнимает всю Европу, Сибирь и Северную Америку, где есть леса, а также северо-западную Африку, Малую Азию, Палестину и, может быть, также северную Персию*. Во время размножения, как и другие перелетные птицы, она держится в очень маленькой области, но затем часто перекочевывает в обществе синиц, королек, поползней и дятлов, однако никогда не предпринимает длинных путешествий. Подобно всем лазающим птицам, она всегда в работе и потому всегда в движении. Хлопотливо и ловко лазает она по деревьям, то по прямой линии, то винтообразно, осматривает при этом всякую трещину и щель в коре, всовывает свой тонкий клюв между мхом и под лишай и таким образом понемногу везде отыскивает себе пищу. Ползает она толчками, но крайне легко и способна взбежать вверх по нижней стороне ветки. На землю она спускается крайне редко, и если это случается, то прыгает здесь очень неловко. Полет ее неровен, но довольно быстр; однако она перелетает большие пространства неохотно, но предпочитает короткие перелеты от вершины одного дерева к нижней части ствола другого. При этом она бросается стремглав сверху вниз, некоторое

* Обыкновенная пищуха в Испании обитает только в горных лесах Пиренеев, а во Франции преимущественно на западе, по границе с Германией и Швейцарией, в Африке и Малой Азии ее нет. В этих районах, а также в Испании и на большей части Франции ее замещает короткопалая пищуха (*Certhia brachydactyla*) — вид-двойник, внешне практически не отличающийся от обыкновенной пищухи, но имеющий другой образ жизни и ряд иных мало заметных, но существенных отличий. В Палестине вообще пищухи сейчас не гнездятся, возможно, изредка залетают при кочевках.

время быстро летит над землей, затем немного поднимается и спустя мгновение, как всегда, прилипает к дереву. Ее обыкновенный крик тихое «сит», очень похожее на звук, который издают синицы и крапивники. Призывный голос несколько сильнее. В хорошую весеннюю погоду самец испускает по очереди все эти звуки скучно и монотонно. Песней собственно это назвать нельзя. Человека она совсем не боится. Она без страха залетает в сад, лазает по стенам строений, так же как и по стволам деревьев, и довольно часто гнездится в подходящих трещинах и в балках домов. Однако она скоро замечает, расположен ли к ней человек или нет. Там, где она уверена в безопасности, она подпускает отъяв-

Обыкновенная
пищуха
(*Certhia familiaris*)

ленного врага животных на расстояние лишь нескольких шагов, в других местах старается не привлекать его внимания и ползает по возможности на скрытой от наблюдателя стороне дерева. Пока погода тому благоприятствует, она обнаруживает всем своим существом искреннюю веселость. Зато при сырой, холодной погоде или зимой, во время морозов ясно видно, что она чувствует себя плохо. Быть может, что ее

ит неизбежное в подобную погоду загрязнение ее оперения, ибо она тщательно заботится о своей чистоплотности до тех пор, пока это возможно. Ночью она отдыхает в дуплах деревьев.

Гнездо ее находится в дупле, трещине или щели. Не всегда пищуха кладет яйца в дуплах, но часто также и в пригодных для этого щелях, под крышами домов, между досками, которые в горах защищают стены строений, а также в куче дров, между деревом и отставшей корой и т. д. Само гнездо в зависимости от занимаемого им места то велико, то мало. Оно состоит из тонких сухих ветвей, прутьев, стебельков, листьев травы, древесной коры, соломы и тому подобного. Материалы эти переплетены паутиной гусениц и настоящей паутиной. Внутри гнездо выложено лыком, паклей и огромным количеством перьев различной величины.

Углубление гнезда, собственно, не очень глубоко, но ямка всегда кругла и тщательно отделана, так что гнездо можно считать сделанным очень искусно. Они кладут от 8 до 9 яиц длиной около 16 мм, толщиной же около 12 мм. Яички окрашены по белому фону мелкими красными точками и поразительно похожи на яички маленьких синиц. Оба пола насиживают, и оба выкармливают с необыкновенным усердием свой многочисленный выводок. Молодые долго остаются в гнезде, но если им помешают, они, не умея еще летать, оставляют его и, лазая, пытаются тогда спастись. Они тогда так искусно и с такой поразительной быстротой скрываются прямо на глазах наблюдателя, что трудно их потом отыскать. После вылета родители еще долгое время руководят молодыми, и тогда вся семья представляет для наблюдателя чрезвычайно приятное зрелище. «Это, — как говорит Науман, — очень веселый народец; озабоченные и хлопотливые родители, окруженные многочисленным потомством, располагаются на одном большом дереве или на нескольких рядом стоящих, суют то одному, то другому найденное насекомое, а иногда и молодые ревностно помогают отыскивать новых насекомых. Разнообразные крики старых, особенно когда они завидят врага, их боязливое поведение при этом, забавная поспешность во всех движениях представляют для наблюдателя очень приятное зрелище». Пищухи выводят птенцов два раза в течение лета; первый раз в марте или в начале апреля, второй — в июне. Во второй раз они кладут меньшее число яиц и часто только два-три. Для неволи пищуха мало пригоден. Опытный птицелов легко может поймать его. Для этого достаточно обмазать несколько свиных щетинок птичьим клеем и прикрепить к излюбленным ими деревьям.

Краснокрылый стенолаз (*Tichodroma muraria*). Этот вид характеризуется скорее сжатым, чем вытянутым телом, короткой шеей и большой головой. Его длинный, тонкий, почти круглый клюв у корня граненый, на конце заострен. Пальцы на ногах тонкие и вооружены очень большими, сильно загнутыми тонкими и острыми когтями; крылья средней длины, широки, коротки и округлены. Короткий хвост состоит из мягких, широких, на конце округленных перьев. Рыхлое, пушистое, мягкое, как шелк, оперение окрашено в приятный, отчасти яркий цвет, который изменяется по временам года. Язык напоминает в общем язык дятла. Он так длинен, что доходит до конца клюва; остр, как игла; однако весьма мало подвижен и покрыт множеством щетинистых крючков. Основная окраска оперения пепельно-серая. Горло летом черное, зимой белое, маховые и рулевые перья черные, первые от 3-го до 15-го у основания до половины ярко-красные, так же, как и малые кроющие перья и узкая кайма на наружной бороздке больших кроющих перьев крыла. Рулевые перья на конце окаймлены белым. Глаза коричневые, клюв и ноги черные. Длина его около 16 см, размах крыльев 27, длина крыла 9, а хвоста 6 см.

** Это ошибка.
В Абиссинии,
да и вообще в Афри-
ке, стенолаз не
встречается.*

Стенолаз живет на всех высоких горах средней и южной Европы, распространен в западной и средней части Азии, на востоке — до северного Китая и попадает, говорят, даже в Абиссинии*. Он нередок в наших Альпах и в не меньшем количестве встречается на Карпатах и Пиренеях. С Альп залетает иногда в Германию, а с Карпат — в Венгрию.

О его образе жизни до последнего времени имелись лишь скудные сведения. Геснер был первым из натуралистов, упомянувших о нем. Позднее кое-что сообщили нам Штейнмюллер, Шпрюнгли, Шинц и Чуди. Но лишь в 1864 году благодаря Гиртаннеру мы подробно узнали об образе жизни этих птиц. Поэтому я не могу сделать ничего лучшего, как передать слова этого прекрасного наблюдателя, причем обращаю особенное внимание на то, что, кроме двух опубликованных сочинений, имею настоящее сокровище — многочисленные письма названного исследователя.

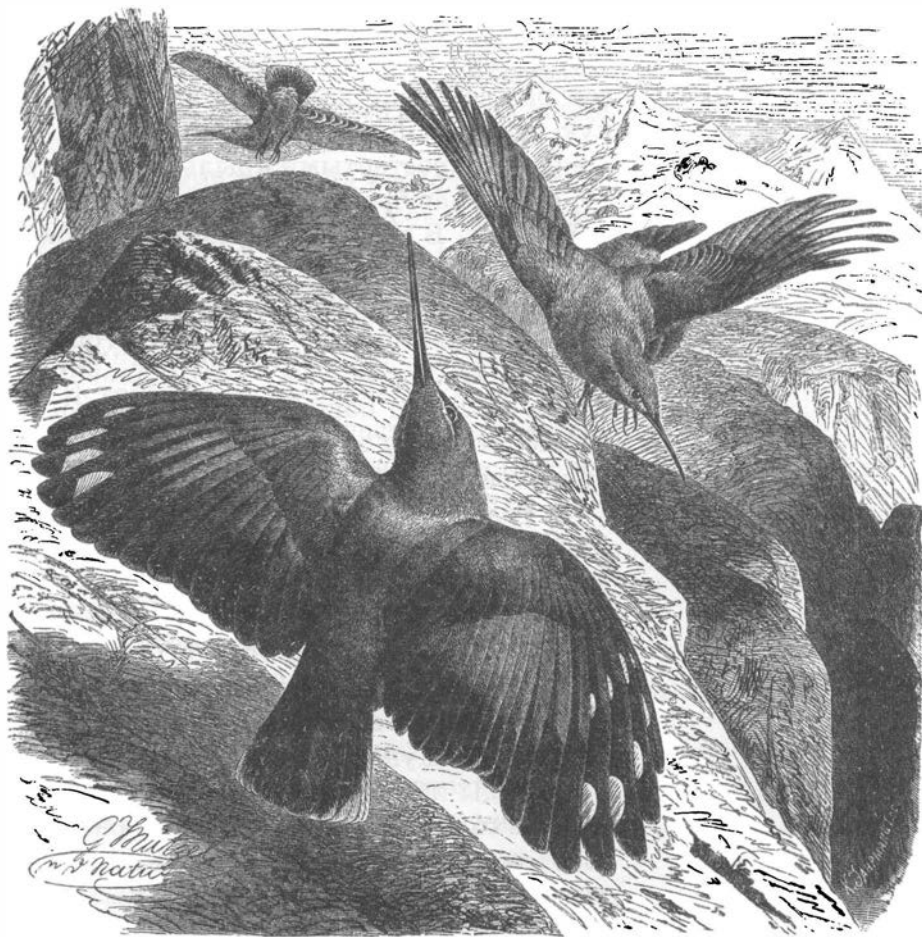
«Если путешественник переступит границы высокого горного леса Швейцарских Альп и поднимется далее по дикой горной пустыне, то услышит тонкий протяжный свист. Он более всего напоминает песенку нашей овсянки и состоит из довольно громких, быстро следующих друг за другом нот одинаковой высоты, которые оканчиваются длинным, несколькими тонами выше звуком. Приблизительно он может быть передан так: «дю-дю-дю-дюий». Путник, пораженный, но вместе с тем и обрадованный тем, что среди немых скал он внезапно услышал голос другого существа, поднимает голову и обычно после продолжительных поисков замечает наверху, на голой скале между камнями, маленькую птичку, лазающую с полураскрытыми красными крыльями без всякого напряжения по отвесной, местами даже по нависшей скале. Это — стенолаз, живая альпийская роза, который странствует по своей родной скале и без страха глядит вниз на запыхавшегося пешехода, с немалым трудом добравшегося до его высокого местожительства. Если путник не очень торопится, он охотно садится на покрытый мхом камень, чтобы полюбоваться на это чудесное создание.

Как и все альпийские птицы, стенолаз перелетная птица. В солнечные дни поднимается он в горы до 3000 м высоты. Его встречали иногда даже на ледниках, на обломке скалы охотящимся за насекомыми. Ниже альпийского пояса летом он спускается только изредка, хотя иногда его можно видеть и здесь. Когда же дни становятся короче, а ночи длиннее и холоднее, когда солнце в течение короткого дня не в состоянии помешать образованию ледяной коры, то этому обитателю Альп не остается ничего другого, как постепенно спускаться в более низкие, теплые и защищенные полосы. Ведь даже не очень толстая ледяная кора является для его слабого клюва неодолимым препятствием для добывания пищи. Если же снова наступает несколько теп-

лых солнечных дней, то он тотчас спешит в более высокие местности, и лишь вновь возвращающиеся холода гонят его обратно в долину.

Стенолаз охотно взбирается лишь по совершенно голым скалам, и чем более дика и лишена растительности горная местность, тем вернее его можно там найти. Широкие, покрытые травой пространства по склонам гор он посещает исключительно для отыскивания насекомых. В противном случае спешит перелететь их и поскорее достигнуть голого камня. По стволам деревьев никогда не лазает. Во всяком случае, я никогда не видел, чтобы он садился на кустарники или на ветки, торчащие на скалах. Он живет лишь в воздухе и на крутых скалах и не любит спускаться на землю. Насекомых, которые водятся на земле, он пытается по возможности поймать на скале. Если же, несмотря на все старания, стенолаз не достигает цели, то быстро подлетает, садится на мгновение, схватывает добычу, а минуту спустя уже опять цепляется за скалу, отыскивая удобное место для поглощения своей добычи. Маленьких жуков, которые представляются мертвыми и скатываются по камням в надежде упасть на недосыгаемое место, а также пауков, перекидывающих второпях с камня на камень свою спасительную паутину в надежде скрыться, стенолаз ловит без труда в воздухе».

При лазании он обнаруживает такую силу и ловкость, что смело можно предположить, что нигде в горах не найдется плоскости, которая была бы для него слишком гладкой и крутой. Но чем круче и глаже плоскость, на которую приходится ему карабкаться, тем скорее он должен двигаться, так как на совер-

Краснокрылый
стенолаз
(*Tichodroma muraria*)

шенно гладких плоскостях даже он способен удержаться лишь несколько мгновений. Взобравшись наверх или вообще достигнув желанной высоты, он висит на скале, как бабочка, с сильно растопыренными крыльями, так что белые пятна отчетливо видны на них, и, качаясь, поворачивает голову то влево, то вправо и оглядывает при этом через плечо то место внизу на скате горы, на которое он собирается перелететь. В этом положении он кажется действительно отдыхающим на кончиках своих маховых перьев. Отпихнувшись внезапно сильным толчком от скалы, он легко переворачивается в воздухе. Иногда для препровождения времени стенолаз кувыркается, а затем летит к избранному месту, которое лежит иной раз на несколько метров ниже, а в другой раз довольно далеко. В полете он напоминает большую яркую бабочку. Летит, то делая неправильные взмахи, то с совершенно распростертыми крыльями. Иногда, подобно хищной птице, стремглав бросается вниз с опущенной головой и поджатыми крыльями. В следующий момент он уже снова держится за скалу, при этом голова у него поднята вверх. Полет вниз происходит часто по красивой, внизу круто загнутой дуге. Вообще стенолаз прекрасно летает, правда, в горизонтальном направлении, может быть, хуже, чем в вертикальном. В вертикальном направлении он летает поистине превосходно. Нет ничего чудеснее, как наблюдать пару этих птиц, носящихся на солнце над темными пропастями.

Редко можно видеть стенолаза парами вне времени размножения. Он большей частью лазает один по пустынным скалам, распевая при этом свою короткую, незатейливую, но приятную песенку. К своим сородичам стенолаз относится или равнодушно, или, напротив, агрессивно, преследует их, пытаясь выгнать из собственного владения. С другими птицами он не соприкасается, а если это и случается, то избегает их. Пища его состоит из пауков и насекомых, живущих на этих высотах. Однако виды их довольно немногочисленны, и стенолазу поэтому не приходится быть слишком разборчивым. Своим тонким клювом, как тончайшими щипцами, схватывает он с уверенностью даже самых мелких насекомых. Язык служит ему следующим образом: быстро выдвигая его вперед, прокалывает он схваченных и лежащих в клюве насекомых, их личинок и куколок и, притянув затем его назад, складывает добычу в заднюю часть рта. Больших насекомых, таких, например, как гусеницы, стенолаз сперва схватывает, затем вертит и трясет их до тех пор, пока они не улягутся поперек кончика клюва. Он ударяет ими вправо и влево о камни и, двигая вперед и назад головой, брасывает гусеницу наконец в глотку. При этом он никогда не забывает тщательно вытереть свой клюв о камень. Насекомых, покрытых твердым панцирем, например жуков, он уже потому не может прокалывать, что его тонкий язык, упираясь в твер-

дый панцирь жука, стал бы слишком сильно гнуться, что при закрытом клюве этого случиться не может.

Зимой стенолаз принужден довольствоваться яичками, куколками или впавшими в оцепенение насекомыми. И тогда он, без сомнения, целый день занят трудным делом добывания пищи. Время насиживания приходится на май и июнь.

Гнездо у него большое, круглое, низкое, плоское и поразительно легкой постройки из тонкого мха, пуха различных растений, тонких волокон корней, больших клочков овечьей шерсти, кусочков ткани, волос и т. п. Лежит оно на дне углубления скалы. В кладке 4 яйца*; длина их приблизительно 15 мм при 11 мм в толщину. Они окрашены по белому полю коричнево-черными резко очерченными точками, которых больше всего на тупом конце яйца.

Самыми опасными врагами живущего на свободе стенолаза, как говорит Гиртаннер, являются маленькие соколы и перепелятники, которые охотятся высоко в горах. Они часто ловят взрослых стенолазов, а нередко разоряют и целые гнезда. Однако же стенолазу иногда удается благодаря его искусному полету скрыться даже от этих ловких хищников. Это мне однажды пришлось видеть самому. Ястреб напрасно старался напасть на стенолаза, перелетавшего через большую пропасть. Чем смелее нападал перепелятник, тем больше искусства выказывал стенолаз. Преследуемый ловко избегал его атаки и постепенно добрался до противоположной стены, где, очевидно, его ждало спасение. Едва стенолаз приблизился к ней, как уже более не заболтался о самозащите, а полетел прямо, как стрела, на каменную стену, благополучно достиг ее и тотчас исчез в трещине. Перепелятник тотчас же прекратил бесполезную охоту и улетел с сердитым криком.

Стенолаз является большим украшением наших Альп, он высоко ценится всеми любителями путешествий в горах. Если с пустынных высот прозвучит его короткая песня, то путник с радостью ощутит близость этого прекрасного существа, и взор его с удовольствием остановится на этой живой альпийской розе, так оживляющей величественную, но лежащую в вечном оцепенении окрестность.

СЕМЕЙСТВО НЕКТАРНИЦЕВЫЕ (Nectariniidae)

Нектарницы обитают в Старом Свете. Это маленькие, красиво сложенные птицы, щеголяющие своим роскошно окрашенным оперением и благодаря ему напоминающие собой колибри. Они, однако, резко отличаются от последних своими короткими крыльями, ногами с длинными плюснами, а также и образом жизни.

**Обычно свои гнезда стенолазы помещают в расщелинах скал, в кладках от 3 до 5 яиц; насиживание длится 18—20 дней.*

К тем видам, которые окрашены ярко, но без металлического блеска или с весьма малым блеском этого рода и имеют клинообразный хвост с удлиненными средними перьями, относится **нектарница фиолетовоспинная** (*Nectarinia violacea*). Этот вид отличается прямым, слегка согнутым, длиной почти равным голове клювом, относительно короткими крыльями. Хвост клинообразный, и оба последних пера значительно длиннее других. У самца голова, шея, спина и малые кроющие перья бронзово-зеленого цвета, с нижней стороны он ярко-желтый. Полоса на груди и надхвостье блестяще-фиолетового цвета; маховые и хвостовые перья черно-синие, глаза карие, клюв и ноги черные. Самка светло-коричневато-оливковая и с нижней стороны серо-желтая. Полоса

Фиолетовоспинная
нектарница
(*Nectarinia violacea*)

на груди и надхвостье блестяще-фиолетового цвета; маховые и хвостовые перья черно-синие. Глаза карие, клюв и ноги черные. Самка светло-коричневато-оливковая и с нижней стороны серо-желтая. Молодые похожи на мать, но еще бледнее. Длина птицы около 15 см, длина крыла 5,5, длина средних хвостовых перьев 9, а остальных 4,5 см. Нектарница — первая птица в тропических странах, которую путешественники встречают, вступая с севера внутрь Африки. Хотя вначале она попадается лишь поодиночке, но все же распространена далее тех границ, которых строго держатся другие тропические птицы на ее родине. Ее встречаешь, как только перейдешь тропик. Нет ее в средней Нубии, потому что там природа так бедна, что ей кормиться нечем, так как каменные массы берегов Нила не дают пропитания даже нетребовательной мимозе. Зато там, где последняя показывается снова, нектарницы налицо.

Их видишь также постоянно парами, на благоприятных местах, во всяком случае, очень часто. Здесь каждой паре приходится довольствоваться малым и ограничиваться немногими цветущими деревьями, а в иное время даже лишь одной группой фиговых кактусов. Как птица, любящая яркое солнце, она утром и вечером спокойна и тиха. Когда же настает горячий полдень и палящие лучи находящегося в зените солнца заставляют других птиц скрываться в прохладных тенистых местах и они отправля-

ются на покой — тогда нектарница оживает. Самец перелетает с цветка на цветок, отыскивая пищу, с криком и пением, вместе со своей верной подругой. Других птиц нектарница мало боится и человеку позволяет близко подходить к ней и наблюдать ее. Если найдешь мимозу в полном цвету и встанешь под нее, то редко придется долго ждать появления этой птицы.

Быстрым порхающим полетом появляется самец, садится между шипами в ветвях, внимательно оглядывается на свою самку, нежно кричит ей навстречу и начинает торопливо исследовать цветы. При этом он держится прямо, приглаживает оперение, так что выглядит очень стройным, и летает от одного цветка к другому, ударяя в каждый 3 или 4 раза своим клювом, чтобы вытащить спрятанных в них насекомых. Но не только одни маленькие насекомые составляют пищу нектарницы. Она между делом схватывает муху и даже гоняется за жужжащим насекомым по воздуху. Исследовав цветок, она весело вскрикивает и летит немного далее к другому, причем самка всюду верно следует за самцом. Оба супруга одной пары в высшей степени нежны друг с другом, и самец осыпает свою самку всякого рода любезностями. Кроме очень нежного призывного крика, самец поет также красивую песенку. Певец при этом поднимает перья на голове, опускает крылья и немного их расширяет, поднимает хвост так, что он стоит почти вертикально, вертится и поворачивается во все стороны и сверкает в лучах солнца своим оперением. Он чванится, как павлин, прелестью цветов своего оперения и старается показать в лучшем свете каждую часть своего роскошного одеяния. Самка возбужденно и весело подражает, насколько возможно, каждому его движению. Но насколько велика нежность этих птиц, настолько велика и ревность самца. Он не терпит другого самца на своем участке и нападает на каждого ворвавшегося туда; он преследует его гневно в воздухе, даже между самыми страшными шипами и до тех пор не успокаивается, пока не изгонит врага из границ своего участка.

Время насиживания изменяется в зависимости от местности или, вернее, от того, когда наступает в данной стране весна или другое время года. В южной Нубии и в Самхаре постройка гнезда начинается тотчас по окончании линьки, в марте и апреле; собственно в Судане находил я, напротив того, гнезда в исходе лета, после начала времени дождей.

Довольно трудно отличить эти гнезда от гнезд родственных птиц. Они висят на крайних ветвях деревьев, именно мимоз, редко высоко над землей, а иногда так низко, что их можно достать рукой, иногда же, напротив, высоко, почти у вершины. Форма гнезда яйцевидная, то продолговатее, то круглее, а иногда цилиндрическая, округленная наверху и внизу. Входное отверстие — в верхней части и помещается сбоку. Хлопок образует главный материал для постройки. Из него свалены стенки. Внутри гнездо выло-

* У нектарниц период насиживания занимает 13—14 дней, птенцы находятся в гнезде 17—19 дней.

жено волосами, паутиной, а также волокнами цветов. Птицы очень любят вешать его так, чтобы вход был закрыт листьями. Строят его оба пола вместе в высшей степени усердно и употребляют по крайней мере две недели для окончания этой постройки. Они кладут 3—4 продолговатых яйца длиной около 21 мм и толщиной около 12 мм; они окрашены в белый, слегка красноватый цвет и по этому фону покрыты несколькими темно-серыми и буро-фиолетовыми брызгами. Яйца, как мне кажется, насиживаются одной самкой. Я не имел возможности собрать наблюдения о воспитании птенцов*. Я не могу указать на врагов фиолетовоспинной нектарницы и других родственных видов. Я никогда не видел, чтобы какая-нибудь хищная птица нападала на них. Проворство этих крошек и шипы мимоз, между которыми они постоянно двигаются, защищают их от нападения ястребов и соколов. Зато их гнезда, без сомнения, грабят обезьяны точно так, как и гнезда других птиц.

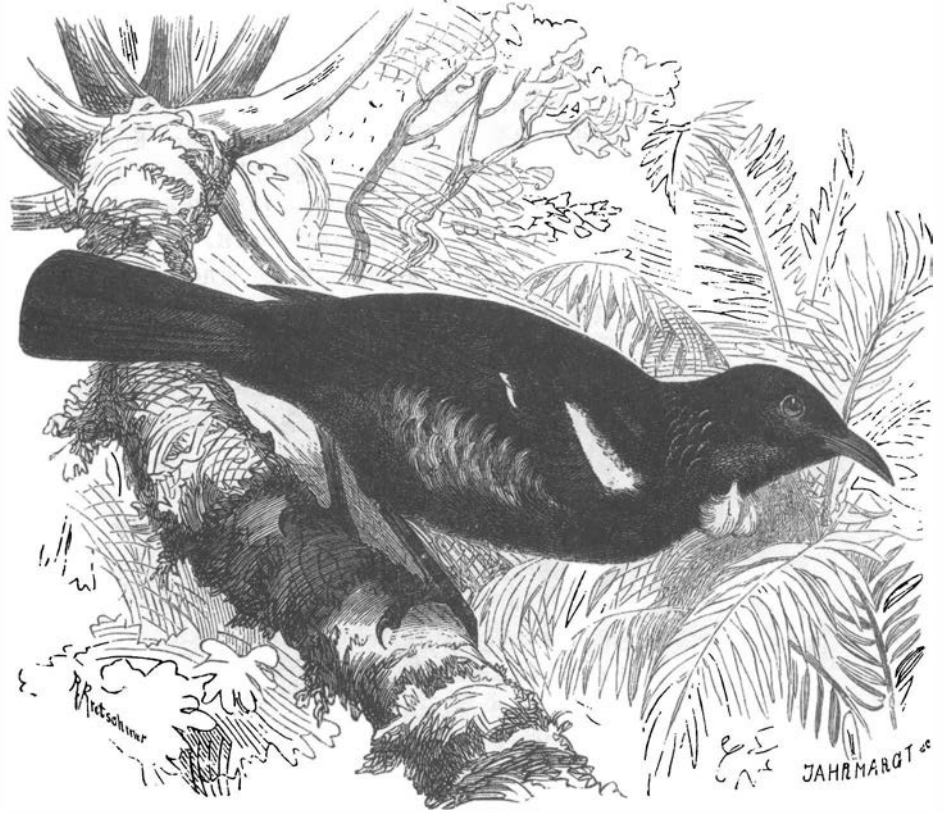
СЕМЕЙСТВО МЕДОСОСОВЫЕ (*Meli phagidae*)

Новозеландский туи (*Prostremadera novaeseelandiae*). «Отличающимся по своему голосу обитателем романтических пустынь Новой Зеландии, — говорит Рошела, — является новозеландский туи, или поэ. Не слишком много говорят об этой чудной птице, если утверждают, что во всех лесах Европы нет певца, могущего с ним помериться. Постоянная звучность и нежная приятность его пения кажутся мне действительно несравненными. Как я ни люблю пение европейского соловья, но нахожу, что оно далеко уступает пению этой птицы, и я сознаюсь, что никогда в жизни не имел представления о таком очаровательном и чудно поющем существе». Путешественники, которые потом упоминают об этой птице, правда, не воздают ей такой восторженной похвалы, но все без исключения отзываются о ней как о лучшем певце Океании.

Новозеландский туи отличается сильным и наверху и внизу слегка согнутым клювом, сильными, длинными ногами, умеренно длинными крыльями. Хвост средней длины и округлен на конце. По бокам шеи находятся два расщипанных, как волосы, хохолка, шаровидно свернутые, а на верхней части ее — длинные, узкие, волосообразные перья. В оперении преобладает блестяще-стальной цвет. Глаза темно-карие. Клюв и ноги черные. Молодые отличаются от одинаково окрашенных взрослых аспидно-коричнево-черной краской и широкой, по форме похожей на полумесяц грязновато-белой полосой на горле. Длина туи достигает 30 см, длина крыла 14, а хвоста 12 см.

Хотя туи часто привозили в Сидней и он нередко попадал живым в Европу, однако лишь в последнее время получили мы

сведения о его жизни на свободе, и самые подробные и верные от Буллера. «Первые поселенцы называли новозеландского туи, — говорит названный исследователь, — птицей-пастором», вероятно, из-за двух белых хохолков на шее, напоминающих собою белые язычки воротничка рясы евангелического пастора. Впрочем, и другие, выдавшие туи в лесах его родины, находят это название метким, потому что когда он поет, то поворачивается направо и налево, совершенно как пастор на кафедре. Он сидит, как замечает Тимпсон, важно на ветке, качает головой и поворачивает ее то в одну, то в другую сторону, как будто хочет говорить то одному, то другому; вдруг он поднимается и тогда возвышает с такой силой свой голос, точно ему приходится будить спящих. Несмотря на свою постоянную живость и неутомимость, он остается во время пения всегда на одном месте. Ранним утром поет он продолжительнее всего, и тогда раздается по лесам Новой Зеландии гул от песен всех поющих птиц этого вида, соревнующихся между собой. В призывном голосе слышится особенно громкое и звонкое «туи-туи». Его обыкновенная песенка состоит из пяти тонов, которым предшествует отдельный тон; кроме того, всегда слышен какой-то особенный звук, похожий на кашель или смех, и большое количество других вставных звуков, так что новозеландский туи имеет полное право считаться настоящей певчей птицей. Полет ее быстр и красив, со множеством всяких поворотов и крюков, хотя немного шумен. «Ни одна птица лесов Новой Зеландии, — говорит Лейард, — не привлекает настолько внимание чужестранца, как именно туи. Эта шумная птица всегда в движении: она то перелетает с дерева на дерево, то носится, точно на парусах, большими кругами над лесом. Этой забавой она бывает занята вечером, и раньше я был склонен думать, что она старается отыскать глазами себе пищу, но затем нашел, что

Новозеландский туи
(*Prostremadera
novaeseelandiae*)

это делается лишь для забавы и удовольствия. Часто видишь, как они в числе 8—10 летают, то делая круги в воздухе, вращаясь и кувыркаясь, то спускаясь со значительной высоты с распростертыми крыльями и хвостом, то делая разные другие фокусы, пока внезапно все на призывный голос не спустятся в чащу леса и не скроются из глаз». Буллер подтверждает эти сообщения и продолжает далее. Пищей новозеландскому туи служат насекомые, различные плоды и ягоды, а также мед с известных цветов. Язык его, как и у всех медоедов, снабжен тонкой кистью, которую можно видеть лишь тогда, когда птица больна или издохла. Когда в октябре или ноябре кухай сбросит свои листья и оденется в чудный наряд из желтых цветов, тогда это дерево является самым любимым местом для туи. Когда же в декабре и январе стоит в цвету новозеландский лен, то птицы эти покидают леса и посещают поля, засеянные этим растением, питаются медом его цветов. Этим удобным случаем пользуются туземцы для ловли туи в силки и потом поедают его, как лакомое блюдо. Когда созревают ягоды, птица от них сильно жиреет, что, вероятно, служит причиной поверья, что будто бы они распарывают себе клювом грудь, чтобы избавиться от жира. Гнездо туи находится обыкновенно в развилине, между двумя ветвями густолиственного куста, лишь на несколько метров над землей и редко на вершине дерева. Оно довольно велико и построено из сухих прутиков и зеленого мха. Внутренность красиво сплетена из разных былинки и выложена черными волосовидными побегами древесного папоротника. 3—4 яйца различной формы и величины образуют кладку; они имеют около 27 мм в длину и 18 мм в толщину и несколько похожи на грушу. Они белые, слегка розоватые и разрисованы округленными красными пятнами.

Благодаря своей необыкновенной способности к подражанию туи сделался любимцем как туземцев, так и колонистов, хотя он и считается недолговечным, тем не менее выдерживает, как доказал опыт, до десяти лет неволи. Привыкнув к корму в клетке или комнате, он быстро и скоро научивается говорить несколько слов, насвистывать арии, подражать лаю собаки, крику попугая, кудахтанью курицы и т. д. Маори ценят эту способность к подражанию очень высоко и тратят немало времени, чтобы выучить туи.

Новозеландцы, кажется, издавна охотно держат туи в клетках. Они приносили его Рошела в маленьких плетеных клетках и предлагали продать, и по настоящее время много их попадает таким путем в руки европейцев. Пойманные птицы в высшей степени занимательны, они легко делаются ручными и быстро заводят дружбу с ухаживающими за ними людьми.

СЕМЕЙСТВО
ОВСЯНКОВЫЕ (Emberizidae)

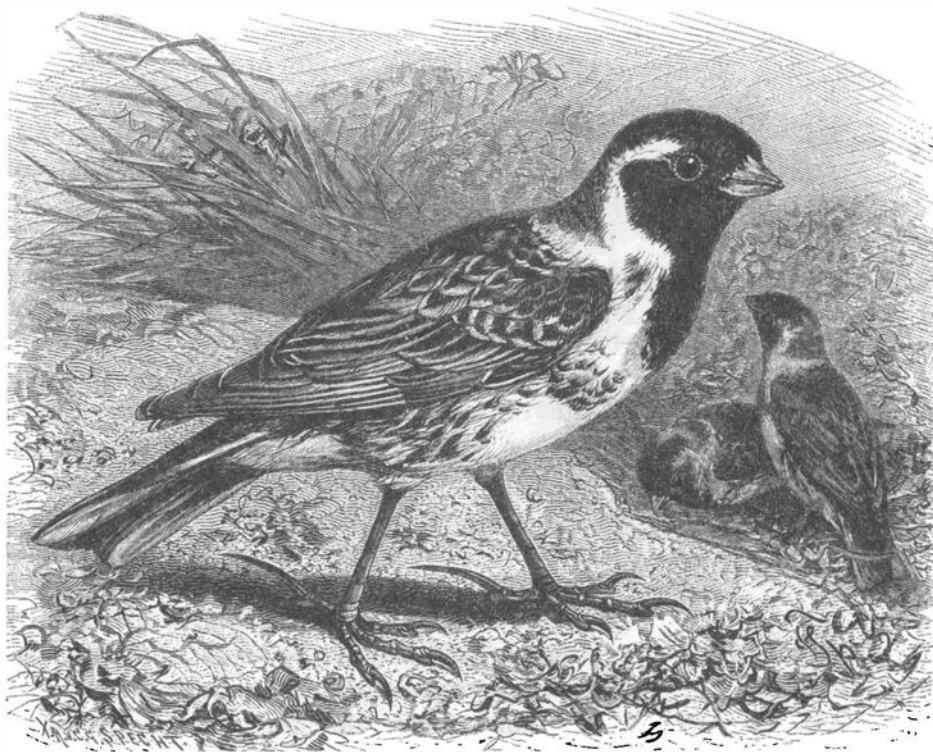
Семейство
ОВСЯНКОВЫЕ

Лапландский подорожник (*Calcarius lapponicus*) имеет голову, подбородок и горло черного цвета; широкая глазная и височная полоса ржаво-беловатая, затылок и задняя часть шеи образуют коричнево-красное поле, остальные верхние части ржаво-бурого цвета и разрисованы черными стержневыми пятнами; стороны шеи и нижние части тела белые. Длина птицы достигает 16 см, размах крыльев 27, длина крыла 9, хвоста 6 см.

Лапландский подорожник — дитя тундры; область его распространения простирается поэтому по северной части Старого и Нового Света. Отсюда он зимою перекочевывает на необходимое расстояние на юг, появляется уже в Германии лишь в виде исключения, далее на юг залетает разве заблудившись, и как только возможно, возвращается обратно на свою суровую родину. Здесь он всюду крайне обыкновенен и почти не делает различия между низменностью и возвышенностью, если только карликовая береза образует на поверхности земли плотный покров, который подорожник очень любит.

Он проворно бегаёт, шагая, а не прыгая, легко и ловко летает и, подобно жаворонкам, часто долго вьётся во время пения. Его унылый призывный звук, соответствующий его бесплодной родине, можно передать приблизительно слогами «тью-тьюэб». Самка издает такой же зов, как самец, но несколько ниже. Очень простая, но приятная песня состоит из единственной строфы, в которой часто повторяется призывный крик. Насколько я мог узнать, лапландский подорожник поёт лишь на лету, но очень прилежно. Науман не без основания сравнивает это пение с плохим пением полевого жаворонка.

По наблюдениям Шрадера, лапландский подорожник появляется в Лапландии лишь к середине апреля и тотчас приступает

Лапландский
подорожник
(*Calcarius lapponicus*)

к кладке. Гнездо, которое встречается в болотных местах между корнями карликовой березы на холмике, где оно хорошо скрыто в растениях, образующих густые кусты, и в тому подобных местах, состоит снаружи из грубых и нежных соломинок, а внутри выстлано мягкими перьями белого тетерева. В середине июня находят полную кладку, 5—6 яиц, длиной 20 мм, толщиной 15 мм, которые на сероватом, желтоватом или светло-буроватом фоне более или менее разрисованы более темными, соответствующими основному цвету черточками и точками. Рисунка может и не быть, чем, однако, не изменяется общий характер яйца. Только что вылетевших птенцов я находил уже в середине июля. В это время те лапландские подорожники, которых я наблюдал, жили обыкновенно парами, но уже также и маленькими стайками, может быть состоявшими из таких птиц, которые уже вывели птенцов.

Пища их состоит в пору вывода птенцов исключительно из насекомых, и главным образом из комаров; последние находились в зобу и желудке всех убитых мной лапландских подорожников. Напротив, зимой этот подорожник питается семенами. Так как поздней осенью лапландский подорожник охотно присоединяется к жаворонкам, то его часто ловят вместе с ними и иногда во множестве, как в Китае, где иногда его массами приносят на рынки.

Родственная лапландскому подорожнику пуночка (*Plectrophenax nivalis*) летом белоснежного цвета, но верхняя часть спины, плечи, большие маховые перья и четыре средних хвостовых пера, кроме узкой белой каемки на конце перьев верхней части спины и плеч и белого основания больших маховых, черного цвета; зимою же верхняя и задняя части головы и область уха ржаво-коричнево-бурого. Самки зимою окрашены еще более ярким коричнево-буроватым цветом, чем самцы. Глаза темно-карие, клюв летом черный, зимой оранжево-желтый; ноги черные.

Приблизительно те же страны, в которых живет лапландский подорожник, составляет родину и пуночки. Область распространения ее обширнее; область, в которой она выводит птенцов, напротив, ограниченнее, чем у лапландского подорожника. Она населяет возвышенную тундру на севере на всем протяжении, где только она свободна от снега хотя бы на несколько недель, но всегда в ближайшем соседстве с вечным снегом. В Исландии она самая обыкновенная сухопутная птица, на Шпицбергене, на Новой Земле и в северной Гренландии, насколько известно, она еще выводит птенцов. Я наблюдал ее летом в Скандинавии лишь на высочайших горах Доврефельда и в северной Лапландии непосредственно около снежной линии, но лишь в очень немногочисленных экземплярах, а в низменной тундре самоедского полуострова и вовсе не наблюдал ее. Ее зимние странствования доводят ее до южной Германии, иногда еще дальше на юг, в Азии — до

южной Сибири и среднего Китая, в Америке — до средних Соединенных Штатов.

Пуночки по своему поведению настолько же похожи на жаворонков, как и на подорожников. Они бегают, как жаворонки, летают легко и ловко, мало порхая и описывая большие дугообразные линии, но во время перелета на значительной высоте, а в другое время охотно над самой землей. Компания таких птичек в поисках пищи, «катится по земле», как очень характерно выражается Науман, причем только часть их опускается, а задние перелетают через передних. Это беспокойные, подвижные птицы, которые и в самую суровую стужу не теряют своей бодрости и, даже терпя решительную нужду, продолжают казаться веселыми. Лишь в редких случаях они остаются долгое время на одном месте и, напротив, охотно кочуют по известной области. На местах вывода птенцов они поют сидя на снегу или еще охотнее на камнях.

У нашей **тростниковой овсянки** (*Emberiza schoeniclus*) голова, подбородок и горло вниз до середины зоба черного цвета, полоска у углов рта вроде усов, полоска на затылке, окружающая шею, и нижние части, за исключением серых с темными продольными черточками боков, белого цвета; верхняя часть спины и плечи цвета, переходящего от серого в черно-бурый, и красиво разрисованы ржаво-бурыми боковыми каемками. Длина птицы достигает 16 см, размах крыльев 23, длина крыла 7,5, хвоста 5,5 см.

Область распространения обнимает всю Европу и западную Азию.

В пределах своей обширной области распространения тростниковая овсянка не встречается лишь на горах. Она держится, однако, исключительно там, где болотистые места поросли высокими водяными растениями, тростником, камышом, ситником, кустами ивы и тому подобными болотными растениями, а следовательно, другими словами, у прудов, рек, берегов озер, на болотах и мокрых лугах. Здесь же она и выводит птенцов.

**Семейство
ОВСЯНКОВЫЕ**

**Тростниковая
овсянка**
(*Emberiza schoeniclus*)

Тростниковая овсянка бодрая, хорошенькая птица; она более проворна и ловка, чем ее родичи, и искусно лазает вверх и вниз по тростнику, умеет держаться сидя на самых тонких ветках и соломинах, быстро скачет по земле, быстро и легко, хотя и порывисто, летает, высоко поднимается, взлетая вверх, и вдруг бросается вниз, а часто красивыми дугами толчется над тростниками. Призывный голос тростниковой овсянки ясное «ци», растянутое несколько более обыкновенного; пение, как очень верно выражается Науман, «заикающееся... так как эта овсянка выдавливает из себя отдельные звуки». Зато она поет очень прилежно, и это рвение примиряет слушателя с ее пением.

Просьянка (*Emberiza calandra*). Длина ее достигает 19 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, хвоста 7 см. Верхние части, за исключением одноцветных перьев надхвостья и кроющих хвоста, на землисто-буроватом фоне разрисованы темными стержневыми черточками, которые образуют неясные полосы, идущие вниз от нижней половинки клюва, и на середине зоба сливаются в более крупное темное пятно, а на брюхе отсутствуют.

Начиная с южной Норвегии, просьянка встречается во всей Европе, а также в западной Азии всюду на соответствующих местах, являясь оседлой или по крайней мере кочующей птицей. Во время перелета отдельные экземпляры или стаи достигают северной Африки; в это время она нередка в Египте и обыкновенна на Канарских островах. Ее летнее местопребывание составляет обширные, плодородные равнины, засеянные хлебами; держится она охотнее всего в таких местностях, где поле чередуется с лугом и есть отдельно стоящие деревья и кусты. В больших лесах ее можно видеть так же мало, как и на горах. В южной России и западной Азии обе овсянки обыкновенны, здесь и находится, вероятно, место их происхождения.

Ради вкусного мяса за просьянкой охотятся с ружьем или ловят с помощью сетей, а также особыми ловушками.

Огородная овсянка (*Emberiza circlus*) по характеру, голу су и пению крайне похожа на обыкновенную овсянку. Длина ее достигает 15,8 см, размах крыльев 24, длина крыла 7,5, хвоста 7 см.

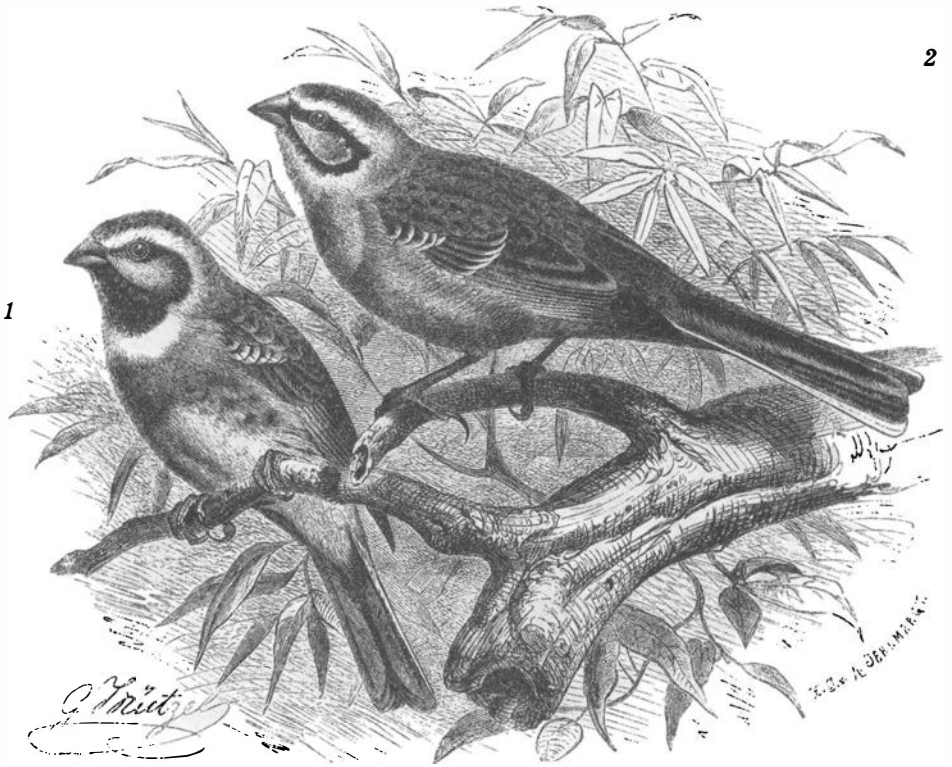
В течение всего лета эту нашу всем известную овсянку встречают парами или ее птенцов маленькими обществами. С наступлением весны старые птицы приступают к кладке. Часто уже в марте находят гнездо, которое построено из грубых, наполовину гнилых стеблей растений, стебельков травы и сухих листьев, внутри выстлано травинками и лошадиными волосами, расположено в низком кустарнике, по большей части близко от земли, между стволами или в густых ветвях, и самое позднее в конце апреля в нем появляется первая кладка. Она состоит из 4—5 яиц длиной 21 мм, толщиной 15 мм, с тонкой скорлупой, которые на мутно-белом или красноватом фоне разрисованы и исчерчены более

темными пестрыми пятнами и жилками; оба родителя насиживают их поочередно, и оба сообща посвящают себя заботам о потомстве. В благоприятные годы овсянка выводит птенцов два раза. Пока продолжается птенцовая пора, самец очень бодр, поет с самого раннего утра до позднего вечера свою простую песню, состоящую из 5—6 почти одинаковых звуков и несколько вытянутого заключительного звука октавой выше. Во время пения певец усаживается на открытом кончике ветви и очень близко подпускает людей, позволяя таким образом легко наблюдать себя.

По окончании птенцовой поры молодые и старые птицы собираются в стаи, которые скоро становятся очень многочисленными и кочуют по довольно маленькой области, соединяются также с жаворонками и вьюрками, даже с дроздами-рябинниками. Местами ее ловят особыми точками; однако в хищных животных она имеет гораздо более опасных врагов, чем в человеке.

Большей известностью, чем огородная овсянка, пользуется садовая овсянка (*Emberiza hortulana*). Длина ее достигает 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, хвоста 7 см. Голова, шея и зоб ее бледно-серо-зеленоватого цвета, узкое кольцо вокруг глаз, подбородок и горло, а также полоска, идущая вниз от нижней половинки клюва, которая ограничена снизу узкой, более темной полоской («усами») желтоватого.

Садовая овсянка также распространена по большей части Европы, но встречается всегда лишь местами, а во многих местностях ее вовсе нет или она крайне редка. Она часто встречается в южной Норвегии и Швеции, обыкновенна в южной Европе, кроме того, она выводит птенцов в Голландии, Англии, Франции, России, в Средней Азии до Алатау, в горах Малой Азии и Палестины. Зимую она перекочевывает до западной и восточной Африки, предпочитает горы и поднимается на них до высоты в 3000 м. В южной Европе садовые овсянки и просянки гораздо многочисленнее

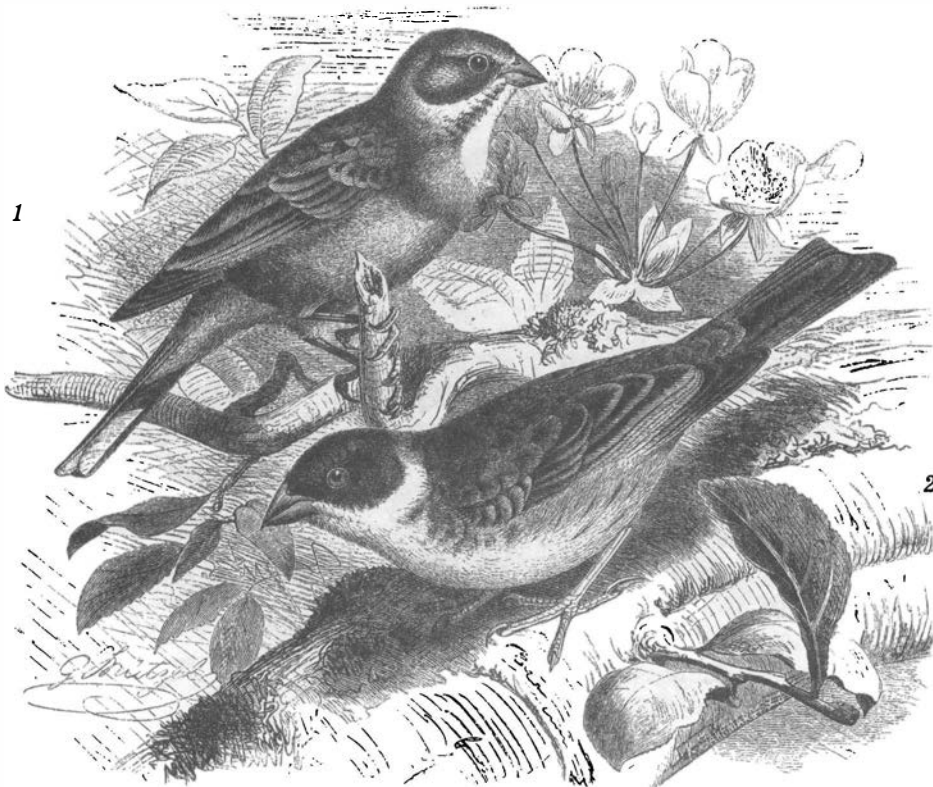
1 — Огородная овсянка (*Emberiza cirrus*)
2 — Горная овсянка (*Emberiza cia*)

и обыкновеннее и распространены до берегов Атлантического океана.

По образу жизни и поведению садовая овсянка мало отличается от других видов того же семейства. Она населяет приблизительно такие же местности, что и просянка, ведет себя очень похоже на нее, но поет несколько лучше, хотя совершенно сходным образом. Зов ее звучит как «гиф-герр», нежность выражается тихим «ги» или едва слышным «пикк», знак недовольства — громкими «герк». Гнездо устраивается также близко от земли, обыкновенно в самых густых ветвях низких деревьев; яйца числом 4—6, длиной 19 мм, толщиной 15 мм покрыты на светлой

или бело-красноватом фоне черно-голубоватыми пятнами и линиями.

Уже римляне умели ценить по достоинству вкусное, нежное мясо овсянки и откармливали их в особо устроенных для этого клетках, которые ночью освещались лампами. Тот же способ употребляется, говорят, еще и теперь в Италии, южной Франции и особенно на греческих островах. Там овсянок ловят массажи, убивают их, когда они делаются достаточ-

1 — Садовая овсянка
(*Emberiza hortulana*)
2 — Черноголовая
овсянка
(*Emberiza
melanocephala*)

но жирны, варят в горячей воде и укладывают по 200 и 400 штук с уксусом и пряностями в маленькие бочонки, которые затем и рассылаются. Гастрономы охотно платят высокие цены за приготовленных таким образом овсянок.

Один из красивейших видов этого семейства — **черноголовая овсянка** (*Emberiza melanocephala*). Длина ее достигает 18 см, размах крыльев 24, длина крыла 7,5, длина хвоста 7,6 см.

В Германии она населяет главным образом страны по Рейну, именно по среднему Рейну, а также юго-восточный Баден, встречаясь в последнем чаще на возвышенных горных долинах; на Рейне же она живет в виноградниках на правом берегу; довольно редко встречается и в Австрии. Черноголовая овсянка обыкновенна в южной Европе, именно в Испании, Италии и Греции, а

кроме того, в западной Азии. Отсюда она при перелетах пересекает большую часть Азии до Гималайских гор, в западной части которых встречается регулярно. Это горная птица, которая, судя по моим наблюдениям, произведенным в Испании, избегает равнин. Склоны, с возможно более раздробленными горными породами, составляют любимое ее местопребывание. Здесь она бродит между камнями и глыбами подобно другим овсянкам. На деревья и кусты садится редко. В остальном по поведению и движениям, полету и голосу это настоящая овсянка.

Около Рейна, где эта птица в некоторых местностях нередко гнездится, находили гнезда в щелях и углублениях изгородей виноградников. Кладка состоит из 3—4 яиц длиной 21 мм, толщиной 16 мм; на беловато-сером фоне они как бы оплетены серовато-черными, а между ними также несколькими серыми нитями, часто образующими пояс посередине яйца. Черноголовые овсянки, вероятно, тоже выводят птенцов дважды в год; в Испании, однако, мы не замечали их птенцов ранее июля. В половине августа началась уже линька. В Испании мы находили ее зимою очень большими стаями чрезвычайно часто на всех солнечных склонах Сьерра-Невады.

Не менее красивой птицей является **дубровник** (*Emberiza aureola*). Он принадлежит к северной Азии, но населяет также в большом числе северо-восточную Европу и не слишком редко залетает отсюда в западную Европу, между тем как главная масса этих птиц направляет свое зимнее путешествие в южный Китай, Кохинхину, Ассам, Бирму и западную часть Гималайских гор. Длина этой птицы достигает 18 см, размах крыльев 28, длина крыла 8,8, хвоста 4,5 см. Верхние части, поперечная полоса под желтым горлом и бока зоба темного ржаво-бурого цвета; нижние шейные перья и перья плеч с неясными стержневыми пятнами и узкими беловатыми наружными каемками; уздечка, стороны головы и подбородок черные, нижние части желтые и по бокам украшены красно-бурыми стержневыми черточками; нижние кроющие перья хвоста белые, маховые темно-бурые с чало-бурыми, задние малые маховые с широкими ржаво-бурыми каемками снаружи, красно-бурые кроющие перья больших маховых окаймлены на концах широкими грязно-белыми краями, образующими поперечную полосу; большое место на верхних и нижних кроющих перьях крыла белого цвета, наружные хвостовые перья белые, внутри у корня и на конце темные, вторые украшены на внутренней стороне белой продольной полоской, остальные окрашены так же, как большие маховые. Глаза красновато-бурые, клюв желтоватый, нижняя половинка его красноватая; ноги буроватого цвета. У самки верхние части тела ржаво-буроватые с темными стержнями перьев; перья надхвостья красно-бурые, полоска, проходящая посередине головы, брови и полоска, про-

* В ареал зонотрихии также входит большая часть Канады.

** Белошейная зонотрихия относится не к вьюркам, а к семейству овсянковых (*Emberizidae*).

ходящая по нижней части щек, а также нижние части тела желтоватые, на боках несколько темнее и здесь тоже разрисованы стержневыми черточками.

Во всей средней Сибири, и притом как на низменностях, так и на горах, до 2000 м высотой, дубровник принадлежит к самым обыкновенным видам. Не менее многочислен он в восточной Европе, именно на среднем и южном Урале, распространяясь отсюда до Двины и юго-западной части Онежского озера. Замечательно, что во время своего путешествия мы нашли его лишь на немногих местах, а именно на одном казенном алтайском заводе. Местности, богатые водой, хорошо заросшие кустами ивы, служат его любимым местопребыванием; второе место занимают березовые рощи, но в хвойных лесах он не живет никогда.

Северная Америка оживляется присутствием **белошейной зонотрихии** (*Zonotrichia albicollis*). Посреди черного темени и затылка ее тянется узкая беловатая линия; кроме нее имеется другая, широкая бурая полоса, ограниченная на уздечке желтой, а внизу, за глазами, черной полоской. Щеки и ушная область пепельного цвета; подбородок и горло белые и отграничены снизу неясной, узкой, темной полосой. Нижние части, за исключением буровато-серого зоба и ржаво-буроватых боков, белые. Глаза орехового цвета; верхняя часть клюва рогово-бурого, нижняя светло-синего, ноги телесного цвета. Окраска самок более тусклая. Длина тела птицы достигает 17 см, размах крыльев 23, длина крыльев 8, хвоста 8 см.

Птица эта распространяется по всем восточным штатам Северной Америки, но на севере является лишь перелетной птицей, на юге же живет только зимой*. «Этот прелестный вьюрок**», — говорит Одюбон, — в Луизиане и во всех остальных южных штатах бывает только гостем, так как остается здесь лишь на короткое время. Он появляется в начале сентября и снова исчезает в марте. В средних штатах он остается несколько долее. Гнездо всегда находится на земле, в весьма разнообразных местах: то под небольшим кустом, то в болотистой чаще, то у подножия старого дерева, иногда также в углублении среди корней; оно очень больших размеров, глубоко и обширно внутри и свивается из мха и грубых трав, внутри выложено более нежными стебельками, волосами, а также несколькими перьями и растительными волокнами. Оно содержит 4—7 яиц 22 мм длиной и 15 мм толщиной. В июне, во время размножения, самец необыкновенно оживлен и весьма прилежно напевает единственную строфу своей песенки, состоящую из 12 различных звуков, которые народ часто передает различными веселыми сочетаниями слов; песня поется без всяких вариаций, так что в конце концов производит впечатление монотонности».

Кое-где белошейную зонотрихию убивают и ловят ради вкусного мяса или чтобы посадить в клетку. В неволе она доставляет

пением тем большее удовольствие, что в весеннее время, по своей привычке, обыкновенно поет также и ночью.

Эуфония — это небольшие, толстоголовые птицы с толстым клювом, который около кончика верхней челюсти имеет мелкие зубрины и, кроме того, отличается тем, что у основания широк и в то же время высок. Спереди более сжат с боков, и, наконец, края его не вывернуты наружу, а подогнуты внутрь. Крылья короткие, узкоперые и мало выдаются над основанием хвоста. Хвост очень мал, и притом в одинаковой степени короток и узок. Каждое перо в отдельности закруглено. Окраска оперения у обоих полов различная. У самца на спине преобладает синеватый цвет или зеленый, у самки постоянно оливково-зеленый цвет; на брюшной стороне окраска желтого или бледно-желтого цвета и обыкновенно ярче окраски верхней части тела.

По словам Бурмейстера, эуфонии живут уединенно в густых лесах и питаются мелкими многосемянными ягодами; у них приятный, чрезвычайно благозвучный голос «с настоящими октавными переходами», который можно слышать очень часто; гнездятся они в густом кустарнике и кладут чрезвычайно длинные, бледно-красноватые яйца, покрытые на тупом конце красно-бурыми пятнами.

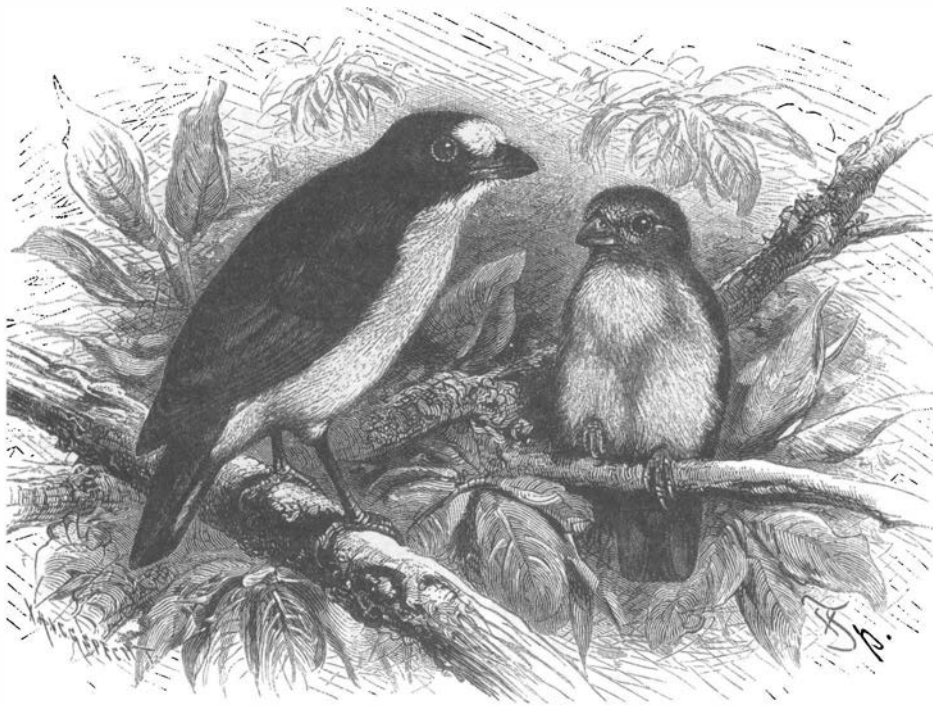
Достаточно, если я опишу один только вид, а именно **фиолетовую эуфонию** (*Euphonia violacea*), часто встречающуюся в Бразилии и Гвиане. Длина их тела равна 10 см, размах крыльев 18, длина крыла 6, хвоста 4 см. У самца лоб и вся нижняя часть тела желтого яичного цвета, верхняя часть, начиная со лба, фиолетового стального цвета, который на кроющих перьях крыльев и на краях маховых перьев, окаймленных с внутренней стороны белой полоской, принимает зеленоватый металлический оттенок; хвостовые перья сверху стального сине-зеленого цвета, снизу черные; внутренние бородки обоих крайних перьев, так же как и стволы последних, белые. Самка тусклого оливково-зеленого, снизу желто-серого цвета; маховые и хвостовые перья серо-бурые. Птенцы походят на мать. Переходное

Белошейная
зонотрихия
(*Zonotrichia albicollis*)

оперение самцов сверху стального синего цвета, а снизу покрыто желтыми пятнами.

Относительно их образа жизни сведения весьма незначительны, несмотря на то, что этих птиц часто содержат в клетках. Фиолетовые зуфонии чрезвычайно милостивые, живые, подвижные существа, которые ловко прыгают на верхушках деревьев, быстро летают и часто подают свой короткий, благозвучный, призывный голос. Пища их состоит из различных плодов; особенно много истребляют они померанцев, бананов, и, насколько я мог узнать из наблюдений над пленными зуфониями, каждая из этих птиц съедает по крайней мере вдвое, если не втрое больше собственного веса, и так как эти крошечные обжоры иногда появляются в таком количестве, что буквально покрывают некоторые

Фиолетовая зуфония
(*Euphonia violacea*)

фруктовые деревья, то в состоянии причинить плантациям существенный вред. Поэтому, как ни радуют они взор натуралиста своею подвижностью и ловкостью, их нигде не любят и по возможности даже преследуют. От тангар отличаются не только своей подвижностью, но также своим красивым пением, которое главным образом заключается в целом ряде отрывистых и других связывающих их мурлыкающих и трескучих звуков. Поют они довольно тихо, но добросовестно, и очень приятно действуют на слух.

Гнезда зуфоний, относительно размножения которых можно было бы привести некоторые исследования, сравнительно с величиной самих птиц очень обширны, имеют форму чашки и свиты из сухой травы, тонких веток и клочков хлопка, внутри же выложены тонкими соломинками. Кладка состоит из 3—5 яиц с весьма тонкой скорлупой красивого красновато-желтого цвета, усеянной пятнами чрезвычайно нежного красно-бурого цвета, большей частью сгруппированными наподобие венка.

Эти птицы у нас редко содержатся в клетках; за ними необходим тщательный уход, и они долго не выживают уже потому, что у нас не имеется любимых ими плодов.

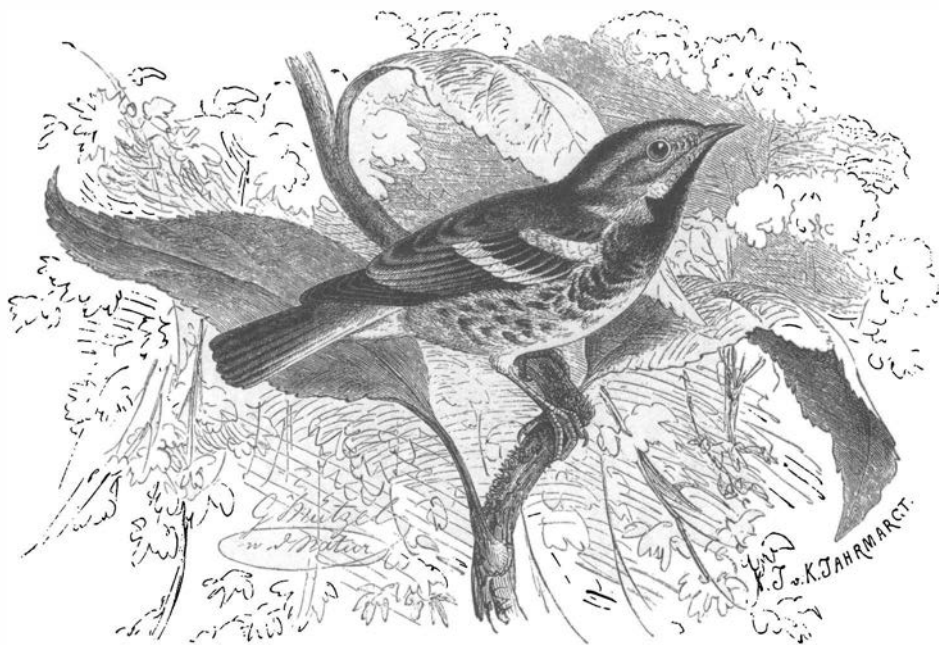
СЕМЕЙСТВО ДРЕВЕСНИЦЕВЫЕ (Parulidae)

Семейство
древесницевые

Зеленый лесной певун (*Dendroica virens*). Верхняя часть тела, черта поперек глаз и ушная область оливково-желто-зеленого цвета, который на лбу принимает более желтый оттенок; широкие полосы на уздечке, около глаз и на подбородке книзу от угла рта, а также обе стороны шеи ярко-желтого цвета; подбородок, горло и зоб образуют широкий черный щит; остальные нижние части тела белые, с легким желтоватым оттенком, бока украшены широкими черными продольными полосами, брюшко и задняя часть желтые. Глаза темно-карие, клюв черный, ноги рогового бурого цвета. У самок и молодых самцов перья на подбородке и горле окаймлены белой полоской, вследствие чего черная окраска более или менее ступшевывается. Длина их тела равна 13 см, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Эти красивые птички населяют большую часть восточных Соединенных Штатов, а зимой переселяются к югу до средней Америки и Вест-Индии. Их местожительство соответствует приблизительно местожительству наших славок или пеночек. Они, как и некоторые виды первых и большая часть видов послед-

них, возвращаясь из своего зимнего местопребывания, преимущественно оседают на вершинах более высоких деревьев и населяют как пустынные леса, так и сады или плантации в непосредственной близости от жилых построек. В свои места гнездования они прибывают поздно, едва ли раньше половины мая, но зато довольно долго остаются в стране и с наступлением осени, по крайней мере на севере обитаемых ими местностей, предпринимают более или менее далекие странствования. Своим нравом и поведением они походят на наших славок. Непокойные и подвижные, они искусно прыгают и снуют среди ветвей; подобно синицам, они лазают и выделывают разные гимнастические упражнения, подобно славкам преследуют пролетающих мимо насекомых. При всем этом они еще находят время превосходно про-

Зеленый лесной
певун
(*Dendroica virens*)

петь свою коротенькую песенку. Американские натуралисты называют на них как на хороших певцов и упоминают, что их можно слышать во всякое время дня в продолжение всего лета. Пища их состоит из всякого рода насекомых и их личинок, а осенью также из различных ягод.

Банановый певун (*Coereba flaveola*) отличается коротким, острым, слегка согнутым клювом. Самец сверху черный, горло черновато-серое, а нижняя часть и надхвостье желтые; полоса над глазами, передние края больших маховых перьев, конец хвоста и самые крайние хвостовые перья белые. Глаза серовато-карие, клюв черный, ноги бурые. Самка сверху черновато-оливкового цвета, снизу буровато-желтого, в остальном окрашена, как самец. Длина тела

около 10 см, длина крыла 5,6, а хвоста 2,5 см.

Банановый певун живет на острове Ямайка. Согласно сообщениям Гноссе, которому мы обязаны лучшим описанием жизни этой птицы, она встречается здесь нередко в обществе колибри и посещает те же цветы и с той же целью, что и колибри. Но певун не парит перед цветами, а садится на деревья. Прыгая с ветки на ветку, он старательно исследует внутренность цветка, причем для удобства поворачи-

Банановый певун
(*Coereba flaveola*)

вает тело так, чтобы иметь возможность своим загнутым клювом и языком отыскать небольших насекомых, прячущихся в цветке. Эта доверчивая птичка — частый гость на цветущих кустах плантаций и садов Ямайки.

Гнездо свое помещает обыкновенно на низких кустах вблизи осинных гнезд, которые висят на ветвях. Говорят, и другие родственные птицы имеют склонность к этому соседству. Они, без сомнения, считают себя более защищенными вблизи этих насекомых, которых все боятся. Время насиживания яиц падает на май, июнь, июль. Четвертого мая я видел бананового певуна, несущего

шелковистую шерсть для гнезда, которое было еще не достроено. Основание его указывало, что оно будет покрыто сводом; оно состояло только из мягкой шерсти. Позже я видел и несколько оконченных гнезд. Они имели форму шара; входное отверстие было сбоку и снизу. Очень толстые стенки состояли из сена, смешанного с шелковистым хлопком асклеиадеи. В другом гнезде я нашел два яичка, раскрашенных по зеленовато-белому фону частыми красными пятнами.

СЕМЕЙСТВО ВЬЮРКОВЫЕ (Fringillidae)

«Однажды в августе, — рассказывает Одюбон, — когда я с трудом плелся вдоль берега реки Могаук, меня застигла ночь. Я был мало знаком с этой частью страны и решил поэтому переночевать там, где находился. Вечер был прекрасный и теплый, звезды отражались в реке; издали доносилось журчание водопада. Я быстро развел под скалой маленький костер и улегся, вытянувшись, около него. Наслаждаясь отдыхом, с закрытыми глазами, я дал волю своим мыслям и скоро перенесся в мир грез. Вдруг в душу мою проникла вечерняя песнь птицы, такая полнозвучная, громкая благодаря ночной тишине, что сон, уже спускавшийся на мои веки, снова слетел с них. Никогда благозвучие тонов не доставляло мне столько удовольствия. Эти звуки заставляли трепетать мое сердце и доставляли мне высокое наслаждение. Я готов был думать, что даже сова заслушивалась их: она молчала эту ночь. Долго еще после того, как прозвучали эти тоны, я восхищался ими и в этом состоянии заснул».

Птица, о которой с таким воодушевлением говорит поэт-естествоиспытатель, — **красногрудый кардинал** (*Pheucticus ludovicianus*). Длина его достигает 18 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, длина хвоста 7 см. Верхняя сторона тела, крылья, хвост, подбородок и верхняя часть горла черные; остальная нижняя часть, за исключением широкого ярко-красного щитка на зобе, который вытягивается углом до середины груди, белая; брюхо и бока бедер разрисованы отдельными черными черточками; большие маховые перья на половине, ближайшей к основанию, на обеих пластинках опахала, малые маховые перья, их кроющие перья и самые большие верхние кроющие перья крыла — на конце белого цвета; плечи и нижние кроющие перья крыла ярко-красные; наружные хвостовые перья на внутренней половине, ближайшей к концу, белые. Глаза орехово-бурые, клюв бледно-желтый, ноги серовато-бурые.

Область распространения красногрудого кардинала обнимает восточную часть Соединенных Штатов на северо-запад до Саскачевана, на запад до Небраски, а область перелетов также среднюю Америку до Новой Гренады*. В пределах указанных стран

Семейство ВЬЮРКОВЫЕ

* Красногрудый кардинал распространен также на востоке и в центральных провинциях Канады.

птица эта встречается, однако, нерегулярно и всегда лишь поодиночке. Она обыкновенна в южной Индиане, в северном Иллинойсе и в западной части штата Айова; в Массачусетсе их численность, по-видимому, постепенно увеличивается.

«Я часто наблюдал, — продолжает Одюбон, — эту великолепную птицу в нижних частях Луизианы, Кентукки и около Цинцинати в марте, когда она направлялась к востоку. Полет этого кардинала сильный, прямой, но грациозный. Во время перелета он летит высоко над лесами и издает время от времени звучный тон, между тем как, опустившись, обыкновенно молчит. Опускается он к закату солнца и выбирает всегда самую высокую верхушку дерева, на которой сидит приподняв тело и оставаясь неподвижным все время, пока остается здесь. Спустя несколько минут он обыкновенно спускается в чащу, где и проводит ночь». Пища этих птиц состоит из семян, трав и ягод, весною также из почек и нежных цветов. Между прочим они охотятся и за насекомыми, нередко на лету.

Гнездо красногрудого кардинала Одюбон находил с конца мая до июля в самых верхних развилинах ветвей низких кустов или более высоких деревьев; охотнее всего он строит гнездо на тех деревьях, которые стоят над водою.

Оно состоит из сухих веток с вплетенными между ними листьями и кусками коры дикого винограда и выложено изнутри нежными корешками и лошадиными волосами. Кладка состоит из 4—5 яиц приблизительно 26 мм длиной и 18 мм толщиной с голубовато-зеленым фоном и красновато-бурыми и серо-голубыми пятнами, распределенными по всему яйцу и образующими венчик около тупого конца. На яйцах сидят и самец, и самка, высидивание птен-

1 — Красногрудый
кардинал
(*Pheucticus
ludovicianus*)
2 — Красный
кардинал
(*Cardinalis cardinalis*)

Оно состоит из сухих веток с вплетенными между ними листьями и кусками коры дикого винограда и выложено изнутри нежными корешками и лошадиными волосами. Кладка состоит из 4—5 яиц приблизительно 26 мм длиной и 18 мм толщиной с голубовато-зеленым фоном и красновато-бурыми и серо-голубыми пятнами, распределенными по всему яйцу и образующими венчик около тупого конца. На яйцах сидят и самец, и самка, высидивание птен-

цов бывает, по-видимому, только раз в год. Птенцов выкармливают сначала насекомыми, позднее различными семенами, разбухшими в зобу. Только на третий год они одеваются в оперение взрослых.

У американцев красногрудый кардинал считается одним из лучших и неутомимейших певцов. Песня его богата мотивами и крайне благозвучна, отдельные тоны полнозвучны и чисты. В хорошую погоду он поет ночью, «издавая, — как говорит Нуттал, — все различные тоны соловья, то щебеча громко, ясно и полнозвучно, то жалобно и затем снова живо, то наконец нежно, мягко и отчетливо». Упомянутый автор полагает, что красногрудого кардинала не превосходит никакая другая американская певчая птица, за исключением одного только пересмешника, но, конечно, заходит в этом случае слишком далеко. Характер песни жалобный, как бы выражающий печаль, и такая песня может в конце концов навеять отчаяние.

Хорошо известный **красный кардинал** (*Cardinalis cardinalis*) достигает 20 см в длину; размах крыльев 26, длина крыла 7, хвоста 8 см. Преобладающий цвет оперения ярко-алый; верхняя часть спины, плечи и надхвостье более тусклые. Глаза красно-бурые, клюв красный, нижняя половинка клюва при основании черная, ноги бурые. У самки передняя часть головы и верхняя сторона рыжевато-бурые, нижние части желто-бурые.

Область распространения этой птицы обнимает южные Соединенные Штаты, Мексику и Калифорнию*.

В теплые зимы красный кардинал остается из года в год на одном и том же месте, при более суровой погоде он перекочевывает. Благодаря своему великолепному оперению он уже издали бросается в глаза и поистине составляет украшение леса. «Его можно видеть, — говорит Одюбон, — на наших полях, в аллеях и садах, а довольно часто и внутри наших южных городов и деревень; редко случается даже прийти в сад и не заметить хотя бы одной из этих красных птиц. Но где бы он ни был, его всюду встречают с удовольствием, он любимец каждого: так блестяще его оперение, так звучно его пение». В течение лета он живет парами, осенью и зимою — маленькими стайками. В сильную стужу он, если остается в стране, нередко является во двор крестьянина и подбирает семена перед амбарами вместе с воробьями, голубями, подорожниками**, лапландскими подорожниками и другими птицами, проникает в открытые хлева и на чердаки или ищет пищу на изгородях садов и полей. Своим толстым клювом он умеет искусно размельчать твердые зерна маиса, шелушить овес и раздроблять пшеницу; в соседнем стоге сена или на дереве с густыми ветвями он находит удобный ночлег, и таким образом он довольно легко выдерживает зиму. Беспокойный и непостоянный, он лишь минутку держится на месте, которое ему нравится, вообще же прыгает и летает туда и сюда, причем движется довольно ловко по земле и очень проворно в ветвях. Полет его силь-

* Гнездовой ареал захватывает также все восточные штаты США.

** Имеются в виду различные виды овсянок.

ный, быстрый, порывистый и очень шумный; но он неохотно делает большие перелеты. Полет сопровождается, как и все остальные движения, поочередным расширением и складыванием крыльев, подергиванием и помахиванием хвостом. Во время перекочек он отчасти странствует по земле, скачет и шмыгает от куста к кусту и перелетает от леса к лесу.

В период спаривания самцы яростно бросаются на каждого пришельца, который появится в их владениях, с резким криком гонятся за ним с куста на куст, горячо дерутся с ним в воздухе и успокаиваются только тогда, когда соперник оставит их владения. Самка и самец сильно привязаны друг к другу. «Когда я, — говорит Одюбон, — однажды вечером в феврале поймал в ловушку самца из одной пары, то на следующее утро самка оказалась сидящей около самого пленника, а позднее и сама попала в ловушку».

Различные зерна, семена хлебных растений и трав, ягоды и, конечно, также насекомые составляют пищу красного кардинала. Весною он ест цветы сахарного клена, летом бузинные ягоды, между прочим охотится за жуками, бабочками, кузнечиками, гусеницами и т.п. По Вильсону, маис составляет его главную пищу, кроме того, он очень любит вишни, яблоки и ягоды из-за их зернышек.

Американские исследователи довольно единогласно прославляют пение красного кардинала, мы же не находим, чтобы оно могло сильно нравиться. «Тоны кардинала, — говорит Вильсон, — совершенно похожи на тоны соловья. Его часто называют «виргинским соловьем», и он заслуживает свое название по чистоте и разнообразию тонов, которые так же разнообразны, как и полнозвучны». В том же смысле высказывается и Одюбон: «Пение сначала громко и чисто и напоминает прекраснейшие флажолетные тоны; но затем постепенно становится все тише и тише, пока не замрет совершенно. В пору любви пение этого великолепного певца выполняется очень громко. Он сознает свою силу, выпячивает грудь, расширяет свой розовый хвост, ударяет крыльями и поворачивается поочередно направо и налево, как будто бы чувствуя потребность выразить свой собственный восторг над чудными звуками своего голоса. Снова и снова повторяются эти мотивы; птица замолкает лишь для того, чтобы перевести дух. Ее слышишь задолго до того, когда солнце позолотит восток, и до того времени, когда пламенное светило шлет вниз почти отвесные лучи, побуждая всех птиц к временному покою. Но как только природа несколько оживится, певец снова начинает свое пение и будит эхо во всех окрестностях, как будто он никогда не напрягал своей груди, и предается отдыху лишь тогда, когда вечерняя тень распространится вокруг него. Ежедневно кардинал развлекает своим пением сидящую на яйцах самку, а время от времени и она вто-

рит ему со скромностью, свойственной ее полу. Немногие из нас откажутся воздать дань удивления этому привлекательно-му певцу. Как радостно бывает услышать вдруг хорошо знакомые звуки этой любимой птицы в то время, когда при облачном небе темнота покрывает лес, как будто ночь уже наступила! Как часто наслаждался я этим удовольствием и как часто хотелось бы еще раз насладиться им!»

Я охотно готов признать, что пение взрослого, хорошего кардинала принадлежит к числу лучших, какие можно слышать от зерноядной птицы, и отличается настолько же чистотой и полнотой тонов, как и разнообразием строф, но не могу умолчать, что та же самая птица может стать в высшей степени неприятной тем, что постоянно примешивает к своему пению резкий призывный звук «цитт», который до некоторой степени напоминает зов дрозда. Как певец, на свободе в лесу «виргинский соловей» может заслуживать всякие похвалы, но в качестве комнатной птицы он все же занимает лишь второстепенное место, хотя и размножается в клетке не очень редко.

Обыкновенный дубонос (*Coccothraustes coccothraustes*). Отличительными признаками его служат очень сильное, плотное телосложение, необыкновенно большой, толстый кубаревидный клюв, края которого слегка согнуты, остры, внутрь не вдавлены и снабжены небольшой вырезкой перед кончиком своей верхней части; ноздри маленькие, кругловатые, расположены у основания клюва и покрыты щетинками, перышками и волосками. Ноги короткие, но сильные и крепкие, вооружены острыми когтями средней величины; крылья сравнительно широкие. Хвост очень короткий, с ясным вырезом посередине; оперение густое и мягкое. Длина достигает 18 см, размах крыльев 31, длина крыла 10, а хвоста 6 см.

Родиной дубоноса следует считать умеренные страны Европы и Азии. Северная граница области его распространения проходит по Швеции, а также по западным и южным губерниям Европейской России*. В Германии он попадает часто также зимою, однако, вероятно, только в качестве гостя, прилетевшего из северной Европы, тогда как птицы, выводящие птенцов в Германии, всегда на зиму улетают. В южной Европе он появляется лишь во время перелета. Так, он пролетает через Испанию и достигает северо-западной Африки. В Сибири он встречается летом от истоков Амура до европейской границы**. Для своего летнего местопребывания он выбирает холмистые местности с лиственным лесом и высокими деревьями, на которых он проводит весь день, а также и ночь, если только не отправляется грабить какой-нибудь соседний вишневый сад или не роется в земле близлежащего поля. В южной России, по словам Радде, он принадлежит к числу тех птиц, которые со временем осваиваются с такими степными местностями, где мало-помалу высаживаются деревья и ку-

* В наши дни ареал дубоноса расширился к северу, и сейчас северная граница области его гнездования в России проходит через юг Карелии, Архангельской области, север Вологодской, Кировской и Пермской областей. Известно нерегулярное гнездование этого вида в г. Сыктывкаре (Республика Коми).

** На самом деле за Уралом дубонос распространен от границы Европы вплоть до Сахалина, заселяет также Камчатку.

старники. По окончании птенцовой поры он скитается по стране со своими птенцами, причем забирается во фруктовые сады.

Дубонос несколько неуклюжая и ленивая птица, что можно предположить, судя по его телосложению. Он имеет обыкновение долго сидеть на одном и том же месте, мало шевелится и только после некоторого раздумья решается спорхнуть с ветки, очень неохотно летит на далекое расстояние и настойчиво возвращается к тому же месту, с которого его согнали. В ветвях деревьев он движется довольно проворно, по земле, наоборот, неловко из-за тяжелого туловища и коротких ног. Летает он так же тяжеломерно и шумно, часто махая крыльями, описывает во время полета небольшие дугообразные линии и парит только перед тем, как сесть, тем не менее на лету он движется быстро. Умственные способности его не соответствуют этим его качествам. Это очень осторожная и хитрая птица, которая скоро научается различать своих врагов и с осмотрительностью заботится о своей безопасности. «При приближении человека, — говорит мой отец, — он неохотно улетает с места, но во время еды настолько находится настороже, что немедленно замечает всякую опасность и старается избежать ее, прячась в густой листве или обращаясь в бегство, если спрятаться негде. Он отлично понимает, когда укроется достаточно хорошо, так как в этом случае очень долго остается на одном месте, что случается очень редко с ним, если он сидит открыто. Если деревья покрыты листвой, то можно долго слушать, как он щелкает клювом, прежде чем удастся заметить его. Он прячется так хорошо, что иногда я заставлял его перелетать на другие деревья, бросая в него камнями, так как никоим образом не мог его высмотреть. Если его вспугнуть, он почти всегда садится на вершины деревьев, чтобы иметь возможность издали заметить грозящую ему опасность. Кроме хитрости он отличается также большой смелостью. В юности моей я как-то в продолжение целых восьми дней следил за одним дубоносом, который в садах моего отца поедал семена капусты перед самыми окнами нашего дома, прежде чем мне удалось убить его: до того пуглива и умна была эта птица. Ружье он знал, по-видимому, очень хорошо».

Охотнее всего дубонос ест окруженные твердою скорлупой семена деревьев различных пород. «Косточки вишен и орешки красного и белого бука, — рассказывает мой отец, — он предпочитает, по-видимому, всем другим. Откусив вишню, он освобождает косточку от ее мякоти, которую отбрасывает, разгрызает ее, бросает деревянистую оболочку и проглатывает само ядрышко. Все это происходит в продолжение полуминуты или, самое большее, одной минуты, и притом с такою силой, что можно слышать за 30 шагов, как дубонос щелкает косточки. Он поступает с семенами бука подобным же образом. Кроме того, он охотно ест также хлебные и другие зерна, вследствие чего летом часто посещает поля и огороды, где причиняет большой вред посевам. Трудно поверить,

сколько гряд капусты, гороха и бобов может испортить одна такая птица». Зимой он прилежно посещает рябиновые деревья, где также ест только семена, а не всю ягоду. Кроме того, он ест древесные почки, а летом очень часто и насекомых, главным образом жуков и их гусениц. «Нередко случается, — сообщает Науман, — что он ловит майских жуков на лету и затем, сидя на верхушке дерева, съедает их по кусочкам, оторвав предварительно крылья и ноги. Я видел, как он улетал на свежеспаханное поле, шагов на сто от кустарника, подбирал там насекомых и приносил их своим птенцам».

Каждая парочка выбирает себе для гнездования обширное место, в котором не допускается присутствия других парочек того же вида. Самец вследствие этого постоянно находится настороже, сидя на верхушке дерева, и переменяет место, перелетая с одного высокого дерева на другое; при этом он чирикает, поет и выказывает необыкновенное беспокойство. Гнездо снабжено не особенно толстыми стенками, но тем не менее построено очень хорошо и довольно объемисто, вследствие чего его можно легко узнать; оно расположено на высоких или низких, слабых или тонких ветвях, но обыкновенно бывает хорошо спрятано. Первый слой подстилки его состоит из сухих хворостинок, крепких травяных стебельков, корешков и т.п., второй — из крупного или мелкого древесного мха и лишайника, а внутренность гнезда выложена корневыми волокнами, свиной щетиной, конским волосом, овечьей шерстью и тому подобными веществами. Яйца, числом от 3 до 5, достигают 24 мм в длину, 17 мм в толщину, довольно круглы и покрыты по грязному или зеленоватому и желтоватому пепельно-серому фону рисунком, состоящим из ясных и неясных пятен, черточек и жилок. Самка сидит на яйцах весь день, за исключением полуденных часов, во время которых ее сменяет самец. Оба родителя кормят своих птенцов, очень любят их, ухаживают за ними, стерегут и подкармливают их еще долгое время после того, как те уже вылетели из гнезда, так как проходят недели, прежде чем они сами бывают в состоянии разгрызть твердые вишневые косточки.

В плену дубонос скоро свыкается с окружающей его обстановкой, довольствуется всякой пищей, легко ручнеет, но всегда бывает опасен, так как, будучи озлоблен, сильно кусает все, что попадает ему под клюв. Отец мой видел ручного дубоноса, жившего у одного иенского студента; пользуясь вышеупомянутой привычкой его, друзья нашего любителя птиц часто напаявали его пьяным. Это удавалось им очень легко. Веселые собеседники наполняли пивом ствол пера, обрезанный снизу, и подносили его дубоносу. Как только тот схватывал открытый конец ствола, они поднимали его кверху, так что пиво лилось дубоносу в глотку. Достаточно было несколько раз повторить этот прием, и толстоголовый малый был до того пьян, что, прыгая по комнате, шатался.

У зяблика (*Fringilla coelebs*) лоб совершенно черный, темя и шея синего шиферного цвета, нижние шейные перья красновато-бурые; зашеек и надхвостье светло-зеленого цвета, уздечка и кольца около глаз, щеки, горло и зоб светлого ржаво-бурого цвета, который на зобу и обеих сторонах груди принимает мясо-красный, на середине груди красновато-белый, на животе и на нижних кроющих перьях хвоста белый оттенок; средние хвостовые перья темного шиферного серого цвета с желтыми каймами; остальные черные. Глаза светло-карие, клюв весной синего, осенью и зимой красновато-белого цвета, ноги грязного тельного цвета. У самки окраска головы и затылка зеленовато-серая; брови, уздечка, подбородок и горло буровато-белые; остальные верхние части оливкового серо-бурого, нижние части светло-серого цвета. Длина тела птицы достигает 16,5 см, размах крыльев 27,8, длина крыла 8,8, а хвоста 7,5 см.

За исключением самых северных стран, зяблик во всей Европе представляет собой обычное явление, на юге, впрочем, в летнее время встречается только в горах. Кроме того, он населяет некоторые части Азии и зимой отдельными экземплярами появляется в северной Африке.

Он населяет как хвойные, так и лиственные леса, как обширные лесные пространства, так и кустарник селится в рощах и сеянных лесах или в садах и избегает только болотистых или сырых местностей. Парочки живут близко одна около другой, но каждая из них ревниво охраняет избранный район и изгоняет оттуда всякого постороннего пришельца своего вида. Лишь по окончании птенцовой поры отдельные парочки собираются в многочисленные стайки, соединяются с некоторыми другими видами вьюрков и овсянок, постепенно разрастаются в огромные стаи и затем сообща странствуют по краю. В начале сентября птицы, готовящиеся к перелету, собираются в очень большие стаи; в октябре такие стаи уже образовались, а к концу месяца постепенно исчезают из наших стран, за исключением немногих самцов, остающихся зимовать на родине. Зимой они живут в южной Европе и северо-западной Африке, населяют горы и долины, поля и сады, кустарники и плетни, заметны повсюду, везде многочисленны, но зато и встречаются везде обществами — признак того, что они живут здесь не на родине, но являются лишь зимними гостями. Когда на юге наступает весна, они снова возвращаются на родину. В это время еще долго в южных странах слышится звонкое пение самцов, но вскоре там, где прежде они встречались сотнями тысяч, наступает тишина, становится пустынно, и уже к марту зимние гости исчезают. Зяблики совершают свои странствования разрозненными стаями, сперва отдельно летят самцы, самки же возвращаются на полмесяца позже. Редко случается, чтобы оба пола постоянно жили вместе и, следовательно, вместе совершали путешествия*.

* На самом деле не наблюдается такого резкого разделения полов на зимовках и миграциях, как описывает Брем.

Зяблик — бодрая, живая, ловкая, проворная и умная, но также вспыльчивая и задорная птица. Он находится в движении почти в продолжение всего дня и бывает несколько спокойнее лишь во время сильнейшего полуденного жара. Пение состоит из одного или двух правильных, отдельных, очень разнообразных колен, повторяющихся друг за другом очень часто с большою настойчивостью; любители в точности различают эти колена и дают им особые названия. Основательное знакомство с этим пением превратилось в целую науку, которая, впрочем, требует своих собственных жрецов и навсегда останется темною для человека, не посвященного в ее тайны. Есть известные местности в горах, где вышеозначенному дилетантству предаются с большим рвением, нежели всякому другому. Особенной известностью пользуются любители зябликов в Тюрингене, Гарце и в верхней Австрии за свое удивительное знакомство с вышеупомянутыми песнями. В то время как непривычное ухо находит в них только незначительное различие, эти люди с несомненной уверенностью различают до 20 и больше разнообразных колен, названия которых вызывают улыбку у несведущих, но тем не менее очень удачно выбраны и отчасти представляют собою картинное изображение самих колен. В прежнее время хорошо поющие зяблики ценились чрезвычайно высоко, и за них платили почти баснословные цены; в наше время страсть эта почти прекратилась.

Зяблик причиняет малозначительный вред, разве только в парках и огородах, съедая здесь со свежепосеянных грядок лежащие на поверхности семена. Хотя, кроме того, его обвиняют и в том, что он приносит ощутительный вред лесам, поедая выпавшие семена буковых и хвойных деревьев, но никто, вероятно, сам не верит в справедливость этого обвинения. Он ест семена различных растений, главным образом сорных трав, своих птенцов кормит, а во время гнездования и сам питается исключительно насекомыми, главным образом такими, которые вредят нашим полезным деревьям. Таким образом, приписываемый ему вред в худшем случае уравнивается приносимой им пользой.

Ближайший родственник нашего зяблика, попадающийся в Германии, — это **настоящий вьюрок** (*Fringilla montifringilla*). Длина его достигает 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 9, а хвоста 6,6 см.

Область распространения настоящих вьюрков простирается по крайнему северу Старого Света, начиная с 59 градуса широты по направлению к полюсу, пока встречаются деревья*. Отсюда он зимой пролетает всю Европу до Испании и Греции и Азию до Гималайских гор и во время этих путешествий чрезвычайно часто залетает к нам. Он уже в августе собирается в стаи, в последующие месяцы пребывает в южных местностях своей родины и

* Вьюрок часто проникает в тундровую зону севернее границы распространения древесных пород. В таких случаях он обычно гнездится на ветвях высоких, 2—3 метра, кустов по долинам рек.

затем постепенно продвигается на юг. У нас он появляется в конце сентября, в Испании — спустя несколько дней, хотя не в таком количестве и не с такой регулярностью, как у нас. Направление их путешествия определяется сплошными лесами и хребтами гор. В Германии настоящий вьюрок в лесах и полях встречается постоянно среди обыкновенных зябликов, коноплянок, овсянок, полевых воробьев и зеленушек. Группа деревьев или отдельное высокое дерево в поле служит местом сборища, близлежащий лес — ночным убежищем этих стай. Отсюда они улетают в поля отыскивать пищу. Глубокие снежные заносы, покрывающие их кормовые места, принуждают их перебираться из одной местности в другую. Их перелет обуславливается различными случайностями.

Настоящий вьюрок имеет много сходства с обыкновенным зябликом. Он задорная, вспыльчивая, сварливая и завистливая птица, хотя в общем, по-видимому, чрезвычайно общительная. Стаи этих птиц живут мирно и не ссорятся, отдельные же экземпляры все время проводят в драках. Своими движениями настоящий вьюрок очень напоминает обыкновенного зяблика, в пении же ему сильно уступает.

Маслянистые семена различных растений, а летом, кроме того, и насекомые служат пищей этому виду вьюрков.

На вьюрков у нас охотятся главным образом ради их вкусного, хотя немного и горького мяса, на вьюрковых точках их часто ловят в огромном количестве. При их неопытности они становятся легкой добычей различных других ловушек. Греснер описывает своеобразный способ охоты жителей города Бергцаберна. В известное время они ревностно охотятся на вьюрков; это случается именно тогда, когда в прекрасных буковых лесах, окружающих городок, бывает урожай на буковые орешки, которые привлекают туда северных гостей целыми стаями. «Подобный случай, — пишет Греснер, — в среднем бывает раз в двадцать лет и уже с незапамятных времен становится для жителей этого городка настоящим событием. Когда с наступлением зимней непогоды предвидится нашествие этих птиц, то ревностные и опытные разведчики исхаживают эти леса вдоль и поперек. Если они возвращаются в город с радостными криками: «Они здесь!», то каждый знает, что прибыли предвестники наших зябликов. Весь город приходит в волнение, ни о чем больше не говорят, как об этой дичи, и каждый, кому позволяют обстоятельства, снаряжается на охоту. Последняя для всех участвующих в ней совершенно безопасна, так как оружием служит сарбакан около 3 м в длину, из которого бросают или, вернее, выдувают глиняные шарики, предварительно основательно округленные и отшлифованные.

Опытный охотник, разумеется, сочтет подобную охоту скорее за детскую забаву, нежели за занятие, достойное серьезных,

положительных людей; тем не менее в ней участвуют не только различные чиновники, купцы, мещане, ремесленники и поденщики, но даже опытные охотники. Она чрезвычайно интересна и сильно возбуждает и вместе с тем богата самыми комическими приключениями. Так как участвовать в этой охоте может каждый, то среди участвующих встречаются также мальчишки от 15 до 16 лет. С наступлением сумерек все охотники группами отправляются в путь. Почти из всех домов длинной улицы, ведущей к лесу, к ним присоединяются их сотоварищи; достигнув окраины города, все общество представляет собой длинную цепь, в которой масса захваченных фонарей напоминает собой блуждающие огоньки. Если бы человеку, не посвященному в тайны подобной охотничьей процессии, случилось ее встретить, он был бы способен принять это фантастическое, подозрительное общество за кого угодно, но только не за участников в охоте. Некоторые охотники, весьма странно и комично одетые, для защиты от ночного холода надевают на спину особого рода корзинки, другие несут на плечах порядочных размеров сковороды, а сбоку сумки; большинство же несет длинные, высоко приподнятые палки, точно копыя, торчащие над головами толпы. Это и есть настоящие охотники с их сарбаканами, остальные же — прислужники, несущие с собой вино, провизию и осветительный материал. Для полного снаряжения охотников прежде всего необходимо соответствующее количество смолистого дерева, расщепленного на мелкие лучины, с избытком пропитанные скипидаром, вследствие чего они горят очень ярко и потому служат отчасти факелами, отчасти осветительными материалами для сковород.

Охотничья процессия безмолвно спешит через лес к тем местам, которые изобиловали буковыми орешками и днем усердно посещались вьюрками. Ночь эти птицы обыкновенно проводят сидя на горизонтальных сучьях отдельных, близко стоящих друг около друга елок, чаще всего на незначительной высоте, и притом сидят всегда так близко, что касаются один другого. Затем все общество охотников разбивается на отдельные группы. С помощью фонарей зажигаются факелы; несущие их слуги по всем направлениям освещают лес и, выследив ночное убежище целого общества птиц, известными знаками извещают о том прочих участников охоты; те сбегаются, разводят на сковородах огонь и помещают их таким образом, чтобы они освещали сонных птиц с задней стороны. Ходячие факелы и постепенно вспыхивающее там и сям на сковородах пламя в темном еловом лесу производят на новичка не поддающееся описанию впечатление, особенно при сверкающем снеге. Неизбежный в это время треск некоторых сухих сучьев, происходящий от шагов участвующих, несколько не смущает птиц.

Их ночные убежища освещаются, таким образом, как бы лунным светом, что дает возможность целиться. Обыкновенно

под одно дерево становятся 2—3 стрелка, из которых каждый избирает целый сучок, занятый птицами, и обходит их таким образом, чтобы они были обращены к нему хвостами. Целятся в спину, и птица лишь в том случае падает на землю без всякого звука, если глиняный шарик с известной силой поражает ее именно в это место. Ее место тотчас занимают соседи, чтобы для защиты от холода снова сомкнуть свой строй. В своем полусонном состоянии они, вероятно, воображают, что сосед улетел. Если стрелок стреляет метко и сильно, то ему нередко удается, при большой осторожности, перестрелять с одного сука всю длинную вереницу птиц, состоящую из нескольких дюжин, ни на шаг не сойдя со своего места. Убитых птиц собирают лишь тогда, когда нижние сучья дерева совершенно обстреляны. Достаточно, чтобы одна не убитая наповал птица издала болезненный крик или «писк», и весь рой, сотнями и тысячами покрывающий могучую ель, тотчас улетает, а неловкий стрелок остается ни с чем.

Хотя ни одна ветка не колышется, тем не менее кажется, будто бы в безмолвном до сих пор лесу разразился сильный ураган; в воздухе проносится сильный шум и свист, точно злые духи тьмы вырвались на свободу, чтобы предостеречь посторонних людей, осмелившихся обеспокоить их владения: этот адский шум производят потревоженные в своем сне птицы, которые, чирикавая от страха, целыми массами в беспорядке носятся по воздуху. В эту ночь охоту уже приходится прекратить и все приготовления и пережитые беспокойства были напрасны. Горе тому охотнику, который из-за одного неудачного выстрела сделался виновником отлета птиц. Его товарищи осыпают его целым потоком упреков и чествуют всеми эпитетами, свойственными местному охотничьему лексикону. Кроме того, ему приходится переносить еще насмешки прочих охотников, которые на более отдаленных местах успели завладеть богатой добычей*.

Мясо вьюрков отличается горьковатым вкусом, сходным со вкусом мяса обыкновенных дроздов; только мясо их нежнее и вкуснее; они гораздо жирнее и поэтому представляют собой изысканное, лакомое блюдо. В год, обильный добычей, цена за дюжину этих птиц падает до 60 пфеннигов».

Обыкновенная зеленушка (*Chloris chloris*) отличается плотным телосложением, короткокониическим клювом с острыми, режущими, вогнутыми краями, короткопальными ногами, крыльями средней длины. Длина птицы достигает 12,5 см, размах крыльев 26, длина крыла 8,3, хвоста 6 см. Преобладающий цвет оливково-желто-зеленый.

За исключением самых северных стран Европы, зеленушка встречается в этой части света везде и распространена также по северо-западной Африке и Малой Азии до Кавказа**. Она очень обыкновенна в южной Европе, именно в Испании, но вовсе не редка и у нас. Она охотнее всего населяет плодородные местности,

* В наши дни такой промысел не практикуется. Германия относится к тем странам, где законодательство по охране птиц весьма жесткое и строго выполняется.

** Кроме этого, зеленушка обитает в горах Эльбурса (Иран), Копетдага и Памиро-Алая.

где рощи чередуются с полями, лугами и садами, во множестве находится во всех низменностях, орошаемых реками, держится в непосредственной близости от жилых построек, но избегает лесов. У нас она, в зависимости от условий, является перелетной птицей, в южной Европе живет оседло. Те, которые зимуют у нас, вероятно, родом с севера.

Пищу зеленушки составляют семена различных растений, даже ядовитые, но прежде всего маслянистые семена репы, полевой горчицы, конопли и т.п. Она собирает их, подобно обыкновенному зяблику, с земли, и только тогда, когда глубокий снег покрывает землю, она пытается также выклевывать их из стручков или принимается за рябину и можжевельные ягоды и раскусывает буковые орехи, чтобы вышелушить зерна. В странах, где разводят коноплю, зеленушка может быть иногда очень вредной; кроме того, она вредит иногда огородам, но зато, подбирая и поедая семена сорных трав, приносит, может быть, больше пользы, чем вреда. Гнездо устраивается на деревьях или в высокой изгороди, в крепкой развилке или у самого ствола и, смотря по обстоятельствам, делается из самых различных веществ. Сухие прутики и корешки, соломинки и корни травы составляют основание гнезда, за которым обыкновенно следует слой более нежных веществ того же рода, смешанных с зеленым сухим мхом или лишайником. Для выстилки внутренности гнезда служат крайне нежные корешки и соломинки, между которыми лежат волосы лошадей, оленей и косуль, а иногда и маленькие клочки шерсти животных. Постройка по красоте сильно уступает гнезду обыкновенного зяблика; по форме своей гнездо представляет несколько углубленный полушар, построенный очень крепко и гладко, но все же довольно хорошо. Кладка состоит из 4—6 яиц длиной в 20 мм, толщиной в 15 мм, которые очень круглы, покрыты тонкой и гладкой скорлупой и на голубовато-белом или серебристом фоне, особенно на тупом конце, усеяны бледно-красными, ясными или расплывчатыми пятнышками и точечками. Самка высиживает одна, на гнезде сидит очень усердно, причем ее кормит самец, и высиживает птенцов приблизительно 14 дней. Оба родителя принимают участие в выкармливании потомства и кормят птенцов сначала вышелушенными и размягченными в зобу семенами, позднее же более твердыми питательными веществами того же рода.

Наши мелкие хищники, а также белки, сони, вороны, сороки, сойки и сорокопуть разрушают много гнезд этих птиц, ловят также и старых, если могут овладеть ими.

Коноплянка (*Acanthis cannabina*). Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 23, длина крыла 7,3, а хвоста 5,5 см.

Коноплянка населяет всю Европу, Малую Азию и Сирию и во время перелета появляется в северо-западной Африке, но редко в Египте. Она всюду встречается часто, всего обыкновеннее,

может быть, в холмистых местностях. Высоких гор и обширных лесов она избегает.

Из наших вьюрков коноплянка принадлежит к самым милостивым и привлекательным птицам.

Коноплянка справедливо считается одной из самых любимых комнатных птиц. Она невзыскательна, как немногие птицы, часто крепко привязывается к своему воспитателю, который вырастил ее, и прилежно и усердно поет почти весь год. В комнате настоящего любителя редко нет коноплянки.

Обыкновенная чечетка (*Acanthis flammea*) представляет собой часто появляющийся у нас северный вид. Край лба и щетинистые перышки ноздрей ее темно-буро-серые; уздечка и продолговато-круглое пятно на подбородке и верхней части горла буро-черные; лоб и темя ярко-темно-красные, перья на этих местах у корня серо-черные; затылок и остальные верхние части матово-ржаво-бурые с темно-бурыми продольными полосками; перья надхвостья бледно-кармино-красные, по бокам с чало-белыми каймами и желтовато-бурыми стержнями; верхние кроющие перья хвоста темно-бурые, по бокам с грязно-белыми каймами; щеки и область ушей ржаво-бурые с более темными черточками; передняя часть щек, область ушей ржаво-бурые с более темными черточками; горло, зоб и бока груди кармино-красные; перья середины горла с узкими беловатыми каемками; остальные нижние части

1 — Обыкновенный
дубонос

(*Coccothraustes
coccothraustes*)

2 — Обыкновенная
зеленушка

(*Chloris chloris*)

3 — Коноплянка
(*Acanthis cannabina*)

4 — Вьюрок

(*Fringilla montifringilla*)

5 — Зяблик

(*Fringilla coelebs*)

белые; бока бледно-ржаво-буроватые с широкими расплывающимися темными продольными полосками; маховые перья темного бурого цвета, снаружи с узкими ржаво-беловатыми, внутри — с широкими белыми каймами. Глаза темно-бурые, верхняя половинка клюва рогового голубого цвета, нижняя половинка желтая; ноги серовато-бурые. Самка и молодые птицы обнаруживают лишь слабые следы кармино-красного цвета на груди и надхвостье; зоб и грудь кажутся поэтому ржаво-буроватыми и разрисованы темными стержневыми пятнышками; красное головное пятно меньше и тусклее. Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 22, длина крыла 7, хвоста 6 см.

Область распространения обыкновенной чечетки обнимает холодный пояс Старого и Нового Света до границы произраста-

ния лесов*. Отсюда чечетка ежегодно перекочевывает в более южные страны и иногда появляется при этом в бесчисленном множестве.

В Альпах ее заменяет **горная, или красная, чечетка** (*Acanthis flavirostris*)** У нее часть головы, шеи, спина, надхвостье и бока на желтовато-ржаво-буром фоне украшены темно-бурыми продольными пятнами; уздечка и пятно на горле черно-бурые; лоб и передняя часть темени темно-кармино-красные; зоб, верхняя часть груди и надхвостье бледно-розово-красные, остальные нижние части беловатые с розово-красным отливом; нижние кроющие перья хвоста с черноватыми продольными пятнами; крылья и хвостовые перья черновато-бурые, снаружи с узкими грязно-белыми каймами; на крыле ясно заметны две полосы. Глаза темно-бурые; клюв желтоватый, на конце и по краям темный; ноги черные. Длина птицы достигает 11,5, самое большое 12 см.

Чечетка настолько же безобидное, насколько беспокойное, ловкое и бодрое существо. Более искусная в лазании, чем все ее родичи, она соперничает не только с клестом, но даже с подвижными синицами. Березы, тонкие ветви которых покрыты толпой этих милых птиц, представляют великолепное зрелище. Все общество лазает здесь вверх и вниз в самых разнообразных положениях и ревностно вышелушивает себе пищу из сережек с семенами. На земле эта птица так же ловко прыгает. Полет ее быстрый, волнистый, перед тем как садиться — парящий. Перелетая безлесные пространства, стая охотно летит на довольно значительной высоте; напротив, в местностях, богатых деревьями, она редко поднимается выше, чем это необходимо. Зов чечетки — повторяемое «четчек», которое все чечетки издадут при взлете; к нему часто прибавляется нежное «маин». Пение состоит в основном из этих обоих звуков, которые связываются беспорядочным щебетанием и заканчиваются трелью.

В клетке эта хорошенькая птичка без стеснения принимается за пищу, в самое короткое время становится необыкновенно ручной, довольствуется простым кормом, радуется своей подвижностью и искусством в лазании, привязывается к другим мелким птицам. Общительность обыкновенно губит ее, делая ее жертвой птицелова; поймав одну, можно легко овладеть другими, которых она приманит. Первую обыкновенно ловят в Тюрингене с помощью длинного гибкого прута или бича, к концу которого привешена палочка, намазанная клеем. Этой палочкой стегают по птичкам, и они к ней прилипают крылышками. В сети для зябликов чечеток ловят во множестве, нередко даже и тех, которые счастливо ускользнули при опускании сети, но из любви к пойманым товарищам снова прилетают и запутываются. В некоторых странах чечеток, к сожалению, все еще ловят для кухни.

У нашего **чижа** (*Spinus spinus*) вся верхняя сторона головы и затылок, также подбородок и верхняя часть горла черные; зад-

Семейство Вьюрковые

* Чечетка гнездится и в тундровой зоне, проникая даже севернее кустарниковых тундр.

** В Альпах горная чечетка (*Acanthis flavirostris*) не живет. Приведенное Бремом описание относится также к обыкновенной чечетке, некоторые популяции которой обитают в горных районах Альп. Это выяснено при специальных исследованиях. Настоящая горная чечетка не имеет в оперении красного или розового цветов. Она населяет горные районы Шотландии, Ирландии, Скандинавии, Кавказ и Закавказье, Эльбурс, Гималаи, Тибет, Памиро-Алай, Алтай, Саяны, Мугоджары и возвышенности в степях северного Казахстана и южного Урала.

** В настоящее время чиж гнездится почти до самого севера Норвегии, Швеции и Финляндии, не встречаясь только в безлесной части Скандинавских гор.*

няя и верхняя часть спины и плечи желто-зеленые с темными продольными черточками; брови, передняя часть щек, горло, стороны шеи, зоб и верхняя часть груди прекрасного оливково-желтого цвета; нижняя часть груди, бока и брюхо почти белые. Хвостовые перья желтые, на конце черные, оба средних пера бурочерные, снаружи с зелеными каймами. Глаза темно-карие, клюв мясного, на конце черноватого цвета; ноги бурые. Длина птицы достигает 12 см, размах крыльев 22, длина крыла 5,5, хвоста 4,5 см.

Область распространения чижа обнимает всю Европу и Азию, те их районы, где есть леса, на севере до широты средней Норвегии*. Летом чиж живет в хвойных лесах гористых местностей, здесь выводит птенцов и отсюда предпринимает свои странствования. В некоторые зимы он тысячами появляется в деревнях или в непосредственной близости от них; в другие зимы едва можно увидеть здесь отдельные экземпляры. Безлесных стран он избегает и почти постоянно держится в верхних ветвях верхушек деревьев.

«Чижик, — как говорит Науман, — всегда бодр, проворен и отважен, всегда держит свое оперение в порядке, хотя по большей части не приглаживает его к телу, движется быстро туда и сюда, часто поворачивает и вертит хвостом, превосходно прыгает, летает и лазает, может привешиваться вниз головою к концам качающихся ветвей, необыкновенно быстро прыгает вверх и вниз по тонким вертикальным прутьям и во всем этом мало уступает синицам. Его посадка на ветвях крайне различна, и нигде он не остается долго в покое, если не занят едой. По земле он прыгает легко и быстро, хотя и старается по возможности избегать этого». Полет его волнистый, быстрый и легкий; чиж не боится поэтому перелетать большие расстояния и поднимается на значительную высоту. Зов его звучит как «треттет» или как «теттертеттет» и «ди-ди» или «ди-ди-леи». Последними звуками самец обыкновенно начинает и свою песню, не особенно изысканное, но все же приятное щебетание, к которому в виде заключения прибавляется длинное «дидидлидлдеидээ». Он безобиден и доверчив, общителен, боязлив, миролюбив и до известной степени легкомыслен, по крайней мере скоро перестает горевать о потере свободы. Его вполне можно рекомендовать в качестве комнатной птицы. Крайне понятливый, он скоро научается различным забавным штукам, не обнаруживает какой-либо особенной требовательности по отношению к пище, уживается со всеми другими птицами, в обществе которых должен жить, беззаветно привязывается к своему хозяину, приучается свободно вылетать и прилетать обратно, прислушивается к зову, повинуется ему и при заботливом уходе не менее легко размножается, чем любая другая птица, лишенная свободы.

Пищу чижа составляют различного рода семена, главным образом семена деревьев, молодые почки и листья, а в период

размножения — насекомые. Птенцы выкармливаются исключительно насекомыми, особенно мелкими гусеницами, тлями и т.п., и скоро после вылета из гнезда родители уводят их в сады и огороды, которые обыкновенно богаче насекомыми, чем более глухие леса.

Чиж страдает от многих врагов; безобидность и общительность часто делают его жертвой людей и хищных животных.

Лимонный вьюрок (*Serinus citrinella*) отличается от чижа несколько более коротким и толстым клювом. Лоб, передняя часть головы, область вокруг глаза, подбородок и горло прекрасного желто-зеленого цвета; нижние части более яркого желтого; задняя часть головы, затылок, задняя часть шеи, область уха и бока шеи серого; верхняя часть спины и плечи по тусклому оливково-зеленому фону разрисованы неясными, темными стержневыми черточками. Хвостовые перья черные, снаружи с узкой зеленоватой, внутри, подобно маховым, с белой каймой. Глаза темно-карие; клюв буровато-мясного, ноги желто-бурого цвета. Самка меньше ростом, и цвета у нее не так ярки и более серого оттенка. Длина птицы достигает 12 см, размах крыльев 23, длина крыла 8, хвоста 5,5 см.

Лимонный вьюрок — птица горная, населяющая западные Альпы и Малую Азию, а в Германии постоянно живущая в Шварцвальде, но в большом числе попадает лишь в некоторых местах. По Тиролю и Швейцарии он, по-видимому, распространился из Италии, где встречается чаще всего*. Все исследователи, имевшие возможность делать тщательные наблюдения над лимонным вьюрком, описывают его как бодрую и живую птицу, всегда подвижную и непрерывно поющую или издающую свой призывный голос. В дурную погоду его почти не слышно, но в солнечные и безветренные дни, по словам Шютта, он часто издает свой жалобный призывный голос «гюре-гюре-битт-битт» и благодаря этому его очень легко заметить; вообще же он довольно пуглив, и потому его трудно наблюдать. Пение этого вьюрка по Гомейеру, состоит из трех частей, из которых одна напоминает песню канареечного вьюрка, другая — щегленка, а третья представляет собой приблизительно среднее между ними. «Щегол поет и трещит, канареечный вьюрок шепчет и чирикает, лимонный вьюрок поет и звенит. Звук первого чистый, громкий и твердый, звук второго резкий, звук последнего полный, мягкий и звучный. Призывные звуки «дитаэ-дитаэ-вит» или «дитаэаэтетт» мягки и негромки; зов «циуб» чист, как звук колокольчика, и чрезвычайно благозвучен. Лимонный вьюрок отличается, таким образом, своеобразным звенящим пением, в котором строфы щегла и канареечного вьюрка перемешиваются между собою и переходят друг в друга; однако он принадлежит не к лучшим певцам рода вьюрков, а к второстепенным».

Общеизвестный **щегол** (*Carduelis carduelis*) отличается коническим, очень вытянутым и остроконечным, несколько загну-

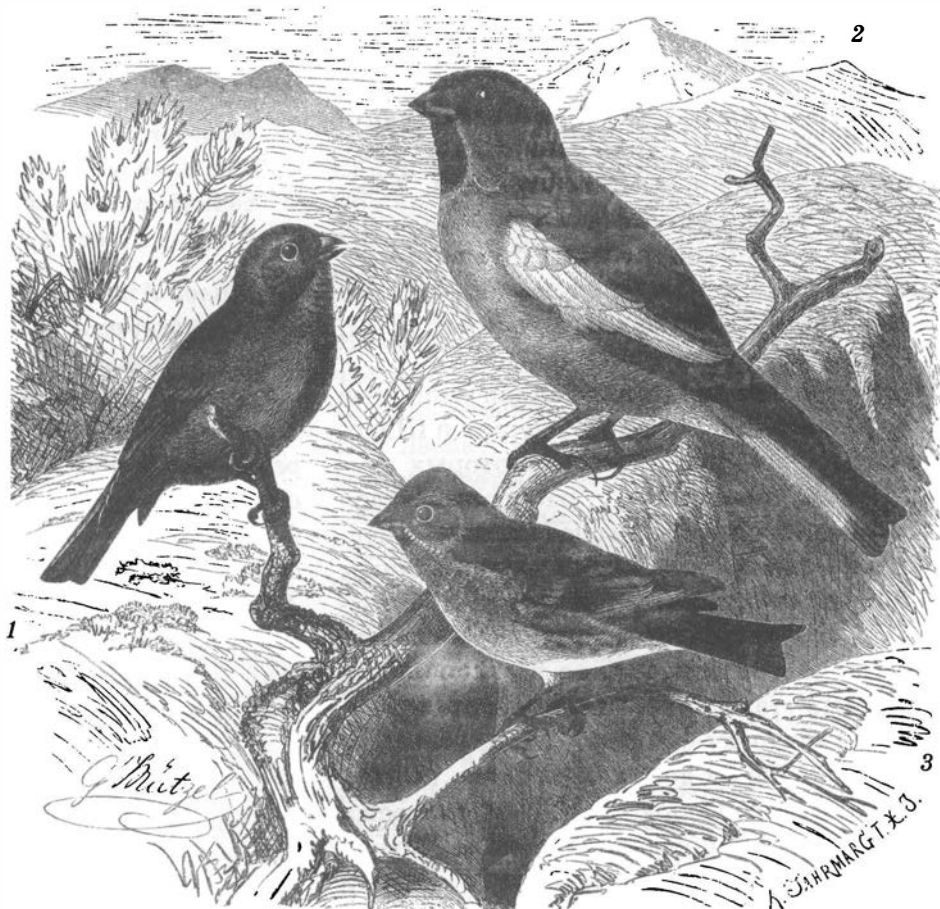
Семейство Вьюрковые

*В Малой Азии лимонный вьюрок сейчас не встречается, зато он населяет Пиренеи, горы внутренней Испании, острова Корсику и Сардинию. В Италии он есть только в Альпах.

**Семейство
Вьюрковые**

Тытм вниз клювом, немного вогнутым по краям челюстей; короткими, плотными длиннопальными ногами с малосогнутыми, но острыми когтями; острыми крыльями, средней длины хвостом со слабой выемкой и рыхлым оперением. Оперение очень пестрое. Узкая полоска вокруг клюва, уздечка, середина темени и задняя часть головы черного цвета; лоб, задняя часть щек и горло яркого кармино-красного; виски и щеки белого; затылок, плечи и спина желтовато-бурого; зоб и бока груди светлого красновато-бурого;

2

часть горла, надхвостье и нижние части белого цвета; маховые перья черного цвета, основная треть их, за исключением первого снаружи, ярко-желтого цвета и украшены перед концом беловатым щитком, который кзади постепенно увеличивается: снизу маховые перья темно-серые с серебристо-белыми краями; мелкие верхние кроющие перья крыла черного цвета; средние и большие светло-желтого; рулевые перья черного цвета, наружные также внутри с продолговатым белым пятном, остальные на конце

- 1 — Лимонный вьюрок
(*Serinus citrinella*)
2 — Снежный вьюрок
(*Montifringilla nivalis*)
3 — Обыкновенная чечетка
(*Acanthis flammea*)

украшены белым щитком. Глаза орехово-бурые, клюв красновато-белый, на конце черный; ноги голубовато-мясного цвета. Оба пола так сходны между собою, что их можно смешать, и только очень опытный глаз отличает самца от самки по несколько большей величине, большей распространенности красного цвета на лице и голове, а также по более темному черному цвету на более чисто белом. Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 22, длина крыла 7, хвоста 5 см. Иногда встречаются белогорлые экземпляры.

Начиная со средней Швеции, щегол водится во всей Европе, а также на Мадере, Канарских островах, в северо-западной Африке и большей части Азии, от Сирии до Сибири. На Кубе он одичал

и с успехом акклиматизировался в Новой Зеландии*. В пределах области его распространения он встречается, по-видимому, везде и по мере расширения культуры овощей увеличивается в числе, хорошо применяется к различным условиям жизни, но отнюдь не везде встречается одинаково часто. В некоторых местностях он редок, в других его можно видеть многочисленными стаями. Болле встретил щегла на Канарских островах; я находил его в Андалузии и Кастилии большими стаями; другие наблюдатели во множестве видели его в Греции. Местами размножения щегла должно считать такие местности, в которых преобладает лиственный лес или где жители занимаются огородничеством. Щегол не лесная птица в строгом смысле слова, так как селится в садах или парках, на улицах, на выгонах или лугах и тому подобных местах; здесь он обыкновенно выводит птенцов еще охотнее, чем в кустах и обширных лесах.

Щегол крайне привлекателен, ловок во всех движениях, непоседлив, проворен, умен и хитер; у него ловкая и красивая посадка, и создается впечатление, что он сознает свою красоту. В качестве настоящей древесной птицы он лишь неохотно спускается на землю и движется здесь довольно неловко; зато лазает не хуже синицы, ловко привешивается, как чижи, снизу к самым тонким ветвям и целые минуты работает в таком положении. Полет его легок и быстр, волнообразен, как у большинства вьюрков, и становится парящим только тогда, когда птица хочет опуститься. Для отдыха он предпочитает высочайшие верхушки деревьев и кустов, но никогда не держится долго на одном месте, так как его непоседливый нрав постоянно проявляется. По отношению к человеку он всегда выказывает осторожность, но бывает пугливым лишь в том случае, если подвергался уже преследованиям. С другими птицами он уживается, однако обнаруживает по отношению к ним известную шаловливость и любит их дразнить. Хотя песня самца и уступает по звучности и полноте отдельных звуков песне коноплянки, но все же он поет громко и приятно, с большим разнообразием и так весело, что любители высоко ценят щегла, в частности, именно ради его пения. В неволе он поет почти круглый год; на свободе он молчит только в период линьки и при очень дурной погоде.

Пища его состоит из различного рода семян, преимущественно березовых и ольховых, а не менее того и из семян различных видов чертополоха; поэтому там, где есть чертополох и репейник, можно с уверенностью рассчитывать встретить щегла. «Ничего нет красивее, — говорит Болле, — картины стаи щеглов, качающихся на засыхающих уже стеблях чертополоха и выщипывающих семена из белой части цветочных корзинок. Растения будто вторично украсились цветами, еще более великолепно окрашенными, чем первые». Птица появляется на кустах чертополоха, ловко привешивается к одной из головок

** Сведения о распространении щегла не совсем точны. Этот вид населяет Азию лишь отчасти: он встречается в лесостепи и на юге лесной зоны от Урала до истоков Енисея, а также в горах Алтая, Тянь-Шаня, Памиро-Алая, в западных Гималаях, Копетдаге и на хребтах Эльбурс и Загрос в Иране, в Турции, на Кавказе и в Закавказье. На остальной части Азии его нет. Кроме Новой Зеландии щегол акклиматизировался на юго-востоке Австралии и в Тасмании, а на Кубе его сейчас нет.*

** Брем приводит средние цифры. Кладки щеглов могут содержать от 3 до 7 яиц.*

*** Период инкубации варьирует от 9 до 14 дней. Щеглы, как правило, имеют 2 выводка за лето, некоторые пары успевают вырастить 3 выводка. Это установлено на основании наблюдений за индивидуальными мечеными птицами.*

и принимается усердно работать своим длинным, остроконечным клювом, чтобы захватить скрытые семена. Летом щегол ест между прочим и насекомых, ими он выкармливает и птенцов. Таким образом он приносит пользу во всякое время года как уменьшением количества сорной травы, так и истреблением насекомых.

Гнездо его — прочная, плотно сплетенная, искусная постройка; оно вьется в редких лиственных лесах или на огородах, часто в садах и в непосредственной близости от домов, обыкновенно на высоте 6—8 м над землей, чаще всего в развилине ветви на верхушке дерева, и так хорошо скрыто, что снизу его можно увидеть только тогда, когда с деревьев опадут листья. Зеленые древесные лишай и земляной мох, тонкие корешки, сухие соломинки, нити и перья, переплетенные пряжей насекомых, образуют наружную стенку гнезда, а слой пуха из головок чертополоха, которые удерживаются в своем положении тонким слоем конских волос и свиных щетин, — его внутреннюю выстилку. Строитель гнезда — самка; самец усердно увеселяет ее при этом пением, но лишь редко принимает активное участие в постройке гнезда. Кладка состоит из 4—5 яиц* с нежной и тонкой скорлупой, в среднем 16 мм длиной и 12 мм толщиной; по белому или голубовато-зеленому фону они усеяны редкими фиолетово-серыми точками, которые, однако, на тупом конце образуют венчик. Редко удается найти яйца щегла раньше мая, и, вероятно, пары выводят птенцов только один раз в течение лета. Самка высидывает одна в продолжение 13—14 дней**. Птенцов, пока они малы, выкармливают мелкими личинками насекомых, подросших — насекомыми и семенами; родители долго еще водят с собой вылетевших птенцов.

Представителем семейства вьюрковых является и водящийся в Германии **канареечный вьюрок** (*Serinus serinus*). Длина его достигает 12,5 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,7, хвоста 5 см. Преобладающий цвет оперения прекрасный зеленый. Самка ростом меньше, и в оперении ее преобладающим цветом является зеленовато-желтый, почти всюду украшенный продольными пятнами.

Первоначально водившийся в южной Европе и Малой Азии, канареечный вьюрок постепенно распространяется на север, продолжает это и теперь и, проникая все далее и далее, селится в таких областях, где его совершенно не было несколько десятков лет тому назад. «Этот прелестный вьюрок, — говорит Маршалль, — встречается во всей южной Европе, обыкновенен как в Сицилии, так и в Португалии и, должно быть, уже довольно давно распространился в юго-западной Германии; уже в 1818 г. он, уклонившись от Рейна и держась Майна, был не редок вокруг Франкфурта-на-Майне, но лишь спустя 17 лет он появился около Ганау, а в 1883 г. достиг Вюрцбурга. В окрестностях Нейвида он гнездился

уже в 1854 г., хотя, по Малербу, он, вероятно следуя вверх вдоль Мозеля, уже в тридцатых годах поселился в Лотарингии.

На юго-востоке эта птица часто встречается в Венгрии, вверх по Дунаю, обыкновенна около Вены (1879) и по этой дороге проникла прямо до Баварии. В 1850 г. канареечный вьюрок появился, следуя по пути Дунай — Молдава — Эльба при Бензене на Молдаве; пять лет спустя — на 25 км дальше при Будвейсе, причем, по мнению местных жителей, он все более распространяется вместе с разведением рапса. Следуя вдоль Эльбы, он в 1870 г. часто показывался при Шандау в Саксонской Швейцарии, реже на расстоянии часа пути далее вниз по течению в урочище Биэла, хотя уже за 18 лет до того в Леснице около Дрездена наблюдали гнездящуюся парочку, а, по Либбе, канареечный вьюрок уже в 1859 г. сделал неудачную попытку поселиться в долине Эльстера. В 1871 г. это удалось одной парочке, за которой на следующий год последовала другая, а в 1873 г. уже семь пар было найдено при Гере. Перелетев от Дуная к Одере, этот вьюрок проник в Верхнюю Силезию, в 1866 г. стал довольно многочислен при Бреславле, где он за 20 лет до того был совершенно неизвестен; уже в 1850 г., хотя редкими отдельными экземплярами, показался в Лаузитце, но из года в год становится там все обыкновеннее и населяет отсюда соседние местности Саксонии; так, в 1867 г. он появился в Максдорфе, а в конце семидесятых годов он достиг Франкфурта-на-Одере и Берлина»*.

Канареечный вьюрок — хорошенькая, живая и привлекательная птица, всегда бодрая и в хорошем расположении духа, общительная и миролюбивая, пока не наступит время любви, когда птички разъединяются на парочки и между самцами происходят ссоры. Первыми прибывают к нам всегда самцы; самки следуют за ними позднее. Благодаря своему пению и беспокойной деятельности самцы тотчас становятся заметны; они садятся на высочайшие вершины деревьев, опускают крылышки, поднимают несколько хвост, постоянно поворачиваются во все стороны и заливаются пением. В случае холодной, ветреной и дождливой весны дело совершенно изменяется. «Тогда птичка, — говорит Гомейер, — делается совсем иною. Она держится низко, чтобы найти защиту от непогоды, и только изредка тихо и боязливо издает свой зов из куста, или в поисках за кормом прыгает по земле, отыскивая пищу около куста лебеды, не производя шума и не выказывая, вследствие дурного расположения духа, большого оживления. Таким образом при продолжительной неблагоприятной погоде может случиться, что, несмотря на большое количество прилетевших вьюрков, их видишь мало, но стоит только выглянуть солнцу, и они во множестве запоют на всех деревьях». Чем более приближается время спаривания, тем ревностнее поет самец свою песенку и тем более странны становятся его жесты. Не довольствуясь тем, что нежными звуками просит о любви, ка-

Семейство ВЬЮРКОВЫЕ

** Впоследствии расселение канареечного вьюрка на север и восток продолжалось, и к настоящему моменту он заселил всю континентальную часть Западной Европы, кроме Скандинавии, появился на юго-востоке Англии, стал гнездиться в Прибалтике, Белоруссии и почти на всей Украине, освоил запад Ленинградской и Псковской областей России.*

нареечный вьюрок ложится, как кукушка, на ветвь, поднимает перья на горле, как токующий глухарь, сильно расширяет хвост, вертится, поднимается на воздух, порхает, носясь подобно летучей мыши вокруг дерева, бросается то в одну, то в другую сторону и затем возвращается на то место, на котором сидел, чтобы продолжать пение. Другие самцы, находящиеся поблизости, возбуждают в певце ревность. Он вдруг обрывает пение и, рассерженный, бросается на противника, который обращается в бегство и быстро улетает, после чего птицы долгое время яростно гоняются друг за другом сквозь покрытые листьями верхушки деревьев или над самой землей, причем непрерывно выражают свой гнев резкими «си-си-си». Только после долгих битв, когда самка уже сидит на яйцах, кончаются эти ссоры и драки. Пение канареечного вьюрка Гофман удачно сравнивает с пением альпийской завирушки, которое, впрочем, нежнее. Отличную песнь вьюрка назвать нельзя: она слишком однообразна и заключает слишком много чирикающих звуков; однако я должен признаться, что она мне всегда нравилась. Местное тирольское название этой птицы «хирнгриттерль» до некоторой степени представляет подражание этой песне.

Гнездо канареечного вьюрка — маленькая искусная постройка, более всего похожая на гнездо нашего зяблика. Строится из различного материала; иногда оно построено из тонких корешков, иногда из различных соломинок и внутри крайне нежно и мягко выложено волосами и перьями. Оно помещается то выше, то ниже, но всегда по возможности спрятано в густых ветвях куста или дерева. По Гофману, канареечный вьюрок оказывает совершенно особое предпочтение грушевому дереву и, где только возможно, устраивает свое гнездо на нем, однако гнездится и на яблонях, вишнях или других лиственных деревьях, а по новейшим наблюдениям, не менее того и на хвойных; вообще в этом отношении он оказывается неразборчивым. В Испании он предпочитает лимонные и апельсиновые деревья всем другим, но вовсе не держится исключительно их. Кладка состоит из 4—5 маленьких притупленных яиц длиной в 16 мм, шириною в 12 мм, которые на грязно-белом или зеленоватом фоне всюду, но на тупом конце сильнее, чем на остром, покрыты матово-бурыми, красными, красно-серыми, пурпурово-черными точками, пятнами и разводами. Пока самка сидит на яйцах, самец кормит ее из зоба. «Если она голодна, — говорит Гофман, — то она зовет самца и именно таким же звуком, какой самец издает во время своих любовных битв, только несколько более тихим». Высиживает она очень усердно и спокойно продолжает сидеть, хотя бы под ее гнездом целый день продолжались полевые или садовые работы. Через 13 дней приблизительно вылупляются птенцы. По окончании птенцовой поры отдельные пары вместе со своими птенцами присоединяются к вылетевшим раньше и, собравшись в стаи, соединяются со щеглами, коноплянками, полевыми воробьями и дру-

гими представителями того же семейства, однако в тесную дружбу не вступают с ними, всегда сохраняя известную самостоятельность. Затем эти стаи кочуют по стране и отыскивают сообща свою пищу, состоящую почти исключительно из мелких семян и побегов растений, однако не принося тем вреда человеку.

За исключением мелких хищников, у нас канареечный вьюрок не подвергается ничьим нападениям, да еще разве на него охотятся некоторые любители; напротив, в Испании его тысячами ловят для еды на так называемых «воробьиных деревьях». Траву эспарто покрывают птичьим клеем, осыпают массаами травинок одиноко стоящие на полях деревья, которые служат местом отдыха для стай вьюрков, и получают часто изумительные результаты: из многочисленных стай вьюрков, которые опускаются на такое дерево, иногда едва четвертая часть спасается от предательских прутиков. Не только канареечный вьюрок, но и другие вьюрки и даже хищные птицы становятся жертвой такого лова.

Корольковый вьюрок (*Serinus pusillus*) распространен от Таврии и Кавказа, по Персии и Туркестану до Ладака, встречается он и в юго-восточной Европе*. Длина его около 11 см, длина крыла 7, длина хвоста 5 см. Оперение на передней части головы темно-оранжево-красное, на остальной части головы и шее, а также на верхней части груди тусклое буровато-черное. Хвостовые перья черно-бурые, снаружи с лимонно-желтыми каймами. Радужная оболочка глаза бурая, клюв черный, ноги черно-бурые. У менее ярко окрашенной самки нет черных перьев на голове.

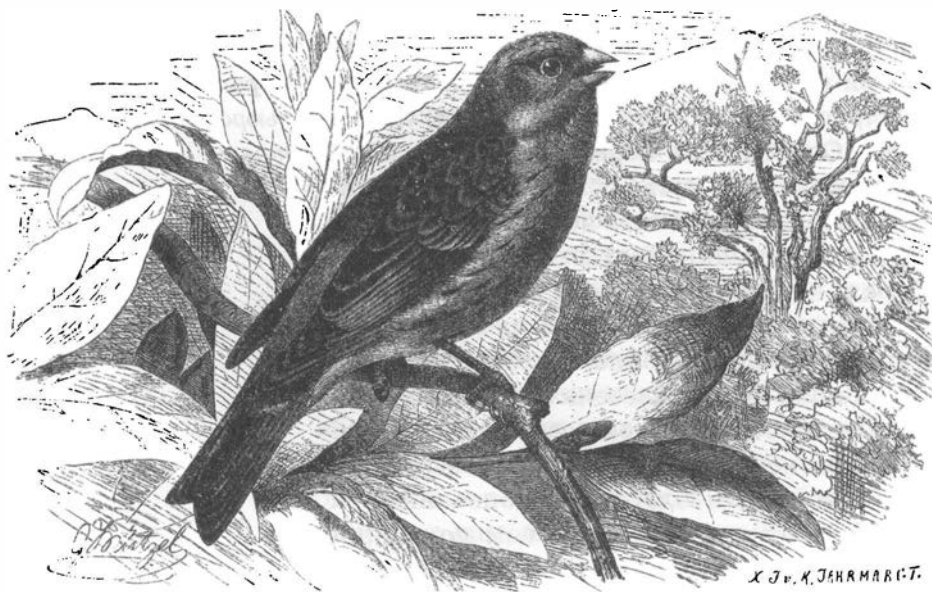
«Прошло три столетия, — говорит Болле, — с тех пор, как канарейка благодаря приручению была вывезена за границы своей настоящей родины и стала обитательницей всего света. Цивилизованный человек наложил на нее свою руку, вывез, развел, связал ее судьбу со своей собственной и благодаря попечениям и уходу многочисленными следующими одно за другим поколениями вызвал такие существенные изменения этой породы, что теперь мы вместе с Линнеем и Бриссоном почти склонны ошибочно считать золотисто-желтую птичку прообразом этого вида и почти забыли дикую зеленую коренную форму этого вида, которая неизменно осталась тем же, чем была с самого начала. Подробное знакомство с ручной канарейкой, точное и обстоятельное изучение ее нравов и особенностей в связи с тем обстоятельством, что дикая канарейка живет далеко от нас, были, кажется, главными причинами незначительности наших сведений об этой последней».

Болле первый дал нам описание жизни канарейки на свободе. Все естествоиспытатели до него, за исключением только А. фон Гумбольдта, сообщают нам мало или если и сообщают что-нибудь, то истина и вымысел так перемешаны у них, что трудно отделить одно от другого. Только Болле, слова которого я приво-

* В юго-восточную Европу корольковый вьюрок только залетает.

жу ниже в извлечении, дает нам настолько же верное, насколько и ясное описание этой интересной птицы. Этот исследователь нашел ее на пяти лесистых островах Канарской группы: Гран-Канариа, Тенерифе, Гомера, Пальма и Ферро, но полагает, что она могла встречаться раньше также на нескольких других островах, ныне безлесных, точно так же, как водится на Мадере и островах Зеленого Мыса. На названных островах канарейка живет всюду, где густо растущие деревья чередуются с кустарниками, преимущественно вдоль окаймленных роскошной зеленью русл тех водоемов, которые в дождливое время превращаются в ручьи, а в сухое время пересыхают; не менее часто она встречается в садах вокруг жилищ человека. Распространение ее простирается от берега моря до высоты более 1500 м на горах. Там, где существуют условия для ее благоденствия, она обыкновенна всюду, часто встречается в виноградниках на этих островах, нередко также в сосновых лесах, покрывающих горные склоны; она, по-видимому, избе-

Канарейка
(*Serinus canaria*)

гает только глубины тенистого высокого леса, опушки которого она еще населяет.

Дикая канарейка (*Serinus canaria*), которую и на родине испанцы и португальцы называют «canario», заметно меньше той, которую в Европе держат в клетках. Длина ее достигает 12—13 см, длина крыла 7,2, хвоста 6 см. У старого самца спина желто-зеленая с черноватыми стержневыми черточками и очень широкими светло-пепельно-серыми краями перьев, окраска которых почти становится преобладающей; надхвостье желто-зеленое, но верхние кроющие перья хвоста зеленые с пепельно-серыми краями; голова и затылок желто-зеленые с узкими серыми краями; лоб и широкая полоска, пересекающая глаз и кругообразно протягивающаяся к затылку, зеленовато-золотисто-желтые, такого же цвета горло и верхняя часть груди; бока шеи пепельно-серые. Цвет груди кзади становится светлее и желтоватее; брюхо и перья надхвостья беловатые; плечи прекрасного зеленого цвета с матово-черными и бледно-зеленоватыми полосками; черноватые маховые перья с узкими зеленоватыми, черно-серые хвостовые перья с беловатыми каймами. Глаза темно-бурые; клюв и ноги буровато-

мясного цвета. У самки верхняя сторона буро-серая с широкими черными стержневыми черточками; перья затылка и верхней части головы такого же цвета, но при основании светло-зеленые; перья лба зеленые; уздечка серая, щеки частью зелено-желтые, частью пепельно-голубовато-серые; перья плеч и мелкие верхние кроющие перья крыла светлого желто-зеленого цвета; большие кроющие перья крыла, как и маховые перья, темного цвета с зеленоватыми каймами; грудь и горло зеленовато-золотисто-желтые, но благодаря бело-серым краям перьев менее красивы, чем у взрослого самца; нижняя часть груди и брюхо белые; бока тела буроватые с более темными стержневыми черточками. Оперение птенцов в гнезде буроватое, на груди с охрово-желтым оттенком, на щеках и на горле очень бледного лимонно-желтого цвета.

Пища диких канареек состоит по большей части, если не исключительно, из растительных веществ: мелких семян, нежной зелени и сочных плодов, в особенности винных ягод. «Вода составляет для канареек безусловную потребность. Они часто летают на водопой, большей частью обществами, любят купаться, причем очень сильно мочат свои перья. Эта привычка свойственна как диким канарейкам, так и ручным.

Спаривание и постройка гнезда происходят в марте, большей частью лишь во второй половине его. Продолжительность высиживания у дикой канарейки длится около 13 дней. Птенцы остаются в гнезде, пока не оперятся совершенно; после вылета оба родителя, и в особенности отец, кормят их еще некоторое время из зоба самым заботливым образом».

Все гнезда, которые наблюдал Болле, были одинаково опрятно свиты из растительного пуха; в некоторых кроме блестящего растительного пуха иногда попадался стебелек травы или кусочек коры. «В то время, как самка высиживает яйца, самец сидит поблизости от нее, всего охотнее на дереве, еще не покрытом листьями, в начале весны охотно на акации, платане или настоящем каштане, тех породах деревьев, почки которых вскрываются поздно, или же усаживается на сухих верхушках ветвей, какие нередко встречаются на вершинах померанцевых деревьев, обыкновенных в садах и около человеческих жилищ. На таких местах он поет охотнее всего и дольше всего.

О достоинствах пения дикой канарейки много говорилось. Некоторые слишком высоко ценили и прославляли ее, другие произносили над ней слишком строгий приговор. Мы не удалимся от истины, если выскажем мнение, что дикие канарейки поют так, как в Европе ручные. Пение последних вовсе не есть результат искусственного обучения; в общем оно осталось таким, каким было первоначально. Воспитание изменило, правда, отдельные части песни и привело к более блестящему развитию их, другие же части его сохранили первоначальный характер в большей свежести и чистоте, но общий характер пе-

ния обеих канареек и теперь еще совершенно одинаков и доказывает, что в то время, как известные народы могут утратить свой природный говор, птицы свой язык сохраняют в целости при всех изменениях внешних условий. Таков беспристрастный приговор природы. То, что мы слышим, прекрасно, но оно становится еще прекраснее и звучнее благодаря тому, что раздается не в пыльной комнате, а под открытым небом, там, где розы и жасмин обвиваются вокруг кипарисов и исчезающие в пространстве звуковые волны теряют ту резкость, которая может не нравиться нам, когда мы слушаем пение ручной птицы по большей части на очень близком расстоянии. Однако люди не довольствуются тем, что воспринимает их слух; не замечая этого, они прибавляют и то, что создается их воображением, и таким образом появляются приговоры, в которых потом другие разочаровываются. Как все коноплянки и соловьи и все ручные канарейки являются певцами неодинакового достоинства, так и от пения всех диких канареек нельзя требовать одинаковых достоинств: между ними есть как лучшие певцы, так и худшие. Наше решительное мнение таково: так называемых соловьиных трелей, хватающих за душу глубоких грудных тонов мы никогда не слышали в лучшем исполнении, чем у диких канареек и некоторых ручных на Канарских островах, которые учились у первых. Больше всего должно остерегаться судить о пении свободной канарейки по пению — часто очень плохому — тех, которые были пойманы очень молодыми и выросли в клетке, не имея хорошего учителя.

Ловля этих маленьких птичек очень легка, особенно молодые канарейки идут почти во всякую ловушку, лишь бы около нее была птица того же вида для приманки — еще одно доказательство общительности этого вида. Я видел на Канарии, как их ловили даже поодиночке в силки, в которых для приманки были выставлены коноплянки и щеглы. Обыкновенно для ловли их употребляют на Канарских островах западню, которая состоит из двух боковых отделений, собственно ловушек с подножками, которые можно настораживать, разделенных находящейся между ними клеткой с приманной птицей. Ловля эта производится в местностях, богатых деревьями, где есть поблизости вода, и успешнее всего в ранние утренние часы. Как мы знаем по опыту, ловля эта необыкновенно привлекательна, так как дает возможность спрятавшемуся в кустарнике ловцу наблюдать канареек очень близко и, оставаясь невидимым, любоваться их грациозными движениями и изучать их нравы. Мы видели, как таким образом в течение немногих часов ловилось 16—20 штук одна за другой; большая часть их были, однако, невылинявшие птенцы. Если бы на островах были хорошо устроены точки для ловли птиц, чего в действительности нет, то этот промысел, естественно, давал бы гораздо больший доход.

Мы в достаточном количестве наблюдали диких канареек в неволе и иногда имели их по дюжине или по полторы дюжины сразу. В Санта-Круссе цена молодых птиц, уже вылетевших из гнезда, если покупать несколько сразу, равняется обыкновенно 25 пфеннигам за штуку. За только что пойманных старых самцов платят по 1 марке».

Я оставляю без описания жизнь вполне превратившейся в домашнюю птицу канарейки и чувствую себя вправе сделать это совершенно спокойно, так как о канарейках, их разведении и торговле написано уже так много, что я не решаюсь докучать читателям повторением этих общеизвестных сведений.

Обыкновенная чечевица (*Caprodacus erythrinus*) отличается преобладающим кармино-красным цветом; задняя часть шеи и спины ее буровато-серая, с более темными пятнами, имеющими кармино-красный налет; брюхо, бедра и нижние кроющие перья хвоста грязно-белые. У самки вместо кармино-красного цвета преобладает бледно-серо-бурый, и рисунок состоит из более темных продольных пятен. Глаза карие; клюв светло-рогового, ноги темно-рогового цвета. Длина птицы достигает 16 см, размах крыльев 26, длина крыла 8, хвоста 6 см.

В Европе чечевица постоянно встречается только на востоке, особенно в Галиции, Польше, Прибалтийских губерниях, в средней и южной России, а кроме того, в Средней Азии, от Урала до Камчатки. Отсюда он правильно перелетает на юг, через Китай до Индии и через Трукестан до Персии, появляется также не слишком редко в Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Англии и Италии. На местах вывода птенцов он появляется около середины мая, самое раннее в конце апреля, и снова оставляет их в сентябре. Для жительства он предпочтает выбирать густой кустарник поблизости от воды, а также поросшие кустами и тростником болотистые места, но не ограничивается низменностями, а встречается также в холмистой стране и даже на горах до высоты более 2000 м. Он нигде не бывает многочислен, наблюдается повсюду поодиночке и никогда не образует летом многочисленных стай.

Тотчас по прилете чечевицы можно слышать ее необыкновенно привлекательное, разнообразное и звучное пение, которое хотя и напоминает пение щегла, коноплянки и канарейки, но все же настолько своеобразно, что его нельзя смешать с пением какого-либо другого вьюрка. Это пение настолько же разнообразно, насколько и благозвучно, настолько же мягко, насколько привлекательно, и вообще принадлежит к числу лучших, какие могут раздаваться из горлышка вьюрков. На Камчатке, как сообщает нам Китлиц, эту песню остроумно передают русскими словами «чевичу видел». «Чевича» — самый крупный вид тамошних лососей, самая ценная из всех рыб этой страны, а потому и самая лучшая пища жителей; она появляется на Камчатке приблизи-

тельно одновременно с описываемой птицей. Таким образом, песня обыкновенной чечевицы как будто возвещает появление лосося, и потому в этой стране, где жители питаются главным образом рыбой, чечевица является вестником не только весны, но и сопровождающей ее обильной ловли рыбы». Действительно, в строфах песни часто слышатся звуки, похожие на вышеупомянутые русские слова с особым ударением. Во время пения самец свободно усаживается на верхушке куста, в котором или поблизости от которого находится гнездо, нахохливает перья на темени и груди, как бы желая выказать все великолепие своего оперения, затем исчезает внутри куста и издает там еще несколько бормочущих строк, но скоро снова показывается и начинает пение. Движения его напоминают движения коноплянки, на которую он похож и своей неутомимостью.

В неволе чечевицы крайне приятные птицы, но цвет их перьев так непрочен, как ни у какого другого вьюрка, отличающегося такою же красотой красок. Птицы теряют уже блеск и яркость цвета, если их трогать рукою, и при ближайшей линьке получают плохо окрашенную одежду, притом они редко выживают в клетке несколько лет.

У щура (*Pinicola enucleator*) тело толстое, клюв со всех сторон выпуклый, верхняя половинка клюва загнута большим крючком над нижней и имеет несколько извилистые края; ноги относительно коротки, но толсты, пальцы сильные, когти большие; крылья достигают трети хвоста. Хвост довольно длинен и снабжен вырезкой посередине; оперение отличается густотой и своеобразною красотой цветов. У старых самцов преобладающий цвет — красивый смородинно-красный, у самок и годовалых самцов цвет имеет более желтоватый оттенок; горло окрашено светлее, а крылья украшены двумя белыми поперечными полосками. Отдельные перья при основании пепельно-серые; вдоль стержня черноватые, на конце смородинно-красные или же красно-желтые и испещрены местами посередине более темными пятнами; напротив, по краям они обыкновенно имеют более светлую кайму, благодаря чему происходит волнистый рисунок; маховые и рулевые перья черноватые с более светлыми краями. Глаза темно-карие, клюв грязно-бурый, на конце черноватый, нижняя половинка клюва светлее верхней, ноги серо-бурые. Длина птицы достигает 22 см, размах крыльев 35, длина крыла 12, хвоста 8 см.

Родиной этой красивой птицы следует считать все страны, лежащие далеко на севере. Насколько известно, щур нигде не встречается в большом числе, напротив, летом он живет парами или поодиночке в обширной области и собирается в стаи только осенью. Соединившиеся в это время стаи кочуют в течение всей зимы по северным лесам, приближаются к одиноко лежащим фермам, а с наступлением весны снова возвращаются на места своего гнездования. Отдельные щуры появляются в качестве пе-

релетных птиц если и не ежегодно, то почти в каждую суровую зиму в Германии, а также в Прибалтийских губерниях, в северной России и похожих местностях северной Азии и Америки; напротив, многочисленные стаи этих птиц редко доходят до нас; только при особенных обстоятельствах, именно если значительное выпадение снега вынуждает их переселяться в более южные страны, случается, что стаи соединяются между собою, и таким образом собираются большие массы птиц. В 1790, 1795, 1798 и 1803 годах щуры появились в таком большом числе на побережье Балтийского моря, что около одной Риги можно было каждую неделю ловить около 1000 пар; в 1821, 1822, 1832, 1844 и 1878 годах они появились в бесчисленном множестве в Пруссии; в 1845, 1856, 1863, 1870 и 1871 годах они встречались здесь, а также в Померании в менее значительном числе.

Стаи, прилетающие к нам, выказывают себя общительными птицами, держатся днем целыми обществами, вместе перелетают с места на место, вместе отправляются отыскивать пищу, а также и место для ночлега. И на чужбине они предпочитают держаться в привычных им хвойных лесах; особенно охотно отыскивают они, по-видимому, те леса, в которых подлесок состоит из можжевельника. В лиственных лесах они встречаются гораздо реже, безлесные равнины они перелетают как можно быстрее. Вначале на чужбине они выказывают себя безобидными, доверчивыми птицами, которые еще не испытали коварства человека. Они продолжают спокойно сидеть, если наблюдатель или охотник приближается к дереву, на котором они собрались, неразумно и смело смотрят стрелку в дуло ружья и, как будто озадаченные, предоставляют охотнику ловить их или убивать выстрелами одного за другим, не думая о бегстве. Некоторым щурам, занятым едою, с успехом надевали на голову петли, прикрепленные к длинным палкам; вообще оказалось, что для ловли их можно применять самые грубые приспособления. Все, кто имел случай наблюдать их на свободе, рассказывают о трогательной привязанности щуров к своим товарищам. Так, на токе для ловли птиц однажды поймали сразу трех щуров из стайки, состоявшей из четырех птиц, и, к немалому удивлению, заметили, что оставшийся на свободе добровольно подполз также под сеть, как бы с намерением разделить с другими их участь. Однако было бы ошибочно смотреть на такое поведение щуров как на доказательство их ограниченности; опыт научает и их умозуму и делает их такими же недоверчивыми, боязливыми и осторожными, какими они обыкновенно бывают, по словам Коллета, на местах своего гнездования.

По своему поведению щур сильно напоминает клеста. Он выказывает себя настоящей древесной птицей, которая чувствует себя вполне дома на ветвях и, напротив, чужою на земле. В верхушках деревьев он очень искусно лазает с ветви на ветвь и лег-

* Корм птенцов
всегда содержит
насекомых, однако
далеко не одних
комаров.

ко перепрыгивает через довольно широкие промежутки; по воздуху он летает довольно быстро, описывая, подобно большинству выюрков, широкие волнообразные линии и паря лишь на коротком расстоянии перед тем, как сесть; по земле же, если спускается на нее, он движется неуклюжими прыжками. Призывный звук его похож на звук флейты и приятен; он сходен с зовом снегиря. Пение, которое раздается в течение всей зимы, очень разнообразно и благодаря мягким, чистым флейтовым тонам в высшей степени привлекательно. В течение зимних месяцев редко можно составить себе правильное представление о звонкой песне щура; птица поет тогда тихо и отрывисто; весной же, когда в щуре пробуждается любовь, он поет с большим жаром, громко и долго, так что может доставить удовольствие и тому, кто знаком с пением искуснейших пернатых певцов. В светлые, как день, летние ночи своей родины он поет особенно усердно, и потому в Норвегии его называют «ночным стражем». Нрав у него тихий и миролюбивый; супруги выказывают друг другу сильную преданность и нежность.

На свободе щур питается семенами хвойных деревьев, которые он или вытаскивает между открытыми чешуйками шишек, или подбирает с ветвей и с земли; кроме того, он охотно ест различные другие семена и ягоды и считает лакомством древесные почки и зелень вообще. В летние месяцы, может быть, он питается между прочим и насекомыми, особенно чрезвычайно многочисленными на его родине комарами, и выкармливает ими своих птенцов; однако на этот счет не существует точных наблюдений*.

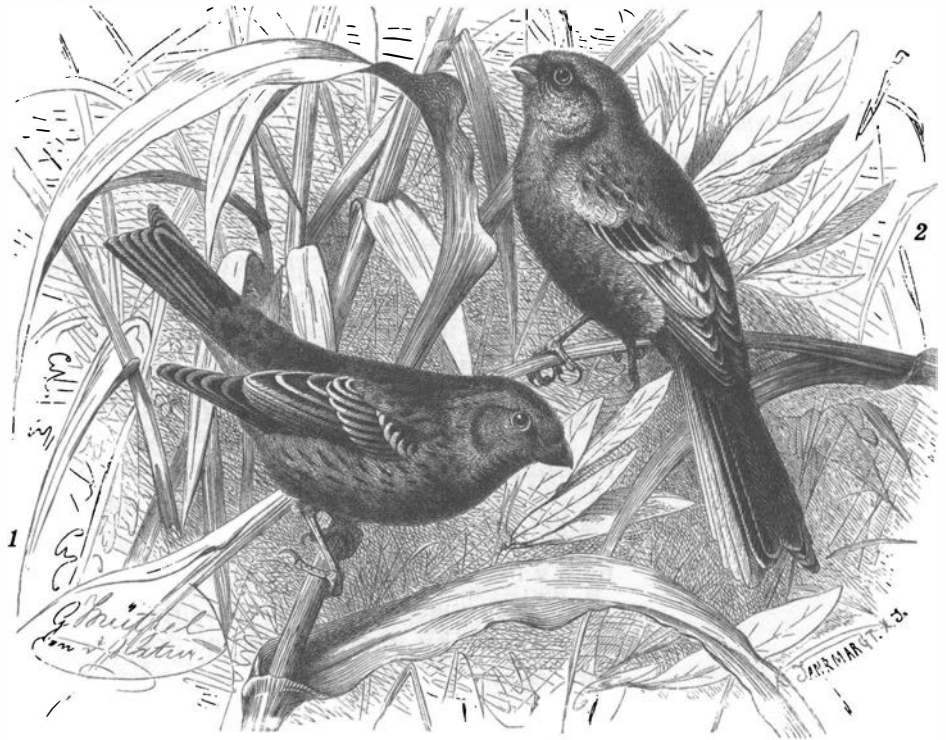
О размножении щура мы имеем до настоящего времени лишь скудные данные. Судя по наблюдениям Уоллея, гнездо щура в Лапландии находится постоянно на низких елях, приблизительно в 4 м над землей. Длинные, тонкие гибкие ветви образуют иногда крайне рыхло сплетенный наружный слой гнезда; более тонкие корни, древесные лишай и, может быть, также соломины составляют внутреннюю выстилку, которая иногда лишь неплотно связана с наружным слоем. Кладка состоит обычно из 4 яиц. По наблюдению Наумана, на яйцах сидит только самка; самец между тем развлекает ее своими прекрасными песнями.

Пойманные щуры в несколько часов привыкают к клетке, без затруднения принимают за соответствующий корм, скоро становятся настолько же ручными, как какой-либо из снегирей, но редко выживают долго в клетке и при первой линьке безвозвратно утрачивают свой великолепный цвет.

Урагус, или **длиннохвостый снегирь** (*Uragus sibiricus*) живет в болотистых, поросших тростником местностях восточной Азии, в восточной Сибири, в восточном Туркестане и в восточном Китае и Маньчжурии, но иногда, говорят, залетает в южную Европу, даже в Венгрию. Радде встречал его в течение всего года в местностях

по среднему течению Амура. Позднею осенью пары собираются в стайки от 10 до 30 штук и кочуют по окрестностям, издавая однообразные свистящие звуки. «Около Иркутска стаи эти появляются в большом числе только в конце сентября. Птицеловы ловят их там вместе с синицами, клестами, обыкновенными снегирями и альпийскими дроздами; но длиннохвостый снегирь только короткое время держится в клетках и при этом почти совершенно теряет свойственную ему живость. До ноября они встречаются чаще всего при пролете. Позднее отдельные пары остаются там на зиму и живут вместе со снегирями на густо поросших кустарником берегах ручьев, а также около скирд хлеба, которые часто устраиваются на засеянных прогалинах лесов недалеко от деревень. На реке Ононе урагус появляется в сентябре вместе со свиристелем и живет больше на островах. В горах Малого Хингана я видел большие стаи этих снегирей только в конце сентября. Они были, как всегда, очень резвы. Никогда они не летают вместе, а постоянно поодиночке и при этом все время издают призывный звук. Полет происходит очень отлогими дугами, причем крылья несколько шумят». Птица эта очень часто встречается в Даурии. По словам Дыбовского, которому мы обязаны наиболее подробными сведениями об образе жизни урагуса, он там живет летом на южных склонах гор и только позднею весною переселяется в низменность, именно в густые рощи, окаймляющие берега рек, ручьев и ключей в степи.

Обыкновенный снегирь (*Pyrrhula pyrrhula*) отличается тем, что верхняя часть головы и горло, крылья и хвост блестящего чисто черного цвета, спина пепельно-серая, надхвостье и нижняя часть брюха белые, вся остальная нижняя сторона яркого светло-красного цвета. Самку легко отличить по пепельно-серой окраске нижней стороны и вообще менее ярким цветам. Длина птицы достигает 17 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, хвоста 6 см.

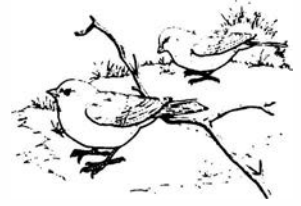
1 — Сибирская
чечевица
(*Carpodacus roseus*)
2 — Урагус
(*Uragus sibiricus*)

** Снегирь в Европе распространен шире, чем указывает Брем, он заселяет практически всю эту часть света вплоть до северной границы древесной растительности, не гнездится только в тундре, но регулярно туда залетает. Отсутствует он на самом юге Европы: в Испании, на юге Греции и островах Средиземного моря.*

Снегирь населяет всю Европу, за исключением востока и севера, но живет на юге нашей части света лишь в качестве зимнего гостя*.

«У немцев слово «снегирь» (Gimpel), — говорит мой отец, — общеизвестно в качестве бранного слова для обозначения ограниченного человека, что заставляет предположить о глупости этой птицы. Нельзя отрицать, что она существо безобидное, вовсе не способное избегать преследований человека: стрелять и ловить снегиря легко. Однако глупость этой птицы далеко не так велика, как глупость клеста: хотя после выстрела, которым убит один из снегирей, остальное общество иногда и садится на то же дерево или около него, но все же я не знаю случая, чтобы нераненый снегирь продолжал сидеть на месте после выстрела, что подчас случается с клестами. Если бы снегирь был действительно так глуп, как думают, то как мог бы он научиться так хорошо насвистывать песни? Выдающуюся черту составляет в нем любовь к своим собратьям. Если убивают одного из снегирей, то остальные долгое время издают жалобные крики и с трудом решаются оставить то место, где погиб их товарищ; они непременно хотят взять его с собою. Это особенно заметно, если общество мало. Такая сильная привязанность меня часто трогала. Однажды я застрелил одного из двух самцов снегирей, сидевших на изгороди, другой улетел и удалился на столько, что я потерял его из виду, возвратился и сел на тот самый куст, в котором он потерял своего товарища. Подобных примеров я мог бы привести несколько.

Насколько неловка прыгающая походка снегиря на земле, настолько ловок он на деревьях. Он сидит, то держа тело горизонтально и подогнув ноги, то приподнявшись и сильно вытянув ноги; часто он привешивается к ветви снизу. Свои рыхлые и длинные перья он редко вполне прижимает к телу, и потому обыкновенно кажется гораздо больше, чем он есть в действительности. На лету, перед тем как улететь, тотчас после того, как сядет, и при клевании семян и зерен он выглядит стройным и красивым; в клетке он почти всегда несколько свешивает перья. Великолепное зрелище представляет дерево, покрытое сидящими снегирями. Летом красный цвет самцов красиво выступает на зелени листьев, зимою — на белом фоне инея и снега. Снегири, по-видимому, совершенно нечувствительны к холоду: в самые суровые зимы они очень бодры, если только не терпят недостатка в пище. Их необыкновенно густое оперение служит им достаточной защитой. Оно оказывает большое влияние и на полет; он легок, но медленен, волнообразен и имеет некоторое сходство с полетом зяблика. Как и этот последний, снегирь очень заметно раздвигает и сжимает маховые перья. Перед тем как сесть, снегири часто парят, но иногда бросаются внезапно вниз, сильно подтянув назад крылья. Зов, издаваемый обоими полами, жалобное «июг» или «люи», доставил этой птице в Тюрингене название «Lubich». Этот

звук снегирь издает чаще всего на лету, собираясь улететь или собираясь сесть, и, смотря по различному выражению, звук этот служит то призывным, то предостерегающим, то жалобным. Другие снегيري каждый раз его понимают правильно. Из этого видно, что эти птицы очень тонко различают звуки, так как малейшие изменения в призывном звуке, которые часто едва заметны для человека, ими понимаются всегда правильно. Пение самца не представляет ничего особенного; оно отличается несколькими трескучими звуками и с трудом поддается описанию. На свободе оно раздается до и во время периода размножения, а в неволе почти круглый год».

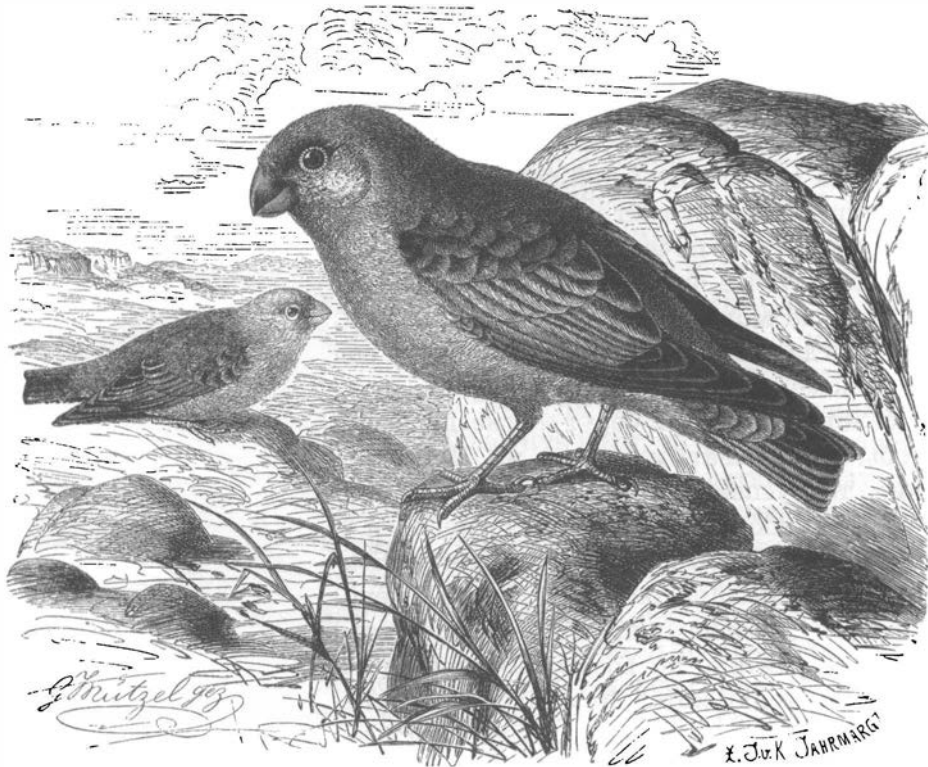
Пищу снегиря составляют семена деревьев и трав; между прочим он поедает зерна некоторых ягод, а летом много насекомых. Сосновые и еловые семена он не может хорошо доставать из шишек и поэтому обыкновенно подбирает их с земли. Зерна ягод он с большою ловкостью отделяет от мякоти, которую отбрасывает как несъедобную. Зимой присутствие снегирей легко узнать по тому, что земля под деревьями, на которых есть ягоды, как бы усеяна мякотью их. Однако птица принимается за такую пищу лишь в случае нужды и всегда предпочитает ей семена. Для облегчения пищеварения снегирь проглатывает также и песчинки. Он может быть вреден откусыванием почек плодовых деревьев; но так как он нигде не встречается в значительном количестве, то причиняемый им вред едва ли может заслуживать внимания, кроме разве такого случая, когда стая прилетит в маленький сад и долго проживет здесь без помехи.

В гористых странах молодых снегирей берут из гнезда, когда они еще не оперились, чтобы воспитывать и обучать их. Чем раньше можно начать обучение, тем успешнее результаты. В Тюрингенском лесу ежегодно воспитывают сотни молодых снегирей и затем отвозят через посредство особых торговцев птицами в Берлин, Варшаву, Петербург, Амстердам, Лондон, Вену, даже в Америку. Обучение начинается с первого дня неволи, и главное искусство заключается в том, чтобы сам учитель по возможности чисто и всегда равномерно выполнял ту песню, которой хотят научить снегиря. Пробовали обучать с помощью шарманки, но добились немногочисленного. Даже флейта не может дать таких результатов, как искусный свист человека. Некоторые снегيري без особенного труда заучивают две-три мелодии, между тем как другие навсегда остаются плохими певцами; некоторые сохраняют выученное на всю жизнь, другие забывают выученное, а именно во время линьки. Самки тоже заучивают песни, но никогда, даже приблизительно, не могут сравниться с самцами. Из последних некоторые становятся настоящими виртуозами. «Я слышал, — говорит мой отец, — как коноплянки и черные дрозды недурно насвистывали ту или другую песню; но ни одна из птиц Германии не может сравниться со снегирем по чистоте, мягкости и полноте звука. Невероятно, до

каких результатов можно довести его обучение! Он часто заучивает мотивы двух песен и выполняет их так певуче, что нельзя наслушаться». Помимо дара подражания снегирь отличается от всех других вьюрков легкой приручаемостью, безграничной привязанностью и несравненной преданностью своему хозяину; он вступает с ним в тесную дружбу, радуется его присутствию и печалится, если его нет, даже умирает от чрезмерной радости или горя, которые доставляет ему хозяин. Без особенного труда его можно приучить вылетать из клетки и снова возвращаться в нее. В клетках снегيري легко размножаются. Итак, эти птицы соединяют в себе множество превосходных качеств.

Пустынный снегирь (*Bucanetes githagineus*) имеет великолепно окрашенное оперение, как бы смешанное из атласно-серого и розово-красного. С возрастом красный цвет занимает большее

протяжение и становится ярче; красивее всего птица весной, когда оперение достигает высшей степени яркости, так что по красоте далеко оставляет позади себя блестящий пурпур украшающего наши посевы куколя, от которого эта птица получила свое латинское название. К осени оно заметно бледнеет и тогда более сходно с оперением самки, главный цвет которой яркий желто-красный. Можно заметить различные степени яркости окрас-

Пустынный снегирь
(*Bucanetes githagineus*)

ки: некоторые самцы точно выкупаны в крови, другие песчано-серого цвета. Красное красящее вещество не ограничивается оперением, а распространяется и на верхний слой кожи тела, так что ошипанный пустынный снегирь оказывается действительно маленьким «краснокожим». У самки вся верхняя сторона тела буровато-серая, нижняя сторона более светлая серая, с красноватым налетом, брюхо грязно-белое. Длина птицы достигает 13 см, размах крыльев 22, длина крыла 9, хвоста 5 см.

Тот, кто хочет познакомиться с местом жительства этого снегиря, должен отправиться в пустыню, так как ей в широком

смысле этого понятия принадлежит эта птица. Болле нашел ее как обыкновенную гнездящуюся птицу на Канарских островах, и преимущественно на Лансароте, Фуэртавентура и Гран-Канарио. Я встречал ее не менее часто в большей части верхнего Египта и в Нубии до самых степей, где она постепенно исчезает; но я находил ее отдельными экземплярами и в пустынной Аравии; кроме того, она распространена по Персии и Синду. Со своей родины пустынный снегирь каждую зиму посещает в качестве гостя остров Мальту, залетает также на греческие острова, в Прованс и Тоскану*. Местность, которую он предпочитает, должна прежде всего быть лишена деревьев и прогреваться жгучим солнцем. «Пугливая птица, — говорит Болле, который описал пустынного снегиря подробнее, чем кто-либо до него, — хочет, чтобы ее глаз мог свободно блуждать по равнине или холмистой местности. Он предпочитает сухие и каменистые места, где поднимающаяся в полуденный зной струя воздуха ревет над обожженными камнями. Редкая трава, выросшая между камнями, высохшая и пожелтевшая за лето, разбросанный там и сям низкий кустарник — этого уже достаточно, чтобы пустынный снегирь чувствовал себя хорошо на этом месте. Таким образом, пустынный снегирь скорее может считаться птицей, предпочитающей мелкие камни скалам; это толстоклювая птица с нравами каменки. Пустынные снегيري живут всегда семействами или маленькими стайками, если их не разлучают заботы, связанные с размножением. Резвая птичка прыгает с камня на камень или скользит по воздуху, по большей части низко над землей. Взгляд редко может долго следить за нею, так как красновато-серое оперение старых птиц очень незаметно сливается с таким же цветом камней и еще более с цветом лишенных листьев стволов и ветвей молочая, а песчано-желтый цвет молодых — с цветом песка, туфа или извести. Мы скоро потеряли бы его след, если бы его голос, одна из главных особенностей этой птицы, не служил нам проводником при отыскании его. Слушайте! Раздается звук, похожий на звук маленькой трубы: он растянут и как бы дрожит в воздухе, и если наш слух тонок и мы слышали хорошо, то перед этим странным звуком или тотчас после него мы уловим несколько тихих серебряных нот, которые чисто, как колокольчик, звучат в тишине пустыни. Иногда же слышатся странные низкие звуки, похожие на кваканье канарской лягушки, но менее грубые, которые, быстро повторяясь, следуют друг за другом; а им отвечают почти такие же, но более слабые звуки, похожие на звуки, издаваемые чревощителем, которые как будто бы доносятся издали. В высшей степени трудно передавать буквами звуки пения птиц; по отношению к пустынному снегирю это было бы особенно затруднительно. Это голос совершенно своеобразный, как бы принадлежащий другому миру; чтобы составить себе о нем правильное понятие, его надо слышать. Никто не станет ожидать настоящей песни от

** Известно одно место гнездования пустынного снегиря в Европе. Это очень небольшой район на самом юго-востоке Испании, заселенный пустынным снегирем не более 30 лет назад.*

птицы подобных местностей. Упомянутые странные звуки, к которым снегирь прибавляет часто еще ряд каркающих и трескучих, заменяют у него пение. Они до такой степени соответствуют по своей странности необыкновенной обстановке, что их всегда слушаешь с удовольствием и, когда они смолкнут, прислушиваешься, не раздадутся ли они снова. Там, где почва состоит только из сыпучего песка, этот снегирь исчезает. Он не создан для того, чтобы бегать по песку, как франколин или бегунчик. Он, по-видимому, не особенно ищет также крутых скалистых гор. Но тем более любит те бесплодные, черные потоки лавы, полные зияющих, как на глетчерах, трещин и расщелин, на которых едва ли зеленеет хоть одна былинка: такие места, по-видимому, привлекают пустынных снегирей теми надежными убежищами, которые они предоставляют в своих недрах. Никогда не случается видеть, чтобы пустынный снегирь садился на дерево или куст. В более населенных странах эти птицы довольно пугливы; но там, где их окружает одиночество и тишина пустыни, они еще очень доверчивы, особенно молодые, и часто случается неожиданно заметить их сидящими поблизости на камне, с которого они смотрят в лицо путешественнику своими веселыми черными глазками».

То же самое наблюдается и в странах, лежащих на Ниле. Здесь пустынный снегирь оживляет скалистые берега Нила, часто в изумительном множестве. Там, где пустыня доходит до долины реки, можно быть уверенным, что встретишь его. В северной и средней Нубии он, подобно нашим вьюркам, спускается на поля или кочует по ним и среди гор стаями по 50—60 штук. Чем скалы более дики и покрыты расщелинами, тем вернее можно найти его. В настоящей пустыне он тоже попадает, но почти исключительно поблизости от колодцев. Здесь он по большей части самая обыкновенная птица и населяет эту бедную область вместе с маленькими пустынными жаворонками и овсянками.

Пища этой птицы состоит на свободе почти исключительно из различных семян, может быть, также из зеленых листьев и почек; насекомыми она, по-видимому, пренебрегает*. Вода составляет для нее потребность. «Как бы ни был источник беден водою, мутен и тепловат, он должен все же находиться на таком расстоянии, чтобы птица могла достигать его, по крайней мере раз в день, хотя бы ей и приходилось пролетать для этого целые мили». Пустынный снегирь показывается утром и после полудня обществами на водопое, пьет много и длинными глотками, а затем купается на мелком месте.

В марте начинается период размножения. Самцы одеваются в свой великолепный наряд и отделяются от стаи вместе с избранной самкой. Тристрам сообщает, что гнездо состоит из тонких корешков и гибких травинок. 3—4 яйца**, длиной около 18, толщиной 12 мм, на бледно-зеленом фоне цвета морской воды

**Насекомых пустынный снегирь использует в пищу регулярно, но в небольшом количестве.*

*** Обычно в кладках пустынных снегирей 4—6 яиц.*

разрисованы красно-бурыми точечками и пятнами, которые на остром конце очень редки, разбросаны также и на остальной поверхности, но к тупому концу обыкновенно образуют венчик из тонких разводов, зигзагообразных линий и больших светло-красно-бурых пятен с неясными краями.

Пойманные пустынные снегири представляют редкое явление в наших клетках, так как на родине их не преследуют. Поведение их крайне привлекательно; их невзыскательность так же замечательна, как и их легкая приручаемость.

Самый большой и притом самый сильный вид клестов — **клест-сосновик** (*Loxia leucoptera*). Длина его достигает 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 11, хвоста 7 см. Клюв замечательно сильный, толстый и высокий, согнут сверху и снизу в виде почти полного полукруга и лишь немного перекрещен. Голова, горло, зоб, грудь и брюхо более или менее яркого красного цвета, впереди от светлого суриково-красного до смородино-красного; щеки сероватые, горло с пепельно-серым налетом. Перья спины серовато-красные, перья надхвостья более яркого красного цвета, чем остальные мелкие перья; перья нижней части брюха светло-пепельно-красные или беловатые с серо-красноватым налетом. У самки перья темени и спины ясного черного цвета.

Клест-еловик (*Loxia curvirostra*) меньше предыдущего, клюв его более вытянут в длину и менее загнут, перекрещивающиеся концы его длиннее и уже, чем у сосновика. Длина равняется 17 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, а хвоста 6 см.

Клесты принадлежат к тем представителям класса, которых мой отец удачно назвал «птицами-цыганами». Подобно этому замечательному народу, они внезапно появляются в известной местности, остаются здесь долгое время, с первого дня чувствуют себя как дома, здесь даже размножаются и исчезают так же внезапно, как появляются. Их переселения стоят в известном соответствии с обилием семян в хвойных лесах, причем нельзя, однако, установить определенного правила. Вследствие этого их может не быть целые годы в нашем краснолесье, и затем они снова во множестве поселяются в нем. Только местопребывание их в данное время может быть определено, отечество же их беспредельно. Все названные виды выводят птенцов в северной Европе, но также и во всей северной Азии, где она покрыта лесами, и очень вероятно, что последнюю часть света должно считать их первоначальной родиной. Если в сплошных лесах хорошо уродились еловые и сосновые семена, то в них уже слышится хорошо известное всем ловцам «гёп-гёп-гип-гим» или «цок-цок» этих птиц, а в благоприятном случае можно слышать и очень приятное для многих пение самца. Если лес изобилует кормом, то они приступают к размножению, в противном случае они некоторое время кочуют и селятся в другом, более удобном месте. Они скоро отыскивают самые удобные места для более продолжительно-

го пребывания, которые и служат местами вечерних сборищ для кочующих днем туда и сюда стай, а равно отчасти и настоящим местожительством.

Все клесты птицы общественные, которые хотя и разделяются на пары в период размножения, но не прерывают связи с другими; это древесные птицы, которые только в случае нужды спускаются на землю, чтобы напиться или воспользоваться несколькими упавшими шишками. Они лазают очень искусно, причем, подобно попугаям, придерживаются и помогают себе клювом, свешиваются вниз или вверх головой, хватаясь ногой или клювом за ветви или шишки, и без затруднения остаются по нескольку минут кряду в этом, по-видимому, столь неудобном положении. Они летают быстро и относительно легко, хотя на большое расстояние летят неохотно; на лету поочередно то сильно расширяют крылья, то вдруг притягивают их к телу, благодаря чему полет их становится волнообразным. В пору ухаживания за самками они поднимаются кверху, весело порхая над вершинами леса, держатся, трепеща крыльями, на одном месте, покоят и затем медленно опускаются, плавно слетая к своему обычному месту сидения. Днем, за исключением разве полуденных часов, они почти всегда в деятельности. На водопой они отправляются к полудню, летом уже к 10 или 11 часам утра. Они мало или вовсе не обращают внимания на других животных леса, а также и человека, которому они, а в особенности в первые дни после своего появления, достаточно ясно показывают, что не научились еще видеть в нем врага. Это привело некоторых к ошибочному мнению, будто бы клесты очень глупые птицы; мнение это подтверждали наблюдениями, которые, во всяком случае, доказывают слишком большую безобидность этих птиц. Но если познакомиться с клестами ближе, то можно скоро убедиться, что и они становятся умнее под влиянием опыта и что вообще они вовсе не так глупы, как кажутся. Ловля клестов и охота за ними представляют мало трудностей, так как общительность этих птиц так велика, что они часто ради нее неосмотрительно рискуют своей свободой. Однако это не говорит о недостатке у них понятливости, а скорее о хорошем нраве этих поистине добродушных птиц. Самец, самку которого только что убили, иногда продолжает сидеть озадаченный и печальный на той самой ветви, с которой упала после выстрела его подруга, или, ища ее, возвращается не один раз на место печального происшествия. Но если ему несколько раз придется убедиться в коварстве человека, то он становится очень пугливым.

Призывный голос сосновика, издаваемый как самцом, так и самкой, состоит из вышеупомянутого «геп-геп» или «гип-гип» и «цок-цок». Зов еловика, который он издает на лету, но также и сидя, есть «гип-гип», более высокое и слабое, чем у сосновика. Этим «гип» подается сигнал к взлету, делается предостережение и удерживается вместе стая. Если они сидят и один из них

станет громко кричать «гип», то все остальные настораживаются и улетают обыкновенно за крикнувшим. Но если они едят и мимо пролетает несколько других, которые издают этот зов, то занятые едой обычно не оставляют своей работы и лишь изредка, приглашая сесть, кричат им «цок-цок». И это «цок», звучащее выше и чище, чем у сосновика, собственно и служит зовом. Пение самца многим чрезвычайно нравится. Обыкновенно сосновик поет лучше еловика, но песни обоих похожи одна на другую. Они состоят из громкой строфы, за которой следует несколько щебечущих, слабых и не далеко слышных тонов. На свободе они поют громче всего, если погода хорошая, ясная, тихая и не слишком холодная; в ветреные и бурные дни они почти всегда молчат. Во время пения они, как правило, выбирают самые верхушки и лишь в течение любовного периода щебечут и болтают и на лету. Самки иногда тоже поют, но тише, и песни их более спутанна. В клетке клесты поют почти весь год, за исключением разве времени линьки.

Пища клестов состоит преимущественно из семян лесных деревьев. Для добывания этой пищи им необходим их крепкий перекрещенный клюв. Нужна большая сила и ловкость для того, чтобы открывать шишки сосен и елей и добраться до хорошо скрытых семян; этими обоими качествами в высокой степени обладает клюв клеста. Клест подлетает, привешивается к шишке вниз головою, или кладет шишку на ветвь и садится на нее, или откусывает ее, переносит на ветвь и крепко держит сильными, длинными и острыми когтями. «Очень красивое зрелище, — продолжает мой отец, — представляет еловик, когда эта маленькая птица переносит с одного дерева на другое еловую шишку средней величины. Обыкновенно он схватывает ее клювом так, что ее конец направлен прямо вперед, и с незначительным усилием летит за 10 и даже 20 шагов на соседнее дерево, чтобы там ее вскрыть; дело в том, что не на всех деревьях он находит такие ветви, на которых может удобно открывать шишки. Это раскрытие шишек производится следующим образом: кончиком верхней половины клюва клест разрывает посередине, если шишка крепко висит или лежит, широкие чешуйки шишки, всовывает под них несколько открытый клюв и вынимает семя боковым движением головы. Теперь он может легко втолкнуть семя в клюв, где оно освобождается от летучки и кожицы и проглатывается. Очень большие шишки клест не раскрывает. Клюв, согнутый над тем местом, где половинки его перекрещиваются, имеет в высшей степени важное значение для него и для других представителей того же рода при раскрытии шишек; такой клюв надо лишь немного открыть, чтобы придать ему чрезвычайно большую ширину, так что чешуйку очень легко отогнуть с помощью бокового движения головы. Раскрытие шишек производит треск, хотя и незначительный, но все же достаточно громкий, чтобы его можно

было слышать под деревом. Еловик редко выедает откушенные шишки начисто, как делают другие представители этого рода с сосновыми шишками, а часто сбрасывает их вниз совершенно нераскрытыми или открытыми наполовину или на треть. Они поступают таким образом даже с шишками, полными семян; делают это не только молодые птицы, как думает Бехштейн, но и старые; поэтому земля под теми деревьями, на которых некоторое время были заняты едой несколько клестов, иногда бывает покрыта или по крайней мере усеяна шишками. Улетая, они бросают все свои шишки. Если на деревьях лишь немного шишек или они выедены, то клесты отыскивают опавшие и раскрывают их таким же образом, как и висящие на деревьях».

Еловик редко принимается за сосновые шишки, которые гораздо труднее раскрывать; он не обладает достаточной силой для этой работы. Напротив, сосновик без труда открывает и их, так как он может поднять сразу все чешуйки, лежащие под той, под которую он засунул свой клюв. Оба вида взламывают чешуйки шишек всегда верхней половинкой клюва и прижимают нижнюю к шишке; благодаря этому те клесты, у которых клюв загнут направо, всегда обращают его кверху правой стороной, а те, у которых он загнут налево, — левой. В 2—3 минуты птица справляется с шишкой, бросает ее, приносит себе другую и раскрывает эту. Она продолжает это до тех пор, пока не наполнит свой зоб. По лежащим на земле шишкам можно узнать, что в лесу есть клесты. Если им не мешать, то они по целым часам сидят на одном и том же дереве и по целым неделям не оставляют ту местность, куда раз забрались. Пока они находят хвойные семена, они едва ли принимаются за другую пищу, но в случае нужды едят семена клена, граба и бука, а также маслянистые семена; между прочим, они во всякое время очень охотно едят и насекомых, именно тлей, которых собирают и в садах и на огородах лесных деревьев.

Закономерным следствием работы на смолистых ветвях и шишках является то, что клесты часто сильно пачкаются. Они так же чистоплотны, как и большинство других птиц, и заботливо чистятся после каждой еды, чтобы освободиться от приставших частиц смолы, целые минуты точат клюв о ветви, но не всегда могут держать оперение в таком порядке, как бы желали, и часто случается, что перья их покрываются толстым слоем смолы. Мясо клестов, которые долгое время ели исключительно семена хвойных деревьев, так пропитывается смолой, что после смерти долго не подвергается гниению. «Мясо, — говорит мой отец, — получает, правда, особый противный запах, но, собственно, не загнивает. Надо только оберегать его от мясных мух; если они доберутся до мяса, то кладут в него яички и выходящие из них личинки грызут и поедают его. Я несколько раз делал опыты в этом направлении и всегда получал один и тот же результат: передо мною

лежит клест, убитый летом в самую жару и все же сохранивший все перья; я видел также мумию, которой было 20 лет». Что именно принятая внутрь смола служит причиной этого странного явления, вытекает из других наблюдений: если клест питался некоторое время насекомыми, то его тело так же быстро подвергается гниению, как и у других маленьких птичек.

Общество клестов всегда служит большим украшением лесных деревьев, но всего красивее они зимою, когда толстый слой снега покрывает ветви. Красные птички резко выделяются тогда на тусклой зелени хвои и белом снегу и превращают всю вершину в рождественскую елку, красивее которой нельзя ничего и придумать. К привлекательному цвету их оперения присоединяется их бодрая, веселая жизнь, их тихая, но непрерывная деятельность, проворное лазание вверх и вниз, их чириканье и пение, способные очаровать кого угодно.

Известно, что клесты гнездятся во все месяцы года, как в середине лета, так и в студеную зиму, когда деревья и кусты покрыты снегом и все остальные лесные птицы почти совершенно безмолвны. В пору витья гнезд стая разделяется на отдельные пары. Каждый самец, выбравший себе самку, садится на самую верхушку высочайшего дерева, усердно поет, издает продолжительный призывный звук и беспрестанно поворачивается, чтобы показать себя самке во всей красе. Если эта последняя не приближается, то он перелетает на другое дерево и снова поет и зовет; если же недоступная подруга приближается, то он тотчас же спешит за нею и, играя, гоняет ее с ветви на ветвь. При этом ухаживании сосновик обыкновенно выполняет еще особые воздушные игры, поднимается, трепещет крыльями, порхает и поет, но, как и еловик, всегда возвращается на то же дерево. Гнездо находится то на далеко выступающей ветви, и притом в развилине или на толстой ветке около ствола, то около верхушки, то далеко от нее, однако всегда занимает такое положение, что перед гнездом или над ним проходят ветви, которыми оно защищено от падающего снега и в то же время по возможности скрыто. Эта искусная постройка, наружные стенки которой сделаны из сухих еловых прутиков, вереска, сухих стебельков травы, а главным образом из еловых лишайев, древесного и земляного мха, выложена внутри отдельными перьями, стебельками травы и хвоей. Стенки толщиной приблизительно в 3 см и превосходно сотканы; углубление относительно глубоко.

Кладка состоит из 3—4 относительно маленьких яиц, длиной не более 28 мм, толщиной 22 мм, которые на серовато- или голубовато-белом фоне усажены неясными пятнами и черточками кроваво-красного, кроваво-буроватого или черно-бурого цвета. Заботливая мать горячо предается насиживанию, между тем как самец со своей стороны охотно берет на себя выпадающую на его долю заботу кормить самку. Птенцы, которых родители очень

любят, получают с первого дня жизни в пищу еловые и сосновые семена, сначала размягченные и полупереваренные в зобе взрослых, потом более твердые; они быстро растут и скоро становятся очень проворными и бодрыми, но дольше, чем все другие воробьиные птицы, требуют особого попечения родителей, так как клюв их перекрещается лишь после вылета, и они поэтому до тех пор не в состоянии открывать еловых и сосновых шишек. Поэтому еще долго после вылета они осаждают работающих родителей, кричат не переставая, как неблаговоспитанные дети, поспешно летят за родителями, если эти последние оставляют дерево, или издают долгий и боязливый зов, пока те не возвратятся. Понемногу старики приучают их к работе. Сначала родители предлагают им полуоткрытые шишки, чтобы они упражнялись в открывании чешуй, потом они получают откушенные шишки целыми. Даже тогда, когда они уже могут есть сами, родители некоторое время водят их и только впоследствии предоставляют самим себе.

Охота за клестами и ловля их не представляют никаких трудностей. Только что прилетевшие к нам позволяют охотнику подойти близко и часто продолжают на том же дереве сидеть даже тогда, когда несколько товарищей сбиты с него выстрелами. Ловля еще легче, чем охота, если только удастся перехитрить первую птицу. В Тюрингене берут высокие жерди, кустообразно одевают их снаружи еловыми ветвями и укрепляют на них прутья, намазанные клеем. Жерди выставляют на открытых полянках в лесу до рассвета и прикрепляют к ним внизу клетку с приманной птицей. Все прилетающие клесты по крайней мере приближаются к жерди, чтобы посмотреть на кричащего и зовущего товарища. Многие садятся также на куст, и притом обыкновенно на один из клеевых прутьев.

Можно вполне утверждать, что польза, приносимая клестами, с избытком уравнивает тот незначительный вред, который они могут нам причинять. Оставляя в стороне то удовольствие, которое они доставляют каждому любителю, или ту красоту, которую они придают зимою хвойному лесу, они решительно полезны тем, что в урожайные годы облегчают чрезмерно обремененные верхушки деревьев, обкусывая еловые шишки, и тем сохраняют деревья.

СЕМЕЙСТВО ТКАЧИКОВЫЕ (Ploceidae)

Нам больше всех других знаком **домовый воробей** (*Passer domesticus*).

На домового воробья Маршалль указывает нам также как на птицу, «следующую за культурой». «Самая популярная дикая птица Германии, — пишет этот наблюдатель, — представляет собою сравнительно недавнее приобретение нашего отечества. До-

мовый воробей принадлежит хлебопашеству почти в такой же степени, как и хомяк: в Сибири он появился еще только в прошлом столетии, после того как русские стали там сеять злаки; в Норвегии он вместе с посевами полевых растений доходит до 66 градуса, во многих местах Архангельской губернии еще не встречается. В 1864 году он достиг еще не всех высоко лежащих местностей Шварцвальда, однако он пытается следовать за человеком повсюду. Совершенно справедливы слова остроумного Мак-Джилливрея: «Городок без воробьев производит столь же печальное впечатление, как бездетная семья, и большое количество воробьев в какой-нибудь местности есть доказательство ее благосостояния, так как где остается мало крох, там мало и нищих».

Характерной чертой воробья следует считать то, что везде, где бы он ни встречался, он живет в самом тесном общении с человеком. Он населяет как шумные и многолюдные столицы, так и уединенные деревни, если только они окружены хлебными полями, отсутствует лишь в некоторых лесных деревнях и следует за стремящимся вперед переселенцем через все страны Азии, которых никогда не населял прежде*; корабли завозят его на острова, где его раньше не знали, и он остается жить на развалинах разоренных местностей живым свидетелем минувших счастливых дней. Будучи оседлой птицей в полном смысле этого слова, он почти не улетает за черту того города или за границу полей той местности, в которой родился, но немедленно заселяет вновь основанную деревню или дом и предпринимает иногда путешествия для осмотра местностей, лежащих за пределами области его распространения. Так, например, на Варангерфьорде почти каждый год появляются воробьиные парочки, пролетают по этой местности, посещают все жилища и бесследно исчезают снова, находя страну негостеприимною. Будучи птицами в высшей степени общежительными, воробьи разбиваются на пары только в пору высидывания яиц, но и тогда не отделяются от остального общества. Часто одна парочка выводит птенцов рядом с другой, и самцы, как бы ревнивы они ни были в другое время, всегда ищут общества себе подобных, даже когда самка их сидит на яйцах. Птенцы, вылетевшие из гнезда, тотчас же собираются с другими в стайки, которые скоро разрастаются в большие стаи. По окончании птенцовой поры взрослые также снова примыкают к этим стаям и живут с ними тогда одною жизнью. Пока есть хлеб или вообще зелень на полях, стаи ежедневно один или несколько раз вылетают из деревни в поле искать корм, но после каждой такой прогулки снова возвращаются в деревню. Здесь они отдыхают после обеда, расположившись в густых вершинах деревьев или, еще охотнее, на плетнях, и здесь же вечером, громко чирикаая, шумя и ссорясь, собираются или на покрытых густой листвой деревьях или, в более позднее время, в амбарах, сараях и других строениях, которые и служат им мес-

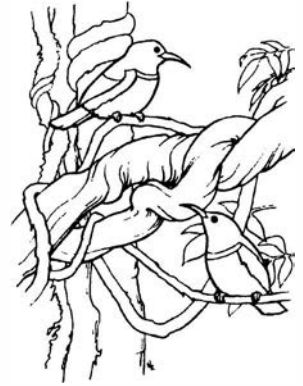
** К настоящему времени домовый воробей заселил восточную половину Австралии, Новую Зеландию, южную половину Южной Америки, практически всю Северную Америку, значительную часть Южной Африки.*

том для ночлега. Зимой они устраивают себе настоящие постели, а именно мягкие и теплые гнезда, в которых прячутся, чтобы защититься от холода. Некоторые из них для той же цели выбирают себе местом ночлега дымовые трубы, совершенно не забывая о том, что от дыма оперение их покрывается сажею и копотью.

Насколько некоторым воробей с первого взгляда может показаться глуповатым, настолько на самом деле он богато одарен. Будучи очень понятливым, он мало-помалу настолько знакомится с человеком и его привычками, что возбуждает удивление каждого и способен развеселить более тонкого наблюдателя. Везде и при всяких условиях он в поведении своем самым точным образом подстраивается к нравам своего хозяина и потому в городе держит себя совершенно иначе, чем в деревне; он доверчив и даже назойлив там, где его щадят, чрезвычайно осторожен и пуглив в тех местах, где ему приходилось терпеть преследования, и всегда хитер. От его острого взора не скроется ничего, что могло бы принести ему пользу или повредить; опытность его увеличивается из года в год, так что благодаря ей между старыми и молодыми воробьями можно заметить такое же различие, как между мудрецами и глупцами. Подобно тому как с человеком он вступает в более или менее дружественные отношения, он так же держится и с другими существами: относится доверчиво или недоверчиво к собаке, очень надоедает лошадям, предупреждает себе подобных и других птиц о присутствии кошки, крадет у кур зерна из-под клюва, не обращая внимания на угрожающие движения, и ест с различного рода животными из одной чашки, если только те ему позволяют это. Несмотря на свою общительность, он все-таки постоянно находится в ссоре с другими воробьями, и когда им овладевает любовь, достигающая у него величайшей страстности, то он дерется со своими соперниками с таким ожесточением, что кажется, будто происходит бой не на жизнь, а на смерть, хотя на поле битвы остается самое большее несколько перьев. Только в одном отношении эта привлекательная птица не может пленять собой. Дело в том, что воробей — почти ни минуты не молчит, а поет скверно.

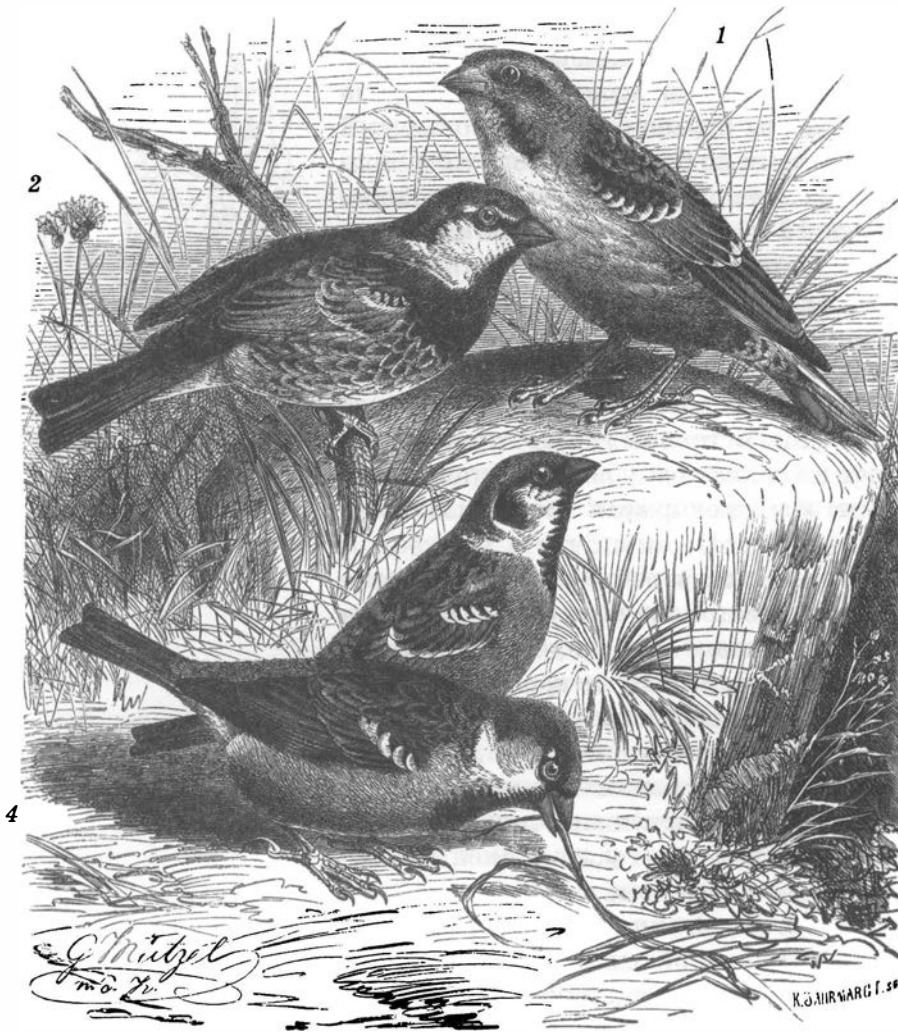
Так как воробей благодаря своей близости к человеку значительно улучшил свою первоначальную судьбу и обеспечил себе пропитание, то уже рано в году он начинает вить себе гнездо и в течение лета выводит птенцов по крайней мере два раза. Гнездо, смотря по местности, устраивается большею частью в подходящих углублениях в зданиях, а также в дуплах деревьев, в гнездах ласточек, около гнезд аиста и, наконец, в ветвях низкого кустарника или высоких деревьев. Смотри по месту, оно бывает построено различно, но всегда свито неряшливо, так что его можно назвать только кучей соломы, сена, пакли, щетины, шерсти, волоса, бумажных лоскутков и т.п., беспорядочно сложенных в одно ме-

сто; внутренность его, напротив, выложена всегда толстым и густым слоем перьев. Если оно расположено прямо на дереве, то бывает прикрыто сверху, если же оно помещается в углублении, то иногда имеет, а иногда и не имеет покрышки. При сколько-нибудь благоприятной погоде можно уже в марте найти полную кладку, состоящую из 5—6, а в исключительных случаях даже из 7—8 нежных, покрытых гладкой скорлупой яиц длиной 23 мм, толщиной 16 мм; по окраске и рисунку они мало походят одно на другое, но большей частью покрыты бурыми и пепельно-серыми пятнышками, крапинками и точками по буровато-синеватому или красновато-белому полю. Оба родителя сидят на яйцах попеременно, высиживают птенцов в 13—14 дней и вскармливают их сначала нежными насекомыми, затем как этими последними, так и разбухшими в зобу зернами и, наконец, главным образом семенами хлебных и других растений, а также, вероятно, плодами; они руководят ими еще несколько дней после того, как те вылетят из гнезда, чтобы приготовить их к жизни, затем покидают их и уже через 8 дней после того, как птенцы оставили гнездо, приступают ко второй кладке. Если одного из родителей убьют, то другой еще более напрягает свои силы, чтобы прокормить голодных малюток.

Относительно пользы, приносимой воробьем, и причиняемого им вреда господствуют весьма различные воззрения; но в последнее время все более и более приходят к тому убеждению, что этот живущий на счет человека захребетник не заслуживает защиты. На улицах городов и деревень он, конечно, не причиняет вреда, так как здесь существенную часть его корма являются всякого рода отбросы; зато в больших имениях, зерновых амбарах, на хлебных полях и в садах он может причинить весьма чувствительный вред, поедая зерновой корм у домашней птицы, грабя и загрязняя зерновые склады и, наконец, склевывая в садах почки на плодовых деревьях, а впоследствии поедая и самые плоды. Поэтому в садах и виноградниках он положительно нетерпим. Впрочем, самый чувствительный вред, причиняемый им и на который Гомейер справедливо обращает преимущественное внимание, заключается в том, что он вытесняет самых полезных птиц, главным образом скворцов и синиц, и отбивает у певчих птиц охоту посещать те сады, которыми завладел он. В Северной Америке, куда он был перевезен в 1864 году и где его встретили с радостью, где ему строили в парках домики для гнезд и всячески ухаживали за ним, в нем уже давно разочаровались. Благодаря благоприятным условиям, в которые он попал, он необыкновенно сильно размножился, распространение его достигло громадных размеров, и сельские хозяева убедились в том, что на него следует смотреть как на бич страны. Уже 25 лет спустя после того, как он был ввезен, его вред был доказан официально, и несколько тысяч лиц стали высказывать о нем одно только дурное и ничего хоро-

шего, объявив его просто-напросто вредным для общества бродягой. Осуждение это, конечно, не избавило американцев от бича страны, но зато теперь появилась о нем книга, изданная в 1889 году Вальтером Барраусом, в которой собраны все сведения о жизни воробья в Северной Америке.

- 1 — Каменный воробей
(*Petronia petronia*)
2 — Черногрудый воробей
(*Passer hispaniolensis*)
3 — Полевой воробей
(*Passer montanus*)
4 — Домовый воробей
(*Passer domesticus*)

го воробья. В отличие от нашего воробья он в нашем отечестве, а также в Западной Сибири отдает предпочтение открытому полю и лиственному лесу. К жилищам человека он приближается зимою; летом же, напротив, держится в таких местах, где луга сменяются полями и старые дуплистые деревья доставляют ему удобные места для витья гнезд. Здесь во время вывода птенцов он живет парочками, но обыкновенно собирается в общества. Последние кочуют взад и вперед по стране на ограниченном пространстве, присоединяются к обществам овсянок, жаворонков, зябликов, коноплянок и других птиц, посещают поля, а если зима становится суровой, то и дворы земледельца и с началом весны разбиваются на парочки.

В средней и северной Европе, во всей Средней Азии, а также в северной Африке рядом с домовым воробьем живет **полевой воробей** (*Passer montanus*). Длина его достигает 14 см, размах крыльев 20,5, длина крыла 6,5, а хвоста 5,5 см.

Полевой воробей в средней Европе встречается повсеместно в большом количестве, в юго-западной Европе попадается очень редко, весьма обыкновенен во всей Средней Азии и живет даже еще на Малаккском полуострове и на острове Ява; он распространен до самого Полярного круга, а в нижнем течении Оби, в Китае, Японии, на острове Формоза и в Индии заменяет домового

По нраву своему полевой воробей очень похож на своего родича, но за недостатком близкого общения с человеком и за неимением случая усовершенствовать свои способности не так понятлив, как тот. Оперение его плотно прилегает к телу; он смел, довольно ловок и почти всегда находится в движении. Полет его легче, походка на земле более ловкая, призывный звук короче и звучнее, чем у его родича, но тем не менее представляет собою настоящее воробьиное чириканье.

С осени до весны пищу полевому воробью служат зерна и семена, а летом гусеницы, травяные вши и другие насекомые. Он иногда приносит вред на полях пшеницы и проса, но зато не трогает плодов и молодых садовых растений. Птенцов своих он выкармливает насекомыми и незрелыми хлебными зернами.

Этого воробья ловят часто во множестве в сети, но он легко попадает также на птичий клей, в петли, волосяные силки и в другого рода ловушки. Враги у него те же, что и у домового воробья.

Каменный воробей (*Petronia petronia*). Длина достигает 16 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 5,6 см.

Область распространения каменного воробья обнимает собою среднюю и южную Европу, включая сюда остров Мадейру, северо-западную Африку с Канарскими островами, юго-западную и западную Азию, восточную Сибирь и Афганистан*.

Добывать каменных воробьев живыми без особенного труда можно только в странах, где они попадают в большом количестве. В Испании их доставляют на рынок сотнями. Там ловят их сетями, приманивая на чучела или на деревьях, на жердочки, покрытые птичьим клеем. Охота с ружьем во всяком случае сопряжена с затруднениями, так как умная птица очень скоро замечает, что ее преследуют, и врожденная ее пугливость увеличивается тогда до крайних пределов. Как на особенность этой птицы, отец мой справедливо указывает на то, что каменный воробей пугливее всего на месте своего ночного отдыха. Чтобы овладеть им, нужно стать в засаду и не давать промаха. То же самое можно сказать и про Испанию, где мы часто напрасно старались перехитрить умную птицу и, несмотря на весь навык к охоте на подобного рода дичь, большею частью должны были возвращаться с пустыми руками.

В неволе каменный воробей причиняет мало хлопот, напротив, доставляет много удовольствия. Он скоро становится доверчивым, прекрасно ладит с другими птицами, радуется своим милым поведением и при надлежащем уходе даже приступает к размножению.

У обыкновенного общественного ткача (*Philetairus socius*) клюв продолговато-конусовидный, сплюснен с боков, слегка согнут на гребне и с округленной вырезкой на верхнем крае; ноги сильные, с короткой плюсной, длинными пальцами; крылья довольно

* Описание распространения каменного воробья сделано Бремом несколько неконкретно. Гнездовой ареал этого вида охватывает Испанию и южную половину Франции, юг Италии, Грецию и многие острова Средиземного моря кроме Крита и Кипра, острова Мадейра и Канарские, северо-западную Африку и Палестину, Малую Азию, Кавказ и Закавказье, горные системы Ирана, Средней Азии и Казахстана, частично Гималаи, горы юга Сибири, Монголии и северо-западного Китая.

длинные и острые; хвост широкий, короткий и прямо срезанный. Перья верхней части головы бурого цвета, на остальной верхней части несколько темнее, с узкими светло-бурыми каймами; на затылке и обеих сторонах шеи они еще темнее и имеют каймы заметно более светлого цвета; подбородок и горло чернее, обе стороны зоба и остальные нижние части светло-буроватые. Глаза темно-бурые, клюв и ноги бледно-бурые. Длина достигает 13 см, длина крыла 8, а хвоста 5 см.

Родиной общественного ткача следует считать среднюю Африку, а страну Великая Нама — центральным пунктом области его распространения. Уже старейшие путешественники упоминают об этой птице. «В стране Нама, — говорит Паттерсон в

Обыкновенный
общественный ткач
(*Philetairus socius*)

описании своего путешествия, появившемся в конце прошлого столетия, — есть леса мимоз, составляющих много камеди, ветви которых составляют самую любимую пищу жирафов. Их развесистые сучья и плоский ствол доставляют одному виду собирающихся стаями птиц убежище от нападений змей, которые иначе могли бы уничтожить их яйца. В высшей степени замечателен способ, которым они пользуются для постройки своих гнезд: 800—1000 штук таких гнезд расположены под общей крышей, которая походит на крытый соломою дом, покрывает собою большой сук с его ветвями и висит над гнездами, расположенными под нею наподобие клубков, так что ни змея, ни какое-нибудь другое хищное животное добраться до них не могут. Своим прилежанием и искусством они напоминают пчел. Весь день они заняты тем, что собирают траву, из которой состоит главнейшая часть их постройки и которую они употребляют для исправления и пополнения ее. Число гнезд они, без сомнения, увеличивают с каждым годом, так что деревья сгибаются под тяжестью таких воздушных городов. Под крышей этой постройки можно заметить множество входов, из которых каждый ведет в улицу, по

сторонам которой расположены гнезда, на расстоянии около 5 см друг от друга. Питаются общественные воробьи, вероятно, семенами трав, из которых строят свое гнездо».

Это описание, в общем верное, было пополнено Смитом. «В образе жизни этих птиц, — говорит он, — замечательно то, что они сообща строят свои гнезда под одной кровлей. Найдя место для гнезд и приступив к постройке их, они все вместе начинают строить общую для всех крышу. Каждая парочка строит и покрывает крышей свое собственное гнездо, но строят их непосредственно одно около другого, и, когда все они готовы, то вся постройка имеет вид одного общего гнезда с одной крышей наверху и бесчисленным количеством круглых отверстий на нижней стороне. Вторично те же гнезда для высидывания яиц не употребляются, но для этого к старым гнездам подвешиваются снизу новые, так что крыша и старые гнезда образуют собою покрывку для новых. Таким образом, масса эта из года в год увеличивается в объеме и весе, пока наконец не сделается настолько тяжелою, что ломает сук, на котором висит, и падает».

Такого рода колонии встречаются обыкновенно на больших высоких деревьях; там же, где последние не встречаются, общественные воробьи пользуются также древовидными алоэ. Кладка состоит из 3—4 голубовато-белых яиц, покрытых на толстом конце мелкими бурными пятнами. Одна ли самка насиживает яйца или ей помогает в этом также и самец, пока еще неизвестно. Птенцы выкармливаются насекомыми. По мнению Айреса, гнезда служат также местом ночлега.

Гнезда ткачей служат великолепным украшением некоторых деревьев средней Африки и южной Азии. Эти пернатые представители строительного искусства предпочитают всем остальным такие деревья, которые растут около воды, и птицы иногда совершенно покрывают их своими гнездами. Поселения ткачей могут поэтому считаться даже выдающимся отличительным признаком средней Африки, Индии и островов Индийского архипелага. Для этих своеобразных архитекторов характерно то, что они всегда гнездятся большими обществами. Одно гнездо ткача на дереве — явление редкое; обыкновенно их находят 20, 30, даже 100 и более. Необыкновенная прочность этих искусно построенных гнезд позволяет им целые годы выдерживать ветер и непогоду, и потому может случиться, что на том же дереве, которое занято поселением этих птиц, висят еще гнезда трех или четырех предшествовавших лет. Такое украшение в пределах области распространения самых искусных ткачей можно замечать всюду, как в горах, так и на равнине, как в уединенном лесу, так и непосредственно над домом поселенца.

В восточном Судане я познакомился с **буйволовым ткачом** (*Bubalornis albirostris*). Длина его достигает 25 см, размах крыльев 36, длина крыла 12, хвоста 9 см. Оперение одноцветное, мато-

во-блестящее черное, но мелкие перья у корня белые, и этот цвет местами обнаруживается, маховые перья от второго до пятого снаружи с узкой беловатой каемкой посередине, глаза карие, клюв рогового желтого цвета, по расщепу и на конце голубоватого; ноги грязно-серые.

Белоголовый скворцовый ткач (*Dinemellia dinemellii*) заметно меньше, длина его лишь 20 см. Голова и нижние части тела белого цвета, нижние шейные перья, маховые перья и хвост шоколадно-бурого цвета, все перья с более светлыми каемками; ма-

2
ленькое пятно на сгибе крыла, надхвостье и кроющие перья хвоста ярко-красного цвета; наконец, уздечка — черного. Клюв нечистого черно-голубого цвета, ноги темно-голубые.

Буйволовый ткач населяет всю среднюю Африку, белоголовый ткач — внутреннюю Африку и Абиссинию.

Белоголовые скворцовые ткачи принадлежат к наиболее бросающимся в глаза представителям семейства. Им не чужды нравы и привычки их родителей, но они тем не менее во многих отношениях напоми-

нают дроздов; это ткачи, но их гнезда более похожи на гнезда наших сорок, чем на те изящные постройки, которые возводят их родители. Все виды живут преимущественно на пастбищах, где пасется скот, охотнее всего поблизости от стада, по большей части в обществе блестящих скворцов и волоклюев. О скворцовом ткаче Смит говорит следующее: «Мы встретили эту птицу, только когда перешли на север за 25 градус южной широты; как уверяют туземцы, она редко встречается далее на юг по той простой причине, что буйволы там реже. Мы встречали этих птиц всегда в обществе буйволов, на спине которых они сидели и между которыми летали. Они прыгали по этим животным, как волоклюи, и

1 — Белоголовый
скворцовый ткач
(*Dinemellia dinemellii*)

2 — Буйволовый
ткач
(*Bubalornis albirostris*)

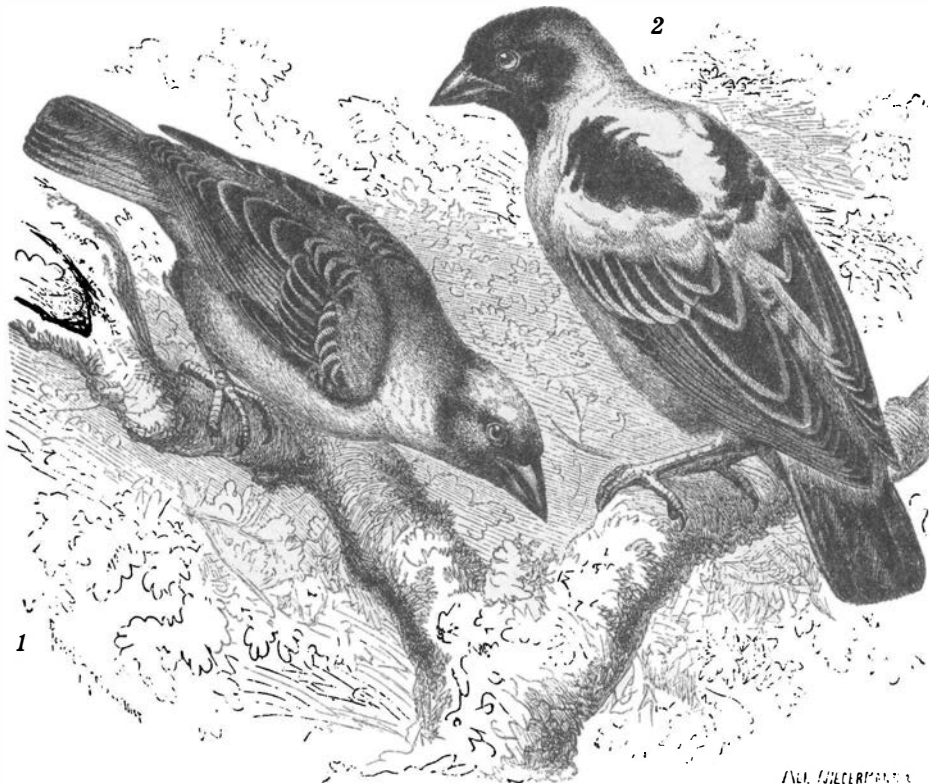
заботились лишь о своей пище, состоявшей преимущественно из клещей, сидевших на буйволах. В этом достаточно убедило нас вскрытие желудков этих ткачей. Кроме той услуги, которую они оказывают последним, обирая упомянутых паразитов, они приносят своим друзьям пользу еще и тем, что предупреждают их, если покажется что-нибудь подозрительное. Тогда все буйволы поднимают головы и убегают. Белоголовые ткачи посещают только буйволов, и эти последние не имеют других сторожей, между тем как волоклюи живут около носорогов. Буйволовых ткачей на буйволах я, правда, не наблюдал, но не сомневаюсь, что и они оказывают подчас такие же услуги стадам скота в восточном Судане. Они, впрочем, не принадлежат к числу обыкновенных птиц этой страны. Где они водятся, они живут колониями; поодиночке видеть их не случается. Стаи буйволовых ткачей не так многочисленны, как у благородных ткачей, но все же довольно велики, в чем можно лучше всего убедиться по числу гнезд поселения. Я насчитывал на отдельных деревьях по 3, 6, 13 и 18 гнезд.

Однако нужно довольно большое дерево, чтобы поддерживать такое количество этих странных построек. Дело в том, что каждое гнездо сравнительно с величиною птицы представляет громадную постройку, не меньше 1 м в диаметре. Оно состоит из прутьев и ветвей, особенно из ветвей мимозы, которые ткачи пускают в дело, несмотря на их шипы. Эти ветви птица кладет и сплетает в развилинах сучков, но так неправильно и беспорядочно, что сквозь стены гнезда можно заглянуть почти в самую внутренность его. Снаружи гнездо похоже на скребницу. Внутри его ведет вход, сначала настолько широкий, что в него можно удобно всунуть кулак, но затем более и более суживающийся и переходящий наконец в ход, который как раз соответствует величине птицы. Внутренняя часть гнезда наполнена тонкими корешками и травой. Гейглин указывает, что гнезда бывают иногда еще гораздо больше, именно могут достигать 2—3 м в длину и 1—1,5 м в ширину и высоту. В такой куче устраивается 3—8 гнезд; каждое из них выстлано, как было описано, тонкой травой и перьями и заключает 3—4 яйца длиной 26 мм, толщиной 20 мм с очень тонкой скорлупой, разрисованных на беловатом фоне большими и меньшими серыми и печеночно-бурыми точками и пятнами. Такое дерево, покрытое гнездами, бывает в известные времена года населено крайне шумным обществом. Я не знаю, производят ли ткачи и в остальное время года так много шума, как в пору размножения. О поселениях, с которыми я познакомился, можно было узнать уже издали по крику птиц. Голос их очень громок и разнообразен. Точно в рое пчел одни прилетали, другие отлетали, и казалось, что все вылетевшие птенцы собрались на дереве, так как значительное множество птиц не соответствовало немногочисленным гнездам».

Буйволовый ткач мастерски лазает, быстро и ловко бегают и легко летает, часто плавным полетом, но довольно медленно, и

замечательно высоко подняв крылья. Нрав его миролюбивый, склонность к обществу не меньше, чем у его родичей. В клетке он уживается со всеми птицами, которые не задевают его, отлично выживает при простой пище, а при надлежащем уходе приступает к размножению.

Иволговый ткач (*Ploceus galbula*) принадлежит к меньшим видам рода; длина его равна около 13 см, длина крыла 7, хвоста 4,5 см. Лоб до переднего края глаз, уздечка, стороны головы и подбородок его каштаново-красно-бурого цвета, верхняя часть головы, шея и нижняя сторона желтого, верхние части оливково-желтого, на надхвостье более яркого, маховые и их кроющие перья оливково-бурого, снаружи оливково-желтого, хвостовые перья буровато-оливково-желтые. Глаза красные, клюв черный, ноги мясного красного цвета. У самки оливково-зеленовато-серая верхняя сторона разрисована на верхней части спины и на плечах темными стержневыми пятнами; полоска через глаза, стороны головы и нижние части бледно-желтого цвета, переходящего на брюхе в беловатый.

Золотистый ткач водится в Абиссинии — от берега Красного моря до высоких гор, а также во всем восточном Судане в большом числе на удобных местах.

Золотистый ткач водится в

Абиссинии — от берега Красного моря до высоких гор, а также во всем восточном Судане в большом числе на удобных местах.

Чернолобый ткач (*Ploceus velatus*) заметно больше иволгового ткача. Длина его достигает 17 см, размах крыльев 28, длина крыла 9, хвоста 5,3 см. Передняя часть головы и горло черного цвета, переходящего на задней части головы в красно-бурый; затылок, задняя часть шеи и нижняя сторона ярко-желтые, два пятна на плечах черные; бледно-оливково-желто-буроватые рулевые перья изнутри с широкими желтыми каймами. Глаза карминово-красные, клюв черный, ноги красновато-рогового цвета. В зимней одежде самец похож на самку, у которой верхняя сторона на оливково-зеленом фоне разрисована темными стержневыми пятнами; брови, стороны головы и нижние части его желтого цвета, и,

- 1 — Иволговый
ткач
(*Ploceus galbula*)
2 — Абиссинский
ткач
(*Ploceus abissinicus*)

подобно ей, он имеет поперечную полосу на крыльях, образованную желтыми краями самых больших верхних кроющих перьев крыла.

Иволговый и чернолобый ткачи соединяют в себе до известной степени качества различных вьюрков. Это выражается во всем их характере. Только неизменная при всяких обстоятельствах общительность составляет их особенность. По утрам и по вечерам они появляются стаями на известных деревьях, в пору размножения, понятно, на тех, на которых находятся гнезда. Самцы сидят на верхушках высочайших ветвей и поют. Пение, однако, не прекрасное, но в высшей степени приятное. Самец при этом мурлыкает, щелкает, щебечет и свистит вперемешку, так что в пении его положительно нельзя разобрать. Самки садятся рядом с самцами и слушают их пение с большим вниманием. Общество проводит время таким образом, пока не пройдет часа два после восхода солнца, затем оно отправляется за пищей. В полуденные часы различные стаи собираются вместе, иногда тысячами, в кустах вокруг прудов или в таких кустах, которые растут на мелком месте в реке, кричат и шумят здесь, как наши воробьи, и вдруг все сразу бросаются к воде, делают глоток и как можно быстрее спешат обратно в кусты. Они имеют достаточные основания для этого поспешного питья, так как главные враги их, ястреба и мелкие соколы, подкарауливают их с деревьев и с быстротою стрелы бросаются в стаю их, как только они оставляют безопасный кустарник.

В первобытных лесах по Голубому Нилу первые гнезда были устроены в начале дождливого времени, и уже в августе я находил яйца. Напротив, в Стране богосов древесные ткачи выводили птенцов в марте и апреле. Большинство видов кладут яйца по крайней мере два раза в год, всегда весной. При постройке гнезда всегда делается сначала остов из длинных травинок, который и прикрепляется к самому концу длинных и гибких ветвей. По нему ясно можно различить уже форму гнезда; однако оно еще повсюду прозрачно. Затем постройка ведется дальше, причем с особенной тщательностью утолщаются стенки гнезда. Первые травинки протягиваются сверху вниз, чтобы получить таким образом по возможности непроницаемую для воды крышу, потом травинки продеваются через остов и в поперечном направлении. С одной стороны, обыкновенно южной, остается открытым круглое входное отверстие. Гнездо по форме похоже теперь на тупой конус, поставленный на полушар. Однако оно еще не закончено; теперь к нему приделывается прежде всего входная трубка. Она прикрепляется к входному отверстию, проходит вниз по всей стенке и плотно связывается с нею. На нижнем конце ее находится входное отверстие. В заключение окончательно выстраивается внутренняя часть гнезда и выстилается подстилкой из крайне тонких травинок. Если самцу, единственному строителю гнезда,

Семейство ткачиковые

покажется, что одна ветвь недостаточно прочна, то он соединяет сначала две ветви мостиком, который затем и служит местом прикрепления качающейся колыбели. Как скоро сделан остов, работа идет дальше очень быстро, как ни трудно птице под конец всовывать новые травинки между сплетенными ранее. Когда постройка гнезда закончена, самка влетает и вылетает, чтобы исправить внутри гнезда что покажется нужным. Непосредственно вслед за тем, иногда уже раньше, чем гнездо окончено, она начинает класть яйца. Самец продолжает усердно строить даже тогда, когда самка уже насиживает яйца. Пока работает, он находится в величайшем возбуждении, принимает самые странные положения, трепещет крыльями и поет без конца. Когда гнездо наконец сделано, он принимается за другое, разрушает подчас и его, чтобы из строительных материалов построить третье, причем ни первое, ни второе не идет в дело.

Кладка состоит из 3—5 яиц длиной 20—25 мм и толщиной 13—16 мм, покрытых на зеленом фоне бурыми пятнами. Самка высиживает одна и берет на себя также все родительские заботы. Птенцы вылупляются после 14-дневного насиживания; три недели спустя они вылетают, но сначала возвращаются под руководством матери обратно в гнездо, пока наконец не станут самостоятельными. Отец не заботится о них.

Красивое зрелище представляют ткачи у гнезда. Деятельность их, когда самки сидят на яйцах, а еще более когда вырастают птенцы, необыкновенно велика. Почти каждую минуту самка подлетает, привешивается снизу к гнезду и всовывает головку во входное отверстие, чтобы кормить голодных птенцов. А так как гнезда висят близко одно около другого и много птиц прилетает и отлетает, то все дерево действительно бывает похоже на пчелиный улей.

Птичка, о которой идет речь, носит название **огненного ткача** (*Euplectes franciscanus*)*. Как и его сородичи, он особенно характерен своим оперением. В брачном наряде это оперение отличается мягкостью и бархатистостью и, кроме крыльев и рулевых перьев, окрашено в черный и огненно-красный цвет. Остальными признаками являются довольно крепкий, но не короткий, с дугообразной спинкой клюв, края которого подогнуты внутрь и к концу. Спинка его остроугольно примыкает ко лбу. Ножки длинные с тонкими пальцами, вооруженными сильными коготками. Крылья доходят до половины хвоста, их первое маховое перо необыкновенно узко и коротко, четыре следующих одинаковой между собой длины. Хвост короткий и мало округленный. До периода спаривания и самцы, и самки, и молодые имеют одно общее оперение, похожее на оперение воробья. Ко времени кладки яиц оперение самцов сильно изменяется. Перемена эта распространяется не только на окраску перьев, но и на их качество. Перья становятся не только мягки и бархатисты,

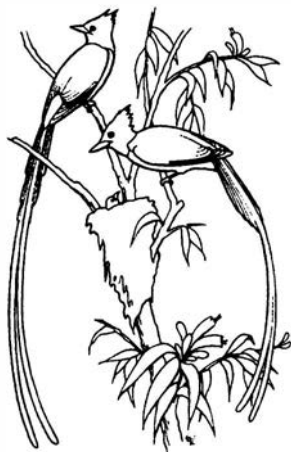
* Сейчас обычно используется русское название «западноафриканский огненный бархатный ткач».

но около хвоста расщепляются, делаются пушистыми и достигают значительной длины. Только маховые и сами рулевые сохраняют свой обыкновенный вид. В брачную пору верхняя часть головы, щеки, грудка и брюшко самцов бархатисто-черного цвета; все остальные части тела ярко-красные, цвета киновари, за исключением только крыльев — темно-бурых, с рисунком более светлого бурого же оттенка. Последнее происходит оттого, что края перьев окрашены светлее, чем их средняя часть. Кроющие перья хвоста при этом наряде достигают такой значительной длины, что они покрывают собой рулевые перья. Зрачок у огненного ткача бурый, клюв черный, ноги буро-желтого цвета. У самки окраска в верхней части сходна с воробьиной, снизу же бледно-желтовато-бурая, всего светлее на горле и брюшке. Над глазами идет желтая полоска. И клюв, и ноги простого рогового цвета. Длина тела 12 см, размах крыльев 19, длина крыла 6, хвоста 4 см.

Огненные ткачи населяют богатые водой поля, покрытые дуррой, по всей средней Нубии до отдаленных уголков центральной Африки. Возделанные местности они всегда предпочитают местам ненаселенным и только в случае нужды живут в камышовых зарослях. Поле, засеянное дуррой, — их рай, откуда их очень трудно выгнать. Здесь они ведут образ жизни скорее камышевки, чем вьюрка. Подобно ей, они ловко лазают вверх и вниз по стеблям, проворно шмыгают по земле между камышами и в случае опасности, так же как и она, прячутся в чащу стеблей. Только тогда они начинают вести кочевую жизнь, подобно другим ткачам, когда уборка полей лишает их того убежища, где они провели страдное время ухода за яйцами.

Нельзя утверждать, чтобы огненный ткач образовал настоящие колонии, но все-таки следует признать, что он любит общежитие. Хотя в порыве соревнования самцы стараются перещеголять друг друга пением, токуя на кончиках дурры, как настоящие влюбленные глухари, но они редко или даже никогда не доводят дело до ссор. Их соревнование совершенно безобидного свойства; они стараются доставить друг другу скорее большое удовольствие, нежели неприятность. Гнезда огненных ткачей вьются так же очень искусно, но далеко не так прочно, как гнезда остальных ткачиковых. Они строят их из травянистых стеблей и не подвешивают, а вьют между стеблями дурры и просто среди высокой травы в небольших кустарниках, покрытых или окруженных высокой растительностью. Форма и величина гнезд бывает очень разнообразна: одни из них скорее круглы, другие сильно вытянуты. Длинную ось их можно считать около 18—20 см при поперечнике в 10—12 см. Сквозящие стенки их устроены наподобие сетки и так, что сквозь них можно видеть небесно-голубые яички, которых бывает от 3 до 6. Я думаю, что самка одна насиживает яйца, но не могу говорить об этом с уверенно-

стью; точно так же мне неизвестна продолжительность насиживания яиц. Могу сказать только то, что молодые вылетают из гнезда до жатвы дурры и что тотчас после этого и старые, и малые сбиваются в большие стаи и становятся тогда пагубой страны. Бедные нубийцы, принужденные дорожить каждым возделанным и засеянным клочком плодородного ила, должны ограждать свои поля от губительных нападений этих птичек, бывших доселе лучшим украшением их полей. Маленькие грабители не позволяют страже ни на минуту забывать о своих обязанностях.

Огненные ткачи нередко живыми появляются на наших рынках, но очень часто проходят незамеченными: их чудное оперение бывает на них только три месяца в году. В клетках их можно с успехом держать на самом обыкновенном корме. При известном уходе они способны и размножаться.

Оперение самца **райской вдовушки** (*Vidua paradisea*) черного цвета. Окружность шеи, ее бока и зоб окрашены в оранжево-красный цвет; остальные части бледно-ржаво-темные. Маховые перья темно-бурые со светло-бурыми каймами. Длина всей птички без длинных перьев хвоста достигает 15 см, с ними 30 см, размах крыльев 25, длина крыла 8, длина боковых хвостовых перьев 6 см.

Райские вдовушки живут в средней Африке и предпочитают селиться в редких степных рощах. Несмотря на полную безопасность со стороны преследования человека, они неохотно приближаются к поселениям. Они встречаются повсюду в древесных зарослях средней Африки. В птенцовую пору они живут парочками, в другое же время или небольшими обществами, или порядочными стайками. Свой брачный наряд самцы носят около четырех месяцев, которые приходятся на период дождей. Смена пера совершается быстро; особенно скоро вырастают длинные хвостовые перья. В течение четырех месяцев перья изнашиваются и выпадают с наступлением жары. Пение самцов, особенно старательное в пору любви, весьма просто, хотя и не лишено некоторой приятности. В противоположность другим родственным видам райские вдовушки живут между собой в мире даже и в брачную пору.

Пойманные птички уживаются хорошо, выживают несколько лет и очень неприхотливы.

На самых вершинах Альпийских гор Старого Света, от Пиренеев до самой Сибири, летом всегда выше пояса леса обитает **снежный вьюрок** (*Montifringilla nivalis*)*. Он отличается длинным, крючковатым, шпоровидным когтем заднего пальца, длинными крыльями и одинаковым оперением, обоих полов. Длина птицы приблизительно равна 20 см, размах крыльев 36, длина крыла 11, хвоста 8 см.

Местопребыванием снежных вьюрков служат Альпы, Карпаты, Кавказ, Персидские возвышенности и Гималайские горы**.

* Иллюстрация на стр. 446.

** Кроме перечисленного снежный вьюрок заселяет Пиренеи, Апеннины, горы Тувы и Афганистана, Алтай, Монгольский Алтай, Памиро-Алайскую систему, Гобийский Алтай, Тянь-Шань, Тибет, Куньлунь и Наньшань. А вот в Карпатах он исчез и в настоящее время не встречается.

По мнению Штелкера, они почти так же присущи высокому горному поясу, как и белая альпийская куропатка*. Только большие снежные заносы и сильный холод могут заставить их спуститься в долины. Ранней зимой это случается гораздо реже, нежели поздней, потому что пока имеются еще кормовые запасы, снег и мороз несколько не беспокоят эту привыкшую к холоду птицу.

Даже во время самой суровой зимы они едва ли покидают горы, и случаи, когда они действительно залетали в Германию, должно причислить к числу самых редких. Во время лета снежный вьюрок живет только в самом высоком поясе Альп под самой снеговой линией; во время высживания яиц держится парочками, затем обществами и стаями, чаще всего по краям каменистых отлогостей, по которым он быстро прыгает по скалам; иногда вместе со своими сотоварищами поднимается на воздух и при тихом крике «юп-юп» пролетает некоторое расстояние, но скоро снова опускается на землю и продолжает так же усердно, как и прежде, отыскивать себе пищу. Своими движениями он напоминает подорожника и жаворонка, так же как те, летает легко и плавно; если его вспугнуть, то он обыкновенно поднимается на значительную высоту, но часто, описав в воздухе довольно большой круг, возвращается почти на то же самое место. Человека он не боится, и если он при его появлении улетает, то это случается, вероятно, всего чаще оттого, что его пугает непривычное явление.

* Имеется в виду
тундряная куропатка (*Lagopus mutus*).

СЕМЕЙСТВО ВЬЮРКОВЫЕ ТКАЧИКИ (Estrildidae)

Из тонкоклювых вьюрковых ткачиков я дам коротенькое описание **обыкновенного**, или **крошечного**, **амаранта** (*Lagonosticta senegala*). Амарант — винно-пурпурового цвета с рыжеватыми плечами и нижними шейными перьями. Каждое перо на конце окаймлено пурпуром. Бока грудки испещрены белыми крапинками; нижние кроющие перья хвоста бледно-бурые; маховые хвостовые перья бурые и оторочены пурпуром. Самочки почти сплошь рыжеватобурые, только надхвостье их окрашено в красно-пурпуровый цвет и грудь в белых крапинках. Глаза темно-карие, клюв красный с темными кантами по хребту и краям. Ножки красноватые. Длина тела птицы достигает 10 см, размах крыльев 12, длина крыла 4,5, хвоста 3,5 см.

Амаранты распространены по всей средней Африке — от западных до восточных берегов ее и от 22 градуса северной широты до 25 градуса южной. По мнению Гартмана, посетившего несколько лет спустя после меня верхние области Нила, амарант занимает там такое же положение, как у нас домовый воробей. И действительно, его следует причислить к числу домашних птиц. В известное время вы встретите его на всех почти изгородях южно-нубийских и восточносуданских деревень, даже возле одиноко

стоящих в лесу хижин. Он является одной из первых птиц, бросающихся в глаза, когда вступаешь в Египет со стороны Судана. Обыкновенно амарантов видишь вблизи деревень, где они часто соединяются в бесчисленные стаи со своими родичами. Однако они живут и вдали от человека, в уединенных степях и, хотя редко, попадают в горах на высоте до 1500 м.

Амарант привлекает к себе не одним только нарядным оперением, но и своей милотностью и приятным нравом. Едва ли кто-нибудь из родичей превосходит амаранта в быстроте движений крыльев, неутомимостью же — решительно никто: это его характерное свойство. В последних жарких месяцах он линяет и с наступлением первых весенних дождей, около начала сентября, уже помышляет о потомстве. До сих пор он жил в стайках, которые теперь разбиваются на парочки. Пернатая чета доверчиво прилетает в деревню и здесь высматривает себе подходящий уголок где-нибудь под крышей остроконечной соломенной хижины или четырехугольной мазанки туземца. Сюда, в какую-нибудь впадину или другое более удобное ложе, птички натаскивают груды сухих стеблей. В ней они тщательно округляют ямку, хотя к самой постройке относятся весьма небрежно. В случае необходимости амаранты вьют свои гнезда на деревьях и даже почти у самой земли. В это время самец относится к самке особенно заботливо, весьма недружелюбно встречает соперников и высидживает яйца попеременно с самкой. Через 13 дней из яиц вылупляются птенцы, которых родители кормят насекомыми и размягченными в зубу семенами.

Наиболее известная из амадин — **красногорлая амадина** (*Amadina fasciata*). Клюв ее очень сильный, длина его немного больше ширины и высоты. Верхняя половина клюва у основания хребта плоская; между нею и лбом замечается некоторая вогнутость. Нижняя половина очень широкая. Крылья средней величины, второе и третье маховые перья самые длинные и почти равной длины. Хвост короткий и округленный. Общая длина этой милотной птички равняется 12,5 см, размах крыльев 21, длина крыла 6,3, хвоста 4 см. Основной цвет самцов приятного бледно-бурого цвета, на спине темнее, снизу светлее. Каждое перо с волнистым черным рисунком или, как, например, перья верхней части груди, оторочено черной каймой; отдельные перья груди и боков имеют рисунок, похожий на букву «V». На конце верхних кроющих перьев крыла большое красноватое пятно с серым оттенком, особенно выделяющееся благодаря черному полулунному рисунку. Маховые перья бурые с бледной оторочкой; хвостовые перья матово-черные, снизу сероватее; наружное опахало крайних перьев белое; остальные перья украшены красивыми пятнами белого же цвета, за исключением двух средних, которые сплошь черные. Самец отличается от самки более яркими цветами и широким галстуком роскошного карминово-красного цвета, ко-

торый тянется от одного глаза к другому поперек белого подбородка и белого горла. Глаза темно-карие, клюв и ноги бледно-бурые.

В странах северного Нила красногорлых амадин не преследует никто, наоборот, в западной Африке все ловят их для продажи торговцам птиц прибрежных городов. Через посредство этих продавцов мы и получаем ежегодно тысячи этих птичек, тем более что они отлично переносят все трудности пути. При самом простом уходе парочки регулярно размножаются. Вначале они пленяют вас красотой своего оперения и милостью своих движений, но со временем они прискучивают, как и все их родичи.

Самая известная из азиатских амадин — **рисовка** (*Padda oryzivora*). Рисовки легко узнаются по следующим признакам: верхняя часть их тела прекрасного серого цвета; голова черная и бородавчатая; нижняя часть тела бледно-винно-красная; хвост черный с такими же верхними кроющими и белыми нижними кроющими перьями; клюв красный, на конце бледнее. Глаза карие, веки красные; клюв яркого розово-красного цвета на конце и у краев жемчужно-белый. Ноги красноватые. Величиною она почти со щегла. Родиной этих птичек считают Малакку и Зондские острова. Однако истинное место рождения рисовки — Ява, так по крайней мере уверяют Бернштейн и Розенберг*.

«Подобно нашему европейскому полевому воробью, — пишет Бернштейн, — рисовка живет исключительно в культурных местностях и представляет собой там одно из самых обычных явлений. В продолжение того времени, когда рисовые поля покрыты водой, т.е. в период от ноября до марта и апреля, когда всходит посеянный рис и приближается жатва, рисовки держатся парами или небольшими семейками в садах, в поселковых рощах и кустарниках. Здесь они кормятся разнообразными семенами, различными мелкими плодами и даже насекомыми и червями; по крайней мере я частенько видел их ищущими корм по проселочным дорожкам и т.п. Там они едва ли могли найти что-либо другое; кроме того, в их желудках я находил остатки, по-видимому, той же животной пищи. Но едва только рисовые посеяны начнут желтеть и обсыхать после спада вод, рисовки переселяются туда, часто большими стаями, и нередко приносят настолько существенный вред, что туземцы прибегают к всевозможным способам для их изгнания.

В странах, которые в особенности страдают от этих пернатых воров, для этой цели поступают так: посередине поля строится одна или, если поле велико, несколько маленьких сторожек, помещающихся на четырех высоких бамбуковых кольях. От этих сторожек по всем направлениям идут многочисленные веревочки к тонким бамбуковым палочкам, укрепленным на определенном расстоянии друг от друга по всему полю. К веревочкам подвешиваются большие сухие листья, пестрые тряпки, чучелки,

Семейство Вьюрковые ткачики

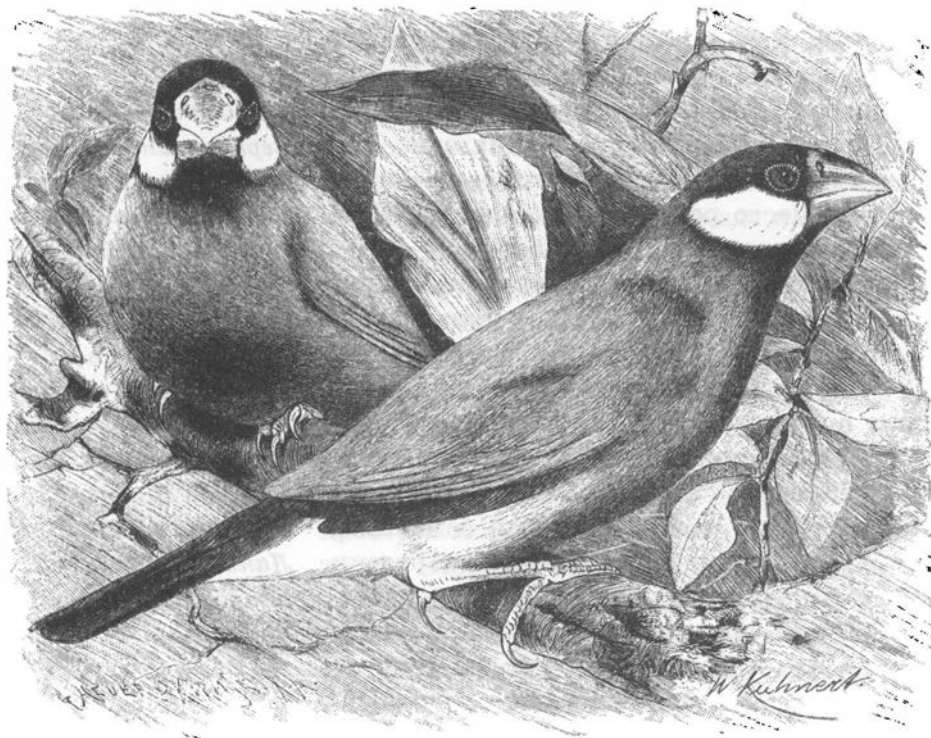
* Действительно, Бернштейн и Розенберг правы: родиной серой рисовки считаются Ява и Бали, однако она широко расселена и акклиматизировалась в большинстве стран Юго-Восточной Азии, на Филиппинах, в Японии, Китае, Индии и на Шри-Ланке, а также на островах Зондского архипелага.

деревянные погремушки и т.п. Стоит только туземцу, засевавшему в сторожке, как паук среди своей паутины, дернуть за веревочки, как в то же мгновение зашумят сухие листья, заболтаются подвешенные чучелки, загремят погремушки, и непрошенные гости с испугом летят прочь. Но и после жатвы вплоть до наступления периода дождей, т.е. почти до ноября, рисовки находят богатый стол на сжатых полях риса. На жниве не только остается множество колосьев, но между стеблями их в невероятно короткий срок вырастают разные сорные травы, быстро созревающие семена которых составляют приятную пищу рисовок. В это время они особенно в теле, довольно жирны и представляют, в особенности молодые, лакомое блюдо, из-за чего их усердно преследуют.

Пойманными их держат только продавцы, которые и приносят их на прибывающие корабли для продажи. Дети находят большое

удовольствие мучить их, привязав за нитку и пуская летать на улицах».

Бернштейн находил гнезда рисовок то на вершинах деревьев, то между паразитных растений, покрывающих стволы аренговых пальм. В зависимости от местонахождения гнезда бывают различной величины и формы. Построенные на деревьях, большею частью больших размеров и почти правильной формы полушара; вьются исклю-

Рисовка
(*Padda oryzivora*)

чительно из стеблей различных трав, настолько не крепко сплетенных, что все гнездо не имеет особенной прочности. Кладка состоит из 6—8 блестящих белых яиц.

В Занзибар рисовка завезена и там акклиматизировалась. В Японии, где она водится с давних пор, выведена чисто белая культурная порода, которая в недавнее время стала регулярно появляться на наших птичьих рынках. Маленькие японские рисовки не представляют собой альбиносов, но породу, выведенную только большим и долгим трудом. Они имеют темные глаза и иногда отдельные темные перья. Не редки и совершенно пегие экземпляры. По моим наблюдениям, пойманные рисовки не мо-

гут быть отнесены к числу милостивых птичек их рода. Они приручаются редко и не вполне и нелегко размножаются в наших краях. Их пение очень неприятно и едва ли может быть названо пением. Итак, в их пользу говорит только их красивое оперение.

СЕМЕЙСТВО ТРУПИАЛОВЫЕ, ИЛИ КАССИКОВЫЕ (Icteridae)

Семейство трупиалов включает в себе птиц различной величины, начиная с величины вороны и кончая размерами зяблика. Удлиненная форма тела не мешает им быть вместе с тем хорошо сложенными.

Трупиалы живут исключительно в Америке. Более четырех пятых всего числа приходится на южную и центральную ее части, однако северная область их распространения доходит до Полярного круга. Все виды этих птиц общежительны, проворны, подвижны и хорошо поют. Они населяют рощи, кормятся мелкими позвоночными, насекомыми, моллюсками, плодами и семенами. В одних случаях эти птицы бывают очень полезны, в других возбуждают к себе ненависть. Их гнезда, которые часто не только не уступают в изяществе, но даже превосходят таковые ткачиков, подвешивают на деревьях колониями; птицы одного из видов сами не вьют гнезд и не выводят детей, большую часть вверяя свои яйца чужим заботам*.

Самым известным из североамериканских видов этого семейства нужно считать **балтиморского цветного трупиала** (*Icterus galbula*). С него мы и начнем. Голова, шея, подбородок и горло темно-черные, такого же цвета и нижние шейные перья, плечи, крылья и оба средних пера хвоста. Верхние кроющие перья крыльев, надхвостье, верхние кроющие перья хвоста и остальные части огненно-оранжевые. Большие маховые перья с широкими у начала и узкими у конца крыла белыми каймами. Большие кроющие перья крыльев в конечной половине белого цвета образуют широкую перевязь. Рулевые перья, кроме двух упомянутых средних, оранжевые, у корня с широким черным перехватом. Глаза карие, клюв черновато-свинцово-серый, светлее к краям, ноги также свинцово-серого цвета. Длина этих трупиалов достигает 20 см, размах крыльев 30, длина крыла 9, хвоста 8 см. У самок верхняя часть тела оливково-буровато-серая, нижние шейные перья неявно исчерчены продольными, более темными черточками, нижняя часть тела оранжево-желтая, верхние кроющие перья крыльев и большинство остальных кроющих на конце белые. Таким образом, на крыльях получаются две поперечные полосы. Все остальные части у самок бледнее и тусклее, чем у самцов.

Область гнездования балтиморских трупиалов обнимает собой восточные штаты Америки, от Канады до западных возвышен-

Семейство трупиаловые, или кассиковые

* На самом деле среди трупиалов довольно много видов, которые являются гнездовыми паразитами. Это коровьи трупиалы, или воловьи птицы, представители родов *Molothrus* и *Scaphidura*.

**Семейство
трупяловые,
или касиковые**

ностей. Отсюда зимою они долетают до Вест-Индии и средней Америки. По Одюбону, в известных местностях они очень обыкновенны, в других попадаются пролетом. Они предпочитают холмистые места. Это чисто летние птицы, парами появляющиеся в стране с наступлением весны. Вскоре после этого они приступают к

*Балтиморский
цветной трупял
(Icterus galbula)*

кладке яиц. Их гнезда устраиваются различно, смотря по теплоту или холодному климату обитаемой ими страны, но всегда подвешиваются к тонкой ветви и вьются очень искусно. В южных штатах они свиваются из так называемого «испанского мха», притом так рыхло построены, что воздух легко может циркулировать по всем направлениям; внутри не кладется никакого согревающего вещества, и даже самое гнездо строится с северной стороны дерева. В северных штатах наоборот: гнездо подвешивается к ветвям, на которые падают солнечные лучи, и снабжено нежной и теплой подстилкой. Птица, вьющая гнездо, слетает на землю, отыскивает нужный материал, прикрепляет его одним концом к ветке и с большим искусством все это сплетает вместе. В это время балтиморский трупял довольно несиносен. Женщины, когда хотят белить свою пряжу, должны особенно следить за ней, так как птицы утаскивают в гнездо все прядки, до которых только доберутся. В их гнездах часто находили целые мотки ниток и клубки шелка.

Окончив постройку гнезда, самка кладет от 4 до 6 яиц около 25 мм длиной и 16 мм толщиной. Бледно-серый цвет их испещрен более темными пятнышками, точками и штрихами. Через четырнадцать дней высиживания вылупляются птенцы, а через 3 недели после этого они уже летают. Каждая пара в продолжение лета выводит еще один раз, по крайней мере в южных

Семейство
трупяловые,
или кассиковые

штатах. Не умея еще летать, молодые часто цепляются за наружную часть гнезда, выскакивают и прячутся в него подобно молодым дятлам. Научившись же летать, они почти 14 дней все еще неразлучно следуют за родителями, которые их в это время водят и кормят. Как только поспеют тутовые ягоды и фиги, они появляются на этих деревьях, подобно тому как ранее их видели на вишнях и других плодовых деревьях. Тут они могут причинить довольно серьезные опустошения. Весною же они питаются почти исключительно насекомыми, доставая их с веток и листьев или, преследуя с большим проворством, ловят их на лету. Отлет их начинается очень рано. Днем они быстро и с громким криком летят большею частью поодиночке. Только с заходом солнца они спускаются на определенные деревья, торопливо ищут чего-нибудь поесть, выспятся, позавтракают и снова в путь.

Движения этих трупялов красивы и правильны. Полет прямой и ровный. Походка довольно ловкая. Но особенное совершенство они выказывают в ветвях деревьев, где они лазают не хуже синиц.

За свою красоту балтиморские трупялы содержатся в клетках. Хотя их пение просто, но весьма приятно благодаря полноте, силе и благозвучию трех или четырех, самое большее 8 или 10 нот, составляющих его.

Как самая многочисленная и самая ненавистная птица Северной Америки, первым заслуживает быть представлен **боболинк**, или **рисовый трупял** (*Dylichonyx oryzivorus*), тем более что он представляет собой нечто среднее между вьюрком и скворцом. Действительно, сомневаются, к какому из этих двух семейств следует его причислить, и это сомнение не так легко разрешается даже и тогда, когда видишь перед собою живую птицу*.

Величина рисовых трупялов достигает 18 см, размах крыльев 29, длина крыла 9, а хвоста 6 см. В брачную пору верхняя и передняя части головы, вся нижняя сторона и хвост самцов черные. Затылок буровато-желтый. Верхняя часть спины черная, но на каждом перье желтая кайма. Плечевая область и надхвостье белые с желтым отливом. Глаза бурые. Верхняя половина клюва темно-бурая, нижняя половина буровато-серая. Ноги светло-голубые. Самка несколько меньшей величины. Верхняя часть ее светло-желто-бурая с более темными продольными полосками на перьях. Нижняя часть бледно-серо-желтая с такими же полосками на боках. Маховые и рулевые перья значительно светлее, чем у самцов. На это оперение самец походит своим зимним покровом, в общем сходно с ним и оперение молодых, но у них все краски бледнее и серее.

Боболинки в Северной Америке бывают только летом; прилеты и отлеты их очень регулярны. Во время своего перелета на юг они останавливаются в средней Америке, именно в Вест-Индии, и, может быть, в северных областях Южной Америки; только

* И тем не менее, несмотря на внешнее сходство, боболинк относится к семейству кассиковых, или трупялов.

**Семейство
трупяловые,
или кассиковые**

Боболинк
(*Dylichonyx oryzivorus*)

до Бразилии они, конечно, не проникают. В штат Нью-Йорк они прилетают в начале мая большими или маленькими стаями. Вскоре эти стаи увеличиваются вновь прибывающими, и через очень короткое время вся страна наполняется ими в полном смысле этого слова. По словам Одюбона, невозможно найти ни одного

поля, которое не было бы населено ими. Для постороннего зрителя наблюдения над боболинками, столь ненавистными всем поселянам, могут доставить удовольствие. Склонность к общественности этих птичек не пропадает даже в птенцовую пору: одна чета живет и высидывает яйца вблизи другой. Гнездо вьется или над землей, или вплотную с ней и строится не очень заботливо, но всегда в траве или между стеблями злаков и, само собою разумеется, является центральным пунктом обитания одной пары. В то время, как самки находятся в заботах о своем будущем потомстве, самцы задорно и ревниво шмыгают в лесу стеблей. То тот, то другой с пением поднимается наверх и причудливо реет в воздухе. Пение одного возбуждает других, и вскоре целая масса птичек поднимается наверх и там друг у друга перенимают чистые и приятные трели. Североамериканцы справедливо прославляют пение этой пташки; оно удовлетворит самое прихотливое ухо любителя птиц. Звуки пения полны разнообразия и издаются птичками очень быстро с удивительными вариациями и так старательно, что вам чудится сразу пение полудюжины певцов, тогда как поет всего один. Вильсон сравнивает это пение с разными нотами фортепиано, то высокими, то низкими, взятыми быстро одна за другой, без особенного порядка. Но в общем эта путаница гармонична. Самец очень часто поет

и сидя, и тогда он трепещет своими крылышками, подобно нашему скворцу. В своих движениях боболинки выказывают много проворства. Их походку по земле скорее можно назвать шаганием, нежели прыганием. Их полет легок и изящен; прибавьте к этому мастерское умение лазать вниз и вверх в лесу стеблей, в чем они поспорят с камышевкой.

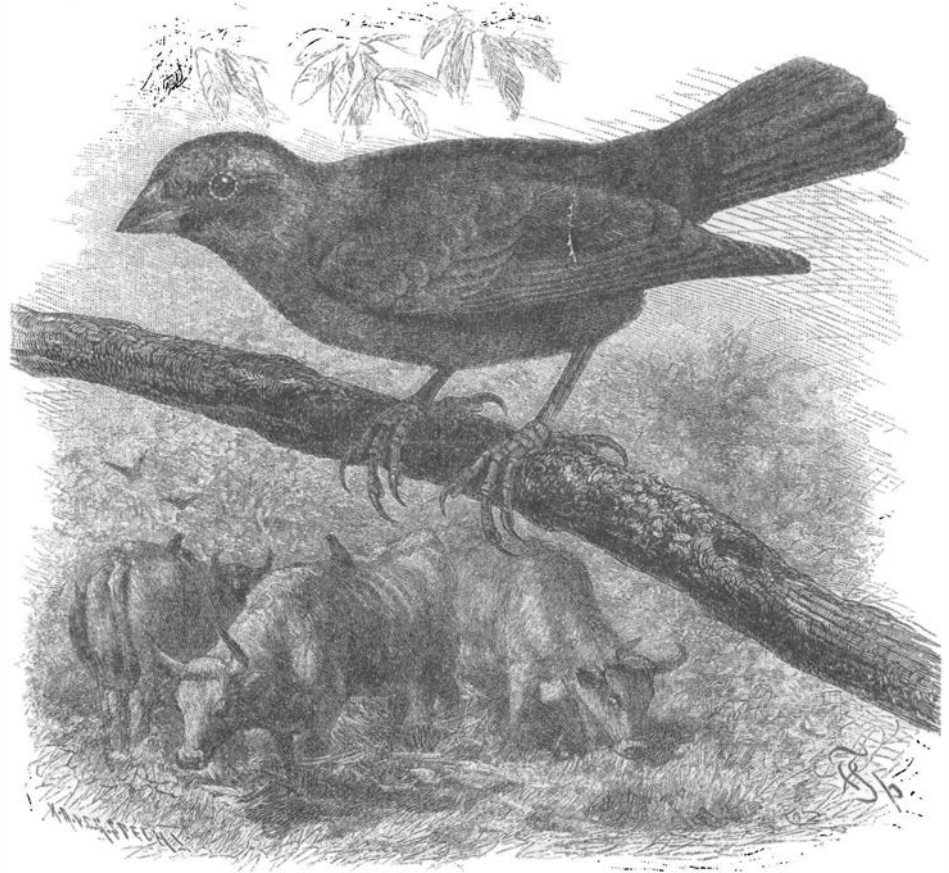
В последние дни мая в гнезде вы найдете от 4 до 6 яичек около 22 мм длиной и 16 толщиной. Молодые кормятся глав-

ным образом насекомыми, быстро вырастают, оставляют гнездо и соединяются в многочисленные стаи с другими птицами их вида. Начиная с этого времени, боболинки выказывают себя с дурной стороны. Их милое пение кончается, изящный наряд самцов уже сменился; парочки больше не имеют определенного места и носятся всюду по стране. Начинаются опустошения. Птицы летают с поля на поле, садятся на них огромными стаями и едят еще молочные зерна злаков столь же охотно, как и поспевшие. Нападая на поля огромными стаями, они приносят земледельцам поистине громадный вред. Против них пускаются в ход всевозможные средства; тысячи и сотни тысяч их убивают, но все напрасно — опустошения не прекращаются. В лучшем случае, если их сгонят с поля, они перелетят на другое. Окончив свое губительное дело на севере, они нападают на плантации юга. Целую неделю носятся повсюду, днем сидя на полях, ночью улетающая спать в камыши. Затем перелетают дальше постепенно на юг.

Воловья птица, или буроголовый коровий трупял (*Molothrus ater*).

Голова и шея его угольно-черные; все остальное оперение буровато-черное, голубоватое на груди, с зеленым и голубым отливом на спине; глазной ободок темно-бурый; клюв и ноги буровато-черные. Длина достигает 19 см, размах крыльев 30, длина крыла 11, длина хвоста 8 см. Самка немного меньше самца и почти равномерно угольно-бурого цвета, снизу несколько светлее, чем сверху.

Коровьи трупялы также распространены по большей части Северной Америки и очень обыкновенны, по крайней мере в некоторых областях. Так же точно они преимущественно обитают в болотистых местностях, однако столь же охотно живут на пастбищах среди пасущегося скота и табунов лошадей. Время

Воловья птица
(*Molothrus ater*)

Семейство
трупяловые,
или кассиковые

сна они проводят в кустарниках или камышах по берегам рек. На севере Соединенных Штатов они появляются в конце марта или начале апреля небольшими стайками. К концу сентября они вновь покидают страну, обыкновенно в сообществе с другими птицами. Их пища в сущности такая же, как и их сородичей. Они походят на наших скворцов тем, что, как и они, часто выклеивают на спинах скота засевших там паразитов.

Все это упоминалось при описании предыдущих форм, и едва ли пришлось бы говорить о них отдельно, если бы коровьи трупялы не имели других отличительных черт. Они и все остальные их ближайшие родичи не высидывают детенышей сами, но предоставляют это чужим заботам. Подобно нашим кукушкам, они живут не парами, а в многобрачии. В птенцовую пору их видишь, как и раньше, такими же обществами с разным составом; в одной стайке преобладают самки, в другой больше самцов. «Если одна из самок, — говорит Поттер, — отделится от стаи, ее исчезновение почти или совсем не замечается. Ни один нежный друг не сопровождает ее и не тоскует по ее отсутствию, ни один задушевный или любящий голос не приветствует ее возвращения. Действительно, подобное отсутствие нежности или взаимной привязанности у коровьих трупялов доходит до высшей степени; полная независимость должна выражаться правилом: всякий делает что ему угодно. Если наблюдать за этими птицами в пору кладки яиц, можно увидеть, как самка, покинув своих товарищей, начинает беспокойно летать кругом и в заключение садится в укромное место, откуда она может высматривать, что делают другие птицы. В таком состоянии она проводит довольно долгое время. Однажды я увидел самку, занятую такими поисками. Во что бы то ни стало я решил узнать, чем это кончится, и, сев на лошадь, тихо поехал за ней. На время я терял ее из виду, но вскоре опять находил. Она влетала в каждый густой куст, тщательно осматривала все места, где имеют обыкновение вить гнезда маленькие птички, и, наконец, стрелой полетела в один густой кустарник из ольхи и терновника. Пробыв там минут пять-шесть, она вернулась обратно в поле к своим товарищам. В чаще кустарника я нашел гнездо желтогорлого певуна (*Geothlypis trichas*)* и в нем яйцо коровьего трупяла рядом с другим яичком законной хозяйки гнезда. Полетев сначала вдоль одной стороны поляны, самка коровьего трупяла вдруг шмыгнула в редкую листву маленького кедра и несколько раз возвращалась из него обратно, пока не решила наконец оставить это место. После некоторых поисков я нашел самку подорожника, сидевшую на гнезде: в него самка коровьего трупяла воровски снесла бы яйцо, если бы птичка-наседка была в отсутствии. Мне кажется довольно возможным, что воровская птица врывается силой в гнезда некоторых птиц и сгоняет их с их законного места. В случае нужды она прибегает к хитрости там, где ничего не может достигнуть силой.

* Желтогорлый певун принадлежит к семейству древесниц (*Parulidae*).

**Семейство
трупяловые,
или кассиковые**

ми. Описание Одюбона дает такую превосходную картину их образа жизни, что совершенно достаточно, если я приведу здесь из него самое существенное.

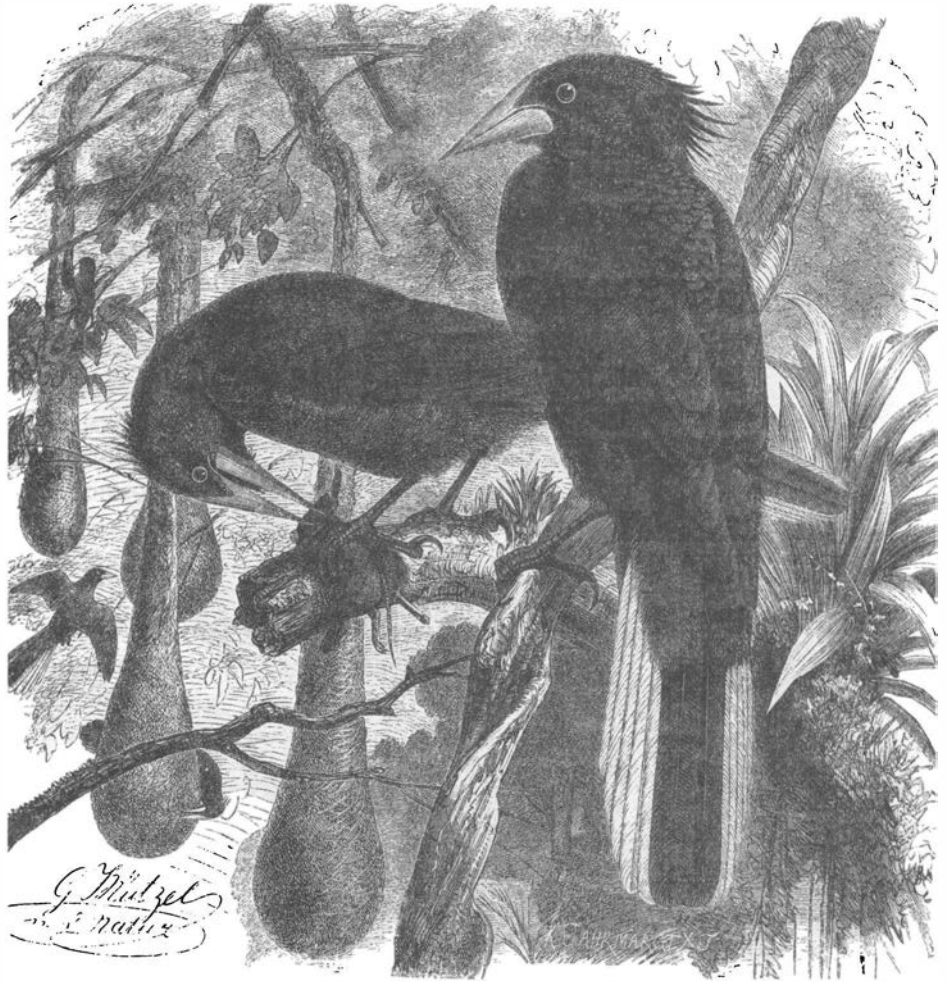
С наступлением весны красноплечие трупялы покидают южные штаты, где они провели холодное время года, и летят большими или маленькими стаями на север. Самцы с пением летят впереди, как будто своим пением они убеждают самок следовать за ними. Зимние гости по пути нередко засиживаются на невысоких деревьях. Здесь они распускают веером свой хвост, топорщат перышки, и вы можете услышать их частые звонкие голоса именно ранним утром, перед их отлетом с того места, где они провели ночь, так как они летят только днем. Как только прилетят самки, начинаются заботы о потомстве. Несколько самцов летают за одной самкой, пока она не выберет одного по своему вкусу. Оба тотчас приступают к постройке гнезда. Счастливая чета отдалится от стаи и ищет себе для гнезда подходящее местечко где-нибудь на краю уединенного пруда или болотистого луга. Выбирается какой-нибудь низенький куст, густая камышовая или травянистая заросль, натаскивается сюда куча сухого камыша, устраивается в ней ямка для гнезда и выкладывается внутри нежной травой или конским волосом. Сюда кладутся от 4 до 6 весьма оригинальных яичек около 25 мм длиной и 18 мм толщиной. На водно-голубом фоне их накраплены большие, черные и черно-бурые пятнышки. «С этого момента, — говорит Одюбон, — можно наблюдать всю преданность и отвагу, которые царят в сердце самца. Он заботливо стережет свою подругу, сидящую на яйцах. Каждый непрошенный гость, приближающийся к гнезду, встречается громким криком, в котором слышатся и страх и досада, и весьма нередко птичка проносится почти около самого человека, когда он сознательно или нечаянно нарушит ее спокойствие. Иногда она садится на ветку над гнездом и испускает такой жалостный крик, что только бесчувственный решится потревожить парочку».

Вылетевшие из гнезда птенцы соединяются с тысячами других птиц их вида и кочуют уже самостоятельно, в то время как их родители приготавливаются ко второй кладке. Первые выводки вылетают из гнезда в начале июня; вторые — в первых числах августа; к этому времени начинают поспевать хлеба в средних штатах, и сбившиеся в стаи трупялы бесчисленными массами нападают на поля, вызывая серьезное противодействие этому со стороны заботливых земледельцев. Но и самые большие старания человека бывают обыкновенно бесплодны: масса птиц подавляет все усилия. Но как только хлеба окончательно созреют, красноплечие трупялы оставляют поля и собираются на лугах, по берегам больших рек, а также и в камышах, соединяются вместе с дроздами, боболинками и другими подобными родственными видами и образуют вместе с ними стаи, затмевающие свет. Но

преследования не кончаются, и трудно себе представить, какие убиваются массы этих птиц. Одюбон уверяет как слышанное им, что одним выстрелом бывает убито более 50 штук, и рассказывает, что он лично убил несколько сот в одно послеобеденное время. Подобно нашим скворцам, с наступлением ночи красноплечие трупялы густыми стаями садятся на ночевку в камыши, чтобы здесь найти защиту от их вечно грозного гонителя.

Достойный представитель кассиков — шапу (*Cassicus cristatus*). Длина его достигает 40—45 см, размах крыльев 61—65, длина крыла 20—21 и длина хвоста 18—19 см. Его оперение блестяще-черное, начиная от головы с хохловидными перышками посреди темени и до пяти наружных парных хвостовых перьев лимонно-желтого цвета. Надхвостье, нижние и верхние кроющие перья хвоста ярко каштаново-бурые. Нижние шейные перья и плечевые на конце по краю с буроватыми полосками, снизу темнее, чем сверху. Самка значительно меньше самца.

Шапу распространен, кроме западных областей южной Бразилии, по всей Южной Америке к северу до Гватемалы. Он живет только в лесах и только в том случае приближается к плантациям и человеческому жилью, когда они расположены у самого леса. В безлесных местностях он не встречается, в лесах же многочислен. Образом жизни он несколько похож на нашу сойку. Он живет общественно, нрава живого, всегда в движении, перелетает с одного дерева на другое, подвешивается к веткам своими сильными когтями, сорвет иногда какой-нибудь плод, улетает с ним прочь, чтобы съесть где-нибудь в другом месте, и все

Шапу
(*Cassicus cristatus*)

**Семейство
трупяловые,
или кассиковые**

это проделывает с несмолкаемым и неугомонным криком. Его пища состоит из мелких насекомых и ягод; однако, когда созреют плоды, то апельсины, бананы и плоды папайи составляют его лакомые кушанья. Для плантаций он может быть очень вреден.

Даже в птенцовую пору шапу всегда встретишь в сообществе с другими птицами их вида; часто на небольшом пространстве они собираются в 30—40 и более пар. Их оригинальные мешковидные гнезда тогда подвешены близко друг к другу на всех ветвях одного или нескольких высоких или ветвистых девственных деревьев. «Я нашел однажды, — говорит принц фон Вид, — в одной романтической тенистой долинке, защищенной со всех сторон лесистыми горами, в высшей степени многочисленную колонию этих птиц. Они настолько оживляли лес, что решительно нельзя было на чем-нибудь сосредоточиться. По всему лесу раздавались их особенно оживленные в это время голоса.

Обыкновенно шапу издают один короткий, грубый, довольно хриплый призывный крик; впрочем, они издают и другие изменчивые звуки: один громкий, какой-то странный горловой свист, протяжный и довольно приятный, обыкновенно редко повторяющийся, но иногда усиливающийся на полуоктаву. Другие разнохарактерные звуки, присоединяющиеся к вышеупомянутым, в общем образуют приятную, хотя и странную мелодию, в особенности тогда, когда одновременно поют несколько птиц.

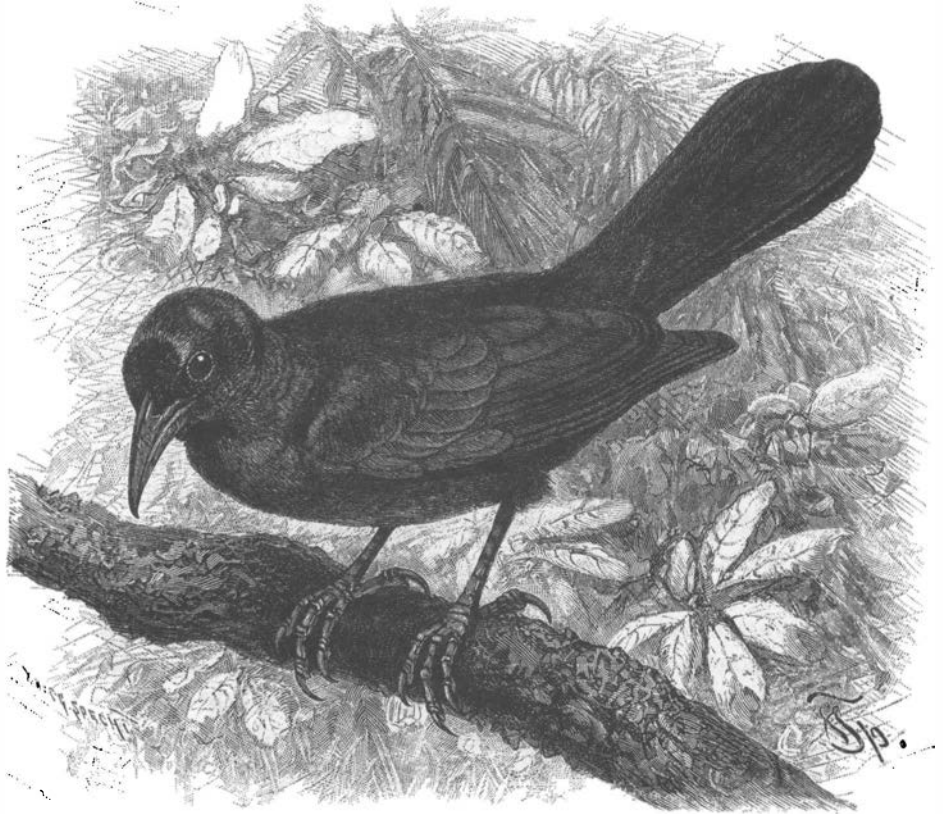
Шапу прикрепляют свое интересное гнездо то на очень высоких, то на средней высоты деревьях. Оно имеет форму мешка 13—17 см шириной, узкое, длинное, округленное снизу, часто длиною от 1 до 1,5 м и наверху прочно прикрепляется к какой-нибудь довольно тонкой ветке почти в палец толщиной; в нем находится довольно продолговатое, совершенно незащищенное отверстие для входа. Форма и гибкая, похожая на рыхлый войлок масса этого гнезда делают его легко доступным произволу ветра: даже при слабом ветерке оно делается его игрушкой. Птица искусно свивает и сплетает это мешковидное гнездо из волокон тиландзии (*Tillandsia*) и других волоконцев, и притом так крепко, что его с трудом можно разорвать. Внизу, на дне этого глубокого мешочка, подстилкой птенцам служат мох, сухие листья и луб; на них кладутся одно или два яичка. Они продолговатой формы; по беловатому фону их идут бледно-фиолетово-красные мраморные прожилки и неправильно разбросаны темные черно-фиолетовые штрихи и точки. Обыкновенно в таких гнездах я находил только одного птенца, но за нормальное число яиц нужно принимать все-таки два. Было бы неправильно считать, подобно Азара, нормальным числом три. Молодые издают громкий и хриплый крик и своим первым оперением уже походят на стариков, так как у них тотчас же вырастают желтые хвостовые перья. Часто находят два гнезда, свитые вплот-

ную, т.е. одно гнездо слегка разгораживается посередине и приобретает новое мешковидное боковое отделение, составляющее отдельное жилище. На одном дереве находятся 30—40 и более гнезд. Птицы предпочитают прикреплять их к крепким сухим веткам. В ноябре я нашел гнезда, из которых одни были еще пусты, тогда как в других лежали яйца и птенцы. Такое увешанное гнездами дерево, на котором во всех направлениях снуют эти работящие, большие, красивые птицы, представляет весьма привлекательное зрелище для орнитолога и охотника. Весьма крупный сравнительно с самкой и красивый самец распускает свой роскошный хвост, расправляет, словно лебедь, крылья, загибает книзу голову, раздувая зоб, и испускает странный горловой крик, похожий на звуки флейты. Когда птица слетает легким, быстрым полетом, она производит крыльями шум, слышный даже внизу. Можно наблюдать этих птиц часами, если их не пугать.

Когда пройдет птенцовая пора, шапу стаями летают на плодовые деревья, и тогда мы многих из них убивали на гениповых (*Gardenia genipa*) и других деревьях.

Особенно часто я видел это не реках Бельмонте и Ильеос, где они особенно многочисленны и обыкновенны. Их мясо довольно съедобно, хотя часто бывает грубо и жестко, мы никогда не замечали в нем особенного запаха, как утверждают некоторые писатели. Ботокуды убивают шапу стрелами частью для еды, частью ради их желтых перьев, которые им чрезвычайно нравятся. Они делают из них при помощи воска веер и прикрепляют его себе на лбу».

Обыкновенный гракл (*Quiscalus quiscula*). Длина его достигает 31 см, размах крыльев 40, длина крыла 14, хвоста 12 см. Голова, шея и нижняя часть тела черные, глянцевитые с пурпурово-фиолетовым и медно-бурым отливом, нижние части укра-

Обыкновенный гракл
(*Quiscalus quiscula*).

*Семейство
трупяловые,
или касиковые*

шены бледно-зелеными пятнами, а все перья верхней части спины и плеч выделяются на матово-темно-зеленом фоне благодаря поперечным штрихам, отливающим радужными цветами. Надхвостье и верхние кроющие перья хвоста бронзового цвета, наиболее длинные — пурпурово-фиолетовые. Внешние опахала маховых и хвостовых перьев со стальным фиолетово-голубым отливом. Глаза серо-желтого цвета. Как клюв, так и ноги черные.

Гракл распространен по восточной части Соединенных Штатов, к северу до Новой Шотландии, к западу до Алеганских гор. Он живет исключительно в болотистых местностях. Во все времена года он ведет жизнь общественную, часто сбивается в большие стаи и разгуливает по солончаковым низинам и тинистым берегам своей родины. Его главную пищу составляют мелкие крабы и червяки. Само собою разумеется, он столь же мало пренебрегает насекомыми, как и другие его сородичи, а ко времени поспевания плодов и злаков появляется и на плантациях. Рисовым полям он причиняет чувствительный вред.

В начале февраля самцы уже одеты в свое брачное оперение и спарились. В это время их видишь сидящими поодиночке на высоких деревьях в полном блеске их наряда. Они некоторым образом гордятся красотой своего оперения, сверкающего в лучах солнца. Они очень ревнивы относительно других птиц своего вида, но только до той поры, пока не спарятся. Как только они разбились на пары, кончаются все ссоры и наступает полный мир и согласие. Они избирают теперь удобное местечко для устройства гнезда где-нибудь на побережье или на берегу больших рек или даже просто на болоте. Гнездо их в существенных чертах сходно с гнездами других трупялов. Самка кладет от 4 до 5 яиц, которые имеют в длину 31, в ширину 23 мм и покрыты бурыми и черными точками, неправильно разбросанными по серовато-белому фону. В воспитании птенцов принимают участие оба родителя и кормят их всякой всячиной. Они не стыдятся даже грабить гнезда других птиц и таскать на корм их яйца и птенцов. Зато и у них, как говорят, тоже имеются враги. «Когда обыкновенный гракл, — рассказывает Одюбон, — гнездует в высоких камышах, открытых заводях и озерах Луизианы и Флориды, крик птенцов часто привлекает внимание аллигатора, который, предчувствуя лакомый кусочек, тихонько подплывает к ним и внезапно ударяет хвостом по соответствующему пучку стеблей с целью выбросить из гнезда неосторожных юнцов. Выпавшие из гнезда птенцы в то же мгновение проглатываются. Однако аллигатору редко удается повторить свои нападения более одного или двух раз, так как взрослые делают скоро очень осторожными и вовремя предупреждают своих птенцов». Я должен, однако, заметить, что сильно сомневаюсь в правдоподобности этого рассказа*.

* Брем абсолютно прав, эта история относится к категории фантазий и почерпнута Одюбоном из рассказов местных жителей.

СЕМЕЙСТВО СКВОРЦОВЫЕ (Strunidae)

Скворцы являются тем же для Старого Света, что трупиалы для Америки. Это в высшей степени замечательная группа птиц, встречающаяся во всех частях восточного полушария. Как некоторые весьма общественные птицы, они не собираются обществами в какое-нибудь определенное время, но живут даже в пору гнездования большими или маленькими стаями, делающими сообща всякую работу. Они ходят слегка пошатываящейся походкой, но быстро и хорошо; летают легко, скоро и шумно, быстро взмахивая крыльями, в чаще ветвей и по камышам двигаются также с большим умением. Все виды являются живыми, беспокойными, постоянно чем-нибудь занятыми птицами, отдыхающими только на короткое время, с тем чтобы потом снова приступить к какому-нибудь делу. Их пища состоит из насекомых, червей и слизняков; наряду с этим они едят плоды и другие части растений, однако вреда они никогда не приносят. Свои гнезда весьма неправильной постройки они устраивают в дуплах деревьев, впадинах скал и стен. Число яиц одной кладки колеблется между 4 и 7.

Наш всем хорошо известный **обыкновенный скворец**, (*Sturnus vulgaris*) имеет разную окраску и рисунок, смотря по возрасту и времени года. Весною оперение старого самца черное с зеленым или пурпуровым отливом. На маховых перьях и хвосте эта окраска становится более светлой, с широким серым ободком. Отдельные перья спины имеют на конце серо-желтые пятнышки. Глаза бурые; клюв черный; ноги красно-бурые. После окончательной линьки оперение принимает совершенно другой вид. Кончики всех перьев затылка, верхней части спины и груди окрашиваются в беловатый цвет, из-за этого кажется, будто оперение покрыто крапинками. Клюв принимает более темную окраску. Самка похожа на самца, но в весеннем оперении пестрее его. Молодые темно-буро-серого цвета и светлее в лицевой области; клюв их серо-черный, ноги буровато-серые. Длина скворцов достигает 22 см, размах крыльев 37, длина крыла 10, хвоста 7 см. Самки меньше самцов.

В южной Европе водится очень близкий ему вид — **черный, или одноцветный, скворец** (*Sturnus unicolor*). Одноцветный скворец водится в Испании, в южной Италии, на Украине, на Кавказе и в большом районе Азии, в Гималаях от Кашмира до Непала и в северном Пенджабе; зимой случайно он проникает в глубь страны и доходит до Синда*. Его жизнь, насколько теперь это известно, во многом сходна с жизнью нашего скворца.

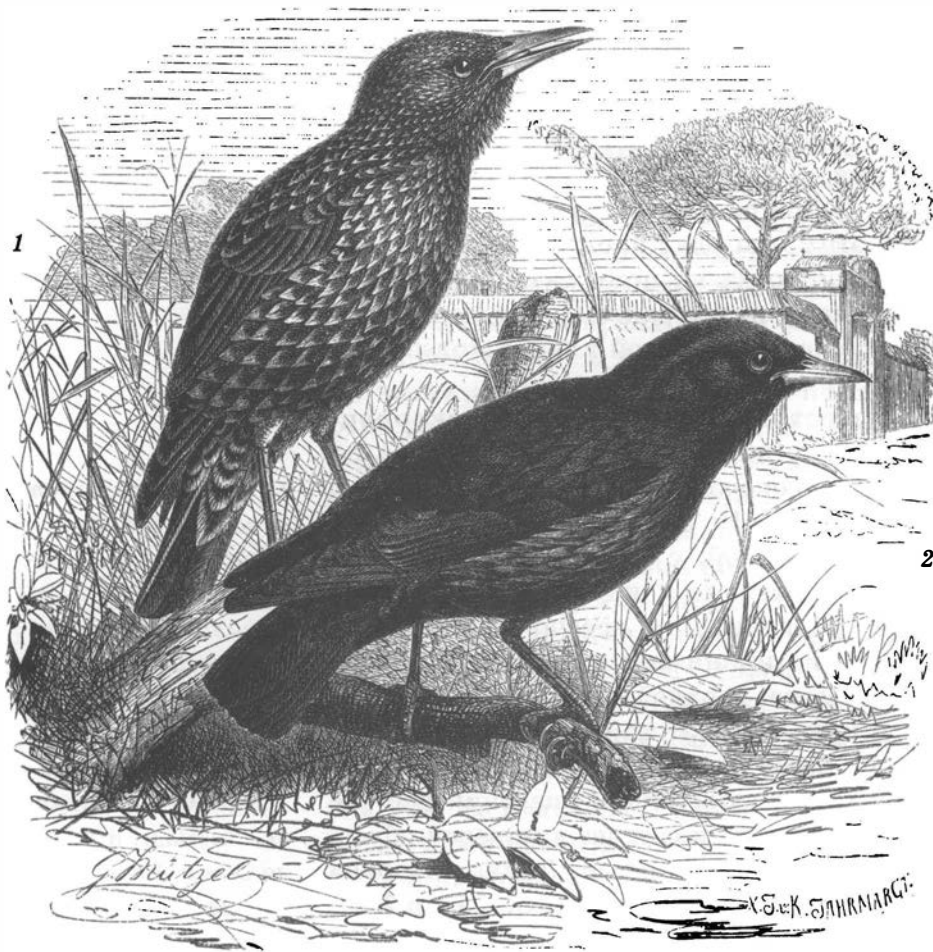
Начиная от Исландии и Фарерских островов, обыкновенный скворец встречается почти во всех частях Европы, по крайней мере временно; точно так же и в известных областях Средней

Семейство СКВОРЦОВЫЕ

* Область распространения черного скворца ограничивается Испанией, Сицилией, Сардинией, Корсикой и несколькими странами северной Африки — Марокко, Алжиром и Тунисом. На Украине, Кавказе, в Гималаях и в Азии этот вид не встречается, там водится только обыкновенный скворец, но его особые подвиды. Во времена Брема диагностика двух близких видов скворцов еще не была разработана, в связи с чем появились ошибки и в описаниях Брема.

Азии, так как Радде и Вальтер встретили его гнездящимся на Теджене и Мургабе: в конце марта они нашли высиженные яйца. Уайтс тоже говорит, что наш скворец проводит лето в Туркестане, где он выводит детенышей в мае и июне, в то время как в Афганистане вероятно, а в Кашмире и Пенджабе наверное он наблюдается только как случайный зимний гость. В Европе он отнюдь не везде оседлая птица. Так, он появляется во всех южных провинциях Испании, а также в южной Италии и Греции только в зимние месяцы, однако в Пиренеях и в южных Альпах он все еще

гнездящая птица. Он предпочитает ровные местности и их луговые заросли, но останавливается и в деревнях, которые он посещал только пролетом, если выставить на его пути скворешницу. Из наших прилетных птиц скворцы прилетают раньше всех и остаются до самой глубокой осени. Их странствования распространяются самое большее до северной Африки; в Алжире и Египте они появляются регулярно каждую зиму. Главная масса их зимует уже в южной Европе и проводит это время повсюду вместе с разными дру-

1 — Обыкновенный скворец,

(*Sturnus vulgaris*)

2 — Черный скворец

(*Sturnus unicolor*)

гими птицами, в особенности с воронами и дроздами. Как только родина, по их соображениям, снова может дать им пропитание, они отлетают, и мы видим их у нас регулярно уже с наступлением оттепели. В новейшее время в некоторых местностях скворцы начинают перезимовывать, не улетая на юг, и именно в тех местах, где человек доставляет им возможность пережить тяжелое время зимы.

По всей вероятности, нет птицы живее, веселее и бодрее скворца. Когда он прилетает к нам, погода бывает еще очень пасмурна: с неба падают еще хлопья снега, пропитание скудно, и родина

встречает его очень недружелюбно. Несмотря на это, в первые дни он поет всего веселее, радуется всех своей песней, сидя обыкновенно где-нибудь очень высоко, где он со всех сторон доступен непогоде. Со спокойствием и бодростью мудреца относится он ко всем событиям, и как теперь, так и всегда не теряет своего вечно хорошего расположения духа. Кто знает его, тот должен полюбить его, а кто еще не узнал, тот должен делать все, чтобы привязать его к себе. Он служит лучшим другом человеку и тысячу раз сумеет отплатить за оказанное расположение.

Тотчас по весеннем прилете самцы появляются на возвышенных местах села или города, на колокольнях или вершинах старых деревьев и поют, весело помахивая крыльями и хвостом. Пение их неважное и скорее может быть названо болтовней, чем пением; в нем слышатся несколько неприятных, хриплых нот, но поется оно с таким воодушевлением и весельем, что его слушаешь очень охотно. Интерес к их пению усиливается еще благодаря их известной способности подражать. Чуткое ухо скворца ловит все звуки; он изучает их с рвением и повторяет их самым веселым образом, будет ли это переливчатый свист иволги, пронзительный крик сойки, громкий голос сарыча, кудахтанье кур или шум мельницы, скрип двери или флюгера, щелканье перепела, переливы жаворонка, наконец, все колена пения камышевок, дроздов, варакушек, щебетание ласточек и т.п.

В начале марта наступает пора любви. Самец расточает в это время всю свою любезность, чтобы не потерять самку, носится за ней всюду, с громким криком гоняется за ней и наконец достигает ее на земле. Помещение для гнезда занимается не всегда без боя; в нем устраивается временное ложе. В лиственных лесах скворец выбирает для этого всякого рода дупла; за неимением этого природного ложа для гнезда он селится в строениях; всего же чаще он устраивает свое гнездо в устроенных человеком скворешницах. Последние могут быть выдолбленными кусками дерева от 50 до 60 см высотой и 20 см в поперечнике, заколочеными сверху и снизу дощечками и снабженными отверстием под крышей 5 см в диаметре; или же они могут состоять из ящика той же формы, сколоченного из дощечек, подвешенного к дереву или прикрепленного к шесту или фронтому дома. Ложем беспорядочно устроенного гнезда служит солома и стебли травы, внутренняя же выстилка состоит из перьев гусей, кур и других больших птиц; в случае нужды скворец довольствуется соломой и сеном, а в лесу разного сорта мхом. В конце апреля в гнездо положена первая кладка: от 5 до 6 продолговатых 28 мм длиной, 20 мм шириной яичек, слегка шероховатых, но красивых и глянцевитых, светло-голубого цвета. Насиживает их одна самка. Как только птенцы вылупятся из яиц, оба родителя бывают так заняты их кормлением, что отцу остается мало времени для пения; однако ему удается улучить часочек. Поэтому и в это время вече-

ром можно видеть почтенных отцов семейств, собравшихся попеть.

При заботах родителей молодым достаточно 3—4 недель, чтобы стать самостоятельными. Они соединяются тогда с другими выводками и уже теперь образуют довольно значительные стаи, носящиеся бесцельно по всей стране. Старики же в это время приступают к выводу нового потомства, и, когда он наконец закончится благополучно, они присоединяются вместе с новым поколением к старым выводкам. Начиная с этого времени скворцы уже более не ночуют на гнездовьях, но проводят ночь или в лесах, или в прибрежных камышах. Наступает конец сентября — стаи скворцов не оставляют своей веселой общественной жизни, но старые пары возвращаются к своим гнездам, поют здесь утром и вечером, как будто бы впереди нет никакой зимы, однако улетают из Германии вместе с молодежью на юг с первыми заморозками и первым снегом на полях. Если погода благоприятствует, они остаются до последней недели октября или начала ноября; после этого отлет скворцов более не задерживается. На зимних стоянках они живут как у себя дома. В Толедо я слышал их пение, раздававшееся с башенок собора, а в Египте они пели сидя на спинах буйволов.

Хотя скворцы приносят иногда значительный вред виноградникам и заметно вредят вишневым садам и огородам, а также и камышовым зарослям из-за поломанных стеблей, когда они налетают массами, но все-таки они приносят так много пользы, что их нужно считать не иначе как лучшими друзьями сельских хозяев. «Ни у какой птицы, — говорит Ленц, — не бывает так удобно наблюдать приносимую ею пользу, как у скворца. Как только вылупятся первые птенцы, родители начинают приносить корм перед полуднем регулярно каждые 3 минуты, после полудня каждые 5 минут, что составляет в продолжение 7 часов до полудня 140 штук жирных улиток (или вместо них столько же саранчи, гусениц и т.п.), после полудня 84 штуки. На двух стариков в час приходится, по моему расчету, по меньшей мере 10 улиток, что составляет 140 штук в 14 часов; в сумме, следовательно, на каждую семью ежедневно приходится 364 взрослых улитки. Когда птенцы вылетят из гнезда, они истребляют еще больше этих улиток. Наступает вторая кладка, и когда и эти птенцы становятся на крыло, они составят семью в 12 штук, каждый член которой истребляет 5 улиток в час, а вся семья съедает ежедневно 840 улиток. У меня в доме, на вышке и под карнизами, а также на близстоящих деревьях устроены 42 скворешницы. Если они все заняты и считать на каждую скворешницу ежегодно семью до 12 птиц, то выходит, что я один из моего жилища ежегодно поставлю на поля стаю из 504 скворцов, которая ежедневно уничтожит и съест целую армию из 35 280 больших, толстых и жирных улиток». Я не буду ни подтверждать, ни оспаривать этого исчис-

ления, но скажу только, что я вполне соглашаюсь с мнением Ленса. Владелец виноградника, конечно, вправе прогонять без пощады и сожаления насевших между его виноградными лозами скворцов. Не менее прав будет садовод, разгоняя их, когда видит в опасности свои редкие растения, служащие украшением или приносящие доход. Что же касается сельского хозяина, то он, наверное, поступит рассудительно, если приласкает и приголубит этих птиц и выстроит им жилища соответственно плану, приведенному выше, так как нет такой другой полезной птицы, которую он мог бы так легко поселить возле себя и развести в желаемом количестве, как тот скворец, который, к счастью, все больше и больше познается нами и приобретает нашу любовь.

Опасными врагами скворцов являются наши большие соколиные породы, в особенности ястреба и перепелятники, также вороны, сороки и сойки, кроме того, куницы, ласки, белки и сони. Первые опасны для взрослых или летающих, последние же для беспомощных птенцов, которых они вытаскивают из гнезд, несмотря на храбрую защиту родителей. Однако сильное размножение скворцов вскоре уравнивает все понесенные потери, а их ум спасает их от опасностей. Так, например, ища корм в поле, они держатся в обществе ворон и галок, но всякое время пользуются таким образом осторожностью последних и улетают при приближении хищника, именно хищной птицы, в то время как храбрые вороны нападают на него. От преследований человека скворцов ограждает их миловидность и еще более их невкусное и малосъедобное мясо. В клетках скворцов держат реже, чем они того заслуживают. Они неприхотливы, как немногие другие птицы, очень умны, в высшей степени понятливы, веселы, живы, склонны к игре и задору, приучаются насвистывать песни, повторять слова и очень привязываются к своему воспитателю. Выживают они в клетках время, почти равное возрасту человека*, и соединяют в себе столько превосходных свойств, как никакие комнатные птицы подобного рода.

Ближайший родич только что описанного скворца, живущий в Европе, — **розовый скворец** (*Sturnus roseus*). Его голова с длинным висящим хохолком на затылке, шея спереди до груди, спина до начала шеи черные с темным фиолетовым отливом. Крылья, хвост, верхние и нижние кроющие перья хвоста вместе с нижней частью бедра черные со сталью-зеленым отливом. Все остальное оперение розовое. Клюв розово-красный, задняя половинка сильно свешивается вниз. Ноги розовато-бурые. У самки все цвета более матовые, а розовые части заменены грязно-буровато-белыми; нижние кроющие перья с широкими беловатыми каймами. Длина розового скворца достигает 21—23 см, размах крыльев 39—42, длина крыла 12, длина хвоста 7 см.

Розовый скворец принадлежит к числу кочующих птиц, так как в известных областях он иные годы появляется массами, в

* Это, конечно, сильно преувеличено. При содержании в неволе и по данным кольцевания установлено, что максимальная продолжительность жизни скворцов немногим больше 20 лет.

** В Монголию и Китай розовый скворец проникает очень незначительно, только на крайнем западе этих стран по пустынным районам, привлекающим к Монгольскому Алтаю.*

других же, наоборот, совершенно отсутствует, хотя, казалось бы, в сущности условия и тут и там были одинаковые. Центром его области распространения мы считаем внутренние азиатские степи; отсюда круг его правильного распространения идет в одну сторону до южной России и придунайских низменностей, в другую — до Малой Азии, Сирии и, наконец, на востоке до Монголии и Китая*. Покидая свои места гнездования, розовый скворец появляется регулярно в Индии и каждый раз одним и тем же путем из Месопотамии через Персию. В Индии, по словам Уайтса, он обыкновенен, за исключением времени от середины мая до начала июля, распространен к востоку до Бенгалии и достигает Цейлона; он, говорят, даже встречается на Андаманских островах. Он посещает, хотя и не ежегодно, Грецию и Италию, Африку же, напротив, чрезвычайно редко.

Поведением своим он, без сомнения, напоминает во многих отношениях нашего обыкновенного скворца, однако во многом от него существенно отличается. Подобно ему, он бегаёт кивающей походкой, всюду засматривая, все обыскивая, точно так же, как и наш домовый и садовый друг, пробежав немного, взлетает и удаляется от стайки своих сотоварищей, занятых отыскиванием корма; затем снова присоединяется к ним — и всем этим придает оживление всей бегающей по земле стае. Полет розовых скворцов похож на полет наших обыкновенных скворцов, только они не летают такой плотной массой, как наши, почему и полет их не такой шумный. Еще более, чем своими движениями, они отличаются вообще своим характером. Они гораздо беспокойнее наших скворцов, облетают ежедневно очень большое пространство, несколько раз в течение дня появляются на одном и том же месте, остаются всегда очень недолго, обыскивают площадь упомянутым образом, поднимаются и летят дальше, чтобы повторить то же, быть может, не менее чем через несколько километров от прежнего места. От времени до времени, особенно после полудня, вся стая с четверть часа и более носится высоко в воздухе, ловя насекомых подобно щуркам. Затем они снова опускаются на землю и ищут корм так усердно, как будто там, наверху, они ровно ничего не нашли.

На лету их красивое оперение заметно очень мало. Розовый скворец, особенно выделяющийся, когда он на земле, кажется бледным, когда он летит, и цвет его можно скорее назвать грязным бледно-белым, нежели розово-красным. К вечеру несколько стай, по всей вероятности, соединяются в одну, так как их видишь тогда сбившимися в кучу из многих сотен птиц, то летающих около определенных мест, то настолько скучившихся на возвышенных пунктах степи, а больше на скалистых хребтах, что один наш выстрел давал нам не менее 25 штук зараз. Немного спустя они в степях летят спать на заросли ив, которыми им приходится довольствоваться за неимением высоких деревьев. На такие места

отдыха они несутся со всех сторон с заходом солнца одновременно с пустельгами и кобчиками.

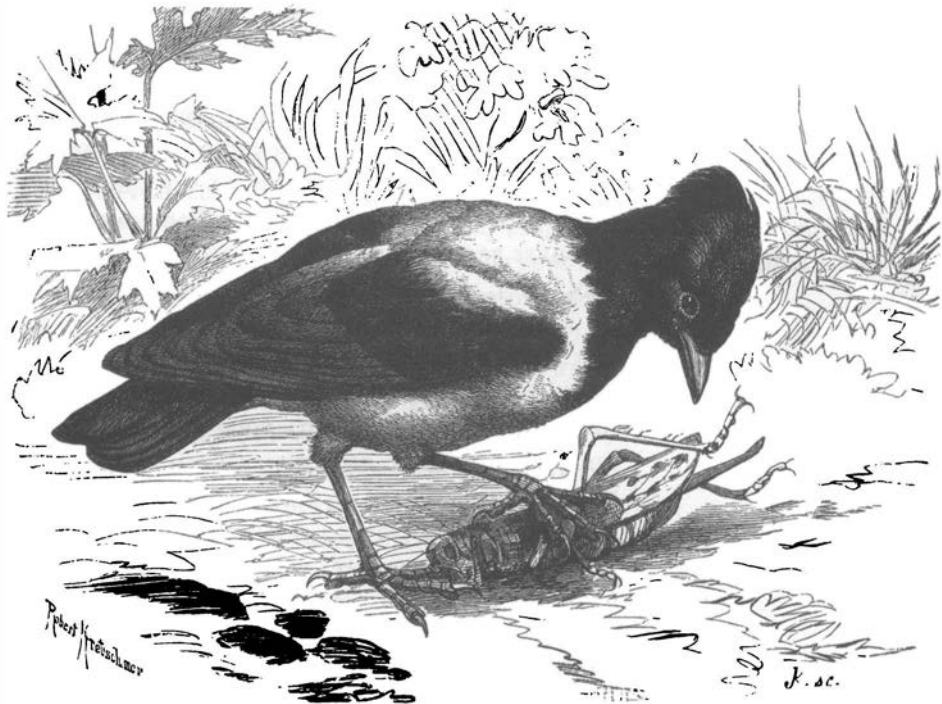
В то время, как соколы еще долгое время играют, летая над верхушками деревьев, прилетающие розовые скворцы немедленно исчезают в зелени ив. Никакого крика, как наши скворцы, никакой продолжительной болтовни не издают они; садясь на отдых так же тихо и бесшумно, как они прилетели, они устраиваются на покой, как будто они тотчас же слились с тысячами уже севших и успокоившихся птиц. В этой молчаливости я нахожу значительное отличие их от столь родственных им обыкновенных скворцов; точно так же

следует особенно отметить их бесшумное движение крыльями, которое находится в полном соответствии с этой молчаливостью. Этому же соответствует и то обстоятельство, что они только изредка издают тихий призывный крик «сюит» или «хурби» и в пении своем далеко не так старательны, как наши обыкновенные скворцы. Их пение, которое я слышал от птиц, воспитывавшихся у меня в клетке, есть не что иное, как довольно

сиплая болтовня, в которой самым явственным звуком является все тот же призывный крик, все же остальные являются скрипящими и крикливыми.

Пищу розовых скворцов составляют всякого рода насекомые, в особенности большая саранча и жуки, кроме того, ягоды и плоды. Как истребитель поистине страшной перелетной саранчи, он приносит такую пользу, что татары и армяне по сие время устраивают особые процессии при его появлении, так как в нем они видят предвестника двигающейся вслед саранчи. По мнению турок, розовый скворец убивает 99 саранчей перед тем, как съесть одну, что в действительности ничего другого не означает, как то, что он больше уничтожает, чем съедает. Пока он, следовательно, приносит пользу, но как только подрастут молодые, эти скворцы опустошительно набрасываются на огороды и в особенности на тутовые плантации и виноградники. Вот почему в Смир-

*Семейство
скворцовые*

*Розовый скворец
(Sturnus roseus)*

не в мае их зовут «священными», а в июле — «дьявольскими птицами». На зимовках они ведут себя совершенно так же, как и на родине. Как здесь, так и там они разыскивают стада и служат им службу, выклеывая докучливых паразитов на животных, зато они часто наносят такие серьезные опустошения в рисовых полях Индии, что вынуждают и против себя выставить охранительную стражу.

При выборе места для гнездования самым необходимым условием является присутствие воды; поэтому в степи розовые скворцы встречаются исключительно вблизи речек и озер. По обыкновению они кучами налетают на место, предназначенное для гнездовья, большею частью огромными стаями; тысячи и тысячи слетаются к одному месту, и скоро для гнезд не хватает подходящего места, подобно тому как во время прилета на ночевку. Помещением для гнезда служат природные впадины, всякого рода расщелины и трещины ущелий или стен и также, хотя гораздо реже, дупла деревьев. Так как все подходящие места скоро бывают заняты, то опоздавшие скворцы устраиваются в поленицах дров, на камнях или в хворосте, пряча куда-нибудь свое гнездо или просто устраивая его сверху, как в местах защищенных, так и вполне открытых. Одно гнездо лежит вплотную к другому, и ни одно из них не устраивается сколько-нибудь заботливо. Так как, кроме того, хищные зверьки, часто посещающие такие гнездовья в поисках яиц и птенцов, еще больше разворошат эту беспорядочную кучу, то такое гнездовье выглядит беспорядочнее, чем какое бы то ни было жилище других птиц.

Бэтта замечает, что розовый скворец так же скоро приручается в клетке, как и обыкновенный скворец, и проявляет столько же веселости и подвижности. Я не могу с этим согласиться и считаю розового скворца, на основании моих исследований над пойманными экземплярами, одной из довольно скучных птиц. Особенно жаль, что красивое оперение его, несмотря на самый заботливый уход, вскоре бледнеет до тусклого бледно-красного цвета.

Буйволовые скворцы, или буйволовые птицы (*Buphagus*), отличаются от всех остальных скворцов строением их клюва и ног и существенно своим образом жизни. Они плотно сложены; клюв их сильный, у основания широкий и округленный, по вершине слегка согнут, загнут у конца, и верхняя половина его встречается с нижней под тупым углом. Ноги с короткой плюсной, но плотные, с длинными пальцами, вооруженными сильно согнутыми, острыми, сдавленными с боков когтями. Крылья длинные, конец их образуется третьим маховым пером. Хвост широкий и клинообразно заострен, подобно хвосту дятла. Оперение рыхлое и как бы расчесанное. Кожа очень толстая.

Наиболее известен **буйволовый скворец, или волоклюй (*Buphagus erythrorhynchus*).** Сверху он оливково-бурого цвета, по

бокам головы, на подбородке и горле светлее, снизу светло-бледно-ржаво-желтого цвета. Маховые и нижние кроющие перья крыльев темно-бурые. Радужная оболочка и голый глазной ободок золотисто-желтые. Клюв светло-красный. Ноги бурые. Длина достигает 21 см, размах крыльев 33, длина крыла 11, длина хвоста 9 см.

Область распространения буйволового скворца обнимает всю среднюю Африку. То там, то здесь он живет в сообществе со своим сородичем. Я часто встречал его в Богосе и могу сообщить о его образе жизни на основании собственных наблюдений*.

Буйволового скворца встречаешь маленькими стайками из 6—8 штук, почти исключительно поблизости от больших млекопитающих, без которых он, по-видимому, совсем не может жить. Они следуют за стадами пасущихся коров или верблюдов или сидят на некоторых из них, обыкновенно на каком-нибудь одном животном. Из сообщений некоторых южноафриканских путешественников мы узнаем, что точно такую же услугу, как и стадным животным, они оказывают слонам и носорогам. По Левальяну, они садятся и на антилоп, следовательно, по всей вероятности, вообще на всех больших млекопитающих. Они посвящают свою деятельность именно тем животным, на которых встречаются поражения, привлекающие мух. Поэтому абиссинцы ненавидят этих скворцов, думая, что они своим клеванием только растрavляют и не дают заживать натертым местам. На самом деле их просто привлекают налившиеся кровью клещи и личинки различных слепней и оводов, которые скрываются под кожей животного. Последних скворцы ловко вытаскивают из их ячеек, первых же склеивают со всех частей тела. Разумные животные, которые знают скворцов еще смолоду, вовсе не выказывают неудовольствия по поводу такого поведения птиц; наоборот, они скорее относятся к ним с истинным дружелюбием и позволяют им делать свое дело сколько угодно, не отмахиваясь от них даже хвостом. Напротив, те животные, которые не знают еще скворцов, носятся как бешеные, когда почувствуют на себе сидящих птиц, прилетевших с лучшими намерениями. Так, Андерсон рассказывает, как в южной Африке однажды утром его упряжные быки начали выделывать самые уморительные прыжки и пришли в дикое смятение, когда их посетила стайка буйволового скворца. Тяжело пораженные лошади, в особенности те, у которых стерта спина, а также ослы и верблюды, раны которых начинают заживать, точно так же стараются освободиться от скворцов и согнать их, большей частью, конечно, безуспешно, быстрыми скачками, подергиванием кожей, ударами хвоста и валяясь по земле. В этом случае они, пожалуй, на самом деле могут быть замучены скворцами и, может быть, приостановят заживление своих ран.

Курьезное зрелище представляет собой лошадь или верблюд, покрытые красноклювыми буйволовыми скворцами. Эренберг совершенно прав, говоря, что эти птицы лазают по животному, как

** Буйволового скворца гнездятся в дуплах деревьев, расщелинах скал, норах береговых обрывов, в нишах строений. Гнезда из сухой травы, выстланные волосами и шерстью млекопитающих. В кладке 3—5 голубоватых яиц.*

дятлы по деревьям. Скворец умудряется достать всякое место на теле животного. Он подвешивается под брюхом между ногами, лазает по нему то головой вверх, то вниз, прицепляется даже к половым частям, садится на спину, на нос — короче, досконально обыскивает все тело. Мух и оводов он ловко снимает прямо с кожи, засевших в ней личинок вытаскивает из-под нее. Однако, что бы он ни делал, животные остаются спокойными, так как они знают,

что временная боль от клевания птицы приведет лишь к их пользе.

Со своей стороны буйволодые скворцы доверяют только животным, в отношении же человека они держат себя очень осторожно. При приближении его, в особенности незнакомого, вся компания, насевшая на животное, быстро вскарабкивается на спину, усаживается там и внимательно наблюдает за приближающимся. Все птицы, каких я видел, не подпускали меня ближе 40 шагов. Обыкновенно они слетают гораздо раньше, взвиваются сначала кверху, отлетают легким полетом, широко распус-

Буйволодый скворец
(*Buphagus
erythrorhynchus*).

тив крылья, часто на небольшое расстояние и возвращаются назад, описав в воздухе большую дугу. Если они чуют опасность, они уже не опускаются вторично на животное, но садятся всегда на какое-нибудь возвышенное место, большею частью на высокую каменную глыбу. Я никогда не видел их сидящими на деревьях. Несомненно, что дико живущие животные постепенно приучаются обращать внимание на предостережение буйволодых скворцов.

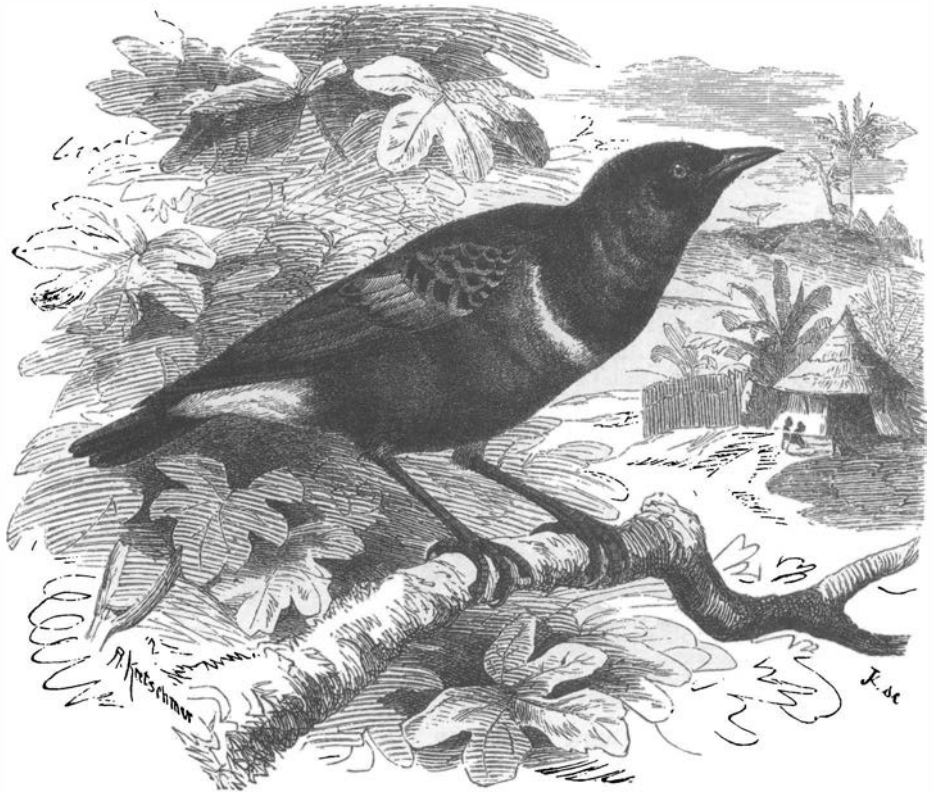
Относительно размножения и гнездования их я ничего узнать не мог, и вообще образ жизни этих странных птиц еще требует дальнейших наблюдений.

Великолепный скворец (*Spreo superbus*). Длина его достигает 21 см, размах крыльев около 37, длина крыла 11,6, длина хвоста 6,5 см. Верхняя часть головы и затылок черные, со слабым золотистым отливом. Верхняя часть тела, горло, передняя часть шеи и зоб сине-зеленые, остальные нижние части прекрасного коричневого цвета, отделенные длинным и тонким белым перехватом от верхней грудки. Нижние части крыльев и кроющие перья хвоста обыкновенно украшены круглыми бархатистыми пятнами, образующими две поперечные полосы. Глаза белые, клюв и ноги черные.

Область распространения этой прекрасной птицы, насколько известно, ограничивается восточной Африкой от 8 градуса северной широты до 7 градуса южной. Над образом жизни ее нет

подходящих наблюдений, но из всего известного о ней можно заключить, что она в существенных чертах сходна с другим, более северным родичем, **медным блестящим скворцом** (*Lamprotornis supercauda*). Оба вида представляют собой пастушьих птиц, которые всегда, когда возможно, сопутствуют стадам рогатого скота и овец или по меньшей мере держатся там, где стада паслись. Стая этих птиц, по моим наблюдениям, облетает

в продолжение дня довольно большое пространство, то собираясь на различных деревьях, то вновь летая врассыпную. В ранние утренние или вечерние часы вся стая садится на одно из более высоких деревьев, и самцы начинают петь свою утреннюю или вечернюю песнь. В полдень эти птицы прячутся и сидят спокойно в ветвях деревьев, в остальное же время дня они без устали летают с места на место. Походка их напоминает походку дрозда, с которым они сходны еще и тем, что в случае преследования отлетают всегда на недалекое расстояние, прячутся в кусты, поджидают своего преследователя и снова повторяют то же, если он приближается. Все время, пока они ищут корм, все общество ни

Великолепный
скворец
(*Spreo superbus*)

на минуту не пребывает в покое. Всякий старается перекричать другого, и даже на лету все до одного из летящей стаи несутся с громким, не особенно приятным криком. Их оживленный нрав скоро обнаруживает их присутствие; однако они умеют очень ловко и осторожно избегать охотников и становятся очень пугливы, если заметят преследование. Пища обоих вышеописанных видов в сущности та же, что и других птиц их рода, но оба этих вида отличаются тем, что предпочитают преследуют различных насекомых, в особенности привлекаемых стадами. Относительно размножения великолепных скворцов мы также не имеем сведений; напротив, гнезда медных скворцов были найдены

Священная майна
(*Gracula religiosa*)

Гейглином в степях и, по его описанию, были устроены так же, как гнезда других скворцов. В сентябре или октябре находят в них 3 или 4 яичка почти 25 мм длиной и 18 мм шириной. Основной нежный тон их зеленовато-голубого цвета или зеленого цвета медянки покрыт буровато-серыми, фиолетово-бурыми и ржаво-бурыми пятнами, гуще к тупому концу.

мах крыльев 50, длина крыла 15, длина хвоста 7 см. Оперение густого черного цвета; края перьев головы и шеи темно-фиолетовые, остальное же оперение отликает металлическим зеленым цветом. Основание малых маховых перьев белое и образует на крыльях ясную перевязь. Позади каждого глаза начинается ярко-желтый кожистый нарост, тянется над ухом, утолщается в этом месте и узкой полоской прикрепляется к темени. Другое пятно, такое же голое и так же окрашенное в желтый цвет, находится под глазом. Клюв оранжевый, ноги желтые, глаза темно-карие.

Священная майна (*Gracula religiosa*). Ее длина достигает 26 см, раз-

Майны живут в гористых, заросших лесом областях южной Индии и Цейлона. Они очень многочисленны в Гатских горах и на других высотах до 1000 м над уровнем моря, но не распределяются по местности равномерно, так как в известных местах

они появляются весьма регулярно, тогда как в других совершенно отсутствуют. Они встречаются обыкновенно небольшими стаями из 5 или 6 штук, во время же холодов попадают и многочисленные стаи, которые всегда предпочитают ночевать целыми обществами в бамбуковых чащах по берегам горных рек.

На свободе они питаются исключительно плодами и ягодами и поэтому посещают все места с соответствующим кормом, не всегда к удовольствию их владельцев. Майны очень живые, умные и подвижные птицы, больше всего напоминающие своим поведением и характером нашего скворца. Пение их богато тонами, полное перемен и располагающее к себе, хотя и включает в себе несколько неприятных звуков. Они в высшей степени обладают искусством звукоподражания, поэтому их часто приручают, и если птица исполняет что-нибудь необыкновенное, за нее уже в Индии или на Яве платят от 200 до 300 марок. Они быстро привыкают к своему хозяину, свободно летают по всему дому или наружу, большую часть своей пищи отыскивают сами, дружат с домашними животными и восхищаются всякого своим веселым характером, своею понятливостью и переимчивостью. Любители уверяют, что последним качеством они превосходят всех попугаев. Они выучиваются не только точно перенимать тон человеческого голоса, но заучивают, подобно говорливому попугаю, целые фразы, научаются насвистывать песни, даже петь их, не обладая при этом ни одним неприятным качеством попугая. Не все майны, однако, обнаруживают подобные таланты. Я знал некоторых, которые действительно прекрасно и без усталости говорили, относительно же большинства других мог только убедиться, что они сначала кричат или издают раздражающие ухо звуки, позднее же, наоборот, в такой же мере безмолвны и ленивы, едят не переставая, наедаются и превращаются тогда положительно в какую-то массу и, наконец, окончательно жиреют. При всем том они недружелюбно и задорно относились к другим птицам, обижали своих товарищей по неволе, безобразно пачкали клетку и истощали личное терпение самого усердного и заботливого любителя.

СЕМЕЙСТВО ИВОЛГОВЫЕ (Oriolidae)

Обыкновенная иволга (*Oriolus oriolus*) принадлежит к семейству иволговых, состоящему из 75 видов*, распространенных в восточном полушарии и в особенности под тропиками. Наша иволга окрашена в красивый ярко-оранжевый или желтый гумигутовый цвет. Уздечка, плечи и кроющие перья крыльев у нее черные. Маховые перья черные и снабжены узкими и длинными белыми каймами, задние малые маховые оторочены узкими каймами желтоватого цвета, большие кроющие перья на конце желтые, хвостовые перья черные и оканчиваются желтой полосой,

* Согласно современным представлениям, в семействе иволговых 28—34 вида, объединяемых в 2 рода.

которая на двух средних суживается до ширины рубчика. Самки, птенцы и однолетние самцы сверху желтовато-зеленые, снизу серовато-белые, перья их с черными стержнями, на брюхе чисто белые, на бедрах и нижних кроющих перьях хвоста ярко-желтые. Маховые перья черновато-оливковые и снабжены бледными беловатыми каймами; перья хвоста желтовато-оливково-зеленые на конце, изнутри украшены желтыми пятнами. Глаза карминово-красные. Клюв грязно-красный, у самок и молодых черновато-серый. Ноги свинцово-серые. Длина достигает 25 см, размах крыльев 45, длина крыла 14, а хвоста 9 см.

Иволге в Германии дали подходящее название троицной птицы, так как она впервые появляется там в первой половине

Обыкновенная иволга
(*Oriolus oriolus*)

мая. Это наш летний гость, который только короткое время пребывает на родине и уже в августе улетает отсюда. Это показание одинаково для всей Европы, за исключением Дальнего Севера и даже большей части западной Азии; эти местности и следует рассматривать как отечество иволги; однако Вальтер говорит, что она попадает и в Туркмении, хотя, вероятно, там не гнездуется. Во время зимнего перелета она встречается по всей Африке, включая Мадагаскар. Своим местопребыванием она избирает лиственные леса, в особенности на равнинах. Дуб и береза — деревья, на которых она держится, и рощи, состоящие из них, являются поэтому ее излюбленными местами. Одного дуба среди других деревьев достаточно, чтобы иволга поселилась, а одной кучки дубов в парке достаточно, чтобы не бояться преследований человека. После березы и дуба она больше всего любит черный и серебристый тополь, вяз и ясень. Точно так же она попадает и в хвойных лесах, особенно в сосновых, но это только в том случае, если поблизости нет дуба или березы. На высоких горах она не встречается.

мая. Это наш летний гость, который только короткое время пребывает на родине и уже в августе улетает отсюда. Это показание одинаково для всей Европы, за исключением Дальнего Севера и даже большей части западной Азии; эти местности и следует рассматривать как отечество иволги; однако Вальтер говорит, что она попадает и в Туркмении, хотя, вероятно, там не гнездуется. Во время зимнего перелета она встречается по всей Африке, вклю-

Иволга одинаково напоминает как дроздов, так и мухоловок, иногда и сивоворонок, однако от всех них имеет известные отличия. «Это, — говорит Науман, — пугливая, дикая и непостоянная птица, которая, живя часто поблизости от человека, все-таки старается ускользнуть от его взора. Она скачет и прыгает всегда в самых густолиственных деревьях, редко остается долго на одном и том же дереве и еще реже на том же сучке, беспокойно летая то туда, то сюда. Только в очень редких случаях она посещает низкие кустарники и еще того реже спускается на землю. Если это случится, она остается ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы поймать насекомое или что-нибудь в этом роде. В исключительных случаях она делает несколько неуклюжих, тяжеловатых прыжков, так как она никогда не ходит шагая. Иволга — очень смелая и драчливая птица. Она постоянно дерется и гоняется за другими иволгами и даже ссорится с другими птицами — словом, никогда не бывает в бездействии, и в особенности в пору размножения. Полет ее с виду тяжеловатый, шумящий, но довольно быстрый и похож на полет скворца, когда иволга, перелетая большое пространство, описывает большие, ровные дуги или мелкие змеевидные линии; небольшие пространства она пролетает по прямой линии то плавно, то перепархивая. Она летает охотно, далеко и много, и часто можно видеть, как одна целые четверть часа гоняется и неустанно преследует другую».

Голос самца, который мы рассматриваем как пение, полнозвучен, громок и необыкновенно благозвучен. Латинское и немецкое название этой птицы являются названиями звукоподражательными. Иволга повсюду приятный и дорогой гость. Она принадлежит к числу прилежнейших певцов нашего леса. Уже перед восходом солнца слышится ее пение и длится с небольшими перерывами вплоть до полудня; на закате она снова поет. Даже в пасмурные дни она поет громко и весело, чего не делают другие птицы. Одна пара иволог способна оживить целую рощу.

Немного спустя после своего прилета иволга приступает к устройству искусного гнезда, которое она привешивает между развилинами какой-нибудь длинной ветви. Гнездо вьется из полувывсохших травянистых листьев, стеблей и усиков, из крапивных волоконцев, из пеньки, шерсти, бересты, мха, паутины, коконов гусениц и тому подобного материала. Строится же оно наподобие глубокой чашки и набивается внутри мягкими метелками травы или шерстью и перьями. Для своего гнезда иволга обыкновенно выбирает высокие деревья, хотя может случиться, что устроит свое гнездо сравнительно низко: на высоте человеческого роста. Сначала при помощи слюны к сучку приклеиваются длинные нити и несколько раз обматываются вокруг него, пока не получается остов всей постройки, остальной же материал ткется и вплетается потом. Постройка гнезда ведется сообща

и самцом, и самкой, и только внутренняя выстилка устраивается, по-видимому, одной самкой. В начале июня самки кладут от 4 до 5 гладких, глянцевитых яичек, которые птицы принимают усердно высидывать. Светло-белый фон таких яичек покрыт пепельно-серыми и красновато-черно-бурыми точками и пятнышками. В это время птиц трудно отогнать от их жилища, так как и самец и самка необыкновенно привязаны к своему гнезду. В полуденные часы самец сменяет сидящую на яйцах самку, и она, в полном смысле, носится по окрестности, чтобы, насколько это возможно, скорее позаботиться о своей пище. Через 14—15 дней вылупляются птенцы и с той же поры начинают требовать корма своеобразным писком «иудди, иудди». Они быстро вырастают, линяют еще в гнезде и вылетают из него, таким образом, уже не в юношеском оперении. Если разорить у парочки иволг ее гнездо, пока в нем лежат еще яйца, она устраивает гнездо вторично, но если у нее похитят птенцов, птицы не выводят их вторично.

Пищу иволг составляют различного рода насекомые, но преимущественно гусеницы, бабочки и червяки, а иногда и спелые вишни и ягоды. Иволги едят много и поэтому могут быть очень вредными для плодовых деревьев. Но польза, которую они оказывают во всем остальном, превышает наносимый ими вред опустошением в садах. Они заслуживают скорее покровительства, нежели преследования, которое они, к сожалению, испытывают уже благодаря красоте их оперения.

СЕМЕЙСТВО ГУЙИ (Callaeidae)

Разноклювая гуйя (*Heteralocha acutirostris*) имеет более или менее развитые, пестрые кожистые лопасти у основания клюва. Гуйя отличается от своих ближайших родичей и всех известных птиц главным образом тем, что клюв самки существенно разнится от клюва самца. У этого последнего он длиною с голову, на верхушке почти прямой, в ширину плоско скруглен, у основания высокий, по сторонам сильно сжат, в общем равномерно утончающийся к концу. У самки же, напротив, он по крайней мере вдвое длиннее, чем у самца, сильно сужен и вытянут в сильно изогнутый книзу кончик; при этом верхняя часть клюва длиннее нижней, так что свешивается над нею. Длиннопалые лапы с высокой плюсной снабжены чрезвычайно большими, сильно выгнутыми когтями; крылья длинные, но округленные; хвост средней длины, широкий, отлого скругленный. Кроющие перья густые, с небольшим блеском. Самец достигает в длину около 48 см, самка 50; длина крыльев как у того, так и у другой около 20 см; длина клюва у самца 4, а у самки 9,6 см. Оперение, за исключением широких белых краев и рулевых перьев, одноцветное черное со

слабым зеленоватым отливом; глаза темно-бурые; клюв белый, цвета слоновой кости, у корня черновато-серый; большие угловатые лопасти у рта оранжевого цвета; ноги темные, сине-серые. Птенцы отличаются от взрослых птиц только красноватым налетом на конце хвоста и белыми каемками на нижних кроющих перьях хвоста. Маори называют эту птицу «гуйя».

Несмотря на все внимание, которое уделяли этой птице, очень известной туземцам Новой Зеландии, все европейские орнитологи, сведения о жизни на свободе гуйи еще крайне скудны. Ограничивая свое местопребывание немногими местностями Новой Зеландии, да и там становясь год от года все более и более редкой птицей, гуйя дает исследователям весьма мало случаев для тщательных наблюдений. Она живет больше на земле, чем на ветвях, дви-

гается необыкновенно быстро большими прыжками, при малейшем шуме или приближении человека с возможно поспешностью убегает в густые кусты или в лес и скрывается здесь обыкновенно от всяких преследований. Этим вполне объясняется недостаток сведений о жизни на свободе гуйи, а равным образом и то, что все собранные до сих пор наблюдения делались исключительно над пленными птицами.

Наконец эти птицы были живыми доставлены в Лондон, но, насколько мне известно, никаких сведений об их образе жизни не обнаружено, так что при описании этой птицы мне приходится ограничиться сообщениями Буллера, который в продолжение нескольких дней ухаживал за ними. Замечательна в них та легкость, с какою эти, столь пугливые на свободе птицы привыкают к неволе. Через несколько дней после поимки они сделались уже совер-

Разноклювая гуйя
(*Heteralocha*
acutirostris)

Семейство гуйи

шенно ручными и, по-видимому, мало сокрушались об утраченной свободе. Уже на следующее утро, после того как их получил Буллер, они с жадностью набросились на еду и на воду, держались бойко, развязно и даже стали играть друг с другом. Движения их как на земле, так и на ветвях были грациозны и привлекательны; особенно красиво выглядели они, когда веерообразно распускали свои хвосты и, нежно, ласково щебеча, миловались своими белыми, как слонобая кость, клювами. Этими последними они все выискивали, выкапывали и выдалбливали. Найдя, что обои их комнаты не слишком крепко держатся на стенах, они стали отдирать одну полосу за другою и в короткое время оголили все стены.

Но всего замечательнее казались Буллеру те приемы, которыми гуйи помогали друг другу при добывании пищи. Так как в желудке убитого экземпляра нашли различных земляных червей, личинок майских жуков, а также семена и ягоды, то Буллеру пришла мысль положить в их комнату прогнивший чурбан, в котором гнездилась масса больших жирных личинок насекомого, называемого «хуху». Чурбан тотчас же обратил на себя внимание птиц; они попробовали клювом мягкое дерево и деятельно принялись долбить гнилой чурбан до тех пор, пока не добрались до скрывавшихся в нем личинок или куколок вышеназванных насекомых. Особенною деятельностью отличался при этом самец, так как он долбит по способу дятлов, тогда как самка расследовала своим длинным, гибким клювом и утилизировала все те местечки, которые из-за твердости дерева были недоступны для самца. Буллер видел, как самцу, напрасно потрудившемуся над тем, чтобы вытащить из пустого места личинку, приходилось не раз уступать место самке, которая легко присваивала себе добычу, добровольно уступленную ей самцом. Вначале оба питались только личинками хуху, но с течением времени они привыкли и к другому корму, так что впоследствии с такою же охотою ели картофель, рис и сырое, разрезанное на мелкие кусочки мясо. Они часто подходили к чашке с водою, но всегда лишь для того, чтобы напиться, а не купаться. Их обычный призывный голос состоял из нежного, ясного свиста, который сначала они испускали протяжно, а затем прерывающимися звуками; иногда он звучал высокими нотами, иногда очень нежными или же переходил в тихое карканье, а порой поразительно походил на плач маленьких детей.

Относительно размножения Буллер мог привести только сообщения туземцев, из которых мы узнаем, что эта птица вьет гнезда в дуплистых деревьях и кладет мало яиц*.

Главную причину редкости гуйи и постоянно прогрессирующей убыли их следует искать в том, что туземцы, употребляющие перья этой птицы в качестве головного украшения, всячески стараются ловить их где и когда только возможно. По всей вероятности, новозеландские исследователи не безосновательно высказывают свои опасения, что вследствие такого пристрастия мао-

* В нашем веке выяснено, что гуйи гнездились не в дуплах, а на ветвях деревьев, где строили рыхлые гнезда. Кладка содержала 2—3 серо-бурых яйца с темными пятнами, насиживание длилось 20—21 день. Питались различными древесными насекомыми.

ри к перьям гуйи эта в высшей степени замечательная птица рано или поздно разделит участь других пернатых родичей своего отечества, т.е. со временем будет совсем истреблена*.

СЕМЕЙСТВО СОРОЧЬИ ЖАВОРОНКИ (Grallinidae)

Снегиревая сойка (*Struthidea cinerea*) почти одноцветной буровато-пепельно-серой окраски; тонкие перья головы, шеи и груди имеют немного более светлые кончики; хвостовые перья дымчато-бурые с металлически-блестящими наружными каемками. Радужная оболочка глаза перлово-белого цвета; клюв и ноги черные. Длина птицы 30 см, длина крыльев 15, а хвоста 17 см.

О жизни на свободе снегиревой сойки имеются весьма скудные сведения. Гульдт, рассматривающий эту птицу, как выдающееся явление пернатого царства Австралии, встречал ее во внутренних областях южных и восточных частей Австралии, а именно в хвойных лесах, большею частью группами в 3—4 штуки; они быстро и беспокойно сновали по ветвям вершины дерева, распускали по временам крылья и при этом издавали сиплые, неприятные звуки. В общем, впрочем, они ведут себя как врановые и питаются насекомыми. Жильберт нашел гнездо этой птицы в маленькой кустарниковой роще на горизонтально росших ветвях дерева. Оно состоит из ила, внутри выстлано травой и заключает в себе 4 яйца 30 мм длиной и 22 мм толщиной с белой скорлупой, покрытой красновато-бурыми, пурпурово-бурыми и мелкими серыми пятнышками, особенно на толстом конце.

СЕМЕЙСТВО ФЛЕЙТОВЫЕ ПТИЦЫ (Cracticidae)

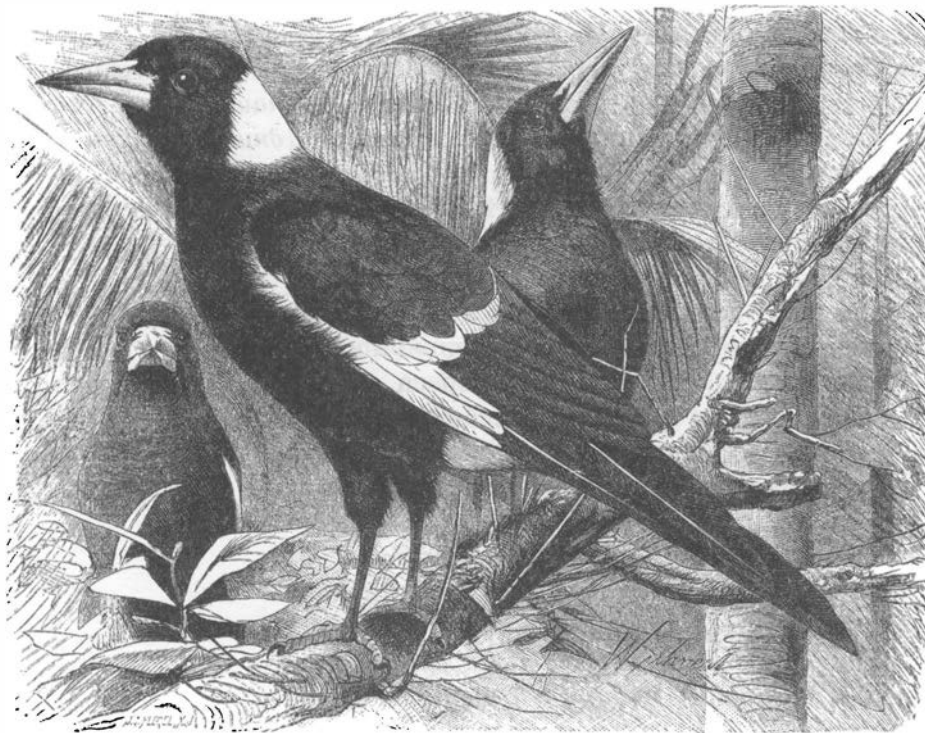
Австралийская область — родина певчих ворон. Тут они живут в подходящих местах, необыкновенно проворно бегая по земле, не менее ловко двигаясь по ветвям, но не особенно легко и уверенно летая. Маленькие животные различных классов, особенно кузнечики, мелкие позвоночные, плоды, зерна и семена составляют их пищу. «Мало птиц, — говорит Гульд, — которые были бы так изящны и так мило оживляли бы страну, где они появляются, как эти вороны, или ловкостью своих движений на земле и над нею, или своими громкими, звонкими, напоминающими флейту криками, которые они издают сидя или летая». Большею частью они летают стаями от 4 до 6 штук, вероятно, семействами, состоящими из родителей и птенцов. Гнезда их делаются из прутьев и наполняются травой и другими подходящими материалами. Они кладут 3—4 яйца. Птенцы, которые выкармливаются и очень храбро защищаются обоими родителями, уже после первой линьки получают цветные перья.

Семейство Флейтовые птицы

* К великому сожалению, это пророчество Буллера оправдалось. Вырубка лесов, в которых жили гуйи, и непрерывное уничтожение птиц привели к тому, что этот вид вымер в начале нашего века. Последний раз группу птиц наблюдали в 1907 году.

Ворона-свистун (*Gymnorhina tibicen*), появившаяся в новейшее время во всех зоологических садах, ближе всего подходит по величине к грачу. Ее длина 43 см, длина крыла 27, длина хвоста 14 см. Перья главным образом черного цвета, но затылок, спина, верхние и нижние покровные перья хвоста и передние покровные перья крыла белые. Глаза красновато-орехового цвета; клюв коричнево-пепельного; ноги черного цвета.

По Гульд, эта птица особенно часто встречается в Новом Южном Уэльсе и в высшей степени бросается в глаза. Она очень украшает равнины, в которых ее не преследуют и не истребляют, залетает в сады колонистов, а при некотором снисхождении по-

Ворона-свистун
(*Gymnorhina tibicen*).

* В кладках певчих ворон бывает от 3 до 5 яиц.

сещает даже жилища и на оказанное ей покровительство отвечает величайшей доверчивостью. Ее пестрое оперение радует зрение, а ее оригинальное утреннее пение — слух. Любимые ею места пребывания — открытые местности с группами деревьев; поэтому она предпочитает внутренние страны береговым. Пища ее состоит главным образом из саранчи, которой она истребляет страшное количество. В августе начинается период размножения и продолжается до января, так как каждая парочка два раза высидывает птенцов. Круглое и открытое гнездо строится из прутьев и листьев и заполняется мягкими веществами, какие только она находит. Гульд не мог добыть яиц, которых бывает 3 или 4*, но зато он описывает яйца другого вида, очень похожего на этот. Они имеют на тускло-голубовато-белом фоне, нередко переходящем в красный, большие буро-красные или светло-каштановые пятна, испещряющие яйцо в виде зигзагов.

Когда Гульд путешествовал по Австралии, пойманная ворона была большой редкостью; в настоящее же время мы часто получаем ее живой. Она находит много поклонников. Даже безмолвствуя, она обращает на себя внимание, но особенно привлекательна она тогда, когда начинает свои странные песни. Я слышал ворон, которые пели удивительно хорошо; но наблюдал

многих других, которые издавали только несколько тонов, образующих подобие фуги. Каждая отдельная нота их пения полная и чистая; только в конечной строфе обыкновенно слышится скорее сопение, чем флейта. Говоря другими словами, эти птицы хорошие исполнители, но очень плохие композиторы и, кроме того, часто портят свое пение всевозможными причудами, приходящими им в голову. Они в высшей степени переимчивы и без труда заучивают песни, не обращая внимания на то, кто их исполняет — певчая ли птица, шарманка ли, или какой-нибудь другой инструмент. Многие вороны, которых я мог наблюдать, примешивали к своему пению знакомые, особенно любимые народные мотивы, которые они слышали, по всей вероятности, от матросов во время переезда по морю. Знакомых своих они неизменно встречают пением, а друзей даже с некоторого рода нежностью. Но их дружбу еще легче потерять, чем приобрести, потому что эти вороны, по моему собственному опыту, очень задорные и вспыльчивые, даже мстительные существа, так что при самом незначительном поводе они часто пускают в дело очень чувствительным образом свой клюв. Разъяренные, они поднимают перья, распускают крылья и хвост и, подобно рассерженному петуху, бросаются на нарушителя их спокойствия. С подобными себе они тоже живут постоянно в ссоре и драке, а на других птиц нападают с кровожадностью.

Содержание их в клетке не представляет затруднений. Для них во всяком случае необходимо мясо, хотя они довольствуются и растительной пищей. Мясо, хлеб и плоды составляют главный их корм. К погоде они не очень чувствительны и могут без опасности зимой оставаться на свободе.

СЕМЕЙСТВО

БЕСЕДКОВЫЕ (ШАЛАШНИКОВЫЕ) (*Ptilonorhynchidae*)

Атласный шалашник (*Ptilonorhynchus violaceus*). Тело его сжатое; клюв сильный, верхняя половинка его довольно сильно округлена, согнута над нижней половинкой в виде небольшого крючка и перед концом снабжена двумя неглубокими выемками; нижняя челюсть слегка согнута. Ноги довольно высокие, тонкие и короткопалые. Крылья длинные и острые. Хвост средней величины и неглубоко вырезанный. Блестящее атласное оперение взрослых самцов — синевато-черного цвета. Большие и малые маховые, кроющие перья крыльев и рулевые перья бархатисто-черные, на концах синие. Глаза светло-голубые, кроме узкого красного ободка, который окружает зрачок. Клюв светло-буроватого рогового цвета, на конце желтый. Ноги красноватые. Самка сверху зеленая, крылья и хвост ее темно-желто-бурые; нижняя часть тела желтовато-зеленая, каждое перо здесь у конца имеет лунообразное темно-бурое пятнышко, отчего получается чешуй-

*Семейство
беседковые
(шалашниковые)*

** На самом деле это не так. Атласные шалашники распространены в пределах узкой прибрежной полосы восточной Австралии, в зоне дождевых лесов и в прилегающих к ним местах.*

чатый рисунок. Птенцы сходны с самками. Длина этих птиц достигает почти 36 см, длина крыла 18, хвоста 12 см.

Об образе жизни атласных шалашников довольно полно сообщает Гульд. Родина этих птиц — большая часть Австралийского материка*. Любимым местопребыванием их служат роскошные, густолиственные, тернистые кустарники, напоминающие парки, одинаково как в прибрежных, так и в расположенных внутри страны местностях. Они живут оседло на избранных ими местах, хотя и шмыгают в небольшом районе, может быть, для добывания более обильной пищи. С наступлением австралийской весны их встречают парочками, осенью — небольшими стайками, и тогда часто по течениям рек, в особенности там, где прибрежные кустарники свешиваются до поверхности воды. Пища этих шалашников состоит преимущественно из зерен и плодов, но при этом они едят и насекомых. Во время еды они настолько смелы, что позволяют удобно наблюдать за собою; в другое время они боязливы и осторожны. Взрослые самцы сидят на какой-нибудь вершинке дерева и, если появится что-либо подозрительное, немедленно предупреждают своих собратьев, занятых чем-нибудь на земле или в ветвях, звонким призывным криком, за которым, при возбуждении, следует грубый, неприятный горловой звук. В стайке всегда видишь мало цветных самцов, из чего следует, что они получают свой полный наряд гораздо позже.

Самое замечательное в образе жизни шалашников — это то, что они устраивают для своего удовольствия постройки, напоминающие шалаши, в которых они весело проводят время. Гульд, познакомившись впервые с этой постройкой в музее в Сиднее, куда она была привезена одним из путешественников, решил изучить обстоятельно весь процесс ее создания и наблюдал в продолжение долгого времени за работой этих птиц. «Исследуя кедровый кустарник в Ливерпульском округе, — так передает он, — я находил много таких беседок или мест увеселения птиц. Они обыкновенно были построены под сенью свесившихся ветвей дерева, в уединенных уголках леса и почти всегда помещались на земле. Здесь из густо сплетенных прутьиков устраивается основание постройки, а по бокам из более нежных, гибких прутьиков и веточек выводится самый шалаш. Строительный материал принаравливается таким образом, что все острия и разветвления ветвей приходятся наверху. С каждой стороны оставляется свободный проход. Особенно красивыми постройки эти делаются потому, что они всячески украшаются яркими предметами. Здесь вы найдете пестрые хвостовые перья различных попугаев, ракушки, полевых улиток, камешки, выбеленные кости и т.п. Перья вставляются между ветвей, камни и ракушки положены у входа. Все туземцы знают страсть этих птиц уносить блестящие предметы и поэтому ищут свои потерянные вещи всегда вблизи таких беседок. Я нашел у входа один изящно выделанный камешек в 4 см длиной

среди множества тряпок из синей бумажной материи, которых птицы натаскали, может быть, из отдаленной колонии. Величина таких беседок бывает весьма различна».

Еще окончательно не выяснено, для какой цели атласные шалашники устраивают подобные постройки. Собственно гнезд они, очевидно, не представляют и являются только местом увеселения для обоих полов, которые, резвясь и играя, бегают вокруг беседки и через нее.

По-видимому, они служат в брачную и птенцовую пору местом свиданий и, может быть, употребляются для этого несколько лет подряд. Коксен говорит, что он видел, как птица, именно самка, снова устроила беседку, которую он разрушил.

Даже и в неволе птицы строят свои беседки. Штранге, любитель птиц в Сиднее, пишет Гульду: «В настоящее время в моем птичнике находится пара атласных шалашников, и я надеялся, что они дадут потомство, так как последние два месяца они весьма хлопотали над устройством беседки. Устройство ее заняты оба, но главный строитель все-таки самец. Иногда он гоняет самку по всему птичнику, затем отправляется к беседке, схватывает клювом какое-нибудь яркое перо или большой лист, издает какой-то странный звук, нахохливает все перья и бегает вокруг беседки, куда наконец входит самка. Тогда самец приходит в такое возбуждение, что глаза его положительно хотят выскочить из головы. Не переставая он поднимает то одно, то другое крыло, то и дело ударяет клювом по земле, издавая при этом легкий свист, пока наконец самка ласково не подойдет к нему, после чего игра кончается».

Шалашник пятнистый (*Chlamydera maculata*) достигает 28 см в длину; длина его крыла равна 16, хвост 12 см. Перья верхней части головы и область горла красивого бурого цвета и окру-

Атласный шалашник
(*Ptilonorhynchus
violaceus*)

**Семейство
беседковые
(шалашниковые)**

жены узкой черной линией; перья верхушки головы на конце серебристо-серые. Весь верх птицы, крылья и хвост темного бурого цвета, на конце каждого пера круглое буро-желтое пятнышко. Большие маховые перья изнутри оторочены белым. Перья хвоста с буровато-желтыми кончиками. Нижняя часть тела серовато-белая. Боковые перья слабо исчерчены светло-бурыми зигзаговыми поперечными линиями. На затылке красивый воротничок из удлиненных персиково-красных перьев образует род веера. Глаза темно-бурые, клюв и ноги бурые. Взрослые птицы мало различаются между собой; птенцы характеризуются отсутствием веера.

**Шалашник
пятнистый
(*Chlamydera maculata*)**

* Это не совсем верно. Пятнистые шалашники заселяют и прибрежные территории на западе и востоке материка.

Пятнистые шалашники живут исключительно во внутренней Австралии*, где во множестве населяют низкие кустарники по краям равнин; но они так пугливы, что путешественникам обыкновенно не удается их видеть. Наблюдателям они вы-

дают себя своим хриплым, неприятно-ворчливым призывным звуком, который они издают, когда, встревоженные чем-нибудь, бывают вынуждены обратиться в бегство. При этом они взбираются на самые высокие ветви верхушек отдельно стоящих кустарников и оттуда обозревают окрестности, чтобы выбрать себе наиболее подходящее место, куда и направляют свой полет. Всего вернее их можно подстрелить на водопое, особенно во время засухи, когда им не предоставляется никакого выбора. Гульд находил также их шалашы. Они устраиваются в таких же местах, как и гнезда предыдущего вида, но еще искуснее, изящнее, длиннее и с более крутыми сводами; некоторые из них имеют 1 м в длину; наружные их стенки состоят из хвороста, красиво перебитого длин-

ными стебельками травы; внутренняя их отделка также чрезвычайно красивая и разнообразная. Здесь попадаются двустворчатые раковины, черепа, кости мелких млекопитающих и тому подобное. Для скрепления травы и ветвей употребляются камни, которые укладываются очень живописно. Они располагаются по обеим сторонам входа таким образом, что между ними образуются тропинки, а перед обоими входами громоздятся целые кучи разных украшений. Перед некоторыми шалашами у входов случалось находить чуть не полчетверика костей, раковин и тому подобных предметов. Постройками этими, по всей вероятности, пользовались в продолжение многих лет. По отдаленности этих шалашей от рек, из которых могли быть добыты раковины, исследователь может заключить, что птицы при случае притаскивают эти украшения за несколько миль. При выборе материала они выказывают известный вкус, так как выбирают только такие раковины, которые хорошо выбелились, или прямо белые, или же цветные. Гульд убедился, что многим пятнистым шалашникам шалаша эти служат местом свидания; сидя однажды настороже перед такою постройкою, ему удалось подстрелить в короткое время одного за другим двух самцов, которые выбежали из одного и того же входа.

Коксен нашел в декабре гнездо с тремя птенцами. По внешнему своему виду оно походило на гнезда обыкновенных европейских дроздов, имело форму глубокой чашки, было построено из сухих прутьев, внутри легко выстлано перьями и тонкой травой и расположено на небольших ветвях акации над лужей.

СЕМЕЙСТВО РАЙСКИЕ ПТИЦЫ (Paradisaeidae)

Лишь в последние годы мы получили обстоятельные сведения о чрезвычайно красивых птицах Новой Гвинеи и прилежащих к ней островов, которые уже несколько столетий привозились к нам зачастую в виде изуродованных шкурок и подавали повод к своеобразным сказаниям. Их уже давно называли райскими птицами и теперь еще зовут так, потому что существовало поверье, что они происходят непосредственно из рая и ведут своеобразный образ жизни. Их привозили к нам без ног и, не обращая внимания на то, что изуродование могло быть совершено туземцами, полагали, что птицы от природы не имеют ног. Их невиданное оперение и роскошные цвета давали широкий простор всякой фантазии, и в конце концов люди стали верить самым невероятным басням. «Можно себе представить, — говорит Пеппинг, — с каким удивлением жители Европейского материка, еще мало знакомые с тропическими странами, могли принять первые сведения об этих удивительных птицах, привезенных Пигафеттой, спутником и приемником Магеллана, возвратившимся в

Семейство райские птицы

1522 году в Севилью. Невольно расчувствуешься, читая, как некоторые усердные, но ограниченные в своих средствах естествоиспытатели XVI столетия считали величайшим событием их жизни, удовлетворением давно затаенного желанья, когда наконец могли увидеть изуродованную шкурку райской птицы. Извинительно, если в то время слагались различные басни, которым долгое время придавали веру. На этих птиц смотрели как на веселых сильфов, родиной которых было одно бесконечное воздушное море, которые совершали все свои отправления летая и отдыхали лишь несколько мгновений, повиснув на суку на своих длинных нитевидных хвостовых перьях. Подобно высшим существам, они не имели потребности касаться земли и питались эфирной пищей и утренней росой. Признание нелепицей отсутствие ног у этой чудной птицы даже самим Пигафеттой ничему не послужило. Маркгрев, Клузиус и другие исследователи того времени тщетно доказывали, что это вздор: народ держался по-прежнему своего предубежденного взгляда».

Прошли столетия, прежде чем нам стала известна жизнь райских птиц. Различные путешественники сообщали более или менее важные данные относительно жизни этих птиц, но едва ли хоть один из них был вполне свободен от господствовавших предрассудков. Только Лессон, который во время своего кругосветного плавания пробыл 13 дней в Новой Гвинее, сообщил о райских птицах на основании своих личных наблюдений. После него лишь в последнее время Беннет, Валлас и Розенберг дали достоверные сведения о жизни этих сказочных птиц на свободе и в неволе.

Райские птицы родственны нашим воронам, по величине бывают от роста сойки до роста жаворонка, но по красоте действительно великолепны. Клюв их различной величины, прямой или согнутый и у основания не имеет щетинок, как это мы видим у ворон, так что ноздри остаются совершенно открытыми. Ноги сильные, с большими пальцами, вооруженными крепкими, острыми, сильно согнутыми когтями. Крылья средней величины и сильно округлены. Хвост прямой и состоит из 12 перьев умеренной длины, причем характерен удлиненными перьями, напоминающими проволоку, или же очень длинный, простой и тогда сильно ступенчатый. У многих видов маховые перья необыкновенным образом удлинены и шелковисты. Самки и птенцы всегда окрашены проще, чем самцы.

Райские птицы, которых известно около 50 видов*, живут в Австралии, и только один вид встречается на Мадагаскаре**. Уже несколько столетий, как папуасы ведут торговлю не только шкурками райских, но и других птиц, и в особенности голландцы занимались этим обменом. Способ и сущность обычного приготовления таких шкурок туземцами описывается Розенбергом так: «Папуасы убивают самцов, а иногда и самок стрелами, делают на их спине и брюхе поперечные разрезы и сдирают с них кожу, кото-

* В семействе райских птиц насчитывается 43 вида.

** Это ошибка — на Мадагаскаре райских птиц нет.

рая у этих птиц особенно толста. Затем они отрезают ноги вместе с задней частью брюшной кожи, вырывают большие маховые перья и натягивают обработанную таким образом шкурку на круглую палочку настолько, что она высовывается на несколько сантиметров из клюва; последний привязывается к деревяшке шнурком. После этого они посыпают шкурки древесным пеплом и вешают их внутри хижины над очагом, чтобы высушить их и предохранить от насекомых. Шкурка тогда готова. Туземцы Мизуля и ноги и маховые перья оставляют при шкурке; арузы также заметили, что неизуродованные шкурки предпочитают и дороже оплачиваются, чем обезображенные, и постепенно отстали от своего старого способа, так что теперь и с

островов Ару поступают в продажу хорошие шкурки. Райские птицы покупаются главным образом купцами из Магассара, Терната и восточного Церама, которые и привозят их себе на родину или в Сингапур, откуда шкурки вывозятся уже в Европу и Китай. По словам этих торговцев, наиболее красивые шкурки приходят с северных берегов Новой Гвинеи и из стран, лежащих в глубине залива Гильвинк. Тидорский султан, ленный владелец части Новой Гвинеи, состоящей под нидерландским протекторатом, ежегодно получает оттуда в виде дани неопределенное количество шкурок, ценность которых на месте простирается от 25 центов до 1 голландского гульдена».

Красная райская птица (*Paradisaea rubra*) ростом еще меньше. Длина ее всего 33 см, длина ее крыла 17, хвоста 14 см. Она отличается от обеих вышеупомянутых птиц золотисто-зеленым, приподнятым перистым хохолком на задней части головы. Спина ее бледно-серо-желтоватая; окраска эта распространяется и по нижней части в виде полосы на груди. Горло смарагдового зеленого цвета. Грудь и крылья красно-бурые. Перья около осно-

Красная райская
птица
(*Paradisaea rubra*)

вания клюва и маленькое пятнышко позади глаза бархатисто-черные. Боковые космы перьев чудного красного цвета, на конце снабжены завитками. Длинные хвостовые перья, загибающиеся кнаружи, имеют широкие стволы. Глаза светло-желтые. Клюв и ноги пепельно-серо-голубые. У самок передняя часть головы и зоб бархатисто-бурые, верхняя сторона тела и брюшко краснорубые. Шея и грудь светло-красные.

До сих пор этот вид был найден только на островах Вайгиу и Батанта, и приготовлением шкурок этих птиц, по-видимому, занимаются только жители поселения Бесси на южном берегу острова.

Это живые, веселые, умные, но кокетливые птицы, которые вполне сознают свою красоту и опасность, которой они благодаря ей подвергаются. Все путешественники, наблюдавшие этих птиц на их родине, рассказывают о них с восхищением. Когда Лессон впервые наблюдал пролетающую над ним птицу, он был так поражен ее красотой, что только следил за ней глазами и не мог решиться выстрелить в нее. Составленное им описание жизни этих птиц подтверждено и дополнено Розенбергом: «Райские птицы принадлежат к числу бродячих птиц; они то прилетают к берегам, то вновь улетают в глубь страны, соображаясь с поспеванием древесных плодов. Ко времени моего пребывания в Дорэ как раз поспели плоды одной лавринеи, росшей неподалеку от поселений острова. Сильными взмахами крыльев птицы, большею частью самки и молодые самцы, прилетали к дереву и были настолько смелы, что возвращались обратно даже после нескольких выстрелов в них. В другое время райские птицы, в особенности старые самцы, очень пугливы и с трудом подпускают на выстрел. Голос их сиплый, но слышен на далекое расстояние. Утром или вечером, редко днем, эти крики раздаются по всему лесу».

«Голос райской птицы, — замечает Валлас, — похож на голоса других райских птиц, но он не такой крикливый. Его так часто слышишь в лесах, что приходишь к предположению о многочисленности этих птиц. Несмотря на это, ее очень трудно уловить благодаря ее живости и непрерывной подвижности. Я часто видел старых самцов, сидевших на низких деревьях или кустах на высоте нескольких метров.

Они прыгали в ветвях по почти горизонтальным стволам, как будто охотясь за насекомыми, которые, как я предполагаю, составляют их единственную пищу, пока еще не поспели их любимые плоды — индийские фиги. При этом они испускают тихий хлохтающий звук, весьма непохожий на их обыкновенный крикливый призывный крик, который они, по-видимому, издают только сидя на верхушках деревьев».

В непрерывном движении райская птица перелетает с дерева на дерево, никогда не засиживается долго на одной ветке и при малейшем шуме прячется в самую густую листву верхушек

деревьев. Уже перед восходом солнца они бодро и хлопотливо ищут свой корм, состоящий из плодов и насекомых. К вечеру они собираются на ночевку компаниями на вершину какого-нибудь высокого дерева. Время спаривания зависит от ветра муссона. На восточном и северном берегах Новой Гвинеи оно приходится на май, на западном же берегу и на Мизуле — на ноябрь. Около этого времени самцы собираются небольшими стайками от 10 до 12 штук, которые туземцы называют танцевальными обществами, слетаются обыкновенно на высокие лесные деревья с распростертыми ветвями и редкой листвой, оживленно перелетают с ветки на ветку, вытягивают шеи, поднимают и хлопают крыльями, вертят хвостом то в ту, то в другую сторону, распускают и складывают боковые космы перьев и издают при этом странный квакающий звук, на который прилетают самки. Гнездо и яйца райских птиц еще неизвестны. Впрочем, судя по письменному сообщению Розенберга, эти птицы не строят открыто лежащих гнезд, но гнездятся в дуплистых сучьях высочайших деревьев леса, почти недостижимых даже для самых искусных лазальщиков*.

«Чтобы добыть райскую птицу, — продолжает Розенберг, — новогвинейские дикари поступают следующим образом: в охотничий сезон, который приходится на середину сухой поры года, они подкрадываются сначала к тем деревьям, на которых птицы проводят ночь и которые по большей части являются самыми высокими в лесу. В их сучьях они устраивают из листьев и ветвей небольшой шалаш. Приблизительно час спустя после заката солнца опытный стрелок, запасшись луком и стрелами, влезает на дерево, прячется в шалаше и ждет, соблюдая строжайшую тишину, прибытия птиц. Когда они прилетят, он ловко убивает одну за другой, а один из его товарищей, спрятавшийся под деревом, подбирает убитых птиц. Если охотник стреляет остроконечными стрелами, птицы падают мертвыми и, наоборот, попадают живыми в руки стрелка, если он употребляет стрелы, снабженные многими треугольными концами, в которых от силы выстрела ущемляется тело птицы». По Лессону, туземцы ловят также этих птиц клеєм хлебного дерева, а по сообщению Валласа, красная райская птица ловится только петлями, которые протягиваются в ветвях хлебного дерева так, чтобы птица должна была попасть в них ногой, когда она собирается сорвать плод. Другой конец петли спускается на землю, чтобы без особенного труда можно было достать птицу с дерева.

«Можно предположить, — говорит Валлас, — что раненые и добытые живыми птицы попадут к исследователю в лучшем состоянии, нежели те, которые убиты выстрелом, но это совершенно не так на самом деле. Я никогда не имел столько неприятностей с другими райскими птицами, как с красной райской птицей. Сначала мне принесли ее живую, но у птицы, завязанной в какой-то мешок, все ее чудные перья оказывались пе-

** Гнезда райских птиц — объемистые сооружения, помещаемые в развилках ветвей. Один вид райских птиц гнездится в дуплах. Для некоторых видов райских птиц гнезда до сих пор не известны. В кладках 1—2 коричневатых яйца с темными пятнами.*

Черногорля
астрания
(*Astrapia nigra*)

ремьями и переломанными самым ужасным образом. Я вразумил людей, что они могут привязать пойманную птицу за ноги к палке и так принести ее ко мне; результатом этого было то, что я получал птиц совсем перепачканными. Связанных птиц они просто бросали на пол хижины, и бедные птицы ужасно

пачкались в пепле, смоле и тому подобном. Тщетно я просил туземцев приносить мне птиц тотчас после поимки, тщетно убеждал немедленно убивать птиц, подвешивать их к палке и приносить так ко мне: из лени они не делали ни того, ни другого. У меня в услужении было 4 или 5 человек, которым я вперед заплатил за известное число добытых птиц. Они разделились и разбрелись по лесу на целую милю в окружности, чтобы отыскать хоро-

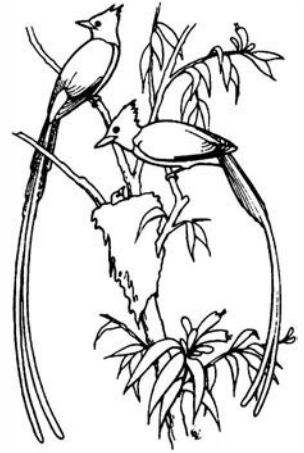
шее место для ловли. Если они ловили одну птицу, им было очень невыгодно тотчас принести ее ко мне; они предпочитали таскать ее, стараясь как можно дольше сохранять ее живой, и часто, после недельной или 10-дневной отлучки, они приходили ко мне с одной убитой, обыкновенно протухшей райской птицей, с другой убитой, еще свежей, и третьей живой, которая была поймана последнею. Все мои усилия изменить этот способ охоты были совершенно тщетными. К счастью, оперение райских птиц настолько твердое, что и испорченные экземпляры были еще пригодны».

Позднее Валласу повезло больше. Он был первый, привезший в Европу двух живых райских птиц. На Амбоине, Магкассаре, в Батавии, Сингапуре и Маниле **малую райскую птицу** (*Paradisaea minor*) уже не раз держали в клетках. Одна, немного лет тому назад привезенная на Амбоину, райская птица улетела из клетки; что с ней стало — неизвестно. Один китайский купец в Амбоине предлагал Лессону пару райских птиц, которые уже полгода жили в клетке и кормились вареным рисом. Но почтенный коммерсант просил 500 франков за штуку, а

исследователь не мог в то время добыть этой суммы. По словам Розенберга, штатгальтер Нидерландской Индии, Слоот ван дер Бель заплатил за двух взрослых самцов 150 голландских гульденов. Этих птиц Розенберг лично привез из Магассара на Яву. Валлас нашел обеих привезенных им вылинявших малых райских птиц в Сингапуре и приобрел их за 2000 марок. Беннет видел одну пойманную малую райскую птицу в Китае, которая прожила в клетке 9 лет. Даже в Берлине некоторые райские птицы жили несколько лет и были здоровы.

Лессон и другие исследователи считают положительно невозможным передать словами весь блеск оперения еще одной представительницы этого рода — **черногорлой астрапии** (*Astrapia nigra*). Оперение ее, которое в зависимости от падающего света отликает самыми яркими и изумительными цветами, в верхней части пурпурово-черное с чудным металлическим блеском. Темные перья гиацинтово-красные со смарагдово-золотистыми кончиками. Нижняя часть тела малахитово-зеленого цвета. От угла глаз отходит гиацинтово-красная полоска, оканчивающаяся полукругом под горлом. Клюв и ноги черные. Длина этой птицы достигает почти 70 см, длина ее крыла 22, хвоста 45 см. Об образе жизни черногорлых астрапий нет никаких сведений. Розенберг также мог достать только высушенные шкурки. По сообщенным ему сведениям, эта удивительная птица живет исключительно в Новой Гвинее, и притом в горных лесах, до сих пор еще недоступных европейцам.

Один из великолепнейших видов, ставший несколько известным только после исследований Розенберга, есть вид **нитчатая райская птица** (*Seleucidis melanoleuca*), род которого характеризуется тонким, саблевидно согнутым клювом. Длина этой удивительной птицы достигает 32 см, длина ее крыла 16, длина хвоста 8 см. Бархатистые перья головы, шеи и груди черные, отливающие темно-зеленым и пурпурово-фиолетовым цветами. Удлиненные перья боков груди окрашены так же, вплоть до блестящей и отливающей смарагдово-зеленым цветом каемки. Длинные, рассученные боковые перья великолепного золотисто-желтого цвета, но вся эта окраска бледнеет и превращается в грязно-белый цвет, если шкурка хоть на короткое время подверглась действию света и дыма. Крылья и хвост фиолетовые, чудно сверкающие и кажутся при известном освещении полосатыми. Самыми изумительными, без сомнения, являются длинные боковые перья. Самые длинные из них ниспадают еще ниже хвоста, а последние из нижних видоизменяются в длинные оголенные нити не толще конского волоса. Начало таких видоизмененных перьев золотисто-желтое и переходит дальше в бурую окраску. Глаза пурпурово-красные, клюв черный, ноги мясо-желтые. У самок верхняя часть головы, низ шеи и верх спины черные. Бархатистые перья головы сверкают светло-пурпуровым

цветом. Нижняя часть спины, крылья и хвост ржаво-бурые. Большие маховые перья изнутри черные. Вся нижняя часть тела покрыта волнистыми, черными, поперечными штрихами по серобелому или яркому грязно-желто-буроватому фону. Птенцы совершенно сходны с самками. С возрастом сначала делается серой шея; затем с первой линькой одновременно появляется желтая окраска брюшка и боковые пучки перьев, но длинные выступающие стволы или космы направлены еще не кнаружи, но

совершенно назад. Только при третьей линьке упомянутые стволы выкручиваются кнаружи.

«Хотя на Магкассаре и Тернате, — говорит Розенберг, — ежегодно привозится довольно большое количество изуродованных шкурок этих птиц, ни одна коллекция в Европе или вообще где-нибудь не может похвастаться ни одним неповрежденным экземпляром этих шкурок. Поэтому все имеющиеся до сих пор описания и изображения их неполны и неверны. Во время моего пребывания на Салавати в августе 1860 года мне посчастливилось добыть полдюжины этих вне всякого сравнения красивых

**Нитчатая райская
птица
(*Seleucidis
melanoleuca*)**

птиц. Они живут небольшими стайками или семьями, оказываются сильными летунами и, отыскивая пищу, издают резкий крик: «шэк-шэк». Исключительной родиной этих птиц являются восточный и западный берега Новой Гвинеи и остров Салавати. Там они совсем не редки и живут предпочтительно в гористых местностях. Близ Калвалы, маленькой, недавно основанной на западном берегу острова прибрежной деревушки, в августе я видел в

высоком лесу, неподалеку от берега, семью этих птиц, состоявшую из 10 штук. Шесть из них попали в мои руки, остальные два дня спустя более уже не показывались: частые выстрелы и сильный дувший с моря ветер отогнали их обратно в горы. В желудках убитых птиц я нашел плоды попеременно с остатками насекомых. В брачную пору птица поднимает кольцеобразно свой грудной воротничок, направляет его вперед и в виде роскошного веера распускает удлиненные боковые перья».

По Валласу, нитчатые райские птицы посещают цветущие деревья, например саговую пальму и пизанг, чтобы высасывать сок из их цветов. Они редко остаются секунду на одном и том же дереве, быстро и скоро лазают между цветами, превосходно пользуясь для этой цели большими ногами, и затем чрезвычайно быстро перелетают на другое дерево. Их громкий, слышимый издали и похожий на слог «ка» крик издается ими раз пять, быстро один за другим и большею частью при отлете. До брачной поры самцы живут отшельниками; позднее их можно встретить, подобно их родичам, вместе с другими птицами их вида на известных сборных местах. В желудках всех убитых райских птиц не было ничего, кроме бурого сока, вероятно цветкового меда. Впрочем, одна пойманная птица этого вида, как это видел Валлас, с аппетитом ела тараканов и дыни.

Гнездо и яйца этих птиц пока еще не найдены*. Охота и ловля этих птиц в существенных чертах ведется таким же способом, как и других райских птиц.

Черная ширококлювая райская птица (*Epimachus fastosus*) имеет клюв длинный, согнутый по вершинке, угловатый; ноги сильные, крылья умеренно длинные, хвост длинно ступенчатый. Пучки перьев имеются только по бокам грудки. Длина птицы достигает 65 см, длина ее крыла 17, хвоста 42 см. Голова покрыта маленькими кругловатыми чешуйчатыми перышками бронзово-зеленого цвета, но отливающими синим и золотисто-зеленым. Длинные рассученные перья задней части шеи — бархатистые и черные. Спина окрашена так же, но изменение цвета происходит от неправильно разбросанных, продолговатых, лопатовидных перышек с густыми бородками, отливающими зелено-буроватым оттенком. Нижняя часть тела черно-фиолетовая. Большие украшающие перья боков груди, которые в спокойном состоянии небрежно лежат на крыльях, отливают великолепным блеском. Клюв и ноги черные. У самок верхняя часть головы и затылок коричневого цвета, остальные части окрашены, как у самцов, но все цвета матовые.

В европейских коллекциях нет ни одного полного чучела этой чудной птицы. Папуасы готовят их таким же образом, как шкурки райских птиц, и приносят их для обмена обыкновенно такими изуродованными, что приходится заменять даже крылья. По Розенбергу, черные райские птицы распространены

* Гнезда неглубокие и чашковидные, сделаны из веточек и листьев деревьев. Кладка состоит из одного яйца кремового цвета с красноватыми и серыми штрихами в основном на тупом конце.

** Тем не менее
имеющиеся данные о
гнездовании райских
птиц, принадлежа-
щих к этому роду,
не подтверждают
представленной
версии туземцев.*

по всей северной Новой Гвинее, но отсутствуют на близлежащих островах. Валлас узнал, что они живут преимущественно на горах и в тех же высоких поясах, как и синезатылочная паротия (*Parotia lawesi*), но иногда, впрочем, попадают и в холмистых местностях вблизи берега острова. «Много раз, — говорит он, — туземцы уверяли меня, что эта птица устраивает гнездо в трещинах земли или под скалами, но выбирает всегда помещение с двумя отверстиями, так что оно имеет и вход и выход. Мы бы не считали это вероятным, если не принять во внимание трудность возникновения этого слуха, если бы он был не верен. Точно так же все путешественники знают, что рассказы туземцев о привычках птиц почти всегда оказываются достоверными, какими бы странными они ни показались вначале»*.

СЕМЕЙСТВО ВРАНОВЫЕ (*Corvidae*)

Врановые живут во всех частях света и на всех широтах и высотах на горах. К экватору число видов значительно увеличивается, но и в умеренном поясе их довольно много и только в холодном число видов их ограничено. Большинство их живут оседло на одном месте или, по крайней мере, в известной области, но там охотно кочуют с места на место. Некоторые виды перелетны, а некоторые с высоких гор зимою спускаются в долины.

За исключением благозвучного пения, врановые соединяют в себе все качества, свойственные другим воробьиным. Они хорошо ходят по земле, а летают легко, долго и довольно быстро; внешние чувства у них развиты равномерно хорошо, а обоняние особенно хорошее; по понятливости они не уступают никакой другой птице этого отряда, а может быть, и никакой птице вообще. Благодаря своим дарованиям им живется на свете легко, они умеют пользоваться всем, что им нужно, и потому везде играют довольно важную роль. Это всеядные птицы в полном смысле этого слова и потому могут быть очень вредными, но также и полезными. Их большие, иногда покрытые сверху гнезда расположены открыто на деревьях, скалах и в углублениях их; кладка отличается большим числом пестрых яиц, которые высидивают с большим вниманием и любовью, так что врановые принадлежат к числу птиц, которые лучше всего воспитывают своих птенцов.

Ворон (*Corvus corax*), которому следует отвести первое место среди ворон, представляет ворона в настоящем смысле слова; многие другие его названия — не что иное, как не имеющие значения прозвища. Тело ворона вытянуто; крылья велики, длинны и остроконечны, потому что третье маховое перо превосходит все остальные своей длиной; хвост средней длины, ступенчатый с боков; оперение плотное и блестящее. Окраска большого ворона равномерно

черная; только глаза карие; у молодых особей голубовато-черные, а у гнездарей светло-серые. Длина ворона равняется 64—66 см, размах крыльев 125, длина крыла 44, а хвоста 24 см.

Ворон представляет во всех отношениях первообраз и прототип всего семейства. Он живет по всей Европе, от Нордкапа до мыса Тарифа и от предгорий мыса Финистерре до Урала; он встречается в большей части Азии, на востоке до Японии*, а с севера на юг — от Ледовитого океана до Гималайских гор, Пенджаба и Синда; он распространен также в Северной Америке, к югу до Мексики. Как сообщает Вальтер, в Туркмении ворон достигает гораздо большей величины, чем у нас**; а по словам Уайтса, в Гималаях на высоте свыше 3000 м встречаются необычайно крупные вороны, образующие особую породу, отличающуюся от гораздо менее крупных и тускло окрашенных воронов, обитающих в Пенджабе. В северных местностях Сибири, Скандинавии, также на островах Фарерских и в Исландии довольно часто встречаются вороны с белыми пятнами. По Фаберу, их находили только на Фарерских островах, но не в Исландии; однако Прейер наблюдал их именно там.

Ворон по возможности избегает человека. Ради этого он живет исключительно в горах, в густых высоких лесах, на скалистых берегах моря и вообще выбирает убежища, где бы его по возможности меньше беспокоили. Ближе же к восточной границе Европы ворон живет в наилучших отношениях с человеком. В России он так мало его боится, что не только летает с галками и серыми воронами по дорогам, но появляется в селах и городах, где также гнездуется на колокольнях. Поэтому в настоящее время в этих местах ворон должен быть назван обыкновенной птицей. Он так же часто встречается в Испании, Греции и Скандинавии. Ворон редко собирается в большие стаи; поэтому следует считать исключениями стаи из 6—20 воронов, наблюдавшиеся в Туркмении Вальтером, а тем более стаи из 50 штук, какие я видел в Сьерра-Неваде. Пара воронов всегда превосходно выбирает местность для своего постоянного жительства, захватывая обширный округ, отличающийся разнообразием. Больше всего ворон любит местности, где чередуются леса, поля, луга и воды, так как здесь он в изобилии находит пищу.

Мой отец, еще за два поколения до нас описавший ворона лучше, чем кто-либо, говорит о нем так: «Большой ворон обыкновенно живет попарно, также и зимой. Гнездящиеся по соседству с моим жилищем пары часто летают зимой через наши долины и опускаются на высочайшие деревья. Если слышишь одного ворона, стоит только поглядеть кругом — и другой недалеко. Если одна пара во время полета встречает другую, то обе соединяются и некоторое время парят вместе. В одиночку летает, шатаясь без толку всюду, только не спарившаяся молодежь, потому что большой ворон принадлежит к птицам, которые, однаж-

**В Японии, однако, ворон отсутствует.*

*** Это не так. В горах Копетдага в Туркмении обитает тот же подвид ворона, что и в Европе, и по размерам туркменские вороны не отличаются от европейских. А вот в низкогорьях Туркмении и на равнинах живет другой вид ворона — пустынный ворон (*Corvus ruficollis*), отличающийся от обычного ворона коричневатой головой, но размеры его примерно такие же.*

Семейство врановые

** Для истребления хищных птиц и разных видов ворон в Германии (и у нас в благоустроенных охотах, например, в Петергофском уезде в Великокняжеской охоте и многих других) широко применяется охота из засады с филином. Охотник прячется в шалаше (или просто в куст), а впереди на чистом месте сажает на привязи филина (или ставит его чучело). Всякая мимо летящая хищная птица считает своим долгом задать филину трепку и подлетает к нему, а в это время охотник стреляет ее. — Примеч. перев.*

ды спарившись, остаются всю жизнь верны друг другу. Полет ворона очень красив; при быстром полете он несется почти по прямой линии, сильно ударяя крыльями; но часто ворон так же долго парит, описывая прекраснейшие круги, причем крылья и хвост его сильно расширены. Всякому ясно видно, что летанье не стоит ворону ни малейших усилий и что он часто предпринимает далекие путешествия исключительно ради удовольствия. Во время подобных путешествий ворон в горах часто приближается к земле, но через долины обыкновенно перелетает на значительной высоте. При своих прогулках он часто бросается стремглав на несколько метров вниз, особенно если по нему стреляли, так что незнакомый с этой проделкой ворона стрелок может подумать, что ворон ранен и скоро упадет. Зимой ворон проводит большую часть дня летая. Полет его более похож на полет хищной птицы, чем на полет других ворон, и так характерен, что опытные люди в состоянии отличать ворона от родственных видов на каком угодно расстоянии.

По земле ворон ходит со смешною, словно напускнуою, важностью, при этом держит тело спереди несколько выше, чем сзади, кивает головой и при каждом шаге двигает телом туда и сюда. Сидя на ветке, ворон держит тело то горизонтально, то очень прямо. Перья на нем лежат почти всегда так гладко, что ворон кажется словно вылитым; только при возбуждении взъерошиваются перья на голове и всей шее. Крылья ворон держит обыкновенно несколько свесив.

Ворон еще и тем отличается от других родственных видов, что осторожностью превосходит их всех. Невероятно, до чего предусмотрительна эта птица. Ворон только тогда садится, когда тщательно облетит всю окружающую местность и ни зрение, ни обоняние не откроют ему ничего опасного. Если человек приближается к его гнезду с яйцами, ворон тотчас бросает насиживание; к птенцам своим, как ни велика его любовь к ним, ворон в подобном случае возвращается лишь с величайшей осторожностью. Ненависть ворона к филину необычайно велика, но осторожность его еще больше, отчего эту строгую птицу крайне трудно убить даже из вороньего шалаша*.

Пожалуй, нет ни одной птицы, которая в такой же степени, как ворон, могла быть названа всеядной. Можно утверждать, что он не брезгует буквально ничем съедобным, совершая при этом подвиги, невероятные для его роста и силы. Ему нравятся плоды, зерна и всякие другие растительные вещества; но ворон также и настоящая хищная птица. Он истребляет не только насекомых, улиток, червей и мелких позвоночных, но смело нападает на млекопитающих и птиц, превосходящих его по величине; он бессовестнейшим образом грабит гнезда, и не у одних беззащитных птиц, но и у сильных чаек, отлично умеющих защищать себя и свои гнезда. От мыши до зайца и от самой маленькой птички до тетер-

ки ни одно животное не может считать себя в безопасности от ворона. В нем соединяются дерзость и хитрость, сила и ловкость, делающие его опаснейшим разбойником. В Испании от него страдают домашние куры, в Норвегии — молодые гуси, утки и вся остальная домашняя птица. В Исландии и в Гренландии ворон охотится за белыми куропатками, в Германии — за фазанами, куропатками и зайцами; на берегах моря он подбирает все то, что ему выкинут волны; в северных странах ворон ссорится с собаками из-за всякого рода отбросов перед жилищами; в степях Азии он мучает израненных верблюдов. В Исландии ворон тиранит покрытых волдырями лошадей; и верблюдам, и лошадям он садится на спину и сильными ударами клюва отдирает от краев ран облюбленные им куски мяса; только начав кататься по земле, мучимое животное может согнать его. «Большой ворон, — как сообщает Олафссон, — зимой ищет себе пищу на дворах среди кошек и собак; в теплое время года он отправляется на берег моря за рыбой; весной убивает ударами клюва и пожирает новорожденных ягнят*, сгоняет с гнезд гаг, выпивает их яйца и закапывает поодиночке в землю те, которые не в состоянии съесть. Вороны маленькими стаями следуют за орлом; нападать на него, положим, не решаются, но пытаются выхватывать остатки его добычи. Отыскав где-нибудь больных или мертвых старых воронов или выпавших из гнезд молодых, ворон пожирает их. Зимой возле каждого дома соседствует компания из 2—10 воронов, не допускающая никого более в свою среду».

Для беспристрастного наблюдателя забавно видеть, как ворон обделывает свои дела. По словам Чуди, он следит за швейцарскими охотниками, чтобы овладеть ранеными сернами. По единогласному свидетельству Фабера и Гольбелля, ворон разбивает раковины с твердой скорлупой, поднимая их высоко на воздух и бросая оттуда на твердый камень или скалу. По наблюдениям Гомейера, ворон умеет ловко схватывать рака-отшельника и вытаскивать его из его жилища — раковины; если это не удается сразу, потому что рак успел съежиться, ворон до тех пор колотит раковиной обо что попало, пока из нее не покажется отшельник. Ворон успешно нападает на больших животных, выказывая беспримерную хитрость и смышленность, но также и большое мужество. На зайцев, например, он нападает при всяких обстоятельствах, а не только на больных или раненых, как думал мой отец. Граф Водзицкий собрал наблюдения, устраняющие всякие сомнения, какие еще могли существовать на этот счет**. «Среди птиц ворон играет ту же роль, что лисица среди млекопитающих, — говорит вышеназванный естествоиспытатель. — Он обнаруживает высокую степень хитрости, терпения и предусмотрительности. Смотря по надобности, ворон охотится или в одиночку, или берет себе помощников; от также знает всех хищных птиц и следит за теми, которые могут случайно

** Рассказы о том, что вороны заклевают новорожденных ягнят или отрывают куски мяса от ран верблюдов и лошадей, несомненно, относятся к разряду басен, распространяемых и пересказываемых обывателями, никогда не наблюдавшими этого лично. Отдирать куски мяса от ран ворон может только у павших животных, падаль — самая обычная его пища.*

*** Тем не менее отец Брема был прав, а граф Водзицкий собрал в основном преувеличенные или даже сочиненные рассказы «очевидцев», а некоторые из приводимых ниже историй он либо намеренно преувеличил, либо просто придумал. Заяц — слишком крупная и сильная добыча для ворона. Рассказы о добыче вороном зайцев и других используемых человеком животных*

выгодны прежде всего охотникам для обоснования преследования этого вида. Однако для новорожденных зайчат, подранков, больных и ослабленных животных ворон представляет вполне реальную угрозу.

доставить ему пищу. Часто закапывает он, как лисица, остатки еды, чтобы в случае нужды не голодать. Наевшись досыта, ворон сзывает к остаткам пиршества своих товарищей. Он сзывает товарищей и тогда, когда они нужны ему для охоты, которой он занимается со страстью.

В декабре 1847 года при глубоком снеге я пошел с одним товарищем на охоту на зайцев. Хотя мы стреляли уже несколько раз, в одном из ущелий противоположной горы мы заметили двух воронов. Один спокойно сидел на краю ущелья и смотрел вниз; другой, сидевший несколько ниже, совал клювом вперед и проворно отскакивал назад. Это он проделывал несколько раз. Оба были так заняты своим делом, что, по-видимому, не заметили нашего приближения. Только когда мы подошли к ним на несколько шагов, разбойники снялись и снова сели в нескольких сотнях шагов, по-видимому, в надежде, что и мы пройдем мимо, не делая им вреда, как раньше проходили крестьяне. На месте же, где мы наблюдали воронов, сидел в снеговой стене, закопавшись почти на 60 см, большой старый заяц. Чтобы вынудить его вскочить, один ворон нападал на него спереди, а другой клювом и когтями прокопал сверху в снегу дыру, очевидно, с намерением вспугнуть зайца сверху. Но косой был настолько умен, что оставался сидеть, отгоняя воронов ворчанием и фырканьем. В 1850 году я увидел раз в поле двух воронов, чем-то занятых в одном углублении. Когда я дошел туда, там оказался заяц в предсмертных судорогах, с окровавленной головой. Я прошел по его следу около 20 шагов и нашел его лежку с ясными признаками, что его выгнали вороны. Не далеко же пробежал бедняга! В декабре 1851 года я заметил трех воронов, двух на земле и третьего в воздухе. Вскочил заяц и побежал изо всей мочи. Все три ворона с громкими криками погнались за ним и били его, падая почти до земли, подобно хищным птицам. Заяц сел раз, потом снова побежал, снова сел и наконец припал к земле. Тотчас один ворон бросился на него, запустил ему в спину когти и начал долбить голову. Другой ворон скоро подоспел на помощь товарищу, а третий изловчился, чтобы распороть добыче брюхо. Хотя я быстро выскочил из саней и побежал к зайцу как только мог скоро, он достался мне в руки лишь со слабыми признаками жизни. В декабре 1855 года я снова наткнулся на воронов, занимавшихся в данную минуту обгладыванием заячьего скелета. Пройдя около 200 шагов по следу зайца, я нашел его лежку. Она была очень замечательно устроена на 65 см под снегом: один подснежный ход около 2,5 м в длину, очень чисто утопанный, вел к самой лежке, а другой подобный же ход выводил с противоположной стороны наружу. Следы ворона ясно указали мне, что один из разбойников решил-ся войти в подснежный ход, чтобы выгнать зайца на других воронов. Вороны, подобно гончим, часто идут пешком шагов 15—20 по следу зайца, запугивают его карканьем и ударами клюва и

доводят до того, что бедняга припадает к земле, а под конец совсем ошалевает и тогда становится их легкой добычей»*.

Не менее смело действует большой ворон, как грабитель гнезд: Водзицкий видел, как ворон раз унес даже яйцо у пары орлов. На севере ворон является отвратительнейшим грабителем гнезд, какого только можно себе представить. В Норвегии я влез на один утес, где сидела семья молодых воронов, которых еще кормили родители. Там на единственном уступе я нашел около 60 выеденных яиц гаги, чаек и гагар вместе с лапками кур, крыльями уток, шкурками пеструшек, пустыми ракушками, остатками молодых куликов, ржанок и т.п. Четыре птенца неумолчно кричали о пище, и старики постоянно носили новую добычу на бойню. Неудивительно, что как только показывались вороны, все окрестные чайки яростно нападали на них и изо всех сил дрались с ними; неудивительно, что и жители соседнего поселения в высшей степени ненавидели их.

Ворон составляет обыкновенное явление вблизи всякого рода падали, и многие места в Библии, упоминаящие о нем, могут быть легко подтверждены. «Утверждают, — продолжает мой отец, — что ворон за многие мили чует падаль. Как ни мало сомневаюсь я в его тонком обонянии, мне кажется невероятным это настойчивое утверждение, опровергаемое уже самим поведением ворона. При ближайшем наблюдении легко заметить, что странствования ворона отличаются некоторой неопределенностью. Он почти ежедневно облетает большое пространство в различных направлениях в надежде что-либо высмотреть. Отсюда ясно видно, что ворон должен быть близко к падали, чтобы найти ее, или, по крайней мере, должен попасть в струю воздуха, идущего от падали. Если бы ворон мог чують падаль за мили, он издали летел бы к ней напрямик. Перед тем как сесть, ворон непременно всякий раз сначала облетит кругом избранное место, а это указывает, что он может чують разные предметы лишь в известном направлении и вряд ли за несколько миль». Всякий, знающий воронов, подтвердит эти слова, хотя защищаемое моим отцом воззрение и отрицается Науманом**. Последний естествоиспытатель ставит вопрос: садится ли ворон и на человеческие трупы, как это столь часто утверждается? По моему мнению, надо безусловно ответить: да! Ворону, наверно, совершенно все равно, находится ли перед ним труп человека или падаль какого угодно млекопитающего.

Весьма странно, что эта птица любима и почитаема некоторыми народностями. Например, арабы весьма уважают его, почти как божество, считая его бессмертным. «Когда я однажды хотел убить ворона пулей, — пишет Лябюиссэ, — один араб остановил меня утверждением, что ворона ранить невозможно, так как он святой. Я промахнулся к большому удовольствию араба, который весело насмехался надо мной, еще крепче веруя, чем прежде». Исландцы и гренландцы также, по-видимому, не враждебно на-

* Это совершенно откровенный вымысел. Брем поверил рассказам Водзицкого, видимо, потому, что в его историях правда ловко перепутана с вымыслом, и бывает трудно отделить реальное от надуманного.

** Специальными экспериментами доказано, что ворон находит падаль с помощью зрения.

** Отец Брема был прав, кладку у ворона насживает только самка, самец ее кормит.*

строены к этому отчаянному разбойнику. «Большой ворон, — говорит Фабер, — так доверчив, что садится отдыхать на дома и на спины пасущихся лошадей». В Гренландии, по сообщению Гольбелля, ворон заглядывает даже в дома, где так же ворует, как и всюду. Пастухи Канарских островов, напротив того, называют ворона подлейшей птицей, какая только есть, и утверждают, что он зачастую выклевывает глаза молодым козам и ягнятам, чтобы легче затем убивать и пожирать их. Поэтому пастухи как только могут истребляют ворона и его гнезда.

Из всех птиц, исключая разве клеста, ворон раньше всех приступает к размножению: спаривается большею частью уже в начале января, в феврале строит гнездо и несет яйца в первых числах марта. Гнездо ворона большое, по меньшей мере 40, чаще 60 см в диаметре и в половину этого вышиной; оно устраивается на утесе или на вершине высокого дерева, на которое трудно или совсем нельзя влезть. Нижняя часть гнезда складывается из толстого хвороста, средняя из более тонкого, внутренность тепло выстилается полосками коры, древесными лишаями, травой, овечьей шерстью и т.п. Ворон охотно пользуется старым гнездом, причем лишь немного его совершенствует. При постройке гнезда ворон, как и всегда, выказывает свой ум и осторожность. Он весьма осмотрительно приближается со строительными материалами и бросает гнездо, если часто замечает вблизи его человека или если его потревожат перед кладкой яиц. В других же случаях ворон аккуратно из года в год возвращается к своему старому гнезду. Ворон кладет 5—6 довольно больших яиц, почти 54 мм длиной и 34 мм в поперечнике, усеянных бурыми и серыми пятнами по зеленоватому полю. По наблюдениям моего отца, насживает только самка, по данным же Наумана — и самка, и самец поочередно*. Птенцы кормятся обоими родителями, обильно доставляющими им земляных червей, насекомых, мышей, молодых птиц, яйца и куски падали. Но голод птенцов, по-видимому, ненасытен, и они постоянно требуют пищу, даже получая обильнейший корм. Оба родителя чрезвычайно любят своих птенцов и никогда не оставляют гнезда, если птенцы уже вылупились. При благоприятных условиях молодые вороны покидают гнездо в конце мая или начале июня, но в большинстве случаев еще долгое время возвращаются в гнездо каждый вечер и затем целые недели держатся вблизи него. Родители водят потом молодежь на луга и поля, продолжая кормить их там, и одновременно обучают всем сноровкам и хитростям своего ремесла. Только к осени воронята становятся самостоятельными.

Вынутые из гнезда воронята после короткого воспитания становятся необыкновенно ручными; даже пойманные старые вороны свыкаются с изменившейся обстановкой. При общении с человеком ум ворона изоцряется в изумительной степени. Его можно дрессировать, как собаку, и натравливать на животных и

людей: он выделывает самые смешные и веселые штуки, постоянно придумывая что-нибудь новое, и с годами становится чем старше, тем умнее, но далеко не всегда приятнее для человека. Ворона легко приучить вылетать из дома и возвращаться; но он постоянно, и очень скоро, оказывается недостойным большой свободы — ворует и прячет краденое, убивает молодых домашних животных, кур и гусей, кусает за ноги босых людей, а иногда становится даже опасным, так как обращает свои шалости на детей. С собаками ворон часто ведет величайшую дружбу, ищет им блох и оказывает разные другие услуги. Он также привыкает к лошадям и рогатому скоту и снискивает их приязнь. Ворон отлично выучивается говорить, правильно выговаривает слова и разумно применяет их; лает, как собака, смеется, как человек, воркует, как домашний голубь, и т.п. Если бы я вздумал снова пересказать здесь все истории о ручных воронах, известные мне, это завело бы нас слишком далеко, поэтому будет достаточно сказать, что ворон часто выказывает понятливость, почти равную человеческой, и умеет столько же радовать своего владельца, сколько сердить посторонних. Кто не признает у животных ума, пусть подольше наблюдает ворона.

Ворона черная (*Corvus corone*) черного цвета с фиолетовым или пурпуровым отливом; радужная оболочка глаза бурого цвета; у молодых ворон оперение матово-черное, а глаза серые. У **серой вороны** (*Corvus cornix*), напротив того, только голова, передняя часть шеи, крылья и хвост черные, остальное же оперение светло-пепельно-серое или, у молодых, грязно-пепельно-серое. Длина и той, и другой равняется 47—50 см, размах крыльев 100—104, длина крыльев 30, длина хвоста 20 см. Серая ворона распространена шире своей родственницы; мы встречаем ее не только в Скандинавии, от Нордкапа до Фальстербо, в большей части России и в северной Германии, но и в Галиции, Венгрии, Штирии, южной Италии, Греции и во всем Египте (от моря до границ Нубии), также во всей Средней Азии, от Урала до Японии и через Туркестан, Персию, Афганистан до северо-западной Индии включительно. Черная же ворона, напротив того, живет в Германии, к западу от реки Эльбы, во Франции, а также и в значительной части Азии, обыкновенно там, где не встречается серая ворона*. Одна, таким образом, заменяет другую, однако нисколько не соотносясь с различиями климатических условий. Но, во всяком случае, имеются также и местности, где районы распространения обоих видов захватывают друг друга; там действительно часто случается, что обе столь близко родственные птицы спариваются одна с другою. Однако это спаривание никоим образом не доказывает, что обе вороны принадлежат к одному виду. Если бы действительно они представляли один вид, то было бы непонятно, почему там, где встречается исключительно одна ворона, ни разу не могла появиться и другая**. По своему образу жизни черная

* На территории нашей страны граница между областями гнездования серой и черной вороны проходит примерно по долине Енисея и западным отрогам Алтая. В Японии серая ворона не встречается, там живет черная ворона.

** Многие ученые, занимающиеся систематикой птиц, считают серую и черную ворон относящимися к одному виду, поскольку в зонах контакта их областей гнездования серая и черная вороны гибридизируют и дают плодовитое потомство.

** При высокой численности ворон, которая наблюдается в нашей стране в настоящее время, вороны приносят значительный вред, разоряя гнезда птиц и убивая мелких животных, поэтому допускается их преследование в любое время года.*

*** К нашему времени доподлинно установлено, что вредных хищных птиц не бывает, большинство представителей этого отряда играют положительную роль в природных сообществах и заслуживают всемерной охраны. Ущерб, наносимый воронами при их высокой численности, многократно превышает пресс хищных птиц на животных в их естественной среде обитания.*

и серая вороны действительно не различаются, по крайней мере заметным для нас образом. Обе представляют оседлых или, самое большее, кочующих птиц. Рощи на полях представляют любимейшие убежища ворон, но они не избегают и больших лесов и поселяются всюду, где чувствуют себя в безопасности, даже в непосредственном соседстве с человеком, например в садах.

Вороны в высшей степени общительны, богато одарены телесно и духовно и таким образом имеют возможность играть очень значительную роль в хозяйстве природы. Они хорошо ходят шагая, немного качаясь, но без всякого напряжения; летают легко и продолжительно, хотя и менее ловко, чем более крупные вороны; обладают острыми чувствами, именно зрением, слухом и обонянием, и по умственным способностям немногим уступают большому ворону или даже равняются ему. Но так как вороны в большинстве случаев опасны только мелким животным, то польза, приносимая ими, по всей вероятности, перевешивает причиняемый ими вред*.

Ежедневная жизнь ворон приблизительно такова: они начинают летать перед рассветом и если еще не подвергались преследованию, то перед отправлением на кормежку собираются на каком-нибудь определенном здании или большом дереве. Отсюда они разлетаются по полям. До полуночи вороны деятельно заняты разыскиванием пищи. Они ходят по полям и лугам, следуют за пахарем, подбирая личинок хруща, караулят мышинные норы, высматривают птичьи гнезда, обыскивают берега ручьев и рек, шарят по садам — короче, толкаются повсюду. При этом они иногда соединяются с другими родичами и некоторое время занимаются своими делами сообща. Если случится что-нибудь особенное, например, вороны первые заметят это и укажут другим животным. Хищная птица встречается громкими криками и так ревностно преследуется, что часто удаляется, ничего не сделав. Снэль совершенно прав, выставляя и такое поведение ворон, как приносимая ими польза; не подлежит никакому сомнению, что разбойническая деятельность вредных хищных птиц значительно стесняется воронами, все равно, нападают ли они прямо на хищника или только выдают его присутствие человеку и животным**. К полудню вороны слетаются к густому дереву и прячутся в его листву, чтобы соснуть после обеда. После полудня вороны вторично отправляются на кормежку, а к вечеру собираются в большом количестве в определенных местах, по-видимому, с целью взаимно обменяться впечатлениями дня. Потом они отправляются на ночлег в ту часть леса, где собираются все вороны обширного района. Сюда прибывают они с величайшей осторожностью, обыкновенно лишь после несколько раз повторенной высылки разведчиков. Вороны прилетают после наступления темноты, молча летят до места и так тихо садятся, что ничего не слышно, кроме шороха крыльев. Подкарауливание делает их в высшей степени осторожными. Они скоро

выучиваются отличать охотника от неопасных для них людей и обыкновенно доверяют лишь тому, в чьей благонамеренности совершенно убедились. В феврале и марте отдельные пары сближаются еще теснее, чем прежде, любезно болтают вместе, и самец усердно ухаживает за самкой, своеобразно расширяя крылья и производя различные кокетливые движения. В конце марта или начале апреля вороны строят гнездо. Они устраивают его на высоком дереве или чинят прошлогоднее. Гнездо похоже на гнездо большого ворона, но значительно меньше, самое большее 60 см в ширину и только 4 см в глубину*. На основание из жестких ветвей кладутся полосы коры, пучки травы, корни пырея и разные другие корни, очень часто связанные слоем глинистой земли; внутренность гнезда выстилается шерстью, телячьим волосом, свиной щетиной, кусочками коры, травяными стебельками, мхом, тряпками и т.п. В первой половине апреля самка кладет 3—5, чрезвычайно редко 6 яиц 44 мм длиной и 29 мм в поперечнике; яйца разрисованы по сине-зеленоватому фону точками и пятнами оливкового цвета, темно-зелеными, темно-пепельно-серыми и черноватыми. Насиживает одна самка, но самец отлучается от нее, лишь когда ему необходимо слетать за пищей для себя и своей подруги. Оба родителя с величайшей любовью ухаживают за птенцами, кормят их и мужественно защищают от опасности. Серые и черные вороны спариваются между собой. Происходящие от подобного скрещивания ублюдки походят иногда на отца, иногда на мать или по своей окраске представляют нечто среднее между ними, хотя и не вполне, потому что совершенно невозможно передать бесконечное множество различий окраски, представляемых ублюдками. Нередко также случается, что два ублюдка спариваются между собой и производят птенцов, которые, как говорят, всегда снова возвращаются к одному из главных видов, т.е. получают окраску или черной, или серой вороны. На этом главным образом и основано воззрение некоторых естествоиспытателей, что оба вида ворон надо считать за один. Мне кажется, подобный взгляд сомнителен.

Оба вида ворон можно без всяких хлопот много лет содержать в неволе; они приручаются и выучиваются говорить, если только у учителя хватает терпения. Но все-таки они едва ли годятся в комнатные или домашние птицы. Из комнат приходится их изгонять из-за их неопрятности или, правильнее, распространяемого ими запаха, даже когда их владелец изо всех сил старается держать в чистоте клетку. Ворон также нельзя пускать свободно бегать по двору и в саду, потому что они, подобно ворону, творят всякие бесчинства. Страсть таскать блестящие вещи разделяют они со своими слабейшими родственниками, страсть к грабежу и убийству — с большим вороном.

Опасными врагами ворон является лисица, лесная куница, кречет, ястреб и филин. Кроме того, они страдают от различных паразитов, гнездящихся в их оперении. Филин, по всей вероят-

** Это не совсем так. Лишь некоторые гнезда ворон мелкие, обычно же высота их достигает 20—25 см, а глубина лотка 5—7 см.*

** Полезность грача несомненна при его невысоком обилии. Однако, когда численность этого вида велика, как, например, в наше время в степной и лесостепной зонах нашей страны, грач зачастую становится истинным бичом для многих видов птиц, особенно таких редких, как дрофа, стрепет, журавль-красавка, многие кулики. Расхаживая большими группами по лугам и степям в поисках корма, грачи разоряют несметное число гнезд мелких птиц, испугнутых ими, пасущимся скотом или людьми. Сильно страдают от грачей кладки дрофы: испугнутые человеком дрофы долго не возвращаются к гнезду, чем пользуются грачи, они находят кладку и поедают яйца. Даже степные орлы не застрахованы от их грабежей. Кроме этого огромные массы грачей, пита-*

ности, навлек на себя необыкновенную ненависть ворон своими ночными нападениями на этих беззащитных в это время птиц; во всяком случае, достоверно известно, что он необычайный любитель вороньего мяса. За его ночные злодеяния вороны расплачиваются с ним днем по мере сил и возможности. Кроме филина, любой сове стоит показаться днем — во всей окрестности поднимается страшный переполох; все вороны поспешно слетаются и с беспримерной яростью колотят этого любителя мрака. Точно так же, как филина, вороны задирают и всех прочих хищников, от мщения которых их спасают ловкость в летании или их многочисленность. Что касается человека, то в настоящее время вороны менее страдают от него непосредственно, чем косвенным образом. Кое-где их регулярно истребляют из вороньих шалашей, разоряют и уничтожают их гнезда, яйца и птенцов; но гораздо больше вреда, чем все это, приносит рассыпание отравленных зерен на полях, страдающих от мышей. В годы, особенно обильные мышами, трупы ворон валяются на полях дюжинами и сотнями, и в это время легко можно констатировать заметное уменьшение их числа. Но благодаря своей долговечности и плодовитости вороны всегда вскоре восполняют такую убыль, и, таким образом, так же излишне принимать меры к их охранению, как неразумно проповедовать их истребление.

Грач (*Corvus frugileus*), четвертый из наших видов ворон, оказывается еще полезнее, чем черная и серая вороны*. Он отличается от своих родственников следующими признаками: телосложение более стройное; клюв очень вытянутый; хвост сильно закругленный; оперение плотное, великолепно блестящее; передняя часть головы в зрелом возрасте голая, причем это является исключительно следствием землекопных работ. Длина грача 47—50 см, размах крыльев около 100, длина крыла 35, длина хвоста 19 см. Оперение старой птицы однообразно сине-фиолетово-черного цвета; у молодых оно тускло-черное. Молодые грачи отличаются от старых также своей оперенной передней частью головы.

Область распространения грача более ограничена, чем у черной и серой ворон. Он живет в большей части европейской равнины и в южной Сибири. В Туркестане, Афганистане, западной части Гималайского хребта и Пенджабе он появляется только зимой, по свидетельству Уайтса. Кроме того, по словам Вальтера, грач проводит зиму также на равнинах Туркмении. В Европе грачи составляют редкость уже в Швеции, а в южной Европе они показываются только во время зимних перелетов. В отличие от родственных видов, рассмотренных выше, грачи регулярно совершают перелеты бесчисленными стаями, достигая северной Африки. В Испании я видел их в течение всей зимы, с конца октября до начала марта; они попадались часто и всегда большими стаями. Я также постоянно наблюдал их в те же месяцы в Египте. Любимейшим местопребыванием этой птицы являются возде-

ланные поля, на которых попадают рощи. Небольшой высокоствольный лес обыкновенно избирается местом гнездовья и сборным пунктом определенного, иногда очень значительного числа грачей; отсюда они распределяются по окрестным полям.

По образу жизни грач имеет много общего с его уже описанными родичами, но гораздо боязливее и безвреднее их. Походка его так же хороша, полет легче, понятливость не менее заметна, и душевные способности развиты так же, как и у остальных ворон. Но грач еще гораздо общительнее своих родичей. Грачи порой могут быть очень неприятны: прочно поселившись где-либо, они выказывают упорное противодействие всем усилиям человека изгнать их оттуда; во время гнездовья отвратительнейшим образом пачкают дорожки в садах и оглушают человека своим вечным гамом в рощах вблизи человеческих жилищ; грачи могут также отличнейшим образом умертвить маленького зайчонка или заколотить молодую куропатку; затем, они сердят земледельца, подбирая на полях хлебные зерна, и садовника — воруя зреющие плоды. Но зато грачи в тысячу раз вознаграждают за всякий вред, причиняемый ими. Грач — наилучший истребитель майских жуков, их личинок и голых слизняков, и отличнейший охотник за мышами. Для ловли майских жуков, по наблюдениям Наумана, грач систематично принимается за дело. Одни грачи взлетают на дерево, на ветвях и молодых листьях которого во множестве сидят майские жуки; от встряхивания при опускании птиц на концы ветвей жуки сыплются вниз, а удержавшиеся склевываются грачами; под деревом же осыпавшихся жуков подбирают другие грачи. Так обрабатывается каждое дерево по порядку, причем уничтожается неисчислимое количество этих вредных жуков. Грачи являются также очень опасными врагами многих жучков, вредящих хлебу. Они подбирают их личинки, также личинки майских жуков и земляных червей или на свежеспаханых полях и идя за плугом, или вытаскивают их из земли своим клювом. Так же усердно, как за насекомыми, охотятся грачи и за мышами. «Я помню годы, — говорит Науман, — когда хлебным всходам и зреющим хлебом угрожала гибель от ужающего множества полевых мышей. На ржаных и пшеничных полях часто можно было видеть целые полосы, частью объединенные, частью изрытые мышами. Но хищные птицы и разные виды ворон вскоре совершенно освобождали землю от этой язвы при содействии неблагоприятной для мышей погоды. В те годы у всех ворон, убитых мною, зобы были туго набиты мышами. Часто я находил 6—7 в одной птице. Если взвесить эту пользу, то мне кажется, станешь невольно лучше относиться к ненавистным грачам и даже полюбишь их».

Когда приближается время насиживания, тысячи грачей собираются на очень маленьком участке, преимущественно в роще среди полей. Одна пара поселяется рядом с другой. На каждом

ясы зернами хлебных культур, наносят ощутимый ущерб посевам зерновых при посевной и перед уборкой урожая.

** Конечно, это преувеличение. Целиком гнезда грачи друг у друга не утаскивают, им это просто не под силу.*

дереве устраивается 15—20 гнезд, вообще столько, сколько может уместиться. Каждая пара ссорится с соседней из-за строительных материалов, и все воруют друг у друга не только их, но утаскивают даже целые гнезда*. Вблизи местожительства грачей раздается непрерывное карканье и гвалт, и черное облако грачей затемняет воздух.

Наконец наступает некоторый покой: каждая самка снесла и насиживает свои 4—5 яиц; они в среднем 38 мм в длину, 27 мм в поперечнике, бледно-зеленые, испещренные пепельно-серыми и темно-коричневыми пятнами. Но скоро вылупляются птенцы, и гам удваивается или утраивается — птенцы желают кушать и умеют очень понятно выражать свои чувства всевозможными неприятными звуками. В это время буквально невозможно стоять вблизи подобного поселения грачей. Гвалт затихает только ночью; но он начинается как раз перед рассветом и непрерывно продолжается весь день и долго спустя после захода солнца. Кто вздумает посетить подобное поселение грачей, тот будет тотчас так же измаран их известковым пометом, как почва вокруг него, на которую страшно взглянуть: сверху падает непрерывный дождь помета. К этим неприятным свойствам надо прибавить еще упоминавшееся выше упрямство грачей. Их не так-то легко прогнать. Можно отбирать их яйца и птенцов, можно стрелять их сколько душе угодно, все это ни к чему не ведет — они снова возвращаются. С удовольствием вспоминаю я усилия Лейпцигской городской думы избавиться от грачей, поселившихся на высоких тополях тамошнего парка. Сначала пустили в дело стрелков и вооруженную силу — ничто не действует. Тогда, по-видимому с отчаяния, прибегли к последнему средству: развернули кроваво-красное революционное знамя. Буквально так: красные флаги весело трепетали по ветру рядом и под гнездами грачей на страх и ужас всех мирных граждан. Но грачи не побоялись и подозрительного красного цвета. Только когда принялись упорно и постоянно разорять их гнезда, грачи бросили наконец это место. Конечно, многие проступки грачей далеко не способствуют тому, чтобы нерассудительные люди могли их любить. Но кто оценит их пользу, тот охотно оставит их в покое, по крайней мере хоть в полевых рощах, удаленных от жилья.

Как ни велика масса грачей, населяющая их гнездовья, но ее нельзя и сравнивать с массами, в которые грачи иногда собираются во время зимних перелетов. Тысячи присоединяются к тысячам, и это полчище все растет и растет по мере продолжительности перелета.

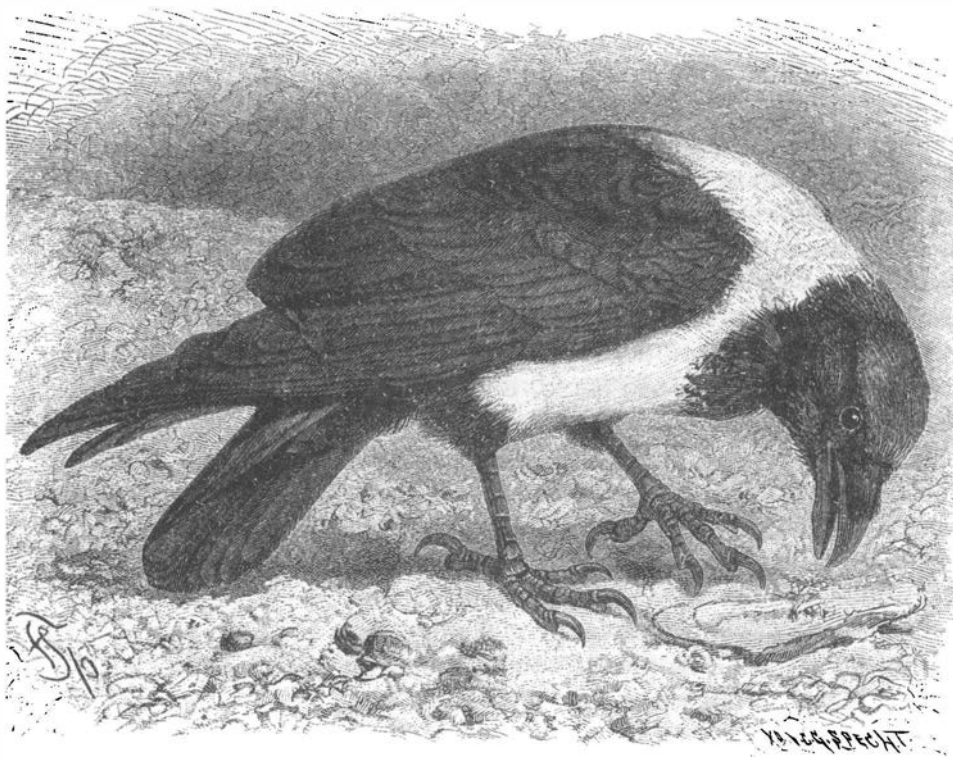
Во время перелетов грачи выказывают все свое умение летать. Через горы стая обыкновенно летит низко, а через долины часто на большой высоте. Вдруг одному грачу вздумается спуститься на 300—100 м, и он делает это не медленно и спокойно, а внезапно, со свистом, словно безжизненное тело падает с большой

высоты на землю. За первым грачом тотчас следует много других, иногда вся стая, и тогда воздух наполняется далеко слышимым шумом. Внизу, долетев почти до земли, грачи задерживаются и снова спокойно летят дальше, затем постепенно снова поднимаются все выше и выше и не более как через четверть часа летят в высочайших воздушных слоях, являясь глазу в виде маленьких точек.

У грачей те же враги, что и у родственных им видов. В неволе грачи менее интересны и привлекательны, чем ворон и галка, и потому их реже держат в клетках. В некоторых местностях молодые вороны всех видов охотно употребляются в пищу беднейшим населением; они вообще представляют далеко не дурное кушанье. Мясо старых птиц, конечно, никуда не годится, но все-таки и его едят в некоторых бедных частях (Германии), и даже кое-где оно играет весьма важную роль в хозяйстве жителей. Недавно в охотничьем журнале «Der Weidmann» Е. Доберлейт подробно описал ловлю и потребление ворон на Куришгафской косе. Нашему очевидцу сначала показалась совершенно невероятной ловля ворон массами в сети, чтобы солить их на зиму; но он мог лично убедиться в совершенной справедливости этого. «Я должен заметить здесь в виде пояснения, — пишет Доберлейт, — что ловля грачей во время перелета ведется местными жителями как промысел, или скорее они вынуждены к этому. Бедные рыбаки Куришгафской косы часто живут по многу дней и недель без сообщения с материком, как это было, например, в прошлую зиму. Несмотря на огромные усилия, им приходится очень мало или почти совсем не ловить рыбы в Гафе, так как страшные снежные заносы и необыкновенная толщина льда сами по себе не допускают рыбной ловли. Поэтому рыбакам приходится изыскивать другие источники пропитания, чтобы кое-как просуществовать зимой. В прежние времена в числе приношения от прихожан пастору относилось и определенное число ворон, как уверял меня один тамошний пастор. Для ловли грачей по всей косе устроены так называемые вороньи шалаши из еловых ветвей. Во время моей охотничьей поездки от Кранца до Розиттена я насчитал их 245 штук. Перед шалашами раскладываются довольно большие сети, усеянные для приманки мелкой рыбой; кроме того, употребляются сети с приманкой из живых ворон, привязанных на веревочках к столбам. Сети сверху присыпаются мелким песком, чтобы сделать их невидимыми. Так как грачи летят вдоль косы тысячами тысяч из Швеции, Норвегии и особенно из России, то удастся без особых хлопот ловить их массами. Когда мы после короткого странствования прибыли на место ловли, сети уже были поставлены, приколы укреплены в песке и приманка разбросана. Мы скрылись в своих шалашах; прошло очень мало времени, как раздался крик передовых грачей, влетевших в сеть и сбросившихся на приманку. За ними следовали все новые и

новые. Когда сеть достаточно наполнилась, ловец дернул шнур — и несколько дюжин черных птиц оказались пойманными. Тогда человек быстро бросился вон из шалаша и начал безжалостно разбивать птицам черепа. Это надо делать как можно скорее, потому что пленники поднимают отчаянный гвалт, на который слетаются сотни их братьев, чтобы отомстить за них или по крайности пропеть им отходную. Ловцы так проворно убирают убитых грачей и снова настораживают сети, что и не заметишь, как та же история начинается снова; проворство ловцов тем удивительнее, что в сыпучем песке чрезвычайно трудно быстро действовать. Ловля продолжается весь день; вечером появляются носильщики и уносят добычу домой. Там грачей шпарят в кипятке, очищают, потрошат, солят и складывают в бочки про черный день.

Пегий ворон
(*Corvus albus*)

Так образуется зимний запас продовольствия жителей этих негостеприимных песчаных дюн».

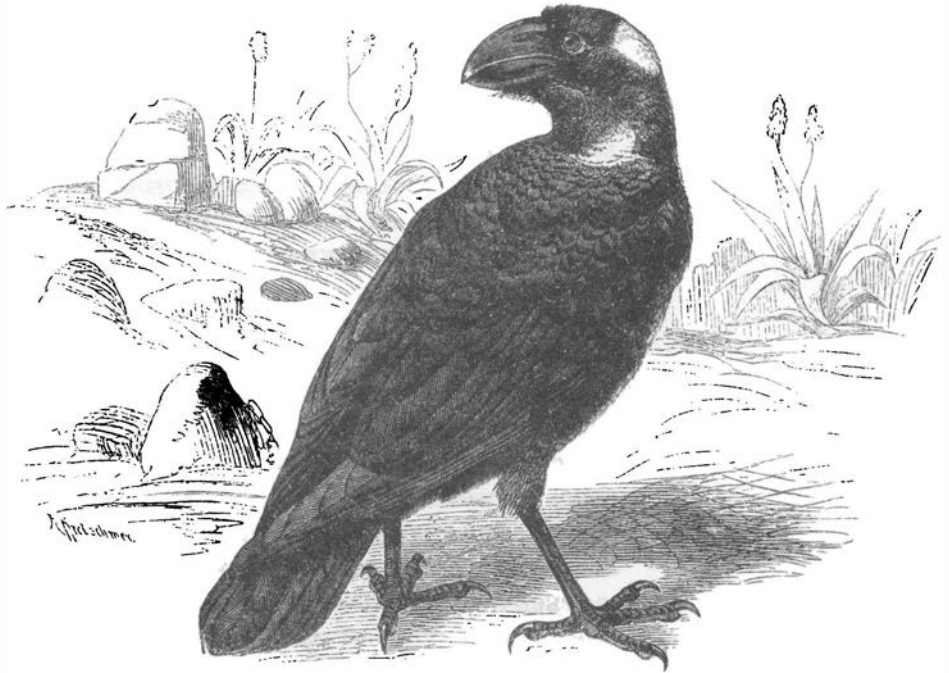
Пегий ворон (*Corvus albus*). В Африке к югу от 18 градуса северной широты мы прежде всего встречаем одного очень замечательного по своему оперению ворона, маленького и со слабым клювом, распространенного по всей Африке и на Мадагаскаре. Это вышеназванный пегий ворон. Он блестяще-черного цвета, но на груди, брюхе и

нижней части затылка имеет широкую ослепительно белую полосу. Темные перья сверкают, светлые блестят как атлас. Глаза светло-карие. Клюв и ноги черные. Длина тела 45—50 см, длина крыла 35, длина хвоста 16 см. Область распространения этого ворона простирается от уровня моря до 4000 м высоты. Он часто попадается, если не представляет самую обыкновенную птицу, во всем Судане и в низменностях Абиссинии. На равнинах он встречается всюду, напротив того, в горах во многих местах его совсем нет. Я встречал пегого ворона обыкновенно парами; иногда, впрочем, несколько пар соединяются в маленькую стайку, которая, однако, никогда не остается долго в сборе. Большими стаями я

его не замечал. Гартман говорит, что эта птица напомнила ему сороку не только своим оперением, но и своим веселым нравом. Со своей стороны мне кажется, что она больше походит на нашего ворона, чем на всех остальных родичей. Полет пегого ворона легок, ловок, очень быстр и похож на парение хищных птиц; при этом птица великолепно выглядит: острые маховые перья и округленный хвост придают ей нечто почти соколиное, а белое пятно на груди сверкает издали. Походка серьезна и полна достоинства, но при этом легка и быстра. Голос — нежное «курр». Во всех местностях, где часто встречается пегий ворон, он живет в дружбе с людьми.

Другим достойным африканским представителем ворон является **грифовая ворона** (*Corvus crassirostris*). Важнейшие отличительные признаки ее следующие: клюв огромной величины — длина его превосходит длину головы; он необыкновенно толст, сверху и снизу сильно согнут, с боков вдавлен, у основания он снабжен широкими плоскими бороздками; щетин у основания клюва нет. Хвост сильно ступенчатый. Грифовая ворона достигает длины 70 см, длина крыльев 47, длина хвоста 24 см. На боках шеи оперение угольно-черное с темно-пурпуровым отливом. Остальное оперение сине-черного цвета.

Гейглин обстоятельно описывает жизнь этой гигантской вороны. Она живет в горах северо-восточной Африки, в Абиссинии и в гористых частях Сомали. К западу она, по всей вероятности, распространена глубоко внутрь Африки, но оседлой является лишь в местностях не ниже 1200 м над уровнем моря и до снеговой линии. Она живет на плоскогорьях, преимущественно вблизи загонов для скота, держится попарно или маленькими стайками и нисколько не боится человека. Подобно своим родичам, она много бегаёт по земле и летает над пастбищами, полями и селениями; редко садится на деревья, а чаще отдыхает на отдельно стоящих скалах или на кровлях жилищ, зорким глазом наблюдая окрестности. Нередко также слышится ее грубый крик, похожий

Грифовая ворона
(*Corvus crassirostris*)

на крик ворона, или ее относительно слабый трещащий призывный голос.

Будучи общительна и уживчива, как большинство остальных ворон, грифовая ворона живет в доброй дружбе с питающимися падалью птицами, но не позволяет им отгонять себя от падали. В случае нужды она питается жуками и другими насекомыми, по всей вероятности, и всевозможными плодами, но главная ее пища состоит из мясных отбросов и костей. Ради них она посещает селения, следует за стадами и за войсками. Во время похода англичан против племени галла, в котором Гейглин участвовал наполовину по принуждению, грифовая ворона постоянно следовала за войсками вместе с разными грифами и еще одним видом ворон. Путешественнику нередко случалось видеть ее сидящей на человеческих трупах, которым она сначала выклевывала глаза и затем раздирала тело. Хотя наш очевидец никогда не наблюдал, чтобы грифовая ворона нападала на живых животных, но он несколько не сомневается в этом.

Обыкновенная галка (*Corvus monedula*) является карликом среди наших ворон и представительницей особого рода, отличающегося коротким и сильным, но мало согнутым клювом. Длина галки 33 см, размах крыльев 65, длина крыла 22, длина хвоста 13 см. Оперение на лбу и темени темно-черное, на задней части головы и затылке пепельно-серое, на остальном теле сверху синевато-черное, а на нижней части тела аспидного цвета или черновато-серое; вокруг глаза серебристо-белое кольцо; клюв и ноги черные. У молодых галок цвет оперения более грязный, а глаза серые.

Галка, подобно другим воронам, встречается не только в большей части Европы, но и во многих местах Азии, распространяясь к северу по крайней мере до границы хлебопашества. Галка является гнездящей птицей также в гористых частях Туркмении и до западной части Гималайского хребта. Зимой она появляется в большом количестве в Пенджабе. На юге Европы галка более редка, чем в Германии; но нигде не встречается она столь часто, как в России. В тех местностях, где водится галка, она обыкновенно поселяется в старых городских башнях или других высоких строениях, стены которых представляют удобные места для устройства гнезд. Кроме того, галка встречается в лиственных лесах, на полях, в рощах с дуплистыми деревьями. В России галка во множестве живет во всех селениях и является живописным украшением деревянных изб; она гнездится под черепичными крышами, за отворенными ставнями окон, на колокольнях и вообще всюду, где найдет углубление или дыру, способную вместить ее гнездо.

Галка веселая, живая, ловкая и умная птица. Она умеет сохранять свое веселое расположение духа при всевозможных обстоятельствах и действительно оживляет местность, где водится.

Будучи необыкновенно общительной, она соединяется в большие стаи не только с другими особями того же вида, но примешивается также к стаям других ворон, именно к грачам, предпринимает даже с ними зимние перелеты и в угоду им летит возможно медленнее; сама же галка очень ловка в полете и в этом смысле больше походит на голубя, чем на ворону. Ей так легко летать, что она очень часто развлекается всевозможными смелыми упражнениями в воздухе, поднимается и опускается без всякой цели и надобности и выделывает разнообразные забавные штуки. Она так же умна, как ворон. Ее призывный крик — вполне благозвучное «йек» или «дък»; в других случаях она кричит «крэ» или «крие». Ее «йек-йек» в высшей степени похоже на призывный крик грача, что может также служить причиной дружбы этих птиц. В период любви галка премило болтает. Голос ее вообще гибок и богат модуляциями, чем объясняется, что она без особенного труда выучивается выговаривать человеческие слова или подражать другим звукам, например пению петуха. Относительно пищи галка ближе всего стоит к грачу. Главную массу ее пищи, несомненно, составляют всевозможные насекомые, улитки и черви. Насекомых подбирает она на лугах и полях или на спинах более крупных домашних животных. Она следует за пахарем, доверчиво шагая за плугом. Галка умеет ловко ловить мышей и молодых птиц, а яйца принадлежат к ее любимейшим кушаньям. Не менее охотно ест она растительные вещества, именно: хлебные зерна, концы листьев хлебных злаков, клубни, прорастающие и спеющие овощи, плоды, ягоды и т. д. Поэтому в садах и фруктовых насаждениях галка может приносить если и не особенно чувствительный, но все-таки заметный вред. В России она также ест зерна на скирдах и гумнах; но мне кажется сомнительным, вправе ли мы поэтому причислять ее к преимущественно вредным птицам; я, напротив, готов считать, что польза, приносимая ею полям, по крайней мере равняется приносимому ею вреду, если не превосходит его. Поздно осенью галки улетают от нас вместе с грачами и в одно время с ними снова появляются на родине. В России далеко не все галки улетают на зиму, как бы сурова она ни была.

Во время своих зимних перелетов галки достигают северо-западной Африки, северо-западной Азии и Индии.

Сорока (*Pica pica*) достигает длины 45—48 см, размах крыльев 55—58, причем надо считать 26 см на хвост и по 18 см на крыло. Голова, шея, спина, горло, зоб и верхняя часть груди блестяще темно-черные, на голове и спине с зеленым отливом; плечи и более или менее явственная, часто лишь едва обозначенная поперечная полоса на спине и нижней части тела белого цвета; маховые перья синие, наружный их край зеленый, покровные перья больших маховых перьев тоже зеленые, изнутри маховые перья по большей части белые и только на конце темные; рулевые пе-

** Однако обширные облесенные территории Средней и Восточной Сибири и севера Дальнего Востока (бассейны рек Лены, Яны, Индигирки, Колымы) сорокой не заселены. Но она гнездится на Камчатке и в западной половине Северной Америки от Аляски на юг почти до Мексики.*

рья темно-зеленые, на конце черные, повсюду с металлическим, часто медным отливом. Глаза карие, клюв и ноги черные. У молодых оперение такое же, но тусклое и лишенное блеска. Область распространения сороки охватывает Европу и Азию от северной границы лесов до Персии и Кашмира*. Сорока по большей части избегает высоких гор, безлесных равнин и обширных лесов. Любимейшими ее местопребываниями являются полевые рощи, опушки лесов и сады. Она охотно поселяется по соседству с человеком и там, где ее не трогают, становится необыкновенно доверчивой или, правильнее, назойливой. В Скандинавии, где сороку до некоторой степени считают священной местной птицей, она поселяется не в садах, но в самих дворах и строит гнездо под крышами, на выступах, устроенных нарочно для нее. Там, где она водится, сорока представляет в полнейшем смысле слова оседлую птицу. Она живет на небольшом участке и никогда его не покидает. Если ее истребить на землях, принадлежащих одному селению, то проходит долгое время, прежде чем она снова постепенно заселит этот район. Только зимою сорока совершает более далекие перелеты, но все-таки весьма незначительные. Хотя по образу жизни и поведению сорока во многом напоминает ворон, она во многих отношениях существенно отличается от своих родичей. Она ходит шагая, почти как ворон, но иначе держит тело — поднимает длинный хвост и покачивает им, как дрозд или малиновка. Ее тяжелый полет, требующий частых взмахов крыльев, совершенно отличается от полета собственно ворон и уже при относительно сильном ветре становится неверным и медленным. Ворон целыми часами летает для своего удовольствия, сорока употребляет крылья только по нужде. Она никогда не перелетает без надобности даже с дерева на дерево или с куста на куст.

Ее внешние чувства, по-видимому, остры, как у ворон, а по уму она им нисколько не уступает. Она точно различает опасных и неопасных ей людей и животных. По отношению к первым сорока всегда настороже, относительно же вторых дерзка, а при случае и жестока. Будучи общительной, как все птицы ее семейства, сорока охотно присоединяется к вóронам и ворóнам. Также любит летать с ореховками, но охотнее всего соединяется с другими сороками в большие или меньшие стаи, которые охотятся сообща и вообще теснейшим образом взаимно разделяют горе и радость.

Питается сорока насекомыми, червями, улитками, всевозможными мелкими позвоночными, плодами, ягодами, полевыми хлебами и зернами. Весной она становится очень вредною, потому что безжалостно разоряет гнезда всех слабейших птиц и может буквально опустошить самый богато населенный сад. Сорока также очень вредит птичьим дворам, фазанятникам и пернатой дичи. Она ловит даже старых птиц, захватывая их врасплох, по словам Наумана, потому что постоянно держится в их обществе, приуча-

ет не бояться себя и таким образом обманывает насчет их безопасности. Точно так же сорока часто охотится за мышами и ловит и пожирает много вредных насекомых, улиток и разных бесполезных червей; но все-таки сорока всюду является столь разбойничьей птицей, что, несомненно, должна быть причислена к вредным животным.

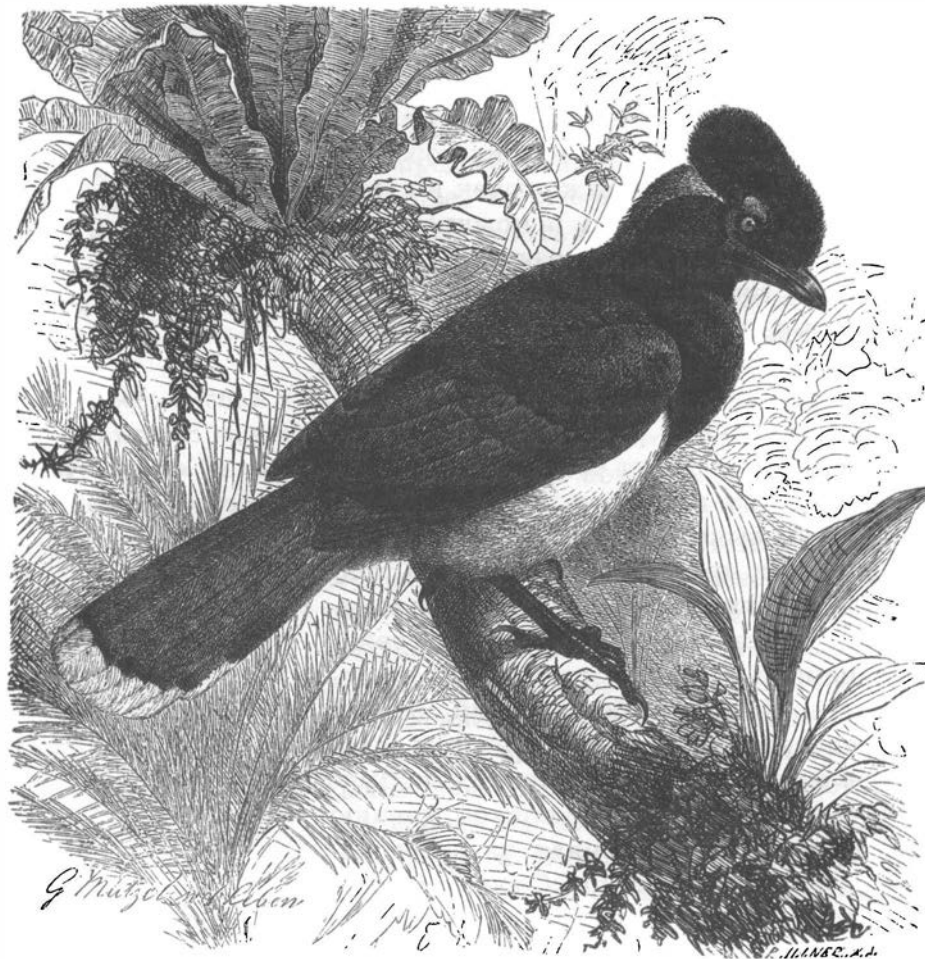
Норвежцы утверждают, что сорока в ночь на Рождество Христово приносит первую ветвь для своего гнезда; в Германии это делается обыкновенно не раньше конца февраля. Гнездо строится у нас на вершинах высоких деревьев, а в низких кустах лишь там, где сорока чувствует себя вполне безопасной. Основание гнезда делается из жестких ветвей и колючек, на это кладется толстый слой глины и только затем выделяется собственно гнездо, очень тщательно сплетенное из тонких кореньев и волос. Все гнездо сверху покрывается кучей колючек и сухих ветвей, причем оставляется сбоку выход; эта крышка хотя прозрачна, но совершенно предохраняет насиживающих птиц от возможных нападений хищных птиц. Сорока кладет 7—8 яиц*, в среднем 33 мм длиной, 23 мм в поперечнике, усеянных бурыми пятнами по зеленому полю. После насиживания в течение трех недель вылупляются птенцы. Оба родителя обильно кормят их насекомыми, земляными червями, улитками и мелкими позвоночными. Родители необычайно любят свою детвору и никогда не бросают ее. Сороки, взятые из гнезда молодыми, необыкновенно ручнеют. Они легко выкармливаются мясом, хлебом, творогом, свежим сыром. Они привыкают вылетать и прилетать, выучиваются фокусам, насвистывать песни и выговаривать некоторые слова и тогда доставляют много удовольствия. Но также они доставляют немало неприятностей своею страстью воровать блестящие вещи. Человек, оберегающий мелких птичек, рано или поздно становится отъявленным врагом сороки и беспощадно изгоняет ее из охраняемой им местности. Также и суеверия вооружают человека против сороки: по мнению суеверных людей, убитая в марте и повешенная на дверь конюшни сорока удаляет от скота мух и болезни. Сорока, убитая между Рождеством и Крещением, сожженная и истолченная в порошок, есть, говорят, верное средство от падучей болезни. Либе, из превосходного сочинения которого «Гнездующие птицы Тюрингии» я заимствую эти данные, полагает, что последний предрассудок существенно содействовал уменьшению числа сорок, прежде изобиловавших в Тюрингии, — так много их было убито, сожжено и истолчено для получения порошка, излечивающего падучую болезнь. Кроме человека опасными врагами этой хитрой и смелой птицы являются лишь более сильные хищные птицы. Больше всего достается ей от ястреба-тетеревятника, от нападения которого спасает ее лишь густой кустарник. Пойманная ястребом сорока, по наблюдениям Наумана, жалобно кри-

Семейство врановые

* Кладки сорок могут содержать от 3 до 10 яиц, обычно они состоят из 5—7 яиц.

* Другое русское название этого вида — голубая хохлатая ворона

Плюшевоголовая
разноцветная сойка
(*Cyanocorax chrisops*)

чит и пытается защищаться, жестоко кусаясь; но что попало в когти ястребу, тому не жить.

Плюшевоголовая разноцветная сойка* (*Cyanocorax chrisops*) представляет собой распространеннейший вид рода. Длина ее достигает 35—37 см, размах крыльев 45, длина крыла 15, а хвоста 17 см. Лоб, уздечка и верхняя часть головы, бока шеи, горла и передняя часть шеи вниз до груди угольно-черного цвета. Затылок, спина и перья крыла и хвоста, поскольку последние не прикрыты маховыми перьями, ультрамаринового цвета, а у

основания черного. Нижняя часть груди до гузки, большие кроющие перья крыла и конец хвоста желтовато-белые. Под и над глазами находятся широкие полулунные пятна небесно-голубого цвета. Пятна часто имеют серебристую кайму. Глаза желтые. Клюв и ноги черные.

Область распространения охватывает всю более теплую часть Южной Америки, простираясь на юг до Парагвая. Здесь эта птица была превосходно описана Гудзоном. Разноцветная сойка, называемая испанцами урака (сорока), облада-

ет короткими крыльями, длинным хвостом, плотным оперением и ногами, отлично приспособленными для лазанья; все это показывает, что она отнюдь не является природной жительницей пампасов, но, вероятно, постепенно распространилась здесь из своих родных лесов. И действительно, она встречается в пампасах только там, где есть деревья. Зимой разноцветная сойка является самой несчастной птицей в пампасах, потому что, по-видимому, более всех других страдает от холода. Каждый вечер стая из 10—20 штук садится на толстые ветки защищенного от ветра дерева. Птицы спят, так тесно усевшись одна подле другой, что образуют

одну сплошную массу. Нередко иные буквально усаживаются на спину других, образуя живую пирамиду. Несмотря на это, для многих из них холод оказывается роковым — нередко находят замерзших или отмороженных разноцветных соек под местом их ночевки. Если утро хорошее, они собираются на высоком, освещаемом солнцем дереве, усаживаются здесь на ветки с восточной стороны, расширяют крылья и с удовольствием потягиваются под солнечными лучами; в этом положении они остаются неподвижно час или два, пока кровь снова согреется и оперение обсохнет от росы. Также в течение дня птицы эти часто греются на солнце и вечером ловят его последние лучи на западной стороне деревьев. С началом теплой весенней погоды урака ведет себя совсем по-другому, чем раньше. Они становятся оживленными, крикливыми и веселыми. Вся стая непрерывно перелетает с места на место. Каждая птица бесцельно летает вокруг своих товарищей, и все они постоянно жалобно кричат. По временам иная из них издает свое пение: ряд продолжительных свистящих звуков, из которых первые издаются сильно и громко, а остальные все глуше и глуше, пока все пение сразу не обрывается на внутреннем глубоком придыхании или ворчании, похожем на храп человека. Если кто-нибудь приближается к стае, то птицы кричат так невыносимо громко, пронзительно и упорно, что потревоживший их, будь он человек или животное, обыкновенно рад поскорее убраться от этих крикунов. Впрочем, во время насиживания слышится также нежная и приятная болтовня, издаваемая, по всей вероятности, самцом. Стаи в это время снова разделяются на пары, и разноцветные сойки становятся крайне недоверчивыми. Гнездо их устраивается на высоком колючем дереве; оно строится из очень толстых ветвей, но по большей части так жидко и небрежно, что через него видны насквозь яйца, а иногда они даже проваливаются. Гораздо реже встречаются гнезда лучшей постройки, выстланные внутри перьями и сухими или зелеными листьями. Кладка состоит из 6—7 очень больших относительно птицы яиц; очень часто их бывает даже больше. Однажды Гудзон нашел 14 яиц в одном гнезде, и так как он наблюдал птиц с начала постройки гнезда, то мог достоверно засвидетельствовать, что яйца снесены одной парой. Основной цвет яиц — прекрасный небесно-голубой, но яйца покрыты густо нанесенной белой, нежной известковой массой, которую вначале легко стереть или смыть. Непривлекательность птенцов разноцветных соек вошла в поговорку и по-испански «птенцом ураки» называют человека, лишеного всякого благообразия. Кроме своего безобразия, птенцы разноцветной сойки отличаются неопрятностью, так что гнездо, где их 6—8 штук, столько же малоприятно для глаз, как и для обоняния. Напротив того, крик птенцов производит веселое впечатление, так как основные звуки его напоминают пронзительный смех женщин. На свободе они едят преимущественно насекомых, но также

**Семейство
врановые**

* Кроме части Гималаев, эта сорока заселяет весь восточный Китай и целиком Индокитайский полуостров.

*Красноклювая
лазоревая сорока
(Urocissa
erythrorhyncha)*

пожирают всевозможных мелких млекопитающих, птиц и пресмыкающихся.

Красноклювая лазоревая сорока (*Urocissa erythrorhyncha*) может считаться одним из красивейших видов своего рода. Общая ее длина 53 см, крылья имеют 19, а хвост 42 см в длину. Голова, шея и грудь чисто черного цвета, за исключением белой долевой полосы, идущей по верхней части головы и по спине, и постепенно переходящей в синий цвет; спина и плечи светлого кобальтово-синего цвета; верхние кроющие перья хвоста такого же цвета, только на концах с широкими черными краями. Нижняя сторона, начиная с груди, беловатая с красновато-пепельным отливом; крылья блестящие кобальтово-синие, но внутренние бо-

родки маховых перьев черные; все перья имеют белые кончики; рулевые перья синие; средние из них с белыми концами; остальные перья белые и черные. Глаза красно-бурого цвета; клюв кораллово-красный; ноги бледно-красного цвета.

Красноклювая лазоревая сорока водится в западной части Гималайских гор, а на востоке ее заменяет другой, родственной ей вид. По наблюдениям Свинхое, она часто встречается в Китае, именно в лесах, окружающих Гонконг*. Она живет здесь в кустарниках, но держится большею частью на земле, где

и добывает главным образом свою пищу. Это весьма умное, внимательное существо, которое часто предостерегает других птиц и служит большою помехою для охоты хищных животных: случается, что иногда лазоревая сорока целые мили следует за леопардом и мешает его охоте. По Свинхое, ее полет походит на полет нашей сороки; он совершенно прямой и сопровождается постоянными взмахами крыльев, причем хвост держится горизонтально. При сидении на ветке сорока выпрямляется и часто машет хвостом. Призывный голос и крик предостережения выражаются у нее резкими звуками «пинк-пинк-пинк», к которым присоединяется громкое гоготанье. Когда раздается это гоготанье, все птицы стаи начинают быстро перелетать с дерева на дерево и успокаиваются только тогда, когда издали снова послышится созывающий их крик «пинк-пинк». По Давиду, пища лазоревой сороки состоит из насекомых и плодов. Любовь к последним нередко заводит ее в окрестности сел, но все же она не решается проникать в самые

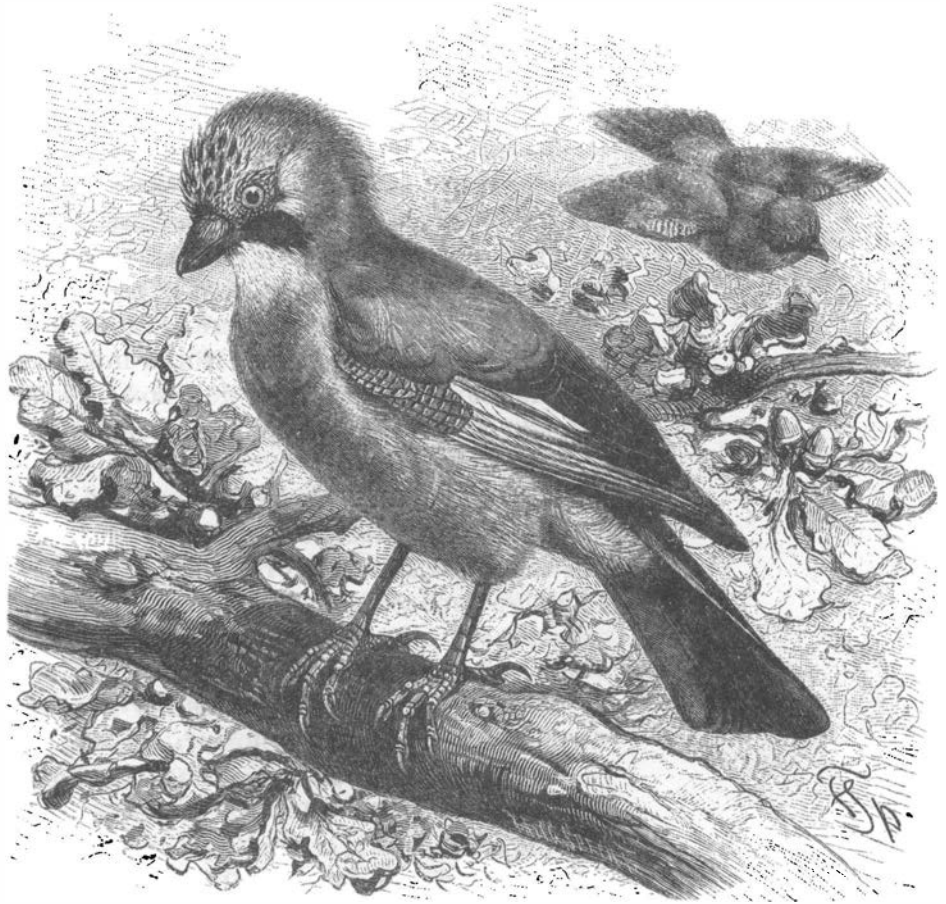
села, как это делает при подобных же обстоятельствах наша сорока.

Гнездо свое лазоревая сорока строит на деревьях, иногда очень низко над землею, а иногда на значительной высоте. Оно представляет собою довольно рыхло сплетенную постройку, состоящую из прутьев и высланную внутри корневыми мочками. Число яиц одной кладки достигает 3—5; окраска их матово-зеленовато-серая с крупными бурными пятнами, которые на широком конце сливаются в венчик.

В Китае эту птицу держат иногда в неволе и кормят тогда сырым мясом, мелкими птичками или птенцами, насекомыми и тому подобным. Оттуда привозят иногда живыми и в Европу экземпляры этой красивой птицы.

Наша сойка (*Garrulus glandarius*) имеет следующие отличительные признаки: сильный, короткий, чуть-чуть крючковатый клюв, умеренно высокие ноги с пальцами средней длины, снабженными сильно изогнутыми острыми когтями; короткие, сильно округленные крылья, умеренно длинный, отлого округленный хвост и роскошное, мягкое, шелковистое оперение, которое на голове состоит из узких перьев и удлинняется в виде хохолка.

Преобладающая окраска ее чудная красно-серая, на верхней стороне более темная, чем на нижней; перья хохолка белые, посредине с ланцетовидными черными пятнами, ограниченными голубоватою каемкою; горло белое; надхвостье и гузка белые; широкая и длинная полоса с каждой стороны нижней части щек бархатисто-черного цвета; верхние кроющие перья крыла внутри черные, снаружи голубые с белыми и темно-синими поперечными полосками, вследствие чего

Сойка
(*Garrulus glandarius*)

получается великолепный рисунок; хвостовые перья черные, в первой своей половине с более или менее яркими синими поперечными полосками. Глаза перлового цвета; клюв черный; ноги буровато-красно-мясного цвета. Длина птицы 34 см, размах крыльев 55, длина крыла 17, хвоста 15 см.

За исключением северных частей Европы, сойка водится во всех лесах этой части света. Она встречается решительно всюду, как в дремучих лесах, так и в рощах, как в хвойных, так и в лиственных лесах. Весною она держится парами, тогда как в остальное время года — семьями и группами и постоянно снует взад и вперед по известному, ограниченному пространству. Те местности, где нет дубов, она иногда покидает на неделю, даже на месяц; в общем же, впрочем, она по целым годам остается верна раз избранному местожительству. Сойка — беспокойная, живая, лукавая, даже в высшей степени хитрая птица; поступками своими она доставляет много удовольствия человеку, но также зачастую может причинить и досаду. Для собственного развлечения она принимает самые разнообразные положения, а также бесподобно умеет подражать разным голосам. На деревьях она проявляет большую ловкость, на земле движется тоже довольно проворно, но в полете плоха и потому не решается перелетать большие расстояния. Пока только есть возможность, она держится на деревьях и при полете через открытые местности пользуется каждым деревом, чтобы спрятаться там. Она находится в вечном страхе перед хищными птицами, которые только в лесу не могут добраться до нее, а во время далеких продолжительных перелетов тотчас же схватывают ее. Науман совершенно справедливо приписывает ее страху и ту особенность, что эта обыкновенно столь общительная птица никогда не совершает перелета через открытые поля стаями, а постоянно поодиночке, причем одна от другой держится на большом расстоянии.

В высшей степени забавна действительно замечательная способность сойки перенимать голоса других птиц; эта способность, несомненно, делает ее даровитейшею и забавнейшею из всех пересмешек.

К сожалению, сойка обладает свойствами, которые лишают ее расположения человека. Это всеядное животное в самом широком смысле этого слова и ужаснейший разоритель гнезд, какой только попадает в наших лесах. Начиная с мыши и птенчика до самого маленького насекомого, ни одно живое существо не обеспечено от ее нападения, а также она не пренебрегает яйцами, плодами, ягодами и т.п. Осенью по целым неделям пища ее состоит исключительно из желудей, буковых и других орехов. Желуди она размягчает в зобу, затем отрывает и разгрызает; орехи же раскалывает, хотя не без труда, своим крепким клювом. Расхищением желудей она приносит некоторую пользу, так

как способствует распространению дубов. Во всем остальном она не только не полезна, но даже вредна.

Ленц считает ее главным истребителем гадюки и дает подробное описание, как она, схватив молодых гадюк, при случае разбивает им головы и затем съедает их с большим удовольствием, как она осиливает даже взрослых змей, причем удачно избегает действия их ядовитых зубов, когда ударами своего клюва разбивает голову гадюки с такою уверенностью, что та тотчас же теряет сознание и через несколько минут умирает от быстро следующих один за другим ударов. Вследствие этих геройских подвигов наш натуралист ставит сойку так высоко, что даже воспеваает ее в прекрасном стихотворении. Но, к сожалению, ее хищная деятельность распространяется не только на одних ядовитых змей, но также и на многих в высшей степени полезных маленьких пернатых. Ее хищничество опасно как старым, так и малым. Брат Наумана застал однажды сойку за удушением самки певчего дрозда, матери многочисленного семейства, которая, по-видимому, пожертвовала собою из любви к детям; впоследствии тот же наблюдатель был свидетелем, как сойка с ловкостью настоящего хищника охотилась за молодыми куропатками.

Время размножения сойки совпадает с первыми весенними месяцами. В марте пара начинает постройку гнезда, а в начале апреля завершается уже кладка. Гнездо редко устраивается высоко над землю; оно находится или на верхушке низкого дерева, или на более высоком, то подле самого ствола, то на крайних ветвях. Оно не особенно велико, внизу состоит из нежных, тонких прутьев, затем из вереска или сухих стеблей, а внутри очень красиво выстлано тонкими корешками. 5—9 яиц, составляющих кладку, имеют 30 мм в длину, 23 мм в толщину и по грязно-желто-белому или бело-зеленоватому фону повсюду испещрены серо-бурыми крапинками и точками, которые на тупом конце обыкновенно сливаются в венчик. После 16-дневного высиживания вылупляются птенцы, которые сначала вскармливаются гусеницами и личинками, жуками и другими насекомыми, червями и т.п., а впоследствии преимущественно маленькими птенчиками. При естественных условиях пара высиживает только раз в год.

Злейшим врагом сойки является ястреб, а затем перепелятник. Первый легко овладевает ею, второй же — после продолжительной борьбы. Нам часто доставляли перепелятника и сойку, которые в подобной борьбе впивались друг в друга когтями и в таком виде падали на землю, где их и ловили. При перелете к отдельно стоящим дубам сойка делалась добычей сапсана. По ночам на нее нападает филин, а может быть, также и серая сова; гнезда их, наконец, разоряют куницы. Других опасных врагов это вооруженное общество, по-видимому, не имеет; поэтому размножение соек происходит в угрожающей степени. Закаленная про-

Семейство врановые

тив влияния непогоды, неразборчивая в пище, умная, сообразительная и хитрая, эта птица умеет избегать всякие опасности. Четвероногих преследователей она замечает обыкновенно прежде, чем те ее, и своим продолжительным преследованием и ужасным криком часто мешает их охоте. В отношении человека она проявляет большую осторожность и, если хоть раз была запугана, становится необыкновенно робкою; вместе с тем она часто насмехается над охотниками и раздражает их, разгоняя своим криком других животных.

На северных и восточных границах области распространения нашей сойки начинается местожительство *кукши* (*Perisoreus infaustus*)*. От предыдущего вида она отличается прежде всего очень тонким клювом; кроме того, отличительными признаками служат ноги с короткою плюсною, несколько ступенчатый хвост и очень мягкое лучистое оперение, которое на голове не удлиняется в хохолок. Окраска его на верхней части головы и затылке черная, как сажа, на спине и плечах темно-свинцово-серая, на задней части спины и на надхвостье рыжая, на подбородке, горле и груди чуть-чуть зеленовато-серая, на брюшке и гузке красноватая; маховые перья внутри черные, как сажа, снаружи буровато-серые; большие кроющие перья крыла более или менее совершенно ярко-красно-бурые; малые покрывные перья буровато-серые; рулевые перья ярко-рыжие. Глаза темно-бурые; клюв и ноги черные. Длина птицы 31 см, размах крыльев 47, длина крыльев, как и хвоста, 14 см.

Область распространения кукши простирается от Финмаркена до острова Сахалина и от северных границ произрастания лесов до 60 градуса северной широты; в Сибири же еще южнее**. Отсюда она спускается по временам в более умеренные страны. В районе своего местожительства это довольно обыкновенная птица, хотя она и не так заурядна, как наша сойка. В лесах, покрывающих оба берега нижнего течения Оби, она составляет далеко не редкое явление, так как нам во время нашего кратковременного пребывания в той области случилось много раз встречать ее там. Пребыванием своим она избирает, по-видимому, местности, где деревья растут на влажной почве и покрыты, кроме того, волокнистым лишайником. Здесь ее можно заметить разве только по крику. В лесу она снует парами или маленькими обществами, пророчно обыскивает деревья и летит дальше.

По своим привычкам и образу жизни кукша в высшей степени приятная птица; она походит на сойку. Она летает необыкновенно легко и тихо, словно скользит по воздуху, причем красные хвостовые и маховые перья выказываются во всем блеске. Дальних перелетов кукша также не может предпринимать и летает, насколько я мог наблюдать, постоянно только с одного дерева на другое или, самое большее, через просеку в лесу до ближайшей чащи. По ветвям она прыгает очень быстро и ловко, сопро-

* Иллюстрация на
стр. 566

** На востоке европейской части нашей страны кукша распространена к югу до 57—55° с.ш., в Средней и Восточной Сибири — до 50° с.ш., на Дальнем Востоке — вплоть до долины Амура и севера Приморского края.

вождая каждый прыжок участием крыльев, причем или лазает большими скачками, или буквально скользит вдоль ветки; с не меньшею ловкостью цепляется она также за долевые сучья дерева, хотя большею частью висит в косом направлении по способу дятла и таким образом высматривает себе добычу.

Самец и самка, равно как и птицы одной группы, связаны между собой верной дружбой.

Относительно пищи кукша оказывается настоящей сойкой, потому что она такая же всеядная птица в полном значении этого слова. Осенью и зимой пища ее состоит главным образом из ягод и семян преимущественно хвойных деревьев. Все убитые нами экземпляры имели в желудках своих исключительно ягоды и остатки насекомых. Зимой, когда глубокие снега совершенно покрывают кусты ягод, кукша находит себе убежище на хвойных деревьях. Она лазает по ветвям, как синица, разбивает шишки хвойных деревьев о крепкий сук и вытаскивает оттуда семена. Перед наступлением зимы она устраивает кладовые, в которых складывает значительные запасы зерен; но ей часто приходится терпеть от назойливости белок, мышей или дятлов и синиц, которые разворовывают ее запасы. В период размножения маленьких пернатых она становится таким же свирепым разорителем гнезд, как сойка, пожирает также взрослых мелких пташек и маленьких млекопитающих, которых может одолеть, ест вывешенное для вяления оленья мясо или пойманных в петли куропаток, не брезгует даже и падалью.

Нордвиг сообщил мне, что кукша, нередко встречающаяся в Варангер-фиорде, уже в марте приступает к постройке гнезда и птенцов выводит наипозднее в апреле. Оба родителя проявляют к своему выводку нежную любовь, стараются держаться в гнезде как можно тише, чтобы не обнаружить присутствие птенцов, а в случае опасности пускают в ход хитрость, чтобы обмануть врага и отвлечь его от гнезда; прыгают, например, на землю и бьются на ней, как будто у них отнялись крылья, чтобы показать охотнику, что они легко могут сделаться его добычей, а когда им удастся отвести его таким образом в сторону, мгновенно поднимаются и улетают, чтобы, сделав большой круг, вернуться к своим птенцам.

Голубая сойка (*Cyanocitta cristata*). Оперение верхней стороны в общем блестяще-синего цвета; хвостовые перья украшены тонкими темными полосками, а перья крыльев — отдельными черными пятнышками на концах; концы малых маховых перьев и больших кроющих перьев крыла, боковые хвостовые перья, а также нижняя сторона, начиная от груди, белые или серобелые. Боковые стороны головы бледно-голубые; кольцеобразная полоса, идущая от затылка, мимо глаз, в верхней части шеи, и узкая лобная полоска, продолжающаяся до глаз в виде уздечки, густого черного цвета. Глаза серо-бурые; клюв и ноги черно-бу-

рые. Длина птицы достигает 28 см, размах крыльев 41, длина крыльев 14, а хвоста 13 см.

Все натуралисты согласны в том, что голубая сойка — «blue jay», как называют ее американцы, составляет красу североамериканских лесов. Тем не менее птица эта имеет мало друзей. Она повсюду известна и везде довольно обыкновенна; в большинстве местностей она живет оседло и только в северных штатах появляется в виде перелетной птицы. Образ жизни ее более или менее тот же самый, что и у нашей сойки. Она предпочитает густые, средней высоты леса, хотя не избегает и высокоствольных, при случае залетает в фруктовые сады, беспрестанно порхает с места на место, ко всему внимательно присматривается и прислушивается, предостерегает других птиц и даже млекопитающих своим громким криком, подражает различным голосам, хищничает сообразно своей величине на больших пространствах — короче сказать, является во всех отношениях достойным представителем своего европейского родича.

Голубая сойка
(*Cyanocitta cristata*)

Американские естествоиспытатели дают обстоятельные сведения об образе жизни голубой сойки и, между прочим, рассказывают о ней забавные истории. Вильсон называет ее трубачом пернатых, потому что, заметив что-нибудь опасное, она начинает кричать во все горло, чем предостерегает всех других птиц. Если ей удастся открыть присутствие лисицы, енота или другого какого-либо хищника, то она докладывает об этом присутствии всему пернатому царству своего округа, созывает всех соек и ворон и тем приводит в ярость хищное животное. Сов она мучает до того, что те, елико возможно, спешат спастись бегством. Зато и сама она очень прожорливая и вредная хищная птица: она беспощадно разоряет все гнезда, какие только может найти, пожирает яйца и птенцов, даже нападает на раненых птиц значительной величины и довольно сильных млекопитающих. Пища ее состоит из всевозможных мелких млекопитающих и птиц, всяких насекомых, семян и т.п.

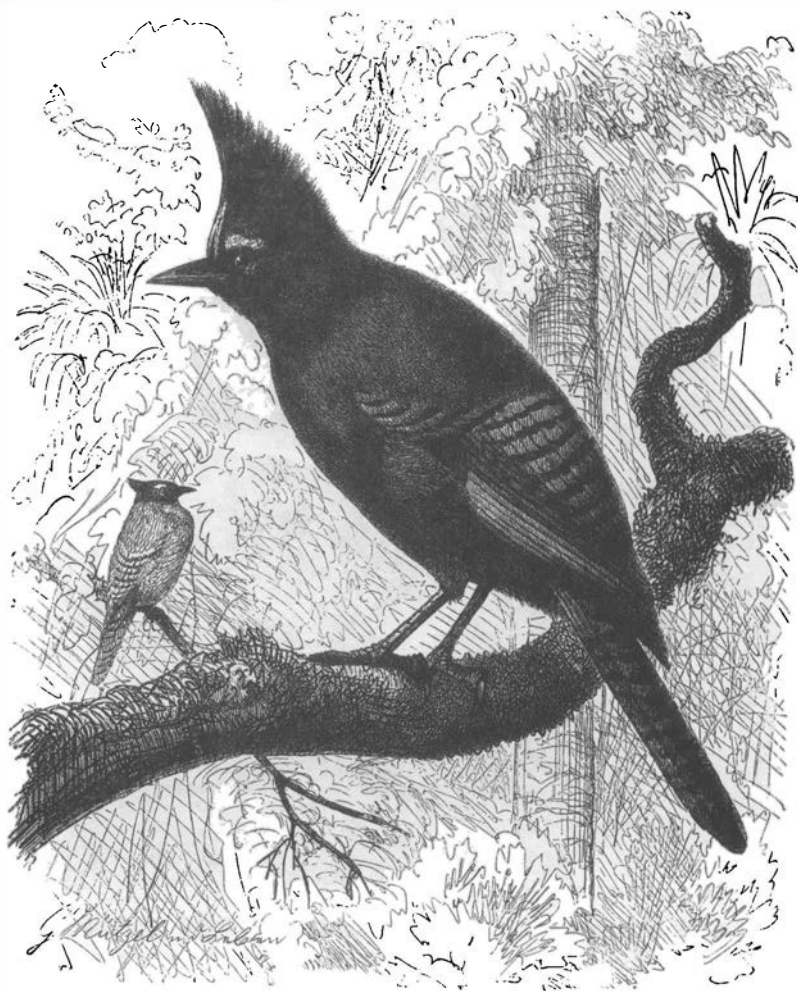
По словам Одюбона, это в высшей степени хитрая, лукавая и коварная птица.

Злейшими врагами голубых соек являются крупные виды соколов и, вероятно, также многие совы, живущие в Америке. С маленькими соколами голубые сойки, по словам Гергардта, часто заводят продолжительные битвы; но драки с этим ловким хищником, так же как и с перепелятником, вовсе не имеют кровопролитного характера, а скорее смахивают на игры. По мнению Гергардта, нападающей стороной бывает то сокол, то сойка.

В гористой Мексике голубых соек замещает, может быть, еще более красивый вид — **чубатая голубая сойка** (*Cyanocitta stelleri*), которая отличается в особенности своим высоким торчащим хохлом. Голова и хохол этой птицы ярко-синего цвета ультрамарина; передняя часть головы серебристо-кобальтово-голубого; передняя часть хохла ярко-голубого; щеки и ушные перья тускло-голубоватые; бровное пятно и другое — меньшее, круглое под глазом — белые; общая окраска верхней стороны зеленовато-голубая; на подбородке перья серовато-белые; остальные нижние части светлого кобальтово-голубого цвета; горло и грудь пурпуровосиние; крылья синие, темнее спины; большие маховые перья снаружи со светлыми, зеленовато-голубыми каемками; все большие покровные перья, малые маховые и темно-синие хвостовые перья с широкими черными каемками. Глаза бурые; клюв и ноги черные. Длина птицы 29 см, крылья и хвост имеют в длину по 14 см.

Относительно образа жизни чубатой сойки существуют разнообразные сведения. Так как американские орнитологи считают пять существующих там видов этих соек лишь разновидностями*, то нельзя с уверенностью сказать, которую из чубатых соек они имеют в виду. Общая характеристика их сводится к тому, что в районе своего местожительства эти птицы встречаются до

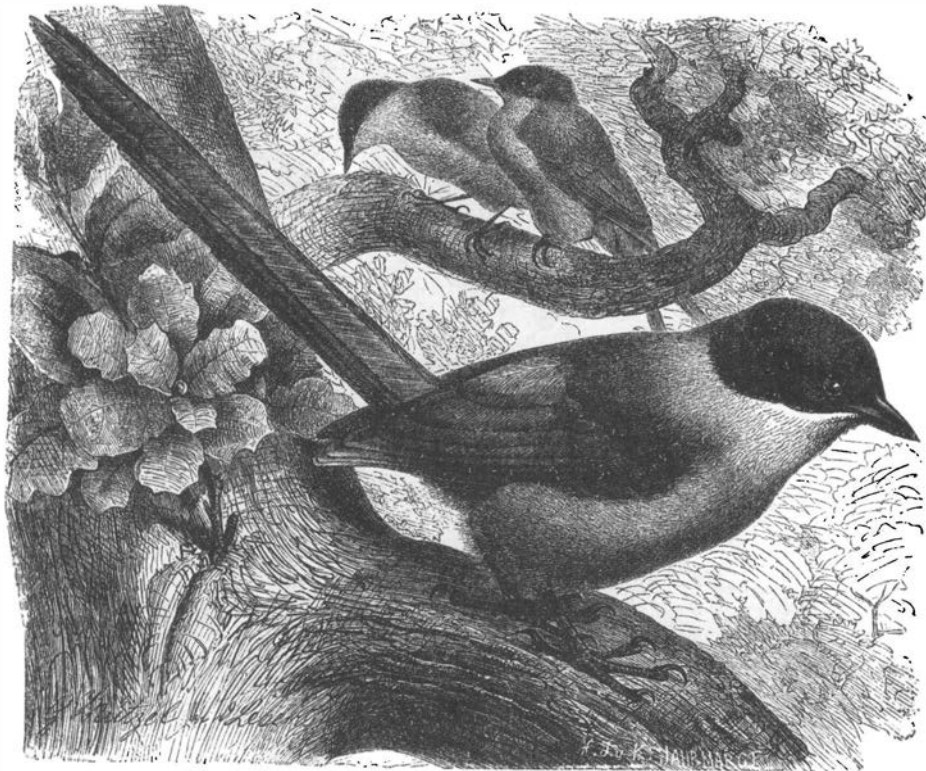
Семейство врановые

Чубатая голубая
сойка
(*Cyanocitta stelleri*)

* Сейчас выделяют только 4 разновидности чубатой голубой сойки, всем им придается ранг подвидов.

вольно часто. Она вовсе не из робких, отличается своею болтливостью и чрезмерным любопытством, чем в значительной степени способствует оживлению лесов, тем более что, подобно всем сойкам, удачно умеет подражать голосам различных птиц и заимствует от других пернатых своего округа отдельные части их песен. В продолжение лета они вовсе не покидают леса, зимою же, напротив, посещают населенные местности, держатся поблизости от жилья и с воровскою похотливостью высматривают себе что-нибудь съедобное. При своих воровских набегах они соблюдают совсем несвойственную им в обычное время молчаливость, как

Голубая сорока
(*Cyanopica cyanus*),

будто действительно сознают всю опасность своего рискованного предприятия. Зато в лесу они никогда не безмолвствуют и о всяком своем открытии, на которое наталкивает их неиссякаемое любопытство, оповещают весь мир громким криком; они любят также сопровождать путника, который появится в их редко посещаемых людскими пустырях, как будто интересуются его образом действий и желают наблюдать его.

Чубатая голубая сойка ест все съедобное, начиная с яиц, птенцов и маленьких птичек и кончая насекомыми; главную же ее пищу все-таки остаются различные растительные вещества, древесные семена, а также плоды и ягоды. В гористых местностях семена хвойных деревьев составляют довольно существенную часть питания этих соек, по крайней мере Каус очень часто заставал их за вышелушиванием еловых шишек; точно так же их нередко можно встретить в дубовых лесах и в кустах можжевельника, на кленовых деревьях и в ягодниках. Но где только она ни показывается, всюду возбуждает ненависть и страх в обществе мелких пернатых. Однако и у нее есть свои враги. Все маленькие тиранны и мухоловки, даже дятел, нападают на нее и обращают в бегство. Человек редко преследует ее, да и то без всякой ярости и ненависти, потому что внешняя красота этой птицы и ее резвый характер располагают в ее пользу даже больше того, чем она того заслуживает.

В южной и средней Испании встречается голубая сорока (*Cyanopissa cyanus*), которую можно считать одной из красивейших европейских птиц. Голова и верхняя часть затылка бархатисто-черные; спина и плечи бледно-голубовато-серые; горло и щеки серовато-белые; нижняя сторона светлая, чало-серая; крылья и хвост светлые голубовато-серые; большие маховые перья снаружи с белыми каемками. Глаза карие, клюв и ноги черные. Длина птицы 36 см, размах крыльев 42, длина крыльев 14, а хвоста 21 см. Самка на 3 см короче и немного тоньше. У птенцов вся окраска тусклее; черный цвет головы и синих маховых и рулевых перьев незаметны, серый цвет нижней части головы неясен, а по крыльям проходят две серые, не бросающиеся в глаза полосы.

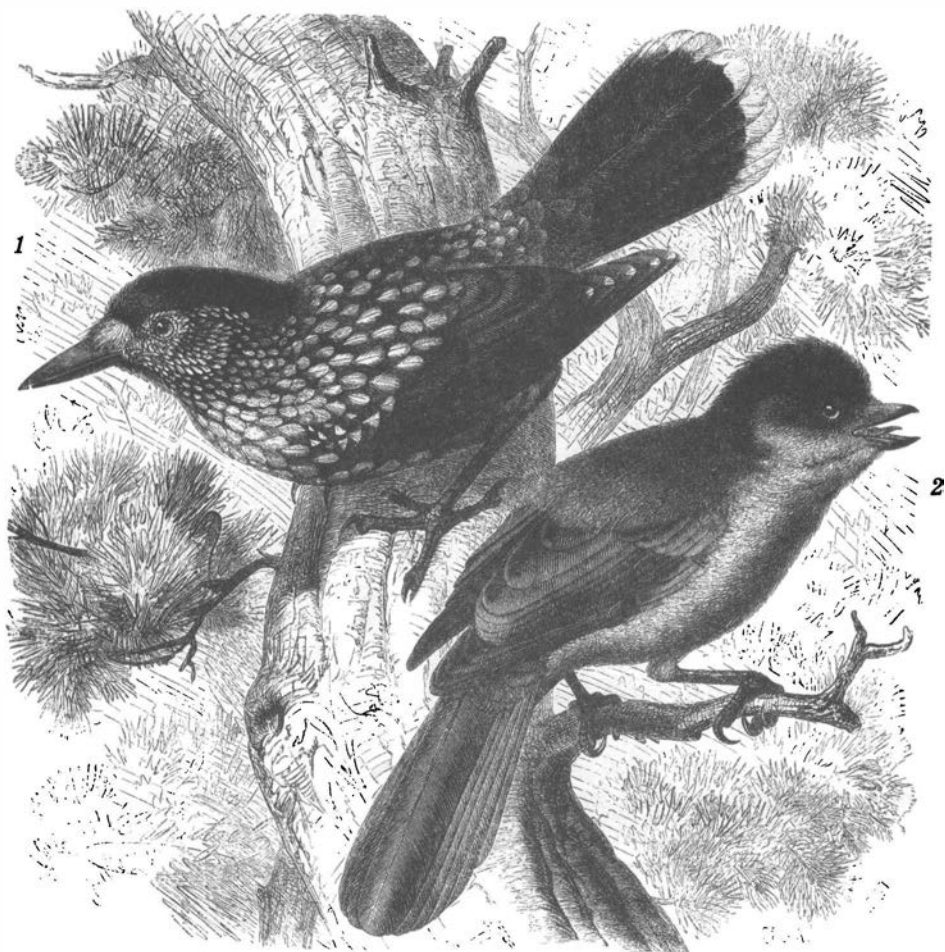
В восточной Сибири голубая сорока везде составляет самое обыкновенное явление. Она очень общительна и постоянно держится многочисленными стаями; присутствия человека, впрочем, она избегает и потому только в виде исключения попадает в близости от жилых строений. Зато очень часто посещает большие дороги, преимущественно ради лошадиного навоза. По своим привычкам она чрезвычайно походит на обыкновенную сороку. Она ходит и летает, как та, столь же умна и осторожна и соответствует ей по величине.

Кедровка (*Nucifraga caryocatactes*) населяет северную Европу, северную Азию*. Туловище ее вытянутое, шея длинная, голова большая и плоская, клюв длинный, тонкий и кругловатый с прямою или чуть заметно выгнутой верхушкой и плоским концом, образующим горизонтально лежащий широкий клин. Ноги довольно длинные и сильные с умеренно длинными пальцами, вооруженными сильными и круто выгнутыми ногтями. Крылья средней длины, тупые, с очень ступенчатыми маховыми перьями, в которых четвертое самое длинное; хвост средней длины и округленный. Оперение густое и мягкое; преобладающая окраска его темно-бурая, на темени и затылке без пятен, а на конце каждого отдельного пера имеется чисто белое продолговатое пятно. Маховые и хвостовые перья блестяще-черные, остальные с белыми кончиками; такой же окраски и нижние кроющие перья хвоста. Глаза бурые; клюв и ноги черные. Длина птицы 36 см, размах крыльев 59, длина крыла 19, а хвоста 12 см.

Местопребыванием кедровки служат заповедные хвойные леса высоких гор средней Европы, равно как и обширные лесистые пространства всей северной части Старого Света; но постоянное ее жительство определяется кедровыми лесами. Но она, собственно, принадлежит к кочующим птицам, ставя свое местожительство в зависимость от урожая кедровых орехов, вследствие чего на некоторых участках ее можно встретить летом во множестве, а в других, соседних, совсем не найти. Таким образом, в средней Швеции она очень обыкновенна, тогда как в большей

* В Европе кроме юга Швеции и Норвегии, Прибалтики, Белоруссии и севера европейской части России кедровка заселяет горные системы Альп, Апеннины, Родопы, Карпаты, Стару Планину и Балканы. В Азии кроме тайги Сибири она обитает в горах Памиро-Алая, Алтая, Корейского полуострова, Японии и в Гималаях.

части Норвегии встречается только во время перелета. Этот последний у кедровки столь же непостоянен, как и у свиристеля. В иные годы ее в продолжение зимы можно встретить в Германии повсеместно, но затем выпадает несколько лет подряд, когда не встретишь ни одного экземпляра. На крайнем севере она появляется постоянно, но не всегда залетает одинаково далеко и не каждую осень в одинаковом количестве, так как с севера на юг и с гор на равнины загоняет ее исключительно недостаток кедровых орехов. Перекочевка кедровки совершается, как и у других бродячих птиц, в одни годы раньше, в другие — позже.

1 — Кедровка
(*Nucifraga
caryocatactes*)
2 — Кукушка
(*Perisoreus infaustus*).

Мой отец не ошибался, говоря, что кедровка имеет такое же сходство с дятлом, как и с сойкой. Птица эта выглядит неловкою и даже неуклюжею, но на самом деле она и ловка, и резва; по земле она ходит очень хорошо, а также с большою сноровкою прыгает по сучьям и веткам или цепляется за ствол с ловкостью синицы, так что про нее совершенно справедливо можно сказать, что она действительно лазает

по деревьям. Она висит на стволе или на ветке подобно дятлу и, как тот, долбит своим острым клювом кору до тех пор, пока та не расщеплется и не обнаружит сидящую под нею добычу, присутствие которой птица чуяла. Полет кедровки легок, но немного медлителен; при полете она сильно взмахивает крыльями и широко распускает их. Положения ее бывают весьма различны: обыкновенно ноги она поджимает, туловище держит горизонтально, голову вытягивает и опускает перья; в таком виде она довольно невзрачна; но зато очень красива и грациозна, когда туловище приподнято, голова держится высоко и прямо, а перья лежат плот-

но. Несмотря на свой легкий полет, она, вне своих дальних странствований, неохотно перелетает большие расстояния и, если ничем не испугана, торопится снова опуститься на землю. В продолжение целого дня птица вечно в хлопотах, хотя все-таки она не так суетлива и беспокойна, как сойка. Ее голос звучит крикливым, пронзительным «крэк-крэк-крэк», к которому весною она часто прибавляет повторные звуки «кцрр-кцрр». В пору любви у этой птицы можно слышать, но и то лишь тогда, если подойти к ней на близкое расстояние, своеобразное тихое, чуть слышное и какое-то таинственное пение. Ее внешние чувства хорошо развиты. По понятливости она уступает некоторым членам своего семейства, но глупою, какою она слывет, ее назвать нельзя. Живя в глуши, она так мало имеет случаев сталкиваться с человеком, что когда ей приходится во время своих перелетов иметь с ним дело, то она проявляет большую опрометчивость; однако при преследовании и она умеет показать свою сообразительность. Она улетает тогда от человека с таким же страхом, как и от других хорошо знакомых ей врагов, каковы хищные млекопитающие и хищные птицы.

В холмистой местности, по Чузи, который удачным образом сгруппировал как свои, так и посторонние наблюдения об этой птице, кедровки держатся преимущественно на орешнике, орехи которого они очень любят. Как только орехи созреют, кедровки всего округа собираются в стаи, чтобы лететь на то место, где растет орешник. Около этого времени они тревожно и много летают, и голос их слышится почти всюду. Утро они посвящают добыванию пищи; около полудня все до сих пор усердно работавшие кедровки исчезают в лесу; под вечер они снова показываются на кустах орешника, хотя и не в таком громадном количестве, как утром. В утренние часы их крики и ссоры слышатся без конца. Каждую минуту показываются то те, которые слетаются, приманенные криком, то другие, которые, всласть набив орехами свой растяжимый зоб, грузно и с видимым трудом направляются к лесу, чтобы там сложить в кладовые свои зимние запасы. В полдень почти все кедровки предаются заслуженному покою в густых кустарниках лесной чащи. Поздним вечером они снова появляются, кричат так же, как утром, но часто по получасу сидят на высочайшей верхушке ели или сосны и оттуда обозревают окрестности. В горном поясе или в северных лесах излюбленным деревом, приманивающим к себе кедровок, является кедр. Уже в половине июля, перед созреванием плодов, они начинают слетаться на покрытое шишками дерево, хотя и не в таком большом количестве, как на орешник; но когда плоды совсем созреют, то они появляются в несметном множестве и предпринимают настоящие походы с гор в долины и обратно, нагружая себя кедровыми орехами так же, как вышеописанные — обыкновенными орехами. По наблюдениям Видема-

на, в Тироле кедровки летают, собирая орехи, в продолжение целого дня, при этом пользуются некоторыми отдельными деревьями для минутного отдыха; жатву свою они оканчивают только тогда, когда первый выпавший в горах снег загонит их в долины.

При собирании запасов кедровки действуют очень ловко. Если им приходится собирать с одного орехового куста большое количество орехов, то они просто садятся на тот сучок, на котором висят плоды, и рвут их; если же орешник уже общипан, то, по словам Фогеля, они держатся перед кустом в висячем на воздухе положении и, покачиваясь, обрывают таким образом орехи. На кедрах и других хвойных деревьях они работают когтями, схватывая ими шишки и разбивая их скорлупу своим крепким клювом; добыв таким образом орешки, они щелкают их, как всякие зерна, нажимая клювом. Обыкновенные орехи они раскалывают ловким нажимом клюва в определенное место. Кроме обыкновенных и кедровых орехов кедровка ест желуди, буковые орешки, еловые и сосновые семена, хлебные зерна, рябину, боярышник, крушину, землянику, чернику и бруснику, разные семена и плоды, всевозможных насекомых, червей, слизней и мелких позвоночных животных — одним словом, не брезгует решительно ничем, благодаря чему даже зимою не испытывает голода. Некоторое время она питается за счет своих запасов, а когда те иссякнут, летит в соседние горные деревни или совсем улетает, чтобы сыскать корм в другом месте.

Относительно размножения кедровки за последние два десятилетия мы получили довольно обстоятельные сведения. Когда пара выводит птенцов в горах средней Европы, гнездо ее найти очень трудно; но настоящие гнездовья этой птицы находятся в лесах их настоящей родины в таких чащах, которые и летом непроходимы, а еще менее в то время, когда кедровки приступают к размножению. По наблюдениям Шютта и Фогеля, кедровки начинают строить гнезда в начале марта, а во второй половине этого месяца уже несут яйца. Но в это время вся горная растительность, равно как и северные леса, еще погребены под глубоким снегом и почти непроходимы. Натуралисту, таким образом, приходится выжидать бесснежной весны для того, что иметь надежду отыскать гнездо.

Мой отец сообщает, что в Фогтланде гнездо кедровки было найдено в дупле дерева, и такое сообщение не имеет в себе ничего невероятного, так как его подтверждают Дыбовский и Парроц, которым в Восточной Сибири даже показана была сосна, в дупле которой парочка кедровок выводила птенцов. Между тем все наблюдатели, расследовавшие гнезда этих птиц в Германии, Австрии, Дании, Скандинавии и Швейцарии, соглашались между собою в том, что они устраиваются в густых ветвях различных хвойных деревьев, в особенности сосен, а также на елях, кедрах и ли-

ственницах на высоте от 4 до 10 м над землей. По Фогелю, парочка кедровок всего охотнее избирает для своего гнезда ветви деревьев, растущих на обращенных к солнцу, т.е. на юг или юго-восток, горных склонах, и притом гнездо строит на суке у самого ствола. Строительный материал она зачастую приносит издалека. При правильных условиях кладка вполне заканчивается в половине марта, а на севере — в начале апреля. Она состоит из 3—4 продолговатых яиц, приблизительно 34 мм длиной и 25 мм толщиной с бледно-голубовато-зеленой скорлупой, сплошь испещренной лиловыми, зелеными и желто-бурыми пятнышками, которые на тупом конце яйца сливаются иногда в венчик. Самка сидит на яйцах в ранние весенние месяцы очень упорно и самоотверженно; самец в это время заботится и о пропитании своей подруги, которая принимает принесенную ей пищу с радостным трепетанием крылышек. После 17—19-дневного высиживания вылупляются птенцы; оба родителя вскармливают их животной и растительной пищей и ревностно охраняют; через 25 дней после своего появления на свет они уже покидают гнездо и улетают в лес, где за ними зорко следит родительский глаз до тех пор, пока они не сделаются настолько самостоятельными, что будут в состоянии вести образ жизни родителей.

Во время зимнего перелета кедровок без особенного труда можно ловить в сети на приманку. Они скоро привыкают к клетке и к содержанию в неволе; из пищи предпочитают мясо всякому другому корму, но довольствуются и всякою другою едою. К приятным комнатным птицам кедровку причислить нельзя. В клетке она держится бестолково и необузданно, вечно долбит деревянные перекладины клетки и неутомимо прыгает с сучка на сучок. Ее положительно невозможно держать в одной клетке с другими, более слабыми птицами, так как кровожадность ее до того велика, что она не может воздержаться от нападения на своих сожителей. По наблюдениям Наумана, она схватывает свою жертву клювом, за затылок, продавливая череп сильным ударом, съедает прежде всего мозг и затем все остальное. Кедровка требует массу пищи и почти целый день занята едой.

Индийская древесная
сорока
(*Dendrocitta vagabunda*).

У нас эта птица могла бы быть вредной; на своей же летней родине она приносит пользу. Ей главным образом мы обязаны распространением кедровых деревьев; она рассаживает это дерево в таких местах, куда ни ветер, ни человек не могли бы занести его семена.

Индийская древесная сорока (*Dendrocitta vagabunda*). Ее длина 41 см, длина крыльев 15, а хвоста 26 см. Голова, затылок и грудь бурого цвета или черновато-бурые; всего темнее окраска на передней части головы, на подбородке и на груди; отсюда она переходит в более сероватый; нижние части, начиная от груди, красноватые или желтовато-серые; плечевые перья, спина и верхние кроющие перья хвоста темно-красноватые; рулевые перья пепельно-серые с черными кончиками. Клюв черный; ноги темного аспидного цвета; глаза кроваво-красные.

Древесная сорока распространена по всей Индии и, кроме того, встречается в Ассаме, Тенассериме, Китае, а, по Адамсу, также в Кашмире, главным образом на Гималайских горах, как сообщает Уайтс, на высоте до 2000 м. Она во всех этих областях считается обыкновенною птицею, но преимущественно ее много в лесистых равнинах. В северных частях Индии ее можно видеть на каждой группе деревьев, в каждом саду, даже в близком соседстве с деревнями. Они редко попадаются поодиночке, обыкновенно парами, а по временам и маленькими обществами. Эта сорока летает медленно, волнообразною линиею от дерева к дереву и пролетает в продолжение дня довольно обширные пространства, не выбирая никакого места для определенного пребывания. На деревьях она находит обыкновенно все, что ей нужно, так как иногда она долгое время питается исключительно древесными плодами или насекомыми, живущими на деревьях. Туземцы уверяют, что она также разоряет чужие гнезда и, подобно сорокопуту, похищает молодых птенцов.

Время размножения приходится на апрель и продолжается до июля, а по мнению Уайтса, даже до более позднего времени. Гнездо строится на вершине какого-нибудь высокого дерева с иглистыми ветвями и набивается травой. Яйца, которых бывает обыкновенно пять штук, имеют весьма разнообразную окраску: они разрисованы розовато-коричневым, пурпурово-красным или оливково-бурым цветом.

Эта красивая птица часто содержится в неволе и из Индии нередко попадает живую в Европу. При хорошем уходе она отлично выдерживает продолжительную неволю и скоро делается ручною.

Беннетов ворон (*Corvus bennetti*)* почти одноцветной буровато-пепельно-серой окраски; тонкие перья головы, шеи и груди имеют немного более светлые кончики; хвостовые перья дымчато-бурые с металлически-блестящими наружными каемками. Радужная оболочка глаза перлово-белого цвета; клюв и ноги черные. Длина птицы 30 см, длина крыльев 15, а хвоста 17 см.

* Описываемая птица относится к австралийским воронам, которые представлены крайне сходными между собой пятью видами, имеющими глаза белого цвета. Судя по распространению и размерам названный вид — это беннетов ворон.

О жизни беннетова ворона на свободе имеются весьма скудные сведения. Гульдт, рассматривающий эту птицу, как выдающееся явление пернатого царства Австралии, встречал ее во внутренних областях южных и восточных частей Австралии, а именно в хвойных лесах, большею частью группами в 3—4 штуки; они быстро и беспокойно сновали по ветвям вершины дерева, распускали по временам крылья и при этом издавали сильные, неприятные звуки. В общем, впрочем, они ведут себя как все врановые и питаются насекомыми. Жильберт нашел гнездо этой птицы в маленькой кустарниковой роще на горизонтально росших ветвях дерева. Оно состоит из ила, внутри выстлано травой и заключает в себе 4 яйца 30 мм длиной и 22 мм толщиной с белой скорлупой, покрытой красновато-бурыми, пурпурово-бурыми и мелкими серыми пятнышками, особенно на толстом конце.

Клушица (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*) отличается длинным, вытянутым, тонким и дугообразным клювом, который так же, как и короткопалые, средней высоты ноги, окрашен в великолепный кораллово-красный цвет. Глаза у клушицы темно-карие; оперение черное, равномерно блестящее, с зеленым или синим отливом. Длина птицы 40 см, размах крыльев 82, длина их 27, а хвоста 15 см. Самка чуть-чуть меньше и по внешнему виду ничем не отличается от самца. Молодых можно отличить по отсутствию металлического отлива в оперении и по тому, что клюв и ноги у них черноватые. После первой линьки, наступающей через несколько месяцев после их вылета из гнезда, они получают такое же оперение, как у старых.

Родиною этой красивой и во всех отношениях замечательной птицы служат наши Европейские Альпы на всем их протяжении, Карпаты, Балканы, Пиренеи и почти все прочие горы Испании, также некоторые горы Англии и Шотландии, весь Урал, Кавказские горы, Гималайские до Бутана, также Канарские острова, Атласские горы и высочайшие вершины гор Абиссинии*. В Испании же ее встречают на скалах, возвышающихся всего на 200 или 300 м над уровнем моря. На Гималайских горах, по показаниям Блэнфорда и Столички, она живет на высоте 3000—5000 м. В Ретийских Альпах она до семидесятих годов гнездилась на колокольнях и в стропилах строений почти всех высоколежащих горных деревень; в настоящее время, большею частью вследствие перестройки этих башен, она принуждена была снова возвратиться в свою скалистую глушь. В высочайшем горном поясе клушица не остается на зиму, а уже в октябре перекочевывает на скалы, лежащие ниже, или в более южные области. В таких случаях они собираются на вершинах в стаи в 400—600 штук, которые затем скоро рассеиваются. Вальтер наблюдал ее в Туркмении, где эта птица с высот Копетдага в холодное время спускается в долины. Низкие местности или даже и холмистые

* В Уральских горах клушица отсутствует. Кроме районов, перечисленных Бремом, она также населяет Тибет, горные системы Средней Азии, Куньлунь, Каракорум, Алтай, Саяны, Эльбрус, горы Загрос в Иране, горы Закавказья и юга Турции.

Вся жизнь их кажется бесконечной веселой игрой, так как их постоянно можно видеть гоняющимися друг за другом и поддразнивающими одна другую. Их легкий, красиво парящий полет исполнен чрезвычайно изящных, искусных движений.

Наблюдая, какой род пищи употребляет клушица, можно убедиться, с какою ловкостью орудует она своим дугообразным клювом. По моим наблюдениям, клушица почти исключительно насекомоядная птица, которая только случайно употребляет другую пищу. Главную составную часть ее корма в Испании составляет саранча и пауки, и между ними также скорпионы, и птица эта умеет с замечательной ловкостью ловить их. Она поднимает своим длинным клювом маленькие камни и ищет скрывающихся под ними насекомых, а также, подобно грачу, роется в земле или засовывает клюв между большими камнями, которых не может из-за их тяжести одолеть, и там разыскивает себе любимую пищу. В птенцовую пору клушицы грабят также гнезда маленьких птичек и таскают беспомощных птенцов на съедение своим голодным детенышам. В крайних случаях клушица не брезгует и падалью.

Размножение клушиц бывает в первые весенние месяцы. В Испании уже в начале июля можно видеть летающих птенцов. Самого гнезда мы никогда не могли найти, потому что и на Иберийском полуострове клушица придерживается похвальной привычки выбирать для гнезда отверстия недоступных скал. По изысканиям Гиртаннера, верхняя и нижняя части гнезда состоят из тонких корешков какого-нибудь одного или очень немногих растений, причем чем выше к краям, тем коренья берутся тоньше; самое же углубление гнезда выстлано очень толстым, крепким, не меньше 6 см толщиной, войлоком, для изготовления которого приносят дань своими волосами все млекопитающие, живущие в горах. Клочки овечьей шерсти тщательно перерабатываются вместе с волосами коз и серн, большие пучки белых заячьих волос — с волосами рогатого скота. Кладка, завершающаяся уже в конце апреля, состоит из 4—5 яиц 44 мм длиной, 29 мм толщиной с беловатой или грязно-серо-желтой скорлупой, покрытой светло-бурыми пятнышками и крапинками. По всей вероятности, самка насиживает одна, тогда как заботы по вскармливанию птенцов оба родителя с большим шумом и криком делят между собой. Птенцы покидают гнездо в конце июня, но еще долгое время находятся под присмотром и попечением родителей.

В период размножения клушицы живут между собою в таком же тесном союзе, как и в остальные месяцы года. Это общительные птицы в самом широком значении слова. Как на врагов, могущих вредить этой ловкой, умной и осторожной птице, Гиртаннер указывает на сапсанов, тетеревятников и перепелятников, а также на пустельгу; последняя особенно любит захватывать гнезда клушиц и часто подолгу и упорно спорит с клушицами за

Семейство врановые

любимое место, а также таскает из гнезда малых птенцов. Кроме того, взрослых клушиц часто душит филин, а молодых — лисица и куница.

Все врановые — привлекательные птицы для содержания в клетках; но, по моему мнению, ни одна из птиц этого семейства не может сравниться с клушицей. При соответствующем заботливом уходе они скоро становятся чрезвычайно ручными и доверчивыми, дружески сходятся со своим воспитателем, отзываются на данную кличку, следуют на зов, приучаются вылетать из клетки и снова влетать в нее и при соответствующих условиях приступают даже к размножению. Их красивая внешность, яркая окраска клюва и ног, приятная осанка, их оживленность и резвость, любопытство и любознательность, их способность к выучке и подражательности — все это, взятое вместе, представляет неиссякаемый источник для приятных и поучительных наблюдений.

Ближайшим родичем клушицы является **альпийская галка** (*Pyrrhocorax graculus*). Она отличается от клушицы своим относительно сильным желтым клювом, одинаковой длины с головой, а также скорее дроздовым, чем вороньим, оперением. У взрослых птиц оперение бархатисто-черое, у птенцов матово-черное, ноги у первых красные, у последних желтые. Относительно величины между клушицей и альпийской галкой почти нет разницы; образ жизни и привычки также в общем те же самые.

В пустынях внутренней Азии, между Аральским морем и Тибетом, живет своеобразная **саксаульная сойка** (*Podoces panderi*)*. Ее длина приблизительно 25 см, длина крыльев 12, а хвоста 10 см. Все верхние части тела красивого светло-пепельного цвета; горло и передняя сторона шеи немного светлее; нижние части беловато-серые, с легким винно-красным налетом; нижние перья хвоста почти белые; широкая линия уздечки, доходящая до окаймленного белым глаза, и треугольное, книзу распространяющееся пятно на нижней части шеи черные. Рулевые перья черные с зеленоватым металлическим отблеском. Глаза коричневого цвета, клюв и ноги серо-синие. Самец и самка не отличаются друг от друга; птенцы имеют преобладающим грязноватый светло-серо-коричневый цвет.

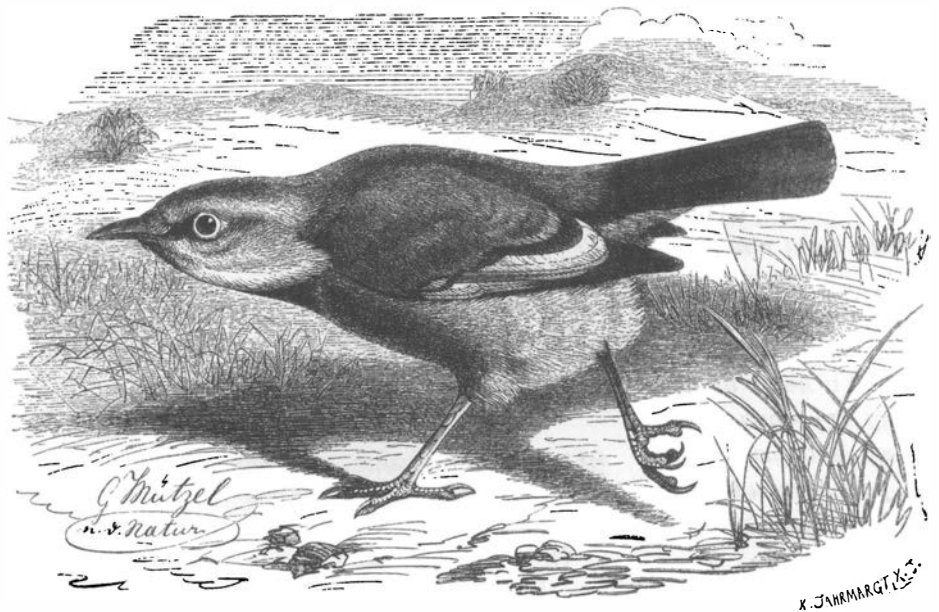
Хотя саксаульная сойка уже в 1823 году была открыта Эверсманом и несмотря на то, что отдельные путешественники ее несколько раз наблюдали, мы все-таки должны быть благодарны Богданову за первое описание жизни этой птицы, напечатанное в 1877 году. Ее родина — пустыня Кызылкум, лежащая на восток от Аральского моря, между Сырдарьей и Амударьей, песчаная пустыня в полном смысле этого слова, «плоская и безграничная, как открытое море, но как будто волнообразно застывшее во время бури». В этой пустыне, за исключением странных животных, лишь немногие удивительные растения, особенно заросли саксаула, влачат свое жалкое существование. Тут на песке живет эта

* Названная Бремом саксаульная сойка живет в песчаных пустынях Средней Азии между Каспийским морем и Сырдарьей с изолированным ареалом у восточного берега озера Балхаш. Далее к востоку, в пустынях Монголии и Китая, обитают два других вида саксаульных соек — белохвостая саксаульная сойка (*Podoces biddulphi*) и монгольская саксаульная сойка (*Podoces hendersoni*).

птица; редко доходит она до глинистого грунта и никогда до каменных местностей этой пустыни. Так же редко встречается она вблизи рек и озер. Положительно можно сказать, что она никогда не пьет и не нуждается в воде (?). В пустыне она отыскивает такие места, в которых песчаные возвышенности покрыты очень скудной растительностью, кусты разбросаны отдельно и на далеком расстоянии друг от друга.

Саксаульная сойка живет большую часть года в своей области одиноко и на зиму не улетает. В течение всего дня она ходит большими шагами около кустов и ищет пищу в песке; она не прыгает и не двигается скачками, но торопливо и необыкновенно скоро бегаёт на манер куриных, не выходя из пределов известной области. Ни одна ворона не делает таких больших шагов, как она. При опасности она бежит от одного куста саксаула к другому, прячется за каждым кустом и выглядывает то с одной, то с другой стороны его. Она редко решается взлетать. Так же редко садится она на верхушку куста, да и то только для того, чтобы с возвышенного пункта иметь более обширный кругозор. Ее полет напоминает полет сороки, сойки и сорокопуга. Обыкновенно она молчалива; но иногда слышится крик, состоящий из нескольких пронзительных высоких отрывистых тонов, похожих на вскрикивание дятла.

Спокойно и почти непрерывно занимается она собиранием своей пищи, которую она подбирает с земли или выкапывает между корнями кустарника. Весной и летом Богданов нашел в желудках убитых им экземпляров только личинок жуков, по всей вероятности, тех разнообразных жуков, которые массами живут в пустыне, но реже находил остатки самих жуков. Уже в августе птица должна отыскивать себе другую пищу и довольствоваться семенами саксаула и других кустарников пустыни, потому что жуки в это время начинают исчезать. Эти семена, вероятно, составляют зимой ее исключительную пищу. Поздней осенью присоединяется она к киргизским стадам и раскапывает навоз, чтобы там найти себе какую-нибудь пищу. В этих случаях она при-

Саксаульная сойка
(*Podoces panderi*).

** Обычно начало гнездования у саксаульных соек приходится на вторую половину марта, большая часть птиц сносит яйца в начале апреля. Однако период размножения у этого вида весьма растянут, и гнезда с яйцами находили в первой половине мая. Упоминаемые Богдановым сроки размножения вида приводятся по старому стилю, которые, согласно новому стилю и ныне принятому Григорианскому календарю, следует рассматривать как середину марта.*

ближается не только к караванным дорогам, но даже и к киргизским юртам, нисколько не боясь при этом людей.

Уже зимой, по всей вероятности в феврале, эти необщительные птицы соединяются в парочки для размножения. До того времени встреча двух саксаульных соек всегда имеет следствием драку, по окончании которой обе опять расходятся. Богданов не сообщает о дальнейших следствиях спаривания, потому что он не имел случая наблюдать его у этой птицы и не мог отыскать ее гнезда и яиц. Последние, с которыми познакомил нас Федченко, имеют 30 мм длины, 20 мм ширины и по серо-зеленоватому фону разрисованы везде различными большими темно-серо-зелеными и мелкими светло-красными пятнышками, расположенными венчиком около толстого конца яйца. Гнезда, которые подробно не описываются, находятся на вышеупомянутых кустах, на уровне человеческого роста от земли. Федурин, сопровождавший Богданова, нашел 23 апреля пару саксаульных соек с двумя вылетевшими птенцами, и Богданов из этого заключил, что время кладки яиц должно начинаться еще в первых числах марта*.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Русские названия

- Альциона
сенегальская, 153
сероголовая, 153
Амадина красногорлая, 486
Амарант
крошечный, 485
обыкновенный, 485
Арасари ошейниковые, 198
Астрапия черногорлая, 531
Бананоед-подорожник полосатый, 10
Бан-кокил, 30
Белобровик, 344
Белоног
исполинский, 76
ушастый, 79
Береговушка, 282
Беседковые, семейство, 521
Боболинк, 491
Бородастик красноголовый, 187
Бородатковые, семейство, 187
Бюль-бюли, семейство, 296
Бюль-бюль
бородатый, 296
желтоспинный, 296
Варакушка, 330
Вдовушка райская, 484
Вертишейка, 204
Вилохвостка белошапочная, 352
Волоклой, 508
Воробей
домовый, 470
каменный, 475
полевой, 474
Воробьинообразные, отряд, 231
Воробьиные, примитивные, подотряд, 234
Ворон, 534
абиссинский рогатый, 182
пегий, 548
Ворон беннетов, 570
Ворона
грифовая, 549
серая, 541
черная, 541
Ворона-свистун, 525
Воронок, 279
Врановые, семейство, 534
Вьюрковые, семейство, 429
Вьюрок
канареечный, 448
королевковый, 451
лимонный, 445
настоящий, 437
снежный, 484
Гаичка
болотная, 395
черноголовая, 395
Галка
альпийская, 574
обыкновенная, 550
Горихвостка обыкновенная, 336
Гракл обыкновенный, 499
Грач, 544
Гуахаро, 71
Гуахаро, семейство, 71
Гутука, 10
Гуйи, семейство, 516
Гуйя разноклювая, 516
Деряба, 344
Дидрик, 22
Древесницевые, семейство, 427

- Древолаз дятловый, 241
 Дрозд
 белозобый, 345
 певчий, 344
 пестрый каменный, 342
 черный, 345
 Дроздовые, семейство, 325
 Дубонос обыкновенный, 433
 Дубровник, 423
 Дятел
 белоклювый, 221
 большой пестрый, 224
 зеленый, 208
 золотой шилоклювый, 213
 красноголовый, 216
 малый пестрый, 227
 седой, 212
 средний пестрый, 227
 трехпалый, 229
 Дятелок хохлатый, 228
 Дятлообразные, отряд, 185
 Дятлы настоящие, семейство, 199
 Жаворонки сорочьи, семейство, 519
 Жаворонковые, семейство, 264
 Жаворонок
 белокрылый, 270
 большой удоновый, 273
 полевой, 265
 пустынный, 273
 рогатый, 271
 степной, 268
 черный, 270
 Желна, 218
 Жулан обыкновенный, 303
 Завирушка
 альпийская, 324
 лесная, 323
 Завирушковые, семейство, 323
 Зарянка, 334
 Звонарь, 253
 Звонарь гологорлый, 253
 Зеленушка обыкновенная, 440
 Зимородковые, семейство, 143
 Зимородок
 малый пегий, 151
 обыкновенный, 146
 Зонотрихия белошейная, 424
 Зяблик, 436
 Иволга обыкновенная, 513
 Иволговые, семейство, 513
 Калао
 большой индийский, 179
 двурогий, 179
 папуасский, 182
 Калуферка, 336
 Каменка
 белохвостая, 339
 обыкновенная, 341
 Каменка-плясунья, 341
 Камышевка дроздовидная, 366
 Камышевка-барсучок, 369
 Канарейка дикая, 452
 Кардинал
 красногрудый, 429
 красный, 432
 Кассиковые, семейство, 489
 Квезаль гватемальский, 141
 Кедровка, 565
 Кирумбо, 167
 Кискад большой, 248
 Клест-еловик, 465
 Клест-сосновик, 465
 Клехо, 112
 Клушица, 571
 Козодоеобразные, отряд, 71
 Козодои исполинские, семейство, 80
 Козодои настоящие, семейство, 82
 Козодои совиные, семейство, 81
 Козодой
 виргинский сумеречный, 92
 вымпеловый, 87
 жалобный, 86
 исполинский лесной, 80
 красношейный, 86
 лирохвостый, 86
 обыкновенный, 6
 Колибри
 андская горная звезда, 118
 великолепный эльф, 119
 знаменщик Ундервида, 120
 исполинский, 121
 орлиноклювый, 117
 рогатый, 120
 рыжегорлый, 122
 топазовый, 118
 ушастый, 119
 Колибри, семейство, 115
 Колибри-мечеклюв, 121
 Колибри-сафо, 120
 Колибри-фея черноухий, 119

- Конек
 горный, 292
 лесной, 291
 полевой, 293
 степной, 294
 Коноплянка, 441
 Королек
 желтоголовый, 379
 красноголовый, 379
 Корольковые, семейство, 379
 Котинга синяя, 258
 Котинга-капуцин, 251
 Котинговые, семейство, 251
 Коэль, 24
 Крапивник, 316
 Крапивниковые, семейство, 316
 Краснохвостка, 336
 Кукабарра смеющаяся, 154
 Кукушка
 гладкоклювая, 35
 желтоклювая, 26
 Кукушка
 золотистая, 22
 исполинская, 23
 обыкновенная, 13
 хохлатая, 27
 шпорцевая
 сенегальская, 33
 фазанья, 35
 Кукушка-ани, 35
 Кукушка-подорожник
 большая, 31
 калифорнийская, 31
 Кукушковые, семейство, 12
 Кукушкообразные, отряд, 5
 Кукша, 560
 Курол, 167
 Куроловые, семейство, 167
 Лазоревка, 393
 Лазоревка белая, 394
 Ласточка
 городская, 279
 деревенская, 276
 пурпуровая лесная, 284
 рыжепоясничная, 279
 Ласточковые, семейство, 274
 Лиотрикс обыкновенный, 354
 Лирохвостые, семейство, 261
 Личинкоед черно-красный
 длиннохвостый, 294
 Личинкоедовые, семейство, 294
 Лысушка, 336
 Лягушкорот
 австралийский совиный, 81
 ушастый, 79
 Лягушкороты, семейство, 76
 Майна священная, 512
 Малакоптила белогрудая, 185
 Малиновка, 334
 Малюр краснолобый мягкохвостый, 242
 Малюры, семейство, 242
 Манакин белобородый короткокрылый, 250
 Манакиновые, семейство, 250
 Медососовые, семейство, 414
 Медоуказчик большой, 191
 Медоуказчиковые, семейство, 190
 Момот
 большой, 168
 синешапочный, 168
 Момотовые, семейство, 168
 Московка, 394
 Муравьевка огнеглазая, 243
 Муравьевковые, семейство, 243
 Мухоловка
 малая, 387
 райская, 388
 серая, 382
 Мухоловка-пеструшка, 385
 Мухоловковые, семейство, 382
 Нарина, 140
 Нектарница фиолетовоспинная, 412
 Нектарницевые, семейство, 411
 Неясыть
 бородатая, 49
 длиннохвостая, 48
 серая, 46
 Овсянка
 огородная, 420
 садовая, 421
 тростниковая, 419
 черноголовая, 422
 Овсянковые, семейство, 417
 Оляпка обыкновенная, 311
 Оляпковые, семейство, 311
 Ополовник, 356
 Певун
 банановый, 429
 зеленый лесной, 428
 Певчие, подотряд, 264

- Пеночка-зарничка, 376
 Пересмешка зеленая, 375
 Пересмешник
 кошачий, 321
 североамериканский певчий, 318
 Пересмешниковые, семейство, 318
 Петушок гвианский скальный, 255
 Печник рыжий, 238
 Печниковые, семейство, 238
 Питта синекрылая, 235
 Питтовые, семейство, 235
 Пищуха обыкновенная, 405
 Пищуховые, семейство, 405
 Плешанка, 341
 Подорожник лапландский, 418
 Полупевчие, подотряд, 261
 Поползень обыкновенный, 401
 Поползневые, семейство, 399
 Просянка, 420
 Птица
 буйволовая, 508
 воловья, 493
 зонтичная, 252
 красная райская, 527
 малая райская, 530
 нитчатая райская, 531
 черная ширококлювая райская, 533
 Птица-колокольчик, 253
 Птица-кошка, 321
 Птица-лайка, 246
 Птица-лира большая, 261
 Птица-мышь длиннохвостая, 134
 Птицы-мыши, отряд, 134
 Птицы-мыши, семейство, 134
 Птицы-носороги, семейство, 177
 Пуночка, 418
 Пуховковые, семейство, 185
 Райские птицы, семейство, 525
 Ракшеобразные, отряд, 143
 Ремез, 397
 Рисовка, 487
 Рогоклюв яванский, 234
 Рогоклювые, семейство, 234
 Рябинник, 344
 Сай, 237
 Салангана серая, 106
 Сверчок
 обыкновенный, 370
 речной, 372
 Свиристелевые, семейство, 308
 Свиристель, 308
 Селасфорус рыжий, 122
 Сизоворонка обыкновенная, 169
 Сизоворонковые, семейство, 169
 Синица
 большая, 391
 длиннохвостая, 356
 хохлатая, 396
 Синицевые, семейство, 390
 Сипуха обыкновенная, 43
 Сипуховые, семейство, 43
 Скворец
 буйволовый, 508
 великолепный, 511
 медный блестящий, 511
 обыкновенный, 501
 одноцветный, 501
 розовый, 505
 черный, 501
 Скворцовые, семейство, 501
 Славка
 певчая, 361
 рыжехвостая, 351
 садовая, 363
 Славка
 серая, 365
 ястребиная, 359
 Славка-завирушка, 364
 Славка-портниха обыкновенная, 378
 Славка-черноголовка, 362
 Славки австралийские, семейство, 242
 Славковые, семейство, 358
 Снегирь
 длиннохвостый, 458
 обыкновенный, 459
 пустынный, 462
 Сова
 белая, 49
 болотная, 68
 пещерная, 58
 полярная, 49
 ушастая, 66
 ястребиная, 52
 Совообразные, отряд, 39
 Совы настоящие, семейство, 46
 Сойка 557
 голубая, 561
 плюшевоголовая разноцветная, 554
 саксаульная, 574
 снегиревая, 519
 чубатая голубая, 563

- Соловей
 западный, 326
 китайский, 354
 обыкновенный, 326
 тугайный, 351
 южный, 326
- Сорока, 551
 голубая, 565
 индийская древесная, 570
 красноклювая лазоревая, 556
- Сорокопут
 красноголовый, 306
 маскированный, 306
 серый, 299
 чернолобый, 302
 эфиопский певчий, 307
- Сорокопут-чагра, 307
- Сорокопутовые, семейство, 298
- Сплюшка, 68
- Стенолаз краснокрылый, 407
- Стриж
 белобрюхий, 97
 хохлатый древесный, 112
 черный, 104
- Стрижеобразные, отряд, 95
- Стрижи, семейство, 95
- Стрижи хохлатые, семейство, 112
- Сыч
 домовый, 55
 кроличий, 58
 мохноногий, 54
- Тапаколовые, семейство, 245
- Тимеливые, семейство, 354
- Тимелия белопоясничная дроздовая, 355
- Тиранн каролинский, 246
- Тиранновые, семейство, 246
- Ткач
 белоголовый скворцовый, 481
 буйволовый, 481
 иволговый, 483
 обыкновенный общественный, 479
 огненный, 486
 чернолобый, 484
- Ткачики вьюрковые, семейство, 485
- Ткачиковые, семейство, 470
- Тоди ямайский, 156
- Тодиевые, семейство, 156
- Токо серый, 177
- Токо, 195
- Толстоголовка синичья, 389
- Толстоклювые синицы, семейство, 356
- Траворез чилийский, 259
- Траворезовые, семейство, 259
- Траппист, 185
- Трахифонус жемчужный, 189
- Трогон
 азиатский, 140
 уздечковый африканский, 140
- Трогоновые, семейство, 139
- Трогонообразные, отряд, 139
- Трупиал
 балтиморский цветной, 489
 буроголовый коровий, 493
 красноплечий черный, 495
 рисовый, 491
- Трупиаловые, семейство, 489
- Трясогузка
 белая, 286
 желтая, 288
- Трясогузковые, семейство, 285
- Туи новозеландский, 414
- Тукан большой, 195
- Тукановые, семейство, 194
- Турако
 белощекий, 8
 исполинский, 6
 фиолетовый, 8
 шлемоносный, 8
- Тураковые, семейство, 5
- Тюрко, 245
- Удод 172
 красноклювый лесной, 175
- Удодовые, семейство, 172
- Удодообразные, отряд, 172
- Удоды древесные, семейство, 175
- Урагус, 458
- Филин 62
 бурый рыбный, 69
- Флейтовые птицы, семейство, 519
- Чагра сенегальская, 307
- Чекан
 луговой, 337
 черноголовый, 337
- Чечевица обыкновенная, 455
- Чететка
 горная, 443
 красная, 443
 обыкновенная, 442
- Чиж, 443
- Шалашник
 атласный, 521
 пятнистый, 523

Шалашниковые, семейство, 521
Шапу, 497
Ширококлювые, семейство, 234
Широкорот восточный, 171
Щегол, 445
Щур, 456
Щурка
 зеленая, 162
 золотистая, 161

красная, 164
нубийская, 164
радужная, 165
 синебородая ночная, 166
Щурковые, семейство, 159
Эуфония фиолетовая, 425
Якамара зеленая, 186
Якамаровые, семейство, 186

Латинские названия

Apus apus, 104
Acanthis cannabina, 441
Acanthis flammea, 442
Acanthis flavirostris, 443
Aceros plicatus, 182
Acrocephalus arundinaceus, 366
Acrocephalus schoenobaenus, 369
Aegolius funereus, 54
Aegothales cristatus, 81
Aegothelidae, 81
Agelaius phoeniceus, 495
Agithalos caudatus, 356
Alaemon alaudipes, 273
Alauda arvensis, 265
Alaudidae, 264
Alcedinidae, 143
Alcedo atthis, 146
Amadina fasciata, 486
Ammomanes deserti, 273
Anthus campestris, 293
Anthus novaeseelandiae, 294
Anthus spinoletta, 292
Anthus trivialis, 291
Apaloderma narina, 140
Apodidae, 95
Apodiformes, 95
Apus apus, 104
Apus melba, 97
Arbelorhina cyanea, 237
Asio flammeus, 68
Asio otus, 66
Astrapia nigra, 531
Athene cunicularia, 58
Athene noctua, 55
Batrachostomus auritus, 79

Bombycilla garrulus, 308
Bombycillidae, 308
Bubalornis albirostris, 477
Bubo bubo, 62
Bucanetes githagineus, 462
Bucconidae, 185
Buceros bicornis, 179
Bucerotidae, 177
Bucorvus abyssinicus, 182
Buphagus, 508
Buphagus erythrorhynchus, 508
Calcarius lapponicus, 417
Callaeidae, 516
Callocalia vanicorensis, 106
Campephagidae, 294
Campephilus principalis, 221
Capitonidae, 187
Caprimulgidae, 82
Caprimulgiformes, 71
Caprimulgus europaeus, 86
Caprimulgus ruficollis, 86
Caprimulgus vociferus, 86
Caprodacus erythrinus, 455
Cardinalis cardinalis, 431
Carduelis carduelis, 445
Cassicus cristatus, 497
Centropus phasianus, 35
Centropus senegalensis, 33
Cephalopterus ornatus, 252
Cercotrichas galactodes, 351
Certhia familiaris, 405
Certhiidae, 405
Ceryle rudis, 151
Chlamydera maculata, 523

Chloris chloris, 440
Chordeiles minor, 92
Chrysococcyx cupreus, 22
Cinclidae, 311
Cinclus cinclus, 311
Clamator glandarius, 27
Coccothraustes coccothraustes, 433
Coccygus americanus, 26
Coereba flaveola, 428
Colaptes auratus, 213
Colidae, 134
Coliformes, 134
Colius macrourus, 134
Coracias garrulus, 169
Coraciidae, 169
Coraciiformes, 143
Corvidae, 534
Corvus albus, 548
Corvus bennetti, 570
Corvus corax, 534
Corvus cornix, 541
Corvus corone, 541
Corvus crassirostris, 549
Corvus frugileus, 544
Corvus monedula, 550
Corythaeola cristata, 6
Cotinga amabilis, 258
Cotingidae, 251
Cracticidae, 519
Crinifer zonurus, 10
Crotophaga ani, 35
Cuculidae, 12
Cuculiformes, 5
Cuculus canorus, 13
Cyanocitta cristata, 561
Cyanocitta stelleri, 563
Cyanocorax chrisops, 554
Cyanopica cyanus, 565
Dacelo novaeguineae, 154
Delichon urbica, 279
Dendrocincla anabatina, 241
Dendrocitta vagabunda, 570
Dendrocopos major, 224
Dendrocopos medius, 227
Dendrocopos minor, 227
Dendroica virens, 427
Deutero-Oscines, 234
Dinemellia dinemellii, 478
Dryocopus martius, 218
Dumetella carolinensis, 321
Dylichonyx oryzivorus, 491

Emberiza aureola, 423
Emberiza calandra, 420
Emberiza cirrus, 420
Emberiza hortulana, 421
Emberiza melanocephala, 422
Emberiza schoeniclus, 419
Emberizidae, 417
Enicurus leschenaultii, 352
Ensifera ensifera, 121
Epimachus fastosus, 533
Eremophila alpestris, 271
Erithacus rubecula, 334
Estrildidae, 485
Eudynamis scolopacea, 24
Euphonia violacea, 425
Euplectes franciscanus, 482
Eurylaimidae, 234
Eurylaimus javanicus, 234
Eurystomus orientalis, 171
Eutoxeres aquila, 117
Falcunculus frontalis, 389
Ficedula hypoleuca, 385
Ficedula parva, 387
Formicariidae, 243
Fringilla coelebs, 436
Fringilla montifringilla, 437
Fringillidae, 429
Fuliginosa, 241
Furnariidae, 238
Furnarius rufus, 238
Galbula galbula, 186
Galbulidae, 186
Gardenia genipa, 500
Garrulus glandarius, 557
Geococcyx californianus, 31
Geothlypis trichas, 495
Gracula religiosa, 512
Grallinidae, 519
Gymnorhina tibicen, 520
Halcyon leucocephala, 153
Halcyon Senegalensis, 153
Harpactes fasciatus, 140
Heliactin cornuta, 120
Heliostrix aurita, 119
Hemi prochidae, 112
Hemiprocne longipennis, 112
Heteralocha acutirostris, 516
Hippolais icterina, 375
Hirundinidae, 274

Hirundo daurica, 279
Hirundo rustica, 276
 Icteridae, 489
Icterus galbula, 489
Indicator indicator, 191
 Indicatoridae, 190
Ketupa zeylonensis, 69
Lagonosticta senegala, 485
Lamprotornis cuprecauda, 511
Laniarius aethiopicus, 307
 Laniidae, 298
Lanius collurio, 303
Lanius exubitor, 299
Lanius minor, 302
Lanius nubicus, 306
Lanius senator, 306
Leiothrix lutea, 354
 Leptosomatidae, 167
Leptosomus discolor, 167
Locustella fluviatilis, 372
Locustella naevia, 370
Lophornis ornata, 119
Loxia curvirostra, 465
Loxia leucoptera, 465
Luscinia luscinia, 326
Luscinia megarhynchos, 326
Luscinia svecica, 330
Macropsalis creagra, 86
Malacoptila fusca, 185
 Maluridae, 242
Manacus manacus, 250
Megalaima haematocephala, 187
Melanerpes erythrocephalus, 216
Melanocorypha calandra, 268
Melanocorypha leucoptera, 270
Melanocorypha yeltoniensis, 270
 Meliphagidae, 414
Menura novaehollandiae, 261
 Menuridae, 261
 Meropidae, 159
Merops apiaster, 161
Merops nubicus, 164
Merops ornatus, 165
Merops superciliosus, 162
 Mimidae, 318
Mimus polyglottos, 318
Molothrus ater, 493
 Momotidae, 168
Momotus momota, 168
Monticola saxatilis, 342
Montifringilla nivalis, 484
Motacilla alba, 286
Motacilla flava, 288
 Motacillidae, 285
Muscicapa striata, 382
 Muscicapidae, 382
Musophaga violacea, 8
 Musophagidae, 5
Nectarinia violacea, 412
 Nectariniidae, 411
Nucifraga caryocatactes, 565
Nyctea scandiaca, 49
 Nyctibiidae, 80
Nyctibius grandis, 80
Nyctiornis athertoni, 166
Ocreatus underwoodi, 120
Oenanthe isabellina, 341
Oenanthe leucura, 339
Oenanthe oenanthe, 341
Oenanthe pleschanka, 341
Oreotrochilus chimborazo, 118
 Oriolidae, 513
Oriolus oriolus, 513
Orthotomus sutorius, 378
Otus scops, 68
Padda oryzivora, 487
Paradisaea minor, 530
Paradisaea rubra, 527
 Paradisaeidae, 525
 Paradoxornithidae, 356
 Paridae, 390
Parotia lawesi, 534
 Parulidae, 427
Parus ater, 394
Parus caeruleus, 393
Parus cristatus, 396
Parus cyanus, 394
Parus major, 391
Parus palustris, 395
Passer domesticus, 470
Passer montanus, 474
 Passeriformes, 231
Patagona gigas, 121
Pericrocotus sp., 294
Perisoreus infaustus, 560
Perissocephalus tricolor, 251
Persimmonflaumen, 223
Petronia petronia, 475
Pharomachrus macinno, 141

Pheucticus ludovicianus, 429
Philetairus socius, 475
Phoenicophaeus tristis, 30
 Phoeniculidae, 175
Phoeniculus purpureus, 175
Phoenicurus phoenicurus, 336
Phylloscopus inornatus, 376
 Phytotomidae, 259
Pica pica, 551
 Picidae, 199
 Piciformes, 185
Picoides tridactylus, 229
Picumnus cirrhatus, 228
Picus canus, 212
Picus viridis, 208
Pinicola enucleator, 456
 Pipridae, 250
Pitangus sulphuratus, 248
Pitta brachyura, 235
 Pittidae, 235
Plectrophenax nivalis, 418
 Ploceidae, 470
Ploceus galbula, 480
Ploceus velatus, 480
 Podargidae, 76
Podargus strigoides, 76
Podoces panderi, 574
Procnias alba, 253
Procnias nudicollis, 253
Progne subis, 284
Prostremadera novaeseelandiae, 414
Prunella collaris, 324
Prunella modularis, 323
 Prunellidae, 323
Pteroglossus torquatus, 198
Pteroptochos megapodius, 245
Pteroptochos tarnii, 246
 Ptilonorhynchidae, 521
Ptilonorhynchus violaceus, 521
Ptytotoma rara, 259
 Pycnonotidae, 296
Pycnonotus barbatus, 296
Pycnonotus xanthopygos, 296
Pyriglena leucoptera, 243
Pyrrhonorax graculus, 574
Pyrrhonorax pyrrhonorax, 571
Pyrrhula pyrrhula, 459
Quiscalus quiscula, 499
 Ramphastidae, 194
 Regulidae, 379
Regulus ignicapillus, 379
Regulus regulus, 379
Remiz pendulinus, 397
Rhamphastos toko, 195
 Rhynocryptidae, 245
Riparia riparia, 282
Rupicola rupicola, 255
Sappho sparganura, 120
Saxicola ruberta, 337
Saxicola torquata, 337
Scythrops novaehollandiae, 23
Selasphorus rufus, 122
Seleucidis melanoleuca, 531
Semiophorus vexillarius, 87
Serinus canaria, 452
Serinus citrinella, 445
Serinus pusillus, 451
Serinus serinus, 448
Sitta europea, 401
 Sittidae, 399
Spinus spinus, 443
Spreo superbus, 511
Steatornis caripensis, 71
 Steatornithidae, 71
Stipiturus malachurus, 242
 Strigiformes, 39
 Strigidae, 46
Strix aluco, 46
Strix nebulosa, 49
Strix uralensis, 48
 Strunidae, 501
Struthidea cinerea, 519
Sturnus roseus, 505
Sturnus unicolor, 501
Sturnus vulgaris, 501
Surnia ulula, 52
Sylvia atricapilla, 362
Sylvia borin, 363
Sylvia communis, 365
Sylvia curruca, 364
Sylvia hortensis, 361
Sylvia nisoria, 359
 Sylviidae, 358
Tauraco leucotis, 8
Tchagra senegala, 307
Tersiphone paradisi, 388
Tichodroma muraria, 407
 Tillandsia, 499
 Timeliidae, 354

Tockus nasutus, 177
Todidae, 156
Todus todus, 156
Topaza pella, 118
Trachyphonus margaritatus, 189
Trochilidae, 115
Troglodytes troglodytes, 316
Troglodytidae, 316
Trogonidae, 139
Trogoniformes, 139
Turdidae, 325
Turdoidea leucopygius, 355
Turdus iliacus, 344
Turdus merula, 345
Turdus philomelos, 344
Turdus pilaris, 344

Turdus torquatus, 345
Turdus viscivorus, 344
Tyrannidae, 246
Tyrannus tyrannus, 246
Tyto alba, 43
Tytonidae, 43
Upupa epops, 172
Upupidae, 172
Upupiformes, 172
Uragus sibiricus, 458
Urocissa erythrorhyncha, 556
Vidua paradisea, 484
Yunx torquilla, 204
Zonotrichia albicollis, 424

СОДЕРЖАНИЕ

Отряд кукушкообразные	5
Семейство тураковые	5
Семейство кукушковые	12
Отряд совообразные	39
Семейство сипуховые	43
Семейство настоящие совы	46
Отряд козодоеобразные	71
Семейство гуахаро	71
Семейство лягушкороты	76
Семейство исполинские козодои	80
Семейство совиные козодои	81
Семейство настоящие козодои	82
Отряд стрижеобразные	95
Семейство стрижи	95
Семейство хохлатые стрижи	112
Семейство колибри	115
Отряд птицы-мыши	134
Семейство птицы-мыши	134
Отряд трогонообразные	139
Семейство трогоновые	139
Отряд ракшеобразные	143
Семейство зимородковые	143
Семейство тодиевые	156
Семейство щурковые	159
Семейство куроловые	167
Семейство момотовые	168
Семейство сизоворонковые	169
Отряд удообразные	172
Семейство удовые	172
Семейство древесные удоы	175
Семейство птицы-носороги	177

Отряд дятлообразные	185
Семейство пуховковые	185
Семейство якамаровые	186
Семейство бородатковые	187
Семейство медоуказчиковые	190
Семейство тукановые	194
Семейство настоящие дятлы	199
Отряд воробьинообразные	231
Подотряд примитивные воробьиные	234
Семейство рогоклювые, или ширококлювые	234
Семейство питтовые	235
Семейство печниковые	238
Семейство малюры, или австралийские славки	242
Семейство муравьеловковые	243
Семейство тапаколовые	245
Семейство тиранновые	246
Семейство манакиновые	250
Семейство котинговые	251
Семейство траворезовые	259
Подотряд полупевчие	261
Семейство лирохвостые	261
Подотряд певчие	264
Семейство жаворонковые	264
Семейство ласточковые	274
Семейство трясогузковые	285
Семейство личинкородные	294
Семейство бюль-бюли	296
Семейство сорокопутовые	298
Семейство свиристелевые	308
Семейство оляпковые	311
Семейство крапивниковые	316
Семейство пересмешниковые	318
Семейство завирушковые	323
Семейство дроздовые	325
Семейство тимеливые	354
Семейство толстоклювые синицы	356
Семейство славковые	358
Семейство корольковые	379
Семейство мухоловковые	382
Семейство синицевые	390
Семейство поползневые	399
Семейство пищуховые	405
Семейство нектарницевые	411
Семейство медососовые	414
Семейство овсянковые	417
Семейство древесницевые	427

Семейство вьюрковые	429
Семейство ткачиковые	470
Семейство вьюрковые ткачики	485
Семейство трупяловые, или кассиковые	489
Семейство скворцовые	501
Семейство иволговые	513
Семейство гуйи	516
Семейство сорочки жаворонки	519
Семейство флейтовые птицы	519
Семейство беседковые (шалашниковые)	521
Семейство райские птицы	525
Семейство врановые	534
Алфавитный указатель	577
Русские названия	577
Латинские названия	582

Содержание

Брем Альфред

ПТИЦЫ, том II

Директор издательства *О.С. Бартенев*
Оформление художника *М.А. Трубецкого*
Редакторы *Н.А. Рожкова, М.Е. Панфилова*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Набор и верстка *Ю.Н. Дородницына, Л.Ф. Комаровская,*
Р.А. Курбакова, Н.Е. Манушкина
Корректор *Н.С. Емельянова*

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 26.07.99. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная.
Печать Офсетная. Печ. л. 37. Тираж 10 000 экз. Заказ 3183.

ООО «Фирма «Издательство АСТ» в сотрудничестве с ООО «Астрель».
ООО «Фирма «Издательство АСТ». ЛП № 066236 от 22.12.98 г.
366720, РФ, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
E-mail: AST@POSTMAN.RU

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Уникальный издательский проект -
Новые версии классических книг
Лучшие книги о живой природе в серии
“ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ”

*Всемирно известные, богато иллюстрированные
книги о жизни дикой природы*

А.Брем “Птицы”. А.Брем “Звери”. А.Брем “Гады”.

А.Брем “Рыбы”. А.Брем “Рисунки животных”

А.Брем “Путешествие по Нилу”

Д.Кайгородов “Наши птицы”

Ж.Фабр “Жизнь насекомых”

Издательство "АСТ" представляет читателям
уникальную многотомную энциклопедию
"МИР ЖИВОТНЫХ".

Это великолепное издание подготовлено Институтом Галлаха (Испания),
накопившим полувековой опыт издательской деятельности. В создании нового
оригинального проекта принимали участие ведущие натуралисты мира.

Иллюстративный материал представлен лучшими фотомастерами.

МИР ЖИВОТНЫХ

ПОЗВОНОЧНЫЕ

ТОМ I

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ.

ТОМ II

ПТИЦЫ

ТОМ III

РЕПТИЛИИ. ЗЕМНОВОДНЫЕ.
АГНАТЫ И РЫБЫ.

ПОЗВОНОЧНЫЕ

ТОМ IV

НИЗШИЕ ХОРДОВЫЕ.
МОЛЛЮСКИ. ИГЛОКОЖИЕ.
КИШЕЧНОПОЛОСТНЫЕ

ТОМ V

ГУБКИ. ЧЛЕНИСТОНОГИЕ.
ТРИЛОБИТЫ. ХЕЛИЦЕРОВЫЕ.
ПАУКООБРАЗНЫЕ.
РАКООБРАЗНЫЕ. НАСЕКОМЫЕ

ТОМ VI

НАСЕКОМЫЕ. ПРОСТЕЙШИЕ.

аст
ИЗДАТЕЛЬСТВО

IG

**INSTITUTO
GALLACH**
DE LIBRERIA Y EDICIONES

Прекрасно изданная и богато иллюстрированная
энциклопедия открывает перед читателями
красоту и многообразие природы.
Она будет прекрасным подарком
и взрослым, и детям.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ
по адресу: 107140, Москва, а/я 140, "Книги по почте"

УНИКАЛЬНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ПРОЕКТ - НОВЫЕ ВЕРСИИ
КЛАССИЧЕСКИХ КНИГ

*Лучшие книги о живой природе в серии
“ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ”*

А.Брем “Птицы” (в двух томах)

А.Брем “Звери” (в двух томах)

А.Брем “Гады”

А.Брем “Рыбы”

А.Брем “Путешествие по Нилу”

А.Брем “Рисунки животных”

Д.Кайгородов “Наши птицы”

Ж.А.Фабр “Жизнь насекомых”

*Всемирно известные,
богато иллюстрированные книги
о жизни дикой природы*

ISBN 523703131-5

9 785237 031317

АСТ